John R.R. Tolkien

The Lord of the Rings



Джон Р.Р. Толкин

Властелин Колец

в переводе
Н. Эстель

Властелин колец
Джон Рональд Руэл Толкин

Аннотация
Братство кольца. Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец»
  Пролог
    I. О хоббитах
    2. О трубочном зелье
    3. Об устройстве Края
    4. Как было найдено Кольцо
  Книга первая
    Глава 1. Долгожданное угощение
    Глава 2. Тень прошлого
    Глава 3. И трое — отряд
    Глава 4. Напрямик по грибы
    Глава 5. Раскрытый заговор
    Глава 6. Предвечный Лес
    Глава 7. В доме Тома Бомбадила
    Глава 8. Мгла над Могильниками
    Глава 9. «Гарцующий Пони»
    Глава 10. Бродник
    Глава 11. Клинок в ночи
    Глава 12. Скорый путь к Переправе
  Книга вторая

Глава 1. Встречи
Глава 2. Совет у Эльронда
Глава 3. Кольцо отправляется на Юг
Глава 4. Путь во тьме
Глава 5. Морийский Мост
Глава 6. Лотлориэн
Глава 7. Зеркало Галадриэли
Глава 8. Прощание с Лориэном
Глава 9. Великая Река
Глава 10. Братство разбито
Две твердыни. Летопись вторая из эпопеи «Властелин Колец»
Книга третья
Глава 1. Уход Боромира
Глава 2. Роандийцы
Глава 3. Боевые Урук-Хай
Глава 4. Древобрад
Глава 5. Белый Всадник
Глава 6. В Золотом Дворце
Глава 7. Хельмова Бездна
Глава 8. Дорога на Исенгард
Глава 9. Обломки
Глава 10. Голос Сарумана
Глава 11. Палантир
Книга четвертая
Глава 1. Приручение Смеагола

Глава 2. Через Болота
Глава 3. Черные Ворота закрыты
Глава 4. О травах и тушеном кролике
Глава 5. Окно на Запад
Глава 6. Запретное озеро
Глава 7. Путь к Перекрестку
Глава 8. Ступени Кириф-Унгола
Глава 9. Логово Аракны
Глава 10. Выбор Сэма Гискри
Возвращение Короля. Летопись третья из эпопеи «Властелин Колец»
Книга пятая
Глава 1. Минас-Тириф
Глава 2. … Мчится Серый Отряд
Глава 3. Сбор роандийцев
Глава 4. Осада Гондора
Глава 5. Путь роандийцев
Глава 6. Битва в полях Пеленнора
Глава 7. Погребальный костер
Глава 8. Палаты Целителей
Глава 9. Последний Совет
Глава 10. Черные Ворота открыты
Книга шестая
Глава 1. Застава Кириф-Унгол
Глава 2. Царство Тьмы
Глава 3. Роковая Гора

Глава 4. Кормаллен
Глава 5. Наместник и Король
Глава 6. Расставания
Глава 7. Домой
Глава 8. Очищение Края
Глава 9. Серебристая Гавань
Приложения
Добавление А. Хроники Королей и Правителей
I. Короли Нуменора
1. Нуменор
Имена Королей и Королев Нуменора
2. Владения Изгнанников
Северная ветвь
Южная ветвь
Наместники Гондора
3. Северное Королевство и дунаданы
4. Гондор и Наследники Анариона
Наместники
Повесть об Арагорне и Арвен
II. Дом Эорла
Князья Марки
Первая ветвь
Вторая ветвь
Третья ветвь
III. Народ Дарина

Добавление Б. Повесть Лет
Добавление В. Родословные Древа
Добавление Г. Народы и языки Третьей Эпохи
Об Эльфах
О Людях
О Хоббитах
О других народах
Добавление Д. Календари

Аннотация

Джон Рональд Руэл Толкин (3.01.1892 – 2.09.1973) – писатель, поэт, филолог, профессор Оксфордского университета, родоначальник современной фэнтези. В 1937 году был написан «Хоббит», а в середине 1950-х годов увидели свет три книги «Властелина колец», повествующие о Средиземье – мире, населенном представителями волшебных рас со сложной культурой, историей и мифологией. Существует свыше десятка переводов трилогии на русский язык. В данное издание вошел перевод Н. Эстель.

Братство кольца
Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец»

Пролог

Три — Эльфийским Владыкам; Семь —
Подгорным Царям;
Девять — Смертному Роду; Последнее
— к Черным Горам,
Последнее — к Черным Пределам, По-
следнее — в Черный Чертог, Чтоб сделать
Черное Дело Хозяин Мордора смог.
Сужден удел всеединый: Род Смертных
и Вечный Народ
Черного Властелина Проклятьем Коль-
цо замкнет.

I. О хоббитах

Речь в этой книге пойдет о хоббитах; из нее читатель узнает многое об их характере и кое-что — об истории. Об этом можно прочесть и в книге «Хоббит» — это избранные страницы из Алой Книги Западного Края; извлечения сделаны самим Бильбо — первым знаменитым хоббитом, и названы им «Туда и Обратно», поскольку говорится там о его Путешествии на Восток и

возвращении назад: приключении, которое впоследствии вовлекло всех хоббитов в великие и грозные события той Эпохи.

Тем не менее, многим может захотеться вначале узнать побольше об этом удивительном народце, так как, возможно, не все читали первую книгу. Поэтому нами выбраны наиболее важные отрывки из Летописного Свода Края, а также кратко рассказано о первом Приключении.

Хоббиты — неприметный, но очень древний народ, в прежние дни более многочисленный, чем сейчас; они любят мир и покой, а всем работам предпочитают земледелие. Они не понимают и не любят машин сложнее кузнечных мехов, водяных мельниц и ткацких станков, хоть и искусны в ремеслах. Даже в древности они избегали «Большого народа» — так они зовут нас — а теперь и вовсе стараются не попадаться нам на глаза. Слышат они отлично, а видят и того лучше и, хоть и толстоваты и не любят торопиться по пустякам, могут быть очень проворны и ловки.

Они всегда умели исчезать быстро и бесшумно, когда поблизости оказывались неуклюжие Громадины, с которыми им вовсе не хотелось встречаться; и умение это казалось Людям волшебством. Хоббиты, однако, знать не знают

никакой магии, и неуловимостью своей обязаны единственно искусности, которую наследственность, практика и близость к природе сделали невероятной для больших и более неуклюжих народов.

Потому что сами хоббиты — маленькие, меньше даже гномов, и не такие крепкие да кряжистые. Рост их колеблется между двумя и четырьмя футами. Теперь-то редко кто из них дорастает и до трех футов, а раньше, говорят, все они были выше. Как записано в Алой Книге, Брандобрас Хват, по прозвищу Бычий Рык, сын Изегрима II, был четырех футов пяти дюймов и мог скакать на лошади. Превзошли его лишь двое — но об этом еще пойдет речь.

Что до хоббитов Края, с которыми связаны эти предания, — во дни мира и достатка они были народом веселым. Одевались ярко, все больше в желтое и зеленое; обуви почти не носили, потому что ступни у них твердые и окружены густой курчавой шерстью, такой же, как волосы на голове; ботинок, ясное дело, не шили; но пальцы рук у них были длинные и ловкие, и они умели делать множество других полезных вещей. Лица у них, как правило, скорей добродушные, чем красивые — широкие, ясноглазые и красноще-

кие, рты большие, всегда готовые смеяться, есть и пить. И они смеялись, ели и пили; им нравились немудрящие шутки, а угощались они по шесть раз в день — если удавалось. Они были радушны и любили принимать гостей и получать подарки — и сами в долгу не оставались.

Совершенно ясно, что несмотря на возникшее позже отчуждение, хоббиты — наши родичи, куда ближе нам, чем эльфы или даже гномы. Издревле говорили они на наречиях людей, правда, по-своему, и вкусы у них были совсем человеческие, но корней нашего родства теперь не отыскать. Хоббиты вышли из давно позабытых дней Предначальной Эпохи. Лишь эльфы хранят еще память о тех временах, но в их преданиях говорится только о них самих — люди там появляются редко, а о хоббитах и вовсе не упоминается. Ясно однако, что хоббиты жили в Средиземье задолго до того, как другие народы узнали про них. А после того как мир заполонили существа неведомые и странные, этот народец стал казаться совсем недостойным внимания. Но во времена Бильбо и его наследника Фродо они сделались вдруг, сами того не желая, очень известными и нужными, и о них заговорили на Советах Мудрецов и Властителей.

Те дни — Третья Эпоха Средиземья — давно канули в прошлое, и облик земель изменился; но хоббиты где жили, там и живут — на Северо-Западе Старого Света, к Востоку от Моря. О своей родине хоббиты ко времени Бильбо успели позабыть. Любовью к знаниям (кроме родословных) они не отличались, но в старых семьях попадались еще такие, кто читал семейные Книги и даже собирал рассказы людей, эльфов и гномов о старых временах и дальних землях Собственные их летописи начинаются с основания Края, и даже самые древние предания восходят лишь ко Дням Странствий — не далее того. Тем не менее, из этих преданий, а также из их исконных слов и обычаев ясно, что, как многие другие народы, хоббиты в древности пришли с востока. Самые ранние из их сказок отражают времена, когда они обитали в верховьях Андуина, между опушками Великого Зеленого Леса и Мглистым Хребтом. Что заставило их — пуститься в нелегкий и опасный путь через горы — не ясно до сих пор. Сами они объясняют это нашествием Людей и Тенью, что накрыла лес, затемнив его — с тех пор он зовется Лихолесьем.

Еще до перехода через горы хоббиты разделились на три отличных друг от друга колена:

Легкостопов, Неуклюгов и Шелобродов.

Легкостопы — смуглей и ниже, руки у них были ловкие, а ноги — проворные; они любили холмы и нагорья. Неуклюги были коренастыми, крепкими; ладони и ступни у них были широкими и селились они большею частью в низинах да по берегам рек. У Шелобродов кожа и волосы были светлее, а сами они — выше и тоньше остальных; больше всего они любили деревья и леса.

Легкостопы в древности дружили с гномами и долго жили в предгорьях. Они рано двинулись на запад и добрались до Заветри, когда другие оставались еще в Глухоманье. Селиться они предпочитали в одном месте и надолго сохранили родовой обычай жить в норах.

Неуклюги долго жили на берегах Великого Андуина и не так чурались людей. Они пришли на запад следом за Легкостопами и двинулись к югу по течению Гремячи; и долгое время обитали на границах Поравнинья.

Шелоброды — северная ветвь. Они были более, чем другие хоббиты, дружны с эльфами и больше искусны в языках и песнях, чем в ремесле; и издревле предпочитали охоту землепашеству. Они перевалили через горы севернее Светлояра и спустились по реке Ревице. Вскоре они смешались с

другими родами, но, так как были решительней и любили приключения, часто становились вождями кланов Легкостопов и Неуклюгов. Даже во времена Бильбо сильная струя шелобродьей крови была все еще заметна в древнейших семьях, таких как Хваты или Брендизайки.

Между Мглистым Хребтом и Синими Горами хоббитам встретились и люди, и эльфы. Там жили последние из дунаданов, Рыцарей из Заморья, чьи предки некогда приплыли с Заокраинного Запада; но древнее их княжество пришло в упадок, так что места хватало. Пришельцев не трогали. Хоббиты вскоре осели и образовали общины. Большинство их древних поселений сгинуло и ко временам Бильбо забылось; однако одно из самых крупных осталось, хоть и сильно уменьшилось — это теперешний Усад милях в сорока от Края.

Не вызывает сомнений, что именно тогда хоббиты научились письменности, переняв ее от дунаданов, которые, в свою очередь, задолго до того научились этому искусству у эльфов. Тогда же они позабыли свои прежние наречья и говорили с тех пор только на Всеобщем Языке, который распространился от северного княжества Арнор до Гондора и по всему побережью от Златозара до

Синего залива. Однако некоторые свои словечки хоббиты сохранили — названия месяцев и дней недели, а также имена собственные.

В это время хоббичьи предания становятся историей — в них впервые появляется упоминание о годах. Ибо в тысяча шестьсот первом году Третьей эпохи братья Марко и Бланко со многими сородичами перешли с дозволения тогдашнего Князя Форноста* Мост Каменной Тетивы над бурым Берендуином и обосновались между Рекой и Западным Взгорьем. Всё, чего потребовали от них, — содержать в порядке Великий Мост и другие мосты и дороги, помогать посланцам Князя и признавать его власть.

С этого началось летоисчисление Края, потому что год перехода через Брендидуим (так хоббиты произносили это название) стало Первым Годом Края, и все последующие даты отсчитывались от него.

Западные хоббиты сразу полюбили свои новые земли и остались там — и снова надолго исчезли из преданий людей и эльфов. Пока существовали Князья, хоббиты считались подвластными им, но, к слову, правили ими их собственные вожди, и они не вмешивались в дела большого мира. В последнюю битву при Форпосте с ангмарским

Королем-Чародеем они послали несколько лучников — во всяком случае, так утверждают они сами, потому что ни одно из преданий людей об этом не упоминает. Но в этой битве Северное Королевство пало; а хоббиты оставили землю себе и выбрали из своих вождей Тана — представлять власть погибшего Князя. С тысячу лет войны не тревожили их, и после Черного Прилива (год 37 по счету Края) они процветали, покуда не пришло запустение Долгой Зимы, а следом — голод. Тогда многие умерли, но ко времени нашей истории Дни Глада (1158–1160) стали далеким прошлым, и хоббиты успели опять привыкнуть к достатку. Богатые и плодородные земли, хоть и были разорены задолго до того, как они туда пришли, прежде хорошо возделывались: Князь держал здесь фермы, сады, винокурни.

Край — так назвали хоббиты земли, где признавалась власть их Тана — протянулся на сорок миль от Западного — или Лисьего — Взгорья до Брендидуимского Моста, и на пятьдесят — от северных топей до южных болот. И там, в этом укромном уголке, они жили тихо и мирно, не заботясь о мире вокруг — и постепенно стали считать, что покой и достаток обычны для Средиземья и являются правилом жизни каждого

здравомыслящего народа. Они забыли, или предали забвению, то немногое, что знали о ратных трудах Стражей — давних радетелей мира на Северо-западе. Хоббиты были под их защитой и перестали думать об этом.

Воинственностью хоббиты никогда не отличались, и войн между ними не было. В давние времена им приходилось, конечно, драться, чтобы отстоять себя в этом суровом мире; но во времена Бильбо все это было древней историей. Последняя битва до начала нашей повести произошла давным-давно, и память о ней почти уже умерла: Битва на Травной Пустоши в 1147 году по счету Края — та самая, где Брандобрас Хват наголову разбил орков. Даже климат смягчился, а нашествия северных волков — бывало некогда и такое — стали достоянием дедушкиных сказок. Так что если в Крае и были еще кое-где запасы оружия — то большею частью на стенах да над каминами.

Однако мирная и покойная жизнь не изнежила этих малюток. Убить или запугать хоббита было вовсе не так просто; они были столь охочи до веселья и угощений возможно, именно потому, что могли, когда надо, обходиться без них и выносить грубое обращение, печаль и дурную погоду со

стойкостью, удивительной для тех, кто видел не дальше их толстеньких животов и краснощеких лиц. В драках хоббиты бывали отважны и оружие держать умели — даром, что ссор не любили и никогда не убивали для забавы. Глаз у них острый, а рука верная — и если уж хоббит нагибался за камнем, оказавшиеся поблизости звери знали, что пора удирать.

Все хоббиты поначалу жили в норах — в таких жилищах они и сейчас чувствуют себя лучше всего. Однако со временем им пришлось начать строить другие дома. Во времена Бильбо только самые богатые — и самые бедные — семьи в Крае придерживались старых обычаев. Беднейшие жили в самых простых норах, сущих дырах, с одним окном, а то и вовсе без окон; а зажиточные все еще строили по старинке — только более богато. Но место для этих широких ветвистых коридоров находилось не всюду; и в пустошах и низинах хоббитам пришлось строить на земле.

Даже в горных областях и старейших поселках — таких, как Хоббитон или Верходаль — сейчас много деревянных, кирпичных и каменных домов. Особенно их любят мельники, кузнецы, вервники; потому что, даже живя в норах, хоббиты издавна привыкли строить сараи и

мастерские.

Привычка строить хутора и амбары зародилась, как говорят, в Ложках у Брендидуима. Хоббиты Восточного Удела были более коренастыми и тяжеловесными, а в грязь надевали гномьи башмаки. По крови они были Неуклюги — об этом говорила густая поросль на щеках и подбородке. Ни в одном другом роду бород не знали. Народ Ложков и Забрендии позже других пришел в Край с юга; и у них все еще были в ходу чудные имена и словечки, каких в Крае нигде больше не услышишь.

Вполне вероятно, что искусство строить, как и многие другие ремесла, было перенято у дунаданов. Но хоббиты могли научиться ему и прямо от эльфов — учителей Людей. Ибо Перворожденные тогда еще не покинули Средиземья, и поселения их лежали недалеко от Края. Три эльфийские башни с незапамятных времен стояли на Крепостных Холмах за западными топями. В лунные ночи они блестели вдали. Самая высокая одиноко возвышалась на зеленом кургане. Хоббиты Западного Удела говорили, что с ее вершины можно увидеть Море; но ни один хоббит никогда не взбирался на нее. Правду сказать, не многие хоббиты видели Море или купались в нем — и

еще меньше возвращалось рассказать об этом. Большинство хоббитов сторонилось даже рек, а к лодкам относились с большой опаской; и редко кто из них умел плавать.

Со временем они всё больше и больше отдалялись от эльфов и стали бояться их и коситься на тех, кто дружил с ними; а Море стало для них символом страха и смерти, и они отвернулись от западных холмов.

Хоббиты, хоть и научились строить от людей или эльфов, строили по-своему. Башен не возводили. Дома у них обычно длинные, низкие и уютные. Старейшие из них были просто наземным повторением нор — крытые соломой, сухой травой или дерном, со стенами кривыми и бугристыми. Так, однако, давно уже не строят — с тех пор хоббиты подучились кое-чему у гномов, а многое и сами изобрели. Любовь к круглым окошкам и круглым дверям — главная особенность хоббичьей архитектуры. Дома и норы в Крае большие и просторные, и живут в них, как правило, большие семьи (Бильбо и Фродо Торбинсы жили особняком, что было весьма необычным; за ними, впрочем, и другие странности водились — дружба с эльфами, например). Иногда многие поколения жили вместе в больших многокори-

дорных особняках — так, как Хваты в Хватовом Городище на Большом Всхолмье или Брендизайки в Хороминах-на-Брендидуиме. К слову сказать, все хоббиты очень родственные, и выводят родословные древа с бесчисленными ветвями. Имея дело с хоббитами, надо всегда помнить, кто кому родич и в каком колене. Было бы совершенно невозможно привести в этой книге родословное древо, включающее даже самых главных членов самых главных семей из тех, о которых пойдет здесь речь. Генеалогические древа в конце Алой Книги Западного Края являются книгой сами по себе и всем, кроме хоббитов, они показались бы безнадежно скучными. Хоббиты обожают подобные вещи, если они сделаны аккуратно: они любят книги о том, что уже знают, написанные красиво, ровно и без противоречий.

2. О трубочном зелье

У хоббитов издревле была удивительная привычка, о которой нельзя не сказать: они вдыхали или всасывали через глиняные и деревянные трубки дым горящей травы, которую звали трубочным зельем или просто листом — должно быть, какой-то разновидности табака. Глубокая

тайна окружает возникновение этого обычая — или «искусства», как говорят хоббиты. Все, что могло быть разыскано, было собрано Мерриадоком Брендизайком (позже Господарем Забрендии), и поскольку табак Южного Удела играет роль в нашем рассказе, надо упомянуть о заметках Мерри во вступлении к «Хоббичьему Травнику». «Это, — пишет он, — единственное искусство, которое мы можем считать собственным изобретением.

Никому не известно, когда хоббиты впервые начали курить — легенды и семейные предания считают это само собой разумеющимся. Но все сходятся на том, что истинное трубочное зелье вырастил в своем саду в Долгой низине Тобольд Дудкинс во дни Изегрима Второго — около 1070 года по счету Края. Лучший лист до сих пор растет в Южном Уделе, и особенно хороши сорта Низинный Лист, Старый Тоби и Южная Звезда.

Где старый Тоби нашел рассаду — неизвестно, потому что он никогда никому об этом не говорил. Он многое знал о травах, хоть путешественником и не был. Говорят, в юности он частенько хаживал в Усад, но не далее его. Вполне вероятно, что он узнал о траве в Усаде, где она и теперь неплохо растет. Усадичи утверждают, что первыми

курить трубочное зелье стали именно они. Они, конечно, готовы объявить все своим изобретением в пику хоббитам из Края, которых считают «колонистами»; но на сей раз утверждение их, полагаю, недалеко от истины. И, несомненно, именно у усадичей искусство курения истинного зелья переняли гномы и другие народы: Следопыты, Мудрецы и странники. Родиной и центром этого искусства можно считать старый усадский трактир «Гарцующий Пони», который с незапамятных времен держит семья Пахтарей.

И все же то, что я видел во время собственных походов на юг, убедило меня, что наши края — не родина зелью; оно пришло с низовьев Андуина, а туда было привезено с Заокраинного Запада. Оно в изобилии растет в Г ондоре — там травка эта выше и пышнее, чем на Севере, где ее никогда не видели дикой и где она зацветает лишь в теплых укрытых от ветра местах вроде Долгой Низины. Гондорцы зовут ее «благоуханный галенас» и почитают лишь за ароматные цветы. Из тех краев ее, должно быть, и занесли к нам по Зеленому Тракту. Но даже дунаданы Гондора признают наше первенство. Хоббиты первыми вложили ее в трубки. Даже Мудрые не опередили нас в этом. Впрочем, один мой знакомый маг научился ку-

рить давным-давно и стал в этом так же искусен, как и во всем, чем занимался».

3. Об устройстве Края

Край делился на четыре Удела — Северный, Южный, Западный и Восточный; каждый из них, в свою очередь — на несколько округов, которые назывались в честь древнейших кланов, хотя во времена, о которых идет речь, члены их жили не только в своих родовых землях: почти все Хваты по-прежнему жили в Хватовом Городище, но о других семьях — Торбинсах, например, или Булкинсах — этого сказать нельзя. К Уделам примыкали Восточные и Западные Топи и Забрендия.

Правительства в Крае не было. Кланы сами управлялись со своими делами. Вырастить и собрать урожай да позаботиться о припасах — это занимало большую часть времени. В остальных случаях они бывали, как правило, великодушны, умеренны и благодушны; так что имения, хутора, мастерские и маленькие пивоварни не изменялись веками.

Древняя традиция по-прежнему связывала их с Князем Форноста, или Северодара, как они его на-

зывали. Но Князя не было уже около тысячи лет, и самые развалины Форноста Королей поросли травой. Однако хоббиты продолжали говорить о разных лиходеях вроде троллей, что, мол, короля на них нет. Потому что они приписывали Князю все свои исконные законы; и обычно подчинялись законам добровольно. Это, говорили они, Правила древние и справедливые.

Клан Хватов долго стоял над всеми: к ним несколькими столетиями раньше перешел от Брендизайков сан Тана, и вождь Хватов с тех пор наследовал этот титул. Тан был главой Всеобщего Схода и полководцем хоббичьего войска; но так как Сход и войско собирались лишь при крайней необходимости — а этого давно уже не бывало — танство стало не более чем титулом. К Хватам, однако, по — прежнему относились с уважением — они многочисленны, несметно богаты и в каждом их поколении обязательно бывал кто-нибудь с сильным характером и чудными привычками, а то и с любовью к приключениям. Главу клана по обычаю называли по имени и добавляли номер: например, Изегрим Второй.

Полицию свою хоббиты звали Караульщиками. Формы они, само собой, никакой не носили (они об этом слыхом не слыхивали) — лишь перья на

шляпах; и на деле были не столько полицейскими, сколько сторожами, и больше занимались заблудившейся скотиной, чем народом. Во всём Крае было двенадцать Караульщиков, по трое в каждом Уделе — для дел внутренних. Гораздо больше было Пограничников — их делом было охранять границы и следить, чтобы чужаки — большие и маленькие — не нарушали порядка.

Во времена, когда начинается наша история, Пограничников стало очень много. Поговаривали о странных существах и диковинных тварях, бродящих возле границ: первый знак, что в мире не все ладно. Знак заметили немногие, и даже Бильбо не понял тогда, что он предвещает. Со времени его памятного похода прошло шестьдесят лет, и он был стар даже для хоббитов, у которых, в общем-то, в обычае было доживать до ста лет; но богатство, с которым он вернулся, с тех пор не уменьшилось. Мало оно или велико — он не открывал никому, даже своему любимому племяннику Фродо. И по-прежнему хранил в тайне найденное кольцо.

4. Как было найдено Кольцо

Как сказано в книге «Хоббит», однажды к дверям Бильбо подошел великий маг Гэндальф Серый, а с ним — тринадцать гномов: никто иные, как потомок царей Торин Дубощит и двенадцать его сотоварищей. И Бильбо, к своему собственному удивлению, отправился с ними в поход на Восток за древним сокровищем Подгорного Царства. Поход завершился успешно и дракон, сторживший клад, пал. Однако, хотя перед тем была выиграна Битва Пяти Воинств, погиб Торин и свершилось немало подвигов, поход этот едва ли коснулся бы дальнейшей истории или заслужил большее, чем две-три строчки в Хрониках Третьей Эпохи, если бы не один случай в дороге.

В Мглистых Горах на пути к Глухоманью на отряд напали орки; Бильбо потерялся в темных переходах копей и, когда в отчаянье шарил вокруг, рука его наткнулась на лежащее на полу коридора кольцо. Хоббит подобрал его и сунул в карман. Как оказалось — не зря.

Пытаясь найти выход, Бильбо спустился к самым корням горы. Коридор вывел его к холодному темному озеру, посреди которого на

каменном островке жил Голлум — мерзкая маленькая тварь. Он плавал в крохотной лодчонке, гребя широкими ступнями, глядел во тьму белесыми мерцающими глазами, ловил слепых рыб и пожирал их сырыми. Он ел всё, даже орков, если удавалось поймать их и придушить без борьбы. У него было тайное сокровище, которое попало к нему много веков назад, когда он еще жил на земле: золотое кольцо, делавшее невидимым того, кто его носил. Только его он и любил, называл Прелестью и говорил с ним — даже когда кольца при нем не было. Потому что он хранил кольцо в ямке на острове и доставал только когда охотился на орков в копях. Быть может, он тут же напал бы на Бильбо — будь кольцо при нем, когда они встретились; но кольца не было, а хоббит держал в руках эльфийский кинжал. А потому, чтобы выиграть время, он предложил Бильбо сыграть в загадки: если выиграет он, то убьет хоббита и съест, а если победит Бильбо — он, Голлум, выведет его из копей.

Бильбо согласился — ему больше ничего не оставалось — и они загадали друг другу немало загадок. В конце концов выиграл Бильбо — благодаря не столько хитроумию, сколько удаче (как тогда казалось): он не знал, какую бы загадку зага-

дать, сунул руку в карман и в удивлении спросил, совсем позабыв о найденном кольце: «Что у меня в кармане?» И Голлум не отгадал — с трех раз.

Можно спорить, был ли последний вопрос просто вопросом или загадкой; но несомненно, что, приняв его и не сумев ответить, Голлум должен был исполнить обещание. И Бильбо напомнил ему об этом: он подумал вдруг, что эта скользкая тварь может нарушить слово, даже если — как в игре в загадки — обещания от веку считаются нерушимыми. Но за много сотен одиноких лет сердце Голлума стало чернее подгорной тьмы — в нем были лишь злость да предательство. Он скользнул прочь и вернулся на остров: там, думал он, лежит кольцо. Он проголодался и разозлился; а когда Прелесть будет с ним — никакое оружие ему не страшно.

Но кольца на острове не было: потерялось, пропало. От вопля Голлума мурашки поползли у Бильбо по спине, хоть он и не понял еще, что случилось. Зато Голлум понял — да поздно. «Что у него в кармансах?!» — завопил он. Глаза его вспыхнули зеленым огнем и он поспешил назад — убить хоббита, вернуть Прелесть. Бильбо вовремя заметил опасность и очертя голову помчался прочь от воды. И снова его спас счаст-

ливый случай. На бегу он сунул руку в карман, и кольцо тихонько наделось ему на палец. Голлум проскочил мимо, не заметив его, и побежал стеречь выход, чтобы не выпустить «вора». Бильбо осторожно пошел следом — а Голлум хныкал, ругался и то и дело поминал свою Прелесть. Так что в конце концов Бильбо сообразил, что к чему, и перед ним мелькнула надежда: у него чудесное кольцо — и возможность спастись и от Голлума, и от орков.

Наконец они остановились перед невидимым проходом, что вел к нижним воротам копей на восточной стороне гор. Голлум скрючился у входа, принюхиваясь и прислушиваясь, и Бильбо готов был уже заколоть его — но жалость его остановила. Кольцо — единственную свою надежду — он не снял, но пользоваться им для убийства не стал. Под конец он собрался с духом, перескочил через Голлума и побежал по проходу — а вслед ему неслись вопли отчаянья и ненависти: «Вор, вор!.. Ворюга!! Навсегда ненавистный Торбинс!»

Интересно, что историю эту Бильбо сперва рассказал товарищам немного не так. Им он сказал, что Голлум обещал ему подарочек, если он выиграет, но, когда отправился за ним на остров, обнаружил, что сокровище исчезло. Бильбо

догадался, что это то самое кольцо, которое он нашел и, поскольку он выиграл, оно его по праву. Но Голлуму он ничего не сказал и заставил его показать дорогу — если уж тот не мог подарить обещанного. Так он и написал в воспоминаниях и своей рукой не изменил в них ни строчки — даже после Совета у Эльронда.

В таком виде эта история вошла в Алую Книгу и в несколько копий с нее. Но во многих копиях есть и истинная история (как вариант), взятая, без сомнения, из заметок Фродо или Сэммиуса — оба знали правду, но, как видно, не хотели исправлять ничего, написанного старым хоббитом.

Гэндальф, однако, сразу не поверил Бильбо и продолжал интересоваться кольцом. В конце концов, после долгих расспросов, он добился от Бильбо правды, и в результате они чуть не поссорились; но маг, очевидно, считал, что дело того стоит. А еще очень важным казалось ему, хоть этого он Бильбо и не сказал, что хоббит не рассказал ему всего с самого начала: это было вовсе у того не в обычае. Мысль о «подарочке» не просто так пришла Бильбо в голову. Она была подсказана ему, как он признался, Голлумом, который не единожды называл кольцо «подарочком на день рожденья». И это тоже казалось

Гэндальфу весьма странным и подозрительным; но всей правды он не знал еще долгие годы.

Вряд ли надо много говорить здесь о дальнейших похождениях Бильбо. С помощью кольца он ускользнул от орков и догнал товарищей; по пути он еще не раз им пользовался — главным образом, чтобы выручать друзей, но, пока мог, хранил кольцо в тайне. После возвращения домой он ни с кем о нем не говорил — кроме Гэндальфа и Фродо; и больше никто в Крае о нем не знал — так Бильбо, во всяком случае, думал. Первые главы своей повести, где говорилось о Походе, он показывал только Фродо.

Свой меч Разитель Бильбо повесил над камином; мифрильная кольчуга — дар гномов из драконова сокровища — пылилась где-то в чулане; старый плащ и выцветший капюшон лежали в сундуке; но кольцо всегда было при нем — в кармане, на цепочке.

Он вернулся домой 22 июня 1342 года по счету Края, на 52 году жизни, и в стране не происходило ничего особенного, пока господин Торбинс не начал готовиться к празднованию своего стоодиннадцатилетия (год по хоббичьему счету 1401). Здесь и начало нашей истории.

Заметки к Летописному Своду Края.

В конце Третьей Эпохи роль, которую сыграли хоббиты в великих событиях, что привели к включению Края в Воссоединенное Королевство, пробудила среди них интерес к собственной истории, и многие из старых преданий, до той поры в основном устных, были собраны и записаны. Большие семьи были, к тому же, связаны с событиями во всем Королевстве, и многие их члены изучали его древнюю историю и легенды. К концу первого века Четвертой Эпохи в Крае можно было уже найти несколько библиотек, содержащих множество исторических книг и летописей.

Самые большие из собраний находились в Подбашенье, на Большом Всхолмье и в Хороминах-на-Брендидуиме. Наше описание конца Третьей Эпохи почерпнуто, главным образом, из Алой Книги Западного Края. Основной источник истории Войны Кольца был назван так потому, что долгое время хранился в Подбашенье, у Дивночадов. Стражей Западного Края*. В основе ее лежит личный дневник Бильбо, который он брал с собой в Светлояр. Фродо принес его назад, в Край, вместе со многими разрозненными заметками, и в течение 1420-21 гг. (Л. К.) почти заполнил его страницы описанием Войны. Но вместе с ней, быть может, в одном футляре, были

три толстых тома, переплетенных в алую кожу, которые Бильбо подарил ему при прощании. К этим четырем томам в Западном Крае добавился пятый с комментариями, генеалогическими деревьями и разными другими фактами о хоббитах — членах Братства Кольца.

Оригинал Алой Книги не сохранился, но с него было сделано много копий, особенно с первого тома — для наследников детей мастера Сэммиуса. У наиболее важной копии, тем не менее, иная история. Она хранилась на Большом Всхолмье, но написана была в Г ондоре, быть может, по просьбе правнука Перегрина, и закончена в 1592 году по Л. К. (Ч. Э. 172). В южном ее списке есть пометка: «Финдегил, Писец Короля, окончил сей труд в год 172 Четвертой Эпохи. Сие есть во всем точная копия с Тановой Книги Минас-Тирифа. Книга та была копией, сделанной по заказу Короля Элессара с Алой Книги Периан, и была привезена ему Таном Перегрином, когда он отъезжал в Гондор в году 64 Четвертой Эпохи».

Танова Книга была, таким образом, первой копией с Алой Книги и включала многое, позже опущенное или утраченное. В Минас-Тирифе в нее было внесено множество примечаний и исправлений, особенно в именах, словах и цитатах

на языках эльфов; и, кроме того, в «Повесть об Арагорне и Арвен» добавлены в сокращении те части, что лежали вне рассказа о Войне. Полностью повесть считается написанной Барахиром, внуком Наместника Фарамира, через некоторое время после Ухода Короля. Но основное значение финдегилова списка в том, что он — единственный — содержит все «Переводы с эльфийского», сделанные Бильбо. Три эти тома признаны трудом великого мастерства и знаний, в котором он использовал все источники, доступные ему в 1403–1418 гг. в Светлояре — как живые, так и письменные, но, поскольку Фродо мало пользовался ими, — они почти целиком посвящены Предначальной Эпохе — мы более не станем говорить о них здесь.

Так как Мерриадок и Перегрин стали главами своих кланов и продолжали в то же время поддерживать связи с Гондором и Рохандом, библиотеки в Пряжбери и Хватовом Городище содержали много из того, о чем не упоминает Алая Книга. В Хороминах-на-Брендидуиме было много трудов об Эриадоре и истории Роханда. Некоторые из них были составлены или начаты самим Мерриадоком, хотя в Крае он известен главным образом как автор «Хоббичьего Травника» и «Ле-

тоисчисления», в котором говорит об отношении календарей Края и Усада к календарям Светлояра, Гондора и Роханда. Он написал также небольшой трактат «О старых словах и именах Края», выказывая особый интерес к нахождению родства с языком роандийцев в «исконно-хоббичьих» словах и древних корнях географических названий.

Книги с Большого Всхолмья были менее интересны народу Края, хотя и более важны для общей истории. Ни одной из них Перегрин не написал, но он и его наследники собрали много рукописей, написанных письменами Гондора: большею частью копии или изложения повестей и легенд об Элендиле и его наследниках. Лишь здесь, в Крае, удалось найти обширные сведения о Нуменоре и возвышении Саурона. Быть может, именно на Большом Всхолмье была сведена воедино Повесть Лет — с помощью фактов, собранных Мерриадоком. Хотя приведенные в ней даты, особенно о Второй Эпохе, большею частью предположительны, они заслуживают внимания. Возможно, Мерриадок пользовался помощью и знаниями Светлояра, куда не единожды наезжал. Там, хоть Эльронд и ушел, долго жили его сыновья, а с ними — некоторые из Перворожденных. Говорят, после ухода Галадриэли

туда пришел Целеборн; но мы не знаем, когда он тоже ушел в Серебристую Гавань — и с ним ушло последнее живое напоминание о Древних Днях Средиземья.

Книга первая
Глава 1
Долгожданное угощение

Когда господин Бильбо Торбинс из Торбы-на-Круче объявил, что собирается вскорости отметить свое стоодиннадцатилетие особо пышным Угощением, весь Хоббитон пришел в волнение.

Бильбо был очень богат, и не без чудинки; Край дивился на него вот уже шестьдесят лет — со времени его удивительного исчезновения и неожиданного возвращения. Богатства, которые он привез из путешествия, стали легендой — и все верили, что Круча под Торбой изрыта ходами, битком набитыми сокровищами. А если кое-кто считал, что для славы этого мало — мог подивиться на его поистине несокрушимое здоровье. Шло время — но он казался неподвластным ему. В девяносто он выглядел как в пятьдесят. В девяносто девять стали говорить, что он хорошо сохранился — вернее, впрочем, было бы сказать совсем не изменился.

Некоторые качали головой и говорили, что ничего хорошего из этого не выйдет — нечестно

это, чтобы одному и вечная молодость, и несчетные деньги.

— … И кое-кто еще поплатится, — рассуждали они. — Не к добру это, ох, не к добру, и быть беде!

Но беды пока что не случалось; а так как господин Торбинс на деньги не скупился, большинство склонно было прощать ему и странности, и удачливость. С родичами (кроме, разумеется, Лякошоль-Торбинсов) он был в добрых отношениях и имел много преданных почитателей среди бедных семей. Но близких друзей у него не было, пока не стали подрастать его младшие племянники.

Старшим из них, и любимцем Бильбо, был молодой Фродо Торбинс. Когда Бильбо исполнилось девяносто девять, он сделал Фродо своим наследником, и надежды Лякошолей рухнули окончательно. Бильбо и Фродо родились в один день, 22 сентября.

— Лучше бы тебе переехать и жить в Торбе, Фродо, малыш, — сказал однажды Бильбо. — Тогда мы сможем отмечать наши дни рожденья вместе — будет и приятней, и удобней.

И Фродо переехал. Он был тогда в ранних летах — так хоббиты называют буйный и опрометчивый возраст между двадцатью двумя и тридцатью

тремя годами.

Прошло двенадцать лет. Каждый год в Торбе отмечались двойные дни рождения; но этой осенью, все понимали, затевалось что-то совершенно необычайное. Хоббитонские и Приреченские языки работали без устали, так что история и характер господина Бильбо Торбинса снова стали главной темой разговоров по всему Краю. Старики при встречах ударялись в воспоминания.

Ни у кого не было таких внимательных слушателей, как у старого Хэма Гискри (обычно его звали просто Старик). Он рассказывал, удобно устроившись за столиком «Золотого Шестка» — небольшого трактира по дороге к Приречью; он, конечно, знал, что говорит — вот уже добрых сорок лет он был в Торбе садовником, а до того помогал в этом Старому Прорытвинсу. Теперь состарился и он, и за садом приглядывал его младший сын Сэм. И отец, и сын были в большой дружбе с Торбинсами. Жили они на самой Круче, в Истербинке — как раз под Торбой.

— Господин Бильбо — всем хоббитам хоббит, я это всегда говорил, и буду говорить, — заявил Старик. С полным основанием: Бильбо бывал с ним очень вежлив, звал его «мастер Хэмфаст» и всегда советовался с ним, как выращивать овощи

— во всем, что касалось «кореньев», особенно картошки, Старик был признанным знатоком.

— А что ты скажешь об этом его племяннике — Фродо? — спросил старый Норби из Приречья. — Звать-то его Торбинсом, но он, говорят, больше чем наполовину Брендизайк. Хотел бы я знать, зачем Торбинсам из Хоббитона брать жен из Забрендии. Народ там уж больно чудной…

— И нечего удивляться, что чудной, — вставил Дэдди Скороскок, ближайший сосед Старика, — коли они живут по ту сторону Брендидуима, да еще рядом с Вековечным Лесом. Темное это место, если хоть половина баек о нем — правда.

— Верно говоришь, Дэд! — согласился Старик. — Брендизайки, ясное дело, не в самом Предвечном Лесу живут; но что они все чудные — это точно. Вечно возятся с лодками, — а река там большая. Сами знаете, до добра это не доводит… Но господин Фродо — славный хоббит, даром что молод, и очень похож на господина Бильбо. Отец-то его, что ни говори, был Торбинс. Да, скажу я вам, господин Дрого был очень приличным и уважаемым: о нем никогда ничего не болтали, пока он не утонул.

— Утонул?.. — сказало разом несколько голосов. Они уже слышали, и не раз, и этот слух, и

другие, не менее темные; но хоббиты обожают семейные истории и были не прочь послушать ее еще разок.

— Говорят, дело было так, — начал Старик. — Господин Дрого, понимаете, женился на этой бедняжке Примуле Брендизайк. Она приходилась двоюродной сестрой нашему господину Бильбо (ее мать была младшей дочерью Старого Хвата); а господин Дрого был его троюродным братом — только уж с другой стороны. Так что господин Фродо ему вдвойне родня, как говорится. А господин Дрого гостил в Хороминах у тестя — он частенько там бывал после женитьбы: у старого Горбадока был хороший стол, а Дрого любил поесть; и он отправился поплавать в лодке по Брендидуиму, и жену с собой взял — вот оба и потонули; а господин Фродо тогда совсем еще малышом был.

— Я слыхал, они поплыли после обеда, при луне, — сказал старый Норби, — и лодка перевернулась: уж очень толстым был Дрого.

— А я слыхал, она толкнула его, а он утянул ее за собой, — встрял Пескунс, хоббитонский мельник.

— А ты бы, Пескунс, почаще уши развешивал — еще и не то услышишь, — отрезал Старик:

мельника он не любил. — Чего болтать, коли не знаешь. Не было никакого толкания. Лодки и без того достаточно предательские штуки — если лезть в них без оглядки. Так вот и остался господин Фродо сиротой, совсем один среди этих сдвинутых забрендийцев: его туда старый Горбадок взял. Настоящий садок эти Хоромины — там никогда не бывает меньше ста родственников зараз. Доброе дело сделал господин Бильбо, когда забрал парнишку назад: у нас здесь народ правильный.

Ну, и Лякошоли получили добрый тычок. Они на Торбу еще когда нацелились: думали, хозяин ушел, да и сгинул. А он воротился, и пришлось им убираться; и он все живет и живет, и старость ему нипочем, и пусть так будет подольше! А потом вдруг обзаводится наследником, и бумаги есть, и все такое. Теперь — то уж Лякошолям Торбы не видать.

— Там, говорят, куча денег зарыта, — заявил торговец из Западного Удела, по делам заглянувший в Хоббитон. — Вся вершина этой Кручи перекопана проходами и подвалами — а в них сундуки с золотом, серебром и бриллиантами, слышал я.

— Тогда вы знаете больше моего, — отозвался

Старик. — Я про бриллианты слыхом не слыхивал. Денежки у господина Бильбо водятся, это точно, и перевода им нет; но о проходах и подвалах я ничего не знаю. Я видел господина Бильбо, когда он вернулся, тому уж шестьдесят лет, я тогда совсем мальцом был. Только — только поступил в ученики к старому Прорытвинсу, вот он и взял меня в Торбу — проследить, чтоб народ не потоптал цветы во время распродажи. Только все в раж вошли — а тут появляется господин Бильбо: на пони, с тяжеленными сумками и кучей сундуков. В них, конечно, были сокровища — те самые, что он в чужедальних землях добыл; но на «подвалы» там бы не хватило. Мне не верите — у Сэма моего спросите. Он в Торбе днюет и ночует. Совсем помешался на старых историях — а господин Бильбо любит порассказать. Даже и писать его выучил — но, думаю, большой беды в этом нет, может, и пригодится когда.

«Эльфы, драконы! — говорю ему. — Ты бы лучше о кабачках да картошке думал. Не суйся не в свое дело, — говорю, — не то, гляди, встрянешь куда — после костей не соберешь». Я это и ему твержу, и кому хочешь другому скажу, — добавил Старик, глянув на мельника и торговца.

Но ему не удалось переубедить слушателей.

Сказка о бильбовых богатствах крепко засела в умах молодых хоббитов.

— Он, небось, после много добавил к тому, что в первый раз привез, — высказал общее мнение мельник. — Он же то и дело куда-нибудь уезжает. И поглядите, что за народ у него бывает: то гномы явятся, то — еще не чище — чудодей этот бродячий, Гэндальф. Говори что хочешь, Старик, но Торба — чудное место, а народ там еще чудней.

— И вы говорите, что хотите — только узнайте сперва об этом побольше, чем о лодках, господин Пескунс, — огрызнулся Старик: мельник нравился ему еще меньше, чем всегда. — Если уж они чудные — так кто тогда не чудной? Кое-кто из здесь сидящих пива соседу не предложил бы, живи он в золотой норе. А в Торбе все по справедливости. Сэм сказывал, на Угощение пригласят всех, и подарки всем достанутся — и ждать уж недолго.

Сентябрь выдался на диво хорошим. Двумятремя днями позже поползли слухи (пустил их, надо думать, всезнающий Сэм), что будет даже фейерверк — а его не бывало в Крае добрую сотню лет, со времен Старого Хвата.

Дни шли, и заветный день приближался. Однажды вечером странный фургон, груженый

странными тюками, пакетами и еще не поймешь чем, вкатился в Хоббитон и въехал на Кручу к воротам Торбы. Хоббиты выглядывали из дверей поглазеть на него. Правили им длиннобородые гномы в надвинутых на глаза капюшонах. Некоторые потом уехали, а несколько осталось в Торбе. На исходе второй недели сентября со стороны Брендидуимского Моста показалась повозка и покатилась через Приречье. На облучке сидел старик в синей островерхой шляпе, длинном сером плаще и серебристом шарфе. У него была длинная седая борода, а из-под полей шляпы торчали густые брови. Хоббитята стайкой бежали за повозкой по всему Приречью и на Кручу. В повозке, как они верно догадались, лежали всевозможные хлопушки и ракеты, каждая помечена большой алой буквой «Г» и эльфийской руной «…». Это была метка Гэндальфа, а старик был, конечно же, сам маг Гэндальф, издавна известный в Крае искусник по части цветных дымов и веселых огней. Куда трудней и опасней были его истинные дела, но о них хоббиты ничего не знали. Для них он был всего лишь чудесной добавкой к Угощению. Хоббитята были в восторге.

— Гэндальф, Гэндальф, громкий гром! — кричали они.

Они узнали его сразу же, хотя появлялся он в Крае редко и никогда не задерживался надолго; но ни они, ни их родные — кроме самых старых стариков — никогда не видели его фейерверков — они давно уже стали достоянием легенд.

Когда старик, с помощью Бильбо и нескольких гномов, разгрузился, Бильбо роздал несколько монет, но никому не досталось ни хлопушки, ни шутихи.

— Бегите, бегите! — сказал Гэндальф. — Получите все — в свое время, — и он исчез внутри вместе с Бильбо. Калитка захлопнулась. Хоббитята подождали, поглазели и разбрелись. «Когда же наконец Угощение?» — думали они.

Бильбо и Гэндальф сидели у открытого окна в маленькой гостиной Торбы. Позднее утро было ясным и тихим. В саду багровел львиный зев, золотились подсолнечники; настурция заплела стены и заглядывала в окна.

— Красивый у тебя сад, — сказал Гэндальф.

— Красивый, — согласился Бильбо. — Я его очень люблю, да и весь милый старый Край; но мне нужен отдых.

— Значит, сделаешь, как решил?

— Конечно. Я давно уже об этом думаю, и передумывать не собираюсь.

— Об этом много говорить — не к добру. Делай, как задумал; и, надеюсь, все обернется к лучшему — для тебя, да и для всех нас.

— Надеюсь и я. Но, как бы там ни было, а в четверг я намерен повеселиться. Есть у меня на уме одна шутка…

— Как бы не подшутили над тобой, — покачал головой Гэндальф.

— А это мы увидим, — сказал Бильбо.

На следующий день приехало еще несколько повозок, а потом еще и еще. Кое — кто начал уже ворчать, что «не худо бы сначала на месте покупки сделать», но в ту же неделю из Торбы посыпались заказы на снедь и товары — все, какие только можно было найти в Хоббитоне, Приречье и их окрестностях. Народ воодушевился и принялся считать дни — ждали приглашений.

Приглашения не замедлили. Норгордская почта была завалена, Прирече́нская захлебнулась. Пришлось срочно нанимать почтальонов. Как муравьи, побежали они на Кручу, неся сотни ответов.

«Спасибо! — гласили они на все лады. — Спасибо, непременно придем».

На воротах Торбы появилось объявление: «Входить только по делу об Угощении». Но, даже

измыслив дело об Угощении, войти было почти невозможно. Бильбо был занят: отправлял приглашения, распечатывал ответы, упаковывал подарки и делал еще кое-какие личные приготовления. Со дня прихода Гэндальфа его никто не видел.

Однажды утром хоббиты проснулись и обнаружили, что большое поле к югу от Торбы сплошь уставлено навесами и шатрами. В живой изгороди прорубили проход и поставили новые белые ворота. Три семьи из Истербинки, живущие рядом, умирали от любопытства. Старый Гискри даже перестал работать в саду.

Самый большой шатер был так велик, что дерево, росшее на лугу, поместилось в нем целиком и гордо высилось теперь во главе стола. Ветви его были увешаны фонариками. А в северном конце поля — что было (конечно, на хоббичий взгляд) куда более интересным — стояла большая открытая кухня. И мало того: вдобавок к гномам и другому чудному народу в Торбу сошлись повара из всех гостиниц и кабачков округи. Возбуждение достигло предела.

Потом погода испортилась. В среду небо затянули тучи. Но в четверг засияло солнце, тучи растаяли, заполоскали на ветру цветные флажки,

и веселье началось.

Бильбо обещал всего-то навсего угощение, а задал самый настоящий пир. Приглашены были все, кто жил поблизости, а кого не пригласили — все равно пришли. Были гости и из других округов; и даже кое-кто из-за границы. Бильбо встречал гостей (званых и незваных) у ворот: он раздавал подарки всем и каждому, а если кто-то хотел получить еще — выбирался с другой стороны и снова подступал к воротам. Хоббиты дарят другим подарки в свой день рождения. Не дорогие, как правило, и не такие красивые, как в тот раз; но обычай хороший. В Хоббитоне и Приречье каждый день чей-нибудь день рождения, так что каждый хоббит в тех местах может рассчитывать по крайней мере на один подарок в неделю. Им не надоедает.

В этот раз подарки были небывало хороши. Хоббитята пришли в такой восторг, что на какое-то время даже забыли о еде. Игрушки были невиданные — очень красивые, а некоторые прямо-таки волшебные. Многие были заказаны за год и приехали из-под Горы и из Дола — их сделали гномы.

Когда все гости собрались, пришел черед песням, танцам, играм и, конечно же, еде. Угощение

делилось на три части: полдник, чай и обед (или, вернее, ужин). На полдник и чай гости сходились в шатры; в остальное же время все угощались кто где хотел пока не начались фейерверки.

Фейерверками заправлял Гэндальф: он их не только привез, но многие сам и сделал. Ракет, шутих, разноцветных факелов, гномьих свечей, эльфийского дождя и гоблинского громобоя было полным-полно. Искусство Гэндальфа не уменьшалось с годами.

Огнистые птицы реяли в небе и пели сладкими голосами; зеленые кроны распускались на стволах темного дыма — их светящиеся ветви роняли сияющие цветы, что таяли с дивным ароматом, почти касаясь лиц пораженных хоббитов. Рои мерцающих бабочек порхали среди деревьев; цветные дымы поднимались ввысь и обращались то в орлов, то в плывущие корабли, то в стаи лебедей; рокотал багровый гром и шел желтый дождь; лес серебряных копий с победным кличем вонзился в воздух и канул в Реку с шипением сотни разъяренных змей. Но главный сюрприз — в честь Бильбо — Гэндальф приберег под конец. Взметнулся столб дыма. Он склубился в дальнюю гору — вершина ее пылала зеленым и алым огнем. Из нее вылетел красно-золотой дракон — он

был совсем как живой: пасть полыхала огнем, глаза высматривали жертву; с ревом и свистом он трижды пронесся над толпой (хоббиты попадали лицом вниз), перекувырнулся и с оглушительным грохотом взорвался над Приречьем.

— Пора ужинать! — объявил Бильбо. Страх мигом улетучился, и хоббиты повскакивали на ноги. В палатках и под навесами всех ждал добрый ужин; всех, кроме тех, кто был приглашен на особый семейный обед. Он был накрыт в шатре под деревом. Приглашенных было ровно двенадцать дюжин (число, называемое хоббитами один гурт; впрочем, народ на гурты считать не принято); присутствовали все, с кем Бильбо и Фродо состояли в родстве, и несколько самых близких друзей — вроде Гэндальфа. Было много молодежи — хоббиты любят ходить в гости с детьми, особенно если можно их там вкусно накормить.

Собрались все Торбинсы и Булкинсы; многие Хваты и Брендизайки; пришли Ройлы (родня бабушки Бильбо), Ейлы и Пойлы (дедова родня); Глубокопы, Скряггинсы, Барсуксы, Дороднинги, Дудстоны и Шерстолапы. Кое-кто из них и сам не помнил, с какого бока Бильбо ему родственник, а некоторые вообще раньше в Хоббитоне не бывали. Не забыли и о Лякошоль-Торбинсах. Отто

явился с женой Лобелией. Они не любили Бильбо и терпеть не могли Фродо, но приглашение было писано золотыми чернилами на рисовой бумаге — и они не устояли. К тому же Бильбо слыл знатоком по части еды, и стол у него всегда был отменный.

Все сто сорок четыре гостя намеревались хорошо закусить (они, правда, немного побаивались традиционной Послеобеденной Речи хозяина — чего доброго, начнет читать стихи или ударится в воспоминания о своем дурацком походе); но угощаться им это не мешало. Ели до отвалу, а пили до упаду; что не съели — забрали с собой. Примерно с неделю после Угощения в лавках никто ничего не покупал; но Бильбо опустошил все погреба, склады и трактиры на несколько миль вокруг, так что лавочники в накладе не остались.

Когда все более или менее наугощались, пришло время Речи. Общество было настроено благодушно. Они напились, наелись и готовы были все выслушать и похлопать.

— Любезные мои сородичи, — начал Бильбо, поднимаясь.

— Тише, тише! — Закричали все разом, совсем не собираясь, кажется, следовать собственному совету. Бильбо подошел к стулу под освещенным

деревом и влез на него. Свет фонариков падал на его праздничное лицо; на новом шелковом жилете сверкали золотые пуговицы. Он стоял, одной рукой помахивая в воздухе, другую засунув в карман брюк.

— Любезные мои Торбинсы и Булкинсы, — начал он снова, — разлюбезные Хваты и Брендизайки, Ройлы, Ейлы и Пойлы, Глубокопы и Дудстоны, Бобберы и Толстобрюхлы, Дороднинги, Барсуксы и Шерстопалы!

— И Шерстолапы! — заорал откуда-то из угла старый хоббит. Сам-то он был, уж конечно, Шерстолап: ноги у него были огромные, шерстистые и возлежали на столе.

— И Шерстолапы, — согласился Бильбо. — Дорогие мои Лякошоль-Торбинсы, я очень рад видеть вас всех в Торбе. Сегодня мне исполняется сто одиннадцать лет! — «Ура! Ур-ра! Многая лета!» — закричали гости и забарабанили по столам. Это было то, что надо: коротко и ясно.

— Надеюсь, вам всем сегодня так же весело, как мне. — Возгласы одобрения. Крики «Да!» (и «Нет!»). Трубы, рога, флейты. Хоббиты распечатали сотни музыкальных хлопушек. На многих было написано «Дол» — метка большинству хоббитов непонятная; впрочем, игрушек это не

портило. В хлопушках были музыкальные инструменты — маленькие, но очень красивые и дивного тона. В одном из углов несколько юных Хватов и Брендизайков, решив, что дядя Бильбо кончил говорить (вроде, все уже сказал) устроили небольшой оркестр и заиграли что-то веселое и громкое. Эверард Хват и Мелирот Брендизайк вспрыгнули на стол и с колокольцами на руках принялись отплясывать Брызгу-Дрызгу — очень милый, но несколько буйный танец.

Но Бильбо не кончил. Выхватив рог у какого-то хоббитенка, он трижды громко протрубил. Шум не уменьшался.

— Я вас долго не задержу! — крикнул он. Приветственные крики. — Я созвал вас сегодня сюда с целью… — что-то в том, как он сказал это, заставило всех насторожиться. Стало почти тихо, и некоторые Хваты даже приготовились слушать.

— Даже с тремя целями! Во-первых, чтобы сказать, что я вас всех люблю, и что прожить сто одиннадцать лет среди таких замечательных и превосходных хоббитов — сущее удовольствие. — Взрыв согласных криков.

— Добрую половину из вас я знаю вдвое меньше, чем следует; а худую половину люблю вдвое больше, чем надо бы. — Сказано было сильно, но

не очень понятно. Раздались слабые хлопки — никто не понял, благодарить им или обижаться.

— Во-вторых, чтобы отпраздновать мой день рожденья. — Снова приветственные крики. — Мне надо бы сказать: наш день рожденья. Потому что сегодня, конечно же, день рожденья и моего наследника и племянника Фродо. Сегодня ему исполняется 33 — и он входит в права наследства. — Старшие захлопали, а молодые закричали: «Фродо! Фродо! Славный старина Фродо!». Лякошоли нахмурились и принялись гадать, как это Фродо «входит в права наследства».

— Нас собралось здесь ровно сто сорок четыре — один, извините за выражение, гурт. — Ни звука. Многие гости, особенно Лякошоли, оскорбились, сообразив, что их позвали только «для ровного счета». «Один гурт, скажет тоже! Фу, как грубо!»

— К тому же, если позволено будет обратиться к давней истории, чтобы отметить годовщину моего прибытия на бочках в Эсгароф на Долгом Озере — тогда, правду сказать, я совсем об этом позабыл. Мне был всего-то пятьдесят один — где уж было годы считать!.. Пир, правда, был хорош — даром что я простудился и едва мог сказать «Пдебдого бдагодарю». Теперь я могу повторить это более внятно: «Премного благодарю, что при-

шли на мой скромный обед». — Настороженное молчание. Все боялись, что он запоет или начнет читать стихи; и всем заранее стало скучно. Когда же он кончит и даст им выпить за его здоровье? Но Бильбо не запел. Он сделал паузу.

— В-третьих, и в последних, — сказал он. — Я хочу сделать ОБЪЯВЛЕНИЕ. -Последнее слово он произнес так громко, что все, кто еще мог, выпрямились. — Я хочу объявить, что, хотя, как я уже сказал, прожить среди вас сто одиннадцать лет — одно удовольствие, но пора и честь знать. Я ухожу. Сейчас же. Прощайте!

Он шагнул со стула — и исчез. Вспыхнул ослепительный свет, и гости зажмурились. Когда они открыли глаза, Бильбо не было. Все сто сорок четыре хоббита от удивления потеряли дар речи. Старый Одо Шерстолап спустил ноги со стола и затопотал. И вдруг все Торбинсы, Булкинсы, Хваты, Брендизайки, Ейлы, Пойлы, Глубокопы, Барсуксы, Скряггинсы, Бобберы, Дороднинги, Дудстоны и Шерстолапы заговорили разом.

Шутка весьма дурного толка, соглашались все, и надо еще поесть и выпить — чтобы прийти в себя. «Он ненормальный. Я это всегда говорил», — таково было всеобщее мнение. Даже Хваты (за небольшим исключением) посчитали поведение

Бильбо глупостью. Исчезновение его показалось им всего лишь нелепой выходкой.

Но старый Рори Брендизайк был иного мнения. Ни годы, ни великолепный обед не затуманили его мозгов.

— Что-то тут не то, моя дорогая, — шепнул он своей невестке Эсмеральде. — Этот сумасшедший Торбинс опять, небось, сбежал. Неймется старому дурню… Ну и что? Еда-то ведь осталась! — и он крикнул Фродо, чтоб принесли еще вина.

Фродо, единственный из присутствующих, не сказал ничего. Некоторое время он молча сидел у опустевшего стула Бильбо, не обращая внимания на вопросы и оклики. Шутка ему, конечно, понравилась, даром что он о ней знал. Он едва удержался от смеха, глядя на ошарашенные лица гостей. Но сейчас ему было грустно: он вдруг понял, что очень любил старого хоббита. Большинство гостей продолжали есть, пить и обсуждать странности Бильбо Торбинса; но Лякошоль-Торбинсы разобиделись и удалились во гневе. Фродо не хотелось больше сидеть с гостями. Он приказал принести вина, поднялся, молча осушил стакан за здоровье Бильбо и тихонько выскользнул из шатра.

Произнося речь, Бильбо все время теребил в

кармане золотое кольцо — то самое волшебное кольцо, что он так долго хранил в тайне. Ступив со стула, он надел его — и с тех пор в Норгорде его не видел ни один хоббит.

Он торопливо прошел назад к Торбе и с минуту стоял, прислушиваясь к шуму в шатре и крикам веселья по всему полю. Потом вошел в дом. Снял праздничный костюм, сложил и завернул в бумагу новый шелковый жилет и убрал его в шкаф. Затем быстро натянул какую-то старую одежку и затянул на талии потертый кожаный пояс. На него он повесил короткий меч в черных ножнах. Из запертого, пахнущего молью сундука он извлек старые плащ и капюшон, такие поношенные и выцветшие, что об их настоящем цвете можно было только догадываться; а когда-то они, должно быть, были темно-зелеными. Они были ему основательно велики. Он прошел в кабинет, вынул из потайного ящика завернутый в тряпье сверток, рукопись в кожаном переплете и большой толстый конверт. Книгу и сверток он запихнул в доверху набитый мешок; в конверт положил кольцо вместе с цепочкой, запечатал его и адресовал Фродо. Потом положил конверт на камин, но вдруг вернулся, схватил его и засунул в карман. В это время дверь растворилась, и

в кабинет быстрым шагом вошел Гэндальф.

— Привет! — сказал Бильбо. — Что это тебя было не видно?

— Рад, что тебя теперь видно, — отозвался маг, усаживаясь в кресло. — Я торопился застать тебя: мне надо поговорить с тобой, прежде чем ты уйдешь. Ты, полагаю, считаешь, что все идет чудесно?

— Само собой, — сказал Бильбо. — Хоть эта последняя вспышка была, по-моему, ни к чему. Я и то удивился, не говоря уж об остальных. Твоих рук дело?

— Моих. Ты мудро хранил это кольцо в тайне долгие годы, и мне показалось, что надо дать твоим гостям какое-то другое объяснение твоего исчезновения.

— И испортить мне шутку. Вечно ты во всё вмешиваешься, старый хлопотун, — засмеялся Бильбо. — Впрочем, тебе, как всегда, виднее.

— Виднее — когда я хоть что-нибудь вижу. А в этом деле я не очень уверен.

Оно сейчас висит на волоске. Пошутил ты глупо, перебаламутил всю родню — и девять или девяносто девять дней весь Край только об этом и будет говорить… Так что ты дальше делать думаешь? Идешь?

— Конечно. Мне нужен отдых, долгий, а может — и бессрочный, я же тебе говорил. Вряд ли я сюда когда-нибудь вернусь. Я уже и все распоряжения сделал.

Постарел я, Гэндальф. Вроде и незаметно… а душа устала. Хорошо сохранился! — Он фыркнул. — Я, знаешь, стал весь тонкий и какой-то прозрачный — как масло на хлебе у скряги. Что-то тут не так.

Гэндальф внимательно, в упор взглянул на него.

— Да, кажется не так, — задумчиво протянул он. — Нет, в конце концов, думаю, твой план — самый лучший.

— Что ж, так и сделаю. Я ведь давно уже это задумал. Я хочу снова горы повидать, понимаешь, Гэндальф, — горы; а потом найти укромное местечко и отдохнуть. В тишине и покое, без оравы родственников и утомительных звонков в дверь. Местечко, где я смог бы наконец закончить книгу. Я придумал ей замечательный конец: «… И он жил счастливо до конца своих дней».

Гэндальф рассмеялся.

— Надеюсь на это. Только вот книгу, как ни кончай, читать не будут.

— Прочтут со временем. Фродо уже читал. Ты

приглядишь за ним?

— В оба глаза, хоть мне и не до того.

— Он бы пошел со мной, конечно, позови я его. Кстати, он и просился, перед самым Угощением. Да только не готов он еще в путь. Мне-то надо перед смертью на горы поглядеть и на большой мир, — а он весь здесь, в Крае, в его лесах, лугах, речках. Ему здесь уютно. Я ему все оставил; конечно, кроме нескольких безделок. Надеюсь, он будет счастлив. Пришло его время: он теперь сам себе хозяин.

— Все оставил? — переспросил Гэндальф. — И кольцо? Ты ведь, помнится, так собирался.

— Я… Да… что ж… как собирался… — пробормотал Бильбо.

— Где оно?

— В конверте, если тебе и это надо знать, — нетерпеливо сказал Бильбо. — Там, на камине… Нет, не там! У меня в кармане! — Он колебался. — Не все ли равно теперь? — тихо сказал он себе. — Да, в конце концов, почему нет? Почему бы ему там не остаться?

Гэндальф еще раз сурово взглянул на Бильбо, и глаза его сверкнули.

— По-моему, Бильбо, — спокойно проговорил он, — надо его оставить. А ты что — не хочешь?

— Сам не знаю… Как дошло до этого — так и расхотелось с ним расставаться. Да и не пойму я — зачем? Для чего это тебе надо? — резко спросил он, и голос его странно изменился: подозрительность и раздражение звучали в нем. — Ты мне никогда покоя не давал — все допытывался о кольце; а больше тебя ничего, что я в походе добыл, не интересовало.

— Приходилось допытываться, — сказал Гэндальф. — Я хотел знать правду. Мне это было важно. Магические кольца — они, знаешь ли, магические; необыкновенные, а порой и опасные. Твое кольцо очень меня заинтересовало, и до сих пор интересует. Я хотел бы знать, где оно, если уж ты снова собрался странствовать. Да и к тому же ты владел им достаточно долго. Оно тебе больше не понадобится, Бильбо, если только я не обманулся.

Бильбо вспыхнул, глаза загорелись злым огнем. Добродушное лицо ожесточилось.

— Почему это?! — воскликнул он. — И что тебе за дело до моих вещей? Оно мое. Я нашел его. Оно пришло ко мне.

— Конечно, конечно, — сказал Гэндальф. — Только зачем волноваться?

— Разволнуешься с тобой, — проворчал Биль-

бо. — Оно мое, говорю тебе. Мое собственное. Моя… моя прелесть! Да, вот именно — моя прелесть!

Лицо мага осталось внимательным и печальным, и лишь блеск глубоких глаз выдавал его удивление — почти тревогу.

— Было уже, — заметил он. — Называли его так. Не ты, правда.

— Ну и что? Тогда не я — а теперь я. Голлум называл… подумаешь! Было оно его, а теперь мое. Моим и останется.

Гэндальф поднялся.

— Не будь глупцом, Бильбо! Оно и так слишком долго владело тобой. Оставь его! А потом иди — и освободишься.

— Я сделаю, как хочу, и пойду, как пожелаю, — непримиримо сказал Бильбо.

— Тише, тише, любезнейший хоббит! Всю твою долгую жизнь мы были друзьями, и ты мне кое-чем обязан. Ну же! Делай, как обещал: выкладывай кольцо!

— Так ты, значит, сам его захотел?! — выкрикнул Бильбо. — Так сразу бы и сказал!.. Я тебе мою прелесть не отдам, понял?! Рука его потянулась к эфесу маленького меча.

Глаза Гэндальфа сверкнули.

— Еще немного — и я рассержусь, — предупредил он. — Поостерегись — не то увидишь Гэндальфа Серого в гневе! — Он шагнул к хоббиту, вырос, и тень его заполнила комнату.

Бильбо отшатнулся к стене; он тяжело дышал, рука вцепилась в карман. Так они и стояли друг против друга, и воздух слабо звенел. Глаза Гэндальфа были прикованы к хоббиту. Руки того разжались, он задрожал.

— Что это на тебя нашло, Гэндальф? — сказал он. — Будто это и не ты вовсе… О чем тут спорить? Оно же ведь мое? Я его нашел, и Голлум убил бы меня, если б не оно. Я не вор, что бы он ни кричал мне вслед.

— Я тебя вором и не называл, — отозвался Гэндальф. — Да и я не грабитель. Не отнимаю у тебя «твою прелесть», а помогаю тебе. Хотелось бы, чтобы ты доверял мне, как прежде… — Он отвернулся, тень съежилась, и Гэндальф снова стал старым и усталым, сутулым и озабоченным. Бильбо провел рукой по глазам.

— Прости, — сказал он. — Мне что-то не по себе. А хорошо все-таки, что в пути мне не надо будет о нем волноваться! Очень оно меня беспокоило последнее время.

И все-то мне хотелось надеть его и исчезнуть,

все-то я его трогал да вытаскивал… Даже запирать пробовал — но не было мне покоя, пока кольцо не при мне. И знаешь, — Бильбо понизил голос и огляделся. — Может, мне кажется… вроде взгляд меня чей-то ищет…

— Совсем скверно… — нахмурился Гэндальф. — Доверься мне. Уходи. А его оставь. Передай его Фродо — а я уж за ним присмотрю.

Какой-то миг Бильбо был в нерешительности. Вдруг он вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Оставлю. — Он пожал плечами и слабо улыбнулся. — Правду сказать, для чего и Угощение было затеяно: чтобы раздать побольше подарков, а заодно уж… Думал, легче будет. Легче, правда, не стало, но жаль, если все приготовления пойдут прахом. Да и шутил же я не зря?!

— Как бы не оказалось, что зря. Все дело может потерять смысл.

— Что ж, — сказал Бильбо. — Пусть отправляется к Фродо вместе со всем остальным. — Он перевел дыхание. — Пойду-ка я в самом деле, не то, глядишь, еще кто-нибудь перехватит. Я уже попрощался и не хочу начинать все сначала. — Он поднял мешок и двинулся к двери.

— Кольцо у тебя до сих пор в кармане, — на-

помнил маг.

— В кармане, да! — горько согласился Бильбо. — А с ним и мое завещание, и всё другие бумаги. Взял бы ты его у меня, а?

— Нет, мне кольца не давай, — сказал Гэндальф. — Положи на камин. Там оно будет в сохранности — до прихода Фродо. Я дождусь его.

Бильбо вытащил конверт, но, когда он готов был положить его рядом с часами, рука его дрогнула, и пакет упал на пол. Прежде чем он успел поднять его, Гэндальф нагнулся, взял конверт и положил на место. Гримаса гнева снова исказила лицо хоббита, — и вдруг оно стало спокойным; он рассмеялся.

— Ну, вот и всё, — сказал он. — В путь!

Они вышли в прихожую. Бильбо взял из подставки свою любимую палку; потом свистнул. Из разных дверей выглянули три гнома.

— Всё готово? — спросил у них Бильбо. — Упаковано, подписано?

— Всё, — отвечали они.

— Так идем! — и он шагнул за порог. Стояла дивная ночь, черное небо усыпали звезды. Он взглянул вверх, нюхая воздух.

— Радость!.. Радость-то какая: снова в путь, и с гномами! И Дорога — под ноги!.. Сколько лет я

мечтал об этом! Прощай! — сказал он, кланяясь своему старому дому. — Прощай, Гэндальф!

— Прощай на время, Бильбо. Поберегись там! Ты хоббит бывалый, а пожалуй, что и мудрый…

— Поберегись! Еще чего! Нет уж, теперь обо мне не волнуйся. Я сейчас так счастлив, как давно уж не был, а это — не мало. Время мое пришло — и Путь мой передо мною, — добавил он и пропел тихонько, будто про себя:

Дорога вдаль и вдаль ведет
С того холма, где ее исток.
Дорога велела идти вперед,
Ее ослушаться я не мог.
По ней прошествуй легкой стопой,
Пока не вольешься в великий Путь,
Где много троп совьются в одной…
А дальше куда? Покуда забудь…

Он помолчал, потом, не сказав больше ни слова, отвернулся от голосов и огней и потрусил следом за тремя своими спутниками — через сад и вниз долгим пологим склоном. Он перескочил через низкую изгородь у подножья холма и исчез в ночных лугах, как шорох ветра в траве.

Гэндальф какое-то время смотрел ему вслед.

— До свидания, Бильбо, дорогой мой хоббит! — тихо проговорил он и вернулся в дом.

Вскоре пришел Фродо — и застал мага в кресле, погруженным в раздумья.

— Ушел? — спросил он.

— Да, — отозвался Гэндальф. — Ушел наконец.

— Я хотел… то есть надеялся, что это, может, всего-навсего шутка. Хоть в душе-то и понимал, что он и правда решил уйти. Он всегда шутил серьезно. Жаль вот, не успел его проводить.

— Я думаю, он так и хотел уйти — без долгих проводов, — сказал Гэндальф* — Ты не волнуйся. С ним теперь все будет в порядке. Да, он оставил тебе пакет. Там, на камине.

Фродо взял конверт, но не торопился вскрывать его.

— Там его завещание и другие бумаги в том же роде, — продолжал маг. — Ты теперь хозяин Торбы. И еще там золотое кольцо.

— Кольцо?! — воскликнул Фродо. — Он и его мне оставил? С чего бы это? Впрочем, и от него может быть толк…

— Не знаю, не знаю, — сказал Гэндальф. — Я бы на твоем месте им не пользовался. Но спрячь его и храни — да покрепче! А теперь я пошел спать.

Как хозяину Торбы, Фродо пришлось прово-

жать гостей — тягостная обязанность. Слухи о странных событиях разнеслись по всему полю, но Фродо твердил только, что «утром все, без сомнения, прояснится». Около полуночи за важными гостями прибыли экипажи. Они отъезжали один за другим, и увозили наевшихся, но не удовлетворенных хоббитов. Садовники пришли убираться и вывезли в тачках тех, кто позабыл уехать.

Медленно прошла ночь. Встало солнце. Хоббиты поднялись несколько позже. Утро шло своим чередом. Сперва — по уговору — явился народ прибирать на поле — они складывали шатры и палатки, уносили столы и кресла, ложки и плошки, ножи и бутылки; собирали пустые хлопушки и порванную бумагу, позабытые кошели, перчатки и носовые платки; убирали несъеденное (очень и очень немного). Потом — без уговора — явился другой народ: Торбинсы и Булкинсы, Бобберы и Хваты — все, кто жил или заночевал поблизости. К полудню, когда выспались даже самые сонные, у Торбы собралась большая толпа — незваная, но не неожиданная.

Фродо ждал на лестнице — он улыбался, но выглядел очень утомленным и взволнованным. Он приветствовал гостей, но почти ничего нового сказать не мог. На все вопросы он отвечал:

— Господин Бильбо Торбинс ушел. Ничего худого, сколько я знаю, с ним не стряслось.

Некоторых из собравшихся он пригласил внутрь — Бильбо оставил им «посылки».

В гостиной громоздилась куча пакетов, узелков, свертков, кое-какая мебель. На каждой «посылке» была бирка. Например, такие:

Адэларду Хвату в личное пользование от Бильбо. (На зонтике. Адэлард вечно уносил с собой чужие).

Доре Торбинс — в память о долгой переписке, с любовью от Бильбо (На большой корзине для бумаг. Дора была сестрой Дрого и старейшей из родственниц Бильбо и Фродо; ей было 99, и за полстолетия она исписала добрыми советами кучу бумаги).

Мило Глубокопу — с надеждой, что пригодится от Б. Т. (На золотом пере и бутылочке чернил. Мило никогда не отвечал на письма).

Ангелике от дяди Бильбо — для общей пользы (На круглом кривом зеркале. Юная Ангелика Торбинс не скрывала, что считает себя красавицей).

Хьюго Дороднингу — для его коллекции — от жертвователя (На пустом книжном шкафу. Хьюго был большим любителем книг — и терпеть не мог возвращать их).

Лобелии Лякошоль-Торбинс — В ПОДАРОК (на коробке с серебряными ложечками. Бильбо подозревал, что она не раз — и не безуспешно — запускала за ними руку в его буфет, пока он был в походе. Лобелия это прекрасно знала. Когда она появилась, то сразу поняла, в чем дело — однако ложечки взяла).

Каждый из подарков имел ярлык, надписанный Бильбо. На некоторых были уколы и шутки. Но многие отправлялись туда, где были нужны. К примеру, в Истербинку. Старый Гискри получил два мешка картошки, шерстяной жилет и банку мази для больных суставов. Рори Брендизайк, в благодарность за радушие, дюжину бутылок Старого Винодела — крепкого красного вина отменной выдержки — его привез из Южного Удала еще отец Бильбо. Рори тут же простил Бильбо, а после первой бутылки провозгласил его лучшим из хоббитов.

Много разных разностей досталось Фродо. И,

конечно, все богатства — книги, картины, много мебели и всего другого — перешли в его владение. Но ни о деньгах, ни о бриллиантах было не слыхать: никто не увидел ни серебряной монетки, ни даже просто стеклянной бусинки.

Денек выдался нелегкий. Неизвестно, кто пустил слух, что все имущество раздается всем желающим — но эта чушь распространилась, как пожар; вскоре дом был забит народом, у которого там вообще никаких дел не было, но отделаться от которого не было никакой возможности. Ярлыки посрывали, начались ссоры. Кое-кто начал уже заключать сделки; другие пытались удалиться с вещичками, им не адресованными или с чем-нибудь, что казалось им не очень нужным новому владельцу. По дороге от ворот катились тачки и тележки.

В середине всей этой неразберихи прибыли Лякошоль-Торбинсы. Фродо ненадолго ушел немного отдохнуть и оставил приглядывать за всем своего друга Мерри Брендизайка. Когда Отто громогласно потребовал Фродо, Мерри вежливо поклонился.

— Он нездоров, — сказал он. — Он отдыхает.

— Прячется, — уточнила Лобелия. — Ну, вот что: мы пришли, чтобы его увидеть — и мы его

увидим. Так ему и передай!

Мерри ненадолго оставил их в гостиной, и у них было время отыскать свой подарок. Настроения он им не улучшил. Неожиданно их позвали в кабинет. Фродо сидел у заваленного бумагами стола. Он выглядел нездоровым — быть может, от вида Лякошолей — но встал им навстречу; руку при этом он держал в кармане. Однако разговаривал вежливо.

Лякошоли вели себя вызывающе. Начали они с предложения ему цен — и весьма низких («по дружбе» — сказала Лобелия) — за некоторые ценные ненадписанные вещи. Когда Фродо ответил, что отдано будет лишь то, что решил отдать Бильбо, они заявили, что все это очень подозрительно.

— Мне ясно одно, — добавил Отто. — То, что ты на этом здорово нажился. Я желаю видеть завещание.

Если бы не Фродо, Отто был бы наследником Бильбо. Он внимательно прочел завещание и фыркнул. Придраться было не к чему. Все было ясно и четко, и двенадцать свидетелей, как и положено, аккуратно расписались красными чернилами.

— Опять он нас надул! — сказал он жене. — Сто-

ило ждать шестьдесят лет! Что он тебе подарил? Ложечки? Шут! — Он щелкнул пальцами под самым носом Фродо и заковылял из кабинета. Но от Лобелии отделаться было не так-то просто. Когда чуть позже Фродо вышел взглянуть, как идут дела, она все еще была в гостиной — шарила по углам и закоулкам и выстукивала полы. Он вежливо выпроводил ее, попутно избавив от нескольких небольших (но довольно ценных) вещиц, завалившихся ей в зонтик. По лицу ее было видно, что она изо всех сил придумывает последнее — самое уничтожающее — оскорбление. На лестнице она обернулась.

— Ты еще пожалеешь, мальчишка! И зачем только ты остался? Ты не наш; ты… ты самый настоящий Брендизайк!

— Слыхал, Мерри? Вот как меня оскорбляют, — сказал Фродо, закрыв за ней дверь.

— Ему комплимент сделали, — отозвался Мерри. — А он говорит: оскорбляют… Ну, какой из тебя Брендизайк?

Они вернулись в дом и выгнали оттуда трех молодых хоббитов (двух Булкинсов и одного Боббера), которые выстукивали стены в одном из подвалов.

Фродо пришлось еще побороться с юным Санчо

Шерстолапом (внуком старого Одо): тот выстукал-таки в подполье эхо и уже начал копать — ведь, как известно, сказочные сокровища (добытые волшебным, если не лиходейским, способом) принадлежат первому, кто их найдет.

Одолев Санчо и выставив его вон, Фродо кинулся и кресло.

— Пора закрывать лавочку, Мерри, — сказал он. — Запри дверь и не отпирай, пусть они хоть с тараном придут.

И он пошел выпить позднюю чашечку чаю. Едва он уселся, раздался негромкий стук в дверь.

«Опять Лобелия, — подумал он. — Придумала, небось, какую-нибудь новую гадость и вернулась высказаться. Ничего — подождет».

Он продолжал пить чай. Стук повторился, гораздо громче, но Фродо не обращал на него внимания. Вдруг в окне появилась голова мага.

— Если ты меня сейчас же не впустишь, Фродо, — я тебе не то что дверь высажу, я всю Кручу по песчинке развею! — крикнул он.

— Гэндальф!.. Сейчас! — Фродо кинулся к двери. — Входи, входи! Я думал — это Лобелия.

— Тогда я тебя прощаю. Видел я ее сейчас в Приречье — такую кислую, что от одного вида молоко киснет.

— Я тоже скис, — признался Фродо. — Нет, правда: я едва не надел кольца. Так и подмывало исчезнуть.

— И думать не смей! — отрезал Гэндальф, садясь. — Будь осторожнее с этим кольцом, Фродо! Я, кстати, для этого и вернулся — сказать тебе о нем пару слов.

— И что же с ним такое?

— Что ты о нем уже знаешь?

— Только то, что мне сказал Бильбо. Я слышал его историю: как он нашел кольцо и как им пользовался — в походе, хочу я сказать.

— Хотел бы я знать, какую историю? — сказал Гэндальф.

— Нет, не ту, которую он рассказал гномам и которая вошла в книгу. Мне он настоящую историю рассказал — вскоре после того, как я сюда переехал. Если уж ты у него дознался, так чтоб и я знал. «Негоже нам друг от друга секреты иметь, Фродо, — сказал он. — Ну да больше их не будет. Оно ведь теперь так и так мое».

— Еще того интересней, — заметил Гэндальф. — И что ты обо всем этом думаешь?

Если ты имеешь в виду эту его выдумку про «подарочек» — так настоящая история, по-моему, лучше, я вообще не понимаю, зачем надо было ее

менять. На Бильбо, во всяком случае, это совсем не похоже. Мне это все кажется очень странным.

— Мне тоже. Но с владельцами таких сокровищ частенько случаются странные вещи — если они этими вещами пользуются. Пусть это будет тебе предостережением — будь осторожен с ним. Оно может иметь другие свойства — не только позволять тебе исчезнуть, когда захочешь.

— Не понимаю, — сказал Фродо.

— Я и сам не понимаю, — отозвался маг. — Кольцо меня очень заинтересовало — после этой ночи особенно. Ты не волнуйся. Но, прими мой совет — не надевай его. По крайней мере, не надевай на людях — лишние слухи и подозрения ни к чему. Повторяю: храни его, и храни в тайне!

— Что-то уж очень таинственно, — сказал Фродо. — Чего ты боишься?

— Я еще не уверен, а потому пока больше ничего не скажу. Быть может, я смогу тебе кое-что объяснить, когда вернусь. Теперь прощай: я тотчас ухожу. — Он поднялся.

— Тотчас?! — воскликнул Фродо. — А я-то думал, ты хоть недельку поживешь. Надеялся на твою помощь…

— Я и собирался — да вот не вышло. Меня, быть может, долго не будет; но я вернусь, как только

смогу. Жди! Я приду тайно. Не стоит мне снова открыто появляться в Крае. Меня уже и так недолюбливают. Говорят, от меня одни неприятности. А кое-кто в лицо проклинает меня, что сбил Бильбо с толку и заставил его уйти. Если хочешь знать, между нами с тобой был сговор, чтоб сжить его со свету и наложить лапу на его богатства.

— Кое-кто! — повторил Фродо. — Скажи прямо: Отто с Лобелией. Какая гадость! Да я бы им и Торбу отдал, и что угодно в придачу, если б мог вернуть Бильбо или уйти с ним. Я люблю Край. Но, знаешь, и меня что-то тянет в путь. Увижу ли я его еще?..

— Хотел бы я это знать, — проговорил Гэндальф. — И это, и еще кое-что... Ну, прощай! Береги себя! Жди меня в самое неподходящее время! Прощай!

Фродо проводил его до дверей. Он в последний раз махнул рукой и быстро зашагал по тропе; но Фродо подумалось, что старый маг сутулился куда больше прежнего, точно тяжкий вес придавил его. Сгущался вечер, и его закутанная в серый плащ фигура быстро растворилась в сумерках. Они расстались надолго.

Глава 2
Тень прошлого

Ни за девять, ни за девяносто девять дней разговоры не утихли. Второе исчезновение господина Бильбо Торбинса обсуждалось в Хоббитоне, да и во всем Крае, целый год — а помнилось и того дольше. Историю эту по вечерам рассказывали хоббитятам у камина, и постепенно Сумасшедший Торбинс, исчезающий с треском и блеском и возвращающийся с сумками, набитыми золотом, стал любимым сказочным героем и остался в сказках даже тогда, когда все истинные события забылись.

Но в то время все в округе считали, что Бильбо, который и всегда-то был малость не в себе, теперь и вовсе свихнулся и ушел неведомо куда — а там либо утоп в каком-нибудь озере, болоте или реке, или еще чего похуже; конец, конечно, печальный, но вряд ли несвоевременный. И чаще всего во всём обвиняли Гэндальфа.

— Оставил бы этот дурацкий маг хоть Фродо в покое — из него, глядишь, и вышел бы толк, — говорили они.

И, судя по всему, маг оставил-таки Фродо в покое — однако толку большого не вышло. Странности за ним водились почище, чем за Бильбо. Поминки он справлять отказался, а на следующий год задал пир по поводу стодвенадцатилетия Бильбо — полновесная, говорил он, дата. «Пиром», однако, это можно было назвать только с большой натяжкой — гостей было всего двенадцать и стол довольно скромный.

Кое-кто возмутился; но Фродо завел обычай праздновать День Рождения Бильбо каждый год. Он говорил, что не верит, будто Бильбо умер. Когда же его спрашивали, где он — Фродо пожимал плечами.

Жил он один, как и Бильбо, однако друзей у него было много, особенно среди хоббитов помоложе. Были среди них и Фолко Булкинс, и Фредегар Боббер; но ближайшими его друзьями стали Перегрин Хват (обычно называемый Пин) и Мерри Брендизайк (полное его имя было Мерриадок, но об этом редко вспоминали). С ними Фродо гулял по Краю; но чаще бродил один и, к удивлению здравомыслящих, заходил довольно далеко от дома: его видели гуляющим под звездами в холмах и лесах. Мерри и Пин подозревали, что временами он встречался с эльфами — как Бильбо.

Время шло, и народ стал замечать, что Фродо тоже «неплохо сохраняется»: он по-прежнему выглядел крепким энергичным хоббитом лет тридцати трех. «Если уж везет кому — так во всём» — шептались по углам. Но до поры — до времени, пока Фродо не достиг трезвых пятидесяти лет, это никому странным не казалось.

Сам Фродо, придя в себя после первого потрясения, обнаружил что быть господином Торбинсом из Торбы-на-Круче, да при этом еще и самому себе господином, очень приятно. Несколько лет он был совершенно счастлив и о будущем не заботился. Но — хоть он, быть может, и сам того не сознавал — в нем медленно росло сожаление, что он не ушел с Бильбо. Иногда, особенно осенью, он отправлялся бродить по пустошам, и странные видения гор, которых он никогда не видел, тревожили его сны. Он начал говорить себе: «Вот возьму, да уйду когда-нибудь за Реку», на что другая его половина неизменно отвечала: «Когда-нибудь потом».

Так оно и шло, пока не приблизилось его пятидесятилетие: а пятьдесят, как считал он, — цифра значительная, если не зловещая: именно в эти лета Бильбо нежданно-негаданно отправился в путешествие. Фродо забеспокоился, старые тропы

казались слишком уж нахоженными. Он изучал карты; его интересовало, что лежит за их краем: карты Края окружают большие белые пятна. Он все чаще бродил один, и Мерри и другие друзья в тревоге следили за ним. Его часто видели беседующим с разными странными чужаками — в последнее время они появлялись в Крае все чаще.

Стали доходить слухи о чудных делах за границей; и, так как Гэндальф не приходил и вестей о себе не подавал, Фродо собирал новости где и как мог. Эльфы, которые редко заходили в Край, теперь шли лесами на запад — проходили и не возвращались: они навек покидали Средиземье, и более за него не волновались. Однако на дорогах стали попадаться и гномы — и необычно много. Древний Западный Тракт вел через Край к Серебристой Гавани, и гномы всегда пользовались им, чтобы добраться до копей в Синих Горах. От них, главным образом, хоббиты и узнавали новости — если интересовались ими: гномы, как правило, рассказывали мало, а хоббиты вопросов не задавали. Но сейчас Фродо часто встречались странные, дальние гномы, что искали на Западе убежища; они были испуганы и шепотом говорили про Врага и Страну Мордор.

Название это было известно даже хоббитам: оно зловещей тенью вставало из самых глубин их сказаний. Казалось, темные силы были изгнаны из Лихолесья только чтобы вновь воспрянуть в Мордоре. Говорили, Черный Замок отстроен снова, и оттуда ползут по земле войны и всевозрастающий страх. В горах множились орки. Опять появились тролли — не глупые и неповоротливые, как прежде, а хитроумные, вооруженные смертоносным оружием. И это было не все. Ходили неясные слухи о существах куда более жутких, чем все — но имени им не находилось.

Лишь немногое из всего этого, конечно, достигало ушей простых хоббитов. Но вскоре чудные слухи стали доходить до самых больших домоседов; а те, кто по делам бывал у границ, и кое-что повидали. Однажды по весне (Фродо шел тогда как раз пятидесятый год) Сэм Гискри разговорился об этом в Зеленом Драконе с Тодом Пескунсом, мельниковым сыном; Сэм сидел у огня, а вокруг столпились хоббиты — все, кому любопытно: разговор был интересный.

— Чудные дела, слышно, творятся сейчас, — сказал Сэм.

— Слышно, кому слушать охота. Я все эти детские сказочки и дома услышу, если захочу.

— Не мешало бы захотеть. В них смысла поболе, чем ты думаешь. Их не на пустом месте выдумали. Взять хоть драконов…

— Сам бери, — хмыкнул Тод. — А мне ни к чему. Я о них много чего наслушался, когда хоббитенком был, хватит с меня. В Приречье лишь один Дракон, да и тот Зеленый, — добавил он под общий смех.

— Это ты меня уел, — засмеялся со всеми и Сэм. — Ну, а как насчет древесных великанов? Видали тут недавно одного у Северных Топей.

— Это кто ж видал?

— Да хоть бы и брат мой, Хэл. Он работает у господина Булкинса и частенько бывает в Северном Уделе. Он и видал.

— Ну, этот увидит, только другим не покажет. А уж чего он там видит — ему, конечно виднее, коли другим-то ничего не видать.

— Громадное дерево, вроде вяза — идет-шагает, и каждый шаг — добрых семь ярдов.

— Не могло оно идти. Видел твой Хэл самый что ни на есть обычный вяз, об заклад бьюсь.

— Да говорят же тебе: шел он! А вязы там не растут.

— Выходит, не мог Хэл его и видеть, — отрезал Тод. Вокруг засмеялись и захлопали: Тод попал в

яблочко, думали они.

— Ну, ладно, — не сдавался Сэм. — Пусть не Хэл — но другие видели, как чудной народ идет через Край, и на границах неспокойно. Столько дел у Пограничников никогда не было.

И эльфы уходят, слыхал я. Идут они, говорят, к гаваням за Белыми Башнями, — он неопределенно помахал рукой: ни он, никто из них не знал, далеко ли до Моря от западных границ Края. Но издревле считалось, что за Белыми Башнями лежит город-порт Серебристая Гавань, откуда отплывают серые эльфийские корабли — отплывают, чтобы не возвращаться.

— Плывут они, и плывут, уплывают на Запад, а нас оставляют, — проговорил Сэм чуть ли не нараспев, печально покачивая головой. Но Тод рассмеялся.

— Ну и пусть себе плывут, — сказал он. — Нам-то с тобой какое до этого дело? А может и не плывут они вовсе, ты ж этого не видел, и никто в Крае.

— Я-то, может, и не знаю, — задумчиво протянул Сэм. Он верил, что однажды видел в лесу эльфа, и надеялся когда-нибудь увидеть снова. Все, что касалось эльфов, интересовало его с детства — он готов был часами слушать старые

полузабытые сказки про них. — Но есть кое-кто, даже в наших краях, кто видел эльфов и говорил с ними. Господин Торбинс, например. Он сказал мне, что они уплывают — а уж он-то про эльфов все знает. А господин Бильбо и того больше знал: сколько он мне всего рассказывал, когда я мальчонкой был!..

— Оба сдвинутые, — отмахнулся Тод. — Бильбо — тот совсем, а теперь вот и Фродо сдвинулся. Смотри и ты с ним не свихнись... Ну, ладно, ребята, пошел я. Бывайте здоровы! — он выхлебнул кружку и хлопнул дверью.

Сэм умолк и сидел молча. Ему было о чем подумать. Дел в саду — только успевай поворачиваться, трава растет, как на дрожжах... Но Сэм думал не о саде. Посидев еще немного, он вздохнул, поднялся и вышел.

Было начало апреля, только что прошел дождь, и ветер разгонял тучи. Солнце садилось; холодный сумеречный вечер незаметно переползал в ночь. Под ранними звездами Сэм прошел через Хоббитон и поднялся на Кручу, тихо и задумчиво посвистывая.

Снова появился Гэндальф — всегда неожиданный гость. Три года после Угощения он вообще не показывался. Потом заглянул ненадолго, вни-

мательно посмотрел на Фродо — и снова ушел. В следующие год-два он зачастил, приходил неожиданно, в сумерках, а уходил до света. О своих делах и походах не рассказывал, и очень интересовался здоровьем и делами Фродо.

Потом вдруг его визиты прекратились. Около девяти лет Фродо ничего о нем не слышал, и совсем уж было решил, что маг потерял к хоббитам всякий интерес и никогда не вернется. Но в тот вечер, когда Сэм шел домой и сумерки медленно таяли над Кручей, в окошко кабинета очень знакомо постучали.

Фродо встретил старого друга с удивлением и восторгом. Они долго и пристально разглядывали друг друга.

— А ты молодец, Фродо, — сказал Гэндальф. — Совсем не изменился!

— Да и ты, — отозвался Фродо; но втайне подумал, что Гэндальф выглядит более старым и озабоченным, чем прежде. Он пристал к магу с расспросами, и они засиделись далеко за полночь.

Следующим утром, после позднего завтрака, маг сидел с Фродо у настежь распахнутого окна кабинета. В камине пылал огонь, но солнце было теплым и ветер дул с юга. Свежая весенняя зелень

мерцала в полях и на концах веток.

Гэндальф думал о давней весне почти восемьдесят лет назад, когда Бильбо выбежал из Торбы, позабыв носовой платок. Волосы мага стали, быть может, белее, чем были тогда, а борода и брови — длиннее; но глаза его были, как всегда, ясны и зорки, и искусство пускать цветные кольца из трубки не покинуло его.

Сейчас он курил молча, ибо Фродо сидел неподвижно, погрузившись в раздумья. Даже ясный свет утра не рассеял черной тени вестей, что принес Гэндальф. Но наконец он заговорил.

— Ночью ты начал говорить мне что-то непонятное о кольце, Гэндальф, — сказал он. — А потом остановился и сказал, что лучше отложить это до утра. Не кончишь ли сейчас? Ты сказал — кольцо опасно, куда опасней, чем я думаю. В чем опасность?

— Во многом, — отвечал маг. — В нем заключена сила большая, чем я отваживался думать. Такая сила, что сломит любого смертного — сломит и овладеет им.

Во дни Предначальной Эпохи эльфы отковали множество магических колец; некоторые из них были более могущественными, некоторые — менее. Эти кольца были лишь помощниками

кузнецам-эльфам, не более чем игрушками для них — и все же, на мой взгляд, опасными для смертных. Но Великие Кольца, Кольца Власти — они смертельно опасны.

Смертный, Фродо, владеющий одним из Колец Власти, не умирает, но и не живет по-настоящему; он просто существует. А если он часто надевает Кольцо, чтобы стать невидимым, то истаивает, исчезает навечно, уходит под Завесу Тьмы, видимый лишь взгляду Властелина Колец. Да, раньше или позже — позже, если он сильный и добрый — темные силы одолевают его.

— Ужас какой!.. — прошептал Фродо. Повисло молчание. Где-то в саду щелкали ножницы Сэма Гискри.

— И давно ты это знаешь? — спросил, наконец, Фродо. — А что знал Бильбо?

— Бильбо знал ровно столько, сколько тебе сказал, — ответил Гэндальф. — Он никогда бы не оставил тебе такого опасного наследства, хоть я обещал приглядеть за тобой. Кольцо очень красивое, думал он, а иногда — и полезное; а если что-то не так — он сам в этом виноват. Он говорил, что оно «вечно у него на уме», что он все время о нем волнуется; но дело-то не в Кольце, считал он. Хоть и понял, что за ним надо следить: оно может

быть то тяжелее, то легче, то больше, то меньше; а то вдруг соскользнет с пальца и исчезнет.

— Да, он предупредил меня в письме, — вставил Фродо. — И оно у меня все время на цепочке.

— Очень мудро, — одобрил Гэндальф. — Ну, а свою долгую жизнь Бильбо с Кольцом не связывал. Он считал, что такая уж у него судьба — и очень этим гордился. Хоть и было ему беспокойно. «Я стал весь тонкий и какой-то прозрачный», — сказал он. Еще немного — и Кольцо взяло бы свое.

— Давно ты это знаешь? — повторил Фродо.

— Что? — отозвался Гэндальф. — Я, Фродо, знаю много такого, о чем ты и не слыхивал. Но если ты об этом кольце — я и сейчас еще не знаю. Осталась последняя проверка. Но в догадках своих я больше не сомневаюсь.

Когда я стал догадываться? — пробормотал он, роясь в памяти. — Погоди-ка… Совет Светлых Сил выбил Врага из Лихолесья перед Битвой Пяти Воинств — и как раз тогда Бильбо нашел Кольцо. На душе у меня было тяжело, хоть я и не знал еще, чего страшусь. Я часто удивлялся, как попало к Голлуму Великое Кольцо — а что оно Великое, было ясно сразу. Потом я услыхал от Бильбо историю, как он его «выиграл» — и не поверил. Я

стал добиваться правды, а когда наконец добился — понял, что он старается сделать свое право на Кольцо неоспоримым. Точь-в-точь как Голлум, со своим «подарочком на день рожденья». Ложь ко лжи, да какая похожая! И я понял: Кольцо заставляет врать и подсказывает вранье. Это было мне первым серьезным предупреждением. Я часто говорил Бильбо, что такими кольцами лучше не пользоваться. Но он только обижался да сердился. Отнять у него Кольцо силой, не причинив ему зла, я не мог — да и не имел права. Мне оставалось лишь ждать и наблюдать. Быть может, мне надо было бы посоветоваться в Саруманом Белым, но что-то удерживало меня.

— Кто это? — спросил Фродо. — Никогда о нем не слышал.

— Где уж тебе, — усмехнулся Гэндальф. — Хоббиты его не интересуют — или не интересовали до недавнего времени. Он старейший из Мудрых и Глава Совета. Знания его велики, а гордость — еще выше; он не терпит вмешательства в свои дела. А он издавна изучает эльфийские кольца, и многие их тайны открыты ему. Но, когда вопрос о Кольцах обсуждался в Совете, то, что он поведал нам, утишило мои страхи. Сомнения мои уснули — но не умерли. Я по-прежнему ждал и

наблюдал.

Годы шли — а у Бильбо, казалось, все было в порядке. Да, годы шли — и не касались его. Сомнения вновь окутали меня. Но я сказал себе: «Он мог унаследовать долгую жизнь от матери. Волноваться рано. Жди!»

И я ждал. До той ночи, когда он покинул этот дом. То, что он говорил и делал тогда, пробудило мои страхи — и никаким словам Сарумана было не усыпить их. Что-то темное принялось за работу — я наконец отчетливо понял это. И все эти годы я потратил, чтобы узнать правду.

— Но с Бильбо-то ничего не случилось? — взволнованно спросил Фродо. — С ним всё в порядке? Я хочу сказать — он так хотел отдохнуть…

— Ему сразу стало легче, — сказал Гэндальф. — Но в мире есть лишь одна Сила, которая знает о Кольцах все; и никто в мире, как я теперь думаю, не знает всего о хоббитах. Среди Мудрых я один изучал их — и не переставал удивляться. Они кажутся мягкими, как масло, и оказываются порой крепче старых древесных корней.

И, думаю, кое-кто из них может сопротивляться Кольцам куда дольше, чем считают Мудрые. Так что за Бильбо, пожалуй, ты не тревожься.

Конечно, он владел Кольцом долгие годы, и

пользовался им, и пройдет много лет, прежде чем он снова сможет увидеть его без опасности для себя. Однако он может жить долго и счастливо — если все останется, как есть. Потому что он оставил его по собственной воле — а это многое значит. Нет, о милом нашем Бильбо я теперь не волнуюсь. Беспокоишь меня ты.

Я внимательно следил за тобой — с тех самых пор, как ушел Бильбо. За тобой, и за всеми милыми, дурацкими, беспомощными хоббитами. Горький удар будет нанесен миру, если Завеса Тьмы накроет Край, если весь твой народ, все эти веселые, несуразные Булкинсы, Дудстоны, Бобберы и Скряггинсы, не говоря уж о чудесных чудаках Торбинсах, станут жалкими трусами и темными подлецами.

Фродо содрогнулся.

— С чего это вдруг мы станем трусами да подлецами? — спросил он. — И кому это надо — чтобы мы такими стали?

— Черному Властелину, — проговорил Гэндальф. — Правду сказать, думаю, что прежде — прежде, заметь — он попросту не обращал на вас внимания. Ваше счастье. Но время безопасности прошло. Вы ему не нужны — рабов у него хватает, и куда более полезных, — но он про вас

не забудет. А хоббиты — несчастные рабы приятнее ему, чем хоббиты веселые и свободные. Он зол на вас — и отомстит.

— Отомстит?.. — ошарашенно переспросил Фродо. — За что? Ну хоть убей, не понимаю, при чем тут Бильбо и наше кольцо!

— При всем, — ответил Гэндальф. — Ты не понимаешь еще, что вам грозит; но скоро поймешь. Когда я был здесь в последний раз, я ни в чем не был уверен; но теперь время пришло. Дай мне кольцо!

Фродо вынул кольцо из кармана брюк, где оно было пристегнуто на цепочку. Отстегнул и медленно протянул магу. Кольцо налилось неожиданной тяжестью, будто оно, или сам Фродо, или оба они вместе не хотели, чтобы Гэндальф касался его.

Гэндальф осмотрел его. Оно казалось сделанным из чистого цельного золота.

— Видишь ли ты на нем какие-нибудь знаки? — спросил он.

— Нет, — сказал Фродо. — Оно совсем гладкое — ни царапинки.

— Так смотри! — и вдруг, к удивлению и ужасу Фродо, маг бросил кольцо в огонь. Фродо вскрикнул и кинулся к щипцам; но Гэндальф удержал

его.

— Подожди! — повелительно сказал он, кинув на Фродо быстрый взгляд из-под нависших бровей.

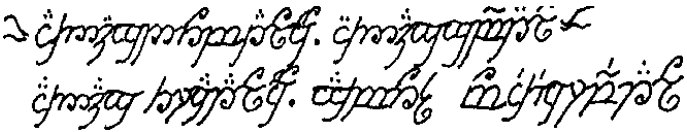
С кольцом не происходило никаких изменений. Немного погодя Гэндальф поднялся, закрыл ставни и задернул шторы. Комната погрузилась в темноту и тишину, только в саду под окнами чуть слышно щелкали ножницы Сэма. Маг стоял, глядя в огонь; потом нагнулся, щипцами вытащил кольцо из камина и взял в руки. Фродо задохнулся.

— Оно холодное, — сказал Гэндальф. — Бери!

Фродо принял кольцо в дрожащие ладони; оно стало как будто толще и тяжелее, чем всегда.

— Возьми! — повторил Гэндальф. — Всмотрись в него!

Фродо послушался — и увидел тонкие штрихи, тоньше самых тонких линий пером — они обегали кольцо внутри и снаружи; огненные штрихи, что складывались в летящие буквы неведомого языка. Они сияли ярко — и в то же время чуть расплывались, словно проступая из дымных глубин.



— Мне не прочесть этих огненных букв, — проговорил с запинкой Фродо.

— Это древние эльфийские руны, — сказал Гэндальф, — а язык мордорский; я не хочу, чтобы он звучал здесь. Но вот как звучит эта надпись на Всеобщем Языке:

«Кольцо одно, чтоб всех сковать и в темноте свести в стране Мордор, где мрак царит».

Это — лишь две строки из памятного одним эльфам заклинания:

Три Кольца — эльфов владыкам, под небом рожденным,

Семь — царственным гномам в чертоге подгорном,

Девять — людям не вечным, на смерть обреченным,

Одно — Тьмы Властелину на троне черном

В стране Мордор, где мрак царит.

Кольцо одно, чтоб всеми править,

Кольцо одно, чтоб всех найти,

Кольцо одно, чтоб всех сковать и в темноте свести

В стране Мордор, где мрак царит.

Он остановился, и потом проговорил медленным, глубоким голосом:

— Твое кольцо — Кольцо Всевластья, Фродо. Кольцо Всевластья, которого Он лишился много веков назад. Он жаждет вновь овладеть им — но Он не должен получить его.

Фродо сидел молча, неподвижно. Страх протянул к нему жуткую руку, темное облако склубилось на Востоке, чтобы нависнуть над ним — и поглотить.

— Мое кольцо!.. — пролепетал он. — Да как же, да зачем же оно ко мне попало?

— А! — сказал Гэндальф. — Это долгая история. Начало ее уходит далеко в Черные Годы. Если бы я решил рассказать тебе ее всю — мы сидели бы здесь, пока весна не обратилась бы в зиму.

Прошлой ночью я начал говорить тебе о Сауроне Великом, Черном Властелине. Слухи, что дошли до тебя, верны: он снова воспрянул, покинул укрывище в Лихолесье и вернулся в свой старый оплот — Черный Замок в Мордоре. Это название слышали даже хоббиты — оно тенью

скользит по краю самых древних ваших сказаний. Так всегда — поражение и затишье, но потом Тьма меняет обличье и вновь разрастается.

— Только бы не при мне, — поежился Фродо.

— А при мне уже бывало — не раз, — откликнулся Гэндальф. — И все-то всегда говорили: «Только бы не при нас». Никто не может выбирать себе время, Фродо. Все, что мы можем — это решать, что делать с нашим временем. А к нам, Фродо, подбираются черные времена. Враг становится все сильнее. Планы его еще не созрели — но они зреют. Нам тяжко придется. Тяжко, хотя и пришла к нам зловещая эта удача.

Врагу все еще не хватает одной вещи, чтобы окрепнуть окончательно, сломить последнее сопротивление и второй раз накрыть мир Завесой Тьмы. Ему не хватает Кольца Всевластья.

Три, прекраснейшие из всех, эльфы от Него укрыли — Его рука их не коснулась и не осквернила. Семью владели гномы — три из них Он украл, остальные истребили драконы. Девять он роздал людям, великим и гордым — давным-давно стали они Призраками Кольца, самыми страшными из Его слуг. Давно, очень давно не видели на земле Девятерых. Но кто знает? Завеса Тьмы разрастается — быть может, появятся и они. Однако

довольно: об этом не стоит говорить, даже таким ясным солнечным утром, как сегодня.

Да, теперь так: Девять Колец — у Него; и Семь также — если только они не уничтожены. Три все еще скрыты. Но это более не тревожит Его. Ему нужно Кольцо Всевластья. Он отковал это Кольцо, оно — Его, Он переплавил в него большую часть своей древней мощи, чтобы связать все Кольца в черную цепь. Если Он обретет его — цепь соединится вновь, и даже Три станут подвластны Ему — всё, сделанное с их помощью, падет, и Он станет еще сильнее, чем был.

А это — страшная опасность, Фродо. Он считал, Кольцо погибло, эльфы уничтожили его, как и должны были. Но теперь Он знает, что оно не погибло, что оно нашлось. И Он ищет, ищет его, преклонив к этому всю свою черную волю. В нем Его величайшая надежда — и наш величайший страх.

— Да почему же, почему же его не уничтожили?! — вскричал Фродо. — И как вообще мог Враг потерять его — если уж оно так Ему дорого? — Он сжал Кольцо в руке, точно видел уже черные пальцы, протянувшиеся схватить его.

— Оно было у Него отнято. — сказал Гэндальф. — Некогда эльфы были сильнее и могли

противостоять Ему. И к ним на помощь пришли люди — Рыцари из Заморья. Эту главу древней истории не худо бы и перечесть: ибо тогда тоже были и горе, и клубящаяся тьма — но были и доблесть, и великие подвиги, которые не прошли бесследно. Когда-нибудь, быть может, я расскажу тебе всю эту повесть, или ты услышишь ее от того, кому она известна лучше, чем мне.

Но сейчас, поскольку более всего ты хочешь знать, как эта вещь попала к тебе, довольно будет и того, что скажу я. Гиль-Галад, Король Эльфов, и Элендиль из Заморья опрокинули Саурона, но сами пали в борьбе; и Исильдур, сын Элендиля, отрубил у Саурона палец с Кольцом — и взял Кольцо себе. Так Саурон был побежден и бежал, и долгие годы скрывался в Лихолесье — пока дух его вновь не обрел плоти.

Но Кольцо пропало. Оно кануло в Великую Реку, Андуин, и исчезло. Потому что, когда Исильдур шел на север восточным берегом Реки, он попал в засаду, устроенную горными орками в Ирисной Низине, и почти весь его отряд погиб. Исильдур бросился в воду, но, когда он плыл, Кольцо соскользнуло с его пальца, орки увидели его и убили.

Гэндальф помолчал.

— И там, в темных омутах Ирисной Низины, — продолжал он, — Кольцо скрылось от глаз — и из преданий; даже эта история известна сейчас немногим, и на Совете Мудрых вряд ли узналось бы больше. Но, кажется мне, я могу продолжить рассказ.

Много лет спустя, но все же очень, очень давно жил на берегах Реки, на границе Глухоманья, маленький искусный народец. Думаю, они были сродни хоббитам — пра-пра-...отцы Неуклюгов, ибо любили Реку, часто купались в ней и делали небольшие лодки из тростника. И была среди них одна семья — очень уважаемая, потому что она была больше и богаче остальных. Хозяйкой в ней была бабушка — суровая и мудрая старуха. Самый любопытный и хитроумный из ее внуков звался Смеаголом. Его интересовало, что спрятано под корнями; он нырял в самые глубокие омуты; зарывался в зеленые холмы; он не смотрел на вершины холмов, на листву деревьев, на цветы в полях: глаза его были обращены вниз.

Был у него приятель — Деагол, такой же остроглазый, но не такой быстрый и сильный. Однажды они взяли лодку и поплыли к Ирисной Низине, что вся заросла ирисом и цветущим тростником. Смеагол ползал по берегу и что-то

вынюхивал, а Деагол сидел в лодке и удил. Вдруг на крючок попалась большая рыба — Деагол и оглянуться не успел, как плюхнулся в воду. И тут ему показалось, что на дне что-то блестит. Он выпустил удочку, нырнул и ухватил в кулак блестящее «нечто».

Потом, отплевываясь, он поплыл к берегу — с водорослями в волосах и горстью придонного ила в руке. Но когда он вылез и обмыл грязь — на ладони его лежало красивое золотое кольцо: оно блестело и сверкало на солнце так, что душа радовалась. Но Смеагол следил за ним из-за дерева; и, пока Деагол любовался кольцом, тихо подкрался и заглянул через его плечо.

— Отдай его нам, миленький Деагол, — попросил он.

— Почему это?

— Потому что сегодня наш день рожденья, миленький, и мы хотим его в подарочек.

— Вон что!.. — сказал Деагол. — Был тебе сегодня от меня подарочек, не пожалуешься. А это кольцо мое. Я его для себя нашел.

— Да что ты, миленький, да как же?.. — промурлыкал Смеагол, вцепился приятелю в горло и задушил его: колечко было такое красивое и так маняще блестело. Потом надел кольцо на палец.

Никто никогда не узнал, что сталось с Деаголом: он был убит далеко от дома, а тело убийца искусно спрятал. А Смеагол вернулся один — и понял, что никто не видит его, пока кольцо у него на пальце.

Это ему очень понравилось, и он никому не рассказал о Кольце. Он подслушивал чужие тайны, выведывал секреты и использовал свои знания во зло. Он стал очень зорок к чужой беде. Кольцо одарило его мелким всевластьем — ему под стать. Не удивительно, что его невзлюбили и старались избегать встреч с ним. Его пинали, а он кусался. Он стал воровать и все время бормотал и хныкал, а в горле у него клокотало: голл, голл. За это его прозвали Голлумом; все его ненавидели и гнали; и бабушка, не желая ссориться с родом, изгнала его из семьи.

Он бродил один, и однажды набрел на речку, что текла с гор и пошел вдоль нее. Невидимыми пальцами он ловил в заводях рыб и ел их сырыми. Однажды было очень жарко, и, когда он склонился над заводью, солнце обожгло ему затылок, а отблески в воде ослепили голлумовы глаза. Он удивился, ибо успел позабыть о солнце. Потом он поднял голову — и погрозил ему кулаком.

Опустив глаза, он увидел далеко впереди вер-

шины Мглистых Гор, откуда текла река. И вдруг подумал: «Там, под горами, должны быть прохлада и тень. Солнцу не найти нас там. Мы спрячемся у самых корней гор и узнаем все тайны, которые погребены там».

Ночью он взошел в горы и нашел пещеру, из которой бежал темный поток; он заполз туда, как червь, и с тех пор о нем никто ничего не знал. Кольцо ушло во тьму вместе с ним, и даже его господин, когда вновь стал набираться сил, не смог отыскать его.

— Голлум! — воскликнул Фродо. — Постой, это что — та самая тварь, с которой встретился Бильбо? Как всё это гнусно!

— По мне — так грустно, а не гнусно, — сказал маг. — Это ведь могло случиться и с другими, даже кое с кем из моих знакомых хоббитов.

— Что-то не верится, что Голлум — родня хоббитам, пусть даже дальняя, — с сомнением заявил Фродо. — Очень уж он противный.

— И всё же это так, — проговорил Гэндальф. — Я знаю о происхождении хоббитов больше, чем они сами. Даже история с Бильбо предполагает родство. О многом они знали и думали одинаково. И понимали друг друга гораздо лучше, чем хоббит поймет, скажем, гнома или орка — или

даже эльфа. Загадки, согласись, у них были просто-таки одинаковые.

— Ну, конечно, — проворчал Фродо. — Хотя загадок таких полным-полно у любого народа, и не только хоббиты в них играют.

И хоббиты не мошенничают — а Голлум только и норовил. Он же пытался усыпить внимание Бильбо! Очень было честно с его стороны затевать игру, в которой противник рисковал головой, а сам он — ничем!

— Боюсь, ты прав, — сказал Гэндальф. — Но есть тут кое-что, чего ты не заметил. Даже Голлум еще не совсем погиб. Он оказался крепче, чем можно было предполагать — крепким, как хоббит. В его душе все еще оставался уголок, где он был собой, и оттуда, как сквозь щель в ночи, пробивался свет — свет прошлого. И думаю, ему приятно было снова услышать приветливый голос, разбудивший воспоминания о ветре в кронах и солнце на траве: обо всем, что он позабыл.

Но все это, конечно, должно было сделать живущее в его душе лихо еще злее — если только его не подавить. Если только его не излечить.... — Гэндальф вздохнул. — Надежд на это почти нет. Но все же — «почти». Потому что, хоть он и владел Кольцом так долго, что сам уже не помнит,

сколько времени — носил он его мало: в глухой тьме оно ни к чему. Поэтому он и не развоплотился. Он худой, как щепка — и жилистый. Но Кольцо сожрало его дух, и мука стала почти непереносимой.

Все «великие подгорные тайны» обернулись пустой непроглядной ночью: открывать было нечего, делать — тоже: он ел разных мерзких тварей да лелеял злые воспоминания. Он был очень несчастен. Он ненавидел тьму, а свет — еще больше: он ненавидел все, и больше всего — Кольцо.

— Что ты хочешь сказать? — Фродо удивился. — Он же без Кольца жить не мог, оно же его «прелесть»? Если он ненавидел его — так почему не избавился? Ну, бросил бы, что ли, или ушел…

— Пора бы тебе начать понимать, Фродо, — после всего, что ты слышал, — хмуро отозвался Гэндальф. — Он любил и ненавидел Кольцо, как любил и ненавидел себя. Не мог он «избавиться» от него. Не было у него на это воли.

Кольцо Всевластья, Фродо, само себе господин. Это оно может предательски соскользнуть с пальца — сам владелец никогда его не бросит. Самое большее — решит отдать кому-нибудь, да и то только в начале, пока оно не завладело им целиком. Насколько я знаю, один только Бильбо смог

оставить его — но и ему понадобилась для этого моя помощь. Но даже он не смог бы отказаться от Кольца или бросить его. Нет, Фродо, решал не Голлум — Кольцо само оставило его.

— Чтобы попасться Бильбо? У какого-нибудь орка ему было бы уютнее…

— Смеяться тут не над чем, — отозвался Гэндальф. — Тебе-то уж во всяком случае. Самое непонятное во всей этой истории — то, что Бильбо оказался там в это время и нашел его — ощупью, во тьме.

В мире много сил, Фродо. Кольцо стремится вернуться к своему Властелину. Оно соскользнуло с руки Исильдура и предало его; потом оно поймало беднягу Деагола — и он был убит; потом — Голлум: оно пожрало его. Больше он не был нужен Кольцу — такой маленький и слабый; пока оно оставалось с ним, он ни за что не покинул бы своего глубинного озера. А потому, едва Властелин его воспрянул и раскинул свои темные думы над Лихолесьем, оно бросило Голлума. Для того, чтобы быть поднятым самым неподходящим для этого существом — Бильбо из Края.

Здесь потрудились еще какие-то силы. Мне нечем объяснить все это, кроме как сказав, что Бильбо был избран найти Кольцо — и не его Вла-

стелином. А значит, был избран и ты — хранить его. И это ободряет меня.

— А меня нет, — мрачно сказал Фродо. — Хоть я и не уверен, что понял тебя. Но, Гэндальф, как ты узнал это всё — про Кольцо и Голлума? Ты это правда знаешь или только догадываешься?

Глаза Гэндальфа сверкнули.

— Многое я знал, о многом узнал, — отвечал он. — Но я не намерен посвящать тебя во все свои дела. Повесть об Элендиле, Исильдуре и Кольце Всевластья давно известна Мудрым. Твое Кольцо — Кольцо Всевластья: это доказал огонь; есть тому и другие приметы.

— А когда ты это выяснил? — прервал Фродо.

— Только что у тебя на глазах, — резко ответил маг. — Но я знал, что найду. Я вернулся из темных походов и долгих поисков для последней проверки. Это последнее доказательство, и теперь уже все ясно — даже слишком. Восстановить роль Голлума и заполнить разрыв в истории — тут, конечно, пришлось кое-что и предположить. Я начал с догадок — но сейчас я не гадаю. Я знаю. Я видел его.

— Ты — видел — Голлума?! — изумленно ахнул Фродо.

— Видел… Не так это просто. Давно уже пытался

я это сделать; и наконец это мне удалось.

— Что же случилось, когда Бильбо удрал от него? Ты и это узнал?

— Довольно туманно. Я рассказал тебе то, что Голлум пожелал сказать — хоть и не совсем так, как пересказал я. Г оллум — ужасный лжец, и все его речи приходится отчищать. Кольцо, например, он упорно называет «подарочком на день рожденья». Оно, видишь ли, досталось ему от бабки — у нее было много всяких красивых вещей. Нелепая выдумка. Бабушка Смеагола, не сомневаюсь, была женщина хозяйственная, но что в ее хозяйстве водились Кольца Власти — ложь. Но ложь с толикой правды.

Убийство Деагола мучило Голлума, и он придумал защиту; глодал во тьме кости и твердил об этом своей прелести, раз за разом — пока сам не поверил. Это был его день рожденья. Деагол должен был отдать кольцо ему. Оно специально для того и подвернулось, чтобы быть ему подарочком… И так до бесконечности.

Я терпел его причитания, сколько мог, но правда была мне необходима — и в конце концов мне пришлось быть суровым. Я пригрозил ему огнем — и постепенно выжал из него всю историю: он поведал мне ее, истекая слюнями и соплями.

Но когда он дошел до игры в загадки и бегства Бильбо, то умолк, и мне не удалось добиться от него ничего, кроме темных намеков. Кого-то этот лиходей боится больше меня. Он бормотал, что не собирается отдавать своего добра никому. Они еще узнают, можно ли его безнаказанно бить, заманивать в западню и грабить. У него есть теперь чудненькие, такие сильненькие друзья. Уж они-то ему помогут. Они покажут кое-кому, где орки зимуют. Торбинс еще поплатится. Он поплатится и наплачется — это Голлум твердил на все лады. Бильбо он ненавидит и клянет его имя. И что хуже всего — ему известно, откуда он явился.

— Но как он узнал?..

— Ну, что до имени — так Бильбо сам ему сдуру представился. А после этого не так уж трудно было разузнать остальное — если, конечно, выползти наружу. И Голлум выполз, ох, выполз! Кольцо страшно тянуло его — и тяга эта оказалась сильнее страха перед орками и даже перед светом. Спустя год-два он покинул горы. Понимаешь, Кольцо хоть и владело им по-прежнему, но не высасывало, и постепенно он стал оживать. Он был стар, страшно стар, но совсем не робок — и смертельно голоден.

Свет — что лунный, что солнечный — был

ему по-прежнему ненавистен: это уж, думаю, навсегда. Но он быстро сообразил, что от солнца и от луны можно прятаться, и стал двигаться глухой ночью; а по пути ловил испуганных или неосторожных зверушек. На новой пище и чистом воздухе он быстро окреп — и пробрался в Лихолесье.

— Там ты его и нашел? — снова не утерпел Фродо.

— Там я его видел, — ответил Гэндальф. — Но перед этим он забрел далеко, идя по следу Бильбо. От него трудно было чего-нибудь добиться, ибо речь его все время прерывалась угрозами и проклятиями. «Что там у него было в карманс-сах?» — бормотал он. — «Я не отгадал, нет, моя прелесть. Обманщик. Нечестный вопрос, нечес-с-стный… Он первый обманул, он… Наруш-шил правила. Надо было его удавить. Ничего, моя прелесть, ничего, еще удавим!»

И так все время. Ты вот уже морщишься — а мне пришлось слушать его долгие дни. Правда, не зря: из намеков, проскользнувших сквозь ворчание, я понял, что ноги в конце концов донесли его до Эсгарофа и даже на улицы Дола — там он подслушивал и подглядывал. Ну, а вести о великих событиях разнеслись по всему Глухоманью

— многие слыхали про Бильбо и знали, откуда он. По дороге домой мы не таились. Вскоре Голлум вызнал все, что ему было надобно.

— Тогда почему же он не стал дальше преследовать Бильбо? — спросил Фродо. — Почему в Край не явился?

— Думаю, он пытался. Во всяком случае, до Великой Реки он дошел. Но потом свернул в сторону. И не расстояние испугало его. Нет, изменить путь его заставило что-то другое. Так думают мои друзья — те, что изловили его для меня.

Первыми его выследили лесные эльфы — им это было не трудно, ибо след лиходея был тогда свеж. Он вел через Лихолесье и назад. Лес полнился слухами о нем — смертный страх сковал птиц и зверей. Лесной народ говорил о каком-то новом Ужасе, пьющем кровь призраке. Он взбирался на деревья и разорял гнезда; заползал в норы и пожирал детенышей; проскальзывал в окна и похищал младенцев.

Но у западных границ Лихолесья след свернул в сторону. Он уходил к югу, и там лесные эльфы потеряли его. И тогда я совершил ошибку. Да, Фродо, великую ошибку — и не первую; боюсь только, как бы она не оказалась худшей. Я оставил все, как есть. Я позволил ему уйти; в то время

у меня было довольно дел, и я все еще доверял Саруману.

С тех пор прошло много лет. За ошибку я заплатил многими темными и опасными днями. Когда после ухода Бильбо я вновь вышел на след — он давно остыл. И поиски мои были бы напрасны, если бы не помощь одного из друзей — Арагорна, величайшего странника и охотника этой Эпохи. С ним вместе мы обшарили в поисках Голлума всё Глухоманье — без надежды и без успеха. Но под конец, когда я был уже готов прекратить охоту, Голлум нашелся. Мой друг вернулся из очень опасного похода и приволок злосчастную тварь с собой.

Что он делал — он не сказал. Только плакал и называл нас жестокими; а когда мы стали его допрашивать — хныкал, ежился, заламывал длинные руки и лизал пальцы, будто они горели — будто он вспоминал о какой-то давней пытке. Он не сказал ничего; но боюсь, это несомненно: он медленно, миля за милей, пробирался к югу — и попал в Мордор.

Тяжелая тишина заполнила комнату. Фродо слышал, как бьется его сердце.

Даже снаружи все стихло. Ножницы Сэма больше не щелкали.

— Да, в Мордор, — повторил Гэндальф. — Мордор притягивает всех лиходеев, и Черный Властелин преклоняет всю волю, чтобы собрать их там. Да и Вражье Кольцо должно было отметить Голлума, сделать его более других чувствительным к зову. Тогда повсюду шептались о новой Завесе Тьмы, о ненависти, что грозит Западу. Там он найдет «чудненьких сильненьких друзей», что помогут ему отомстить!

Злосчастный дурак! В тех краях он должен был узнать многое — даже слишком многое, чтобы успокоиться. И рано или поздно, когда он, подглядывая и разнюхивая, тайно кружил на границах, его вы-следили, схватили и поволокли на допрос. Так, боюсь, и было. Когда его нашли, он уже побывал там и возвращался назад. С какой-то вредоносной целью. Впрочем, теперь это не так уж важно. Худшее зло он уже сотворил.

Ибо Врагу известно теперь, что Кольцо нашлось. Он знает, где пал Исильдур. Он знает, где Голлум нашел Кольцо. Он знает, что это Великое Кольцо, ибо оно дарует вечную жизнь. Он знает, что это не одно из Трех — они никогда не терялись, и мерзости в них нет. Но это и не одно из Семи или Девяти — они все на счету. Ясно, что это — Кольцо Всевластья. И наконец, думаю я, Он

услышал о хоббитах и Крае.

И теперь Он, быть может, ищет вас — если уже не нашел. Правду сказать, Фродо, боюсь, Он может даже заинтересоваться столь незначительным прежде именем, как Торбинс.

— Но ведь это ужасно! — вскинулся Фродо. — Куда хуже, чем я представлял, слушая твои намеки и предостережения… О Гэндальф, лучший из друзей, что же мне делать? Теперь вот мне действительно страшно. Скажи, что мне делать? Какая все-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

— Жалость? Именно жалость и остановила его руку. Жалость и милосердие — без крайней нужды убивать нельзя. И за это, Фродо, была ему немалая награда. Недаром Кольцо почти не повредило ему, недаром он смог уйти, — а все потому, что начал с жалости.

— Прости, — сказал Фродо, — Но мне страшно; и Голлума, по-моему, жалеть глупо.

— Не видел ты его, — заметил Гэндальф.

— Не видел и не хочу, — отрезал Фродо. — Не понимаю я тебя. Ты что, хочешь сказать, что вы с эльфами оставили ему жизнь — после всех его жутких дел? Да он же хуже любого орка — и такой

же враг. Он заслужил смерть.

— Заслужить-то заслужил, спору нет. А сколько еще живущих заслужило ее! А посчитай-ка тех, кому надо бы жить да жить — но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтобы уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого обрекать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все. Я почти не надеюсь, что Голлум может излечиться — но кто знает? Судьба его переплелась с судьбой Кольца. Чует мое сердце, что он еще, к добру или к худу, зачем-то понадобится; и когда придет время, жалость Бильбо может стать залогом жизни многих — и твоей тоже. Да, мы пощадили его — он старый и жалкий, таких не казнят. Лесные эльфы держат его в тюрьме, но обходятся с ним со всей мягкостью, какая только может найтись в их мудрых сердцах.

— Все равно, — сказал Фродо, — Даже если Бильбо не убил Г оллума, лучше бы это Кольцо никогда не попадалось ему. Пусть бы он его не находил и мне не оставлял! Почему ты позволил мне его взять? Почему не заставил выбросить или уничтожить?

— Заставить тебя? Заставить?.. — переспросил маг. — Ты что, совсем меня не слушал? Думай всё-таки, прежде чем говорить. Выбрасывать его

нельзя. Такие Кольца имеют привычку находиться. В лиходейских руках оно может сотворить великое зло. Что хуже всего — оно может попасть в руки Врага. И попадет: ибо это Его Кольцо и он тянет его к себе могучим, тяжким усилием.

Конечно, милый мой Фродо, оно опасно для тебя; и это очень меня беспокоит. Но на карту поставлено столько, что мне пришлось рискнуть — хотя даже когда я бывал далеко, Край ни на день не оставался без присмотра. Ты ни разу не надевал его — думаю, Кольцо нескоро склонит тебя ко злу. И вспомни: когда девять лет назад я виделся с тобой, я сам ничего не знал наверное.

— Но почему же не уничтожить его — ты сам сказал, что это давно надо было сделать? — Снова чуть не закричал Фродо. — Предупредил бы меня или написал — я бы давно с ним разделался.

— Да? И как бы ты это сделал? Ты уже пробовал?

— Нет. Но его, наверное, можно расплавить или сплющить…

— А ты попробуй! — сказал Гэндальф. — Возьми да попробуй!

Фродо снова вытащил Кольцо из кармана и оглядел его. Оно было ровным и гладким, золото горело чисто и ярко, и Фродо подумал, как глубок

и прекрасен его цвет, как совершенна окружность. Восхитительная, драгоценная вещь… Он вынул его, собираясь забросить в самую глубь камина. Но теперь чувствовал, что не может сделать этого — не может без борьбы. Колеблясь, он взвешивал Кольцо в руке и вспоминал все, что рассказал ему Гэндальф; потом, сделав огромное усилие, размахнулся… и обнаружил, что поспешно запихивает Кольцо обратно в карман.

Гэндальф мрачно рассмеялся.

— Вот видишь!.. Уже и ты, Фродо, страшишься причинить ему вред — не то что уничтожить. И не мог я «заставить» тебя — только силой, а это сломило бы твой дух. Ну а Кольца этого не уничтожить даже силой. Бей его хоть самым тяжелым молотом — на нем и царапины не останется. Ни твоим, ни моим рукам не сокрушить его.

В огне твоего камина и простое-то золото не расплавится. Кольцо же в нем только посвежело. И нет в Крае кузни, где смогли бы сплющить его. Это не под силу даже горнам и наковальням гномов. Говорили, Кольца Власти плавятся в драконовом огне, но где сейчас найдешь дракона, чей огонь был бы достаточно жарок? Да и не было никогда драконов, которые могли бы истребить Кольцо Всевластья, ибо его отковал сам Саурон.

Есть лишь один путь: отыскать среди расселин Ородруина, Огненной Горы, Пасть Рока и бросить туда Кольцо — если ты действительно хочешь его уничтожить.

— Я действительно этого хочу! — воскликнул Фродо. — Или, во всяком случае, хочу, чтоб оно было уничтожено. Опасные походы не для меня. Зачем оно пришло ко мне? Почему избран именно я?

— На такие вопросы не отвечают, — сурово проговорил Гэндальф. — В одном можешь быть уверен — избран ты не за доблесть: ни силы в тебе, ни мудрости. Но избран ты, а значит, придется тебе стать и сильным, и мудрым.

— Откуда же мне?! Ты мудр и силен; возьми у меня Кольцо, оно — тебе!

— Нет! — вскричал Гэндальф, вскакивая. — Нет, мне Кольца не предлагай! — Глаза его вспыхнули, лицо озарилось изнутри темным огнем. — Не искушай меня! Ужасен Черный Властелин — а ведь я могу стать еще ужаснее. Кольцо знает путь к моему сердцу, знает, как гложет меня жалость ко всем несчастным и угнетенным, а с ним — о, как надежно защитил бы я их: чтобы превратить потом в своих рабов! Не искушай меня! Я не рискну взять его, пусть даже на хранение. Очень

уж велик для меня соблазн воспользоваться им. Слишком оно мне нужно. Передо мной — тьма.

Он отошел к окну, раздернул занавески и раскрыл ставни. Солнечный свет залил комнату. По тропинке, посвистывая, шел Сэм.

— Решай же, — сказал маг, возвращаясь к Фродо. — И знай: я помогу тебе. — Он положил руку на плечо хоббита. — Помогу нести эту ношу — пока она твоя. Надо что-то делать — и быстро. Ибо Враг уже действует.

Нависла тишина. Гэндальф опять уселся в кресло и задумчиво попыхивал трубкой. Глаза его казались закрытыми, но из-под век он внимательно наблюдал за Фродо. Фродо не отрываясь глядел в камин, на огненные сполохи, пока они не заслонили всего — и казалось ему, что он заглянул в глубокие колодцы огня. Он думал о легендарной Пасти Рока и ужасах Огненной Горы.

— О чем ты думаешь? — спросил наконец Гэндальф. — Решил что-нибудь?

— Нет! — Отозвался Фродо, приходя в себя и с удивлением обнаружив, что тьмы вокруг нет, а через открытое окно виден залитый солнцем сад. — Или, быть может, да. Насколько я тебя понял, не знаю, но придется мне, видно, взять Кольцо и сохранить его, чем бы это мне ни гро-

зило.

— Грозить тебе может многое — и чем дальше, тем больше, — сказал Гэндальф.

— Надеюсь, ты скоро найдешь хранителя получше. Но пока, кажется, я опасен — опасен для всего, что рядом со мной. Нельзя мне хранить Кольцо и оставаться здесь. Придется мне, значит, бросить Торбу, бросить Край, бросить всё — и уйти. — Он вздохнул. — Я очень хочу спасти Край, если смогу — хоть порой и ругал соседей за тупость и нелюбопытство, призывая на их головы землетрясение и драконов. Но нет уж, лучше не надо. Пока будет позади Край, мирный и уютный, мне будет спокойней скитаться: буду знать, что где-то есть опора, хоть я и не могу на нее опереться.

Я, конечно, подумывал иногда об уходе, но представлял себе это иначе: вроде праздника, и приключения, как у Бильбо, а может, и получше — и все хорошо кончается. А тут — из страха в страх, и смерть по пятам. И идти я должен один, если уж хочу спасти Край. Но я ведь маленький, никому там не нужный, и… как бы это сказать? — не из них. А Враг такой сильный и страшный.

Он не сказал Гэндальфу, но, когда он говорил, огромное желание последовать за Бильбо вспых-

нуло в нем — он, пожалуй, так бы и бросился бежать — без шапки и наобум.

— Милый мой Фродо! — Воскликнул Гэндальф. — Верно сказал я когда-то: изумительные существа хоббиты. Кажется, хватит и месяца, чтобы их изучить, а они и через сто лет тебя несказанно удивят. Не ожидал я услышать такой ответ — даже от тебя не ожидал. А Бильбо-то не ошибся с наследником, хоть и не знал тогда, как это важно. Боюсь, ты прав. Кольцу больше нельзя оставаться в Крае. Ты должен уйти — и ради себя самого, и ради других. Уйти и сменить имя: быть в наше время Торбинсом — дело опасное. Сейчас я что-нибудь придумаю… Назовись-ка ты, пожалуй, Подгорниксом.

Но ты не должен идти один. Возьми с собой того, кому доверяешь и кто по доброй воле пожелает идти с тобой — того, с кем не побоишься выйти навстречу неведомым опасностям. Да будь осторожен, выбирая товарища! И думай, что говоришь — даже ближайшим друзьям! У Врага всюду шпионы и всюду уши.

Внезапно он остановился и прислушался. Фродо понял, что стало очень тихо — и внутри, и снаружи. Гэндальф подкрался к подоконнику, быстро прыгнул вперед, протянул длинную руку

наружу и вниз… и в окне показалась кудрявая голова Сэма Гискри, вытянутая за ухо.

— Так, так, клянусь бородой! — сказал Гэндальф. — Сэм Гискри, собственной персоной. И что ж ты здесь делал?

— Ничего, господин Гэндальф, сударь! — пролепетал Сэм. — Право слово, ничего! Газон вот подстригал под окнами, с вашего позволения, сударь… — в доказательство он поднял ножницы и пощелкал ими в воздухе.

— Что-то я давно не слышу твоих ножниц, — мрачно сказал Гэндальф. — Шпионил?

— Пионы, сударь? Да что вы, у нас их отродясь не водилось…

— Не валяй дурака! Что ты слышал и почему слушал? — глаза Гэндальфа сверкнули, а брови грозно сдвинулись.

— Господин Фродо, сударь! — завопил Сэм. — Скажите ему хоть вы-то! Не давайте ему меня превращать!.. Меня ж мой старик тогда на порог не пустит! У меня ведь на уме ничего плохого, чем хотите клянусь, сударь!..

— Не станет он тебя превращать, — Фродо едва удерживался от смеха, хоть и был встревожен и озадачен. — Он, как и я, знает, что ничего лиходейского ты не замышлял. Ты бояться не бойся, а

спрошено — отвечай!

— Да чего уж там, сударь, — Сэм чуть ободрился. — Я много чего слышал, хоть и мало понял: про врага, и кольца, и господина Бильбо, и про драконов, и про огненную гору, ну и про эльфов, конечно, сударь. Слушал я, потому что ничего поделать с собой не мог — очень я такие истории люблю, простите уж вы меня. И я знаю, в них всё правда, что бы там Тод ни говорил. Эльфы, сударь! Мне б на них хоть одним глазком взглянуть! Вы вот идете — ну и показали бы мне эльфов, а?..

Гэндальф вдруг засмеялся.

— Лезь сюда! — велел он и, протянув обе руки, поднял Сэма вместе с ножницами и граблями, втянул его в окно и поставил на пол. — Эльфов тебе показать? — повторил маг и улыбка скользнула по его лицу. — Так ты, значит, слышал, что господин Фродо уходит?

— Ясное дело, слышал, сударь. Тут я и поперхнулся; а это уж вы услышали. Очень уж я расстроился…

— Ничего не поделаешь, Сэм, — грустно сказал Фродо. Он вдруг понял, что уход из Края обернется более горькими потерями, чем простое прощание с привычным уютом Торбы. — Я должен идти. Но… тут он сурово взглянул на Сэма. — Если ты

в самом деле меня любишь — ты будешь нем, как рыба. Понял? Если же нет, если ты скажешь хоть кому-нибудь хоть словечко о том, что здесь слышал — Гэндальф превратит тебя в жабу, а сад наполнит ужами.

Сэм, дрожа, упал на колени.

— Поднимись, Сэм! — проговорил Гэндальф. — Я придумал тебе наказание получше. Ничего ты никому не скажешь, да и подслушивать отучишься. Ты пойдешь с Фродо!

— Я, сударь? — вскричал Сэм, подпрыгивая, как собака, которую позвали гулять. — Пойду с господином Фродо и увижу эльфов и все такое?! Ура!.. — и вдруг расплакался.

Глава 3
И трое — отряд

— Ты должен уйти тихо — и скоро, — сказал Гэндальф. Прошло уже две или три недели — а Фродо и не думал собираться в путь.

— Знаю. Только это трудно, — возразил он. — Уйди я, как Бильбо — весь Край тут же знать будет.

— Нет уж, ты как Бильбо не уходи! — нахмурился Гэндальф. — Я сказал «скоро» — не «вдруг».

Если можешь придумать, как выскользнуть из Края, чтобы никто не узнал — стоит немного задержаться. Однако не мешкай.

— А что, если осенью, сразу после Дня Рожденья? — предложил Фродо. — К тому времени я все устрою.

Правду сказать, теперь, когда до этого дошло, ему очень не хотелось уходить. Торба давно не казалась ему такой уютной, и он наслаждался последним своим летом в Крае. Когда подошла осень, он понял, что по крайней мере часть его души готова в дорогу — как и всегда в это время. Он и на самом деле собирался уйти в свой пятидесятилетний юбилей. Ему казалось самым достойным последовать за Бильбо в этот день (тому исполнялось сто двадцать восемь). Мысль последовать за Бильбо одна только и облегчала думы об уходе. Фродо старался не думать ни о Кольце, ни куда оно может его в конце концов завести. Но всех этих дум он Гэндальфу не открывал. А о чем маг догадывался — сказать было трудно.

Он взглянул на Фродо и улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Но не позже. Мне что-то тревожно. Да постарайся, чтоб никто не проведал, куда ты идешь! Смотри, как бы Сэм не

проговорился — не то он у меня и правда запрыгает жабой.

— Что до того, куда я иду — проговориться ему об этом будет трудновато: я и сам еще этого не знаю.

— Вздор! Я говорю не о том, что нельзя оставлять адреса. Но Край ты покидаешь — именно этого-то никто и не должен знать, пока ты не будешь далеко. И куда-нибудь ведь ты да пойдешь — на Запад, Восток, Юг или Север — и направление это тоже должно остаться тайной.

— Меня так занимали думы о расставании с Торбой и о прощании, что я не думал о направлении, — признался Фродо. — Потому что куда мне идти? И к какой цели? Бильбо отправился за сокровищами — и вернулся обратно; мне же, вижу я, выпало потерять сокровище — и сгинуть.

— Видишь ты недалёко, — заметил Гэндальф. — Правда, сейчас и я не дальше. Быть может, тебе суждено дойти до Пасти Рока; быть может, это сделают другие, — не знаю. Во всяком случае, к такому походу ты пока не готов.

— Что правда то правда, — согласился Фродо. — Но идти мне надо — так какой путь выбрать?

— Встречь опасности, — отвечал маг. — По самому ее краю, твердо и осторожно. И, если при-

мешь мой совет — ступай в Светлояр. Этот путь не так опасен, хоть на Тракте сейчас неспокойно, а к концу года может стать и вовсе худо.

— В Светлояр! — повторил Фродо. — Что ж, отлично, пойду на восток. И Сэм эльфов повидает: вот радость-то ему! — говорил он беспечно; но в сердце его внезапно вспыхнуло желание увидеть замок Эльронда Эльфида, вдохнуть воздух той долины, где по-прежнему, в покое и мире, жил Дивный Народ.

***

В один из летних вечеров потрясающая новость обсуждалась в «Зеленом Драконе». Что там древесные великаны: господин Фродо продает, если уже не продал, Торбу, и кому — Лякошоль-Торбинсам!

— За хорошие деньги, — говорили одни.

— За свою цену, — отвечали другие. — Лобелия гроша лишнего не даст. — (Отто умер несколькими годами раньше, дожив до 102 лет.)

Вопрос, почему господин Фродо продает свою прекрасную нору, обсуждался куда жарче, чем ее цена. Кое-кто утверждал — следуя намекам самого господина Торбинса — что у Фродо вышли все деньги: он-де собирается оставить Хоббитон

и обосноваться в Забрендии, поближе к родичам. «И подальше от Лякошолей» — понимающе добавляли некоторые. Однако легенда о несметном богатстве Торбинсов из Торбы-на-Круче настолько крепко засела в умах, что большинству было трудно поверить в это — куда труднее, чем в любую другую причину; а потому большинство видело эту самую причину в темных и пока до конца не раскрытых замыслах Гэндальфа. Хоть и вел он себя осторожно, днем не показывался, — всем было известно, что он «прячется в Торбе». Но, нужен или нет был магу этот уход, — сомневаться не приходилось: Фродо Торбинс возвращался в Забрендию.

— Да, осенью уезжаю, — подтверждал он. — Мерри Брендизайк подыскивает для меня уютную нору — а может, и маленький домик.

Кстати сказать, с помощью Мерри он купил уже небольшой дом в Кроличьей Балке, неподалеку от Пряжбери. Всем, кроме Сэма, он говорил, что собирается осесть там. Решение идти на восток подсказало ему эту мысль: Забрендия по дороге, когда-то в детстве он там жил, так почему бы ему туда не вернуться?

Гэндальф прожил в Крае больше двух месяцев. Потом однажды вечером, в конце июня, когда

планы Фродо окончательно устоялись, он вдруг объявил, что утром уходит.

— Надеюсь, ненадолго, — сказал он. — Мне надо доехать до южных границ и собрать новости. Загостился я у тебя.

Говорил он легко, но Фродо почудилось, что маг чем-то всерьез озабочен.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Нет пока; но я узнал кое-что, что меня обеспокоило — надо все выяснить. Если после этого я решу, что ты должен уходить немедленно — вернусь сам или пришлю весточку. Держись своего плана; но будь осторожен вдвойне, особенно же — с Кольцом. И непреложный тебе совет — не надевай его!

Он ушел с рассветом.

— Я могу вернуться каждый день, — сказал маг на прощанье. — Самое позднее — приду ко Дню Рожденья. Думаю, в пути я буду тебе не лишним спутником.

Поначалу Фродо был расстроен и часто думал, о чем это Гэндальф мог узнать; но постепенно тревога улеглась, а погода стояла прекрасная — и на время он позабыл все свои беды. Давно не видели в Крае такого дивного лета — и такой богатой осени: деревья гнулись под тяжестью яблок, соты

сочились медом, хлеба были высоки и густы.

Кончалась осень, когда Фродо снова стал волноваться о Гэндальфе. Проходил сентябрь — а о том по-прежнему не было ни слуху ни духу. День Рожденья, а с ним и уход, приближались, а маг все не шел и вестей не присылал. В Торбе между тем зашевелились.

Кое-кто из приятелей Фродо пришел помочь ему собираться: были там и Фредегар Боббер, и Фолко Булкинс; и, конечно, ближайшие его друзья — Перегрин Хват и Мерри Брендизайк. Их стараниями в Торбе все было вверх дном.

Двадцатого сентября две крытые повозки уехали в Забрендию, увозя в новый дом мебель и вещи, которых Фродо не продал. На другой день Фродо забеспокоился по-настоящему, и простоял весь день у ворот, высматривая Гэндальфа. Утро четверга выдалось таким же чистым и ясным, как давным-давно — в день последнего Угощения Бильбо. Гэндальф не приходил. Вечером Фродо устроил прощальный пир — совсем скромный, просто обед для себя и четверых своих помощников; но он волновался и был грустен. Мысль, что ему скоро уходить и расставаться с друзьями, тяжестью лежала на сердце. «Как я им скажу?» — думал он.

Четверо молодых хоббитов были, тем не менее, веселы, и вечер, несмотря на отсутствие Гэндальфа, стал вскоре весьма оживленным. В столовой остались лишь стол да кресла, но еда была хороша, а вино — и того лучше: в список проданного Лякошоль-Торбин-сам оно не входило.

— Что бы ни случилось с остальными моими припасами, когда они попадут в лапы Лякошолям — этому вину и у меня найдется хороший приют! — заявил Фродо, осушая стакан. То были последние капли Старого Винодела.

Когда они спели все песни и припомнили все совершенные вместе дела, они выпили за здоровье Бильбо и Фродо, как было у Фродо заведено. Потом вышли подышать воздухом и поглядеть на звезды — а потом отправились спать. День Рожденья прошел, а Гэндальф так и не появился.

На следующее утро еще одну повозку нагрузили оставшимся багажом, и Мерри уехал на ней вместе с Толстиком (так звали Фредегара Боббера).

— Должен же кто-то позаботиться там обо всем, прежде чем вы пожалуете, — сказал он. — Ладно, увидимся позже — послезавтра, если вы не уснете по дороге.

После завтрака Фолко ушел домой, а Пин остался. Фродо волновался и прислушивался, не идет

ли Гэндальф. Он решил подождать до вечера. Ну а потом, если он понадобится Гэндальфу, тому придется искать его в Кроличьей Балке — может, маг даже раньше него там окажется, потому что Фродо пойдет пешком. Он собрался пройти от Хоббитона до Зайгородного Парома — и погулять, и с Краем проститься.

— И к тому же не мешает немного похудеть, — сказал, он, стоя в полупустой прихожей и оглядывая себя в пыльном зеркале. Он уже давно не ходил далеко, и отражение было довольно расплывшимся.

После второго завтрака, к досаде Фродо, заявилась Лобелия со своим рыжим отпрыском Лотто.

— Наконец-то наше! — заявила она, входя. Не совсем вежливо и совсем неверно: Торба становилась их только после полуночи. Но Лобелию можно было простить: ей пришлось ждать на 77 лет дольше, чем она надеялась, и ей сейчас было ровно 100 лет. Так или иначе, она пришла поглядеть, как бы не увезли чего из проданного; и потребовала ключи. Выпроводить ее оказалось не так-то просто: она принесла список и принялась сверять с ним вещи. В конце концов она удалилась вместе с Лотто, ключом и обещанием, что второй ключ будет оставлен ей у Гискри в

Истербинке. Она фыркала и всем видом показывала, что она думает об этих Гискри: им только дай — они всю нору обчистят. Чаю ей Фродо не предложил.

Сами они с Сэмом и Пином напились чаю в кухне. Было решено, что Сэм отправляется в Забрендию — «служить господину Фродо и приглядывать за садом»; и Старик на это согласился.

— Последний ужин в Торбе! — сказал Фродо, отодвигая стул. Посуду, назло Лобелии, мыть не стали. Пин и Сэм затянули мешки и выволокли их на крыльцо. Пин пошел побродить по саду. Сэм куда-то исчез.

Солнце садилось. Торба казалась печальной и какой-то взъерошенной. Фродо бродил по знакомым комнатам и видел, как гаснет на стенах отблеск заката, а из углов выползают тени. Внутри медленно темнело. Он вышел, спустился к воротам и двинулся по дороге, смутно надеясь, что из сумерек навстречу ему выйдет Гэндальф.

Небо было чистым, ярко горели звезды.

— Ночь будет хорошей! — громко проговорил он. — Неплохо для начала. Скорей бы в путь! Устал я от этой неизвестности… Пойду, а Гэндальф пусть догоняет. — Фродо повернул назад — и услышал за углом, в Истербинке, голоса. Он

замер. Один из голосов принадлежал Старику; другой был странный и какой-то неприятный. О чем он спрашивает, было не разобрать, но Старик отвечал громко — и резко.

— Нет, господин Торбинс уехал. Этим утром, и мой Сэм с ним; и имущество все вывезли. Да, продал все и уехал. Почему? Не знаю, не мое это дело… да и не ваше. Куда? Это не тайна. В Пряжбери, что ли, не то в Кроличью Балку — куда-то туда. Да, неблизкий путь. Сам я там не бывал: в Забрендии народ чудной. Нет, передать ничего не возьмусь. Доброй ночи!

Медленно сошли шаги с Холма, и Фродо подивился, что это ему так радостно, что сошли, а не взошли.

«Я, должно быть, устал от всех этих расспросов и суеты вокруг моих дел, — решил он. — Очень уж их было много!»

Он собрался было пойти и расспросить Старика о странном чужаке; но (к добру или к худу) передумал и быстро вернулся в Торбу.

Пин сидел на крыльце, оседлав мешок. Сэма не было. Фродо сунул голову в темную дверь.

— Сэм! — позвал он. — Эй, Сэм! Пора!..

— Иду, хозяин! — донеслось откуда-то снизу, а вскоре появился и Сэм, утирая рукавом рот. Он

прощался в погребе с пивным бочонком.

— Там никого не осталось, Сэм? — спросил Фродо.

— Нет, сударь, я последним был.

Фродо захлопнул круглую дверь, запер ее и отдал ключ Сэму.

— Беги домой, Сэм! — сказал он. — Потом пересеки Исторбинку и жди нас у ворот, что выходят в луга. Ночью поселком не пойдем. Слишком много глаз и ушей.

Сэм помчался прочь.

— Наконец-то в путь! — сказал Фродо. Они вскинули на плечи мешки, взяли палки и завернули за угол Торбы. — Прощай! — проговорил Фродо, оглядываясь на темные слепые окна. Он помахал рукой и (совсем как Бильбо, только он об этом не знал) поспешил за Перегрином вниз по садовой тропинке. У подножья Кручи они перескочили невысокую изгородь и вышли в поля, бесшумно исчезнув в ночи.

***

На западном склоне Кручи были ворота на узкую тропку. Там они остановились и подогнали лямки мешков. Внезапно появился запыхавшийся Сэм со вздетым на спину мешком и в высокой

бесформенной войлочной шляпе на голове. В темноте он был сущий гном.

— Мне вы, конечно, самое тяжелое положили, — сказал Фродо. — Бедняги улитки и бедные все, кто носит свой дом на спине!

— Я могу понести еще, сударь. Мой мешок совсем легкий, — объявил Сэм твердым и лживым голосом.

— Нет уж, Сэм! — возразил Пин. — Ничего ему не сделается. Он эти мешки сам накладывал, нам и себе поровну. Ослаб он в последнее время, ну да ничего — скоро привыкнет.

— Сжальтесь над бедным старым хоббитом! — захохотал Фродо. — Я стану тонким, как тростинка, прежде чем дойду до Забрендии… Но шутки в сторону. Думаю, Сэм, ты себе вовсе неподъемно наложил; я вот загляну в твой мешок на ближайшем привале. — Он снова взял в руки палку. — Что ж, бродяги ночные, давайте прогуляемся перед сном на несколько миль.

Пройдя немного по тропинке, они свернули влево и снова пошли полем. Шли гуськом вдоль изгородей, по краю рощ, и ночь сгущалась над ними. Темные плащи скрывали их — они были невидимы, точно все трое надели магические кольца. Они были хоббиты, да еще старались

идти бесшумно, так что самому чуткому, даже хоббичьему уху, было не услышать их. Даже дикие звери в полях и лесах едва ли их замечали.

Через некоторое время они перешли Реку западнее Хоббитона по узкому дощатому мосту. Она казалась черной вьющейся лентой в оправе ольховых зарослей. Двумя-тремя милями южнее хоббиты торопливо перебежали широкий тракт от Брендидуимского Моста; еще немного к юго-востоку — и они добрались до Зеленых Бугров. Вскарабкавшись на первый склон, они оглянулись и увидели вдали ласковую долину Реки с мигающими в ней огнями Хоббитона. Вскоре он исчез в складках ночных земель, а за ним — и Приречье вокруг серой заводи. Когда огонек последнего хутора скрылся за деревьями, Фродо обернулся и помахал рукой.

— Увижу ли я когда-нибудь эту долину?.. — тихо пробормотал он.

На исходе третьего часа пути сделали привал. Ночь была ясной, холодной и звездной, но по склонам холмов с рек и низин тянулись жгуты тумана. Тонкие ветви берез, покачиваясь во тьме над головами путников, черной сетью рисовались на бледном небе. Ужин был, с точки зрения хоббитов, довольно легким; они поели и вновь

двинулись в путь. Вскоре они вышли на узкую дорогу, извилисто уходящую во тьму впереди: путь к Родгорду, Заборью и Зайгородному Парому. Она ответвлялась от главного Тракта в долине Реки и вела по Зеленым Буграм к Лесному Пределу — глухому углу Восточного Удела.

Немного погодя они нырнули в глубокую тень деревьев, что шелестели в ночи сухой листвой. Стало совсем темно. Сначала путники разговаривали и тихонько пели — все любопытствующие уши остались ведь позади. Потом разговор увял сам собой; Пин то и дело спотыкался. Наконец, в начале крутого подъема, он остановился и зевнул.

— Я так хочу спать, — заявил он, — что скоро свалюсь прямо на дороге. Вы что, собираетесь спать на ходу? Полночь давно прошла.

— А я думал, тебе нравится идти в темноте, — сказал Фродо. — Торопиться некуда. Мерри ждет нас только послезавтра — у нас еще целых два дня. В первом удобном месте мы остановимся.

— Ветер-то с запада, — заметил Сэм. — Ежели нам этот холм перевалить, он нас и прикроет. Очень даже уютно устроимся, сударь, там ведь ельник и сушняка полным-полно. — Сэм знал все земли миль на двадцать от Хоббитона, но на этом

его познания в географии и кончались.

Сразу за гребнем они оказались на опушке елового леса. Они сошли с дороги, углубились в смоляную тьму деревьев и набрали сушняка на костер. Скоро пламя весело трещало у подножия большой ели, а они сидели вокруг и болтали, пока не начали задремывать. Тогда они завернулись в плащи и одеяла и мирно уснули меж корнями огромного дерева. Стражи не выставили; даже Фродо пока ничего не боялся — они были в самом центре Края. Когда огонь угас, несколько лесных зверей подошло поглядеть на них. Старый лис, бежавший куда-то по своим делам, остановился и долго нюхал воздух.

«Хоббиты! — думал он. — Слыхал я о странных делах в здешних краях, но чтобы хоббиты спали под деревом?! Что же дальше?.. Целых трое хоббитов! За этим определенно кроется что-то — и очень странное». Он был, конечно, прав, но никогда об этом не узнал.

***

Пришло бледное, прохладное утро. Фродо проснулся первым и обнаружил, что корни намяли ему бока, а шея не поворачивается.

«Прогулка для удовольствия!.. Почему я не

поехал? — подумал он. — А Лякошоли нежатся на моих перинах!.. Эти корни подошли бы им больше», — он потянулся и крикнул:

— Хоббиты, подъем! На дворе чудное утро.

— Что в нем чудного? — отозвался Пин, выглядывая одним глазом из-под одеяла. — Сэм! Приготовь завтрак к половине десятого! Воду для ванны согрел?

— Нет, сударь! — Сэм вскочил, как встрепанный. Фродо стянул с Пина одеяла и пошел к опушке леса. Далеко на востоке вставало над мглой мира алое солнце. Тронутые золотом и багрянцем осенние деревья плыли, казалось, в туманном море. Чуть ниже по склону дорога сбегала в овраг и исчезала.

Когда он вернулся, Сэм с Пином развели добрый костер.

— Воды! — закричал Пин. — Где вода?

— Я не ношу воду в карманах, — сказал Фродо.

— Мы думали, ты пошел за водой, — сказал Пин, доставая еду и расставляя чашки. — Тогда сходи сейчас.

— Идем вместе, — позвал Фродо. — И прихвати баклаги.

У подножия холма бежал ручеек. Они наполнили баклаги и котелок под маленьким водопадом.

Вода была холодна, как лед; они умывались, брызгаясь и фыркая.

Когда завтрак был кончен, а мешки упакованы снова, перевалило за десять; день постепенно становился жарким. Они спустились по склону, пересекли дорогу, поднялись на другой холм, снова спустились и снова поднялись; и плащи, одеяла, вода, еда и прочие вещи стали казаться тяжким грузом.

Дневной путь обещал быть тяжелым. На протяжении нескольких миль дорога утомительным зигзагом карабкалась на крутой откос, а потом спускалась в последний раз. Они видели впереди, в низине, небольшие рощицы, что сливались вдали в бурую лесную марь. Они смотрели на Лесной Предел. Через него, извиваясь шнуром, шла дорога к Брендидуиму.

— Дорога всегда идет вперед, — сказал Пин. — Но я не могу идти без отдыха. Давно пора закусить. — Он сел на обочину и поглядел на восток, в дымку, за которой лежал Брендидуим — и граница края, в котором он прожил всю жизнь. Сэм стоял рядом. Его круглые глаза были широко раскрыты — перед ним были земли, которых он никогда не видал.

— Живут в тех лесах эльфы? — спросил он.

— Никогда не слышал, — сказал Пин.

Фродо молчал. Он тоже смотрел на восток, на дорогу, словно видел ее в первый раз. Вдруг он проговорил громко, но будто про себя:

Дорога вдаль и вдаль ведет
С того холма, где ее исток,
Дорога велела идти вперед —
Ее ослушаться я не мог.
По ней прошествуй легкой стопой,
Пока не вольешься в великий Путь,
Где много троп совьется в одной…
А дальше куда? Покуда забудь.

— Похоже на песенки старого Бильбо, — заметил Пин. — Или сам сочинил? Звучит не очень-то ободряюще…

— Сам не знаю, — сказал Фродо. — Оно пришло ко мне, будто я его придумал; а может и слышал когда-нибудь давно. Оно, знаешь, очень напоминает Бильбо перед самым его уходом. Он часто говорил, что есть лишь одна Дорога; что она — как большая река: начинается от каждого порога, и каждая тропа вливается в нее.

«Опасное это дело, Фродо, — уходить из дому, — повторял он. — Ты ступаешь на Дорогу и, если

не совладаешь с ногами, никому не известно, куда сможешь зайти. Понимаешь, это ведь та самая тропа, что идет через Лихолесье и, если ты ей позволишь, приведет тебя к Одинокой Горе, или даже в еще более жуткие места», — он часто повторял это на дороге к Торбе, возвращаясь с долгих прогулок.

— Ну, меня-то Дорога никуда не уведет — в ближайший час, по крайней мере, — заявил Пин, развязывая мешок. Другие последовали его примеру: положили мешки на обочину и вытянули ноги на дорогу. Они отдохнули, хорошо закусили и продолжали отдыхать дальше.

Солнце повернуло к закату, и землю заливал послеполуденный свет, когда пни пошли под гору. Пока что им не встретилось ни души. Дорогой почти не пользовались: для повозок она не годилась, да и мало кто ездил в Лесной Предел. Они шли уже около часа, когда Сэм на миг остановился и прислушался. Дорога устала извиваться и вела теперь прямо по зеленой луговине с редкими высокими деревьями — вестниками приближающегося леса.

— Скачет вроде кто-то — пони, а может — лошадь, — сказал Сэм. Они оглянулись, но поворот дороги мешал видеть.

— Может, Гэндальф?.. — предположил Фродо; но, едва сказав, почуял, что это не так, и внезапное желание спрятаться от этого всадника овладело им.

— Может, это и чепуха, — сказал он извиняющимся голосом, — но мне что-то не хочется, чтобы нас видели. Надоело, что мои дела всеми замечаются и всюду обсуждаются. А если это Гэндальф… — добавил он, — устроим ему веселую встречу, чтоб неповадно было опаздывать. Ну, прячемся!

Двое кинулись вправо и нырнули в небольшой овраг близ дороги. Фродо колебался: любопытство или какое-то иное чувство боролось в нем с желанием укрыться. Перестук копыт приблизился. Фродо бросился в высокую траву под нависшим над дорогой деревом. Потом поднял голову и осторожно взглянул поверх огромного корня.

Из-за поворота показался черный конь — не хоббичий пони, а настоящий высокий конь; на нем, ссутулясь в седле, сидел всадник, закутанный в черный плащ, в надвинутом на глаза капюшоне — из-под плаща виднелись лишь сапоги с громадными шпорами. Лица было не разглядеть.

Конь поравнялся с деревом — и встал. Всадник

не двигался, склонив голову, как будто прислушивался. Из-под капюшона донеслось слабое сопение — точно кто-то принюхивался к едва различимому запаху; голова поворачивалась из стороны в сторону.

Внезапный страх объял Фродо… и вдруг он понял, что надо всего-навсего надеть Кольцо. Он едва решался дышать, а рука потихоньку скользила к карману. Если он наденет Кольцо — он спасен. Советы Гэндальфа казались чушью. Надевал же Бильбо Кольцо — и ничего. «И я все ж таки пока в Крае», — подумал он, нащупывая цепочку. В этот миг всадник выпрямился и тронул поводья. Конь ступил вперед и пошел — сперва шагом, потом быстрой рысью.

Фродо подобрался к обочине и следил за всадником, пока тот не скрылся из глаз. Он не был до конца уверен, но ему показалось что внезапно, перед тем как исчезнуть из виду, конь свернул вправо и скрылся за деревьями.

«Все это очень чудно и беспокойно», — сказал Фродо самому себе, направляясь к товарищам. Пин и Сэм лежали ничком в траве и ничего не видели, так что Фродо рассказал им о всаднике и его чудном поведении.

— Не могу объяснись, почему — но уверен, что

он высматривал или вынюхивал меня; и еще уверен, что мне не хотелось, чтобы он меня нашел. Никогда не видел и не чуял ничего подобного.

— Какое дело до нас одному из Громадин? — пробурчал Пин. — Что ему вообще-то надо в Крае?

— Живут у нас кое-где Люди, — сказал Фродо. — В Южном Уделе, например. Но ни о ком подобном я и не слыхивал. Откуда он взялся, интересно знать?

— Прошу прощения, — вставил вдруг Сэм. — Я, кажется, знаю, откуда он взялся. Из Хоббитона этот черный, если только он один. И знаю даже, куда он путь держит.

— Чего ж ты молчал? — резко спросил Фродо, удивленно взглянув на него.

— Да я, сударь, только сейчас вспомнил… Ведь как дело-то было: прибегаю я вчера вечером с ключом домой, а папаша мне и говорит: «Привет, Сэм! — говорит. — А я думал, ты уже уехал — утром, с господином Фродо. Спрашивали тут господина Торбинса, чужак какой-то, вот только отъехал. Я его в Пряжбери послал. Что-то не пришелся он мне. Разозлился, когда я сказал, что господин Торбинс уехал. Зашипел на меня, ты подумай! Я прямо затрясся!» «А он кто?» —

спрашиваю Старика. «Не знаю, — отвечает. — Но не хоббит — это уж точно. Высокий, черный и клонится на меня. Я мыслю так, что это кто-то из чужедальних Громадин. Говорил он уж больно чудно».

Времени у меня не было его слушать, сударь, — вы ведь меня ждали; да и не обратил я внимания на это. Старик мой и правда старый, почти уже слепой, а было уж темно, когда этот тип подъехал — Старик вышел воздухом подышать на ночь глядя. Надеюсь, никакой он беды не накликал? Или сам я?..

— Старика винить не за что, — сказал Фродо. — Кстати сказать я слышал его разговор с чужаком, который мной интересовался, хотел даже пойти и расспросить о нем Старика. И стоило бы — да и тебе стоило бы рассказать мне это пораньше. Был бы я осторожней в дороге.

— Может, этот всадник и Стариков чужак и не связаны вовсе, — возразил Пин. — Уходили мы из Хоббитона тайно, ума не приложу, как он смог выследить нас.

— А для чего ж он нюхает, сударь? — спросил Сэм. — И Старик говорил: черный тот был.

— Надо бы мне дождаться Гэндальфа, — пробормотал Фродо. — А быть может, это только

ухудшило бы все.

— Так ты об этом всаднике что-то знаешь? — услыхал его бормотанье Пин.

— Не знаю и предпочитаю не догадываться.

— Ладно, братец Фродо! Держи свои тайны при себе, коли тебе этого хочется. Ну а сейчас — что нам делать? Я хотел подкрепиться немного, но, думаю, чем скорей мы отсюда уйдем — тем лучше. Не по душе мне эти ваши нюхающие всадники с невидимыми носами.

— Да, надо нам уходить, — согласился Фродо. — Но не по дороге — что если этот всадник вернется, или еще один пожалует? Нам еще сегодня идти и идти. Забрендия — не ближний свет.

Когда они опять двинулись в путь, тени деревьев на траве были длинны и прозрачны. Они отошли влево от дороги и старались, насколько можно, держаться от нее подальше. Но это задерживало: трава была густой и спутанной, земля — неровной, ветви деревьев переплетались с кустарником.

Солнце багрово село за холмы позади, спускался вечер; тогда они вернулись на дорогу. В этом месте она сворачивала влево и спускалась в низину, уходя к Родгорду; здесь от нее ответвлялась тропа и рощей древних дубов шла вправо — к Заборью.

— Вот ею мы и пойдем, — решил Фродо.

Неподалеку от развилки они наткнулись на огромный остов старого дерева: оно все еще жило, кое-где на тонких ветвях, выросших вокруг давно сломанных сучьев, желтели листья, — но от корней до вершины его рассекала трещина. Хоббиты влезли внутрь и уселись на полу из прелой листвы и гнилого дерева. Они отдыхали и закусывали, тихо переговариваясь и время от времени прислушиваясь.

Вокруг были сумерки, когда они вновь выбрались на тропу. Западный ветер вздыхал в ветвях. Перешептывалась листва. Вскоре дорога мягко повела под уклон. Над деревьями на востоке взошла звезда. Они шли рядом, чтобы было спокойней. Звезд становилось все больше, они разгорались все ярче — и непокой постепенно оставил их, и они перестали ожидать стука копыт. Они даже принялись напевать тихонько — у хоббитов в обычае бормотать себе под нос, когда случается ночью возвращаться домой. Чаще всего песни эти об ужине, а то и вовсе колыбельные; но эти хоббиты пели дорожную песню (хоть и не без упоминания об ужине и постели). Ее когда-то сочинил Бильбо — придумал слова к старому, как холмы, напеву — и научил ей Фродо,

когда они бродили в долине Реки и говорили о Приключении.

Огонь пылает в камельке,
Под кровом ждет постель.
Ночлег минуем налегке,
Хоть кружится метель.
Несут нас ноги — так идем!
Усталость прочь гони!
Какие ждут нас за углом
Деревья и огни!
И только нам кивнут они;
По снегу и цветам
Проходят дни, проходят дни
И ставят вехи нам.
Встают холмы, бежит вода,
Ложится пыль дорог,
Идут года, ведут года,
Усталость валит с ног.
Не перечесть земных дорог
И потайных дверей.
Минуем их, но будет срок
Ведущих к ним путей.

Следов, мостов, дорог не счесть!
На долю не ворчи!
К Луне и Солнцу тропки есть —
Скользящие лучи!
Шиповник нам кивает вслед,
Цепляет тёрн рукой…
Нам дела нет, нам горя нет,
Мы путь разыщем свой!
Забудь уют, отринь очаг,
Весь мир — что коврик твой!
К границам ночи верен шаг,
Коль звёзды над тобой.
Сгустится мгла, померкнет день,
Не трусь — шагай вперед!
Истает тень, истает тень,
Что застит небосвод!
Бегут года, ведут года…
Пусть долго нам шагать,
Но с чистой совестью тогда
Под крышей ляжешь спать!

— «Под крышей ляжем спать!» — пропел Пин во весь голос.

— Тише! — оборвал его Фродо. — По-моему, опять копыта. Они остановились и замерли, безмолвные, как тени деревьев. Ветер явственно принес перестук копыт — кто-то наезжал сзади по дороге. Быстро и тихо скользнули они с тропы и побежали в глубокую тень дубов.

— Не будем отходить далеко! — сказал Фродо. — Я не хочу, чтоб меня видели, но хочу взглянуть, не еще ли это один Черный Всадник.

— Что ж, посмотрим, — согласился Пин. — Не забудь только о нюхе!

Перестук приблизился. Времени искать укрытие лучшее, чем кромешная тьма под деревьями, не было; Сэм с Пином затаились за большим стволом, а Фродо подполз на несколько ярдов назад к дороге. Она смутно серела в ночи — тропа бледного света вилась сквозь лес. Над ней в небе горели крупные звезды, но Луны не было.

Копыта остановились. Фродо увидел, как что-то темное пересекло просвет меж двух деревьев и замерло — черная тень, ведущая в поводу высокий силуэт коня. Тень стояла рядом с местом, где они свернули с тропы, и покачивалась из стороны в сторону. Фродо послышалось сопение. Тень прижалась к земле и поползла к нему.

Фродо вновь ощутил желание надеть Кольцо

— и желание это было куда сильней, чем прежде. Так сильно, что, не успел он осознать, что делает, как рука его была в кармане. Но в этот миг откуда-то донеслись смех и песня. Чистые голоса звучали под звездами. Черная тень отпрянула. Она вскарабкалась на призрачного коня и растаяла по другую сторону дороги. Фродо перевел дыхание.

— Эльфы! — громким шепотом воскликнул Сэм. — Эльфы, сударь! — Он готов был выскочить из-за деревьев и кинуться навстречу голосам, но друзья удержали его.

— Да, эльфы, — сказал Фродо. — Встречаются они иногда в Лес ном Пределе. В Крае они не живут, но весной и осенью приходят сюда из-за Крепостных Холмов. И хорошо, что приходят! Вы-то не видели, но Черный Всадник остановился на этом самом месте и пополз уже к нам — да песня его спугнула.

— Так как же, сударь? Эльфы ведь… — Сэм был слишком взволнован, чтобы думать о всаднике. — Пойдем к ним?

— Слушай! Они идут сюда, — сказал Фродо. — Надо только подождать.

Песня приближалась. Один чистый голос выделялся из всех. Слова были древние, дивные, понимал их только Фродо, да и то с трудом. Но

понимать и не надо было — мотив подсказывал слова. Вот как их разобрал Фродо:

Сияй, лучистая Дева Звезд,
Царица западных вод!
В ночи бредущим маяк небес
Сквозь ветви надежду шлет.
Гильтониэль! О Эльберет!
Сиянье Твоих очей!
Поём тебя, неизбывный свет,
От дальних чужих морей.
Звезда сияний, звезда ночей,
Бессолнечных дней покой!
Поём серебро небесных свечей,
Зажженных Твоей рукой!
О Эльберет! Гильтониэль!
Свети дорогам лесным!
Маяк-надежду иных земель
Мы свято в душе храним.

Песня смолкла.

— Это Заморские эльфы! — проговорил в удивлении Фродо. — Песня-то про Эльберет! Немного Дивного Народа осталось в Средиземье, и неча-

сто заходят они в Край. Поистине — счастливая встреча.

Хоббиты уселись в тени на обочине.

Вскоре показались эльфы — они шли по тропе, спускаясь в долину. Они медленно проходили, и хоббиты видели, как сияет звездный свет в их глазах. Светильников у них не было, но слабое сияние, подобное предвестию лунного восхода над холмами, окружало их. Они молчали; последний эльф обернулся, взглянул на хоббитов и рассмеялся.

— О, Фродо! — воскликнул он. — Ты поздно гуляешь. Или заблудился? — Он громко окликнул своих, отряд остановился и окружил путников.

— Воистину удивительно! — сказали они. — Трое хоббитов — ночью в лесу! Такого не бывало со времен Бильбо. Что бы это значило?

— Это значит, Дивный Народ, — сказал Фродо, — что нам с вами по дороге. Я люблю бродить под звездами. Не возьмете ли нас в попутчики?

— Попутчики нам не нужны, тем более — хоббиты: скучный они народ. Да и откуда вам известно, что нам по дороге, если вы не знаете, куда мы идем?

— А откуда вам известно мое имя? — спросил в ответ Фродо.

— Мы многое знаем, — отвечали они. — Мы часто видели тебя с Бильбо, хоть ты нас тогда и не замечал.

— Кто вы и кто ваш предводитель? — спросил Фродо.

— Я, Гильдор Инглорион, — ответил предводитель — эльф, первым окликнувший его. — Мы изгнанники, родня наша давным-давно отплыла, а сами мы задержались ненадолго — прежде чем тоже уйти. Но кое-кто из наших по-прежнему мирно живет Светлояре. Ну а теперь, Фродо, поведай нам о своих делах. Ибо душу твою окутали тьма или страх, и мы видим это.

— О Мудрый Народ! — нетерпеливо вмешался Пин. — Скажите, кто такие Черные Всадники?

— Черные Всадники? — тихо откликнулись они. — Что вам до Черных Всадников?

— Ехали за нами двое — или, может быть, один, — сказал Пин. — Вот только отъехал, как вы подошли.

Эльфы ответили не сразу — сперва тихо посовещались на своем языке. Наконец Гильдор повернулся к хоббитам.

— Здесь мы не станем говорить об этом. А сейчас, думаем мы, лучше всего вам будет идти с нами. У нас это не в обычае, но пусть так — идите.

С нами и отдохнете, если пожелаете.

— О Дивный Народ! Я и надеяться не смел! — сказал Пин. Сэм онемел.

— Благодарю тебя, Гильдор Инглорион, — поклонился Фродо. — Элен сила луменн оментильмо, звезда осияла час нашей встречи, — добавил он на староэльфийском языке.

— Осторожней, друзья! — со смехом вскричал Гильдор. — Вслух не секретничайте! Среди нас знаток Древнего Наречия. Бильбо был хорошим учителем. Поклон тебе, Друг Эльфов, — сказал он, кланяясь Фродо. — Присоединяйтесь к нам — ты и твои друзья. Идите в середине, чтобы не отстать. Дорога будет долгой.

— А куда вы идете? — поинтересовался Фродо.

— В самую глубь Лесного Предела. Идти далеко, но там отдохнёте, и завтрашний путь ваш будет короче.

Они молча двинулись дальше, подобные теням и неярким огням ибо эльфы, если хотят, могут ходить бесшумней хоббитов. Пин начал клевать носом и даже споткнулся один-два раза, но всякий раз высокий эльф, шедший рядом, поддерживал его и не давал упасть. Сэм шагал рядом с Фродо будто во сне, и лицо его выражало смесь страха и восторженной радости.

***

Лес по сторонам дороги стал гуще; деревья были моложе и стояли плотней; а потом дорога повела под уклон, сбегая в низину меж холмов — склоны их густо заросли орешником. Наконец эльфы сошли с тропы. Справа лежала зеленая тропинка, совсем невидимая сквозь кусты. И они пошли по ней — назад по лесистым склонам, к гребню холмистой гряды, что протянулась вдоль речной долины. Неожиданно путники вышли из-под деревьев — и им открылась широкая луговина, серая в ночном свете. С трех сторон ее ограждали деревья; но с востока земля круто обрывалась, и вершины деревьев на склоне были вровень с их ногами. Внизу распростерлись под звездами заливные луга. Неподалеку, в Заборье, мигали редкие огоньки.

Эльфы сидели на траве и тихо переговаривались; на хоббитов они, казалось, совсем перестали обращать внимание. Фродо и его товарищи завернулись в плащи и одеяла, и дрема накрыла их. Сгущалась ночь, огни в деревне гасли один за другим. Пин уснул, положив голову на зеленый пригорок.

Высоко на востоке закачалась Звездная Сеть,

Реммират, и медленно всплыл над мглой мира пылающим рубином Боргиль. Потом вдруг мгла раздернулась, будто вуаль — и наклонившись, точно выкарабкиваясь из-за горизонта, встал во весь рост Небесный Меченосец Менельвагор в своем сверкающем поясе. Встречь ему грянула песня эльфов. Внезапно под деревьями алым пламенем вспыхнул костер.

— Идите сюда! — позвали хоббитов эльфы. — Идите же! Пришло время бесед и веселья!

Пин сел и протер глаза. Он дрожал.

— В зале горит костер, и ужин ждет гостей, — сказал стоящий перед ним эльф.

В южном конце луговины был проем; зеленый пол уходил там в лес, и кроны смыкались над ним крышей огромного зала. Громадные деревья колоннами высились по бокам. В центре зала пылал костер, а на стволах-колоннах медленно горели золотисто-серебряный светом факелы. Эльфы сидели вокруг огня — на траве или на кругляшах — срезах сухих деревьев. Некоторые ходили туда-сюда, разнося чаши и разливая питье; другие раскладывали по тарелкам еду.

— Ужин у нас скудный, — сказали они хоббитам. — Это дорожная трапеза, а не домашний пир. Если будете когда-нибудь у нас — вот тогда мы

вас по-настоящему угостим!

— Я и в день рожденья лучше не угощал! — ответил Фродо. Потом Пин безуспешно пытался вспомнить, что он ел и что пил: он во все глаза смотрел на лица эльфов, во все уши слушал их голоса и смех — все разные, и такие красивые, точно он грезил наяву.

Он помнил только, что ел хлеб — белый и мягкий, и до того вкусный, будто вы умирали от голода — а вам подали вдруг сдобную булку; и фрукты — сладкие, как лесные ягоды, и крупней всех садовых плодов; а в чаше, что он осушил, был благоухающий напиток — прохладный, как родниковая вода и золотистый, как летний полдень.

Сэм никогда не мог ни сказать словами, ни объяснить самому себе, что он думал и чувствовал той ночью, хотя она и осталась для него одним из самых главных событий его жизни. Он, конечно, сказал одному эльфу: «Ну, сударь, если б в моем саду росли такие яблоки — вот тогда я был бы садовник. А уж песни у вас — до самого сердца они дошли, если вы понимаете, про что я толкую».

Фродо ел, пил и разговаривал; но более всего его занимали речи. Он мало знал эльфийский язык и вслушивался изо всех сил. Время от времени он заговаривал с теми, кто ему прислуживал,

и благодарил на их языке. А они улыбались и радовались: «Истинное чудо этот хоббит!».

Через некоторое время Пин уснул — его подняли и отнесли в беседку под деревьями; там, на мягком ложе, он проспал остаток ночи. Сэм отказался оставить хозяина. Когда Пина унесли, он прикорнул у ног Фродо — и скоро глаза его закрылись. А Фродо долго еще не спал — у него был разговор с Гильдором.

Они переговорили о многом; и Фродо расспрашивал Гильдора о событиях за границей. Новости были большею частью печальны и жутки: о густеющей тьме, о войнах, что вели люди, об отплытии эльфов. И наконец Фродо задал вопрос, волновавший его больше всего.

— Скажи, Гильдор, видел ты Бильбо с тех пор, как он ушел?

Гильдор улыбнулся.

— Видел, конечно. Дважды. Вот на этот самом месте он с нами прощался. А потом еще раз — далеко отсюда.

Где — он не сказал, и Фродо не стал спрашивать.

— Ты не говоришь и не спрашиваешь ничего о себе, Фродо, — заметил Гильдор. — Но кое-что мне известно, а кое-что я прочел на твоем ли-

це и в том, что стоит за твоими вопросами. Ты покидаешь Край, и, однако, сомнения гложут тебя: найдешь ли, что ищешь, исполнишь ли, что должен, и вообще — вернешься ли назад. Так?

— Так, — согласился Фродо. — Но я думал, уход мой — тайна, известная лишь Гэндальфу да моему верному Сэму. — Он покосился на Сэма, который мирно похрапывал.

— От нас тайны к Врагу не просачиваются, — сказал Гильдор.

— К Врагу? — переспросил Фродо. — Так ты, значит, знаешь, почему я ухожу из Края?

— Зачем Враг преследует тебя — не знаю, — ответил Гильдор. — Но вижу, что преследует — хоть мне это и кажется очень странным. Берегись же — опасность позади, и впереди, и с обеих сторон.

— Ты про Всадников? Я так и знал, что они от Врага… Кто они, Гильдор?

— Гэндальф тебе ничего не говорил?

— О них — ничего.

— Тогда и не надо — страх обессиливает. Вышел ты в самое в самое время — если не опоздал. Тебе надо спешить — не медли и не оглядывайся! Ибо теперь Край тебя не укроет.

— Не знаю, что может быть страшней твоих остережений и намёков, — воскликнул Фродо. —

Я знал, конечно, что впереди опасность, но не ожидал встретить ее здесь, в нашем Крае. Неужто хоббит не может спокойно пройти от Реки до Брендидуима?

— Но Край — не ваш, — возразил Гильдор. — Жили здесь до хоббитов, будут жить и после. Вокруг вас — мир; вы можете отгородиться от него, но нельзя отгородиться навеки.

— Знаю — но все здесь такое знакомое, безопасное… Что ж мне теперь делать? Я собирался тайно уйти из Края и идти в Светлояр; но вот меня выследили — а я еще и до Забрендии не дошел!

— Делай, как собирался. Не думаю, чтобы Тракт был слишком опасен для тебя. Но если тебе нужен совет — спроси лучше Гэндальфа. Я не знаю ни причин твоего бегства, ни почему враги охотятся за тобой. Гэндальфу же все это должно быть известно. Ты, конечно, виделся с ним перед уходом?

— Надеялся повидаться. И это тоже очень меня тревожит. Я долго ждал его. Он должен был прийти самое позднее две ночи назад. Но не пришел. Хотел бы я знать, что случилось? Надо ли мне ждать его?

Гильдор помолчал.

— Плохие вести, — сказал он наконец. — То,

что Гэндальф запаздывает, ничего хорошего не предвещает. Но давно говорят: «В дела мудрецов носа не суй — голову потеряешь» Решай сам: ждать или идти.

— А еще говорят, — не удержался Фродо, — Эльфийский совет — что «да» то и «нет».

— Так говорят? — засмеялся Гильдор. — Эльфы редко дают советы, ибо совет — опасный дар даже для мудреца и всегда может обернуться бедой. Но о чем просишь ты? Ты не рассказал мне ничего о себе — так разве могу я выбирать за тебя? Но если ты просишь совета я, во имя нашей дружбы, рискну дать его. Думаю, тебе надо идти сейчас же, не мешкая; и если Гэндальф не появится, советую тебе: не ходи один. Возьми с собой, кого пожелаешь — и кому доверяешь.

Ты должен быть благодарен мне за совет — я давал его с неохотой. У эльфов свои труды и свои печали, и пути их редко пересекаются с путями других народов — и уж тем более хоббитов. Эта встреча, быть может, совсем не случайна; но цели ее не ясны мне, и я боюсь сказать слишком много.

— Я очень тебе благодарен, — сказал Фродо. — Но лучше бы ты сказал мне, кто такие эти Всадники. Если я приму твой совет — я, быть

может, очень долго еще не увижу Гэндальфа; и мне хотелось бы знать, что за опасность преследует меня.

— Разве не довольно знать, что они — слуги Врага? — ответил Гильдор. — Беги их! Ни слова с ними! Они — смерть! И не расспрашивай меня больше. Но сердце мое провидит, что прежде, чем все кончится, ты, Фродо, сын Дрого, будешь знать о них больше, чем Гильдор Инглорион. Да поможет тебе Эльберет!

— Но откуда мне взять мужества? — спросил Фродо. — Его у меня почти не осталось — а оно мне так нужно!..

— Ищи там, где не ждешь, — сказал Гильдор. — Надейся! А теперь — спи. Утром нас уже не будет. Но мы разошлем вестников: те, кому надо, узнают о вашем походе и будут на страже. Тебя я нарекаю Другом Эльфов; и пусть звезды осияют твой путь! Редко наши встречи с чужаками бывают столь приятны, и отрадно услышать слова Древнего Наречия из уст путника.

Гильдор не кончил еще говорить — а Фродо уже засыпал.

— Пойду спать… — проговорил он, и эльф отвел его в беседку где уже лежал Пин; хоббит бросился на ложе и погрузился в сон.

Глава 4
Напрямик по грибы

Фродо проснулся освеженным. Он лежал в беседке — дерево склонилось над ним, свесив до земли ветви; ложе его из трав и папоротника было мягким и глубоким и дивно благоухало. Солнце сияло сквозь трепещущую листву — она все еще была зелена. Он вскочил и вышел.

Сэм сидел на траве у кромки леса. Пин стоял, глядя в небо — изучал погоду. Эльфов не было.

— Они оставили нам фрукты, хлеб и питье, — сказал Пин. — Давай завтракай. Хлеб такой же вкусный, как ночью. Я бы тебе ничего не оставил — да Сэм волком смотрит.

Фродо уселся рядом с Сэмом и принялся за еду.

— Какой план на сегодня? — спросил Пин.

— Идти в Пряжбери — и чем быстрей, тем лучше, — отозвался Фродо и занялся завтраком.

— Думаешь, мы опять наткнемся на Всадников? — беспечно поинтересовался Пин: при ярком утреннем свете давешние Черные Всадники казались не такими уж страшными.

— Вполне возможно. — Напоминание не по-

нравилось Фродо. — Но, надеюсь, нам удастся перебраться через реку незамеченными.

— Узнал ты что-нибудь про них у Гильдора?

— Немного — лишь намеки да загадки, — уклонился Фродо.

— Ты спросил, почему они нюхают?

— Мы об этом не говорили, — отвечал Фродо с набитым ртом.

— А зря — по-моему, это-то и есть самое главное.

— Ну, в таком случае Гильдор бы тебе вовсе ничего не сказал, — резко проговорил Фродо. — Дашь ты мне поесть спокойно? И вообще, не хочу я говорить за едой! Я подумать хочу!

— За едой-то? — ехидно спросил Пин. — Ну-ну! — И отошел к краю поляны.

Из головы Фродо даже ясное утро — предательски ясное, подумалось ему, — не изгнало страха погони; он думал над словами Гильдора. До него донесся веселый голос Пина. Тот бегал по поляне и распевал во все горло.

«Нет! Не могу я! — сказал он себе. — Одно дело — сманить молодых друзей на прогулку по Краю: тут если и проголодаешься, так сразу же наешься, и отдохнуть есть где; и совсем другое — тащить их за собой неведомо куда, в ссылку, где голод

и опасность кругом. Не могу я взять их — даже если они сами попросятся. Не знаю даже, брать ли Сэма...» — он взглянул на Сэма Гискри — и обнаружил, что Сэм пристально глядит на него.

— Такие вот дела, Сэм, — сказал он. — Я ухожу из Края, и ухожу быстро — в Кроличьей Балке, пожалуй, и на день не задержусь.

— Очень хорошо, сударь!

— Ты все еще хочешь идти со мной?

— Само собой.

— Дело-то становится очень опасным, Сэм. Даже и уже опасно. Похоже, ни один из нас не вернется.

— Ну, сударь, если не вернетесь вы — так мне и возвращаться незачем, — заявил Сэм. — Они мне говорят: «Ты уж его не бросай!» «Бросить его! — говорю я им. — Да я за ним куда угодно полезу, хоть на Луну; и пусть только черные страшилы эти попробуют его остановить — будут иметь дело с Сэмом Гискри», — говорю. А они в смех.

— Кто — они, ты о чем говоришь?

— Да эльфы же, сударь. Был у меня с ними разговор ночью; они, похоже, знали, что вы уходите — так что и я таиться не стал. Удивительный они народ, эльфы, сударь. Удивительный!

— Ну вот, повидал ты их, — сказал Фродо. — И

как — нравятся они тебе?

— Да как вам сказать, сударь, — медленно отвечал Сэм. — А ведь это, кажется, и неважно вовсе. Ну, неважно, что я про них думаю. Выше они моей любви или нелюбви. Они, конечно, здорово отличаются от того, что я представлял — так стары и молоды, веселы и печальны — и все это одновременно…

Фродо пораженно уставился на Сэма, выискивая в нем внешние приметы приключившейся странной перемены. Говорил не тот Сэм Гискри, которого, казалось ему, он хорошо знал, — а на вид совсем тот же, только лицо необычно задумчивое.

— И по-твоему, тебе надо сейчас покидать Край — желание твое ведь исполнилось? — спросил он.

— Да, сударь. Не знаю, как сказать, но после этой ночи я какой-то другой. Вроде вижу, что впереди ждет, что ли… Знаю, дорога опасная и ведет во тьму; но знаю, что свернуть не могу. Эльфы, драконы, горы — это все хорошо, конечно; но мне-то совсем не за этим надо с вами идти. Я ведь непременно вам пригожусь, сударь — и не здесь, не в Крае, если вы понимаете, про что я толкую.

— Не понимаю. Зато понимаю, что Гэндальф

выбрал мне доброго спутника. Согласен. Мы пойдем вместе.

Фродо кончил завтракать в молчании. Потом встал, взглянул на край впереди и позвал Пина.

— Все готово? — спросил он, когда тот примчался. — Надо выступать немедля. Мы и так заспались, а идти еще долго.

— Ты заспался, — уточнил Пин. — Я давно уже встал. Мы только ждем, когда ты кончишь есть… и думать.

— Уже кончил. И собираюсь идти к Зайгородному Парому как можно быстрее. Но на дорогу, с которой мы сошли прошлой ночью, не вернусь: хочу пойти отсюда напрямик.

— Тогда тебе придется лететь, — фыркнул Пин. — По этим краям напрямик не пройдешь.

— Мы можем скосить угол, — настаивал Фродо. — Все прямее будет, чем по дороге. Паром к востоку от Заборья; и дорога уводит влево: вон там, севернее, поворот — видишь? Она огибает Ложки с севера и переходит через реку за Родгордом. Но это очень далеко и совсем не по пути. Мы сократим расстояние на четверть, если пойдем к Парому прямо отсюда — и напрямик.

— Угол скосишь — сто раз застрянешь, — сказал Пин. — Здесь же сплошь чащобы да пригорки, а в

Ложках — кочки да топи, знаю я эти места. А ежели тебя Черные Всадники заметят — так с ними, по-моему, на дороге безопаснее встретиться, чем в пустоши или в лесу.

— В пустоши или в лесу реже встречаются люди, — отозвался Фродо. — И если тебя поджидают на дороге — так и будут высматривать там, а не в другом месте.

— Ладно! — решился Пин. — Идем напрямик. А жаль. Я рассчитывал попасть до заката в родгордский Золотой Шесток. Там отличное пиво, лучшее в Восточном Уделе: давненько я его не пробовал.

— Вон что! — протянул Фродо. — Тогда мы туда наверняка не пойдем. Угол скосишь — сто раз застрянешь, а из кабака и вовсе не выйдешь. В Золотой Шесток мы тебя не пустим — нам надо до темноты поспеть в Пряжбери. А что скажешь ты, Сэм?

— Я — куда вы, господин Фродо, — сказал Сэм и вздохнул, подумав о лучшем в Восточном Уделе пиве.

— Значит, решено: пошли в болота и колючки! — махнул рукой Пин.

Было уже почти так же жарко, как вчера; но с запада набегали тучи. Похоже, собирался дождь.

Хоббиты спустились по крутому зеленому склону и нырнули в чащу. Они хотели оставить Заборье слева и двигаться наискось лесами на восток, пока не дойдут до равнины. Оттуда можно было идти прямо к Парому — преград не было, разве что несколько канав да заборов. Фродо подсчитал, что по прямой им надо пройти восемнадцать миль.

Вскоре он обнаружил, что кустарник куда гуще и запутаннее, чем казалось. Тропинок не было, и быстрого хода не получалось. Когда они пробились к подножью склона, то увидели речку — она бежала с холмов в глубоком русле с крутыми скользкими берегами, поросшими куманикой. Чтобы переправиться через нее, надо было вымокнуть, исцарапаться и вымазаться с головы до пят. Они остановились, гадая, что делать.

— Задержка первая! — мрачно отметил Пин. Сэм Гискри оглянулся. Сквозь проем в кустах он заметил промельк на вершине холма, откуда они только что спустились.

— Глядите! — вскрикнул он, хватая Фродо за руку. Они взглянули — и увидели высоко над собой силуэт коня, а рядом — склоненную черную фигуру.

Мысль о возвращении мгновенно улетучилась.

Фродо шагнул вперед, и они быстро нырнули в густой прибрежный кустарник.

— Фью! — сказал он Пину. — Правы-то, значит, были мы оба! Дорога напрямик нас уже подвела; но мы едва успели спрятаться. У тебя уши, как у лисы, Сэм: слышно что-нибудь?

Они застыли, почти перестав дышать. Но звука погони не было.

— Коню его по этакой крутизне не сойти, — сказал Сэм. — Но, думаю, он знает, что мы здесь спустились. Лучше нам пойти дальше.

Пойти дальше было, однако, не так-то просто. Хоббитам надо было тащить мешки, а кусты и куманика не желали пропускать их. От ветра их загораживал склон позади, в недвижном воздухе висела духота. Когда они с трудом выбрались на более открытое место, то были усталыми, взмокшими и исцарапанными, да к тому же потеряли направление. Берега реки понижались, она становилась шире и мельче и извилисто бежала через Ложки к Брендидуиму.

— Да это же Родгордский Поток! — признал ее наконец Пин. — Если мы собираемся идти как хотели — надо переправляться через него и забирать вправо.

Они перешли реку вброд и поспешили через

заросшую рогозом пустошь.

Окаймлял ее пояс деревьев: большею частью высокие дубы с редкими вязами и ясенями. Земля была довольно ровной, подлесок — редким; но деревья стояли так густо, что сквозь них почти ничего не было видно. Внезапный порыв ветра взметнул листву, с нависшего неба упали первые капли дождя. Потом ветер улегся, и хлынул ливень. Хоббиты устало тащились по пятнам травы и кучам старой листвы; а вокруг стучал и звенел дождь. Они не разговаривали, но часто оглядывались и озирались по сторонам. Спустя полчаса Пин сказал:

— Надеюсь, мы не слишком забрали в сторону и не идем вдоль этого леса! Полоса неширокая — не больше мили, так что мы должны были уже пройти ее.

— Зря мы пошли зигзагами, — вздохнул Фродо. — Этим дела не поправить. Ну да ладно, давайте идти, как идем — что-то мне пока не хочется появляться на открытом месте.

Они прошли еще несколько миль. Из-за рваных туч выглянуло солнце, дождь поредел. Было далеко за полдень, и желудки настоятельно напоминали о втором завтраке. Хоббиты остановились под вязом; его быстро пожелтевшая

листва была все еще густой, а земля под ним — довольно сухой. Когда они принялись за еду, оказалось, что эльфы наполнили их фляги бледно-золотистым напитком: он пах цветочным сеном и чудесно бодрил. Очень скоро друзья смеялись и готовы были махнуть рукой и на дождь, и на Черных Всадников. Последние мили, думалось им, скоро останутся позади.

Фродо прислонился к стволу и закрыл глаза. Сэм и Пин сидели рядом и что-то бормотали, а потом тихо запели:

Гей, гей, гей, гей!
С флягой горе веселей!
Я печаль прогоню,
Пиву дверь отворю!
Пусть дождик дождит
Пусть ветер вопит,
Пусть ждут впереди
Мили, камни и труды —
Но пока над головой
Вяз шумит своей листвой,
Я на травке полежу
Да на небо погляжу.

«Гей, гей, гей, гей!» — пропели они громче — и осеклись. Фродо вскочил на ноги. Ветер донес долгий протяжный вой — вой злобного и одинокого существа. Он поднялся и опал, оборвавшись пронзительным воплем, — и откуда-то издалека пришел ответ, слабый, но такой же цепенящий, зловещий и жуткий. Потом все стихло — лишь ветер шуршал в листве.

— Что это такое было, как по-вашему? — спросил наконец Пин, пытаясь говорить весело, но слегка запинаясь. — Может, птица? Что-то не слыхал я прежде в Крае таких птиц…

— Не зверь и не птица, — покачал головой Фродо. — Один позвал, другой ответил — и даже слова были в этом крике, только чужие и непонятные. Ни у кого из хоббитов такого голоса нет.

Больше об этом не говорили. Все трое подумали о Всадниках — но поминать их не стали. Не хотелось ни оставаться здесь, ни идти дальше; но рано или поздно — а все равно придется идти полями к Парому, и лучше было сделать это засветло и поскорей. Они взвалили мешки на плечи — и через минуту под деревом никого не было.

Лес кончился быстро — и неожиданно. Перед путниками простирались широкие поля. Теперь они видели, что слишком уклонились к югу.

Далеко за рекой слабо рисовался пологий холм Пряжбери, но теперь он был слева. Осторожно выйдя из-под деревьев, они поспешили туда.

Сперва они побаивались идти без прикрытия деревьев. Далеко позади была круча, где они завтракали. Фродо почти ожидал увидеть черный силуэт всадника на гребне — однако его не оказалось. Солнце сияло во всю мочь; тучи укатились за холмы. Страх ушел, но смутное беспокойство осталось. Край становился все более обжитым и ухоженным. Потянулись распаханные поля, заливные луга, то и дело попадались изгороди, ворота, водосборные канавы. Все выглядело спокойным и мирным — обычный уголок Края. С каждым шагом они успокаивались. Лента реки приближалась — и Черные Всадники казались уже призраками, оставшимися далеко в лесу.

Путники прошли краем огромного поля репы и подошли к крепким воротам. За ними между ухоженными живыми изгородями вилась тропинка к небольшой дальней роще. Пин остановился.

— Знаю я, чьи это земли, — объявил он. — Это Обманник, хутор Трофля. Вон и дом его за деревьями.

— Из огня да в полымя! — Фродо застыл. Скажи ему Пин, что тропка ведет в драконово логово, он,

пожалуй, испугался бы меньше. Друзья удивленно уставились на него.

— А чем тебе не нравится старый Трофль? — спросил Пин. — Он добрый друг всем Брендизайкам. Правда, бродяг он не жалует, и псы у него злющие — ну, так на то тут и граница, чтоб настороже жить.

— Знаю, — смущенно отозвался Фродо. — Но вот боюсь я его и его собак. Хутор его годами стороной обходил. Он меня несколько раз ловил — я к нему за грибами лазать повадился, когда в Хороминах жил. Молодой был, глупый. В последний раз он меня прибил, а потом взял и показал собакам: «Глядите, ребята, — говорит. — Попадется вам этот молодец еще раз — жрите его со всеми потрохами. А теперь — проводите!» Так они шли за мной до самого Парома. До сих пор страшно вспомнить, хотя собаки свое дело знали — рычали, но не трогали.

Пин рассмеялся.

— Ну вот и разберетесь. Ты же собираешься теперь в Забрендии жить. Трофль — он мужик что надо, особенно если не трогать его грибов. Идем, — а ежели встретимся с ним — предоставьте разговор мне. Он друг Мерри, да и я к нему частенько наведывался, когда бывал в здешних

местах.

Они шли по тропинке, пока не увидели среди деревьев тростниковых крыш хозяйской усадьбы. Трофли, как и Толстинги из Родгорда, строили на земле — и строили крепко: дом и надворные постройки были из кирпича и обнесены высокой стеной. Тропа подводила к массивной деревянной калитке.

Не успели они подойти, как поднялся жуткий гав, и громкий голос крикнул:

— Грай! Клык! Волк! Живей, ребята!

Фродо и Сэм застыли, помертвев. Пин сделал еще несколько шагов. Калитка открылась, и три огромный пса, злобно лая, во весь мах понеслись к путникам. На Пина они внимания не обратили; два волкодобных зверя прижали Сэма к забору, подозрительно его обнюхивали и не давали двинуться. Самый большой и свирепый пес, ощетинясь и рыча, встал перед Фродо.

Из калитки вышел коренастый крепко сбитый хоббит с мясистым красным лицом.

— Кто вы такие и что вам здесь надо? — спросил он.

— День добрый, господин Трофль! — сказал Пин. Фермер пристально поглядел на него.

— Да это же мастер Пин — господин Перегрин

Хват, хотел я сказать! — воскликнул он, перестав хмуриться и улыбаясь. — Давненько я вас тут не видал. Ваше счастье, что я вас узнал. Я теперь на всех чужаков собак спускать буду. Забавные тут сегодня дела творятся… Ничего не скажу, бывает у нас чудной народ, и какой еще чудной — река-то как близко, — проговорил он, качая головой, — но таких молодцов, как этот, отродясь не видывал. Второй-то уж раз он по моим землям без разрешения не поедет, не пущу!

— О ком это вы? — спросил Пин.

— Так вы, стало быть, не видели его? — удивился фермер. — Он поехал по тропинке к дороге — вот совсем недавно. Забавный молодец, скажу я вам, и вопросы у него забавные… Но, может, вы зайдете в дом? У меня есть доброе пиво, господин Хват, если конечно вы и ваши друзья не против.

Было совершенно ясно, что Трофль не прочь рассказать им побольше — и расскажет, если позволить ему говорить так, как он привык. Поэтому предложение его было принято.

— А собаки? — обеспокоенно спросил Фродо. Фермер захохотал.

— Они не тронут — если я не велю. Сюда, Грай! Клык! К ноге! К ноге, Волк! — крикнул он.

К облегчению Фродо и Сэма, собаки отошли и

отпустили их. Пин представил своих спутников.

— Господин Фродо Торбинс, — сказал он. — Вы его, может, и не помните, господин Трофль, но когда-то он жил в Хороминах. — При имени Торбинс Трофль вздрогнул и остро взглянул на Фродо. Тот начал было думать, что всплыла старая история с грибами, и что на него сейчас спустят собак. Но Трофль взял его под руку.

— Это ж надо! — воскликнул он. — Лёгок на помине! Идите в дом, потолковать надо.

Они зашли в кухню и устроились у широкого очага. Госпожа Трофль принесла кувшин пива и наполнила большие кружки. Сварено оно было на славу — Пин даже перестал жалеть о Золотом Шестке. Сэм подозрительно потягивал из кружки. Не доверял он здешним жителям; да и хозяина его здесь обидели — давно, правда, а все-таки.

После нескольких замечаний о погоде и видах на урожай (которые были не хуже чем всегда), Трофль опустил кружку и оглядел гостей.

— Ну, господин Перегрин, — сказал он. — Откуда идете, куда путь держите? Уж не ко мне ли в гости? Потому что ежели так — вы едва не прошли мимо.

— Да нет… — ответил Пин. — Правду сказать, вы ведь и сами догадываетесь — мы попали к

воротам с другой стороны: шли полями. Но это совсем случайно. Хотели пройти напрямик от Заборья к Парому, да вот заплутались.

— Если вы торопитесь, так дорогой лучше идти, — заметил Трофль. — Но вы можете ходить по моим землям сколько хотите, господин Перегрин. И вы, господин Торбинс, тоже. Хотя насчет грибов-то вы как — по-прежнему? — он засмеялся. — Да, вот видите, помню я мальчонку Фродо Торбинса — изрядный шалопай был, худший в Забрендии… Но сейчас-то я не о грибах думаю. Я ведь слышал уже сегодня ваше имя — перед самым вашим приходом. Как вы думаете, о чем этот забавник меня расспрашивал?

Они испуганно ждали.

— Ну, — неторопливо продолжал Трофль. — Въехал он на черном коне в ворота — они не заперты были — и прямо к дому. Весь в черном, и капюшон на глаза, будто не хочет, чтоб его признали. «Что за оказия? — думаю. — Откуда у нас в Крае этакое чудище взялось? И чего ему надо?» К нам Громадины редко заезжают; а о таких молодцах я вообще никогда не слыхал.

— Добрый вам день! — говорю, выходя к нему. — Эта тропка никуда не ведет, так что куда бы вы ни ехали, возвращайтесь на дорогу.

Не понравился он мне; тоже и Грай: выскочил, понюхал, хвост поджал и скулит. А черный этот сидит — не шелохнется.

— Я приехал оттуда, — и кажет на запад — через мои, изволите видеть, земли. — Видели вы Торбинса? — спрашивает медленно, чудным таким голосом, и клонится на меня. Капюшон низко надвинут а лица-то под ним и нет! Тут меня дрожь взяла. Но я все равно не понимаю, почему он должен топтать мои поля.

— Убирайтесь! — говорю. — Нет здесь никаких Торбинсов. Не туда заехали. Вам назад, в Хоббитон, надо — только теперь уж дорогой езжайте.

— Торбинса там нет, — шипит. — Он ушел. Идет сюда. Он мне нужен. Когда появится, дайте мне знать. Я привезу золота.

— Золото мне ваше ни к чему, — говорю. — Убирайтесь, откуда пришли. Даю вам минуту: не уедете — зову собак.

Он зашипел — засмеялся вроде — и на меня конем; я еле успел отпрыгнуть. Я свистнул собак — а он пришпорил — и нет его, только пыль столбом. Хотелось бы знать, что вы об этом думаете?

Фродо сидел, глядя в огонь, но единственной мыслью его было, как же им теперь добраться до Парома.

— Не знаю, что и думать, — сказал он наконец.

— Ну так я вам скажу, что, — проговорил Трофль. — Не надо бы вам связываться с Хоббитонским народом, господин Фродо — они там, слышно, все чудные. — Сэм заерзал в кресле и недружелюбно взглянул на фермера. — Ну да у вас, видно, безрассудство в крови. Я когда узнал, что вы перебрались к этому старому господину Бильбо сразу подумал, что беды вам не миновать. Попомните мои слова, всё это не иначе как из-за его странных дел. Деньги-то он, слыхал я, не добром в чужих краях добыл. Может, теперь кому-то захотелось знать, что это за золото да алмазы зарыты под Кручей в Хоббитоне?

Фродо промолчал: проницательность Трофля смутила его.

— Что ж, господин Фродо, — продолжал тот. — Я рад что у вас хватило здравого смысла вернуться в Забрендию. Мой вам совет: оставайтесь там! И не связывайтесь с разными чужаками. У вас и тут друзей достанет. А ежели эти черные молодцы снова сунутся — я с ними сам поговорю. Хотите, скажу что вы умерли или вообще из Края уехали? Даже и на правду похоже будет, потому что провалиться мне на месте, если они не старого господина Бильбо ищут.

— Может, вы и правы, — сказал Фродо, избегая его взгляда. Трофль задумчиво на него посмотрел.

— Вижу, вы хотите держать, что знаете, при себе, — заметил он. — Ну и ладно, держите. Ясно, как день, что не случай занес сегодня ко мне и вас, и это черное пугало; и новости мои, быть может, не так уж новы для вас. Я не прошу вас ни о чем мне рассказывать; но вижу, попали вы в какую-то беду. Думаете, небось, как бы вам до Парома добраться — и никому не попасться?

— Думаю, — признался Фродо. — Но идти нам туда все-таки надо. Ни сидя здесь, ни раздумывая, делу не поможешь. Так что, боюсь, пора нам. Спасибо вам большое за вашу доброту! Можете смеяться, господин Трофль, а ведь я вас и ваших псов тридцать лет боялся. Жаль: был бы у меня еще один верный друг. Теперь вот мне жалко уходить от вас так скоро. Но я еще, быть может, вернусь… если удастся.

— Вам всегда будут рады здесь, — сказал Трофль. — А теперь — есть у меня мыслишка… Солнце скоро сядет, и мы как раз собираемся ужинать — ложимся и встаем-то ведь с солнцем. Так сделайте одолжение, господин Фродо и вы, господин Перегрин — оставайтесь, закусите с нами!

— С удовольствием бы, — отказался Фродо. — Но нам пора. Даже и теперь нам не добраться к Парому до темноты.

— Погодите вы, торопыга! Я о чем говорю: поужинаем, есть у меня крытая повозка, вот я вас всех до Парома и довезу. И от долгой дороги избавитесь, и еще от кое-какой опасности убережетесь.

Фродо с благодарностью согласился, и Пин с Сэмом облегченно вздохнули. Солнце скрылось за западными холмами, и свет медленно угасал. Пришли два сына Трофля и три его дочери; на большом столе накрыли богатый ужин. Кухню освещали свечи; потрескивал огонь в очаге. Госпожа Трофль сновала туда-сюда. Ей помогали два-три хоббита из прислуги. Вскоре все сидели за столом. На пиво хозяин не скупился, да и всего другого было вдоволь: и грибы, и грудинка, и домашний сыр. Псы лежали у огня и грызли кости.

Когда все отужинали, Трофль с сыновьями пошли запрягать повозку. Гости вышли во двор; было уже темно. Они забросили мешки внутрь и влезли сами. Фермер уселся на облучок и хлестнул двух крепких пони. Жена его стояла в дверях.

— Будь осторожен, Трофль! — окликнула она. — Не связывайся ни с какими чужаками и сразу

возвращайся!

— Ладно! — отозвался он и выехал за ворота. Ветра не было. Стояла тихая, прохладная ночь. Повозка медленно катилась вперед; света не зажигали. Через одну-две мили тропа кончилась; перевела через глубокую канаву и взобралась на короткий склон к гребню высокой насыпи.

Трофль спрыгнул и внимательно огляделся — нигде ничего, даже звуков — никаких. Тонкие полосы речного тумана висели над канавами и ползли по полям.

— Он сгущается, — заметил Трофль. — Но огня я не зажгу, пока не поверну домой. Если на дороге что появится — мы издалека услышим.

От конца Трофлевой тропы до Парома было миль пять, а то и поболе. Хоббиты завернулись в одеяла, но уши их настороженно ловили каждый звук кроме скрипа колес да тихого переступа пони. Повозка, казалось Фродо, ползет медленней улитки. Рядом с ним клевал носом Пин; Сэм неотрывно всматривался в густеющий туман.

Наконец они добрались до спуска на пристань. Его отмечали два высоких белых столба, вдруг выросших справа от дороги. Трофль осадил своих пони, повозка заскрипела и остановилась. Они начали уже вылезать, когда внезапно услышали

то, что смертельно боялись услышать — цокот копыт. Он приближался.

Трофль спрыгнул и стоял, держа лошадок за головы и глядя в темноту. Всадник подъезжал. Ток-ток, ток-ток… Удары копыт громко звучали в недвижном, мглистом воздухе.

— Лучше вам спрятаться, господин Фродо, — взволнованно проговорил Сэм. — Забирайтесь в повозку и накройтесь одеялами, а мы ушлем этого всадника от вас подальше! — он вылез и подошел к фермеру. Чтобы подъехать к повозке, Черным Всадникам пришлось бы стоптать их.

Ток-ток, ток-ток. Всадник был совсем рядом.

— Эй, там! — крикнул Трофль. Копыта замерли. Путникам почудилась темная, закутанная в плащ фигура в тумане ярдах в двух впереди.

— Стойте там! — велел фермер, бросил поводья Сэму и шагнул вперед. — Ни шагу дальше! Что вам надо и куда вы едете?

— Нужен мне господин Торбинс. Не встречали такого? — сказал глухой голос — но голос этот был голосом Мерри Брендизайка. Затемненный фонарь открылся, и свет его упал на изумленное лицо Трофля.

— Господин Мерри! — вскрикнул тот.

— Разумеется! А вы думали — кто? — спросил

Мерри, подъезжая. Страхи их сгинули — из тумана появился обычный хоббит верхом на пони; шея его была замотана шарфом, прикрывающим подбородок и рот.

Фродо выпрыгнул из повозки ему навстречу.

— Наконец-то! — сказал Мерри. — Я уж решил, что вы сегодня вообще не придете и собрался возвращаться — самое время ужинать. Когда туман сгустился, я переправился и поехал к Родгорду — поглядеть, не свалились ли вы по дороге в яму. Где вы их подобрали, господин Трофль? На плаву в утином пруду?

— Нет; они шли по моим землям, — отозвался фермер, — и я чуть собак на них не спустил. Да они вам все сами расскажут, не сомневайтесь. Ну а мне, с вашего позволения, господин Мерри, и господин Фродо, и все, домой пора. Жена волноваться будет. Он развернул повозку. — Доброй ночи всем вам, — сказал он. — Чудной это был день, ох, и чудной! Ну да все хорошо, что хорошо кончается; хоть нам, наверное, и нельзя так говорить, пока мы до дому не добрались. Не стану отрицать — рад буду, если мне это удастся. — Он зажег фонари и сел на облучок. И вдруг вытащил из-под сиденья большую корзину. — Чуть не забыл! Это господину Торбинсу от жены — с наи-

лучшими пожеланиями. — Он спустил ее вниз и отъехал, а вслед ему летели благодарности и прощания.

Они смотрели, как медленно тает в тумане бледное сияние вокруг фонарей его повозки. Вдруг Фродо рассмеялся: от закрытой корзины поднимался плотный запах жареных грибов.

Глава 5
Раскрытый заговор

— Пора и нам, — сказал Мерри. — Я так понимаю, тут что-то нечисто; поэтому всему придется подождать, пока мы переправимся.

Они спустились — дорожка была прямая, утоптанная, с обеих сторон ее ограждали белые камни. Ярдов через сто она уперлась в реку, где была большая деревянная пристань. Широкий паром покачивался на воде рядом. Белые причальные тумбы у самой воды блестели в свете двух фонарей на высоких столбах. Позади, на полях, туман поднялся уже выше изгородей, а перед хоббитами тихо плескалась темная вода с несколькими клубящимися полосками мглы в прибрежных тростниках. На том берегу тумана, казалось, не было вовсе.

Мерри по мосткам ввел пони на паром, остальные последовали за ним. Тогда Мерри медленно оттолкнулся длинным шестом. Перед ними неспешно, широко струился Брендидуим. Противоположный берег был крут, и вверх по нему от пристани вилась тропа. Там мигали фонари. За ними смутно вставал Брендигор, и в нем сквозь наплывающие лохмотья тумана светилось множество круглых алых и золотистых окон. То были огни Хоромин-на-Брендидуиме — древней вотчины Брендизайков.

Много веков минуло с тех пор, как Горхендад Старозайк, глава клана Старозайков, одного из старейших в Ложках, а может — и во всем Крае, пересек реку, которая была естественной восточной границей страны. Он выстроил (или вырыл) Хоромины, стал зваться Брендизайком и сделался Господарем всего маленького независимого края. Клан его рос и рос, и после его кончины продолжал разрастаться — пока Хоромины не заняли весь пологий холм; в них было три парадных двери, множество черных и около сотни окон. Тогда Брендизайки и их вассалы стали рыть, а потом и строить, вокруг. Таково было начало Забрендии, узкой густонаселенной полосы земли между рекой и Вековечным Лесом. Главным ее

поселением было Пряжбери, теснившееся на скатах и склонах за Хороминами.

Народ Ложков дружил с забрендийцами, и Господарь Забрендии (как по-старинке звали главу клана Брендизайков) по-прежнему почитался всеми фермерами, жившими между Родгордом и Ситниксом. Но большинство хоббитов не признавало забрендийцев, считая их странным, чуть ли не чужим народом. На самом-то деле они, конечно, не так уж и отличались от хоббитов Четырех Уделов. Одно отличие, впрочем, было: все они любили лодки, а некоторые даже умели плавать.

Паром медленно пересекал реку. Берег Забрендии приближался. Сэм — единственный из всех — никогда раньше не бывал за рекой. Тихие волны скользили мимо — и его вдруг охватило странное чувство: старая его жизнь осталась во мгле позади, темные приключения ждали впереди. Он почесал в затылке и на краткий миг пожелал, чтобы господин Фродо продолжал спокойно жить в Торбе.

Четверо хоббитов сошли с парома. Мерри привязывал его к тумбе, а Пин повел уже пони вверх по тропе, когда Сэм (он оглянулся, будто прощаясь с Краем) громко прошептал:

— Обернитесь, господин Фродо! Видите?

На другой стороне, под дальними фонарями, виднелось темное нечто — словно позабытый черный мешок, брошенный на пристань. Но когда они смотрели, им показалось, что он движется, тычется в разные стороны, будто обнюхивает землю. Потом оно уползло или укатилось за фонари и исчезло во тьме.

— Это что еще в Крае за новости? — спросил Мерри.

— Это за нами, — сказал Фродо. — Не спрашивай сейчас ничего! Уйдем поскорей отсюда!

Они поспешили подняться на кручу, но когда оглянулись, дальний берег потонул в тумане, и там ничего не было видно.

— Какое счастье, что вы не держите лодок на той стороне! — сказал Фродо. — Может конь пересечь реку?

— Может — по Брендидуимскому Мосту, но до него добрых двадцать миль, — ответил Мерри. — Или вплавь. Но я что-то не слыхал, чтобы тут вплавь переправлялись. И зачем это коню лезть в Брендидуим?

— Потом скажу. Пойдем в дом, за дверьми поговорим.

— Пусть так! Вам с Пином дорога известна; так я поеду вперед, скажу Толстику, что вы идете.

Пускай греет ужин.

— Мы уже ужинали у Трофля, — заметил Фродо. — Но можем и еще раз.

— Вот обжоры! — засмеялся Мерри. — Давай корзину! — и ускакал во тьму.

От Брендидуима до Кроличьей Балки было довольно далеко. Брендигор с Хороминами на склонах остался слева; по окраине Пряжбери шла юг главная дорога Забрендии — она вела от Брендидуимского Моста. Пройдя по ней немного к северу, они подошли к повороту на неширокую стежку и следовали по ней несколько миль по холмам и низинам пригорода.

Наконец дошли до узкой калитки в густой изгороди. Дома во тьме было не разглядеть: он стоял на широкой лужайке, окруженный низкими деревьями. Фродо выбрал его потому что он стоял вдали от дорог и соседей рядом не было. Можно было входить и выходить незамеченным. Давным-давно Брендизайки построили его для гостей или тех членов семьи, которые хотели на время удалиться из шумных переполненных Хоромин. Старинный деревенский дом этот очень походил на нору — длинный, низкий, без верхнего этажа, он был крыт дерном; окна и массивная дверь были круглыми. Идя от калитки по заросшей тра-

вой тропинке, друзья не видели ни огонька: окна были плотно закрыты. Фродо постучал в дверь; открыл Толстик. Хлынул ласковый свет. Они быстро скользнули внутрь и закрылись в доме вместе с ним. Они были в просторной прихожей с дверьми по обе стороны; перед ними вниз, к центру дома, уходил коридор.

— Ну, что скажешь? — спросил Мерри, появляясь из коридора. — Мы постарались, чтобы все было как дома. А ведь времени у нас почти что не было — последняя повозка только вчера приехала.

Фродо огляделся. Все и было, как дома. Его любимые вещи (любимые вещи Бильбо, коли на то пошло) стояли на тех же местах, что в Торбе. Тепло, приятно, уютно, и Фродо вдруг захотелось на самом деле остаться здесь. «Как же я им скажу, что они все это зря устраивали, что я ухожу скоро… сейчас же?» — снова подумал он. Сказать, однако, было надо — этой же ночью, до того как они пойдут спать.

— Чудесно! — сказал он, сглотнув трудный комок. — Будто никуда и не уезжал.

Путешественники повесили плащи, а мешки поставили на пол. Мерри повел их вниз по коридору и распахнул дверь в дальнем конце. Оттуда

вылетел клуб пара, блеснули угли.

— Баня! — в восторге завопил Пин. — О благословенный Мерриадок!

— Кто моется первым? — спросил Фродо. — Самый старший или самый быстрый? Вы и так и так второй, мастер Перегрин.

— Что ещё за очереди? — встрял Мерри. — Не хватало еще ссориться из-за бани! Чтоб вы знали, так там три лохани и котел кипятку. Кстати — может, пригодятся — коврики, полотенца и мыло. Заходите, да поторапливайтесь!

Мерри с Толстиком отправились в кухню по другую сторону коридора и занялись последними приготовлениями к позднему ужину. Из банной комнаты неслись обрывки песен вперемешку с плеском и вскриками. И вдруг Пин звонко запел одну из любимых банных песен Бильбо:

Запевай веселей!
Грязь смывай поскорей!
Ну-ка, лодырь, подпевай,
Горячее поддавай!
Славно дождик стучит,
Ключ в долине журчит,
Но вода в котле булькает лучше.

Глотку жажда раздерет —
Рад воде холодной рот,
И пивка хорош глоток…
Лезь скорее на полок!
Бьет фонтан к небесам,
Только знаешь и сам —
Веселей топать в бане по лужам!

Раздался громкий всплеск и вопль Фродо. Должно быть, большая часть содержимого Пиновой лохани превратилась в фонтан и «взлетела к небесам».

Мерри подошел к дверям.

— Как насчет поужинать и выпить пива? — позвал он. Фродо вышел, вытирая голову.

— Там столько воды, что я лучше в кухне досохну, — сказал он.

— Ну и ну! — присвистнул Мерри, заглянув внутрь. На каменном полу можно было плавать. — Сначала уберете всё это, сударь мой Перегрин, а потом уж будете ужинать, — сказал он. — Поспешай — ждать не станем!

Ужинали в кухне за стоящим у огня столом.

— Вам троим, наверное, уже не хочется грибов? — без большой надежды спросил Фредегар.

— Еще как хочется! — воскликнул Пин.

— Грибы мои! — объявил Фродо. — Подарок мне от госпожи Трофль — королевы фермерш. Уберите лапы, я их сам разложу.

Хоббиты питают к грибам настоящую страсть, удивительную даже для самых больших любителей из Большого Народа. Этим отчасти объясняются набеги юного Фродо на плантации в Ложках и гнев оскорбленного Трофля. Но на сей раз хватило всем — даже по хоббичьим меркам. А за грибами последовало еще много всего, и когда ужин кончился, даже Толстик Боббер выглядел наевшимся. Они отодвинули стол и расположились в креслах вокруг огня.

— Уберем потом, — сказал Мерри. — А теперь расскажите мне всё! Полагаю, у вас были какие-то приключения. Я требую полного отчета; и больше всего мне хочется знать, что стряслось со стариной Трофлем и с чего это он так со мной разговаривал. Я ушам не поверил — чтобы Трофль чего-то боялся?!

— Испугаешься тут, — проговорил Пин. Фродо смотрел в огонь и молчал. — И ты бы испугался, если бы за тобой Черные Всадники два дня гнались.

— А кто это?

— Черные всадники на черных конях, — отве-

тил Пин. — Если Фродо не хочет говорить — я сам вам расскажу, с самого начала. — И он поведал им о походе с момента ухода из Хоббитона. Сэм кивал головой и одобрительно крякал. Фродо продолжал молчать.

— Я бы подумал, что вы все это выдумали, — сказал Мерри, — Если бы не видел той черной тени и не слышал голоса Трофля. Что ты об этом думаешь, Фродо?

— Братец Фродо стал очень скрытным, — заметил Пин. — Но пришла ему пора открываться. Мы до сих пор не знаем ничего, кроме догадки Трофля, что это как-то связано с сокровищами старого Бильбо.

— Это только догадка, — поспешно сказал Фродо. — Трофль ничего не знает.

— Старина Трофль — мужик ушлый. За его круглой физиономией много чего спрятано, и не обо всем он говорит. Я слыхал, когда-то он даже в Предвечный Лес ходил; и вообще — тут его считают знатоком по части разных странных дел. Но ты хоть скажи нам, Фродо, правильно он догадался или нет?

— Думаю… — медленно начал Фродо. — Да, думаю, догадался он верно. Это все связано с давними приключениями Бильбо, и Всадники ищут

— быть может, лучше сказать охотятся — за ним или за мной. Дело это, боюсь, вовсе нешуточное; и здесь мне не спасение, и вообще нигде. — Он оглядел окна и стены, точно боялся, что они вдруг исчезнут. Друзья молчали и обменивались многозначительными взглядами. — Сейчас скажет! — шепнул Пин Мерри. Тот кивнул.

— Ладно! — Фродо выпрямился, будто приняв наконец решение. — Мне надо всем вам кое-что сказать. Не знаю только, как начать…

— Я тебе помогу, — тихо сказал Мерри. — Начну за тебя.

— Что ты хочешь сказать? — удивленно взглянул на него Фродо.

— А вот что, дорогой ты мой Фродо: тебе плохо сейчас, потому что ты не знаешь, как попрощаться. Ты, конечно, давно собирался уйти из Края. Но опасность оказалась ближе, чем ты ожидал, и ты решил идти тотчас. А идти тебе не хочется. Нам тебя очень жалко.

Фродо раскрыл рот — и закрыл его. Удивление его было таким забавным, что все они рассмеялись.

— Милый старина Фродо! — сказал Пин. — Неужто ты и правда думал что запорошил нам всем глаза? И старался-то не очень, и ума-то не хва-

тит! Ты же прощаешься со всем с самого апреля! Ходишь, бормочешь: «Увижу ли я когда-нибудь еще эту долину?..» И все в таком роде. Притворяешься, что деньги у тебя вышли, и продаешь Торбу… Лякошолям! И эти твои тайные беседы с Гэндальфом…

— Вы и это знаете? — ахнул Фродо. — А я-то думал, что был и умен, и осторожен. Не знаю, что сказал бы Гэндальф. Выходит, весь Край только и говорит, что о моем уходе?

— Нет, конечно, — отозвался Мерри. — Об этом не волнуйся. Долго тайну, разумеется, не сохранить; но пока что, думаю, она известна только нам — заговорщикам. Мы же хорошо тебя знаем, и почти все время были с тобой. Нам легко было догадаться, что ты задумал. Я и Бильбо знал. Правду сказать, я следил за тобой с самого его ухода. Думал, рано или поздно — а уйдешь ты за ним непременно; я ждал, что ты уйдешь раньше, и недавно мы заволновались: боялись, что ты от нас удерешь, уйдешь неожиданно, как он. С этой весны мы настороже и хорошо подготовились. Так легко тебе не уйти!

— Но идти я должен, — возразил Фродо. — Ничего не поделаешь, милые друзья. Прощаться нам горько, но задерживать меня бесполезно. Вы так

много знаете — помогите же мне, пожалуйста, а не мешайте!

— Ты не понял нас! — сказал Пин. — Ты должен идти — значит, должны идти и мы. Мы с Мерри идем с тобой. Сэм чудесный парень, он за тебя дракону глотку перегрызет; но в твоем опасном приключении одного спутника мало.

— Милые мои, любимые хоббиты! — Фродо чуть не заплакал. — Не могу я вас взять. Я это давно решил. Вы вот говорите об опасности — но не понимаете. Это ведь не охота за сокровищами, не поход Туда-и-Обратно. Я иду из одной смертной опасности в другую, и конца им не видно.

— Понимаем, не беспокойся, — твердо сказал Мерри. — Потому и решили идти. Мы знаем, какое это страшное Кольцо, но постараемся сделать все, чтобы помочь тебе одолеть Врага.

— Кольцо! — вздрогнул Фродо.

— Да, Кольцо, — повторил Мерри. — Ты, старина, не учитываешь любознательности своих друзей. Я знаю о Кольце давным-давно — еще при Бильбо знал. Но так как он держал это в секрете — я тоже молчал, пока мы не устроили заговора. Я, конечно, знал Бильбо не так хорошо, как тебя; да и был я тогда моложе, а он куда осторожней; но была и на него проруха. Рассказать?

— Рассказывай, — слабо согласился Фродо.

— Прорухой этой оказались Лякошоль-Торбинсы. Однажды, за год до Угощения, шел я по дороге, вдруг смотрю — впереди Бильбо идет. Неожиданно в отдалении появляются Лякошоли и движутся в нашу сторону. Бильбо замедлил шаг, и… исчез! Я был так удивлен, что едва успел спрятаться; потом быстро перескочил через изгородь и пошел вдоль нее с другой стороны. Ну, вот. Прошли Лякошоли — Бильбо появляется и сует в карман что-то золотое и блестящее.

После этого, сам понимаешь, я был все время начеку. Признаюсь, следил за ним. Но, согласись, это все было так таинственно, а мне ведь и двадцати еще не было. Я, должно быть, единственный в Крае — кроме тебя, Фродо, — кто видел его книгу.

— Ты читал его книгу! — вскричал Фродо. — Да что же это такое! Неужто ничего нельзя сохранить в тайне?

— Не всегда и не от всех, — проговорил Мерри. — Но я лишь одним глазком заглянул. Он никогда не оставлял ее без присмотра. Интересно, что с ней сталось. Я не прочь заглянуть туда еще раз. Она у тебя, Фродо?

— Нет. В Торбе ее не было. Он, должно быть, взял ее с собой.

— Ну, как я говорил, — продолжал Мерри, — я держал свои знания при себе — пока этой весной дела не пошли всерьез. Тогда мы устроили заговор; и так как мы тоже не в игрушки играли, а делали дело, нам пришлось быть не слишком щепетильными. Ты у нас твердый орешек, а Гэндальф — и того хуже. Был у нас главный шпион; если хочешь, я его тебе представлю.

— Где он? — Фродо огляделся, будто ожидал, что из-за шкафа выступит зловещая фигура в маске.

— Выходи, Сэм, чего уж там! — сказал Мерри, и Сэм поднялся, покраснев до ушей. — Вот наш сборщик сведений! И, должен сказать, собрал он их немало — пока его не сцапали. После этого он словно воды в рот набрал.

— Сэм!.. — ахнул Фродо, чувствуя, что удивление его дошло до предела и что он сам уже не знает — сердиться ему, смеяться или облегченно вздыхать.

— Да, сударь! — пролепетал Сэм. — Простите, сударь! Я же как лучше, господин Фродо, и Гэндальфу я, право слово, не поперек. Он же вам что сказал? Вы говорите: один пойду, а он: нет! Возьми с собой того, кому веришь!

— Кому уж теперь верить! — сказал Фродо, и Сэм опустил несчастные глаза.

— А это смотря в чем верить, — вставил Мерри. — Что мы за тобой во все опасности пойдем — в этом ты нам верь. И что любой твой секрет сохраним — лучше, кстати, чем ты сам. А вот что мы тебя отпустим одного навстречу беде — нет, не верь. Мы твои друзья, Фродо. Мы знаем большую часть того, что тебе рассказал Гэндальф. Знаем про Кольцо. Нам очень страшно — но мы пойдем с тобой; и не возьмешь — все равно пойдем.

— И потом, сударь, — добавил Сэм. — Надо бы вам послушаться эльфов. Гильдор сказал же вам: бери с собой тех, кто пожелает пойти, это уж вы отрицать не станете.

— Не стану, — сказал Фродо, глядя на ухмыляющегося Сэма. — Но в следующий раз я своим глазам да ушам не поверю: вижу, дескать, спит, слышу, мол, храпит. Я тебя ногой проверю — уснул или нет.

А вы все — мерзкие заговорщики! — повернулся он к остальным — и засмеялся, подняв руки. — Сдаюсь! Принимаю совет Гильдора. Если бы тьма не была так черна, я заплясал бы от радости. Даже и так я счастлив сейчас, как давно уже не был. Я очень боялся этого вечера.

— Значит, решено! Трижды ура Атаману Фродо и его шайке! — закричали они, танцуя вокруг его

кресла; а Мерри и Пин завели песню, которую, конечно, заготовили давным-давно: вроде той, что позвала когда-то Бильбо в поход с гномами — она даже пелась на тот же мотив:

Камину и дому мы скажем: «Прощай!»
Ведут нас дороги в неведомый край.
За лес и за горы уйдем до восхода,
Ты буре себя испугать не давай.
В долину, где эльфы живут до сих пор,
К туманным подножиям сумрачных гор
Сквозь топи и ночь помчимся мы вскачь,
И примет нас пустоши гулкий простор.
А дальше куда — неведомо нам…
Враги ждут в засаде и страх по пятам.
В постели не спать и звезды считать,
Пока не вернемся к родимым местам.
Мы скачем прочь! Мы скачем прочь!
Уходим мы прежде, чем кончится ночь.

— Хорошо спето! — похвалил Фродо. — Но, коли

так, нам еще много сегодня предстоит сделать, пока мы пойдем спать — в постели, этой ночью во всяком случае.

— Да это же стихи! — сказал Пин. — Ты что, и вправду хочешь выйти до свету?

— Сам не знаю, — отвечал Фродо. — Боюсь я этих Черных Всадников и чую, что опасно оставаться надолго в одном месте, особенно если известно, что я в это место направился. Вот и Гильдор не советовал мне ждать. Но я очень хотел бы увидеть Гэндальфа. Даже Гильдор обеспокоился, когда узнал, что Гэндальф не пришел. Все зависит от двух вещей. Долго ли Всадникам до Пряжбери? И долго ли нам собираться? Это займет много времени.

— Отвечаю на второй вопрос, — сказал Мерри. — Мы можем выйти хоть через час. Я все уже приготовил. Шесть пони жуют сено; вещи упакованы, осталось только подложить чего-нибудь для тепла и брюха.

— Да вы, погляжу, опытные заговорщики, — заметил Фродо. — А как со Всадниками? Можно подождать тут денек Гэндальфа?

— Это зависит от того, что по твоему мнению будут делать Всадники, если найдут тебя, — отозвался Мерри. — Они давно уже были бы здесь,

если б не стража у Северного Хода — это там, где Мост. Они, конечно, и прорваться могли — да, видно, не прорвались. Стражи там крепкие, они их и днем-то не очень пропустили бы — таких черных да страхолюдных, а уж тем более по ночному времени. Но, конечно, Забрендия — не крепость. Вполне может статься, что, если Всадник подъедет утром и спросит господина Торбинса, его впустят. Всем уже известно, что ты возвращаешься в Кроличью Балку.

Фродо подумал.

— Ну, вот что, — сказал он наконец. — Я ухожу завтра с рассветом. Но по дороге не пойду: тогда уж лучше здесь ждать. Если выехать через Северный Ход — отъезд мой сразу станет всем известен, а он должен быть тайной по крайней мере несколько дней. И самое главное — за Мостом и Западным Трактом наверняка наблюдают, попал Всадник в Забрендию или не попал. Мы не знаем, сколько их; двоих мы видели — может, и еще есть. Единственное, что остается — скрыться в совершенно невероятном направлении.

— Так это вам, выходит, одна дорога — через Предвечный Лес! — В ужасе воскликнул Фредегар. — Не суйтесь вы туда! Он так же опасен, как Черные Всадники.

— Не так же, — проговорил Мерри. — Звучит жутковато, но, уверен, Фродо прав.

Это единственная возможность уйти — и ускользнуть от слежки… Если повезет, мы успеем уехать далеко.

— В Предвечном Лесу вам не повезет, — возразил Фредегар. — Там еще никому не везло. Вы заблудитесь. Туда и не ходит никто.

— Брендизайки ходят, — сказал Мерри. — Не часто, но когда надо. У нас и ход свой есть. Фродо был там когда-то, давным-давно. И я несколько раз бывал — днем, конечно, когда деревья спят.

— Делайте, как хотите! — махнул рукой Фредегар. — Я больше всего боюсь Предвечного Леса: про него как послушаешь — ночь спать не будешь. Но мой голос вам, конечно, не важен: я-то в поход не иду. И я рад этому: будет кому дождаться Гэндальфа и пожаловаться на вас, когда он придет — ждать, я уверен, уже недолго.

Толстик Боббер, хоть и любил Фродо, вовсе не хотел ни покидать Край, ни знать, что лежит за его границами. Жил он в Восточном Уделе, в Звонинге-у-Моста, но Брендидуима никогда не переходил. Ему, по планам заговорщиков, полагалось оставаться в Кроличьей Балке, разбираться с любопытными соседями и делать вид, что госпо-

дин Торбинс здесь, все время здесь — вот только вышел ненадолго. На этот случай была припасена старая одежда Фродо. Никто из них не подумал, что это, может быть, и есть самое опасное.

— Отлично! — сказал Фродо, разобравшись во всем. — Записку Гэндальфу оставлять нельзя; я, конечно, не знаю, умеют ли Всадники читать, но рисковать не хочу — вдруг прорвутся они и обыщут дом? Но если Толстик обещает защищать крепость, и я могу быть уверен, что Гэндальф узнает, куда мы пошли — решаюсь. Завтра с утра идем в Предвечный Лес.

— Честно говоря, — заметил Пин, — лучше уж так, чем, как Толстик, сидеть здесь и дожидаться Черных Всадников.

— Погоди, пока окажешься в Лесу, — отозвался Фредегар. — Дня не пройдет, как позавидуешь мне.

— Спорить тут не о чем — и незачем, — оборвал их Мерри. — Нам надо еще кое-что увязать и уложить, прежде чем идти спать. Я вас до света подниму.

***

Оказавшись наконец в постели, Фродо не смог сразу уснуть. Ноги его горели, и он радовался,

что завтра утром поедет верхом. Незаметно для себя он задремал; ему грезилось, что он смотрит из высокого окна на темное море косматых деревьев. Далеко внизу, у корней, ползали и нюхали какие-то твари. Он знал, что они ищут его — и непременно найдут.

Потом вдали послышался шум. Сперва он подумал, что сильный ветер шумит в листве, но сразу понял — нет, это не ветер, это гудит дальнее Море — звук, которого он никогда не слышал в яви, но который часто тревожил его сны. Вдруг он оказался в пустоте. Леса не было. Он стоял во тьме на поросшей вереском пустоши, и странный соленый запах щекотал ноздри. Взглянув вверх, он увидел прямо перед собой высокую белую башню, одиноко стоящую на скале. Огромное желание подняться туда и увидеть Море охватило его, и он начал карабкаться по скале к башне; как вдруг небо озарилось молнией и грянул гром.

Глава 6
Предвечный Лес

Фродо проснулся внезапно. В комнате было по-прежнему темно. В дверях стоял Мерри — в одной руке он держал свечу, другой стучал о косяк.

— Что случилось?.. — растерянно спросил Фродо; он еще не оправился от потрясения.

— Что случилось! — повторил Мерри. — Пора вставать. Сейчас половина пятого и жуткий туман. Подымайся! Сэм уже готовит завтрак. Даже Пин на ногах. Я иду седлать пони. Разбуди этого соню Толстика. Пусть хоть проводит нас.

К шести часам пятеро хоббитов были готовы в путь. Толстик Боббер зевал. Они тихо выбрались из дому. Мерри шел впереди, ведя в поводу груженого пони — по тропинке через рощу за домом и напрямик по полям. Листва деревьев блестела, с веток срывались капли; трава была серой от ледяной росы. Все было тихо, и дальние звуки казались близкими и ясными: где-то болтали в птичнике куры, кто-то хлопнул дверью далекого дома.

Пони стояли в сарае: крепкие маленькие лошадки любимой хоббитами породы — не быстрые, но способные на долгий и тяжкий труд. Беглецы уселись верхом, и вскоре ехали в туман — он неохотно раздавался перед ними и наглухо смыкался позади. Через час медленной молчаливой езды впереди вдруг смутно встала Отпорная Городьба, высокая, окутанная серебристой паутиной.

— И как же вы через нее переберетесь? — спросил Фредегар.

— Иди за мной! — сказал Мерри. — Увидишь.

Он повернул влево вдоль Городьбы, и скоро они подъехали к месту, где та загибалась внутрь и шла по краю ложбины. На небольшом расстоянии от Городьбы был вырыт ров — он полого уходил в землю. Стены его были выложены кирпичом, они поднимались отвесно вверх и вдруг сомкнулись, став аркой, а ров сделался ходом, что шел в глубине под Городьбой и выводил в ложбину на другой стороне.

Здесь Толстик Боббер остановился.

— До свиданья, Фродо! — сказал он. — И зачем тебе лезть в этот Лес?.. Ну ладно, будем надеяться, до конца дня спасать тебя не придется, а там, глядишь, и Лес кончится. Удачи тебе — сегодня и каждый день!

— Если впереди не окажется ничего страшней Предвечного Леса — я и впрямь буду везунчиком, — отозвался Фродо. — Скажи Гэндальфу, пусть поспешит по Западному Тракту: мы скоро опять на него выйдем.

— До свиданья! — крикнули они, съехали по склону и исчезли во рву.

Там было темно и сыро. В дальнем конце ход

закрывался воротами с толстыми железными полосами. Мерри спешился и отворил створки, а когда все проехали — захлопнул их. Они с лязгом сошлись, и замок щелкнул. Звуки были зловещи.

— Ну, — сказал Мерри, — вот мы и выехали из Края. Вот он, перед нами — Предвечный Лес.

— Неужто все рассказы о нем — правда?.. — поежился Пин.

— Смотря какие рассказы, — откликнулся Мерри. — Если ты про те сказки, что Толстику в детстве сказывали — о гоблинах, волках-оборотнях и всем таком — тогда нет. Я, во всяком случае, в них не верю. Но Лес этот и правда место нечистое. В нем всё — живое, всё — думающее — не то, что в Крае. И деревья его не любят чужих. Они следят за тобой. Обычно просто следят, не больше. Самые злобные могут уронить сук, выставить корень или зацепить веткой. Но это днем. А ночью они оживают. Мне довелось парутройку раз быть там в темноте — и то лишь возле Городьбы. Я решил тогда, что деревья шепчутся друг с другом, обмениваются новостями и замыслами на неведомом языке; а ветки качались и будто шарили — безо всякого ветра. Говорят еще, деревья могут двигаться, окружают путников и глотают их. Кстати сказать, когда-то давно они

осадили Городьбу: подступили, вросли рядом с ней и навалились все разом. Но хоббиты вышли и порубили сотни деревьев, а потом развели огромный огонь и выжгли часть Леса к востоку от Городьбы. Деревья отступили — но стали очень недружелюбны… А Пожарная Прогалина и сейчас еще не заросла — она где-то недалеко от опушки.

— А что, опасны только деревья? — спросил Пин.

— Слыхал я, живут в Лесу и на той стороне разные странные твари, — сказал Мерри, — но видеть их мне не приходилось. Однако кто-то протаптывает тропы. Когда бы вы ни вошли в лес — обязательно наткнетесь на четкую дорожку; но время от времени они сдвигаются и изменяются. Недалеко от этого хода долго была широкая тропа до Пожарной Прогалины, а оттуда — почти как нам надо: к востоку и чуть к северу. Ее-то я и хочу отыскать.

***

Хоббиты ехали широким оврагом. В дальнем его конце чуть видная тропка шла к опушке Леса — но исчезла, едва введя их под деревья. Позади сквозь густеющую чащу виднелась темная полоса Городьбы. Впереди были только деревья

— бессчетные, всевозможных размеров и форм: прямые, изогнутые и склоненные, приземистые и стройные, гладкие и шишковатые или ветвистые; все стволы покрывал тускло-зеленый мох и серые слизистые наросты. Один только Мерри казался веселым.

— Ты бы лучше искал тропу, — сказал ему Фродо. — Нам нельзя ни терять друг друга, ни забывать, где Городьба.

Они выбрали дорогу, и пони побрели вперед, осторожно обходя скорченные переплетенные корни. Подлеска не было. Земля неуклонно поднималась, и деревья, казалось, становились все выше, мрачнее, гуще. Стояла совершенная тишь — лишь изредка с недвижной листвы срывались капли воды. Ветки не шевелились, но у всех путников было неуютное чувство, что за ними наблюдают — с неодобрением, неприязнью, почти враждой. Чувство это росло, пока они не стали озираться и оглядываться, будто ожидая внезапного удара.

Тропы все еще не было видно, а деревья то и дело преграждали им путь. Пин почувствовал вдруг, что не может больше выносить этого.

— Ой, ой! — неожиданно завопил он. — Я ничего не замышляю! Пропустите меня, пожалуйста!

Остальные испуганно замерли; но крик оборвался, точно заглушенный толстым покрывалом. Ни эха, ни ответа — только деревья сдвинулись еще плотнее, да взгляд их стал еще пристальней.

— Я бы на твоем месте не кричал, — заметил Мерри. — Никакой пользы от этого не будет, а навредить может.

Фродо начал уже размышлять, удастся ли им вообще отыскать дорогу, и прав ли он был, поведя всех в этот мерзкий лес. Мерри осматривался и, казалось, был совсем не уверен, в какую сторону двигаться. Пин это заметил.

— Быстро же мы заблудились, — сказал он; но в эту минуту Мерри облегченно присвистнул и указал вперед.

— Ну-ну! Деревья-то эти и правда движутся. Вон она, Пожарная Прогалина, перед нами, а тропинка к ней неизвестно куда и ушла!

Посветлело. Внезапно они выехали из-под деревьев и оказались на широкой круглой поляне. Над ними, к их удивлению, ясно голубело небо — в лесу они не увидели, как настало утро и поднялся туман. Солнце, однако, было еще не так высоко, чтобы осветить прогалину, хотя лучи его уже тронули верхушки деревьев. По краям

поляны листва была гуще и зеленее, ограждая ее почти сплошной стеной. Ни одно дерево не росло там — только жесткая трава да много тонких побегов: стелющийся болиголов и дикая петрушка — травы пожарищ, прорастающие в пушистой золе, буйный чертополох и крапива. Унылое место; но оно казалось красивым и радостным после глухого Леса.

Хоббиты приободрились и с надеждой поглядывали на все больше светлеющее небо. На другой стороне прогалины стена деревьев раздавалась, и туда уходила широкая тропа. Она бежала по лесу — и вокруг нее не было чащи, хотя иногда деревья придвигались и отбрасывали на нее темные тени. По этой тропе они и поехали. Они все еще двигались вверх, но двигались быстрее, и на сердце у них полегчало. Лес, казалось им, отступил и пропустит их.

Но немного погодя воздух стал тяжелым и жарким. Деревья опять сомкнулись, и впереди ничего не было видно. И злая воля Леса навалилась на них еще сильнее, чем прежде. Было так тихо, что шаги их лошадок, шуршащие в палой листве и изредка задевающие корни, громом отдавались в ушах. Фродо попытался запеть — но с губ слетело лишь бормотанье:

Когда войдешь ты в темный лес —
Не бойся! Ведь придет конец
Чащобе — и увидишь ты
Холмы, поляны и цветы
Луны закат, зари восход
И дня уход, и дня приход.
Когда-нибудь погибель ждет
Все чащи... —

— едва он пропел это, как голос его прервался. Воздух стал таким плотным, что произносить слова было мучительно трудно. С нависшего над дорогой дерева, чуть не задев путников, с треском свалилась толстая ветка. Деревья впереди сомкнулись окончательно.

— Не по нраву им все это — про конец да погибель, — заметил Мерри. — Я бы сейчас больше не пел. Погоди, пока выберемся — на опушке мы им все вместе споем!

Говорил он бодро; если он и волновался, то не показывал этого. Остальные не ответили. Они были угнетены. Тяжкий вес все сильнее давил душу Фродо, и хоббит с каждым шагом вперед все больше сожалел о минуте, когда усомнился в угрозной силе деревьев. Он был уже готов остано-

виться и повернуть назад (если только это было возможно), но тут дело приняло другой оборот. Тропа перестала карабкаться и пошла почти ровно. Темные деревья разошлись в стороны. Перед путниками в небольшом отдалении зеленела вершина холма — голая, точно лысая голова над окружающим лесом. Тропинка вела прямо к ней.

Они снова поспешили вперед, радуясь мысли хоть на время подняться над пологом леса. Дорога нырнула вниз, потом опять пошла вверх — и оборвалась у крутого склона, канув в дерн. Лес стоял кругом, как волосы, вставшие дыбом вокруг бритой макушки.

Хоббиты повели лошадок наверх — и вскоре были на вершине. Там они остановились и огляделись. В мерцающем, просвеченном солнцем воздухе висела дымка; и вдали ничего было не разглядеть. Поблизости тумана почти не было; он залег в лесных оврагах, а в глубокой лощине, прорезавшей Лес, по-прежнему белесым дымом курилась мгла.

— Вон там, — показал на нее Мерри, — Волглый Лог и река Ветлянка. Она течет с Могильников, бежит через самое сердце Леса и впадает в Брендидуим пониже Сенного Ложка. Но только нам туда совсем не надо. Долина Ветлянки — самое

гиблое место во всем лесу. Из нее-то, говорят, и ползет все здешнее лихо.

Они взглянули, куда он указывал, но не увидели ничего, кроме тумана над Волглым Логом; а за ним терялась из виду южная половина Леса.

Солнце пригревало все жарче. Было, должно быть, не меньше одиннадцати часов, но осеннее марево все еще затуманивало дали. На западе не видно было ни Городьбы, ни долины Брендидуима за ней. На север они глядели с наибольшей надеждой — но не смогли разглядеть ничего похожего на Великий Западный Тракт, к которому стремились. Они были на острове среди древесного моря, и горизонт был скрыт.

С юго-востока был крутой обрыв, как будто склоны холма уходили далеко вниз, точно это и в самом деле была вставшая над морем скала. Хоббиты сидели на зеленом краю и ели, глядя на лес под собой. Когда солнце поднялось и миновал полдень, они разглядели далеко на востоке серо-зеленые ряды Могильников, что лежали за Вековечным Лесом — и обрадовались: хорошо было увидеть что-то кроме леса, хоть идти они туда и не собирались: Могильники пользовались в Крае не лучшей славой, чем сам Лес.

Наконец они снова собрались в дорогу. Тропа,

что привела их к холму, вновь показалась с северной стороны, но не успели они поехать по ней, как заметили, что она сворачивает вправо. Вскоре она пошла под уклон, и хоббиты поняли, что она уводит к долине Ветлянки — вовсе не туда, куда им надо. Посовещавшись, они решили сойти с тропы и пробиваться к северу; потому что, хоть они и не увидели его с вершины холма, Тракт лежал там, и до него, наверное, было не так уж далеко. И потом, на севере и слева от тропы земля казалась суше, а дубы, ясени и другие неведомые деревья густого леса сменялись тонкими соснами и елями.

Поначалу выбор их казался верным: они ехали быстро, хоть им и чудилось, когда они видели солнце, что они непонятно как уклонились к востоку. Но прошло немного времени — и деревья опять начали смыкаться, как раз там, где издалека казались реже и тоньше. Потом вдруг дорогу прорезали глубокие трещины, похожие на колеи от огромных колес или на широкие рвы, давно заброшенные и заросшие куманикой. Они то и дело пересекали их путь, и миновать их можно было только спускаясь вниз и снова поднимаясь, а с лошадьми делать это било очень трудно. Всякий раз, спустившись, они попадали в заросли

кустарника и густой подлесок, который почему-то ни как не пускал их влево, и раздавался только если сворачивали направо; приходилось идти по дну, отыскивая дорогу наверх. С каждым новым подъемом лес делался все темней и гуще; и все трудней было отыскивать дорогу влево и наверх — их упорно заворачивало вправо и вниз.

Через час-два они потеряли всякое представление о направлении, хоть и хорошо знали, что давно уже не идут на север. Их повернуло — и они просто шли, куда их ведут: на юг и восток, в самое сердце Леса.

День тянулся медленно; наконец они сошли — почти скатились — в овраг, который был шире и глубже всех. Он был таким крутым и заросшим, что выбраться из него оказалось невозможно — для этого пришлось бы бросить и лошадок, и груз. Им ничего не оставалось как пойти по оврагу. Земля стала мягкой, а временами — и просто болотистой; в склонах пробивались родники, и вскоре хоббиты шли вдоль ручья, журчащего и ворчащего в травяном русле. Потом земля резко пошла под уклон, а ручей набрал силу, громко шумел и быстро тек вниз. Они были в глубоком ущелье, тускло освещенном, с высоким сводом деревьев над головой.

Они шли, запинаясь, вдоль потока — и внезапно вышли из мглы. Будто сквозь дверь, блеснуло перед ними солнце. Подойдя к проёму, они поняли, что идут по глубокой расселине в крутом берегу, почти обрыве. У его подножия лежала долина, заросшая травой и рогозом, а вдали виднелся другой обрыв. Золотистый послеполуденный свет теплым сонным маревом заливал лог. Посередине лениво извивалась темная река. Над ее бурой водой нависли старые ивы — они склонялись к реке, перегораживали ее, тысячами опавших ивовых листьев плыли по ней. И воздух был полон ими, потому что по долине дул теплый ласковый ветер, и тростник шуршал, а стволы деревьев скрипели.

— Ну, теперь я знаю, куда нас занесло! — сказал Мерри. — Мы зашли совсем в другую сторону. Это река Ветлянка! Пойду осмотрюсь.

Он вышел на солнце и скрылся в высокой траве. Через некоторое время он вернулся и рассказал, что между рекой и обрывом земля довольно твердая; кое-где плотный дерн подходит прямо к воде.

— И знаете, — добавил он, — там, похоже, тропка вдоль берега есть, и как раз на нашей стороне. Ежели мы пойдем по ней налево — в

конце концов непременно выйдем к восточному краю Леса.

— Выйдем, пожалуй! — ехидно заметил Пин. — Если только раньше не зайдем в болото или еще куда похуже. Кто хоть эту тропку протоптал, и зачем? Небось не для нашего удобства. Не доверяю я ни этому Лесу, и ничему в нем; вообще, кажется, все истории о нем — правда… И сколько же нам топать по ней?

— Понятия не имею, — сказал Мерри. — И в каком мы месте Ветлянки — тоже не знаю, и кто по этой тропке ходит. Но другого выхода придумать не могу.

Больше и правда ничего не оставалось — и Мерри повел их к тропе, которую нашел. Повсюду пышно росли трава и рогоз, порой они были много выше их голов. Но по тропинке идти было легко — она кружила и вилась по песку между озерцами и трясинами. То тут, то там она перепрыгивала ручейки, сбегающие в Ветлянку, и в таких местах были аккуратно перекинуты сухие стволы или набросан хворост.

Хоббитам становилось жарко. Полчища мух жужжали, зудели и лезли в уши, а полуденное солнце жгло спины. И вдруг они вошли в тень: огромные седые ветви свесились над тропой.

Каждый шаг вперед давался с трудом. Сонливость выползала из-под земли, обвивая им ноги мягкой воздушной сетью, обволакивала головы и глаза.

Фродо почувствовал, как подбородок его опустился, и голова качнулась. Прямо перед ним упал на колени Пин. Фродо остановился. Он услышал бормотание Мерри:

— Плохо дело… Мне и шагу не сделать без отдыха… Надо вздремнуть. Под ветлами так прохладно… И мух нет! Фродо это совсем не понравилось.

— Идем! — крикнул он. — Нельзя нам тут спать! Сперва надо выйти из Леса.

Но остальным было уже все равно. Сэм стоял рядом, зевал и тупо моргал.

Внезапно Фродо почувствовал, что сон одолевает и его. В голове у него все плыло. Стояла полная тишь. Даже мухи перестали жужжать. Только где-то в вышине, в ветвях, плыла тихая, еле слышная, бормочущая мелодия. Он поднял тяжелые веки и увидел склоненную к нему огромную ветлу, старую и седую. Ее раскинутые ветки были как вытянутые руки с долгими пальцами; узловатый, изогнутый ствол зиял широкими трещинами, что скрипели при каждом движении ветвей. Трепещущая серебристая листва ослепила его

— он рухнул в траву и остался лежать, где упал.

Мерри и Пин протащились еще немного вперед и легли, спинами к стволу ветлы. Позади них широко распахнулись трещины, готовые принять их, а дерево качалось и скрипело. Они смотрели на серо-желтые листья — те тихо шевелились и что-то напевали. Глаза хоббитов закрылись и им показалось, что они различают слова — леденящие слова о воде и сне. Они поддались чарам и глубоко уснули у корней огромной седой ветлы.

Фродо некоторое время боролся с одолевающим его сном; потом с усилием поднялся на ноги. Его неудержимо тянуло к воде.

— Подожди меня, Сэм, — пробормотал он. — Надо ополоснуть ноги…

В полусне он побрел к берегу, где из потока торчали изогнутые корни, будто ящерицы, извиваясь, сползли вниз напиться. Фродо уселся верхом на один из них и опустил горящие ступни в холодную бурую воду. И там, внезапно, он тоже заснул.

Сэм сел, почесал в затылке и зевнул во весь рот. Было как-то беспокойно. День кончается, думалось ему, и что-то тут не так — неспроста всем так сладко спится и быть беде… «С одного солнца да тепла нас бы так не разморило, — гово-

рил он себе. — Что-то не нравится мне это дерево. Ишь, убаюкивает!.. Да плевать мне на его песни и все тут!»

Он заставил себя встать и поглядеть, как там пони — и обнаружил, что две лошадки забрели уже довольно далеко; не успел он поймать их и пригнать назад, как услышал два звука — один — громкий, а другой тихий, но очень ясный. Первым был всплеск, будто что-то тяжелое упало в воду; второй походил на щелчок замка, когда дверь закрывают осторожно и плотно.

Сэм бросился назад к берегу. Фродо был в воде; огромный корень, казалось, все ниже пригибал его — а он не сопротивлялся. Сэм схватил его за куртку, вытащил из-под корня и с трудом выволок на берег. Тут Фродо почти сразу очнулся и закашлялся: горлом и носом у него хлынула вода.

— А знаешь, Сэм, — сказал он наконец, — дерево-то спихнуло меня в воду. Обхватило корнем и окунуло!

— Это вам, наверное, приснилось, господин Фродо, — покачал головой Сэм. — Не надо сидеть в таком месте, коли вам так спать хочется!

— Как там другие? — спросил Фродо. — Интересно, какие им сны снятся?

Они обогнули дерево — и тут Сэм понял, что за щелчок он слышал. Пин исчез. Трещина, у которой он прилег, сомкнулась, да так, что не было видно ни щелки. Мерри тоже попался: другая трещина сошлась у него на поясе; ноги его были снаружи, а всё остальное — в темном дупле, края которого сжались, как клещи.

Сперва Фродо и Сэм бросились к стволу, где лежал Пин. Потом попытались разжать жуткие челюсти дупла, державшего беднягу Мерри. Всё напрасно.

— Ну что за несчастье! — застонал Фродо. — И зачем мы только пошли в этот жуткий Лес? Сидели бы лучше все в Кроличьей Балке! — И он, не думая о ноге, изо всех сил пнул дерево. Едва заметная дрожь пробежала по стволу и веткам; листья зашуршали… и в шепоте их послышался отдаленный злорадный хохот.

— У нас с собой топора, конечно, нет, господин Фродо? — спросил Сэм.

— Брал я небольшой топорик — ветки на костер рубить, — сказал Фродо. — Да только какой нам от него прок?

— Погодите-ка! — При упоминании о костре Сэма осенило. — Мы же можем чего-нибудь огнем добиться!

— Можем, конечно, — с сомнением проговорил Фродо. — Можем из жарить там Пина живьем.

— Мы можем подпалить или хоть напугать это дерево, — яростно возразил Сэм. — Ежели оно их не выпустит — я его свалю, хоть бы мне его грызть для этого пришлось.

Он побежал и лошадям и вскоре вернулся с трутом, огнивом и топором. Хоббиты быстро набрали сухой травы и листьев, добавили кусочки коры и сложили все это в кучу вместе со сломанными сучьями и ветками. Кучу эту они подгребли к стволу с другой стороны. Едва Сэм высек искру — сухая трава занялась, повалил дым. Затрещали сучья. Маленькие языки пламени лизнули шкуру древнего дерева. Листва его зашипела с болью и гневом. Мерри громко вскрикнул, и откуда-то изнутри донесся придушенный вопль Пина.

— Потушите! Потушите! — кричал Мерри. — Он грозится меня пополам перекусить, если не потушите!

— Кто?.. Что?.. — заметался Фродо.

— Потушите! Потушите! — умолял Мерри. Ветви ветлы неистово закачались. Послышался шум ветра — он поднялся и унесся к ветвям деревьев всего леса: будто они бросили камень в тихий омут речной долины — и подняли бурю злобы,

которая теперь захлестывала Лес. Сэм загасил костер и вытоптал искры. А Фродо, сам толком не понимая, ни что он делает, ни на что надеется, помчался по дорожке, отчаянно голося:

— Помогите! Помогите!! Помогите!!! — собственный голос казался ему едва слышным: его подхватывал и уносил поднятый ветлой ветер.

Вдруг он застыл. Ему послышался ответ; но он, казалось, доносился сзади — из Леса. Он обернулся и прислушался — сомнений не было: кто-то пел. Глубокий радостный голос пел счастливо и беззаботно — но пел сущую несусветицу:

Эй ты, Лог!
Веселый скок!
Динг-и-донг-и-динно!
Звонке, звон!
Прыгай вскачь!
Фил-ли-лол-ли-дилло!
Том-Бом, старый Том,
Том Бомбадилло!

Наполовину в надежде, наполовину в страхе перед новой опасностью, Фродо и Сэм не двигались. И вдруг из долгой вереницы несусветиц — так хоббитам, во всяком случае, казалось —

сложилась песня, ясная и звонкая.

Эй! Не хмурься, Волглый Лог! Не такой ты злющий!

Ветерочки по траве и скворец поющий!

Вниз спустившись по Холму и в лучах сияя,

На пороге Тома ждет женщина родная.

Ждет-пождет до льдистых звезд — поспешать мне надо!

Взглянет с лаской Дочь Реки — вот моя награда!

Старый Том Бомбадил с лилиями вместе

Возвращается домой. Слышите вы песню?

Эй, Лог! Волглый Лог! Без конца и края!

Золотинка, Веселинка, ягодка златая!

Ты, Ветельник-лиходрев, подбери-ка корни!

Том торопится домой. Ночь наступит скоро.

Старый Том идет домой с лилиями вместе.

Эй ты, Лог! Волглый Лог! Слышишь ли ты песню?

Фродо и Сэм стояли, будто зачарованные. Ветер выдохся. Листья опять молча повисли на недвижных ветвях. Снова раздалась песня — и вдруг над тростником, подпрыгивая и приплясывая, возникла старая широкополая шляпа с высоким верхом и длинным голубым пером за тульей. Еще один прыжок и поклон — и на тропинке показался крепкий широкоплечий человек — хоть и невысокий для Большого Народа, для хоббита он был все же слишком большим. Его огромные желтые башмаки на толстых ногах с шумом разгребали траву, и он ломился сквозь тростник, точно кабан на водопой. У него была голубая куртка и длинная каштановая борода; и глаза у него тоже были голубые, а лицо — красное, как спелое яблоко, но собранное сотнями смешливых морщинок. В руках, как поднос, он нес большой лист с водяными лилиями.

— Помогите! — закричали Фродо и Сэм и кинулись к нему, протянув руки.

— Тпру! Тпру! Тихо там! — Крикнул им человек, подняв руку, и они остановились, точно окаменев. — Эй, парнишки, вы куда? Что вы так пыхтите — как кузнечные мехи? Вы куда спеши-

те? Что-то здесь у вас стряслось? Знаете вы, кто я? Я — Том Бомбадил. Что у вас такое? Том торопится домой — не помните лилий!

— Моих друзей дерево поймало… — выдохнул Фродо сквозь слезы.

— … И грозится господина Мерри перекусить! — добавил Сэм.

— Что?! — вскричал Том Бомбадил, подпрыгивая в воздух. — Старик Ветельник? Только? Это поправимо. Я ему сейчас спою. Разошелся, старый! Отпою все корни прочь, крону проморожу. Ветер с неба призову — листья пусть закружит, да и веток не щадит… Эй, Старик Ветельник!

Осторожно опустив лилии в траву, он подбежал к дереву. Там все еще торчали ноги Мерри — остальное уже скрылось внутри. Том приложил рот к дуплу и что-то тихо пропел. Слов они не разобрали, но Мерри вдруг радостно взбрыкнул. Том отпрыгнул, обломал ветку и ударил ею по стволу.

— Отпускай их, Лиходрев! — приказал он. — Что еще придумал?! Просыпаться не смей! Зарывайся глубже! Землю ешь! Воду пей! Скоро грянет стужа. Это Том говорит! — тут он схватил Мерри за ноги и рывком вытащил его из дупла.

Раздался скрежещущий звук — и раскрылась

другая трещина: из нее, будто его толкнули, вылетел Пин. Потом с громким щелчком обе трещины вновь сомкнулись. Дрожь прошла по дереву от корней до макушки — и все стихло.

— Спасибо вам! — вразнобой сказали хоббиты. Том Бомбадил захохотал.

— Ну что ж, малыши! — он наклонился и заглянул им в лица. — Приглашаю в гости! Сливки с медом на столе, масло и лепешки. Торопитесь за мной. Ждет нас Золотинка. Будет время для бесед! В дом ведет тропинка! — он подхватил лилии, призывно помахал рукой и двинулся, подпрыгивая и приплясывая, по тропе, распевая еще громче и нелепее, чем прежде.

Слишком удивленные и радостные, чтобы говорить, хоббиты поспешили за ним. Поспешали они, однако, не быстро. Том скоро исчез впереди и пение его смолкло вдали. И вдруг голос его снова метнулся назад, к ним:

Прямиком — к Тому в дом! Всем гостям здесь рады!

Том отправился вперед, чтоб зажечь лампады

Солнце быстро вниз ползет; если вам придется

Ощупью идти во тьме — двери растворятся,

Из окошек упадет желтый луч на тропку.

Ну, вперед! Не бойтесь тьмы! Не дрожите робко!

Том идет впереди: вас никто не тронет!

Поспешайте же, друзья! Песня вас проводит!

После этого хоббиты ничего уже больше не слышали. Почти сразу солнце скрылось за деревьями. Им подумалось о косом вечернем свете, мерцающем на воде Брендидуима, и о сотнях огней в окнах Пряжбери. Вокруг лежали великанские тени; стволы и ветви с мрачной угрозой нависли над тропой. Над рекой заклубился белесый туман и пополз к корням прибрежных деревьев. Из под самых ног путников поднимались мглистые дымы, мешаясь с быстро наступающими сумерками.

Идти по тропе становилось все труднее; к тому же они очень устали. Ноги точно налились свинцом. Странные невнятные шумы шелестели в кустах и тростниках; а если хоббиты взглядыва-

ли наверх — они замечали грубые шишковатые лики, что мрачно хмурились в сумерках и косились на них с высоты берега и лесных опушек. Им чудилось, что все вокруг призрачно, что они бредут сквозь кошмарный сон — и никогда не проснутся.

Шаг их все замедлялся; но едва они хотели остановиться, как заметили, что тропа тихо повела вверх. Река начала журчать. Они увидели во тьме мерцание брызг над маленьким водопадом. Потом деревья вдруг кончились, а мгла отстала. Они вышли из Леса — перед ними вольно расплескался широкий луг. Река, теперь мелкая и быстрая, бежала им навстречу, поблескивая в свете сияющих в небе звезд.

Трава под ногами была короткой и мягкой, словно ее стригли или косили. Опушка Леса была подровнена, как изгородь. Тропу с обеих сторон ограждали камни. Она взошла на зеленый бугор, серый в бледном ночном свете; и оттуда они увидели высоко над собой, на дальнем склоне, сверкающие окна дома. Дорожка опять спустилась и поднялась к долгому ровному откосу. Внезапно из открытых дверей ударил сноп золотистого света. Перед ними был дом Тома Бомбадила — внизу, вверху, под холмом. За ним

лежал крутой голый откос, а дальше гордо высились в ночи темные спины Могильников.

Все — и хоббиты, и пони — заторопились вперед. Половины усталости и страхов как не бывало. «Засыпай, Волглый Лог!» — выкатилась к ним песня:

Эй! Усни, Волглый Лог! Тут сегодня гости!

Малыши, где вы там? Ничего не бойтесь!

Час веселья наступил! Так споем же вместе!

А потом зазвучал другой голос — серебристый и нежный, как песня ночной реки, юный и древний, как Весна:

Луч навстречу из дверей! Пусть начнется песня!

Песнь о звездах и Луне, солнце и туманах,

О дожде и облаках, и лесных полянах,

О росинках на листве, ряби на озерах,

Ветре, что поет в холмах, и степных просторах,

Камышах и траве, что зовут друг дру-

га

Вам споют Бомбадил и его подруга!

Песня смолкла. Хоббиты вошли и остановились на пороге, и золотистый свет облил их.

Глава 7
В доме Тома Бомбадила

Четверо хоббитов переступили широкий каменный порог и остановились, моргая. Они были в длинной низкой комнате, полной света — с потолочных балок свешивались лампадки, а на гладком темного дерева столе горели долгие желтые свечи.

В дальнем конце комнаты, лицом к двери, сидела в кресле женщина. Ее длинные светлые волосы струились по плечам; платье на ней было зеленое, как молодой тростник, и все в серебре, будто в каплях росы; а пояс был золотой — цепь из ирисов и незабудок. У ее ног в коричнево-зеленых глиняных сосудах плавали белые водяные лилии — и она, казалось, сидела на троне посреди озера.

— Входите, дорогие гости! — сказала она, и хоббиты узнали голос, что пел им. Они неуве-

ренно шагнули раз, другой, и принялись низко кланяться, чувствуя себя страшно неуклюжими — будто постучались попросить воды в простой придорожный дом, а им отворила эльфийская дева в цветочном уборе. Но не успели они слова сказать, как она поднялась и со смехом подбежала к ним; и на бегу платье ее шуршало тихо, как ветер в прибрежных травах.

— Входите же! — повторила она, взяв Фродо за руку. — Смейтесь и веселитесь! Я Золотинка, дочь Реки. — Обойдя их, она прикрыла дверь и отвела тьму за нею гибким движением белых рук. — Затворимся от ночи! — молвила она. — Вы, должно быть, все еще боитесь мглы, теней деревьев и диких тварей лесных. Не бойтесь! Этой ночью вы под крышей Тома Бомбадила.

Хоббиты в изумлении смотрели на нее; и она обвела их взглядом и улыбнулась.

— Дивная Золотинка! — сказал, наконец, Фродо, чувствуя, как сердце его трогает необъяснимая радость. Он стоял, застыв, как застывал порой, завороженный голосами эльфов; но чары были иными: радость была менее острой и возвышенной — но более глубокой и ближе душе смертного; столь же чудесной — и однако понятной.

— Дивная Золотинка! — начал он снова. —

Теперь мне понятна радость, что слышалась в песнях!

О гибкий ивовый росток! Ты чище родника!

Тростинка в заводи лесной! Прекрасна и легка!

Нежна, как солнечный денек, быстра, как мать-река!

Весенний звон, ты на воде — дыханье ветерка! —

Вдруг он осекся и смолк; так велико было его удивление — вот уж не ожидал он от себя таких слов! А Золотинка засмеялась.

— Добро пожаловать! — проговорила она. — А я и не знала, что народ Края так красноречив! Но ты, я вижу, друг эльфов — блеск твоих глаз и звон голоса говорят об этом. Веселая встреча!.. Садитесь, подождите хозяина. Он сейчас будет, он с вашими лошадьми; они ведь тоже устали.

Хоббиты радостно сидели в низких креслах с плетеными сиденьями, а Золотинка хлопотала у стола; и глаза их следовали за ней — тонкая грация ее движений приводила их в восторг. Откуда-то из-за дома донеслась песня. То и дело слышалось «Волглый Лог», «Веселый Лог»,

«звонче звон!»; и среди всего этого все время повторялись слова: «Старый Том Бомбадил — знатный весельчак; В куртке синевы небес, в желтых башмаках…».

— Прекрасная госпожа, — сказал Фродо немного погодя. — Ответь, если вопрос мой не покажется тебе глупым: кто такой Том Бомбадил?

— Он — это он, — Золотинка остановилась на миг и улыбнулась. Фродо вопросительно взглянул на нее.

— Он таков, каким вы его видели, — ответила она его взгляду. — Господин леса, вод и холмов.

— Значит, весь этот диковинный край принадлежит ему?

— Нет, что ты! — Улыбка ее погасла. — Это была бы тяжкая ноша, — добавила она тихо, словно бы про себя. — Деревья, и травы, и всё, что растет и живет здесь, принадлежит себе. Том Бомбадил — Господин. Никто никогда не ловит старого Тома — бродит ли он по лесу, плавает ли в воде, скачет ли по вершинам холмов. Для него нет страха. Он — Господин.

Дверь растворилась, и вошел Том Бомбадил. Шляпы на нем не было, густые каштановые волосы украшала корона из осенних листьев. Он засмеялся и, подойдя к Золотинке, взял ее

за руку.

— Вот она, моя хозяйка! — сказал, он, кланяясь хоббитам. — Вся в зеленом серебре, с поясом цветочным! Стол накрыт? Я вижу мед, масло и молочник, белый хлеб, желтый сыр, ягоды и травы. Значит, все на столе! Ужинать пора нам.

— Ужин готов, — сказала Золотинка. — А гости — готовы ли ужинать?

Том хлопнул в ладоши и весело удивился самому себе:

— Ах, Том, позабыл! Гости ведь устали. Ну, идемте, малыши, надо вам умыться. Том вас оживит, смоете печали. С плеч долой грязь и мрак! Освежите лица.

Том открыл дверь, и они потянулись за ним — до конца коридора и за угол, в низкую комнату с покатым потолком. Ее каменные стены были завешаны зелеными коврами и желтыми занавесями. Плиточный пол устилал свежий тростник. Четыре мягких тюфяка с горой белых одеял на каждом лежали вдоль одной из стен. У другой стояла длинная скамья, уставленная широкими глиняными тазами и кувшинами с холодной и горячей водой. У каждой постели стояли зеленые домашние туфли.

Вскоре, умытые и освеженные, хоббиты сидели

за столом, по двое с каждой стороны, а на торцах — Золотинка и Том. Ужин был веселым. Хотя хоббиты ели, как могут есть только изголодавшиеся хоббиты, еды не убывало. Питье в их стаканах — на вид и вкус простая ключевая вода — радовало сердце и развязывало язык не хуже вина. Гости сообразили вдруг, что весело поют, будто петь для них легче и естественней, чем говорить.

Наконец Том и Золотинка поднялись и быстро убрали со стола. Гостям велено было сидеть, как сидели — и они отдыхали в креслах, положив усталые ноги на скамеечки. В большом камине пылал огонь, и в воздухе плыл от него сладкий яблочный дух. Когда все было убрано, свет потушили — кроме небольшого фонарика да двух свечей на каминной полке. Подошла Золотинка со свечой в руке и пожелала им доброй ночи и глубокого сна.

— Отдыхайте до утра, — сказала она. — Не бойтесь ночных шорохов! Сквозь наши окна пробивается лишь звездный да лунный свет, а в дверь стучит только ветер с холмов. Спите спокойно! — и, шурша и мерцая, она вышла. Шаги ее звучали тихим плеском дремлющей в ночи реки.

Том сидел рядом с ними и молчал — а они пы-

тались набраться смелости и задать хоть один из тех вопросов, на которые он намекал за ужином. Глаза их слипались. Наконец Фродо заговорил:

— Слышал ты мой зов. Господин, или случайно пришел вовремя? Том вздрогнул, как человек, пробужденный ото сна.

— За песней зова не слыхать. Да, я пришел случайно… Но сам реши — то случай ли? Ведь мы о вас слыхали. Но нам казалось, вы еще в низовиях Ветлянки. Все тропы Леса к ней ведут. А старый дед Ветельник — баюн могучий и крутой. И не иди я мимо — вам, малыши, не избежать его тенет ветвистых. Но если бы не озерко — меня бы вам не встретить… — Голова Тома качнулась, точно сон опять одолел его; но он тихо продолжал нараспев:

У меня в тех местах было дело:

Собирал я цветы водяные, белых лилий цветы и листья,

Чтоб порадовать мне хозяйку:

Это года последний подарок. Я его от зимы укрою.

Пусть цветут под ее ногами, пока бури-метели ярятся.

Каждый год, как кончается лето, я за

ними в путь отправляюсь

К озерку, что в низовьях Ветлянки,

Где они распускаются в мае и цветут до ветров осенних.

Рядом с озером тем я когда-то

(Много лет с той поры минуло)

Встретил дивную Золотинку:

В тростниках Дочь Реки распевала,

Голос чистый ручьем струился, сердце девы так часто билось!..

Он открыл глаза, взглянул на них — и взгляд его заблестел внезапной синевой:

Ну, а вам это вышло на пользу —

Ибо я не пойду уж боле

Вдоль реки по зеленым оврагам, не пойду до ручьев весенних,

Пока леса дождь не очистит,

И прекрасная Золотинка не сбежит со смехом к Ветлянке,

Чтобы в новой воде искупаться.

Он снова умолк, но Фродо не смог удержаться и не задать еще одного вопроса: очень уж ему

хотелось поскорее узнать ответ.

— Господин, — попросил он, — поведай нам о Ветельнике. Что он такое? Я о нем никогда не слышал.

— Нет! Нет! — хором возразили Пин и Мерри. — Не теперь! Подожди до утра!

— Верно! — согласился хозяин. — Время отдыхать. Мир окутан тьмою — и о темных вещах говорить не стоит. Полно! Спите до утра! Ничего не бойтесь! К нам седая ветла не нагрянет в гости. — Он затушил фонарь, взял свечи и вывел хоббитов из комнаты.

Их тюфяки были мягкими, как пух, а одеяла — белыми, как снег. Они едва успели лечь и укрыться — и тут же уснули.

***

Сначала Фродо спал без сновидений. Потом увидел нарождающуюся Луну и в ее слабом свете — черную скальную стену, прорезанную, как воротами, высокой темной аркой. Фродо показалось, что он поднимается; теперь он увидел, что скальная стена — это кольцо гор вокруг равнины, а в центре равнины стоит каменный столб, огромная нерукотворная башня. На вершине ее стоял человек. Луна, поднимаясь, на миг повисла

над ним, заблестев в седых волосах. У подножия башни выли волки и ярились лютые голоса. Плеснули огромные крылья, тень их закрыла луну. Человек поднял руки — и светом ударило от его жезла. Могучий орел спустился к нему, подхватил и унес прочь. Внизу завыли, залаяли волки. Ветер принес стук копыт — с востока, с востока. «Черные Всадники!» — Фродо проснулся, стук копыт все еще звенел в ушах. Интересно, подумалось ему, отважусь ли я когда-нибудь покинуть эти стены? Он лежал не двигаясь и вслушивался; но все было тихо — он повернулся и снова уснул, но сон этот ему уже не запомнился.

***

Рядом с ним спокойно спал Пин; но сон его изменился, он заворочался и застонал — и вдруг проснулся. Так ему, во всяком случае, казалось, хотя он все еще слышал звуки, растревожившие его сон: тип-тап, скви-ик: вроде как сучья-пальцы скребли стену и окно: кри-и-ик, кри-и-ик, кри-и-ик. Неужто ивы подобрались к дому вплотную, подумал он; и внезапно с ужасом почувствовал, что он вовсе не в доме, а в иве — и жуткий сухой скрипучий голос снова смеется над ним. Он сел, ощутил в руках мягкую подушку и, успокоенный,

улегся опять. Ушей его коснулось эхо слов: «Спи спокойно! Не бойся шорохов!» И он заснул.

***

Засыпая, Мерри слышал журчание: вода струилась тихо — и вдруг разлилась, разлилась неостановимо вокруг дома, стала темным безбрежным прудом. Она плескалась за стенами и поднималась — медленно, но верно. «Я утону!» — подумал он. — «Она пройдет внутрь, я утону!» Ему почудилось, что он лежит в илистом омуте, он подскочил и коснулся ногой края твердой холодной плиты. Тогда он вспомнил, где находится, и снова лег. И услышал — или вспомнил услышанное: «Сквозь наши окна пробивается лишь звездный да лунный свет, а в дверь стучит только ветер с холмов». Легкий ветерок шевельнул занавеску. Мерри глубоко вздохнул и уснул.

Сэм, насколько он мог потом вспомнить, проспал эту ночь спокойно — если бревна спокойны.

Они проснулись разом, все четверо. Было светло. Том ходил по комнате и посвистывал скворцом. Увидев, что они шевелятся, он хлопнул в ладоши и крикнул:

— Эй! Веселые друзья! Подниматься надо!.. — и

отдернул желтые занавески — и хоббиты увидели, что за ними скрывались окна: одно смотрело на восток, другое — на запад.

Они вскочили, освеженные. Фродо подбежал к восточному окну и увидел серый от росы огород. Он почти ожидал увидеть доходящий до самых стен дерн — дерн, испещренный следами копыт. На самом же деле перед его глазами поднимались высокие столбы, обвитые стеблями бобов, а высоко и вдали смутно виднелась вершина холма. Утро было бледным; на востоке, за длинными тучами, будто свалянными из шерсти, чуть мерцало золото. Небо говорило о близком дожде; но света становилось все больше, и среди зеленой мокрой листвы раскрывались красные бобовые цветы.

Пин из западного окна глядел в озеро мглы. Лес скрывал туман. Это было — точно смотреть на покатую облачную крышу. В одном месте туман перился и дробился — долина Ветлянки. Ручей бежал с холма и исчезал в молочных тенях. Рядом был сад, и подстриженная живая изгородь, и за ними — луговая трава в каплях росы. Ни одной ветлы видно не было.

— С добрым утром, малыши! — воскликнул Том, широко распахивая восточное окно. Ворвался прохладный воздух, пахнуло дождем. — Солн-

ца нынче не видать: тучами закрыто; ветер на лесных холмах рвет туман сердито. Сверху сеет мелкий дождь, под ногами плесень… Золотинку разбудил я под окошком песней. Ну а вас будить не стал — слишком было рано. Сон со светом к вам пришел, тьма вам спать мешала. Но и вам вставать пора! Просыпайтесь же, друзья. Звон, звени веселей! Уж еда на столе! Если вы придете быстро — завтрак вас дождется; ну а нет — на столе травка да водица!

Нечего и говорить — хоть и не очень они поверили Тому насчет «травки да водицы» — хоббиты пришли быстро, и завтракали, пока на столе хоть что-то оставалось. Ни Тома, ни Золотинки видно не было. Тома зато было слышно — что-то гремело в кухне, с лестниц доносился быстрый дробот его башмаков, отовсюду слышалась песня. Комната смотрела на запад, через окутанную мглой долину, и окно было открыто. С нависающих карнизов капала вода. Не успели они кончить завтрак, как тучи сошлись в непробиваемую крышу и пошел прямой упорный дождь. Лес скрылся за его плотной серой завесой.

Они смотрели в окно — там тихо струился дождь и откуда-то сверху слышался чистый голос Золотинки. Она пела, и хоть хоббиты и разобра-

ли всего несколько слов, им было ясно, что это песня дождя, ласковая, как ливень в иссушенных холмах, что приносит им вешние сказки о реках и Море. Хоббиты слушали в восторге; и Фродо радовался всей душой и благословлял дружелюбие погоды — она позволила им задержаться здесь. Мысль об уходе с самого пробуждения тяжко давила его; но теперь-то они сегодня, конечно, никуда не пойдут.

Дул устойчивый западный ветер, и все более густые и набухшие тучи подкатывались излить свой груз на голые спины Могильников. Вокруг дома не было видно ничего кроме потоков воды. Фродо стоял у открытой двери и смотрел, как посыпанная известкой дорожка превращается в маленькую молочную речку и, журча, убегает в долину. Из-за угла выбежал Том Бомбадил, руками он будто бы разводил над собой дождь — и действительно, оказался совсем сухой, только башмаки мокрые. Он снял их и поставил на каминную решетку. Потом уселся в самое большое кресло и подозвал хоббитов.

— У хозяйки день уборки, — объявил он, — и осенней чистки. Слишком сыро — а меж тем путь вас ждет неблизкий. Лучше мы поговорим. Оставайтесь дома! Отдохните, малыши, посидите

с Томом. День хороший для беседы, для вопросов и ответов. Здесь уютно; и сейчас Том начнет для вас рассказ.

И он поведал им множество удивительных историй, порой будто говоря с самим собой, порой внезапно взглядывая на них из-под густых бровей чистой голубизной глаз. Часто рассказ обращался в песню — тогда он вскакивал с кресла и пускался в пляс. Он говорил о цветах и пчелах, о судьбах деревьев и диковинных лесных тварях — злых и добрых, дружелюбных и враждебных, жестоких и милосердных — и о тайнах, скрытых в ветвях.

Они слушали — и начинали понимать жизнь Леса. Они смотрели на нее со стороны и чувствовали себя чужаками там, где все были дома. И то и дело вставал в рассказах Тома Старик Ветельник — и Фродо узнал о нем достаточно, и даже больше чем достаточно, ибо это знание не дарило покоя. Речи Тома раскрывали души и думы деревьев, которые были темны и неясны, исполнены ненависти ко всему, что вольно бродит по земле, грызет, кусает, ломает, рубит, жжет: к разрушителям и завоевателям. И Вековечным Лес был назван не без основания — ибо он на самом деле был стар — остаток огромных позабытых дебрей; и в нем все еще жили, старея не быстрее холмов,

отцы отцов теперешних деревьев, помнящие времена, когда владыками были они. Бессчетные годы наполнили их гордыней, мудростью, злобой. Но не было среди них никого опасней старого Ветельника: душа его сгнила, а силы были молоды; он был мудр, он повелевал ветрами, а его песням и думам подчинялся лес по обе стороны реки. Его мглистый жаждущий дух тянул силу из земли, а нити корней и невидимые сучья-пальцы разносили его в земле и в воздухе — покуда не опутали все деревья от Городьбы до Нагорий.

А рассказ Тома уже покинул леса и вприпрыжку помчался вверх по реке, через кипящие водопады, валуны и иззубренные скалы, по цветам в травах и влажных трещинах — и добрался наконец до Нагорий. Хоббиты услыхали о Великих Могильниках и зеленых курганах, о каменных кольцах на холмах и в низинах меж ними. Блеяли овцы. Вставали зеленые и белые стены. Властители мелких княжеств бились друг с другом, и юное Солнце пламенело на алой стали их новых и жадных мечей. Были и победы, и поражения, рушились башни, горели крепости, и огонь взлетал до небес. Золото копилось в склепах древних владык; и курганы скрывали их, и каменные двери захлопывались; и трава вырастала на них. И

снова овцы вытаптывали траву, и снова пустели холмы… С востока надвигался Черный Прилив, и кости хрустели в могилах. Умертвия бродили там, звеня кольцами на стылых пальцах, и ветер лязгал золотыми цепями. Обманные Камни скалились в лунном свете, как старые истертые зубы.

Хоббиты содрогнулись. Даже до Края, доходили слухи об Умертвиях из залесных Могильников. Но это была не та повесть, которую хоббиты стали бы слушать с удовольствием — даже подле уютного безопасного очага. Эти же четверо вдруг вспомнили о том, о чем радость дома заставила их забыть: дом Бомбадила стоял совсем близко от этих жутких холмов. Они потеряли нить рассказа и беспокойно заерзали, косясь друг на друга.

Когда же они снова прислушались к его словам, то поняли, что он бредет в неведомые им дали и в незапамятные времена, когда мир был шире, и Море омывало берег Запада; а Том все брел и брел вглубь, и голос его пел под древними звездами — были тогда только эльфы, а больше никого не было. Потом вдруг он смолк, голова его склонилась, он словно заснул. Хоббиты недвижно сидели перед ним, зачарованные; и казалось, будто под чарами его речи ветер утих, тучи высохли,

день кончился, и пришедшая с Востока и Запада ночь затянула небо звездным покрывалом.

Было ли то утро и вечер одного дня, или нескольких — Фродо не мог бы сказать. Он не чувствовал ни усталости, ни голода — одно удивление. Белые звезды сияли в окнах и молчание небес окружало друзей. Наконец, в удивлении перед этим молчанием, Фродо заговорил:

— Кто Ты, Господин? — спросил он.

— А, что? — Том выпрямился и глаза его блеснули во мраке. — Разве я до сих пор не назвался тебе? В этом мире живя — кто ты сам по себе? Только в этом ответ: кто ты в мире — один, без имен и названий, где бы ты ни бродил? Но ты молод — я стар; я — Старейший из всех: появился я здесь прежде леса и рек. Да, друзья мои, Том помнит первый росток, шорох первых дождей, запах первых цветов. И Большого, и Малого Люда приход помнит Том; видел Том Эльфов дивный народ, что на Запад ушел за пределы Морей; Том здесь был до Умертвий, Могил, Королей. Том знавал времена, когда не было зла, и безлунная тьма прежде доброй была. Это было, когда здесь не жил еще Враг: в Запределье рожден этот гибельный страх.

Тень прошла по окну, и хоббиты торопливо

взглянули на стекла. Когда они обернулись назад — в дверях, обрамленная светом, стояла Золотинка. Она держала свечу, одной рукой прикрывая ее от сквозняка; и пламя просвечивало сквозь ладонь, как сквозь белую раковину.

— Дождь кончился, — сказала она, — и новые воды струятся под звездами. Будем смеяться и радоваться!

— Есть и пить пора бы! — подхватил Том. — Утро, день и вечер слушали меня вы... Сушат рот изрядно долгие рассказы. Трудно слушать повесть, не прервав ни разу.

Он выскочил из кресла, с поклоном взял с камина свечу и зажег ее от принесенного Золотинкой огня; а потом затанцевал вокруг стола. Вдруг он прыгнул к двери и исчез.

Вернулся он быстро — с большим подносом, полным всякой всячины. Они с Золотинкой накрыли стол; а хоббиты сидели, смеясь и восторгаясь: так дивно прекрасна была Золотинка и так смешно прыгал Том. И однако они, казалось, танцуют какой-то общий танец — не мешая друг другу, из двери в дверь и вокруг стола; и в один миг кушанья, сосуды и свечи стояли на местах. Вспыхнули лампады. Том поклонился гостям.

— Ужин готов, — сказала Золотинка; и хоббиты

заметили, что платье на ней серебряное с белым поясом, а туфли точно сделаны из рыбьей чешуи. А Том был весь ярко-голубой, как умытая незабудка; а гетры зеленые.

Ужин был еще лучше, чем вчера. Заслушавшись Тома, хоббиты могли пропустить не одну трапезу; но когда еда стояла перед ними — им показалось, что последний раз они ели не меньше недели назад. Они не пели, даже не говорили, целиком погрузившись в это занятие. Но вскоре их сердца и души снова возвысились, и голоса зазвенели смехом и радостью.

Когда они поели, Золотинка спела им множество песен — песен, что весело журчали в холмах и тихо стекали в молчание; и в этой тиши им открылись воды и заводи глубже всех, что они знали, — и заглянув в них, они увидели в их безднах опрокинутое небо и сияющие алмазами звезды. Потом она снова пожелала каждому доброй ночи и оставила их сидеть у огня. Но теперь проснулся Том — и закидал их вопросами.

Он знал многое и о них, и об их семьях — и об истории и давних делах Края, о которых и сами-то хоббиты уже едва помнили. Они уже ничему не удивлялись; но он не скрывал, что знанием нового обязан Трофлю, которого, кажется, очень

уважал, не то что они. «Он крепко стоит на ногах и руки у него в земле, — сказал Том. — Он мудр и приметлив». И еще им стало ясно, что Том имеет дело с эльфами: похоже было, что он получил от Гильдора вести о Фродо и его бегстве.

Том знал так много и расспрашивал так хитро, что Фродо, сам того не заметив, рассказал ему про Бильбо и свои надежды и страхи больше, чем всем — даже Гэндальфу. Том покачивал головой, и глаза его сверкнули, когда он услышал про Всадников.

— Покажи мне вашу Прелесть! — вдруг потребовал он в середине рассказа; и Фродо, к своему удивлению, вытащил цепочку, отстегнул ее и подал Кольцо Тому.

Оно словно бы расплылось на его широкой смуглой ладони. Потом он поднес его к глазу и засмеялся. Забавное и жуткое зрелище увидели на миг хоббиты — яркий голубой глаз в золотом ободке. Том надел Кольцо на мизинец и приблизил к свече. Сперва хоббиты не поняли, а потом задохнулись: Том не исчез!

Том снова засмеялся и подбросил Кольцо к потолку. Вспышка — и оно исчезло. Фродо вскрикнул — а Том наклонился вперед и с улыбкой вернул ему Кольцо.

Фродо осмотрел его внимательно, чуть ли не с подозрением — будто безделушку, одолженную жонглеру. Кольцо было то же — и выглядело вроде так же, и весило по-прежнему: Фродо всегда удивлялся, какое оно тяжелое. Но что-то подсказывало: надо проверить. Возможно, он был раздражен таким вольным обращением Тома с тем, что даже Гэндальф считал опасным. Он выждал, пока все опять втянутся в разговор — Том рассказывал какую-то невероятную историю про барсуков — и надел Кольцо.

Мерри повернулся к нему, хотел что-то сказать — и вздрогнул, едва удержав вскрик. Фродо обрадовался: Кольцо действительно его, не зря же Мерри так уставился на его кресло. Он поднялся и тихо прокрался к двери.

— Эй, там! — воскликнул Том, взглянув на него всевидящими блестящими глазами. — Фродо, ты куда? Далеко собрался? Поворачивай назад. Ишь ты, разыгрался! Возвращайся и садись; что еще за игры? Старый Том не слепой: все прекрасно видит. Да сними свое кольцо: без него ты лучше. Надо нам договорить, раз уж выпал случай, о дороге впереди — утром путь не близкий. Том поможет вам дойти, не даст заблудиться.

Фродо засмеялся и, сняв Кольцо, вернулся к

огню и сел. Том сказал им, что, как он рассчитывает, завтрашнее утро будет солнечным, а значит путь их — удачным. Но они должны быть готовы выйти рано; в здешней погоде не может быть уверен даже Том, она меняется быстрее, «чем ему сменить жилет».

— Погоде я не господин, — сказал он. — И никто из тех, кто бродит на двух ногах.

По его совету они решили держаться как можно севернее и двигаться от его дома западным, пологим краем Нагорий: тогда есть надежда в однодневный переход достичь Великого Западного Тракта и при этом миновать Могильники. Том велел им ничего не бояться — и никуда не соваться.

— Смело в путь по зеленой траве. И не верьте Обманным Камням. Там, в жилищах Умертвий — тень. Ваши силы слишком неравны! — это он повторил не единожды; и посоветовал обходить Могильники с запада, ежели их все-таки туда занесет. Потом научил их песне — на случай, если с ними завтра приключится какое-нибудь лихо.

Старый Том Бомбадил! Ты услышь наш зов

В камышах и в лесу, в шепоте ветров,

На холмах и в степи, в солнце или в стужу.

Где б ты ни был — приходи! Ты нам очень нужен!

Он заставил хоббитов повторить ее несколько раз, потом со смехом похлопал каждого по плечу и, взяв свечи, проводил их в спальню.

Глава 8
Мгла над Могильниками

Этой ночью шорохи не тревожили их. Но и во сне, и в яви — он и сам не смог бы сказать, где — Фродо слышал нежное пение: песню, что явилась, как бледный свет за серой дождевой пеленой, и налилась силой, и обратила пелену серебристым стеклом, и, наконец, распахнула ее — и перед Фродо в быстром восходе открылся дальний весенний край.

Видение слилось с пробуждением; в комнате был Том, он посвистывал, как целая стая птиц, и косое солнце заглядывало в раскрытое окно. Снаружи все было зеленым и бледно-золотым.

После завтрака — завтракали они опять одни — хоббиты собрались прощаться, и на душе у них

было тяжело — как только могло быть тяжело в такое утро: прохладное, ясное, с дочиста промытым осенним небом. С севера дул свежий ветер. Их спокойные лошадки только что не играли: принюхивались и волновались. Из дому вышел Том; размахивая шляпой и приплясывая на пороге, он велел хоббитам отправляться сейчас же — и ехать быстро.

Они поехали по тропинке, что вела от дома наискось к северному краю холма и скрывалась под ним. Только они спешились, чтобы вести пони на последний крутой склон, как Фродо вдруг остановился.

— Золотинка! — воскликнул он. — Прекрасная Золотинка! С ней-то мы не попрощались!..

Он был так расстроен, что повернул назад; но в этот миг донесся чистый голос: она стояла на вершине холма, маня их к себе; волосы ее развевались и сияли, когда луч солнца касался их. Свет, подобный блеску воды на влажной траве, струился из-под ее ног.

Они поспешили вверх по последнему склону и, задыхаясь, остановились рядом с ней; а она повела вокруг рукой, прося их оглянуться — и они взглянули с вершины на утренние земли. Было так же ясно, как было туманно, когда они стояли

на лысине лесного бугра — он был виден, бледно зеленел на западе под темными деревьями Леса. Земля там горбилась лесистыми кряжами — зелеными, желтыми, красновато-бурыми, а за ними, невидимая, лежала долина Брендидуима. Далеко на юге, за полоской Ветлянки, бледным стеклом мерцал сам Брендидуим — он делал петлю в низине, и убегал дальше, за грань известного хоббитам. На севере холмы, понижаясь, сливались в серо-зеленую белесую равнину и таяли в туманной размытой дали. На востоке поднимались Могильники, вонзались в утро и уходили в догадку: ибо то была не более чем догадка о слабом сапфирно-белом мерцании, переходящим в дымку небес — но она сказала им о высоких дальних горах, память о которых сохранилась лишь в старых преданиях.

Хоббиты глубоко вздохнули — и почувствовали, что прыжок и несколько твердых шагов унесут их куда бы они ни пожелали. Казалось малодушным трястись в седлах по краю холмов к Тракту, когда они могли бы, как Том, вприпрыжку добежать от этих холмов до самых Гор.

Золотинка заговорила с ними — и их глаза и думы вернулись на землю.

— Спешите же, милые гости! — сказала она. —

Держите прямо к цели! К северу, с ветром в левый глаз и благословением под ногами! Спешите, пока солнце сияет! — Она повернулась к Фродо. — Прощай, Друг Эльфов! Это была веселая встреча.

Но Фродо не нашел ни слова в ответ. Он низко поклонился, сел на пони и потрусил вслед за друзьями вниз по пологому склону.

Дом Тома Бомбадила, долина и Лес скрылись из глаз. В низине меж холмов было теплее, сильно и сладко пах дерн. На дне зеленой лощины они оглянулись — Золотинка все еще смотрела им вслед; снизу она была похожа на маленький освещенный солнцем цветок. Она протянула к ним руки, звонко крикнула что-то, повернулась и исчезла за холмом.

***

Дорога вела их по дну лощины и мимо подножия крутого холма — в еще одну лощину, шире и глубже; и опять через холмы, и снова в овраги — и так все время. Не видно было ни деревьев, ни воды: здесь был край трав и короткого дерна, безмолвный — тишину нарушал только ветер, что терся с шуршанием о спины холмов, да высокие одинокие вскрики неведомых птиц. Они ехали — а солнце поднималось, становилось жарким.

Всякий раз, когда они въезжали на холм, ветер, казалось, дул все слабее. Порой, оглядываясь, они видели далеко на западе Лес — он словно бы курился, точно прошедший дождь вновь поднимался вверх с крон, стволов и ветвей. На грани видимого лежала тень, темная дымка, над которой синим чепцом нависло тяжелое жаркое небо.

Около полудня они подъехали к холму, вершина которого была широкой и ровной и походила на мелкое блюдце с зеленой насыпью по краям. Воздух внутри был недвижным и солнце, казалось, касается их голов. Они пересекли вершину и взглянули на север. И тут настроение их улучшилось — оказалось, они проехали больше, чем ожидали. Правда, расстояние затуманивала дымка, но что Нагорья кончаются — сомнений не было. Под ними уходила на север длинная извилистая долина. Она пробегала между двумя крутыми склонами — и дальше холмов не было. Далеко на севере смутно виднелась темная полоса.

— Эта полоса — деревья, — сказал Мерри. — Они тянутся вдоль Тракта на много лиг — от самого Брендидуимского Моста и на восток. Кое-кто говорит, их посадили в незапамятные годы.

— Отлично! — отозвался Фродо. — Ежели днем мы будем ехать, как утром — так Нагорья кончатся до захода, — но, говоря это, он взглянул на восток — холмы там были выше и будто смотрели на них с высоты; и на всех холмах были могильники, а кое-где стояли камни, точно стертые зубы торчали из зеленых десен.

Каким-то неуютным был этот вид; они отвернулись и спустились в круг. В центре его стоял одинокий высокий камень; в этот час он не отбрасывал тени. Выщербленный, почти бесформенный… и, однако, им стоило бы обратить на него внимание: он был чем-то вроде пограничного столба, указующего перста или предупреждения. Но хоббиты были голодны, а солнце палило немилосердно; а потому они уселись с восточной стороны камня. Он был прохладным, будто солнцу не под силу было согреть его — впрочем, в такую жару это казалось только приятным. Там они славно закусили — Том дал им довольно всего, чтобы скрасить дорогу. Разгруженные пони щипали траву.

***

Скачка по холмам, сытная еда, теплое солнце и запах дерна — перележали, вытянув ноги и глядя

в небо; оттого все и случилось. Они проснулись внезапно и чувствовали себя неуютно: вовсе ведь не думали спать. Камень был холоден и отбрасывал на восток долгую блеклую тень. Тусклое водянисто-желтое солнце мутно проблескивало сквозь мглу над западным краем низины, где они лежали; над северным, южным и восточным краями клубился густой, белый,ознобный туман. Воздух был тих, тяжел и холоден. Пони сбились в кучу и опустили головы.

Хоббиты в тревоге вскочили и кинулись к западному краю. Они были на острове посреди тумана. Они в смятении глядели на садящееся солнце — а оно тонуло в белом море, и холодная серая тень поднималась с востока. Мгла склубилась в стены и вознеслась над ними, крышей сомкнувшись над их головами: они были заперты в туманном чертоге, и центральной колонной его был стоящий на вершине камень.

Они чувствовали, что ловушка захлопывается; но все же не совсем еще пали духом. Они все еще помнили обнадеживающий вид на Тракт, и все еще знали, в какой стороне он находится. И к тому же они так возненавидели эту низину с камнем, что у них и мысли не было остаться здесь. Они собрались так быстро, как позволили

им застывшие пальцы.

Вскорости они вели пони одного за другим вниз длинным северным склоном — в мглистое море. Туман становился все более сырым и холодным — волосы их распрямились и падали им на лбы. Когда хоббиты добрались до подножия холма, стало так холодно, что пришлось остановиться и вытащить плащи и капюшоны, которые скоро покрылись серыми каплями. Потом, сев верхом, они медленно продолжали путь, ощупью продвигаясь, как они полагали, к тому проходу в северном конце долины, что видели утром. Если они минуют его — им надо будет только стараться ехать прямо, и в конце концов они выедут на Тракт. Мысли их не шли дальше этого — хоббиты только слабо надеялись, что за Нагорьями, может быть, тумана вовсе и нет.

***

Двигались они медленно. Чтобы не разбрестись и не заблудиться, ехали цепочкой, Фродо — впереди. За ним трусил Сэм, потом — Пин, и последним — Мерри. Долина, казалось, тянулась бесконечно. Вдруг Фродо заметил обнадеживающий знак. Впереди по обе стороны сквозь мглу проступила тьма; и он подумал, что они, наконец,

до брались до прохода в холмах, северных ворот Могильников. Стоит им проехать сквозь них — и они свободны.

— Вперед! За мной! — позвал он через плечо и поспешил вперед. Но надежды его вскоре сменились растерянностью и тревогой. Темные пятна почернели, но уменьшились; и вдруг он увидел перед собой зловеще вздыбленные, чуть наклоненные друг к другу — будто столбы двери — два огромных камня. Он не мог припомнить, чтобы видел что-нибудь подобное утром с холма. Он проскочил меж ними, не успев ничего понять — и тут же тьма накрыла его. Пони заржал, взбрыкнул — и он вылетел из седла. Тогда он оглянулся и увидел, что он один: друзья не последовали за ним.

— Сэм! — позвал он. — Пин! Мерри! Идем! Не отставайте!

Ответа не было. Страх охватил Фродо, и он побежал назад мимо камней, дико крича: «Сэм! Сэм! Мерри! Пин!»

Пони рванулся в туман и пропал. Где-то неподалеку — во всяком случае, так ему показалось — послышался крик: «Эй! Фродо! Эй!..». Крик доносился с востока, слева от него — а он стоял между камнями и напряженно всматривался во

мрак. Он кинулся в сторону зова — и понял, что поднимается круто вверх.

Он шел и продолжал звать — с каждым разом все более отчаянно; некоторое время он не слышал ответов, а потом до него что-то донеслось — но слабо, отдаленно, и как будто с высоты: «Фродо! Эй! — послышалось из тумана; а потом — вскрик: «Помогите! Помогите!» — и еще, и еще раз — пока не оборвался внезапно диким воплем. Он бросился на крики так быстро, как только мог; но свет померк и липкая тьма накрыла его, так что он не был уверен, правильно ли бежит. Ему казалось, он взбирается все выше и выше. Только ровная земля под ногами подсказала Фродо, что он добрался до вершины гребня — или холма. Он устал, вспотел и в то же время продрог. Было совершенно темно.

— Где же вы?.. — жалобно воскликнул он.

***

Никакого ответа. Он стоял, вслушиваясь. Он понял вдруг, что стало очень холодно и что здесь, наверху, дует ветер — ледяной ветер. Погода менялась. Мимо него проносились клочья тумана. Изо рта хоббита поднимался пар, а тьма не была уже такой густой и близкой. Он взглянул вверх

— и с удивлением увидел, что среди обрывков мглы и туч просверкивают слабые звезды. В траве свистел ветер.

Внезапно ему почудился придушенный крик, и он побежал туда; и как раз когда он бежал, туман развеялся окончательно и звездное небо очистилось. Он увидел, что смотрит на юг и стоит на круглой вершине холма, на которую, должно быть, взобрался с севера. С востока дул пронизывающий ветер. Справа, загораживая звезды, поднималась темная тень. Большой могильник стоял там.

— Да где же вы?! — снова сердито и испуганно закричал Фродо.

— Здесь! — ответил из-под земли глубокий ледяной голос. — Здесь, я жду тебя!

— Нет! — задохнулся Фродо; но убежать не мог. Колени его подогнулись, и он рухнул наземь. Ничего не случилось и ничего не слышалось. Дрожа, он взглянул вверх — как раз чтобы увидеть высокую темную фигуру, тенью затмившую звезды. Она склонилась над ним. Ему почудился слабый свет льдистых глаз — казалось, он шел откуда-то издалека. Потом тиски жестче и холодней, чем железо, сжали его. Ледяное прикосновение заморозило самые его кости — и больше он ничего

не помнил.

***

Когда он снова пришел в себя, то какое-то время не мог вспомнить ничего, кроме чувства ужаса. Потом вдруг понял, что в заточении, попался — и безнадежно. Он в Могильнике. Умертвие схватило его, он, должно быть, уже находится под его страшными чарами, о которых ходили глухие мрачные слухи. Он не решался двинуться и лежал, как очнулся: спиной на холодном камне, руки сложены на груди.

Но, хотя ужас его был так велик, что, казалось, пронизывал все вокруг, Фродо обнаружил, что думает о Бильбо — о его рассказах, прогулках вместе с ним в лугах Края, и беседах о дорогах и приключениях. В груди самого толстого и робкого хоббита таится (подчас очень глубоко) зерно мужества — но нужна действительно смертельная опасность, чтобы оно проросло. Фродо же не был ни очень толстым, ни очень робким; правду сказать, хоть он этого и не знал — Бильбо (и Гэндальф) считали его лучшим хоббитом в Крае. Приключение его подошло к концу, думал он, и к страшному концу — но думы эти сделали его тверже. Он чувствовал, что напрягся, как для

прыжка; он не был больше безвольной жертвой.

Пока он раздумывал и брал себя в руки, тьма медленно таяла: бледный зеленоватый свет рос вокруг. Сначала хоббит не видел, где находится — свет, казалось, исходил от него самого, или от пола под ним, и не достиг еще потолка или стен. Фродо повернулся — и в холодном зареве увидел лежащих рядом Сэма, Мерри и Пина. Их обращенные к потолку лица были мертвенно-бледны; кругом навалены груды сокровищ. На головах — золотые обручи, на поясе — золотые цепи, на пальцах — кольца. Сбоку у каждого — меч, в ногах — щит. И еще один меч — обнаженный — поперек горла у всех троих.

***

Внезапно зазвучала песня. Голос — отдаленный и невыносимо жуткий — то тонко звучал откуда-то с высоты, то отдавался низким подземным стоном. Из бесформенного потока печальных и страшных звуков складывались слова — мрачные, тяжкие, холодные слова, жестокие и жалкие. Тьма злобилась на свет, которого была лишена, холод, тоскуя по теплу, проклинал его. Мороз пробрал Фродо до костей. Немного спустя песня стала яснее, и он с ужасом понял, что это заклятие.

В сердце лед и в жилах лед,
Смертный сон тебя скует,
Хладен камень, тяжек гнет,
Черный день во сне грядет,
Черный свет чернее тьмы
Черной мглой опутан мир,
В черной бездне черный трон
Черной Силе присужден.

Позади послышались скрип и треск. Приподнявшись, Фродо оглянулся — и в бледном свете увидел, что они находятся в проходе, который как раз за ними сворачивает за угол. Из-за угла тянулась длинная рука, костистые пальцы ее подбирались к Сэму, лежащему с краю — к эфесу меча на его горле.

Сперва Фродо ощутил, будто заклинание и вправду обратило его в камень. Потом вдруг бешеное желание освободиться охватило его. Он наденет Кольцо — Умертвие потеряет его, а там уж он как-нибудь выберется из могилы. Он представил, как бежит по траве, обливаясь слезами, оплакивая Сэма, Мерри и Пина — но сам-то живой и свободный. И никто, даже Гэндальф, не упрекнет его…

Но мужество сурово подсказывало иное: нет, хоббиты не бросают друзей в беде. Он колебался, схватившись за карман, и снова боролся с собой, а рука подбиралась все ближе. Вдруг решимость окрепла в нем — он схватил короткий меч, что лежал рядом, вскочил на колени и перегнулся через тела товарищей. Изо всех сил ударил он по запястью руки — и перерубил его; но в тот же миг меч обломился у эфеса. Раздался пронзительный вопль, свет потух. Из тьмы донеслось рычание.

Фродо упал вперед на Мерри — лицо того было холодно. И сразу же вспомнилось ему то, о чем он совсем позабыл в тумане — дом на склоне холма и поющий Том. Он припомнил песню, которой Том научил их. Тонким дрожащим голосом он начал:

— Старый Том Бомбадил… — и голос его будто налился силой, зазвучал звонко и чисто — и, точно трубам и барабанам, откликнулись темные своды.

Старый Том Бомбадил! Ты услышь наш зов

В камышах и в лесу, в шепоте ветров,

На холмах и в степи, в солнце или в стужу,

Где б ты ни был — приходи! Ты нам

очень нужен!

И — тишина. Фродо слышал, как колотится сердце. После долгого томительного молчания ясно, но издалека, словно из-под земли или сквозь толщу стен, донеслась ответная песнь:

Старый Том Бомбадил — знатный весельчак.

В куртке синевы небес, в желтых башмаках.

никому не поймать Тома-Господина:

Стоит песне зазвучать — мигом лихо сгинет.

Что-то загрохотало, точно сыпались и раскатывались камни — и вдруг внутрь хлынул свет — настоящий живой свет дня. В глубине склепа у ног Фродо открылся низкий проем — и в нем появилась голова Тома (шляпа, перо и все прочее), обрамленная алыми лучами восходящего солнца. Свет упал на пол и на трех хоббитов, лежащих рядом с Фродо. Они не двигались, но мертвенный оттенок покинул их лица. Теперь казалось, что они просто глубоко спят.

Том наклонился, снял шляпу и вошел в склеп с песней:

Солнце усыпило лживое надгробье!

Сгиньте, вражьи силы, каньте черной кровью!

Мирный сон — могиле, прочь к своим пределам!

Скверну поразили солнечные стрелы.

Сгиньте, улетая в грохоте сражений!

Гонит смерть живая мертвой смерти тени.

При этих словах раздался крик и часть дальнего конца склепа с грохотом рухнула. Потом донесся пронзительный вой — и истаял вдали; и — тишина.

— Ну-ка, Фродо, вылезай скорей! — сказал Том. — Помоги мне вынести друзей!

Вдвоем они вынесли Мерри, Пина и Сэма. Выходя из склепа в последний раз, Фродо увидал отрубленную руку — она все еще копошилась, как раненый паук, в куче осыпавшейся земли. Том снова нырнул внутрь — послышался топот и тяжелые удары. Том вышел, неся в руках груду сокровищ — золотых и серебряных, медных и бронзовых; множество бус, цепей и драгоценных брошей. Он взобрался на зеленый курган и высыпал их на вершине на солнышко.

Он стоял там со шляпой в руке — ветер шевелил его волосы — и смотрел вниз, на трех хоббитов, что лежали на спине на траве с западной стороны Могильника. Подняв правую руку, он проговорил ясно и повелительно:

— Проснитесь, милые друзья! Разрушен злой курган!

Согрейтесь, тело и душа! Обманный камень пал;

Раскрыты Черные Врата; рука отсечена,

Смерть черным смерчем унеслась. Очнитесь ото сна!

К великой радости Фродо хоббиты зашевелились, потянулись, начали тереть глаза — и вдруг вскочили. Они в изумлении смотрели то на Фродо, то на Тома, стоявшего над ними на вершине кургана, то на себя самих — в древних белых саванах и золотых коронах, со звенящими цепями вместо поясов.

— Что это?.. — начал Мерри, ощупывая золотой обруч, который сполз ему на глаза. Потом вдруг осекся, и тень набежала на его лицо; он закрыл глаза. — Помню, помню! — сказал он. — Вечером напали они, и было их не счесть… Ах!

Стрела пронзила мне сердце!.. — он схватился за грудь. — Нет! Нет! — проговорил он, открывая глаза. — Что я говорю? Я, верно, брежу… Куда ты подевался, Фродо?

— Заблудился, — ответил Фродо. — Но не будем об этом! Давайте думать, что делать сейчас. Идем дальше!

— В этаких-то нарядах?! — влез Сэм. — Где моя одежка? — Он сорвал обруч, пояс, кольца и побросал на траву; и стоял, беспомощно оглядываясь, будто ожидал увидеть на ближнем пригорке свой плащ, куртку, брюки и все остальное.

— Вам одежку не найти! — сказал Том, спрыгивая с Могильника и со смехом танцуя вокруг них. Можно было подумать, что ничего опасного и страшного не произошло; и действительно, ужас таял в их душах, когда они глядели на веселый блеск томовых глаз.

— А почему нет? — полуиспуганно-полуозадаченно спросил Пин. — Что ты хочешь сказать?

Но Том покачал головой.

— Снова видите вы свет — радуйтесь, что живы! Вы могли и утонуть в черной тьме могилы. А одежка — ерунда. И не вспоминайте. Грейтесь в солнечных лучах, солнцу улыбайтесь. Искупайтесь в росе, прочь лохмотья смерти! Том

охотиться пошел — вы ж пока погрейтесь, — он подпрыгнул и побежал с холма, насвистывая и напевая. Глядя ему вслед, Фродо видел, как он с призывной песней бежит к югу по зеленой лощине между их холмом и соседним.

— Эй, там! Где вы там? Вы куда пропали?

Вверх, вниз, вдаль иль вблизь от меня сбежали

Остроглаз, Тонконюх, Свистохвост, Чубарый,

Крошка Белые Носки и Дружок мой старый!

Так он пел, подкидывая и ловя шляпу, пока не скрылся из виду; но его «Эй, там! Где вы там?» слышалось еще долго — их доносил южный ветер, что кружил над холмом.

***

Воздух опять стал очень теплым. Они побегали по траве, как велел Том, а потом разлеглись на солнце, будто попали в лето из суровой зимы, или будто долго болели — и однажды очнулись и поняли, что здоровы и день снова полон надежд.

К возвращению Тома они чувствовали себя сильными — и голодными. Он появился — сначала шляпа — на краю кургана, а за ним покорно трусили шесть лошадок: пятеро — их, и еще одна. Последний, ясное дело, был Дружок — крупней, толще и сильней других. Кстати сказать, Мерри, которому принадлежали остальные пони, никогда не звал их так, но они откликались на новые клички, которыми их одарил Том, до конца своих дней. Том подзывал одного за другим, и пони поднимались на холм и выстраивались по краю в ряд. Потом Том поклонился хоббитам.

— Ну, лошадки нашлись! — сказал он. — Умницы — лошадки. Как почуяли курган — прочь во все лопатки! Хоббитам у них ума надобно занять! Влезли прямо к мертвецам — как не убежать! Убежали — молодцы, поступили верно. Их надежные сердца не выносят скверны. Вы простите их, друзья: ведь они вернулись; и поклажа цела, и далеко ужас.

Мерри, Сэм и Пин оделись, и вскоре им стало жарко — потому что пришлось надеть то, что они приготовили себе на зиму.

— А откуда шестой пони? — спросил Фродо. — Он для кого?

— Для меня, — ответил Том, — он мой дружок;

видимся мы редко: я хожу все пешком, он все бродит где-то. Ваши пони моего, видимо, узнали; поспешили к нему в страхе и печали. Он развеял их страх ночью мудрым словом. Но теперь нам пора: Том поедет тоже. До дороги доведем мы вас засветло с Дружком.

Хоббиты пришли в восторг и стали благодарить Тома; но тот засмеялся и сказал, что они слишком легко теряются, и он будет спокоен, пока они не выедут за пределы его земель целыми и невредимыми.

— Много дел у меня, — сказал он. — Песни и беседы, тропы и лесная жизнь. Надо всех проведать. Я уйду далеко — где меня найдете, чтобы вас вынимать из могил и ветел? Лучше мне вас проводить, чтоб потом спокойным быть.

***

Было еще рано, где-то между девятью и десятью часами, и хоббиты занялись завтраком. Последний раз они ели вчера днем у камня. Теперь они завтракали все, что оставляли на ужин и все, что привез с собой Том — не переели (учитывая, что они были хоббитами и прочие обстоятельства), но все же почувствовали себя много лучше. Пока они подкреплялись, Том поднялся на могильник

и переворошил сокровища. Большую их часть он сложил грудой, что взблескивала и искрилась на солнце. «Пусть найдет, кто найдет, и спокойно владеет — будь то человек или эльф, зверь или птица», — велел он; так было снято древнее заклятие, чтобы сюда не вернулось Умертвие. Себе он взял сапфирную брошь, похожую на цветы льна или на крылья синих бабочек. Он долго глядел на нее, качая головой, словно вспоминая о чем-то, и наконец сказал:

— Вот чудесная игрушка для моей подруги! Брошка девы, что была краше всех в округе. Что ж, пусть голубую каплю носит мой ручей в память о прекрасной деве стародавних дней.

Для хоббитов он выискал кинжалы — длинные и острые, дивной работы, с красно-золотым змеистым узором по клинку. Они ярко взблеснули, когда Том вытащил их из ножен — легких и прочных, из неведомого черного металла, изукрашенных рубинами. Были ли в этих ножнах какие-то чары, была ли то сила лежавшего на Могильнике заклятья — а только клинков, казалось, не тронуло время: они ничуть не заржавели — и остро сияли на солнце.

— Крошкам-хоббитам кинжалы пригодятся как мечи, — сказал Том. — Не мешает вам, пожалуй,

иметь острые клинки. Путь вас ждет восточный — ясно, без оружия опасно. — И он поведал им, что эти клинки были откованы много веков назад Западными Рыцарями — они были врагами Черного Властелина; силой бы их не победить — да одолело злое чародейство, ибо король-колдун правил тогда северным Ангмарским краем.

— Помнят о них сегодня немногие, — пробормотал Том. — Лишь одинокие странники в мире, потомки древних властителей, охраняют покой беспечных народов…

Хоббиты не поняли его слов, но, когда он говорил, им представилась долгая череда лет, как широкая туманная равнина — и по ней брели тени людей, высоких и суровых, со сверкающими мечами, а последний — со звездой во лбу. Потом видение растаяло, и они снова оказались в залитом солнцем мире. Время было отправляться в путь. Хоббиты приготовились, упаковали мешки и нагрузили пони. Новое оружие повесили на пояса под куртками — и чувствовали себя с ним очень неловко. Вот уж ни к чему бы, думали они. Мысль, что в их приключениях им придется драться, как-то не приходила им раньше в голову.

Наконец они двинулись. Свели лошадок с хол-

ма, сели верхом и быстрой рысью поскакали по долине. Оглянувшись, они увидели вершину холма. Могильник на ней, и — как желтое пламя — сияние золота. Потом они завернули за отрог Нагорий, и холм скрылся из виду.

Как Фродо ни осматривался, он не смог найти ни следа огромный камней-ворот; а вскоре они миновали северный проход, и край впереди изменился. Ехать с Томом было одно удовольствие — он весело трусил рядом с ними на Дружке, который двигался куда быстрее, чем можно было подумать, глядя на его пузо. Почти все время Том пел, но пел большей частью чепуху — а быть может, то была вовсе не чепуха, а древний язык, слова которого казались хоббитам невнятными и чудными.

Ехали они быстро — и однако вскоре оказалось, что Тракт дальше, чем они думали. Даже и без тумана их послеполуденный сон не дал бы им вчера добраться туда до темноты. Темная линия, что они видали, сказалась не деревьями, а густым кустарникам по краям глубокого рва с отвесной стеной на другой стороне. Это граница древнего царства, сказал Том, очень, очень древнего. Он, казалось, вспомнил что-то печальное и не захотел много говорить об этом.

Они перебрались через ров, проехали сквозь ворота в стене, и Том резко свернул на север — они слишком уклонились к западу. Земля была теперь почти ровной, и они поехали быстрей, и все же солнце стояло уже низко, когда впереди показались высокие деревья, и хоббиты поняли, что, после многих приключений, вернулись наконец на Тракт. Последние фарлонги пони проскакали галопом и остановились в тени деревьев. Они были на вершине откоса, и затянутый сумеречной дымкой Тракт лежал у их ног. Он извивался с юго-запада на северо-восток, ныряя справа в глубокую низину. Его избороздили колеи, и недавний ливень оставил на нем множество следов; всюду стояли лужи, рытвины были полны воды.

Они съехали с откоса и огляделись. Ничего и никого.

— Добрались наконец! — сказал Фродо. — Надеюсь, мои «косые углы» задержали нас не больше, чем на два дня. А может — и хорошо, что задержали: те могли потерять наш след.

Друзья взглянули на него. Тень прежних страхов вновь окутала их. С тех пор как они вошли в лес, они думали лишь о том, как бы из него выйти; только сейчас, когда Тракт лежал перед ними, вспомнили они об опасности, что была за

спиной, — и скорее всего поджидала их именно на Тракте. Они тревожно оглянулись на садящееся солнце, но Тракт был бурым — и пустым.

— Так ты думаешь… — неуверенно спросил Пин, — … думаешь, за нами и сегодня погоня будет?

— Нет, надеюсь, не сегодня, — ответил ему Том. — И не завтра тоже. Но сказать наверняка Том, увы, не может. Всадникам из Мира Тьмы Том не господин.

И все же хоббитам очень хотелось, чтобы он поехал с ними. Они чувствовали, что если кто-то и может отбиться от Черных Всадников — так это он. Впереди ждут земли, совсем им незнакомые — о них не говорилось даже в самых древних преданиях Края — и в подступающих сумерках беглецы затосковали по дому. Чувство бесконечного одиночества и затерянности охватило их. Они стояли молча, стараясь оттянуть последнее прощание — и не сразу поняли, что Том желает им доброго пути и велит ободриться и ехать дальше, до темноты, не останавливаясь.

— Том вам добрый даст совет: день еще не кончен. До селенья милях в трех доберитесь к ночи: называется — Усад, ворота — на запад (после лишь везенье ваше будет помогать вам). Есть в

селенье том трактир — «Гарцующий Пони». В нем хозяин Хмель Пахтарь, человек достойный. Там и переждете ночь, а с утра — в дорогу! Будьте смелы и бодры, но поосторожней!

Они умоляли его доехать с ними хотя бы до гостиницы и выпить там прощальный стакан; но он со смехом отказался:

— Том границ не перейдет: край его здесь кончен. Золотинка Тома ждет, и забот немало.

***

Он повернулся, подбросил шляпу, вскочил на пони — и с песней канул в сумерки. Хоббиты взобрались на откос и смотрели ему вслед, пока он не скрылся из глаз.

— Жаль мне расставаться с господином Бомбадилом, — вздохнул Сэм. — Вот уж чудной господин, так чудной! Я так рассуждаю: мы, может, много еще куда заедем и много чего повидаем, а только ни добрей, ни чудней его не встретим. Но, конечно, хотелось бы мне поскорей оказаться в этом самом «Гарцующем Пони»! Он, должно, не хуже нашего Зеленого Дракона. Что там за народ в Усаде?

— Живут там и хоббиты, — отозвался Мерри, — живут и Громадины. Пожалуй, кое-что

там совсем как у нас. И «Пони»-то уж, во всяком случае, добрый трактир. Кое-кто из наших туда часто наведывается.

— Там может быть все, что мы пожелаем, — заметил Фродо. — И все же это не Край. Смотрите, не почувствуйте себя слишком дома! И запомните: никакой я не Торбинс! Спросят — так Подгорникс.

Они вновь уселись верхом и молча поехали в ночь. Быстро сгущалась тьма — а они все трусили с горки на горку, пока наконец впереди не замигали огни. Перед ними, загораживая звезды, уходил вверх косогор; на его западном склоне раскинулось большое селение. Они поспешили туда, желая только одного — поскорее отыскать огонь и крепкую дверь, чтобы укрыться от ночи.

Глава 9
«Гарцующий Пони»

Усад был главным селением Усадного Края — маленькой населенной области, острова среди пустынных земель. Кроме самого Усада в нее входили Ходтон по ту сторону Горы, Заложье в глубокой долине несколькими милями к востоку и Таборн на опушке Мерного Леса. Низины во-

круг да несколько деревень с окружающими их полями и рощами — вот и вся область.

Усадичи были каштанововолосы, коренасты и невелики ростом, веселы и независимы; они не принадлежали никому кроме самих себя, но больше дружили с хоббитами, гномами, эльфами и другими соседями, чем с Большим Народом. По их преданиям, они были потомками первых Людей, пришедших на Запад Средиземья. Немногие пережили бури Предначальной Эпохи — но когда Короли возвратились из Заморья, усадичи уже были здесь, и остались здесь по сей день, когда память о древних Королях давно стала дымом.

В те дни никто из Людей не селился так далеко к западу. Но в глухих и пустынных землях за Усадом бродили таинственные странники. Усадичи звали их Следопытами, но толком ничего про них не знали. Они были выше и темнее, чем усадичи; ходили слухи, что они видят дальше, а слышат лучше всех других людей и могут понимать языки птиц и зверей. Они по собственной воле ходили на юг и восток до самых Мглистых Гор; но осталось их сейчас немного и появлялись они редко. Когда же появлялись — то приносили вести издалека и рассказывали позабытые были, которые охотно слушали; впрочем, усадичи не

очень-то их привечали.

В Усаде и вокруг него жило много семейств хоббитов — и они утверждали, что являются старейшим хоббичьим поселением в мире, основанном еще до пересечения Брендидуима и основания Края. Жили они большей частью в Ходтоне, хотя кое-кто обосновался и в самом Усаде, особенно на верхних склонах Горы, над домами Людей. Большой и Малый Народы — как они звали друг друга — жили в дружбе, не вмешивались в дела соседей, но справедливо почитали себя необходимейшей частью усадичей. Такого своеобразного (и отличного) порядка не было больше нигде в мире.

Усадичи — что большие, что маленькие — сами не путешествовали; и более всего занимали их дела собственных четырех селений. Иногда усадские хоббиты доезжали до Забрендии или даже до Восточного Удела, но хоббиты из Края не часто бывали в Усаде — даром что этот маленький край лежал всего-то в дне езды от Брендидуимского Моста. Изредка какой-нибудь Брендизайк или любящий приключения Хват заворачивал в гостиницу на день-два, но даже и это случалось теперь все реже и реже. Хоббиты из Края относились к усадским, как и ко всем, кто жил за

границей — как к чужакам, и не видели проку в общении с ними, почитая их скучными и неотесанными. Быть может, в те дни гораздо больше чужаков бродило по Западу Старого Света, чем думали в Крае. Некоторые, без сомнения, были просто бродягами, готовыми осесть где угодно и оставаться, пока их терпят. Но хоббиты Усада были народ приличный и богатый, и не более грубый, чем их родичи в Крае. Тогда не было еще забыто, что когда-то между Усадом и Краем существовала тесная связь. В жилах всех Брендизайков, как говорили, текла усадская кровь.

***

В Усаде было около сотни каменных домов Большого Народа — они уютно прильнули к склону, и окна их были обращены на запад. Селение окружал глубокий ров — он полукружием отходил от Горы и возвращался к ней с другой стороны; по его внутреннему краю шла высокая крепкая изгородь. Через нее по насыпи бежал Тракт; там, где он сходился с изгородью, путь преграждали большие ворота. С южной стороны были еще одни ворота — в том месте, где Тракт покидал Усад. Вечером ворота закрывались; но внутри рядом с ними были маленькие сторожки

для привратников.

Вниз по Тракту, там где он сворачивал вправо, огибая подножие Горы, стоял большой трактир. Построен он был давно, когда движение на дорогах было более оживленным. Ибо Усад стоял на древнем перекрестке: старая дорога пересекала Тракт у самого рва с западной стороны селения, и в былые дни Люди и разный другой народ частенько по нему ходили. «В Усаде услышал — шесть раз проверь» — присловье это все еще бытовало в Восточном Уделе, напоминая о днях, когда в трактире можно было узнать новости с Севера, Юга и Востока — а хоббиты из Края приезжали их слушать. Но северные края были разорены давным-давно, и Северным Трактом теперь почти не пользовались: он зарос травой, и усадичи называли его Зеленым, или Неторным.

Усадский трактир, тем не менее, по-прежнему стоял, и трактирщик был фигурой весьма значительной. Дом его был местом встречи для ленивых, болтливых и любопытных жителей, больших и маленьких, из всех четырех селений; и местом отдыха для Следопытов и других странников, и тех редких путников (чаще всего — гномов), которые все еще ездили по Западному Тракту к Синим Горам и обратно.

***

Было уже совсем темно, сияли белые звезды, когда Фродо с друзьями миновали перекресток и подъехали к селению. Западные ворота оказались закрыты, но у дверей сторожки с той стороны сидел человек — он засветил фонарь и с удивлением уставился через ворота на путников.

— Чего вы хотите и откуда идете? — грубо спросил он.

— Хотим мы попасть в ваш трактир, — ответил Фродо. — Мы едем на восток — но сегодня ехать дальше больше не можем.

— Хоббиты! Четверо хоббитов — да еще из самого Края, вот оно как! — пробормотал привратник себе под нос. С минуту он мрачно смотрел на них, а потом медленно открыл ворота и дал им проехать.

— Не часто к нам хоббиты из Края жалуют, да еще по ночам, — продолжал он, когда они на миг остановились у его двери. — Вы уж простите, если я поинтересуюсь, какой ветер занес вас в Усад. И как вас, к примеру, звать?

— Наши дела и наши имена — только наши, и незачем о них тут говорить, — отрезал Фродо: взгляд привратника и тон его голоса совсем ему

не понравились.

— Конечно, конечно, — закивал тот. — Но только ведь должен же я знать, кто по ночам в Усад является…

— Мы — хоббиты из Забрендии, и нам взбрело на ум попутешествовать и пожить в здешнем трактире, — вставил Мерри. — Я, например, Брендизайк. Довольно с вас? Я слыхал, усадичи учтивы с путниками — или я ошибся?

— Ладно, ладно! — проворчал привратник. — Коли я кого ненароком обидел — простите, не хотел. Но только вам тут не один старый Горри вопросы задавать будет. Чудной нынче народ понаехал. Вот доедете до «Пони» — сами увидите.

Он пожелал им доброй ночи, и больше они не разговаривали; но в свете фонаря Фродо видел, что привратник все еще пристально их разглядывает. Он обрадовался, услыхав, как лязгнули за спиной ворота. Он гадал, почему этот человек был таким подозрительным — уж не справлялся ли у него кто-нибудь о компании хоббитов? Может, это был Гэндальф? Он мог и приехать — пока они мешкали в Лесу и Нагорьях. Но что-то во взгляде и голосе привратника заставляло его волноваться.

Человек посмотрел немного вслед хоббитам и вошел в сторожку. Когда он повернулся к воро-

там спиной, темная фигура быстро перемахнула изгородь и скрылась в уличной тьме.

***

Хоббиты въехали на пологий склон, миновали несколько стоящих на отшибе домов и остановились перед трактиром. Дома казались им большими и странными. Сэм смотрел на гостиницу, на три ее этажа — и настроение его портилось все больше. Он думал, правда, что встретит в пути великанов повыше деревьев и всяких других тварей — может, и пострашней; но сейчас с него вполне хватало первого взгляда на людей и их огромные дома — это было даже слишком много для одного утомительного дня. Ему чудились оседланные черные кони в трактирном дворе и Черные Всадники, глядящие из темных верхних окон.

— Мы ведь не остановимся тут на ночь, сударь?! — воскликнул он. — Здесь же ведь, кажись, живут хоббиты — может, нас кто из них к себе пустит? Было бы совсем, как дома…

— А чем тебе трактир не нравится? — сказал Фродо. — Нам его Том Бомбадил посоветовал. Думаю, там внутри тоже как дома.

Даже снаружи гостиница выглядела очень

приятно — для привычного, конечно, взгляда. Фасадом она выходила на Тракт, а два ее крыла, отходивших назад, срезались склоном холма, так что сзади окна второго этажа были на уровне земли. Широкая арка вела во двор, а слева за ней было широкое крыльцо с ведущими к нему ступенями. Дверь была приоткрыта, и оттуда падал яркий свет. Над крыльцом белели крупные буквы: «Гарцующий Пони. Содержит Хмель Пахтарь». Во многих окнах нижнего этажа за плотными шторами горел свет.

Пока хоббиты колебались на темной улице, внутри кто-то завел веселую песню, и целый хор голосов подхватил ее. Они немного послушали — и решительно спешились. Песня кончилась; раздались смех и хлопки.

Путники ввели пони во двор и оставили их стоять там, а сами поднялись по лестнице. Фродо шагнул вперед — и чуть не столкнулся с маленьким толстым человеком с лысой головой и красным лицом. На нем был белый передник, и он торопился из одной двери в другую, неся уставленный кружками поднос.

— Можно нам… — начал Фродо.

— Минутку, с вашего позволения! — крикнул человек через плечо и канул в шум голосов и об-

лако дыма. Через миг он появился снова, вытирая руки о фартук.

— Добрый вечер, маленькие господа! — сказал он, кланяясь. — Что вам угодно?

— Постели для четверых и стойла для пяти пони, если найдутся. Вы господин Пахтарь?

— Именно, именно! Хмель меня зовут. Хмель Пахтарь, к вашим услугам. А вы из Края, да? — сказал он, и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу, словно пытаясь припомнить что-то. — Хоббиты! — воскликнул он. — Что же это я забыл?.. Могу я узнать ваши имена?

— Господин Хват, господин Брендизайк, — представил спутников Фродо. — А это Сэм Гискри. Лично я — Подгорникс.

— Надо же!.. — Пахтарь щелкнул пальцами. — Опять забыл! Ну, ничего, вспомню, как немного освобожусь. Я тут с ног сбился; но для вас все сделаю. У нас тут теперь не часто гости из Края бывают — стыдно мне не принять вас как следует. Сегодня-то, правда, народу полно, давно такого не было. Дождя нет — есть ливень, как у нас говорят.

— Эй! Ноб! — крикнул он. — Где ты там, телепень шерстоногий?! Ноб!

— Иду, хозяин, иду! — веселый хоббит выско-

чил из-за двери, увидел путешественников и, замерев, с интересом уставился на них.

— Где Боб? — спросил его трактирщик. — Не знаешь? Так найди! И быстро! У меня не шесть ног и не шесть глаз! Скажи Бобу, во дворе пять пони — так вот, пусть он их устроит. Как? А как хочет! Хоть в свою комнату пусть ставит!

Ноб подмигнул, хмыкнул и потрусил прочь.

— Да, так о чем бишь я?.. — проговорил Пахтарь, потирая лоб. — Одно гонит другое прочь, так сказать. Я сегодня так занят — голова кругом… Прошлой ночью подошла с юга компания по Неторному; потом еще гномы, которые на запад едут — этим вечером явились. А теперь вот вы. Честно скажу — не будь вы хоббиты, не пустил бы я вас. Нет мест, и все тут! Ну, а для хоббитов есть в северном крыле две комнаты — специально делали, когда трактир строился. В первом этаже, с круглыми окнами — все, как вы любите. Надеюсь, понравится. Вы, конечно, ужинать захотите, так это я мигом. Сюда, пожалуйста!

Он провел их вниз по коридору и распахнул дверь.

— Ай да комнатка! — сказал он. — Нравится?.. Бегу, простите, ну и денек — слова сказать некогда! Кручусь, как белка, а не худею! Я еще загляну

попозже. Понадобится что — звоните в колокольчик, Ноб придет. Если не придет — звоните и кричите!

Он наконец вышел и дал им вздохнуть. Он, казалось, мог говорить бесконечно — хоть и был занят по горло. Хоббиты были в маленькой уютной комнате. В камине горел огонь, а перед ним стояли низкие удобные кресла. Был в комнате и круглый стол, накрытый белой скатертью, а на нем — большой колокольчик. Ноб, однако, появился прежде, чем они подумали о звонке; в руках у него был поднос с тарелками и свечи.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить, господа? — спросил он. — Не желаете ли взглянуть на спальни, пока готовится ужин?

Хоббиты умылись и успели выпить по доброй кружке пива, когда снова вошли Пахтарь и Ноб. Во мгновение ока стол был накрыт. Ужин был совсем как дома (и это окончательно примирило Сэма с Усадом — первую трещинку его недоверие дало под действием отличнейшего пива): горячий суп, холодное мясо, черничный пирог, свежие булки и острый сыр.

Трактирщик повертелся немного у стола и откланялся.

— Вот поужинаете, захочется вам общества, —

сказал он, стоя в дверях, — а может, и не захочется не знаю, — может, сразу спать, так доброй вам ночи, — но если захочется — приходите в залу, вам все рады будут. К нам нечасто путешественники из Края заезжают; посидите с нами, может, расскажете что интересное или споете — вот и ладно будет. Но это уж как пожелаете! Если что понадобится — звоните!

Поужинав — а ужинали они не меньше трех четвертей часа, не отвлекаясь на разговоры — хоббиты ободрились настолько, что Фродо, Сэм и Пин решили «присоединиться к обществу». Мерри заявил, что там слишком душно.

— Я лучше здесь у огня посижу, — сказал он. — И, может, попозже выйду проветрюсь. А вы идите — только не забудьте: мы ведь хотели исчезнуть тайно, а пока все еще на большой дороге. И Край не так уж далеко. Осторожней там!

— Ладно! — отмахнулся Пин. — Сам не забудь! Смотри не потеряйся, да учти, что внутри все-таки безопасней.

***

Общество собралось в большой зале трактира. Сборище было большое и пестрое — Фродо обнаружил это, когда его глаза привыкли к полумраку.

Свет шел в основном от горящей в камине колоды — три фонаря, свисающие с балок, были тусклы и едва видны сквозь дым. Хмель Пахтарь стоял у огня, беседуя с гномами и двумя-тремя чудными на вид людьми. На скамьях сидел самый разный люд: усадичи, кучка местных хоббитов (они болтали друг с дружкой), еще несколько гномов и другие смутные силуэты — сквозь марево табачного дыма их было не разглядеть.

Хоббитов из Края встретили хором приветствий. Чужаки, особенно те, что пришли по Зеленому Тракту, оглядели их с ног до головы. Трактирщик представил вновь прибывших усадичам, да так быстро, что друзья совсем запутались и не знали, кому какое имя принадлежит. Имена у усадичей были все больше растительные: Тростняк, Верескор, Чертополокс, Шипарь, Осинник. Местные хоббиты не отставали. Самое частое имя у них было Стародуб. Но кое-кто звался привычно: Норкинсы, Прорытвинсы, Запескунсы, Длинноноги — все, надо думать, не без родни в Крае. Были и Подгорниксы из Ходтона — они сразу сообразили, что Фродо не иначе как их новоявленный братец.

Усадские хоббиты были дружелюбны и любопытны — и Фродо скоро понял, что хочешь — не

хочешь, а объяснять, кто он, все-таки придется. Он тут же сочинил, что интересуется историей и географией (при этом все закивали, хоть и не часто слышали такие слова) и что он и его друзья хотят узнать побольше о хоббитах, живущих за границей, особенно в восточных землях.

Тут все заговорили разом. Если бы Фродо действительно хотел писать книгу и имел сотню ушей — он за несколько минут набрал бы материалу на добрый десяток глав. А если бы ему этого показалось мало — ему перечислили кучу имен, начиная со «старины Хмеля», от кого он мог бы узнать все остальное. Но через некоторое время — так как Фродо, очевидно, не собирался писать свою книгу сейчас же — хоббиты вернулись к расспросам о делах в Крае. Фродо оказался не очень-то разговорчивым — и скоро сидел в углу один, слушая и осматриваясь.

Люди и гномы говорили о дальних событиях — и новости их не радовали. На юге было плохо. Люди, что пришли по Зеленому Тракту, искали места, где могли бы пожить в мире. Усадичи же — даром что были радушны — не собирались принимать странников в своем небольшом краю и ясно это показывали. Один из чужаков — косоглазый, со злым болезненно-желтым лицом

— предсказывал, что в ближнем будущем на север пойдет еще народ — и много. «И ежели им места не найдется — так они его сами найдут», — громко заявил он. Местным жителям эти речи совсем не понравились.

Хоббиты на все это внимания не обращали — дела Большого Народа их не касались; не полезут же люди, в самом-то деле, на житье в их норки. Куда больше занимали их Сэм и Пин, которые почувствовали себя совсем как дома и весело болтали о делах Края. Пин рассказывал что-то донельзя смешное: слушатели чуть не падали с лавок от хохота. Но кое-кто задавал вопросы, которые заставили Фродо немного обеспокоиться. Один из усадичей — он, кажется, несколько раз бывал в Крае — захотел узнать, где живут Подгорниксы и кому они родня.

Вдруг Фродо заметил, что какой-то странный, суровый человек, сидя в тени у стены, внимательно прислушивается к разговору хоббитов. Он курил длинную, искусно вырезанную трубку и изредка отхлебывал из кружки. Ноги он вытянул вперед, так что виднелись высокие сапоги из мягкой кожи — они хорошо послужили ему, но теперь были стоптаны и покрыты засохшей глиной. Он плотно завернулся в грязный тем-

но-зеленый плащ; из-под низко надвинутого, несмотря на жару, капюшона, зорко блестели глаза — и видно было что глядит он на хоббитов.

— Кто это? — улучив момент, шепотом спросил Фродо у Пахтаря. — Представлен, кажется, не был?

— Этот?.. — прошептал в ответ трактирщик, скосив глаз но не поворачивая головы. — Да я, правду сказать, и сам толком не знаю. Он из этих, из бродяг — мы их Следопытами зовем. Говорит он редко; но, когда хочет, много чего может порассказать. Исчезает на месяц, а то и на год, потом глядишь — опять сидит. Прошлой весной вот зачастил; но в последнее время я его не видал. Какое у него на самом деле имя — не знаю; но у нас его все Бродником кличут. Расхаживает тут вокруг — почему бы, правда, и не ходить — ноги-то вон какие! — торопится вечно, неизвестно только, куда… Забавно, однако, что вы о нем спросили… — Тут Пахтаря окликнули, и он умчался подавать кому-то пива, так и не объяснив, что ему показалось «забавным».

Фродо увидел, что Бродник смотрит теперь на него — будто слыхал или догадался о разговоре. Неожиданно он кивнул Фродо и поманил его к себе, предлагая подойти и сесть рядом. Фродо

приблизился — и тогда он отбросил капюшон. У него были черные с проседью волосы и жесткие серые глаза на бледном суровом лице.

— Я зовусь Бродником, — тихо проговорил он. — И очень рад видеть вас, господин… Подгорникс, если старина Хмель ничего не напутал?

— Он не напутал, — твердо сказал Фродо. Ему было не по себе под пристальным взглядом этих зорких глаз.

— Ну, так вот, господин Подгорникс, — продолжал Бродник. — На вашем месте я приструнил бы своих юных друзей. Пиво, огонь, теплый прием, — приятно, конечно, но… это ведь все-таки не Край. Мало ли кто вокруг сидит и их слушает. Хоть и не мое это дело… — добавил он с кривой усмешкой, заметив взгляд Фродо, — …но в Усаде, знаете ли, сейчас всякий народ бывает, — и он еще пристальней посмотрел на Фродо.

Фродо вернул ему взгляд, но ничего не сказал; да и Бродник вроде потерял интерес к разговору. Все внимание его, казалось, вдруг обратилось на Пина: Фродо в смятении понял, что этот глупый молодой Хват, ободренный успехом своей прошлой истории, начал новый рассказ: о прощальном Угощении Бильбо. Он поведал уже о его Речи; еще немного — и дойдет до Исчезновения.

Фродо ужаснулся. Для большинства местных хоббитов это, конечно, вполне безобидная история: просто еще один забавный рассказ о тех «чудаках из-за Брендидуима», но некоторые (старый Хмель, например), кое-что знали, а может, и слышали когда-то давно об уходе Бильбо. Теперь они наверняка вспомнят о Торбинсах — особенно если кто-нибудь в Усаде успел уже этим поинтересоваться.

Фродо заерзал, лихорадочно соображая, что делать. Внимание слушателей подхлестывало Пина — он совсем позабыл об опасности. Фродо вдруг испугался, что он помянет Кольцо — и погубит всех.

— Быстро — прервать! — шепнул ему в самое ухо Бродник.

Фродо вскочил на стол, выпрямился и потребовал слова. От Пина тут же отвернулись. Хоббиты смотрели на Фродо, смеялись и хлопали: господин Подгорникс, думали они, напился и стал наконец поразговорчивей.

Фродо почувствовал себя очень глупо и принялся (как делал всегда, произнося речи) перебирать лежащие в кармане вещи. Он нащупал Кольцо на цепочке — и вдруг необъяснимое желание надеть его охватило хоббита: исчезнуть — вот

выход из этого дурацкого положения! Но ему показалось почему-то, что эта мысль пришла к нему извне, будто кто-то в комнате ему ее шепнул. Он подавил желание и сжал Кольцо в руке, словно чтобы не дать ему вырваться на волю или предать их. Во всяком случае, оно ему ничего не подсказало. Он произнес «приятственное слово», как сказали бы у них в Крае: «Мы благодарны вам за теплый прием, и я смею надеяться, что мой краткий визит поможет восстановить древние узы дружбы между Краем и Усадом», — тут он остановился и закашлялся. Теперь уже все в зале смотрели на него. «Песню!» — крикнул один из хоббитов. «Песню, песню! — завопили остальные. — Давайте, сударь, спойте нам что-нибудь, чего мы не знаем!»

На миг Фродо растерялся. А потом в отчаянье запел одну из забавных песенок, которые так любил Бильбо (а этой он еще и очень гордился, потому что слова к ней сочинил сам). Она была о трактире — может, именно поэтому Фродо ее и вспомнил. Вот она целиком — а то сейчас из нее, как правило, помнят лишь отдельные строчки:

В веселом старом кабачке
Под серою горой

Варили темный крепкий эль;
Там лунный сел челнок на мель
Вечернею порой.
У конюха жил пьяный кот,
Вверх-вниз водил смычком
По пятиструнной скрипке он:
То вверх взлетал, то падал тон,
И стон стоял кругом.
А у кабатчика жил пес:
Смеяться был мастак.
Он шутки слушать обожал,
При этом весело визжал
И ржал, как волколак.
Была еще корова там —
Короною рога —
Что, слыша скрипки пьяный стон,
Пускалась в пляс, крутя хвостом,
И мчалась на луга.
О! Ряд тарелок на стене
И ящик серебра!
Особый к праздникам прибор:
Его полировал весь двор

С утра и дотемна.
Возничий упился вконец
И ныл премерзко кот,
Посуда пляшет на столе,
Корова скачет во дворе,
Взахлеб собака ржет.
Возничий кружку прихватил
И грохнулся под стул;
Во сне он видел темный эль,
Под звездами была постель,
Рассветный ветер дул.
Тут конюх говорит коту:
Мол, лунных жаль коней.
Хозяин залил здесь мозги,
Они же в небесах — одни,
И Солнце — у дверей.
На скрипке джигу кот сыграл —
И мертвый бы ожил!
Визжал, трубил и квакал он,
Возничего же под столом
Кабатчик теребил.
Возничего, вкатив на холм,

Впихнули в лунный челн;
А кони грызли удила,
Корова павой приплыла,
И прибежал прибор.
Еще быстрее заиграл
На старой скрипке кот —
Корова встала на рога,
Взвивались кони в облака,
Пустился в пляс народ.
Порвались пять скрипичных струн,
Прибор разбился вдрызг;
Перескочив через Луну,
Корова завопила: «М-му-у!»,
Глуша собачий визг.
Челн выполз в небо над холмом,
И Солнцу время встать.
Она не верила глазам:
Хоть день идет по небесам —
Все завалились спать!

Хлопали ему долго и громко. У Фродо был хороший голос, и песня понравилась. «Где старина Хмель? — кричали все. — Он должен это услы-

шать! Пусть Боб выучит про этого кота-выпивоху, и мы потанцуем! — Они требовали еще пива и продолжали шуметь: — Повторите свою песню, сударь! Просим! Еще разок!»

Фродо заставили выпить еще, а потом он опять начал песню, и многие подхватили; мотив был давно известен, а слова запоминались легко. Теперь пришел черед Фродо терять голову. Он начал приплясывать, а когда дошел до слов: «Перескочив через Луну, Корова завопила: «М-му-у!» — подскочил и сам. Слишком сильно: потому что опустился — бан-н-г-г! — прямо в полный кружек поднос, поскользнулся и с треском скатился со стола. Народ открыл уже было рот, чтоб засмеяться — да так и замер, не дыша: певец пропал. Просто исчез, словно сквозь землю провалился.

Местные хоббиты в изумлении воззрились на пустоту, а потом громко воззвали к Хмелю Пахтарю. Слушатели отпрянули от Сэма и Пина — и те остались сидеть в углу одни под мрачными, подозрительными взглядами. Большинство считало их теперь товарищами странствующего колдуна, от которого неизвестно чего и ждать. Но один смуглый усадич глядел на них с подозрением и насмешкой — и это было очень неприятно. Потом он выскользнул из трактира вместе с ко-

соглазым южанином: эта парочка весь вечер о чем-то шепталась. Почти сразу за ними ушел и привратник Горри.

Фродо не знал, что делать. Он отполз под столами в темный угол, где сидел Бродник — тот не двигался и ничем не выдавал своих мыслей. Фродо прислонился спиной к стене и снял Кольцо. Он не мог бы сказать, как оно оказалось у него на пальце. Он вертел его в кармане, пока пел — наверное, оно как-то наделось, когда он резко вытащил руку, чтобы уберечься от падения. На миг он подумал, не сыграло ли с ним Кольцо само этой злой шутки; возможно, оно пыталось откликнуться на волю или приказ кого-то в зале. Не нравился хоббиту вид тех, кто ушел.

— Ну? — сказал Бродник, когда он появился. — И зачем вы это сделали? Все разговоры ваших друзей не могли навредить больше! Прямо в капкан ногой. Или может — пальцем?

— Не понимаю, о чем вы, — с досадой и тревогой сказал Фродо.

— Отлично понимаете, — возразил Бродник. — Только лучше нам подождать, покуда шум не уляжется. Тогда, с вашего позволения, господин Торбинс, я хотел бы сказать вам несколько слов.

— О чем это? — Фродо будто и не заметил, что

его назвали настоящим именем.

— О деле, важном для нас обоих, — ответил Бродник, глядя Фродо в глаза. — Быть может, то, что вы услышите, будет вам на пользу.

— Хорошо, — проговорил Фродо, стараясь выглядеть безразличным, — я поговорю с вами — попозже.

***

А у камина в это время шел спор. Прибежавший Хмель Пахтарь старался разобраться в нескольких противоречивых описаниях случившегося.

— Я его видел, господин Пахтарь, — твердил хоббит, — иначе говоря, не видел. Прямо в воздухе растаял, одно слово!

— Не скажите, господин Стародуб! — возражал трактирщик.

— А вот и скажу! — повторил Стародуб. — И уж что скажу, на том стою!

— Нет, тут какая-то ошибка, — заявил Пахтарь, качая головой Не таков господин Подгорникс, чтоб в воздухе таять, даже в таком, как тут.

— Тогда где же он? — закричало несколько голосов.

— Откуда мне знать? По мне — пусть идет, куда пожелает, лишь бы платил. Да и господин Хват

здесь — вон, глядите — он-то ведь не исчез.

— Я видел, что видел, а я ничего не видел, — упрямо заявил Стародуб.

— А я говорю — тут какая-то ошибка, — повторил Пахтарь, поднимая поднос и собирая черепки.

— Конечно, ошибка! — сказал Фродо. — Никуда я не исчезал. Вот он я! Просто мне надо было перекинуться парой слов с Бродником.

Он вышел на свет; но народ отшатнулся, еще более встревоженный, чем прежде. Их не устроило объяснение, что он просто-напросто после падения быстро отполз под столами в угол. Усадичи — и люди, и хоббиты — расходились, ворча, что на сегодня им забав хватило. Один-двое одарили Фродо мрачным взглядом и что-то пробормотали про себя. Последними поднялись гномы и два не то три странного вида человека — они распрощались с трактирщиком, ни слова не сказав Фродо и его друзьям. Скоро в зале не осталось никого кроме Бродника, который сидел, незамеченным, у стены.

Господин Пахтарь выглядел почти довольным. Он рассудил — и вполне справедливо — что его зала не будет пустовать теперь еще много вечеров: чудо надо было хорошенько обсудить.

— Что же это вы натворили, господин Подгорникс? — спросил он. — Распугали мне всех гостей и перебили все кружки своими прыжками!

— Мне очень жаль, — оказал Фродо. — Но я ведь не нарочно, поверьте! Несчастный случай…

— Ладно, ладно, господин Подгорникс! Когда в другой раз решите сотворить что-нибудь в этом роде, предупредите сперва народ — или хотя бы меня. Мы здесь не очень-то любим чудеса, и неожиданности тоже.

— Я ничего такого больше не сделаю, господин Пахтарь, обещаю вам. Я теперь пойду спать. Завтра рано вставать. Не присмотрите, чтоб пони были готовы к восьми?

— Само собой! Вот только есть у меня к вам разговор прежде чем вы ляжете, господин Подгорникс — личный разговор. Я тут кое-что вспомнил, что обязательно должен вам сказать. Вы, надеюсь, не обидитесь. Вот кончу дела — и загляну к вам, если позволите.

— Конечно! — сказал Фродо, но сердце его екнуло. Сколько же личных разговоров предстоит ему этой ночью, подумал он, и чем они кончатся? Неужто все тут в заговоре против него? Он начал уже подозревать, что даже за добродушным толстым лицом Пахтаря зреют темные планы.

Глава 10
Бродник

Фродо, Пин и Сэм вернулись к себе. Комната была темной. Мерри не было, и камин едва теплился. Они раздули угли и подбросили в огонь хворосту — и тут увидели, что Бродник пришел с ними. Он спокойно сидел в кресле у двери.

— Привет! — сказал Пин. — Кто вы и что вам надо?

— Я зовусь Бродником, — ответил тот, — и ваш друг — хоть он, может быть, об этом и позабыл — обещал потолковать со мной.

— Вы, помнится, намекали, что я могу узнать что-то полезное. — Сказал Фродо. — Так что вы хотели мне сказать?

— Несколько слов, — отвечал Бродник. — Но, разумеется, с выгодой для себя.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил Фродо.

— Не волнуйтесь! Только одно: я говорю вам все, что знаю и даю добрый совет — если, конечно, сойдемся в цене.

— И что за цена? — осведомился Фродо: он

начал подозревать что попал в лапы к мошеннику и подсчитывал в уме взятые с собой деньги — их было очень мало. Всех их едва хватило бы расплатиться с этим бродягой — а Фродо не мог потратить из них ни монетки.

— Не больше, чем вы можете уплатить, — словно прочитав его мысли, с медленной улыбкой сказал Бродник. — Вы берете меня с собой, и я иду с вами, пока мне этого хочется.

— Ого! — Фродо удивился, но облегчения не почувствовал. — Даже если бы мне нужен был еще товарищ, я не согласился бы на такое, не узнав как следует вас и ваших дел.

— Отлично! — воскликнул Бродник, скрещивая ноги и удобно устраиваясь в кресле. — Вы, кажется, начинаете приходить в себя; это хорошо. Не так давно вы были слишком беззаботны… Ладно! Я скажу вам, что знаю — и оставлю расплату за вами. Быть может, вы рады будете отблагодарить меня, когда выслушаете.

— Так говорите! — сказал Фродо. — Что вы знаете?

— Многое; много темного, — мрачно проговорил Бродник. Он поднялся, подошел к двери, быстро распахнул ее и выглянул. Потом плотно прикрыл ее и снова уселся. — У меня чуткий

слух, — сказал он, понижая голос. — Исчезать я, правда, не умею, но мне доводилось выслеживать разных диких тварей, и я могу оставаться незамеченным — если захочу. Вот и сегодня вечером я был на Тракте западнее Усада; гляжу — едут из Волглого Лога четверо хоббитов. Не стану повторять, о чем они говорили и как прощались со стариной Бомбадилом. Один из них говорит другим: «Запомните: никакой я не Торбинс! Спросят — так Подгорникс». Это так меня заинтересовало, что я последовал за ними сюда. Возможно, у господина Торбинса есть серьезные причины скрывать свое имя; но если так — я посоветовал бы ему и его друзьям быть поосторожней.

— Не понимаю, почему мое имя должно интересовать кого — то в Усаде, — сердито сказал Фродо. — И мне бы очень хотелось знать, почему оно интересует вас. У господина Бродника, должно быть, есть серьезные причины для подглядывания и подслушивания, но если так — я хотел бы узнать их.

— Славный ответ! — рассмеялся Бродник. — Причины просты: я поджидаю хоббита по имени Фродо Торбинс; мне надо разыскать его — и поскорей. Я знаю, что он уносит из Края… ну скажем тайну, очень важную для меня и моих друзей.

— Нет, не бойтесь меня! — вскричал он, когда Фродо приподнялся с кресла, а Сэм вскочил и хмуро на него глянул. — Я сберегу вашу тайну лучше, чем вы сами. А беречь надо! — Он наклонился вперед и оглядел их. — Бойтесь каждой тени! — тихо сказал он. Черные Всадники побывали в Усаде. В понедельник один из них спустился по Неторному, а позже подъехал и второй — с юга.

Было тихо. Наконец, Фродо сказал, обращаясь к Пину и Сэму:

— Я должен был об этом догадаться: больно уж дотошно нас привратник расспрашивал. И трактирщик, кажется, тоже что-то знает. С чего бы он нас так в залу тянул? Да, глупо мы поступили; надо было нам остаться здесь.

— Так было бы лучше, — кивнул Бродник. — И я не дал бы вам пойти в залу, если б мог; но трактирщик не пустил меня к вам и записки не взял.

— Вы думаете, он… — начал Фродо.

— Нет, старина Хмель на зло не способен. Просто не любит подозрительных бродяг вроде меня. — (Фродо бросил на него озадаченный взгляд) — Вид-то у меня довольно разбойничий, верно? — сказал Бродник с усмешкой и странным блеском в глазах. — Но, надеюсь, скоро мы узнаем друг друга лучше. И тогда вы, быть может,

объясните, что случилось, когда вы пели. Ибо эта выходка….

— Да не выходка, а просто случайность! — не выдержал Фродо.

— Если б так… — вздохнул Бродник. — Но пусть даже случайность. Она может погубить вас всех.

— Не больше, чем все остальное, — сказал Фродо. — Я знаю, что Всадники гонятся за мной; но теперь они, кажется, меня потеряли.

— Не рассчитывай на это! — резко проговорил Бродник. — Они вернутся. И приедут другие. Есть ведь и другие. Я знаю, сколько их. Я знаю этих Всадников. — Он остановился, и глаза его стали холодны и тверды. — Да и здесь, в Усаде, есть кое-кто, кому нельзя доверять, — продолжал он. — Бит Осинник, к примеру. Вы должны были его заметить — ехидный и смуглый. Он тут очень подружился с одним южанином, они и вышли вместе — как раз после твоей «случайности». Кстати, прости мне «ты» — это знак доверия, у нас иначе не говорят… Не все южане пришли с добром, а Осинник, тот и вовсе что угодно кому угодно продаст; или предаст кого-нибудь — шутки ради.

— Что будет этот Осинник продавать, и что ему за дело до моей оплошности? — Фродо по-

прежнему делал вид, что не понимает намеков Бродника.

— Тебя он будет продавать, — ответил Бродник. — Тебя и твоих друзей. Вести о вас дорого стоят. Им теперь и имени твоего знать не надо. Кажется мне, они узнают обо всем до исхода это ночи. Довольно? Вы, конечно, вольны поступать как хотите: брать меня в проводники или нет. Но должен сказать, что мне известны все земли от Края до Мглистых Гор: я долгие годы бродил в них. Я старше, чем выгляжу, и опыт мой пригодится в походе. По дороге вам не пройти — конники стерегут ее день и ночь; придется свернуть. Из Усада вас выпустят, и, может, дадут даже отойти от него — пока солнце светит; но далеко вы не уйдете. Они настигнут вас во тьме, в глуши — и помощи не будет. Знаете, что ждет вас тогда? Берегитесь!

Хоббиты взглянули на него и с удивлением увидели, что лицо его искажено мукой, а пальцы вцепились в подлокотники кресла. В комнате было тихо; пламя, казалось, подернулось дымкой. Бродник сидел, глядя куда-то невидящими глазами, точно ушел в воспоминания или вслушивался в дальние голоса Ночи.

— Итак! — через мгновенье воскликнул он, проведя по лбу рукой. — Я, быть может, знаю о

ваших преследователях больше, чем вы. Вы боитесь их — и все же недостаточно боитесь. Завтра вам надо попробовать ускользнуть — Бродник проведет вас нехоженными тропами… Так как — годится он вам в проводники?

Повисло тяжелое молчание. Фродо не отвечал, охваченный сомнениями и страхом. Сэм хмуро смотрел на хозяина и наконец не утерпел:

— С вашего позволения, господин Фродо, я скажу: нет, не годится! Бродник, он ведь на что упирает: бойтесь, мол, каждой тени; и тут он очень даже прав — только давайте уж начнем с него. Явился он из Глухоманья, а я никогда ничего хорошего о тамошнем народе не слышал. И знает он много — даже слишком много, скажу я; но поэтому-то мы и не должны с ним идти — заведет еще в какую глушь, а там помощи не жди, сам говорил.

Пин ерзал и чувствовал себя не в своей тарелке. Бродник, не отвечая Сэму, смотрел на Фродо.

— Нет, Сэм, ты, пожалуй, не прав… — медленно проговорил тот. — А ты… — он повернулся к Броднику. — Ты, по-моему, совсем не такой, каким хочешь казаться. Раньше говорил, как усадич — а теперь вот и голос другой. И все-таки в одном я с Сэмом согласен: почему ты предупреждаешь

об опасности и ждешь, что мы поверим тебе на слово? К чему личина? Кто ты? И откуда ты о нас знаешь?

— Урок осторожности не прошел даром, — заметил Бродник с мрачной улыбкой. — Но осторожность — одно, а нерешительность — другое. Самим вам до Светлояра не дойти, и единственное, что вам остается — поверить мне. Думайте. Я отвечу на некоторые ваши вопросы, если это поможет вам — но почему вы должны верить моим словам, если до сих пор не поверили? Впрочем, все равно — слушайте…

И в это время в дверь постучали. Появился Хмель Пахтарь со свечами, а позади — Ноб с сосудами горячей воды. Бродник отступил в темный угол.

— Я пришел пожелать вам доброй ночи, — сказал трактирщик, ставя свечи на стол. — Ноб! Неси воду в спальни! — Он вошел и закрыл дверь.

— Вот какое дело… — поколебавшись, начал он. — Если от этого какая беда вышла, — мне очень жаль. Да только одно гонит прочь другое, а я человек занятой. Но на этой неделе много всякого случилось, вот я и вспомнил; надеюсь, не слишком позднее. Понимаете, мне ведено поджидать хоббитов из Края, и особенно — по

имени Торбинс.

— И какое же это имеет ко мне отношение? — спросил Фродо.

— Вам лучше знать, — хитро подмигнул трактирщик. — Я вас не выдам; но мне было сказано, что приедет этот Торбинс под именем Подгорникса; у меня и описание его есть — и оно вам очень подходит, с позволения сказать…

— Вот как! Интересно послушать, — неблагоразумно прервал его Фродо.

— Крепкий и краснощекий малыш, — важно изрек Пахтарь. Пин ухмыльнулся; Сэм был в негодовании. — Это тебе, конечно, не приметы, Хмель; почти все хоббиты крепкие и краснощекие, — сказал он мне, — продолжал трактирщик. — но этот повыше других, с раздвоенным подбородком: бойкий паренек с ясными глазами. Прошу прощения, это он так сказал, не я.

— Он? Кто это — он? — спросил Фродо.

— Кто?.. Да приятель мой, Гэндальф, разве я не сказал? Но теперь-то я не знаю, что он скажет, когда мы опять увидимся; не удивлюсь, коли все пиво мне сквасит, или меня самого в чурбан превратит. Он ведь маг, и скор на расправу… Но что сделано — то сделано.

— Так что же вы сделали? — Фродо начинал

терять терпение: клубок пахтаревых мыслей раскручивался слишком медленно.

— О чем бишь я? — трактирщик остановился и щелкнул пальцами А, ну да! Старина Гэндальф. Заходит он этак месяца три назад ко мне в комнату. Хмелик, — говорит, — Я ухожу, утром меня уже не будет. Можешь ты кое-что для меня сделать?» «Только скажи», — отвечаю. «Я спешу, — говорит он. — И времени у меня нет, но мне надо непременно отправить письмо в Край. Есть у тебя верный человек?» «Я его найду, — говорю. — Завтра или послезавтра». «Найди завтра», — сказал он и дал мне письмо.

Оно надписано совершенно ясно, — и Хмель Пахтарь, достав письмо из кармана, медленно и гордо (он очень ценил свою славу грамотного человека) прочитал:

«Край, Хоббитон, Торба-на-Круче, Фродо Торбинсу».

— Письмо — мне — от Гэндальфа! — вскричал Фродо.

— А! — сказал Эль Пахтарь. — Так вы, стало быть, все-таки Торбинс?

— Сами ведь знаете, — сказал Фродо. — Ну, давайте письмо, да объясните, почему вы его не отправили. Вы же об этом хотели мне сказать,

хоть и шли к цели довольно долго.

Несчастный трактирщик вконец расстроился.

— Вы, конечно, правы, сударь, — покаянно проговорил он. — Мне и подумать-то страшно, что скажет Гэндальф, если из-за этого какая-нибудь беда выйдет. Я его до смерти боюсь. Но только задержал я письмо не нарочно. Сперва я его спрятал; ну, а как ни на другой день, ни потом, оказии не нашлось — позабыл, совсем о нем позабыл. Одно гонит прочь другое, сами знаете. Вылетело это у меня из головы, человек-то я занятой… Я что угодно сделаю, чтобы дело поправить — если могу чем помочь, только скажите.

Я так и Гэндальфу обещал, когда письмо оставлял. «Хмелик, — сказал он мне, — этот мой друг из Края может скоро приехать. Назовется он Подгорниксом. Запомни! Но вопросов ему не задавай. И если меня с ним не будет, он может быть в беде и нуждаться в помощи. Сделай для него все, что сможешь — я в долгу не останусь, — так он мне сказал. И вот вы здесь — а беда-то рядом ходит.

— О чем вы? — спросил Фродо.

— Да о черных этих, — понижая голос, сказал трактирщик. — Ищут-то ведь они Торбинса, и будь я хоббит, если на уме у них добро. В понедельник заезжали — собаки воют, гуси кричат и

гогочут. Ноб является и говорит, что у дверей двое каких-то спрашивают хоббита по имени Торбинс — а у самого волосы дыбом стоят. Ну, отправил я этих двоих восвояси, и дверь у них перед носом закрыл; да только слыхал я, они тот же вопрос задавали всем до самого Таборна. Опять же и Следопыт этот, Бродник, про вас расспрашивал. Пытался к вам пройти, вы подумайте — ни поужинать гостям, ни отдохнуть как следует!..

— Пытался, твоя правда! — сказал вдруг Бродник, выступая на свет. — И лучше бы ты меня пустил, Хмель. Большую беду можно было бы отвести.

Трактирщик подскочил от удивления.

— Ты! — вскричал он. — Пролез-таки! Чего тебе здесь надо?

— Он здесь с моего ведома, — сказал Фродо. — Пришел предложить мне помощь.

— Вам виднее, конечно, — Пахтарь подозрительно покосился на Бродника. — А только я бы на вашем месте со Следопытом не связывался.

— Тогда с кем им связываться? — прищурился Бродник. — С жирным кабатчиком, который и имени-то своего толком не помнит, даром что его по сто раз на дню окликают? В «Пони» они на всю жизнь не останутся, а домой им дорога закрыта.

Перед ними далекий и трудный путь. Ты, что ли, с ними пойдешь — отобьешься от Черных Всадников?

— Я?! Оставить Усад?! Да ни за какие деньги! — испуганно вздрогнул Пахтарь. — Но почему бы вам не пожить тут немного, господин Подгорникс? Что надо всему этому чудному народу? Откуда они вообще взялись, эти черные?

— Не могу я вам этого объяснить, — сказал Фродо. — Я устал и встревожен, а это долгий рассказ. Но если вы и правда хотите помочь мне, я должен вас предостеречь: пока я здесь, вы в опасности — и вы, и ваш дом. Эти Черные Всадники — я, правда, не уверен, но боюсь они из… из…

— Они из Мордора, Хмель, — негромко проговорил Бродник. — Понимаешь? Из Мордора.

— Спаси и сохрани! — воскликнул Пахтарь, бледнея: название было ему явно знакомо. — Это самые худшие вести, какие я слышал за всю жизнь!

— Вы все еще хотите помочь мне? — спросил Фродо.

— Хочу, — отвечал Пахтарь. — Даже больше чем прежде. Хоть и не знаю, что может сделать человек вроде меня против… против… — он задрожал.

— Против Тьмы с Востока, — спокойно докончил Бродник. — Немногое, Хмель, но и каждая малость — помощь. Ты можешь оставить господина Подгорникса на эту ночь под своей крышей — и забыть имя Торбинс, пока он не будет далеко.

— Я это сделаю, — обещал Пахтарь. — Но, боюсь, они и без меня прознают, что он тут. Жаль, что господин Торбинс обратил на себя этим вечером внимание — чтобы не сказать больше. История об уходе господина Бильбо давно известна в Усаде. Даже мой телепень Ноб — и тот уже о чем-то догадывается; а в Усаде ведь и пособразительней его найдутся.

— Значит, нам остается только надеяться, что этой ночью Всадники в Усад не нагрянут, — сказал Фродо.

— Надеюсь, нет, — сказал Пахтарь. — Но будь они хоть призраки, а так просто им в «Пони» не попасть. До утра ничего не бойтесь. Никто из этих черных не войдет в мои двери, пока я держусь на ногах. Я и все мои люди станем сегодня на стражу; а вам надо поспать, если сможете.

— Как бы там ни было, на рассвете нам надо встать, — сказал Фродо. — Мы должны выйти как можно раньше. Подайте завтрак к шести,

пожалуйста.

— Принято! Я распоряжусь, — сказал трактирщик. — Доброй ночи, господин Торбинс — простите, что это я, господин Подгорникс, конечно. Доброй ночи — ох, что же это? Где господин Брендизайк?

— Не знаю, — с внезапной тревогой признался Фродо. Они совсем позабыли про Мерри, а было уже поздно. — Боюсь, он ушел. Он вроде говорил, что пойдет прогуляется.

— Да за вами, как я погляжу, глаз да глаз нужен! — воскликнул трактирщик. — Вы точно на праздник едете! Я должен закрыть двери, но когда ваш друг придет — впущу... А еще лучше — пошлю-ка я Ноба его поискать! Доброй ночи всем вам! — и Пахтарь вышел, одарив на прощанье Бродника подозрительным взглядом и с сомнением покачав головой. Его шаги замерли в конце коридора.

— Ну? — сказал Бродник. — Будешь ты читать письмо? Фродо внимательно оглядел печать, прежде чем сломать ее — печать, точно, была Гэндальфа. Внутри было письмо, написанное твердым красивым почерком мага.

«Гарцующий Пони, Усад, 24 июня, год

по счету Края 1418.

Дорогой Фродо!

Дурные вести настигли меня. Я должен идти тотчас. Уходи из Торбы как можно скорей — к концу июля в Крае чтобы духу твоего не было! Вернусь, как смогу; если ты к этому времени уйдешь — нагоню. Оставь для меня письмо в «Пони», если пойдешь через Усад. Пахтарю (трактирщику) можно доверять. Да: в пути, ты, быть может, встретишь моего друга: Человек, высокий, худой, темноволосый, кое-кто зовет его Бродником. Он знает о нашем деле и поможет тебе. Иди в Светлояр. Там, надеюсь, и встретимся. Если я не приду — Эльронд скажет тебе, что делать дальше.

Тороплюсь, прости.

Гэндальф.

К слову: Не надевай его, ни в коем случае не надевай! И по ночам не езди.

Еще к слову: Убедись, что Бродник — тот самый. Сейчас на дорогах много всякого люда. Его настоящее имя — Арагорн.

Золота блеск — не золото суть,
Сгинувший — не пропал,
Древний огонь зиме не задуть,
Не зарастет тропа.
Тьмою идущий — не одинок,
Пепел грядет костром,
Станет мечом разбитый клинок,
Нищий взойдет на трон.

Надеюсь, Пахтарь отошлет письмо. Достойный человек, но память у него — что чулан: самое нужное всегда на самом дне. Если забудет — жаркое из него сделаю.

Прощай!

Г.»

Фродо прочел письмо и передал его Пину и Сэму.

— Старина Хмель чуть все не испортил! — сказал он. — Быть ему на вертеле… Если б он отправил письмо сразу — мы уже давно были бы в Светлояре. Но что же это случилось с Гэндальфом? Он пишет так, словно собирается в огонь

шагнуть.

— Он долгие годы идет сквозь огонь — не оглядываясь и напрямик, — заметил Бродник.

Фродо обернулся и задумчиво поглядел на него, вспоминая Еще к слову Гэндальфа.

— Что же ты мне сразу не сказал, что ты его друг? — спросил он. — Все было бы проще.

— Так ли? Поверил ли мне до сих пор кто-нибудь из вас? — откликнулся Бродник. — Я ничего не знал о письме. Мне надо было убедить вас поверить мне без доказательств. Я вовсе не хотел сразу рассказывать вам о себе — мне надо было сначала узнать вас, убедиться, что вы — это вы. Враг беспрестанно расставляет мне ловушки. Я убедился — и готов был ответить на все ваши вопросы. Но, правду сказать, — добавил он со странной усмешкой, — я надеялся, что вы поверите мне и без них. Иной раз просто устаешь от недоверия, хочется дружества… Но ладно — мне ли не знать, что вид мой говорит против меня?

— Прямо вопит — на первый взгляд, во всяком случае, — с облегчением рассмеялся Пин, прочитав письмо Гэндальфа. — Только судят ведь не по словам, а по делам, как говорят в Крае; да и как тебе еще выглядеть, если ты столько дней в засаде провел, по ямам да под изгородями? Любой

из нас выглядел бы не лучше.

— Надо много лет провести в Глухоманье, чтобы стать похожим на Бродника, — отозвался тот. — И любой из вас умер бы раньше — если только вы не крепче, чем кажетесь.

Пин умолк; но смутить Сэма было не так-то просто, и он все еще посматривал на Бродника с сомнением.

— А откуда мы знаем, что ты тот самый Бродник, о котором пишет Гэндальф? — заявил он. — Ты о Гэндальфе и не поминал, пока письмо не пришло. А может, ты шпион — пришиб где-нибудь настоящего Бродника, да в его одежды и нарядился. Что ты на это скажешь?

— Что тебя не проведешь, — ответил Бродник. — А ответ мой, Сэм Гискри, таков: если я убил настоящего Бродника, вас я и подавно давно бы прикончил. Да если бы я охотился за вашим Кольцом, оно уже сейчас было бы моим!

Он поднялся — и словно вырос. Глаза его вспыхнули властным безжалостным блеском. Он откинул плащ — и положил руку на эфес меча, дотоле незамеченного. Они не смели двинуться. Сэм как сидел — так и замер с открытым ртом, уставившись на воина.

— Но я, по счастью, настоящий Бродник, — ска-

зал Следопыт, глядя на них сверху вниз, и лицо его смягчилось неожиданной улыбкой. — Я Арагорн, сын Арафорна; и за ваши жизни порукой моя жизнь или смерть.

Все долго молчали. Наконец Фродо заговорил.

— Я знал, что ты друг, еще до письма, — с запинкой сказал он, — во всяком случае, очень надеялся на это. Ты несколько раз пугал меня сегодня — но не так, как Вражьи прислужники. Не такой от них страх. Был бы ты из них — ты бы… ну… казался лучше, а был хуже, понимаешь?..

— Ну, а я наоборот, — засмеялся Бродник. — Кажусь плох, а на деле — хорош. Так?

Золота блеск — не золото суть.

— Так эти стихи о тебе? — спросил Фродо. — А я-то не мог понять, к чему они… Но откуда ты знаешь, про что пишет Гэндальф — ты ведь не читал письма?

— Я и не знаю, — ответил Следопыт. — Но я Арагорн, а значит и стихи обо мне. — Он вытащил меч, и хоббиты увидели, что его клинок сломан чуть ниже эфеса. — Немного от него пользы, правда, Сэм? — проговорил Бродник. — Но близко уже время, когда он будет откован вновь…

Сэм не ответил.

— Ну что ж, — сказал Бродник, — с дозволения

Сэма, Бродник — ваш проводник.

Завтра нас ждет трудный путь. Даже если нас беспрепятственно выпустят из Усада — нам едва ли удастся уйти незаметно. Но я постараюсь потеряться как можно скорей. Я знаю две-три тайные тропки. Если сумеем отделаться от погони — пойдем к Заветри.

— Заветрь?.. — переспросил Сэм. — Это еще что?

— Гора к северу по Тракту, на полпути отсюда к Светлояру. С нее открывается вид на все окрестности; там мы сможем оглядеться. Да и Гэндальф, если захочет нагнать нас, придет туда. После Заветри поход наш станет труднее, и придется выбираться из многих опасностей.

— Когда ты в последний раз видел Гэндальфа? — поинтересовался Фродо. — Знаешь ты, где он и что делает?

Бродник помрачнел.

— Не знаю, — сказал он. — Весной я пришел с ним на запад. В последние годы я часто следил за границами вашего Края — пока он был занят где-то еще. Он редко оставлял Край без охраны. Последний раз мы встретились первого мая в низовьях Берендуина. Он сказал мне, что с тобой все в порядке и что ты пойдешь в Светлояр в послед-

нюю неделю сентября. Я знал, что он с тобой — и отправился в поход по своим делам. И это обернулось бедой: ибо какие-то вести настигли его, а меня не было рядом, чтобы помочь. Мне очень тревожно — в первый раз с тех пор, как я знаю его. Мы должны были получить хотя бы весть — если сам он не смог прийти. Когда я вернулся — тому уже немало дней — то узнал много злого. Далеко разошелся слух, что Гэндальф пропал, а Конники появились. Это мне рассказали эльфы Гильдора; а потом они же оповестили меня, что ты покинул Торбу; но о твоем уходе из Забрендии я не знал и с беспокойством следил за Трактом.

— Ты думаешь, Черные Всадники… они как-то связаны с отсутствием Гэндальфа? — спросил Фродо.

— Никому больше не совладать с ним, кроме самого Врага, — проговорил Бродник. — Но не отчаивайся! Гэндальф куда более велик, чем думают в Крае — вы ведь знаете только лишь его игрушки да шутки. А наше дело — величайшая из его забот.

Пин зевнул.

— Простите, — вымолвил он, — но я смертельно устал. Если я сейчас же не пойду спать, то усну прямо в кресле, какая бы нам опасность не грози-

ла. Куда подавался дурачина Мерри? Это было бы последней каплей — идти его искать…

В этот момент грохнула дверь; потом по коридору пробежали шаги — и в комнату ворвался Мерри, а следом за ним — Ноб. Мерри поспешно закрыл дверь и привалился к ней. Он тяжело дышал. Все в тревоге уставились на него.

— Я видел их, Фродо! — выдохнул он. — Видел! Черных Всадников!

— Черных Всадников? — ахнул Фродо. — Где?!

— Здесь. В селенье. Я сидел тут около часа. Вы не возвращались, и я решил пройтись. Потом вернулся и стоял под фонарем, глядя на звезды. Вдруг меня будто холодом обдало, я почуял: подбирается что-то жуткое — на той стороне была тьма, но в ней вроде шевельнулась другая тьма — еще чернее… Как раз на грани круга от фонаря. Оно бесшумно скользнула прочь. Лошади не было.

— Куда оно пошло? — внезапно и резко спросил Бродник? Мерри вздрогнул, только теперь заметив чужака.

— Говори! — сказал Фродо. — Это друг Гэндальфа. Я тебе потом объясню.

— Кажется, к востоку, — продолжал Мерри. — Ну а я — следом. Конечно, все тут же пропало; но я завернул за угол и дошел до последнего дома

на Тракте.

— У тебя смелое сердце, — Бродник с удивлением взглянул на Мерри. — Но это было глупо.

— Не знаю я, — сказал Мерри. — По-моему, тут ни смелости, ни глупости нет. Я еле выбрался. Затащило меня вроде куда-то…

Ну так вот. Иду я — и вдруг слышу: разговор у плетня. Один голос бормочет что-то, а другой — не то шепчет, не то шипит. Я ни слова из разговора не разобрал; хотел поближе подобраться — и вдруг дрожь меня взяла. Испугался я и уже повернул было назад, но тут ко мне что-то подошло сзади… и я споткнулся…

— Так я его и нашел, сударь, — вставил Ноб. — Господин Пахтарь послал меня с фонарем. Спустился я к Западным Воротам, ну а оттуда-то назад — к южным. Смотрю — шебуршится кто-то на дороге, как раз у дома Бита Осинника. Поклясться, конечно, не могу, а только показалось мне, что двое склонились над третьим и вроде подымают его… Я заорал, и туда. Но там уж никого не было, один господин Брендизайк на обочине лежал. Будто бы спал. Потряс я его. «Я утонул и лежу на дне», — говорит он мне, а потом как вскочит — и бегом сюда.

— Так, наверно, и было, — кивнул Мерри. —

Хоть я и не помню что говорил. Не помню, что мне снилось — какая-то мерзость. Я словно распался… Не знаю, что на меня нашло.

— Зато я знаю, — сказал Бродник. — Тебя коснулось Дыханье Тьмы. Всадники, должно быть, оставили коней снаружи и тайно проникли в селенье. Им теперь все известно; они навестили Осинника; и тот южанин тоже наверняка шпион. Этой ночью в Усаде что-то случится.

— Что? — спросил Мерри. — Они нападут на трактир?

— Вряд ли, — показал головой Бродник. — Они ведь еще не все собрались. Да это и не по ним. Сильнее всего они во тьме да в пустошах; не станут они в открытую нападать на освещенный многолюдный дом… Но их сила — в страхе, и кое-кто в Усаде уже у них в когтях. Этих лиходеев они склонили ко злу: Осинника, кое-кого из южан, а быть может — и привратника. Они побеседовали в понедельник с Горри. Я видел их. Он был белым и трясся, когда они отъехали.

— Тут, кажется, кругом враги, — сказал Фродо. — Что же нам делать?

— Оставайтесь здесь, не ходите в спальни! Враги наверняка узнают, где они: в хоббичьих комнатах круглые окна. Мы все останемся тут и

запрем и дверь, и окно. Но сначала мы с Нобом принесем ваши вещи.

Пока Бродника не было, Фродо быстро рассказал Мерри обо всем, что случилось после ужина. Когда Следопыт и Ноб вернулись, Мерри читал и перечитывал письмо.

— Я там взбил белье и положил по диванному валику в каждую постель, — сказал напоследок Ноб. — И завернул один в шерстяные одеяла — очень вышло похоже на вашу голову, господин Тор... — ой, простите, сударь, Подгорникс, — добавил он с усмешкой.

Пин рассмеялся.

— Очень похоже! — повторил он. — А что случится, когда они раскроют подделку?

— Увидим, — сказал Бродник. — Будем надеяться продержаться здесь до утра.

— Доброй вам ночи, — пожелал на прощанье Ноб. Мешки и снаряжение сложили кучей на полу. Потом придвинули к двери кресла и закрыли окно. Выглянув, Фродо увидел, что ночь совсем ясная. Над склонами Горы ярко сиял Серп[1]. Хоббит закрыл и запер тяжелые внутренние ставни и задернул шторы. Бродник раздул огонь и по-

[1] Примечания: 1

Так хоббиты называют созвездие Большой Медведицы.

тушил свечи.

Хоббиты улеглись на одеяла ногами к очагу, а Бродник уселся в кресло у двери. Они немножко поговорили: Мерри хотелось еще кое-что узнать.

— «Перескочив через Луну»! — хохотнул он, заворачиваясь в одеяло. — Очень неосторожно, Фродо! Но хотелось бы мне быть там и все видеть. Усадичи будут толковать об этом еще лет сто.

— Еще бы, — отозвался Бродник. Потом все смолкло, и хоббиты один за другим уснули.

Глава 11
Клинок в ночи

Когда хоббиты готовились лечь спать в усадском трактире, ночь накрыла Забрендию; мгла струилась по низинам и вдоль берега реки. Дом в Кроличьей Балке окружала тишь. Толстик Боббер осторожно приоткрыл дверь и выглянул. Страх не давал ему покоя весь день, и ночью ему не спалось: в душном недвижном воздухе висела угроза. Когда он смотрел во мрак, черная тень пронзила тьму под деревьями, калитка сама собой открылась и бесшумно захлопнулась. Ужас охватил Толстика. Он отпрянул и какое-то время стоял, дрожа всем телом. Потом закрыл и запер

дверь.

Ночь сгущалась. Тихо переступили копыта: лугом подводили лошадей. У калитки они остановились, и три черных силуэта, подобных обрывкам тьмы, проникли внутрь и поползли к дому. Один приблизился к двери, другой обогнул дом — и застыли, недвижные, как камни. Ночь проходила. Дом и деревья, казалось, ждали, затаив дыхание.

Листья слабо зашумели, где-то вдали пропел петух. Холодный предрассветный час миновал. Тень у дверей шевельнулась. В безлунной беззвездной тьме льдисто взблеснул обнаженный клинок. Мягкий, но тяжелый удар сотряс дверь.

— Отворить, именем Мордора! — приказал пустой угрозный голос.

Со вторым ударом дверь подалась и рухнула, вырывая петли. Тени быстро втянулись внутрь.

В этот миг где-то неподалеку зазвенел рог. Он разорвал ночь, как огонь на вершине холма.

Вставай! Напасть! Пожар! Враги! Вставай!

Толстик Боббер не мешкал. Едва увидев, как темные силуэты крадутся по саду, он понял, что должен или бежать, или пропадать. И он побежал — из задней двери, через сад и полями. Добежав до ближайшего дома — больше, чем в миле от них

— он рухнул на порог. «Нет, нет, нет! — твердил он. — Это не я! У меня его нет!» Перепуганные соседи не сразу поняли, о чем он бормочет. Наконец кому-то пришло в голову, что в Забрендии враги, нашествие из Предвечного Леса. И тут уж они времени не теряли.

Напасть! Пожар! Враги!

***

Брендизайки трубили в рог, трубили древний боевой клич Забрендии, который не звучал вот уже сотню лет — с тех самых пор, когда в Долгую Зиму реку перешли по льду белые волки.

Вставай! Вставай!

Вдали слышались ответные рога. Тревога ширилась. Черные силуэты выскользнули из дома. На ступени упал проколотый хоббичий плащ. По тропинке ударили копыта, сорвались в галоп и с грохотом унеслись в ночь. По всей Кроличьей Балке звенели рога, перекликались голоса, мелькали бегущие ноги. А Черные Всадники ураганом мчались к Северному Ходу. Пусть себе суетится малый народец! В свое время Саурон с ними разберется. Пока же им не до того: дом пуст. Кольцо исчезло. Они стоптали стражу у ворот и навсегда исчезли из Края.

***

Ночью Фродо проснулся — внезапно, будто какой-то звук или чье-то присутствие всколыхнуло его. Он увидел, что Бродник бессонно сидит в кресле: глаза его блестели в свете ярко горящего камина; он не шевелился.

Скоро Фродо опять уснул; но сон его тревожили шум ветра и стук копыт. Ветер, казалось, вился вокруг дома и тряс его; где-то вдали громко трубил рог. Он открыл глаза: во дворе страстно кукарекал петух. Бродник раздернул занавески и с лязгом распахнул ставни. Первый серый свет проник в комнату; сквозь открытое окно вливался прохладный воздух.

Разбудив всех, Бродник повел их в спальни. Заглянув туда, хоббиты порадовались, что последовали его совету: окна были выставлены, занавески хлопали; в спальнях все было вверх дном, валики вспороты, коричневое одеяло изорвано в клочья.

Бродник тут же сходил за трактирщиком. Бедняга Пахтарь был сонным и перепуганным. Он не сомкнул глаз всю ночь, заявил он, но не слышал ни звука.

— Никогда ничего подобного не видел! — вскри-

чал он, воздевая руки. — Это чтобы гостям опасно было спать в своих постелях, чтобы портили совсем почти новые валики!.. Что ж дальше-то будет?

— Ничего хорошего, — посулил Бродник. — Но сейчас успокойся: скоро ты от нас избавишься. Мы тотчас уходим. О завтраке не беспокойся: поедим на ходу, наполни нам только фляги. Через несколько минут мы будем готовы.

Пахтарь поспешил распорядиться, чтобы выводили пони и приготовили им что-нибудь «с собой». Но скоро он вернулся — в смятении. Пони пропали! Ворота конюшни ночью кто-то открыл, и они сбежали — не только лошадки Мерри, но и все другие, что стояли там.

Новости сокрушили Фродо. Разве можно добраться до Светлояра пешком, если враги — следом и на конях? Скорей им удалось бы забраться на Луну! Бродник молчал и задумчиво смотрел на хоббитов, будто взвешивая их силы и мужество.

— Пони нас от всадников не унесли бы, — сказал он наконец, точно прочитав мысли Фродо. — По тем дорогам, которыми я хотел идти, пешком шагать удобней. Еда и припасы — вот что меня тревожит. Рассчитывать, что удастся пополнить запас до Светлояра, нельзя; надо все брать с со-

бой, и брать с запасом — мы можем задержаться или пойти обходным путем. Сколько вы можете унести на спине?

— Сколько надо, — Пин изо всех сил старался выглядеть крепче, чем кажется.

— Я за двоих понесу, — с вызовом заявил Сэм.

— Неужто ничего нельзя сделать, господин Пахтарь? — спросил Фродо. — Может, можно достать в селенье нескольких пони — или хоть одного, для поклажи? Нанять-то вряд ли, конечно… но мы могли бы купить, — добавил он с сомнением, раздумывая, сможет ли купить их на самом деле.

— Вряд ли, — ответил трактирщик. — Все верховые пони, что были в Усаде, у меня стояли — всех их и свели. А если у кого лошади или пони остались, так те упряжные, не на продажу. Но я сделаю что смогу. Вытащу Боба и пошлю его — пусть поторопится!

— Да, — неохотно проговорил Бродник. — Так будет лучше всего. Боюсь, одного пони купить все-таки придется. Но это значит — проститься с надеждой ускользнуть рано и незаметно. Искать лошадь — что в походный рог трубить. Они на это, надо думать, и рассчитывали.

— Есть тут малая толика утешения, — заметил Мерри. — А если подумать — так и не малая.

Давайте хоть позавтракаем нормально, все равно ведь ждать. Где этот телепень Ноб?

Пропажа задержала их больше чем на три часа. Боб вернулся ни с чем: ни пони, ни лошади достать не удалось — даже за деньги; один только Бит Осинник соглашался продать своего пони.

— Старая заморенная скотинка, — сказал Боб, — но он за нее втридорога сдерет, она ведь вам нужна, знаю я этого Осинника.

— Бит Осинник?.. — переспросил Фродо. — Нет ли здесь какой хитрости? Может, этот конек сбежит к нему со всей поклажей или поможет выследить нас?

— Хотелось бы знать, — кивнул Бродник. — Я, правда, не верю, чтобы животное вернулось к нему, единожды от него сбежавши. Славный господин Осинник решил, должно быть, нажиться на этом деле. И главная опасность тут — что бедная тварь наверняка на пороге смерти… Впрочем, выбора у нас нет. Сколько он за нее хочет?

Бит Осинник запросил двенадцать монет — и правда втрое против цены за крепкого пони. Конек был костлявый, некормленый и унылый; однако подыхать пока не собирался. Хмель Пахтарь уплатил за него из собственного кармана и предложил Мерри еще восемнадцать монет — в

возмещение убытков за пропавших лошадок. Он был человек честный и состоятельный; однако потеря тридцати монет была для него тяжким ударом — тем паче что почти половина из них перешла к Биту Осиннику.

Кстати сказать, в конце концов он не остался в накладе. Позже выяснилось, что на самом деле свели только одну лошадь. Остальные разбежались от страха, и потом их находили в разных концах Усадного Края. Пони Мерри удрали в гости к Дружку и некоторое время жили у Тома Бомбадила — пока до того не дошли вести о событиях в Усаде. Тогда он отослал лошадок назад к Пахтарю, который, таким образом, получил сразу пять крепких пони по весьма сходной цене. Им пришлось немало поработать в Усаде, но Боб холил их, как мог; так что им, можно сказать, повезло: избежали темного и опасного похода. Но и в Светлояре не побывали.

Тем не менее, судя по тому, что знал Пахтарь, деньги его были потрачены невесть на что. А у него были и другие заботы. Мало-помалу оставшиеся гости поднимались и, когда узнали о ночном налете на трактир, началось волнение. Южане потеряли нескольких коней и громко обвиняли трактирщика, пока не стало известно,

что один из них тоже исчез ночью — никто иной, как косоглазый приятель Бита Осинника. Подозрение тут же пало на него.

— Ежели вы знаетесь с конокрадом, да еще привели его в мой дом, — сердито заявил Пахтарь, — так должны платить за все сами, а не орать тут на меня. Отправляйтесь и спрашивайте у Осинника, куда запропал ваш распрекрасный друг!

Но оказалось, что другом он никому не был, и никто не смог припомнить, где и когда он к ним пристал.

После завтрака хоббиты заново уложили мешки: пришлось взять с собой запас еды на случай, если поход окажется более долгим, чем они рассчитывали. Было уже почти десять, когда они наконец тронулись в путь. К этому времени весь Усад гудел, как улей. Исчезновение Фродо, черные всадники, похищение коней, и вдобавок — известие, что следопыт Бродник присоединяется к таинственным хоббитам — всего этого с лихвой хватило бы на дюжину небогатых событиями лет. Большинство жителей Усада и Ходтона столпились по обочинам, чтоб видеть отъезд путешественников. Кое-кто пришел даже из Заложья и Таборна. Из дверей и окон трактира

выглядывали постояльцы.

Бродник передумал и решил выйти из Усада по главной дороге. Любая попытка сразу свернуть с нее только осложнила бы дело: половина жителей двинулась бы следом поглядеть, что он собираются делать и помешать им «разгуливать» по своим землям.

Они простились с Нобом и Бобом и наговорили много добрых и благодарных слов Хмелю Пахтарю.

— Надеюсь, мы еще встретимся когда-нибудь, — сказал ему Фродо. — Ничего бы мне так не хотелось, как спокойно отдохнуть у вас несколько дней.

Они двинулись в путь под взглядами толпы; на душе у них было тревожно. Не все глаза были дружелюбны, не все рты кричали приветствия. Но Бродник, казалось, внушал многим усадичам страх, и те, на кого он смотрел, умолкали и прятались в толпу. Он шагал впереди вместе с Фродо; Мерри и Пин — следом; последним шел Сэм, ведя в поводу тяжело груженого пони; но конек выглядел уже веселее, словно ноша эта ему нравилась. Сэм задумчиво грыз яблоко. У него все карманы были набиты ими: Боб с Нобом постарались на прощанье. «Идешь с яблочком, сидишь с

трубочкой, — рассуждал он. — Да на весь-то путь яблок разве напасешься?..»

Хоббиты не обращали внимания на любопытные лица, выглядывающие из окон и дверей или внезапно вырастающие над изгородями и плетнями. Но когда они подходили к воротам, Фродо заметил темный покосившийся дом за толстым забором — последний дом в селении. В одном из окон мелькнуло и тут же пропало желтое косоглазое лицо.

«Так вот он где прячется, тот южанин! — подумалось ему. — Он и на человека-то не похож: орк какой-то!»

Через забор нагло глядел другой человек. У него были тяжелые темные брови и мрачные подозрительные глаза; большой рот кривила ухмылка. Он курил короткую черную трубку. Когда путники подошли, он вынул трубку изо рта и сплюнул.

— Привет, Длинноногий! — сказал он. — С утра пораньше? Нашел себе дружков по сердцу, а?

Бродник кивнул, но не ответил.

— Привет, малышня! — обратился тот к хоббитам. — Вы хоть знаете, с кем связались? Это ж Бродник Оголтелый! У него еще и другие имена есть, да те похуже будут... Ночью поберегитесь! А ты, Сэмчик, гляди, не обижай моего дохлого

пони! Тьфу! — он снова смачно сплюнул.

Сэм быстро повернулся.

— А ты бы, Осинник, — сказал он, — попридержал свой гнусный язык, а то знаешь ведь, как бывает... — Яблоко, пущенное его ловкой рукой, с размаху угодило Осиннику в нос. Бит скрылся, из-за забора донеслись проклятия.

— Вкусное было яблоко, — с сожалением вздохнул Сэм и зашагал дальше.

Наконец Усад остался позади. Дети и зеваки, что следовали за ними, устали и вернулись к Южным Воротам. Путники еще несколько миль шли по Тракту. Он уходил влево, огибая Гору с востока, а потом быстро сбегал к поросшей лесом равнине. Слева, на пологом юго-восточном склоне, виднелись дома и хоббичьи норы Ходтона; внизу из глубокой лощины севернее Тракта поднимались жгуты дыма — там лежало Заложье; Таборн скрывали деревья.

Когда дорога сошла с Усадной Горы, что бурой громадой вставала позади, путники подошли к узкому проселку — вёл он на север.

— Тут мы уйдём с открытого места, — сказал Бродник. — Пора спрятаться.

— Только не надо косить углы! — взмолился Пин. — В последний раз нас это чуть до беды не

довело.

— Тогда с вами не было меня, — рассмеялся Бродник. — У меня все косые углы ведут напрямик куда надо. — Он оглядел Тракт. Никого не было видно, и следопыт быстро пошел вниз к лесистой долине. План его, как поняли хоббиты, был идти к Таборну, но оставить его на востоке и двигаться по пустошам напрямик к горе Заветрь. Так им удалось бы — ежели всё пойдет хорошо — скосить большую петлю Тракта, который сворачивал к югу, огибая Комариные Топи. Но, конечно, им придётся переходить эти самые топи, а рассказ Бродника о них звучал не очень-то вдохновляюще.

Тем не менее пока что дорога была приятной. Если бы не тревожные события минувшей ночи, хоббиты признали бы эту часть пути самой приятной из всех. Сияло солнце, ясное, но не слишком жаркое. Рощи в долине еще не расстались с осенней листвой и казались мирными и уютными. Бродник уверенно вёл спутников по паутине тропинок — одни хоббиты давно бы уже запутались в них. Следопыт часто поворачивал и возвращался назад, чтобы сбить со следа погоню.

— Бит Осинник, конечно, высмотрит, где мы сошли с Тракта, — сказал он, — хоть и вряд ли

пойдёт за нами сам — просто подскажет, кому надо. Здешние леса он знает не хуже, чем я. Боюсь, те кому он подскажет, недалеко. Если они решат, что мы идём к Таборну — тем лучше.

***

То ли из-за искусности Бродника, то ли еще почему — но в тот день они никого не видели и не слышали: ни двуногих, кроме птиц, ни четвероногих, кроме одной лисы да нескольких белок. На другой день они двинулись прямо на восток; все было по-прежнему тихим и мирным. На третий день с ухода из Усада Мерный Лес кончился. Земля шла под уклон с того времени, как путники сошли с Тракта, и теперь широко расстилалась перед ними. Они миновали границы Усадного Края и были в глухом бездорожье, на краю Комариных Топей.

Под ногами хлюпало, порой становилось топко, то и дело попадались озерки, а широкие полосы тростника и рогоза полнились трелями маленьких птиц. Идти приходилось осторожно, чтобы не промочить ног и не сбиться с пути. Какое-то время им везло, но потом путь стал более опасным и трудным. Топи могли сбить с пути и завести в омут кого угодно; даже Следопыт не сразу отыски-

вал тропу. На них напали мухи, в воздухе висели тучи крохотных комаров — они набились в рукава и штанины, лезли в волосы и рот.

— Да это комарьё меня живьем сожрёт! — завопил наконец Пин. — Обжоры!.. Болото не засосет — так они высосут!

— А что же они, гады, едят, ежели, скажем, хоббита поблизости нет? — спросил Сэм, яростно скребя шею.

Весь день шли путники по этим пустынным затерянным местам. Лагерь пришлось разбивать в холоде и сырости; и всю ночь им не давало спать утомительное стрекотанье: камыши кишели отвратительными тварями, какой-то дурной родней сверчка. Их были тысячи, они звенели повсюду, вокруг только и слышалось: кровочки, кр-р-ровочки, кр-ровочки; к рассвету хоббиты совершенно ошалели.

Следующий день, четвертый, был немногим лучше, а ночь — не многим спокойней. Кровопросцы (как прозвал их Сэм) отстали, зато комары кинулись на них с удвоенной злобой.

Когда Фродо лежал, усталый, не в силах сомкнуть глаз, ему почудились дальние вспышки: вспыхивало и гасло на востоке. До зари было еще далеко.

— Что там за зарево? — спросил он Бродника, который поднялся и стоял, вглядываясь в ночь.

— Не знаю, — отозвался тот. — Слишком далеко. Странно: будто молнии бьют с вершины холма.

Фродо снова лег, но долго еще видел белые сполохи, и на их фоне — напряженно застывший высокий и темный силуэт Бродника. Потом забылся беспокойным сном.

На пятый день топи кончились — позади остались последние озера и поросшие тростником промоины. Далеко на востоке путникам виделась череда холмов. Самый высокий стоял справа от гряды и чуть поодаль. У него была коническая, слегка приплюснутая вершина.

— Заветрь, — сказал Бродник. — Древний Тракт (мы оставили его справа) огибает ее с юга и проходит близ ее подножья. Мы должны быть там завтра в полдень — если пойдем прямо туда. Думаю, так будет лучше всего.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Фродо.

— Вот что: когда мы туда придем — неизвестно еще, что мы там найдем. Гора близко от Тракта.

— Но мы ведь верно надеялись найти там Гэндальфа?

— Верно-то верно; но надежда мала. Если он вообще пойдет этим путем — он может не зайти

в Усад, а значит, и не узнает, куда пошли мы. Во всяком случае, если только мы не окажемся там одновременно — мы неминуемо разминемся: ему (да и нам) опасно оставаться там долго. Ежели Всадники не отыщут нас в пустошах — они, скорее всего, сами явятся к Заветри. С нее далеко видно. Мы вот с вами стоим здесь — а с ее вершины нас может увидеть любой зверь, любая птица. Не всем птицам можно верить, а есть ведь и другие соглядатаи, куда хуже.

Хоббиты тревожно глядели на дальние холмы. Сэм, задрав голову, смотрел в бледное небо, боясь увидеть орлов или ястребов, следящих за ними злыми пронзительными глазами.

— Ну, ты обнадежишь, Бродник! — проворчал он.

— Что ты нам посоветуешь? — спросил Фродо.

— Думаю… — медленно начал Бродник, словно сам еще не был до конца уверен. — Думаю, самое лучшее — идти отсюда прямо на восток — к холмам, а не к Заветри. Есть там одна тропка вдоль их подножий, я знаю ее — она выведет нас к горе с севера. Там мы увидим… что увидим.

Весь тот день они тащились вперед, пока не спустился ранний холодный вечер. Земли стали зеленей и суше; но позади, на болотах, лежали ту-

ман и мглистые испарения. Печально чирикали и посвистывали птицы, пока круглый красный диск солнца медленно скрывался за горизонтом; потом настала полная тишина.

В конце дня они подошли к ручью, что бежал с холмов, что затеряться в болотах, и шли по нему, пока было светло. Была уже ночь, когда они наконец стали лагерем в ольшанике на берегу. Впереди смутно рисовались на дымном небе черные голые спины холмов. Этой ночью выставили стражу, а Бродник, казалось, вовсе не спал. Луна прибывала, и холодный серебристый свет заливал земли.

Вскоре после восхода все поднялись. Хоббиты были свежи, точно провели спокойную бестревожную ночь. Они стали уже привыкать к долгой ходьбе и скудной еде — а ведь прежде, в Крае, им едва ли хватило бы этого хотя бы просто для того чтобы держаться на ногах. Пин заявил, что Фродо выглядит вдвое толще прежнего.

— Очень странно, — сказал Фродо, затягивая пояс. — По-моему, от меня и половины не осталось. Ежели не перестану худеть — скоро и вовсе призраком сделаюсь.

— Не говори так! — быстро, с неожиданной горячностью проговорил Бродник.

Холмы придвинулись. Они образовывали волнистую гряду, то вздымаясь почти на тысячу футов, то опадая обрывами и оврагами, что вели к восточным равнинам. Вдоль гребня хоббитам виделись поросшие травой остатки насыпей и рвов, а на обрывах все еще стояли древние каменные стены. К ночи путники достигли западных склонов и остановились на отдых. Была ночь пятого октября — шестой день, как они ушли из Усада.

Утром, впервые со дня выхода из Мерного Леса, они обнаружили ясно видимую тропу. Они повернули вправо и пошли по ней к югу. Тропа извивалась так хитро, точно пыталась остаться невидимой и с холмов, и с равнины. Ныряла в расщелины, таилась под крутыми откосами; а когда проходила по более открытым местам — по краям ее были навалены большие валуны и битый камень, что оградой скрывали путников.

— Кто ее, интересно, проложил, и зачем? — сказал Мерри, когда они шли по одному из таких мест, где камни были необычно большими и плотно уложенными. — Что-то она мне не нравится: какой-то у нее… слишком замогильный вид, что ли… Есть на Заветри могильники?

— Нет. Ни на Заветри, и нигде на этих холмах, — ответил Бродник. — Люди тут не жили

— только держали оборону против чародейской напасти из Ангмара. Тропу эту проложили, чтобы обслуживать укрепления. Но задолго до того, в первые дни Северного Княжества, на Заветри возвели высокую сторожевую башню — Амон-Сул на древнем языке. Она сгорела и обвалилась — ничего не осталось от нее, кроме неровного круга камней, вроде грубой короны на вершине горы. Однако некогда она была высока и прекрасна. Г оворят, во дни Последнего Союза сам Элендиль стоял на ней, ожидая подхода Гиль-Галада.

Хоббиты уставились на Бродника. Казалось, он знал древние предания не хуже троп в пустыне.

— Кто такой Гиль-Галад? — спросил Мерри; но Бродник не ответил — он словно бы ушел глубоко в раздумья. И вдруг прозвучал тихий голос:

Он был Верховным королем у эльфов,
чей в Энноре дом, и победить лихую тьму

Жестокий рок сулил ему. Сияло солнце на щите,

Копье блистало в темноте, И меч без жалости разил

Лихое сердце темных сил. Но, дланью огненной сражен,

В пучину мрака канул он, И дух звездою воссиял,

Покинув плоть меж черных скал.

Они в изумлении обернулись: голос был сэмов.

— А дальше? — нетерпеливо проговорил Мерри.

— А дальше-то я и не знаю, — вспыхнув, признался Сэм. — Я его от господина Бильбо услышал, когда еще мальчонкой был. Он мне часто рассказывал истории вроде этой: знал, что мне все про эльфов интересно. Он и грамоте меня выучил. Он ведь чего только не знал, старый-то господин Бильбо! И стихи писал. И то, что я прочел, тоже он сочинил.

— Он его не сочинял, — заметил Бродник. — Это отрывок из Песни о гибели Гиль-Галада. Бильбо, должно быть, перевел ее с Древнего Наречия. Я этого не знал.

— Там еще много чего было, — сказал Сэм, — и все про Мордор. Я и учить того не стал, так мне было страшно. Никогда не думал, что мне выпадет самому туда идти!

— Идти в Мордор! — воскликнул Пин. — Неужто и до этого дойдет?

— Не надо об этом вслух! — оборвал его Брод-

ник.

Был уже полдень, когда они подошли к южному концу тропы и в бледном октябрьском свете увидели серо-зеленый вал, мостом перекинутый на северный склон горы. Дальше скрываться было невозможно; оставалось только надеяться, что ни врагов, ни шпионов поблизости нет. На горе ничто не двигалось. Если Гэндальф и был где-то здесь, знаков тому не было.

На западной стороне Заветри нашлась укрытая лощина, на дне которой была низинка в форме чаши с травяными стенами.

Там — с пони, мешками и поклажей — остались Сэм с Пином; остальные трое продолжили подъем. Через полчаса Бродник вышел на вершину; Фродо и Мерри, усталые, задыхающиеся, последовали за ним. Последний склон был каменист и крут.

На вершине, как и говорил Бродник, стояло широкое кольцо древней каменной кладки, искрошенное и поросшее вековой травой. Но в центре была сложена из обломков камней пирамида. Она почернела, будто от огня. Дерн вокруг выгорел до корней, и всюду внутри кольца трава была опалена и сморщена, будто над вершиной пронеслось пламя; но нигде не было

ничего живого.

Стоя на краю развалин, путники видели окрест пустынные земли с небольшими островками рощ на юге, за которыми кое-где угадывался дальний блеск воды. Прямо под ними вилась лента древнего Тракта — бежала с запада и изгибалась вверх-вниз, пока не скрывалась за темной гранью восточных земель. Она была пуста. Следуя за ней глазами, хоббиты увидели Горы: холмы предгорий были темнобурыми; над ними поднимались высокие серые тени, а еще выше мерцали среди облаков белые пики.

— Что за унылый вид! — проворчал Мерри. — Ни воды, ни укрытия… Ни Гэндальфа. Но я не сержусь на него, что он нас не дождался — если вообще был здесь.

— Хотел бы я это знать, — отозвался Бродник, задумчиво оглядываясь кругом. — Даже если он побывал в Усаде на день-два позже нас, сюда он мог добраться раньше. В нужде он бывает очень быстр, — тут он вдруг осекся, глядя на верхний в пирамиде камень. Он был ровней и светлей других, точно огонь не тронул его Следопыт поднял его и покрутил в пальцах.

— Его недавно держали в руках, — сказал он. — Что ты думаешь вот об этом?

На ровной стороне Фродо разглядел какие-то царапины: — Вроде черточка, точка и еще три черты… — сказал он.

— Черта слева может быть руной «Г» с тонкими штрихами, — проговорил Бродник. — Тогда это — метка Гэндальфа, хотя уверенности у меня нет. Царапины явные и выглядят совсем свежими. Но значить они могут и не то, могут и вообще не иметь к нам отношения. Следопыты тоже пишут рунами и часто бывают здесь.

— А если это Гэндальф — что значит надпись? — спросил Мерри.

— «Г — 3»…, - прочитал Бродник. — Гэндальф был здесь третьего октября, три дня назад. Это говорит еще и о том, что он очень спешил, а опасность была рядом: он не успел — или не рискнул — написать яснее. Ежели так — нам надо быть начеку.

— Хотел бы я наверняка знать, что метка — его… — вздохнул Фродо. — Как-то спокойнее, когда он рядом — впереди или позади — все равно.

— Возможно, — кивнул Бродник. — Что до меня — я уверен, что он был здесь — и встретил опасность. Здесь по всему прошлось пламя… и я вспоминаю зарево на востоке три ночи назад.

Думаю, на вершине на него напали — но чем это кончилось, не знаю. Тут его нет, и в Светлояр нам предстоит пробиваться одним.

— А далеко до Светлояра? — снова спросил Мерри, настороженно осматриваясь. С Заветри мир казался огромным и диким.

— В милях не меряно, — сказал Бродник, — а говорят о том разное. Но я знаю, сколько времени надо на этот путь мне — при хорошей погоде и доброй удаче. Я трачу на него двенадцать дней; нам же, чтоб дойти до Переправы через Бруинен, где Тракт переходит Гремячь, что течет от Светлояра, надо не меньше четырнадцати: вряд ли нам позволят идти по Тракту.

— Четырнадцать дней! — повторил Фродо. — За это время может случиться многое.

— Может, — спокойно согласился Бродник.

Они молча стояли на вершине у ее южного края. В этом одиноком месте Фродо впервые полностью осознал свою затерянность — и опасность, грозящую ему. Он страстно пожелал, чтобы судьба вернула его в тихую, любимую Торбу. Хоббит взглянул вниз, на ненавистный Тракт, ведущий на запад — домой… и вдруг заметил два черных пятнышка: они медленно двигались к западу; взглянув еще раз, он увидел еще три пятна — эти

ползли к востоку, навстречу им. Он вскрикнул и схватил Бродника за руку.

— Гляди! — сказал он, указывая вниз. Следопыт тут же бросился наземь за изломанным каменным кругом, потянув за собой Фродо. Рядом упал Мерри.

— Что там? — прошептал он.

— Не знаю, но боюсь худшего, — ответил Бродник. Они медленно подползли к краю и выглянули в пролом меж двух камней. Свет поблек — ясное утро кончалось, набежавшие с востока облака затянули солнце. Черные точки были видны отчетливо, но ни Фродо, ни Мерри не могли разглядеть, что они такое; однако что-то сказало им, что там, далеко внизу, на Тракте у подножия горы, собрались Черные Всадники.

— Да, — подтвердил Бродник, чье острое зрение рассеяло все сомнения. — Враг рядом!

Они поспешно отползли прочь и спустились по северному склону к товарищам.

Сэм и Перегрин не бездельничали. Они осмотрели низинку и ближние склоны.

Нашли неподалеку чистый родник, а рядом с ним — следы, не более чем двухдневной давности. В самой лощине они обнаружили свежевыжженные полосы и другие знаки торопливой ночевки.

На краю низины со стороны горы валялись упавшие камни. За ними Сэм набрел на аккуратно сложенную кучу хвороста.

— Старина Гэндальф тут был, не иначе, — сказал он Пину. — А может, и не он. Но кто бы тут не ночевал — он, кажись, собирался сюда воротиться — иначе зачем бы ему хворост?

Бродник очень заинтересовался этими находками.

— Надо было мне задержаться и самому все осмотреть, — сказал он, поспешив к роднику, чтобы взглянуть на следы.

— Этого-то я и боялся, — заметил он, вернувшись. — Сэм и Пин затоптали землю — следы стерты и перепутаны. Недавно тут побывали Следопыты. Это они собрали хворост. Но есть там и следы посвежее — не Следопытов. По крайней мере один из них был оставлен тяжелым сапогом день-два назад. По крайней мере один. Теперь я ни в чем не уверен, но думаю, сапог здесь было много. — Он замолчал и стоял в тревожном раздумье.

Хоббитам представились Всадники — в плащах и больших сапогах. Если конники обнаружили уже эту лощину — чем скорей Бродник уведет их куда-нибудь, тем лучше. Услыхав, что враги

на Тракте и совсем недалеко, Сэм недоверчиво оглядывал низину.

— Не лучше ли нам убраться отсюда, господин Бродник? — тревожно спросил он. — Поздно уже, а нора эта мне что-то не нравится: беспокойно в ней как-то…

— Да, надо нам решать, что делать, — отозвался Бродник, глядя вверх и изучая породу и время. — Знаешь, Сэм, — сказал он наконец, — мне это место тоже не по душе; но лучшего укрытия поблизости нет. На какое-то время она нас прикроет; а если мы двинемся — нас наверняка углядят шпионы. Мы могли бы пойти назад на север той же дорогой, что пришли, но земли там не лучше здешних. За Трактом следят — а если мы решим укрыться в зарослях на юге, нам надо будет пересечь его.

А с севера от Тракта, за холмами, край на многие мили гол и ровен.

— Могут Всадники видеть? — задал вопрос Мерри. — Я хочу сказать: они чаще пользуются носом, чем глазами — вынюхивают нас, если это слово вообще для них подходит, — во всяком случае, днем. Но ты нас сразу уложил, как их увидел; и теперь вот говоришь, что нас углядят, если двинемся.

— Я был слишком беспечен на вершине, — признался Бродник. — Мне очень хотелось разыскать следы Гэндальфа. Но подниматься всем троим было нельзя, а уж так долго стоять на виду — и подавно. Потому что черные кони видят, да у Всадников и других шпионов много — и людей, и животных, — в Усаде вы могли в этом убедиться. Сами они не видят свет так, как видим его мы, но дух наш отбрасывает в их разум тени, что пропадают лишь при ярком полуденном свете; ночью им открыта черная тайнопись природы — и во тьме они всего опасней. И все время чуют они запах живой крови — чуют с ненавистью и жаждой. И — чувства, не только зрение и нюх. Мы же чувствуем их присутствие — нам тревожно и жутко; чувствуют и они нас, и куда острее. А еще… — добавил он, понизив голос, — их притягивает Кольцо.

— Это что ж выходит, никакого спасения от них нет? — Фродо дико озирался по сторонам. — Двинешься в дорогу — увидят и нагонят; останешься на месте — учуют и найдут!

Бродник положил руку ему на плечо.

— Подожди отчаиваться, — сказал он. — Надежда пока есть. Ты не один. Давайте разведем костер. Здесь, конечно, ни укрыться, ни отбиться

как следует — пусть же пламя поможет нам и втом, и в другом. Саурон прибирает огонь под свою руку, он все прибирает; но пока что огонь — наш друг. Всадники не любят его и боятся того, у кого он в руках.

— Может, и так, — пробормотал Сэм. — Да только по-моему, лучше этого «мы здесь» не скажешь — и кричать не надо.

Внизу, в самом укромном углу низинки, они развели костер и приготовили скромный ужин. Упали вечерние тени, стало холоднее. Они вдруг поняли, что страшно голодны, потому что с завтрака ничего не ели; но не рискнули есть много. В пустошах впереди их никто не ждал: никто, кроме птиц и диких зверей. В холмах порой появлялись Следопыты — их было немного и они не задерживались. Другие странники были редки, и встреча с ними ничего хорошего не сулила: время от времени с Мглистого Хребта спускались тролли. Путников можно было встретить лишь на Тракте — гномов, как правило: они торопились по своим делам и помощи от них ждать не приходилось; они едва раскрывали рот при встрече.

— Не знаю, как нам удастся растянуть наши припасы, — сказал Фродо. — Ели мы в последние дни немного, и сегодняшний ужин не пирушка;

но, видно, переели, если впереди две недели пути, а то и больше.

— В глуши с голоду не умрешь, — возразил Бродник, — есть ягоды, коренья, травы; а понадобится — я и зверя подстрелю. Сейчас не зима, не пропадем. Но собирать еду — дело утомительное и долгое, а нам надо спешить. Так что затяните потуже пояса и надейтесь на пиршества в замке Эльронда.

Тьма сгущалась; становилось все холоднее. Выглядывая за край низины, они не видели ничего, кроме сумеречных земель, быстро тающих в темноте. Небо расчистилось, в вышине замерцали звезды.

Фродо и его товарищи сгрудились вокруг огня, закутавшись во все одежки и одеяла, какие у них были, а Бродник в одном плаще сидел чуть поодаль, задумчиво посасывая трубку.

С приходом ночи огонь разгорелся ярче, и Следопыт стал рассказывать древние были, чтоб отвлечь их сердца от страха. Он знал множество легенд и историй об эльфах и людях, о славных и лихих делах прошлых Эпох. Сколько же ему лет, думали хоббиты, и где он узнал все это?

— Расскажи нам о Гиль-Галаде, — попросил вдруг Мерри, когда тот кончил быль об эльфий-

ских царствах. — Знаешь ты ту древнюю песнь, о которой говорил?

— Знаю, конечно, — отозвался Бродник. — Знает и Фродо, ибо песнь эта касается нас.

Мерри и Пин взглянули на Фродо, неотрывно смотрящего в огонь.

— Я знаю только ту малость, что мне открыл Гэндальф, — медленно проговорил Фродо. — Гиль-Галад был последним Всеэльфийским царем в Средиземье. Гиль-Галад — Звездный Свет на Древнем Наречии. Вместе с Элендилем, Другом Эльфов, он отправился в…

— Нет! — прервал его Бродник. — Не стоит рассказывать эту быль, когда рядом Вражьи Прислужники. Если доберемся до замка Эльронда — услышите ее там целиком.

— Тогда поведай нам что-нибудь еще о тех днях, — взмолился Сэм. — Что-нибудь об эльфах… Мне страсть как охота об эльфах послушать; ночь-то совеем нас накрыла.

— Я расскажу вам предание о Тинувиэли, — согласился Бродник. — Коротко — ибо история эта длинна, и конец ее неизвестен; и ныне никто, кроме Эльронда, не помнит ее такой, какой она пришла из глубин времен. Она прекрасна и печальна, как все предания Средиземья — однако,

быть может, она поддержит вас. — Он немного помолчал и тихо заговорил нараспев:

Был лес в зеленый плащ одет,
Качались листья на ветвях,
И звезд далеких ясный свет
Из тени облаков сверкал.
Гуляла Лутиэн в лесах
Под музыку незримых флейт,
И звездный свет в ее кудрях
И на одеждах трепетал.
Спустился Берен с гор туда
В печали и глухой тоске.
…Струилась чистая вода,
И Берен средь лесов пустых
Увидел деву вдалеке,
Сияющую, как звезда,
И золотой цветок в руке,
И тень волос ее густых.
И вновь он, к странствиям готов,
Свою усталость позабыл,
И к девушке сбежал с холмов,
Но лишь неверный блик луны,

Дрожащий бледный луч схватил.
Ушла, танцуя, в глубь лесов
Та, чей напев его манил
В безмолвии ночной страны.
Он в шуме ветра различал
Шаги, как шелест лепестка
Или как музыка ручья,
Бегущего в тени холмов.
И вновь владела им тоска,
И как печальный плач звучал
С ветвей упавшего листка
Прощальный и протяжный зов.
И Берен странствовал один
Там, где несметны листья лет,
У Моря, средь морозных льдин,
И серебристых кораблей.
А над долиной лунный свет
За танцем Лутиэн следил,
И как пушистый тёплый плед,
Туман окутал ноги ей.
Она пришла — и с ней весна Пришла.
Ручей прозрачный тёк,

Оделись зеленью леса,
Сияли золотым огнём
Цветы у милых лёгких ног.
И Берен с ней мечтал плясать
И петь, забыв про мрак тревог,
Рассеянный пришедшим днём.
И он не дал вновь скрыться ей.
«Тинувиэль! Тинувиэль!» —
Он звал её в тени ветвей.
И голос Берена звучал,
Дурманил, словно сладкий хмель,
И страха был тот зов сильней,
Хотя он для Тинувиэль
Судьбу людскую означал.
И под короной тёмных кос
Дрожащий свет далёких звёзд,
В её глазах был отражен
Как облака на глади рек,
Или в озерах — небосклон.
Её в объятьях Берен нёс,
Прекрасную, как дивный сон,
И лёгкую, как первый снег.

Опасный путь им предстоял
Через вершины серых гор,
Сквозь залы в толще чёрных скал.
Им преграждали путь леса,
Их разделял морской простор,
Но луч надежды им сиял,
И встретились они, и в хор
Ветвей вплелись их голоса.

— Такова песня, — сказал он наконец. — Эльфы зовут такой стиль анн-теннаф, но передать его на Всеобщем языке почти невозможно — это лишь грубый отзвук его. Песнь повествует о встрече Берена, сына Барахира, и Лутиэн Тинувиэли. Берен был смертным, а Лутиэн была дочерью Тингола, Владыки эльфов Средиземья; она была прекраснейшей из дев, когда-либо являвшихся в мир. Краса ее была подобна звездам над мглистым Северным Краем, а в лице был сияющий свет. В те дни на севере, в Ангбанде, жил Великий Враг, против которого сам Саурон — не более чем слуга, и эльфы, придя в Средиземье, пошли на него войной, чтобы отвоевать Сильмарили, которые он похитил; и праотцы людей помогали эльфам. Но Враг победил, и Барахир пал, а Берен спасся

и перешел через Горы Ужаса в Тайное Царство Тингола в лесах Нелдорета. Там он узрел Лутиэн — она пела и танцевала на луговине у легендарной реки Эсгалдуин; и он нарек ее Тинувиэль, что значит «Соловей» на языке древности. После того много печалей постигло их, и долго были они в разлуке. Тинувиэль спасла Берена из темницы Саурона, и они вместе прошли все напасти, и свергли Великого Врага с трона, и взяли из его железной короны один из трех Сильмарилей — ярчайший из алмазов, чтобы заплатить им выкуп за Лутиэн ее отцу Тинголу. Однако в конце концов Берен погиб в схватке с Бешеным Ангбандским Волком. А Тинувиэль пожелала стать смертной и покинуть этот мир, чтобы последовать за ним; и в песнях поется, что за Солнечными Морями они встретились вновь и снова бродят в зеленых лесах за гранью нашего мира. Так умерла Лутиэн Тинувиэль — единственная среди эльфов. Но от нее кровь Перворожденных унаследовали люди. Живы еще те, кому Лутиэн приходится прабабкой, и говорят, что род этот никогда не угаснет. Эльронд Светлоярский из этого рода. Ибо сыном Лутиэн и Берена был Диор, а его дочерью — Пресветлая Эльвинг, на которой женился Эарендиль — тот, что направил свою ладью в небесные моря

и поднял на своем челе Сильмариль над мглой мира. От Эарендиля произошли Короли Нуменора, Рыцари из Заморья. — Бродник говорил — а они глядели на его суровое страстное лицо, тускло освещенное алым мерцанием костра. Глаза его блестели, голос был глубок и звучен. Над ним простерлось черное звездное небо. Вдруг над вершиной Заветри возникло бледное зарево. Прибывающая луна неспешно поднималась в небо, и звезды над горой поблекли.

Предание кончилось. Хоббиты зашевелились.

— Глядите! — сказал Мерри. — Луна встает; должно быть, уже поздно.

Другие взглянули вверх — и увидели на вершине горы, на фоне лунного сияния, что-то маленькое и темное. Быть может, то был крупный камень или выступ скалы, высвеченный бледным заревом.

Сэм и Мерри встали и отошли от огня. Фродо и Пин остались и сидели молча. Бродник пристально смотрел на лунные блики. Все казалось спокойным и мирным — но Фродо почувствовал, как ледяной ужас вползает ему в душу. Хоббит придвинулся к огню. В этот момент от края лощины бегом вернулся Сэм.

— Не знаю с чего, — сказал он, — а только мне

вдруг страшно стало. Из этой лощинки меня никакими деньгами не выманишь; чую — ползет что-то по склону.

— Ты кого-нибудь видел? — Фродо вскочил.

— Нет, сударь. Ничего я не видел — да я и не останавливался смотреть.

— Зато я видел, — сказал, подходя, Мерри, — или мне так показалось — на западе, где луна освещает равнину, — две или три черных тени. И ползли, они, кажется, сюда.

— Ближе к костру, спиной к огню! — велел Бродник. — Приготовьте длинные палки!

Они сидели, затаив дыхание, молча, и напряженно вглядывались в окружающую их тьму. Ничего не происходило. В ночи не раздавалось ни звука. Фродо шевельнулся, чувствуя, что сейчас нарушит тишину: ему хотелось завопить во весь голос.

— Тихо! — прошептал Бродник; и тут же Пин задохнулся криком:

— Что это, что это там такое?!

На дальнем краю лощинки поднялась одна — а может, и больше — черная тень: они скорее почуяли, чем увидели ее. Они всмотрелись — и тени, казалось, выросли. Никакого сомнения: три или четыре высоких фигуры стояли на склоне, глядя

на хоббитов сверху вниз. Они казались дырами в глухой тьме. Фродо послышался слабый шип, будто ядовитое дыхание, и пронзительный холод пробрал его. Тени придвинулись.

Ужас одолел Мерри и Пина — они бросились наземь ничком. Рядом с Фродо съежился Сэм. Фродо был испуган не меньше товарищей; жестокий озноб сотрясал его; но сильнее ужаса было внезапное искушение надеть Кольцо. Желание это охватило его, он просто не мог ни о чем другом думать. Он не забыл Могильника, не забыл письма Гэндальфа — но что-то неодолимо подталкивало его нарушить запреты, и он жаждал уступить. Он не надеялся на спасение, не думал, дурно или хорошо поступает — просто понял, что должен взять Кольцо и надеть его. Говорить он не мог. Он чувствовал, что Сэм глядит на него, будто чует, в какую беду попал хозяин — но не мог повернуться к нему. Фродо зажмурился и какой-то миг боролся с собой; но сопротивляться стало невозможно, и в конце концов он медленно вытянул цепочку — и Кольцо скользнуло на указательный палец его левой руки.

Тут же — хотя все вокруг осталось по-прежнему темным и тусклым — тени стали угрожающе отчетливы. Он смог прозреть их черные одеяния.

Их было пятеро: две черных фигуры стояли на краю лощины, три приближались. На бледных ликах горели зоркие безжалостные глаза; под мантиями были длинные серые саваны; на седых волосах — серебряные шлемы; в костистых руках — стальные мечи. Взгляды их пронзили Фродо: они кинулись на него. В отчаянье хоббит обнажил меч — и он зарделся, как головня. Двое Всадников остановились; третий был выше других: его длинные волосы мерцали, шлем венчала корона. В одной руке он держал длинный меч, в другой — кинжал; и кинжал, и рука тускло светились. Он устремился вперед — к Фродо.

В этот миг Фродо бросился наземь и услыхал свой собственный громкий голос:

— О Эльберет! Гильтониэль! — и вонзил меч в ногу своего врага. Резкий вопль разорвал ночь; Фродо почувствовал леденящую боль в левом плече. Теряя сознание, он увидел, словно сквозь туман, Бродника, выскочившего из тьмы с пылающими головнями в руках. Последним усилием Фродо отбросил меч, сорвал с пальца Кольцо и крепко зажал его в кулаке.

Глава 12
Скорый путь к Переправе

Когда Фродо пришел в себя, он все еще отчаянно сжимал в руке Кольцо. Он лежал у ярко горящего огня. Трое друзей склонились над ним.

— Что случилось?.. Где тот бледный король?.. — испуганно выговорил он.

Они так обрадовались, услышав его голос, что не ответили, да и вопрос был им непонятен. В конце концов он вытянул из Сэма, что они не видели ничего, кроме надвинувшихся смутных теней. Вдруг, к ужасу своему, Сэм обнаружил, что хозяин исчез. В тот же миг черная тень кинулась к нему, и он упал. Он слышал голос Фродо — издалека или как будто из-под земли, но слов не разобрал. Больше они ничего не видели, пока не наткнулись на тело Фродо — он лежал на траве, как мертвый, лицом вниз, меч — под ним. Бродник велел им поднять его и уложить у костра — и пропал. Времени с тех пор прошло уже порядком.

Сэм начал уже опять подозревать Бродника; но во время их разговора тот вдруг вынырнул из

тьмы. Хоббиты вздрогнули, Сэм выхватил меч и заслонил хозяина. Бродник устало улыбнулся.

— Нет, Сэм, я не Черный Всадник, — сказал он, становясь на колени подле Фродо, — и не их соглядатай. Я пытался найти хоть какие-то их следы; но не нашел ничего. Не могу понять, почему они отступили, а не напали опять. Но нигде поблизости их нет — это точно.

Когда он услышал, что было с Фродо, то покачал головой и озабоченно вздохнул. Потом велел Пину и Мерри согреть побольше воды и все время промывать его рану.

— Поддерживайте огонь и держите Фродо в тепле! — сказал он. Потом встал, отошел от костра и подозвал Сема. — Кажется, я начинаю кое-что понимать, — тихо проговорил он. — Здесь были лишь пятеро врагов. Почему они явились не все — не знаю; но, ду маю, отпора они не ждали. На время они отошли — боюсь, однако что недалеко. Если мы не уйдем — они нападут следующей же ночью. Они выжидают: цель их, кажется им, почти достигнута, Кольцо далеко не уйдет. Боюсь, Сэм, они считают, что твой хозяин смертельно ранен и целиком будет в их власти… Посмотрим!

Сэм захлебнулся слезами.

— Не отчаивайся! — сказал Бродник. — Доверь-

ся мне. Фродо оказался крепче, чем я ожидал, хоть Гэндальф и намекал на это. Он не погиб и, думаю, сможет сопротивляться лиходейской силе раны дольше, чем рассчитывал враг. Я сделаю все, чтобы подлечить его… Охраняйте его, пока меня не будет! — Он поспешил прочь и снова исчез во тьме.

Фродо задремывал и просыпался от вяжущей боли; от плеча по руке и боку медленно растекался цепенящий холод. Друзья смотрели за ним, согревали и промывали его рану. Медленно тянулась утомительная ночь. Занялся рассвет, и лощину залил бледный свет — и только тогда, наконец, Бродник вернулся.

— Смотрите! — воскликнул он и, наклонившись, поднял с земли черный плащ. В нижнем его краю зияла дыра. — Удар нашего Фродо! Боюсь, это единственная рана, которую он нанес врагу… ибо ранить его нельзя, и все мечи, коснувшись его, ломаются. Куда более опасным ему было имя Эльберет.

А для Фродо было опасно вот это! — Следопыт снова нагнулся и поднял длинный тонкий кинжал с зубчатым клинком. Кончик его был сломан. Но, когда он поднял его, на клинок упал свет — и на глазах пораженных хоббитов он истаял,

изошел дымом, и в руках Бродника осталась лишь рукоять. — Плохо! — воскликнул он. — Рана нанесена проклятым Моргульским Клинком. Немногие ныне могут врачевать такие раны… Но я сделаю, что смогу.

Он сел наземь, положил рукоять себе на колени и пропел над ней медленное заклинание на неведомом языке. Потом, отложив ее, повернулся к Фродо и тихо проговорил несколько слов — другие не разобрали их. Из мешочка на поясе он извлек несколько длинных листьев.

— Эту траву я нашел далеко отсюда, — сказал он. — На голых склонах она не растет. Я отыскал ее в кустах южнее Тракта и узнал в темноте по запаху листьев. — Он размял лист в пальцах — тот запах сладко и пряно. — Большая удача, что они нашлись, ибо это — целебная трава, привезенная в Средиземье Рыцарями из Заморья. Они называли ее атэлас, или целема, и теперь ее почти не осталось: она растет лишь близ их древних стоянок и поселений; на севере о ней никто не знает — только некоторые из бродяг Глухоманья. В ней огромные силы, однако не знаю, поможет ли она при такой ране.

Он бросил листья в кипяток и обмыл плечо Фродо. Благоухающий пар освежал, и даже те, кто

не был ранен, почувствовали себя бодрей и спокойней. Трава помогла и Фродо: боль поутихла и ледяное оцепенение немного отпустило бок; но рука его по-прежнему не двигалась и владеть ею он не мог. Он горько раскаивался в своей глупости и упрекал себя за слабоволие; ибо понял теперь, что, надев Кольцо, уступил не себе, а властному приказу врагов. «Ну ладно, себя я наказал — на всю жизнь калекой останусь, — думал он. — А вот поход мы теперь сможем ли продолжить?..» Он вряд ли смог бы подняться.

Остальные говорили о том же. Они быстро решили уходить от Заветри как можно скорее.

— Теперь я понимаю, — сказал Бродник, — что враг следил за этим местом несколько дней. Если Гэндальф и приезжал сюда — ему пришлось уехать, и больше он сюда не вернется. Как бы там ни было, здесь мы в опасности, и куда бы ни пошли — в большей опасности не будем.

Они наскоро перекусили и занялись поклажей. Фродо идти не мог; поэтому большую часть клади они разделили на четверых и посадили Фродо на пони. В последние дни конек повеселел: он стал как будто толще и сильнее и начал выказывать привязанность своим новым хозяевам, особенно Сэму. Обхождение с ним Бита Осинника было,

должно быть, весьма суровым, если этот поход по глуши казался ему лучше всей прошлой жизни.

Они двинулись на юг. Это значило, что придется пересечь Тракт — однако это был самый быстрый путь в более лесистый край. Им нужно было топливо: Бродник сказал, что Фродо надо держать в тепле, особенно по ночам, тогда огонь может защитить их всех. Он также хотел сократить поход, скосив еще один угол: восточнее Заветри Тракт сильно уклонялся к северу.

Они медленно и осторожно обогнули юго-западные склоны горы и скоро вышли на обочину Тракта. Всадников видно не было. Но не успели они перебежать дорогу, как над головами их перекликнулись холодные голоса. Дрожа, хоббиты заторопились вперед и нырнули в кусты на другой стороне. Впереди горбились дикие земли, кусты и чахлые деревья росли густыми рощами, разделенными обширными пустошами. Трава была скудной, жесткой и пыльной; увядшие листья опадали с кустов. То был безрадостный край, и путники шли медленно и уныло. Они почти не разговаривали. У Фродо болела душа, когда он смотрел, как они плетутся рядом с ним, повесив головы, со спинами, согбенными ношей. Даже Бродник казался усталым и мрачным.

На исходе первого дня пути боль вернулась, но Фродо долго никому об этом не говорил. Прошло четыре дня — ни земли, ни вид не менялись, только позади медленно таяла Заветрь, а вздымающиеся впереди горы чуть-чуть приблизились. Однако кроме того давнего крика, они не видели и не слышали знаков тому, что враг заметил их бегство и преследует их. Они боялись темноты, и ночью дежурили по двое, все время ожидая увидеть черные тени, подкрадывающиеся в тусклом свете затянутой тучами луны; но они ничего не видели, а слышали лишь вздохи листьев и трав. Не единожды охватывало их чувство близкого лиха, как перед нападением в лощине. Не верилось, что Всадники опять потеряли их след. Быть может, они выжидают, чтобы устроить засаду в каком-нибудь узком месте?

На пятый день земля снова повела их вверх из глубокой долины, где они скрывались. Бродник повернул на северо-восток, и на шестой день они поднялись на вершину долгого пологого холма и увидели впереди лесистую гряду. Внизу, вдоль ее подножия, вился Тракт; а справа в бледных лучах восхода серебристо мерцала река.

Вдали, в каменистом, полускрытом туманом русле они различили еще одну реку.

— Боюсь, придется нам вернуться на время на Тракт, — сказа Бродник. — Мы подошли к реке Ревице — эльфы зовут ее Митейфель. Она течет с Троллистого Плато севернее Светлояра и впадает в Гремячь далеко на юге. Кое-кто после слияния называет ее Блёкмой, ибо она становится тускло-серой. С истоков ее на Троллистом Плато и до самого Моря через нее нет другого перехода, кроме Последнего Моста на Тракте.

— А что это там за другая река? — спросил Мерри.

— Гремячь, Бруинен Светлояра, — отвечал Бродник. — Тракт долго идет по краю холмов — от Моста до Переправы через Бруинен. Но я еще не думал, как мы перейдем ее. Сначала надо пересечь эту. Если у Последнего Моста нет засады — значит, нам и правда светит счастливая звезда.

На другой день, рано поутру, они вновь спустились на Тракт. Сэм и Бродник прошли вперед, но не нашли ни одного следа — ни пешего, ни конного. Здесь, в тени холмов, прошел дождь. Бродник рассудил, что дождило два дня назад, и смыло все следы. С тех пор ни один всадник не проезжал тут.

Они поспешили вперед так быстро, как толь-

ко могли — и через одну-две мили, у подножия короткого крутого спуска, глазам их открылся Последний Мост. Они страшились увидеть ждущие там черные фигуры — но не увидели ни одной. Бродник велел им укрыться в кустах на обочине, а сам пошел вперед.

Вскоре он вернулся.

— Следов врага там нет, — сказал он. — И очень бы мне хотелось узнать, что это значит. Но кое-что я нашел — весьма странное.

Он раскрыл ладонь и показал им бледно-зеленый камень.

— Он лежал в грязи посреди Моста, — продолжал Следопыт. — Это эльфийский берилл. Был ли он специально положен там, или обронен случайно — не знаю, однако это дает мне надежду. Я считаю это знаком, что мы можем перейти Мост; но без более верных примет я все же не рискну и дальше идти по Тракту.

Они сразу же двинулись дальше. Спокойно перешли Мост, не услыхав ничего, кроме шума водоворота под его тремя арками. Милей дальше они подошли к узкому глубокому ущелью — оно вело на север через обрывистые кручи слева от Тракта. Здесь Бродник свернул, и вскоре они затерялись под мрачными деревьями, темная

полоса которых извивалась вдоль подножий угрюмых холмов.

Хоббиты рады были расстаться с безрадостными землями и опасным Трактом; но и этот новый край казался враждебным и угрожающим. Они шли вперед — а холмы вокруг становились все выше. То тут, то там на кручах и обрывах, вставали развалины древних стен и башен: вид у них бил донельзя зловещий. Фродо, ехавший верхом, мог смотреть по сторонам и думать. Он вспоминал рассказы Бильбо о его походе и угрозных башнях к северу от Тракта близ Тролличьего Леса, где гномам встретилось первое серьезное приключение. Фродо подозревал, что они сейчас в тех же краях и гадал, не проедут ли они случайно рядом с тем самым местом.

— Кто жил в этих местах? — спросил он. — И кто возвел эти башни? Тролли?

— Нет, — отозвался Бродник. — Тролли строить не умеют. Здесь некогда, столетия назад, жили люди; теперь от них ничего не осталось. Легенды говорят, что они предались злу, ибо пали под колдовской властью Ангмара. А здесь всё разрушила война, погубившая Северное Княжество. Но все это было так давно, что даже горы забыли их, хотя край этот затенён до сих пор.

— Откуда же ты обо всем узнал, если край пуст и забыт? — влез в разговор Пин. — Ни птицы, ни звери не рассказывают таких сказок…

— Наследники Элендиля не забывают прошедшего, — проговорил Бродник. — А в Светлояре помнят и о многом другом, чего я не знаю.

— Значит, ты часто бываешь в Светлояре? — удивленно взглянул на него Фродо.

— Бываю, — подтвердил Бродник. — Некогда я жил там и возвращаюсь туда, когда только могу. Туда вечно стремится мое сердце; но, видно, мне не суждено жить в мире — даже в дивном замке Эльронда.

Холмы начали смыкаться вокруг. За ними бежал к Бруинену Тракт — но ни реки, ни дороги видно не было. Путники вошли в долгую долину — узкую, глубокую, темную и беззвучную. Деревья со старыми кривыми корнями тулились по обрывам, покрывая склоны островками сосен.

Хоббиты очень устали. Двигались они медленно, потому что идти приходилось по бездорожью, пробираясь по завалам и осыпям. Они старались не карабкаться вверх, чтобы не тревожить Фродо и из-за того, что трудно было находить выходы из узких лощин. Они уже два дня шли по этому краю, когда погода испортилась. Подул западный

ветер и принес с дальних морей слабый моросящий дождь. К вечеру они промокли насквозь, и ночевка их была невеселой — сухого хвороста на костер не нашлось. На следующий день горы поднялись еще выше и круче, и пришлось уклониться к северу. Бродник, казалось, начал волноваться: минуло около девяти дней, как они ушли от Заветри, и их запасы медленно таяли. Дождь не прекращался.

Эту ночь они провели на каменистом уступе; в скальной стене позади была неглубокая пещера, точнее — просто углубленная ниша в обрыве. Фродо не спалось. Холод и сырость растравили рану, и боль и чувство смертного озноба унесли прочь весь сон. Фродо вертелся, крутился и со страхом вслушивался в ночные звуки: ветер шипел в трещинах скал, капала вода, что-то трещало, внезапно громко стукнул упавший камень. Фродо чудилось, что черные тени надвигаются на него — и вот-вот задушат. Он сел; но не увидел ничего, кроме спины Бродника — тот сидел, ссутулясь, курил трубку и сторожил. Фродо снова улегся и забылся тревожным сном, в котором он гулял по траве в своем саду в Хоббитоне, но сад казался туманным и тусклым — куда яснее были высокие черные тени, глядящие через забор.

Утром он проснулся и обнаружил, что дождь кончился. Пелена туч все еще была толстой, но она разорвалась, и в разрывах виднелась бледная голубизна. Ветер снова переменился. Утром они выступать не стали. Сразу после холодного скудного завтрака Бродник ушел один, велев остальным до его прихода оставаться под защитой обрыва. Он собирался, если сумеет, вскарабкаться наверх и осмотреться.

Вернулся он отнюдь не успокоенным.

— Мы зашли слишком далеко на север, — сказал он, — и теперь должны найти какой-то путь к югу. Если будем идти, как шли — окажемся на Троллистом Плато, много севернее Светлояра. Это край троллей, и мне он неведом. Мы могли бы, возможно, пройти его и подойти к Светлояру с севера; но так путь был бы очень долог, ибо троп там я не знаю, а еда у нас на исходе. Поэтому, так или иначе, а надо нам добраться до Переправы.

Остаток дня прошел в карабканье по камням. Они отыскали проход меж двух гор, и он вывел их в долину, тянущуюся к юго-востоку — как раз, куда надо; но в конце дня путь им снова преградил хребет. Его темный край дробился множеством пиков и скал, что казались зубьями тупой пилы. Приходилось выбирать: либо возвращаться, либо

перебираться через него.

Они решили попробовать перебраться, но это оказалось очень трудным. Вскоре Фродо пришлось спешиться. И даже так они часто отчаивались втащить наверх пони или отыскать тропу для себя. Свет почти угас, а они совсем выбились из сил, когда наконец вышли на вершину. Они взобрались на узкую седловину меж двух высоких пиков, и немного впереди тропа снова круто вела вниз. Фродо бросился наземь и, дрожа, лежал лицом вверх. Левая его рука не двигалась, бок и плечо точно сжимали ледяные когти. Деревья и скалы вокруг казались призрачными и тусклыми.

— Дальше идти нельзя, — сказал Мерри Броднику. — Боюсь, это было слишком для Фродо. Я о нем ужасно беспокоюсь. Что нам делать? Думаешь, его смогут подлечить в Светлояре — ежели мы когда-нибудь туда доберемся?

— Посмотрим, — откликнулся Бродник. — Здесь, в глуши, я больше ничего не могу сделать; именно из-за его раны я вас так и подгоняю. Но сегодня нам дальше не идти — тут ты прав.

— Что такое с моим хозяином? — тихо спросил Сэм, умоляюще глядя на Следопыта. — Ранка-то ведь была совсем махонькая, и уже закрылась.

Там сейчас и не видно почти ничего — только белый шрамик на плече…

— Фродо коснулось оружие врага, — сказал Бродник. — Ядовитое, колдовское, гибельное оружие. Бороться с ним — превыше моих сил. Что я могу сказать тебе? Крепись, Сэм!

Ночь холодом накрыла хребет. Путники разожгли небольшой костер в яме под искривленными шишковатыми корнями старой сосны и сидели, прижавшись друг к другу. Перевал насквозь продувался ознобным ветром, и верхушки деревьев стонали и скрипели. Фродо лежал в полусне; ему виделись простертые над ним огромные темные крылья — на крыльях этих летела погоня, обшаривая все ямы и пещеры в горах.

Утро было дивно прекрасным; воздух был чист, свет неярок и ясен, небо — начисто промыто. Хоббиты ободрились, но тосковали по солнцу, чтобы согреть замерзшие, онемелые члены. Как только стало светло, Бродник взял с собой Мерри и пошел осмотреть с высоты земли к востоку от перевала. Солнце встало и ярко сияло, когда Следопыт вернулся и принес радостные вести. Они двигались в более или менее верном направлении. Если они спустятся с перевала, то

Горы останутся слева. Впереди Бродник различил блеск Гремячи — а ему было известно, что, хотя его и не видно, Тракт идет к Переправе вдоль реки и лежит на их берегу.

— Нам снова придется идти к Тракту, — сказал он. — Ибо вряд ли можно надеяться отыскать тропу в этих холмах. Какая бы опасность не ждала нас там, Тракт — единственный путь к Переправе.

Путники поели и снова двинулись. Они медленно спускались с южного склона хребта; но дорога оказалась легче, чем они ожидали, потому что склон с этой стороны был не так уж крут, и вскоре Фродо мог опять ехать верхом. Старый пони Бита Осинника обнаружил неожиданный талант выискивать путь и, как мог, оберегал своего седока от тряски и толчков. Маленький отряд воспрянул духом. Даже Фродо стало получше на утреннем солнце, но перед глазами его будто висела дымка, и он то и дело тер их.

Пин шел чуть впереди. Вдруг он обернулся и позвал их.

— Здесь тропа! — крикнул он.

Он не ошибся: перед поспешившими к нему друзьями начиналась дорожка — выходила из леса внизу и многими извивами поднималась к

вершине хребта; местами она была еле видной, заросшей или заваленной камнями или стволами; но некогда ею, очевидно, много пользовались. Это была тропа, проложенная сильными руками и утоптанная крепкими ногами. Тут и там попадались старые деревья, срубленные или сломанные, а большие валуны были разрублены или просто вывернуты, чтобы проложить дорогу.

Некоторое время они шли по тропе, потому что так спускаться было проще всего, но шли осторожно, и тревога их возросла, когда они вступили под своды темного леса, а тропа сделалась виднее и шире. Вдруг, выйдя из пояса елей, она круто пошла под уклон и резко свернула влево, обогнув каменистый отрог холма. Когда они подошли к повороту и огляделись, то увидели, что тропа бежит дальше — по ровному уступу под низким, поросшим деревьями, обрывом. В каменной стене была дверь — она была полуоткрыта и криво болталась на одной огромной петле.

У двери они остановились. За ней была пещера или комната в скале — но в царящей внутри тьме ничего было не разобрать. Броднику, Сэму и Мерри, налегая изо всех сил, удалось открыть ее пошире, и Бродник с Мерри вошли. Далеко они заходить не стали, потому что на полу валя-

лось множество старых костей, а у входа не было видно ничего, кроме каких-то больших пустых кувшинов и битых горшков.

— Ежели где и жить троллям — так лучше дыры не придумаешь! — заметил Пин. — Выходите-ка, господа смельчаки, и давайте убираться отсюда. Теперь мы знаем, кто проложил тропу — и чем скорей мы с нее сойдем, тем лучше.

— В этом, думается, нет надобности, — возразил Бродник. — Это действительно логово троллей, но оно давно пустует. Бояться нам, кажется, нечего… Но давайте осторожно спустимся — а там посмотрим.

Тропа уводила от двери и, свернув вправо, пересекала широкую ровную луговину и резко ныряла вниз по лесистому склону. Пин, которому не хотелось показывать Броднику, что он все еще боится, пошел вперед с Мерри. Сэм и Бродник шагали позади, по обе стороны пони Фродо — тропа стала такой широкой, что по ней свободно могли пройти пять-шесть хоббитов в ряд. Но не успели они отойти далеко, как вихрем примчался Пин, а за ним — Мерри. Оба были насмерть перепуганы.

— Там тролли!.. — выдохнул Пин. — Там, на поляне, недалеко… Мы увидели их сквозь деревья…

Ох, и огромные!

— Пойдем посмотрим, — сказал Бродник, поднимая палку. Фродо не сказал ничего, а Сэм помрачнел.

Солнце стояло уже высоко, и ослепительно просвечивало сквозь полуголые ветви деревьев, заливая поляну яркими лучами света. Путники остановились на опушке и смотрели из-за стволов, затаив дыхание. Там стояли тролли — три огромных тролля. Один наклонился, а два других уставились на него.

Бродник бестрепетно шагнул вперед.

— Распрямись, старый тролль! — воскликнул он и ударил склоненного тролля палкой…

…И ничего не произошло. Хоббиты задохнулись от удивления; Фродо даже засмеялся.

— Ну и ну! — сказал он. — Мы же совсем забыли историю семьи! Это, должно быть, та самая троица, которую поймал Гэндальф — они еще ссорились, как им приготовить тринадцать гномов и одного хоббита.

— Я даже и не думал, что мы в этих местах! — сказал Пин. Он хорошо знал эту историю. Бильбо и Фродо часто о ней говорили; но Пин, к слову, никогда не верил в нее больше, чем наполовину. Да же сейчас он поглядывал на каменных троллей с

подозрением — кто их знает, а вдруг оживут?!

— Вы забыли не только историю семьи, — заметил Бродник, — но и все, что следует знать о троллях. День сияет, и солнце в зените — а вы бежите пугать меня байками о живых троллях, ждущих нас на поляне! Хотя могли бы заметить в ухе одного из них старое птичье гнездо — весьма необычное украшение для живого тролля.

Все засмеялись. Настроение Фродо улучшилось: напоминание о первом удачном приключении Бильбо согрело сердце. На солнце было тепло и уютно, и туман перед его глазами вроде немного развеялся. Они отдохнули на поляне и пообедали, сидя в тени огромной ели.

— Может, кто-нибудь споет, пока солнце на небе? — осведомился Мерри, покончив с едой. — Сколько дней, как мы не слышали ни песен, ни легенд!

— С самой Заветри, — проговорил Фродо. На него посмотрели. — Не волнуйтесь обо мне! — добавил он. — Мне гораздо лучше, но петь я все же вряд ли смогу. Может, Сэм что вспомнит…

— Давай, Сэм! — подбодрил его Мерри. — У тебя ж не голова, а настоящий склад.

— Я даже и не знаю… — засмущался Сэм. — Может, вот эта подойдет?.. Это, конечно, не

настоящая поэзия, если вы меня понимаете; просто немного чепухи. Но эти истуканы напомнили мне её. — Он поднялся, заложил руки за спину, как в школе, и тихо запел на старый мотив:

На каменном троне сидел старый тролль
И в пасти его была старая кость;
Годами ее он глодал и жевал
И очень, бедняга, при этом страдал
Но еду добывать стало трудно.
Нудно! Чудно!
Но еду добывать стало трудно.
Том в горы пришел и пещеру нашел
И троллю сказал он: «Позвольте!
Откуда взялась эта старая кость?
Украли ее вы у дядьки, небось?
Я думал, в могиле он спит!
Лежит! Храпит!
Я думал, в могиле он спит».
Тролль буркнул: «Малыш!
Ты про что говоришь?
Подумай: твой дядька был мертв.

Что проку от кости, лежащей в земле?
Вот дело другое, когда — на столе!
И я ее честно добыл.
Забыл! Купил!
Да, я ее честно добыл».
«Я никак не пойму, —
Том сказал, — почему
Вы без спросу в могилу залезли?
Пусть дядька был мертв,
Но ведь кости — не торт;
К тому же они и не ваши.
Чаши! Каши!
Они ведь его, а не ваши».
Тролль рыкнул:
«Сейчас — обеденный час.
Тобой я, пострел, закушу.
Я съем и тебя, говорю не шутя,
Лет семь уже мяса не пробовал я,
Давно по нему я скучаю.
Серчаю! Не чаю!
Давно я но мясу скучаю!»
И тролль уж решил, что Тома схва-

тил,
Да Том был не прост — увернулся,
И ногою, обутой в тяжелый башмак —
Что-что, а подраться он был не дурак —
По заду он стукнул врага.
Стога! Рога!
По заду он стукнул врага!
Он думал, что тролль почувствует боль —
Не знал и не ведал, как видно,
Что тверже камней
Зады у троллей —
— И крепко за то поплатился!
Убился! Закрылся!
Том крепко за то поплатился.
У Тома нога крива, как дуга,
С тех пор, как домой он вернулся.
А троллю на томов удар наплевать;
В горах он, как прежде, сидит, и опять
Кость гложет и знай ухмыляется!
Лается! Мается

Кость гложет и знай ухмыляется.

— Да будет это предупреждением всем нам! — рассмеялся Мерри. Хорошо, что ты стукнул его палкой, а не рукой, Бродник!

— Где ты ее откопал, Сэм? — спросил Пин. — Никогда не слышал раньше этих слов.

Сэм пробормотал нечто невразумительное.

— Сам, небось, выдумал, — сказал Фродо. — Я все больше узнаю о Сэме Гискри в этом походе. Сперва он был заговорщиком, теперь оказывается поэтом… Ну а кончит, верно, тем, что станет мудрецом — или воином!

— Ни к чему это мне вовсе, — замотал головой Сэм. — Не хочу я быть ни тем, ни другим!

После полудня пошли по лесам дальше. Двигались они, вероятно, той самой дорогой, какой некогда шли Гэндальф, Бильбо и гномы. Через несколько миль путники оказались на краю высокого обрыва над Трактом. Здесь Тракт отходил от узкого русла Ревицы и прижимался к подножью холмов, извилисто катясь на восток среди лесов и покрытых вереском склонов — к Переправе и дальним Горам.

Чуть ниже по склону Бродник указал на торчащий из травы камень. На нем, грубо вырубленные и почти уже стершиеся, проступали гномьи руны

и тайные знаки.

— Гляди-ка! — свистнул Мерри. — Это, должно быть, тот самый камень, что отмечает место, где хранилось тролличье золото. Сколько осталось от доли Бильбо, а, Фродо?

Фродо смотрел на камень и желал, чтобы Бильбо не приносил домой другого сокровища — более опасного и куда более притягательного.

— Ничего не осталось, — откликнулся он. — Бильбо все роздал. Он говорил, что не считает его своим… ну, будто ограбил грабителей.

Тракт спокойно лежал в долгих тенях раннего вечера. Других путников видно не было. Они спустились с обрыва, свернули влево и поспешили вперед. Скоро последний луч закатного солнца скрылся за отрогом холмов. С гор впереди подул им навстречу холодный ветер.

Они начали уже оглядываться, отыскивая в сторонке от Тракта место для ночевки, когда внезапный звук возродил все их страхи: позади застучали копыта. Они обернулись, но повороты дороги мешали видеть. Быстро, как только могли, они кинулись с проторенного пути вверх, в самую гущу вереска и черники, пока не забились в заросли орешника. Сквозь кусты виден был Тракт, слабо сереющий в сумеречном свете. До него

было футов тридцать крутого склона. Копыта быстро приближались — и вместе с их клики-ток, клики-ток плыл в воздухе чуть слышный звон, точно тренькали маленькие колокольцы.

— Вроде не похоже на Черного Всадника! — заметил Фродо, вслушиваясь. Хоббиты закивали — да, правда, не похоже, и всё-таки подозрительно… Они так долго боялись погони, что всякий звук казался враждебным и зловещим. А Бродник весь подался вперед, приложив к уху ладонь, и лицо его озарилось радостью. Свет померк, и листва в лощине тихо шуршала. Ближе и яснее зазвенели колокольцы — и вдруг из-за поворота быстрой рысью вынесся белый конь. В сумерках его недоуздок искрился и вспыхивал, точно усеянный живыми звездами. Плащ всадника вился за плечами, капюшон был откинут; золотистые волосы струились по ветру. Фродо показалось, что сквозь одежды всадника, словно тонкую вуаль, пробивается белый свет.

Бродник выскочил из укрытия и с радостным криком бросился к Тракту; но еще прежде, чем он вскрикнул и выскочил, всадник придержал коня и остановился, всматриваясь в кустарник. Увидя Бродника, он спешился и побежал ему навстречу, крича:

— Аи на ведуи, Дунадан! Маэ гованнен! — И язык, и чистый звенящий голос не оставили и тени сомнения: перед ними был эльф. Ни у кого больше нет таких дивных голосов. Но сейчас в голосе звучали спешка и страх, и хоббиты увидели, что эльф быстро, настойчиво говорит что-то Бродднику.

Скоро Бродник поманил их, они вылезли из кустов и заторопились к Тракту.

— Это Глорфиндэль, он из замка Эльронда, — сказал Бродник.

— Привет вам, долгожданные друзья! — проговорил эльф. — Я был послан из Светлояра встречать вас. Мы боялись, не дороге вас ждет беда.

— Значит, Гэндальф в Светлояре? — радостно воскликнул Фродо.

— Нет. Его не было там, когда я уезжал; правда, это было девять дней назад, — отвечал Глорфиндэль. — Эльронд получил тревожные вести. Мои родичи, что бродили в лесах за Берендуином, узнали, что дела повернули к лиху, и тотчас дали нам знать. Они поведали, что Девятеро появились снова, и что вы сбились с пути — а ноша ваша тяжела, и проводника у вас нет, ибо Гэндальф не вернулся. Даже в Светлояре немного найдется тех,

кто мог бы открыто выехать встречь Девятерым; но всех, кто был, Эльронд разослал на запад, север и юг. Нам думалось, вы свернете в сторону, чтобы уйти от погони — и можете потеряться в глуши.

Мне выпало следить за Трактом; я подъехал к Мосту через Митейфель и оставил там знак почти семь дней назад. У Моста было трое прислужников Саурона, но они отступили и умчались на запад. Я видел и еще двоих — те свернули к югу. С тех пор я иду по вашему следу. Я нашел его два дня назад, перешел следом за ним через Мост, а сегодня заметил, где вы спустились с холмов. Но довольно! Времени у нас в обрез. Раз уж вы здесь, надо рискнуть и идти по Тракту. За нами пятеро, и когда они учуют ваш след — примчатся тотчас. И это еще не все. Где четверо остальных — я не знаю. Боюсь, у Переправы нас уже ждут.

Пока Глорфиндэль говорил, вечер сгущался. Фродо чувствовал страшную усталость. С тех пор, как солнце село, мгла перед его глазами помутнела, казалось, туманная пелена повисла между ним и друзьями. Боль и холод терзали его. Он пошатнулся, вцепившись в руку Сэма.

— Мой хозяин ранен, — сердито заявил Сэм. — Не может он сегодня дальше ехать. Ему отдохнуть надо.

Глорфиндэль подхватил Фродо, не дав ему упасть; держа его на руках, эльф с печальной тревогой заглянул ему в лицо.

Бродник коротко поведал ему о нападении на лагерь у Заветри и о смертоносном клинке. Вытащив рукоять, он подал ее эльфу. Тот содрогнулся, коснувшись ее, но взял в руки и внимательно осмотрел.

— На этом эфесе начертаны лиходейские письмена, — сказал он. — Хоть ваши глаза, быть может, и не видят их. Храни его, Арагорн, храни до замка Эльронда! Но будь осторожен и старайся не касаться его. Увы! Врачевать раны, нанесенные этим клинком, не под силу даже мне. Я сделаю, что смогу — но тем более заклинаю вас идти сегодня без отдыха.

Он ощупал рану — и лицо его потемнело; а Фродо ощутил, как тает холод в боку и руке — от плеча по ней расходилось слабое тепло, и боль чуть-чуть унялась. Вечерние сумерки просветлели, точно отдернулась пелена. Он снова видел лица друзей, к нему вернулись надежда и силы.

— Ты поедешь на моем коне, — проговорил Глорфиндэль — Я укорочу стремена, а ты постарайся держаться покрепче. Но не бойся: конь мой не даст тебе упасть. Шаг его легок и ровен; а в

нужде и опасности даже черным вражьим скакунам не угнаться за ним — он унесет тебя от беды.

— Нет! — возразил Фродо. — Я не поеду. Не хочу я скакать никуда, даже в Светлояр, если моим друзьям грозит опасность.

Глорфиндэль улыбнулся.

— Без тебя им опасность не грозит. Погоня-то за тобой. Если тебя с ними не будет — их оставят в покое.

На это Фродо возразить было нечего, и его убедили сесть на коня Глорфиндэля. Пони снова нагрузили поклажей, так что идти им теперь было легче; но хоббиты едва поспевали за быстрым, не знающим усталости эльфом. Он вел их вперед и вперед — в самую пасть ночи, и до самого рассвета не позволял им остановиться. К этому времени Пин, Мерри и Сэм только что не спали на ходу; даже Бродник сгорбился от усталости. Фродо забылся темной дремой.

Они свалились в вереск в нескольких футах от обочины и тут же уснули. Им показалось, что они только-только закрыли глаза, как Глорфиндэль оставшийся на страже, поднял их. Солнце стояло уже высоко, ночные туманы и тучи развеялись.

— Выпейте! — сказал Глорфиндэль, наливая каждому по очереди маленькую чарку из своей

оправленной в серебрю кожаной баклаги. Напиток был чист, как вода, и совершенно безвкусен; но силы и жизнь прибывали в их жилах с каждым глотком. Съеденные после него черствый хлеб и сухие фрукты (это было все, что у них осталось) утолили голод лучше, чем самый плотный завтрак в Крае.

Они отдыхали меньше пяти часов — и вот опять шагали по Тракту. Глорфиндэль по-прежнему подгонял их и за весь день позволил сделать лишь два коротких привала. В этот день они покрыли до заката почти двадцать миль и подошли к месту, где Тракт сворачивал вправо и сбегал на дно долины, ведя прямиком к Бруинену. До сих пор хоббиты не видели и не слышали погони; но Глорфиндэль часто замирал и прислушивался, точно она была близко, и тревога затуманивала его лицо. Раз или два он заговаривал с Бродником по-эльфийски.

Но как бы ни тревожились их проводники, было ясно, что этой ночью хоббиты идти не могут. Они спотыкались на каждом шагу и не могли думать ни о чем кроме собственных сбитых ног. Боль терзала Фродо вдвое против прежнего, и днем все вокруг обращалось в призрачные серые тени. Он почти радовался приходу ночи — мир

тогда казался не таким пустым и тусклым.

На следующее утро, чуть рассвело, хоббиты, по-прежнему усталые, снова вышли в путь. До Переправы было еще немало миль, и они, хоть и хромали, старались идти как можно быстрей.

— Самая большая опасность нас ждет у реки, — сказал им Глорфиндэль. — Сердце мое остерегает меня, что погоня близка, а у Переправы может быть засада.

Тракт неуклонно вел под гору, и по обочинам его местами росла трава — хоббиты шли по ней, и их усталым ногам становилось немного легче. Полдень давно миновал, когда Тракт неожиданно нырнул в тень густых высоких сосен и ввел путников в глубокое ущелье с крутыми влажными стенами красного камня. Эхо их торопливых шагов бежало следом за ними и казалось шагами погони. Внезапно, словно сквозь арку ворот, Тракт вырвался из прохода — и они увидели крутой спуск, а в его конце — прямую открытую дорогу и Переправу в Светлояр. На другой стороне поднимался бурый берег, прочерченный извивающейся тропой; а за ним, плечом к плечу, вонзившись пиками в небо, вставали горы.

В ущелье позади по-прежнему звучало эхо, порывистый шум, будто ветер дул сквозь ветви

сосен. На миг Глорфиндэль обернулся и прислушался — и с громким вскриком:

— Бежим! Враг за нами! — прыгнул вперед.

Белый конь сорвался в галоп. Хоббиты побежали вниз по склону. Глорфиндэль и Бродник мчались сзади. Они были только на полпути, когда из проема в деревьях, где только что стояли беглецы, выехал Черный Всадник. Он придержал коня и остановился, покачиваясь в седле. За ним появился еще один, и еще; потом еще двое.

— Скачи! Скачи! — крикнул Глорфиндэль Фродо. Тот послушался не сразу: странное упрямство овладело им. Пустив коня шагом, он обернулся и поглядел назад. Всадники казались черными угрозными статуями; холм, леса, — весь край вокруг них будто затянуло мглой. И вдруг он понял, что они безмолвно приказывают ему остановиться. Страх и ненависть поднялись в нем.

Рука оставила уздечку и потянулась к эфесу — и ало вспыхнул обнаженный клинок.

— Скачи! Да скачи же! — кричал Глорфиндэль, а потом громко приказал по-эльфийски коню: — Норо лим, норо лим, Асфалот!

Белый конь рванулся вперед и ветром понесся к Переправе. В тот же миг черные кони помчались вниз. Всадники завыли — и вой был ответом им. К

отчаянью Фродо и его друзей, из-за скал слева вымахнуло еще четверо Всадников. Двое поскакали к Фродо; двое во весь опор помчались к Переправе — чтобы не дать ему сбежать. Фродо казалось, что, приближаясь, они растут и темнеют.

Фродо на миг оглянулся через плечо. Друзей видно не было. Всадники отстали: даже их черные скакуны не могли тягаться с белым конем Глорфиндэля. Хоббит снова глянул вперед — и надежда угасла. Не было никакой возможности достичь Переправы, прежде чем враги закроют ее. Теперь он ясно видел их: ни плащей, ни капюшонов — латы и саваны. В призрачных руках — мечи, на головах — шлемы. Глаза горят смертным огнем.

Страх заливал душу Фродо. Он больше не думал о мече. Он не кричал; закрыв глаза, он вцепился в гриву коня. Ветер свистал в его ушах; колокольцы на сбруе бренчали нестройно и резко. Холод копьем пронзил его — белый конь вздыбился и, как на крыльях, пронесся к Переправе под самым носом переднего Всадника.

Фродо услышал плеск воды. Она кружилась вокруг его ног. Он почувствовал подъем — конь вышел на сушу и карабкался по каменистой тропе. Он взбирался на крутой берег. Он пересек

реку.

Но погоня была близка. На вершине обрыва конь обернулся, остановился и яростно заржал. Там, внизу, у кромки воды, стояли Девятеро — и дух Фродо дрогнул перед угрозой их поднятых лиц.

Он не знал ничего, что могло бы помешать им пересечь реку; и чувствовал, что бесполезно пытаться удрать от них по неизвестному пути от Переправы до границ Светлояра — коли уж они переправятся. И еще яснее стал властный приказ: стоять! В нем опять шевельнулась ненависть — но сопротивляться не было сил.

Вдруг передний Всадник пришпорил коня. Тот шагнул в воду и заржал. Фродо с трудом выпрямился и вытащил меч.

— Уходите! — крикнул он. — Возвращайтесь в Мордор и оставьте меня!

Голос его прозвучал тонко и резко. Всадники остановились, но у Фродо не было сил Бомбадила. Враги засмеялись жестоким, холодным смехом.

— Иди к нам! — позвали они. — Иди к нам! Ты наш, твое место в Мордоре!

— Уходите!.. — прошептал он.

— Кольцо! Отдай Кольцо! — откликнулись жуткие голоса.

— Именем Эльберет и Прекрасной Лутиэн клянусь, — проговорил Фродо, собрав остаток сил и поднимая меч. — Вы не получите ни Кольца, ни меня!

Тогда Предводитель, который был уже на середине реки, привстал в стременах и поднял руку. Фродо онемел. Язык пристыл к нёбу, сердце остановилось. Меч сломался и выпал из дрогнувшей руки. Эльфийский конь ржал и храпел. Первый черный скакун был уже недалеко от берега.

И в этот миг раздался рев и плеск: плеск бешеной, катящей камни воды. Как в тумане, Фродо увидел, что река разлилась, и русло ее заполнили пенящиеся волны. Гребни их, казалось Фродо, сияют белым огнем; Фродо привиделись белые витязи на белых конях с пенными гривами. Трое Всадников, что были на Переправе, исчезли, унесенные бешеной рекой. Оставшиеся на берегу в смятении отступили.

Последним проблеском сознания Фродо услышал крики, и ему почудилось, что позади колеблющихся на берегу Всадников возникла сияющая белым светом фигура, а за ней торопятся фигурки поменьше с факелами, что багрово пылают в поглотившей мир мгле.

Черные кони обезумели и в ужасе бросились со

всадниками в ревущий поток. Их пронзительные крики унесла вода. Потом Фродо ощутил, что падает, и наводнение, показалось, ему, уносит его вслед за врагами. Больше он ничего не видел и не слышал.

Книга вторая
Глава 1
Встречи

Фродо проснулся и обнаружил, что лежит в постели. Сначала он подумал, что долго спал и видел неприятный сон — тот всё ещё маячил где-то на границе памяти. Или он был болен?.. Но потолок выглядел странно: плоский, с толстыми, богато украшенными резьбой балками. Фродо немного полежал, глядя на пятна солнечного света на стене и прислушиваясь к шуму водопада.

— Где это я, и который теперь час? — громко спросил он, обращаясь к потолку.

— В замке Эльронда, и теперь десять утра, — ответил донельзя знакомый голос. — И сегодня двадцать четвёртое октября, если тебе и это хочется знать.

— Гэндальф! — воскликнул Фродо, садясь. — Ты здесь!..

— Да, — отозвался тот. — Здесь. Но самое удивительное, что ты тоже здесь — после всех твоих нелепых глупостей в пути.

Фродо снова лёг. Ему было слишком уютно

и покойно, чтобы спорить, да он и не был уверен, что сможет что-нибудь доказать. Он теперь проснулся полностью и вспомнил весь поход: гибельный «путь напрямик» через Предвечный Лес; «случайность» в «Гарцующем Пони»; своё безумие, когда он надел Кольцо в лощине у Заветри. Пока он раздумывал над всем этим и пытался — правда, напрасно — вспомнить, как попал в Светлояр, в комнате стояла глубокая тишина, только тихо попыхивала трубка Гэндальфа, когда маг выпускал в окно кольца белого дыма.

— Где Сэм? — наконец спросил Фродо. — И где все остальные?

— Остальные целы и невредимы, — ответил Гэндальф. — Сэм был тут, покуда я не прогнал его отдыхать — с полчаса назад.

— Что случилось у Переправы? — поинтересовался Фродо. — Мне тогда всё казалось каким-то туманным… да и сейчас еще кажется.

— Ничего удивительного. Ты уже начал развоплощаться. Рана почти доконала тебя. Ещё несколько часов — и никто не смог бы тебе помочь. Но ты оказался на диво силён, дорогой мой хоббит! Ты это доказал в Могильнике. Дело было опасное — быть может, самое опасное. Если б ты выстоял и у Заветри…

— Ты, кажется, уже многое знаешь, — заметил Фродо. — Я никому не рассказывал о Могильнике. Сперва страшно было вспоминать, а потом стало недосуг… Как ты об этом узнал?

— Ты много говорил во сне, Фродо, — ласково сказал Гэндальф. — Я без труда обследовал твою память. Не волнуйся! Хоть я и сказал «глупости» — не это имел я в виду. Ты держался молодцом — и все остальные тоже. Немалый подвиг — пробиться сюда сквозь все опасности и донести Кольцо.

— Нам бы никогда не сделать этого без Бродника, — проговорил Фродо. — Но нам был нужен ты. Без тебя я совсем не знал, что делать.

— Меня задержали, — сказал Гэндальф. — И это чуть не погубило всего. Однако я не уверен: быть может, так было и лучше.

— Ты мне расскажешь?..

— Всему свой черёд. Сегодня тебе нельзя ни говорить, ни волноваться — так наказал Эльронд.

— Но думать-то я ведь не перестану, а это гораздо утомительней… Лучше поговори со мной! Я столько всего вспомнил — объясни хоть что-нибудь… Почему ты задержался? Хоть это-то ты можешь мне сказать?

— Ты скоро узнаешь всё, что захочешь, — ска-

зал Гэндальф. — Как только ты поправишься, соберётся Совет. Пока же могу только сказать, что меня заманили в ловушку.

— Тебя?! — поразился Фродо.

— Да, меня, Гэндальфа Серого, — сумрачно подтвердил маг. — В мире много сил, Фродо, добрых и злых. Кое-кто сильнее меня. С некоторыми я ещё не мерялся… Но мое время близко. Чёрные Всадники появились опять. Грядёт великая битва!

— Так ты, значит, знаешь, кто эти Всадники?

— Знаю, и когда-то говорил тебе о них; ибо Чёрные Всадники — это Призраки Кольца, Девять Прислужников Чёрного Властелина. Но я не знал, что они появились, не то сразу увёл бы тебя с собой. Я услышал о них только после того, как расстался с тобой в июне, но этот рассказ может подождать. Арагорн избавил всех нас от гибельных несчастий.

— Да, — кивнул Фродо. — Мы спаслись только благодаря Бродднику. А я ведь его сначала побаивался. Сэм — так тот, думаю, никогда ему полностью не доверял, во всяком случае, до встречи с Глорфиндэлем.

Гэндальф улыбнулся.

— Слышал я о Сэме, — сказал он. — Теперь-то он ему верит.

— Ия рад этому, — отозвался Фродо. — Потому что мне Бродник очень полюбился. Нет, полюбился — это, пожалуй, не то слово… Ну, понимаешь, он стал мне дорог — хоть и бывает иногда таким чудным и мрачным!.. Если хочешь знать, он часто напоминал мне тебя. Я и не знал, что все Громадины таковы. Думал, они большие и глупые — добрые и глупые, как Пахтарь; или глупые и злые, как Бит Осинник. Но мы ведь у себя в Крае совсем не знаем Большого Народа, разве что усадичей…

— Вы и усадичей не знаете, если ты считаешь Хмеля глупым, — заметил Гэндальф. — Он достаточно мудр — на свой манер. Думает он медленнее и меньше, чем говорит; однако порой «видит сквозь стены», как говорят в Усаде. Но немного осталось в Средиземье подобных Арагорну, сыну Арафорна. Род Королей из Заморья почти иссяк. Может статься, эта Война станет их последним деянием.

— Ты хочешь сказать, что Бродник — из народа Королей? — удивился Фродо. — А я-то считал его всего-навсего Следопытом!

— Всего-навсего Следопытом! Милый мой Фродо, Следопыты — последние, кто остался от великого народа, Рыцарей из Заморья. Они и

прежде мне помогали; а в грядущие дни помощь их понадобится мне вдвойне. Ибо мы достигли Светлояра, но не здесь Кольцу суждено упокоиться.

— Ты прав, конечно, — согласился Фродо, — Но я-то пока об одном только и думал — как бы сюда добраться; надеюсь, дальше мне идти не придётся. Очень уж приятно отдыхать. Я провёл месяц в скитаниях и приключениях — и понял, что с меня довольно.

Он умолк и закрыл глаза. Но спустя несколько минут заговорил снова.

— Я вот тут считаю, — сказал он, — и никак у меня не выходит двадцать четвёртое октября. Должно же быть двадцать первое! К Переправе мы вышли двадцатого…

— Ты думаешь и считаешь больше, чем тебе можно, — проговорил Гэндальф, — Как твои бок и плечо?

— Не знаю, — ответил Фродо. — Я их просто не чувствую; но… — он сделал усилие, — рука вроде движется — чуть-чуть. Да, точно — оживает. Она уже не холодная, — добавил он, тронув левую руку правой.

— Хорошо! — сказал Гэндальф. — Скоро ты будешь совсем здоров. Эльронд вылечил тебя: он

ходил за тобой все эти дни, с тех самых пор, как тебя принесли.

— Дни?.. — переспросил Фродо.

— Если быть точным — четыре ночи и три дня. Эльфы принесли тебя с Переправы вечером двадцатого. Мы все очень волновались, а Сэм и вовсе ни днём, ни ночью не отходил от постели. Эльронд — великий целитель, но оружие Врага смертоносно. Сказать правду, я почти не надеялся; ибо подозревал, что в закрытой ране остался его кусок. Но до этой ночи найти его не удавалось. Сегодня Эльронд извлёк обломок. Он проник глубоко и неотвратимо приближался к сердцу.

Фродо содрогнулся, вспомнив клинок, что изошел дымом в руках Бродника.

— Не бойся! — проговорил Гэндальф. — Его уже нет. Он истаял. А вот хоббиты, кажется, тают очень неохотно. Многих воинов Большого Народа, которых я знал, этот осколок свёл бы в могилу давным-давно — ты же сопротивлялся ему семнадцать дней.

— Что Всадники со мной сделали? — спросил Фродо. — И что собирались сделать?

— Они пытались пронзить твоё сердце Моргульским Клинком, который остаётся в ране. Если бы это им удалось — ты стал бы таким же,

как они, только слабее, и попал бы под их владычество. Ты сделался бы призраком Царства Тьмы, и Саурон вечно мучил бы тебя за попытку присвоить Кольцо… хотя вряд ли может быть пытка страшнее, чем видеть Кольцо на Его руке — и знать, что когда-то ты владел им.

— Какое счастье, что я ничего этого не знал! — вскричал Фродо. — Я был, конечно, страшно испуган; но знай я тогда больше — и шевельнуться бы не посмел. Это просто чудо, что я спасся!

— Да, судьба или удача помогли тебе, — сказал Гэндальф. — Не говоря уж о мужестве. Ибо сердце твоё не задето, а ранено лишь плечо; а всё потому, что боролся ты до конца. Но ты был на волосок от гибели. Надев Кольцо, ты вступил в их мир: ты видел их, а они — тебя.

— Знаю, — тихо сказал Фродо. — Жуткое было зрелище!.. Но почему же мы все видим их коней?

— Потому что кони у них живые; и чёрные плащи — настоящие плащи, они носят их, чтобы придать облик своему безличию, когда имеют дело с живущими.

— Но тогда почему кони терпят таких седоков? Другие звери с ума сходят от страха: собаки воют, гуси шипят… даже белый конь Глорфиндэля испугался.

— Потому, что они рождены и выращены в Мордоре для службы Чёрному Властелину. Не все Его слуги — призраки! Есть и орки, и тролли, и волколаки; и многие люди — воины и вожди, что живы и ходят под солнцем, покорны ему. И число их растёт день ото дня.

— А что со Светлояром, с эльфами? Светлояр в безопасности?

— Сейчас — да, пока покорено не всё. Эльфы могут бояться Чёрного Властелина, отступать перед ним, но никогда уже не станут они ни внимать, ни служить ему. И здесь, в Светлояре, живёт ещё кое-кто из его извечных врагов: Преображающиеся эльфы, Витязи Эльдамара-Заморского. Они не боятся Призрачных Кольценосцев, ибо тем, кто жил в Благословенной Земле, открыты оба мира — Зримый и Незримый, и в обоих мирах они сильны.

— Мне показалось, я вижу белую сияющую фигуру, она не тускнела, как другие… Это был Глорфиндэль?

— Да, ты видел его в миг Преображения: он — один из самых могучих витязей среди Перворождённых. В Светлояре есть силы чтобы противостоять мощи Мордора — на время. Есть такие силы и в других местах. Даже и в Крае —

только там они иные… Но эти места скоро станут островами в Чёрном Приливе, если всё пойдёт дальше так же, как шло до сих пор. Чёрный Властелин двинул вперёд всю свою мощь.

И всё же, — маг внезапно поднялся, и борода его встопорщилась, — мы должны хранить мужество. Ты скоро поправишься, если только я не заговорил тебя до смерти… Ты в Светлояре, и пока тебе волноваться не о чем.

— Мужества у меня не осталось, так что хранить мне нечего, — сказал Фродо. — Но я не волнуюсь. Расскажи мне о друзьях, и чем кончилось дело у Переправы — тогда я уж совсем успокоюсь и снова засну. Но я глаз не смогу сомкнуть, пока ты не кончишь рассказа.

Гэндальф придвинул кресло к кровати и внимательно посмотрел на Фродо. Краски вернулись на лицо хоббита, и глаза были чистыми — живыми и вовсе не сонными. Он улыбался и выглядел почти здоровым. Но глаза мага видели лёгкую тень, почти намёк на сияние вокруг него — особенно вокруг левой руки, лежащей на одеяле.

«Этого надо было ожидать — сказал себе Гэндальф, — Он ещё не прошёл и половины пути, и что станется с ним в конце — не знает даже Эльронд. Но, думаю, ничего худого не будет. Он

может стать прозрачным, как сосуд, полный чистого света — для глаз, способных видеть».

— Выглядишь ты чудесно, — сказал он вслух. — Так и быть: рискну окончить рассказ, не советуясь с Эльрондом. Только очень коротко, учти это, а потом ты должен будешь снова уснуть. Вот что случилось — насколько я смог узнать. Когда ты поскакал, Всадники ринулись следом. Теперь им не нужно было полагаться на зрение коней: ты был им виден, стоял на пороге их мира. К тому же их звало Кольцо. Твои друзья спрыгнули с дороги, не то конники стоптали бы их. Они знали: ничто и никто, кроме белого коня, не спасёт тебя. Всадники слишком быстры, чтобы их можно было удержать и слишком многочисленны, чтобы с ними можно было драться. Пешими даже Глорфиндэль и Арагорн не выстояли бы против Девятерых.

Когда Всадники промчались, друзья твои побежали за ними. Рядом с Переправой есть низинка у дороги, прикрытая кривыми деревьями. Там они быстро развели костёр; ибо Глорфиндэлю было известно, что, если Всадники сунутся в реку, Эльронд взъярит её бурным разливом, и ему придётся драться с теми, кто останется на берегу.

Когда начался разлив, он выскочил на Тракт, а

за ним — Арагорн и все остальные с горящими факелами в руках. Оказавшись между огнём и водой и увидев Преображающегося Эльфа, Всадники растерялись, а кони их взбесились от страха. Троих накрыл первый же вал, остальных сбросили в воду обезумевшие кони, и река унесла их.

— Значит, Всадники погибли?

— Нет, — отвечал Гэндальф. — Погибли их кони, а без них они бессильны. Самих Кольценосцев так просто не уничтожишь. Но, как бы там ни было, сегодня можно их не бояться. Как только вода спала, твои друзья переправились; они нашли тебя на берегу — ты лежал лицом вниз, а под тобой — сломанный меч. Конь стоял рядом. Ты был бледен и холоден, и они боялись, что ты умер — если не случилось худшего. Эльфы Эльронда встретили их, когда тебя несли в Светлояр.

— Кто устроил разлив?

— Эльронд. Река послушна ему, и разливается по его приказу, когда в том есть нужда. Едва Предводитель Призраков вступил в воду — разлив начался. Ну, и я немного подогрел его гнев: не знаю, заметил ты или нет, — но первые валы приняли облик белых коней с сияющими всадниками, а за ними катились валуны. На какой-то миг я испугался, что яростное наводнение выйдет

из-под нашей воли и смоет и тебя, и всех остальных. Огромна сила вод, что текут с Мглистого Хребта.

— Да, мне всё вспомнилось, — кивнул Фродо. — Страшный рёв. Я думал — я утонул, а заодно и все остальные — и друзья, и враги. Но теперь-то мы в безопасности!

Гэндальф быстро глянул на Фродо, но тот закрыл глаза.

— Да вы все в безопасности — сейчас. Скоро состоится пир в честь Победы на Переправе, и чествовать будут вас.

— Чудесно! — сказал Фродо. — И всё-таки удивительно, что Эльронд и Глорфиндэль, и другие великие вожди, не говоря уж о Бродднике, так пекутся о нас… и так добры ко мне.

— Тому есть несколько причин, — проговорил Гэндальф с улыбкой. — И первая из них — я. А вторая — Кольцо: ты его Хранитель. Да к тому же наследник Бильбо.

— Милый Бильбо! — сонно пробормотал Фродо, — Где-то он сейчас? Хотел бы я, чтоб он был здесь и узнал про всё! Это позабавило бы его. «Корова встала на рога»! И бедный старый тролль!.. — и он глубоко заснул.

***

Фродо был теперь в Последней Светлой Обители к востоку от Моря — а это был дом, где, как говаривал некогда Бильбо, «хорошо и есть, и спать, и рассказывать истории, и петь, и просто сидеть и размышлять — а ещё лучше делать всё это вместе». Просто жить там — значило исцелиться от усталости, страха, печали.

Приближался вечер; Фродо проснулся и понял, что спать ему больше не хочется, а хочется есть и пить и, может быть, спеть или послушать что-нибудь. Он вскочил с кровати — и обнаружил, что владеет рукой ничуть не хуже прежнего. В изножии постели лежала чистая одежда зелёного сукна, точно по нему сшитая. Он взглянул в зеркало — и поразился: отражение было гораздо худее, чем он помнил. На него будто смотрел юный племянник Бильбо, обожавший бродить с дядей по Краю; вот только глаза у него были не по-молодому вдумчивые.

— Да, пришлось тебе кое-что повидать с тех пор, как ты в последний раз выглядывал оттуда! — сказал Фродо и подмигнул своему отражению. — Ну, здравствуй, приятель! — Он потянулся и засвистел.

В этот миг в дверь постучали, и вошел Сэм. Он подбежал к Фродо и неловко, застенчиво, взял его левую руку — тихонько погладил, вспыхнул и поспешно отвернулся.

— Привет, Сэм! — сказал Фродо.

— Надо же — тёплая! — воскликнул Сэм. — Это я про вашу левую руку, господин Фродо, А все те ночи была — ну ледышка ледышкой! Но — слава и трубы! — он повернулся к хозяину, и глаза его сияли, а ноги готовы были пуститься в пляс. — Как же это здорово, что вы в себя пришли, сударь! Гэндальф велел мне пойти поглядеть, готовы ли вы сойти вниз, так я решил, что он шутит.

— Я готов, — проговорил Фродо. — Идём, поищем остальных.

— Я отведу вас, сударь, — сказал Сэм. — Это огромный замок, а уж чудес в нём! Всегда что-нибудь новое находится, и не знаешь, что ждёт за углом. И эльфы, сударь! Всюду эльфы! Некоторые — как короли, грозные и прекрасные; а другие — весёлые, чисто дети. А музыка, а песни! Не то, чтобы у меня было много времени их слушать, или сердце к ним лежало, но слыхать-то я кое-что слыхал… И в здешних закоулках, пожалуй, не заблужусь.

— Я знаю, почему у тебя не было времени,

Сэм. — Фродо взял его за руку. — Но сегодня-то вечером ты повеселишься и наслушаешься вволю. Идем, покажи мне здешние закоулки!

Сэм провёл его по нескольким коридорам, вниз по лестницам, и вывел в сад на высоком берегу реки. Друзей он нашел на веранде с восточной стороны дома. В долине внизу залегли тени, но на ликах дальних гор горел закатный свет. Воздух был теплым. Громко звенел водопад, и вечер был полон легким ароматом цветов и деревьев, будто в садах Эльронда все еще жило лето.

— Ура! — дурашливо завопил Пин, вскакивая. — Вот и наш благородный братец! Дорогу Фродо — властелину Кольца!

— Уймись! — Оборвал его Гэндальф. Он сидел в глубине веранды. — Лиху нет места в этой долине, — и всё-таки лучше не поминать его без нужды. Властелином Кольца величают не Фродо, а хозяина Чёрного Замка в Мордоре, чья власть вновь простёрлась над миром. Мы укрылись в надёжной крепости. Но и над ней сгущается тьма.

— Вот так он нас беспрестанно и утешает, — вздохнул Пин. — Он думает, меня надо всё время одёргивать… Но это же просто невозможно — быть здесь унылым и мрачным! Я запел бы, честное слово, знай я подходящую песню!

— Я бы тоже запел, — засмеялся Фродо. — Хотя сейчас мне больше хочется есть и пить!

— Скоро поешь, — заметил Пин. — Ты, как всегда, умудрился проснуться к обеду.

— Какой там обед! Пир! — сказал Мерри. — Как только Гэндальф объявил, что ты поправляешься, начались приготовления.

Не успел он кончить, как зазвенели колокола, созывая всех в Трапезный Зал.

***

Трапезный Зал замка Эльронда был полон: там были эльфы и кое-какой другой народ. Эльронд, как было принято, сидел в глубоком кресле во главе длинного стола на помосте; по правую руку от него сидел Глорфиндэль, по левую — Гэндальф.

Фродо в удивлении смотрел на них, ибо никогда раньше не видел Эльронда, о котором говорилось в стольких преданиях; и сидящие по обе стороны от него Глорфиндэль, и даже Гэндальф, которого, казалось ему, хоббит знал так хорошо, обрели свой истинный облик могучих и достославных витязей.

Гэндальф был ниже тех двоих; но его длинные седые волосы, долгая серебряная борода и широкие плечи придавали ему вид мудрого короля из

старых легенд. На древнем лице под белоснежными бровями пылали тёмные глаза, готовые вспыхнуть испепеляющим огнём. Глорфиндэль был высок и строен; волосы его мерцали золотом, лицо было прекрасно, молодо, бесстрашно и полно радости; глаза — мудры и зорки; голос — подобен музыке; руки — сильны.

По лицу Эльронда возраст не угадывался, оно не было ни молодым, ни старым, хотя на нём лежала печать памяти о бесконечной череде печалей и радостей. Волосы его были темны, как тени сумерек, и голову венчал серебристый обруч; глаза были серыми, как ясный вечер и сияли светом, подобным свету звёзд. Он казался очень древним — и в то же время крепким, как воин в расцвете сил. Он был первым среди Людей и Эльфов, этот исконный Владыка Светлояра.

В центре стола, в кресле под балдахином, сидела прекрасная дева, и в её женственных чертах проступало такое сходство с Эльрондом, что Фродо решил, — они непременно должны быть близкими родичами. Она была юной — но не была молодой. Пряди её тёмных волос не трогала изморозь, лицо и руки были прекрасными и гладкими, и свет звёзд лучился в ясных глазах, серых, как безоблачная ночь; однако во взгляде

её были покой и мудрость, какие могут даровать лишь долгие годы жизни. Голову её покрывала шапочка из серебряных шнуров, усаженная маленькими сверкающими алмазами; но на её простом платье не было других украшений, кроме вышитого серебряной нитью пояса.

Так Фродо впервые увидел ту, кого редко видели глаза смертных: Арвен, дочь Эльронда, в которой, как говорили, вернулась на землю красота Лутиэн; а эльфы звали её Ундомиэль, ибо она была Вечерней Звездой своего народа. Она долго жила за горами, у родни матери — в дивном Лориэне, и лишь недавно вернулась в Светлояр, в дом отца. А братья её, Элладан и Эльрохир, блуждали в глуши: они часто странствовали со Следопытами, ибо поклялись отомстить мучителям своей матери — северным оркам.

Такой красоты Фродо никогда не видывал, и представить не мог, что живое существо может быть столь дивно прекрасно; он был одновременно поражён и смущён, узнав, что ему приготовлено место за столом Эльронда. Кресло у него было удобное, и сидел он на нескольких подушках — но чувствовал себя очень маленьким и совсем не в своей тарелке; правда, чувство это быстро прошло. Пир был весёлым, а еда — лучше всего,

о чём ему мечталось. Прошло некоторое время, прежде чем он снова стал смотреть по сторонам и даже поворачиваться к соседям.

Сначала он поискал друзей. Сэм умолял, чтобы ему позволили прислуживать хозяину, но ему сказали, что на этом пиру он гость. Фродо видел его между Пином и Мерри в конце одного из ближних к помосту столов. Бродника видно не было.

Рядом с Фродо, по правую от него руку, сидел важный, богато одетый гном. Его борода, очень длинная и раздвоенная на конце, была почти так же бела, как его снежно-белые одежды. Талию его стягивал серебряный пояс, а на грудь спускалась цепь из серебра и бриллиантов. Фродо даже есть перестал, глядя на него.

— Добро пожаловать! — сказал гном, поворачиваясь к нему. Потом встал со стула и поклонился: — Глоин, к твоим услугам, — и поклонился ещё ниже.

— Фродо Торбинс — к услугам твоим и твоей семьи, — благовоспитанно ответил Фродо, в свою очередь поднимаясь и кланяясь, не обращая внимания на посыпавшиеся подушки. — Могу ли я спросить — ты тот самый Глоин, один из двенадцати соратников великого Торина Дубощита?

— Именно так, — ответствовал гном, собирая подушки и помогая Фродо снова влезть на них. — А мне не надо и спрашивать, ибо я знаю уже, что ты родич и наследник нашего друга Бильбо. Позволь поздравить тебя с выздоровлением.

— Большое спасибо, — сказал Фродо.

— У тебя были странные приключения, я слышал, — продолжал Глоин. — Мне бы очень хотелось знать, что могло подвигнуть четверых хоббитов на такой поход. Ничего подобного не случалось со времён, как Бильбо ушёл с нами. Но, быть может, мне не надо допытываться, раз Эльронд и Гэндальф предпочитают хранить молчание?..

— Им, я полагаю, виднее, и нам не стоит говорить об этом — по крайней мере, пока, — осторожно проговорил Фродо. Он сообразил, что даже в замке Эльронда Кольцо — не тема для застольной беседы. — Но мне очень любопытно, — добавил он, — что завело такого важного гнома столь далеко от Одинокой Горы?

Глоин искоса взглянул на него.

— Думаю, нам не стоит пока говоришь и об этом. Владыка Эльронд вскорости соберёт нас, и тогда все мы узнаем немало… Однако есть многое, о чём мы могли бы побеседовать и сейчас.

Они проговорили до конца пира, но Фродо больше слушал, чем говорил: новости Края — кроме Кольца — казались отдалёнными и неважными, а Глоину было, что порассказать о делах на севере Глухоманья. Фродо узнал, что Гримбеорн Старый, сын Беорна, стал вождём клана стойких мужей, и на их земли между Горами и Лихолесьем не рискуют совать нос ни орки, ни волки.

— Воистину, — говорил Глоин, — если бы не Беорнинги, путь из Дола в Светлояр был бы закрыт давным-давно. Они доблестные воины и хранят перевалы и Переправу у скалы Каррок. Но их пошлины велики, — добавил он, качая головой, — и, как некогда Беорн, они не жалуют гномов. Однако им можно верить — а это немало в наши дни. Ни один народ не относится к гномам столь дружелюбно, как люди Дола. Бардинги — славный народ. Правит ими внук Барда-Лучника — Бранд, сын Баина, сына Барда. Он могучий герцог, и владения его простёрлись далеко на юг и восток от Эсгарофа.

— А как поживает твой народ? — спросил Фродо.

— По-всякому; случается и доброе, и злое, — отвечал Глоин. — Однако доброго больше: до сих пор Удача была милостива к нам, хотя тень этих

дней коснулась и нас. Если ты в самом деле хочешь услышать про нас — я расскажу с радостью. Но останови меня, когда начнёшь уставать! Как говорится, в рассказах про свою кузницу язык гнома не знает устали.

И Глоин начал долгий рассказ о делах Царства Гномов. Он был рад найти столь вежливого и внимательного слушателя: Фродо не выказывал и тени усталости и не пытался сменить тему, хотя давным-давно уже запутался в непривычных именах и названиях, которых никогда не слыхал. Всё же ему интересно было услышать, что Даин в свои 215 лет по-прежнему Государь-под-Горой, что он всеми почитаем и сказочно богат. Из десяти товарищей, уцелевших в Битве Пяти Воинств, семь всё так же живут с ним: Двалин, Глоин, Дори, Нори, Бифур, Бофур и Бомбур. Бомбур стал таким толстым, что не может сам перейти с ложа к столу, и ему помогают в этом шесть молодых гномов.

— А что сталось с Балином, Ори и Оином? — поинтересовался Фродо.

Тень прошла по лицу Глоина.

— Не знаем, — отозвался он. — Балин — одна из главных забот, что привели меня в Светлояр: нам нужен совет… Однако давай поговорим о

чём-нибудь более весёлом! — и Глоин заговорил о делах своего народа: великом труде в Доле и под Горой. — Мы славно потрудились, — сказал он. — Но теперешним мастерам не сравниться с прежними, многие их секреты утеряны. Мы куём добрые доспехи и острые мечи, но нам не создать ни клинка, ни кольчуги подобных тем, что были до нападения дракона. Лишь в зодчестве превзошли мы предков. Ты должен увидеть каналы Дола, Фродо, и горы, и озёра! Ты должен увидеть наши мощёные цветным камнем дороги! И залы, и улицы под землей с колоннами, подобными живыми деревьям, и террасы, и башни на склонах Горы! Тогда ты поймёшь, что мы не ленились.

— Я приду и увижу их, если смогу, — сказал Фродо. — Вот бы удивился Бильбо, увидев, как изменилась Драконова Пустошь!

Глоин взглянул на Фродо и улыбнулся.

— Ты очень любил Бильбо? — спросил он.

— Очень, — кивнул Фродо. — И хотел бы увидеть его больше всех башен и замков в мире.

***

Наконец пир подошёл к концу. Эльронд и Арвен поднялись и пошли к выходу; гости двинулись следом. Распахнулись двери, и все прошли широ-

ким коридором в другой зал. Столов там не было, лишь пылал в большом камине яркий огонь.

Фродо увидел, что рядом идёт Гэндальф.

— Это Каминный Зал, — сказал маг. — Здесь ты услышишь много легенд и песен — если не уснёшь. Но в обычные дни он часто пустует, и сюда приходят те, кто хочет отдохнуть и подумать. Здесь всегда горит огонь, круглый год, им только и освещается зал.

Когда Эльронд вошел и направился к своему креслу, полилась сладкая мелодия. Зал постепенно наполнялся, и Фродо в восторге смотрел на собравшиеся вокруг прекрасные лица; золотистые отблески играли на них, мерцая в волосах. Вдруг он заметил по ту сторону камина маленькую фигурку: кто-то сидел на стуле, прислонясь спиной к колонне. Подле него па полу стояла чаша с водой и лежал хлеб. Бедный, подумал Фродо, должно быть, он заболел и не смог пойти на пир… но разве в Светлояре болеют? Голова сидящего, как бы во сне, склонилась на грудь, край капюшона закрывал лицо.

Эльронд остановился у молчащей фигуры.

— Пробудись, мой маленький друг! — с улыбкой проговорил он. Потом, повернувшись к Фродо, поманил хоббита к себе. — Настал час, о котором

ты так мечтал, Фродо! — сказал он. — Вот друг, которого ты давно потерял!

Тёмная фигура подняла голову, и лицо её открылось.

— Бильбо! — вскрикнул Фродо, бросаясь вперед.

— Привет, Фродо, малыш! — сказал Бильбо. — Так ты всё-таки добрался сюда. Я знал, что тебе это удастся. Что ж, что ж! И весь этот пир, слыхал я, был устроен в твою честь. Ты повеселился, надеюсь?

— Почему тебя не было там? — воскликнул Фродо. — И почему мне сразу не дали повидаться с тобой?

— Потому, что ты спал. Я-то давно тебя повидал. Каждый день сидел с Сэмом у твоей постели. А что до пира — меня такие вещи теперь не очень интересуют. У меня были другие дела.

— Что же ты делал?

— Сидел и размышлял. Я теперь часто этим занимаюсь, а здесь самое лучшее для этого место. Пробудись, скажите на милость! — проворчал он, покосившись на Эльронда — и глаза у него были вовсе не сонные. — Пробудись!.. Я не спал, досточтимый Эльронд. Вы отпировали слишком быстро и помешали мне — а я как раз сочинял

песню. Оставалось всего две-три строки, и я думал над ними; но теперь-то уж я, наверное, никогда её не закончу. Тут будет столько песен, что все мысли мигом вылетят из головы. Придётся просить помощи у моего друга Дунадана… Кстати — где он?

Эльронд рассмеялся.

— Мы отыщем его, — пообещал он. — Тогда вы вдвоем уйдёте в уголок и закончите твою песню, а мы послушаем и оценим её в конце празднества.

Несколько эльфов отправилось искать друга Бильбо, хотя никто не знал ни где он, ни почему не был на пиру. Пока же Бильбо и Фродо сидели рядом (Сэм устроился на полу у их ног) и тихо разговаривали, забыв о музыке и веселье вокруг. Бильбо почти нечего было рассказать. Покинув Хоббитон, он бесцельно брёл по Тракту или сходил с него и углублялся в пустоши; но в конце концов всё-таки дошел до Светлояра.

— Я добрался сюда без особых приключений, — сказал он. — И, отдохнув, пошел с гномами в Дол: в последний Поход. Больше я путешествовать не буду. Старина Балин сгинул. Потом я вернулся сюда, и с тех пор живу здесь. Занимаюсь тем да сем. Написал ещё несколько глав Книги. Придумал парочку песен. Эльфы их иногда поют — думаю,

просто, чтобы доставить мне удовольствие: их собственные песни куда лучше. И, конечно, слушаю и размышляю. Время здесь вроде бы никуда не идёт — взяло и остановилось. Дивное место.

До меня доходит множество новостей — из-за Гор, с Юга — но почти ничего из Края. Я, конечно, слыхал о Кольце. Гэндальф часто бывал здесь. Не то, чтобы он мне много рассказывал — в последние годы он сделался очень скрытным. Куда больше я узнал от Дунадана. Подумать, что от моего кольца всем столько хлопот!.. Жаль, Гэндальф поздно во всем разобрался… Я мог бы сам принести его сюда давным-давно, и без всяких тревог. Даже и подумывал несколько раз вернуться за ним; но я стал старым, и они меня не пустили — Гэндальф и Эльронд, хочу я сказать. Они, кажется, думают, что Враг повсюду меня ищет, и ежели поймает — так непременно котлету из меня сделает. А Гэндальф ещё и сказал: «Кольцо уже не твоё, Бильбо. Ни тебе, ни другим не станет лучше, если ты снова попытаешься влезть в это дело». Вполне в духе Гэндальфа! Но он обещал присмотреть за тобой, и я оставил всё как есть. Я ужасно рад видеть тебя целым и невредимым. — Он остановился и, колеблясь, посмотрел на Фродо. — Оно с тобой? — шепотом спросил он. — Мне, знаешь,

очень хочется взглянуть на него — после всего, что я слышал…

— Со мной, — со странной неохотой выговорил Фродо. — Оно совсем такое же, как было.

— И всё-таки мне очень хочется его увидеть, хоть на минуту, — настойчиво повторил Бильбо.

Одеваясь, Фродо обнаружил, что, пока он спал, кто-то повесил Кольцо ему на шею на новой цепочке — тонкой, но прочной. Он медленно вытащил его. Бильбо протянул руку. Но Фродо быстро отдёрнул Кольцо. Бильбо исчез; будто пелена упала меж ними — и сквозь неё виднелся уродливый карлик с жадным лицом и костистыми загребущими лапами. Фродо захотелось ударить его.

Музыка вдруг точно споткнулась; наступала полная тишь. Бильбо быстро взглянул на Фродо и провел рукой по глазам.

— Теперь я понимаю, — сказал он. — Убери его! И прости: прости за это бремя… прости за всё. Неужто Приключения никогда не кончаются?! Наверное, нет. Кто-то другой всегда продолжает рассказ… Тут уж, видно, ничего не поделаешь. Стоит ли мне пытаться кончать мою книгу, хотел бы я знать?.. Но к чему сейчас думать об этом?.. Фродо! Расскажи мне о Крае, малыш!

***

Фродо спрятал Кольцо — и тень развеялась. Вокруг снова были свет и радость Светлояра. Бильбо улыбался и счастливо хохотал. Каждая новость из Края, рассказанная Фродо и дополненная Сэмом, была ему интересна — от гибели дерева до проделок хоббитят. Они так погрузились в дела Четырёх Уделов, что не заметили, как к ним подошёл человек в тёмно-зелёных одеждах. Он долго с улыбкой смотрел на них сверху вниз — пока Бильбо вдруг не поднял глаз.

— А, вот, наконец, и ты, Дунадан! — воскликнул он.

— Бродник! — сказал Фродо. — Да у тебя куча имён!

— Этого имени я раньше не слышал, — заметил Бильбо. — Почему Бродник?

— Так меня величают в Усаде, — со смехом отозвался Бродник. — Так и ему представили.

— А почему Дунадан? — спросил Фродо.

— Его часто зовут так здесь, — сказал Бильбо. — Но я думал, ты знаешь эльфийский. Ну-ка, вспомни: дун-адан — Западный Рыцарь, нуменорец. Впрочем, теперь не время для уроков! — Он обернулся к Броднику. — Где ты пропадал, мой

друг? И почему не был на пиру? Арвен была там.

Бродник грустно взглянул на Бильбо.

— Знаю, — ответил он. — Но мне часто приходится отказываться от радости. Элладан и Эльрохир неожиданно вернулись из Глухоманья и привезли вести, которые мне необходимо было срочно узнать.

— Ну, а теперь, — проговорил Бильбо, — когда ты их узнал, можешь ты уделить мне несколько минут? Мне очень нужна твоя помощь. Эльронд сказал, эту песню мне петь в конце вечера — а я, как нарочно, застрял. Давай спрячемся в уголок и подумаем вместе!

Бродник улыбнулся.

— Идём! — сказал он. — Что у тебя не выходит?

***

Фродо оказался на время предоставленным самому себе — Сэм заснул. Он был один, и чувствовал себя совсем заброшенным, хотя вокруг собрался народ Светлояра. Но все они молчали, погружённые в музыку и пение, и ни на что больше внимания не обращали. Фродо тоже стал слушать.

Сначала красота напева и сплетающихся слов, хоть он и не очень их понимал, зачаровали его.

Казалось, слова обретают плоть, и видения дальних земель и дивных вещей открылись ему; и тускло освещенный зал обратился золотистой дымкой над пенными морями, вздыхающими за краем земли. Наваждение становилось всё более похожим на сон, пока река текучего золота и серебра не окружила его, слишком необъятная, чтобы понять говор её струй; она стала частью трепещущего воздуха, залила и поглотила его — и он погрузился в её сияние, в глубинное царство сна.

Там он долго бродил в грёзах о музыке, которая была рекой, а потом вдруг сделалась голосом — и Фродо понял, что слушает Бильбо.

Эарендиль был моряком,
Что жил в краю Арверниэн.
Для плаванья лодью он выстроил сам,
Деревьев немало в лесу повалив;
Соткал он ей парус из серебра,
Из серебра же светильни сковал;
Шеей лебяжьей был нос изогнут,
А на знаменах сват дивный сиял.
В сокровищницах ушедших владык
Сыскал он кольчугу себе под стать;

И множество рун покрывали, щит,
Чтоб витязю раны и боли не знать.
Драконов рог стал луком ему,
И чёрных стрел был полон колчан;
В оправленных серебром ножнах
Доблестный меч до поры дремал.
Был адамантовый шлем высок,
Реял над ним белых перьев султан,
А на груди изумрудный орёл
Крылья зелёные распластал.
Под звёздами сумерек и под Луной
Долго скитался он в поисках дня —
И заблудился средь бурных морей,
Путь зачарованный не найдя.
От скрежета Перешейка Льда,
Где мрак лежит на замерзших холмах,
От пустошей, не знавших тепла,
Он лодью поспешно погнал назад.
Но вновь теченье её увлекло,
Воды без звёзд перед ним легли —
— И Запределье открылось ему
Тьмою, где не было видно ни зги.

Гневные ветры швыряли корабль,
Пыль водяная срывалась с валов;
В отчаянье, брызгами ослеплен,
Он был домой повернуть готов.
Тут Эльвинг чайкой слетела к нему,
И ясное пламя пронзило тьму:
Ярче, чем все бриллианты земли,
Горел огонь у нее во лбу.
То Сильмариля был свет благой
И, коронован живою звездой, бестрепетно он повернул лодью,
К Западу парус направив свой.
Тогда из тьмы Предначальных Ночей, из Мира Иного за гранью морей,
Ветер принесся, и на корабль
Дунул могучею грудью своей
Серые волны подняли лодью,
И по давно позабытым морям
Вдаль повлекли — к Благим Берегам,
Куда не ступала нога Людей.
Сквозь Вечную ночь его понесло
По черной, всегда ревущей воде,

Над лигами затонувших краёв,
Что под волны ушли до Начала Дней,
Пока он не услыхал наконец
На берегах у Предела Миров,
Где пенные вечно катятся валы,
Музыки дивной жемчужных рогов.
Безмолвно вдали вставала Гора
Там, где, сумерками закрыт,
Лежал у подножья её Эльдамар.
И странником, избегнувшим Тьмы,
В светлую гавань он вплыл на заре —
В Дом Эльфов, где не увядает трава,
Где воздух пьянит, где, как в бледном стекле,
Под склонами Холма Ильмарин,
У Тириона стобашенных стен,
Долина, мерцанием залита,
Отражена в озёрной воде.
Там отдохнул от похода он,
Внимая музыке неведомых стран,
И слушал предания о чудесах,
И сам на арфе златой играл.

А после, в одеждах белей снегов,
Семеркой факельщиков окружен,
Пройдя через Калакириан,
В Сокрытые Земли один он вошел.
Явился в Чертоги Безвременья он,
Где бессчетные годы в сиянье текут,
Где вечно правит Древнейший Король
На склонах крутых Поднебесной Горы;
Неслыханной речью растёкся он тут,
Об Эльфах и Людях рассказ свой повёл
За Гранию Мира, запретной для тех,
Кто в Сумрачных Землях от века живёт.
А после ему дали новый корабль,
Что был из мифриля и хрусталя,
С высоким носом; но ни весла,
Ни паруса не было в том корабле.
На мачте сребряной живым маяком
И парусом ясным сиял Сильмариль:
Сама Эльберет укрепила его,
Спустившись туда из чертогов своих.
Бессмертьем она одарила его,

Неустающие крылья дала,
Чтоб плавал он вечно в небесных морях,
Перед Луною и Солнцем всходя.
От Вечносущих чертогов благих,
Где тихо фонтаны струят серебро,
Несли его крылья — блуждающий свет взошел под могучей Стеной Мировой.
От Края Земли повернул он прочь,
Желая опять свой увидеть дом —
И вдаль помчался, пронзая ночь
Пылающим ярче звезды огнём
Там, где на Севере тени густы,
Перед рассветом взошла звезда,
Дивным мерцанием тьму поразив,
Душам надежду дала навсегда.
Снова крылами своими взмахнув
Над Средиземьем пронёсся он,
Слыша повсюду горестный плач
Женщин и дев эльфийских стон.
Но Рок могучий на нём лежал:
Плавать, пока не угаснет Луна,

В сферах небесных живою звездой —
К Смертным ему не сойти никогда.
Вестником вечным ему суждено
Быть и нести в небесах над землей
Пламя Надежды для тех, кто внизу
В сумраке путь пролагает свой.

Предание кончилось. Фродо открыл глаза и увидел, что Бильбо сидит на скамье в кругу улыбающихся и хлопающих слушателей.

— Спой её нам снова, — попросил эльф.

Бильбо встал и поклонился.

— Я польщён, Линдир, — сказал он. — Но повторять её всю сначала, право, слишком утомительно.

— Не для тебя, — засмеялась эльфы, — Ты никогда не устаёшь читать свои стихи. Но мы не можем ответить на твой вопрос, услышав песню лишь раз!

— Как! — вскричал Бильбо. — Не можете сказать, какие строфы мои, какие — Дунадана?

— Нам не просто увидеть разницу между Смертными, — сказал эльф.

— Чепуха, Линдир, — проворчал Бильбо. — Если вы не можете отличить Человека от Хоббита — суд ваш хуже, чем мне думалось. Мы различны,

как горох и яблоки.

— Возможно. Одна овца отличается от другой — на их взгляд. — Рассмеялся Линдир. — Или для пастухов. Но мы не пастухи Смертным. У нас другие дела.

— Не буду спорить с тобой, — сказал Бильбо. — Песня была длинной, и я устал. Я оставляю вас; догадывайтесь, если хотите!

Он поднялся и подошёл к Фродо.

— Ну, вот и всё, — тихо проговорил он. — Сошло лучше, чем я ожидал. Нечасто меня просят повторить… Что ты о ней думаешь?

— Догадываться не хочу и пробовать, — улыбнулся Фродо.

— И не надо, — согласился Бильбо. — Кстати сказать, она моя целиком. Арагорн настаивал только, чтобы вставить зелёный камень. Он думает, это важно. Не знаю уж, почему… Он вообще считает всё это не моего ума делом и сказал, что если уж я осмеливаюсь слагать стихи об Эарендиле и доме Эльронда, пусть это будет на моей совести. Я думаю, он прав.

— Не знаю… — задумчиво протянул Фродо. — Мне песня почему-то кажется достойной похвалы, хоть я и не смогу объяснить — почему. Я заснул и пропустил начало, а потом она вдруг

выплыла из сна… Я почти до самого конца не понимал, что это ты поёшь.

— Тут трудно не уснуть с непривычки, — сочувственно кивнул Бильбо. — Хоббитам никогда не полюбить музыку и стихи так, как любят их эльфы… Они, кажется, готовы предпочесть их всему на свете — даже еде. Теперь это надолго. Что ты скажешь, если мы удерём куда-нибудь и спокойно поговорим?

— А можно?

— Конечно. Это же праздник — не дела. Уходи и приходи, только не шуми и не мешай слушать.

Они встали, осторожно отошли в тень и пробрались к дверям. Сэм остался — он крепко спал и улыбался во сне. Не смотря на радость от общения с Бильбо, Фродо ощутил мгновенное сожаление, выходя из Каминного Зала. Как раз когда они были на пороге, чистый голос запел новую песнь.

А Эльберет Гильфониэль,
Силиврен пэнна-мириэль
О мэнэл аглар-эленаф!
На-хайард палан-дириэль
А галадреммин эннораф
Фануилос, ле линнатон
Нэф аэр, си нэф Айарон!

Фродо на миг оглянулся. Эльронд сидел в кресле, и отблески пламени играли на его лице, как летнее солнце в листве. Возле него сидела Арвен. К своему удивлению Фродо увидел рядом с ней Арагорна; его тёмный плащ распахнулся, и на кольчуге под ним мерцала на груди Следопыта звезда. Они беседовали, и вдруг Арвен повернулась и посмотрела на Фродо — и свет её глаз пронзил сердце хоббита.

Он стоял, очарованный — а сладкие звуки эльфийской песни падали чистыми бриллиантами в смешении мелодии и слов.

— Они будут петь ещё долго, — сказал за его спиной Бильбо, — и после этой песни — про Эльберет — запоют о Благословенной Земле… Идём же!

***

Он привёл Фродо в свою комнатку. Она выходила в сад, и из неё видно было глубокое русло Бруинена. Они сидели у окна, глядя на яркие звёзды над крутыми лесистыми склонами, и тихо беседовали. Не о делах Края, не о тёмных тенях и опасностях, что окружали их, а о тех дивных вещах, что видели в мире — эльфах, звёздах, деревьях и ласковой осени под пологом леса.

Наконец раздался стук в дверь, и в щель просунулась голова Сэма Гискри.

— Прошу прощения, — заявил он. — Я пришел узнать, не надо ли вам чего…

— …И сказать, что твоему хозяину пора идти спать, — отозвался Бильбо.

— А что же, сударь, и пора. Завтра, я слышал, Совет рано утром, а он только сегодня встал.

— Ты прав, Сэм, — Бильбо засмеялся. — Можешь бежать и сказать Гэндальфу, что он уже спит. Покойной ночи, Фродо! Так приятно было повидать тебя! Никто, как хоббит, не может поддержать доброй беседы. Я стар, не знаю, смогу ли прочесть твои главы Книги. Покойной ночи! А я пойду, прогуляюсь по саду — хочу взглянуть на Созвездие Эльберет. Хороших тебе снов!

Глава 2
Совет у Эльронда

На другой день Фродо проснулся рано, чувствуя себя свежим и бодрым. Он шел по террасам над гремящим Бруиненом и видел, как бледное стылое солнце поднимается над дальними горами, косо просвечивая тонкий серебристый туман; на желтых листьях блестела роса и нити осенней

паутины мерцали на каждом кусте. Сэм шагал рядом, не говоря ни слова, но глубоко дышал и то и дело удивленно взглядывал на покрытые белым снегом вершины на востоке.

На вырубленной в камне скамье у поворота дорожки они увидели погруженных в беседу Гэндальфа и Бильбо.

— Привет! С добрым утром! — сказал Бильбо. — Ну, как ты? Готов к Большому Совету?

— Готов к чему угодно, — отозвался Фродо. — Но больше всего мне хотелось бы побродить сегодня по долине. Я хочу подняться вон к той сосновой роще, — и он указал вдаль на северный склон Светлояра.

— Сходишь потом — если успеешь, — проговорил Гэндальф. — Пока еще рано строить планы. Нам сегодня надо многое выслушать и решить.

***

Внезапно в их разговор ворвался чистый удар колокола.

— Этот колокол созывает на Совет Эльронда, — Гэндальф поднялся. — Идемте! Вы с Бильбо тоже приглашены.

Фродо и Бильбо поспешили за магом назад к дому по вьющейся тропинке. Позади, непригла-

шенный и на время забытый, трусил Сэм.

Гэндальф привел их на веранду, где вчера вечером Фродо нашел своих друзей. Долину заливал чистый свет осеннего утра. Внизу, в ущелье, глухо ревел бешеный Бруинен. Пели птицы; всепоглощающий покой накрыл земли. Собственный жуткий поход и слухи о растущей над миром тьме казались уже Фродо просто кошмарным сном; но лица, что повернулись им навстречу, были мрачны.

Там был Эльронд и другие члены Совета. Фродо узнал Глорфиндэля и Глоина; в углу одиноко сидел Бродник, снова одетый в старый дорожный плащ. Эльронд указал Фродо на скамью рядом с собой и представил его собравшимся, сказав:

— Вот, друзья мои, хоббит — Фродо, сын Дрого. Немногие добирались сюда сквозь большие опасности или по делу, столь же важному.

Потом он назвал тех, кого Фродо не встречал прежде. Сбоку от Глоина сидел гном помоложе — его сын Гимли. Рядом с Глорфиндэлем расположились советники дома Эльронда во главе с Эрестором; с ними был Галдор, эльф из Серебристой Гавани, посланец Цирдана-Корабела. Был и еще один незнакомый эльф, одетый в зеленовато-коричневое — Леголас, вестник своего

отца Трандуиля, Владыки эльфов Северного Лихолесья. А чуть поодаль сидел высокий человек с красивым благородным лицом, черноволосый и сероглазый, суровый и гордый на вид. Он был одет и обут, как для долгого пути верхом; и действительно, хотя одежды его были богаты, а плащ подбит мехом, их покрывали пятна и грязь нелегкой дороги. На груди его лежало серебряное ожерелье с белым алмазом. Вьющиеся волосы падали на плечи. Большой, оправленный в серебро рог лежал на его коленях. Человек смотрел на Бильбо и Фродо с неожиданным удивлением.

— Это, — сказал Эльронд, поворачиваясь к Гэндальфу, — Боромир, воин с Юга. Он прибыл на рассвете и просит совета. Я предложил ему прийти, ибо здесь он получит ответ на свои вопросы.

***

Нет нужды пересказывать здесь всё, о чем шла речь на Совете. Много было сказало о событиях в мире — особенно на Юге и в пустынных краях к востоку от Мглистого Хребта. Обо всем этом до Фродо уже доходили слухи; но рассказ Глоина был ему внове и, когда заговорил гном, он стал слушать внимательней.

— Много лет назад, — сказал Глоин, — смутная

тень беспокойства объяла мой народ. Откуда она взялась, мы сперва не поняли. Поползли слухи, тайные шепоты: говорили, что мы заперлись в тупике, а за ним, в мире, лежат богатства и слава. Кое-кто вспомнил о Мории — могучем царстве наших отцов, которое мы зовем Казад-Дум; они заявляли, что теперь у нас, наконец, есть силы вернуться туда — Глоин вздохнул. — Мория! Мория! Чудо Северного мира! Слишком глубоко зарылись Дети Дарина — и разбудили Безымянный Ужас. Давным-давно опустели ее жилые яруса. Но теперь мы снова говорим о ней с тоской — и страхом, ибо долгие века ни один гном не решался войти в Ворота Казад-Дума, кроме Трора — и он пал. Наконец про это услышал Балин и решил идти; и, хотя Даин отпускал его с неохотой, он сманил с собой Ори и Оина, и многих других, и они ушли на юг.

С тех пор минуло около тридцати лет. Сначала приходили вести, и они были радостными: Мория оказалась свободной, говорили гонцы, и там начата большая работа. Потом наступило молчание, и с тех пор мы не получили из Мории ни слова.

А около года назад к Даину явился посланец, но не из Мории — из Мордора: он приехал ночью и

вызвал Даина к воротам. Саурон Великий, сказал он, ищет нашей дружбы. И он готов, как в древности, дать нам Кольца. А ему надобно знать все о хоббитах — что они за народ и где живут. «Ибо Саурону известно, — сказал посол, — что одного из них вы некогда знали».

Мы были очень встревожены и не ответили. Тогда, понизив голос, посол проговорил сладко, как только мог: «Саурон просит этого лишь как знака вашей дружбы. Он надеется, что вы найдете ему того вора — именно так он и сказал, — и отнимете у него маленькое колечко, ничтожнейшее из всех, которое ничего не стоит и которое он некогда украл. Эту безделку Саурон надеется получить от вас в доказательство вашего дружелюбия. Сделайте это — и Три Кольца, утраченные вами, вернутся к вам, и Морийское Царство станет вашим навек. Сыщите только вести об этом воре — жив ли он еще, и где живет — и вы получите от Властелина немалую награду и его вечную благодарность. Откажитесь — и все может кончиться куда хуже… Вы отказываетесь?»

Тут он зашипел, как змея, и все, кто был на воротах, содрогнулись. Но Даин сказал:

«Я не скажу ни да, ни нет. Мне надо обдумать это предложение — так ли оно хорошо, как ка-

жется».

«Но не думай слишком долго», — сказал посол.

«Я волен над своим временем», — сказал Даин.

«Пока волен», — сказал тот и ускакал в ночь.

С той ночи тяжесть легла на сердца наших старшин. Нам не нужно было слышать жуткий голос посла, чтобы понять, что речь его скрывала обман и угрозу; ибо мы знали уже, что Сила, воспрянувшая в Мордоре, не изменилась — а она издревле предавала нас. Посланец возвращался дважды — и дважды уезжал ни с чем. Третий, и последний раз, сказал он, настанет скоро — до исхода этого года.

Вот почему Даин послал меня предупредить Бильбо, что Враг разыскивает его, и узнать, если возможно, почему он так жаждет получить это Кольцо — ничтожнейшее из всех. А еще — мы просим у Эльронда совета. Ибо Завеса Тьмы ширится и нависла над нами. Мы узнали, что посланец приезжал и к Герцогу Бранду в Дол — и что он испуган. Мы боимся, что он не устоит. Война подошла уже к его восточным границам. Если мы не дадим ответа, Враг может двинуть подвластные ему народы в атаку на Герцога Бранда — и на Даина.

— Ты хорошо сделал, что пришел, — сказал

Эльронд. — То, что ты сегодня услышишь, раскроет тебе цели Врага. У вас нет иного пути, кроме борьбы — с надеждой или без. Но вы будете не одни. Ты узнаешь, что ваша беда — не более, чем часть беды всего западного мира. Кольцо! Что делать с этим Кольцом, которое ничего не стоит? Решить этот вопрос призваны вы сюда.

Я сказал призваны — но я не призывал вас, пришельцы из дальних краев. Вы пришли сами и встретились здесь — случайно, как может показаться. Однако это не так. Вы пришли вовремя — и значит, лишь нам, тем, кто сидит здесь, и никому другому, суждено найти ныне выход из опасности, нависшей над миром.

Пришло время открыто говорить о том, что до сего дня было знанием немногих. И начать следует с Повести о Кольце, чтобы вы поняли, в чем опасность. Я начну рассказ; закончат его другие.

***

Ясным голосом повел Эльронд рассказ о Сауроне и Кольцах Власти, откованных во Вторую Эпоху. Часть этого предания была известна некоторым, полностью же ее не знал никто, и все глаза обратились на Эльронда в страхе и удивлении, когда он говорил об эльфах-кузнецах Падуби

и их дружбе с Морией, и об их жажде знания, которой воспользовался Саурон. Ибо в ту пору он еще не выглядел лиходеем, и эльфы приняли его помощь и стали небывало искусны в ремеслах, а он вызнал все их секреты и тайно отковал в сердце Огненной Горы Кольцо Всевластья, чтобы покорить их. Но эльф Келебримбор узнал об этом, и успел спрятать Три откованных им Кольца — и разразилась война, и земли пришли в запустение, и Врата Мории захлопнулись.

Все последующие годы он следил за Кольцом; но, так как историю эту можно узнать и в другом месте — Эльронд сам занес ее в Книги Знаний — то пересказывать ее здесь нет нужды. Ибо это долгая повесть, полная деяний великих и ужасных, и, хотя Эльронд говорил коротко, солнце вползло на небо и утро миновало, прежде чем он кончил.

Он говорил о Нуменоре, его славе и падении, и о том, как Короли Людей вернулись, возрожденные Морем, в Средиземье. А потом Элендиль Высокий и его могучие сыновья, Исильдур с Анарионом, стали великими властителями; и они основали княжество Арнор на Севере и княжество Гондор на Юге, за устьем Андуина. Но Саурон напал на них, и тогда был заключен Последний

Союз Людей и Эльфов, и объединенная дружина Гиль-Галада и Элендиля собралась в Арноре. Тут Эльронд на миг остановился и вздохнул.

— Я хорошо помню величие их знамен, — проговорил он. — Они напомнили мне славу Предначальной Эпохи и рати Белерианда, так много людей и полководцев собралось там. И все же не столько, и не таких прекрасных, как когда пал Тангородрим и эльфы решили, что со злом покончено навек — и ошиблись.

— Напомнили тебе?.. — в удивлении Фродо заговорил вслух. — Но я думал… — пробормотал он, когда Эльронд повернулся к нему, — я думал… что Гиль-Галад… он ведь погиб давным-давно?..

— Ты прав, — серьезно ответил Эльронд, — и все же я хорошо все помню. Отцом моим был Эарендиль из тайного поселения Гондолин, а матерью — Эльвинг, дочь Диора, сына Лутиэн из Дориафа. На моей памяти три Эпохи Западного мира, и много гибельных поражений, и бесполезных побед.

Я был глашатаем Гиль-Галада и шел с его дружиной. Я участвовал в Битве на Ратном Поле у Врат Мордора, где был опрокинут Враг: ибо копью Гиль-Галада, Айглосу, и мечу Элендиля, Нарсилю, не нашлось равных. Я видел последний бой на

склонах Ородруина, где погиб Гиль-Галад и пал Элендиль, сломав свой меч о шлемы врагов; а сам Саурон был повержен Исильдуром, который отсек у него палец с Кольцом обломком отцовского меча и взял Кольцо себе.

Тут Боромир прервал его.

— Так вот что случилось с Кольцом! — вскричал он. — Если это предание и знали когда-нибудь на Юге, то забыли давным-давно. Я слышал о Великом Кольце Того, кого мы не называем; но мы считали, что оно сгинуло в развалинах Его первого царства. Исильдур завладел им! Это поистине новость!

— Увы! Да, — сказал Эльронд. — Исильдур завладел им, чего не должно было случиться. Оно должно было быть брошено в огонь Ородруина, где некогда было отковано. Но немногие видели то, что сделал Исильдур. Он один стоял над телом своего отца; а от дружины Гиль-Галада остались лишь Цирдан да я. Но Исильдур не пожелал прислушаться к нашим словам.

«Я возьму его, как виру за отца и брата», — сказал он: оно уже было ему дорого. А вскоре оно предало его, и с тех пор зовется на Севере Проклятием Исильдура. Однако, быть может, смерть — лучшее, что могло постигнуть его.

Вести эти достигли лишь севера, но и там известны не многим. Нечего удивляться, что ты не знал их, Боромир. С Ирисной Низины, где пал Исильдур, вернулись лишь трое; одним из них был Охтар, оруженосец Исильдура; он сберег обломки меча Элендиля и принес их Валандилю, наследнику Исильдура — тот был тогда ребенком и оставался в Светлояре. Но Нарсиль был сломан, и свет его угас, и он не перекован и по сей день.

Я назвал нашу победу бесплодной? Точнее было бы назвать ее неполной. Саурон был низвергнут, но бежал. Кольцо пропало, но не было уничтожено. Черный Замок сровняли с землей, но корни его остались, ибо заложены были властью Кольца, а пока не выкорчеваны корни — будет жить зло. Многие эльфы и могучие воины, наши друзья, пали в войне. Анарион и Исильдур погибли; не стало Элендиля и Гиль-Галада. Никогда более не бывать подобному союзу; ибо Людей становится всё больше, а Перворожденных — всё меньше, и два наших рода все более отдаляются друг от друга. Народ же Нуменора пришел в упадок, и срок его жизни уменьшился.

На Севере после войны и резни в Ирисной Низине Западные Рыцари ослабели, и их город Аннуминос у озера Сумрак разрушился; и на-

следники Валандиля ушли оттуда и основали Форпост Королей на Северном Нагорье — сейчас его развалины поросли травой. Люди зовут его Форпостом Мертвых и боятся заходить туда. Ибо народ Арнора исчах, и враги истребили его, и владычество его кончилось — остались лишь курганы на зеленых холмах.

На Юге долго существовало княжество Гондор; и слава его росла, напоминая о мощи древнего Нуменора. Народ этот возводил высокие башни, и неприступные крепости, и гавани для многих кораблей; и перед крылатой короной Королей трепетали иные страны. Главным городом княжества был Осгилиаф, Звездная Цитадель, надвое разделенная Андуином. На востоке, на отроге Гор Тьмы, возвели они Минас-Ифиль, или Крепость Восходящей Луны; а на западе, у подножий Белых Гор, встал Минас-Анор — Крепость Заходящего Солнца. Там, во Дворе Струй, цвело Белое Древо, чье семя было привезено из-за Моря Исильдуром; предки этого Древа росли на Заокраинном Западе, в Эрессэа, во дни юности мира.

Но в усталости быстротекущих лет Средиземья род Менельдиля, сына Анариона, угас, и Древо засохло, и кровь нуменорцев смешалась с кровью низших народов. И тогда стражей на стенах Мор-

дора сморил сон, и силы Тьмы прокрались назад в Горгороф. А потом все лихо поднялось разом, и Минас-Ифиль пал, и зловещие твари угнездились в нем, и он стал зваться Минас-Моргулом, Крепостью Злобных Чар; а Минас-Анор зовется теперь Минас-Тирифом, Крепостью-Стражем, и два эти города вечно в войне, а Осгилиаф, лежащий меж ними, разорен и населен призраками.

Так продолжается много лет. Но Князья-Правители Минас-Тирифа по-прежнему борются, сопротивляясь врагам, удерживая участок Реки от Аргоната до Моря. На этом моя часть рассказа закончится. Ибо во дни Исильдура Кольцо Всевластья сгинуло, и Три были свободны от его власти. А сейчас опасность возродилась; к нашей великой печали Кольцо нашлось. О том, как это случилось, расскажут другие: я почти не участвовал в тех событиях.

***

Он умолк — но тут же вскочил Боромир, высокий и гордый.

— Позволь мне, Владыка Эльронд, — проговорил он, — поведать вам больше о Гондоре, ибо именно оттуда пришел я. И неплохо бы всем узнать, что там происходит. Ибо немногие,

мнится мне, знают о наших делах — и не задумываются, какая опасность ждет их, если мы в конце концов падем.

Не верьте, что в Гондоре кровь нуменорцев иссякла, а их гордость и достоинство забыты. Мы одни защищаем Запад, сдерживая напор моргульских орд; доблесть наша — щит вашего мира и покоя. Но если переправы через Андуин будут потеряны — что тогда?

А час этот, быть может, не так уж далек. Безымянный Враг воспрянул. Роковая Гора, проклятый Ородруин, снова дымится. Сила Царства Тьмы растет, мы осаждены. Когда Враг вернулся — нас выбили из Ифилиэна, наших исконных владений на восточном берегу Реки, хотя у нас были там и заставы, и войско. Но в этом году, в июне, внезапная атака обрушилась на нас — и мы отступили. Наших сил не хватило, ибо Мордор заключил союз с вастаками и жестокими харадримцами; но отступить нас заставило не их превосходство. Мы столкнулись с Силой, прежде неведомой.

Кое-кто видел огромного черного всадника, темную тень под луной. Где бы он ни появлялся — враги впадали в неистовство, а у храбрейших наших воинов оружие выпадало из рук от страха, и кони уносили их. Из восточного гарнизона в

Город вернулась лишь горстка, едва успев разрушить за собой мосты, все еще соединявшие Осгилиаф с тем берегом.

Я был в отряде, оборонявшем мост, пока он не рухнул позади нас. Лишь четверо спаслись вплавь: мой брат, я сам и еще двое воинов. Но мы все еще боремся, удерживая западные берега Андуина, и те, кого мы укрыли, воздают нам славу, если слышат о нас: большую славу, но малую помощь. Только воины Роханда приходят сегодня на наш зов.

В этот лихой час сквозь много бедственных лиг я примчался к Эльронду по неотложному делу: сто и еще девять дней был я в пути.

Однако я ищу не союзников в войне. Могущество Эльронда — в его мудрости, а не в оружии. Я пришел просить совета и объяснения загадочных слов. Ибо в канун внезапной атаки моему брату приснился тревожный сон; и после часто виделся и ему, и мне.

Мне виделось: восточное небо потемнело и грянул гром, но на западе по-прежнему сиял бледный свет — и оттуда раздался голос, негромкий, но ясный:

Меч-что-был-Сломан найти сумей,

Он — Имладриса дар.
Там соберется Совет сильней
Злобных моргульских чар.
Там ты узнаешь, что час грядет,
Проклятие ожило;
И Полуросли́к, шагнув вперед,
Отважно примет его.

Этих слов мы не поняли и обратились к отцу, Дэнэтору, Князю-Правителю Минас-Тирифа, мудрейшему из книгознатцев Гондора. Но и он смог сказать только одно: что Имладрисом эльфы называли в древности дальнюю северную долину, где живет мудрейший из мудрых — Эльронд Эльфид. Поэтому мой брат, видя, как велика наша нужда, пожелал послушаться сна и отправиться искать Имладрис; но так как путь был неведом и опасен, я взял миссию на себя. Неохотно отпускал меня отец, и долго блуждал я забытыми тропами, ища замок Эльронда, о котором многие слышали, но немногие могли указать путь к нему.

— И здесь, в замке Эльронда, тебе многое станет ясно, — сказал, поднимаясь, Арагорн. Он положил свой меч на стол, что стоял перед Эльрондом — клинок был рассечен надвое. — Вот Меч, что был Сломан! — воскликнул он.

— Кто ты, и что связывает тебя с Минас-Тирифом? — спросил Боромир, в удивлении глядя на худое лицо Следопыта и его видавший виды плащ.

— Он Арагорн, сын Арафорна, — ответил ему Эльронд. — И по прямой линии наследник Исильдура, сына Элендиля. Он вождь северян-дунаданов; немногие остались ныне от этого народа.

— Значит, оно принадлежит тебе?! — вскричал Фродо, вскакивая.

— Оно не принадлежит ни мне, ни тебе, — спокойно проговорил Арагорн. — Однако хранить его суждено тебе.

— Покажи Кольцо, Фродо! — торжественно произнес Гэндальф. — Время пришло. Подними его — и пусть Боромир увидит ответ на свою загадку.

Пронесся шумок, и все глаза обратились к Фродо. Ему вдруг стало стыдно и страшно; он чувствовал, что не хочет ни показывать Кольцо, ни даже просто касаться его — и пожелал оказаться далеко-далеко. Кольцо мерцало и взблескивало, когда он поднял его на дрожащей ладони.

— Узрите Проклятие Исильдура! — сказал Эльронд.

Глаза Боромира вспыхнули, когда он увидел

золотую вещицу.

— Полурослик! — потрясенно пробормотал он. — Значит, близок последний час Минас-Тирифа? Но тогда зачем нам сломанный меч?..

— В пророчестве не говорилось о последнем часе Минас-Тирифа, — отозвался Арагорн. — Но час и правда близок, а с ним — и великие подвиги. Ибо Меч, что был Сломан — меч Элендиля, что сломался, когда он пал. Меч этот хранился его наследниками, как величайшее сокровище, когда все остальные реликвии были утрачены; ибо в древности было предсказано, что он будет перекован, когда найдется Проклятие Исильдура. Теперь ты видел меч, который искал — так о чем ты просишь? Хочешь ли ты, чтобы род Элендиля возвратился в Гондор?

— Я пришел сюда не за благодеянием — за разгадкой, — гордо ответил Боромир. — Однако нас теснят, и меч Элендиля мог бы стать большим подспорьем в нашей борьбе — если только то, что сгинуло давным-давно, может возродиться. — Он с сомнением взглянул на Арагорна.

Бильбо нетерпеливо дернулся. Недоверие к другу раздражало его. Внезапно он вскочил и выпалил:

Золота блеск — не золото суть,

Сгинувший — не пропал,
Древний огонь зиме не задуть,
Не зарастет тропа.
Тьмою бредущий — не одинок,
Пепел грядет костром.
Станет мечом разбитый клинок,
Нищий взойдет на трон.

— Не очень они складны, быть может, зато к месту — если тебе мало слов Эльронда. Ежели ради этого стоило скакать сто и еще десять дней — что ж, выслушай, пожалуй, — он фыркнул и сел. «Я написал его сам, — шепнул он Фродо, — для Дунадана — когда он впервые поведал мне о себе. Мне с тех пор почти хочется, чтобы приключение мое не кончалось и я мог пойти с ним, когда придет его час».

Арагорн улыбнулся ему, потом вновь повернулся к Боромиру.

— Я прощаю твои сомнения, — сказал он. — Мне ли не знать, что я ничуть не похож на каменные изваяния Элендиля и Исильдура, которые украшают залы дворца Дэнэтора. Я наследник Исильдура, а не сам Исильдур. Я прожил трудную и долгую жизнь; и лиги, что лежат между Светлояром и Гондором — малая толика пройденных

мною лиг. Я переходил многие горы и многие реки и исходил много равнин — бывал даже в Хараде и за Восточным Морем: там светят иные звезды.

Но дом мой, каков бы он ни был — на Севере. Ибо именно здесь долгой, непрерывной чередой передавалась от отца к сыну кровь Валандиля. Тьма сгущалась, и род угасал; но всегда Меч Элендиля переходил от отца к сыну. И вот еще что скажу я тебе, Боромир, прежде, чем кончу: мы, Следопыты, одинокий народ — бродяги и охотники; но охотимся мы за слугами Врага — ибо те живут не только в Мордоре.

И если Гондор, Боромир, был неприступной крепостью — мы играли иную роль. Есть много злых сил, которых не остановить ни крепкими стенами, ни острыми мечами. Вы почти ничего не знаете о краях, лежащих вне ваших границ. Мир и покой, сказал ты? Север не знал бы их, если б не мы. Страх сковал бы всё. Но когда из липких болот и мрачных лесов выползают зловещие прислужники Тьмы — их неизменно встречают Следопыты, и они отступают за Изгарные Горы. Кто рискнул бы отправиться в путь, какой покой был бы в мирных жилищах, если бы дунаданы дремали или сошли в могилу?

А мы не требуем благодарности. Путники косятся на нас, простой люд презрительно отворачивается. Совсем недавно один толстяк, живущий рядом с такими существами, что знай он о них, сердце его замёрзло бы от страха, назвал меня Бродником. Однако нам не надо иного. Если люди избавлены от забот и страхов, они наивны и беспомощны — а мы должны тайно оберегать их. Это и было делом моего народа с тех пор, как длится жизнь и растет трава.

Но сейчас мир меняется вновь. Час близок. Проклятие Исильдура нашлось. Грядет великая битва. Меч будет перекован. Я приду в Минас-Тириф.

— Проклятие Исильдура нашлось, говоришь ты, — задумчиво протянул Боромир, — а я видел лишь блестящее колечко в руке Полуруслика; но, говорят, Исильдур погиб до начала нашей Эпохи. Так почему Мудрые уверены, что это кольцо — его? И где скрывалось оно все эти долгие годы, пока не пришло сюда со столь странным посланцем?

— Об этом речь впереди, — сказал Эльронд.

— Но не сейчас ведь, досточтимый Эльронд? — умоляюще взглянул на хозяина Бильбо. — Солнце близится к полудню, и мне просто необходимо

чем-нибудь подкрепиться.

— Я еще не просил тебя говорить, — с улыбкой сказал Эльронд. — Но сейчас прошу. Ну же! Поведай нам свою историю. И если ты еще не изложил ее стихами — мы примиримся с прозой. Чем скорей расскажешь — тем скорей подкрепишься.

— Очень хорошо, — согласился Бильбо. — Но теперь я расскажу истинную историю, и если кто-нибудь слышал от меня другую, — он покосился на Глоина, — пусть постарается забыть ее и простить меня. Очень уж мне тогда хотелось сделать сокровище своим и избавиться от клички вора… Но с тех пор я многое понял. Вот как всё было.

Кое-кому рассказ Бильбо был внове, и они с изумлением слушали, как старый хоббит вспоминает свою встречу с Голлумом. Он не пропустил ни одной загадки. Он с удовольствием рассказал бы и о последнем Угощении, и о своем уходе — если б ему дали — но Эльронд поднял руку.

— Рассказ был хорош, мой друг, — сказал он, — но сейчас нам довольно знать, что Кольцо перешло к Фродо. Пусть он продолжит повесть!

Тогда, куда менее охотно, чем Бильбо, Фродо рассказал обо всем, что случилось с тех пор, как Кольцо досталось ему на хранение. Его подробно расспрашивали о походе от Хоббитона до Пере-

правы через Бруинен и внимательно выслушали и обсудили все, что он смог припомнить про Черных Всадников. Наконец он снова сел.

— Неплохо, неплохо, — одобрительно кивнул ему Бильбо. — Славная вышла бы история, если бы тебя то и дело не прерывали... Я тут записал кое-что, но потом нам надо будет вместе просмотреть эти заметки — я хочу записать это. Здесь столько всего наговорили до тебя, не знаю, как и разберусь.

— Да, долгая вышла история, — отозвался Фродо. — И все-таки она, по-моему, еще не полная. Мне, например, очень бы хотелось узнать про Гэндальфа.

Эльф Галдор из Серебристой Гавани, сидевший рядом, услыхал его.

— Ты сказал за меня! — воскликнул он и обратился к Эльронду. — У Мудрых, должно быть, есть веские причины считать находку Полуслика Великим Кольцом, хотя тем, кто знает меньше, оно и не кажется таковым. Но разве не можем мы узнать этих причин? И еще вопрос: что с Саруманом? Он долгие годы изучал Кольца — однако его нет среди нас. Каков был бы его совет, знай он все, что узнали мы?

— Твои вопросы, Галдор, связаны друг с дру-

гом, — проговорил Эльронд. — Я помню о них, и ты получишь ответ. Однако отвечать тебе — дело Гэндальфа. И я прошу его высказаться последним, ибо это почетное право, а он в этом деле — глава всего.

— Ты не связал воедино то, что услышал, Галдор, — медленно заговорил Гэндальф. — Не то понял бы, что вести Глоина и погоня за Фродо доказывают: находка Полуслика — огромная ценность для Врага. А Полуслик нашел Кольцо. Что дальше? Девять Колец — у Назгулов. Семь — украдены или истреблены (Глоин дернулся, но ничего не сказал). — О Трех нам известно. Так что же это за кольцо, которое так Ему нужно?

Поистине велика пропасть, лежащая меж Рекой и Горой, потерей и находкой. Но эта пропасть в знаниях Мудрых наконец заполняется. Однако слишком медленно. Ибо Враг близко — ближе даже, чем я опасался. И хорошо, что только в этом году, этим самым летом, узнал он всю правду.

Кое-кто здесь, быть может, припомнит, что много лет назад я рискнул тайно проникнуть в Дол-Гулдур, к Чародею — и обнаружил, что это Саурон, наш исконный Враг; он, наконец, снова обрел плоть и силу. Кое-кто, быть может, припомнит и то, что Саруман отсоветовал нам

тогда открыто воевать его, и долгие годы мы лишь наблюдали. Но в конце концов, когда тучи сгустились, Саруман подался на уговоры, и Совет Светлых Сил выбил Врага из Лихолесья — это случилось в тот самый год, когда нашлось Кольцо; странное совпадение, едва ли случайное.

Но мы опоздали, как и предвидел Эльронд. Саурон тоже следил за нами, и хорошо подготовился к нашему удару, издали управляя Мордором через Минас-Моргул, где жили его Девять Прислужников.

Когда все было готово, он сделал вид, что отступает перед нами, но бегство было ложным — вскоре он утвердился в Черном Замке и открыто заявил о себе. Тогда в последний раз собрался Совет; ибо теперь мы знали, что более всего он жаждет найти Кольцо. Мы боялись, что ему стадо известно о нем нечто новое, чего мы еще не знаем. Но Саруман сказал: нет, и повторил, как раньше, что Кольцо сгинуло навек.

«Самое большее, — сказал он, — Враг мог прознать, что у нас его нет и что оно до сих пор не найдено. То что потеряно, может найтись, — так думает он. Не бойтесь! Надежда обманет его. Разве не изучал я этого долгие годы? Кольцо упало в Андуин; и давным-давно Река унесла его в Море.

Там ему и лежать до скончания века».

***

Гэндальф умолк, глядя на восток, на дальние тени Мглистых Гор, у корней которых так долго таилась великая опасность. Он вздохнул.

— Это моя вина, — сказал он. — Меня убаюкали слова Сарумана Мудрого; но я должен был раньше догадаться, где правда — и опасность, грозящая нам сегодня, была бы меньше.

— Это вина всех нас, — возразил Эльронд. — И если бы не твоя бдительность, Черный Прилив, быть может, уже затопил бы мир. Но продолжай!

— С самого начала сердце мое чуяло беду — несмотря на все, что я знал, — сказал Гэндальф. — Мне очень хотелось знать, как попала эта вещь к Голлуму и долго ли он владел ею. Поэтому я стал следить за ним, догадываясь, что рано или поздно — а он вылезет из подгорной тьмы искать свое сокровище. Он и выполз, но удрал, и найти его я не смог. И тогда — увы! — я оставил все, как есть, и выжидал и наблюдал, как мы поступали слишком часто.

Проходило время, проходили заботы — и сомнения мои вдруг обратились в страх. Откуда взялось кольцо хоббита? Что делать с ним, если

подозрения мои верны? Все это я должен решить. Но я ни с кем не говорил о своих страхах, сознавая опасность несвоевременных слов. В долгих войнах с Черным Замком предательство было нашим главным врагом.

Это было семнадцать лет назад. Вскоре я узнал, что множество шпионов, даже звери и птицы, стекаются к границам Края и опасения мои возросли. Я призвал на помощь дунаданов и открыл сердце Арагорну, наследнику Исильдура.

— А я, — вставил Арагорн, — посоветовал прежде всего найти Голлума, хоть и могло показаться, что делать это поздно. И так как наследник Исильдура должен искупить вину Исильдура, я отправился с Гэндальфом на долгие безнадежные поиски.

Затем Гэндальф поведал, как они исходили все Глухоманье, до самых Гор Тьмы и границ Мордора.

— Там мы застали слухи о нем, и решили, что он все еще живет в темных холмах; но мы его не нашли, и в конце концов я отчаялся. И в отчаянье подумал о проверке, которая сделала бы поимку Голлума ненужной. Кольцо само должно рассказать мне о себе. Я вспомнил слова Сарумана на Совете — тогда я почти не обратил на них внима-

ния. Сейчас они ясно зазвучали в ушах:

«Девять, Семь и Три, — сказал он тогда, — имеют каждое свой камень. Не то — Кольцо Всевластья. Оно круглое и совсем простое, но тот, кто его отковал, оставил на нем знаки, и тот, у кого достанет мудрости, сможет увидеть и понять их».

Что это за знаки — он не сказал. Кто мог знать это? Тот, кто отковал Кольцо. А Саруман? Как бы ни велики были его знания, у них должен быть источник. Кто, кроме Саурона, держал Кольцо, прежде чем оно пропало? Один только Исильдур.

С этой думой я оставил охоту и поспешил в Гондор. В прошлые лета членов моего Ордена там принимали неплохо, Сарумана же — лучше всех. Он часто гостил у Правителей Города. На сей раз Князь Дэнэтор встретил меня неласково, и с неохотой допустил в свое Хранилище свитков и книг.

«Ежели, как ты говоришь, тебя интересуют лишь древние хроники и основание Города — читай! — сказал он. — Меня же заботит не то, что было, а то, что есть — а есть тьма. Но, если ты не мудрее Сарумана, который долго занимался здесь, ты не найдешь ничего, чего не знал бы я — лучший из книгознатцев Города».

Так сказал Дэнэтор. В его Хранилище лежат свитки, которых теперь не прочесть никому, даже книгознатцам — ибо их языки и письмена неведомы потомкам. И, Боромир, в Минас-Тирифе лежит — непрочитанный, полагаю, — свиток, написанный самим Исильдуром. Потому что Исильдур не ушел на Север сразу после войны, как говорит сказание.

— Северное — быть может, — заметил Боромир. — В Гондоре все знают, что он вернулся в Минас-Анор и некоторое время жил там, наставляя своего племянника Менельдиля, пока не передал ему правление Южным Княжеством. В то время он и посадил последнее семя Белого Древа — в память о брате.

— И тогда же он написал этот свиток, — продолжал Гэндальф. — И об этом, кажется, в Гондоре забыли. Ибо рукопись касается Кольца, и вот что пишет в ней Исильдур:

> «Великое Кольцо станет отныне наследием Северного Княжества, но рассказ о нем останется в Гондоре, где также живут наследники Элендиля, дабы не настало время, когда память о великих событиях потускнеет».

И дальше:

«Оно было раскаленным, когда я впервые взял его, и обожгло мне руку, и я подумал, что ладонь моя никогда не излечится. Однако, пока я пишу, оно остыло и, кажется, стало меньше, хотя не потеряло ни красоты, ни формы своей. И огненные письмена на нем, прежде видимые ясно, теперь потускнели и едва видны. Письмена эти суть буквы эльфов Падуби, ибо в Мордоре никогда не было столь изящных букв; но язык надписи мне незнаком. Полагаю, это язык Царства Тьмы, ибо он мерзок и груб. Какое в них зло, я не знаю; но я переписываю их сюда, дабы они не исчезли навек. Кольцо потеряло, быть может, жар Сауроновой длани, которая была черной и, однако, горела огнем — и Гиль-Галад был сражен; и, возможно, если золото раскалить, надпись возникнет вновь. Но сам я не отважусь на это — я чувствую, что не могу причинить ему вред, оно уже дорого мне, хоть я и заплатил за него дорогой ценой».

Когда я прочитал эти слова, поиски мои окончи-

лись. Ибо переписанная надпись, как и полагал Исильдур, была на языке Мордора.

А то, что написано в ней, известно давно. Ибо в день, когда Саурон впервые надел Кольцо Всевластья, Келебримбор, следивший за ним, прочел эти слова, когда он произнес их про себя — и так тайное зло стало явным.

Я сразу же простился с Дэнэтором, но, когда двинулся на север, меня настигла весть из Лориэна: Арагорн прошел там; он нашел тварь по имени Голлум. Поэтому я поспешил встретиться с ним и услышать его рассказ. В каких смертных опасностях он побывал, я не осмеливался и думать.

— Нет никакой нужды говорить о них, — сказал Арагорн. — Тот, кто вынужден бродить у Черных Ворот или в полях цветущих предсмертников в Моргульской Долине, неминуемо встретит опасность. Но и я наконец отчаялся и решил идти домой. И тогда, случайно, я внезапно наткнулся на то, что искал: следы мягких лап на краю грязного озера. След был четок и свеж, и вел не в Мордор, а из него. Я следовал за ним по краю Гиблых Болот, а потом поймал. Прячась у омута, до ночи вглядываясь в темную воду, я поймал его — Голлума. Он весь был покрыт зеленым илом. Боюсь, ему не за что меня любить: он укусил ме-

ня, и я не нежничал. Я не добился от него ничего, кроме оскаленных зубов. Дорога домой была худшей частью похода: я накинул ему петлю на шею и днем и ночью гнал его перед собой с кляпом во рту, пока голод и жажда не укротили его. В конце концов я привел его в Лихолесье и передал эльфам; я рад был избавиться от него: он воняет. Надеюсь, больше мне не придется его видеть; а Гэндальф явился туда и долго с ним беседовал.

— Да, долго и утомительно, — проговорил Гэндальф, — зато с пользой. Во-первых, его рассказ о потере совпадает с тем, что нам сейчас поведал Бильбо; однако это не самое главное, так как я и сам об этом догадывался. Но тогда я впервые узнал, что голлумово Кольцо было найдено в Великой Реке близ Ирисной Низины. И еще я узнал, что владел он им долго — много жизней. Кольцо сделало его бессмертным, а это под силу лишь Кольцу Власти.

А если и это не убедит тебя, Галдор — есть еще одна проверка, о которой я говорил. На этом самом кольце, круглом и, как вы видели, совсем простом, проступают письмена, о которых писал Исильдур — если у кого-либо достанет воли бросить золотую вещицу в огонь. Я сделал это, и вот что прочел:

«Асх назг дурбатулук, асх назг гимбатул, асх назг тхаракатулук агх бурзум-исхи кримпатул».

Голос мага внезапно изменился. Он стал угрожающим, властным, твердым, как камень. Высокое солнце затмилось и веранда на миг потемнела. Все содрогнулась, а эльфы заткнули уши.

— Никогда прежде не звучал этот язык в Имладрисе, Гэндальф Серый, — сказал Эльронд, и тень рассеялась, а Совет перевел дыхание.

— И, будем надеяться, не зазвучит и впредь, — отвечал Гэндальф. — Но я не прошу у тебя прощения, Владыка Эльронд. Ибо если мы не хотим, чтобы язык этот зазвучал вскоре по всему Западу — отбросьте сомнения: кольцо Полуруслика — то самое, которое Мудрые некогда определили как Сокровище Сокровенной Мощи Врага: в нем собрана Его древняя сила. В глуби Черных Лет услышали кузнецы Эрегиона слова этого заклятья — и поняли, что преданы: «Кольцо Одно, чтоб править всеми, кольцо Одно, что б всех найти, Кольцо Одно, чтоб всех сковать и в темноте свести».

Знайте, друзья мои, что я узнал от Голлума много больше. Говорит он неохотно, и речь его смутна, но, без сомнения, он пробрался в Мордор, и там из него вытянули всё, что было ему

известно. Враг знает, что Кольцо Всевластья нашлось, что долгое время оно было в Крае; а так как Кольценосцы проследили его путь почти до наших дверей, Он скоро узнает — если уже не узнал — что мы укрыли его здесь.

***

Все сидели молча, пока наконец не заговорил Боромир.

— Он маленькая тварь, этот Голлум? Маленькая тварь, но большой негодяй. Что с ним сталось?

— Он в тюрьме, — сказал Арагорн. — Просто в тюрьме. Он много страдал. Нет сомнений, что его пытали, и страх перед Сауроном затемнил его душу. И все же я рад, что лесные эльфы зорко следят за ним: злоба его велика и дает ему силы, каких трудно ждать от существа столь худого и древнего. На свободе он все еще может принести много зла. И я не сомневаюсь, что его выпустили из Мордора с какой-то лиходейской целью.

— Увы! Увы! — воскликнул Леголас, и тревога исказила его прекрасное лицо. — Пришла пора рассказать, с чем я был послан сюда. Вести мои плохи, но лишь здесь понял я весь ужас их. Смеаголл, иначе называемый Голлумом, бежал.

— Бежал?! — вскричал Арагорн. — Истинно

лихая весть! Боюсь, всем нам придется горько пожалеть об этом... Как случилось, что эльфы Трандуиля упустили его?

— Не из-за малой бдительности, — ответил Леголас, — но, может быть, по чрезмерной доброте. И мы опасаемся, что ему помогли, а значит — о наших делах известно больше, чем нам бы хотелось. Мы стерегли эту тварь, как нас и просил Гэндальф, день и ночь, хотя это было очень утомительно. Но Гэндальф вселил в нас надежду на его исцеление, и мы не хотели все время держать его в подземной темнице, где черные мысли вернулись бы к нему.

— Обо мне вы так не заботились, — заметил Глоин, и глаза его блеснули — он вспомнил свое заключение в глубинной тюрьме эльфов.

— Тише, тише! — вмешался Гэндальф. — Не перебивай, прошу тебя, добрый мой Глоин! То была печальная ошибка, давно исправленная. Если вытащить на свет все обиды, стоящие меж эльфами и гномами — нам придется прекратить Совет!

Глоин встал и поклонился, и Леголас продолжал:

— Когда стояла хорошая погода, мы выводили Голлума в лес; там, поодаль от других, стояло оди-

нокое дерево, на которое он любил влезать. Мы позволяли ему взбираться на самый верх, а сами сторожили внизу. Однажды он отказался спускаться, и стражи не стали лезть за ним: он умел так вцепляться в ветки, что его было не отодрать; и они засиделись под деревом до глубокой ночи.

В ту самую летнюю ночь — безлунную и беззвездную — на нас нежданно напали орки. Через некоторое время мы обратили их в бегство: их было много и сражались они яростно, но они пришли из-за гор, и лес был им непривычен. Когда битва кончилась, мы увидели, что Голлум бежал, а стражи убиты. Тогда мы поняли, что нападение было затеяно для его спасения, и что он заранее знал о нем. Как это вышло — мы не знаем, но Голлум хитроумен, а у Врага много слуг. Твари, выбитые из леса в год гибели Дракона, вернулись, их даже больше, чем прежде, и Лихолесье вновь стало опасным краем — лишь наши владения свободны от зла.

Голлума нам поймать не удалось. Мы нашли его след среди множества орочьих — он вел на юг. Но вскоре он пропал, и мы прекратили преследование, ибо оказались рядом с Дол-Гулдуром — место это затемнено по сей день. Мы не ходим туда.

— Что ж, бежал так бежал, — сказал Гэндальф. — У нас нет времени снова искать его. Он должен сделать, что должен. Однако роли его в грядущих событиях не сможет предвидеть даже Саурон…

А теперь я отвечу на другие вопросы Галдора. Что с Саруманом? И что он посоветовал бы нам, знай он о нашей нужде? Эту историю мне придется рассказать целиком: до сих пор ее слышал лишь Эльронд, да и то вкратце, а она касается того, что нам надо решить. И пока что глава эта будет последней в Повести о Кольце.

***

В конце июня я был в Крае, но неясная тревога грызла меня, и я поехал на южные границы этой страны; ибо я провидел какую-то опасность, пока скрытую, но близкую. Там меня настигли вести о войне и поражении Гондора, а когда я узнал о Черном Призраке — холод сковал мое сердце. Мне встретилось лишь несколько беглецов с Юга — однако ими владел страх, о котором они говорить не хотели. Тогда я повернул на северо-восток и поехал Зеленым Трактом; и недалеко от Усада наткнулся на путника, сидящего на обочине дороги. Рядом на траве пасся его конь. То был Радагаст

Бурый — он жил тогда в Росной Сторожке близ Лихолесья. Он член моего Ордена, но я не видел его долгие годы.

«Гэндальф! — воскликнул он. — Я искал тебя. Но я чужой в этих местах. Все, что мне известно — что тебя можно найти в стране с неуклюжим названием Украй».

«У тебя верные сведения, — сказал я. — Но хоббиты — народ обидчивый, а граница страны близко. Так что потише про неуклюжие названия. А зачем ты искал меня? Что-то случилось? Ты ведь не путешественник».

«У меня к тебе срочное дело, — сказал он. — Я принес дурные вести. — Он огляделся, будто живые изгороди могли нас подслушать. — Назгулы, — прошептал он. — Девятеро появились снова. Они тайно пересекли Реку и сейчас движутся на запад. Они приняли облик всадников в черном».

Тогда я понял, чего боялся, не зная.

«Врага, должно быть, влечет какая-то нужда или цель, — продолжал Радагаст. — Но что заинтересовало его в этих дальних и диких краях — не знаю».

«О чем ты?» — спросил я.

«Мне сказали, что, куда бы они ни приехали.

Всадники расспрашивают об Украе».

«Крае, — поправил я; но сердце мое упало. Ибо даже Мудрому страшна встреча с Девятью, когда они вместе. Их Предводитель был некогда великим королем и чародеем, а сейчас оружие его — смертельный ужас… — Кто сказал тебе это и кто послал тебя?» — спросил я у Радагаста.

«Саруман Белый, — отвечал тот. — И еще он велел передать, что если тебе нужна помощь — он поможет; но поторопись приехать к нему; не то будет поздно».

Его слова вернули мне надежду. Ибо Саруман Белый — глава нашего Ордена. Радагаст, конечно, очень сильный маг, знаток обличий и перевоплощений; ему подвластны травы и звери, особенно же ревностно служат ему птицы. Но Саруман издавна изучал уловки Врага, и благодаря ему мы часто предвосхищали вражьи удары. План Сарумана помог нам выбить его из Дол-Гулдура. И, быть может, он нашел оружие, которое заставит Девятерых повернуть вспять. «Я поеду к Саруману», — сказал я.

«Тогда езжай сейчас, — отозвался Радагаст. — Я потерял много дней, разыскивая тебя, и времени не осталось. Мне было велено найти тебя до Солнцеворота, а до него рукой подать. Даже если

ты выедешь сейчас же — ты вряд ли успеешь добраться к нему прежде чем Девятеро найдут, что ищут. Прощай, я тотчас возвращаюсь». — Он подозвал коня, сел в седло и собрался ехать.

«Погоди! — удержал я его. — Предупреди всех птиц и зверей: нам может понадобиться их помощь. Пусть приносят вести в Ортханк, Саруману и Гэндальфу».

«Считай, что они предупреждены», — сказал он и поскакал так, будто Девятеро настигали его.

***

Я не мог сразу последовать за ним. Я проехал уже много миль и устал, как мой конь; и мне надо было обдумать случившееся. Ночь я провел в Усаде и к утру решил, что в Край не вернусь. Никогда не совершал я большей ошибки!

Как бы там ни было, я написал Фродо письмо и доверил трактирщику отослать его. Выехал я на рассвете; и долгое время спустя подъезжал к жилищу Сарумана. Это — Исенгард, у южной оконечности Мглистого Хребта, недалеко от Роандийского Прохода. Боромир скажет вам, что это широкая долина между Мглистым Хребтом и северными отрогами Белых Гор. А Исенгардом зовется круг острых скал, стеной ограждающих

долину, в центре которой стоит каменная башня — Ортханк. Назвал ее так не Саруман, а нуменорцы; она древняя, высокая и хранит много тайн; однако выглядит нерукотворной. До нее не добраться, кроме как пройдя круг Исенгарда, а в этом круге всего одни ворота.

Поздним вечером я подъехал к воротам, подобным огромной арке в скальной стене; они охранялись, но стражи ворот ожидали меня и сказали, что Саруман ждет. Я проехал под аркой, и ворота бесшумно закрылись за мной — и я вдруг испугался, хотя причины пугаться вроде бы не было.

Но я подъехал к подножию Ортханка и подошел к лестнице Сарумана; там он встретил меня и провел в зал. На пальце у него было кольцо.

«Итак, ты пришел, Гэндальф», — сказал он мрачно, и в глазах его льдисто плеснул смех.

«Да, пришел, — подтвердил я, — Мне нужна твоя помощь, Саруман Белый».

Титул вдруг рассердил его.

«Помощь, Гэндальф Серый? — издевательски усмехнулся он. — Помощь?.. С каких это пор Гэндальф просит помощи — он ведь так мудр и искусен, он прошел весь мир и почитает своими все дела — касаются они его или нет».

Я смотрел на него и дивился.

«Но если меня не обманули, — сказал я, — то грядущие события потребуют объединения наших сил».

«Может быть, может быть, — сказал он. — Но ты поздно об этом подумал. Сколько времени, хотел бы я знать, скрывал ты от меня, главы Совета, дело столь великой важности? Что же заставило тебя оставить укрывище в Крае?

«Девятеро появились опять, — ответил я. — Они перешли Реку. Так мне сказал Радагаст».

«Радагаст Бурый! — захохотал Саруман, более не скрывая насмешки. — Радагаст-Птичник! Радагаст-Простак! Радагаст-Дурак! Хорошо еще, что у него хватило ума сыграть роль, которую я ему предназначил! Ты здесь — а именно это и было целью моего послания. Здесь ты и останешься, Гэндальф Серый, и отдохнешь от походов. Ибо так хочу я — Саруман Белый, Верховный Властитель Колец и Соцветий!»

Я взглянул на него — и увидел, что одежды его, казавшиеся белыми, переливаются всеми цветами — они мерцали и меняли цвет при каждом его движении.

«Мне больше нравится белый», — заметил я.

«Белый! — насмешливо повторил он. — Он хо-

рош для начала. Белую одежду можно покрасить. Белую страницу — исписать; а белый цвет можно затмить».

«Но тогда он не будет белым, — возразил я. — А тот, кто ломает вещь, чтобы понять ее, сходит с пути мудрости».

«Не говори со мной, как с теми дурнями, которых ты избрал друзьями, — сказал он. — Я призвал тебя не за тем, чтобы выслушивать поучения, но чтобы предложить тебе выбор!»

Он выпрямился и заговорил, будто произнося заранее заготовленную речь:

«Древние Эпохи миновали. Третья кончается. Мы стоим на пороге Новой Эпохи. Время Эльфов прошло, наше же — близко: мир Людей, которым управлять нам. Но нам нужна сила, сила направить их по своей воле к тому благу, которое видно лишь Мудрым.

Слушай же, Гэндальф, мой старый друг и помощник! — Он подошел ко мне и понизил голос. — Я говорю: «Мы» — и это так и будет, если ты присоединишься ко мне. Нарождается новая Сила. Против нее бесполезны старые союзы. Ни на эльфов, ни на гибнущий Нуменор надежды нет. А значит тебе — нам обоим — остался лишь один путь. Мы должны соединиться с этой Си-

лой. Это было бы мудро, Гэндальф. На этом пути — надежда. Победа близка; а тех, кто поможет ей, ждет немалая награда. Когда Сила возрастет — с ней возвысятся и ее друзья; и Мудрые, такие, как ты и я, смогут, проявив терпение, направлять и проверять ее. Мы сможем дождаться своего часа, храня думы в сердце своем, сожалея порой о сотворенном зле, но помня о высших конечных целях: Знании, Власти, Порядке; всём том, к чему мы столь долго и напрасно стремились, окруженные глупыми или слабыми друзьями, что только мешали нам. Цели наши не изменятся — изменятся пути к ним».

«Саруман, — сказал я. — Я и раньше слыхал такие речи — но лишь в устах посланцев Мордора, присланных смущать незнающих. Не думаю, чтобы ты заставил меня проделать столь длинный путь лишь затем, чтобы утомлять мои уши».

Он искоса взглянул на меня и умолк, размышляя. «Что ж, вижу, путь Мудрых не влечет тебя, — сказал он. — Ты отказываешься? Даже если появится лучший путь?» Он подошел и взял меня за руку.

«И почему бы нет, Гэндальф? — прошептал он. — Почему бы нет? Кольцо Всевластья! Если мы завладеем им. Сила будет в наших руках.

Именно поэтому ты здесь. Мне служит немало глаз, и я знаю: тебе известно, где оно. Разве не так? Иначе зачем Всадникам Край, и что делал там ты?» — при этих словах вожделение, которого он не сумел скрыть, мелькнуло в его глазах.

«Саруман, — сказал я, отступая от него. — У Кольца может быть лишь один господин, ты это знаешь не хуже, чем я — а потому не трудись говорить «мы»! Но я не отдам его, нет, я ни слова не скажу о нем тебе — теперь, когда я понял тебя. Ты долгие годы был главой Совета — но, видно, тебе не под силу быть Мудрым. Ты, как я понял, предложил мне выбор — подчиниться Саурону или Саруману. Я не подчинюсь ни тому, ни другому. Полагаю, есть третий путь?»

Теперь он был холоден.

«Да, — сказал он. — Я не ожидал, что ты проявишь мудрость — даже в собственных интересах; но я дал тебе возможность добровольно помочь мне — и тем спастись от волнений и мук. Третий путь — остаться здесь до конца».

«До какого конца?»

«Пока ты не откроешь мне, где спрятано Кольцо. У меня есть средства заставить тебя. Или пока оно не отыщется без твоей помощи, и у Верховного Властителя не появится время подумать о

менее важных делах: решить, например, какой награды заслуживают упрямство и дерзость Гэндальфа Серого».

«Быть может, это будет легче решить, чем сделать», — заметил я. Он рассмеялся мне в лицо, ибо слова мои были лишь словами, и он знал это.

Меня схватили и оставили одного на верхней площадке Ортханка, откуда Саруман обычно наблюдал звезды. Оттуда нет другого спуска, кроме узкой длинной лестницы, и долина была очень далека. Я смотрел на нее — и видел, что, хоть и была она некогда зеленой и прекрасной, теперь ее заполнили шахты и кузни. В стенах Исенгарда живут орки и волколаки: Саруман, соперничая с Сауроном, собирает собственное воинство — значит, подумал я, он еще не служит Ему. Темный пар его трудов поднимался к тучам и завивался вкруг Ортханка. Я стоял один на острове в тучах; надежд на спасение у меня не было, и дни мои были горьки. Мне было холодно, и я мерял шагами маленькую площадку, грустно размышляя о Всадниках, скачущих к северу.

В том, что Девятеро появились на самом деле, я был уверен — и убедили меня не слова Сарумана: он мог и солгать. По дороге в Исенгард я слышал вести, истолковать которые по-иному было бы

невозможно. Страх сжимал мое сердце при мысли о друзьях в Крае; но я продолжал надеяться. Я надеялся, что Фродо выйдет сразу, как получит мое письмо, и доберется до Светлояра прежде, чем по гоня начнется. Но и моя надежда, и мой страх обманули меня. Ибо надеялся я на толстяка в Усаде, а страшился хитроумия Саурона. Но толстый трактирщик позабыл о моей просьбе, а сила Саурона оказалась меньшей, чем делал ее мой страх. Но в круге Исенгарда, пойманному и одинокому, мне тяжко было думать, что охотники, перед которыми все либо отступает, либо погибает, объявятся в далеком Крае.

— Я видел тебя! — не удержался Фродо. — Ты ходил взад-вперед. Луна блестела в твоих волосах.

Гэндальф удивленно остановился и взглянул на него.

— Это был сон, — объяснил Фродо. — Сам не знаю, отчего он мне вдруг вспомнился. Я его совсем уже позабыл… Он мне приснился, когда я из Края ушел.

— Тогда он опоздал, — заметил Гэндальф, — как ты сейчас убедишься. Я был в отчаянном положении; а те, кто меня знают, согласятся, что я редко бывал в такой нужде и нелегко сношу такие несчастья. Гэндальф Серый, пойманный,

как муха, в предательскую сеть! Однако и у самых коварных пауков паутина бывает худой…

Сперва я боялся — а Саруман ясно на это намекал — что Радагаст тоже переродился. Однако я не почуял лиха ни в его голосе, ни в глазах во время нашей встречи. Не то я вообще не поехал бы в Исенгард — или, поехав, был бы настороже. Саруман понимал это и обманул его. Было бы просто нелепо подозревать честнейшего Радагаста в предательстве. Он был чист передо мной — это меня и убедило.

И это же разрушило замысел Саруман. Ибо Радагаст исполнил свое обещание — он поскакал в Лихолесье, где у него издревле немало друзей. А Горные Орлы летают высоко и видят много: они видели и стаи волколаков, и орды орков, и Девятерых Всадников, рыскавших повсюду; и они отправили ко мне гонца.

И однажды на исходе лета, в лунную ночь, к Ортханку, никем не замеченный, подлетел Гваихир Ветробой, быстрейший из Великих Орлов — и нашел меня на башне. Я поговорил с ним, и он унес меня прочь — и прежде чем Саруман снарядил погоню, я был далеко от Исенгарда.

«Далеко ли можешь ты унести меня?» — спросил я Гваихира.

«На много лиг, — отвечал он. — Но не до края земли. Я был послан к тебе гонцом, а не конем».

«Тогда мне понадобится настоящий конь, — сказал я, — и конь быстрый — никогда еще не был я в такой нужде, как теперь».

«Ну, так я отнесу тебя в Эдорас, во дворец князя Роханда, — предложил он. — Такое расстояние для меня ничто».

Я обрадовался, ибо в Роандийской Марке живут Властители Коней, и нигде нет скакунов, подобных их коням.

«Ты думаешь, роандийцам можно верить по-прежнему?» — спросил я Орла, ибо измена Сарумана поколебала меня.

«Говорят, они платят Мордору дань, — сказал он, — ежегодно отсылая туда коней; это именно дань, а не дар союзника: они еще не покорились. Но, если, как ты говоришь, Саруман тоже стал злой силой — им не выстоять».

На рассвете он опустил меня на землю Роханда; здесь долгая часть моего рассказа кончается. Остаток его будет короче. В Роханде зло уже принялось за дело: Саруман опутал этот край ложью и князь не пожелал меня слушать. Он повелел мне взять коня и убираться; и выбор мой его не обрадовал. Я выбрал лучшего из роандийских ска-

кунов, подобного ему мне не доводилось видеть.

— Тогда это должен быть воистину благородный конь, — заметил Арагорн. — И тем более печалит меня весть, что Саурон получает таких коней. Когда я в последний раз был там, роандийцы никому не платили дани.

— Не платят и теперь, — сказал Боромир. — Готов присягнуть в этом. Это все ложь — и идет она от Врага. Мне ли не знать наших верных и доблестных союзников?

— Завеса Тьмы накрыла дальние земли, — отозвался Арагорн. — Под ее тенью переродился Саруман. Роханд осажден. Кто знает, что ты найдешь там, вернувшись?

— Только не это, — сказал Боромир. — Никогда не станут они откупаться конями. Всадники любят их, как своих детей. И они правы: кони Роандийской Марки пришли с лугов Севера, и род их столь же волен и древен, как род их господ.

— Верно! — согласился Гэндальф. — И есть среди них один, что родился, должно быть, на заре мира. Коням Кольценосцев не сравниться с ним: он неутомим и быстр, как несущийся ветер. Его зовут Ночиветром. Днем шкура его блестит серебром, а ночью он подобен тени и невидим. А как легка его поступь! Никто никогда не садился

на него, но я укротил его — и он примчал меня в Край, когда Фродо был у Могильников — а ведь пустились мы в дорогу одновременно: я — из Роханда, он — из Хоббитона.

По пути страх мой рос. Чем дальше на север — тем чаще я слышал о Всадниках, и, хотя я день ото дня нагонял их, они все еще были далеко впереди. Я понял, что они разделились: несколько осталось стеречь восточные границы неподалеку от Зеленого Тракта, другие проникли в Край с юга. Я приехал в Хоббитон — Фродо уже ушел; но я перекинулся парой слов со старым Гискри. Сказал он мне много — но почти ничего по делу. Зато новых владельцев Торбы ругал нещадно.

«Мне в мои годы только перемен не хватает, — ворчал он. — Да еще перемены — то все к худшему». «Всё к худшему», — это он твердил все время.

«Худо» — плохое слово, — сказал я ему. — И, надеюсь, ты не доживешь до него». Но из его ворчания я все же понял, что Фродо ушел меньше недели назад, и черный всадник наведался в Торбу в тот самый вечер. В страхе я поехал дальше. Забрендия гудела ульем и копошилась, как развороченный муравейник. Домик в Балке был разорен и пуст; и на пороге его лежал плащ

— плащ Фродо. Тут надежда оставила меня, и я не стал ничего выяснять (а зря: вести бы меня успокоили), а тут же поспешил по следу Всадников. Это оказалось нелегко: он вел в разные стороны, и я растерялся. Но мне показалось, что один или двое двинулись к Усаду; и я поехал следом, думая, что скажу при встрече трактирщику.

«Ну, держись, Хмель, — думал я, — если в этой задержке виноват ты — я поджарю тебя на медленном огне». Он ничего лучшего и не ожидал и, когда увидел мое лицо, упал на колени и затрясся, как осиновый лист.

— Что ты с ним сделал? — в тревоге воскликнул Фродо. — Он был очень добр к нам и помогал, чем мог.

Гэндальф рассмеялся.

— Не бойся! — сказал он. — Я не тронул его и даже почти не ругал. Такая радость охватила меня, когда он перестал трястись и поведал мне новости, что я заключил старину в объятия. Как это случилось, я тогда не знал, но понял, что ты был в Усаде и ушел этим утром вместе с Бродником.

«С Бродником!» — воскликнул я.

«Да, сударь, боюсь, что так, сударь! — пролепетал Хмель, решив, что рассердил меня еще больше. — Уж как я старался его не пускать — а

он все-таки пролез! И они взяли его-таки с собой. Очень они чудно тут себя вели: своенравно, сказал бы ты».

«Милый мой дурень! Золотой мой осел! Трижды достойный трактирщик! — вскричал я, не сдержав радости. — Да это же самые лучшие вести, какие я слышал с Солнцеворота. Они заслуживают на грады. Да будет пиво твое лучшим из лучших семь лет кряду! Теперь я наконец смогу спокойно уснуть — впервые уж не помню с какого времени».

Ту ночь я провел в Усаде, дивясь, куда подевались Всадники: до сих пор в селенье, казалось, видели лишь двоих. Но ночью мы услыхали и других. По крайности пятеро примчалось с запада — они снесли ворота и вихрем пронеслись по Усаду; усадичи, должно быть, до сих пор трясутся и ждут конца света. Я поднялся до рассвета и поехал за Всадниками.

Я не знаю наверное, но мне кажется совершенно ясным, что произошло. Предводитель их оставался в засаде к югу от Усада, двое поскакали вперед — через селение, а четверо других проникли в Край. Но когда и те и другие сбились со следа, они вернулись с вестями к Предводителю, и какое-то время за Трактом не следил никто,

кроме шпионов. А потом Предводитель послал нескольких напрямик на восток, а сам с остальными в ярости поскакал по Тракту.

Я поспешил к Заветри и добрался туда на закате второго дня — но они опередили меня. Они отступили передо мною, ибо почуяли мой гнев и не решились противостоять мне при свете дня. Но с наступлением ночи они собрались вокруг, и я был осажден на вершине, в древнем кольце Амон-Сула. Мне пришлось нелегко: такой огонь не полыхал на Заветри со времен военных маяков нуменорцев.

На рассвете я вырвался и помчался к северу. Мне больше ничего не оставалось. Было невозможно искать тебя в пустошах, Фродо, — более того, это было бы просто глупо — за мной гнались Девятеро. Поэтому мне пришлось довериться Арагорну. Но я надеялся увести нескольких Всадников за собой и, добравшись до Светлояра, выслать вам помощь. Четверо назгулов последовали за мной, но через некоторое время повернули и умчались прочь — полагаю, к Переправе. Все же я немного помог вам: на ваш лагерь напало лишь пятеро.

Я добрался сюда после долгой и трудной дороги — поднялся вверх по Ревице через Троллистое Плато и спустился с севера. Это отняло у меня по-

чти четырнадцать дней, потому что ехать верхом по осыпям я не рискнул: Ночиветр неминуемо повредил бы там ноги. Я отпустил его к его господину; но нас связала глубокая дружба, и, если будет в том нужда, он придет на мой зов. Но из-за этого я попал в Светлояр лишь на три дня раньше вас, и вести о Кольце уже дошли сюда — вовремя, как оказалось.

На этом, Фродо, рассказ мой кончен. Да простит мне Эльронд и все остальные его длину! Но впервые случилось так, что Гэндальф нарушил слово и не пришел, как обещал. Столь странный случай, думается мне, требовал объяснений.

Что же, Повесть рассказана с начала и до конца. Мы здесь — и здесь Кольцо. Но к цели своей мы пока не приблизились ни на шаг. Что мы сделаем с ним?

***

Все молчали. Наконец снова заговорил Эльронд.

— Тяжкие вести принес ты нам о Сарумане, — сказал он, — ибо мы верили ему, и он вникал во все наши дела и был главой наших Советов. Глубокое знание уловок Врага всегда опасно — и лиходею, и Мудрому… Однако такие падения и

предательства, увы, встречались и прежде. Из всех рассказов, что мы услышали сегодня, самым удивительным был для меня рассказ Фродо. Я мало знал хоббитов — кроме, разумеется, Бильбо — и теперь мне кажется, что он, быть может, не так необычен и странен для своего народа, как я думал. Мир сильно изменился с тех пор, как я в последний раз бродил по его дорогам.

Умертвий мы знаем под многими именами; и о Вековечном Лесе есть немало преданий. То, что осталось — лишь малая частица его северных пределов. Было время, когда белка могла, прыгая с дерева на дерево, добраться от Края до Поравнинья западнее Исенгарда. В тех местах я некогда бывал, и узнал много неведомого и дивного. Но я совсем позабыл о Бомбадиле — если это тот самый Владетель, что в древние годы бродил в холмах и лесах, и тогда уже был старше старости. Йарвайном Бен-Адаром звали мы его, Безотчим Отцом Заповедных Земель. Другие народы — иначе: гномы называли его Форном, Люди — Оральдом; и это не все его имена. Он странен; возможно, мне следовало пригласить его на наш Совет.

— Он не пришел бы, — заметил Гэндальф.

— Быть может, стоит послать к нему гонца и просить помощи? — спросил Эрестор. — Если я

верно понял, он властен даже над Кольцом?

— Ты понял неверно, — отозвался Гэндальф. — Скажи лучше — Кольцо не властно над ним. Он сам себе господин. Но он не может ни изменить Кольца, ни разрушить его власти над другими. А теперь он заперся в своем краю, и никогда не переступает им же самим установленных незримых границ.

— Но в этих границах, кажется, ничто не может утеснить его, — настаивал Эрестор. — Так не примет ли он Кольцо на хранение?

— По своей воле — нет, — сказал Гэндальф. — Он, быть может, согласится, если все народы попросят его; но вскоре забудет о Кольце, а скорее всего — попросту его выбросит. Он был бы очень ненадежным Хранителем, и этим сказано все.

— И, во всяком случае, — проговорил Глорфиндэль, — отослать ему Кольцо — значит лишь отдалить роковой день. Йарвайн далеко. Мы не можем сейчас доставить ему Кольцо незаметно, чтобы ни один шпион не увидел нас. И даже если бы мы смогли сделать это — рано или поздно Властелин Колец узнает, где оно спрятано, и обрушит туда всю свою мощь. Сможет ли Бомбадил противостоять ей — в одиночку? Думаю, нет. Думаю, когда все вокруг будет покорено, Бомбадил

падет — последним, как некогда возник первым; и тогда придет Ночь.

— Я мало знаю о Йарвайне, — сказал Галдор. — Но, кажется мне, Глорфиндэль прав. У Бомбадила не достанет сил сразиться с Врагом, если только сама земля не одарит его силой… Однако мы видим, что Саурон крушит самые горы. Если есть еще где-то сила — она у нас: здесь, в Имладрисе, или у Цирдана, в Гавани, или в Лотлориэне. Но есть ли у них — есть ли у нас — сила противостоять Врагу, приходу Саурона, когда весь мир будет покорен?

— У меня такой силы нет, — сказал Эльронд. — Нет и у них.

— Тогда, если Кольцо не охранить от Него силой, — сказал Глорфиндэль, — нам остается лишь два выхода: отослать его за Море — или уничтожить.

— Но Гэндальф открыл нам, что никаким нашим умением не уничтожить его, — возразил Эльронд, — а живущие за Морем его не получат: к добру или к худу, оно принадлежит Средиземью, и только нам решать, что делать с ним.

— Тогда пусть оно упокоится в пучине Моря, и ложь Сарумана станет правдой, — снова предложил Глорфиндэль. — Ибо теперь ясно что даже

на Совете он шел нечестным путем: он знал, что Кольцо не сгинуло навек, однако хотел убедить в этом нас; ибо сам возжаждал завладеть им. Однако часто во лжи скрывается правда: Море скроет его навсегда.

— Не навсегда, — возразил Гэндальф. — И в глубинах кто-нибудь да живет; и море и суша могут измениться. А нам надо принять решение не на год-два, не на несколько жизней Смертных, и даже не на грядущую Эпоху. Мы должны навсегда покончить с этой угрозой.

— На дорогах к Морю надеяться не на что, — сказал Галдор. — Если возвращение к Йарвайну опасно, то поход к Морю опасен вдвойне. Сердце мое чует, что, узнав о случившемся, Саурон станет ждать нас на западных тропах. А узнает он обо всем скоро. Девятеро остались без коней, но это только отсрочка — они получат новых, быстрей и лучше. Лишь угасающая мощь Гондора мешает сейчас Ему двинуться по берегу на север. А если он придет и осадит Гавань — эльфы потеряют последний путь к спасению и навек останутся в накрытом тьмой Средиземье.

— До этого похода еще далеко, — вступил в разговор Боромир. — Гондор угасает, говоришь ты. Но Гондор стоит — и даже последних его сил

хватит надолго.

— Однако доблесть его не сдержала Девятерых, — сказал Галдор. — К тому же Он может сыскать дороги, не прикрытые Гондором.

— Значит, — проговорил Эрестор, — у нас есть лишь два пути, как уже сказал Глорфиндэль: спрятать Кольцо или уничтожить его. Но мы не в силах сделать ни того, ни другого. Кто же решит эту задачу?

— Здесь — никто, — сумрачно сказал Элронд. — Никто не сможет провидеть, что случится, выбери мы тот или иной путь. Но сейчас мне ясно, какой путь мы должны избрать. Путь на запад кажется самым легким. А посему его надо остерегаться. За ним будут следить. Слишком часто эльфы отступали туда. Теперь же мы должны выбрать путь трудный — и непредвиденный. Там наша надежда — если она у нас есть. Мы должны идти в Мордор. Бросить Кольцо в огонь.

***

Снова наступило молчание. Фродо смотрел на залитую солнцем долину, полную шума чистых вод — а в сердце его была тьма. Боромир шевельнулся, и Фродо взглянул на него. Тот барабанил пальцами по своему рогу, хмурился — и, наконец,

заговорил.

— Не понимаю. Саруман предатель, но ужели утратил он всю свою мудрость? Почему вы говорите все время об укрывании и уничтожении? А если Великое Кольцо пришло к нам, чтобы помочь в час нужды? Владея им, Свободные Властители Свободных наверно победят Врага! Этого Он, мнится мне, и боится!

Народ Гондора доблестен и никогда не покорится, но его можно уничтожить. Доблести нужны силы — но нужно ей и оружие. Пусть же оружием нашим станет Кольцо — если в нем действительно заключены те силы, о которых вы говорите. Возьмем его — и вперед к победе!

— Это невозможно, — возразил Эльронд. — Мы не можем взять Кольцо Всевластья. Оно принадлежит Саурону, он отковал его сам, и оно таит лихо. Сила его, Боромир, слишком велика для любого, кроме тех, кто владеет большей силой. Но именно для них оно смертельно опасно. Одно лишь желание владеть Кольцом разъедает душу. Вспомни Сарумана. Если кто-либо из Мудрых с помощью этого Кольца низвергнет Саурона — он сам воссядет на Его трон, и родится новый Черный Властелин. Это еще одна причина, почему Кольцо должно быть уничтожено: покуда

оно существует, опасность грозит даже Мудрым. Потому что у истоков нет лиха. И Саурон не родился злодеем. Я страшусь принять Кольцо на хранение. И никогда не воспользуюсь им.

— Я тоже, — сказал Гэндальф.

Боромир поглядел на них с сомнением, но склонил голову.

— Быть по сему, — сказал он. — Значит, нам в Гондоре надо надеяться лишь на то оружие, какое у нас есть. Пока Мудрые будут стеречь Кольцо — мы будем драться. Быть может, Меч-что-был-Сломан задержит Прилив — если рука, что держит его, владеет не только наследием, но и силой Королей древности.

— Кто знает? — отозвался Арагорн. — Но когда-нибудь мы проверим это.

— Тогда пусть скорей придет этот день, — сказал Боромир. — Ибо, хоть я и не прошу помощи, она нужна нам. Нам было бы спокойнее знать, что и другие дерутся с Врагом — пусть по-своему, но дерутся.

— Тогда будь спокоен, — сказал ему Эльронд. — Ибо есть много сил и владений, что скрыты от вас. Андуин Великий на пути к Аргонафу минует многие берега.

— И все же всем было бы лучше, — заметил

гном Глоин, — если бы силы наши объединились и мы стали действовать заодно. Могут ведь быть и другие Кольца, не такие предательские. Семь погибли для нас — если Балин не нашел Кольца Трора: оно было последним, о нем ничего не известно с тех пор, как Трор сгинул в Мории. Только теперь я понимаю, что Балин затеял поход в надежде найти то кольцо.

— В Мории Балину кольца не найти, — проговорил Гэндальф. — Трор передал его своему сыну Траину, но Торин не получил его. Его пыткой забрали у Траина в башне Дол-Гулдура. Я пришел слишком поздно.

— Горькая весть! — вскричал Глоин. — Когда же придет час нашей мести?! Однако есть еще Три. Что сталось с Кольцами Эльфов? Они очень могущественны — так говорят. Разве Перворожденные их не сохранили? Но их тоже отковал Саурон. Они бессильны? Я вижу здесь Перворожденных. Что скажут они?

Эльфы не ответили.

— Разве ты не слушал меня, Глоин? — проговорил Эльронд. — Три Кольца отковал не Саурон. Он даже никогда их не касался. Но говорить о них нельзя. Лишь этот час сомнений вынуждает меня нарушить запрет. Они не бессильны. Но они

не сотворены как оружие: их сила в другом. Те, кто сковал их, желали не богатств, не войн или завоеваний — но знаний, мастерства и умения исцелять — чтобы охранить от лиха любую живую тварь. Всего этого Эльфы Средиземья добились — правда, заплатив горечью. Но все, сделанное Владетелями Трех, рухнет, а их сердца и ум откроются Саурону, получи он Кольцо Всевластья. Было бы лучше, если бы Трех никогда не было. Это Его цель.

— А что случится, если, как ты советуешь, Кольцо Всевластья будет уничтожено? — спросил Глоин.

— Мы не знаем наверное, — печально ответил Эльронд. — Кое-кто надеется, что Три Кольца, которых Саурон никогда не касался, обретут свободу и помогут залечить раны, причиненные им миру. Но, возможно, когда Кольцо сгинет, погибнут и Три, и много прекрасного исчезнет вместе с ними. Так думаю и я.

— Однако все эльфы согласны принять эту судьбу, — сказал Глорфиндэль, — если так можно низвергнуть власть Саурона, и угроза его владычества сгинет навек.

— Мы снова вернулись к уничтожению Кольца, — заметил Эрестор. — И однако не прибли-

зились к решению. Есть ли у нас силы, чтобы отыскать Огонь, в котором Оно было отковано? Это путь отчаянья. Путь глупости, сказал бы я, если бы мудрость Эльронда не удерживала меня.

— Отчаянья или глупости? — переспросил Гэндальф. — Это не отчаянье, ибо отчаиваются лишь те, для кого конец несомненен. Мы не отчаялись. Это мудрость — сознавать необходимость, когда все другие пути взвешены; пусть она даже кажется глупостью тем, кто вцепился в ложную надежду. Что ж, пусть глупость станет нам покровом — завесой перед глазами Врага! Ибо Он очень мудр, и точно взвешивает все на весах своей злобы. Но единственная известная Ему мера — жажда, жажда власти, и ею мерит Он все сердца. Он и помыслить не может, что мы отвергнем его, что, владея Кольцом, попытаемся уничтожить его. Решившись на это, мы спутаем его планы.

— По меньшей мере — на время, — согласился Эльронд. — Путь должен быть пройден, хоть он и труден. Ни сила, ни мудрость не помогут нам. У слабых в этом походе будет больше надежд, чем у сильных. Такова судьба многих дел, что движут колеса мира: часто свершают их маленькие руки, покуда глаза великих обращены вдаль.

— Отлично, отлично, досточтимый Эльронд! — вмешался вдруг Бильбо. — Можете не продолжать. И без того ясно, куда вы целите. Глупый хоббит Бильбо заварил кашу — и самое лучшее, если Бильбо и расхлебает ее. Мне здесь, конечно, очень уютно, и книга подвигается. Если хотите знать, я ее уже почти кончил. Даже и конец придумал: «И он жил счастливо до конца своих дней».

Это добрый конец, не хуже всех прежних. Но теперь придется мне от него отказаться: непохоже, что он будет правдив; и уж наверняка перед ним появятся новые главы — если, конечно, я доживу до того, чтоб написать их. Ужасно досадно… Так когда мне выходить?

Боромир изумленно взглянул на Бильбо, но смех замер на его губах, когда он увидел, что все смотрят на старого хоббита с уважением и печалью. Улыбался лишь Глоин — но его улыбка относилась к давним воспоминанием.

— Конечно, дорогой мой Бильбо, — сказал Гэндальф, — если бы ты действительно заварил эту кашу — ты должен был бы ее расхлебать. Но ты ведь хорошо знаешь, что сейчас уход — слишком серьезное дело для одного, и что в великих подвигах лишь малую толику свершает сам герой.

Не кланяйся! Мы не сомневаемся, что под твоей шуткой кроется доблесть. Но Кольцо не по силам тебе, Бильбо. Ты не можешь взять его. Оно не твое. Если тебе нужен мой совет, я скажу, что свою часть дела ты сделал — тебе осталась лишь летопись. Кончай книгу и не меняй в ней конца! Надежда всё еще есть. Но будь готов писать продолжение, когда они вернутся.

Бильбо засмеялся.

— Что-то не припомню, чтобы ты прежде давал мне приятные советы, — сказал он. — А так как все твои неприятные советы были хороши, хотел бы я знать, не плох ли этот. Я, правда, не думаю, чтобы у меня хватило сейчас удачи и воли. Кольцо набралось сил, а я их растерял… Но скажи, кого ты имел ты ввиду, говоря «они»?

— Тех, кто пойдет с Кольцом.

— Отлично! Но кто это будет? Мне кажется, решить этот вопрос должен наш Совет — и кончить на этом. Эльфы способны говорить бесконечно, да и гномы от них не отстанут; но я всего лишь старый хоббит, и я сегодня не полдничал. Давайте назовем имена — или отложим все на после обеда.

***

Никто не ответил. Прозвенел колокол, отмечая полдень. Все молчали по-прежнему. Фродо обводил взглядом лица, но к нему не поворачивались. Члены Совета сидели, словно в глубокой задумчивости. Ужас объял Фродо — он вдруг понял, что сейчас поднимется и сам произнесет себе приговор. Ему захотелось остаться здесь, с Бильбо, отдохнуть в Светлояре. Он встал и заговорил — и не узнал своего голоса, будто кто-то говорил за него.

— Я отнесу Кольцо, — сказал он. — Хоть и не знаю дороги.

***

Эльронд поднял глаза — и сердце Фродо сжалось под его скорбным взглядом.

— Если я верно понял всё, что слышал, — проговорил он, — то сделать это назначено лишь тебе, Фродо; и если тропы не найдешь ты — ее не найдет никто. Пришел час хоббитам выйти из мирных нор — и низвергать твердыни, и потрясать Советы. Кто из Мудрых провидел это? Или, если они мудры — почему ждали они, пока

придет этот час?..

Однако это тяжкая ноша, Фродо. Такая тяжкая, что никто не в праве взваливать ее на чужие плечи. Но если ты по доброй воле принимаешь ее, я скажу, что выбор твой верен; и если бы все могучие герои древности — Хадор, Хурин, даже сам Берен — сошлись здесь, — место твое было бы меж них.

— Но вы ведь не пошлете его одного, господин Эльронд? — вскричал Сэм, не в силах больше сдерживаться, и выпрыгнул из угла, где он тихонько сидел на полу.

— Разумеется, нет, — Эльронд повернулся к нему. — Ты, по крайней мере, пойдешь с ним. Нельзя и подумать разлучить вас — если уж ты пробрался за ним даже на тайный Совет.

Сэм вспыхнул и уселся, бормоча что-то.

— В хорошенькое дельце мы влезли, ничего не скажешь, господин Фродо! — бурчал он, качая головой.

Глава 3
Кольцо отправляется на Юг

В тот же день, к вечеру, хоббиты устроили собственный Совет в комнате Бильбо. Мерри и

Пин возмутились, услыхав, что Сэм пробрался на Совет Эльронда и был избран спутником Фродо.

— Очень справедливо, — сказал Пин. — Вместо того, чтобы вышвырнуть его вон и заковать в цепи, Эльронд награждает его!

— Награждает! — повторил Фродо. — О более страшном наказании я и помыслить не могу. Ты не думаешь, что говоришь. Быть обречённым на безнадёжный поход — награда? Вчера я думал, что дело моё кончено и мечтал отдохнуть здесь.

— Хотелось бы мне, чтобы так оно и было, — сказал Мерри. — Но мы говорим о Сэме — не о тебе. Если тебе идти, самое страшное наказание для любого из нас — остаться, даже в Светлояре. Мы долго шли с тобой и побывали во многих переделках. Мы хотим идти дальше.

— О чем я и говорю, — кивнул Пин. — Мы, хоббиты, должны держаться вместе. Я пойду, если только на меня не наденут цепей. Должен же быть с вами хоть кто-то рассудительный!

— Тогда тебя наверняка не выберут, Перегрин Хват! — проговорил Гэндальф, заглядывая в окно. — Но вы напрасно волнуетесь. Ничего еще не решено.

— Ничего не решено! — вскричал Пин. — Тогда что же вы там все делали? Вы ж сидели, запер-

шись, несколько часов!

— Говорили, — сказал Бильбо. — Сказаны было много, и каждый услышал что-нибудь для себя неожиданное — даже старина Гэндальф. Думаю, вести, что принес Леголас, застали его врасплох, хоть виду он и не подал.

— Ошибаешься, — сказал Гэндальф. — Ты был невнимателен. Я уже слышал об этом от Гваихира. Если хочешь знать, удивлялись только вы с Фродо; а я был единственным, кто не удивлялся.

— Ну, так или иначе, ничего не решено — кроме избрания бедных Фродо и Сэма. Я всё время боялся, что до этого дойдёт, коли меня помиловали. Но, по-моему, Эльронд пошлёт с ними кого-то ещё — вот только вернутся разведчики. Они ушли уже, Гэндальф?

— Да, — сказал маг. — Некоторые ушли. Остальные уйдут завтра. Эльронд разослал эльфов, они объединятся со Следопытами, а быть может — и с народом Трандуиля. А Арагорн ушёл с сыновьями Эльронда. Мы должны знать земли на много миль, прежде чем сделаем хоть шаг. Так что ободрись, Фродо! У тебя, думаю я, будет довольно времени, чтобы отдохнуть здесь.

— Ага! — мрачно сказал Сэм. — Как раз и дождёмся зимы.

— Ничего не поделаешь, — сказал Бильбо. — Это, отчасти, твоя вина, Фродо, малыш: зачем было ждать моего дня рожденья? И хорошо же ты его отметил, скажу я. Нашёл, кому в этот день Торбу отдать — Лякошолям! Неужто думал, что мне будет приятно? А теперь что ж — до весны тебе ждать нельзя, и уходить до прихода разведчиков — тоже.

Когда зима нагрянет в гости,
И треснут камни, будто кости,
Озера чёрный лёд скуёт,
И все деревья оголятся —
Опасности и гибель ждут
Тех, кто в глуши решит скитаться.
Боюсь, именно это тебя и ждёт.

— Именно это, — подтвердил Гэндальф. — Мы не можем выступать, пока не узнаем, где Всадники.

— Я думал, они погибли в разливе, — сказал Мерри.

— Так просто Кольценосцев не убить, — сказал Гэндальф. — Их питает мощь их Господина, лишь он может дать им жизнь — или уничтожить их. Мы надеемся, что они спешены и раскрыты — и

стали на время не так опасны; но мы должны знать это наверняка. А пока, Фродо, попробуй забыть все беды. Не знаю, смогу ли я помочь тебе; но кое-что я тебе скажу — по секрету. Кто-то тут говорил о рассудительном спутнике. Он был прав. Думаю, что пойду с тобой.

Фродо пришёл в такой восторг, что Гэндальф соскочил с подоконника, на котором сидел, снял шляпу и поклонился.

— Я сказал: думаю, что пойду. Пока ни на что не рассчитывай. Главное слово скажут Эльронд и твой друг Бродник. Что касается меня — мне нужно повидать Эльронда. Я должен идти.

— Как ты думаешь, сколько у меня времени? — спросил Фродо у Бильбо, когда Гэндальф ушёл.

— Даже не знаю. Я не могу считать дни в Светлояре, — сказал тот. — Но, полагаю, довольно много. Не хочешь ли помочь мне с Книгой — и начать свою? Ты уже придумал конец?

— Да, несколько — и все мрачные.

— По так же нельзя! — сказал Бильбо. — Книги обязаны хорошо кончаться. Как тебе нравится такой: «… и они поселились все вместе и жили с тех пор счастливо до конца своих дней»?

— Очень нравится — только вряд ли до этого дойдёт, — вздохнул Фродо.

— Ага! — сказал Сэм. — А где они будут жить? Очень бы мне хотелось это знать.

***

Некоторое время хоббиты продолжали говорить и думать о минувшем походе и опасностях впереди; но такова была сила земель Светлояра, что вскоре страх и тревога оставили их души. Будущее — доброе или злое — более не влияло на настоящее. Здоровье и надежда крепли в хоббитах, и они радовались каждому погожему дню, каждой еде и песне.

Так скользили дни, и каждое утро было прекрасным и ярким, а вечер — прохладным и чистым. Но осень быстро кончалась; золотистый свет сменялся серебристо-белым, и последние листья облетали с голых ветвей. С востока, с Мглистого Хребта, потянул ознобный ветер. Высоко в небе стоял новый диск Лунного Охотника, обращая в бегство редкие звёзды. Но на юге, низко над горизонтом, ало пылала одна звезда. С каждой ночью она разгоралась всё ярче и ярче. Фродо видел её из окна, горящую, как внимательный глаз, что засматривает в долину сквозь остовы деревьев.

***

Хоббиты прожили уже почти два месяца в замке Эльронда — ноябрь унёс остатки листьев, и проходил декабрь — когда начали возвращаться разведчики. Некоторые проникли на север, к истокам Ревицы на Троллистом Плато; другие побывали на западе — и с помощью Арагорна и Следопытов обшарили земли вниз по Блёкме до самого Тарбада, где древний Южный Тракт пересекал реку у разрушенного города. Многие ходили на юг и восток; кое-кто перевалил горы, дошел до начала Кувшинницы и спустился по ней в Глухоманье через Ирисную Низину, добравшись, таким образом, до Росной Сторожки. Радагаста там не было; и они возвратились через перевал, что зовётся Теневым Каскадом. Сыновья Эльронда, Элладан и Эльрохир, вернулись последними; они совершили дальний поход, спустившись по Серебрянке в неведомые земли, но не рассказали об этом никому, кроме Эльронда.

Нигде не нашлось следов ни Всадников, ни других Вражьих прислужников. Даже Орлы Мглистых Гор не могли поведать ничего нового. О Голлуме не было ни слуху, ни духу; но близ Великой Реки вновь рыскали волколаки. У Переправы

нашли трех захлебнувшихся чёрных коней; ещё пять трупов вместе с изодранным чёрным плащом, выловили на камнях порогов. Других следов Чёрные Всадники по себе не оставили, и присутствие их нигде не ощущалось. Казалось, они исчезли с севера.

— По крайней мере восьмерых Кольценосцев Гремячь спешила, — сказал Гэндальф. — Уверенным быть нельзя, но, думаю, мы можем надеяться, что Девятеро потеряли своё обличье и вернулись в Мордор бесплотными призраками.

Ежели это так, пройдёт немало времени, прежде чем они снова выйдут на охоту. Конечно, у Врага есть и другие слуги, но им придётся добираться до Светлояра, прежде чем они учуют наш след. А если мы будем осторожны — сыскать его им будет нелегко. Но медлить нам больше нельзя.

***

Эльронд призвал хоббитов к себе. Он печально смотрел на Фродо.

— Время пришло, — сказал он. — Если Кольцу идти — оно должно уйти скоро. Но те, кто понесёт его, не могут рассчитывать, что битва или сила помогут им. Они отправляются во владения

Врага — и помощь будет далека. Ты по-прежнему согласен нести его, Фродо?

— Да, — сказал тот. — Я пойду — с Сэмом.

— Тогда мне почти нечем помочь тебе — даже совета я не могу дать, — сказал Эльронд. — Я мало что провижу на твоём пути, и как ты достигнешь цели — не знаю. Завеса Тьмы подползла уже к самым подножиям Гор, дотянулась даже до Блёкмы; а под ней всё темно для меня. Ты встретишь много врагов, явных и тайных; встретятся и друзья — когда ты менее всего будешь ждать этого.

Я разошлю вестников, каких только смогу, ко всем, кого знаю; но земли стали столь опасны, что дойти до цели сумеют не все, а другие будут двигаться не быстрей, чем ты сам.

Я изберу тебе спутников — по их желанию и воле судьбы. Их должно быть немного: надежды ваши в быстроте и скрытности. Имей я даже целую рать эльфов, как во дни Предначальной Эпохи — они не сделали бы ничего — кроме как разбудили бы мощь Мордора.

В Отряд Кольца войдут девятеро: Девять Путников по числу девятерых Вражьих Всадников. С тобой и твоим верным слугой пойдет Гэндальф; ибо это величайшее из его дел и, возможно, конец всех его трудов.

Что до остальных — они будут представлять Свободные Народы: Эльфов, Гномов и Людей. От Эльфов вызвался идти Леголас; от Гномов — Гимли, сын Глоина. Они проводят тебя до Гор, а быть может — и дальше. От Людей с тобой пойдёт Арагорн, сын Арафорна, ибо всё, что касается Кольца Исильдура, касается его.

— Бродник! — воскликнул Фродо.

— Он самый, — сказал тот с улыбкой. — Я снова напрашиваюсь тебе в спутники, Фродо.

— Я просил бы тебя пойти, — сказал Фродо, — но только ты ведь идёшь в Минас-Тириф с Боромиром.

— Иду, — подтвердил Арагорн. — И Меч-что-был-Сломан будет перекован, прежде чем я выступлю. Но наши дороги на многие сотни миль протянулись рядом. Посему Боромир также идёт с Отрядом. Он доблестный воин.

— Осталось избрать двоих, — сказал Эльронд. — Я найду их сам. Любой из моего дома с радостью отправится с вами — я отыщу вам полезных спутников.

— Но тогда не останется места нам! — в смятении закричал Пин. — Мы не хотим оставаться! Мы хотим идти с Фродо!

— Только потому, что не можете понять и пред-

ставить, что ждет впереди, — сказал Эльронд.

— Не может и Фродо, — неожиданно поддержал Пина Гэндальф. — Не может любой из нас. Правда, что если бы эти хоббиты сознавали опасность, они не решились бы пойти. Но они по-прежнему хотели бы идти, хотели бы решиться — и горько упрекали себя за малодушие и робость. Думаю, Эльронд, в этом деле лучше довериться их дружбе, чем мудрости. Даже если ты изберешь нам в спутники Преображающегося Эльфа, такого, как Глорфиндэль — он не размечет Чёрного Замка и не откроет дороги к Горе Огня. Это не по силам даже ему.

— Слова твои вески, — проговорил Эльронд, — и всё же сомнения не оставили меня. Край — я провижу — в опасности; и я хотел отослать туда этих двоих, как вестников — чтобы они предупредили о том народ по обычаям своей страны. Во всяком случае, самый молодой, Перегрин Хват, должен остаться. Сердце моё против его ухода.

— Тогда, Владыка Эльронд, тебе придется заключить меня в тюрьму или отослать домой в зашитом мешке, — заявил Пин. — Потому что иначе я побегу за Отрядом.

— Что ж, пусть будет так. Ты пойдёшь, — сказал Эльронд и вздохнул. — Девять Путников избра-

ны. Через семь дней Отряд выступает.

***

Меч Элендиля был откован заново, и клинок его эльфийские кузнецы украсили изображением семи звёзд между серпом Луны и лучезарный Солнцем, а вокруг было начертано множество рун: ибо Арагорн, сын Арафорна уходил на войну к порубежью Мордора. Меч сиял и искрился; в нём ало горело солнце и льдисто светила Луна, а кромка его была тверда и остра. И Арагорн дал ему новое имя и нарек его Андуриль, Пламень Запада.

Арагорн и Гэндальф бродили вместе или сидели и обсуждали грядущий поход и опасности, что могут встретиться в пути; они размышляли над изукрашенными рисунками и узорами древними картами и Книгами Знаний, что хранились в замке Эльронда. Порой к ним присоединялся Фродо; но он всецело полагался на них, и большую часть времени проводил с Бильбо.

В те последние дни хоббиты часто сидели вечерами в Каминном Зале, и там, среди многих других преданий, услышали целиком сказание о Лутиэн, Берене и Великом Алмазе; но днём, пока Мерри и Пин где-то носились, Фродо и Сэма мож-

но было найти в комнате Бильбо. Бильбо читал им отрывки из своей книги (которая казалась ещё далеко не полной), или собственные стихи, или записывал рассказ Фродо о его приключениях.

Утром последнего дня Фродо пришел к Бильбо один. Старый хоббит выволок из-под кровати деревянный сундучок, откинул крышку и принялся рыться внутри.

— Тут твой меч, — сказал он. — Но он, знаешь ли, сломан. Я взял его, чтоб сохранить, да позабыл отдать кузнецам. Теперь уж поздно. Вот я и подумал — может, тебе подойдет этот, а?

Он вынул из сундучка маленький меч в потёртых кожаных ножнах. Потом обнажил его — и острый клинок внезапно взблеснул холодно и ярко.

— Это Разитель, — продолжал он, и с небольшим усилием вонзил его в деревянную балку. — Бери его, если хочешь, — мне он, думаю, больше не понадобится.

Фродо с благодарностью взял меч.

— И это тоже! — сказал Бильбо, вытаскивая свёрток, довольно тяжёлый на вид. Он развернул несколько слоев старого плаща и вынул кольчужную рубаху. Она была сплетена из множества колец — мягкая, как полотно, холодная, как лёд

и крепкая, как адамант. К ней полагался пояс из жемчуга и горного хрусталя.

— Чудная вещь, правда? — сказал Бильбо, поворачивая её к свету. — И полезная. Это гномья кольчуга — та, что мне преподнёс Торин. Я забрал её, когда уходил. Я взял с собой всё, что напоминало мне о Походе — кроме Кольца. Но я ей не пользовался и вряд ли ещё воспользуюсь — если только посмотрю когда… Она совсем невесомая, когда наденешь.

— Я в ней буду выглядеть… ну, странно, что ли… Не думаю, чтобы она мне пошла, — сказал Фродо.

— Это самое сказал когда-то и я, — усмехнулся Бильбо. — Не обращай внимания. Носи её под одеждой. Бери же! Это будет нашим секретом. Никому о ней не говори! Но мне будет спокойнее знать, что она на тебе. Мне, знаешь ли, кажется, что она может отвести даже кинжалы Чёрных Всадников, — тихо закончил он.

— Ладно, возьму и её, — сдался Фродо. Бильбо надел на него кольчугу и пристегнул Разитель к блескучему поясу; а поверх Фродо натянул свои старые штаны, рубаху и куртку.

— Самый обычный хоббит, — сказал Бильбо. — Но теперь в тебе скрыто поболе, чем видно сразу.

Удачи тебе! — он отвернулся к окну, бормоча что-то себе под нос.

— Мне никогда не отблагодарить тебя, Бильбо, за этот дар и твою прошлую доброту, — сказал Фродо.

— И не пробуй! — старый хоббит обернулся и хлопнул его по плечу. — Ох! — вскрикнул он. — Ну и твёрдая же у тебя спина! Всю руку отбил!.. Вот что я тебе скажу: мы, хоббиты, должны быть заодно, особенно — Торбинсы. Всё, чего я прошу: думай о себе хоть немного и принеси все новости, какие узнаешь и все старые песни и истории, какие запомнишь. Я постараюсь закончить Книгу к твоему возвращению. Мне хотелось бы написать ещё одну — если успею. — Он снова отвернулся к окну, тихонько напевая:

Я часто грежу у огня
О днях ушедших лет,
О бабочках и цветах,
Которых ныне нет,
Как желтый лист летит в траву,
И вянут лепестки,
И грустный иней поутру
мне серебрит виски.

Я грежу, сидя у огня,
О том, как в некий час
— увы, на сей раз без меня —
Весна придет для вас.
Я столько в жизни не видал,
Не ведал тайн земли.
В любом ручье — своя вода,
У дерева — свой лист.
Я часто грежу у огня
О людях дней былых,
О тех, кто будет без меня —
Кем буду я для них?
Но сколько б ни бродила мысль
Но тропам древних лет,
Мой слух все ловит голоса,
А их все нет и нет.

***

Был холодный серый день конца декабря. Восточный ветер путался в голых ветвях, кипел в тёмных елях на склонах. Рваные тучи мчались над головой, низкие и чёрные. Когда сгустились тени раннего вечера, Отряд был готов к выступ-

лению. Они хотели выйти в сумерки: Эльронд посоветовал им идти под покровом ночи, пока Светлояр не будет далеко.

— У слуг Саурона много глаз, — сказал он, — их всех вам следует опасаться. Слух о поражении Всадников, без сомнения, уже достиг Его ушей, и Он горит яростью. Недалёк час, когда крылатые и четвероногие шпионы появятся в северных землях. Бойтесь даже неба над головой!

***

У Отряда почти не было оружия: надежда их была в тайне, а не в битве. У Арагорна был Андуриль, но более ничего, и он был одет, как Следопыт Глухоманья — в тёмно-зеленое и коричневое. У Боромира был меч, схожий с Андурилем, но не такой прославленный; кроме того, воин нес щит и боевой рог.

— Громко и ясно звучит он в горных долинах, — сказал он, — и все враги Гондора бегут и трепещут! — Поднеся рог к губам, Боромир протрубил клич — и отзвуки заметались меж скал, а все, кто услышал голос рога, вскочили на ноги.

— Шесть раз подумай, прежде чем снова трубить в этот рог, Боромир, — проговорил Эльронд, — если только ты не будешь уже в пределах

своей земли или нужда не заставит тебя.

— Подумаю, — сказал Боромир. — Но я всегда трублю в него перед выступлением, и, хоть потом мы будем таиться во тьме, выступать, как вор, я не согласен.

Один гном Гимли был открыто одет в короткую кольчужную рубаху из стальных колец; а за пояс его был заткнут топор с широким лезвием. У Леголаса были лук и колчан, а у пояса — длинный светлый кинжал. Молодые хоббиты были вооружены мечами, которые добыли в Могильнике; а Фродо взял Разитель. О гномьей кольчуге, как и советовал Бильбо, он никому не сказал. У Гэндальфа был его жезл; а у пояса мага висел Гламдринг, эльфийский меч под пару тому, что лежал теперь на груди Торина глубоко под Одинокой Горой.

Всех их Эльронд одел в тёплые одежды, их плащи и куртки были подбиты мехом. Еду, одеяла и другие припасы нагрузили на пони — того самого, что хоббиты привели с собой из Усада.

Житьё в Светлояре сотворило с ним настоящее чудо: он лоснился и, казалось, возвратился в юность. Сэм настоял, чтобы взяли его, заявив, что Билл (так он звал пони) зачахнет, если не пойдёт с ними.

— Эта скотинка только что не говорит, — сказал он, — и заговорил бы, поживи он в Светлояре подольше. Он мне взглядом сказал мне так же ясно, как господин Пин — словами: «Ежели ты не возьмёшь меня, Сэм, я сам побегу следом».

Поэтому Билл шёл, как вьючное животное, однако он был единственным членом Отряда, который не выглядел угнетённым.

***

Они попрощались со всеми в Каминном Зале, и ждали теперь только Гэндальфа: тот ещё не вышел. Отблеск пламени падал из раскрытых дверей, в окнах мерцали неяркие огни. Бильбо, кутаясь в плащ, стоял на пороге рядом с Фродо. Арагорн сидел, опустив голову на колени; лишь Эльронд знал, что значит для него этот час. Остальные серыми тенями рисовались во тьме.

Сэм стоял рядом с пони, насвистывая сквозь зубы, и хмуро всматривался во мрак, где ревела на перекатах река; страсть к приключениям почти оставила его.

— Билл, парень, — сказал он, — не надо бы тебе идти с нами. Остался бы здесь, да жевал себе сено, пока новая травка не вырастет.

Билл взмахнул хвостом и не ответил ни слова.

Сэм поправил мешок на плечах и внимательно перебрал в уме взятые с собой вещи, проверяя, не забылось ли что: главное сокровище, кухонная утварь; маленькая коробочка соли, пополняемая, где только можно; добрый запас трубочного зелья (ручаюсь, недостаточный); трут и кремень; шерстяные штаны; бельё; разные мелочи Фродо, которые он позабыл, а Сэм взял, чтобы с гордостью вытащить, когда понадобится. Он вспомнил их все.

— Верёвка! — пробормотал он. — Верёвки-то и нет! Только ведь вчера ночью сказал себе: «Сэм, подумай о верёвке! Непременно хватишься, коли забудешь...». Ну и ладно, хвачусь. Сейчас за ней всё едино не побежишь.

***

В этот миг из замка вышли Эльронд и Гэндальф, и Эльронд подозвал Отряд к себе.

— Выслушайте моё последнее Слово, — тихо сказал он. — Хранитель Кольца выступает в Поход к Роковой Горе. Он один связан обязательством: не бросать Кольца, не отдавать его Вражьим прислужникам, не доверять его никому, кроме членов Отряда или Совета — и то лишь в крайней нужде. Остальные идут с ним по

доброй воле, чтобы помогать в пути. Вы можете промедлить, или возвратиться, или свернуть в сторону — как позволит судьба. Чем дальше вы уйдете — тем трудней будет вернуться; однако ни клятва, ни обязательство не заставят вас идти дальше, чем вы пожелаете. Ибо вы не знаете ещё сил своих душ и не можете провидеть, что встретился вам в пути.

— Тот, кто отступает, когда дорога темна, зовётся предателем, — сказал Гимли.

— Возможно, — сказал Эльронд, — но нельзя принуждать идти во тьме того, кто не видит рассвет.

— Однако клятва может укрепить слабую душу, — настаивал гном.

— Или сломает её, — возразил Эльронд. — Не заглядывайте слишком далеко! Идите с лёгким сердцем! Прощайте, и да будет с вами благословение всех Вольных Народов! Звёзды да осеняют ваши лица!

— Доброго… доброго пути! — крикнул Бильбо, запинаясь от холода. — Вряд ли ты сможешь вести дневник, Фродо, малыш, но я ожидаю подробного рассказа, когда вернёшься. Не задерживайся надолго! Прощай!

Многие из дома Эльронда стояли в темноте и

провожали их, тихо желая им доброго пути. Не было ни смеха, ни песен, ни музыки. Путники повернулись и молча растаяли в сумерках.

Они перешли мост, медленно поднялись по извилистой крутой дороге, что выводила из Светлояра, и вышли на ровное плато, где в вереске шипел ветер. Потом, бросив взгляд на Последнюю Светлую Обитель, мерцающую внизу, зашагали вдаль.

***

У Переправы через Бруинен они свернули к югу и двинулись по бездорожью узкими ухабистыми тропками. Они собирались идти этим путём с западной стороны Гор многие мили и дни. Край был более диким и голым, чем зелёная пойма Великой Реки в Глухоманье по ту строну хребта — и идти им придётся медленно; но здесь они надеялись укрыться от враждебных глаз. До сих пор шпионы Саурона редко заглядывали в эти пустынные места, а троп здешних не знал никто, кроме народа Светлояра.

Гэндальф шёл впереди, рядом с ним — Арагорн, который и во тьме находил дорогу в этом краю. Остальные тянулись позади, а зоркоглазый Леголас замыкал цепочку. Начало похода было

утомительным и мрачным, и Фродо мало что запомнил из него — кроме ветра. Много бессолнечных дней с востока, из-за Г ор, дул леденящий вихрь, и никакая одежда не спасала от его пронизывающего дыхания. Хотя Путники были хорошо одеты, им редко бывало тепло, шли они или отдыхали. Днем они прятались в какой-нибудь лощинке; или забирались в спутанные заросли боярышника — и забывались беспокойным сном. Под вечер дозорный будил их, они ели — еда, как правило, была холодной: рисковать, разводя костер, было нельзя — и в сумерки снова отправлялись в дорогу, стараясь держаться как можно южнее.

Сперва хоббитам казалось, что, хотя они бредут, пока ноги не начинают заплетаться от усталости, двигаются они, как улитки и никогда никуда не придут. Один день походил на другой, и земли кругом были совсем одинаковые. Однако горы всё приближались. К югу от Светлояра они делались выше и сворачивали на запад; а у подножий главного хребта лежала широкая гряда тусклых холмов и глубоких низин, полных бурлящими водами. Троп было мало, они извивались и часто выводили на самый край отвесной скалы или к коварной трясине.

***

Они были в пути уже две недели, когда погода изменилась, ветер вдруг перестал, а потом подул с юга. Быстролетящие тучи поднялись и унеслись прочь; выглянуло солнце — бледное, но ясное. Долгий ночной путь кончился чистым холодным рассветом. Путники добрели до пологого гребня, увенчанного древними падубами, чьи серо-зелёные стволы казались высеченными из камня холмов. Темная листва блестела, а ягоды ало сверкали в свете восходящего солнца.

На юге Фродо смутно виделись могучие горы, которые, казалось, теперь пересекали Отряду путь. Слева в высоком хребте вздымались три пика; самый высокий и близкий стоял, как клык, покрыты снегом; его огромные голые северные обрывы всё ещё таились в тени, но там, где луч солнца касался их, они вспыхивали багрянцем. Гэндальф стоял рядом с Фродо, глядя из-под руки.

— Мы молодцы, — сказал он. — Мы дошли до границ края, который люди зовут Падубью. Некогда, в благие дни, здесь жили эльфы — тогда она звалась Эрегион. Сорок пять лиг воронова полёта уже за спиной, хоть и много долгих миль ляжет еще нам под ноги. Земли и погода улучшились

— но, боюсь, безопасней не стали.

— Опасны они или нет, а настоящий восход — добрый привет, — проговорил Фродо, отбрасывая капюшон и подставляя лицо утреннему свету.

— А горы теперь прямо впереди, — заметил Пин. — Мы, должно быть, ночью свернули к востоку.

— Нет, — сказал Гэндальф. — Просто в чистом воздухе дальше видно. За этими пиками хребет поворачивает на юго-запад. В замке Эльронда много карт, но ты, полагаю, и не подумал заглянуть в них?

— Заглядывал — иногда, — ответил Пин, — но ничего не запомнил. Голова Фродо приспособлена для этого лучше.

— Мне карты не нужны, — сказал Гимли, который поднялся вместе с Леголасом и теперь смотрел вперёд со странным светом в глубоких глазах. — Это край, где некогда трудились наши пращуры, и облик этих гор храним мы в металле и камне, в легендах и песнях. Высоко вздымаются они в наших мечтах — Бараз, Зирак, Шатхур.

Один лишь раз видел я их издали, но я знаю и их, и их имена, ибо под ними лежит Казад-Дум, древнее Подгорное Царство Гномов, что ныне зовётся Чёрной Бездной — Морией на языке эльфов.

Вон стоит Баразинбар, Багровый Рог, жестокий Карадрас; а за ним — Серебристый и Тучеглав: Келебдиль и Фануидхол, что мы зовём Зирак-зигил и Бундушатхур.

Там Мглистые Горы расходятся, и меж их рук лежит глубокая затенённая долина — Азанулбизар, Затенье, Нандухирион по-эльфийски.

— Именно в Затенье нам и надо, — сказал Гэндальф. — Если мы минуем перевал, что зовётся Багровыми Вратами — он по ту сторону Карадраса — то спустимся Теневым Каскадом в глубокую долину гномов. Там лежит Зеркальное, и Серебрянка берёт начало из ледяных ключей.

— Непроглядна вода Келед-Зарама, — чуть нараспев проговорил Гимли, — и холодны, как лёд, ключи Кибел-Налы. Сердце моё трепещет при мысли, что я скоро увижу их.

— Да порадует тебя встреча с ними, славный мой гном! — сказал Гэндальф. — Но, что бы ни решил ты, мы не задержимся там. Наша дорога — вниз по Серебрянке, в Тайные Чащобы, и через них — к Великой Реке, а потом… — он умолк.

— Что — потом? — спросил Мерри.

— К концу Похода — в конце концов, — ответил Гэндальф. — Нам нельзя заглядывать так далеко. Будем радоваться, что первая часть пути кончи-

лась благополучно. Думаю, мы проведём здесь не только день, но и ночь. В Падуби целительный воздух. Много лиха должно свершиться в краю, прежде чем он совсем позабудет эльфов, если они когда-нибудь жили в нём.

— Верно, — кивнул Леголас, — но эльфы этой земли отличны от нас — лесных эльфов — и деревья и травы не помнят их. Лишь камни, слышу я, оплакивают их: «Они разбудили нас, дивно украсили нас, нас возвели до небес — и ушли». Давным-давно отплыли они на Запад.

***

Этим утром они разожгли костёр в глубокой низине, укрытой густыми зарослями остролиста, и их ужин-завтрак был самым весёлым со дня выступления. Они не торопились улечься спать, потому что впереди была целая ночь и они не собирались трогаться в путь до вечера завтрашнего дня. Лишь Арагорн был озабочен и молчалив. Немного спустя он оставил Отряд и выбрался на гребень; там он стоял в тени дерева, вглядываясь в запад и юг и подняв голову, будто прислушивался. Потом вернулся к краю низины и взглянул на болтающих и смеющихся спутников.

— Что стряслось, Бродник? — окликнул его

Мерри. — Чего ты ищешь? Потерял Восточный Ветер?

— Его — нет, — откликнулся Арагорн. — Но кое-что потерял. Я бывал в Падуби в разное время. Народ здесь сейчас не живёт, но птиц и зверей всегда было много — особенно птиц. Однако сейчас всё, кроме вас, молчит. Я чую это. На мили вокруг не слышно ни звука, и ваши голоса, кажется, отдаются в земле. И я не понимаю этого.

Гэндальф с внезапным интересом взглянул вверх.

— Что тому причиной, как по-твоему? — Спросил он. — Не просто же это удивление при появлении четверых хоббитов, не говоря уж обо всех нас — здесь, где люди теперь бывают столь редко?

— Надеюсь, что так, — ответил Арагорн. — Но мне тревожно и страшно — а я никогда не испытывал здесь ничего подобного.

Тогда нам надо быть осторожней, — сказал Гэндальф. — Если уж с вами идёт Следопыт, следует обращать внимание на его чувства, особенно если Следопыт этот — Арагорн. Надо перестать шуметь и выставить стражу.

***

Сторожить первым выпало Сэму, но Арагорн присоединился к нему.

Остальные заснули. Тогда тишина сгустилась так, что это почувствовал даже Сэм. Слышно было дыхание спящих. Свист хвоста пони и его переступ звучали чуть ли не громом; Сэм слышал скрип собственных суставов. Вокруг была мёртвая тишь, и над всем нависло чистое голубое небо. Далеко на юге возникло тёмное пятнышко; оно росло, двигаясь к Северу, как дым по ветру.

— Что это, Бродник? На облако не похоже… — прошептал Сэм Арагорну. Тот не ответил — он внимательно смотрел в небо; но вскоре Сэм и сам увидал, что приближается. Туча птиц, они кружились и парили, пересекая равнину, точно что-то высматривали; и они приближались.

— Ничком на землю — и молчок! — прошипел Арагорн, толкая Сэма в тень куста; ибо целая стая отделилась вдруг от главной тучи и, низко летя, повернула к гребню. Вроде ворон, только побольше, подумал Сэм. Когда они пролетали над головой — такой плотной кучей что тень её тёмно легла на землю — раздался резкий карк.

Арагорн не поднимался, покуда они не исчезли

на северо-западе. Тогда он вскочил и разбудил Гэндальфа.

— Стаи воронов кружат между Горами и Блёкмой, — сказал он. — И одна только что пролетела над нами. Падубь — не родина им; они явились из Фангорна или с Поравнинья. Не знаю, зачем: быть может, какая-то беда спугнула их; но думаю, это шпионы. А высоко в небе парят ястребы. От днёвки, видимо, придётся отказаться. С темнотой надо выходить. Падубь, более не безопасна для нас: за ней следят.

— Тогда не безопасны и Багровые Врата, — сказал Гэндальф. — И как мы пройдём через них незамеченными — не представляю. Но об этом у нас ещё будет время подумать. Что же до выступления с темнотой — боюсь, ты прав. — Счастье, что костёр едва теплился и почти не дымил, когда пролетали вороны, — заметил Арагорн. — Но надо погасить и больше не зажигать.

— Что за наказание! — проворчал Пин. Он только что проснулся, и ему выложили «новости»: костёр потушить и к ночи собираться в дорогу. — И всё из-за пары-другой ворон! А я-то надеялся поесть сегодня горячего!

— Можешь надеяться и дальше, — сказал Гэндальф. — Быть может, впереди тебя ждут пиры.

Что до меня — я хотел бы спокойно выкурить трубку и согреть ноги... Ну, в одном, во всяком случае, мы можем быть уверены: что на юге отогреемся.

— Как бы не пере греться, — шепнул Сэм Фродо. — А я, правду сказать, думал, что мы дошли уже до этой самой Огненной Горы. Совсем уж было решил, когда Гимли тут разливался, что этот Багровый Рог, или как его там, она и есть. И зубодробильный же у гномов язык!

Карты ничего не говорили Сэму, а все расстояния в этих чудных краях казались такими огромными, что он совершенно запутался.

Весь тот день Путники провели в укрытии. Время от времени появлялись чёрные птицы; но, когда закатное солнце налилось багрянцем, умчались на юг. В сумерки Отряд двинулся в путь и, свернув немного к востоку, направился к Карадрасу, который всё ещё кроваво мерцал в последних лучах солнца. Небо темнело — на него одна за другой высыпали белые звёзды.

Арагорн вёл их по торной тропе. Фродо она казалась остатками древнего тракта, широкого и прямого, что некогда вёл из Падуби к перевалу. Полная луна взошла над горами, и в её бледном свете ярко зачернели тени камней. Многие из

них, похоже, были обработаны, хоть и валялись теперь, распавшиеся и треснутые, в голом пустом краю.

Был холодный знобящий час перед самым рассветом; луна стояла низко. Фродо взглянул на небо. Внезапно он увидел — или почуял — тень, затмившую дальние звёзды: они будто погасли на миг — и вновь вспыхнули. Он вздрогнул.

— Ты что-нибудь видел? — Прошептал он в спину идущему впереди Гэндальфу.

— Нет, но почувствовал — что бы это ни было, — ответил тот. — А может, и не было ничего — только обрывок тучи.

— Быстро же он летел, — пробормотал Арагорн. — Да ещё против ветра…

***

Той ночью больше ничего не произошло. Следующее утро было ещё ярче вчерашнего. Воздух, однако, был холоден, снова подул восточный ветер. Они шли ещё две ночи, поднимаясь неуклонно, но медленно: дорога извилисто вползала в холмы, горы громоздились всё ближе. На третье утро перед Путниками встал Карадрас — могучий пик, как сединами, убелённый снегом; его тускло-багровые, будто залитые кровью

склоны, были круты и голы.

Небо хмурилось, солнце было тусклым. Ветер дул с северо-востока. Гэндальф глубоко вздохнул и посмотрел назад.

— Зима идёт за нами по пятам, — тихо сказал он Арагорну. — Горы на севере белее, чем были; снег уже укрыл их плечи. Этой ночью мы должны подняться к Багровым Вратам. На узкой тропе нас легко разглядят — и застигнут врасплох. Но погода может оказаться самым страшным врагом. Какой путь изберешь ты теперь, Арагорн?

Фродо услышал эти слова и понял, что Гэндальф и Арагорн продолжают давно начатый спор. Он прислушался.

— Ни один из наших путей не нравится мне, и ты хорошо это знаешь, Гэндальф, — ответил Арагорн. — Опасности — ведомые и неведомые — будут расти вместе с лигами за спиной. Но идти мы должны, и откладывать переход через горы больше нельзя. Дальше на юг перевалов не будет до самого Роандийского Прохода. Этому пути я не доверяю со дня твоего рассказа о Сарумане. Кто знает, на чьей стороне Властители Коней?

— Воистину никто, — сказал Гэндальф. — Но есть и ещё один путь, и он не ведёт к перевалу: тёмный и тайный путь, о котором мы говорили.

— И не будем говорить больше! Во всяком случае — не теперь. Ничего не говори другим, прошу тебя, покуда не станет ясно, что иного пути нет.

— Нам надо решить, прежде чем идти дальше, — проговорил Гэндальф.

— Тогда давай взвесим всё сами, пока остальные спят, — сказал Арагорн.

***

Далеко за полдень, когда другие кончали завтракать, Гэндальф и Арагорн отошли в сторону и стояли, глядя на Карадрас. Склоны его были теперь темны и мрачны, серая туча закрывала вершину. Фродо следил за ними и очень хотел узнать, куда повернёт спор. Возвратясь к Отряду, Гэндальф заговорил; и он понял, что решено идти встречь погоде и подниматься на перевал. Хоббит вздохнул с облегчением. Он и представить себе не мог, что это за тёмный и тайный путь — но одно упоминание о нём повергло Арагорна в смятение, и Фродо радовался, что путь этот отвергли.

— Есть много знаков тому, — сказал маг, — что за Багровыми Вратами следят; и, кроме того, я не доверяю погоде наверху. Может пойти снег. Идти надо быстро, как только можно. И даже так меньше, чем за два перехода, нам не взойти к

перевалу. Выходим сразу, как соберёмся.

— Да будет позволено мне дать вам совет, — сказал Боромир. — Я родился под сенью Белых Гор и знаю кое-что о повадках высот. Там, наверху, нас встретит страшный холод — мы замерзнем, прежде чем спустимся с перевала. Не много пользы, храня тайну, заледенеть до смерти. Пока ещё мы внизу, где растут кусты и деревья — пусть каждый возьмёт с собой вязанку хвороста, какую сумеет унести.

— А Билл прихватит ещё, правда, парень? — Сказал Сэм. Пони мрачно взглянул на него.

— Хорошо, — согласился Гэндальф. — Но мы не воспользуемся им, пока не встанем перед выбором: разжечь костёр, или погибнуть.

***

Отряд снова двинулся в путь, и сперва шёл быстро; но вскоре дорога сделалась крутой и трудной. Змеящаяся, карабкающаяся тропа временами почти исчезала, заваленная осыпями. Под нависшими тучами ночь была непроглядно тёмной. Пронизывающий ветер кружил меж скал. К полуночи путники добрались до коленей горного кряжа. Узкая стёжка вилась влево под отвесной утесистой стеной, над которой, невиди-

мый во мраке, хмуро вздымался Карадрас; справа зиял залив мглы: земля обрывалась внезапно, спадая в глубокий разлом.

Путники с трудом взобрались на крутой склон и остановились на гребне. Фродо ощутил, как что-то легко коснулось его лица. Он протянул руку — на ладонь уселось несколько белых снежинок. Отряд зашагал вперёд. Но скоро снег повалил гуще, заполнив собой воздух, залепляя Фродо глаза. Тёмные склонённые фигуры Гэндальфа и Арагорна, идущих всего на шаг-два впереди, были едва видны.

— Не нравится мне это — совсем не нравится, — бурчал позади Сэм. — Снег хорош ясным утром, но я люблю в это время лежать в кровати… Эх, кабы весь этот снежище — да в Хоббитон! Вот бы народ порадовался!

Густой снегопад — редкость в Крае (всюду, кроме Северного Удела), и считается событием приятным и радостным. Ни один из хоббитов (кроме Бильбо) не помнил уже жестокой зимы 1311 года, когда по замерзшему Брендидуиму в Край проникли белые волки.

Гэндальф остановился. Снег густо покрывал его капюшон и плечи; сапоги по щиколотку ушли в сугроб.

— Этого-то я и боялся, — сказал он. — Что ты скажешь теперь, Арагорн?

— Что и я этого боялся, — отозвался Арагорн. — Но меньше, чем другого. Я сознавал опасность снегопада, хотя такая метель редко бывает на юге, если только высоко в горах. Но мы еще не поднялись высоко — мы покуда внизу, где тропы обычно открыты всю зиму.

— Не вражье ли это лиходейство, хотел бы я знать? — Проговорил Боромир. — В моих краях говорят, что в Горах Тьмы на границе Мордора ему подвластны даже бури. Силы его неведомы, а союзники — бессчётны.

— Длинная же у Него рука, — сказал Гимли, — если смогла пригнать снег с Севера, чтобы задержать нас здесь — за три сотни лиг!

— Воистину длинная, — сказал Гэндальф.

***

Пока они стояли, ветер утих, а снег поредел, почти прекратился. Они снова пошли. Но не прошли и фарлонга, как буран обрушился на них с возрождённой яростью. Свистел ветер; снег обратился слепящей метелью. Вскоре даже Боромиру стало трудно продолжать путь. Хоббиты, согнувшись почти вдвое, брели следом за высокими

Людьми, но было ясно, что в таком снегопаде им далеко не уйти. Ноги Фродо налились свинцом. Пин плёлся позади. Даже Гимли, крепкий, как всякий гном, ворчал сквозь зубы.

Отряд остановился вдруг, точно сговорившись, хотя ни одного слова сказано не было. Вокруг слышались жуткие нездешние голоса. Это мог быть всего лишь вой ветра в трещинах скальной стены, но звуки походили на резкие вопли и взрывы дикого хохота. С горы покатились камни — свистели над головой или разбивались у ног. То и дело доносился глухой рокот, будто огромные валуны скатывались с невидимых высот.

— Сегодня нам дальше не пройти, — сказал Боромир. — Пусть кто хочет зовёт это ветром; вокруг смертные голоса; и камни метят в нас.

— Я назову это ветром, — проговорил Арагорн. — Но это не значит, что ты неправ. В мире много лихих и злобных сил, которые не жалуют тех, кто ходит на двух ногах — хоть и не служат Саурону. Некоторые явились сюда раньше, чем он.

— Карадрас не зря назван Жестоким, — вставил Гимли, — и получил он это лихое имя давным-давно, когда даже слух о Сауроне не тревожил этих краёв.

— Какая разница, кто враг, если мы не можем отбить нападения? — сказал Гэндальф.

— Но что же нам делать? — потерянно спросил Пин. Он опирался на Фродо и Мерри и дрожал.

— Останавливаться или возвращаться, — сказал Гэндальф. — Дальше идти не стоит. Немного впереди, если память мне не изменяет, тропа эта уходит с обрыва и бежит по широкой расщелине у подножия долгого крутого склона. Там нам негде будет укрыться от снега и камней — или от чего-нибудь похуже.

— Возвращаться в такую метель тоже не стоит, — заметил Арагорн — По пути нам не встретилось ни единого укрытия, кроме этой скальной стены.

— Укрытие!.. — пробурчал Сэм. — Ежели это укрытие, так одна-разъединственная стена — дом.

Отряд сгрудился так близко к стене, как мог. Она смотрела на юг, и внизу немного прогибалась, так что путники надеялись, что она немного укроет их от северного ветра и камнепада. Но пронзительные вихри кружились вокруг, а снег падал вроде бы даже гуще.

Они стояли тесной кучкой, спиной к стене. Пони Билл терпеливо, но мрачно стоял перед хоб-

битами и чуть-чуть заслонял их; но вскоре снег дошёл ему до коленей и продолжал подниматься. Если бы хоббиты были одни — их завалило бы с головой.

Фродо одолевал сон; он чувствовал, что проваливается в тёплую туманную грёзу. Ему мнилось, что огонь греет его пальцы, а из тени с другой стороны очага слышится голос Бильбо.

«Скучный у тебя дневник, — говорит он. — Снежная буря двенадцатого января; незачем было возвращаться, чтобы рассказать это!»

«Но я устал и хочу спать, Бильбо», — с усилием отвечал Фродо, — тут его встряхнули, и он с трудом пришел в себя. Боромир поднял его, вытащив из снежной норы.

— Полурослики погибнут, Гэндальф, — сказал Боромир. — Нельзя сидеть сложа руки и ждать, покуда нас занесёт с головой. Надо что-то делать.

— Дай им это, — Гэндальф пошарил в мешке и вытащил кожаную баклагу. Пусть каждый сделает по глотку. Это большая ценность. Это — мирувор, бодрящий мёд Имладриса. Эльронд дал его мне при расставании. Пустите баклагу по кругу!

Едва Фродо хлебнул душистого тёплого питья, как сил у него прибыло и тяжкая сонливость

оставила члены. Другие тоже приободрились и вновь обрели надежду и мужество. Но снег не утихал. Он вихрился вокруг всё сильнее и гуще, а ветер выл всё громче.

— Как насчёт костра? — спросил вдруг Боромир. — Нам, кажется, приходится выбирать между ним и смертью, Гэндальф.

— Можешь разводить костёр, если можешь, — отозвался Гэндальф. — Если здесь есть шпионы, которым по силам эта буря — они увидят нас, с костром или без.

Но, хотя они принесли, по совету Боромира, растопку с собой, разжечь огонь на ураганном ветру было не под силу ни эльфу, ни даже гному. Наконец, с большой неохотой, за дело взялся Гэндальф. Подняв вязанку, он мгновенье подержал её навесу, а потом, повелительно проговорив: «наур ан эдраит аммен!» вонзил верхушку Жезла в самый её центр. Плеснуло бело-зелёное пламя, вязанка занялась и затрещала.

— Если тут есть, кому смотреть — я, по крайней мере, открылся им, — сказал маг. — Я написал «Гэндальф здесь» письменами, понятными всем — от Светлояра до Устья Андуина.

Однако Отряд более не думал о соглядатаях. Души их радовались свету костра. Хворост весело

горел; и хотя снег вокруг таял и лужицы расползались под ногами, они с удовольствием грели над огнём руки. Они стояли, согнувшись, вокруг маленьких танцующих язычков. Алый свет падал на усталые, тревожные лица; позади чёрной стеной вздымалась ночь.

Но хворост сгорал быстро, а снег всё шёл.

***

Огонь приугас, и в костёр бросили последнюю вязанку.

— Ночь близится к концу, — сказал Арагорн. — Скоро рассвет.

— Если только рассвету удастся пронзить эти тучи, — проворчал Гимли.

Боромир вышел из круга и всмотрелся во мрак.

— Снег поредел, — проговорил он. — И ветер стихает.

Фродо устало смотрел на снежинки, вылетающие из тьмы, чтобы на миг бело вспыхнуть в отблесках умирающего огня; но долгое время не замечал, чтобы их стало меньше. Потом вдруг, когда сон начал снова обволакивать его, он заметил, что ветер и правда утих, а снежинки становятся крупнее и реже. Медленно-медленно разгорался тусклый свет. Наконец прекратился и снегопад.

Свет делался всё ярче, являя взору примолкнувший, будто закутанный в саван, мир. Под их укрытием виднелись белые кучи, и купола, и бесформенные пропасти, среди которых тропа, по которой путники прошли с таким трудом, почти затерялась; а вершины над головой скрывались в огромных тучах, по-прежнему набухших снегом.

Гимли взглянул вверх и покачал головой.

— Карадрас не простил нас, — сказал он. — Стоит нам только двинуться дальше — он засыплет нас снегом. Чем скорей мы вернёмся — тем лучше.

С этим согласились все, однако отступать им теперь было трудно, — если не невозможно. Несколькими шагами ниже углей от костра снег лежал выше голов хоббитов; местами ветер нагромоздил его огромными сугробами поперёк уступа.

— Если Гэндальф пойдёт впереди с ясным огнём — он протает вам тропу, — сказал Леголас. Буря мало встревожила его и он, единственный из Отряда, сохранил хорошее настроение.

— Если бы эльфы умели летать — они привели бы нам на помощь Солнце, — откликнулся Гэндальф. — Мне же нужно иметь, что поджигать. Я не могу зажечь снег.

— Что ж, — сказал Боромир, — не сможет разум — осилит сила, говорят у нас. Сильнейшие из нас проложат путь. Смотрите! Хотя сейчас всё замёл снег, тропа наша, когда мы поднимались, завернула за выступ — вон там, внизу. Именно там на нас в первый раз обрушился снег. Если мы сумеем добраться туда — дальше, быть может, будет легче. Полагаю, до него не больше фарлонга.

— Так проторим туда путь — ты и я! — проговорил Арагорн. Арагорн был самым высоким в Отряде, но Боромир, чуть ниже ростом, был крепче и шире в плечах. Он прокладывал путь, а Арагорн шёл следом. Они двигались медленно; местами снег был им по грудь, и Боромир, казалось, не идёт, а плывёт в сугробах.

Леголас некоторое время с улыбкой следил за ними, а потом повернулся к остальным.

— Сильнейшие проложат путь, говорите вы? А я скажу: пусть пахари пашут, но если нужен быстрый пловец — избери выдру, а легконогий ходок — эльфа.

Он легко шагнул вперёд — и тут Фродо заметил (точно впервые, хотя давно это знал), что эльф обут не в башмаки, а в легкие туфли и почти не оставляет следов.

— Прощай! — сказал тот Гэндальфу. — Иду ис-

кать Солнце!

Потом, быстро, как бегун по плотному песку, он рванулся вперёд, мгновенно нагнал тяжело бредущих людей, помахал им и скрылся за поворотом.

Остальные ждали, прижавшись друг к другу, пока Боромир и Арагорн не стали чёрными точками в ослепительной белизне. В конце концов и они скрылись из глаз. Медленно тянулось время. Тучи опустились, упало несколько крупных снежинок.

Прошёл, наверное, час, хотя казалось — гораздо больше, и наконец Леголас возвратился. В это же время из-за скалы, с трудом поднимаясь по склону, показались Боромир и Арагорн.

— Что ж, — сказал Леголас, подбегая, — Солнца я не привёл. Дева Огня бродит в голубых полях юга, и маленькая вьюга на холмике Карадрас вовсе не волнует её. Но я принёс проблеск надежды тем, кто обречён ходить пешком. За поворотом — огромный завал, и наши Сильнейшие в нём увязли. Они почти отчаялись — но я сказал им, что сугроб не толще стены. А по ту его сторону снега почти нет — хватит лишь, чтобы охладить хоббитам пальцы.

— А что я говорил? — пробурчал Гимли. — Это

не просто буря. Это злая воля Карадраса. Он не любит ни эльфов, ни гномов, и сугроб этот наметен, чтобы отрезать нам путь к спасению.

— Но, по счастью, твой Карадрас забыл, что с вами есть люди — сказал подошедший в этот миг Боромир. — И смелые люди, да позволено мне будет сказать это; хотя, быть может, люди послабей, но с лопатами пригодилась бы больше. Однако мы пробили тропку сквозь сугроб; и, думаю, те, кто не может бегать столь легко, как эльфы будут нам благодарны.

— Но как мы туда доберемся, даже если вы пробили сугроб? — Пин высказал мысли всех хоббитов.

— Доберетесь! — сказал Боромир. — Я устал, но кое-какие силы у меня остались, и у Арагорна тоже. Мы понесем малышей. Остальные, уверен, изловчатся и пройдут по нашим следам. Ну, мастер Перегрин! Я начну с тебя.

Он поднял хоббита.

— Держись за плечи! Руки мне будут нужны, — и шагнул вперёд. Арагорн с Мерри двинулся следом. Пин дивился силе гондорца, видя проход, который он проложил, не имея никаких инструментов, кроме рук и ног. Даже сейчас, отягощённый ношей, он расширял тропу для тех,

кто шёл позади, отбрасывая снег в стороны.

Наконец они подошли к огромному сугробу. Он отвесной стеной громоздился поперёк уступа, и гребень его, острый, как нож, вздымался выше головы Боромира; но сквозь него, горбатясь мостом, вёл проход. По ту сторону Пина и Мерри спустили вниз, и там они вместе с Леголасом дожидались подхода остальных.

Немного спустя Боромир вернулся, неся Сэма. За ними узкой, но теперь хорошо утоптанной тропой шел Гэндальф, ведя Билла — на пони, поверх поклажи, восседал Гимли. Последним, с Фродо за спиной, шагал Арагорн. Они миновали сугроб; но едва Фродо коснулся земли, как вниз с глухим шумом скатился камнепад, мешаясь с лавиной снега. Полуослепшие, Путники прижались к скале, а когда воздух очистился, увидели, что тропа за ними завалена вновь.

— Хватит, хватит! — закричал Гимли. — Мы уже уходим!

И действительно, нанеся этот последний удар Карадрас, казалось, унял свою злобу — будто довольный, что чужаки уходят и не осмелятся возвратиться. Снежные тучи поднялись; они стали рваться, и свет прибывал с каждой минутой.

Как и говорил Леголас, снегу становилось тем

меньше, чем ниже они спускались, так что даже хоббиты могли идти сами. Вскоре они снова стояли на широком уступе у начала крутого склона, где прошлой ночью на них упали первые снежинки.

Утро давно наступало. С высоты они смотрели через равнину на запад. Далеко-далеко, в холмах, что лежали у подножия, затерялась лощинка, из которой они начали подъём к перевалу.

Ноги Фродо горели. Он продрог до костей и был страшно голоден. Голова его болела при одной мысли о долгом утомительном спуске. Чёрные точки плыли перед глазами. Он протёр их — но точки остались. Далеко внизу, но всё же выше холмов предгорий, кружились тёмные пятна.

— Снова птицы! — проговорил Арагорн, указывая на них.

— Ничего не поделаешь, — отозвался Гэндальф. — Друзья они, или враги, или им просто нет дела до нас — мы должны спускаться, немедля. Даже у подножия Карадраса не можем мы провести ночь!

Холодный ветер дул им в спину, когда они повернулись и устало побрели вниз по склону. Карадрас победил.

Глава 4
Путь во тьме

Был вечер, и серый свет быстро тускнел, когда они остановились на ночь. Они очень устали. Горы затянула густеющая мгла, дул холодный ветер. Гэндальф снова дал каждому глоток мирувора. Когда все немного поели, маг собрал совет.

— Этой ночью мы, конечно, никуда не пойдём, — сказал он. — Атака у Багровых Ворот утомила нас всех — надо немного отдохнуть.

— А потом — куда мы пойдём? — спросил Фродо.

— Перед нами по-прежнему Путь и Дело, — ответил Гэндальф. — У нас нет иного выбора, кроме как идти вперед — или возвращаться в Светлояр.

Лицо Пина явственно просветлело при одном упоминании о Светлояре; Мерри и Сэм с надеждой вскинули глаза. Но Арагорн и Боромир не шевельнулись. Фродо выглядел взволнованным.

— Хотел бы я оказаться там, — сказал он. — Но как могу я вернуться без позора — если только и правда нет иного пути, и мы уже побеждены?

— Ты прав, Фродо, — сказал Гэндальф. — Вер-

нуться — значит признать поражение и встать перед ещё более страшным поражением — и скоро. Ежели мы возвратимся сейчас, Кольцо останется там: выйти второй раз нам не позволят. Тогда, раньше или позже, Светлояр будет осаждён и — после краткого и страшного времени — разрушен. Призрачные Кольценосцы — грозные враги, но покуда они лишь тени той мощи и ужаса, которыми нальются, когда Кольцо Всевластья вновь окажется на руке их Господина.

— Тогда нам надо идти — если есть путь, — вздохнул Фродо. Сэм опять помрачнел.

— Есть путь, которым можно попытаться пройти, — проговорил маг. — С самого начала, обдумывая этот поход, я думал о нём. Но путь этот — не прогулка, и потому я не говорил о нём Отряду. Арагорн был против него — по крайней мере, пока мы не попытаемся перейти Горы.

— Если эта дорога хуже Багровых Ворот — она должна быть и вправду лихой, — сказал Мерри. — Но лучше бы ты сразу сказал о ней, чтобы мы знали самое страшное.

— Дорога, о которой я говорю, ведёт к Морийским Копям, — сказал Гэндальф. Лишь Гимли поднял голову; тлеющий огонь мерцал в его глазах. Остальных при этом названии охватил ужас.

Даже для хоббитов оно было призраком смутных страхов.

— Дорога может привести к Мории — но можно ли надеяться, что она пройдёт сквозь Морию? — хмуро спросил Арагорн.

— Имя её предвещает беду, — проговорил Боромир. — Я не вижу надобности идти туда. Если мы не можем перевалить гор — давайте пойдём на юг, пока не дойдём до Роандийского Прохода, где живет дружественный нам народ: путём, которым я пришёл сюда. Или мы могли бы перейти Исен и прийти в Гондор через Дальнебережье и Лебеннин — от моря.

— Многое изменилось с тех пор, как ты прискакал на Север, Боромир, — ответил Гэндальф. — Разве не слышал ты моего рассказа о Сарумане? С ним у меня ещё будет встреча прежде, чем всё кончится… Но Кольцо не должно приближаться к Исенгарду, если этого можно избежать. Роандийский Проход закрыт для нас, пока мы идём с Хранителем.

И путь наш стал бы длиннее, а время дорого. На такой поход уйдёт год, и нам придётся идти пустынными и трудными землями. Но они не будут безопасны. За ними следит много бдительных глаз — и саруманових, и Вражьих. Когда ты спе-

шил на север, Боромир, ты был для Врага лишь одиноким всадником с юга, и мало занимал Его: ум Его был занят погоней за Кольцом. Но сейчас ты — член Отряда Хранителей, и в опасности, покуда остаёшься с нами. Опасность эта будет расти с каждой лигой, пройденной под открытым небом.

Со времени открытой попытки перейти горы положение наше, боюсь, стало стало ещё более отчаянным. Надежды почти нет, если только мы вскорости не спрячемся и не скроем свой след. А потому мой совет — идти не через горы и не вокруг них, но под ними. По крайней мере, Враг не ждёт, что мы изберём этот путь.

— Мы не знаем, чего ждёт Враг, — возразил Боромир. — Он может следить за всеми тропами. В этом случае входить в Морию — входить в ловушку: едва ли лучше, чем стучаться в ворота Чёрного Замка. Мория не зря зовётся Чёрной.

— Ты судишь о том, чего не знаешь, когда называешь Морию твердыней Саурона, — возразил Гэндальф. — Я — единственный из вас — бывал в донжонах Чёрного Властелина, и то лишь в его древней и меньшей крепости в Дол-Гулдуре. Те, кто входит в ворота Чёрного Замка, не возвращаются. Но я не повёл бы вас в Морию, если бы

оттуда не было выхода. Если там есть орки — это может обернуться бедой, тут ты прав. Но большинство орков Мглистого Хребта рассеяны или погибли в Битве Пяти Воинств. Орлы доносят, что они собираются снова; но есть надежда, что Мория пока свободна.

А быть может, там даже есть гномы, и в каком-нибудь глубинном чертоге мы встретим Балина, сына Фундина. Как бы там ни было, надо вступить на путь, избранный нуждой!

— Я вступлю с тобой на этот путь, Гэндальф! — вскричал Гимли. — Пойду и взгляну на залы Дарина, что бы там ни ждало — если ты сможешь отыскать закрытые двери.

— Хорошо, Гимли! — сказал Гэндальф. — Ты ободрил меня. Мы вместе отыщем скрытые двери. И пройдём. В развалинах Царства Гномов гном найдёт дорогу легче, чем эльф, человек или хоббит. Однако я не впервые спущусь в Морию. Я долго искал там Траина, сына Трора, когда он пропал. Я прошел сквозь неё, и вышел живым!

— Я тоже однажды входил во Врата Затенья, — тихо проговорил Арагорн, — но, хотя и я вышел оттуда, память об этом зла. Я не хочу входить в Морию во второй раз.

— Я и в первый не хочу, — сказал Пин.

— А я — и подавно, — пробормотал Сэм.

— Конечно, нет! — сказал Гэндальф. — Кто хочет? Вопрос в другом: кто пойдёт за мной, если я поведу вас туда?

— Я пойду, — привскочил Гимли.

— И я, — тяжело выговорил Арагорн. — Ты шел за мной почти до смерти в снегу, и ни словом не упрекнул меня. Я пойду за тобой — если это последнее предостережение не поколеблет тебя. Я думаю сейчас не о Кольце, не о нас всех — лишь о тебе, Гэндальф. И тебе говорю я: если войдешь во врата Мории — берегись!

— Я не пойду, — сказал Боромир, — если только весь Отряд не будет против меня. Что скажут Леголас и Полурослики? И Хранитель Кольца?

— Я не хочу идти в Морию, — сказал Леголас. Хоббиты молчали. Сэм смотрел на Фродо. Наконец Фродо заговорил.

— Я не хочу идти, — сказал он, — но не хочу и отвергать совета Гэндальфа. Я прошу не решать ничего до утра, пока мы не выспимся. Утром, при свете, принять решение будет легче, чем в этой холодной тьме. Как воет ветер!

После его слов все погрузились в молчаливые раздумья. Они слышали, как ветер шипит меж деревьев и скал, а ночь полнится воем и воплями.

Вдруг Арагорн вскочил на ноги.

— Как воет ветер!.. — воскликнул он. — Он воет волчьими голосами. Волки западнее гор!

— Надо ли ждать утра? — спросил Гэндальф. — Всё, как я сказал. Охота началась! Даже если мы доживём увидеть рассвет, кто захочет теперь идти на юг ночью — с дикими Варгами за спиной?

— Далеко ли Мория? — повернулся к нему Боромир.

— Двери её на юго-западе, милях в пятнадцати воронова полета от Карадраса, а волчьего бега — милях в двадцати.

— Так давайте завтра выступим, как только рассветёт, — сказал Боромир. — Лучше бояться орка, чем слышать волка!

— Верно! — согласился Арагорн, шевельнув мечом. — Но где воет волк — бродит и орк.

— И почему только я не послушался Эльронда? — шепнул Пин Сэму. — Какой из меня боец? Мало во мне, видно, от Бандобраса Бычьего Рыка: от этого воя у меня кровь стынет. Никогда мне не было так скверно.

— У меня душа давно уж в пальцах сидит, господин Пин, — отозвался Сэм. — Но нас ведь всё-таки пока ещё не едят, и не думаю, чтобы съели: с нами тут народ крепкий. Об заклад бьюсь,

не согласится старина Гэндальф храниться в волчьем брюхе!

На ночь Отряд поднялся на вершину небольшого холма, под которым они сидели. Его венчала кучка старых изогнутых деревьев, окруженных изломанной каменной стеной. В центре круга путники разожгли костёр, ибо не было надежды, что темнота и молчание укроют их от идущих по следу тварей.

Они сидели вокруг огня и те, кто не был на страже, беспокойно дремали. Бедняга Билл дрожал и потел. В кромешной ночной тьме за скатом холма пылали бесчисленные парные огоньки. Некоторые подбирались почти к самым камням. Вой, то приближаясь, то отдаляясь, нёсся со всех сторон. В проёме стены выросла вдруг тёмная тень; огромный волк стоял, глядя на них. Дрожащий вой раздался и замер, будто вожак созывал стаю на бой.

Гэндальф встал и шагнул вперёд, высоко воздев Жезл.

— Слушай, ты, ищейка Саурона! — вскричал он. — Здесь Гэндальф. Беги, если дорожишь своей мерзкой шкурой! Я прожгу тебя от носа до хвоста — посмей лишь войти в круг!

Волк рыкнул и метнулся к ним громадным

прыжком. В тот же миг резко прозвенела тетива. Жуткий вой — и варг грохнулся наземь; эльфийская стрела пронзила ему горло. Глаза вокруг вдруг погасли. Гэндальф и Арагорн вышли вперёд, но холм был пуст; стая исчезла, мрак молчал, и ветер не доносил ни звука.

Была поздняя ночь, и на западе садилась убывающая луна, чуть просвечивая сквозь рваные тучи. Фродо внезапно очнулся от сна. Совершенно неожиданно дикий, яростный вой сотряс воздух. Громадная стая варгов подобралась бесшумно и теперь нападала на лагерь сразу со всех сторон.

— Хворосту в костёр! — крикнул Гэндальф хоббитам. — Мечи из ножен — и спиной к спине!

Дрова вспыхнули — и в занявшемся свете Фродо увидел множество серых теней, перескакивающих каменный круг. Их становилось всё больше. Меч Арагорна пронзил одного волка; сильно размахнувшись, Боромир снёс голову другому. Рядом с Людьми, твердо упираясь в землю расставленными ногами, сжав боевой топор, стоял Гимли. Пел лук Леголаса.

В неверном свете костра казалось, что Гэндальф вдруг вырос: поднялся гигантской угрозной тенью, подобный каменной статуе древнего короля, водружённой на вершине холма. Нагнувшись, он

поднял горящую ветвь и шагнул навстречу волкам. Они подались назад перед ним. Маг воздел мерцающий Жезл. Всё озарилось, как молнией, белым сиянием; и громом раскатился голос мага:

— НАУР АН ЭДРАЙТ АММЕН! НАУР ДАН И НГА УРОТ!

Раздался рёв и треск. Дерево над ним охватило слепящее пламя. Огонь перекидывался с вершины на вершину — холм был увенчан ослепительным светом. Мечи и кинжалы защитников сияли и искрились. Последняя стрела Леголаса вспыхнула налету и, пылая, вонзилась в сердце волка-вожака. Остальные бежали.

Медленно угасал огонь, пока не осталось ничего, кроме нескольких искр, перебегающих по золе и углям; душный дым крутился над сожженными стволами, и ветер тёмными облачками уносил его с холма. Первый свет утра бледно всполз на небо. Враги не возвращались.

— Что я вам сказал, господин Пин? — проговорил Сэм, вкладывая меч в ножны. — Волкам его не сожрать. И удивились же они, небось! Мне и то чуть волосы не опалило.

Когда совсем рассвело, следов волков не нашлось, и Хранители напрасно искали убитых. От ночной битвы не осталось ничего, кроме тле-

ющих деревьев, да стрел Леголаса, усыпавших вершину. Все они были целы — лишь от одной остался только наконечник.

— Этого я и боялся, — сказал Гэндальф. — Это волколаки, а не просто волки — охотники за добычей. Давайте поедим скорее — и в путь!

В тот день погода снова переменилась, точно по воле какой-то силы, более не нуждающейся в снеге, поскольку они сошли с перевала — силы, которой было теперь нужно чистое небо, чтобы издалека следить за бродящими в глуши. Ночью ветер из северного сделался северо-западным, а теперь и вовсе утих. Тучи сдуло к югу, открылось небо — высокое и голубое. Когда они стояли на вершине холма, готовые в путь, бледный солнечный луч тронул вершины гор.

— Нам надо достичь ворот до заката, — сказал Гэндальф, — или, боюсь, мы вообще не дойдём до них. Это недалеко, но путь наш будет извилист: здесь Арагорн не сможет вести нас. Он редко заходил в эти края, а сам я был у Западной Стены Мории лишь раз — и очень давно.

Она там, — он указал на юго-восток, где крутые горные склоны спадали в беспросветные тени у подножий. Вдалеке смутно виднелась череда голых обрывов, а в центре — выше других — боль-

шая серая стена. — Когда мы ушли с перевала, я повёл вас на юг, а не вернулся к началу подъёма — быть может, кое-кто из вас это заметил. И хорошо, что повёл — теперь нам идти на несколько миль меньше, и надо спешить. Идём!

— Не знаю, на что надеяться, — заметил Боромир. — Что Гэндальф найдет, что ищет, или что, придя к хребту, мы отыщем захлопнутые навеки ворота. Ни в то, ни в другое не верится — самое вероятное, мы окажемся между волками и стеной… Вперёд!

Гимли шагал теперь впереди, рядом с магом — так хотелось ему попасть в Морию. Они вместе вели Отряд назад, к Горам. Единственная древняя дорога к Мории лежала вдоль русла реки, Сиранноны, что сбегала с обрыва там, где стояли двери Подгорного Царства. Но то ли Гэндальф сбился с пути, то ли край изменился за прошедшие годы: он не нашел реки там, где рассчитывал увидеть её, несколькими милями южнее места, откуда они начали путь.

День клонился к полудню, а Отряд все ещё блуждал в пустынном краю, пробираясь меж голых красных камней. Нигде не было видно блеска воды, ниоткуда не доносился её плеск. Всюду — тусклость и сушь. Путники пали духом. На земле

— ни зверя, в небе — ни птицы; а что принесёт им ночь, если застанет их в этой пустыне — никто не осмеливался и думать.

Внезапно Гимли, неутомимо шедший впереди, окликнул их. Он стоял на бугре и указывал вправо. Поспешив вверх, они увидели над собой глубокое и узкое русло. Оно было пусто и тихо, едва ли струйка текла среди коричневых и красных камней на его дне; но по ближнему берегу шла тропа — сильно разрушенная и занесенная, вилась она между стенами и камнями древнего тракта.

— А! Наконец-то! — сказал Гэндальф. — Здесь текла река — Сираннона, Привратница, как её звали. Но что случилось с водой — не знаю; когда-то она была быстрой и шумной. Идём! Надо спешить. Мы задержались.

Отряд устал и сбил ноги; но Путники, устало запинаясь, тащились по ухабистой вьющейся дороге ещё много миль. Солнце покинуло зенит и склонялось к западу. После короткого привала и торопливой еды они снова тронулись в путь. Перед ними тянулись горы, но их тропа лежала в глубоком распадке, и они видели лишь самые высокие гребни и дальние восточные пики.

Наконец они подошли к крутому повороту.

Там дорога, до этого ведшая на юг, изгибалась и снова сворачивала к востоку. За углом они увидели низкий обрыв, саженей пяти высотой, с выветренным изломанным краем. Через него с треньканьем переливался ручей — широкая трещина, по которой он бежал, казалась промытой более полноводным и бурным потоком.

— Воистину всё изменилось! — сказал Гэндальф. — Но место то самое. Это всё, что осталось от водопада Приморийский Порог. Если память не изменяет мне, сбоку от него в скале вырублена лестница, а главный тракт уходит влево и несколькими петлями поднимается к плато на вершине. Когда-то там была неглубокая долина — от водопада до самых Стен Мории — и через неё, с дорогой по берегу, текла Сираннона. Пойдем, посмотрим, что там теперь!

Они без труда отыскали каменные ступени, и Гимли быстро взбежал наверх, а за ним — Гэндальф и Фродо. Едва поднявшись, они увидели, что дальше им здесь не пройти и поняли, отчего пересохла Привратница. Позади них закатное солнце полнило стылое западное небо мерцающим золотом. Впереди простиралось тёмное тихое озеро. Ни небо, ни закат не отражались в черной воде. Сираннона вышла из берегов и

затопила долину. За жутким озером вставали высокие отвесные скалы, их суровые лики бледнели в угасающем свете — бесстрастные, непроходимые. Ни следа ворот или входа, ни трещинки не смог увидеть Фродо на хмуром камне.

— Там Стены Мории, — сказал Гэндальф, указывая за озеро. — И там некогда стояли Двери, Эльфийский Вход у конца дороги из Падуби, которой мы пришли. Но эта дорога закрыта. Никто из Отряда, полагаю, не захочет переплывать сии мрачные воды на исходе дня. Вид у них преопасный.

— Надо искать дорогу вдоль северной кромки, — сказал Гимли. — Первое, что должен сделать Отряд — подняться по главному тракту и взглянуть, куда он нас приведёт, даже если бы тут не было озера — нашему пони всё равно не взойти по лестнице.

— Но в любом случае взять беднягу в Копи мы не сможем, — сказал Гэндальф. — Путь под горами — тёмный путь, там есть места узкие и крутые, где он не пройдёт — даже если пройдём мы.

— Бедный старина Билл! — вздохнул Фродо. — Об этом я не подумал. И бедный Сэм! Что-то он скажет?..

— Мне жаль их, — сказал Гэндальф. — Старина

Билл был полезным товарищем, и мне не по душе бросать его сейчас на произвол судьбы. Если б я шёл сам — я пошел бы налегке, и не стал бы тащить с собою животное, особенно то, которое люблю. Я всё время боялся, что нам придётся избрать этот путь.

День близился к концу, и холодные звёзды сияли высоко над чертой заката, когда Отряд, поспешно вскарабкавшись по откосу, достиг берега озера. В самом широком месте оно казалось не больше двух-трех фарлонгов. Насколько оно вытягивалось к югу — разглядеть было трудно; но его северный край был едва в полумиле от места, где они стояли, и между каменистым хребтом, замыкающим долину, и берегом была полоска сухой земли. Путники заторопились вперёд, потому что от места на дальнем берегу, к которому вёл Гэндальф, их всё ещё отделяло около двух миль, а потом ему надо будет ещё отыскать двери.

Когда они подошли к северному углу озера, узкая протока преградила им путь. Она была зелёной и застойной — илистая рука, отброшенная к горам. Никто не успел удержать Гимли — он шагнул вперёд, и обнаружил, что воды в протоке едва по щиколотку. Они один за другим двинулись за ним, осторожно, потому что под по-

дёрнутой ряской водой были камни — слизистые и скользкие, а оступаться было опасно. Фродо содрогнулся от отвращения, когда нечистая тёмная вода коснулась его ног.

Едва Сэм — последний из Отряда — вышел, ведя в поводу Билла, на сухую землю на другом берегу, донёсся тихий свист, а за ним — всплеск, точно рыба встревожила спокойную поверхность озера. Быстро обернувшись, они увидели рябь, чёрную в угасающем свете: большие круги широко расходились от дальней точки. Раздался булькающий звук, и всё стихло. Сумерки сгущались; последние искры заката поглотила туча.

Гэндальф быстро шагал вперёд. Остальные едва поспевали за ним. Они добрались до полоски сухой земли меж озером и хребтом — она была узкой, часто не больше двенадцати ярдов шириной, местами её завалили камни, но Путники отыскивали дорогу, вжимаясь в обрыв, стараясь держаться как можно дальше от тёмной воды. Милей южнее они наткнулись на иссохшие заросли падуба. Пни и мёртвые стволы гнили на отмелях и казались остатками древнего кустарника или живой изгороди, что некогда окаймляла дорогу, пересекавшую затопленную долину. Но под самым обрывом стояли, всё ещё живые и

крепкие, два высоких дерева — выше всех падубов, какие Фродо когда-либо видел или мог себе представить. Их огромные корни протянулись от стены до воды. Издали, на фоне вздымающихся стен, они казались просто кустами; сейчас они встали над головой — прямые, тёмные, безмолвные, бросив густую тень под ноги путникам, подобные стражам у конца дороги.

— Ну, вот мы и пришли! — сказал Гэндальф. — Эльфийский Тракт из Падуби кончился. Падуб был знаком народа этих мест, и они высадили его здесь, чтобы отметить конец своих владений; ибо Западные Двери были сделаны, главным образом, для торговли с Государями Мории. То были самые счастливые дни, когда разные народы ещё дружили между собой — даже Гномы и Эльфы.

— Не Гномы повинны в том, что дружба эта прервалась, — сказал Гимли.

— Я не слышал, чтобы в этом были повинны Эльфы, — сказал Леголас.

— Я слышал и то, и другое, — сказал Гэндальф, — и не стану сейчас судить об этом. Но я прошу по крайней мере вас, Леголас и Гимли, быть друзьями и помочь мне. Мне нужна помощь вас обоих. Двери закрыты и скрыты, и чем быстрей мы найдём их — тем лучше. Ночь близко! — И обернулся

к остальным:

— Пока я ищу, пусть каждый из вас приготовится войти в Копи. Здесь, боюсь, нам придётся проститься с нашим славным носильщиком. Вы должны оставить большую часть тёплой одежды: внутри она вам не понадобится, да и потом, когда мы выйдем на ту сторону и пойдем на юг — тоже. Вместо этого каждый возьмет часть того, что нес пони, особенно еду и бурдюки с водой.

— Но вы же не бросите беднягу Билла одного в этом проклятом месте, господин Гэндальф?! — зло и огорченно вскричал Сэм. — Я не согласен — не оставлю его, и все тут. После того как он столько шел с нами!..

— Мне очень жаль, Сэм, — проговорил маг. — Но когда Двери откроются — не думаю, чтобы ты смог заставить Билла войти внутрь, в темные глубины Мории. Тебе придется выбирать между Биллом и хозяином.

— Он пойдет за господином Фродо дракону в пасть, если я поведу его, — возразил Сэм. — Это ж будет самым что ни на есть настоящим убийством — отпускать его сейчас: волков-то вокруг сколько!

— Надеюсь, это не станет убийством, — сказал Гэндяльф. Он положил руку на голову пони и

тихо проговорил: — Иди — да охранит тебя Путеводное Заклятье. Ты мудр и многому научился в Светлояре. Выбирай тропы, где есть трава — тогда доберешься до замка Эльронда или в любое другое место.

Ободрись, Сэм! У него столько же шансов спастись от волков и добраться домой, сколько у нас.

Сэм молча стоял рядом с пони и не отвечал ни слова. Билл, казалось, понимавший, что происходит, негромко пофыркивал, уткнувшись носом в сэмово ухо. Сэм расплакался и завозился с ремнями, снимая с пони мешки и швыряя их наземь. Остальные разбирали вещи, складывая в кучу все, что можно оставить, и деля между собой то, что осталось.

Когда все было сделано, они обернулись к Гэндальфу. Казалось, маг ничего не делает. Он стоял между двух дерев, уставясь на пустую стену меж ними, будто собирался взглядом проделать в ней дыру. Гимли бродил вокруг, то и дело постукивая по камню топором. Леголас прижался к скале, будто вслушиваясь.

— Ну, мы всё сделали и готовы, — сказал Мерри. — Но где Двери? Что-то я их не вижу.

— Гномьи двери не так-то просто увидеть, когда

они закрыты, — отозвался Гимли. — Они невидимы, и собственные господа не могут ни найти, ни открыть их, если секрет утрачен.

— Но эти Двери не были тайными, известными только гномам, — сказал Гэндальф, внезапно возвращаясь к действительности и оборачиваясь. — Если только мир не изменился совсем, глаза, знающие, что искать, могут увидеть знаки.

Он подошел к стене. Прямо между тенями деревьев она была гладкой; и Гэндальф повел по этому месту руками — взад и вперед, бормоча себе под нос какие-то слова. Потом отступил.

— Взгляните! — сказал он. — Теперь видите?

Свет Луны сиял теперь на серой глади скалы; но какое-то время путники ничего не видели. Потом на стене, там, где коснулись её руки мага, медленно проступили слабые линии, точно серебряные вены пробежали по камню. Сперва то были слабые паутинки, такие тонкие, что едва взблескивали под лунным лучом, но они становились все ярче и шире, пока не стал различим рисунок.

Наверху, докуда смог достать Гэндальф, была арка из переплетённых эльфийских букв. Под ней, хоть линии кое-где и прерывались, можно

было разглядеть наковальню и молот; их венчали корона и семь звезд. Еще ниже были два дерева, каждое несло на ветвях полумесяцы. Гораздо ярче всего остального была сияющая в центре дверей многолучевая звезда.

— Это знаки Дарина! — вскричал Гимли.

— И Древо Заморских Эльфов! — добавил Леголас.

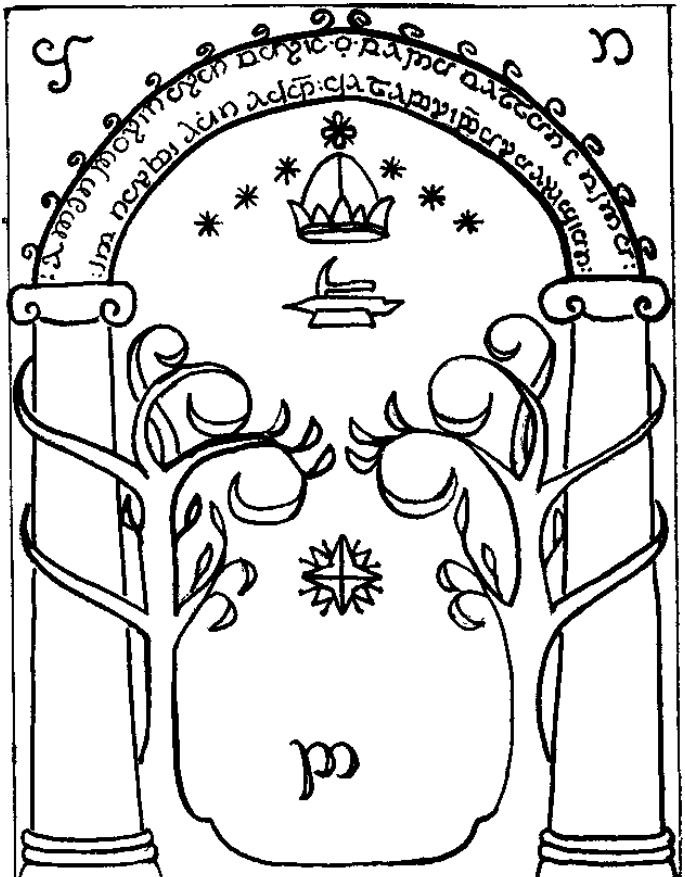
— И Звезда Дома Феанора, — сказал Гэндальф. — Все они сделаны из исильдина, что отражает лишь звездный и лунный свет и спит, пока его не коснется тот, кто произнесет слова, давно забытые в Средиземье. Давным-давно слышал я их, и мне пришлось долго думать, прежде чем они вспомнились.

— А что говорит надпись? — спросил Фродо, попытавшийся разобрать письмена на двери. — Я думал, что знаю эльфийские буквы, но этих прочесть не могу.

— Это слова эльфийского языка, что бытовал на Западе Средиземья в Предначальную Эпоху, — объяснил Гэндальф. — Но нам они ничего важного не скажут. Они гласят: «Двери Дарина, Государя Мории. Скажи, друг, и входи». А ниже, помельче и потусклее: «Я, Нарви, сделал их. Келебримбор из Эрегиона начертал письмена».

— Что значит «скажи, друг, и входи?» — спросил Мерри.

— Это-то ясно, — сказал Гимли. — Если ты друг — скажи Пропускное Слово, двери откроются, и ты сможешь войти.



Здесь написано Феаноровыми рунами.

обычаем Белерианда: Эннин Дарин Аран Мориа: педо мэллон а минно: им Нарви хаинт эхайнт: Келбримбор о Эрегион тэйтант и т'ив ин.»

— Да, — кивнул Гэндальф. — Эти двери, похоже, подчиняются слову. У гномов есть двери, которые открываются только в определенное время или определенным лицам; а в некоторых дверях есть и замки — тогда, даже если время пришло и все слова известны, нужен еще ключ. У этих дверей ключа нет. Во дни Дарина они не были тайными. Они обычно стояли открытыми, и стражи сидели здесь. Но если даже они захлопывались, всякий, кто знал Пропускное Слово, мог сказать его и войти. По крайней мере так говорится в Летописи, верно, Гимли?

— Верно, — подтвердил гном. — Но что это было за Слово — никто не помнит. Нарви и весь его род исчез с лица земли.

— А ты — ты разве не знаешь слова, Гэндальф? — спросил в удивлении Боромир.

— Нет! — сказал маг.

Остальные в смятении переглянулись; лишь Арагорн, который хорошо знал Гэндальфа, молчал и не шевелился.

— Тогда что пользы было тащить нас в это

проклятое место? — возмутился Боромир, с содроганием оглядываясь на темную воду. — Ты сказал, что некогда прошел через Копи. Как это могло быть, если ты не знаешь, как войти?

— На первый твой вопрос, Боромир, — сказал маг, — отвечу, что действительно не знаю Слова — пока. Но мы увидим — и скоро. И тогда, — добавил он, и глаза его под нависшими бровями остро блеснули, — ты сможешь спросить, что пользы от моих дел, если они оказываются бесполезными. Что до твоего второго вопроса: ты сомневаешься в моем рассказе? Или совсем лишился ума? Я не входил в эти двери. Я шел с востока.

Если тебе угодно знать, я скажу, что двери эти открываются наружу. Изнутри ты можешь распахнуть их толчком ладони. Снаружи их не отворит ничто, кроме Наговорных Слов — и уж менее всего сила.

— Так что ты теперь собираешься делать? — спросил Пин, ничуть не испугавшись нахмуренных бровей мага.

— Взять Перегрина Хвата и постучаться в двери его головой, — отрезал маг. — Но если это не поможет и мне дадут немного подумать, не задавая глупых вопросов, я постараюсь найти слова заклятья.

Когда-то я знал все заклинания на всех языках Эльфов, Людей или Орков, которые всегда использовались для подобных целей. Я и сейчас могу припомнить с десяток, не напрягая память. Но не думаю, чтобы здесь понадобилась пробовать многие; и мне не придется взывать к Гимли за словами их тайного языка, которому гномы не учат никого. Пропускное Слово было эльфийским, как написанные на дверях слова: это кажемся бесспорным.

Он снова подступил к скале и легко коснулся Жезлом серебряной звезды в центре, под изображением наковальни.

— Аннон эделлен, эдро хи аммен!

Феннас ноготрим, ласто бэт ламмен!

— повелительно проговорил он. Серебряные линии потускнели — но гладкий серый камень не шевельнулся.

Он много раз по разному повторял эти слова. Потом испробовал другие заклятья, одно за другим, говоря то быстро и громко, то тихо и медленно. Потом стал произносить отдельные слова на эльфийском языке. Ничто не менялось. Обрыв поднимался во тьму, горели бессчетные звезды, дул холодный ветер, двери оставались закрытыми.

И снова Гэндальф подошел к стене и, подняв руки, проговорил властно и гневно: «Эдро!» — и ударил по скале Жезлом. «Откройся!» — вскричал он и повторил это слово на всех языках, какие звучали когда-либо на Западе Средиземья. Потом швырнул Жезл на землю и в молчании сел на камень.

В этот миг ветер принес издалека волчий вой. Пони Билл вздрогнул, и Сэм, прижавшись к его боку, тихо зашептал ему что-то.

— Не давай ему убежать! — сказал Боромир. — Кажется, он нам еще понадобится — если прежде нас не найдут волки. Как я ненавижу эту мерзкую лужу! — Он нагнулся, поднял большой камень и зашвырнул его далеко в темную воду.

Камень исчез с тихим плеском, то тотчас послышались свист и бульканье. Широкие круги возникли над местом, куда упал камень, и медленно двинулись к подножию хребта.

— Зачем ты это сделал, Боромир? — сказал Фродо. — Я тоже ненавижу это место — и боюсь. Не знаю чего: не волков и не подгорной тьмы — чего-то другого. Я боюсь озера. Не тревожь его!

— Хотелось бы мне уйти отсюда! — вздохнул Мерри.

— Почему Гэндальф не сделает чего-нибудь

— побыстрей? — сказал Пин.

Гэндальф не обращал на них внимания. Он сидел, склонив голову то ли в отчаянье, то ли в тревожной думе. Снова послышался замогильный вой волколаков. Круги на воде ширились и приближались; некоторые уже коснулись берега.

Внезапно — все вздрогнули — маг вскочил на ноги. Он смеялся!

— Нашел! — вскричал он. — Ну конечно, конечно же! Совсем просто — как большинство загадок, когда узнаешь ответ. Подняв Жезл, он встал перед скалой и сказал чисто и властно:

— Мэллон!

Звезда вспыхнула — и тут же потускнела. Потом в тишине обрисовалась огромная дверь, хотя прежде тут не было видно ни трещинки. Она медленно разошлась посередине и стала раскрываться, пядь за пядью, пока обе створки не прижались к стене. В проходе виднелась темная лестница; она круто уходила вверх, но за нижними ступенями стояла тьма гуще ночной. Отряд смотрел в удивлении.

— Я ошибся, — сказал Гэндальф. — И Гимли тоже. Изо всех нас только Мерри был на верном пути. Пропускное Слово все время было написано

на арке! Надо было переводить: «Скажи «Друг» — и входи». Стоило мне сказать «друг» на языке эльфов — и Двери открылись. Совсем просто. Слишком просто для наших подозрительных дней. То были счастливые времена… Войдем!

Он шагнул вперед и поставил ногу на нижнюю ступень. Но в этот миг случилось множество событий. Фродо ощутил, как что-то схватило его за щиколотку — он вскрикнул и упал. Пони Билл дико заржал от ужаса, закрутил хвостом и галопом помчался вдоль берега в темноту. Сэм бросился было за ним, но услышал крик Фродо и побежал назад, ругаясь и плача. Остальные повернулись — и увидели, что озеро кипит, словно полчища змей выплывают из него.

Из воды выбиралось длинное извивистое щупальце; оно было тусклозеленым, мокрым и бледно светилось. Его пальчатый конец вцепился в ногу Фродо и стаскивал хоббита в воду. Сэм, стоя на коленях, молотил щупальце мечом.

Пальцы выпустили Фродо, и Сэм поволок его прочь, зовя на помощь. Из озера взметнулись еще двадцать рук. Вода кипела, плыло зловоние.

— В ворота! Вверх по лестнице! Быстрей! — крикнул Гэндальф, кидаясь назад. Отряд очнулся от ужаса, который, казалось, сковал всех, кроме

Сэма, и поспешил вверх.

Они успели вовремя. Сэм и Фродо поднялись лишь на пару ступеней, а Гэндальф только начал подъем, когда шарящие щупальца пересекли узкий берег и вцепились в обрыв и в створки Дверей. Одно блестя в свете звезд, переползло через порог. Гэндальф обернулся и замер. Если он размышлял, какое Слово может захлопнуть Двери изнутри — в этом не было нужды. Множество пальцев схватилось за створки с обеих сторон, с ужасающей силой повернули их — и те сошлись, обрезав свет. Эхо дрожало под сводами. Сквозь толщу камня слабо доносился шум: что-то рвалось и ломалось.

Сэм, вцепившись в руку Фродо, в кромешной тьме опустился на ступеньку.

— Бедняга Билл! — сказал он, и голос его дрогнул. — Бедняга! Волки и змеи! Змеи-то его и доконали. Мне пришлось выбирать, господин Фродо. Я выбрал вас.

Они услышали, как Гэндальф спустился вниз и ударил в Двери Жезлом. Камень хрустнул, лестница вздрогнула — но Двери не открылись.

— Ну что ж! — сказал маг. — Путь назад нам теперь закрыт, и есть лишь один выход отсюда — по ту сторону Гор. Боюсь, снаружи навалены

каменные глыбы, а деревья вырваны с корнем и загородили ворота. Жаль: деревья были красивы и стояли так долго!

— Я чувствовал, что близится что-то страшное — с момента, когда впервые коснулся ногой воды, — сказал Фродо. — Что это была за тварь, или их было много?

— Не знаю, — ответил Гэндальф. — Но все эти руки направляла одна воля. Что-то выползло — или было выгнано — из темных подгорных вод. В глубинах мира есть твари постарше и пострашней орков. — Ему подумалось, что тварь — чем бы она ни была — охотилась прежде всего за Фродо — но маг не стал высказывать эту мысль.

Боромир пробормотал себе под нос — но камень обратил звуки в резкий шепот, который услышали все:

— В глубинах мира! А мы идем туда — против моей воли. Кто поведет нас теперь — в этой могильной тьме?

— Я, — сказал Гэндальф. — И Гимли пойдет рядом. Следуйте за Жезлом!

Маг прошел вперед по большим ступеням и поднял Жезл — конец его неярко вспыхнул. Широкая лестница была совсем целой. Они насчитали две сотни ступеней, широких и низких;

а наверху оказался сводчатый коридор с пологим полом, ведущий во тьму.

— Давайте посидим здесь на площадке и поедим заодно — хоть и не за столом, а все ж сидя! — предложил Фродо. Ужас постепенно отпускал его, и он обнаружил вдруг, что страшно голоден.

Предложение понравилось всем, и они расселись на верхних ступенях — темные силуэты во мгле. Гэндальф в третий раз оделил всех глотком светлоярского мирувора.

— Боюсь, надолго его не хватит, — заметил он. — Но, думаю, сейчас он нам нужен — после этого ужаса у ворот. Если только нам не повезет, нам понадобится все, что осталось, прежде чем мы выйдем с той стороны. И поберегите воду! В Копях много речек и колодцев, но пить из них нельзя. Вряд ли нам представится случай пополнить мехи и баклаги до Затенья.

— Сколько нам идти? — спросил Фродо.

— Не могу сказать, — ответил Гэндальф. — Это зависит от многого. Но, полагаю, если идти прямо, не ошибаясь и не сбиваясь с пути, потребуется три-четыре перехода. По прямой от Западных Дверей до Восточных Врат никак не меньше сорока миль — а дорога может сильно извиваться.

После короткого отдыха они снова двинулись

вперед. Все хотели закончить путь как можно быстрей и были готовы, хоть и очень устали, идти еще несколько часов. Гэндальф, как раньше, шагал впереди. В левой руке он держал мерцающий Жезл, блеск которого освещал землю у его ног, правой сжимал меч Гламдринг. За ним шел Гимли, глаза его взблескивали в тусклом свете, когда он поворачивал голову. За гномом шел Фродо, он тоже обнажил свой маленький меч. Ни Гламдринг, ни Разитель не светились; и от этого становилось чуть спокойней — будучи делом рук эльфийских кузнецов Предначальной Эпохи, клинки эти сияли холодным огнем, если поблизости были орки. За Фродо шел Сэм, за ним — Леголас, молодые хоббиты и Боромир. Арагорн, молчаливый и мрачный, замыкал цепочку.

Коридор несколько раз повернул и пошел под уклон. Он долго вел вниз, пока не выпрямился опять. Воздух стал стоячим и жарким, но он ничем не пах, и временами путники чувствовали на лицах прохладный ветерок, дующий из еле заметных проемов в стенах. Их было много. В бледном сиянии Жезла Фродо замечал ступени и арки, и другие проходы и тоннели — поднимающиеся вверх, круто сбегающие вниз и темно зияющие по бокам. Это кружило голову и не за-

поминалось.

Гимли мало чем помогал Гэндальфу — разве только мужеством. По крайней мере, в отличие от остальных, его не тревожила тьма. Маг часто советовался с ним, когда сомневался в дороге; но последнее слово всегда оставалось за Гэндальфом. Морийские Копи сложны и запутанны, даже Гимли, сын Глоина, не мог представить себе их целиком, хотя он и был из рода подгорных гномов. Давние воспоминания о совершенном когда-то походе мало помогали Гэндальфу, но даже во мраке и несмотря на все повороты дороги, он знал, куда хочет выйти — и не колебался, пока была хоть одна тропа, ведущая к его цели.

***

— Не бойтесь! — сказал Арагорн. Остановка была дольше обычной; Гэндальф и Гимли шептались друг с другом. Остальные в тревожном ожидании сгрудились позади. — Не бойтесь! Я бывал с ним во многих походах, хоть и не таких темных, а в Светлояре рассказывают о его делах — более великих, чем все, что я видел. Он не отступит — если есть хоть один путь. Он привел нас сюда против наших страхов, но он и выведет нас — какой бы ценой ему ни пришлось заплатить за

это. В самой глухой тьме он найдет дорогу домой скорее, чем кошки Королевы Берутиэль.

Отряду очень повезло, что у него был такой проводник. У них не было ни хвороста, ни возможности сделать факелы; в отчаянной схватке у Дверей пришлось многое бросить. Но без света путникам пришлось бы очень плохо. В Копях было не только множество дорог, но еще больше ям, дыр и темных колодцев, в которых эхом отдавались их шаги. В стенах и полу виднелись выбоины и разломы, и то и дело трещины открывались у самых их ног. Самая широкая была семи футов шириной, и Пину пришлось долго собирать оставшееся мужество, прежде чем прыгнуть через зияющий проем. Снизу доносился шум пенящейся воды, точно в глубинах тяжело ворочались мельничные колеса.

— Веревка! — бормотал Сэм. — Знал же я, что стоит мне ее забыть — она тут же и понадобится!

***

Опасные места попадались все чаще, и путники шли все медленней. Им уже казалось, что они шагают бесконечно — вниз, вниз, к корням гор. Они были более чем утомлены — и однако мысль о привале не утешала. Фродо, немного вос-

прянувшего духом после спасения, еды и глотка меда, охватило глубокое беспокойство: растущий страх вновь окутывал его. Хоть он и исцелился в Светлояре от удара кинжалом, та жуткая рана не прошла бесследно. Чувства его обострились, ему становилось заметно то, чего нельзя увидеть. Одной из перемен — он скоро заметил это — было то, что он мог видеть во тьме лучше, чем все его спутники, кроме, быть может, Гэндальфа. И, кроме того, он был Хранителем Кольца: оно висело у него на груди на цепочке и временами, казалось, наливалось тяжестью. Он чуял лихо впереди и позади; но молчал. Лишь крепче сжимал эфес меча — и упорно шел вперед.

Товарищи позади говорили редко и мало, обмениваясь торопливым шепотом. Единственным звуком был звук их шагов: глухой отзвук гномьих башмаков Гимли, тяжелая поступь Боромира, летящие шаги Леголаса, мягкий, едва слышный шорох хоббичьих ног, и — последними — медленные, твердые шаги Арагорна. Останавливаясь на миг, они не слышали ничего — лишь изредка где-то капала и звенела невидимая вода. Однако Фродо стал слышать — или думать, что слышит — что-то еще: вроде слабых шлепков мягких голых лап. Они ни разу не зазвучали громко или близко,

чтобы он мог быть уверенным, что слышит их; но они не прекращались, пока двигался Отряд. И это не было эхом: когда путники останавливались, они какое-то время шлепали сами по себе, и лишь затем стихали.

***

Отряд вошел в Копи с началом ночи. Путники шли уже несколько часов с короткими задержками, когда Гэндальф впервые столкнулся с трудной задачей. Перед ним широкая темная арка открывала три коридора, все они вели в нужном направлении, на восток; но левый коридор опускался вниз, правый поднимался вверх, а средний бежал прямо — ровный и гладкий, но очень узкий.

— Я совсем не помню этого места! — признался маг, в недоумении стоя под аркой. Он поднял Жезл, в надежде отыскать какие-нибудь пометки или надписи, которые могли бы облегчить ему выбор; но ничего подобного не было видно. — Я слишком устал, чтобы решать, — сказал он, качая головой. — И думаю, вы все устали не меньше — если не больше. Лучше нам провести остаток ночи здесь. Вы знаете, о чем я! Внутри тут всегда тьма, но снаружи Луна склонилась к западу и

полночь миновала.

— Бедняга Билл! — вздохнул Сэм. — Где-то он сейчас?.. Надеюсь, волки его еще не словили.

Справа от арки они нашли каменную дверь; она была полузакрыта, но распахнулась от легкого толчка. За ней, казалось, лежала большая палата, вырубленная в скале.

— Осторожней! — крикнул Гэндальф, когда Мерри и Пин ринулись туда в радости, что для отдыха нашлось место поудобнее пустого открытого коридора. — Осторожней! Вы не знаете, что внутри. Я войду первым.

Он осторожно вошел, и остальные последовали за ним.

— Смотрите! — сказал маг, указывая Жезлом в центр пола. У его ног зияла большая круглая дыра, похожая на отверстие колодца. Порванные ржавые цепи лежали на краю и свешивались в черную яму. Кругом валялись осколки камня.

— Один из вас летел бы сейчас туда и гадал, когда встретится с дном, — сказал Мерри Арагорн. — Есть же у нас проводник — так пусть он идет впереди.

— Это, должно быть, была Караульня, для наблюдения за тремя коридорами, — сказал Гимли. — А дыра эта, скорее всего — колодец для

стражей, закрывавшийся каменной крышкой. Но крышка сломана — надо бы нам поостеречься во тьме.

Пина странно манил колодец. Пока другие раскручивали одеяла и устраивали постели у стены палаты — как можно дальше от дыры в полу — он подобрался к краю и глянул вниз. Лицо его тронул холодный ветерок, поднявшийся из невидимых глубин. Поддавшись внезапному порыву, он нащупал камень и швырнул в провал. Он успел насчитать много ударов сердца, прежде чем раздался звук. Потом снизу, из глубины, будто камень угодил в воду, послышалось «шлёп» — отдаленно, но звонко и ясно, и колодец несколько раз повторил эхо.

— Что это? — сразу встревожился Гэндальф. Пин повинился; маг успокоился, но был зол: Пин видел, как вспыхнули его глаза.

— Глупец! — проворчал он. — Это серьезный поход, не хоббичья прогулка. Следующий раз кидайся сам — избавишь Отряд от неслуха. А сейчас — уймись!

Несколько минут ничего не было слышно, а потом из глубин донеслись слабые удары: «тап-том, том-тап». Они прекратились и, когда замерло это, повторились снова: «тап-том, том-тап, тап-тап,

том». Звучало это беспокойно — точно кто-то кому-то подавал сигнал; но немного погодя постукивание смолкло и больше не повторялось.

— Это был молот — или я никогда не видел молотов, — заявил Гимли.

— Да, — сказал Гэндальф, — и мне это не нравится. Быть может, это никак не связано с дурацким перегриновым камнем; но, возможно, он растревожил что-то, чему лучше бы не просыпаться. Прошу вас, не делайте больше ничего подобного!.. Будем надеяться, что мы сможем немного отдохнуть и не дождемся беды. Пину сторожить первому — в наказание, — И маг завернулся в одеяло.

Совершенно несчастный, Пин уселся у дверей в кромешной тьме; но он то и дело оборачивался, боясь, что какая-нибудь неизвестная тварь выползет из колодца. Ему хотелось прикрыть дыру, пусть просто одеялом, но он не осмеливался встать и подойти к ней, хоть Гэндальф, казалось, спал.

На самом деле Гэндальф не спал, хотя лежал молча и не шевелился. Он глубоко ушел в думы, припоминая свой давний путь в Копях и размышляя о завтрашнем: неверный выбор мог стать гибельным. Спустя час он поднялся и подошел

к Пину.

— Иди и ложись, малыш, — добродушно сказал он. — Ты, думаю я, хочешь спать. А мне не спится, так что я вполне могу посторожить.

Я знаю, что со мной, — пробормотал он, усаживаясь подле двери. — Мне нужно покурить! Я не курил с утра перед бураном.

Последнее, что увидел Пин прежде, чем уснул — темный силуэт старого мага, сидящего на полу, прикрывая руками тлеющую трубку. Блеск ее высветил на мгновение крючковатый нос и колечко дыма.

***

Утром их всех разбудил Гэндальф. Он сидел и сторожил один около шести часов, и дал им отдохнуть.

— У меня было время подумать, — сказал он. — И я выбрал. Средний проход мне не нравится, и левый тоже: из него тянет жаром и духотой, или я не проводник. Я пойду направо. Пора нам снова начинать подъем.

Восемь темных часов, с двумя короткими остановками, шли они вперед; они не встречали опасностей, ничего не слышали и ничего не видели кроме слабого сияния Жезла. Избранный

ими коридор неуклонно вел вверх. Насколько они могли судить, он вел через большие подгорные пещеры, и чем выше поднимался, тем шире становился. Ответвлений в другие проходы и галереи больше не встречалось, а пол был ровным и целым, без трещин и дыр. Они, должно быть, оказались в проходе, бывшем некогда важным, и шли теперь быстрее, чем в прошлый переход.

Так Отряд продвинулся почти на пятнадцать миль к востоку, если считать по прямой; на самом деле им пришлось отшагать миль двадцать или более того. Дорога вела вверх — и Фродо немного ободрился, но все еще был подавлен и порой слышал — или думал, что слышит — далеко позади Отряда и за шумом и шорохом их шагов, легкие шаги, которые не были эхом.

***

Они шли до тех пор, пока хоббиты не начали уставать, и все подумывали, где можно устроить привал, когда стены справа и слева вдруг исчезли. Казалось, они прошли сквозь какие-то сводчатые врата — и оказались в пустом черном пространстве. Позади воздух дышал теплом — впереди лиц их коснулся холод. Путники остановились и тревожно собрались вместе.

Гэндальф казался довольным.

— Я выбрал правильный путь, — сказал он. — Мы наконец пришли в жилые ярусы, и, полагаю, теперь недалеко от Восточных Врат. Но мы выше Затенья, если я только не ошибаюсь. Судя по воздуху, это большой зал. Я рискну зажечь свет.

Он поднял Жезл — и на миг ослепительная вспышка прорезала тьму Тени отпрянули и исчезли — и целую секунду путники видели над собой высокий свод на мощных каменных столбах. Перед Отрядом по обе стороны распахнулся огромный пустой зал; его черные стены, отполированные и гладкие, мерцали и искрились. Путники разглядели три арки: одна — прямо — вела на восток, две другие чернели по обе стороны от первой. Потом свет погас.

— Больше рисковать нельзя, — сказал Гэндальф. — В склонах горы были обычно большие окна, а в верхних ярусах — колодцы, выводящие к свету. Думаю, мы уже дошли до них, но снаружи сейчас ночь, и до утра ничего сказать нельзя. Если я прав — завтра утро заглянет к нам. Но сейчас лучше не ходить дальше. Давайте отдохнем, если сможем. Дела пока что идут неплохо, и большая часть темного пути уже позади. Но мы еще не вышли из Копей, и длинна дорога к Вратам, ве-

дущим в мир.

***

Ту ночь Отряд провел в большом пещерном зале, прожавшись друг к другу, чтобы уберечься от сквозняка: из восточной арки тянуло холодом. Они лежали — а вокруг нависла тьма, огромная и пустая; они были подавлены одиночеством, обширностью залов, нескончаемостью ветвящихся лестниц и коридоров. Самые страшные видения, которые темные слухи доносили до хоббитов, оказались ничем перед истинным ужасом и дивом Мории.

— Здесь, должно, в древние времена было полным-полно гномов, — сказал Сэм, — и все, небось, трудились как барсуки — прорыть такую громадищу, да еще в твердой скале!.. Зачем им это все надо было? Не жили же они в этих темных норах!

— Это не норы, — возразил Гимли. — Это Великое Подгорное Царство гномов. И в древности здесь была не тьма, а свет и роскошь, как о том доселе поется в наших песнях.

Он поднялся и, стоя во тьме, заговорил нараспев — а эхо уносило его слова к высоким сводам:

Был молод мир, и зелен склон,
И незапятнан небосклон,
Когда в безмолвье вечном встарь
Бродил, очнувшись, Дарин-царь.
Ручьям, долинам и холмам
Бродя, давал он имена,
И вот в Зеркальном, в глубине
Очам его свергнул венец,
Что плыл, алмазами горя,
Над отражением царя.
Был ясен мир, крепка скала,
И давних дней весна текла,
И Г ондолин, и Наргофронд
Еще цвели под сенью крон,
Не скрывшись в бешеной воде…
Был мир прекрасен в этот день!
И царь воссел на трон резной
В чертогах гор, в груди земной,
Где золото и серебро
Сплетались в несказанный кров.
С лучами солнца свет луны
Светильник царственный хранил,

И как звезда, лучился он,
Недоброй тьмой не замутнен.
Там молот бил и молот пел,
Там в тишине чекан звенел,
Ковался меч, и крепла сталь,
И в горной мгле сиял хрусталь.
Там бледный жемчуг и опал
Кольчуги, латы украшал;
Там копья, шлемы и мечи
Лежали грудами в ночи.
Был счастлив Дарина народ,
И вторил пенью горный свод,
И арфы звон, и рога трель
Витали в сердце тех земель.
Седеют горы; тёмен свет,
Былых огней в помине нет,
Умолкла арфа, молот нем,
И тьма владеет царством тем;
И ныне темен Казад-Дум,
И тени гор сулят беду.
Но и доныне в глубине
Сверкает царственный венец,

Во тьме Зеркального сокрыт,
Пока в могиле Дарин спит.

— Вот так песня! — сказал Сэм. — Я хочу ее выучить. «И, как звезда, лучился он…»! Но только как подумаешь о тех огнях — тьма вроде еще гуще становится… А здесь что, и сейчас еще лежат золото и алмазы?

Гимли промолчал. Пропев свое сказание, он не захотел разговаривать.

— Алмазы и золото? — сказал Гэндальф. — Нет. Орки часто грабили Морию — в верхних ярусах ничего не осталось. А с тех пор, как гномы бежали, никто не рисковал соваться в шахты и сокровищницы в нижних: они затоплены водой — или затемнены страхом.

— Тогда зачем же гномы хотят вернуться сюда? — спросил Сэм.

— За мифрилем, — ответил Гэндальф. — Богатство Мории было не в алмазах и золоте — игрушках гномов; и не в железе — их верном слуге. Все это, правда, они нашли здесь, особенно железо; но гномы не стали бы рыть Копи ради них — все, что им желалось, гномы могли получить торговлей. Ибо здесь, в единственном месте в мире, было найдено морийское, или истинное, серебро

— эльфы назвали его мифрилем. Гномы не открывают своего названия никому. Цена мифриля вдесятеро превосходила цену золота, а сейчас он бесценен; ибо его осталось мало, и даже орки не рискуют добывать его. Жилы уходят под Карадрас и дальше — во тьму. Гномы не говорят об этом; но, как мифриль стал основой их богатства, так стал он и причиной их гибели. Слишком жадно и глубоко зарылись они — и рас тревожили то, от чего бежали: Великое Лихо Дарина. Из того, что они добыли, почти все захватили орки, и заплатили им дань Саурону, который жаждал получить его.

Мифриль! Все народы желали его. Ковкий, как медь, гладкий, как стекло; а гномы делали их него металл, легкий и твердый — крепче закаленной стали. Красивый, как обычное серебро, мифриль не темнел и не тускнел. Особенно любили его эльфы, и сделали из него исильдин — луннозвезд, что вы видели на Вратах. У Бильбо была мифрильная кольчуга, подаренная Торином. Хотел бы я знать, что с ней сталось? Пылится где-нибудь в чулане, полагаю.

— Что?! — вскричал Гимли. — Кольчуга морийского серебра? Истинно царский дар!

— Да, — согласился Гэндальф. — Я никогда не

говорил ему, но эта кольчуга дороже всего Края и всего, что в нем есть.

Фродо ничего не сказал, но просунул руку под куртку и коснулся рубахи. Он был поражен тем, что несет на себе цену всего Края. Знал ли об этом Бильбо? Он не сомневался, что Бильбо все прекрасно знал. Это на самом деле был царский дар. Но мысли его уже унеслись дальше — в Светлояр, к Бильбо, и в Торбу, когда Бильбо жил там. Он всем сердцем пожелал оказаться там, в тех днях: бегать по лужайкам, бродить среди цветов и слыхом не слыхивать ни о Мории, ни о мифриле — ни о Кольце.

***

Наступило молчание. Товарищи засыпали один за другим. Фродо был на страже. Страх подбирался к нему дыханием глубин из невидимых дверей. Руки его были холодны, по лбу катился пот. Он слушал. Два часа все его существо было обращено в слух; но он не услыхал ни звука — даже слабого эха воображаемых шагов.

Стража его почти кончилась, когда далеко, там, где, как ему казалось, стояла западная арка, ему померещились две бледные светящиеся точки — совсем как горящие глаза. Он вздрогнул. Голова

его склонилась на грудь. «Я, должно быть, чуть не заснул на посту, — подумал он. — Вот уже и сны снятся». Он поднялся, протер глаза и остался стоять, всматриваясь во тьму, пока Леголас не сменил его.

Фродо заснул сразу, как лег, но ему казалось, что сон продолжается: он слышал шепоты и видел две горящие точки: они подбирались всё ближе. Он проснулся — и обнаружил, что вокруг тихо беседуют друзья, а ему на лицо падает тусклый свет. Высоко над восточной аркой, сквозь колодец в крыше, проник длинный бледный луч; и на другом конце зала, из северной арки, тоже — слабо и отдаленно — мерцал свет.

Фродо сел.

— Доброе утро! — сказал ему Гэндальф. — Ибо утро наконец пришло. Я был прав, как видишь. Мы в верхних ярусах восточной части Мории. Прежде чем минет сегодня, мы отыщем Восточные Врата и увидим воды Зеркального, лежащие перед нами в долине Затенья.

— Радостно слышать, — проговорил Гимли. — Я взглянул на Морию — она очень велика, но темна и ужасна; и мы не нашли ни следа моей родни. Теперь я сомневаюсь, что Балин когда-нибудь приходил сюда.

***

Сразу же после завтрака Гэндальф решил выступать.

— Мы устали, но лучше отдохнем, когда будем снаружи, — сказал он. — Думаю, никто из нас не захочет провести в Мории еще одну ночь.

— Воистину так! — сказал Боромир. — Каким путем мы пойдем? Под восточную арку?

— Возможно, — сказал Гэндальф. — Но я еще не знаю наверное, где мы. Если я только совсем не сбился с пути — полагаю, мы выше и севернее Больших Ворот; и найти верный спуск к ним может оказаться нелегко. Восточная арка, быть может, именно тот путь, что нам нужен; но давайте осмотримся прежде чем решать. Пойдемте к свету от северной двери. Если бы нашлось окно — оно бы очень помогло нам; но, боюсь, свет падает из колодцев.

Вслед за магом Отряд прошел под северной аркой. Они оказались в широком коридоре. Свет стал арче, теперь путники видели, что он исходит из дверного проема справа от них. Он был высоким, с ровным верхом, и полуоткрытая дверь все еще висела на больших петлях. За ней была просторная квадратная палата. Она была тускло

освещена, но им — после столь долгого пребывания во тьме — свет казался слепяще ярким, и они зажмурились, входя.

Ноги их потревожили глубокую пыль на полу и путались, натыкаясь на что-то, лежащее у порога — что это, они не могли сразу понять. Свет проникал в палату сквозь широкий колодец в дальней восточной стене; он косо уходил вверх, и высоковысоко виднелся маленький квадрат голубого неба. Луч из колодца падал на стол в центре палаты: продолговатое основание футов двух высотой, на котором лежала белая каменная плита.

— Похоже на могилу, — пробормотал Фродо и нагнулся с неясным чувством предвиденья, чтобы рассмотреть получше. Гэндальф быстро подошел к нему. На плите были выбиты глубокие руны:

«....»

— Это Даэроновы Руны, ими издревле писали в Мории, — проговорил Гэндальф. Здесь написано на языках Людей и Гномов:

«Балин, сын Фундина, государь Мории»

— Значит, он умер, — вздохнул Фродо. — Я боялся, что это так.

Гимли надвинул капюшон на лицо.

Глава 5
Морийский Мост

Отряд молча стоял у могилы Балина. Фродо думал о Бильбо и его долгой дружбе с гномом, и о давнем приходе Балина в Край. В этой пыльной подгорной палате ему казалось, что приход этот был тысячу лет назад и по другую сторону мира.

Наконец они зашевелились и стали осматриваться в поисках чего-нибудь, что поведало бы им о судьбе Балина и объяснило, что сталось с его народом. Под световым колодцем, по другую сторону палаты, была еще одна — меньшая — дверь. У обеих дверей — теперь они видели это — лежало множество костей, а среди них — сломанные мечи, топоры и разрубленные щиты и шлемы. Некоторые мечи были кривыми: орочьи ятаганы с черненными клинками.

В камне стен было много ниш, и в них стояли окованные железом деревянные ларцы. Все были сломаны и ограблены, но рядом с разбитой крышкой одного из них валялись остатки книги. Она была истыкана, разодрана и местами обожжена, и так закапана черными и другими похожими на

кровь пятнами, что в ней почти ничего нельзя было прочесть. Гэндальф тихонько поднял ее, но, пока он не положил ее на плиту, листы хрустели и ломались. Несколько минут маг молча листал ее. Фродо и Гимли, стоя по бокам, видели, как осторожно переворачивает он исписанные многими почерками страницы: там были и руны Мории и Дола, и — то тут, то там — эльфийские письмена.

Наконец Гэндальф поднял взгляд.

— Кажется, это повесть о судьбе народа Балина, — проговорил он. — Думаю, летопись начата с прихода в Затенье около тридцати лет назад: номера страниц указывают на год прибытия. Верхняя страница помечена один — три, так что сначала потеряно по меньшей мере две. Слушайте!

«Мы оттеснили орков от Ворот и Ка… — думаю, «Караульни» — следующее слово закрыто пятном и обгорело. — …мы убили многих при ярком… — думаю, «солнце», — … в долине. Флои был сражен стрелой. Он сразил огромного… — Здесь пятно, а дальше: — …Флои под травой рядом с Зеркальным». Следующие одну-две строки я прочесть не могу. Потом следует: «Мы заняли Двадцать Первый Чертог Северной стороны и поселились в

нём. Здесь…» не могу прочесть, что. Упоминается копье. Потом «Балин воссел на трон в Палате Мазарбула».

— Палата Летописей, — вставил Гимли. — Кажется, в ней мы и стоим.

— Здесь я не могу разобрать многого, — сказал Гэндальф, — кроме слов «золото», «Топор Дарина» и, похоже, «шлем». Потом: «Теперь Балин — Государь Мории». На этом, кажется, кончается глава. После нескольких звездочек идет другой почерк, и я вижу «… мы нашли истинное серебро», следом «ковкий», а потом что-то… а, понял! «…мифриль»; и последние две строчки… «Оина искать верхний арсенал в Третьем Ярусе…» кто-то «ушел на запад» — пятно — «к Дверям Эрегиона».

Гэндальф остановился и переложил несколько листов.

— Здесь несколько страниц, очень торопливо исписанных и сильно поврежденных, — сказал он. — В этом свете мне их не разобрать. Дальше нескольких страниц не хватает, потому что сразу появляется номер пять — полагаю, пятый год с основания колонии. Посмотрим! Нет, они слишком изрезаны и измараны; я не могу их прочесть. Быть может, на солнце нам это удастся… Подождите-ка! Вот что-то ясное: крупный твердый

почерк, писали по-эльфийски…

— Это, должно быть, рука Ори, — сказал Гимли, взглянув из-под локтя мага. — Он писал красиво и быстро; и часто — эльфийскими письменами.

— Боюсь, добрый почерк сообщает лихие вести, — сказал Гэндальф. — Первое ясное слово — «скорбь», но остаток строчки утерян — видно только, что кончается она на «…ром». Это, должно быть, «вечером», а следом идет: «десятого ноября Балин, Государь Мории, пал в Затенье. Он ушел один заглянуть в Зеркальное. Орк застрелил его из-за камня. Мы убили орка, но много других… с востока по Серебрянке». В конце главы столько пятен, что разобрать что-либо очень трудно, но я, кажется, могу прочесть «…мы загородили Врата», а потом: «сможем продержаться долго, если…» а дальше, думаю — «ужасный», и «страдание». Бедный Балин! Он носил свой титул меньше пяти лет. Хотелось бы мне знать, что было дальше; но разгадывать последние страницы нет времени. Вот самый последний лист. — Маг остановился и вздохнул.

— Печальное чтение, — заметил он, — Боюсь, конец их был страшен. Слушайте! «Нам некуда отступать. Некуда. Они захватили Мост и Второй Чертог. Фрар, Лони и Нали пали там…» Следую-

щие четыре строки испорчены настолько, что я могу прочесть только «пять дней назад». Последние строки: «Озеро подошло к Западной Стене. Страж Вод взял Оина. Нам некуда отступать. Конец близко…» а потом «барабаны, барабаны в бездне». И в конце — торопливая запись по-эльфийски «… они идут». Больше здесь ничего нет. — Гэндальф, замерев, ушел в молчаливую думу.

Внезапный страх и непокой Палаты охватили Отряд.

— Нам некуда отступать, — пробормотал Гимли. — Хорошо еще, что озеро отступило немного, а Страж спал в южном углу. Гэндальф поднял голову и огляделся.

— Они держали последнюю оборону у обеих дверей, — сказал он, — но к тому времени их осталось немного. Вот как кончилась попытка отвоевать Морию! Доблестно — и глупо. Время еще не пришло… А теперь, боюсь, мы должны проститься с Балином, сыном Фундина. Он должен лежать здесь — в чертогах своих пращуров. Мы возьмем эту книгу, Книгу Мазарбула, и разберемся в ней подробнее — позднее. Возьми ее, Гимли, и отнеси Даину, если сумеешь. Она заинтересует его, хоть и опечалит, конечно. Ну, а

теперь — идем! Утро проходит.

— Каким путем мы пойдем? — спросил Боромир.

— Обратно в зал, — ответил Гэндальф. — Но мы не зря заглянули в эту комнату. Я знаю теперь, где мы. Это должна быть, как сказал Гимли, Палата Мазарбула, а зал — Двадцать Первый Чертог Северной стороны. Значит, мы должны идти через восточную арку и держаться правее — к югу, и вниз. Двадцать Первый Чертог на Седьмом Ярусе, то есть на шестом от Ворот. Идемте! Назад в зал!

***

Едва Гэндальф проговорил эти слова, как раздался громкий шум: раскатистое Д-У-У-М поднялось из подгорных бездн и сотрясло камень у их ног. Путники в тревоге бросились к двери. Д-У-У-М, ДУМ раскатилось снова, словно огромные руки обратили самые пещеры Мории в гигантский барабан. Потом донесся трубный звук: в зале трубил большой рог, и издали отозвались ему другие рога и резкие крики. Послышался топот множества ног.

— Они идут! — вскричал Леголас.

— Нам некуда отступать, — сказал Гимли.

— В ловушке! — воскликнул Гэндальф. — Зачем

я медлил? Пойманы — как и они когда-то. Но тогда меня здесь не было. Посмотрим, что..

Д-У-У-М, Д-У-У-М, — взревели барабаны; стены содрогнулись.

— Закройте двери и завалите их! — крикнул Арагорн. — Да наденьте мешки, пока можете: нам, быть может, еще удастся прорваться.

— Нет! — сказал Гэндальф. — Нам нельзя закрываться совсем. Держите восточную дверь открытой! Если будет удача — мы уйдем в нее.

Снова резко протрубил рог, ему ответили яростные вопли. По коридору приближались шаги. Со звоном и лязгом Отряд обнажил мечи. Гламдринг сиял белым светом, Разитель мерцал краями клинка. Боромир нажал плечом на западную дверь.

— Подожди! Не закрывай пока! — сказал Гэндальф. Он встал рядом с Боромиром и выпрямился в полный рост.

— Кто явился тревожить сон Балина, Государя Мории? — громко крикнул он.

Ответом был взрыв дикого хохота, точно камни посыпались в пропасть; над шумом разнесся гортанный повелительный голос. Д-У-У-М, Д-У-У-М, Д-У-У-М, — гремели в глубинах барабаны.

Гэндальф быстро шагнул к узкой щели в двери

и просунул в нее Жезл. Ослепительная вспышка озарила палату и коридор. На миг маг выглянул — и тут же отпрянул: в проёме засвистели стрелы.

— Это орки, их очень много, — сказал он. — И с ними черные мордорские урхи: они крупнее и злей. Сейчас они отошли, но там есть кто-то еще: гигантский пещерный тролль, думаю — не один. Этим путем нам не уйти.

— Другим тоже, если они подойдут к восточной двери, — заметил Боромир.

— Покуда здесь ничего не слышно, — сказал Арагорн: он стоял, вслушиваясь, у восточной двери. — Коридор тут сразу переходит в лестницу — ясно, она ведет не обратно в зал. Но слепо удирать этим путем с погоней на плечах — глупо. Мы не можем запереть дверь. Ключ утерян, замок сломан, а открывается она внутрь. Сначала надо сделать все, чтобы задержать врага. Мы научим их бояться Палаты Мазарбула! — И он крепко сжал эфес Андуриля.

В коридоре послышались тяжелые шаги. Боромир навалился на дверь и закрыл ее, заклинив обломками клинков и кусками дерева. Отряд отступил к дальней стене Палаты. Но уходить было еще рано. На дверь обрушился удар — она дрогнула и стала медленно отползать, таща за со-

бой клинья. Сквозь щель просунулась гигантская рука и плечо, покрытые темно-зеленой чешуей. Потом снизу с усилием вползла большая широкая ступня без пальцев. Снаружи была мертвая тишина.

Боромир прыгнул вперед и изо всех сил рубанул по руке; но меч лязгнул, сверкнул и выпал из вывернутых пальцев. Клинок затупился.

Внезапно, к своему собственному удивлению, Фродо ощутил в сердце вспышку горячей ярости.

— Край, рази! — крикнул он и, бросившись к Боромиру, вонзил свой маленький меч в жуткую ногу. Раздался вой и нога отдернулась, чуть не вырвав Разитель из руки Фродо. Черные капли стекали с клинка и, дымясь, шлепались на пол. Боромир вновь нажал на дверь и задвинул ее.

— Первый за Край! — воскликнул Арагорн. — Хоббиты разят метко! У тебя добрый клинок, Фродо, сын Дрого!

На дверь сыпались удар за ударом. В нее били таранами и молотами. Дверь треснула, поддалась — и вдруг широко распахнулась. Со свистом полетели стрелы, но они били в северную стену и, не причинив вреда, падали на пол. Рев рога, шум шагов — и в палату один за другим ворвались орки.

Сколько их было — Отряд сосчитать не мог.

Драка была жаркой, но орки растерялись перед яростью защиты. Двоим прострелил горло Леголас; Гимли перерубил ноги орку, вскочившему на гробницу Балина; многих сразили мечи Боромира и Арагорна. Когда тринадцать из них пало, орки с воплями бежали, оставив защитников невредимыми — кроме Сэма, на лбу которого алела длинная царапина. Спас его быстрый наклон; и он убил своего орка — пронзил его мечом из Могильника. В карих глазах хоббита тлел суровый боевой огонь — вот бы поразился Тод Пескунс, если б увидел его сейчас!

— Теперь — пора! — крикнул Гэндальф. — Идем, пока тролль не вернулся!

Но едва они отступили — Пин и Мерри не успели даже ступить на лестницу — как в палату ворвался огромный — почти с человека ростом — орк-вожак, с ног до головы закованный в черную кольчугу. За ним в дверном проеме сгрудилась его орда. Широкое плоское лицо орка было темным, глаза горели, как угли, язык багровел в разверстой пасти; он потрясал большим копьем. Ударом круглого щита он отбил меч Боромира и так толкнул гондорца, что тот упал наземь. С ловкостью атакующей змеи он нырнул под руку Арагорна и, размахнувшись, послал копье в Фро-

до. Удар поразил хоббита в правый бок — Фродо был приколот к стене. Сэм с воплем повис на древке, и копье сломалось. Но когда орк, отбросив жезл атамана, выхватил ятаган — на шлем его опустился Андуриль. Вспышка пламени — и шлем разлетелся в куски. Орк свалился с прорубленным черепом. Остальные с воем бежали, едва Арагорн и Боромир шагнули к двери.

Д-У-У-М, Д-У-У-М — взревела бездна. Вновь послышался громкий раскатистый голос.

— Теперь! — крикнул Гэндальф. — Это последний шанс. Бегите!

***

Арагорн поднял лежащего у стены Фродо и заторопился к лестнице, протолкнув вперед Пина и Мерри; остальные последовали за ним, но Гимли Леголасу пришлось тащить — несмотря на опасность, гном медлил, склонив голову у могилы Балина. Боромир плотно притянул восточную дверь, уцепившись за края: в стене и двери были большие железные кольца — впрочем, запереть их было нечем.

— Я не ранен, — выдохнул Фродо. — Отпусти меня! Я могу идти.

От удивления Арагорн чуть не выронил его.

— Я думал, ты умер! — поразился он.

— Нет пока! — сказал Гэндальф. — Но времени удивляться нет. Уходите, вы все, — вниз по лестнице. Подождите меня там, не долго, и если я вскорости не приду — идите дальше. Идите быстро и выбирайте пути, что ведут вправо и вниз.

— Мы не бросим тебя одного! — возразил Арагорн.

— Делай, как я сказал! — яростно проговорил Гэндальф. — Мечам здесь больше делать нечего. Идите!

В коридоре колодцев не было и стояла кромешная тьма. Они спустились на несколько пролетов и оглянулись, но ничего не увидели, кроме слабого мерцания Жезла высоко над собой. Маг, казалось, недвижно стоял на страже у закрытой двери. Фродо тяжело дышал и опирался на Сэма, который одной рукой обнял его. Фродо послышался голос Гэндальфа — маг что-то говорил, и слова певучим эхом отражались от покатой крыши. Стены тряслись. То и дело раскатисто громыхали барабаны: Д-У-У-М, Д-У-У-М.

Внезапно на вершине лестницы плеснуло белое пламя. Потом донесся глухой рокот и тяжелый удар. Бешено застучали барабаны: Д-У-У-М, Д-У-У-М, Д-У-У-М — и смолкли. По лестнице ку-

барем скатился Гэндальф и рухнул наземь среди товарищей.

— Ну, всё! — сказал маг, с трудом поднимаясь. — Я сделал, что мог. Но мне попался сильный противник: я едва не погиб. Не стойте здесь! Идем! Придется некоторое время обходиться без света — сил у меня совсем не осталось. Идем! Идем же! Где ты, Гимли? Подойди, ты пойдешь со мной. Не отставать!

***

Они брели, спотыкаясь, следом за магом, дивясь, что же могло случиться. Д-У-У-М, Д-У-У-М — вновь забили барабаны. Они звучали глухо и отдаленно — но следовали по пятам. Других звуков погони слышно не было — ни шума шагов, ни криков, ни вообще голосов. Гэндальф не сворачивал ни вправо, ни влево, потому что коридор вел, казалось, как раз куда надо. Время от времени возникали лестницы-пролеты в пятьдесят, а то и поболе ступеней, спускались с яруса на ярус. Сейчас это была главная опасность: в темноте путники не видели спусков, пока не подходили к площадке и не делали шага в пустоту. Гэндальф, как слепой, нащупывал дорогу Жезлом.

За час они прошли милю, может быть, чуть

больше, и спустились на много ступеней. Погони по прежнему не было. Они почти уже начали надеяться на спасение. В конце седьмого пролета Гэндальф остановился.

— Становится жарко! — он перевел дыхание. — Мы должны были уже спуститься по меньшей мере до уровня Ворот. Потому думаю, нам надо искать левый поворот, чтобы он повел нас к востоку. Надеюсь, идти недолго. Я очень устал. Я должен отдохнуть немного — пусть хоть все орки кинутся на нас.

Гимли подал ему руку и помог опуститься на ступеньку.

— Что там случилось, у дверей? — спросил он. — Ты встретил того, кто бьет в барабаны?

— Не знаю, — отозвался Гэндальф. — Я вдруг оказался лицом к лицу с тем, чего не встречал доселе. Мне не оставалось ничего кроме как наложить на дверь Запирающее Заклятье. Я знаю их много; но чтобы проделать всё, что надо, требуется время, и даже тогда запертую дверь можно выломать.

Когда я стоял там, то слышал орочьи голоса по ту сторону и думал, что они вот-вот высадят дверь. Я не понимал, о чем они говорят: они пользовались своим мерзким языком. Все, что я

разобрал, было слово «гхаш» — «огонь». Потом что-то проникло в палату — я почувствовал это через дверь — и орки, сами испугавшись, умолкли. Оно тронуло железное кольцо — и почуяло меня и мое Заклятье.

Что это было, не представляю, но никогда мне не приходилось испытывать подобной борьбы. Ответное заклятье было ужасно — я едва устоял. На миг дверь ослушалась меня и начала отворяться! Пришлось произнести Веление. Под действием противоборствующих сил дверь разлетелась в куски, и в проеме заклубилось что-то темное, как туча, затмившее весь свет — я был отброшен и скатился по лестнице. Стена рухнула, и крыша палаты, думаю, тоже.

Боюсь, Балин погребен глубоко — быть может, кое-кто погребен вместе с ним. Не знаю. Но путь назад отрезан. Ах! Никогда еще я не уставал так — но теперь все прошло. Фродо! Что с тобой? Не время было говорить об этом, но я никогда не радовался сильней, чем услышав твой голос. Я уже боялся, что на руках у Арагорна храбрый, но мертвый хоббит.

— Что со мной? — повторил Фродо. — Я жив — и, надеюсь, цел. Мне больно и тяжело, но это не страшно.

— Ну-ну, — заметил Арагорн. — Могу только сказать, что хоббиты сделаны из вещества покрепче всего, что я видел. Знай я об этом — поостерегся бы от резких речей в усадском трактире. Этот удар копьем пронзил бы вепря!

— Меня он не пронзил, о чем я с радостью и говорю, — сказал Фродо, — хоть мне и показалось, что я очутился между молотом и наковальней. — Больше он ничего не сказал. Дышать ему было мучительно трудно.

— Ты совсем как Бильбо, — сказал Гэндальф. — В тебе скрыто больше, чем видно на первый взгляд, — я это говорил ему давным — давно.

Фродо долго думал, не скрыто ли за этим замечанием больше, чем было сказано.

Путники пошли дальше. Немного погодя Гимли заговорил — во тьме он видел лучше остальных:

— Кажется, впереди свет. Но не дневной. Он красный. Что это может быть?

— Гхаш! — пробормотал Гэндальф. — Уж не имели ли они в виду, что нижние ярусы в огне? Впрочем, мы все равно можем идти только вперед…

Скоро сомнений не осталось: свет увидели все. Он мерцал и струился по стенам в конце коридора. Теперь дорога была видна: пол перед ними

быстро шел под уклон, а чуть впереди стояла низкая арка; сквозь нее бил яркий свет. Воздух стал очень жарким.

Отряд подошел к арке, и Гэндальф прошел под ней, знаком велев им подождать. Когда он остановился в проходе, багровый отблеск высветил его лицо. Маг быстро отступил.

— Тут какое-то новое лиходейство, — проговорил он, — изобретенное, без сомнения, чтобы поприветствовать нас. Но теперь я знаю, где мы: на Первом Ярусе, чуть ниже Ворот. Это Второй Чертог Старой Мории, и Ворота близко: в восточном конце, налево — не больше чем в четверти мили. Через Мост, вверх по лестнице, широким коридором через Первый Чертог — и на волю! Но идите и взгляните!

Они выглянули. Перед ними был еще один пещерный зал. Он был выше и гораздо длинней того, в котором они ночевали. Путники были близ его восточного края; западный конец терялся во тьме. По центру вытянулся двойной ряд колонн. Они были высечены в форме стволов могучих деревьев, чьи кроны поддерживали крышу ветвящимся каменным узором. Стволы были гладкими и черными, но багряный отблеск темно отражался на их боках. Прямо в полу,

вплотную к подножиям двух массивных столбов, зияла большая трещина. Из нее исходил красный свет, и время от времени языки пламени лизали край и обвивали низ колонн. В горячем воздухе дрожали клубы темного дыма.

— Если бы мы пошли из верхних залов главным коридором — здесь ловушка захлопнулась бы, — сказал Гэндальф. — Будем надеяться, что сейчас огонь отделит нас от погони! Идем! Времени терять нельзя.

Когда он говорил, вновь послышались барабаны: Д-У-У-М, Д-У-У-М, Д-У-У-М. Вдали, во тьме западного конца зала, раздались крики и зов рога. Д-У-У-М, Д-У-У-М: колонны сотряслись, а огонь дрогнул.

— Последний рывок! — сказал Гэндальф. — Если снаружи солнце — мы спасены! За мной!

Он повернул налево и быстро зашагал по гладкому полу. Расстояние было больше, чем казалось. На бегу они услышали позади топот и эхо множества ног. Донесся яростный вой: их увидели. Звенела и бряцала сталь. Над головой Фродо просвистела стрела.

Боромир засмеялся.

— Этого они не ожидали, — сказал он. — Огонь отсек их. Мы на другой стороне!

— Смотри вперед! — окликнул его Гэндальф. — Мост близко. Он узок и опасен.

Внезапно Фродо увидел перед собой черный провал. В конце зала пол исчезал, обрываясь в неведомую бездну. До двери можно было добраться лишь по узкому каменному мосту без ограды или перил, который перепрыгивал пропасть дугой в пятьдесят футов. Это была древняя защита гномов от любого врага, который захватил бы Первый Чертог и внешние коридоры. Через мост можно было перейти лишь вытянувшись цепочкой. На краю его Гэндальф остановился, и Отряд сгрудился позади него.

— Показывай путь, Гимли! — велел маг. — Пин и Мерри — следом. Вперед и вверх по лестнице!

Вокруг падали стрелы. Одна попала в Фродо — и отскочила. Другая пронзила шляпу Гэндальфа и застряла там, как черное перо. Фродо оглянулся. За пламенем сгустились черные фигуры: орков было, казалось, больше сотни. Они потрясали копьями и ятаганами, кроваво мерцавшими в свете огня. Д-У-У-М, Д-У-У-М — близился рокот.

Леголас повернулся и натянул тетиву, хотя расстояние было слишком велико для его маленького лука. И вдруг рука его дрогнула, и стрела упала наземь. Он вскрикнул в отчаянье и стра-

хе. Появились два огромных тролля; они несли большие каменные плиты, чтобы сделать из них переправу через огонь. Но не тролли повергли эльфа в ужас. Ряды орков смешались, они сгрудились, словно сами боялись чего-то. За ними возникло нечто. Что — разглядеть было невозможно: оно было подобно мгле, в центре которой чернел силуэт вроде человеческого — но больше; от него исходили сила и ужас.

Оно приблизилось к краю огня — и пламя поникло, точно накрытое тучей. Оно с шумом перемахнуло трещину — языки взметнулись ему навстречу и с яростной радостью забились вокруг; и черный дым взвился в воздух. За ним струилась и тлела огнистая грива. В правой руке у него был клинок, подобный острому языку огня; в левой оно сжимало многохвостый хлыст.

— Балрог! — простонал Леголас. — Это Балрог!..

Глаза Гимли широко раскрылись.

— Великое Лихо Дарина! — вскрикнул он и, выпустив топор, обеими руками закрыл лицо.

— Балрог, — пробормотал Гэндальф. — Теперь я понимаю. — Он пошатнулся и тяжело оперся на Жезл. — Что за злая судьба! А я уже смертельно устал…

***

Темная, окутанная огнем фигура быстро приближалась. Орки с воплями переливались через каменные мосты. Боромир поднял рог и протрубил. Вызов зазвенел — и отозвался от пещерной крыши ревом множества глоток. На миг орки поколебались, а огненная тень застыла. Потом эхо замерло внезапно, как пламя, задутое темным ветром, и враги рванулись вперед.

— Через Мост! — крикнул Гэндальф, собираясь с силами. — Бегите! Этот враг вам не по силам. Я должен заградить узкий путь. Бегите!

Арагорн и Боромир не вняли приказу, но продолжали стоять бок о бок позади Гэндальфа, на дальнем краю моста. Другие застыли в дверном проеме в конце зала и обернулись, не в силах бросить своего вождя один на один с врагом.

Балрог достиг Моста. Гэндальф стоял на середине дуги, опершись на посох левой рукой; в другой его руке холодным белым огнем горел Гламдринг. Враг снова остановился — прямо перед магом — и тьма вокруг него склубилась в два широких крыла. Он поднял хлыст — хвосты его свистнули и затрещали. Пламя вырвалось из его ноздрей. Но Гэндальф стоял твердо.

— Ты не пройдешь, — сказал он. Орки остановились, упала мертвая тишь. — Я слуга Тайного Огня, повелитель светлого пламени Анора. Ты не пройдешь. Багровая тьма не поможет тебе, порожденье Моргота. Возвращайся во Мрак! Ты не пройдешь.

Балрог не ответил. Пламя его угасло, а тьма сгустилась. Он медленно ступил на мост — и вдруг вырос, и крылья его простерлись от стены к стене; но Гэндальф был все еще виден — мерцанием во тьме; он казался маленьким и одиноким: седой и согбенный, как древнее дерево под натиском бури.

Из тьмы, пылая, взвился багровый меч.

Встречь ему взблеснул голубоватый Гламдринг.

Раздался звенящий треск, полыхнуло белое пламя. Балрог отшатнулся, меч его отёк расплавленным дождем. Маг на мосту покачнулся, отступил на шаг — и вновь встал твердо.

— Ты не пройдешь! — повторил он.

Балрог рывком вскочил на мост. Хлыст его вился и шипел.

— Ему не выстоять одному! — вскричал вдруг Арагорн и помчался по мосту назад. — Элендиль! — гремел он. — Я с тобой, Гэндальф!

— Гондор! — прорычал Боромир, кидаясь следом.

В этот миг Гэндальф поднял Жезл и с громким криком ударил по мосту перед собой. Жезл разлетелся в куски и выпал из его руки. Все озарилось слепящим светом. Мост треснул. Он сломался у самых ног Балрога, и камень, на котором тот стоял, рухнул в пропасть — а другие остались, дрожа, как скальный язык, высунутый в пустоту.

С жутким криком Балрог пал вперед, его тень нырнула за ним — и сгинула. Но, падая, он взмахнул хлыстом — хвосты взвились и оплели колени мага, подтащив его к краю. Маг зашатался, упал, тщетно цепляясь за камни — и сорвался в бездну.

— Бегите, глупцы! — крикнул он — и исчез.

***

Пламя угасло, упала кромешная тьма. Отряд стоял, оцепенев от ужаса, вглядываясь в провал. Едва Арагорн и Боромир бегом вернулись назад — мост треснул и рухнул. Арагорн криком заставил их очнуться.

— Идем! Я поведу вас! — позвал он. — Мы должны исполнить его последний приказ. Идите за мной!

Спотыкаясь, побрели они вверх по большим ступеням. Арагорн шел впереди, Боромир замыкал цепочку. На вершине был широкий гулкий коридор. Они побежали вдоль него. Фродо услышал, как рядом всхлипнул Сэм — и понял, что сам плачет на бегу. Д-У-У-М, Д-У-У-М, Д-У-У-М — рокотали вслед барабаны, теперь скорбно и медленно: Д-У-У-М. Они бежали. Впереди рос свет. Большие колодцы пронзили свод. Они побежали быстрее. Промчавшись большим залом, залитым светом из высоких окон, путники пронеслись сквозь сломанную дверь — и вдруг перед ними открылись Великие Врата — арка слепящего света.

В тени, за большими камнями по обе стороны Ворот, прятались орки, но створки ворот были распахнуты настежь. Арагорн поверг на пол вставшего на их пути вожака, а другие бежали, страшась его гнева. Отряд промчался мимо них к выходу. Они выбежали из Ворот и запрыгали по большим, истертым от времени ступеням — порогу Мории. Так наконец, потеряв надежду, они вышли под вольное небо и ощутили на лицах дыхание ветра. Они не останавливались, пока не отошли от стен на полет стрелы. Вокруг лежала долина Затенья. Тень Мглистых Гор затемняла её, но на восточных землях лежал золотистый свет.

Было не больше часа пополудни. Сияло солнце; облака были высоки и белы.

Путники оглянулись. В тени Гор черным зевом зияла арка Ворот Слабо и отдаленно раскатились подземные барабаны: Д-У-У-М. Из-под арки выплыл тусклочерный дым. Больше ничего не было видно; долина была пуста. Д-У-У-М. Скорбь наконец осилила их, и они разрыдались: одни стоя и молча, другие повалились наземь. Д-У-У-М, ДУМ. Бездна умолкла.

Глава 6
Лотлориэн

— Увы! Боюсь, мы не можем медлить здесь дольше, — сказал Арагорн. Он взглянул на горы и высоко поднял меч. — Прощай, Гэндальф! — воскликнул он. — Не говорил ли я тебе: если войдешь во врата Мории — берегись! К горю своему я был прав! На что нам надеяться без тебя?

Он повернулся к Отряду.

— Мы должны идти без надежды, — проговорил он. — По крайней мере, мы еще можем мстить. Скрепите сердце и не плачьте более! Идем! Нас ждет долгий путь и много дел.

Хранители поднялись и осмотрелись. На севере

долина взбегала вверх узким, затененным двумя горными отрогами языком, над которым сияли три белых пика: Келебдил, Фануидхол, Карадрас — вершины Мории. Вверху по долгой лестнице маленьких порогов белым кружевом стремился поток, и дымка брызг висела в воздухе у подножия гор.

— Там Теневой Каскад, — Арагорн указал на водопад. — Мы спустились бы оттуда по тропе, что идет вдоль потока, будь судьба добрей к нам.

— Или Карадрас не так жесток, — сказал Гимли. — Вон он стоит и хохочет на солнце! — Он погрозил кулаком дальнему пику и отвернулся.

На востоке горный отрог внезапно обрывался, и вдали виднелись широкие затуманенные земли. На юге бесконечной грядой вставал Мглистый Хребет. Немного в стороне и чуть ниже — они все еще были высоко на западных склонах долины — лежало озеро. Оно было длинным, овальным и походило на громадный наконечник копья, глубоко вонзившийся в северный склон; но южный его берег не затемняли тени, он был освещен солнцем. Однако вода в озере была темно-синей, как чистое вечернее небо, когда глядишь на него из освещенной комнаты. Поверхность его была спокойной и гладкой. Вокруг лежала ровная лу-

жайка, круто спадая к его голому краю.

— Это Зеркальное, Келед-Зарам на нашем языке, — грустно вздохнул Гимли. — Помню, как он сказал: «Да порадует тебя встреча с ним! Но мы не задержимся там». Долго идти мне теперь, прежде чем я снова смогу радоваться. Я должен спешить прочь — он же останется здесь.

***

Отряд шел вниз по дороге от Ворот. Она была грубой и разбитой, и постепенно превратилась в петлистую тропу меж вереском и дроком, что пробивала себе путь среди осколков камней. Но до сих пор было видно, что некогда большой мощеный тракт вел в предгорья из низин Царства Гномов. Местами близ дороги стояли полуразрушенные каменные строения и зеленые курганы, увенчанные гибкими березами и елями, поющими на ветру. Дорога свернула к востоку — и они оказались над лужайкой Зеркального; недалеко от дороги высилась одинокая колонна со сломанным верхом.

— Это Столп Дарина! — вскричал Гимли. — Я не могу миновать его, не свернув на минутку взглянуть на чудо долины.

— Иди — да поторопись! — сказал Арагорн,

оглядываясь на Врата. — Солнце садится рано. Орки, быть может, не выйдут до сумерек, но нам надо уйти как можно дальше прежде чем спустится ночь. Сейчас новолуние, так что ночь будет темной.

— Идем со мной, Фродо! — позвал гном, спрыгивая с дороги. — Я не позволю тебе уйти, не увидев Келед-Зарама. — Он сбежал по долгому зеленому склону. Фродо медленно шел следом, несмотря на рану и усталость, притянутый спокойной синей водой; Сэм плелся сзади. У Столпа Дарина Гимли остановился и взглянул вверх. Тот был треснут и иссечен ветром, и стертые руны на одной из сторон прочесть было невозможно.

— Этот Столп отмечает место, где Дарин впервые заглянул в Зеркальное, — сказал гном. — Давайте заглянем туда и мы — перед уходом.

Они наклонились над темной водой. Сначала ничего не было видно. Потом в глубокой синеве медленно проступили контуры окружающих гор — пики над ними были факелами белого огня — и кусочек неба. Там, как утонувшие алмазы, сияли мерцающие звезды, хотя небосвод над головой заливал солнечный свет. Своих отражений они не увидели.

— Келед-Зарам прекрасно и удивительно! —

сказал Гимли. — Там ждет пробуждения Дарила его корона. Прощай! — Он поклонился, повернулся и поспешил назад к дороге.

— Что вы там видели? — спросил Пин у Сэма, но Сэм так глубоко задумался, что не ответил.

***

Теперь дорога свернула к югу и быстро повела вниз, выбегая из-за краев долины. Чуть ниже озера путники наткнулись на глубокий источник, чистый, как хрусталь; из него, переливаясь через каменный порог, выбегал ручей и, сверкая и ворча, мчался вниз по крутому каменному руслу.

— Из этого ключа берет начало Серебрянка, — сказал Гимли. — Не пейте из него! Он холоден, как лед.

— Вскоре она станет быстрой рекой, собирающей воды многих горных речек, — добавил Арагорн. — Путь наш на много миль проляжет с ней рядом. Ибо я поведу вас путем, который избрал Гэндальф, и надеюсь сначала прийти в леса, где Серебрянка впадает в Великую Реку — вон там.

Они взглянули туда, куда он указывал — и увидели перед собой поток, прыгающий в желоб долины и несущийся вдаль, в низины, покуда

золотистая дымка не скрывала его.

— Там лежат леса Лотлориэна! — проговорил Легодас. — Это прекраснейшее из мест, где живет мой народ. Нигде нет таких деревьев, как в том краю. Ибо осенью листья с них не облетают, а становятся золотыми. И покуда не придет весна и не выглянет новая зелень, не падают они, а тогда ветви усыпают золотые цветы; и пол в лесу золотист, и золотиста крыша, а колонны — из серебра, ибо кора деревьев серая и гладкая. Так до сих пор поется в наших песнях. Душа моя возрадовалась бы, вступи я под своды того леса весной!

— Моя душа обрадуется даже зимой, — сказал Арагорн. — Но до него еще много миль. Поспешим же!

***

Какое-то время Фродо и Сэму удавалось держаться вровень с другими; но Арагорн вел Отряд очень быстро, и немного погодя они начали отставать. Они ничего не ели с раннего утра. Царапина Сэма горела огнем, голова была странно легкой и пустой. Несмотря на сияющее солнце, ветер — после теплой тьмы Мории — казался ледяным. Сэм дрожал. Фродо каждый шаг давался труднее прежнего, он задыхался.

Наконец Леголас оглянулся и, увидев, что они плетутся далеко позади, окликнул Арагорна. Все остановились, и Арагорн побежал назад, позвав с собой Боромира.

— Прости, Фродо, — в раскаянье вскричал он. — Так много случилось сегодня, что я совсем позабыл, что ты ранен — и Сэм тоже. Ты должен был сказать. Мы ничего не сделали, чтобы помочь вам, а должны были, хотя бы все орки Мории гнались за нами. Потерпи! Чуть дальше есть место, где мы сможем немного отдохнуть. Там я сделаю для вас все что смогу. Сюда, Боромир! Мы понесем их.

Скоро они подошли еще к одной реке, что сбегала с западных склонов и соединяла свои бурлящие струи с торопливой Серебрянкой. Они вместе переливались через позеленевший камень и искристым водопадом спадали в долину. Вокруг него стояли ели, низкие и изогнутые, а крутые берега поросли приземистым папоротником и кустами черники. Внизу была ровная низинка, по которой, с шумом крутя взблескивающую гальку, текла река. Здесь путники сделали привал. Было около трех часов пополудни, а они отошли от Ворот лишь на несколько миль. Солнце уже клонилось к закату.

Пока Гимли и двое молодых хоббитов разжигали костер из кустарника и еловых сучьев и носили воду, Арагорн осматривал Сэма и Фродо. Рана Сэма была неглубокой, но выглядела неважно, и лицо Арагорна помрачнело. Но через миг он вздохнул с облегчением.

— Тебе повезло, Сэм! — сказал он. — Многие платили куда дороже за своего первого орка. В царапине нет яда — а орочьи клинки чаще всего ядовиты. Она быстро затянется — я дам лекарство. Промывай ее, когда Гимли вскипятит воду.

Он раскрыл кошель и вынул несколько смятых листьев.

— Они высохли, и часть их силы утеряна, — сказал он. — Но это листья атэласа, которые я собрал близ Заветри. Накроши один в воду, промой рану дочиста и я перевяжу ее. Теперь твоя очередь, Фродо!

— Я в порядке, — Фродо не хотелось, чтобы трогали его одежду. — Все, что мне надо — это немного поесть и чуть-чуть отдохнуть.

— Нет! — сказал Арагорн. — Надо же знать, что сделали с тобой молот и наковальня. Я до сих пор дивлюсь, что ты жив. — Он тихонько стянул с Фродо старую куртку и поношенную рубаху — и задохнулся от изумления. Потом рассмеялся.

Серебряная кольчуга блестела, как морская зыбь под солнцем. Арагорн осторожно снял ее и поднял — алмазы в ней вспыхнули звездами, а кольца зазвенели, как дождь, падающий в озеро.

— Смотрите, друзья! — позвал он. — От такой хоббичьей шкурки не отказались бы и Владыки эльфов! Если бы было известно, что они у хоббитов такие — все охотники Средиземья примчались бы в Край!

— И все стрелы всех охотников мира пропали бы даром, — сказал Гимли, в удивлении глядя на кольчугу. — Эта рубаха мифрильная. Мифрильная!.. Я никогда не слыхал и не видел более прекрасной. Это та самая, о которой говорил Гэндальф? Тогда он недооценил ее. Но дар был отдан достойному!

— Я часто удивлялся, о чем вы там с Бильбо секретничаете взаперти, — сказал Мерри. — Да будет благословен старик! Я люблю его больше, чем всегда. Надеюсь, нам выпадет случай рассказать ему об этом!

На правом боку и груди Фродо чернел огромный кровоподтек. Под кольчугой была рубашка из мягкой кожи, но в одном месте кольца, продавив ее, вошли в тело. Левый бок Фродо тоже покрывали синяки и ссадины — там, где хоббит был

приколот к стене. Пока остальные готовили еду, Арагорн промыл ушибы водой, в которую бросил атэлас. Острый аромат наполнил низину, и все, кто склонялся над дымящейся водой, почувствовали себя освеженными; им будто прибавили сил. Скоро Фродо ощутил, что боль унялась и дышать стало легче, хотя синяк саднил еще много дней. Арагорн привязал ему на бок подушечку из чего-то мягкого.

— Кольчуга на диво легка, — сказал он. — Надень ее снова, если сможешь. Мне будет спокойнее знать, что на тебе такая рубаха. Не снимай ее никогда, даже во сне — если только судьба не заведет тебя туда, где ты, хотя бы на время, будешь в безопасности; но случаи эти будут редки на твоем пути.

***

Поев, Хранители приготовились идти дальше. Они загасили костер и уничтожили все его следы. Потом, выбравшись из низины, вновь зашагали по дороге. Они не успели отойти далеко, когда солнце скрылось за западным хребтом, и длинные тени поползли вниз по горным склонам. Сумрак вставал из-под ног, в лощинах клубился туман.

Далеко на востоке вечерняя заря бледно высветила дальнюю равнину и лес. Сэму и Фродо стало намного лучше, они могли идти очень быстро — и Арагорн, с небольшой остановкой, вел Отряд еще около трех часов.

Было темно. Настала глубокая ночь. Небо усыпали звезды, но убывающей луны долго не было видно. Гимли и Фродо шли позади — медлен но и молча, вслушиваясь в каждый звук. Наконец Гимли заговорил.

— Только ветер шипит. Гоблинов поблизости нет, или у меня уши из дерева. Можно надеяться, что орки успокоились, прогнав нас из Мории. Быть может, они только этого и хотели, и больше им от нас ничего не надо — я о Кольце. Хотя орки, бывает, гонятся за врагами много миль — если хотят отомстить за атамана…

Фродо не ответил. Он взглянул на Разитель — клинок не светился. И все же он слышал что-то, или думал, что слышал. Когда тени сгустились над ними, а дорога поблекла, он снова услышал быстрое шлепанье босых ног. Даже и теперь он слышал его. Он быстро обернулся Позади тускло блеснули два огонька — или ему на миг показалось, что он их видит; но они тут же скользнули вбок и пропали.

— Что там? — спросил гном.

— Не знаю, — отозвался Фродо. — Мне почудились шаги, а сейчас вот я видел свет — как глаза. Мне это часто кажется с тех пор, как мы вошли в Морию.

Гимли остановился и нагнулся к земле.

— Ничего, кроме ночной болтовни трав и камней, — сказал он. — Идем! Торопись! Остальные почти скрылись из виду. Вверх по долине, встречь им, дул холодный ночной ветер. Впереди смутно воздвиглась серая тень, и они услышали бесконечный шорох листвы — будто шумели тополя.

— Лотлориэн! — вскричал Леголас. — Лотлориэн! Мы пришли к опушкам Золотого Леса. Как жаль, что сейчас зима!

В ночи деревья высоко вздымались над ними, аркой сойдясь над тропой и потоком, что внезапно нырял под их раскидистые ветви. В бледном свете звезд стволы их были серы, трепещущая листва отливала темным золотом.

— Лотлориэн! — сказал Арагорн. — Как рад я вновь услышать шум этих крон!.. Мы отошли от Ворот не более, чем на пять миль — но дальше идти не можем. Будем надеяться, что чары эльфов охранят нас от опасности в эту ночь!

— Если только эльфы по-прежнему живут

здесь в нашем темном мире с сомнением сказал Гимли.

— Давным-давно никто из моего народа не приходил сюда — в края, где мы бродили столетия назад, — сказал Леголас, — но мы слышали, что Лориэн еще жив, ибо есть тайная сила, отводящая лихо от его земель. Тем не менее, народ его почти не показывается — быть может, они живут в глуби леса, вдали от северных границ.

— Они живут поистине далеко, — сказал Арагорн и вздохнул, точно какое-то воспоминание шевельнулось в нем. — Этой ночью мы должны сами позаботиться о себе. Пройдем немного вперед, пока деревья не сомкнутся за нами; потом свернем с дороги и поищем место для отдыха. Он шагнул вперед, но Боромир не двинулся с места.

— Разве нет другого пути? — спросил он.

— Какого пути, лучше этого, ты хочешь? — сказал Арагорн.

— Прямого, хотя бы он вел сквозь клинки мечей, — был ответ. — Странные пути избирает этот Отряд — и покуда не дошел до добра. Против моей воли вошли мы под своды Мории — и понесли потерю. А теперь, говоришь ты, мы должны идти в Золотой Лес; но мы в Гондоре слыхали об этих опасных землях: говорят, из тех, кто входит туда,

не возвращается почти никто. И никто не выходит невредимым.

— Не говори «невредимым», скажи «прежним» — тогда ты, быть может, будешь прав, — сказал Арагорн. — Но знания оставили Гондор, Боромир, если во граде тех, кто некогда был мудр, теперь судят дурно о Лотлориэне. Впрочем, верь во что хочешь — иного пути у нас нет, если только ты не предпочтешь вернуться к Воротам Мории, карабкаться по горному бездорожью или в одиночку плыть по Великой Реке.

— Тогда веди! — сказал Боромир. — Но он опасен.

— Воистину так, — проговорил Арагорн. — Дивен и опасен; но лишь лиху стоит бояться его — или тем, кто несет лихо в себе. За мной!

***

Пройдя лесом чуть более мили, они подошли к другой реке, быстро сбегающей с поросших лесом склонов, что полого поднимались на запад, к горам. Справа, во тьме, слышался плеск водопада. Темные торопливые воды пересекали тропу и впадали в Серебрянку, кружа водовороты меж корней.

— Это Нимродель! — сказал Леголас. — Дав-

ным-давно лесные эльфы сложили песни об этой реке — и мы все еще поем их на Севере, вспоминая радугу над ее водопадами и золотые цветы, плывущие в ее струях. Теперь все затемнено, и Мост на Нимродели сломан. Я омою в ней ноги — говорят, вода ее целительна для усталых. — Он спустился по крутому берегу и ступил в поток. — Идите сюда! — позвал он. — Здесь неглубоко. Давайте перейдем вброд! А на том берегу отдохнем, и шум падающих вод навеет нам сон и забвение бед.

Один за другим они спустились и последовали за Леголасом. Фродо немного постоял у берега, давая воде омыть его усталые ноги. Она была холодной, но чистой, и когда Фродо пошел вперед, и вода поднялась ему до колен, он почувствовал, что напряжение и усталость долгого пути оставили его члены.

***

Когда весь Отряд переправился, путники уселись на берегу, отдыхали и ели; и Леголас рассказывал им предания о Лотлориэне, который до сих пор живет в сердцах эльфов Лихолесья, о солнечном и звездном свете на заливных лугах у Великой Реки, прежде чем мир стал сер.

Наконец настало молчание, и они услышали музыку водопада, нежно плещущего во тьме. Фродо мнилось, что он слышит поющий голос, смешанный с шумом воды.

— Слышите голос Нимродели? — спросил Леголас. — Я спою вам песнь о деве Нимродель, что звалась так же, как река, у которой она жила в древние времена. Песнь эта прекрасна на нашем лесном языке; но вот как звучит она на Всеобщем Наречии — так, как ее поют сейчас в Светлояре. — И голосом столь тихим, что шорох листвы порой заглушал его, эльф начал:

Эльфийской девой она была,
Звездой, сияющей днем:
Был бел ее плащ, и из серебра
Цветы блестели на нем.
Звезда мерцала во лбу ее,
И свет струился с волос,
Как солнце с ясеня ярким днем,
Что в Лотлориэне рос.
Длинны были кудри, а руки — белы,
Вольна она и легка,
Смогла бы пройти по лучу Луны
Бесшумнее ветерка.

Близ водопада реки Нимродель
Где вод прохладных исток,
Голос ее звенел, как капель,
Падая в быстрый поток.
Напрасно деву искать теперь
На солнце или в тенях;
Ибо давно ушла Нимродель,
След затерялся в горах.
Серый корабль в далеком порту
Под кровом могучих скал
Ждал ее долго; и на ветру
Парус, струясь, трепетал.
В полночь примчался северных вихрь,
И грозен был его рев.
Он вынес корабль на крыльях своих
На милость бурных валов.
В тусклом рассвете земля не видна,
Бухта исчезла вдали…
Вровень с бортами вздымает волна
Пенные гребни свои.
Амрос смотрел, как тают вдали
Синие кряжи Гор…

Печально серые корабли
Вышли в морской простор.
Он вспомнил Лориэна цветы,
И желтой листвы печаль,
И смех Нимродели, и плеск воды, —
Амрос, эльфийский царь.
С мостика в Море прянул он,
Сорвался стрелой с тетивы,
И погрузился в пучину волн,
Как чайка из синевы.
Ветер струился в густых волосах,
Пена искрилась кругом;
Могуч и прекрасен, волну оседлав,
Лебедем несся он…
Но с Запада вестей не пришло,
На Сумрачных Берегах
Не слышал больше эльфийский народ
Об Амросе никогда.

Голос Леголаса затих, и песня смолкла.

— Больше я петь не могу, — промолвил Леголас. — Это лишь часть, многое я позабыл. Эта песня долгая и грустная: в ней поется, как скорбь

пришла в Лотлориэн, Лориэн Цветущий, когда Гномы разбудили лихо в горах.

— Но Гномы не творили лиха, — сказал Гимли.

— Я этого и не говорил — однако лихо пришло, — печально ответил Леголас. — Тогда многие эльфы покинули свои жилища и ушли — и Нимродель заблудилась далеко на юге, среди перевалов Белых Гор, и не пришла к кораблю, где ее ждал Амрос — ее возлюбленный. Но весной, когда ветер шелестит молодой листвой, голос ее все еще можно услышать у водопада, что носит ее имя; ибо Нимродель впадает в Серебрянку, которую эльфы зовут Келебрант, а Келебрант — в Андуин Великий, а Андуин течет в Златозарный Залив, откуда некогда отплывали корабли эльфов Лориэна. Но ни Нимродели, ни Амросу не возвратиться сюда.

Говорят, дом ее был построен в ветвях дерева, что росло близ водопада; ибо таков обычай эльфов Лориэна. Из-за этого их называют галадримм — или «древесяне». В глубине их леса деревья очень высоки. Лесной Народ не зарывался в землю, как Гномы, и не строил твердынь из камня, пока не пришла Тьма.

— Даже в наши дни жизнь на деревьях может оказаться безопаснее сидения на земле, — су-

мрачно заметил Гимли. Он посмотрел через поток на дорогу, что вела к Затенью, а потом — на свод темных веток над головой.

— В словах твоих скрыт мудрый совет, Гимли, — сказал Арагорн. — Дома мы построить не можем, но эту ночь постараемся провести как галадриммы и поищем укрытия на вершинах деревьев. Мы и так уже сидим рядом с дорогой дольше, чем дозволяет мудрость.

Отряд свернул с тропы, и углубился в густой лес, уходя от Серебрянки на запад вдоль горной реки. Чуть дальше водопада Нимродели они набрели на группу деревьев; некоторые из них нависли над водой. Их могучие серебристые стволы не смогли бы обхватить и трое людей, а представить их высоту было попросту невозможно.

— Я взберусь наверх, — сказал Леголас. — Среди деревьев я дома, будь то корни или крона, хотя об этих я слышал лишь в песнях. Они зовутся маллорны — те самые, что цветут золотистыми цветами — и я никогда не поднимался ни на один. Теперь я посмотрю, как они выглядят — и как растут.

— Чем бы они ни были, — сказал Пин, — деревья эти на самом деле будут чудом, если в их ветвях смогут ночевать не только птицы. Я не

могу спать на шестке!

— Тогда вырой нору в земле! — посоветовал Леголас, — если это тебе больше по нраву. Только копай быстро и глубоко, если хочешь укрыться от орков. — Он легко оттолкнулся от земли и ухватился за ветку, отходившую от ствола высоко над его головой. Но не успел он подтянуться, как из кроны дерева внезапно раздался голос.

— Даро! — приказал он, — и Леголас спрыгнул в изумлении и страхе. Он прижался к стволу.

— Замрите! — прошептал он другим. — Не двигайтесь и молчите!

Над их головами послышался тихий смех, а потом другой чистый голос сказал что-то на языке эльфов. Фродо мало что понял из сказанного, ибо язык, на котором говорят между собой Лесные Эльфы восточнее гор, отличен от наречий Запада. Леголас взглянул вверх и ответил на том же языке.

— Кто они и что говорят? — не выдержал Мерри.

— Эльфы, само собой, — сказал Сэм. — Неужто по голосам не слышно?

— Да, эльфы, — подтвердил Леголас. — А говорят они, что ты так пыхтишь, что тебя ничего не стоит подстрелить даже в темноте. — (Сэм

поспешно зажал рот обеими руками). — Но они еще говорят, что бояться не к чему. Они давно заметили нас: услышали мой голос еще за Нимроделью и поняли, что я из их северной родни — потому и не стали мешать нашей переправе; а потом слышали мою песню. Сейчас они велят подняться мне и Фродо; им, кажется, известно кое-что о нем и нашем походе. Остальных они просят немного подождать у корней — пока не решат, что следует делать.

***

Из мрака спустилась лестница; она была сплетена из серебристо-серой веревки и слабо мерцала в ночи. Выглядела она ненадежно; но на деле оказалась достаточно прочной, чтобы выдержать нескольких человек. Леголас легко взбежал вверх, и Фродо медленно последовал за ним; позади, стараясь не пыхтеть, карабкался Сэм. Ветви маллорна у ствола росли почти прямо, а потом резко изгибались вверх; но у вершины главный ствол раскинулся короной из многих ветвей, и среди них был устроен помост, наст, как тогда говорили; эльфы называли подобные вещи талан. Взбирались на него через круглое отверстие в центре, сквозь которое проходила

лестница.

Когда Фродо наконец влез на помост, то увидел, что Леголас сидит в окружении трех эльфов. Одеты они были в мглисто-серое, и потому незаметны — пока не шевелились. Они поднялись, и один приоткрыл небольшой светильник; из него вырвался тонкий серебряный луч. Эльф поднял его, высветив сперва лицо Фродо, а затем — Сэма. Потом снова закрыл фонарь, и по-эльфийски проговорил слова привета. Фродо (с запинкой, правда) ответил тем же.

— Добро пожаловать! — медленно повторил эльф, уже на Всеобщем языке. — Мы редко говорим на других языках; ибо живем мы сейчас в сердце Леса, и неохотно общаемся с другими народами. Даже наши родичи с Севера отошли от нас. Но некоторые из нас все же выходят в мир, собирая вести и следя за врагами — они говорят на разных наречиях. Один из этих разведчиков — я. Зовут меня Халдир. Мои братья, Румиль и Орофин, почти не говорят на вашем языке.

До нас дошел слух о вашем походе, потому что посланцы Эльронда заглянули в Лориэн, возвращаясь домой по Теневому Каскаду. Мы не слышали о… хоббитах, или полурослики, много долгих лет, и не знали, что они еще живут

в Средиземье. Ты не выглядишь лиходеем. И, так как пришел ты с эльфом, к тому же из нашего рода, мы с радостью примем тебя, как того просил Эльронд, хоть у нас и не в обычае пропускать чужаков через свои земли. Но эту ночь ты должен провести здесь. Сколько вас всего?

— Восьмеро, — сказал Леголас. — Я, четверо хоббитов, и двое людей, один из которых — Арагорн, Друг Эльфов, из рода Рыцарей из Заморья.

— Имя Арагорна, сына Арафорна, известно в Лориэне, — сказал Халдир, — и с ним милость нашей Владычицы. Все в порядке. Но пока ты сказал лишь о семи.

— Восьмой — гном, — сказал Леголас.

— Гном! — повторил Халдир. — Это плохо. Мы не имели дела с Гномами со времен Черных Лет. Они не допускаются в наш лес. Я не могу пропустить его.

— Но он из-под Одинокой Г оры, один из доверенных гномов Дайна, и дружен с Эльрондом, — вмешался Фродо. — Эльронд сам избрал его нам в товарищи, и он был верен и храбр.

Эльфы тихо посовещались друг и другом и спросили о чем-то Леголаса на своем языке.

— Хорошо, — согласился наконец Халдир. — Мы поступим против наших правил. Если Арагорн и

Леголас обещают следить за ним и согласны отвечать за него — он может пройти. Но мы должны завязать ему глаза.

Но больше разговаривать нельзя. Ваш отряд не должен оставаться на земле. Мы следили за реками — с тех пор, как много дней назад большая орда орков прошла к Мории вдоль склонов хребта. На границах Леса воют волки. Если вы в самом деле прошли сквозь Морию — опасность неподалеку. Завтра с утра вам надо идти дальше.

Четверо хоббитов поднимутся сюда и заночуют с нами — их мы не боимся! На соседнем дереве — другая талан. Там укроются остальные. Ты, Леголас, отвечаешь за них перед нами. Зови нас, если что-то случится! И пригляди за гномом!

***

Леголас тут же спустился вниз передать приказ Халдира; и скоро Мерри и Пин вскарабкались на высокий помост. Они едва дышали и выглядели довольно испуганными.

— Вот и мы! — выдохнул Мерри. — Мы приволокли и ваши одеяла впридачу к своим. Остальную поклажу Бродник закопал в листья.

— Вам не надо было ничего нести, — сказал Халдир. — Зимой на вершинах холодно, хотя се-

годня ветер с юга; но у нас довольно еды и питья, чтобы прогнать ночной холод, и шкур и плащей, чтобы укрыться от него.

Хоббиты с удовольствием съели еще один (и лучший) ужин. Потом тепло закутались — не только в меховые плащи эльфов, но и в собственные одеяла — и попытались уснуть. Но, хоть они и устали, сделать это легко удалось лишь Сэму. Хоббиты не любят высот и не спят наверху — если даже у них в доме есть «верх». Помост, по их мнению, вовсе не подходил для спальни. У него не было ни стен, ни хотя бы перил — лишь с одной стороны стоял легкий плетеный щит — его можно было передвигать и устанавливать в зависимости от ветра.

Некоторое время Пин продолжал болтать.

— Надеюсь, если я усну в этом птичьем гнезде, то не скачусь вниз, — сказал он.

— Если уж я засну — так буду спать, скатился я или нет, — отозвался Сэм. — А чем меньше болтовни, тем скорее засыпается, если вы меня понимаете.

***

Фродо лежал без сна и глядел на звезды, проблескивавшие сквозь бледную крышу дрожащей

листвы. Сэм захрапел рядом задолго до того как сам он закрыл глаза. Он слабо различал тусклые серые силуэты двух эльфов; они сидели неподвижно, обхватив колени руками, и шепотом разговаривали. Третий спустился вниз — он нес стражу на одной из нижних ветвей. Наконец, убаюканный ветром в кроне и нежным ворчанием водопада, Фродо уснул — и ему снилась песня Леголаса.

Среди ночи он проснулся. Остальные хоббиты спали. Серп Луны бледно мерцал сквозь листву. Ветер утих. Снизу, с земли, слышался резкий смех и топот множества ног. Донесся лязг металла. Звуки медленно затихли вдали; ушли они, казалось, на юг, в глубину леса.

Вдруг сквозь дыру в помосте просунулась голова. Фродо привскочил в тревоге — и увидел, что это эльф в сером капюшоне. Он взглянул на хоббитов.

— Что там? — спросил Фродо.

— Ирх! — свистящим шепотом ответил эльф и забросил на помост свернутую лестницу.

— Орки! — сказал Фродо. — Что они делают? — Но эльф уже исчез. Больше звуков не было. Даже листва молчала, а водопад, казалось, затих. Фродо сидел и дрожал в своих одеялах. Он был

благодарен эльфам: их не схватили на земле; но чувствовал, что и на деревьях не спасение — разве что укрытие. Орки, ходили слухи, шли по следу, что гончие — и лазать они тоже умели. Он обнажил Разитель; тот вспыхнул и налился голубым огнем, потом медленно померк и угас Несмотря на померкнувший меч, чувство внезапной опасности не оставило Фродо — скорее, даже усилилось. Он поднялся, подкрался к отверстию и глянул вниз. Он был почти уверен, что расслышал тихий шорох у корней.

То были не эльфы: лесной народ движется бесшумно. Послышалось слабое сопение; что-то цеплялось за кору. Затаив дыхание, Фродо смотрел во тьму.

Что-то медленно лезло вверх, и дыхание его походило на слабое шипение сквозь стиснутые зубы. Потом, совсем рядом со стволом, Фродо увидел два белесых глаза. Они замерли и, не мигая, уставились вверх. Вдруг они дрогнули, смутный силуэт скользнул за ствол и пропал.

И сразу же из ветвей появился Халдир.

— На этом дереве было что-то, чего мне видеть не приходилось, сказал он. — Не орк. Оно сбежало, едва я взялся за ствол. Оно очень осторожно и сноровисто на дереве — не то я решил бы, что это

один из твоих хоббитов.

Стрелять я не стал, потому что не хотел поднимать шума: оно могло вскрикнуть, а это — риск битвы. Тут прошел сильный отряд орков. Они перешли Нимродель — да будут прокляты их мерзкие лапы! — и двинулись вдоль реки по старой дороге. Они, кажется, что-то учуяли, и некоторое время осматривали место вашей стоянки. Трое не в силах противостоять сотне — поэтому мы ушли вперед и, громко перекликаясь, увлекли их вглубь леса.

Орофин спешит сейчас вперед, к нашим жилищам, чтобы оповестить наш народ. Ни один из орков не выйдет из Лориэна. А прежде, чем спустится следующая ночь, воины-эльфы тайно соберутся у северной грани леса. Вы же должны отправиться на юг, едва взойдет солнце.

***

С Востока пришел бледный день. Свет разрастался, просачиваясь сквозь золотистую листву маллорна, и хоббитам казалось, что это сияет ранее солнце прохладного летнего утра. Меж ветвей проглядывало бледно-голубое небо. Глядя в проем на южной стороне настила, Фродо видел всю долину Серебрянки — она расплескалась мо-

рем темного золота, тихо вздыхающим на ветру.

Утро было еще холодным и ранним, когда Отряд вновь тронулся в путь — теперь их вели Халдир и его брат Румиль.

— Прощай, нежная Нимродель! — крикнул Леголас. Фродо оглянулся — и увидел взблеск белых брызг меж серебристых стволов.

— Прощай, — проговорил он. Ему казалось, что никогда больше он не услышит столь прекрасных вод, вечно сливающих свои бессчетные звуки в бесконечной неизменной мелодии.

Они вернулись на тропу, что бежала по западному берегу Серебрянки, и некоторое время шли по ней на юг. На земле были следы орков. Но вскоре Халдир свернул в сторону и остановился на берегу в тени деревьев.

— Там, за рекой, один из наших разведчиков, — сказал он, — хоть вы и не видите его. — Он тихо свистнул, подражая птице, и из молодой поросли на том берегу выступил эльф — тоже в сером плаще, но с откинутым капюшоном; в утреннем свете солнца его волосы блестели, как золото. Халдир ловко перебросил через реку моток серой веревки. Эльф поймал его и обвязал конец вокруг дерева на берегу.

— У Келебрант здесь, как видите, сильное те-

чение, — сказал Халдир. — Она быстра и глубока — и очень холодна. Мы не входим в нее, если только по необходимости. Но в эти дни бдительности мы не строим мостов. Смотрите, как мы переправляемся! — Он закрепил свой конец веревки на другом дереве, она туго натянулась — и эльф легко перебежал по ней реку и возвратился назад, точно по дорожке.

— Я-то пройду по этой тропе, — сказал Леголас. — Но другие не столь искусны. Они что — должны плыть?

— Нет! — ответил Халдир. — У нас есть еще две веревки. Мы натянем одну над другой на уровне плеч и пояса — и товарищи твои переправятся, держась за них.

Когда неверный мост был готов, Отряд перешел по нему — кто медленно и осторожно, кто быстро и твердо. Из хоббитов самым ловким оказался Пин — он почти перебежал, держась только одной рукой; он смотрел на берег впереди и ни разу не взглянул вниз. Сэм перетащился с трудом, вцепившись в веревки и не отрывая глаз от белёсой пенящейся реки, точно это была пропасть в горах.

Оказавшись на другом берегу, он вздохнул с облегчением.

— Век живи — век учись! — как говорит мой старик, хотя он-то думал о садоводстве — не о ночевке в гнезде на насесте и уж подавно не о беганье по — паучьи. Даже мой дядька Энди никогда не выкидывал таких штук.

Когда наконец весь Отряд собрался на восточном берегу Серебрянки, эльфы отвязали веревки и смотали две из них. Румиль, оставшийся на той стороне, быстро перетянул третью к себе, забросил ее на плечо и, помахав рукой, ушел назад к Нимродели — нести стражу.

— Теперь, друзья, — сказал Халдир, — вы вступили в Наиф-Лориэн, или, по-вашему, Клин Лориэна, ибо земли эти лежат подобно наконечнику копья между Серебрянкой и Андуином Великим. Мы не позволяем чужестранцам вызнавать тайны Наифа. Немногие ступали на эту землю.

Как было условлено, я должен завязать глаза гному Гимли. Остальные могут идти свободно, покуда мы не подойдем к нашему стану в Эгладиле — в Углу меж реками.

Это очень не понравилось Гимли.

— Договор был заключен без моего согласия, — заявил он. — Я пойду ослепленным, как бродяга или пленник. И я не шпион. Мой род не имеет

дел с прислужниками Врага. И зла эльфам мы не причиняли. Я предам вас не скорее, чем Леголас или любой другой член Отряда.

— Я не сомневался в тебе, — проговорил Халдир. — Однако таков закон. Я не знаток законов и не могу нарушать их. Я и так уже сделал много, позволив тебе перейти Келебрант.

Гимли заупрямился. Он твердо расставил ноги и положил ладонь на рукоять топора.

— Я пойду свободным, — заявил он, — а нет — вернусь и отправлюсь в родные края, где моему слову верят, пускай опасность грозит мне хоть на каждом шагу.

— Ты не можешь уйти, — сурово возразил Халдир. — Ты зашел уже так далеко, что должен предстать перед Владыками. Они решат, что делать с тобой: задержать или отпустить — по их воле. Ты не сможешь вновь пересечь реки — позади тебя тайные стражи. Ты будешь убит прежде, чем увидишь их.

Гимли выхватил топор. Халдир и его товарищ согнули луки.

— Будь прокляты гномы и их упрямство! — вскричал Леголас.

— Тише! — проговорил Арагорн. — Если я еще вождь этого Отряда — вы должны поступать, как

велю я. Гному тяжело быть ослепленным одному. Нам всем завяжут глаза, даже Леголасу. Так будет лучше всего, хоть путь наш и станет медленным и скучным.

Гимли вдруг засмеялся.

— Весело же мы будем выглядеть! Отряд глупцов!.. Халдиру придется вести нас на веревочке, как псу — слепых бродяг. Нет уж! Я согласен, чтобы со мной разделил ослепление один Леголас.

— Я эльф и родич живущим здесь, — возразил Леголас, в свою очередь распаляясь.

— Что ж, давайте кричать: «Будь прокляты эльфы и их упрямство!» — сказал Арагорн. — Но все в Отряде пойдут одинаково. Ну же, Халдир, завяжи нам глаза!

— Я потребую уплаты за каждое падение и каждый сбитый палец, — предупредил Гимли, когда на него надели повязку.

— Требовать не придется, — сказал Халдир. — Поводырь я хороший а дорожки — прямые и мягкие.

— Я сожалею о глупости этих дней, — вздохнул Леголас. — Все мы — враги одного Врага, и однако я должен идти ослепленным под золотой листвой!

— Это может показаться глупым, — сказал

Халдир. — Воистину, ни в чем не явлена так ясно сила Черного Властелина, как в отчуждении, разделяющем тех, кто еще противостоит ему. Однако столь мало верности и доверия видим мы сейчас в мире вне Лориэна (и, быть может, вне Светлояра), что не рискуем собственной доверчивостью подвергнуть опасности свой край. Мы живем на острове в море опасностей, и руки наши чаще касаются тетивы, чем струн.

Реки долго защищали нас, но и они перестали быть надежной защитой; ибо Завеса Тьмы продвинулась к северу и заволокла все вокруг нас. Кое-кто говорит об уходе — однако уходить, мнится мне, уже поздно. В горах на западе множится лихо; земли к востоку пусты или наводнены тварями Саурона; ходят слухи, что и пути через Роханд небезопасны, и за устьем Великой Реки наблюдает Враг. Даже если мы сумеем выйти к берегам Моря, мы не найдем там укрытия. Говорят, есть гавань Заморских Эльфов, но она далеко, на севере и западе, за землей Полурослико в. Но где это — знают, быть может, лишь наши Владыки; я же не знаю.

— Мог бы и догадаться: ты ведь видишь нас, — сказал Мерри. — К западу от моей земли — Края, где живут хоббиты, — есть эльфийская гавань.

— Счастливый народ хоббиты — живут рядом с морем! — воскликнул Халдир. — Давным-давно никто из моего народа не видел его, однако память о нем живет в наших песнях. Расскажи мне о той гавани, пока мы идем.

— Не смогу, — сказал Мерри. — Я ее никогда не видел. Прежде никогда никуда из Края не уезжал. А знай я, каков вокруг мир — не думаю, чтобы меня когда-нибудь потянуло покинуть мой край.

— Даже чтобы увидеть дивный Лотлориэн? — удивился Халдир. — Мир и правда полон опасностей, и темных мест в нем немало, но все же в нем еще много прекрасного, и хотя во всех краях любовь ныне смешана с горем — она, быть может, тем сильнее, чем больше скорби вокруг.

Некоторые из нас поют, что Завеса Тьмы развеется и снова наступит мир. Однако я не верю, ни что мир вокруг станет таким, каким он был в древности, ни что Солнце будет светить как встарь. Для эльфов, боюсь я, свет её окажется в лучшем случае тропинкой, по которой они смогут уйти за Море и навеки покинуть Средиземье. Жаль Лориэн, который я так люблю! Грустна будет жизнь в краю, где не растут маллорны. А есть ли маллорны за Великим Морем — не знает никто.

Беседуя так, Отряд медленной цепочкой шел по лесным тропинкам; вел их Халдир, а замыкал шествие еще один эльф. Земля под ногами была ровной и мягкой, и немного спустя они зашагали свободней, не боясь споткнуться или ушибиться. Лишенный зрения, Фродо ощутил, как обострились его слух и другие чувства. Он чуял запах деревьев и трав различал множество оттенков в шорохе листьев над головой, бормотание бегущей справа реки, перекличку тонких птичьих голосов в небе Он чувствовал солнце на лице и руках, когда Отряд проходил по полянам.

С тех пор, как он ступил на дальний берег Серебрянки, странное чувство охватило его; во время пути по Наифу оно все более обострялось: ему казалось, что он перешел по мосту времен в уголок Предначальной Эпохи и идет теперь по миру, которого нет. В Светлояре жила память о Древнем; в Лориэне Древнее было — жизнь. Зло здесь видели и слышали, скорбь знали; эльфы не верили внешнему миру и боялись его; волки выли на границах Леса; но земли Лориэна не касалась Тьма.

Весь тот день Отряд шел вперед, пока не пришел холодный вечер, и ветер ранней ночи не зашумел в густых кронах. Тогда они останови-

лись и спокойно уснули прямо на земле, ибо им не дозволили снять повязки, и влезть на деревья они не могли. Утром они неспешно продолжали путь. В полдень сделали привал, и Фродо понял, что они вышли на яркое солнце. Внезапно вокруг зазвучало множество голосов. Войско эльфов подошло бесшумно: они торопились к северной границе, готовые отразить любое нападение из Мории; и они принесли вести. Некоторые из них Халдир пересказал.

Разбойников-орков заманили в засаду и почти всех перебили; уцелевшие бежали за запад, к горам — за ними гонятся. Стражи видели странную тварь: бегает сгорбившись, свесив руки до земли — вроде зверя, и все же не зверь. Поймать ее не удалось, а стрелять не стали, не зная, добро завело ее в Лес или зло, и она убралась по Серебрянке.

— А еще, — проговорил Халдир, — они принесли мне Слово от Владыки и Владычицы. Вам всем позволено идти свободно, даже гному Гимли. Похоже, Владычица знает о каждом из вашего Отряда. Возможно, из Светлояра пришли новые вести.

Первым он освободил от повязки Гимли.

— Прости! — сказал он, кланяясь. — Смотри на нас с дружбой! Смотри и радуйся — ибо со времен

Дарина ни один гном не видел деревьев Наиф — Лориэна!

Когда глаза Фродо открылись — у него захватило дух. Путники стояли на поляне. Справа возвышался большой курган, поросший травой, зеленой, как весна Предначальной Эпохи. На нем, как двойная корона, росли два круга деревьев: те, что снаружи, были снежно-белыми и безлистыми — но прекрасными в своей совершенной наготе; внутренние были маллорнами, очень высокими, все еще одетыми в золото.

Высоко в ветвях центрального — самого высокого — дерева сверкал белый помост. У подножий деревьев и на склонах кургана траву испестрили маленькие цветы, подобные золотистым звездам. Среди них, качаясь на гибких стеблях, росли другие цветы, белые и бледно-зеленые: они дымкой мерцали в высокой пышной траве. Вверху ясно синело небо, и полуденное солнце заливало сиянием холм и поляну, отбрасывая от деревьев долгие густо-зеленые тени.

— Смотрите! Вы пришли к Керин-Амросу! — сказал Халдир. — Ибо здесь — сердце великого царства древности, а это курган Амроса, где во дни счастья был его высокий чертог. Здесь, в неувядающей траве, всегда цветут зимние цветы:

желтый эланор и бледный нифредиль. Здесь мы остановимся и отдохнем — недолго, чтобы прийти в город галадримов под вечер.

***

Другие бросились в душистую траву — а Фродо все стоял, пораженный. Ему мнилось, что он прошел сквозь окно, открытое в исчезнувший мир. Его озарял свет, которому не было имени в языке хоббита. Все, что он видел, было совершенно, формы казались ясными и четкими, будто впервые созданными в миг, когда ему развязали глаза — и древними, словно существовали вечно. Он не видел ни одного цвета, которого бы не знал — золотой и белый, зеленый и голубой — но они были чистыми и острыми, точно он впервые увидел их и нарек именами новыми и дивными. Зимой ни одно сердце не скорбело бы здесь о лете или весне. Нигде — ни на листе, ни на цветке, ни на травинке — не было ни пятен, ни болезни, ни уродства. Земли Лориэна были чисты.

Фродо повернулся и увидел, что Сэм стоит рядом с ним, озадаченно оглядываясь и протирая глаза, точно не уверенный, проснулся ли он.

— Надо же, ясный день и солнце сияет… — сказал он. — Я-то ведь всегда думал, ежели эльфы

— так обязательно чтобы луна и звезды. А тут все такое эльфийское, что я о таком и не слыхивал… Я будто в песню попал, сударь, если бы меня понимаете.

Халдир смотрел на них, и казалось, что если кто-то и понимал и слова, и мысли, и думы — так это он. Он улыбнулся.

— Вы ощутили силу Владычицы Галадримов, — сказал он. — Хотите подняться со мной на Керин-Амрос?

Он легко ступил на поросшие травой склоны, и хоббиты последовали за ним. Хотя он шел, дышал, и вокруг него трепетала живая листва, а лицо обдувал холодный ветер — Фродо чувствовал, что находится в краю без времени, который не увядал, не изменялся и ни о чем не забывал. Когда он уйдет и вновь выйдет во внешний мир — Фродо, странник из далекого Края, по-прежнему будет бродить тут, среди цветов эланора и нифредиля, в дивном Лотлориэне.

Они вошли в круг белых деревьев. На Керин-Амросе дул южный ветер, вздыхая среди ветвей. Фродо застыл. Он услышал дальний шум прибоя на берегах, давно ушедших на дно, и крики морских птиц, чье племя исчезло с лица земли.

Халдир ушел вперед и теперь взбирался на

настил. Собираясь последовать за ним, Фродо коснулся ладонью ствола у лестницы: никогда прежде он столь внезапно и остро не чувствовал упругости древесной коры и жизни, что билась под ней. Он ощутил радость от прикосновения к дереву — не как лесник или плотник; то была радость самого живого дерева.

Когда наконец он ступил на высокий помост, Халдир взял его за руку и повернул к югу.

— Взгляни сначала туда! — сказал он.

Фродо взглянул — и увидел, все еще вдалеке, холм, поросший могучими деревьями, или город зеленых башен; что это — он не смог бы сказать. Оттуда, казалось ему, исходят сила и свет, окутывающие все эти земли. И вдруг ему отчаянно захотелось птицей полететь в зеленый город. Потом он посмотрел на восток, и увидел весь Лориэн, сбегающий к бледному мерцанию Андуина, Великой Реки. Он перевел глаза за реку — и свет померк, он снова был в мире, который знал. За рекой лежал край пустой и ровный, унылый и голый, лишь вдали будто вставала волна, угрозная и темная. У солнца, озарявшего Лотлориэн, не хватало сил развеять тень тех дальних высот.

— Там лежат чащобы Южного Лихолесья, — проговорил Халдир. — Его Крепость окружают

леса темных елей, где деревья борются друг с другом, а ветви их кривы и сухи. В центре, на каменном холме, стоит Дол-Гулдур, где долго укрывался Враг. Мы боимся, что теперь он заселен вновь — и мощью вшестеро большей. Над ним издревле клубится туча тьмы. С этого высокого места тебе видны две противоборствующие силы; они борются сейчас всюду, но, хотя Свет прозревает самое сердце Тьмы, собственные его тайны остаются скрыты. Пока. — Он повернулся и быстро спустился вниз; хоббиты слезли следом.

У подножия холма Фродо увидел Арагорна, стоящего неподвижно и молча, как дерево; но в руке его был маленький золотой эланор, а глаза сияли. Его окутало какое-то дивное воспоминание; и Фродо, глядя на него, понял, что он видит нечто, происходившее на этом самом месте. Ибо годы мрака покинули лицо Арагорна — он казался юным рыцарем в белых одеждах, высоким и прекрасным, и, обращаясь к кому-то невидимому, он произнес по-эльфийски несколько слов.

«Арвен ванимельда, намариэ!» — услышал Фродо; а Арагорн вздохнул, вернувшись из грез, взглянул на хоббита и улыбнулся.

— Здесь сердце Царства Эльфов на земле, — сказал он. — И здесь навеки останется мое сердце

— если только не вспыхнет свет за темными тропами, которыми нам идти вместе — тебе и мне. Так идем! — взяв руку Фродо в свою, он сошел с Керин-Амроса, и при жизни больше приходил туда.

Глава 7
Зеркало Галадриэли

Солнце садилось за горы и тени густели в лесах, когда путники вновь пошли дальше. Теперь тропы вели их в чащу, где уже наступили сумерки. Пока они шли, настала ночь, и эльфы раскрыли маленькие серебряные фонари.

Внезапно они опять оказались под открытым вечерним небом: оно было бледным, и кое-где уже вспыхнули звезды. Перед ними лежала обширная луговина, за ней в мягких тенях скрывался глубокий ров — трава по его краям была зелена, точно хранила память об ушедшем солнце. На другой стороне вздымалась высокая зеленая стена, ограждающая зеленый холм, поросший маллорнами столь высокими, каких им еще не доводилось видеть. О высоте их трудно было даже гадать; они высились в сумерках как живые башни. В их многоярусных ветвях и вечнотрепе-

щущих кронах сверкали бесчисленные огоньки — зеленые, золотистые, серебряные. Халдир повернулся к Отряду.

— Добро пожаловать в Карас-Галадон! — сказал он. — Здесь, в городе галадримов, живут Владыка Целеборн и Галадриэль — Владычица Лориэна. Но мы не можем войти туда: на северной стороне ворот нет. Надо обойти вокруг — а путь неблизок, ибо город велик.

По внешнему краю рва бежала мощеная белым камнем дорога. Они пошли по ней на запад — а город зеленым облаком все время поднимался слева; и по мере того, как сгущалась ночь, все новые огни загорались в нем, пока не стало казаться, что холм сплошь усыпан звездами. Наконец они подошли к белому мосту и, перейдя его, увидели ворота города: высокие и прямые, они были устроены между заходящими один за другой концами стены и обращены на юго-запад; ворота были увешаны множеством фонариков.

Халдир постучал, сказал что-то — и ворота бесшумно распахнулись, но стражей Фродо не заметил. Путники вошли — и створки сомкнулись за ними. Они оказались в долгом проходе между концами стены и, быстро пройдя его, вошли в Город Деревьев. Путники никого не видели и не

слышали — на земле; но вверху, среди ветвей и воздухе, звенело множество голосов. Издали, с вершины холма, доносилось пение, падающее с высоты, как ласковый дождь.

Они шли многими тропами, поднимаясь по множеству лестниц, пока наконец не оказались на вершине. Перед ними на широкой поляне искрился фонтан. Его освещали серебряные фонари, покачивающиеся на ветвях, а струи падали в серебряный бассейн, из которого вытекал светлый ручей. С южной стороны поляны росло самое могучее из всех деревьев; его гигантский гладкий ствол блестел, как серый шелк и вздымался вверх, покуда высоко над головой его нижние ветви не простирали свои исполинские ладони под тенистым облаком кроны. Рядом с деревом стояла широкая белая лестница, и у ее подножья сидели три эльфа. Когда путники подошли, они вскочили, и Фродо увидел, что те высоки и одеты в серебристые кольчуги, а с плеч их спадают белые плащи.

— Здесь живут Целеборн и Галадриэль, — сказал Халдир. — Вы должны подняться к ним и говорить с ними — такова их воля.

Один из эльфов-стражей протрубил в маленький рог — и с высоты его чистому звуку

откликнулись три таких же зова.

— Я пойду первым, — сказал Халдир. — За мной пусть идут Фродо и Леголас. Остальные могут следовать за нами как хотят. Это трудный подъем для тех, кто непривычен к таким лестницам, но по пути вы сможете отдохнуть.

***

Медленно поднимаясь, Фродо миновал множество настилов: одни справа, другие слева, третьи были устроены прямо у ствола, так что лестница проходила сквозь них. На огромной высоте хоббит достиг обширной талан, подобной палубе гигантского корабля. На ней был выстроен дом, такой большой, что на земле мог бы быть дворцом для Людей. Фродо вошел за Халдиром — и оказался в овальном зале; сквозь центр его рос ствол маллорна — сузившийся к кроне, он, тем не менее, походил на толстый столб.

Зал наполнял неяркий свет; стены его были серебристо-зеленые, а крыша золотая. В нем сидело множество эльфов. В двух креслах у ствола дерева под балдахином из живой ветви восседали бок о бок Целеборн и Галадриэль. Они поднялись навстречу гостям, как то было принято у эльфов, даже тех, что были могущественными Влады-

ками. Они были очень высоки — Владычица не ниже Владыки — печальны и прекрасны. Одежды их были белы; волосы Владычицы струились чистым золотом, а волосы Целеборна были длинны и подобны сияющему серебру; но на лицах их Время не оставило следов — кроме как в самой глубине глаз: они были остры, как блеск копий в свете звезд, и в то же время мудры — глубокие колодцы воспоминаний.

Халдир пропустил Фродо вперед, и Владыка приветствовал хоббита на его языке. Владычица Галадриэль не сказала ни слова, но долго смотрела ему в лицо.

— Садись рядом с моим креслом, Фродо из Края! — сказал Целеборн. — Когда поднимутся все — мы побеседуем.

Каждого из путников он приветствовал, называя по имени.

— Входи, Арагорн, сын Арафорна! Тридцать восемь лет внешнего мира минуло с тех пор, как ты приходил сюда; и годы эти тяжко лежат на тебе. Но конец близок — к добру или к худу. Так позабудь здесь о своей ноше!

— Мы рады тебе, сын Трандуиля! Слишком редко мои родичи при ходят сюда с севера.

— Добро пожаловать, Гимли, сын Глоина! Дав-

но не видали мы в Карас-Галадоне Даринского народа. Но сегодня мы нарушили древний закон. Да будет это знаком, что, хотя мир затемнен, лучшие дни близко, и что дружбе меж нашими народами суждено возродиться!

Гимли низко поклонился.

Когда все гости расселись вокруг его кресла. Владыка вновь взглянул на них.

— Передо мною — восьмеро, — сказал он, — а выступить должны были девять: так говорили вестники. Но, быть может, решение Совета изменилось, а мы не знаем о том. Эльронд далеко, и тьма клубится меж нами, и тени все длинней и длинней.

— Нет, решение совета не менялось, — впервые заговорила Галадриэль. Голос ее был чист и певуч, но глубже обычных голосов женщин. — Гэндальф Серый вышел с Отрядом — но он не вступал в пределы этой земли. Скажите нам, где он; ибо очень хотелось бы снова поговорить с ним. Но я не вижу его, если только он не войдет в Лотлориэн: вкруг него серебристый туман, и пути его ног и духа скрыты от меня.

— Увы! — воскликнул Арагорн. — Гэндальфа Серого поглотила мгла. Он навеки остался в Мории.

При этих словах все эльфы в зале вскрикнули в печали и изумлении.

— Это лихие вести, — проговорил Целеборн, — самые лихие из всех, какие приходили сюда в эти годы, полные скорбных деяний. Он повернулся к Халдиру. — Почему мне не сказали об этом прежде? — спросил он по-эльфийски.

— Мы не говорили Халдиру о наших делах и целях, — ответил за него Леголас. — Сначала — потому что устали, а опасность была за спиной; а потом мы почти забыли о скорби, идя по дивному Лориэну.

— Однако горе наше велико, а утрата невосполнима, — сказал Фродо. — Гэндальф был нашим вождем, он провел нас сквозь Морию, а когда надежд на спасение не осталось, он спас нас — и погиб.

— Поведайте нам об этом! — велел Целеборн.

Тогда Арагорн рассказал обо всем, что случилось на перевале Карадраса и в следующие дни; он говорил о Балине и его книге, о битве в Палате Мазарбула, об огне и узком мосте, и приходе Ужаса.

— Оно казалось лихом Древнего Мира, — закончил Следопыт. — Я никогда не видел подобного. В нем слились воедино пламя и тьма ужас и мощь.

— Это был Балрог Моргота, — сказал Леголас. — Самое страшное из всех Проклятий Эльфов — не считая Того, кто сидит в Черном Замке.

— Воистину я видел на мосту то, что является нам в ночных кошмарах, я видел Лихо Дарина, — тихо проговорил Гимли, и страх был в его глазах.

— Увы! — сказал Целеборн. — Мы давно боялись, что под Карадрасом спит Ужас. Но знай я, что гномы вновь растревожили лихо в Мории — я воспретил бы тебе пересечь северные границы, тебе и всем, кто идет с тобой. И, если только это возможно, сказал бы, что в конце концов Гэндальф впал из мудрости в глупость, без нужды войдя в тенета Мории.

— Поистине необдуманны были бы слова сказавшего это, — печально проговорила Галадриэль. — Ничего в жизни не совершал Гэндальф без нужды. Те, кто следовал за ним, не знали, о чем он думал, и не могут по-настоящему рассказать о его целях. Но каков бы ни был проводник — те, кто идут за ним, не виновны. Не отказывай Гному в привете. Если бы наш народ провел долгие годы в изгнании вдали от Лотлориэна, кто из галадримов, будь то даже Целеборн Мудрый, прошел бы мимо, не пожелав взглянуть на свой древний дом, хотя бы он стал логовом драконов?

Непроглядна вода Келед-Зарама и льдисто холодны ключи Кибел-Налы, и дивно прекрасны были многоколонные чертоги Казад-Дума — в древности, до падения могущественных подгорных царей. — Она взглянула на Гимли — тот сидел печальный и хмурый — и улыбнулась. И Гном, услыхав имена, произвесенные на его древнем языке, поднял глаза и встретился с ее взором; и ему показалось, что он заглянул вдруг в сердце врага — и нашел там понимание и любовь. Удивление прошло по его лицу — и он медленно улыбнулся в ответ.

Он неловко поднялся и, поклонившись погномьи, сказал:

— Однако более прекрасны вечноживая земля Лориэна, а краса Владычицы Галадриэли превыше всех алмазов, скрытых в недрах земли!

Наступило молчание. Наконец Целеборн заговорил вновь.

— Я не знал, что положение ваше было столь отчаянно, — сказал он. — Забудь мои резкие слова, Гимли! Я говорил, скорбя сердцем. Я сделаю, что смогу, чтобы помочь вам — каждому в зависимости от желаний и нужды, но в особенности — тому из полурослико в, кто несет Бремя.

— Дело твое известно нам, — проговорила Гала-

дриэль, глядя на Фродо. — Но здесь мы не станем говорить о нем открыто. Однако, быть может, ты не напрасно пришел в этот край, ища помощи — как без сомнения, собирался поступить Гэндальф. Ибо Владыка Галадримов; считается мудрейшими из Эльфов Средиземья, и дары его ценнее даров королей. Он жил на Западе со дней Рассвета, и я прожила с ним бессчетные годы; ибо прежде, чем пали Наргофронд и Гондолин, перешла я горы, и долгие века этого мира вместе бьемся мы за победу.

Именно я впервые созвала Совет Светлых Сил; и если бы к словам моим прислушались, его возглавил бы Гэндальф Серый — и многое тогда было бы иначе. Но даже сейчас надежда еще есть. Я не даю тебе совета, не говорю, что тебе делать, а что — нет. Ибо не в поступках или отказе от них, не в выборе того или иного пути могу я оказать помощь, но лишь в знании того, что было и отчасти того, что будет. Но я говорю тебе: Дело твое — на острие клинка. Поколебайся — и оно падет: к гибели всего. Однако надежда жива, пока все члены Отряда верны.

С этими словами она обвела их глазами, изучающе посмотрев на каждого. Никто, кроме Леголаса и Арагорна, не мог долго вынести ее

взгляд. Сэм мгновенно вспыхнул и опустил голову.

Наконец Владычица отвела глаза и улыбнулась.

— Не позволяйте душам смущаться, — сказала она. — Сегодня сон ваш будет спокоен.

Тогда они вздохнули, и вдруг почувствовали усталость — точно их долго и подробно расспрашивали, хотя ни одного слова не было произнесено вслух.

— Ступайте! — сказал Целеборн. — Вы истомлены скорбью и тяжким трудом. Даже если Поход ваш прямо не касается нас — вы останетесь под кронами этого Города, пока не излечитесь и не наберетесь сил. Отдыхайте, и не станем покуда говорить о дальнейшем пути.

***

Эту ночь Отряд провел на земле — к большому удовольствию хоббитов. Эльфы раскинули для них шатер среди деревьев близ фонтана и поставили в нем мягкие ложа; потом дивными голосами пожелали гостям доброй ночи и оставили их. Путешественники поговорили немного о прошлой ночи в вершинах деревьев и дневном переходе, и о Владыке и Владычице; оглядывать-

ся на более отдаленные события у них еще не было сил.

— Почему ты покраснел, Сэм? — спросил Пин. — Ты быстро смутился. Можно подумать, у тебя нечистая совесть. Надеюсь, на ней нет ничего страшнее лиходейских мыслей стащить у меня одеяло?

— Ничего такого я даже и не думал, — сказал Сэм, вовсе не настроенный шутить. — Ежели хотите знать, я себя ровно раздетым почувствовал. Она ж мне в самую душу заглянула. Глядит и спрашивает: что мол, ты сделаешь, если я помогу тебе в Край попасть, да еще дом с садом в придачу дам — отступись только.

— Забавно, — сказал Мерри, — Почти то же чувствовал и я; только… только… нет уж, не стану я больше говорить об этом, — с запинкой закончил он.

Все они, казалось, чувствовали одно и то же: каждому был предложен выбор между тьмой впереди и тем, что он страстно желал; и, чтобы получить это, ему надо было лишь свернуть с полного страхов пути и оставить Поход и борьбу с Сауроном другим.

— А мне еще показалось, — добавил Гимли, — что выбор мой останется тайной, ведомой только

мне.

— Мне это кажется очень странным, — сказал Боромир. — Быть может, это было лишь проверкой и она хотела прочесть наши мысли во имя добрых целей; но я сказал бы, что она испытывает нас, делая вид, что может дать то, что предлагала. Не надо и говорить, что я отказался слушать. Люди Минас-Тирифа верны своему слову. — что Владычица предложила ему — Боромир не сказал.

Что до Фродо — он не захотел ни о чем рассказывать, хотя Боромир засыпал его вопросами.

— Она долго смотрела на тебя, Хранитель, — сказал воин.

— Да, — отвечал Фродо, — но, что бы ни пришло мне в голову, оно останется там.

— Так остерегись! — сказал Боромир. — Я не доверяю ни этой эльфийской Владычице, ни ее целям.

— Не хули Владычицу Галадриэль! — жестко оборвал его Арагорн. Ты не знаешь, о чем говоришь. В ней и в этом краю нет зла — если только человек не принесет его сюда сам. Тогда — пусть остережется! Я же сегодня усну без страха — впервые после Светлояра. Пусть сон мой будет глубок и хоть на время унесет мою скорбь! Я устал телом

и духом. — Он улегся на ложе и тут же уснул.

Другие вскоре последовали его примеру, и ни звук, ни кошмар не тревожил их сна. Проснувшись, они обнаружили, что лужайка перед шатром залита ярким светом, а струи фонтана взлетают ввысь и падают, мерцая на солнце.

Они провели в Лотлориэне несколько дней — как им вспоминалось после. Все время, пока они жили там, сияло солнце — лишь изредка выпадал ласковый дождь; проливался и убегал, оставляя все свежим и чистым. Воздух был прохладен и нежен, как ранней весной, однако они ощущали вокруг глубокий задумчивый покой зимы. Им казалось, что они ничего не делают — лишь едят, пьют и отдыхают, да бродят среди деревьев; и этого было довольно.

Они больше не видели Владыку и Владычицу и мало разговаривали с эльфами; ибо большинство эльфов говорило только на своем языке. Халдир простился с ними и ушел назад, к северным границам, где теперь неусыпно сменялись стражи и собралось много воинов — с тех пор, как Отряд принес вести о Мории. Леголас почти все всё время проводил с галадримами и после первой ночи не спал с товарищами, хотя возвращался, чтобы есть и беседовать с ними. Часто, уходя бродить по

лесу, он уводил с собой Гимли, и другие дивились этой перемене.

Теперь, когда товарищи сидели или гуляли вместе, они говорили о Гэндальфе, и всё, что они видели или знали о нем, живо вставало перед ними. Тела их исцелялись от ран и усталости — скорбь же становилась острее. Часто слышали они неподалеку голоса эльфов и знали, что те в песнях оплакивают Гэндальфа, ибо ловили его имя среди нежных и грустных слов, которых не могли разобрать.

Мифрандир, Мифрандир! — пели эльфы. — О Серебристый Странник! — так звали они его. Но когда Леголас бывал с друзьями — он отказывался переводить им песни, говоря, что у него не достанет умения и что для него утрата еще слишком свежа — повод для слез, не для песен.

Первым, кто вложил свою грусть в слова, был Фродо. Он редко складывал песни или стихи; даже в Светлояре он больше слушал, чем пел сам, хотя в памяти его хранилось множество песен, сочиненных до него. Но теперь, когда он сидел у фонтана в Лориэне и слушал голоса эльфов, думы его приняли облик песни, которая показалась ему красивой; однако едва он попытался повторить её Сэму — от нее остались лишь клочки,

пожухлые, как горсть опавшей листвы.

Тот вечер был и сер, и тих,
Мы слышали его шаги:
Он уходил, спеша уйти
Туда, где тьма, туман, враги.
Он шел на запад через лес,
Ладонью посох крепко сжав,
И грозный старый лес чудес
Дорогой бед пред ним лежал.
Понятен был ему язык
Всех: Эльфов, Гномов и Людей,
И птицы крик, и зверя рык,
И листьев танец меж ветвей.
Разящий меч, горящий взгляд,
Покой несущая рука,
На плечи груз проклятий взят,
А в сердце — вера на века.
Во гневе скор — отходчив он,
Ему близки и смех, и плач.
Пусть суждены венец и трон —
Сейчас на нем лишь старый плащ.
И вот он на мосту один,

И посох сломан, пропасть ждет,
Огонь хлыстом вокруг седин,
И — гибель огненным дождем.

— Ого, да вы скоро побьете господина Бильбо! — одобрил Сэм.

— Боюсь, что нет, — сказал Фродо. — Но это лучшее, что я могу сделать.

— Нет, господин Фродо, я ж слышу, — возразил Сэм. — А вот если б вы еще сказали про его фейерверки — ну, хоть словечко, вроде этого:

Огни цветные всех сортов
Взлетали выше облаков,
А после грома дождь златой
Как розы, цвел над головой.

— Нет уж, Сэм, это я оставлю тебе. Или Бильбо. Но… хватит, я больше не могу говорить об этом. Мне подумать страшно, как я ему принесу эту весть.

Однажды вечером Фродо и Сэм вместе гуляли в прохладных сумерках. Им обоим снова было беспокойно: Фродо окутала тень расставания: каким-то образом он знал, что близится время, когда он покинет Лотлориэн.

— Что ты теперь думаешь об эльфах, Сэм? —

спросил он. — Я тебя как-то уже спрашивал об этом — целую вечность назад, кажется; но ты много их повидал с тех пор.

— Что правда то правда! — сказал Сэм. — Я так скажу: есть эльфы и эльфы. Они, конечно, все довольно эльфийские — но не все — одно. Этот вот народ — не скитаются, где ни попадя, дома живут, и вроде совсем как мы: привязаны к здешним местам, больше даже, чем хоббиты к Краю… То ли они свою землю под себя подогнали, то земля — их, сразу и не скажешь, если вы меня понимаете. Здесь все дивно и чудно — и тихо. Ничего не изменяется и никто, кажись, не хочет, чтобы изменялось. Ежели тут и есть какое волшебство, так оно глубоко запрятано — его не пощупаешь, так сказать.

— Ты его видишь и чувствуешь, — сказал Фродо.

— Ну и что ж, — уперся Сэм, — если я не вижу как и кто это делает. Это вам не фейерверки бедняги Гэндальфа. Почему-то мы за все эти дни не видали ни Владыку, ни Владычицу… А ведь, мнится мне, она может делать чудеса — ежели захочет, конечно. А уж как бы мне хотелось поглядеть на эльфийские чудеса, господин Фродо!

— Мне — нет, — сказал Фродо. — Мне и так

хорошо. Я спокоен. А потерял я не фейерверки Гэндальфа, а его густые брови, его вспыльчивый нрав, его голос.

— Вы, конечно, правы, — согласился Сэм. — Вы не думайте, я не ругаю никого. Я просто всегда хотел увидеть волшебство, о каком в сказках говорится — а о лучшей земле, чем эта, я и не слыхивал. Вроде как дома — и одновременно как праздник, если вы меня понимаете. И уходить мне не хочется... Все равно я начинаю чувствовать, что ежели нам идти дальше — так лучше распрощаться сразу.

Труднее всего закончить дело, за которое и не принимался, как мой старик говорит. Да и не думаю я, что народ этот может еще чем нам помочь — волшебством или без него. Вот как уйдем мы из этих краев — так не раз о Гэндальфе вспомним да пожалеем.

— Боюсь, ты даже слишком прав, Сэм, — вздохнул Фродо. — Однако очень надеюсь, что перед уходом мы увидим Владычицу еще раз.

И как бы в ответ на свои слова, они увидели Владычицу Галадриэль. Высокая, белая и прекрасная, она шла меж деревьев. Она не сказала ни слова, но поманила их за собой.

Свернув в сторону, она повела их к южным

склонам холма Карас-Галадона и, миновав высокую живую изгородь, они вошли в сад. Деревья там не росли, и сад был открыт небу. Вечерняя звезда уже взошла и сияла белым огнем над западными лесами. По долгой пологой лестнице Владычица сошла в глубокий зеленый овраг, по которому с ворчанием бежал ручей, берущий начало из фонтана на холме. На дне оврага, на низком основании, стояла высеченная в форме ветвистого дерева чаша, широкая и мелкая, а рядом — серебряный кувшин.

Галадриэль до краев наполнила чашу водой из ручья, дохнула на нее и, когда вода успокоилась, заговорила.

— Это Зеркало Галадриэли, — проговорила она. — Я привела вас сюда, чтобы вы могли заглянуть в него, если пожелаете.

Воздух был тих, овраг темен, а Владычица Эльфов рядом с хоббитами — высока и бледна.

— Зачем нам смотреть в него и что мы увидим? — с благоговейным трепетом спросил Фродо.

— Я могу приказать Зеркалу явить многое, — отвечала она. — И некоторым могу показать то, что они желают. Однако интересней видения, которые Зеркало являет не по приказу — они часто

странны и более полезны чем то, что мы хотим узреть. Что ты увидишь, если оставишь Зеркало свободным, я не знаю. Ибо оно показывает что было, что есть и что может быть. Но даже мудрейший не всегда может сказать, видел он прошлое, настоящее или будущее. Ты хочешь взглянуть?

Фродо не ответил.

— А ты? — сказала она, поворачиваясь к Сэму. — Это ведь то, что твой народ зовет волшебством — хоть я и не совсем понимаю, что вы имеете в виду; тем же словом называете вы и уловки Врага. Но это, если хочешь, волшебство Галадриэли. Не ты ли говорил, что хочешь увидеть эльфийское чудо?

— Хочу, — Сэм колебался между страхом и любопытством. — Я, пожалуй, взгляну одним глазком — с вашего позволения, госпожа. Хотелось бы мне поглядеть, что делается дома, — сказал он Фродо. — Я, кажется, сто лет как оттуда ушел… Ну да что тут увидишь — звезды, небось, или еще что непонятное…

— Смотри же, — с тихим смехом сказала Галадриэль. — Смотри — и увидишь. Не касайся воды!

Сэм вскарабкался на подножие и наклонился над чашей. Вода в ней казалась тяжелой и темной. В ней отражались звезды.

— А я что говорил? Звездочки небесные… — протянул он — и вдруг глубоко вздохнул: звезды пропали. Зеркало посерело, точно отдернулась темная пелена, а потом и совсем очистилось. В нем сияло солнце, и ветки дерева качались и дрожали под ветром. Но прежде, чем Сэм успел сообразить, что он видит — свет померк; теперь он видел Фродо: хозяин с бледным лицом лежал под темной отвесной скалой и крепко спал. Потом Сэм увидел себя: он шел по еле освещенному проходу и взбирался по бесконечной винтовой лестнице. Внезапно он понял, что ищет что-то, но что — он не знал. Как сон, видение растаяло и вернулось — он снова видел деревья. Но на сей раз они не были так близки, и он смог разглядеть, что происходит: они не качались под ветром — они падали, валились на землю.

— Эй! — гневно заорал Сэм. — Это ж Тод Пескунс деревья валит! Это кто ему позволил, а?! Их же никак рубить нельзя: они дорогу к Приречью затеняют!.. Ну, добраться бы мне до него — я б его самого свалил!

Но тут Сэм вдруг увидел, что Старой Мельницы нет, а на ее месте строится приземистое здание красного кирпича. Народу на стройке было полным-полно. Неподалеку поднималась красная

труба. Черные клубы дыма, казалось, замутили поверхность Зеркала.

— Какое-то лихо у нас в Крае, — сказал хоббит. — А Эльронд-то, видать, знал, что делал, когда хотел отослать господина Мерри назад… — Сэм вдруг вскрикнул и отпрыгнул от чаши. — Я здесь ни минуты не останусь, — заявил он. — Мне надо домой. Они срыли Историнку. Я видел, как старик мой плетется по дороге с вещичками в тачке. Мне надо домой!

— Ты не можешь уйти один, — сказала Владычица. — Ты не хотел уходить домой без хозяина, пока не взглянул в Зеркало — а ведь ты знал, что с Краем может случиться беда. Вспомни: Зеркало показывает многое, и далеко не всё сбывается. Кое-чего не происходит вообще, если только те, кто видел явленное, не сворачивают с пути, чтобы помешать этому. Зеркало — опасный советчик.

Сэм опустился на землю и обхватил голову руками.

— Лучше бы мне никогда не приходить сюда, и никаких чудес мне больше не надо, — сказал он и умолк. Через мгновение он заговорил снова — с запинкой, словно борясь со слезами.

— Нет… я приду домой только по одной… и долгой… тропке с господином Фродо — или не

приду вообще. Но все-таки я надеюсь однажды вернуться. И если то, что я видел, окажется правдой — кое-кому не сладко придется!

— Хочешь ли ты теперь посмотреть, Фродо? — спросила Владычица. — Ты не хотел видеть эльфийских чудес и был спокоен.

— Ты советуешь мне посмотреть?

— Нет, — сказала она. — Я не советую тебе ничего. Я не советчица. Ты можешь узнать кое-что, и — будь то, что ты увидишь, добром или злом — оно может оказаться нужным тебе — а может и не оказаться. Видеть и полезно, и опасно. Однако я думаю, Фродо, что у тебя довольно мужества и мудрости, чтобы рискнуть — иначе я не привела бы тебя седа. Делай, как пожелаешь!

— Я посмотрю, — сказал Фродо, взобрался на подножие и склонился над темной водой. Зеркало сразу очистилось, и он увидел сумеречные земли. Вдалеке на фоне бледного неба смутно рисовались горы. Длинная серая дорога, извиваясь, пропадала из глаз. Далеко-далеко по дороге медленно брела человеческая фигура — сперва маленькая и тусклая, она приближалась, становясь яснее и больше; и вдруг Фродо понял, что она напоминает ему Гэндальфа. Он чуть не окликнул мага — и тут увидел, что тот одет не в серое, а в

белое: белые одежды слабо сияли в сумерках, и в руке его был белый жезл. Голова была склонена так, что Фродо не видел лица, а вскоре человек свернул и скрылся из виду. Сомнение наполнило душу Фродо: был ли то Гэндальф во время одного из своих давних одиноких походов — или то был Саруман?

Видение изменилось. Быстро и мелко — но очень живо — промелькнул Бильбо, шагающий взад-вперед по своей комнатке. Стол был завален бумагами; в окна стучал дождь.

Пауза — и быстро замелькали сцены, в которых Фродо (непонятно каким образом) узнал отрывки великой истории, участником которой он оказался. Туман развеялся, и он увидел картину, которой никогда не видел, но сразу узнал: Море. Упала тьма. Море вздыбилось во гневе страшной бури. Потом на фоне солнца, кроваво садящегося в полосу туч, возник черный силуэт длинного корабля, плывущего с запада. Потом — широкая река, текущая через многолюдный город. Потом — белая крепость с семью башнями. Потом вновь поя вился корабль с черными парусами, но теперь было утро и вода искрилась, и стяг, несущий знак белого дерева, сиял на солнце. Дым, будто от пожара или битвы, стемнился в серый туман;

и в туман, мерцая огнями, вплыл маленький серебристый корабль. Он пропал, Фродо вздохнул и собрался слезть.

Но вдруг Зеркало стало непроницаемо — черным, черным, как дыра, ведущая за грань зримого мира — и Фродо взглянул в пустоту. В черной бездне возник Глаз, он медленно рос, пока не занял почти все Зеркало. Он был так страшен, что Фродо прирос к камню, не в силах ни крикнуть, ни отшатнуться. Окруженный огнем, сам Глаз был тусклым, желтым, как у кошки, внимательным и пристальным, и черная точка его зрачка разверзлась ямой, окном в Ничто.

Глаз начал блуждать, всматриваться — и Фродо с уверенностью и ужасом осознал, что он — одна из множества вещей, которые ищет Око. Но он знал, что то не может увидеть его, пока он сам того не пожелает. Кольцо, что висело на цепочке у него на шее, налилось тяжестью, стало тяжелее камня, и голова Фродо склонилась. Зеркало дышало жаром, и спирали пара поднимались с воды. Хоббит наклонялся все ниже.

— Не касайся воды! — тихо сказала Галадриэль. Видение исчезло, и Фродо понял, что смотрит на мигающие в серебряной чаше льдистые звезды. Он отступил, дрожа, и взглянул на Владычицу.

— Я знаю, каким было твое последнее видение, — сказала она. — Ибо оно отразилось в моей душе. Не бойся! Но не думай, что лишь песни среди деревьев и легкие стрелы эльфийских луков защищают Лотлориэн от Врага. Говорю тебе, Фродо: даже сейчас, беседуя с тобой, вижу я Черного Властелина и прозреваю его помыслы и всё в его душе, что касается эльфов. А он вечно жаждет увидеть меня и мои думы. Но пока дверь закрыта!

Она подняла белые руки и простерла ладони к востоку жестом отвержения и отказа. Эарендиль, Вечерняя Звезда, самая любимая звезда эльфов, ясно сияла в вышине. Она была столь ярка, что фигура Владычицы отбрасывала на землю тусклую тень. Лучи звезды блеснули в кольце на ее пальце; оно мерцало, как гладкое золото, подернутое серебром, и морозно-белый камень мерцал в нем, будто эльфийская звезда спустилась с неба отдохнуть на ее руке. Фродо с благоговением глядел на кольцо, ибо вдруг ему показалось, что он понял.

— Да, — сказала Владычица, угадав его мысли, — говорить об этом нельзя, даже Эльронд не может этого. Но его не утаить от Хранителя Кольца и того, кто видел Око. Ты прав: Одно из

оставшихся Трех здесь, в Лотлориэне, на пальце Галадриэли. Это Нэния, Кольцо Воды, и я — его Хранительница.

Он догадывается, но Он не знает — пока не знает. Понимаешь теперь, отчего приход твой звучал для нас шагами Рока? Ибо если падешь ты — мы будем открыты Врагу, беззащитны перед ним. Однако если ты победишь — сила наша истает, Лотлориэн увянет, и поток Времен унесет его. Мы должны будем уйти на Запад или сделаться простым и грубым народом пещер и лощин, чтобы медленно забывать и постепенно быть забытыми.

Фродо поник головой.

— Чего же ты хочешь? — спросил он наконец.

— Чтобы было то, что должно быть, — отвечала Галадриэль. — Любовь эльфов к своей земле и делам рук своих глубже глубин Морей, и горю их никогда не смягчиться. Однако они скорее откажутся от всего, чем покорятся Саурону: ибо теперь они знают его. За судьбу Лотлориэна ты не в ответе — лишь за свое дело. Однако я желала бы — если б от этого была какая-то польза — чтобы Кольцо Всевластья никогда не было отковано, или никогда не находилось.

— Ты мудра, бесстрашна и прекрасна, Влады-

чица, — сказал Фродо. — Я отдам тебе Кольцо — только попроси. Оно слишком тяжело для меня.

Галадриэль рассмеялась внезапно и звонко.

— Владычица Галадриэль, быть может, и мудра, — сказала она, однако сейчас она встретила равного себе в любезности. Учтиво отомстил ты мне за испытание твоей души в нашу первую встречу. Ты становишься очень зорок. Не отрицаю, сердце мое жаждет попросить то, что ты предложил. Много долгих лет думала я, что смогла бы совершить, приди Великое Кольцо в мои руки — и вот его вкладывают мне в ладонь! Зло, сотворенное давным-давно, трудится по сей день — есть Саурон или нет. Так разве не благородно будет использовать против него Его Кольцо — если я силой или страхом отниму его у своего гостя?

И вот оно наконец пришло. Ты отдаешь мне Кольцо по своей воле. На место Черного Властелина ты сажаешь Королеву. И я не стану Черной. Я буду красивой и ужасной, как Утро и Ночь! Прекрасной, как Море и Солнце, и Снег на вершинах гор! Внезапной, как Буря и Молния! Сильнее корней земли! Всё станет любить меня — и трепетать передо мной!

Она подняла руку — и из кольца на ее пальце ударил луч, осветивший ее одну — а вокруг все было во тьме. Она стояла перед Фродо и казалась бесконечно высокой и непредставимо красивой, грозной и властной. Потом рука упала, и свет померк, и вдруг она засмеялась вновь — гибкая эльфина в простых белых одеждах, чей нежный голос был тих и печален.

— Я прошла испытание, — сказала она. — Я уйду за Море и останусь Галадриэлью.

Долгое время они молчали. Наконец Владычица заговорила:

— Вернемся! — сказала она. — Утром вы должны уходить, ибо теперь выбор сделан, и тяжи судьбы натянулись.

— Я хотел спросить — прежде чем уйду, — сказал Фродо. — Еще в Светлояре собирался спросить Гэндальфа. Мне доверено Кольцо Всевластья — так почему я не вижу других Колец и не могу читать в душах тех, кто носит их?

— Ты не пытался, — отвечала Галадриэль. — Лишь трижды надевал ты Кольцо с тех пор, как узнал, чем владеешь. И не пытайся! Это погубит тебя. Не говорил ли тебе Гэндальф, что Кольца дают власть по силам владельцев? Прежде чем ты смог бы воспользоваться этой властью, ты

должен был бы стать гораздо сильнее и преклонить волю к покорению других. Однако даже как Хранитель Кольца и тот, кто носил его и видел Скрытое, ты стал много зорче… Ты видел Око того, кто владеет Семью и Девятью. И разве не увидел ты и не узнал кольца на моей руке? Ты видел кольцо? — обратилась она к Сэму.

— Нет, Владычица, — отозвался тот. — Правду сказать, очень мне удивительно, про что вы всё толкуете. Я видел звезду сквозь вашу ладонь. Но, ежели вы позволите мне сказать, так хозяин мой прав. Взяли бы вы у него это Кольцо. Вы-то уж навели бы в мире порядок! Не дали бы Истербинку срывать и старика на улицу выбрасывать. Заставили бы кого надо заплатить за лиходейство.

— Заставила бы, — сказала она. — Так бы оно началось. Но — увы! — этим бы не кончилось! Не будем больше говорить об этом. Идем!

Глава 8
Прощание с Лориэном

Той ночью Отряд был снова призван в палату Целеборна, и Владыка и Владычица тепло приветствовали их. А потом Целеборн заговорил об их уходе.

— Пришел час, — сказал он, — когда те, кто захочет продолжить Поход, должны скрепить сердца и покинуть сей край. Те, кто не хочет идти дальше, могут остаться здесь — на время. Но, останутся они или уйдут — никто не должен быть уверен в покое. Ибо мы подошли сейчас к грани судьбы. Тот, кто останется, может ожидать здесь, пока дороги мира не станут свободными вновь — или пока мы не призовем его в последней нужде Лориэна. Тогда они смогут вернуться в свои земли — или уйти в дома тех, кто пал в битве.

Наступило молчание.

— Они решили идти, — молвила Галадриэль, взглянув им в глаза.

— Что до меня, — сказал Боромир, — путь к моему дому ведет вперед, а не назад.

— Верно, — сказал Целеборн, — но ужели весь этот Отряд идет с тобою в Минас-Тирифф?

— Мы еще не решили, куда идти, — проговорил Арагорн. — Я не знаю, что собирался делать Гэндальф после Лотлориэна. Не думаю правда, что даже у него были какие-то ясные планы.

— Возможно и не было, — сказал Целеборн, — Однако, когда вы покинете этот край, вы не сможете более забывать о Великой Реке. Между Лориэном и Гондором путникам с поклажей не

пересечь ее иначе как в лодке, и некоторым из вас это хорошо известно. А мосты Осгилиафа — не разрушены ли они все и не захвачены ли Врагом?

По какому берегу вы пойдете? Путь в Минас-Тириф лежит на этой — западной — стороне, но прямая дорога Похода ведет на восток от Реки — по темному берегу. Каким берегом пойдете вы?

— Если к моему совету прислушаются — это будет западный берег и дорога в Минас-Тириф, — ответил Боромир. — Но я не вождь Отряда.

Остальные промолчали. Арагорна, казалось, охватили сомнения и тревога.

— Вижу, вы еще не знаете, что делать, — проговорил Целеборн. Не мое дело решать за вас, однако я помогу вам, как сумею. Кое-кто из вас умеет править лодкой: Леголас, чей народ плавает по быстрой Беснуте, Боромир Гондорский и Арагорн-странник.

— И один хоббит! — воскликнул Мерри. — Не все хоббиты шарахаются от лодок, как от диких коней. Мой народ живет у берегов Брендидуима.

— Это хорошо, — кивнул Целеборн. — Тогда я дам вашему Отряду лодки. Они должны быть небольшими и легкими, потому что, если вы отправитесь дальше по воде — вам встретятся

места, где придется нести их. Вы доплывете до перекатов Сарн-Гебира, а быть может и до великого Рауроса, где Река гремящим водопадом низвергается из Нен-Хифоэль; а по пути могут быть и другие опасности. Лодки облегчат вам дорогу — на время. Однако совета они не дадут: в конце концов вы должны оставить Реку и повернуть на запад — или на восток.

Арагорн горячо поблагодарил Целеборна. Лодки успокоили его — хотя бы потому, что выбор пути откладывался на несколько дней. Да и в душах других затеплились надежды. Какие бы опасности ни ждали впереди, всем казалось лучше плыть встречь им по широкому Андуину, чем плестись с согбенными ношей спинами. Лишь Сэм смотрел с сомнением: что до него, то он считал лодки такой же напастью, как диких коней — а может, и похуже; и все опасности, которые он пережил, не заставили его думать о них лучше.

— Всё будет ждать вас в гавани завтра до полудня, — сказал Целеборн. — Утром я пришлю к вам эльфов — помочь приготовиться к походу. Теперь же мы желаем вам доброй ночи и спокойного сна.

— Доброй ночи, друзья! — промолвила Галадриэль. — Спите спокойно! Не тревожьте сердец

думой о походе. Быть может, тропа, которую каждый из вас должен пройти, уже лежит под вашими ногами, хотя вы и не видите ее. Доброй ночи!

***

Отряд простился с Владыками и вернулся в шатер. Леголас шел вместе со всеми, ибо это была их последняя ночь в Лориэне и, несмотря на слова Галадриэли, они хотели устроить совет.

Они долго спорили, что должны делать и как лучше всего добиваться достижения цели похода, но так ничего и не решили. Было ясно, что большинство желает идти сначала в Минас-Тириф и спастись — хотя бы на время — от Вражьего Ужаса. Они готовы были следовать за вождем за Реку и под Завесу Мордорской Тьмы; но Фродо молчал, а Арагорн был все еще на распутье.

Сам он, пока Гэндальф был с ними, собирался идти с Боромиром и мечом своим помочь освобождению Гондора. Ибо он верил, что видения были призывом и что пришел час, когда наследник Элендиля должен выйти на смертный бой с Сауроном. Но в Мории на него была возложена ноша Гэндальфа, и он знал, что не сможет ныне покинуть Кольца, если Фродо в конце концов

откажется идти с Боромиром. Но чем сможет он — и любой из Отряда — помочь Фродо, кроме как слепо следовать за ним — во тьму?

— Я пойду в Минас-Тириф и один, если придется, ибо таков мой долг, — сказал Боромир; и на время умолк, в упор глядя на Фродо, словно пытался прочесть думы Полуслика. Наконец он заговорил снова, тихо, будто споря с собой:

— Если вы хотите уничтожить только Кольцо — тогда война и оружие бесполезны, и в этом люди Минас-Тирифа не смогут помочь. Но если цель ваша — уничтожить воинскую мощь Черного Властелина — глупо идти безоружными в его владения; и безумие — пренебрегать… — он вдруг осекся, словно поняв, что думает вслух. — Безумие — пренебрегать своими жизнями, говорю я, — закончил он. — Это выбор между защитой сильной крепости и походом в лапы смерти: так во всяком случае, это видится мне.

Фродо уловил что-то новое и странное во взгляде Боромира и ответил холодным взглядом. Боромир, это было ясно, кончил фразу не тем, о чем думал. Безумие пренебрегать — чем? Кольцом Всевластья? Он говорил уже нечто в этом духе на Совете, но Эльронд поправил его, и он согласился… Фродо посмотрел на Арагорна, но

тот, казалось, так глубоко ушел в свои думы, что не обратил внимания на слова Боромира. На том спор и кончился. Мерри и Пин уже спали. Сэм клевал носом. Была поздняя ночь.

***

Утром, когда путники начали собирать свои скудные пожитки, пришли эльфы, которые говорили на языке людей — и принесли им в дар еду и дорожную одежду. Еда была большей частью похожа на очень тонкие лепешки; снаружи они были светло-коричневыми, а внутри — цвета сливок. Гимли взял одну из лепешек и принялся с сомнением разглядывать ее.

— Сухари, — пробормотал он себе под нос, отломил краешек лепешки и пожевал. Выражение его лица мгновенно изменилось, и он быстро доел лепешку.

— Хватит, хватит! — со смехом вскричали эльфы. — Того, что ты съел, хватит на целый день пути!

— Я думал, это что-то вроде сухарника, который народ Дола берет в походы, — сказал гном.

— Так оно и есть, — отвечали эльфы. — Но мы зовем его лембас, что значит «дорожный хлеб»; он дает больше сил, чем любая пища Людей, и

намного вкуснее сухарника.

— Гораздо вкусней! — согласился Гимли. — Он лучше даже медовых лепешек Беорнингов, а это большая похвала, ибо Беорнинги — лучшие пекари, каких я знаю; но в эти дни они с неохотой оделяют путников своими лепешками. Вы щедрые хозяева!

— И все же мы просим вас поберечь еду, — сказали эльфы. — Ешьте понемножку, и только когда это нужно. Ибо лембас сможет послужить вам, когда ничего иного не останется. Лепешки долго остаются свежими, если их не ломать и не вынимать из листьев-оберток, в которых мы их принесли. Одной довольно, чтобы человек мог трудиться целый день — с восхода до заката, даже если он воин Минас-Тирифа.

Потом эльфы развернули и подали им одежду, которую принесли. Каждому приготовили они капюшон и плащ по росту из легкой, но теплой шелковистой ткани, сотканной галадримами. Трудно сказать, какого цвета они были: они казались серыми, как сумерки под деревьями; однако если их шевелили или они попадали под другое освещение — они становились зелеными, как затененная листва, или коричневыми, как темно-золотые луга, или сумрачно-серебристыми,

как речные воды под звездами. Каждый плащ застегивался у горла пряжкой в форме зеленого листа с серебряными жилками.

— Эти плащи волшебные? — спросил Пин, в удивлении глядя на них.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, — отозвался старший из эльфов. — Они красивы, и ткань хороша, ибо ткалась в этой земле. Это настоящая одежда эльфов — если ты об этом. Лист и ветка, вода и камень: они вобрали цвет и красоту всех этих вещей в любимых нами сумерках Лориэна; ибо мы вкладываем думы о том, что любим, во все, что делаем. Однако это именно одежда — не доспехи: ни копья, ни клинка они не отведут. Но они сослужат вам добрую службу: они легки, и в холод согреют, а в жару — укроют от зноя. И еще: в нужде они скроют вас от недобрых глаз, будь вы среди камней или деревьев. Воистину, Владычица очень вас любит! Ибо ткань эта соткана ею и ее девами; и никогда прежде не одевали мы чужаков в свои одежды.

***

После завтрака Отряд простился с лужайкой у фонтана. На сердце у них было тяжело: это дивное место стало им почти домом, хотя они

и не могли сосчитать, сколько дней и ночей провели здесь. Когда они стояли, глядя на бело сияющие под солнцем струи, к ним по зеленой траве поляны подошел Халдир. Фродо радостно приветствовал его.

— Я вернулся с Северных Границ, — сказал эльф, — и снова буду вашим проводником. Затенье полнится мглой и тучами дыма, горы тревожны. Глубины гудят. Если кто-нибудь из вас думал о возвращении домой, на север, этим путем ему не пройти. Но идем! Путь ваш лежит на юг.

Они шли через Карас-Галадон — и зеленые тропинки были пусты, но в кронах наверху пели и перекликались голоса. Сами путники молчали. Наконец Халдир провел их вниз по южным склонам холма, и они вновь подошли к большим воротам, увешанным фонариками, и белому мосту. Они миновали мост — и покинули город эльфов. Потом свернули с мощеной дороги, вступили на тропу, что уводила в самую чащу маллорнов и проходила сквозь нее, извиваясь в серебристой тени деревьев. Она вела их все вниз и вниз, к югу и востоку, к берегам Реки.

Путники прошли около десяти миль, и близился полдень, когда впереди встала высокая зеленая стена. Миновав проём, они вышли внезапно

из-под деревьев. Перед ними лежала длинная луговина с блестящей травой, усеянная золотистым эланором. Узкой косой вытянулась она между мерцающих лент: справа и на западе, взблескивая, текла Серебрянка; слева и на востоке катил свои темные воды Андуин Великий. Южнее, на сколько хватало глаз, густо росли леса, но другой берег был тусклым и голым. Ни один маллорн не вздымал свою увенчанную золотом крону за пределами Лориэна.

На берегу Серебрянки, чуть выше слияния рек, виднелся причал из дерева и белого камня. У него стояло множество лодок и барок. Некоторые были ярко расписаны и блестели серебром, но преобладали белые и серые. Путникам приготовили три маленьких серебристых лодки, и эльфы уже погрузили в них вещи. Они добавили к поклаже мотки веревки — по три на лодку. Веревка оказалась тонкой, но прочной, шелковистой на ощупь, а цветом — как эльфийские плащи.

— Что это? Неужто веревка?.. — спросил Сэм, поднимая лежащий на траве моток.

— Она самая, — отозвался из лодки эльф. — Никогда не выходи в путь без веревки — длинной, прочной и легкой. Как эта. Она не единожды вам пригодится.

— Мне ты мог бы этого и не говорить, — сказал Сэм. — Я вот пошел без нее — так часа спокойного с тех пор не знал. Я вот про что: из чего она у вас сделана? Я чуток в веревках разбираюсь. У нас это фамильное, как сказал бы ты.

— Она из хифлаина, — сказал эльф. — Но сейчас нет времени объяснять, как их делают. Знай мы, что ремесло это тебе по душе — мы научили бы тебя. Но сейчас — увы! — если только ты не вернешься сюда, придется тебе довольствоваться нашим даром. Пусть он верно вам служит!

— Все готово! — позвал Халдир. — Садитесь в лодки. Но будьте осторожны — поначалу!

— Запомните! — сказали другие эльфы. — Лодки эти — легкие и не похожи на лодки других народов. Они не утонут, как их не нагрузи, но норовисты, если ими неверно править. Вы поступите мудро, если научитесь входить и выходить из них здесь, у причала, прежде чем отправитесь в путь.

***

Отряд расселся по лодкам: Арагорн, Фродо и Сэм — в одной; Боромир, Мерри и Пин — в другой; а в третьей — Леголас и Гимли, которые стали теперь большими друзьями. В эту лодку погрузи-

ли больше всего вещей и мешков. Управлялись лодки с помощью коротких весел с широкими лопастями. Когда все было готово, Арагорн повел их вверх по Серебрянке. Течение было быстрым, и лодки двигались медленно. Сэм сидел на носу, вцепившись в борта, и грустно глядел на берег. Солнечные блики, играющие на воде, слепили ему глаза. Когда они миновали зеленую лужайку Угла, деревья придвинулись к самой воде. Тут и там золотые листья, трепеща, слетали с ветвей и уплывали вниз по пенной реке. Воздух был чист и спокоен, и всюду стояла тишина — лишь где-то далеко пели жаворонки.

Лодки миновали крутой поворот — и Отряд увидел гордо плывущего навстречу огромного лебедя. Вода пенилась вокруг белой груди под изогнутой шеей, клюв горел золотом, глаза мерцали, как черный агат в оправе желтого янтаря; большие белые крылья были приподняты. Он приближался — и над рекой поплыла музыка; и вдруг они поняли, что это корабль, которому с эльфийской искусностью придан облик птицы. Двое одетых в белое эльфов гребли черными веслами. В центре ладьи сидел Целеборн, а за ним, высокая и белая, стояла Галадриэль; в волосах ее был венок из золотистых цветов, а в руке она

держала арфу — и пела. Печально и нежно звучал ее голос в чистом прохладном воздухе.

Я пела о листьях, о листьях златых — и листья златые росли.

О ветре я пела в безветренный день — и кроны шумели вдали.

Солнечный луч и лунный блеск дымкой затмили Моря,

А в Эльдамаре ночью и днем светлые звезды горят.

Белые стены простер Тирион, за ними — ветвей разлет

Там, где у склона холма Ильмарин Древо Златое растет

Листья в сиянье растут, звеня, радость они дарят —

Здесь же, на Сумрачных Берегах, слезы эльфов блестят.

О Лориэн! Зима идет, безлистая голая ночь…

Листья слетают, слетают в поток, Река убегает прочь.

О Лориэн! Столь долго жила я в даль-

нем краю Эннор[2],

Что в увядающем венце померк золотой эланор.

Но если о Море я запою — какой корабль приплывет?

Какой корабль унесет меня в страну, где народ мой живет?

Арагорн остановил лодку, когда лебедь-корабль приблизился. Владычица окончила песню и приветствовала друзей.

— Мы приплыли сказать вам последнее слово прощания, — молвила она. — И благословить ваш путь.

— Хотя вы были нашими гостями, — проговорил Целеборн, — вы ни разу еще не ели с нами. Посему мы просим вас на прощальный пир — здесь, между струящихся вод, что унесут вас от Лориэна.

Лебедь медленно подплыл к причалу, и путники, развернув лодки последовали за ним. Там, в самом конце Эгладиля, на зеленой траве, они пировали последний пир; но Фродо почти ничего не ел и не пил, видя лишь Владычицу и слушая ее

---

[2] Примечания: 2
Средиземье.

голос. Она более не казалась ни опасной, ни грозной, ни исполненной тайной силы. Она виделась ему такой, какой видятся эльфы людям поздних эпох: присутствующей — и отдаленной, живым видением того, что давно уже было унесено потоком Времен.

Когда путники наелись и напились, сидя на траве, Целеборн вновь заговорил об их походе.

— Вниз по реке, — он поднял руку, указывая на юг, на леса за Косой, — деревья исчезнут, и вы окажетесь в голом краю. Там Река течет в каменистом русле меж высоких нагорий, пока наконец, через много лиг, не подходит к высокому острову — Пламисту, что мы зовем Тол-Брандир. Там она делится на два рукава, обнимает крутые берега острова и с громом и пеной рушится через перекаты Рауроса в Ниндальф, или Сыречь на вашем языке. Это обширная область мелких болот, и Андуин там становится извилист и сильно ветвится. Там с запада, из леса Фангорна, в него множеством рукавов впадает Энтица. Вокруг нее, на этом берегу Великой Реки, лежит Роханд. На другом берегу — тусклые холмы Эмин-Муиля. Там ветер дует в Востока, ибо они — через Гиблые Болота и Безлюдье — глядят на Кириф-Горгор и черные ворота Мордора.

Боромир и тот, кто пойдет с ним в Минас-Тириф, поступят верно, если покинут Великую Реку выше Рауроса и перейдут Энтицу до того, как она впадает в болота. Однако они не должны ни подниматься по ней слишком высоко по течению, ни — с риском заблудиться — входить в лес Фангорна. Это странный край, и сейчас о нем известно мало. Но Боромиру и Арагорну, без сомнения, эти предостережения не нужны.

— Разумеется, мы в Минас-Тирифе слыхали о Фангорне, — сказал Боромир. — Но то, что слышал я, показалось мне большей частью сказками — вроде тех, какие мы рассказываем детям. Все, что лежит к северу от Роханда, стало теперь таким далеким для нас, и фантазия свободно резвится там. Фангорн издавна лежал в преденаших земель; но многие жизни людей никто из нас не бывал там, и трудно сейчас принять или отвергнуть легенды, дошедшие до нас из далеких лет.

Сам я бывал в Роханде, но мне не приходилось пересекать его земли с юга на север. Когда я был послан гонцом, я проехал через Проход, держась подножий Белых Гор, и пересек Исен и Блекму, спеша к северу. Долгий и утомительный путь. В четыре сотни лиг считаю я его, и он занял много месяцев. Ибо я потерял коня при переправе через

Блекму, у Тарбада. После того пути и похода с Отрядом я почти не сомневаюсь, что смогу отыскать дорогу через Роханд — и через Фангорн, если понадобится.

— Тогда мне больше нечего сказать вам, — проговорил Целеборн. Но не отвергай знаний, пришедших из далеких лет; ибо часто бывает, что в сказках сохраняются слова и вещи, бывшие некогда достоянием мудрецов.

***

Тут Галадриэль поднялась с травы и, взяв у одной из своих дев чащу, наполнила ее светлым медом и подала Целеборну.

— Пришел час выпить Чашу Прощания, — сказала она. — Пей, Владыка Галадримов! И да не затмит печаль твоего сердца — пусть за полднем следует ночь, и вечер наш уже близок.

Потом она поднесла чашу каждому из Отряда, желая им доброго пути. Когда все выпили, Галадриэль велела им снова сесть на траву, а ей и Целеборну поставили кресла. Девы молча стояли вкруг Владычицы, а она смотрела на гостей. Наконец она заговорила снова.

— Мы выпили Чашу Расставания, — молвила она. — И сумрак лег меж нами. Но прежде чем вы

уйдете я одарю вас тем, что Владыки Галадримов дают вам ныне в память о Лотлориэне.

Она обратилась к каждому по очереди.

— Вот дар Целеборна и Галадриэли вождю вашего Отряда, — сказала она Арагорну и подала ему ножны для меча. Их покрывал серебряно-золотой узор из цветов и листьев, и на них, выложенное драгоценными камнями, горело написанное эльфийскими рунами имя «Андуриль».

— Клинок, вынутый из этих ножен, не затупить и не сломать, — продолжала Владычица. — Но есть ли что-нибудь еще, что ты желал бы получить от меня при нашем расставании? Ибо тьма ляжет меж нами, и, быть может, мы не встретимся вновь — если только далеко отсюда, на дороге, откуда не будет возврата.

И Арагорн отвечал:

— Владычица, ты знаешь, чего я жажду, и давно владеешь единственным сокровищем, которого я ищу. Однако не в твоих силах дать его мне — даже если бы ты могла это, и только сквозь тьму приду я к нему.

— Однако, быть может, это облегчит твою ношу, — сказала Галадриэль, — ибо было оставлено мне для тебя — если ты пройдешь через эти земли, — и она подняла на ладони большой свет-

ло-зеленый камень, вставленный в серебряную брошь в форме орла с простертыми крыльями; когда она взяла камень, тот вспыхнул солнцем, пробившим зелень весны. — Этот камень я отдала моей дочери Келебриан, а она — своей, а теперь он переходит к тебе — в знак надежды. В этот час прими имя, предреченное тебе, Элессар Каменэльф из дома Элендиля!

Арагорн взял брошь и приколол ее на грудь, и те, кто смотрел на него, удивились, ибо прежде они не видели, как он высок и величав, и им показалось, что многие годы тяжких трудов упали с его плеч.

— Благодарю тебя за дары, — сказал он, — О Владычица Лориэна, давшая жизнь Келебриан и Арвен Ундомиэль! Как еще могу я восславить тебя?

Владычица склонила голову; потом повернулась к Боромиру и подала ему золотой пояс; Мерри и Пину она тоже дала пояса — только поменьше и серебряные, каждый с пряжкой в форме золотого цветка. Леголасу дала она лук, какими пользуются галадриммы — длинный и крепче луков Лихолесья, с тетивой из эльфийских волос — и к нему колчан со стрелами.

— Тебе, маленький садовник и хранитель

деревьев, — сказала она Сэму, — дар мой невелик. — Она взяла в руки небольшую коробочку из простого серого дерева, не украшенную ничем, кроме серебряной руны на крышке. — Это руна «Г» — «Галадриэль», — сказала она. — Но она может означать также и «грядка» — на твоем языке. В этой коробке земля из моего сада — и благословение Галадриэли лежит на ней. Она не охранит тебя в дороге, не защитит от опасностей; но если ты сбережешь её и в конце пути вернешься домой — она, быть может, вознаградит тебя. Даже если вернешься ты к разорению и пустоши — не много найдется садов в Средиземье, которые будут цвести так, как твой сад, посыпь лишь почву в нем этой землей. Вспомни тогда Галадриэль и Лориэн, который ты видел только зимой! Ибо наши весна и лето миновали и никогда не вернутся — лишь памяти под силу увидеть их.

Сэм покраснел до ушей и пробормотал что-то невразумительное, кланяясь до земли.

— А какого дара просит у эльфов Гном? — Галадриэль повернулась к Гимли.

— Никакого, Владычица, — ответил Гимли. — Мне довольно было видеть Владычицу Галадриэль и слышать ее ласковое слово.

— Слушайте, эльфы! — крикнула Галадриэль

стоящим вокруг. — Слушайте — и пусть отныне никто не скажет, что Гномы жадны и нелюбезны! Однако, верно, Гимли, сын Глоина, ты желаешь чего-то, что я могу дать? Назови это, прошу тебя! Ты не уйдешь без подарка.

— Я ничего не желаю, Владычица Галадриэль! — повторил Гимли, низко кланяясь. — Ничего кроме… если мне позволено будет просить… нет — лишь назвать… один завиток твоих волос, которые превосходят золото мира, как звезды превосходят алмазы. Я не прошу такого дара. Но ты велела мне назвать желание.

Эльфы зашевелились и зароптали в изумлении, и Целеборн с удивлением взглянул на гнома, но Владычица улыбнулась.

— Говорят, искусность у гномов в руках, а не в речах, — проговорила она. — Однако сказано это не о Гимли. Ибо никто когда не говорил со мной столь дерзко — и столь рыцарственно. И могу ли я отказать в просьбе, которую сама велела высказать? Но скажи, что станешь ты делать с таким даром?

— Хранить, Владычица, — отвечал Гимли, — в память о твоих словах в нашу первую встречу. А если я когда-нибудь вернусь в кузни Горы — он будет заключен в нерушимый кристалл и станет

наследием моего дома и залогом дружбы между Горою и Лесом — до конца дней.

Тогда Владычица распустила одну из своих длинных кос и, срезав три золотых волоска, вложила их в руку Гимли.

— Выслушай же мое Слово, — произнесла она. — Я не стану предсказывать, ибо предсказания ныне напрасны: по одну сторону лежит тьма, а по другую — только надежда. Но если надежда не погибнет — говорю тебе, Гимли, сын Глоина: руки твои будут купаться в золоте, и однако золото не будет иметь власти над тобой.

— А к тебе, Хранитель, — сказала она, обернувшись к Фродо, — я обращаюсь последним — хоть и не последним стоишь ты в моих думах. Тебе я приготовила это. — Она подняла вверх маленький хрустальный фиал: он сверкнул, и лучи белого света брызнули из её ладони. — В этом фиале, — продолжала Владычица, — заключен плененный свет Звезды Эарендиля, запутавшийся в струях моего фонтана. Он сияет тем ярче, чем гуще тьма вокруг. Когда на твоем пути померкнут другие источники света — Звездный Фиал поможет тебе. Вспомни тогда Галадриэль и ее Зеркало!

Фродо взял Фиал; и в миг, когда тот засиял меж ними, хоббит вновь увидел Галадриэль Короле-

вой — великой и прекрасной, но не грозной более. Он поклонился — но слов у него не нашлось.

***

Владычица поднялась, и Целеборн повел их назад к причалу. Золотистый полдень лежал на зелени Угла, и вода блестела серебром. Всё наконец было готово.

Отряд в прежнем порядке разместился в лодках. С прощальными криками эльфы Лориэна длинными серыми шестами оттолкнули лодки на стремнину, и журчащие воды медленно понесли их прочь. Путники сидели молча, не двигаясь. На зеленом берегу у края Угла стояла Владычица Галадриэль. Миновав ее, они оглянулись и смотрели, как она медленно уплывает от них. Ибо им мнилось, что Лориэн скользит назад, как светлый корабль, поросший бессчетными деревьями, уплывает к позабытым берегам — а они беспомощно сидят на краю серого безлистого мира.

Пока они смотрели. Серебрянка влилась в струи Великой Реки, лодки развернулись и быстро понеслись на юг. Скоро белый силует Владычицы стал маленьким и далеким. Она сияла, как оконное стекло на дальнем холме в час заката, или как дальнее озеро, если смотреть на него с горы:

хрусталь, застрявший в складке земель. Потом Фродо показалось, что она подняла руки в последнем прощании, и отдаленно, но поразительно ясно принесся с ветром ее голос: она пела. Но пела на Древнем Наречии Заморских эльфов, и хоббит не понимал слов; а мелодия была дивной — но не утешала.

Однако, как всегда бывает с эльфийскими словами, они врезались в память — и много дней спустя он пересказал их как смог: язык был древним и говорилось в песне о вещах, мало известных в Средиземье:

Ай! Лауриэ лантар ласси суринен!
Йени унотимэ вэ рамар алдарон,
Йени вэ линтэ йулдар аваниэр
ми оромарди лиссэ-мируворева
Андунэ пелла Вардо теллумар
ну луини йассен тинтиллар и элени
омарйо аиретари-лиринен.
Си ман и иулма нин энквантува?
Ан си Тинталлэ Варда Ойлоссэо
вэ фаниар марйат Элентари ортанэ,
ар илиэ тиэр ундулавэ лумбулэ;
ар синданориэлло кайта морниэ

и фалмалиннар имбэ мэт, ар хиссиэ
унтупа Калакирио мири ойалэ.
Си ванва на, Ромелло ванва, Валимар!
Намариэ! Най хирувалиэ Валимар.
Най элиэ хирува. Намариэ!

«Ах! Как золото падают листья на ветру, долгие годы бессчетные, как крылья деревьев. Долгие годы прошли, как быстрые глотки сладкого меда в возвышенных залах за Западом под голубыми сводами Варды, где звезды дрожат в песне ее голоса, священного и царственного. Кто теперь чашу для меня наполнит? Ибо сейчас Возжигательница Варда, Королева Звезд, с Вечноснежной Горы подняла свои руки, подобные облакам, и все тропы погрузились глубоко мрак, и тьма из серой страны лежит между нами на пенных волнах, и туман скрыл алмазы Калакирии навеки. Теперь потерян, потерян для тех, кто на Востоке, Валимар! Прощайте! Быть может, вы найдете Валимар. Вы, возможно, найдете. Прощайте!» Варда было имя той Богини, которую эльфы-изгнанники звали Эльберет.

Внезапно Река сделала крутой поворот, берега вздыбились по обе стороны русла, и свет Лориэна скрылся. Никогда более не видел Фродо этих

дивных земель.

Теперь путешественники повернулись лицом к Пути; солнце висело впереди, и ослепило их глаза, ибо они были полны слез. Гимли плакал, не таясь.

— Я в последний раз видел то, что было дивом из див, — сказал он Леголасу, своему товарищу. — Никогда впредь не назову я прекрасным ничего, кроме ее дара, — и он поднес руку к груди. — Скажи, Леголас, зачем отправился я в этот Поход? Плохо знал я, где лежит главная опасность! Прав был Эльронд, говоря, что мы не можем предвидеть, что встретим в пути. Я боялся пыток во Тьме — однако это не удержало меня. Но я не пошел бы, знай я, что есть опасность света и радости. Муки страшней этого расставания не придумать и самому Черному Властелину — окажись я даже сегодня у него в лапах. Увы мне — Гимли, сыну Глоина!

— Не так! — поправил Леголас. — Увы всем нам! И всему, что бродит по миру в эти дни. Ибо таков путь: находить и терять, как это мнится тем, чья лодка скользит по стремнине. Но я назову тебя счастливцем, Гимли, сын Глоина: ты страдаешь от потери, которую выбрал по доброй воле — а мог выбрать иное. Но ты не оставил товарищей,

и наградой тебе будет память о Лотлориэне — она останется в твоей душе чистой и незапятнанной и никогда не угаснет и не остынет.

— Возможно, — сказал Гимли, — и я благодарю тебя за эти слова, без сомнения, правдивые; однако от таких утешений веет холодом. Память — не то, чего жаждет сердце. Это лишь зеркало, будь оно даже чище Келед-Зарама. Так, по крайней мере, говорит сердце гнома Гимли. Эльфы могут видеть все по-иному. Я слышал, для них воспоминания — живой мир, а не туманная греза. Для гномов — не так.

Но давай не будем говорить об этом. Взгляни, что с лодкой! Она слишком осела под всем нашим грузом, а Великая Река быстра. Я не хочу утопить свою печаль в холодной воде! — Он схватил весло и начал выгребать к западному берегу, следуя за плывущей впереди лодкой Арагорна, которая уже свернула с середины потока.

***

Так вышел Отряд в долгий путь, вниз по широкой быстрой реке, несущей воды на юг. Голые леса тянулись по обоим берегам, и земель за ними не было видно. Легкий ветер унялся, и Река текла беззвучно. Ни одна птичья песня

не нарушала тишины. День старился, солнце постепенно затуманивалось, пока, наконец, не замерцало в бледном небе белой жемчужиной. Потом оно скрылось на западе, и спустились ранние сумерки, а следом — мглистая беззвездная ночь Они долго плыли в ее тиши, ведя лодки под нависающей тенью лесистого западного берега. Деревья-великаны призраками проплывали мимо, опустив в воду кривые жаждущие корни.

Было сыро и холодно. Фродо сидел и слушал тихий плеск и бурчание струй, кипящих среди корней и плавней у берега — но вот голова его склонилась, и хоббит забылся беспокойным сном.

Глава 9
Великая Река

Разбудил Фродо Сэм. Он открыл глаза и обнаружил, что лежит, тепло укутанный, под высокими деревьями с серой корой в уютном уголке леса на западном берегу Великой Реки, Андуина. Он проспал всю ночь, и утро тускло проглядывало сквозь голые ветви. Поблизости у небольшого костерка возился Гимли.

День только начинался — а они уже снова вы-

шли в путь. Не то чтобы все в Отряде торопились на юг; но они были спокойны, зная, что от решения, которое им придется принять у Рауроса или на берегах Пламиста, их отделяет еще несколько дней; и они позволили Реке нести их, не желая торопиться навстречу опасностям, что ждут впереди, — какой бы путь они в конце концов не избрали. Арагорн позволил им плыть по течению, чтобы сберечь силы для грядущих утомительных дней. Но он настоял, чтобы выступали они рано утром и плыли до глубокой ночи, ибо сердце его чувствовало, что времени мало, и он боялся, что Черный Властелин не бездействовал, пока они мешкали в Лориэне.

Тем не менее ни в тот, ни на следующий день врага видно не было. Тоскливые часы проходили серой чередой — и ничего не случалось. На третий день плаванья берега стали медленно изменяться: деревья поредели, а потом и вовсе исчезли. На востоке, слева от себя, путешественники видели долгие бесформенные склоны, вытянутые вдаль и вверх — к небу; они казались бурыми, выжженными, точно пламя пронеслось над ними, не пощадив ни травинки: хмурая пустошь без единого сломанного дерева или голого камня, чтобы заполнить пустоту. Они доплыли до

Бурых Равнин, чьи разоренные просторы лежали между Южным Лихолесьем и нагорьем Эмин-Муиля. Мор, война или какое-то лиходейство Врага выжгло эту область, не знал даже Арагорн.

На западе, справа, деревья тоже не росли, но местность была ровной, и во многих местах зеленели широкие поляны молодой травы. На этом берегу Реки стояли заросли камыша и рогоза, такие высокие, что закрывали вид на запад, когда маленькие лодки с шуршанием плыли вдоль их трепещущих границ. Темные сухие стебли гнулись и колыхались под легким холодным ветром, шурша тихо и грустно. То тут, то там, сквозь просветы в зарослях, Фродо вдруг замечал заливные луга, окрашенные закатом холмы, а вдали, у грани зримого темную линию, южные кряжи Мглистого Хребта.

А вокруг — ничего живого, кроме птиц. Их было множество — мелких пташек, щебечущих и пищащих в тростниках; один раз послышался шум и свист лебединых крыльев, и, взглянув вверх, путники увидели большую стаю, быстро плывущую в небе.

— Лебеди! — сказал Сэм. — Да какие огромные!

— Лебеди, — сумрачно подтвердил Арагорн. — И черные к тому же.

— Какой огромный, пустой и мрачный край! — сказал Фродо. — Мне всегда казалось, если идешь на юг — вокруг становится все веселей и теплее, пока зима не сгинет совсем.

— Но мы пока не на юге, — откликнулся Арагорн. — Тут все еще зима, и до моря далеко. Здесь всегда холодно до внезапной весны и мы вполне можем попасть в снегопад. Далеко в низовьях, в заливе Златозара, куда бежит Андуин, быть может, тепло и весело, или было бы так, если б не Враг. А мы сейчас, думаю, лишь лигах в шестидесяти южнее Южного Удела в твоем Крае. Ты смотришь сейчас на северные равнины Роандийской Марки — земли Властителей Коней. Скоро мы подплывем к устью Светлимки, что течет из Фангорна и впадает в Великую Реку. Это северная граница Роханда; издревле все, что лежит меж Светлимкой и Белыми Горами, принадлежит роандийцам. Это богатый и красивый край, и травы его не имеют себе равных; но в эти лихие дни народ не живет у Реки и не часто подъезжает к ее берегам. Андуин широк, однако стрелы орков перелетают поток; а в последнее время, говорят, эти твари осмеливаются пересекать Реку и нападать на роандийские табуны.

Сэм беспокойно оглядывал берега. Прежде он

боялся деревьев: те будто смотрели невидимыми глазами и лелеяли лиходейства; теперь он уже хотел, чтобы деревья по-прежнему росли по берегам. Ему казалось, Отряд совсем беззащитен в маленьких открытых лодках меж голых берегов реки, что была границей войны.

Следующие один-два дня — Отряд неуклонно несло к югу — это чувство незащищенности охватило всех. Они то и дело брались за весла, торопясь вперёд. Берега скользили мимо. Вскоре Река стала шире и мельче. На восток тянулись длинные каменистые отмели, в воде попадались валуны, так что грести надо было осторожно. Бурые Равнины поднялись тусклым нагорьем, через которое дул с Востока ледяной ветер. С другой стороны — луга стали пологими, иссохшими холмами среди папоротников и жесткой травы. Фродо дрожал, вспоминая лужайки и фонтаны, ясное солнце и ласковые дожди Лотлориэна. В лодках не смеялись и почти не говорили. Каждый думал: о своем.

Душа Леголаса бежала под звездами летней ночи среди берез по какой-то северной луговине; Гимли в уме перебирал золото и размышлял, достойно ли оно стать ладанкой для дара Владычицы. Мерри и Пину в средней лодке было

немного неуютно, потому что Боромир бормотал что-то про себя, порой кусая ногти, точно непокой или сомнение терзали его, порой хватая вёсла и подгоняя лодку вплотную к лодке Арагорна. Тогда Пин — он сидел на носу — глядя назад, ловил странный блеск в глазах гондорца, когда тот подавался вперед, пристально глядя на Фродо. Сэм давно уже понял, что, хоть лодки и не так опасны, как ему казалось, они гораздо неудобнее чем он мог себе представить. Ему было тесно и скучно — делать-то ведь не чего, рассуждал он, знай гляди на зимние берега да любуйся своим стражем в серой воде. Даже когда весла были в ходу, Сэму не доверяли ни одного.

***

На четвертый день, когда сгущались сумерки, он смотрел назад поверх склоненных голов Фродо и Арагорна и плывущие следом лодки; он клевал носом и мечтал о стоянке и твердой земле под ногами. Вдруг что-то привлекло его внимание: сперва он смотрел равнодушно, потом выпрямился и протер глаза; но когда взглянул снова — ничего уже не увидел.

Этой ночью Отряд стал лагерем на маленьком островке близ западного берега. Сэм, завернув-

шись в одеяло, лег рядом с Фродо.

— Забавный мне сон приснился этак за час до остановки, господин Фродо, — сказал он. — А может, и не сон вовсе. Все равно забавно.

— И что же это было? — спросил Фродо, зная, что Сэм не угомонится, пока не расскажет своей истории. — Я с Лориэна не видел ничего, что заставило бы меня улыбнуться.

— Это было не то, господин Фродо. Забавно — ну, чудно, что ли. Плохо дело, если это не сон. Вы уж послушайте. Я видел бревно с глазами!

— Бревно-то ты видел, — сказал Фродо. — Бревен в Реке много. А глаза тебе точно приснились.

— Да нет же! — сказал Сэм. — Были глаза, или я не хоббит! Сперва-то я это за бревно принял — плыло оно по течению за лодкой Гимли — ну и внимания почти не обратил. А потом гляжу — нагонять оно вроде нас стало. Ох и чудно же: будто не только мы веслами работаем, но и оно тоже. Тогда-то я глаза и увидел: две блестящих точки на ближнем конце бревна. Да и не бревно это, небось, было, потому как гребло оно, и лапы него — ну точно лебединые, только побольше: воду они здорово баламутили.

Тут уж я совсем проснулся и глаза протер: хотел тревогу поднять, если б оно осталось на месте, ко-

гда я сон стряхнул. Потому что это непонятно-что уже вплотную к Гимлиной лодке подобралось. Но то ли глаза меня обвели, то ли я в себя пришел — не знаю. Когда я опять посмотрел, уже ничего не было. А только кажется мне, видел я — знаете, уголком глаза — как что-то темное нырнуло под берег и затаилось. Глаз, правда, больше не видел.

«Опять спишь, Сэм Гискри», — сказал я себе, и больше ничего никому не сказал. Но с тех пор я малость поразмыслил и теперь не уверен. Что вы об этом думаете?

— Я подумал бы, что это только бревно, сумерки да твой сон, — сказал Фродо, — если бы глаза эти появились впервые. Но нет. Я видел их далеко на севере, до Лориэна. И видел странную тварь с глазами — она той ночью карабкалась на настил. Халдир тоже ее видел. А помнишь рассказ эльфов, что гнались за ордой орков?

— А как же! — сказал Сэм. — Я и еще кое-что помню. Не нравится мне, что в мою голову лезет; но как подумаешь об этом, да о другом, да об историях господина Бильбо — так и кажется: знаю я имя этой твари, мерзкое у нее имя… Не Голлум?

— Да, этого-то я и боялся, — сказал Фродо. — Все время с той ночи на помосте. Думаю, он прятался в Мории, и там выследил нас; но я надеялся, наша

задержка в Лориэне собьет его со следа. Он, лиходей, таился, должно быть, в лесах у Серебрянки — и видел, как мы отплывали!

— Так оно и было, — согласился Сэм. — И надо бы нам быть поосторожнее в эти ночи — а то как бы мы не почувствовали чьи-нибудь пальцы на горле… ежели вообще проснемся. Я к чему клоню. Не надо никого будить. Ни Бродника, ни других. Я постерегу. А отосплюсь завтра — в лодке-то я все равно что поклажа.

— «Поклажа с глазами», скажу я, — проговорил Фродо. — Постереги только обещай, разбудить меня часа за три до восхода, если до тех ничего не случится.

Глубокой ночью Фродо проснулся: Сэм тряс его.

— Стыдно мне будить вас, — прошептал Сэм, — но вы сами велели.

Рассказывать, правда, почти что и нечего. Слышались мне какие-то звуки, и вроде сопел кто-то, но таких звуков на реке каждую ночь полно.

Он улегся, а Фродо сел, кутаясь в одеяла и отгоняя сон. Медленно текли минуты — или часы? — и ничего не случалось. Фродо готов был уже уступить желанию и улечься, когда едва видимая черная тень вплотную подплыла к одной из лодок. Длинная костлявая рука взметнулась и

вцепилась в край борта; два белесых глаза, холодно блестя, заглянули внутрь, а потом поднялись и уставились на Фродо. Они были всего в одном-двух метрах, и Фродо слышал тихое затаенное дыхание. Он встал, обнажив Разитель, и шагнул к глазам. Они тут же погасли. Раздалось шипение, плеск, и темное бревно стремительно понеслось вниз по течению. Арагорн зашевелился, повернулся и сел.

— Что там?.. — прошептал он, вскакивая и подходя к Фродо. — Мне что-то привиделось во сне. Зачем ты обнажил меч?

— Голлум, — сказал Фродо. — Во всяком случае, я так думаю.

— А! — сказал Арагорн. — Так значит, и ты о нем знаешь? Он шел за нами через всю Морию и потом — до Нимродели. Когда мы плыли на лодках, он лежал на бревне и греб ногами и руками. Один-два раза я пытался поймать его; но он хитрее лисы и скользкий, как рыба. Я надеялся, путь по реке собьет его, но он слишком умен.

Завтра постараемся двигаться быстрее. Ты сейчас ложись; те часы, что остались, покараулю я. Хотел бы я поймать этого паршивца! Он мог бы оказаться полезным. Но если не выйдет — надо нам постараться потерять его. Он очень опасен.

Вполне готов к ночному убийству и может навести на наш след любого врага.

***

Ночь прошла; Голлум больше не появлялся. После этого товарищи каждый раз выставляли зорких стражей, но Голлума они не видели ни разу. Если он и продолжал преследовать Отряд, то был очень осторожен и ловок. По просьбе Арагорна они теперь подолгу гребли, и берега быстро неслись мимо. Но видели путники мало, потому что плыли большей частью по ночам и в сумерках, делая дневки в укрытых местах. Так все и шло без происшествий — до седьмого дня.

Погода была по-прежнему пасмурной и мрачной, ветер дул с востока, но к вечеру небо очистилось, и снопы слабого света, золотистого и бледно-зеленого, брызнули из-под кромки туч. Молодая луна, блестя белой новой кожей, купалась в небесных озерах. Сэм глядел на нее и морщил лоб.

На следующий день земли с обеих сторон начали быстро меняться. Берега повышались и становились каменистыми. Вскоре товарищи плыли по гористой стране; реку окружали крутые склоны, густо поросшие терновником и

боярышником в перемешку с куманикой и еще какой-то ползучей колючкой. Позади вставали глубокие обрывы, источенные темными от плюща трещинами, а за ними поднимались высокие кряжи, увенчанные скорченными елями. Отряд приближался к сумрачной горной местности — Эмин-Муилю, Привражью, южной границе Глухоманья.

В обрывах и трещинах жило множество птиц, и стаи их весь день кружились в вышине, чернея на бледном небе. Лежа в тот день в лагере, Арагорн размышлял, не сотворил ли Голлум предательства и не расходятся ли сейчас вести об их плавании по всему Глухоманью. Позже, когда Отряд проснулся и стал готовиться в путь, он заметил в тускнеющем свете темную точку: большую птицу, которая то парила, то медленно летела к югу.

— Что там, Леголас? — спросил Следопыт, указывая на северное небо. — Я не ошибся — орел?

— Да, — подтвердил Леголас. — Орел-охотник. Хотелось бы мне знать, что это предвещает. Он залетел слишком далеко от родных гор.

— Мы не выступим, пока совсем не стемнеет, — сказал Арагорн.

***

Настала восьмая ночь плаванья. Она была тихой и безветренной; тоскливый восточный ветер умчался прочь. Тонкий серп луны рано канул в тусклый закат, но небо над головой было чистым; и, хотя над югом висела огромная, слабо посверкивающая туча, на западе ясно мигали звезды.

— Пора! — сказал Арагорн. — Рискнем сделать еще один ночной переход. Эту часть Реки я знаю плохо. Я никогда не проходил здесь водой — отсюда до перекатов Сарн-Гебира. Но если я прав, до них еще много миль. Однако и до Порогов в Реке есть опасные места — скалы и каменистые острова, скрытые потоком. Мы должны быть очень внимательны и не грести быстро.

Сэму в головной лодке доверили быть наблюдателем, и он улегся на носу, глядя во мрак. Ночь становилась все темнее, но в небе горели необычно яркие звезды, и Река слабо мерцала. Близилась полночь, и они плыли без весел, когда Сэм вдруг вскрикнул. Всего в нескольких метрах впереди из воды вставали смутные тени и слышался шум водоворота. Быстрое течение сворачивало влево, к восточному берегу, где русло было чистым. Свернув, путники увидели — точно совсем рядом

— бледную дымку брызг: поток бился об острые скалы, что далеко вступили в Реку, подобные череде клыков. Лодки сбились в кучу.

— Эй, Арагорн!.. — прокричал Боромир, когда его лодка ударилась о головную. — Это безумие! Нельзя проходить Пороги ночью! Ни одной лодке не выйти из Сарн-Гебира!

— Назад, назад! — крикнул Арагорн, погружая весло в воду и стараясь развернуть непослушную лодку. — Поворачивай! Поворачивай, если можешь!..

— Я ошибся в расчетах, — сказал он Фродо. — Не знал, что мы за плыли так далеко. Течение быстрее, чем мне казалось. Сарн-Гебир должен быть уже совсем близко.

***

С большим трудом они задержали лодки и медленно развернули их, но сперва не могли выгрести против течения, и их сносило все ближе к восточному берегу. Он темной стеной угрожающе громоздился в ночи.

— Все вместе — гребите! — кричал Боромир. — Гребите! Или мы сядем на мель! — Едва он сказал это, как корма под Фродо наткнулась на камень.

И в тот же миг над их головой засвистели стре-

лы; несколько упало в лодки. Одна ударила Фродо в спину, и он, вскрикнув, выпустил весло; но стрела упала, отбитая его скрытой под одеждой кольчугой. Другая пробила капюшон Арагорна, а третья вонзилась в борт рядом с рукой Мерри. Сэму показалось, что он видит темные фигуры, бегающие туда-сюда по усыпанному галькой берегу под восточными скалами. Они были очень близко.

— Ирх! — воскликнул по-эльфийски Леголас.

— Орки! — крикнул Гимли.

— Голлумово дело, об заклад бьюсь, — сказал Сэм Фродо. — И славное же они местечко выбрали! Река ж сама несет нас к ним в лапы…

Все пригнулись и налегли на весла; даже Сэм приложил руку. Каждый миг ожидали они удара черноперой стрелы. Множество их свистело в воздухе и вонзалось в воду. Было темно — но не для орочьих глаз, и в мерцающем звездном свете товарищи могли стать мишенью для искусных врагов — но, верно, серые плащи Лориэна и серебристое дерево эльфийских лодок отразили злобу лучников Мордора.

Гребок за гребком, с трудом продвигались они вперед. Во тьме трудно было поверить, что они вообще движутся, но клокотание водоворота мед-

ленно стихало, и тень восточного берега таяла в ночи. Наконец они снова выбрались на середину реки и отвели лодки подальше от угрозных скал. После этого, собрав все силы, они подогнали лодки к западному берегу. В тени нависших над водой кустов они остановились и перевели дыхание.

Леголас отложил весло и схватил лук, принесенный из Лориэна Потом выпрыгнул на берег и взбежал по откосу. Согнув лук и наложив стрелу, он повернулся, всматриваясь во тьму за рекой. Оттуда доносились пронзительные вопли, но видно ничего не было.

Фродо смотрел на стоящего над ним высокого эльфа — как тот всматривается в ночь, ища мишень для выстрела. Голова его была темной, увенчанной яркими белыми звездами, что мерцали в озерах ночных небес. Но на юге поднимались огромные тучи, они наплывали, выслав мглистых разведчиков в звездные поля. Внезапный страх охватил Отряд.

— Эльберет Гильфониэль! — выдохнул Леголас, взглянув вверх.

Темная тень — облако, и все же не облако, ибо летела она быстрей любой тучи — вынырнула из тьмы юга и полетела к Отряду, гася звёзды.

Вскоре она возникла над ними — огромная крылатая тварь, чернее, чем ямы ночи. Из-за реки встречь ей грянули дикие голоса. Фродо ощутил, как внезапный холод пронзил его и сжал сердце, плечо налилось болью, точно вспомнив о давней ране. Он сжался, будто хотел укрыться.

И вдруг пропел большой лук Лориэна. Яростная стрела сорвалась с эльфийской тетивы. Фродо взглянул вверх. Почти над самой головой крылатая тень свернула. Раздался резкий каркающий вопль — и она рухнула, сгинула во мраке восточного берега. Небо очистилось. Дальнюю тьму взорвали проклятия и оглушительный многоголосый вой — и настала тишь. Ни дротик, ни крик не тревожили больше Отряд в ту ночь.

Немного погодя Арагорн повел лодки вверх по течению. Они плыли вдоль кромки берега, пока не отыскали маленького мелкого залива. Несколько низких деревьев подходили к самой воде, а за ними вставал крутой скалистый берег. Здесь Отряд решил остановиться и дождаться рассвета: пытаться двигаться ночью было бесполезно. Лагеря не разбивали и огня не зажигали — просто улеглись на дно лодок, завернувшись в одеяла и прижавшись друг к другу.

— Слава луку Галадриэли и руке и глазу Легола-

са! — сказал Гимли, прожевав кусок лепешки. — Это был славный выстрел, мой друг!

— Но кто скажет, кого он поразил? — отозвался Леголас.

— Не я, — сказал Гимли. — Но я рад, что тень не подлетела ближе. Не понравилась она мне. Очень уж похожа на тень Мории — Тень Балрога, — шепотом закончил он.

— Это был не Балрог, — возразил Фродо, все еще дрожа от пробиравшего его холода. — Это было что-то холодное. И я думаю… — он запнулся и умолк.

— Что ты думаешь? — живо спросил Боромир, приподнявшись в своей лодке, словно хотел увидеть лицо Фродо.

— Думаю… Нет, не скажу, — ответил Фродо. — Но что бы то ни было — гибель его привела наших врагов в отчаянье.

— Кажется, так, — сказал Арагорн. — Однако где они, сколько их и что они замышляют — мы не знаем. Этой ночью нам не спать! Сейчас нас скрывает мрак. Но кто знает, что откроет день? Не расставайтесь с оружием!

***

Сэм сидел, постукивая по эфесу меча, будто считал на пальцах, и посматривал на небо.

— Очень странно, — бормотал он. — Луна одна и та же — что в Крае, что в Глухоманье, или так должно быть. Но то ли она здесь ходит по-другому, то ли я сбился со счета. Помните, господин Фродо, луна убывала, когда мы лежали на настиле на дереве: с неделю после полнолуния, думаю. А вчера была неделя, как мы в пути — и вдруг вылезает месяц, тонкий, как ноготь, будто мы ни дня у эльфов не жили.

Ну ладно — три ночи я там помню точно и, кажется, могу припомнить еще несколько, но чем хотите клянусь — не месяц мы там были. Можно подумать, что время там не идет!

— Так, быть может, и есть, — сказал Фродо. — В тех землях мы, возможно, попали во времена, которые в других краях давно прошли. Думаю, только когда Серебрянка вынесла нас в Андуин, вернулись мы во время, что течет через смертные земли к Великому Морю. А что до луны — так я не помню никакой — ни молодой, ни старой — в Карас-Галадоне: только звезды ночью и солнце днем.

Леголас шевельнулся в своей лодке.

— Время не медлит нигде, — сказал он. — Но не все изменяется и растет одинаково. Для эльфов мир движется, движется одновременно очень быстро и очень медленно. Быстро, ибо сами они меняются мало, и все проплывает мимо — и в этом их скорбь. Медленно, потому что они не считают бегущих лет — не считают для себя. Проходящие годы — лишь рябь на долгой реке. Однако все под Солнцем в конце концов увядает.

— Но в Лориэне увядает медленно, — проговорил Фродо. — Сила Владычицы отдаляет конец. Дням равны часы Карас-Галадона, хоть и могут считаться короткими, в Лориэне, где Галадриэль хранит кольцо Эльфов.

— Об этом нельзя говорить вне Лориэна, даже со мной, — сказал Арагорн. — Молчи об этом!.. Да, Сэм, так и есть: в том краю ты сбился со счета. Там время бежало для нас быстро, как для эльфов. Старая луна ушла, и новая народилась и умерла за пределами Леса, пока мы жили в нем. А вчера вечером луна народилась вновь. Зима почти кончилась. Время течет к весне, не дарящей надежд.

***

Тихо тянулась ночь. За рекой не слышалось ни голосов, ни криков. Лежа в лодках, путники чувствовали, что погода меняется. Воздух теплел и наливался духотой под тусклыми волглыми тучами, что наплывали с юга — от дальних морей. Рокот Реки на камнях перекатов стал, казалось, громче и ближе. С веток прибрежных деревьев срывались капли.

Когда пришел день, мир вокруг был тих и печален. Рассвет разлился бледным рассеянным светом. Над Рекою качалась мгла, берега заливал туман; дальнего берега видно не было.

— Не по душе мне туман, — сказал Сэм. — Да на этот раз он, кажись, к удаче. Теперь, может, мы сумеем удрать так, чтобы эти треклятые гоблины нас не почуяли.

— Может и так, — сказал Арагорн. — Но если он не поднимется трудно нам будет отыскать тропу. А найти ее мы должны, если хотим перейти Сарн-Гебир и прийти к Эмин-Муилю.

— Не понимаю, зачем нам переходить Перекаты или продолжать по Реке, — сказал Боромир. — Если Эмин-Муиль перед нами — мы можем оставить эти скорлупки и двигаться на юго-запад,

пока не подойдем к Энтице и не переправимся в мою страну.

— Можем — если идем в Минас-Тириф, — проговорил Арагорн, — а это еще не решено. И такой путь, может быть, опасней, чем кажется. Долина Энтицы заболочена, и туман там — смертельная опасность для путника с кладью. Я не оставлю лодок, покуда можно. Река — путь, с которого не собьешься.

— Но восточным берегом владеет Враг, — возразил Боромир. Если ты минуешь Врата Аргоната и невредимым придешь к Пламисту — что станешь ты делать дальше? Перепрыгнешь Водопад и нырнешь в болота?

— Нет! — ответил Арагорн. — Скажи лучше, что мы перенесем лодки по древнему пути к подножию Рауроса и там вновь спустим на воду. Разве ты не знаешь, Боромир, о Северном Каскаде и Сторожевом Посте на Амон-Хене, устроенных в дни Великих Королей? Или ты предпочёл забыть о них? Я собирался снова подняться на тот Пост, прежде чем изберу свой путь. Там, быть может, мы увидим какой-нибудь знак, который поможет нам.

Боромир возражал долго; но когда стало ясно, что Фродо последует за Арагорном, куда бы тот

ни пошел — сдался.

— Не в обычае воинов Минас-Тирифа бросать друзей, — сказал он. — А моя сила понадобится вам, если вы хотите достичь Пламиста. Я дойду до острова — но не дальше. Оттуда я поверну домой — один, если помощью своей не заслужил себе товарища.

День светлел; туман немного рассеялся. Было решено, что Арагорн и Леголас тотчас пойдут вперед вдоль берега, а остальные останутся у лодок. Арагорн надеялся найти путь, которым они смогут перенести и лодки, и груз за перекаты — на более спокойную воду.

— Лодки эльфов, быть может, не тонут, — сказал он. — Но это не значит, что мы минуем Сарн-Гебир живыми. Это еще никому не удавалось. Ни одной тропы не проложено здесь народом Гондора, ибо даже в величайшие свои дни владения его не простирались за Эмин-Муиль. Но где-то на западном берегу есть волок — его я и хочу отыскать. Он не мог разрушиться: лодками пользовались, чтобы попасть из Глухоманья в Осгилиаф, вплоть до последних лет — пока не размножились мордорские орки.

— За всю мою жизнь лишь несколько раз приплывали к нам лодки с Севера, — сказал Боро-

мир, — а орки всегда бродят на восточном берегу. Если ты пойдешь вперед, опасность будет расти с каждой милей, даже если ты отыщешь тропу.

— Все южные дороги опасны, — сказал Арагорн. — Ждите нас один день. Если за это время мы не вернемся — знайте, что лихо настигло нас. Тогда изберите нового вождя и следуйте за ним.

С тяжелым сердцем следил Фродо, как Арагорн и Леголас карабкаются на крутой берег и исчезают в тумане, но страхи его оказались напрасны. Прошло всего два-три часа, только что наступил полдень, когда во мгле появились смутные силуэты ушедших.

— Все в порядке, — сказал Арагорн, спустившись. — Там есть тропа, она ведет к хорошему спуску, все еще целому. Расстояние невелико: Перекаты в полумиле от нас, а тянутся они не больше чем на милю. Чуть ниже их Река вновь становится спокойней, хоть и бежит быстро. Самым трудным для нас будет донести лодки и поклажу до старого волока. Мы нашли его, но он далеко от Реки, под навесом скальной стены в фарлонге или около того от берега. Северного спуска мы не нашли. Если он сохранился, мы, должно быть, проплыли его прошлой ночью, не заметив в тумане. Боюсь, теперь мы должны уйти

от реки и двигаться к волоку быстро, насколько сможем.

— Нелегкое дело, даже будь мы все Людьми, — заметил Боромир.

— Однако мы попытаемся сделать это — кем бы мы ни были, — сказал Арагорн.

— И сделаем! — сказал Гимли. — Люди сбивают ноги на плохой дороге а Гном идет вперед, даже если его ноша вдвое больше его самого, мастер Боромир!

Дело и правда оказалось нелегким, однако в конце концов оно было сделано. Вещи вынули из лодок и подняли на берег, на ровное место. Потом вытащили наверх лодки. Они оказались вовсе не такими тяжелыми, как ожидалось. Из какого выросшего в эльфийском краю дерева они сделаны — не знал даже Леголас; но оно было твердым и настолько легким, что Мерри и Пин запросто смогли бы нести свою лодку — по равнине. Тем не менее, потребовались силы двоих Людей, чтобы поднять их и нести по землям, которые пришлось пересекать Отряду. Холмистая пустошь горбилась серыми валунами известняка, таила заросшие травой и кустарником ямы; то и дело попадались заросли куманики и крутые овраги; тут и там виднелись топкие болотца и озерки: их питали

ручьи, со звоном бегущие с горных уступов.

Пока Боромир и Арагорн переносили лодки, остальные, спотыкаясь и путаясь в траве, перетаскивали поклажу. Наконец все было перенесено и сложено у волока. Потом, почти без препятствий — если не считать плетей шиповника и множества камней — путники снова двинулись вперед. Туман по-прежнему пеленой висел на скалистых, уходящих вверх стенах, а слева занавешивал Реку: они слышали рев и плеск на острых каменных зубах Сарн-Гебира, но воды не видели. Пришлось пройти волок дважды, прежде чем все было перенесено к южной лестнице. Там волок поворачивал назад к реке и полого спускался к краю маленького мелкого озера. Оно казалось выбитым в речном берегу не руками, а водой, водоворотом, несущимся от Сарн-Гебира через низкий каменный порог, выступом заходящий в поток. За ним вплотную к воде вставал серый обрыв — пешему там пути не было.

Короткий день уже кончился; спускались мглистые хмурые сумерки. Отряд сидел подле воды, слушая невнятный шум и клокотанье скрытых туманом Перекатов; все казались усталыми и сонными, и души их были мрачными, как уходящий день.

— Ну вот мы и здесь, — сказал Боромир. — И здесь проведем мы эту ночь. Нам надо выспаться, и даже если Арагорн хотел миновать Врата Аргонафа сегодня, мы слишком устали — кроме, разумеется нашего стойкого гнома.

Гимли не ответил: он спал сидя.

— Давайте же сейчас отдохнем хорошенько, — сказал Арагорн. — Завтра нам снова плыть весь день. Если только погода не изменится и не предаст нас, нам выпадет случай проскользнуть незаметно мимо соглядатаев с восточного берега. А этой ночью будем сторожить по двое: три часа сна, один — в дозоре.

Этой ночью не случилось ничего страшнее моросящего дождя. Отряд выступил, едва рассвело. Туман поредел. Они старались держаться как можно ближе к западному берегу и видели смутные очертания низких обрывов, становящихся все выше — туманных стен, моющих ноги в спешащей воде. Около полудня тучи спустились, пошел сильный дождь. Они затянули лодки кожаными полотнищами, чтобы их не затопило, и продолжали плыть; сквозь серебристую дождевую завесу почти ничего не было видно.

Дождь, однако, шел недолго. Небо медленно светлело — и вдруг тучи прорвались, и их грязные

лохмотья унеслись на север, к верховьям реки. Мгла и туман исчезли. Перед путниками лежало широкое ущелье с гигантскими скалистыми стенами, в которые вцепились — по уступам и узким трещинам — несколько чахлых деревьев. Русло становилось все уже, а течение — быстрей. Теперь они мчались вперёд, не надеясь остановиться и свернуть, какие бы опасности ни встретились. Над их головами бледно голубела полоска неба, вокруг были темные воды Реки, а впереди, закрывая солнце, чернели нагорья Привражья, в которых не было видно ни единого проема.

Глядя вперед, Фродо видел, как приближаются два утеса-великана: они казались огромными столбами или колоннами. Высокие, острые, угрожающие, стояли они по обе стороны потока. Меж ними возник проход, и Река понесла лодки к нему.

— Узрите Аргонаф, Столпы Королей! — крикнул Арагорн. — Мы скоро минуем их. Следите, чтобы лодки не сблизились! Держитесь середины реки!

Когда Фродо проносило меж ними, громадные столбы башнями воздвиглись навстречу ему — и показались ему великанами, гигантскими грозными статуями. Потом хоббит увидел, что они на самом деле обработаны: искусность и

мощь древности потрудились над ними, и они — сквозь солнце и дожди позабытых лет — пронесли сходство с теми, с кого были изваяны. На высоких, уходящих в воду пьедесталах стояли два каменных короля, по-прежнему хмуро всматриваясь в Север горящими глазами. Левая рука каждого была поднята ладонью наружу жестом предостережения; в правой каждый держал секиру; на головах у обоих — высокие шлемы и короны. Огромной силой и величием дышали они, безмолвные стражи давно исчезнувшего королевства. Благоговейный ужас охватил Фродо, и он согнулся, закрыв глаза, не решаясь взглянуть вверх. Даже Боромир склонил голову, когда лодки, кружась, как крохотные листья, проносились мимо витязей Нуменора. Так влился Отряд в тёмную теснину Ворот.

С обеих сторон на немыслимую высоту поднимались гибельные обрывы; далеко вверху было тусклое небо. Черные воды ревели и ярились, ветер рыдал над ними. Фродо уткнулся лбом в колени; напротив бормотал и стонал Сэм:

— Ну и место!.. Жуть кошмарная, а не место!.. Дайте мне только выбраться — ноги моей больше в лодке не будет, пропали пропадом эта река!

— Не бойтесь! — сказал голос позади. Фродо

обернулся и увидел Бродника — и не Бродника, ибо усталый Следопыт исчез. На корме сидел Арагорн, сын Арафорна: прямой и гордый, мощными гребками правил он лодкой; капюшон упал с его головы, черные волосы вились по ветру, глаза горели: король-изгнанник возвращался в свое королевство.

— Не бойтесь! — повторил он. — Давно мечтал я увидеть статуи Исильдура и Анариона, моих пращуров! Элессару Каменэльфу, сыну Арафорна из рода Валандиля, сына Исильдура, Наследнику Элендиля, они не сделают зла!

Тут свет его глаз померк, и он заговорил сам с собой:

— Гэндальф должен был быть здесь! Как тоскует моя душа по Минас-Анору и стенам моего города! Но куда теперь идти мне?..

Ущелье было длинным и темным, полным шумом ветра, плеском волн и гулким каменным эхом. Оно заворачивало к западу, и впереди сначала была только тьма; но вскоре Фродо увидел узкую полоску света. Она все ширилась, приближалась — и вдруг лодки вылетели из ущелья на яркий свет.

Солнце, уже давно ушедшее с полудня, сияло в открытом ветрам небе. Пленённые воды выры-

вались в долгое овальное озеро, опаловое Нен-Хифоэль, огражденное крутобокими лесистыми холмами; их голые вершины холодно блестели на солнце. В дальнем, южном, конце озера стояли три скалы. Центральная чуть выступала вперед и была отделена от двух других — остров, вокруг которого Река обвила мерцающие руки. Отдаленно, но явственно, как эхо дальнего грома, слышался густой рокочущий звук.

— Это Тол-Брандир! — Арагорн указал на утес. — Слева от него Амон-Лав, справа — Амон-Хен, Ведающий и Зрящий — Сторожевые Посты древности. Но, говорят, ни человек, ни зверь никогда не ступал на Тол-Брандир. Мы будем там прежде чем спустится ночь. Я слышу бесконечный зов Рауроса.

Теперь Отряд отдыхал, плывя на юг по течению, что струилось по центру озера. Все немного поели и снова взялись за весла, торопясь окончить плаванье. Склоны западных холмов укрылись в тени, солнце стало круглым и красным. Тут и там проблескивали туманные звезды. Три утеса высились впереди, темнея в сумерках. Громко ревел Раурос. Ночь уже лежала на воде, когда путники вплыли, наконец, под тень холмов.

Кончился десятый день плаванья. Глухоманье

осталось позади. Они не могли идти дальше, не выбрав между Востоком и Западом. Перед ними был последний этап Похода.

Глава 10
Братство разбито

Арагорн повел Отряд правым рукавом Реки. Здесь, на западном берегу, в тени Тол-Брандира, от подножия Амон-Хена сбегала к воде узкая лужайка. За ней начинались покатые склоны холма, одетые деревьями; и деревья тянулись на запад вдоль озера. Маленький ключ, бурля, падал вниз и питал траву.

— Здесь мы проведем ночь, — сказал Арагорн. — Это Парф-Гален, дивное место в летние дни — в прошлом. Будем надеяться, что никакое лихо еще не пришло сюда.

Они вытащили лодки на зеленый берег и устроили возле них лагерь. Выставили стражу, но врага не было ни видно, ни слышно. Если Голлум и продолжал преследовать Отряд — он ничем себя не выдал. Однако чем больше сгущалась ночь, тем Арагорну становилось беспокойнее: он ворочался во сне и часто просыпался. Вскоре он поднялся и подошел к стоящему на часах Фродо.

— Что не спишь? — спросил Фродо. — Теперь не твоя стража.

— Сам не знаю, — ответил Арагорн. — Но сон мой был темен, и угроза росла в нем. Покажи-ка свой меч.

— Зачем? — сказал Фродо. — Рядом враг?

— Давай взглянем на Разитель — он скажет, — ответил Арагорн. Фродо вынул из ножен эльфийский клинок. К его смятению края его тускло мерцали во тьме. — Орк! — сказал хоббит. — Не слишком близко — и все же близко.

— Насколько близко, хотел бы я знать?.. — проговорил Арагорн. — Но, возможно, они на той стороне Реки. Разитель светится тускло и может указывать на шпионов на склонах Амон-Хена. Я ни когда не слыхал об орках на Амон-Хене. Однако кто знает, что могло случиться в эти лихие дни — теперь, когда Минас-Тириф не владеет больше переправами Андуина? Завтра мы должны быть очень осторожны.

***

Пришел день, и был он, как пламя и дым. Низко над востоком дымами великого пожара висели черные тучи. Встающее солнце подсвечивало их снизу мглистым багрянцем; но скоро оно

поднялось выше, в чистоту небес. Вершину Тол-Брандира облило золотом. Фродо смотрел на восток — и видел высокий остров. Берега его круто вздымались над водой. Над ближними скалами по обрывистым склонам карабкались деревья, громоздясь одно на другое; а над деревьями — снова серые лики скал, увенчанные острым каменным шпилем. Над островом кружилось множество птиц, но никакой другой живности хоббиту увидеть не удалось.

Когда все поели, Арагорн подозвал Отряд к себе.

— День наконец пришел, — сказал он. — День выбора, который мы столь долго откладывали. Что станется теперь с нашим Отрядом, который столь долго шел в братстве? Повернем ли мы к западу с Боромиром, отправимся ли в битвы Гондора? Или свернем на восток, в Ужас и Мрак? Или разобьем наше Братство и пойдем каждый своим путем?.. Что бы мы ни сделали — это надо сделать быстро. Мы не можем долго мешкать здесь. Мы знаем: враг на восточном берегу, но, боюсь, орки могут быть уже и по эту сторону Реки.

Долгое молчание; никто не пошевелился и не сказал ни слова.

— Что же, Фродо, — сказал, наконец, Арагорн. —

Бремя лежит на твоих плечах. Ты Хранитель, назначенный Советом. Свой путь можешь избрать лишь ты. Мне нечего посоветовать тебе. Я не Гэндальф и, хоть и пытался заменить его, не знаю, какая цель или надежда была у него для этого часа — если она у него была. Скорее всего, будь даже он здесь, выбирать все равно пришлось бы тебе самому. Такова уж твоя судьба.

Фродо ответил не сразу. Потом медленно заговорил:

— Я знаю, что нужно спешить, и, однако, не могу выбрать. Ноша моя тяжела. Дайте мне час — и я скажу. И дайте мне побыть одному!

Арагорн смотрел на него с лаской и жалостью.

— Хорошо, Фродо, сын Дрого, — сказал он. — Ты получишь час, и будешь один. Мы пока побудем здесь. Но не отходи далеко!

Какой-то миг Фродо сидел, склонив голову. Сэм, сочувственно наблюдавший за хозяином, покачал головой и пробормотал:

— Дело-то просто, как тесто. Да только не стоит Сэму Гискри отвечать, покуда не спрошено.

Внезапно Фродо вскочил и зашагал прочь; и Сэм видел, что, пока все сдерживались, чтобы не смотреть ему вслед, глаза Боромира внимательно следили за Фродо, покуда тот не скрылся среди

деревьев у подножия Амон-Хена.

***

Бесцельно бредя по лесу, Фродо обнаружил, что ноги несут его вверх по склонам холма. Он вышел на тропу, остатки былой дороги. В крутых местах в камне были вырублены ступени, сейчас выщербленные и истёртые, заплетенные корнями деревьев. Некоторое время хоббит карабкался, не сознавая, куда идет, пока не вышел на поросшую травой поляну. Ее окаймляли рябины, а в центре лежал большой плоский камень. С востока поляна была открыта, и ранний свет солнца заливал ее. Фродо остановился и посмотрел вниз и за Реку, на Тол-Брандир и птиц, кружащих в воздухе между ним и неприступным островом. В голосе Рауроса мешались могучий гул и густой глубинный рокот.

Фродо сел на камень и оперся подбородком на руки, глядя на восток, но почти ничего не видя. Все, что случилось со дня ухода Бильбо из Края, проплывало перед глазами, и он старательно обдумывал все, что мог припомнить из слов Гэндальфа. Время шло — а он ни на шаг не приблизился к выбору.

Вдруг он очнулся от дум: неприятное чувство,

что сзади кто-то есть, что кто-то зло смотрит на него, охватило хоббита. Он вскочил и повернулся, но, к своему удивлению, увидел Боромира с улыбкой на приветливом лице.

— Я боялся за тебя, Фродо, — сказал гондорец, подходя. — Если Арагорн прав и орки неподалеку — никто из нас не должен бродить один — и ты менее всех: столь многое зависит от тебя. И у меня тоже тяжко на душе. Могу я остаться и побеседовать с тобой — раз уж я тебя нашел? Мне стало бы легче. Когда собираются многие, все разговоры оборачиваются бесконечными спорами. Но два разума, если объединятся, сумеют, быть может, отыскать истину.

— Ты очень добр, — отозвался Фродо. — Но не думаю, чтобы разговор этот помог мне. Ибо я знаю, что должен сделать, но боюсь делать это, Боромир: боюсь.

Боромир стоял молча. Бесконечно ревел Раурос. В ветвях бормотал ветер. Фродо дрожал.

Вдруг Боромир подошел и сел рядом.

— Уверен ли ты, что не страдаешь без нужды? — сказал он. — Я хочу помочь тебе. Тебе нужен совет — так не примешь ли мой?

— Думается, я знаю уже, какой совет ты дашь мне, Боромир, — сказал Фродо. — И он мог бы

показаться истиной — если бы сердце мое не предостерегало меня.

— Предостерегало? Против чего? — резко спросил Боромир.

— Против задержки. Против пути, что кажется легким. Против отказа от бремени, возложенного на меня. Против… ладно, видно, это должно быть сказано, — против веры в силу и верность Людей.

— Однако сила эта издавна защищала твой маленький Край, хоть ты и не знал этого.

— Я не сомневаюсь в доблести твоего народа. Но мир меняется. Стены Минас-Тирифа, быть может, крепки, но крепки они недостаточно. Если они рухнут — что тогда?

— Мы доблестно падем в битве. Однако есть еще надежда, что они устоят.

— Надежды нет, пока есть Кольцо, — возразил Фродо.

— А! Кольцо! — вскричал Боромир, и глаза его блеснули. — Кольцо!.. Не странно ли, что мы должны терпеть муки, страх и сомнения из-за такой крохотной вещи? Такой крохотной! Я видел ее лишь мельком в доме Эльронда. Не покажешь ли ты мне его еще раз?

Фродо вскинул взгляд. Его обожгло холодом. Он

заметил странный блеск глаз Боромира, однако лицо того было по-прежнему добрым.

— Лучше ему оставаться скрытым, — ответил он.

— Как хочешь. Мне все равно, — сказал Боромир. — Однако неужто мне нельзя даже говорить о нем? Ибо ты, кажется, все время думаешь лишь о его силе в руках Врага: о его использовании Злом, а не Добром. Мир меняется, сказал ты. Минас-Тириф падет, если уцелеет Кольцо. Но почему?.. Воистину так — если оно у Врага. Но почему — если оно у нас?

— Разве ты не был на Совете? — ответил Фродо. — Потому что мы не можем воспользоваться им. И еще: все, сотворенное с его помощью, обращается во зло.

Боромир поднялся и нетерпеливо заходил вокруг.

— Опять ты об этом!.. — воскликнул он. — Гэндальф, Эльронд — они научили тебя говорить так. Быть может, они и правы — для себя. Все эти эльфы, эльфиды и маги — их, возможно, ждет скорбь. Однако я часто сомневался, что они мудры — а не просто робки. Но каждому свое. Верные сердцем Люди — их не извратить. Мы в Минас-Тирифе закалены долгими годами испытаний. Мы желаем

не силы магов — лишь силы защитить себя, силы в праведном деле. И — смотри! — в нашей нужде судьба выносит на свет Кольцо Всевластья. Это дар, говорю я, дар врагам Мордора. Безумие — не воспользоваться им, не обратить силы Врага против него самого. Бесстрашие, жесткость — только этим добьешься победы. Чего не сделает в сей суровый час витязь, великий вождь? Чего не сделает Арагорн? А если он отказывается — почему не Боромир? Кольцо даст мне силу Власти. Как погнал бы я орды Мордора!.. Все народы сошлись бы под мой стяг!

Боромир шагал вверх-вниз, говоря все громче. Он, казалось, совсем позабыл Фродо — речь его обратилась к стенам и оружию, к народам и ратям; он строил планы великих союзов, предвкушал славные победы; он низвергал Мордор и сам становился Королем — могучим, справедливым и мудрым. Вдруг он застыл и махнул рукой.

— А нам велят избавиться от него! — вскричал он. — Я не говорю: уничтожить его. Так, быть может, было бы лучше — если бы была хоть малая надежда сделать это. Но ее нет. Единственный план, предложенный нам — чтобы полурослик слепо шел в Мордор и дал Врагу возможность возвратить Кольцо себе. Глупость!

Ты ведь и сам понимаешь это, мой друг? — сказал он, внезапно поворачиваясь к Фродо. — Ты сказал, что боишься. Если это так — тот, кто смелее, простит тебя. Но не восстает ли это в тебе твой здравый смысл?

— Нет, мне страшно, — сказал Фродо. — Просто страшно. Но я рад, что ты говорил так откровенно. Разум мой прояснился.

— Значит, ты идешь в Минас-Тириф? — спросил Боромир; глаза его блестели, лицо горело страстью.

— Ты не понял меня, — сказал Фродо.

— Но ты пойдешь хотя бы на время? — настаивал Боромир. — Мой город недалеко; и оттуда до Мордора немногим дальше, чем отсюда. Мы долго были в глуши, и ты должен знать, что делает Враг, прежде чем тронешься в путь. Идем со мной, Фродо, — уговаривал он. Тебе нужно отдохнуть перед Походом, если уж ты должен идти. — Он дружески положил руку на плечо хоббита, но Фродо чувствовал, как дрожит эта рука от сдерживаемого волнения. Он быстро отступил, с тревогой глядя на человека — вдвое выше и во много раз сильнее его.

— Почему ты так недоверчив? — сказал Боромир. — Я верен, не вор и не шпион. Мне нужно

твое Кольцо — теперь ты это знаешь; но я даю тебе слово, что не жажду владеть им. Неужели ты не дашь мне хотя бы попытаться исполнить мой план? Одолжи мне Кольцо!

— Нет, нет! — вскричал фродо. — Совет поручил мне хранить его!

— Только по твоей глупости враг победит нас, — проговорил Боромир. — Как это меня злит! Глупец! Упрямый глупец! По доброй воле бежать в лапы Врага — и провалить Дело! Если кто из смертных и имеет право владеть Кольцом — это люди Нуменора, а не Полурослики! Оно не было бы твоим, если бы не случайность. Оно могло бы быть моим. Дай его мне!

Фродо не ответил; он медленно пятился, пока большой плоский камень не разделил их.

— Ну, ну, мой друг! — уже тише сказал Боромир. — Почему бы тебе не избавиться от него? Почему не освободиться от сомнений и страхов? Ты можешь, если желаешь, переложить вину на меня. Скажешь, что я оказался сильнее и отобрал его у тебя… Ибо я сильнее тебя, Полурослик! — вскричал он вдруг и, перескочив через камень, бросился к Фродо. Его прекрасное спокойное лицо ужасно изменилось; гневным огнем пылали глаза.

Фродо увернулся — и камень вновь оказался меж ними. Оставалось только одно: дрожа, он вытащил Кольцо и быстро надел его на палец, как раз когда Боромир снова кинулся на него. Человек задохнулся, на миг застыл в изумлении, а потом дико забегал вокруг, обыскивая поляну, заглядывая за скалы и деревья.

— Жалкий обманщик! — кричал он. — Дай мне только поймать тебя! Теперь я понял твои думы! Ты вернешь Кольцо Саурону — и продашь нас всех! Ты ждал только случая бросить нас в беде! Пусть же проклятие мое поразит тебя смертью — тебя и всех полурослико́в! — Он споткнулся о камень и упал навзничь, лицом вниз. Некоторое время он лежал неподвижно, будто собственное проклятие поразило его; а потом вдруг разрыдался.

Он встал и провел рукой по глазам, смахивая слезы.

— Что я сказал?! — вскричал он. — Что сделал?! Фродо! Фродо! — позвал он. — Вернись! Безумие охватило меня; но оно прошло. Вернись!

***

Ответа не было. Фродо даже не слышал его криков. Он был уже далеко, слепо мчался по тропе

вверх, к вершине холма. Ужас и скорбь сотрясали его; перед ним стояло безумное, яростное лицо Боромира, его горящие глаза.

Вскоре он выбежал на вершину Амон-Хена — и остановился, задыхаясь. Словно сквозь туман видел он широкий ровный круг, мощеный огромными плитами, окаймленный разрушенной зубчатой стеной; а в центре, на четырех резных столбах, стояло Караульное Кресло; к нему вела многоступенчатая лестница. Хоббит поднялся и сел в древнее кресло, чувствуя себя заблудившимся ребенком, что влез на трон горного короля.

Сначала Фродо мало что видел. Он был, казалось, в мире тумана, где жили лишь тени: Кольцо было надето. Потом туман поредел, и Фродо открылось множество видений — маленьких и ясных, точно они были на столе перед его глазами — и однако далеких. Звуков не было — лишь яркие живые образы. Фродо сидел в Кресле Зоркости на Амон-Хене, Сторожевом Холме нуменорнев. Он взглянул на восток, на бескрайние просторы, безымянные равнины и неизведанные леса. Он взглянул на север — и перед ним лентой легла Великая Река, и Мглистый Хребет поднялся дальней грядой острых старых клыков. Он взглянул на запад — и увидел вольные пастбища

Роханда; и Ортханк, столп Исенгарда, подобный горному шипу. Он взглянул на юг — под самыми его ногами Великая Река курчавилась, как падающая волна, и водопадом рушилась в курящуюся бездну; мерцающая радуга играла над Рауросом. И Этир-Андуин увидел он — могучую дельту Андуина, и мириады морских птиц, белой пылью кружащих на солнце, а под ними — зелень и серебро Моря, покрытого бесконечной рябью.

Но, куда бы он ни смотрел — он видел приметы войны. Мглистый Хребет походил на муравейник: орки выползали из бессчетных пещер. Под кронами Лихолесья шла смертная борьба Людей и Эльфов с чудищами. Край Беорнингов был объят пламенем; над Морией висели тучи; у границ Лориэна клубился дым.

Всадники мчались по травам Роханда; из Исенгарда изливались волколаки. Из гаваней Харада отплывали военные корабли; с востока двигались бесконечные рати: меченосцы, копейщики, лучники на конях, колесницы вождей и груженые повозки. Все силы Черного Властелина пришли в движение. Потом, вновь повернувшись к югу, Фродо увидел Минас-Тириф. Он казался далеким и красивым: белостенный, многобашенный, гордый и прекрасный стоял он в горной седловине;

на его укреплениях блестела сталь, а на башнях вилось множество стягов. Надежда возродилась в душе хоббита. Но против Минас-Тирифа воздвиглась другая крепость, больше и сильнее. Туда, на восток, против воли обратился его взор. Он миновал разрушенные мосты Осгилиафа, оскаленные врата Минас-Моргула и запретные Горы — и взглянул на Горгороф, долину ужаса в царстве Мордора. Там под солнцем лежала тьма. Во мгле мерцало пламя. Роковая Гора пылала, густой дым взлетал к небесам. Тут, наконец, взгляд Фродо задержался, он увидел: стена на стене, зубцы над зубцами, черный, невообразимо могучий, гора из железа, врата из стали, башни из адаманта — Барад-Дур, Оплот Саурона. Надежды оставили хоббита.

И вдруг он ощутил Глаз. Там, в Черном Замке, таилось Недрёманное Око. Фродо знал: оно почуяло его взгляд. Яростная жаждущая воля была там. Она обратилась к Фродо; он чувствовал ее, как ищущий палец. Скоро, очень скоро она закогтит его, точно зная, где он. Око тронуло Амон-Лав… Взглянуло на Тол-Брандир… Хоббит скатился с Кресла, съежился, закрыв голову серым плащом.

Он услышал собственный крик:

— Нет, нет, никогда! — Или, быть может, то

было: «Иду, иду к тебе!»? Он не смог бы сказать. Потом вспышкой, искрой с вершины иной силы, пришла к нему мысль: «Сними его! Сними его! Болван, да сними же Кольцо!»

Две силы боролись в нем. Мгновение, раздираемый их приказами, он корчился от боли. Внезапно он вновь осознал себя. Фродо, не Голос и не Глаз: свободный выбирать и с одним-единственным оставшимся на выбор мигом. Он снял Кольцо.

Он стоял на коленях перед Креслом; ярко сияло солнце. Черная тень прошла, казалось, дланью над его головой; она потеряла Амон-Хен, сжалась над Западом и сгинула. Тогда все небо чисто загулобело и на каждом дереве запели птицы.

Фродо поднялся на ноги. Он очень устал, но воля его окрепла, а на душе полегчало. Он громко сказал себе:

— Я сделаю, что должен. Ясно, что лихо Кольца уже принялось за дело в самом Отряде, и Кольцо должно уйти прежде, чем причинит еще большее зло. Я пойду — один. Кое-кому я не верю, а те, кому верю, слишком мне дороги: бедный старина Сэм, и Мерри, и Пин. И Бродник — сердце его тоскует по Минас-Тирифу, и он будет нужен там, ведь Боромир склонился ко злу. Я пойду один.

Теперь же.

Он быстро прошел вниз по тропе и вернулся на поляну, где его видел Боромир. Там он остановился, вслушиваясь. Ему почудились крики и зовы: они неслись из прибрежного леса.

— Меня ищут, — сказал он. — Интересно бы знать, сколько времени меня не было… Несколько часов, вероятно. — Он колебался. Что мне делать? — бормотал он. — Я должен идти сейчас — или никогда не уйду. Больше мне случая не выпадет. Очень мне не хочется оставлять их — да еще так, ничего не объяснив. Но они ведь наверняка поймут. Сэм поймет. И что еще я могу сделать?

Фродо медленно вытащил Кольцо и опять надел его. Он исчез и пошел вниз по холму тише, чем ветер по траве.

***

Отряд долго оставался у берега реки. Некоторое время все молчали, беспокойно бродя вокруг; а теперь сидели кружком и разговаривали; то и дело пытались они говорить об иных вещах — о своей долгой дороге и многих приключениях; они расспрашивали Арагорна о княжестве Гондор и его древней истории, и об останках его

великих дел, что все еще можно было видеть в этом странном пограничном краю: о Каменных Королях, и Креслах Слуха и Зоркости, и Большом Каскаде Рауроса. Но ежеминутно их речи и думы обращались к Фродо и Кольцу. Что выберет Фродо? Почему он колеблется?

— Он, должно быть, раздумывает, какой путь более безнадежен, — сказал Арагорн. — У него для этого есть все основания. Никогда еще не было так опасно Отряду идти на восток, чем теперь — когда Голлум выследил нас, и есть опасение, что тайный Поход предан. Но и Минас-Тириф не приблизит нас к Огню и уничтожению Кольца.

Мы можем остаться там на время и доблестно защищаться; но Правитель Дэнэтор и все его люди не смогут сделать того, что, по словам Элронда, не под силу даже ему: ни сохранить Бремя в тайне, ни сдержать мощь Саурона, когда Он придет за ним. Какой путь избрал бы любой из нас на месте Фродо? Не знаю. Теперь, как никогда, нам не хватает Гэндальфа.

— Горька наша потеря, — сказал Леголас. — Однако и без его помощи мы должны придумать что-то. Почему не можем мы решить и тем помочь Фродо? Давайте позовем его и проголосуем! Я — за Минас-Тириф.

— И я, — поддержал эльфа Гимли. — Мы, конечно, были посланы только чтобы помогать Хранителю в пути и можем не идти туда, куда не хотим, и никто из нас не давал клятвы искать Роковую Гору. Тяжко мне было прощаться с Лотлориэном. Однако я уже зашел далеко, и скажу так: теперь, когда перед нами последний выбор, я понял, что не могу покинуть Фродо. Я избрал бы Минас-Тириф, но если он не изберет — я последую за ним.

— Я тоже пойду с ним, — сказал Леголас. — Будет вероломством проститься сейчас.

— Если мы оставим его сейчас — это будет предательством, — проговорил Арагорн. — Но если он пойдет на восток, нет необходимости всем идти с ним; и не все должны идти. Поход безнадежен для восьмерых так же, так и для двоих или троих — или одного. Если бы мне позволили выбирать, я назвал бы троих спутников: Сэма, который все равно не останется, Гимли и себя самого. Боромир вернется в Минас-Тириф, где он нужен отцу и народу, и с ним пойдут остальные, или, по крайней мере, Мерри и Пин — если Леголас не захочет оставить нас.

— Так не пойдет! — воскликнул Мерри. — Мы не можем бросить Фродо! Пин и я всегда шли,

куда он — и теперь пойдем. Правда, тогда мы не понимали, что это значит. В Крае и Светлояре все кажется другим. Будет безумием и жестокостью дать Фродо уйти в Мордор. Почему не можем удержать его?

— Мы должны его удержать, — сказал Пин. — Это-то его и волнует, я уверен. Он знает-мы не пустим его на восток. А просить кого-нибудь идти с ним — этого ему, бедняге, очень не хочется. Представьте только: идти в Мордор одному! — Пин поежился. — Но милый глупый старый хоббит мог бы уже понять, что просить ему не придется. Мог бы понять, что если мы не сумеем его остановить, то уж бросить — не бросим.

— Прошу прощенья, — сказал Сэм. — По мне, так вы совсем моего хозяина не понимаете. Насчет пути он не колеблется. Совсем нет! Ну что хорошего в Минас-Тирифе? Для него, хочу я сказать, простите уж вы меня, господин Боромир… — добавил он и оглянулся. Тогда-то они и заметили, что Боромира, который сперва молча сидел вне круга, нет на поляне.

— Куда ж это он подевался?… — тревожно протянул Сэм. — Он последнее время был малость не в себе… Но его-то ведь это дело все равно не касается. Он уйдет домой, как все время твердит — и

винить его не за что. Но господин Фродо — он знает, что должен найти Пасть Рока, ежели сможет. Но он боится. Как до дела дошло — он попросту испугался. В этом-то и есть его беда. Конечно, он кое-чему подучился — мы все подучились, так сказать — с тех пор как из дому ушли, не то он со страху бы Кольцо в Реку забросил, да удрал, куда глаза глядят. Но и идти ему сейчас очень страшно. И за нас он не тревожится: пойдем мы с ним или нет. Знает, что пойдем. Его другое волнует. Ежели он решится идти — так пойдет один. Попомните слова! Придется нам поволноваться, когда он вернется. Потом решиться-то он решится, это так же точно, так то, что он Торбинс.

— Думаю, ты говорил мудрее нас всех, Сэм, — сказал Арагорн. — И что же нам делать, если ты прав?

— Остановить его! Не пустить! — выкрикнул Пин.

— Как, интересно знать? — сказал Арагорн. — Он Хранитель, судьба Бремени — на нем. Вряд ли мы можем указывать ему путь тому же у нас вряд ли это и выйдет — даже попытайся мы указа мире множество сил куда сильнее.

— Хотел бы я, чтоб Фродо «решился» и вернулся — чтобы мы кончили со всем этим, — вздохнул

Пин. — Это ожидание невыносимо. Время ведь уже вышло?

— Да, — кивнул Арагорн. — Час давно прошел. Утро кончает Надо позвать его.

В этот момент появился Боромир и, не говоря ни слова, направился к ним. Лицо его было печально и мрачно. Он остановился, будто пересчитывая присутствующих, и уселся поодаль, опустив взгляд к земле.

— Где ты был, Боромир? — спросил Арагорн. — Ты видел Фродо?

Какой-то миг Боромир колебался.

— И да, и нет, — медленно ответил он. — Да: я нашел его холме, чуть выше лагеря, и говорил с ним. Убеждал его идти в Минас-Тириф, а не на Восток. Я рассердился — и он покинул меня. Он исчез. Я никогда не видел ничего подобного, хоть и слышал в сказках. Он, должно быть, надел Кольцо. Найти я его не смог. Я думал, он вернулся к вам.

— Это все, что ты можешь сказать? — Арагорн жестко, недобро смотрел на Боромира.

— Да, — отвечал тот. — Больше мне сказать нечего.

— Плохо! — воскликнул Сэм, вскакивая. — Не знаю, что там натворил этот Человек. Почему

господин Фродо надел его? Ему же это ни как нельзя было; а если он надел — неизвестно, что может случиться.

— Когда ты видел Фродо, Боромир? — спросил Арагорн.

— Полчаса назад, — отвечал тот. — Или, может быть, час. Я немного побродил с тех пор. Я не знаю! Не знаю!.. — Он уронил лову на руки и сидел, будто согбенный скорбью.

— Час, как исчез! — возопил Сэм. — Мы должны немедля сыскать его! Идем!

— Подождите! — крикнул Арагорн. — Мы должны разделиться на пары… Эй, стойте! Подождите!!

Дело было плохо. На него не обращали внимания. Сэм умчался первым. Мерри и Пин кинулись следом и уже скрылись на западе, в прибрежном лесу, звонко крича «Фродо! Фродо!» высокими хоббичьими голосами. Леголас и Гимли убегали. Внезапная паника — или безумие — казалось, охватила Отряд.

— Мы все разбредемся и потеряемся!.. — простонал Арагорн. — Боромир! Не знаю, какую роль сыграл ты в этой беде, но теперь помоги! Иди за этими молодыми хоббитами и охрани хотя бы их, если вы не найдете Фродо. Если найдете — его

или его следы — возвращайтесь немедля! Я скоро вернусь.

***

Арагорн шагнул прочь и бросился догонять Сэма. Он нагнал его на небольшой поляне среди рябин: хоббит лез вверх, отдувался и звал: «Фродо!»

— Идем со мной, Сэм! — сказал Следопыт. — Никто из нас не должен быть один. Вокруг лихо. Я чую его. Я иду к вершине, чтобы сесть в Кресло Амон-Хена и увидеть то, что можно увидеть. Гляди! Сердце говорило мне, что Фродо шел этой тропой! За мной, да смотри в оба! — он поспешил вверх.

Сэм торопился, изо всех сил, но угнаться за Бродником не мог и скоро отстал. Он не прошел и сотни метров, а Арагорн уже скрылся из глаз. Сэм остановился и глубоко вздохнул. И вдруг хлопнул себя ладонью по лбу.

— Тпру, Сэм Гискри! — громко сказал он. — Ноги у тебя слишком коротки — так поработай головой! Посмотрим… Боромир не врал, это не по-его; но и всего он тоже не рассказал. Что-то страшно напугало господина Фродо. Он решился — вдруг. Он надумал наконец — идти. Куда? На

Восток. С Сэмом? Нет, даже без своего Сэма. Это жестоко, очень жестоко!

Сэм провел рукой по глазам, вытирая слезы.

— Спокойно, Гискри! — велел он. — Думай! Перелетать реки он может, перепрыгивать водопады — тоже. Вещей он не брал. Значит, придется ему вернуться к лодкам. К лодкам!.. К лодкам, Сэм, молнией!

Сэм повернулся и помчался по тропе вниз. Упал, расшиб колено, поднялся и побежал дальше. Он вышел на Парф-Гален у берега — где стояли вытащенные из воды лодки. Там никого не было. В лесу позади слышались крики, он он не замечал их. Он застыл, глядя во все глаза и раскрыв рот. Лодка сама собой сползала с берега! Сэм с криком понесся по траве. Лодка скользнула в воду.

— Подождите, господин Фродо! Подождите! — воззвал Сэм и прыгнул с берега, целясь в уходящую лодку. Он промахнулся на метр. С криком и плеском упал он лицом вниз в глубокую быструю реку. Булькая, ушел он вниз, и вода сомкнулась над его кудрявой головой.

Из лодки донесся отчаянный вскрик. Опустилось весло, и она развернулась. Фродо поспел как раз вовремя, чтобы схватить С за волосы, когда тот всплывал, дергаясь и пуская пузыри. Страх

застыл в его круглых карих глазах.

— Вверх, Сэм, дружок! — сказал Фродо. — Держись за мою руку!

— Да что же это, господин Фродо?! — задохнулся Сэм. — Я потонул! Точно! Я ее не вижу, руку-то!

— Вот она. Не щипайся, Сэм! Я тебя не выпущу. Не барахтайся, не то перевернешь лодку. Ну вот, теперь хватайся за борт и дай грести.

Несколькими гребками Фродо подогнал лодку назад к берегу, вылез, мокрый, как водяная крыса. Фродо снял Кольцо и вышел на берег.

— Изо всех надоедливых нянек ты худшая, Сэм! — сказал он.

— Ох, господин Фродо, это жестоко! — откликнулся Сэм, дрожа, — Это жестоко: пытаться уйти без меня, и все такое. Вот не догадался бы я — где бы вы сейчас были?

— Спокойно шел бы вперед.

— Спокойно! — сказал Сэм. — Один, без меня рядом, чтобы помочь! Я бы этого не вынес, тут же бы и умер.

— Ты умрешь, если пойдешь со мной, Сэм, — возразил Фродо. — А этого не вынесу я.

— Я умру, если останусь, — сказал Сэм.

— Но я иду в Мордор.

— Знаю, господин Фродо. Конечно, идете. И я

иду с вами.

— Вот что, Сэм, — сказал Фродо. — Не задерживай меня! Другие вернутся с минуты на минуту. Если меня застанут здесь — придется спорить и объяснять, и у меня никогда уже не хватит духу уйти. Но идти я должен — теперь же. Это единственный путь.

— Конечно, должны, — сказал Сэм. — Но не один. Я тоже пойду, или никто из нас не пойдет. Я все лодки продырявлю.

Фродо рассмеялся. Внезапно тепло и радость тронули его сердце.

— Оставь одну! — сказал он. — Она нам пригодится. Но не можешь же ты уйти вот так — без вещей, еды и прочего.

— Минутку обождите, и я все возьму! — пылко вскричал Сэм. У меня все готово. Я думал, что мы сегодня уйдем. — Он бросился к лагерю, выудил свой мешок из груды вещей, которую сложил Фродо, разгружая лодку, прихватил лишнее одеяло и несколько пакетов с едой и прибежал назад.

— Итак, план мой не удался, — сказал Фродо. — От тебя не сбежишь. Но я рад, Сэм. Сказать тебе не могу, как рад. Вперед! Ясно, что нам суждено идти вместе. Мы пойдём — и пусть другие отыщут дорогу легче нашей! Бродник приглядит за ними.

Не думаю, что мы свидимся опять.

— Может и свидимся, господин Фродо, — откликнулся Сэм. — Может, и свидимся.

***

Итак, Фродо и Сэм вместе вступили на последнюю тропу Похода. Фродо отвел лодку от берега, и Река быстро понесла их прочь, по западному рукаву, мимо нависающих утесов Тол-Брандира. Рев водопада приблизился. Даже с помощью Сэма трудно было выгрести поперек течения у южной оконечности острова и направить лодку на восток, к дальнему берегу.

Наконец хоббиты опять очутились на твердой земле — на южных склонах Амон-Лав. Берег оказался пологим, и они оттащили лодку подальше от воды и спрятали ее за большим валуном. Потом, вскинув на плечи мешки, двинулись в путь, отыскивая тропу, которая перевела бы их через Привражье и указала дорогу в Царство Тьмы.

Две твердыни
Летопись вторая из эпопеи «Властелин Колец»

Книга третья
Глава 1
Уход Боромира

Арагорн торопливо поднимался в гору. Походка у хоббитов легкая, и следы их трудно разобрать даже Следопыту; но недалеко от вершины дорогу пересекал ручеек, и на влажной земле он наконец нашел, что искал.

«Я верно истолковал следы, — сказал он себе. — Фродо побежал на вершину. Хотел бы я знать, что он там увидел? Вниз он спустился той же дорогой…»

Арагорн колебался. Надо было бы подняться на Пост, возможно, оттуда он увидит что-нибудь, что подскажет ему выход из тупика; но времени не было. Внезапно он решился и, рванувшись вперед, взбежал по ступеням в беседку. Там он уселся в Караульное Кресло и огляделся. Солнце потемнело, мир казался далеким и тусклым. Арагорн обвел взглядом горизонт — ничего, лишь вдали смутно рисовались холмы, да в вышине, снижаясь медленными плавными кругами, парила огромная, похожая на орла птица.

От наблюдений его оторвали крики в лесу на западном берегу Реки. Он окаменел. Среди этих криков он, к ужасу своему, различил резкие голоса орков. И вдруг раздался глубокий, призывный звук большого рога — пронесся над холмами, отозвался в долинах, мощью своей заглушил рев водопада.

«Рог Боромира! — ахнул Арагорн. — Он в беде! — Перепрыгивая через ступени, он кинулся вниз. — Сегодня злой день. Неудачи преследуют меня… Что бы я ни сделал — всё некстати! Куда подевался Сэм?»

Пока он бежал, крики становились громче, но слабо и безнадежно звучал сейчас рог. Люто завизжали орки — и внезапно зов смолк. Арагорн вихрем пронесся по последнему склону, но не успел достигнуть подножия, как звуки стали отдаляться, пока не затихли совсем. Обнажив сверкающий меч, с кличем «Элендиль!» бежал он сквозь лес.

Не больше чем в миле от Парф-Галена, на маленькой прогалине у озера, он нашел Боромира. Тот сидел, прислонясь к корням огромного дерева, будто отдыхая после битвы, но Арагорн видел: он пронзен множеством черноперых стрел; меч он всё еще сжимал в руке, но он был сломан у

рукояти; рассеченный надвое рог лежал рядом. Вокруг валялись убитые орки.

Арагорн опустился на колени возле него. Боромир открыл глаза, с усилием заговорил.

— Я пытался отнять у Фродо Кольцо… — медленно падали слова. — Я виновен… Я искупил свою вину… — взгляд его обратился на павших врагов; их было не меньше двадцати. — Орки… Они утащили полурослико в. Но не думаю, чтобы те погибли: орки связали их… — Он умолк, глаза устало закрылись. Немного спустя он заговорил снова: — Прощай, Арагорн!.. Иди в Минас-Тириф, спаси мой народ! Я побежден…

— Нет! — возразил Арагорн, беря его за руку и целуя в лоб. — Ты победил! Немногим дано так побеждать. Будь спокоен! Минас-Тириф не падет.

Боромир улыбнулся.

— Куда они пошли? — спросил Арагорн. — Был ли с ними Фродо?

Но Боромир не ответил.

— Увы! — прошептал Арагорн. — Ушел наследник Дэнэтора, Лорд Охранной Башни. Горький конец. Отряд распался. Если кто и побежден — то это я. Напрасно Гэндальф верил в меня. Что мне теперь делать? Боромир просил меня идти в Минас-Тириф, да я и сам всем сердцем желаю этого…

Но где Кольцо и где Фродо? Как мне отыскать их и уберечь Хранителя от беды?

Он всё еще стоял на коленях, склонившись в рыданиях, по-прежнему сжимая руку Боромира. Таким его нашли Леголас и Гимли. Они пришли с западных склонов холма бесшумно, точно охотились; Гимли держал в руке топор, а Леголас — длинный кинжал: все стрелы он истратил. Они вышли на прогалину — и застыли в изумлении; и мгновение стояли, склонив в скорби головы, ибо поняли, что произошло.

— Увы! — сказал Леголас, подходя к Арагорну. — Мы охотились и убили немало орков, но лучше бы мы были здесь. Мы услыхали звук рога и пришли — кажется, поздно… Боюсь думать, что ты ранен.

— Боромир умер, — не оборачиваясь, сказал Арагорн. — Я невредим, потому что не был с ним. Он пал, защищая хоббитов, пока я бродил по холмам.

— Хоббиты! — воскликнул Гимли. — Где же они? Где Фродо?

— Не знаю, — устало сказал Арагорн. — Перед смертью Боромир сказал, что орки связали их; он не думал, что они погибли. Я послал его охранять Мерри и Пина, но я не спросил, были ли с ними

Сэм или Фродо; не успел спросить. Неудачи сегодня преследуют меня... — Он поднялся. — Что будем делать?

— Сначала надо позаботиться о погибшем, — сказал Леголас. — Не можем же мы оставить его среди этих мерзких орков.

— Но мы должны поспешить, — заметил Гимли. — Он не простил бы нам промедления. Мы должны преследовать орков, если есть хоть какая — то надежда, что пленники живы.

— Однако мы не знаем, с ними ли Хранитель, — возразил Арагорн. — Можем ли мы его бросить? Не обязаны ли мы разыскать сначала его? Тяжкий выбор встал перед нами!

— Давайте сделаем сперва то, что должны сделать, — проговорил Леголас. — У нас нет ни времени, ни возможности достойно похоронить нашего товарища или насыпать над ним курган. Надо построить хотя бы пирамиду.

— Долгая и трудная работа, — проворчал Гимли. — Здесь камней нет, придется таскать от реки.

— Давайте положим Боромира в лодку, вместе с его оружием и оружием убитых им врагов, — предложил Арагорн. — Мы проводим его до Рауроса и доверим Андуину. Река Гондора поза-

ботится о том, чтобы никто не потревожил его останков.

***

Они быстро обыскали тела орков и собрали мечи, щиты и шлемы убитых в кучу.

— Смотрите! — вскричал Арагорн. — А вот и следы! — Он вытащил из кучи два кинжала с красно-золотым узором по клинку; порывшись еще немного, извлек и ножны — черные, изукрашенные рубинами. — Орки, конечно, ограбили пленников, но оставить себе кинжалы побоялись: они выкованы западными мастерами, на них лежит заклятье против Тьмы Мордора. Ну что ж, наши друзья если и живы, то безоружны… Кинжалы я возьму, ибо, вопреки здравому смыслу, надеюсь вернуть их владельцам.

— А я, — отозвался Леголас, — соберу стрелы; мои все вышли. — Он пошарил в куче и в траве вокруг, нашел много длинных стрел, непохожих на стрелы орков, и принялся внимательно их рассматривать. А Арагорн вгляделся в убитых.

— Многие из тех, что лежат здесь, пришли не из Мордора, — задумчиво проговорил он. — Некоторые с Севера, с Мглистого — насколько я разбираюсь в орках. Но вот тех я не знаю. Сна-

ряжение их мне незнакомо и совсем непохоже на орочье…

Это были четверо гоблинов — крупнее орков, темнолицых, косоглазых, с толстыми ногами и широкими руками. Вооружены они были короткими мечами, а не ятаганами, как орки; а их тисовые луки по длине и форме походили на луки людей. На щитах они несли странный знак: в черном поле маленькая белая ладонь; в центре их железных шлемов сияла выкованная из белого металла руна «С».

— Я не видал прежде таких знаков, — продолжал Арагорн. — Что они значат?

— «С» значит «Саурон», — наставительно произнес Гимли. — Это-то просто.

— Нет! — возразил гному Леголас. — Саурон не пользуется эльфийскими письменами.

— Так же, как не называет себя истинным именем и никому этого не дозволяет, — добавил Арагорн. — И белый цвет ему ненавистен. Орки Барад-Дура носят знак Багрового Ока. — Он постоял, размышляя. — «С» значит «Саруман», — сказал он наконец. — Лихо зашевелилось в Исенгарде, и Западу грозят многие беды. Этого — то и боялся Гэндальф: каким-то образом изменник Саруман прознал о нашем походе. Погоня из Мории могла

укрыться от бдительных глаз Лориэна или вообще обойти его стороной. Орки ходят быстро. Да и не только от них Саруман узнает новости. Помните птиц?

— Некогда нам возиться со всеми этими загадками, — проворчал Гимли. — Давайте унесем отсюда Боромира!

— Но после нам придется разгадать загадки, если мы хотим выбрать верный путь, — откликнулся Следопыт.

— А ты уверен, что он есть — этот верный путь? — с мрачным ехидством спросил Гимли.

***

Взяв топор, гном срубил несколько ветвей. Они связали их тетивами вражьих луков и набросили на каркас плащи. На этих грубых носилках они отнесли тело товарища на берег. Путь короткий, но нелегкий: кроме Боромира, пришлось нести оружие убитых им врагов — последние трофеи наследника Дэнэтора.

Арагорн остался у берега стеречь носилки, а Гимли и Леголас пешком поспешили к Парф-Галену. До него было чуть больше мили, и прошло какое-то время, прежде чем они возвратились с двумя лодками.

— Дивные дела творятся! — сказал Леголас. — Одна лодка пропала.

— Там побывали орки? — тревожно спросил Арагорн.

— Мы следов не нашли, — ответил Гимли. — Да и зачем оркам уводить одну лодку? Они бы всё забрали или всё переломали — а поклажа на месте.

— Надо будет мне осмотреть там землю, когда вернемся, — озабоченно проговорил Арагорн.

Они снесли Боромира в лодку, положив серый эльфийский плащ и капюшон ему под голову. Потом расчесали и расправили по плечам его длинные черные волосы. И мерцал на его стане золотой пояс — дар Владычицы Лориэна. Рядом с телом они положили шлем, а на колени — разрубленный рог и обломки меча; в ноги же положили ятаганы убитых Боромиром орков. Потом, накрепко соединив нос одной лодки с кормой другой, они спустили обе лодки на воду. Печально плыли друзья вдоль берега и, свернув в протоку, быстро миновали зеленый ковер Парф-Галена. Крутые откосы Тол-Брандира пылали: был полдень. Еще немного к югу — и перед ними, мерцая бледным золотом, предстал Раурос, весь в столбах водяного пара. Кипящие струи с гро-

хотом рушились в бездну. Воздух над водопадом дрожал.

Скорбно отпустили товарищи похоронный челн. Боромир лежал в нем примиренный, спокойный. Челн тихо заскользил по лону вод. Течение подхватило его и понесло; они же с трудом удерживали на месте рвущуюся ему вслед лодку.

Челн проплыл мимо и теперь медленно удалялся, становясь темным пятнышком на золотом фоне; внезапно он исчез. Раурос ревел по-прежнему. Река приняла Боромира, сына Дэнэтора, и никогда более не видели его стоящим по утрам на стенах Крепости Минас-Тирифа. Но много дней спустя разнесся по Гондору слух, что эльфийский челн, миновав водопады и тихие заводи, проплыл со своей скорбной ношей по Андуину мимо Осгилиафа и ночью под звездами вынес ее в Великое Море.

***

Некоторое время трое друзей молчали. Потом Арагорн заговорил:

— Его будут ждать в Белой Крепости. Но ему уже не вернуться ни с моря, ни с гор. — И он медленно запел:

Над юным Рохандом, с лугов, где травы зелены,

Промчался Ветер Западный и замер у стены.

— О, вечный путник, что за весть принес ты нынче мне?

Где бродит храбрый Боромир при звездах и луне?

— Семь бурных рек, семь мутных рек он одолел в пути,

В пустыни Севера, во тьму пришлось ему идти.

И скрыла мгла его следы, и скрылся он из глаз,

Лишь Ветер Северный слыхал могучий рога глас.

— О Боромир! С высоких стен на Запад я глядел,

Но не вернулся ты из тьмы, где нет следов людей.

Леголас одобрительно кивнул и подхватил:

Над гладью вод, над пеной волн, с белейшего песка

Метнулся чайкой Южный Ветр и зарыдал меж скал. —

О скорбный путник, что за весть мне голос твой несет?

Быть может, Боромира след сокрыл морской песок?

— О нем иль о его следах не спрашивай меня —

С начала Мира столько тайн глубины вод хранят.

И стольких путь по Морю лег, и стольких ныне нет…

Их Ветер Северный послал, пускай он даст ответ!

— О Боромир мой, к Морю путь ведет от южных врат,

Но с криком чаек, с шумом волн ты не пришел назад.

Снова вступил Арагорн:

От Царских Врат, с ревущих вод, сквозь бури голоса,

Прорвался Ветер Северный, и смерились небеса.

— Недобрый путник, что за весть ты нынче мне принес?

Тревожат призраки мой сон, и горек привкус слёз.

— Зов рога слышал Амон-Хен и видел блеск меча,

И кровь ручьем текла из ран, черна и горяча.

И странно светел гордый лик, и руки на груди,

И даже Рауроса громам его не пробудить.

— О Боромир! Извечный Страж, не оторву я глаз

От Рауроса гремящих струй, где пламень твой угас.

Песня кончилась. Они развернули лодку и налегли на весла, торопясь к Парф — Галену.

— Восточный Ветер вы, видно, оставили мне, — сказал вдруг Гимли. — Но мне что-то не хочется о нем петь.

— И не надо, — согласился Арагорн. — Восточный Ветер — частый гость в Минас-Тирифе, его терпят, но о новостях не расспрашивают… Одна-

ко Боромир уже ушел своим путем; пора и нам выбрать свой.

Он быстро и внимательно осмотрел лужайку, часто пригибаясь к земле.

— Орков здесь не было, — сказал он. — Больше ничего не разобрать. Мы здесь так натоптали!.. Не знаю, приходили ли сюда хоббиты с тех пор, как разошлись на поиски Фродо. — Он повернул к берегу, где ручеек из ключа стекал в Реку. — Здесь есть несколько четких следов, — объявил он. — Хоббит входил в воду и выбрался назад; но давно ли — не знаю.

— И как же решается эта загадка? — спросил Гимли. Арагорн ответил не сразу; он вернулся к лагерю и осмотрел поклажу.

— Двух мешков нет, — тихо сказал он будто самому себе. — И один из них — Сэмов: у него был самый тяжелый. — Следопыт обернулся к гному. — Ответ найден, Гимли. Фродо уплыл, и его верный слуга уплыл вместе с ним. Фродо, должно быть, вернулся, когда мы разбрелись. Я встретил Сэма и позвал за собой, но он не пошел. Он догадался, что замыслил его хозяин, и поспел вовремя — тот еще не отплыл… А бросить Сэма не так-то просто, а еще труднее — уговорить его остаться!

***

— Но почему он нас-то бросил, даже не попрощавшись?! — недоуменно воскликнул Гимли. — Странный поступок!

— Смелый поступок! — возразил Арагорн. — Думаю, Сэм был прав. Фродо не хотел подвергать друзей смертельным опасностям Мордора. Но он знал уже, что пойдет туда — не может не пойти. Что-то случилось, когда он оставил нас, — что-то, преодолевшее его сомнения и страх.

— Может, его встревожили орки, и он бежал? — предположил Леголас.

— Он сбежал, — кивнул Арагорн, — но не думаю, чтобы от орков... — Что он думает о внезапном решении Фродо и о его бегстве, Следопыт не сказал — последние слова Боромира он твердо решил держать в тайне.

— Что ж, многое прояснилось, — сказал Леголас. — Фродо здесь нет, и искать не стоит: только он мог взять лодку. И Сэм с ним; только он мог взять свой мешок.

— А нам, значит, надо или брать оставшуюся лодку и нагонять Фродо, или гнаться за орками — пешком, — хмуро проговорил Гимли. — Куда ни кинь — всюду клин. Время-то упущено!

— Дайте мне подумать! — попросил Арагорн. — Быть может, я сделаю верный выбор и тем искуплю черные ошибки этого дня! — Некоторое время он стоял молча. — Я выбираю погоню за орками, — сказал он наконец. — Я должен был вести Фродо в Мордор и быть с ним до конца. Но, отправившись сейчас разыскивать его, я обреку пленников на муку и смерть. Сердце мое подсказывает мне, что судьба Хранителя более от меня не зависит. Отряд свою службу сослужил. Но друзей мы бросать не вправе, пока у нас есть силы. Идем! Выступаем сейчас же, оставьте всё, что может помешать в пути. Идти придется днем и ночью: надо спешить.

***

Они вытащили на берег оставшуюся лодку, сложили в нее всё, что не могли унести, и спрятали лодку в лесу. Потом покинули Парф-Гален. Полдень увядал, когда они вновь вышли на прогалину, где пал Боромир. Найти тропу, которой ушли орки, было делом несложным.

— Ни одно существо на свете не оставляет за собой столько разрушений, — сокрушенно промолвил Леголас. — Им словно удовольствие доставляет крушить и убивать всё живое на

своем пути.

— Однако, несмотря на это, движутся они быстро, — сказал Арагорн. — И усталость им неведома. А нам идти по их следам, и путь нелегок: места впереди глухие.

— Что ж — в погоню! — вскричал Гимли. — Гномы тоже умеют быстро ходить, и устают они не раньше орков. Однако охота будет долгой: дичь ушла далеко.

— Ты прав, — кивнул ему Арагорн. — Неплохо бы всем нам иметь выносливость гномов… Но идем! С надеждой или без нее — а преследовать врага мы должны. И горе им, если мы их настигнем! Охотники Трёх Кланов объединились наконец — и славной будет охота! В путь!

Он рванулся по следу, подобно гончей. Вперед и вперед вел он Охотников — не останавливаясь, не зная усталости, ибо решение было наконец принято. Приозерные леса остались позади. Они поднимались по склонам хребта — темным, высоко взметнувшимся к предвечернему небу. Смеркалось. Они шли и шли, серыми тенями скользя по каменистым тропам.

Глава 2
Роандийцы

Сумерки сгущались. Мгла затаилась меж деревьев, нависла над пограничными берегами Андуина, но небо было чистым. Вызвездило. На Западе взошла луна, и в ее восковом свете утесы обрели угольно-черные тени. Охотники подошли к подножию каменистой гряды, и шаги их замедлились: путь становился труден. Эмин-Муиль простерся с севера на юг двумя длинными хребтами. Западные их склоны были невероятно круты, а восточные — иссечены лощинами и глубокими ущельями. Всю ночь трое друзей карабкались по ребристым скалам, поднимаясь на гребень первого, самого высокого хребта и вновь спускаясь во тьму долины по другую его сторону.

Здесь, в тихой прохладе предрассветного часа, они остановились передохнуть. По-прежнему светила луна и мигали звезды; первый свет утра не проник еще сюда из-за темных горных вершин. На мгновенье Арагорн растерялся: след орков привел их в эту долину и исчез.

— Куда они двинулись отсюда, как ты дума-

ешь? — Леголас задумчиво смотрел на Следопыта. — Напрямик, на север, в Исенгард, или к Фангорну? А может, к югу — перейти Энтицу?

— К реке они не пойдут, что бы ни случилось, — медленно ответил Арагорн. — Даже если Роханд не затемнен лиходейским могуществом Сарумана, у них один путь — через его степи. Идем на север!

Долина каменистым желобом лежала меж отрогами хребта, и по дну ее бежал тонкий ручеек. Справа хмурились скалы; слева вздымались серые склоны, смутно проступая в предрассветных тенях. Охотники прошли уже больше лиги на север. Арагорн высматривал следы, то и дело пригибаясь к земле. Леголас шел немного впереди. Внезапно эльф вскрикнул, и друзья кинулись к нему.

— Кое-кого из тех, за кем гонимся, мы настигли, — эльф указал на груду валунов у подножья склона; приглядевшись, они поняли, что это сваленные в кучу трупы нескольких орков. Они были жестоко изрублены, двое — обезглавлены. Земля вокруг пропиталась темной кровью.

— Еще загадка, — спокойно проговорил Гимли. — Но решать ее времени нет.

— Для нас любая разгадка — радость, — заметил

Леголас. — Враги орков — наши друзья. Живет в здешних краях какой-нибудь народ?

— Нет, — покачал головой Арагорн. — Роандийцы редко сюда заезжают, да и Минас-Тириф далеко. Возможно, какой-нибудь отряд охотников… Но я так не думаю.

— А как ты думаешь? — поинтересовался Гимли.

— Я думаю, что наши враги привели врагов с собой, — ответил ему Арагорн. — Это орки с Дальнего Севера. Среди убитых нет ни одного орка-великана с непонятными знаками на шлемах. Произошла ссора — они не редкость среди этого вздорного народа. Драка могла выйти из-за выбора пути.

— Или из-за пленников, — тихо выговорил Гимли. — Не растерзали бы их орки.

***

Арагорн осмотрел всё вокруг, но больше ничего не нашел. Они пошли дальше. Небо на востоке побледнело. Медленно занималась серая заря. Вскоре они вышли в ложбинку, где говорливо катил свои воды ручей, стекая в долину. Там росли кусты, из-под камней кое-где пробивалась трава.

— Наконец-то!.. — довольно улыбнулся Ара-

горн. — Скорей вверх по ручью: этим путем пошли орки после «беседы».

Преследователи двинулись новой дорогой. Словно после долгого ночного отдыха, перепрыгивали они с камня на камень и вскоре вышли на каменистое плато. Из долины налетел внезапный прохладный ветер, взъерошил им волосы, раздул полы плащей.

Оглянувшись, они увидели далеко за рекой гряду пологих холмов. Разгорался день. Алый край солнца поднимался над темными плечами ночных земель. Запад простирался перед охотниками — темный, застывший. Но вот истаяли ночные тени и пробудились краски земли: чистой зеленью вспыхнули безбрежные роандийские равнины; молочные туманы заклубились в долинах рек. А слева, далеко на горизонте, встали в голубизне и багрянце Белые Горы, вздымая в небо гордые пики, увенчанные мерцающими в свете зари снегами.

— Гондор!.. — воскликнул Арагорн. — Настанет ли когда-нибудь для меня счастливый час встречи с тобой?

Гондор, Гондор, горный Гондор над смятеньем хмурых волн!

Веют западные ветры, чьим дыханием ты полн.

Свет Серебряного Древа — белый дождь феодов наших;

Среброкрылая корона — под охраной белых башен.

Гондор, Гондор! Ветви Древа сенью крыл раскинь над нами!

Ветер Западный, не бейся между Морем и горами!

— А теперь — идем! — он перевел взгляд с юга на северо-запад — на путь, который ему предстояло пройти.

Плато круто обрывалось у ног Охотников. Внизу, саженях в двадцати, тянулся широкий бугристый уступ, резко обрываясь к равнине: Эмин-Муиль кончался Великой Роандийской Стеной. Перед ними до горизонта, насколько хватало глаз, раскинулись зеленые степи.

— Смотрите! — взволновался Леголас, указывая в бледное небо. — Опять орел! Очень высоко. Кажется, он летит к северу, и летит быстро. Смотрите же!

Арагорн покачал головой.

— Даже мои глаза не видят его, славный мой

Леголас. Он слишком высоко. Хотел бы я знать, — прошептал Следопыт, осматриваясь, — чего ему надо здесь — если это та самая птичка, что я видал… Однако, — он обернулся к эльфу, — взгляни вон туда, друг: мне кажется, или в степи действительно что — то движется?

— Ты не ошибся, — подтвердил Леголас. — Большой пеший отряд; но больше я ничего сказать не могу, до них очень далеко: не менее двенадцати лиг. Однако на этой плоской равнине определить расстояние трудно.

— Мне, например, более точных указаний, где наша дичь, не требуется, — вмешался Гимли. — Надо только поскорее отыскать спуск.

— Не думаю, что тебе удастся это сделать быстрее, чем оркам, — насмешливо заметил Арагорн.

***

Теперь они гнались за врагом при свете дня. Похоже было, что орки ужасно торопятся. То и дело преследователи находили брошенные или оставленные вещи: заплечные мешки, куски темного черствого хлеба, изодранный черный плащ… Следы вели на север по краю откоса, и наконец Охотники подошли к глубокой расселине, пробитой в скале потоком, который с шумом низ-

вергался вниз. Почти незаметная в узком ущелье тропа, подобно крутой лестнице, спускалась на равнину.

У подножья друзья внезапно погрузились в травы, которые зыбились и опадали подобно волнам, разбиваясь о Великую Стену. Водопад исчезал в изумрудных зарослях, слышно было лишь журчание струй в зеленых протоках; вниз по пологим склонам бежали они, вниз к дальним топям долины Энтицы. Казалось, зима не дошла сюда, повиснув на клыках горных кряжей: воздух был мягкий, теплый, напоенный едва ощутимым благоуханием; вечная весна не давала засыпать травам и листьям, пробуждая соки в их жилах. Леголас глубоко вздохнул, словно припадая к живительному роднику после долгого скитания в пустыне.

— Зеленые запахи! Они освежают лучше самого крепкого сна! — Эльф сделал несколько быстрых шагов, обернулся. — Побежали!..

— Дышится здесь и правда легко, — Арагорн мягко улыбнулся. — Теперь мы пойдем быстрее. Гораздо быстрее тяжеловесных орков. Попробуем нагнать их!

***

Они шли вперед, точно гончие по горячему следу. Широким прокосом уходил на запад уродливый след: душистые травы Роханда смялись и пожухли под ногами орков. Вскоре Арагорн вскрикнул и свернул в сторону.

— Стойте! За мной не ходить! — скомандовал он и кинулся вправо от тропы: он заметил ведущие туда следы маленьких ног. Вскоре, однако, следы эти пересеклись другими — огромными следами орков, затем резко повернули назад и затерялись на тропе. В самой дальней точке Арагорн наклонился и что-то поднял; потом вернулся к товарищам.

— Следы хоббита видны отчетливо, — Следопыт таинственно улыбался. — Это, наверно, Пин: он меньше, взгляните-ка! Он оставил нечто, сверкавшее под солнцем. Оно походит на только что раскрывшийся буковый лист.

— Пряжка эльфийского плаща! — в один голос воскликнули Леголас и Гимли.

— Листья Лориэна не падают без причин, — продолжал Арагорн уже серьезно. — И эта потеря не случайна: пряжку оставили как знак тем, кто пойдет за похитителями. Я думаю, Пин нарочно

свернул с тропы.

— Значит, он жив, — сказал Гимли. — И может идти сам. Отрадно!

— Будем надеяться, что он заплатил за свою смелость не слишком дорогой ценой, — укоризненно взглянул на гнома Леголас. — Идем! Мысль, что наших веселых маленьких друзей гонят, как скот, жжет мое сердце.

Солнце перевалило за полдень и теперь медленно скатывалось к краю неба. Появились легкие белые облака: их пригнал нежный ветер Юга. Солнце зашло. Поднялись тени, протянув с востока длинные руки. Охотники шли вперед. Миновал день, как погиб Боромир, а орки всё еще были далеко впереди. Даже следов не стало видно на плоской равнине.

Когда ночная тьма сомкнулась над Охотниками, Арагорн остановился. Всего дважды за день делали они короткие привалы, и двенадцать лиг отделяли их теперь от Восточной Стены, где они встретили восход.

— Нам предстоит нелегкий выбор, — сказал Следопыт. — Остановимся ли мы на ночь или будем идти, пока хватит сил и воли?

— Если мы остановимся сейчас, орков нам не догнать, — сумрачно предрек Леголас.

— Даже орки, наверное, делают привалы, — проворчал Гимли.

— Орки редко путешествуют по степи, да еще днем, однако этих солнце не остановило, — обернулся в его сторону Леголас. — Так что ночь их и подавно не остановит.

— Но мы-то ночью ни одного следа не найдем!

— След ведет прямо и никуда не сворачивает, если глаза мне не лгут, — возразил Леголас.

— Возможно, я сумею вести вас наугад и не собьюсь с пути, — сказал Арагорн, — но если мы ошибемся или они свернут в сторону, потребуется немало времени, чтобы днем отыскать их тропу.

— Вот еще что, — добавил Гимли. — Только днем мы заметим, если какой-нибудь след уйдет в сторону. Вдруг пленники вздумают бежать, или кого — нибудь из них потащат на восток, скажем, к Великой Реке или еще того хуже — к Мордору? Мы пропустим след и никогда его не отыщем.

— Верно, — проговорил Арагорн, — но если я правильно прочел все прежние следы, орки Белой Руки победили, и весь отряд направляется сейчас в Исенгард.

— И всё же быть уверенным в их решении весьма опрометчиво, — настаивал Гимли. — А побег? Во тьме мы бы наверняка прошли то место, где

ты отыскал пряжку.

— Орки вдвойне осторожны с тех пор, а пленники очень утомлены, — проговорил Леголас. — Побега не будет, если мы его не устроим. Но пока мы их не нагнали, думать об этом не стоит.

— Даже я, гном, не самый слабый из моего народа, не могу бежать до Исенгарда без отдыха, — Гимли умоляюще взглянул на эльфа. — И у меня сердце горит, но пойми, я должен хоть немного отдохнуть, чтобы потом бежать еще быстрее. Да и когда спать, если не ночью?

— Я предупреждал, что выбор будет труден, — сказал Арагорн. — Что мы решили?

— Ты наш вождь, — пожал плечами Гимли. — Тебе и решать.

— Сердце приказывает мне идти, — промолвил Леголас. — Но мы должны быть заодно. Я подчинюсь любому решению.

— Вы избрали дурного советчика, — грустно усмехнулся Арагорн. — С тех пор, как мы миновали Пламист, все мои советы приносили лишь беду. — Он умолк и долго вглядывался в густеющую ночь.

— Мы не пойдем в темноте, — проговорил он наконец. — Слишком велика опасность сбиться с пути.

— Как жаль, что Владычица не подарила нам такого же огонька, как Фродо! — пробормотал Гимли.

— Он нужен там, где он есть, — оборвал гнома Арагорн. — Наша беда — маленькая песчинка среди великих забот этих дней. Погоня наша тщетна — тщетна, быть может, с самого начала, и что бы я ни выбрал, это ничего не изменит. Впрочем, выбор сделан. Спите! Нам надо выспаться… Всем! — с нажимом сказал он, глядя на Леголаса.

С этими словами Следопыт улегся на землю и мгновенно уснул — последний раз он спал в тени Тол-Брандира. Проснулся он перед рассветом. Гимли всё еще пребывал в Стране Снов, но Леголас стоял, подобно молодому дереву, задумчиво и молчаливо, вглядываясь в темноту. Арагорн поднялся и подошел к нему.

— Они очень далеко, — грустно сказал эльф. — Этой ночью они не отдыхали. Теперь настигнуть их под силу лишь орлу.

— Всё равно мы будем преследовать их. — Арагорн наклонился к гному. — Поднимайся! Пора. След остывает.

— Но ведь еще темно, — потянулся Гимли. — Даже Леголас и даже с вершины холма не увидит их до восхода.

— Боюсь, что мне не увидеть их ни с холма, ни с равнины, ни ночью, ни днем, — печально заметил тот.

— Если исчезнут следы, земля донесет до нас шум их ненавистных шагов. — Арагорн опустился на землю, приникнув к ней ухом. Он лежал неподвижно и так долго, что Гимли подумал, уж не заснул ли он снова. Тусклая заря медленно разливала вокруг серый свет. Наконец Следопыт поднялся, и друзья увидели, что его побледневшее лицо искажено горем.

— Звуки земли беспорядочны и тусклы, — тихо, с внезапной усталостью проговорил он. — И так на много миль вокруг. Шаги врагов еле слышны. Зато очень громок цокот конских копыт. Мне показалось, что я слышал его уже, когда спал: кони неслись на запад. Однако теперь они потянулись прочь от нас, на север. Дорого бы я дал, чтобы узнать, что здесь происходит!..

— …Идем! — позвал Леголас.

Так начался третий день погони. Палило солнце; набегали облака, и снова лился с неба жар, но Охотники не останавливались, двигаясь быстрым шагом, порой переходя на бег; казалось, усталости не под силу затушить сжигающий их огонь. Говорили они редко. Они шли безлюдной

равниной, и эльфийские плащи, сливаясь с серо-зеленой травой, делали Охотников совершенно незаметными. Часто возносили они в мыслях хвалу Владычице Лориэна и за другой ее дар: достаточно было на бегу проглотить несколько кусков лембаса, чтобы полностью восстановить силы.

Весь день след врагов вел их на северо-запад, не прерываясь и никуда не сворачивая. Когда день вновь стал клониться к вечеру, Охотники достигли длинных безлесных откосов; земля вздыбилась, образовав далеко впереди гряду пологих горбатых холмов. След орков становился всё менее заметным — земля твердела, трава укорачивалась. Слева шумела вдали Энтица: серебристая нить в зеленой оправе. Ничто не двигалось. Арагорн часто удивлялся, что по дороге им не встречалось следов ни зверя, ни человека. Селения роандийцев большею частью лежали на юге, в лесистых предгорьях Белых Гор, скрытых сейчас облаками и туманами; однако в старину Властители Коней держали в этих местах огромные табуны, а с конями кочевали табунщики, даже зимой жившие в походных шатрах. Теперь же здесь царило запустение, и висела над восточными землями предгрозовая тишина.

***

В сумерки Охотники снова остановились. Дважды двенадцать лиг прошли они по равнинам Роханда, и стена Эмин-Муиля затерялась далеко в тенях Востока. Тускло светила в мглистом небе молодая луна, но свет этот не освещал дороги; звезды затянула облачная пелена.

— Теперь я еще более против остановки или отдыха, — сказал Леголас. — Орки бегут так, словно их Саурон подгоняет огненными бичами. Боюсь, они уже добрались до леса и даже сейчас продолжают идти вперед.

Гимли заскрипел зубами.

— Жестокий конец нашим надеждам и нашему пути! — простонал он.

— Надеждам — возможно, но не пути, — возразил Арагорн. — Мы не вернемся назад. Однако я устал, — он окинул взглядом пройденный путь. — Происходит что-то странное. Я не доверяю тишине. Я не доверяю даже луне. Звезды тусклы; и я устал как никогда. Чья-то воля придает силы нашим врагам и возводит невидимую преграду перед нами: усталостью, поразившей сердце и душу более, чем тело.

— Истинно так! — воскликнул Леголас. — Я

знал об этом еще до того, как мы спустились со Стены. Лиходейская воля не позади, а впереди нас, — и эльф указал на запад, где под тонким серпом луны темнели Роандийские Равнины.

— Саруман! — пробормотал Арагорн, — Но он не заставит нас отступать. Сейчас мы остановимся, ибо даже луна ушла на отдых за тучи. Но с рассветом вновь двинемся к северу.

***

Как и прежде, Леголас поднялся первым, если вообще спал.

— Проснитесь! — вскричал он. — Солнце взошло! Неизвестность ожидает нас под пологом леса. На счастье или на беду — не знаю, но нас зовут. Проснитесь!

Арагорн и Гимли вскочили, и маленький отряд снова пустился в путь. Холмы приближались. За час до полудня друзья вступили на их пологие склоны и начали медленный подъем к голым вершинам, по которым пролег их путь на север. Земля под их ногами была иссушена, однако длинная полоса болотистой низины лежала между ни ми и рекой, текущей в глубине зарослей тростника и рогоза.

На запад от южного склона видна была боль-

шая круглая площадка вытоптанной травы. От нее след орков поворачивал к северу по сухому краю холмов. Арагорн остановился и внимательно изучил следы.

— Здесь они отдыхали, — выпрямившись, сказал он. — Но даже самый свежий след уже состарился. Боюсь, что твое сердце сказало правду, Леголас: трижды двенадцать часов минуло с тех пор, как орки ушли отсюда. Если они будут идти с прежней скоростью, то к закату завтрашнего дня достигнут границ Фангорна.

— Я не вижу ничего, кроме исчезающих в тумане трав, — сказал Гимли. — Увидим ли мы лес, поднявшись на вершину?

— Он всё еще далеко, — ответил Арагорн. — Насколько я помню, эти холмы тянутся на восемь лиг к северу, а затем сворачивают на северо — запад к истокам Энтицы. Это не менее пятнадцати лиг.

— Что ж, идем, — тихонько вздохнул Гимли. — Моим ногам снова придется забыть о расстояниях, и они сделали бы это с удовольствием, если бы не тяжесть у меня на сердце.

Когда маленький отряд подошел к окончанию гряды, солнце заходило. За день они ни разу не останавливались и теперь шли медленно; Гимли сутулился. В походах и работе гномы неутомимы,

однако эта бесконечная погоня начала сказываться и на нем: надежда умерла в его душе. За ним, молчаливый и мрачный, шел Арагорн; он то и дело останавливался, отыскивая следы. Только Леголас двигался так же легко, как прежде: ноги его едва касались травы, не оставляя следов. В эльфийском дорожном хлебе он находил всё необходимое и мог спать (если только это можно назвать сном), уходя в странные грезы, даже днем, когда шел с открытыми глазами.

— Давайте поднимемся вон на тот холм! — предложил он. Товарищи устало последовали за ним. Круглый холм, самый северный в гряде, стоял поодаль от других. Охотники остановились на вершине. Солнце зашло, и сумеречные тени окутали землю. Они были в сером бесформенном мире, огромном, безграничном, лишь далеко на северо-западе в меркнущем свете сгущалась тьма: то был Мглистый Хребет и лес у его подножья.

— Ничего не видно, — с досадой пробурчал Гимли. — Значит, опять останавливаться и пережидать ночь. — Он поежился. — Становится холодно!

— Ветер с ледников, — коротко объяснил Арагорн.

— К утру он станет восточным, — пообещал Ле-

голас. — А сейчас отдохните. И не отчаивайтесь. Утро вечера мудренее, а решения часто приходят с рассветом.

— Трижды вставало солнце с начала нашей охоты, но так и не принесло совета, — грустно возразил Гимли.

***

Ночь становилась всё холоднее. Арагорн и Гимли спали урывками, но, когда бы ни проснулись, они видели Леголаса, стоящего подле них или шагающего туда — сюда по вершине. Иногда эльф тихо напевал что — то на своем языке, и тогда казалось, что в нависшем над ними темном своде загораются звезды. Так прошла ночь. Вместе встретили они зарю. Медленно разгорался на безоблачном небе чистый рассвет. Восточный ветер унес прочь ночную мглу; перед друзьями лежали обширные земли, залитые ярким утренним светом.

К востоку простирались ветреные нагорья Роханда; на северо-западе гордо стояла темная стена Фангорна. До него было еще не менее десяти лиг; лес тянулся в предгорья, теряясь в серовато-голубой дымке. А над ним, словно плывя в облаках, мерцал далеко впереди Великий

Метэдрас — высочайший пик Мглистого Хребта. Навстречу Охотникам бежала Энтица, теперь узкая и быстрая, с густо заросшими берегами. К ней вел с холмов след орков.

Зорко вглядываясь в этот след, чтобы проследить его путь к реке и вдоль нее, Арагорн заметил дальнюю тень, быстро движущееся темное пятно. Он опустился наземь и напряженно прислушался. Возле него стоял Леголас, он вглядывался вдаль, заслонив глаза рукой, и видел не тень и не пятно, а много маленьких фигурок всадников и блеск утреннего солнца на остриях их копий. За ними клубилась пыль. В степи стояла тишина, и Гимли видел, как ветер гуляет в травах.

— Всадники! — вскричал Арагорн, вскакивая. — Много всадников мчится сюда!

— Да, — кивнул Леголас. — Чуть больше сотни. У них золотистые волосы, а наконечники копий сверкают подобно звездам. Их предводитель очень высок.

Арагорн улыбнулся.

— Зорки глаза эльфов! — сказал он.

— Нет! — отмахнулся Леголас. — Всадники всего в пяти лигах отсюда.

— Пять лиг или одна, — проговорил Гимли, — нам не укрыться от них на равнине. Будем

дожидаться их здесь или пойдем навстречу? — Подождем, — решил Арагорн. — Я устал, и охота наша кончена. Думаю, нас опередили: эти всадники возвращаются по следу орков. Мы сможем получить от них вести.

— …или удар дротиком, — проворчал под нос себе Гимли.

— Три коня скачут налегке, но хоббитов я не вижу, — заметил Леголас.

— Я не сказал, что мы услышим добрую весть, — ответил Арагорн. — Но что бы ни несла эта встреча — мы дождемся их здесь.

Трое друзей спустились с вершины, чтобы не стать слишком хорошей мишенью, и медленно пошли вниз по склону. Не доходя до подножия, они остановились и, завернувшись в плащи, уселись на блеклую траву. Медленно текло время. Дул пронизывающий ветер. Гимли охватило беспокойство.

— Знаешь ли ты что-нибудь об этих всадниках, Арагорн? — спросил он. — Не дождемся ли мы смерти?

— Я жил среди них, — задумчиво отозвался Арагорн. — Они горды и своенравны, но чистосердечны и благородны в помыслах и поступках; смелы, но не жестоки; мудры, но доверчивы;

слагают дивные песни, но не знают книг. Они живут, как жили люди до наступивших Черных Лет... Но я не знаю, что было с этой землей досле моего ухода, не знаю, изменились ли роандийцы, оказавшись между изменой Сарумана и угрозами Саурона. Долгие годы были они союзниками гондорцев, хотя родства между ними нет. В давние времена (никто не помнит толком когда) — Эорл Юный привел их с севера; род их близок Бардингам Дольским и Беорнингам Лихолесским — и до сих пор люди эти так же высоки и прекрасны, как были их предки. И, наконец, они ненавидят орков.

— Но Гэндальф говорил, что они будто бы платят дань Мордору, — сказал гном.

— Я верю этим слухам не больше, чем верил им Боромир, — твердо ответил Арагорн.

Наконец даже Гимли услышал звон копыт. Идя по следу, всадники повернули от реки и теперь приближались к холмам. Отряд мчался как ветер.

С равнины доносились звонкие чистые голоса. Они налетели подобно грому; предводитель свернул у подножия гряды и повел отряд на юг вдоль ее западных склонов: длинной вереницей скакали они, быстрые, в сверкающих кольчугах,

прекрасные и беспощадные.

Великолепные кони были сильны и выхолены: их серые шкуры сияли, развевались по ветру длинные хвосты и заплетенные в множество кос гривы. Всадники были под стать коням: высокие и стройные; из-под сверкающих шлемов выбивались льняные волосы, лица были суровы и непроницаемы. В руках роандийцы сжимали длинные ясеневые копья; спины всадников защищали расписные щиты, длинные мечи висели у пояса, сверкающие края кольчуг прикрывали колени. Они скакали по двое в ряд, но, хотя время от времени кто-нибудь из них поднимался в стременах и оглядывал окрестности, они не замечали троих странников, молча наблюдающих за ними. Отряд почти миновал Охотников, когда Арагорн вдруг выпрямился и громко спросил, выступая вперед:

— Что нового на Севере, Роандийцы?

***

С поражающей быстротой и ловкостью они остановили коней, повернули и закружились на месте, оглядываясь. Охотники оказались в кольце всадников, рыщущих по склону вокруг. Арагорн стоял молча, его спутники тоже не двигались,

ожидая, как повернутся события.

Внезапно, как по команде, всадники остановились. Лес копий окружил странников; несколько всадников подняли луки и приготовились спустить тетиву. Один из роандийцев, высокий юноша, много выше остальных, выехал вперед. На его шлеме развевался султан из белоснежного лошадиного хвоста. Всадник медленно наезжал на Охотников, пока копье его не коснулось груди Арагорна. Арагорн даже не шевельнулся.

— Кто вы и что делаете в этих местах? — спросил всадник на Всеобщем языке, с акцентом, похожим на акцент Боромира.

— Я зовусь Бродником, — ответил Арагорн. — Я северянин и охочусь за орками.

Всадник соскочил с коня. Отдав копье другому (тот подъехал, спешился и стоял теперь в стороне), он обнажил меч и встал перед Арагорном, глядя на него проницательно, но не без удивления.

— Сперва я подумал, что вы и есть орки, — сказал он наконец. — Но теперь вижу, что ошибся. Плохо же вы знаете орков, коли решились преследовать их таким образом! Они быстры и хорошо вооружены, и их много. Настигни вы их — вам самим пришлось бы стать дичью… Но мне многое

непонятно, Бродник, — он поднял на Следопыта ясные чистые глаза. — Твое имя… Так людей не зовут! И потом, откуда ты появился? Не выпрыгнул из травы?! Как тебе удалось спрятаться? Уж не эльф ли ты?

— Нет, — чуть усмехнулся Арагорн, — Но среди нас есть и эльф — Леголас из далекого Лихолесья… Мы прошли через Лотлориэн, и с нами — дары и милость его Владычицы.

Всадник взглянул на Следопыта со вновь вспыхнувшим удивлением, но взгляд его стал жестким.

— Значит, правду говорят предания, и Владычица Золотого Леса есть на самом деле! — проговорил он. — Немногим удается спастись из ее сетей — так поется в песнях… Странные времена настали! Но если вам дарована ее милость, значит, вы тоже колдуны. — Неожиданно он обернулся к Леголасу и Гимли, окинув их холодным взглядом. — Почему вы молчите, чужестранцы?

Гимли поднялся, твердо расставив ноги: рука его сжимала рукоять боевого топора, темные глаза пылали.

— Назови свое имя, Хозяин Коней, а я назову свое, — гном мрачно улыбнулся. — И мы побеседуем.

— Странник должен первым называть себя, — Всадник пристально поглядел на гнома сверху вниз.

— Что до меня, то я Йомер, сын Йомунда, третий Маршал Роандийской Марки.

— Что ж, Йомер, сын Йомунда, Третий Маршал Роандийской Марки, позволь гному Гимли, сыну Глоина, предостеречь тебя от глупых речей. Ты дурно говорил о том, что прекраснее самых прекрасных грез, и лишь недостаток разума может извинить тебя.

Глаза Йомера сверкнули; среди роандийцев прошел злой шепот, и поднятые было копья снова опустились.

— Я разрублю тебя на куски, гном, — спокойно сказал Йомер.

— Он не один, — вмешался Леголас, вскидывая лук и мгновенно выхватив стрелу из колчана. — Ты умрешь прежде, чем нанесешь удар.

Йомер поднял меч; дело принимало дурной оборот. И в этот момент Арагорн, вскинув руку, встал между противниками.

— Прости, Йомер! — воскликнул он. — Когда ты узнаешь больше, ты поймешь, чем прогневил моих друзей. Мы не несем роандийцам беды. Не хочешь ли выслушать нас, прежде чем начать

битву?

— Хорошо, — проговорил Йомер, опуская клинок. — Но чужеземцы должны забыть о надменности, придя на землю Роханда в эти смутные дни. Назовите ваши истинные имена.

— Ответь мне сначала на один вопрос, — попросил Арагорн. — Кому ты служишь? Не друг ли ты Саурону, Черному Властелину Мордора?

— Я служу только Сеньору Марки князю Теодэну, сыну Тэнгела, — ответил Йомер. — Мы не слуги и не союзники Черному Властелину, хотя и не вступаем с ним в войну. Но если вы пришли от него — лучше вам покинуть эти земли. Беда подошла к границам Роханда, мы под угрозой, а ведь мы желаем только одного: свободы. Мы желаем жить, как жили всегда, оставаться собой и не подчиняться никаким властелинам, ни добрым, ни злым. В добрые времена мы привечали путников, но сейчас незваного гостя ждет суровый прием. Говорите же! Кому служите вы? По чьему приказу охотитесь вы за орками на наших землях?

— Я не служу никому, — сказал Арагорн, — но слуг Саурона я стану преследовать в любой земле. Немногие смертные знают об орках больше меня; и я не стал бы охотиться за ними таким образом, будь у меня выбор. Орки, которых мы преследо-

вали, похитили двух наших друзей. В такой беде, если у человека нет коня, он отправится в дорогу пешим и не станет спрашивать разрешения, чтобы идти по следу врагов. Не станет он считать и голов врага, кроме как мечом. Я не безоружен.

С этими словами он сбросил плащ. Блеснули эльфийские ножны, и ясный клинок Андуриля вспыхнул, подобно пламени, перед глазами роандийцев.

— Элендиль! — вскричал Арагорн. — Я Арагорн, сын Арафорна, Элессар Эльфкамень, Дунадан, наследник Исильдура, сына Элендиля Гондорского. Вот Меч, что был Сломан, и он откован вновь. Станете вы помогать мне, или станете чинить препятствия?! Выбирайте!

Гимли и Леголас в изумлении смотрели на Арагорна: таким они его еще никогда не видели. Казалось, он вырос, в то время как Йомер стал ниже; в его лице — лице живого человека — проступили властность и величие Каменных Королей. А глазам Леголаса на мгновение предстало белое пламя, подобно сияющей короне охватившее лоб Арагорна.

Йомер отступил, и благоговейный трепет отразился на его лице. Он опустил гордые глаза.

— Воистину странные времена, — прошептал

он. — Легенды становятся явью, а сны обретают плоть!

— Скажите мне, сьер, — обратился он к Арагорну. — Что привело вас сюда? И каков смысл пророчества? Давно пропал Боромир, сын Дэнэтора, отправившись на поиски разгадки, и конь, что мы ему дали, вернулся без седока. Какая судьба ждет нас?

— Вам предстоит выбор, — сказал Арагорн. — Передай это Теодэну, сыну Тэнгела: открытая война ожидает его, война на стороне Саурона или против него. Никто не может сейчас жить, как жил, и немногим дано оставаться собой. Но о великих событиях поговорим позже. Если удастся, я сам приду к князю. Сейчас я в великой нужде и прошу помощи или хотя бы вестей. Ты знаешь уже, что мы преследовали орков, похитивших наших друзей. Что ты можешь мне сказать?

— Что вам не надо продолжать преследование, — улыбнулся Йомер. — Орки уничтожены.

— А наши друзья?

— Мы не нашли никого, кроме орков.

— Очень странно, — покачал головой Арагорн. — Вы осмотрели поле битвы?

Там не было ничьих тел, кроме орочьих? Они маленькие, как дети, и одеты в серое.

— Там не было ни гномов, ни детей, — повторил Йомер. — Мы пересчитали убитых, забрали их оружие, а трупы собрали и сожгли. Таков наш обычай. — Он усмехнулся. — Угли, должно быть, еще дымятся.

— Мы говорим не о гномах и не о детях, — не выдержал Гимли. — Наши друзья — хоббиты!

— Хоббиты? — удивился Йомер. — А что они такое? Странное прозвание!

— Странное прозвание странного народа, — согласился Гимли. — Но нам они дороги. Кажется, вы в Роханде слыхали о пророчестве, потрясшем Минас-Тириф? В нем говорилось о полурослике. Хоббиты — это и есть полурослики.

— Полурослики! — рассмеялся всадник, стоявший рядом с Йомером. — Полурослики! Да ведь это всего лишь маленький народец старых песен и детских сказок! Где мы находимся: в легенде или на зеленых полях Роханда?

— И там, и там, — коротко глянул в его сторону Арагорн. — Ибо те, кто придет после нас, превратят в легенды наше время. Зеленые поля, сказал ты? Они могут стать легендой, хоть ты и скачешь по ним наяву.

— Время не ждет, — сказал Всадник, не обращая на Арагорна внимания, — нам надо торопиться.

Оставим этих чудаков, пусть себе тешатся фантазиями, или свяжем их и доставим князю.

— Спокойно, Эотэйн! — сказал Йомер на своем языке. — Оставь нас наедине.

Прикажи эореду собраться на равнине, и приготовьтесь: мы скоро выступаем.

***

Эотэйн с ворчанием отошел и стал объяснять что-то остальным. Вскоре они удалились, оставив Йомера наедине со странниками.

— Ты рассказываешь удивительные вещи, Арагорн, — задумчиво сказал юноша. — И, однако, это правда: народ Марки не лжет, и обмануть нас нелегко. Но ты сказал не всё. Не поведаешь ли ты теперь о своей миссии, чтобы я мог решить, что делать?

— Я вышел из Имладриса, как он был назван в пророчестве, много недель назад, — отвечал Арагорн. — Со мной был Боромир, сын Дэнэтора. Я отправился с ним в Минас-Тириф, чтобы помочь его народу в борьбе против Саурона. Но у Отряда, с которым я шел, были иные цели, и я не стану говорить о них. Вождем нашим был Гэндальф Серый.

— Гэндальф! — врскликнул Йомер. — Это имя

известно в Марке. Но должен предостеречь тебя: оно не ведет более к сердцу князя. Он был частым гостем в наших землях, и приходил, когда хотел: иногда часто, иногда — через много лет. И всегда он был провозвестником странных событий: глашатаем зла называют его сейчас.

После его последнего прихода этим летом у нас всё пошло не так. Начался раздор с Саруманом. До этого мы считали Сарумана нашим другом, но появился Гэндальф и предупредил, что в Исенгарде готовится война. Он сказал, что сам был пленником в Ортханке, ему едва удалось спастись, и он просит о помощи. Но Теодэн не стал его слушать, и чародей ушел. Не произносите имени Гэндальфа в присутствии князя! Он разгневан. Гэндальф взял лучшего из наших коней — Ночиветра. Он вожак всех табунов, и в его жилах течет кровь коня Эорла, знавшего язык людей. Семь дней назад Ночиветр вернулся, но гнев князя не утих: конь одичал и не подпускает к себе людей.

— Значит, он всё-таки нашел дорогу домой, — заметил Арагорн. — Далеко на севере расстался он с Гэндальфом. Но увы! Магу больше не ездить верхом. Он канул во тьму в Мории.

— Тяжкая весть, — склонил голову Йомер. — Тяжкая для меня и моих друзей.

Однако не для всех; ты убедишься в этом, если придешь к князю.

— Весть более горькая, чем могут предположить роандийцы, хотя скоро и им придется почувствовать всю ее тяжесть, — сказал Арагорн. — Но даже когда погибает вождь, остальные идут вперед. Мне пришлось вести Отряд. Мы прошли через Лориэн — хорошо бы тебе узнать правду о Золотом Лесе, прежде чем вновь заводить разговор о нем, — и спустились на много лиг по Великой Реке, до самого Рауроса.

Там пал Боромир — его убили те самые орки, которых вы уничтожили.

— Горьки твои вести, и одна горше другой! — вскричал в смятении Йомер. — Смерть эта — великое несчастье для Минас-Тирифа, да и для всех нас. Доблестный рыцарь! Он редко приезжал в Марку, ибо воевал на востоке, но я видал его. Он показался мне больше похожим на сыновей Эорла, чем на гондорцев; он мог бы стать великим вождем своего народа. Но мы не получали из Гондора известия о его смерти. Когда это случилось?

— Пошел четвертый день, как он погиб, — сказал Арагорн. — Вечером того же дня мы вышли в путь.

— Пешком? — изумился Йомер.

— Как видишь.

Глубокое восхищение вспыхнуло в глазах юноши.

— Прозвище Бродник не подходит тебе, сын Арагорна, — проговорил он. — Крылоногом я нарекаю тебя. Подвиг троих друзей должен быть воспет в каждом доме. Сорок пять лиг покрыли вы, а четвертый день еще не кончен. Доблестны потомки Элендиля!

Но, сьер, как ты посоветуешь мне поступить? Я должен возвратиться к Теодэну, и чем скорее, тем лучше. Я говорил с тобой осторожно при воинах. Мы действительно не воюем сейчас с Мордором, так как кое — кто, стоящий слишком близко к князю, подает ему трусливые советы; но война грядет. Нам нельзя забывать о давнем союзе с Гондором, и, если они бьются, наша честь велит помочь им: так говорю я и мои сторонники. Я охраняю Восточные земли Роханда, они под опекой Третьего Маршала Марки, и я увел отсюда все табуны и табунщиков, приказал им отойти за Энтицу; здесь не осталось никого, кроме стражи и разведчиков.

— Так вы не платите дани Саурону? — поинтересовался Гимли.

— Не платим и не будем платить, — глаза Йо-

мера вспыхнули. — Хотя мне известно об этих слухах. Несколько лет назад Черный Властелин пожелал получить наших коней. Но мы отказали ему: он использует их во ало. Тогда он послал сюда грабителей-орков, и они угнали столько, сколько могли, причем выбирали только черных. Их осталось лишь несколько. Всё это лишь разожгло нашу вражду к оркам.

Но сейчас наша главная забота — Саруман. Он объявил себя властелином этих земель, война между нами идет многие месяцы. Ему служат орки и волколаки — и люди-лиходеи. Он закрыл Роандийский Проход, и теперь мы осаждены и с запада, и с востока.

Трудно бороться с таким врагом; это коварный чародей, имеющий много обличий. Говорят, он появляется то здесь, то там в образе старика в плаще и капюшоне. Те, кто его видел, уверяют, что он очень похож на Гэндальфа… Шпионы его проникают сквозь любые преграды, а его птицы служат предвестниками беды для наших соседей. Не знаю, чем всё это кончится; сердце мое чует беду: кажется мне, что Его друзья не только в Исенгарде. Если ты придешь во дворец князя, то поймешь, о чём я говорю. Ты пойдешь, сьер? Или напрасны мои надежды, что ты послан мне на

помощь в час тревог и сомнений?

— Я приду, как только смогу, — проговорил Арагорн.

— Едем сейчас! — настаивал Йомер. — Наследник Элендиля придаст сил сыновьям Эорла в эти лихие дни. Как раз сейчас мои товарищи бьются на западе; я предчувствую, что битва эта обернется для нас бедой.

В этот поход к северу я отправился без дозволения князя, потому что в мое отсутствие охранять его дворец почти некому. Но разведчики донесли мне об орде орков, которая спустилась с Восточной Стены три ночи назад. И они сказали еще, что видели среди орды орков со знаком Сарумана. Решив, что произошло то, чего я боюсь более всего, — что между Ортханком и Барад-Дуром заключен союз, — я собрал свой эоред, воинов моего дома, и мы перехватили орков у самых границ леса на исходе ночи два дня назад. Мы окружили их и бились до вчерашнего вечера. Я потерял пятнадцать человек и двенадцать коней, потому что орков оказалось больше, чем мы рассчитывали. К ним подошло подкрепление из — за Великой Реки и из леса. Орки-великаны, все со знаком Белой Руки. Они сильнее и храбрее других.

И всё же мы их уничтожили. Но нас не было

слишком долго! Мы нужны и на Юге, и на Западе. Ты не едешь с нами? У нас есть свободные кони, и будет славная работа и Мечу, и Топору, и Луку — если твои друзья извинят мои опрометчивые слова о Владычице Леса. Я говорил, как говорят все в этих землях, и рад буду узнать правду.

— Благодарю за учтивую речь, — сказал Арагорн. — И сердце мое летит за тобой. Однако, пока остается хоть малая надежда, я не могу бросить друзей.

— Надежды не осталось, — возразил Йомер. — Твоих друзей нет у северных границ.

— Но их нет и позади. Далеко от Восточной Стены мы нашли доказательство, что по крайней мере один из них жив. Однако больше знаков нам не встречалось, а след орков ни разу не свернул в сторону, или мой опыт ничего не стоит.

— И как ты думаешь, что же сталось с твоими друзьями?

— Не знаю. Они могли быть убиты и сожжены; но ты уверяешь, что это не так, и я верю тебе. Остается думать, что орки спрятали их в Лесу до того, как вы их окружили. Можешь ты поклясться, что никто не спасся из ваших сетей таким образом?

— Клянусь, что ни один орк не вырвался из нашего кольца. Мы достигли леса раньше, и если

кому-то удалось уйти, то это был не орк, или он должен был владеть чарами эльфов.

— Наши друзья были одеты так же, как мы, — сказал Арагорн. — А нас вы не замечали, пока я не окликнул вас.

— Я совсем позабыл об этом, — признался Йомер. — Трудно быть уверенным в чём-нибудь среди стольких чудес. Они заполнили мир. Эльф и гном идут вместе по нашим степям; человек говорит с Владычицей Леса — и остается жив; в битву вступает Меч, что был сломан за много веков да того, как отцы наших отцов пришли в эти земли!.. Как же человеку в эти дни решать, что ему делать?!

— Как всегда, — спокойно сказал Арагорн. — Добро и Зло не изменились со времен Элендиля: и Добро остается Добром, кто бы ни нес его — эльф, гном или человек; и Зло остается Злом. Дело людей — различать их, как в Золотом Лесу, так и в своем доме.

— Верно, — согласился Йомер. — И у меня не осталось сомнений, как я должен поступить. Однако пока я не волен поступать, как хочу. Существует закон, запрещающий чужакам по своей воле бродить по Роханду, пока князь не дозволит им этого; а в нынешние дни бесконечных опас-

ностей закон стал еще более суров. Я приглашал вас последовать за мной по доброй воле; вы не согласились — и очень не по нраву мне битва троих против ста.

— Не думаю, чтобы ваш закон годился для подобных случаев, — холодно сказал Арагорн. — И я не чужак: я бывал не единожды в этих землях и сражался вместе с роандийцами, правда, под другим именем и в другом обличье. Тебя я не видел: ты слишком юн; но мне доводилось беседовать и с Йомундом, и с Теодэном, сыном Тэнгела. В былые дни ни один властитель не стал бы принуждать человека отказаться от поисков, подобных моим. Мой долг ясен — продолжать их. Решай же, сын Йомунда, выбор должен быть сделан. Помоги нам или позволь идти своим путем. Или попытайтесь задержать нас, как велит ваш закон. Боюсь только, что мало кто вернется тогда к вашему князю.

Йомер молчал, размышлял.

— Нам обоим надо торопиться. — Он прямо взглянул на Арагорна. — Мой отряд рвется к западу и ропщет, а твои надежды тают час от часу. Я выбрал. Вы свободны; более того, я дам вам коней. Об одном прошу: когда ваши поиски завершатся, вернитесь с конями в Медузэлд, дворец в Эдорасе, где правит князь Теодэн. Так вы покажете ему,

что я был прав. Я вверяю вам свою честь, а может быть, и жизнь. Не предайте меня!

— Никогда, — коротко ответил Арагорн.

***

Огромное удивление и множество косых взглядов вызвал у всадников приказ Йомера оставить свободных коней странникам; но только Эотэйн решился роптать в открытую.

— Может, и правильно вы решили дать коня этому гондорскому мужу, — сказал он. — Но слыхал ли кто-нибудь, чтобы роандийский конь достался гному?

— Не слыхал и не услышит, — заявил Гимли. — Можете не беспокоиться: я скорее пойду пешком, чем сяду на эту великанскую своевольную скотину. Быть посмешищем — нет уж, увольте!

— И всё же тебе придется ехать верхом, если ты не хочешь стать нам обузой, — сказал Арагорн.

— Ты можешь сесть позади меня, друг Гимли, — предложил Леголас. — Тебе не придется занимать у них коня, и смеяться над тобой не станут.

Арагорну подвели высокого темно-серого коня, и Следопыт вскочил в седло.

— Его зовут Хазуфель, — Йомер похлопал коня по шее. — Да принесет тебе удачу поездка на

нем!

Леголасу досталась лошадь поменьше, но норовистая и горячая. Звали ее Арод. Эльф попросил снять с нее седло и уздечку.

— Мне они не нужны, — проговорил он, легко вспрыгивая ей на спину. Ко всеобщему удивлению, Арод тотчас успокоилась и послушно поворачивалась на месте: таково было действие эльфийских светлых чар на всех живых существ. Гимли взгромоздился на круп позади друга и вцепился в его пояс не слабее, чем когда-то Сэм в борта лодки.

— Прощайте, и пусть удача сопутствует вам! — крикнул Йомер. — Возвращайтесь, как только сможете: я хочу, чтобы наши мечи сверкали рядом!

— Я приду! — ответил ему Арагорн.

— И я! — эхом откликнулся Гимли. — Разговор о Владычице Галадриэли не кончен. Мне всё же хочется научить тебя вежливости!

— Посмотрим! — рассмеялся Йомер. — Столько невероятного произошло сегодня, что восхваление Прекрасной Дамы под ударами топора влюбленного гнома не покажется мне чудом. Прощайте!

И они расстались. Роандийские кони были

стремительны, как ветер. Когда немного погодя Гимли оглянулся, отряд Йомера почти скрылся из глаз. Арагорн не оглядывался: он ждал появления следа и высматривал его, низко пригнувшись на скаку к шее Хазуфеля. Вскоре они подъехали к Энтице и здесь нашли след второй орды, о которой говорил Йомер; он вел с восточных нагорий.

Арагорн спешился и осмотрел землю, затем отъехал немного к востоку, стараясь не затоптать следов. Потом вновь спешился и еще раз внимательно обследовал землю.

— Мало что удалось узнать, — проговорил он, подъезжая к спутникам, — Главный след затоптан всадниками. Однако восточный ясен и свеж. Ни один след не возвращается к Андуину. Теперь мы поедем медленно: надо убедиться, что следы не расходятся. Орки наверняка знали о погоне и могли отослать пленников раньше, чем орду настигли.

***

Во время их скачки день омрачился. Низкие серые облака затянули небо до горизонта; солнце окутала мгла. Совсем рядом неясно темнели в сумеречном свете лесистые холмы Фангорна. Следы не расходились; тут и там валялись мертвые

орки, пронзенные серыми стрелами.

Миновал полдень, когда друзья въехали под полог леса и обнаружили подле самой опушки выжженную прогалину; угли огромного костра были еще теплыми и дымились. Рядом были свалены шлемы, кольчуги, сломанные копья, изузбренные мечи — все орудия войны. Посредине на столбе висела огромная голова тролля, на ее разбитом шлеме можно было разглядеть знак Белой Руки. Поодаль, близ реки, был насыпан курган. Сверху лежали пятнадцать копий.

Арагорн и его товарищи обшарили всё поле битвы, но свет поблек; спустился туманный вечер. Близилась ночь, а они так и не нашли следов Мерри и Пина.

— Больше ничего сделать нельзя, — печально сказал Гимли. — Много загадок разгадали мы с тех пор, как приплыли к Тол-Брандиру, но эта нам не по зубам. Думаю, кости хоббитов смешались в огне с костями орков. Тяжкая весть для Фродо, если он когда-нибудь узнает ее; тяжкая весть для старого хоббита, оставшегося в Светлояре. Эльронд был против их ухода.

— Но Гэндальф был за, — заметил Леголас.

— Гэндальф сам выбрал Путь и погиб первым, — отмахнулся Гимли. — Дар провидения

изменил ему.

— Гэндальф провидел опасности Похода, — возразил Арагорн. — Но есть пути, которыми надо идти, даже если впереди ждет Тьма… А с этого места мы еще не уходим. Подождем утра.

Отойдя от пожарища, они разбили лагерь под раскидистым деревом: оно походило на каштан, и ветви его, покрытые жухлой прошлогодней листвой, были словно сухие руки с длинными скрюченными пальцами; они трещали под ночным ветром. Гимли била дрожь. У каждого из них было всего по одному одеялу.

— Давайте разожжем костер, — взмолился гном. — Я больше не могу, холод — самый страшный враг. И пусть орки слетаются сюда хоть со всего леса!

— Если несчастные хоббиты заблудились, огонь привлечет их сюда, — добавил Леголас.

— Он может привлечь сюда и кое-кого еще, — проговорил Арагорн. — Мы сейчас у границы владений Сарумана, да еще на опушке Фангорна. Говорят, опасно трогать деревья этого леса.

— Роандийцы развели здесь вчера огонь до неба, — не сдавался Гимли. — Рубили же они для этого деревья. И однако ушли отсюда живыми.

— Их было много, — Арагорн говорил с гномом,

как с упрямым ребенком, — и они не боялись духов Фангорна, потому что редко бывают здесь; а кроме того, они не заходили под деревья. Наш же путь ведет в самую чащу. Так что будь осторожен! Берегись тронуть живые деревья.

— Я и не собираюсь, — неожиданно улыбнулся Гимли. — Всадники оставили после себя довольно всякого хвороста. — С этими словами он поднялся и, набрав хвороста, занялся разведением костра; Арагорн сидел молча, прислонясь к огромному стволу, погруженный в раздумья; Леголас же в одиночестве стоял на краю чащи и, подавшись вперед, вглядывался в глубокую тень леса, словно прислушиваясь к доносящимся издали голосам.

Когда запылал небольшой, но яркий костер, друзья тесно уселись кругом, чтобы скрыть его свет от посторонних глаз.

Леголас взглянул на раскинувшиеся над ними ветви.

— Смотрите! — удивленно проговорил он. — Дерево радо огню!

Скользящие, пляшущие тени обманывали глаз, однако друзьям и вправду показалось, что ветви потянулись к костру, а увядшие, закоченевшие листья трутся друг о друга, словно много маленьких замерзших рук, наконец-то почуявших

тепло.

Настала тишина; темный, неведомый лес, стоящий вокруг, внезапно навис над ними, полный зловещих, мрачных дум. Немного помолчав, Леголас заговорил снова.

— Владыка Целеборн предостерегал нас от того, чтобы заходить в Фангорн. Ты не знаешь, почему, Арагорн?

— Я слышал много историй о нем, и в Гондоре, и за его пределами, — отвечая, усмехаясь, Арагорн, — но если бы не слова Целеборна, я бы счел их сказками, которые люди слагают обо всем, чего не знают. Я собирался спросить у тебя, где тут правда. Но если уж лесной эльф не знает этого, что может сказать человек?

— Ты бродишь по свету много лет, — сказал Леголас. — Я же впервые покинул Лихолесье, а там сохранилось лишь несколько песен об этих местах. В них поется о племени Онодов (люди называли их Энтами) — древолюдей, живших здесь в давние времена; ибо Фангорн стар, так стар, что лишь эльфы помнят его молодым.

— Да, он стар, — согласился Арагорн. — Так же стар, как Вековечный Лес, но куда обширней. Эльронд говорил, что и тот, и другой — последние оплоты могучих лесов Предначальной Эпохи, по

которым странствовали Перворожденные, когда Люди были еще в колыбели. Однако в Фангорне скрыта какая — то тайна; какая — не знаю.

— А я — так и не стремлюсь узнать, — вставил Гимли. — Не желаю касаться здешних дел!

Они бросили жребий — сторожить первым выпало Гимли. Двое его товарищей улеглись. Мгновенье Арагорн еще боролся со сном.

— Гимли, — сонно вымолвил он. — Помни, что опасно срубить хоть сучок в Фангорне! Но, когда будешь искать хворост, далеко не отходи. Пусть лучше погаснет костер. Если что случится, сразу буди меня! — и провалился в сон.

Леголас уже лежал неподвижно, со сложенными на груди руками и открытыми глазами, незаметно уйдя в мир эльфийских грез. Гимли, сгорбившись, сидел у костра, задумчиво водя большим пальцем по лезвию топора. Потрескивало дерево. Ниоткуда не доносилось ни звука.

Внезапно гнома точно что-то толкнуло; он вскинул глаза — в круге света, опираясь на посох, стоял старик в сером плаще; его широкополая шляпа была надвинута на глаза. Гимли вскочил, слишком пораженный, чтобы кричать, хотя и понял сразу, что их обнаружил Саруман.

Но Арагорн и Леголас, разбуженные его резким

движением, уже поднялись. Старик молчал и не шевелился.

— Скажи, отец, чем мы можем служить тебе? — осведомился Арагорн. — Вот костер… Садись, грейся… — Он шагнул вперед, но старик исчез. И сколько они ни искали, следов его найти не удалось.

Вдруг Леголас вскрикнул:

— Кони! Наши кони!!

Коней не было. Они вытащили колышки и умчались. Некоторое время друзья молчали, потрясенные новым ударом злой судьбы. Они были одни под пологом Фангорна, и бесконечное число лиг разделяло их и роандийцев — единственных их друзей в этой жуткой и опасной земле. В тишине им показалось, что издалека доносится ржание коней. И снова всё стихло, только леденящий ветер свистел в кронах деревьев.

— Вот и всё, — наконец сказал Арагорн. — Коней нам не поймать; если они не вернутся сами, мы не сможем ничего сделать. Мы начали путь пешими, так и закончим его.

— Пешими!.. — проворчал Гимли, — Не можем же мы на ходу откусывать кусочки собственных ног! — он подкинул хворосту в костер и безнадежно опустился рядом.

— Всего несколько часов назад кое-кто не желал даже глядеть на роандийских коней! — расхохотался Леголас. — Ты стал настоящим всадником!

— И, кажется, напрасно, — не поворачивая головы, пробурчал гном.

— Если вам интересно знать мое мнение, — заговорил он немного погодя, — то я думаю, что это был Саруман. Больше некому. Помните слова Йомера? «Он появляется в обличьи старика в плаще и капюшоне», — так он сказал. Чародей увел или спугнул наших коней — и вот мы сидим здесь… То ли еще будет, попомните мои слова!

— Я запомню, — пообещал Арагорн. — Но я запомню и то, что у этого старика была на голове шляпа, а не капюшон. И всё же я не сомневаюсь, что твоя догадка верна и что нас здесь на каждом шагу подстерегает опасность. Однако сейчас мы не можем сделать ничего лучшего, чем отдохнуть — кто знает, когда придется спать в следующий раз? Я додежурю за тебя, Гимли. Сейчас размышления мне полезнее, чем самый крепкий сон.

Медленно тянулась ночь. За Арагорном встал на стражу Леголас, затем опять настал черед Гимли… Но ничего не произошло. Старик не появлялся более. Кони так и не вернулись.

Глава 3
Боевые Урук-Хай

Пин был в черном беспокойном забытьи: ему чудилось, что тонкий его голос эхом отдается от стен мрачных проходов, взывая: «Фродо! Фродо!». Но вместо Фродо сотни отвратительных орочьих рож выступали навстречу ему из теней, сотни ужасных рук вцеплялись в него… Где же Мерри?

Он очнулся. Холодный воздух дохнул в лицо. Он лежал на спине. Близился вечер, и небо медленно затягивала мгла. Пин повернулся и понял, что сон если и был страшнее яви, то ненамного. Его запястья и лодыжки стягивала веревка. Рядом лежал Мерри — бледный, с грязной повязкой на лбу. Вокруг расположились орки.

Голова у Пина раскалывалась, однако постепенно бессвязные кусочки воспоминаний собирались воедино; тени сна более не затемняли их. Ну конечно: они с Мерри бежали в лес. Что напугало их? Почему они кинулись в чащу, не помня себя и напрочь забыв о наказах Бродника? Они бежали и вопили от страха — сейчас Пин не мог бы сказать, долго ли продолжался этот ужас

— и внезапно влетели прямехонько в отряд орков: те прислушивались к чему-то и не заметили бы Мерри и Пина, не окажись хоббиты сами в их лапах. Орки радостно взвыли, и множество других высыпало из леса. Хоббиты обнажили мечи, однако орки драться не пожелали и старались только схватить друзей, даже когда Мерри отсек нескольким их мерзкие лапы. Славный старина Мерри!

Потом появился Боромир, и оркам пришлось принять бой. Многих гондорец убил, остальные удрали. Но недалеко — не успели они тронуться в обратный путь, как на них снова напали — сотня орков, не меньше, да какие великаны! Они обрушили на Боромира дождь стрел. Боромир протрубил в рог, и ответно запел лес, и орки растерялись и отступили; но никто не пришел, и орда напала опять — еще яростней, чем прежде. Последнее, что запомнилось Пину, был Боромир: прислонившись к стволу дерева, он пытался выдернуть из груди стрелу. Потом наступила тьма.

«Похоже, мне врезали по голове, — сказал себе хоббит. — Интересно, тяжело ли ранен бедняга Мерри? Что сталось с Боромиром? Почему орки не убили нас и куда они нас тащат?»

Ответить на эти вопросы Пин не мог. Он за-

мерз, его подташнивало. «Хотел бы я, чтобы Гэндальфу не удалось уговорить Эльронда в тот день, — слабо шевелились мысли в его больной голове. — Какой от меня был прок? Никакого, один вред: не спутник, а обуза, поклажа. А теперь вот стал поклажей для орков. Бродник! Вызволи нас! Ну не глуп ли я?! Ведь это разрушит все планы! Нет уж, коли освобождаться — так самим!»

***

Он пошевелился. Один из сидящих рядом орков рассмеялся и сказал что — то приятелям на своем отвратительном языке.

— Отдыхай, пока можно, дурачок! — сказал он Пину на Всеобщем наречии, уродуя его до неузнаваемости. — Отдыхай, пока можно! Скоро твоим ножкам придется поработать! И заруби себе на носу — больше отдыхать не придется, пока не дойдем до места.

— Если бы я сделал, как хотел, ты бы давно был мертвецом, — вмешался другой орк. — Я заставил бы тебя попищать, крыса ты несчастная! — он подступил к Пину, приблизив желтые клыки к лицу хоббита. В руке орк держал кривой нож. — Лежи смирно, иначе пощекочу тебя вот этим! — прошипел он. — Не надоедай мне, а не

то я забуду, что мне было приказано. Проклятые исенгардцы! Углюк у багронкша пушдаг Саруман глоб бубхош скай, — перешел он на свой язык. Слова его скоро потонули в брюзжании.

Перепуганный Пин лежал тихо, хотя веревки всё глубже врезались в его тело, причиняя сильную боль; к тому же спиной он лежал на острых камнях. Однако он заставил себя не думать о собственных муках, внимательно прислушиваясь ко всему, что мог услышать. Вокруг было шумно, и хотя орки всегда разговаривают злобно, ему постепенно стало ясно, что разгорается ссора.

К удивлению Пина, он заметил, что понимает почти всё: многие орки пользовались Всеобщим наречием. Очевидно, здесь собрались орки двух, а то и трех орд, не понимающие наречий друг друга. Злой спор разгорался вокруг двух вопросов: какой путь выбрать и что делать с пленниками.

— Убивать их нам некогда, — заявил один, — Нет времени на пытки.

— Почему бы не прикончить их без пыток? — возразил другой. — Они только обуза для нас, а мы спешим. Приближается вечер, пора выступать.

— Приказ, — гулко прорычал третий голос. — Убивайте всех, но не полурослико: они должны быть здесь как можно быстрее — и живые. Вот

что мне приказано.

— А для чего они нужны?.. — загалдели остальные. — Почему живые?.. Чтоб позабавиться?..

— Нет! Слыхал я, у них есть что — то, очень нужное для Войны… Допрашивать, во всяком случае, будут обоих.

— И это всё, что ты знаешь?! Почему бы нам не обыскать их самим? Может, то, что у них есть, сгодится и нам?

— Весьма важное замечание, — глумливо протянул новый голос — мягче, чем другие, но более жуткий. — Об этом будет доложено… Пленников нельзя ни обыскивать, ни грабить: таков приказ, что я получил.

— И я, — поддержал его гулкий голос. — Живыми и неограбленными — вот что было приказано мне.

— Но не нам! — возмутился один из прежних голосов. — Мы шли из Копей, чтобы мстить и убивать. Мы хотим убить и вернуться на Север.

— Можете хотеть сколько угодно, — прорычал голос. — Я Углюк. Здесь командую я. И я возвращаюсь в Исенгард кратчайшей дорогой.

— Саруман не стал еще Господином Великого Глаза, не так ли? — промурлыкал зловещий голос. — Нам надо возвращаться в Лугбурз.

— Если бы мы могли переправиться через Великую Реку, — вздохнул кто-то. — А сейчас нас слишком мало, чтобы соваться к мостам.

— Я пойду и вброд, — ответил на вздох орк с жутким голосом. — Крылатый Назгул ждет нас на том берегу.

— Очень может быть! Значит, ты уйдешь с нашими пленниками за славой и почестями, а нам топать через роандийские равнины за смертью? Нет уж, пошли вместе! Слишком жуткие здесь места!

— Да, мы пойдем вместе, — прорычал Углюк, — не верю я тебе, маленькая свинья. Впрочем, можете убираться! Мы — боевые Урук-Хаи! Мы убили большого воина! Мы захватили пленников! Мы служим Саруману Мудрому, Белой Руке: Руке, что кормит нас человечьим мясом. Мы вышли из Исенгарда и возвратимся туда, а вы пойдете той дорогой, которую укажем мы. Это говорю я, Углюк.

— Ты сказал более чем достаточно, — с издевкой протянул жуткий голос. — Интересно, что скажут на это в Лугбурзе? Они могут решить, что голова Углюка слишком тяжела для его плеч. Или поинтересоваться, откуда взялись в ней такие странные мысли. Не от Сарумана ли? Кем он

почитает себя? И они согласятся со мной, своим посланцем; а я, Гришнакх, скажу тебе так: Саруман дурак и грязный предатель. Но Великий Глаз давно следит за ним.

Уж не его ли ты назвал свиньей? Нет? Значит, нас... По нраву ли вам, ребята, что нас, урхов, называют свиньями золотари мелкого грязного чародеишки? Уверен, они кормятся орочьим мясом.

Ответом ему был вой множества голосов и лязг оружия. Пин осторожно продвинулся вперед, надеясь увидеть, что произойдет дальше. Его стражи ринулись в драку. В сумеречном свете хоббит разглядел большого черного орка — он сразу решил, что это Углюк, — стоявшего нос к носу к Гришнакхом, приземистым кривоногим созданием, очень плотным и длинноруким — руки его свисали до земли. Предводителей окружали орки поменьше. Пин подумал, что это пришельцы с Севера. Мечи их были обнажены, но нападать на Углюка они не решались.

Углюк коротко вскрикнул, и за его спиной стали орки, такие же, как он сам. Внезапно Углюк бросился вперед и двумя быстрыми движениями обезглавил двух противников. Гришнакх отступил в тень. Остальные подались в стороны, а

один, отступая, споткнулся о тело Мерри и упал. Это спасло ему жизнь: преследователи проскочили мимо, и ятаганы их обрушились на другого. Этим «другим» оказался клыкастый страж. Он рухнул на Пина, даже в смерти не выпустив из рук ножа.

— Спрячьте оружие! — скомандовал Углюк. — И не делайте больше глупостей. Сейчас мы двинемся на запад — к спуску. Оттуда по равнине, вдоль реки и в лес. Идти будем день и ночь. Ясно?

«Теперь, — подумал Пин. — Если этот молодец еще немного повоюет со своей ордой, я рискну». Огонек надежды вспыхнул в нем. Клинок черного кинжала коснулся его ладоней, чиркнул по запястьям… Он почувствовал, как по рукам его течет кровь, ощутил холодок стали.

Орки собрались выступать, но некоторые северяне до сих пор не хотели идти, и исенгардцам пришлось прикончить еще двоих, пока остальные не подчинились. Было много ругани и неразберихи. За Пином не следили. Ноги его были крепко спутаны, а руки — связаны впереди. Он мог шевелить ими, хотя путы и были крепки. Пин сбросил мертвеца, затем, едва дыша, провел несколько раз руками по клинку. Веревка упала! Пин быстро схватил ее, обернул вокруг запястий

и улегся, притворившись спящим.

— Давайте сюда пленников! — распорядился Углюк. — Да не вздумайте чего-нибудь сотворить с ними! Если они не дойдут до места, все вы отправитесь к праотцам вслед за ними.

Орк схватил Пина, просунул голову между его связанными руками — и хоббит повис, упираясь лицом в шею «носильщика», а орк затрусил прочь со своей ношей. Другой проделал то же самое с Мерри. Когтистая лапа орка сжимала руки Пина железным кольцом, когти врага впивались в шею. Пин закрыл глаза и забылся тяжким сном.

Вдруг его снова сбросили наземь. Ночь только началась, но молодая луна уже клонилась к западу. Они находились на гребне утеса, что, казалось, плыл в туманной мгле. Где-то внизу журчала вода.

— Разведчики вернулись, — сипло сказал рядом какой-то орк.

— Что вы обнаружили? — прорычал Углюк.

— Одного всадника, да и тот поехал к западу. Всё спокойно.

— Сейчас — возможно. Но надолго ли? Болваны! Надо было убить его. Он поднимет тревогу. Проклятые табунщики уже к утру узнают о нас. Придется уйти вдвое быстрее.

Над Пином склонилась тень и обернулась Углюком.

— Сядь! — приказал орк. — Мои ребята устали тащить вас. Придется поработать ногами. Будь умником. Не кричи и не пробуй бежать. Мы умеем расплачиваться с обманщиками, и плата не будет тебе по вкусу.

Он перерезал путы на ногах Пина, схватил его за волосы, тряхнул и поставил. Пин упал, и Углюк снова поднял его. Несколько орков рассмеялись. Углюк просунул горлышко фляги меж стиснутых зубов хоббита и влил ему в горло какую-то огненную жидкость: Пину показалось, что раскаленный прут пронзил его внутренности. Но боль в ногах исчезла. Он мог стоять.

— Теперь займемся следующим! — удовлетворенно хмыкнул Углюк, направился к лежащему неподалеку Мерри и пнул его ногой. Мерри застонал. Грубо схватив, Углюк посадил его и сорвал повязку с его головы. Затем смазал рану каким-то темным снадобьем из маленькой деревянной коробки. Мерри вскрикнул и забился.

Орки захлопали и загалдели.

— Не нравится лечение, — глумились они. — А того не знает, что ему это на пользу. Ну и повеселимся сейчас!

Однако Углюку было не до веселья. Он торопился и не был расположен потешать орду. Он лечил Мерри по-орочьи, и знахарство действовало быстро. Углюк влил в горло хоббита глоток из своей фляги, разрезал веревки на ногах, встряхнул — и Мерри поднялся. Он был бледен, но смотрел на врагов с вызовом — словом, был жив. Глубокая рана на лбу более его не беспокоила, однако темный шрам пересекал лоб Мерри до конца его дней.

— Привет, Пин, — улыбнулся он. — Так ты тоже решил отправиться на эту прогулку? А где и когда мы будем завтракать?

— Довольно! — рявкнул Углюк. — Придержите языки! Разговаривать запрещено. После поговорите обо всём — и Он заплатит вам за каждое словечко. Тогда и завтрак получите, и теплую постельку… А сейчас — марш!

***

Орда двинулась вниз узким ущельем — оно вело на туманную равнину. Пин и Мерри, разделенные по меньшей мере дюжиной орков, спускались вместе со всеми. У подножия они шагнули в траву, и сердца хоббитов забились сильнее.

— Вперед! — скомандовал Углюк. — На запад и

чуток к северу. Следуйте за Лугдушем.

— А что будем делать, когда взойдет солнце? — спросил один из северян.

— Продолжать путь, — сказал Углюк. — А ты как думал? Сидеть на травке и дожидаться погони?

— Но мы не сможем бежать днем.

— Побежите, если сзади буду я, — мрачно усмехнулся Углюк. — Вперед, если хотите вернуться в свои обожаемые горы! Клянусь Белой Рукой! Что пользы вспоминать о горах, когда путь только начат? Вперед, чума на ваши головы! Бегите хотя бы пока длится ночь!

И орда вновь пустилась бежать длинными тяжелыми прыжками. Они двигались в беспорядке, толкаясь, давясь и ругаясь, однако двигались быстро. Каждого хоббита охраняло трое орков. Пин бежал последним. Его очень интересовало, сколько времени он сможет выдержать эту гонку: он не ел с утра. У одного из своих стражей он заметил бич… Однако огненный бальзам Углюка действовал, и Пин пока держался.

И всё время, непрошенное, стояло перед ним видение: энергичное лицо Бродника, склоненного над темным следом, преследующего орду. Но что мог разглядеть даже Следопыт в мешанине

следов? Маленькие следы его и Мерри были затоптаны орками.

Они отошли от хребта всего на лигу, когда равнина полого спустилась в сырую низину. Там лежала мгла, туман слабо серебрился под последними лучами заходящей луны. Темные фигуры орков впереди расплылись, а затем и вовсе пропали.

— Эй! Осторожнее там! — прорычал сзади Углюк.

Внезапная мысль пришла Пину в голову. Он резко свернул вправо и, ускользнув от когтей стражника, нырнул в туман и упал в траву.

— Стой! — взвыл Углюк.

Минутное замешательство. Пин вскочил и помчался прочь. Но орки шли за ним по пятам, и несколько их вынырнуло из тумана впереди.

«Не спастись, — обреченно подумал Пин. — Но я ведь могу оставить незаметный след друзьям!» — от этой мысли ему стало легче. Связанными руками он быстро отстегнул пряжку плаща и, когда жесткие когтистые лапы схватили его, уронил ее наземь. «Здесь ей и лежать до скончания века, — подумал он, снова впадая в отчаяние. — Сам не знаю, зачем я это сделал. Если кто из отряда и уцелел, все они ушли с Фродо».

Свистнул бич; жуткая боль обожгла ноги. Пин пронзительно закричал.

— Хватит! — приказал, подбегая, Углюк. — Ему еще долго бежать, и бич послужит погоняльщиком — для обоих!

— Ты легко отделался… пока, — зловеще сказал он Пину. — Я ничего не забываю. Наказание лишь отложено, маленький мошенник. Вперед!

Ни Пин, ни Мерри не запомнили дальнейшего пути. Зловещие сны безрадостные пробуждения слились в длинную цепь страданий, а надежда давно осталась позади. Они бежали и бежали, стараясь не отстать от орков, то и дело подгоняемые свирепыми ударами бича. Если они падали и спотыкались, их подхватывали стражи и некоторое время тащили на себе.

Действие бальзама кончилось. Пин снова чувствовал тошноту, его шатало. Внезапно он свалился лицом в траву. Тяжкие лапы с раздирающими всё когтями схватили его и подняли. Снова его тащили, как мешок, и тьма сомкнулась над ним; и он не знал, была ли это тьма ночи или слепота поразила его.

Смутно слышался шум голосов: большинство орков требовало остановки. Рычал Углюк. Пин почувствовал, что его сбросили наземь, но про-

должал лежать, весь во власти черного забытья. Однако вскоре железное кольцо безжалостных лап вновь сомкнулось. Его долго трясли и толкали, и медленно рассеялась тьма, и он вновь оказался в реальном мире и увидел, что уже утро. Был отдан приказ, и его грубо толкнули в траву.

Так он и лежал, борясь с отчаянием. Голова кружилась, но по жару во всем теле он понял, что ему опять дали огненного бальзама. К нему подошел орк и протянул ломоть хлеба и кусок недоваренного мяса. Пин жадно проглотил черствый серый хлеб, но мяса есть не стал. Кто их знает, этих орков, может, оно человечье.

Он сел и огляделся. Мерри был неподалеку. Орда остановилась на берегу быстрой реки. Впереди вздымались горы: высокий пик ловил первые солнечные лучи. Темное пятно леса расплылось по пологим холмам.

Орки шумели и спорили: между северянами и исенгардцами вновь разгорелась ссора. Кто требовал возвращаться, кто — продолжать путь на запад.

— Отлично, отлично! — проговорил Углюк. — Оставьте их, ребята! Обойдемся без убийства. Если вам угодно разбрасываться тем, что мы берегли всю дорогу — что ж! Попытайтесь. А я погляжу.

Позвольте уж боевому Урук-Хаю закончить дело, которое он начал. Если вы боитесь погони — бегите! Ну же! Лес перед вами, — он указал на холмы. — Прячьтесь, ведь это единственное, чего вы хотите. Убирайтесь! Да поскорей, пока я добрый!

Орки еще немного пошумели, поругались, а потом большинство северян — около сотни — со всех ног припустили к горам. Хоббиты остались с исенгардцами: мрачной ордой не меньше чем из сорока орков — огромных, косолапых, вооруженных большими луками и короткими изогнутыми мечами. Несколько северян, покрупнее и посильнее прочих осталось с ними.

— Теперь займемся Гришнакхом, — проговорил Углюк; но многие из его спутников с беспокойством смотрели на юг.

— Проклятые табунщики обнаружили нас, — прорычал предводитель. — А всё ты виноват, Снага, уши надо отрубать таким разведчикам. Но мы — бойцы. Сегодня нас ждет ужин из конины, а может быть — и кое-что получше!

И в этот момент Пин понял, почему некоторые орки указывают на восток. Оттуда донеслись резкие вопли, и на орду налетел Гришнакх во главе отряда кривоногих и длинноруких урхов.

Изображение Багрового Глаза пылало на их щитах. Углюк выступил вперед.

— Вернулся всё-таки? — с насмешкой спросил он. — Так будет лучше, а?

— Я вернулся, чтобы убедиться, что Приказ выполнен и пленники живы.

— Они живы, — сказал Углюк. — Ты спешил напрасно. Я слежу за выполнением Приказа. А для чего еще ты вернулся? Забыл что-нибудь в пути?

— Забыл, — глумливо ответил Гришнакх. — Дурака. Но с ним были крепкие ребята, которых жаль терять. С тобой во главе они придут лишь к беде: ты способен лишь на то, чтобы провалить дело. Я вернулся помочь им.

— Прекрасно, — расхохотался Углюк, — у тебя есть силенки для драки, но тут тебе не устоять: ты выбрал не тот путь. Твоя дорога увела тебя в Лугбурз. Нас настигают всадники. Что сталось с твоим хваленым Назгулом? Подстрелили очередную лошадь? Встань на ее место — будет немалая польза. Неужто там не могли придумать ничего лучше этих тварей?

— Назгул, назгул, — повторил Гришнакх, облизывая трясущиеся губы, точно нечистый привкус этого слова причинял ему боль. — Ты заговорил о том, что гораздо выше твоего понимания,

Углюк, — сказал он. — Назгул! «Не придумали ничего лучше!» А! Когда-нибудь ты пожалеешь, что говорил о них так, образина! — прошипел он. — Пора бы тебе знать, что они — зеница Великого Глаза. Но Крылатые Назгулы… Он не позволяет им пока появляться по эту сторону Реки: они созданы для войны.

— Знаешь ты немало, — заметил Углюк. — Больше, чем тебе положено, думаю я. Возможно, в Лугбурзе этим заинтересуются. Но сейчас Урук-Хаи из Исенгарда, как обычно, делают грязную работу. Не распускай слюни! Собери свой сброд! Остальные свиньи попрятались в лесу. Лучше бы тебе последовать за ними. Живым к Великой Реке ты не вернешься: ты слишком хорошая мишень. Живо в лес! Я за тобой!

Исенгардцы схватили Мерри и Пина и взвалили их на плечи. Час за часом бежали они, останавливаясь только чтобы перекинуть хоббитов свежим носильщикам. То ли потому, что они были проворней, то ли по умыслу Гришнакха, но исенгардцы обогнали мордорских урхов, и отряд Врага сомкнулся позади них. Лес придвинулся ближе.

Пин был совершенно разбит. Больной головой он упирался в грязную щеку и волосатое ухо та-

щившего его орка. Прямо перед собой он видел согнутые спины и мелькающие толстые ноги: вверх-вниз, вверх-вниз, без отдыха, отбивая кошмарные мгновения бесконечного пути.

В полдень орда Углюка нагнала северян. Те сникли в ярком солнечном свете, хотя это были слабые лучи зимнего солнца; головы северян склонились, языки вывалились.

— Черви! — заржали исенгардцы. — Вы сварились? Табунщики пообедают вами. Они близко!

Вопль Гришнакха подтвердил, что это не пустые слова. Всадники скакали быстро, их было уже видно: еще далеко, но с каждым мгновеньем ближе — неотвратимо настигали они орков. Исенгардцы понеслись с удвоенной скоростью. Пин удивился. Ему казалось, что бежать быстрее, чем в прошлые часы, нельзя.

Потом он увидел, что солнце заходит; от Мглистого Хребта потянулись тени. Солдаты Мордора подняли головы и тоже побежали быстрее. Лес был темен. Они уже миновали несколько деревьев, земля взгорбилась, но орки не останавливались. Углюк и Гришнакх командовали теперь вместе, подгоняя орду.

«Вырвутся! Уйдут!» — думал Пин, И, рискуя свернуть шею, попытался оглянуться назад. Он

увидел, что на востоке Всадники уже нагнали орду и скачут теперь рядом с ней. Закат золотил их шлемы и копья, последние лучи запутались в светлых, развевающихся по ветру волосах.

Они зажимали орду, не давая оркам рассыпаться по равнине, гоня врагов вдоль реки.

Пин очень хотел бы узнать, что это за народ. Следовало бы в Светлояре больше слушать и запоминать, сказал он себе; но тогда Поход находился в надежных руках, и он не мог и помыслить, оказаться вдруг далеко от Гэндальфа или Бродника, а уж тем паче — от Фродо! Всё, что ему удалось припомнить о Роханде, — это что конь Гэндальфа, Ночиветр, был родом отсюда. Это вселяло надежду, правда, слабую.

«Откуда им знать, что мы не орки? — размышлял Пин. — Они о хоббитах, небось, и не слышали. Радоваться надо, что орков уничтожат, но не мешает подумать и о собственном спасении». Пин и Мерри рисковали быть убитыми вместе с похитителями еще до того, как роандийцы их заметят.

Несколько всадников оказались лучниками, искусно стреляющими на скаку. Они быстро обогнали орду и обстреляли бегущих впереди; несколько орков упало. Всадники развернулись

и ускакали прежде, чем враги успели выстрелить в ответ. Так повторялось много раз; стрелы косили исенгардцев. Упал и орк, бежавший перед Пином.

***

Надвинулась ночь, а битва так и не началась. Много орков погибло, но более двух сотен уцелело. В темноте они взошли на бугор. Опушка леса была совсем рядом, но двигаться дальше они не могли: всадники замкнули кольцо. Несколько орков нарушили приказ Углюка и побежали к лесу. Назад вернулись только трое.

— Вот к чему мы пришли, — съехидничал Гришнакх. — Надеюсь, Великий Углюк выведет нас из кольца?

— Полурослико́в — на землю! — велел Углюк, не обращая внимания на Гришнакха. — Лугдуш, возьми двоих и сторожите их. Убивать их нельзя, разве только нападут всадники. Понятно?! Пока я жив, они мне нужны. Но не позволяйте им кричать и шевелиться. Свяжите им ноги!

Приказ был безжалостно выполнен. Но Пин обрадовался: впервые за всё время они с Мерри были рядом. Орки так громко орали и гремели оружием, что хоббиты решились немного по-

шептаться.

— О побеге я и не думал, — сказал Мерри. — Я здорово вымотался. Будь я свободен, и то не смог бы убежать далеко.

— Лембас! — шепнул Пин. — У меня есть немного. А у тебя? Похоже, они не забрали ничего, кроме мечей.

— Сверток у меня в кармане, — отвечал Мерри, — но он, должно быть, раздавлен. И что толку — не могу же я сунуть рот в карман!

— И не надо. Я… — грубый пинок сообщил Пину, что шум утих и стражи не дремлют.

***

Ночь была холодной и тихой. Вокруг бугра, на котором собрались орки, вспыхнули золотистые огоньки костров. Они были на расстоянии полета стрелы, но всадники не показывались, и орки стреляли по кострам впустую, пока Углюк не остановил их. Всадники хранили молчание. Много позже, когда из тумана вышла луна, стали видны их смутные тени, слабо мерцающие в лунном свете, когда всадники объезжали дозором лагерь.

— Проклятье! Они дожидаются восхода! — прорычал один из стражей. — Почему мы не соберемся и не попытаемся прорваться? О чём

думает Углюк, хотел бы я знать?

— Узнаешь! — мрачно пообещал Углюк, выступая из темноты. — Думаешь, у меня совсем мозгов нет? Проклятье! Ты не лучше этого лугбурзского сброда. С ними нельзя объединяться. Они хоть сейчас предадут тебя и сбегут, и этой полусотни всадников вполне достанет, чтобы уничтожить всех нас. Один толк от этих червей — видят в темноте; но я слышал, что и Белокожие славятся средь людей острым зреньем. И не забудь об их конях! Говорят, что они способны увидеть ветер! Кой — чего, однако, эти бесстрашные вояки не знают: Маухур с отрядом прошел через лес и должен появиться с минуты на минуту.

Речь Углюка успокоила исенгардцев, но другие орки были удручены и в то же время возмущены. Они выставили часовых, и большая часть улеглась на отдых, радуясь темноте. Луна скрылась в густых тучах, и было так темно, что Пин не мог разглядеть собственных пяток. Свет костров до бугра не доходил. Однако всадники не собирались дожидаться рассвета и давать отдых врагам. Внезапный клич с восточных склонов всполошил лагерь: несколько рохандийцев, прокравшись мимо постов, закололи трех-четырех орков и скрылись. Углюк ринулся туда прекра-

щать панику.

Пин и Мерри приподнялись и уселись, помогая друг другу. Стражи их убежали вслед за Углюком. Но если хоббиты думали спастись, то надеждам их не суждено было сбыться — длинная волосатая лапа ухватила их за шиворот. Они смутно различили огромную голову Гришнакха; уродливое лицо приблизилось вплотную, зловонное дыхание обожгло щеки друзей. Он начал обшаривать и ощупывать их. Пин содрогнулся, когда сильные холодные пальцы коснулись его спины.

— Ну, малыши, — вкрадчиво прошептал Гришнакх, — нравится вам отдых? Нет? Немного неудобно, верно? Мечи и кнуты с одной стороны — копья и луки с другой… Нельзя маленькому народцу вмешиваться в дела больших — для него они слишком велики… — Пальцы его продолжали между тем свое дело. Бледным огнем светились глаза.

Внезапно Пину показалось, что он понял тайные помыслы врага. «Гришнакх знает о Кольце! Он ищет его, пока нет Углюка: значит, хочет забрать себе». Ледяной ужас сжал сердце Пина; но в то же время он решил извлечь пользу из алчности Гришнакха.

— Зря ты Его ищешь, — прошептал он. — Так

Его не найти.

— Найти Его? — удивился Гришнакх притворно; пальцы его остановились и сжали плечо Пина. — Найти — что? О чём ты говоришь?

Пин промолчал. Потом вдруг в темноте раздалось: «Голл, голл».

— Ни о чём, моя прелесть, — добавил Пин уже обычным голосом.

Хоббиты почувствовали, как дрогнули пальцы Гришнакха.

— О-хо! — проурчал урх мягко, — уж не это ли он имеет в виду? О-хо! Очень, оч-чень опасно, малыши!

— Возможно, — вмешался Мерри, разобравшись наконец в замыслах и поступках Пина. — Возможно, и не только для нас. Хочешь ты иметь Его дли нет? Чем заплатишь ты за него?

— Хочу ли я иметь Его? Хочу ли? — озадаченно протянул Гришнакх; но лапы его затряслись. — Чем заплачу я за Него? Что вы хотите сказать?

— Мы хотим сказать, — Пин тщательно подбирал слова, — что шарить в темноте очень неудобно. Мы могли бы сохранить тебе время и силы. Но сперва развяжи нас — без этого не услышишь ни слова.

— Милые мои дурачки, — нежно прошипел

Гришнакх, — всё, что у вас есть, и всё, что вы знаете, вы покажете и расскажете очень скоро — всё! Тогда вам придется пожалеть, что вы знаете слишком мало… даже если знаете всё. Мы не станем торопиться при допросах… О нет! Как вы думаете — зачем вам оставили жизнь? Уж поверьте, не из милосердия. Это даже не промах Углюка.

— Охотно верю, — сказал Мерри, — но ты пока еще не дома, и добыча твоя — пока еще не твоя. И не похоже, что станет твоей. Если мы попадем в Исенгард, Саруман заберет себе всё, что сумеет найти. И Великий Гришнакх останется с носом. Если хочешь взять что-то себе — бери сейчас.

Гришнакх начал терять терпение. Имя Сарумана распалило его. Время шло, паника утихала; Углюк со стражами должен был вот-вот появиться.

— Оно у вас? — прорычал он.

— Голл, голл, — ответил Пин.

— Развяжи нас! — потребовал Мерри. Лапы орка неистово тряслись.

— Грязные маленькие вши! — прошипел он. — Развязать вас? Да я скорее развяжу и завяжу все жилы в ваших телах! Вы не подумали, что я могу обыскать вас до костей? Развязать? Лучше я

изрублю вас в куски! Чтобы увести вас, помощь ваших ног не потребуется; я вас унесу сам, для себя — и со всеми потрохами!

Внезапно он подхватил их и зажал под мышками. Сила его длинных рук была ужасна. Лапами он зажал хоббитам рты. Затем крепко притиснул к себе и бесшумно прыгнул вперед. Он бежал тихо и быстро, покуда не достиг гребня холма. Там он прокрался меж часовых и нырнул во тьму, подобно зловещей тени — вниз по склону и к реке, что текла вдоль опушки. Там горел лишь один костер.

Отойдя ярдов на двенадцать, урх остановился и прислушался. Ничего не услышав, он вновь двинулся вперед со своей двойной ношей. Но в этот миг перед ним вырос всадник. Конь вздыбился и заржал. Человек поднял тревогу.

Гришнакх кинулся наземь, подмяв под себя хоббитов. Потом вскочил и обнажил меч. Он готов был скорее убить пленников, чем дать им спастись; но ему помешали. Меч взметнулся, но, чуть сверкнув в свете дальнего костра, из мрака со свистом вылетела стрела и пробила правую лапу Гришнакха. Кто послал ее? Удачливый стрелок или счастливая судьба? Урх завыл и выронил меч. Быстро застучали копыта. Гришнакх вы-

прямился и побежал, но далеко не ушел: копье пронзило его. Дико вскрикнув, он упал замертво.

Хоббиты лежали на земле. Еще один всадник проскакал мимо — на помощь товарищу. То ли из-за особенно острого зрения, то ли из-за какого-то иного чувства, но лошадь вздыбилась и мягко перескочила через хоббитов, однако всадник не заметил их, завернутых в эльфийские плащи. А они были слишком разбиты и испуганы, чтоб окликнуть его.

Наконец Мерри пошевелился и тихо проговорил:

— Пока всё хорошо. Только бы не угодить на вертел…

Ответ не замедлил. Вопли Гришнакха всполошили орков. По вою и проклятьям хоббиты поняли, что их исчезновение обнаружено и Углюк вершит суд и расправу. И вдруг из леса, по ту сторону костров, донеслись ответные крики. Прибыл отряд Маухура; он напал на осаждающих сзади. Неистово застучали копыта. Несколько всадников, чтобы не дать оркам прорваться, закружились вокруг бугра, рискуя попасть под выстрелы; остальные поскакали кончать с пришельцами. И тут вдруг Пин и Мерри поняли, что, не сделав ни шагу, оказались вне кольца — те-

перь ничто не мешало бегству.

— Самое время удрать… — вздохнул Мерри. — Если б мы не были связаны… Но я даже не могу нащупать узлов.

— И не старайся, — улыбнулся Пин. — Я как раз собирался сказать, что руки у меня свободны. Эти веревки — одна видимость… А тебе сперва надо поесть. Где лембас?

Он стряхнул веревки и выудил из кармана Мерри сверток. Лепешки были раздавлены, но свежи. Хоббиты съели по два-три куска. Лембас напомнил им прошлое — веселые лица, и смех, и целительный покой Золотого Леса — как давно всё это было! Несколько минут они сидели, задумавшись, забыв о шуме сражения. Первым очнулся Пин.

— Надо уходить, — сказал он. — Подожди, я сейчас.

Меч Гришнакха валялся рядом, но был слишком тяжел. Поэтому хоббит отполз в сторону, отыскал тело урха и вытащил из его ножен длинный острый кинжал. Им он быстро перерезал все путы.

— Теперь вот что, — проговорил он. — Может, когда согреемся, мы и сможем идти. Но сейчас нам лучше ползти.

И они поползли. Дерн был мягкий, он устилал землю толстым ковром, и это им помогало; но двигались они небыстро. Они обогнули костры и продвигались ярд за ярдом, покуда не доползли до обрыва над рекой, круто спадавшего к темной воде. Тогда они оглянулись.

Крики затихали. Маухура и его отряд либо уничтожили, либо обратили в бегство. Всадники вернулись к зловещему бессонному ожиданию. Долго оно продолжаться не могло. Ночь кончалась. Небо на востоке посветлело. — Надо где-то спрятаться, — сказал Пин, — не то нас увидят. Что проку, если нас сначала убьют, а уж потом поймут, что мы не орки?

Он поднялся и ощупал ноги.

— Эти веревки словно из железа были свиты, — пожаловался он. — Но ноги уже отогрелись. А у тебя, Мерри? Мерри встал и кивнул:

— Да, я вполне ими владею. Лембас словно вкладывает новое сердце! Куда лучше, чем жар от орочьего лекарства. Интересно, из чего сделан этот их бальзам? Впрочем, лучше не думать! Знаешь что, давай зальем его огонь глотком воды!

— Только не здесь, — возразил Пин. — Берег скользкий. Идем, пора.

Хоббиты повернулись и пошли берегом реки.

Позади них вставала заря. Они шли и болтали обо всем, что приключилось с ними, но если бы кто — нибудь мог слышать их разговор, он не догадался бы нипочем, что они жестоко страдали и были на волосок от смерти, и даже сейчас знают, что едва ли могут надеяться на помощь друзей.

— Вы держались молодцом, господин Хват, — заявил Мерри. — Вам будет посвящена целая глава в Книге старика Бильбо, если только я доживу, чтоб поведать ему о ваших деяниях. Нет, и вправду здорово; и особенно удачно ты сообразил подыграть этому волосатому злодею. Но хотел бы я знать, пройдет ли кто-нибудь по твоим следам, чтобы поднять пряжку? Боюсь, что ты рисковал зря.

Теперь мне придется вставать на цыпочки, чтоб сравняться с тобой. Однако не гордись, братец Брендизайк сейчас тебя обойдет. Насколько я понимаю, ты знать не знаешь, где мы находимся; но я-то не зря сидел в Светлояре над картой. Мы сейчас идем на запад вдоль Энтицы. Перед нами — предгорья Мглистого Хребта и лес Фангорн.

Пока он говорил, стена леса придвинулась вплотную. Казалось, ночь западала под полог гигантских деревьев, спасаясь от ясных лучей восходящего солнца.

— Иди вперед! — подтолкнул друга Пин. — Или возвращайся. Нас остерегали против Фангорна, но кое-кто, кажется, позабыл об этом.

— Нисколько, — ответил ему Мерри. — Но если уж выбирать между лесом и битвой, я выбираю лес.

***

Он первым нырнул под толстые ветви. Они казались старыми, как мир. Длинные бороды лишайников свешивались с них, тихонько шевелясь под ветром. Из-под их теней хоббиты взглянули вниз — маленькие фигурки на склоне холма, похожие в сумеречном свете на детей-эльфов, в дни Предначальной Эпохи выглянувших из-под полога леса, чтобы увидеть первый рассвет.

Высоко над Великой Рекой, над Бурыми Равнинами, над лигами и лигами свободных земель пламенел алый восход. Приветствуя его, звонко запели трубы. Всадники Роханда строились к бою. Перекликались рога.

Мерри и Пин слышали далеко разносящееся в чистом холодном воздухе ржание боевых коней, лязг оружия, необычные песни всадников. Солнечные лучи, подобно огненному мосту, сияли

над краем земли. С громким кличем рванулись в бой всадники — алый свет играл на кольчугах, горел на наконечниках копий. Орки взвыли и осыпали нападавших дождем стрел. Хоббиты видели, как упали несколько всадников. Но их строй уже накатился на бугор и перекатился через него; всадники развернулись и снова кинулись вперед. Они преследовали теперь уцелевших орков, что пытались избегнуть смерти, рассыпавшись по равнине. Но несколько орков, собравшись в черный клин, решительно пробивались к лесу. Они неслись прямо на хоббитов, и казалось, что их отчаянная вылазка удастся — они уже смяли троих всадников.

— Засмотрелись мы, — тревожно сказал Мерри. — Это же Углюк! Что-то не хочется мне с ним встречаться.

Хоббиты тихонько отошли от опушки и углубились в лес.

Они уже не видели, как Углюка перехватили на самом краю Фангорна и оттеснили к реке. Там он был убит Йомером — Третий Маршал Марки спешился и рубился с врагом, и одолел его. А всадники тем временем хладнокровно расправлялись с немногими уцелевшими орками.

Потом, похоронив павших товарищей и спев

над курганом Прощальную Песнь, всадники развели большой костер и развеяли по ветру прах врагов. Так закончился этот поход, и вести о том не дошли ни до Мордора, ни до Исенгарда. Но дым костра поднялся высоко в небо, и приметили его многие бдительные глаза.

Глава 4
Древобрад

Тем временем хоббиты быстро шли по темному густому лесу, стараясь на отходить от реки; на запад шли они, всё более углубляясь в Фангорн. Медленно таял в их сердцах страх перед орками, шаг замедлялся. Странное удушье овладело ими: казалось, воздух был слишком плотен — или его стало меньше.

В конце концов Мерри остановился.

— Так дело не пойдет, — сказал он, задыхаясь. — Мне нужен воздух.

— Давай хоть напьемся, — предложил Пин. — Я умираю от жажды.

Он вскарабкался на огромный корень, нависший над рекой, и, свесившись, принялся черпать воду. Она оказалась холодной и чистой, и он с наслаждением напился. Мерри последовал

его примеру. Вода освежила их; казалось, в них влились новые силы. Они немного посидели на берегу, болтая в воде натруженными ногами и оглядывая молчаливо стоящие вокруг деревья, которые рядами уходили в глубь леса, теряясь в сумеречном свете.

— Как по-твоему, мы не очень заблудились? — спросил Пин, прислоняясь к гигантскому стволу. — В крайнем случае, можно будет пойти по реке — Энтице, или как ее там, — и снова выйти на путь, которым мы пришли.

— Можно было бы, — отвечал Мерри, — если б не разбитые ноги и не духота.

— Да, ты прав, — согласился Пин, — здесь вокруг духота и мрак. Это похоже на старую комнату в Хватовом Городище — мебель там не передвигали столетиями. Говорят, Старый Хват прожил там всю жизнь; комната ветшала и старилась вместе с ним, и со времени его смерти — а прошло никак не меньше ста лет — совсем не изменилась. В ней словно застыло прошлое. Но то ощущение — ничто по сравнению с тем ощущением древности, что порождает этот лес… Взгляни только на эти свисающие, сочащиеся влагой моховые бороды! И почти на всех деревьях сухие, никогда не опадающие листья… Не слишком-то опрятно.

Не представляю, что здесь может делать весна — разве что приберет немного.

— Но солнце-то сюда должно заглядывать, — отозвался Мерри. — По-моему, это похоже на то, что рассказывал Бильбо о Лихолесье. Там — тьма и черные порождения Мрака. Здесь — мгла и жуткие древние деревья. Трудно представить, что здесь могут жить звери.

— А уж хоббиты — и подавно, — хмыкнул Пин. — Знаешь, мне вовсе не хочется пробираться через этот лес. И съестного нам тут не найти. Как наши припасы?

— Плохо, — коротко ответил Мерри. — Мы удрали, не прихватив ничего, кроме пары свертков с лембасом.

Они вынули свертки — эльфийские лепешки были разломаны, оставшихся кусков могло хватить дней на пять.

— И одеял нет, — поежился Мерри. — Мы замерзнем ночью, куда бы ни пошли.

— Давай-ка оставим размышления на дорогу, — предложил Пин. — Наверное, уже утро.

Они вдруг поняли, что за желтый свет вспыхнул недавно меж стволов: копья восходящего солнца пронзили полог леса.

— Привет! — возрадовался Мерри. — Солнце,

должно быть, зашло за тучу, покуда мы здесь сидели, а теперь снова выглянуло. Или забралось достаточно высоко, чтобы заглянуть на какую-нибудь поляну. Это недалеко — идем посмотрим!

Вскоре, однако, выяснилось, что идти придется довольно долго. Начался подъем; то и дело попадались камни. Свет лился теперь широким потоком, и скоро хоббиты подошли к скалистой стене — краю холма или обрывистому окончанию горного кряжа. Ни одно дерево не росло на нем, и солнце жгло его каменный лик. Ветви деревьев у его подножья вытянулись вверх, точно стараясь согреться. Впереди всё было пустынно и серо; лес же теперь мерцал всеми оттенками коричневого, и гладкая серо-черная кора была словно начищенная кожа. Стволы деревьев отсвечивали мягкой зеленью, как молодая трава — ранняя весна или мимолетный призрак ее снизошел на них.

В каменной стене было что-то вроде лестницы, вероятно, естественной и промытой дождями — она была неровна и шероховата. Высоко в стене, вровень с вершинами, был уступ. Над ним козырьком нависала скала. На уступе не росло ничего, кроме нескольких травинок по краю да старого дерева с толстыми суковатыми ветвями

— оно походило на старика, что, прищурясь, глядел на восход.

— Пошли туда! — весело подтолкнул друга Мерри. — Воздухом подышим да поглядим, куда нас занесло.

И они стали карабкаться в гору. Если там и были ступени, то предназначались они для ног во много раз больше хоббичьих. Друзья слишком торопились, чтобы удивляться, а удивляться было чему — все их раны и болячки чудесным образом зажили, к ним вернулись силы. Наконец они ступили на уступ — как раз у подножия древнего ствола; повернувшись спиной к скале, они дышали полной грудью и вглядывались вдаль. Они поняли, что прошли по лесу не более трех-четырех лиг — кроны деревьев по склонам спускались к равнине. Там, подле опушки, поднимались в небо клубы черного дыма. Ветер гнал их к горам.

— Ветер переменился, — заметил Мерри. — Становится прохладно.

— Да, — задумчиво протянул Пин, — похоже, солнце опять хочет спрятаться. Жаль! В его свете этот древний косматый лес выглядит вовсе не так жутко, даже, пожалуй, красиво. Я почти полюбил его.

— Почти полюбил Лес! Неплохо! Необычайно

любезно с твоей стороны! — промолвил сзади них странный голос. — Повернитесь и дайте мне взглянуть на вас. Я почти невзлюбил вас обоих, но не будем торопиться. Повернитесь! — суставчатая шишковатая рука легла на плечи хоббитам и повернула их — мягко, но непреодолимо; потом две огромные руки приподняли их.

Они увидели перед собою весьма странное лицо; оно принадлежало высокой человекоподобной — или скорее троллеподобной — фигуре вышиною никак не меньше четырнадцати футов, очень крепкой, с длинной головой, но совсем без шеи. Руки покрывала блестящая коричневая кожа — ни одной морщинки не заметили на ней хоббиты. Ноги были о семи пальцах каждая. Лицо наполовину закрывала окладистая седая борода; она походила на густой замшелый куст. И в этот миг хоббиты заметили маленькие глаза. Карие, с зелеными искрами глаза, изучающие их неторопливо и важно, пронзающие насквозь. Часто потом Пин пытался описать свое первое впечатление от этого взгляда.

— Казалось, за ними — бездонный колодец, полный вековой памяти и вековых раздумий — медленных, но непрерывных; однако поверхность этих глаз была освещена настоящим

— словно солнце поблескивает на прошлогодних листьях старого дерева или на ряби глубокого озера. Не знаю, как объяснить, но казалось, что нечто, растущее в земле — спящее, сказали бы мы, или осознающее себя как нечто между корнями и кроной, меж глубинами земли и небом — внезапно пробудилось и теперь изучает вас с той же медленной внимательностью, с какой изучало себя всё это бесконечное время.

— Хрум, хум, — проворчал голос, — очень странно! Не торопиться — вот мой девиз. Но если бы я увидел вас прежде, чем услышал (мне понравились ваши голоса, славные голоса, они мне напоминают что-то, чего я не могу припомнить) — если бы я увидел вас прежде, чем услышал, я раздавил бы вас, приняв за маленьких орков, и только потом обнаружил бы свою ошибку. Очень уж вы необычны. Корешки с веточками — право, очень странно!

Пин перестал бояться. Под взглядом этих глаз он чувствовал томительную неизвестность — это беспокоило, но не пугало его.

— Простите, — осведомился он, — кто вы? Или что вы?

Странный свет мелькнул в древних глазах — подозрительно и осторожно глянули они. Ве-

ковые колодцы закрылись.

— Хрум, сейчас, — прогудел голос. — Я — энт, во всяком случае так меня называют. Да, верно — я энт. Для немногих я — Фангорн, остальные зовут меня Древобрадом. Древобрад — это подойдет и вам.

— Энт? — переспросил Мерри. — Что это?.. А как вы сами себя называете? Как ваше имя?

— Тише! — отвечал Древобрад. — Тише! Всему свой черед. Не так быстро. Вопросы задаю я. Вы в моей стране. Хотел бы я знать, кто вы? Я не нахожу вам места. Вы не помещаетесь в древних Списках, которые я учил в молодости. Но это было в незапамятные времена; сейчас, наверное, новые Списки. Посмотрим! Посмотрим! Как бишь они начинались?..

Узнай же закон всех Живущих Созданий!

Сперва назови четверых — четыре свободных народа:

Древнейшие, Перворожденные Эльфы;

Гномы за ними, подгорное племя;

Энты, что вышли из чрева земли;

Смертные люди, коней повелители. Гм, гм, гм,

Быстрая лань, бобр — создатель плотин,

Медведь-медоед, в битвах первый — кабан,

Голодные псы, трусоватые зайцы… Гм, гм.

Орел поднебесный, бык мирно пасущийся,

Олень трубогласный, всевидящий ястреб,

Лебедь — белей всех, змея хладнокровная…

Хум, хм; хуум, хм, как там дальше? Рум-там, руум-там, руумти-тум-там. Список длинен. Но вас в нем нет; не знаю, как быть с вами.

— Кажется, нас нет ни в одном старом списке, как нет ни в одном древнем сказании, — огорченно вздохнул Мерри. — Но мы-то есть, и есть с давних времен. Мы — хоббиты.

— Почему бы не вписать еще строчку? — предложил Пин.

Полурослики-хоббиты, нор обитатели.

Вставьте ее между Четверых, следом за людьми, и всё будет в порядке.

— Гм! Неплохо, неплохо, — сказал Древобрад. — Так и сделаем. Так вы живете в норах, а? Весьма похоже и звучит правдиво. Кто назвал вас хоббитами? Это не эльфийское слово. Все древние слова придуманы эльфами — они в этом первые.

— Никто не называл нас хоббитами, мы сами зовем себя так, — обиженно ответил Пин.

— Ху-ум, гм! Не так быстро! Вы сами зовете себя хоббитами? Не надо бы вам говорить об этом всем подряд. Лучше уж называйте свои собственные имена, если вам всё равно.

— Нам всё равно, — кивнул Мерри. — Кстати, я — Брендизайк, Мерррриадок Брендизайк, хотя обычно меня зовут Мерри.

— А я — Хват, Перегрин Хват, но друзьям позволено звать меня просто Пин.

— Хм-м, ну и быстрый же вы народ, как я погляжу, — проворчал Древобрад. — Доверившись, вы оказали мне честь; но нельзя быть такими доверчивыми. Есть энты и энты, знаете ли; или, как сказали бы вы — есть энты и некто, похожий на энтов, но на деле им не являющийся. Я стану звать вас Мерри и Пин, если позволите. Славные имена. Однако своего имени я вам не скажу, — зеленые искры лукавства вспыхнули в его глазах. — Для начала, это заняло бы слиш-

ком много времени, мое имя всё время растет, а я прожил долгую жизнь — и имя мое подобно рассказу о ней. У энтов все истинные имена рассказывают об истории вещей, которым они принадлежат. Древний энтийский — великолепный язык, но чтобы сказать что-нибудь на нем, требуется много времени — оттого-то мы и говорим на нем лишь тогда, когда есть время — и сказать, и выслушать. А теперь, — проговорил он, и глаза его посветлели, сузились, возвращаясь к настоящему, — что творится в мире? И какова ваша роль в этом? Я вижу и слышу, вдыхаю и ощущаю великую борьбу с этого… а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-бурумэ… Простите — это часть слова, которым называю я это место, и я не знаю подходящего слова на других языках — словом, место, где мы сейчас находимся, где я стою по утрам, размышляя о солнце, о траве под ногами деревьев, о конях и облаках — о неохватности мира. Что там происходит? Что замышляет Гэндальф? И эти — бурарум, — он издал глубокий рокочущий звук, словно звучал диссонансом орган, — эти орки и мальчишка Саруман в своем Исенгарде? Я хочу услышать новости. Только не торопитесь.

— Много чего происходит, — проговорил Мер-

ри. — И даже если торопиться, не вдруг всё расскажешь. А вы ведь просите нас не торопиться. Следует ли нам рассказывать вам всё так скоро? Не сочтите за грубость, но мы вынуждены спросить — что вы собираетесь делать с нами и на чьей вы стороне? И знали ли вы Гэндальфа?

— Да, — ответил Древобрад, — знаю. Единственный Мудрец, которому действительно есть дело до деревьев. Вы его знаете?

— Да, — печально ответил Пин. — Мы знали его. Он был нашим другом и вождем.

— Тогда я отвечу на другие ваши вопросы, — торжественно произнес Древобрад. — Можете говорить мне «ты». Я не собираюсь делать с вами (или вы имеете в виду — вам?) без вашего согласия что бы то ни было. Но кое-что мы могли бы сделать вместе. О сторонах я ничего не знаю. Я иду своим путем, и на краткий миг пути наши могут сойтись. Однако вы говорите о Гэндальфе так, словно его путь окончен.

— Боюсь, что так, — тем же печальным голосом отвечал Пин. — Путь продолжается, но Гэндальф погиб.

— Хуу, дальше! — прогудел Древобрад. — Хум, гм, ну что ж, — он остановился, глядя на хоббитов долгим взглядом, — хуум, ах, что ж, у меня нет

слов. Продолжайте!

— Если ты хочешь услышать остальное, — сказал Мерри, — мы расскажем тебе. Но это займет много времени. Не опустишь ли ты нас? И не посидеть ли нам на солнышке, покуда мы будем вести рассказ? Ты, наверное, устал нас держать.

— Хм, устал? Вовсе нет. Утомить меня не просто. И я никогда не сижу — тело мое не гнется. Да и солнце прячется. Давайте уйдем с этого — как вы говорите?

— Холм, — предложил Пин. — Уступ? Ступень?

Древобрад задумчиво повторял слово за словом.

— Холм. Да, так. Однако это слово слишком быстро для того, что стояло здесь с основания мира… Неважно. Пойдемте.

— А куда? — полюбопытствовал Пин.

— Ко мне домой — в один из моих домов.

— А далеко он?

— Не знаю. Вы, наверное, сказали бы, что далеко. Но что с того?

— Видишь ли, мы потеряли все вещи. И еды у нас немного.

— А! Хм! Не бойтесь — я угощу вас напитком, который поможет вам зазеленеть и пойти в рост. А если мы решим расстаться, я отнесу вас, куда

захотите. Идем!

Осторожно, но крепко держа хоббитов, Древобрад шагнул к краю уступа. Затем торжественно спустился по ступеням к лесу.

Широким неспешным шагом шел он меж деревьев, всё более углубляясь в лес; от реки он далеко не отходил и мерно подымался по горным склонам. Многие деревья, казалось, спали и не обращали на него внимания, но иные трепетали и вздымали ветви при его приближении. И всё время он что — то бормотал на ходу, словно пенился и журчал горный поток.

Некоторое время хоббиты молчали. Они чувствовали себя спокойно и уютно; настало время размышления. Им было о чём поразмыслить. Наконец Пин решился заговорить снова.

— Прости, Древобрад, — осторожно начал он. — Можно, я спрошу? Отчего Целеборн предостерегал нас от твоего леса? Он сказал, нам не следует самим лезть в эту ловушку.

— Х-м-мм, вот как? — громыхнул Древобрад. — И я сказал бы то же самое, пойди вы другим путем. Не лезьте сами в ловушки Лаурелиндоренана! Так называли его когда-то эльфы, с годами это имя стало короче — теперь они зовут его Лориэн. Возможно, они и правы — он, должно быть,

увядает, а не растет. Давным-давно земля эта звалась Поющей Золотой Долиной; теперь она стала Долиной Грез. Что ж! Но место это странное, и я бы никому не советовал заходить туда. Я удивлен, что вам удалось выйти оттуда, однако еще более удивляет меня, что вы туда вошли: долгие годы ни один странник не был там. Воистину, странная это земля, и для народа ее настали печальные дни. Воистину, печальные! Лаурелиндоренан линдэ лорендор малинорнэлион орнэмалин! — прогудел он в бороду. — Конечно же, они погибнут вослед за миром. Мир изменился со времен молодости Целеборна, и лишь Золотой Лес остался прежним. Да и остался ли?.. Однако — таурэлиломэа тумбалеморна Тумбалетаурэа Ломэанор, — так всегда говорили. Всё меняется, но одно пока еще верно, да и то не всегда.

— О чём ты? — спросил Пин. — Что верно?

— Деревья и энты, — отвечал Древобрад. — Я сам еще не всё понимаю, а потому вряд ли сумею объяснить вам. Некоторые из нас всё еще истиннне энты и вполне живы на наш манер; но многие засыпают, деревенеют, так сказать. Большинство деревьев, конечно, по-прежнему деревья, но иные наполовину пробудились. А

иные становятся очень хитроумны, и несколько сделались… ну, э-э… что ж, подобны энтам. И так всегда.

Когда такое случается с деревьями, то в иных порой обнаруживается гнилая сердцевина. Нет, древесина их не портится, я не это имею в виду. Знавал я старую Иву у Энтицы — увы, ее давно нет! Она была внутри совсем пустой (оттого-то и развалилась на куски!), но спокойной и мелодичной, как молодая листва. А в предгорьях растут деревья, звучащие, словно колокола, — и насквозь прогнившие. И эта беда разрастается. Теперь здесь есть немало чуждых мест. Это — черные земли.

— Как Вековечный Лес на севере, да? — не утерпел Мерри (ему тоже захотелось вставить словечко).

— М-да, хм-м, нечто вроде, но куда ужаснее. Не сомневаюсь, что тень Великой Тьмы простерлась далеко к северу, и потомкам останется дурная память. Но в здешних краях есть укромные долы, куда не добралась Тьма, и деревья там постарше меня. И мы делаем всё, что в наших силах. Сдерживаем бродяг и безрассудных; учим и убеждаем; ходим и выпалываем сорняки.

Мы, древние энты — пастыри деревьев. Нас

осталось немного. Как говорится — овцы становятся пастухами, а пастухи овцами.

Деревья и энты веками шли рядом. Энты близки эльфам — более погружены в себя, чем люди, и лучше видят, где есть истина. Но энты близки и людям — легче меняются, чем эльфы, быстрее понимают цвет времени. А возможно, энты лучше тех и других, ибо они постоянны и помнят то, о чём не помнит никто.

Некоторые мои родичи совсем одеревенели, и нужно нечто истинно великое, чтобы расшевелить их, а говорят они только шепотом. Но некоторые деревья подвижны и много говорят со мною. Конечно, всё это начали эльфы — в незапамятные времена они начали будить деревья и учить их говорить, и сами выучились их языку. Древние эльфы желали говорить со всем на свете. Но потом опустилась Великая Тьма, и эльфы ушли за море или отступили в дальние долины — и слагают песни о временах, которым не суждено возвратиться. Никогда. М-да, этот лес некогда простирался отсюда до Синих Гор и звался Восточным.

То были ясные дни. Дни, когда я мог идти и петь, и за весь день не услышать ничего, кроме эха собственного голоса в дальних лощинах. Леса

были подобны Лориэну, только гуще, сильнее, моложе. А как душист был воздух! Иной раз я неделями только и делал, что дышал.

Древобрад умолк, и лишь шум его больших неторопливых шагов мерно шуршал в лесу. Потом он загудел снова — и из бормотания стала складываться журчащая песнь. Постепенно хоббиты начали понимать, о чём она.

По медвяным лугам Тазаринана гулял я весной.

Ах! Красота и благоухание Нан-тазарионской весны!

И говорил я: это хорошо.

Под вязами Оссирианда бродил я летом.

Ах! Как светятся и поют летние реки Оссира!

И думал я: нет ничего лучше.

К берегам Нэльдорэфа пришел я под осень.

Ах! Сиянье золота и багрянца в осеннем Таур — на-Нэльдоре!

И понял я: это выше моих грез.

К соснам в горах Дортониона поднялся

я зимой.

Ах! Ветры и снег, и черные ветви зимы над Ород-на-Тоном!

Мой голос взлетал к небесам и пел там.

Теперь эти земли лежат под водой.

Я же брожу по Амбаломэ, Тауреморну и Андаломэ

В моей стране, в краю Фангорна,

Где высоки деревья,

А года устилают землю плотнее, чем листья

В Таурэморналомэ.

Он закончил и дальше шел молча, и во всем лесу не было слышно ни звука.

День убывал, и сумерки вились вкруг древесных стволов. Наконец хоббиты разглядели возникшую в сгустившейся мгле горную страну — они подошли к Мглистому Хребту, к зеленому подножью высокого Метэдраса. Встречь им бежала по склону юная Энтица — узкий говорливый ручеек. Направо от нее простирался пологий склон, заросший серой в сумеречном свете травой. Деревья на нем не росли, и путники увидали

звезды, сиявшие в разрывах туч.

Древобрад чуть замедлил шаг, поднимаясь по склону. Вдруг прямо перед собою хоббиты увидели широкую расщелину. Два огромных дерева стояли по обе ее стороны, охраняя проход; ветви их переплелись, образовав решетку ворот. При виде старого энта деревья расплели ветви, а листва их затрепетала и зашумела. Вечнозелеными были они, с темными блестящими листьями, что мерцали в свете звезд. За деревьями начиналась широкая ровная площадка, подобная вырубленному в скалах полу огромного зала. С обеих сторон вздымались стены-скалы не меньше пятидесяти футов высотой; вдоль каждой стены росли в несколько рядов деревья — великаны.

В дальнем конце скалистая стена изгибалась, образуя неглубокую пещеру с арочным сводом, и свод этот был единственной крышей в зале, если не считать крон деревьев, затенявших всё, — лишь площадка в центре оставалась свободной. Небольшой водопад с легким шумом падал со стены, дробясь и рассыпаясь серебристыми брызгами, словно сверкающим занавесом ограждая пещеру. Вода стекала в каменный бассейн меж деревьев и, переливаясь через край, бежала отту-

да вниз по склону, стремясь вдогонку Энтице.

— Гм! Вот мы и пришли! — сказал Древобрад. — Я нес вас семь тысяч энтийских шагов; право, не знаю, как перевести это на ваши мерки. Как бы там ни было, теперь мы у подножья Последней Горы. На вашем языке это место можно назвать Дивный Чертог. Я люблю его. Здесь мы и заночуем.

Он опустил хоббитов в траву меж деревьев, и они последовали за ним к глубокой арке. Теперь друзья заметили, что при ходьбе энт едва сгибает колени, хотя и делает огромные шаги; сперва он касался земли длинными широкими пальцами, а потом уж — всей ступней.

Древобрад немного постоял под водопадом, дыша глубоко и ровно. Потом рассмеялся и вошел в пещеру. Там стоял большой каменный стол; стульев не было. В пещере царил мрак. Древобрад взял два больших сосуда и поставил на стол. Казалось, они полны водой; но он простер над ними руки, и сосуды вспыхнули: один — золотистым, другой — ярко-зеленым светом. Свет смешался и наполнил пещеру, словно летнее солнце пробилось в нее сквозь густой полог молодой листвы. Оглянувшись, хоббиты увидели, что деревья снаружи тоже засветились, сперва слабо, потом

всё ярче, покуда каждый лист не налился светом: где зеленым, где золотистым, где медно-красным, и даже стволы их казались колоннами, высеченными из сияющего камня.

— Вот и ладно, теперь мы можем поговорить, — довольно сказал Древобрад. — Начинать, думаю я, вам. Ах, да! Ведь вы устали. Погодите — ка! — он подошел к стене пещеры — там стояло несколько высоких каменных кувшинов с тяжелыми крышками. Сняв одну из них, он зачерпнул ковшом и наполнил три чаши — одну огромную и две поменьше. — Выпейте! — сказал он и вдруг улыбнулся. — Вы в доме энта, и, боюсь, сидеть здесь не на чем. Впрочем, можете сесть на стол. — И, подхватив хоббитов, Древобрад усадил их на столешницу; так они и сидели на высоте шести футов, болтая ногами и прихлебывая напиток.

Он походил на ту воду, что пили они утром из Энтицы. Но был в нем едва заметный аромат или привкус, которого они не могли бы описать — слабый, он напомнил им запах дальнего леса, принесенный прохладным ночным ветром. Действие напитка сказалось немедленно — от ног вверх по телу поднималась сила и свежесть. Хоббиты почувствовали, что даже волосы на их головах зашевелились и начали расти. Что до

Древобрада, он опустил ноги в бассейн у входа и теперь пил из чаши — пил не отрываясь, одним долгим, медленным глотком. Хоббитам показалось, что он никогда не остановится.

Наконец энт оторвался от чаши.

— А-ах, — вздохнул он. — Хм, хуум, вот теперь можно и поговорить. Садитесь на пол, а я лягу, не то напиток бросится мне в голову и усыпит.

***

Справа от входа стояло широкое ложе на низких ножках, покрытое толстым слоем сухой травы и папоротника. Древобрад медленно опускался на него (тело его чуть прогнулось в середине), пока не вытянулся во весь рост, заложив руки за голову, глядя на потолок, где мерцали блики светильников, подобные игре солнечного света в листве. Мерри и Пин уселись перед ним на травяных подушках.

— Расскажите вашу историю, — сказал Древобрад. — Да не торопитесь!

И хоббиты поведали ему о своих приключениях, начиная с уходе из Края. Рассказывали они взахлеб, часто перебивая друг друга, а Древобрад останавливал их, возвращаясь к тому, что было рассказано, или задавая вопросы о дальнейших

событиях. Они ничего не сказали о Кольце — ни о том, почему они пустились в путь, ни о том, куда направлялись. И Древобрад не расспрашивал об этом.

Его интересовало всё — Черные Всадники, Элронд, Светлояр, Вековечный Лес, Том Бомбадил, морийские копи, Лориэн и Галадриэль. Он снова и снова заставлял их описывать Удел и весь Край. И вдруг сказал нечто странное.

— Вы никогда не видели… хм… никогда не видели энтов? — спросил он. — Ну, пусть даже не энтов — энтиек, скажем так.

— Энтиек? — переспросил Пин. — А они такие же, как вы?

— Да, хм… А возможно, и нет, — задумчиво отвечал Древобрад. — Я сейчас и сам не знаю. Но я думаю, им бы понравилась ваша земля.

Особенно же интересовался Древобрад всем, что касалось Гэндальфа, и более всего — делами Сарумана. Хоббиты пожалели, что знают о них так мало — лишь Сэмов краткий пересказ речи Гэндальфа на Совете. Но что они знали совершенно точно — Углюк и его орда вышли из Исенгарда и звали Сарумана своим господином.

— Хм, хум, — прогудел Древабрад, когда нить рассказа довилась наконец до битвы между

орками и всадниками Роханда. — Что же, что же! Несомненно, целая вязанка новостей. Вы не сказали мне всего. Но я не сомневаюсь, что вы поступили именно так, как хотел Гэндальф. Затевается нечто великое, я это вижу и, возможно, пойму в счастливый — или черный — час. Но, клянусь корнями, чудные творятся дела: ростки маленького народца, которого нет в древних списках — и глядите-ка! Девятеро, о которых давно забыли, возрождаются для охоты на них; Гэндальф предводительствует им в походе; Галадриэль укрывает их в Лориэне, а орки похищают их и тащат за много лиг через Пустынь! Словно они подхвачены великой бурей! Остается надеяться, что они выдержат ее.

— А ты? — спросил Мерри.

— Хуум, хм. Мне нет дела до Великих Войн. Они касаются лишь людей и эльфов. Это заботы магов — они вечно беспокоятся о будущем. Я не люблю о нем думать. Я никогда не бываю ни на чьей стороне, потому что, понимаете ли, никто никогда не бывает на моей стороне — даже эльфы не заботятся о лесах так, как я о них забочусь. Но к эльфам я отношусь лучше, чем к прочим — эльфы когда-то излечили нас от безмолвия, а это великий дар, о котором нельзя забыть, хоть

теперь пути наши и разошлись. Есть, конечно, те, за которых я никогда не стану и всегда буду против них — эти… бурарум (он вновь содрогнулся от отвращения) — эти орки и их господа.

— Я заволновался было, — продолжал он, — когда тень заволокла Лихолесье, но потом она вернулась в Мордор. На какое-то время я успокоился — Мордор далеко. Но дует восточный ветер и, боюсь я, несет погибель всем лесам. И тщетна попытка старого энта противостоять буре — он должен выстоять или сломаться.

Однако вернемся к Саруману! Он — мой сосед, и я не могу не замечать его. Полагаю, пора что-то предпринять. В последнее время я часто думал, как мне с ним поступить.

— Кто такой Саруман? — спросил Пин. — Знаешь ты о нем что-нибудь?

— Саруман — маг, — отвечал Древобрад. — Больше мне сказать нечего. Мне неизвестна история магов. Впервые они появились после прибытия Кораблей из-за Моря; но приплыли ли они на тех Кораблях, я не знаю. Саруман почитался ими за старшего. Он отправился бродить по земле, вникая в дела людей и эльфов, — для вас это всё было в незапамятные времена, а для меня — только вчера; а потом он обосновался в

Ангреносте — или, как его называют роандийцы, Исенгарде. Начинал он тихо, но слава его росла. Он был избран главой Белого Совета, но к добру это не привело… Хотел бы я знать, не был ли Саруман лиходеем уже тогда… Но, как бы то ни было, соседям он вреда не чинил. Я иногда беседовал с ним. Было время, когда он часто приходил в мои леса. Тогда он был весьма любезен и всегда интересовался моей жизнью, а уж слушать умел как никто. Я поведал ему о многом, чего ему самому в жизни бы не понять; но он ни разу не ответил мне тем же. Не помню, чтоб он о чём-нибудь рассказывал мне. Он становился всё более скрытным, и лицо его, помнится мне (я не видел его давно), — лицо его стало подобно окну в каменной стене — окну с закрытыми изнутри ставнями.

Кажется, я теперь понял, к чему он стремится. Он замыслил стать вровень со Стихиями. Ум его выкован из металла; он заботится о живых существах лишь тогда, когда они служат ему. Сейчас совершенно ясно, что он — черный предатель. Он связался с грязными орками. Бр-р, хум! Хуже того, он сделал с ними что-то ужасное. Ибо эти исенгардцы больше похожи на людей-лиходеев. Знак Великой Тьмы лежит на всех ее порожде-

ниях — они не выносят солнца; но Саруманові орки способны переносить свет, хоть и ненавидят его. Дорого бы я дал, чтобы узнать, что он сделал. Кто они — народ, погубленный черным чародейством, или полулюди-полуорки? Лихое дело сотворил Саруман!

Несколько минут Древобрад рокотал, словно откуда-то из-под земли звучало древнее энтийское проклятье.

— Не так давно я задумался, почему оркам удается свободно проходить через мой лес, — продолжал он. — И лишь в последнее время стал догадываться, что повинен в том Саруман и что в те, давние дни он изучал лесные тропы и вызнавал мои тайны. Теперь он и его мерзкие слуги разоряют всё — вдоль границ они губят деревья, добрые деревья. Иные они просто срубают и оставляют гнить, но большинство увязывают и отправляют в Исенгард — питать огни Ортханка. Орочья подлость! Над Исенгардом всё время стоит дым.

Проклятье да падет на Сарумана! Многие эти деревья были моими друзьями, я знал их с ореха, с семени; многие владели речью — никогда не звучать теперь их голосам. На месте певучих рощ — пустыри, заросшие куманикой, и мертвые

пни. Я был глупцом. Ленью своей я попустил свершиться его планам. Но я же и остановлю его!

Древобрад резко поднялся, выпрямился, и кулак его тяжко опустился на стол. Сосуды-светильники дрогнули и выметнули два столба пламени. Глаза лесного владыки светились зеленым огнем, борода его грозно встопорщилась.

— Я остановлю его! — голос энта гулом заполнил пещеру. — И вы пойдете со мной. Вы сможете помочь мне. Своим друзьям вы тоже поможете: если не остановить Сарумана, Гондор и Роханд окажутся меж двух врагов. Дороги наши идут рядом — на Исенгард!

— Мы пойдем с тобой! — решительно сказал Мерри. — И сделаем всё, что в наших силах.

— Верно! — поддержал друга Пин, — Я хочу видеть свержение Белой Руки, я хочу быть там, даже если большой пользы от меня не будет — мне никогда не забыть Углюка и этот путь через Роханд.

— Отлично! — отозвался Древобрад. — Но я говорил чересчур поспешно. Торопиться нам нельзя. Мне жарко. Я должен подумать, ибо куда легче крикнуть: «Остановлю!», чем исполнить сказанное.

Он вышел наружу и некоторое время стоял под

водопадом. Потом со смехом встряхнулся, и во все стороны полетели алые и зеленые брызги. Энт вернулся в пещеру, вновь улегся и смолк.

***

Вскоре хоббиты снова услышали его бормотание; казалось, он что — то считает на пальцах.

— Фангорн, Финглас, Фладриф — м-да, м-да, — вздохнул он. — Беда в том, — проговорил он, обращаясь к хоббитам, — что нас осталось слишком мало. Лишь трое первых энтов, что бродили по лесам до прихода Тьмы: я сам, Фангорн, и Финглас, и Фладриф — таковы их эльфийские имена; по-нашему их зовут Листокудр и Тонкокор. И двое уже не годятся для таких дел: Листокудр уснул, одеревенел, можно сказать, — он всё лето стоит в дремоте, и травы оплели его колени. Зимой он пробуждается; но в последнее время он стал слишком тяжеловесен для дальних переходов. Тонкокор жил в горах к западу от Исенгарда, а там творились страшные дела. Сам он был ранен орками, и многие подданные погибли. И Тонкокор поднялся к вершинам, в любимые им березовые рощи; спускаться он не пожелает. Однако, мне, пожалуй, удастся собрать тех, кто помоложе, если только я сумею уговорить их и заставить

подняться — торопиться мы не любим. Как жаль, что нас осталось так мало!

— А почему вас так мало? — спросил Пин. — Вы ведь живете с незапамятных времен. Неужто так много умерло?

— О, нет! — отвечал Древобрад. — Почти никто не умер. Иные, конечно, погибли, а многие одеревенели. Но много нас никогда не было, и детей, как сказали бы вы, у нас давно уже не было. Понимаете ли, мы потеряли энтиек.

— Как печально! — посочувствовал Пин. — Отчего же они умерли?

— Они не умерли! — проговорил Древобрад. — Я сказал — потеряли. Потеряли и не можем найти. — Он тяжело вздохнул. — Я думал, вам известна эта история. В Гондоре и Лихолесье были сложены песни о наших поисках. Не думаю, чтобы они забылись.

— Боюсь, эти песни не достигли Края, — сказал Мерри. — Не поведаешь ли ты нам об этом?

— Что ж, хорошо, — согласился Древобрад: просьба польстила ему. — Но рассказ мой будет краток. Завтра нас ждет много дел: совет, и сборы, а быть может, и начало пути.

***

— История эта необычна и грустна, — начал он, помолчав. — Когда мир был юн, а леса девственны, энты и энтийки (ах, очаровательная Фимбрефиль-Легконожка!) бродили и жили вместе. Но мечтали мы о разном: энты любили всё то, что встречалось им в мире, энтиек же занимало иное. Энты любили высокие деревья, девственные леса, крутые горные склоны; они утоляли жажду водой ручья, а голод — плодами, что сбрасывали к их ногам деревья; они учились у эльфов и беседовали с ними. А энтийки отдали все свои помыслы деревьям-невеличкам и солнечным лужайкам у подножья лесов; им милы были ягоды терновника и яблоки диких яблонь, и цветение вишни по весне, и летняя зелень заливных лугов, и колосящиеся травы в осенних полях. Они не хотели говорить со всем этим — они хотели, чтобы всё слушалось их и исполняло их приказы. Энтийки велели всему расти так, как им хотелось, и давать только те плоды и листья, которые нравились им, — ибо желали порядка, изобилия и мира (под которым они понимали, что вещи должны оставаться такими, какими они сотворили их). Так энтийки создали сады и

поселились в них.

Энты же продолжали скитаться и лишь изредка забредали в эти сады. Потом, когда на Север надвинулась Тьма, энтийки перешли Великую Реку и создали новые сады и поля, и встречи наши стали весьма редки. Когда Тьма была низвергнута, земли энтиек дивно расцвели, а поля давали обильный урожай. Многие люди знали об искусстве энтиек и возносили им хвалу; мы же были для них лишь преданием, тайной, скрытой в сердце леса. Преданием остались мы и по сей день, а земли энтиек стали пустыней: Бурыми Равнинами зовут их люди солнцем и подобны спелой пшенице, а щеки рдели, как яблоки. И лишь глаза их остались такими же, как у всех нас. Мы перешли Андуин и добрались до их земель; но нашли там лишь запустение и выжженную дотла землю — через край прокатилась война. Энтиек там не было. Долго мы звали и искали их; всех, кто встречался нам в пути, мы расспрашивали о наших женах. Иногда нам отвечали, что понятия не имеют о них; иногда указывали… кто на запад, кто на восток, кто на юг. Скорбь наша была глубока. Но девственный лес звал нас, и мы возвратились к нему. Долгие годы искали мы энтиек, бродили повсюду, зовя их. Но шло время,

и реже стали мы пускаться в путь, и не забредали так далеко, как прежде. Теперь же энтийки стали лишь воспоминанием, а бороды наши поседели. Эльфы посвятили нашим поискам много песен, и иные переведены на язык людей. Но сами мы никогда не слагали об этом песен — нам довольно лишь напевать их прекрасные имена. Мы верим, что настанет время, и мы встретимся, и, быть может, отыщем край, где сможем жить вместе. Но предсказанье гласит, что случится это лишь тогда, когда мы потеряем всё, что у нас есть. И похоже, что это время близко. Ибо если в прошлом Саурон разорил все сады, то теперь, боюсь, Враг уничтожит все леса.

Есть эльфийская песня, в которой поется об этом, во всяком случае, я понял ее так. Ее пели по всей Великой Реке. Это не энтийская песня — по-энтийски она звучала бы слишком долго! Но мы помним ее наизусть и порой напеваем про себя. На Всеобщем Наречии звучит она так:

Энт:

Когда в стволах струится сок пришедшей в дол весны,

И тонет луч, упав в поток сквозь зелень крон лесных;

Когда по ласковой земле дорога далека;

Когда трепещет на челе дыханье ветерка;

Когда под вечер в нежной мгле светлы в горах поля,

Вернись ко мне, приди ко мне, светла моя земля!

Энтийка:

Когда весна приходит в сад и дарит жизнь ростку,

Цветы на яблонях лежат, как будто всё в снегу,

И воздух полнится порой, куда ни взглянь, кругом

Благоуханною игрой меж солнцем и дождем —

Скажу одно: я поняла, и до скончанья дней

Светла земля моя, светла, останусь я на ней!

Энт:

Когда дни летние летят, и плод румянит зной,

Когда деревья в грезах спят под крышею

лесной;

Когда холмы лесных земель прохладой зелены,

И ветра западного хмель несет хмельные сны,

Тревожит ветер волны ржи в бескрайности полей

Скорей приди ко мне, скажи: земля моя — светлей!

Энтийка:

К земле стремится гнет плода, и ягод темен лоск.

Когда солома золота, и колос, словно воск,

И душный жар потоки льет, весь город затопив,

Когда густой стекает мед, и в яблоке — налив,

Хоть ветра западного весть мне шепчут тополя.

Под солнцем я останусь здесь — светла моя земля!

Энт:

Когда жестокая зима жизнь леса

умертвит,

Падет лесная бахрома, снег саваном слетит;

Когда печальны станут сны, и свет умрет в тени,

И сменят ночи без луны бессолнечные дни,

С востока ветер прилетит, и гибель будет в нем,

И вместе выйдем в долгий путь под яростным дождем.

К тебе пусть зов мой долетит под яростным дождем.

Энтийка:

Зима споет про злой исход, и тьма падет на нас.

Треск голых сучьев, колкий лед, труд кончен, свет погас.

Услышь мой зов и верен будь, друг друга мы найдем,

И вместе выйдем в долгий путь под яростным дождём.

Вместе:

С того пути свернуть нельзя, которым

мы пойдём,

На Запад выведет стезят — там вместе мы уснем.

Древобрад умолк.

— Такова эта песнь, — вздохнул он. — Ее сложили эльфы, она грустна, легка и быстро кончается. Мне она по нраву. Но энты могли бы сказать о том много больше — будь у них время!.. А теперь я намерен встать и соснуть немного. Где встанете вы?

— Мы обычно ложимся спать, — сказал Мерри. — Мы прекрасно устроимся здесь.

— Ложитесь спать! — воскликнул старый энт. — Ну да. Конечно же! Хм, хуум — я забылся, эта песня вернула меня в прошлое; мне казалось, что я беседую с юными энтами. Что ж, устраивайтесь на ложе. Я встану под водопадом. Доброй ночи!

Мерри и Пин взобрались на постель и зарылись в мягкую траву. Она была свежей, теплой и чуть заметно пахла солнцем. Светильники угасли, постепенно тускнело сияние деревьев; но снаружи, под аркой они видели Древобрада — старый энт стоял неподвижно, воздев руки над головой. Яркие звезды высыпали на небо, и струи

вспыхивали, разбиваясь о его пальцы и голову, и сотнями серебряных брызг падали к его ногам. Под мягкий перезвон капели хоббиты уснули.

Разбудило их солнечное сияние — оно заливало огромный двор и проникало в пещеру. По небу, гонимые восточным ветром, неслись клочья туч. Древобрада не было видно, но пока Пин и Мерри плескались в бассейне, они услыхали его бормотание: он напевал что-то, идя меж деревьев.

— Хуу, хо! — Доброе утро, Мерри и Пин! — прогрохотал он, увидев их. — Долго же вы спите! Я успел уже пройти много сотен шагов. Сейчас мы напьемся и отправимся на энтмут.

Он подал им полные чаши, но наливал он их из другого кувшина. И вкус у напитка был иной — плотный, земной, более похожий на еду, если можно так выразиться. Пока хоббиты пили, сидя на краю ложа, и отщипывали кусочки эльфийской лепешки (главным образом потому, что привыкли за завтраком есть, а отнюдь не из голода), Древобрад стоял, бормоча что-то и глядя в небо.

— А где он, этот энтмут? — отважился спросить Пин.

— Хоом, а? — повернулся к нему Древобрад. — Это не местность, а сход энтов — редкостное в

наши дни дело. Но я получил много обещаний прийти. Мы встретимся там, где встречались всегда — Терновой Лощиной зовут это место люди. Оно лежит к югу отсюда. Нам надо быть там до полудня.

Вскоре они тронулись в путь. Как и вчера, Древобрад нес хоббитов в руках. На пороге двора он повернул направо, переступил речку и двинулся на юг, вдоль осыпающихся склонов с благоухающими деревьями. Над ними хоббиты увидели заросли березы и рябины, а еще выше — сосновый лес. Вскоре Древобрад повернул чуть в сторону и углубился в густую рощу, где деревья были выше, толще и мощнее всех, виденных прежде хоббитами. Друзья ощутили слабое удушье — как тогда, когда впервые вошли в Фангорн, но вскоре всё прошло. Древобрад не разговаривал с ними, Он задумчиво бормотал что-то про себя, но Пин и Мерри не разбирали слов: звучало это как «боом буум, румбум буурар, боом буум, даграр боом буум, даграр буум» — и так всё время; менялись только мелодия и ритм. Иногда им казалось, что они слышат ответ — гул или дрожащий звук, идущий из земли или из крон в вышине, а может быть, из стволов деревьев — но Древобрад не останавливался и, не поворачивая головы,

продолжал идти.

Шли они долго — Пин попытался сосчитать «энтийские шаги», но сбился, дойдя до трех тысяч — когда Древобрад замедлил шаг. Внезапно он остановился, спустил хоббитов наземь, поднес сложенные ладони ко рту и протрубил странный призыв. Громоподобное «хуум, хом» прозвучало в лесу и, подобно глубокому звуку рога, отразилось от деревьев. Издалека с разных концов леса донеслось к ним трубное «хуум, хом, хуум» — то было не эхо, а ответ.

Древобрад посадил хоббитов к себе на плечи и пошел вперед, время от времени повторяя призыв, и ответы звучали всё громче и ближе. Наконец они подошли к чему-то, походившему на непроходимую стену вечнозеленых деревьев — таких деревьев хоббиты никогда не видели. Ветви их начинались прямо от корней и были густо покрыты темной лоснящейся листвой, как лишенные колючек ветви падуба; они несли множество колосков-соцветий с крупными сияющими оливковыми бутонами.

Повернув направо, Древобрад обогнул живую изгородь и в несколько шагов достиг узкого входа. От него вела утоптанная тропа, внезапно нырявшая вниз с пологого длинного склона. Хоббиты

поняли, что спустились в большую лощину, круглую, широкую и глубокую, увенчанную живой изгородью. Дно лощины было покрыто густой травой; деревья там не росли, если не считать трех высоких серебристых берез, стоявших кружком на дне этой огромной чаши.

Некоторые энты уже прибыли. Многие входили и спускались вниз по другим тропинкам, а кое-кто шел за Древобрадом. Хоббиты не преминули разглядеть их получше. Они думали встретить множество похожих друг на друга существ и были удивлены, не увидев ничего подобного. Энты различались, как различаются деревья — иные были различны, как деревья одного вида, но с разной историей и судьбой; другие же отличались друг от друга, как береза от бука или дуб от пихты. Было там несколько старых энтов, бородатых и сучковатых, как крепкие, но древние деревья (но не древней Древобрада); и были высокие сильные энты, чисторукие и гладкокожие, как лесные деревья в расцвете лет. Но не было среди них ни молодых энтов, но подростков. Всего на ровном дне лощины стояло уже почти две дюжины энтов, а они всё шли и шли.

Сперва Мерри и Пин были потрясены увиденным: разнообразие форм, цветов, размеров,

разница в длине рук и ног и даже в количестве пальцев (от трех до девяти) ошеломили их. Некоторые энты, явно связанные узами родства с Древобрадом, напомнили друзьям буки или дубы. Некоторые походили на каштаны — коричневокожие, с большими неуклюжими руками и короткими ногами. Иные были схожи с ясенями: высоки, стройны и длинноноги; другие были как пихты, третьи — как березы, рябины, липы. Но когда все энты собрались вокруг Древобрада, слегка покачивая головами, бормоча что-то на своем медленном напевном языке и оглядывая чужаков долгими пристальными взглядами — тогда хоббиты поняли, что все они одной крови: у них были одинаковые глаза — не столь древние и глубокие, как у Древобрада, но с тем же неторопливым, задумчиво-спокойным выражением лица и с такими же зелеными искрами.

Когда все собрались и окружили Древобрада, энты завели весьма странный и невразумительный разговор. Они начали медленно журчать и ворчать: сперва вступал один, за ним другой, пока все не запели в тягучем, то повышающемся, то падающем ритме, то звучащем громко на одной стороне кольца и замирающем на другой, то громом катившемся по кругу. Пину сперва по-

нравились эти звуки, хотя он и не мог разобрать и понять слов — язык, как он решил, был энтийский. Но постепенно его внимание рассеялось. Спустя долгое время (а песнь и не думала кончаться) он задал себе вопрос: коли уж энтийский — такой «неторопливый» язык, сказали ли они друг другу хотя бы «с добрым утром»; а ежели Древобрад читает список — сколько дней займет перечисление всех собравшихся? «Хотел бы я знать, как будет по-энтийски «да» или «нет», — подумал Пин. И, не выдержав, зевнул.

Древобрад мгновенно вспомнил о нем.

— Хм, ха, хэй, мой Пин! — проговорил он, и остальные энты перестали петь. — Вы торопливы, а я забывчив; да и скучно к тому же слушать беседу, не понимая ни слова. Вы можете спуститься — я рассказал о вас кое-что энтмуту, и они видели вас, и согласились, что вы не орки и что пора внести новую строку в древние списки. Пока дальше этого мы не дошли, да и это весьма быстро для энтмута. Можете прогуляться по лощине. Если захотите освежиться — на северном склоне есть колодец с родниковой водой. Нам надо кое-что обсудить, а потом уж начнется мут. Я приду к вам и расскажу, как идут дела.

Он спустил хоббитов на землю. Перед тем как

уйти, они низко поклонились. Такая ловкость поразила энтов, если судить по тону их журчащей речи и блеску глаз; но вскоре они вернулись к своим делам. Пин и Мерри поднялись по тропе и через проход в высокой изгороди взглянули на запад.

Длинные лесистые склоны поднимались от края лощины, а высоко над ними, над елями дальнего хребта, возвышался белоснежный пик огромной горы. Слева, на юге они видели теряющийся в серой дымке лес. А далеко — далеко разливалось бледное зеленоватое сияние, и Мерри догадался, что это отблеск трав роандийской равнины.

***

— Интересно, где Исенгард? — спросил Пин.

— Я не знаю точно, где мы, — ответил Мерри. — Но этот пик, скорее всего, Метэдрас, и, насколько я помню, Исенгард лежит в развилке или глубокой расселине у окончания гор. Наверное, он за этим высоким хребтом. Там что-то дымится или курится, видишь, вон там, слева от пика.

— И как он выглядит? Хотел бы я знать, что могут сделать с ним энты?

— Я тоже, — кивнул Мерри. — Исенгард — это

кольцо холмов или скал, окружающее равнину со скалистым островом в центре; остров этот зовется Ортханк. Там логово Сарумана. В стене есть ворота, наверное, не одни, и помнится мне, оттуда даже вытекает река — сбегая с гор, она течет сквозь Роандийский Проход. Это не та крепость, за которую стоило бы браться энтам. Впрочем, у меня странное предчувствие: по-моему, они не столь забавны и безобидны, как кажется. Они выглядят медленными, спокойными и терпеливыми, почти печальными; и всё же я верю, что они могут восстать. И если это случится — не хотел бы я быть их врагом.

— Еще бы! — сказал Пин. — Я тебя понимаю. Должна же быть разница между старой коровой, задумчиво жующей жвачку, и разъяренным буйволом; и перемена может свершиться внезапно. Но я буду удивлен, если Древобраду удастся их поднять. Конечно, он попытается — в этом-то я уверен. Но не похоже, что его затея выгорит. Прошлой ночью Древобрад жуть как распалился — и тут же успокоился.

Хоббиты повернули назад. Тайное совещание продолжалось — голоса энтов вздымались и опадали. Солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы заглянуть через изгородь: оно засияло на

верхушках берез и осветило бледно — желтым светом северный склон лощины. Там мерцал бьющий из земли ключ. Они прошли по краю чащи вечнозеленых ветвей — так приятно было ступать по влажной траве и никуда не торопиться — и приблизились к струящейся воде. Они напились — вода была чистой, холодной и чуть покалывала небо — и уселись на мшистый камень, глядя на солнечные пятна и тени облаков, бегущие по травяному дну лощины. Энты продолжали журчать, ворчать и бормотать. Странным и жутким показалось вдруг Мерри и Пину это место: оно лежало вне их мира и было так далеко от всего, что случилось с ними. Хоббитов охватило огромное, непреодолимое желание увидать товарищей, услышать их голоса — особенно Фродо, Сэма, Бродника.

Наконец голоса энтов стихли; друзья увидели, что к ним поднимаются Древобрад и какой-то незнакомый энт.

— Хуум, хм, — вот и я, — сказал Древобрад. — Вы не утомились от ожидания, хм-м, а? Что ж, боюсь, вам придется запастись терпением. Мы одолели первую ступень, но мне еще придется долго объяснять положение дел тем, кто живет далеко от Исенгарда, и тем, кого я не смог наве-

стить. И лишь потом мы решим, как поступить. Но решение это не займет у энтов столько времени, сколько нужно им, чтоб связать воедино все события и вести и обговорить их. Однако не стану отрицать — мы пробудем здесь еще долго, возможно, несколько дней. Потому я привел вам товарища. Он живет неподалеку. Эльфы прозвали его Брегалад. Он сказал, что всё уже обдумал и что ему не надо более присутствовать на муте. Хм, хм, он весьма тороплив. Вам надо бы держаться вместе. До свидания! — Древобрад повернулся и ушел.

Брегалад некоторое время спокойно оглядывал хоббитов. А они смотрели на него, ожидая хоть каких-то признаков «торопливости». Он был высок и казался довольно молод для энта — ноги и руки его покрывала блестящая гладкая кожа. Губы его были красновато-коричневыми, волосы — серо-зелеными. Он гнулся и качался под ветром, словно тонкое дерево. Наконец он заговорил, и голос его был звучнее и чище голоса Древобрада.

— Ха, хм, друзья мои, идемте гулять! — сказал он. — Я Брегалад. Вы можете звать меня Торопыгой, — он улыбнулся. — Это, конечно, всего лишь прозвище. Меня назвали так потому, что

я всегда отвечаю «да», прежде чем старший энт кончит говорить. Да и пью я быстрее, и исчезаю, пока кое-кто успевает лишь тряхнуть бородой. Идемте со мной!

Он опустил длинные руки и подал их хоббитам. И весь день бродили они по лесам, распевая во всё горло и смеясь — ибо Торопыга смеялся часто. Он смеялся, когда солнце выходило из-за туч, и когда им приходилось переходить через ручьи и реки — Торопыга заходил в воду и обливался, брызгая на хоббитов; порой он улыбался в ответ на шепот деревьев. И где бы им ни встречалась рябина, он останавливался, протянув к ней руки, и, покачиваясь, тихо пел.

Под вечер он принес их в свой дом — не что иное как замшелый камень, лежавший на дерне под зеленым валом; поляну окружали рябины, а из — под вала бил ключ (что за дом энта без воды?). Когда тьма опустилась на лес, настало время беседы. Неподалеку звучали голоса энт-мута; теперь они казались более глубокими и быстрыми, и то и дело все замирали, а один голос, мощный, заводил высокую скорую мелодию. А около хоббитов мягко, почти шепотом вел рассказ Брегалад; и они узнали, что он принадлежит к племени Тонкокора и что родина его разорена.

И хоббиты поняли, отчего он стал «тороплив», — ему пришлось столкнуться с орками.

— В моём доме росли рябины, — тихо и печально говорил Брегалад, — рябины, пустившие корни давным-давно, когда я был еще малышом. Старейшие были посажены энтами, чтобы привлечь энтиек и доставить им удовольствие; но те лишь взглянули на них и засмеялись, и сказали, что знают цветы белее и плоды богаче. Но я не знал деревьев милее. И они росли и росли, пока кроны их не сомкнулись зеленым шатром, а осенью красные ягоды свисали тяжкими гроздьями удивительной красоты. Птицы слетались к ним. Я люблю птиц, даже когда они болтают слишком громко; и они собирались у рябин во множестве. Но птицы стали враждебны и жадны: они набрасывались на деревья и обрывали ягоды, но не ели. А потом появились орки с топорами и срубили мои деревья. Я пришел и звал их по именам, но они не затрепетали, как всегда, они не услышали меня и не ответили мне: они были мертвы.

О, Орофарнэ, Лассемиста, Карнимириэ!

Рябина-краса! На твоих волосах как белы лежали цветы!

Рябина-душа! Как была хороша в сиянии

летнем ты!

Короной светла, листвой весела, прохладная речью, какую,

Не ведая зла, в те дни ты несла корону багряно-златую!

Рябина — мертва! Твоя голова сухою и серой стала.

На веки веков твой голос умолк, корона твоя упала.

О, Орофарнэ, Лассемиста, Карнимириэ!

Хоббиты уснули, убаюканные тихим пением Брегалада; казалось, что энт на всех языках оплакивает гибель любимых своих деревьев.

***

Следующий день они тоже провели вместе, но от «дома» далеко не уходили, молчаливо сидя под прикрытием вала. Дул холодный ветер, тучи стали гуще и потемнели, изредка проглядывало солнце, доносились издали голоса энтов — по-прежнему вздымающиеся и опадающие, порой громкие и сильные, порой медленные и торжественные, словно погребальная песнь. Снова настала ночь, а энты по — прежнему совещались

под летящими тучами и мерцающими звездами.

Пришел третий день, темный и ветреный. На рассвете энты сильно зашумели; потом всё стихло. Медленно тянулось утро; ветер стих, и воздух наполнился ожиданием. Хоббиты видели, что Брегалад внимательно прислушивается, хотя звуки мута едва доносились в огражденную низину — его дом.

В полдень выглянуло солнце, пробившись длинными желтыми лучами сквозь щели и трещины туч. Внезапно друзья поняли, что всё стихло: лес замер, напряженно вслушиваясь. Ну конечно — смолкли голоса энтов. Что бы это значило? Брегалад стоял, напряженно выпрямившись, обернувшись к северу — в сторону Терновой Лощины.

Потом донесся треск и вместе с ним — шум: «Ра-хуум-рах!». Деревья затрепетали и согнулись, словно под порывом ветра. Снова стало тихо, а затем раздался торжественный барабанный бой, и над катящимся гулом и грохотом взмыли в песне высокие сильные голоса:

Идем, не ждем, в барабаны бьем:
тарумба, румба, румба-ром!

Подходили энты; всё ближе и громче звучала

песня.

Идем, не ждем, грохочет гром:
та-руна, руна, руна-ром!

Брегалад поднял хоббитов и вышел из дома.

Вскоре они увидели марширующую колонну: энты приближались широким мерным шагом спускаясь по склону. Древобрад шел впереди, а за ним следовало около пятидесяти энтов, по двое в ряд, шагая в ногу и отбивая такт ударами рук по бокам. Когда они приблизились, стало видно, как горят зеленым пламенем их глаза.

— Хоом-ху! Мы идем с громом и гулом. Мы наконец идем! — вскричал Древобрад, едва завидев Брегалада с хоббитами. — Идем, следуйте за мутом! Мы уходим! Мы идем на Исенгард!

— На Исенгард! — громыхнули энты.

— На Исенгард!

На Исенгард! Хоть камневрат;
На Исенгард! Та-румба! В ряд!
Идем, не ждем, врата снесем;
Тарумба-румба-румба-ром!
За стон ветвей, в костре стволов,
Военный зов, победный зов,
Мы сходим в черную страну,

Судьба ведет нас на войну.
Победный марш, за рядом ряд —
На Исенгард, что камневрат!

Так пели они, двигаясь на юг.

Брегалад с сияющими глазами шагал в шеренге вместе с Древобрадом. Старый энт забрал у него хоббитов и посадил их снова к себе на плечи, и они, с бьющимися сердцами, гордо ехали во главе поющего отряда. Хотя они и ожидали, что что — то случится — перемена, происшедшая с энтами, поразила их. Она казалась столь же внезапной, как прорвавшее плотину половодье.

— Энты приняли решение очень быстро, правда? — решился заговорить Пин, когда пение на какое-то время смолкло.

— Быстро? — переспросил Древобрад. — Хуум! Да, конечно. Быстрее, чем я думал. Много веков не видел я подобного подъема. Энты не любят восстаний; мы поднимаемся лишь тогда, когда нашим деревьям и нам самим угрожает смертельная опасность. Такого не бывало в Лесу со времен войны между Сауроном и Рыцарями из Заморья; это всё работа орков, беспутных рубителей — рарум, — разжигающих костры безо всякой причины, что весьма разгневало нас; да еще из-

мена соседа, от которого мы ждали помощи. Нет в эльфийском, энтийском или любом другом языке проклятия, достаточного для такого предателя! Долой Сарумана!

— Вы и правда можете выломать врата Исенгарда? — спросил Мерри.

— Да, хо, хм, знаешь ли, можем! Вы и не знаете, насколько мы сильны. Слышал ты когда-нибудь о троллях? Они весьма могучи. Но тролли — всего лишь подделка, созданная Врагом во дни Великой Тьмы в подражание энтам, как орки — эльфам. Мы сильнее троллей. Мы сотворены из кости земной. Мы расщепляем камни, подобно корням деревьев — только быстрее, куда быстрее, раз уж мы поднялись. Если нас не порубят, не сожгут и не заколдуют, мы искрошим стены Исенгарда в пыль!

— Но Саруман-то будет пытаться остановить вас!

— Хм, ах, да, это так. Я не забыл об этом. И я долго над этим думал. Но понимаете ли, эти энты все моложе меня на много древесных жизней. Сейчас они восстали, и мысли их об одном — разрушить Исенгард. Но вскоре они задумаются и ко времени вечернего питья поостынут. Какая жажда предстоит нам!.. Так пусть же идут и поют, пока

могут! Долгий путь лежит перед нами, и время размышлений впереди. Кое-что уже началось.

Древобрад шел и пел вместе со всеми. Но через некоторое время голос его упал до журчания, и он снова умолк. Пин заметил, что лоб его пересекли морщины, он нахмурился. Наконец он поднял глаза, и Пин поймал печальный взгляд — печальный, но спокойный и светлый. Словно зеленое пламя просвечивало сквозь темную глубь его дум.

— Конечно, это весьма вероятно, друзья мои, — медленно проговорил он. — Вполне вероятно, что мы идем навстречу своей гибели, и это — Последний Поход энтов. Но даже если б мы остались на месте и ни во что не вмешивались, рок всё равно рано или поздно настиг бы нас. Эта мысль долго зрела в наших сердцах — вот почему мы поднялись. Это решение принято не второпях. И возможно, о Последнем Походе энтов когда-нибудь сложат песню. О да, — он вздохнул. — Прежде чем погибнуть, мы спасем других. Однако как бы я хотел, чтобы сбылось предсказание об энтийках! Как приятно было бы вновь увидеть Фимбрефиль! Но, друзья мои, песни подобны деревьям: они приносят плоды в назначенный срок, и порой эти плоды увядают

безвременно.

***

Энты шагали очень быстро. Они спустились в длинную расщелину, которая вела к югу; теперь они поднимались — всё вверх и вверх, на высокий западный хребет. Леса кончились, и они шли через разбросанные березовые рощи, потом начались голые склоны, где росли только несколько изможденных сосен. Солнце скрылось за темной спиной горы. Опустилась серая мгла.

Пин оглянулся. Энтов стало как будто больше — или что-то произошло? Ему показалось, что на мглистых голых склонах возникли группы деревьев. Но они двигались! Возможно ли, чтоб проснулись деревья Фангорна, чтобы лес восстал и шел воевать? Пин протер глаза, решив, что дрема и мгла застилают их; однако огромные тени неуклонно двигались вперед. Доносился шум — словно шорох множества ветвей. Энты приближались к гребню холма, и песня смолкла. Опустилась ночь, и ничто не нарушало тишину, кроме чуть слышного шуршанья земли под ногами энтов и шелеста, тени шепота трепещущей под ветром листвы. Наконец они поднялись на вершину и взглянули вниз, в темную пропасть:

глубокая расселина лежала перед ними — Нан-Курунир, Колдовская Долина, Логово Сарумана.

— Ночь опустилась на Исенгард, — проговорил Древобрад.

Глава 5
Белый Всадник

— Я продрог до костей, — проворчал Гимли, хлопая руками и топая ногами.

День наконец пришел. На рассвете друзья позавтракали чем могли; теперь, в разгорающемся свете, они собирались снова осмотреть землю в поисках хоббичьих следов.

— Не забудьте о старике! — напомнил Гимли. — Я буду просто счастлив, если удастся найти хотя бы один его след.

— Отчего это тебя осчастливит? — осведомился Леголас.

— Оттого, что старик, оставляющий следы, может быть лишь тем, кем кажется, — отвечал гном.

— Возможно, — кивнул эльф, — но его сапоги могли и не оставить следов — трава здесь густая и влажная.

— Следопыта это в тупик не поставит! — воз-

разил Гимли. — Арагорну достанет и примятой травинки. Но я не думаю, чтоб он что-нибудь нашел. Ночью мы видели зловещий Саруманов призрак, и я уверен в этом даже при свете дня. Может быть, он и сейчас следит за нами из чащи Фангорна.

— Вполне вероятно, — сказал Арагорн. — Но уверенности у меня нет. Я всё думаю о конях. Ты, Гимли, сказал ночью, что их спугнули. Сдается мне, это не так. Слышал ты их, Леголас? Как по-твоему, были они испуганы?

— Нет, — ответил Леголас. — Я их ясно слышал. И если бы не тьма и наш испуг, я сказал бы, что они одичали от какой — то внезапной радости.

— Так я и думал, — проговорил Арагорн. — Но пока они не вернутся, этой загадки мне не решить. Идем. Свет становится всё ярче. Сначала осмотримся, а размышлять и строить догадки будем после. Начинать надо прямо отсюда, с места нашей стоянки, и внимательно оглядеть каждый клочок здесь, на склоне у леса. Что бы мы ни думали о ночном госте, цель наша — отыскать хоббитов. Если им как-то удалось уцелеть, они должны были спрятаться меж деревьев — иначе бы их увидели. Если ничего не найдем здесь и на опушке, придется в последний раз разворошить

угли. Но на это надежды мало — всадники Роханда хорошо потрудились.

Некоторое время товарищи ползали по земле, осматривая и ощупывая каждую ее пядь. Дерево печально высилось над ними, его сухие листья поникли и громко шуршали под холодным восточным ветром. Арагорн медленно пошел прочь. Подойдя к углям сигнального костра на берегу, он двинулся назад, к бугру, идя по следу битвы. Внезапно он наклонился, почти касаясь лицом травы. Потом подозвал остальных.

— Наконец есть новости! — Арагорн улыбался с облегчением. Он подал друзьям сломанный лист — широкий и бледный, некогда золотистый, а теперь увядший и потемневший. — Это лист лориэнского маллорна, и к нему прилипли крошки. А вот еще крошки, в траве. Смотрите! Здесь валяются перерезанные веревки.

— А вот и нож, что перерезал их! — добавил Гимли. Он наклонился и поднял из травы короткий зазубренный клинок. Отломанная рукоять лежала рядом. — Орочий, — заметил гном, осторожно держа кинжал и с отвращением разглядывая резьбу на рукояти — уродливую голову с раскосыми глазами и ощеренным ртом.

— Эта загадка посложнее прочих! — восклик-

нул Леголас. — Связанный пленник спасается и от орков, и от всадников! Потом останавливается на открытом месте и перерезает веревки орочьим кинжалом. Но как и почему? Если ноги его были спутаны — как он мог идти? Если спутаны руки — то как он сумел воспользоваться ножом? А если и руки, и ноги свободны — зачем он разрезал веревку? А потом он уселся и спокойно поел — узнаю хоббита!.. А после, надо думать, он превратил руки в крылья и с веселой песенкой улетел в лес. Найти его легко — всего лишь отрастить нам всем крылья.

— Без чародейства здесь не обошлось! — заявил Гимли. — И не замешан ли тут старик? Что скажешь ты, Арагорн, о толковании Леголаса? Или твое лучше?

— Может, и лучше, — с улыбкой отвечал Арагорн. — Здесь, рядом, есть еще следы. Вы их не заметили. Я согласен, что пленником был хоббит и что его руки или ноги должны были быть свободны еще до того, как он здесь появился. Думаю, что — руки, это облегчает задачу, к тому же по следам я понял, что он был принесен сюда орком. Вокруг много глубоких лошадиных следов — это значит, что отсюда увезли что-то тяжелое. Орка убили всадники и потом сожгли тело. Хоббита

они не заметили — стояла ночь, и на нем был эльфийский плащ. Он был измучен и голоден, и не надо удивляться, что, разрезав веревки кинжалом погибшего врага, он сначала поел, а потом уж уполз прочь. И хорошо, что, хотя он убежал тогда без вещей, в кармане у него оказался сверток с лембасом — весьма похоже на хоббита. Я говорю «он», хотя предполагаю и надеюсь, что здесь были оба — Пин и Мерри. Однако доказательств у меня нет.

— Как удалось одному из них освободить руки? — спросил Гимли.

— Не знаю, — проговорил Арагорн. — Не знаю также, почему этот орк принес их сюда. Конечно уж, не для того, чтоб помочь им спастись. Более того — теперь я понимаю, почему, когда пал Боромир, орки удовлетворились похищением Мерри и Пина. Нас они не тронули, на лагерь не напали; вместо этого со всех сил помчались в Исенгард. Считали ли они, что захватили Хранителя Кольца и его верного спутника? Вряд ли. Даже если б орки и знали всё, их господа не стали бы посвящать орков в свои дела, не сказали бы им о Кольце — орки не те слуги, каким можно доверять. Но я догадываюсь, что оркам велено было похитить хоббитов — и доставить живыми. Какой-то орк

попытался ускользнуть перед битвой с вожделенной добычей. Должно быть, предательство — от этих тварей всего можно ожидать; какой-нибудь сильный наглый орк хотел ускользнуть с добычей, чтоб потом извлечь из этого выгоду. Так я полагаю. Об остальном можно лишь догадываться. Но в одном мы можем быть уверены — по крайней мере один из наших друзей жив и здоров. Наша задача — прежде, чем вернуться в Роханд, отыскать его и помочь. Не надо бояться Фангорна, если уж нужда завела нашего друга в это мрачное место.

— Не знаю, что пугает меня больше — Фангорн или мысль о пешем пути через весь Роханд, — проворчал Гимли.

— Тогда войдем в лес, — сказал Арагорн.

***

Вскоре Арагорн нашел свежие следы. На берегу Энтицы он заметил отпечатки хоббичьих ног, однако слишком слабые. Потом отпечатки обнаружились у ствола высокого дерева на опушке. Земля там была сухая и пыльная, и Арагорн ничего не мог сказать.

— По крайней мере один хоббит стоял здесь какое-то время и смотрел вниз, — проговорил

Следопыт. — Потом он повернулся и пошел в лес.

— Значит, мы тоже должны туда идти, — вздохнул Гимли. — По правде говоря, этот Фангорн мне не по душе. Да и нас предостерегали против него. Уж лучше бы нам охотиться в другом месте!

— Что бы ни говорили предания, а я не верю в лиходейство этого леса, — заметил Леголас. Он стоял под пологом леса, подавшись вперед, будто вслушиваясь во что-то, вглядываясь широко раскрытыми глазами в лесные тени. — Лиха в нем нет. Или оно очень далеко. Я слышу слабое эхо затемненных мест — там, где души деревьев черны. А рядом с нами зла нет, но есть гнев и настороженность.

— Ему не за что гневаться на меня, — пожал плечами Гимли. — Я не причинил ему зла.

— Это-то верно, — отвечал Леголас. — И однако он пострадал. Что-то случилось в нем — или должно случиться. Неужели ты не чувствуешь напряжения? У меня перехватило дыхание.

— Я чувствую удушье, — проворчал гном. — Этот лес светлее Лихолесья, но уж очень старый и запущенный.

— Он стар, очень стар, — сказал эльф. — Так стар, что я почувствовал себя помолодевшим. Он стар и полон воспоминаний. Я был бы счастлив

здесь, если бы пришел сюда во дни мира.

— Охотно верю, — фыркнул Гимли. — Ты лесной эльф, а эльфы — странный народ. Однако ты успокоил меня. Куда пойдешь ты, пойду и я. Но держи свой лук наготове, а я покрепче сожму топор. Не для деревьев, нет, — добавил он поспешно, оглянувшись на дерево, под которым стоял. — Я не хочу оказаться безоружным при встрече с тем стариком.

***

И трое Охотников вступили в Фангорн. Леголас и Гимли оставили поиск следов Арагорну, но ему мало что удавалось заметить. Земля была сухая и покрыта толстым слоем опавшей листвы; однако, предполагая, что беглецы будут держаться у воды, он часто возвращался к реке. Так он набрел на место, где Мерри и Пин отдыхали. Там были ясные следы двоих хоббитов, одни немного меньше других.

— Это добрый знак, — сказал Арагорн. — Хотя отпечатки двухдневной давности. И кажется, в этом месте хоббиты ушли от берега.

— Что же нам делать? — спросил Гимли. — Не гнаться же за ними через весь Фангорн? Еды у нас мало. Если мы не отыщем их в ближайшее время,

всей нашей помощи и будет, что доказывать свою дружбу, севши рядышком и вместе помирая с голоду.

— Так мы и поступим, если ничего больше не останется, — спокойно молвил Арагорн. — Идем!

Наконец они подошли к крутому обрыву холма Древобрада и взглянули на скалистую стену с грубыми ступенями, ведущими на высокий уступ. Блики солнца прорывались сквозь бегущие тучи и лес казался теперь менее серым и мрачным.

— Давайте поднимемся и оглядимся, — предложил Леголас. — Я всё еще задыхаюсь. Мне нужен хоть глоток свежего воздуха.

Товарищи поднялись наверх. Арагорн шел последним — он внимательно осматривал ступени и выступы.

— Я почти уверен, что хоббиты поднимались сюда, — сказал он. — Но здесь есть и другие отпечатки, странные и непонятные. Увидим ли мы с этого уступа что-нибудь, наводящее на след наших друзей?

Он стоял и оглядывался, но так и не нашел ничего, что могло бы указать им путь. Уступ был обращен к юго-востоку, но вид открывался лишь на восток. Они видели кроны деревьев, рядами спускающихся к равнине, с которой они

пришли.

— Мы сделали большой крюк, — заметил Леголас. — Мы могли бы прийти сюда все вместе, если бы на второй или третий день ушли от Великой Реки и направились на запад. Не многим дано предвидеть куда приведет их дорога, пока они не пройдут ее до конца.

— Но мы не собирались заходить в Фангорн, — возразил Гимли.

— Однако мы здесь — и попались в ловушку. Смотри!

— Куда? — завертел головой гном.

— Вон — меж тех деревьев.

— Да где? У меня глаза не эльфийские!

— Тише! Тише, я тебе говорю, смотри! — Леголас вытянул руку. — В лесу, там, пад нами, откуда мы пришли. Это он. Неужели ты не видишь, как он идет меж деревьев?

— Вижу, теперь я вижу, — прошипел Гимли. — Гляди, Арагорн! Или я не предостерегал тебя? Там тот старик. Одет в грязно-серые лохмотья, потому я его и не заметил.

Арагорн взглянул вниз и увидел согбенного, медленно идущего человека. Он был недалеко и походил на старого нищего, что устало бредет, опираясь на грубый посох. Голова его была

опущена, и в их сторону он не смотрел. В другое время и в другом месте Охотники бы дружески приветствовали его; теперь же они стояли молча, в странном ожидании: приближалось нечто, обладающее силой — или таящее угрозу.

Гимли широко раскрытыми глазами следил, как подходит старик. Потом внезапно, не в силах более сдерживаться, крикнул:

— Где твой лук, Леголас? Натяни его! Это Саруман. Не позволяй ему заговорить — он же наведет на нас чары! Опереди его — стреляй!

Леголас натянул лук — медленно, словно чья-то воля удерживала его. Он вертел в руках стрелу, но не торопился наложить ее на тетиву. Арагорн настороженно молчал.

— Чего ты ждешь? Что с тобой? — свистящим шепотом спросил Гимли.

— Леголас прав, — успокаивающе проговорил Арагорн. — Нельзя стрелять в старика просто так — внезапно, без вызова, какой бы страх ни владел нами. Будьте осторожны!

В мгновение ока старик ускорил шаг и удивительно быстро подошел к подножию скалистой стены. Потом он вдруг взглянул вверх — а они стояли, глядя вниз, не в силах пошевелиться. Никто не издал ни звука.

Лица его они не увидели — он был в капюшоне, а поверх капюшона — в широкополой шляпе, затеняющей всё лицо, кроме кончика носа и белой бороды. Но Арагорну почудился ясный, острый блеск глаз из-под надвинутого на брови капюшона.

— Истинно счастливая встреча, друзья мои, — мягко проговорил старик. — Мне надо побеседовать с вами. Спуститесь ли вы вниз, или мне подняться к вам? — и, не дожидаясь ответа, начал подъем.

— Ну же! — почти беззвучно вскрикнул Гимли. — Останови его, Леголас!

— Не сказал ли я, что хочу говорить с вами? — сказал старик чуть более жестко. — Убери-ка лук, господин эльф!

Лук и стрела выпали из бессильно повисших рук Леголаса.

— А ты, господин гном, придержи-ка свой острый топор, покуда я не поднимусь. Подобные доводы вам не понадобятся.

Гимли вздрогнул и окаменел, уставясь на старика. Тот проворно взбирался по неровным ступеням. Казалось, усталость покинула его. Когда он вступил на площадку, на мгновенье сверкнул белый свет, словно приоткрылось на

миг белое одеянье, скрытое под серыми лохмотьями. Тишину нарушало лишь прерывистое дыханье Гимли.

***

— Счастливая встреча, сказал я — и повторяю это! — произнес старик, подходя к Охотникам. Когда он был в нескольких футах от них, он остановился, опершись на посох, и внимательно вгляделся в них из-под капюшона. — Что занесло вас в эти места? Эльф, человек и гном, и все в эльфийской одежде. Не сомневаюсь, ваша история стоит того, чтоб ее выслушать. Такое здесь не часто встретишь.

— Ты говоришь так, словно хорошо знаешь Фангорн, — заговорил Арагорн впервые с его появления. — Так ли это?

— Не совсем, — отвечал старик. — Для того, чтоб узнать его, надо много жизней. Но порой я прихожу сюда.

— Можем ли мы узнать твое имя и услышать, о чём ты хочешь поведать нам? — спросил Арагорн. — Утро проходит, а дело наше не терпит отлагательств.

— Всё, что я хотел сказать, я уже сказал — что привело вас сюда и что вы можете поведать мне

о себе? Что до моего имени!.. — он остановился и залился долгим мягким смехом.

Арагорн вздрогнул — странный внутренний озноб охватил его, когда он услышал этот смех; но чувство его не было страхом, а напоминало скорее глоток бодрящего воздуха или внезапный холодный дождь, пробудивший его от тяжкого сна.

— Мое имя! — повторил старик. — Неужели до сих пор не догадались? Думаю я, вы слышали его прежде. Да, вы слышали его. Ну, так какова же ваша история?

Трое Охотников молчали.

— Кое-кто усомнился сейчас, что о вашем деле стоит рассказывать, — продолжал старик. — Ну да я и так кое-что знаю. Вы идете по следам двоих юных хоббитов. Да, хоббитов. Не делайте удивленных глаз, словно впервые слышите это слово! Вы его слышали, да и я тоже. Что ж, позавчера они поднимались сюда и здесь встретили кое-кого, о ком не могли и помыслить. Вы успокоились? Теперь вы, конечно, хотите узнать, куда они делись. Возможно, я расскажу вам и об этом. Но что же мы стоим? Дело ваше, видите ли, не столь срочное, как вы об этом думаете. Давайте сядем и побеседуем спокойно, — старик повернулся

и направился к груде камней и осколков скал. Мгновенно, словно освободившись от чар, Охотники зашевелились. Гимли снова сжал рукоять топора, Арагорн обнажил меч, Леголас поднял лук и натянул тетиву.

Старик не обратил на это внимания. Остановясь, он сел на широкий камень. При этом его серый плащ распахнулся, и они увидели белые одежды.

— Саруман! — вскричал Гимли, подскочив к нему с топором в руке. — Говори! Куда ты запрятал наших друзей? Что ты сделал с ними? Отвечай, не то я так примну твою шляпу, что даже чародею трудновато будет выправить ее!

Старик оказался на редкость прыток. Он вскочил и вспрыгнул на вершину камня — и внезапно вырос, нависнув над Охотниками. Его плащ и капюшон отлетели прочь. Сияние исходило от его белых одежд. Он поднял жезл — и топор Гимли соскочил с топорища, и, зазвенев, упал наземь. Меч Арагорна, застывший в его руке, налился внезапным огнем. Леголас вскрикнул и выпустил стрелу в небо — она исчезла во всплеске пламени.

— Мифрандир! — вскричал эльф. — Мифрандир!

— Счастливая встреча, я уже устал повторять это, Леголас, — ответил старик.

Все уставились на него. Волосы его были подобны снегу, и ослепительной белизной сияли его одежды, глаза под густыми бровями смотрели ясно и пронзительно, словно солнечные лучи. Власть была в его руках. Удивление, радость, страх смешались в душах друзей — они стояли, не зная, что сказать.

Наконец Арагорн шевельнулся.

— Гэндальф! — проговорил он. — Сбылось то, на что я не смел надеяться — ты вернулся к нам во дни великой нужды! Где были мои глаза? Гэндальф!..

Гимли не сказал ничего, но опустился на колени, закрыв глаза.

— Гэндальф… — медленно проговорил старик, будто вызывая из глубин памяти забытое слово. — Да, таково было мое имя. Я был Гэндальфом.

Он спустился с камня, поднял серый плащ и накинул на себя — словно солнце скрылось за тучей.

— Вы можете по-прежнему звать меня Гэндальфом, — сказал он, и голос его снова был голосом их старого друга и вождя. — Встань, мой славный Гимли! Ты не виноват и не причинил мне вреда.

Никакое ваше оружие не может повредить мне, друзья мои. Мы встретились — так будьте же веселее! События принимают другой оборот. Грядет великая буря, и мы стоим у ее порога, — он положил руку на голову Гимли, гном поднял глаза и вдруг рассмеялся.

— Гэндальф! — сказал он. — И весь в белом.

— Теперь я — Белый, — кивнул мат. — Я — Саруман, каким он должен быть. Но довольно. Расскажите мне о себе. С тех пор, как мы расстались, я прошел огонь и воду. Я забыл многое из того, что знал, и узнал многое о том, что позабыл. Я вижу то, что далеко впереди, и не вижу порой того, что рядом. Расскажите же о себе!

— Что ты хочешь узнать? — спросил Арагорн. — Если говорить обо всём, что случилось за время нашей разлуки, повесть будет долгой. Не расскажешь ли ты нам сперва о хоббитах? Ты нашел их? Они в безопасности?

— Я не нашел их, — качнул головой Гэндальф. — Привражье затемнено, и я не знал об их похищении, пока мне не поведал о нем орел.

— Орел! — воскликнул Леголас. — Я видел орла более трех дней назад — он парил в вышине над Великой Стеной.

— Именно так, — согласился Гэндальф. — То

был Гвайхир Ветробой, что унес меня когда-то из Ортханка. Я послал его вперед — следить за рекой и вызнавать новости. Зрение его остро, но от него сокрыто происходящее под пологом гор и кронами леса. Кое о чём рассказал мне он, кое — что узнал я сам. Я не могу ныне помочь Хранителю Кольца, как не может этого никто из Отряда. Враг обнаружил Кольцо, но ему удалось ускользнуть. В этом есть и моя заслуга, ибо я находился очень высоко и боролся с силами Тьмы. И тени отступили. Но я устал, смертельно устал, и думы мои были черны.

— Так ты знаешь про Фродо! — придвинулся к магу Гимли. — Как у него дела?

— Не знаю. Он избежал огромной опасности, но многое ждет его впереди. Он твердо решил идти в Мордор один — и пошел; вот всё, что я могу сказать.

— Он не один, — возразил Леголас. — Мы думаем, что Сэм с ним.

— Вот как, — протянул Гэндальф, и глаза его блеснули, а по губам скользнула улыбка. — Сэм с ним? Это для меня новость, но я не удивлен. Хорошо! Очень хорошо! На сердце у меня полегчало. Вы должны рассказать мне обо всем. Садитесь рядом и поведайте мне историю вашего похода.

Товарищи уселись на землю у его ног, и Арагорн повел рассказ. Гэндальф слушал молча, не задавая вопросов. Руки его лежали на коленях, глаза были закрыты. Лишь когда Арагорн заговорил о гибели Боромира и его последнем пути по Великой Реке, маг вздохнул.

— Ты сказал мне не всё, что знаешь — или о чём догадываешься, друг мой Арагорн, — спокойно заметил он. — Бедный Боромир! А я не знал, что с ним сталось. Тяжкое испытание выпало на его долю, а ведь он был воином и вождем. Галадриэль говорила мне, что он в опасности. Но он спасся, и я рад этому. Юные хоббиты не напрасно пошли с нами, если даже и не помогли ни в чём, кроме успокоения его совести. Однако это не единственная их заслуга. Они появились в Фангорне, и явление их было подобно падению мелких камешков, вызывающих горные обвалы. Даже во время нашей беседы я слышу шум первых оползней. И лучше бы Саруману не сидеть дома, когда плотина рухнет!

— В одном ты, во всяком случае, не изменился, добрый друг, — улыбнулся Арагорн. — Как прежде, говоришь загадками.

— Загадками?.. — переспросил Гэндальф. — Вовсе нет! Я просто говорил сам с собою. Старикам

свойственно выбирать для беседы мудрейшего — объяснять что-либо молодым весьма утомительно! — он рассмеялся, и смех его был теплым и мягким, как сияние солнца.

— Я уже не молод даже для людей из Заморья, — проговорил Арагорн. — Не откроешь ли ты мне своих дум?

— Что мне сказать? — Гэндальф помолчал, размышляя. — Если тебя интересуют мои мысли, то вот что я вижу и думаю — Врагу, несомненно, давно известно, что Кольцо в пути и что его несет хоббит. Он знает и об Отряде, что вышел из Светлояра, и о каждом из нас. Но цели наши Ему не ясны. Он предполагает, что мы все вместе пойдем в Минас-Тириф, ибо так поступил бы Он сам на нашем месте. И, как Он думает, там начнется восстание против Его власти. Сейчас Он в великом страхе, ибо некто могущественный может объявиться внезапно, завладев Кольцом, и, победив Его, занять Его трон. Что мы хотим уничтожить Его и не занимать Его трона — Ему это в голову не приходит. Он пока и помыслить не может, что мы попытаемся уничтожить Кольцо. И в этом наша счастливая судьба и наша надежда. Что до замышляемой войны — Он развяжет ее без промедления, ибо если первый нанесенный Им

удар окажется достаточно сильным, то больше ударов не потребуется. А посему Он отдал приказ всем собранным Им армиям — выступать в поход раньше, чем предполагалось. Мудрый глупец! Ибо брось Он все эти силы на охрану Мордора, направь всё свое черное коварство на поиски Кольца — надежды наши рухнули бы в тот же час: ни Кольцо ни Хранитель не укрылись бы от Него. Однако сейчас Око обращено на Светлые земли, а не на собственную страну — и особенно пристально вглядывается в Минас-Тириф. Очень скоро вся Его мощь обрушится, подобно буре, на Белую Крепость.

Потому что Ему уже известно, что те, кого послал Он остановить Отряд, вновь потерпели неудачу. Они не нашли Кольца. Они не привели заложников. Сделай они хотя бы это, и нам был бы нанесен серьезный удар, может быть — роковой. Но не будем тревожиться заботами верных прислужников Тьмы. Ибо Враг падет — и скоро. Спасибо Саруману.

— Значит, Саруман не предатель? — удивился Гимли.

— Предатель, — отвечал гному Гэндальф. — Дважды предатель. Но не странно ли? Ни одна из прошлых бед не казалась нам столь мучитель-

ной, как измена Сарумана. Будучи властелином Исенгарда и главой Совета, Саруман стал весьма силен. Он угрожает роандийцам и, если с востока грядет буря, помешает им помочь Минас-Тирифу. Оружие предательства — самое опасное, и оно опасно даже самому предателю. Саруман также желал завладеть Кольцом или хотя бы заполучить хоббитов, чтобы использовать их в своих лиходейских замыслах. Схватившись между собою, наши враги только и сумели, что доставить Пина и Мерри в Фангорн, куда сами хоббиты нипочем бы не добрались.

К тому же планы их порушились, и ныне они полны сомнений. Благодаря роандийцам вести о битве до Мордора не дошли. Но Черный Властелин знает, что двоих хоббитов перенесли через Привражье и потащили в Исенгард — против воли Его слуг. Теперь Он боится Исенгарда не меньше, чем Минас-Тирифа. И если Минас-Тириф падет — Саруману не поздоровится.

— Бедные наши друзья! — вздохнул Гимли. — Попали они меж молотом и наковальней. Если бы ничто не разделяло Мордор и Исенгард! Пусть бы себе бились сколько угодно — а мы поглядывали бы и выжидали.

— Победитель вышел бы из схватки сильнее и

безогляднее, чем прежде, — сказал Гэндальф. — Да и Исенгарду не победить Мордора, если только Саруман не завладеет Кольцом. Теперь этому не бывать. Он и сам не знает, какая опасность ему грозит. Он многого не знает. Он так торопился обрести свое сокровище, что сам вышел встречать своих посланцев — не смог усидеть дома. Но опоздал, и битва кончилась без его участия. Он понял только, что всадники перебили и сожгли всех орков, которые были на поле боя, но так и не узнал, добыли ли орки пленников. Не знает он и о ссоре меж его слугами и мордорскими урхами; не знает и о Крылатом Вестнике.

— Крылатый Вестник! — ахнул Леголас. — Я подстрелил его из лориэнского лука у Сарн-Гебира. Он наполнил наши сердца страхом. Что это за новый Ужас?

— Тот, против кого бессильны стрелы, — сказал Гэндальф. — Ты сумел лишь подстрелить его коня — но Всадник скоро обретет нового. То был назгул, один из Девяти — теперь у них крылатые кони. Скоро Ужас, затемнив солнце, тенью ляжет на последние армии Светлых Сил. Но пока им запрещено пересекать Реку, и Саруману ничего не известно о новом обличье Призрачных Кольценосцев. Мысли его заняты Кольцом. Было ли

оно на поле битвы? Найдено ли? Что, если Теодэн, Сеньор Марки, нашел его и прознал о его силе? Этого он испугался и поспешил назад — в Исенгард, чтоб удвоить и утроить натиск на Роханд. А между тем рядом всё время стоит иная опасность — но он не замечает ее, занятый своими страхами. Он забыл о Древобраде.

— Опять ты беседуешь сам с собою, — улыбнулся Арагорн. — Древобрада я не знаю и могу лишь отчасти догадываться о двойной измене Сарумана. И потом, я так и не понял, что дал нам приход хоббитов в Фангорн — кроме долгих и бесплодных поисков?

— Погоди! — перебил его Гимли. — Я вот что хочу выяснить прежде всего. Кого мы видели прошлой ночью — тебя, Гэндальф, или Сарумана?

— Меня вы видеть не могли, — отвечал маг. — Стало быть, Сарумана. Очевидно, мы стали слишком похожи — так что я прощаю тебе покушение на мою шляпу.

— Как хорошо! — обрадовался Гимли. — Я рад, что это был не ты.

Гэндальф снова рассмеялся.

— Да, мой славный гном, — проговорил он. — Приятно знать, что ты не во всем заблуждался. Уж кому, как мне, не знать этого! Не бойся — я

никогда не упрекну тебя за то, как ты меня встретил. Разве сам я не советовал друзьям, имея дело с Врагом, не доверять даже собственным рукам? Повезло тебе, Гимли, сын Глоина. Быть может, настанет день — и ты увидишь нас рядом, и будешь судьей между нами.

— А хоббиты? — вмешался Леголас. — Мы столько прошли, чтобы отыскать их, а ты, сдается мне, знаешь, где они. Так где же?

— С Древобрадом и энтами, — сказал Гэндальф.

— Энты!.. — вскричал Арагорн. — Так значит, правдивы древние предания о лесных великанах — пастырях древ? Неужто есть еще в мире энты? Я считал их далеким прошлым, если не роандийской легендой.

— Роандийской легендой!.. — живо повернулся к нему Леголас. — Эльфы Лихолесья поют песни о племени онодримов и его бесконечной печали. Но даже для нас они стали только воспоминанием. Если б мне встретить хоть одного из них — вот когда я б на самом деле помолодел! Но ведь «Древобрад» — это перевод слова «Фангорн» на Всеобщее Наречье. Ты же говорил о нем, как о чём — то живом. Кто это — Древобрад?

— А! Ты хочешь знать слишком много, — промолвил Гэндальф. — Если я начну рассказывать

о нем — выйдет длинная повесть, а у нас нет времени. Древобрад — это Фангорн, страж леса, старейший из энтов, старейший из всех живущих и когда-либо живших в Средиземье. Я надеюсь, Леголас, что ты встретишься с ним. Мерри и Пину посчастливилось увидеть его на этом самом месте, два дня назад. Он забрал их с собою, в свой дом у подножия гор. Древобрад частенько приходит сюда, особенно когда его одолевают нелегкие мысли или тревожат слухи из внешнего мира. Я видел его четыре дня назад — он шагал по лесу, и мне показалось, что он также заметил меня, ибо остановился; но я молчал, ибо думы отягощали меня, и я был утомлен борьбой с Оком Врага. Промолчал и он и ушел, не окликнув меня.

— Возможно, он тоже принял тебя за Сарумана? — предположил Гимли. — Но ты говоришь о нем, как о друге. А я считал, что Фангорн опасен.

— Опасен! — воскликнул Гэндальф. — А я не опасен? Опаснее всех, с кем тебе приходилось встречаться. И Арагорн опасен, и Леголас. Ты окружен опасностями, Гимли, сын Глоина, да и сам ты по-своему опасен. Лес Фангорна и вправду полон опасностей и ловушек — для тех, кто бездумно и поспешно хватается за топор; да и Фангорн опасен, и всё же добр и дружелюбен.

Однако сейчас его долго копившаяся ярость перелилась через край, и лес полон ею. Появление хоббитов и принесенные ими вести переполнили чашу: еще немного — и гнев разольется половодьем. Но направлен он на Сарумана и исенгардские топоры. Случилось то, чего не случалось с древности, — энты проснулись и вспомнили, что сильны.

— Что же они собираются делать? — изумленный, спросил Леголас.

— Не знаю, — ответил Гэндальф. — И не думаю, чтоб они сами это знали. — Он умолк, склонив в раздумье голову.

***

Друзья смотрели на него. Пробившийся сквозь тучи солнечный луч упал на руки мага, лежавшие на коленях ладонями вверх, и Охотникам показалось, что они полны светом, как чаша водой. Наконец Гэндальф поднял глаза и прямо взглянул на Солнце.

— Утро проходит, — сказал он. — Пора и нам.

— Пойдем ли мы вслед за нашими маленькими друзьями? — спросил Арагорн.

— Нет, — ответил Гэндальф, — иной путь предстоит вам. Я говорил с вами словами надежды.

Но только надежды, а надежда — еще не победа. Над нами и нашими друзьями нависла война — война, в которой лишь Кольцо может дать уверенность в победе. Я предвижу это с великой скорбью и страхом — многое будет разрушено, и еще больше — потеряно. Я Гэндальф, Гэндальф Белый, но Тьма покуда еще сильнее меня.

Он поднялся и посмотрел на восток, сощурясь, будто пытался увидеть в дальней дали нечто, недоступное ничьему взору. Потом тряхнул головой.

— Нет, — сказал он тихо. — Оно вне пределов досягаемости. Будем же рады хотя бы этому. Искушение воспользоваться Кольцом более не грозит нам. Мы должны идти навстречу опасностям, встречать их лицом к лицу, умирать от отчаянья… но главная, смертельная опасность унесена далеко. — Маг обернулся.

— Ободрись, Арагорн, сын Арафорна! Не раскаивайся в выборе, что был сделан в долине у Эмин-Муиля, не считай вашу погоню тщетной. Среди сомнений избрал ты путь, оказавшийся верным: выбор был справедлив, и он вознагражден. Ибо мы повстречались вовремя — а могли встретиться слишком поздно. Но поиски хоббитов окончены, и твой новый путь определило

данное тобою слово. Ты должен идти в Эдорас, во дворец князя Теодэна. Ты нужен там. Свет Андуриля должен вспыхнуть в битве, которой он заждался. Роханду грозят война и пагубное лихо, и гибель стережет Теодэна.

— Значит, нам никогда больше не увидеть наших маленьких веселых друзей? — с грустью спросил Леголас.

— Я этого не сказал, — возразил Гэндальф. — Кто знает? Наберитесь терпения. Идите, куда ведет вас долг, и надейтесь. В Эдорас! Я иду с вами.

— Молод или стар путник, а дорога эта для него нелегка, — заметил Арагорн. — Боюсь, битва окончится прежде, чем я доберусь туда.

— Посмотрим, посмотрим, — чуть улыбнулся Гэндальф. — Так ты идешь со мною?

— Мы выступаем вместе, — сказал Арагорн. — Но ты, без сомнения, будешь там раньше меня, если захочешь, — он поднялся и долгим взглядом посмотрел на Гэндальфа. Гимли и Леголас молча смотрели, как они стоят лицом к лицу — фигура Арагорна, сына Арафорна была высока, сурова и словно высечена из камня, рука его лежала на эфесе меча; казалось, король, выйдя из туманов моря, ступил на берег земли, населенной малым народом. Перед ним стоял старик в сияющих

белых одеяниях, словно озаренных внутренним светом, — сутулый, отягощенный годами, но владеющий силой превыше власти королей.

— Был ли я неправ, Гэндальф, — проговорил наконец Арагорн, — был ли я неправ, говоря, что ты можешь оказаться где угодно быстрее меня? И вот еще что скажу я — ты наш вождь и знамя. У Черного Властелина есть Девятеро. У нас же Один, но могущественней Девяти — Белый Всадник. Он прошел сквозь пламя и бездны, и Девятеро убоятся его. Мы пойдем за ним всюду.

— Да, мы все пойдем за тобою, — подтвердил Леголас. — Но прежде — это ободрит меня — расскажи нам, Гэндальф, что приключилось с тобой в Мории.

Неужели ты не задержишься даже для того, чтобы рассказать друзьям историю своего избавления?

— Я и так уж надолго задержался, — проворчал Гэндальф. — Время не терпит. Даже если б мы могли пробыть здесь целый год — я и тогда не рассказал бы вам всего.

— Тогда расскажи то, что хочешь ты и что позволит время, — поддержал эльфа Гимли. — Ну же, Гэндальф, как расчелся ты с Балрогом?

— Не называй этого имени, — промолвил

маг, и на лицо его набежала мгновенная тень страдания; он молчал и казался древним, как мир. — Долго я падал, — начал он наконец; воспоминания давались ему нелегко. — Долго я падал, и он падал со мной. Его пламя охватило меня, и я пылал. Затем стало темно — мы погрузились в глубокие воды. Холоден был этот поток смерти — сердце мое заледенело, — он остановился.

— Глубока бездна под мостом Дарина, и никто не измерил ее, — нараспев проговорил Гимли.

— И всё же у ней есть дно, хоть в это и трудно поверить, — продолжал Гэндальф. — Туда я и попал в конце концов — к каменному основанию гор. Враг мой всё еще был со мною. Огонь его приугас, но он весь был покрыт слизью — точь-в-точь как змея-душитель.

Глубоко под землей бились мы, и чудилось мне, что время остановилось. Порой ему удавалось схватить меня, порою — мне нанести удар ему, пока он не отступил в темные проходы. Они были вырублены не племенем Дарина, Гимли. Глубоко, много ниже глубочайших ярусов царства гномов, мир источен неведомыми существами. Даже Саурон не знает о них — они древнее его. Я прошел там, но не стану рассказывать ничего, дабы не затемнять света дня. В том отчаянном

положении враг мой стал для меня единственной надеждой, и я неотступно преследовал его. Так он вывел меня к тайным тропам Казад-Дума; он знал их все. Выше и выше поднимались мы, пока не пришли к Бесконечной Лестнице.

— Давным-давно забыты пути к ней, — тихо, будто про себя, сказал Гимли. — Многие считают, что она и не существовала никогда, разве только в преданиях; иные говорят — она разрушена.

— Она существует и по сей день, — отозвался Гэндальф. — От самого нижнего яруса к вершине пика ведет она, скручиваясь многоступенчатой спиралью, и вливается в Крепость Дарина, высеченную внутри Зиракзигиля, под самой вершиной Серебристого.

Там, на Келебдиле, вырублена во льду бойница, а пред нею — узкая площадка, орлиное гнездо над мглой мира. Неистово сияло солнце, но земля была сокрыта облаками. Враг выпрыгнул, я последовал за ним, но едва я приблизился — пламя его взметнулось с новой силой. Жаль, что некому было это видеть, а то бы в грядущем слагали песни о Битве на Вершине, — внезапно Гэндальф рассмеялся. — Впрочем, о чём же поведать в песне? Те, кто смотрел снизу, подумали, наверно, что на вершине буря. Они слышали гром и ви-

дели вспышки молний, бьющих в Келебдиль и отступающих россыпью огненных языков. Разве этого недостаточно? Вкруг нас клубился пар. Снег выпал дождем. Я сбросил врага вниз, он свалился с огромной высоты и разбился о бок горы. Потом тьма окутала меня, и я заблудился в ней, и долго бродил путями времен и раздумий, о которых ничего не скажу.

Нагим я вернулся назад — на срок, покуда не исполнится моя миссия. Нагим лежал я на вершине. Бойница — ход в Крепость — исчезла, засыпанная каменной пылью, разрушенные ступени были завалены обожженными обломками. Я был один, покинутый и забытый, без надежды на спасение — на каменном роге земном. Так лежал я, глядя ввысь, и звезды кружились надо мною, и каждый день был равен жизни мира. Слабо доносились до меня звуки и шорохи изо всех земель — звуки цветения и умирания, рыданья и песни, и медленные, бесконечные стоны могильных камней. В конце концов меня вновь отыскал Гвайхир Ветробой; он подхватил меня и понес прочь.

— Я обречен быть твоей ношей, верный друг, — сказал я ему.

— Ношей ты был, — поправил он. — Теперь не то. Ты стал легче лебяжьего пуха. Солнце про-

свечивает тебя насквозь. Знаешь, я всё думаю, нужна ли тебе моя помощь: если я тебя отпущу, ты, пожалуй, и сам полетишь по ветру.

— Не бросай меня! — взмолился я, ибо вновь ощутил себя живым. — Отнеси меня в Лориэн.

— О том же просила меня Владычица Галадриэль, посылая на поиски, — отвечал он.

Вот так и случилось, что я оказался в Карас-Галадоне всего на несколько дней позже вас. Я надолго остался в безвременье этой земли, где дни несут исцеление. Я исцелился и был облачен в белое. Совет я дал и совет получил. Неведомыми путями шел я оттуда и принес вам послания. Вот что должен был я сказать Арагорну:

Где теперь твой народ, ты ответь, Элессар?

Почему от тебя он вдали?

Близок час. Позабытые выйдут из скал

И взойдут на твои корабли.

Долгий труд, страшный путь — всё тебе суждено.

Мчится с Севера Серый Отряд.

Вновь поднимутся те, кто был проклят давно,

К Морю путь вам они преградят.

Леголасу прислала она такие слова:

О Леголас Зеленолист! В густой тени лесов

Ты в счастье жил. Но берегись — опасен Моря зов.

И если сердцу твоему услышать суждено

Плач чаек — то в глуши лесной не отдохнет оно.

Гэндальф умолк и закрыл глаза.

— А мне она ничего не передала, — тихонько вздохнул Гимли и поник головой.

— Темны ее слова, — сказал Леголас, — и немногое говорят тем, кому посланы.

— Малое утешение, — отозвался Гимли, не поднимая головы.

— Ты предпочел бы, чтоб она предрекла твою смерть?

— Да, если ей больше нечего сказать.

— Что такое? — встрепенулся Гэндальф. — А! Кажется, я догадываюсь, что означали ее слова. Прости, Гимли! Я задумался над ее посланиями. Но она послала Слово и тебе:

«Гимли, сыну Глоина, — сказала она, — передай привет от его Дамы. Хранитель Локона, куда бы ты ни пошел, думы мои пребудут с тобой. Но остерегись направить свой топор на верное дерево!»

— В счастливый час вернулся ты к нам, Гэндальф! — кричал Гимли, прыгая и напевая что-то на своем гортанном языке. — Ну, ну, подходите! — дурачился он, размахивая топором. — Если уж голова Гэндальфа стала неприкосновенной, так найдите мне что-нибудь, чтобы мой топор не скучал!

— Долго искать не придется! — Гэндальф поднялся. — Мы славно провели время, друзья, но теперь надо идти.

***

Он снова закутался в серый изодранный плащ и двинулся вперед. В молчании все следовали за ним — прочь от уступа, по лесу и вниз по Энтице — покуда не вышли на опушку Фангорна. Коней всё еще не было видно.

— Они не вернулись, — вздохнул Леголас. — Нас ждет утомительный путь.

— Я не пойду пешком, — сказал Гэндальф. — Время не ждет.

Он поднял голову — и долгий, чистый и высо-

кий звук прорезал воздух. Маг свистнул трижды, и им почудилось, что восточный ветер принес из дали полей слабое ржание. Они ждали. Скоро донесся стук копыт — сперва едва ощутимым дрожанием земли, внятным лишь Арагорну (он приник ухом к земле), затем всё громче и громче.

— Конь не один, — заметил Арагорн, выпрямляясь.

— Истинно, — слегка улыбнулся Гэндальф. — Мы четверо — слишком тяжкая ноша для одного коня.

— Их трое, — сказал Леголас, глядя на равнину. — Как они мчатся! Да это Хазуфель и моя подружка Арод! Но с ними еще один конь, он бежит впереди — прекраснее коня я не встречал!

— И не встретишь, — согласился Гэндальф. — Это Ночиветр, вождь меарасов, царственных коней, и даже Теодэну, князю Роханда, не доводилось видеть лучшего коня. Он сверкает, как серебро, а бег его плавен, словно теченье равнинной реки. Он пришел ко мне — это конь Белого Всадника. Вместе мы вступим в битву.

Пока старый маг говорил, конь приблизился, летя по склону; шкура его сияла, грива стелилась по ветру. Двое других следовали за ним. Едва

Ночиветр заметил Гэндальфа, он остановился и громко заржал; потом медленно подошел и, склонив гордую голову, прижался мордой к шее старика.

Гэндальф погладил его.

— Долог путь из Светлояра, друг мой, — проговорил он. — Но ты мудр и скор и пришел вовремя. Долгий путь предстоит нам, мы пройдем его вместе и не расстанемся более в этой жизни!

Приблизились и другие кони. Они стояли чуть поодаль, словно ожидая приказов.

— Мы отправимся сейчас в Медузэлд, дворец вашего господина Теодэна, — серьезно обратился к ним Гэндальф. Они склонили головы. — Времени у нас мало, поэтому, с вашего позволения, друзья мои, мы поедем верхом. Мы просим вас бежать как можно быстрее. Хазуфель понесет Арагорна, Арод — Леголаса. Гимли поедет со мной — Ночиветр согласится нести нас обоих. Мы задержимся лишь для того, чтобы вы напились.

— Теперь мне ясна хотя бы часть вчерашней загадки, — заметил Леголас, легко вспрыгивая на спину Арод. — От страха они убежали вначале или нет — наши кони встретили Ночиветра, своего вождя, и радостно приветствовали его. Знал ты, что он рядом, Гэндальф?

— Знал, — отвечал маг, — Я мысленно звал его и попросил поспешить; ибо вчера он был далеко на юге. И вот он примчался ко мне, и снова несет меня!

***

Гэндальф говорил с Ночиветром, а конь летел так, что спутники едва поспевали за ним. Немного он погодя он неожиданно свернул, отыскал на берегу пологий спуск и, переплыв реку, повел их к югу по гладкой безлесной равнине. Ветер гнал серые волны по травам бесконечных степей. Нигде не было и следа тропинки или тракта, однако Ночиветр не останавливался и не колебался.

— Он бежит прямо к замку Теодэна, что в предгорьях Белых Гор, — сказал Гэндальф. — Так гораздо быстрее. На востоке, где пролег Главный Восточный Тракт, земля тверже, но Ночиветру ведомы пути через все лощины и топи.

Много часов скакали они по степи и заливным лугам. Часто трава бывала столь высока, что достигала коленей всадников, и, казалось, кони плывут в серозеленом море. Они проезжали скрытые заводи, обширные заросли осоки над предательскими трясинами; но Ночиветр всегда находил дорогу, и другие кони следовали за ним.

Солнце медленно клонилось к западу. Оглядывая просторы роандийских равнин, всадники увидели мгновенный всплеск багрового пламени, тотчас же утонувший в травах. Далеко у горизонта плечи гор с двух сторон мерцали багрянцем. Оттуда поднимался дым, окрашивая в цвет крови солнечный диск, и казалось, трава загорается под его лучами.

— Там лежит Роандийский Проход, — сказал Гэндальф, ни к кому не обращаясь. — Там лежит Исенгард.

— Я вижу клубы дыма, — пробормотал Леголас. — Что бы это могло быть?

— Война и битва, — отвечал Гэндальф. — Вперед!

Глава 6
В Золотом Дворце

Они скакали сквозь закат, и сумерки, и опускающуюся ночь. Когда, наконец, они остановились и спешились, даже Арагорн был измотан до предела. Гэндальф позволил им отдохнуть лишь несколько часов. Леголас и Гимли спали; Арагорн лежал на спине, раскинув руки; но Гэндальф стоял, опершись на Жезл, вглядываясь в темноту.

Ни единый шорох не нарушал ночной тишины. Когда они поднялись, небо было затянуто тучами, принесенными студеным ветром. В холодном лунном свете вновь вышли они в путь, мчась так же быстро, как при свете дня.

Проходили часы, а скачка продолжалась. Гимли задремал и упал бы с седла, если бы Гэндальф не встряхнул его. Хазуфель и Арод, усталые, но гордые, следовали за своим неутомимым вождем, серой тенью скользящим в ночи. Лиги летели под копыта. Восковая луна скрылась за тучами. Жестокий холод пронизывал воздух. На востоке тьма медленно растворялась в стылой серости. Алые копья света взлетели над черной стеной Привражья слева от них. Вставал рассвет, яркий и чистый; ветер пересекал их путь, шурша в клонящихся травах. Внезапно Ночиветр остановился и заржал. Гэндальф указал вперед.

— Смотрите! — вскричал он, и они подняли усталые глаза. Перед всадниками стояли горы юга, увенчанные снегами, испещренные черными полосами. Степи докатывались до холмов, что теснились у их подножий, и разделялись на множество узких долин, всё еще мглистых и темных, пробивающих свой извилистый путь к сердцу великих гор. Прямо перед путешественниками

лежала обширнейшая из этих долин, подобная длинному заливу меж берегов-холмов. В глубине ее они заметили группу гор с высоким пиком. У входа в долину, подобно стражу, стоял одинокий холм. Вокруг его подножия вился, блестя серебром, поток, вытекающий из долины; на его склоне они уловили далекий блеск, мерцание золота.

— Говори, Леголас! — обратился к эльфу Гэндальф. — Скажи, что ты видишь?

Леголас вгляделся, заслонив глаза от лучей восходящего солнца.

— Я вижу белый поток, текущий с ледников, — сказал он. — На востоке, там, где он вытекает из долины, поднимается зеленый холм. Ров и мощные стены окружают его, а перед рвом насажена колючая изгородь. Внутри видны крыши домов. А в центре, на высокой зеленой террасе, стоит большой дворец. И мне кажется, он крыт золотом. Там стоят воины в светлых кольчугах; но остальные дворы спят.

— Дворы эти зовутся Эдорасом, — кивнул Гэндальф. — А золотой дворец — Медузэлд. Там живет князь Теодэн, Сеньор Роандиийской Марки. Мы двинемся с приходом дня. Перед нами прямой путь. Но необходима осторожность, ибо идет война и роандийцы, властители коней, не

дремлют, как может показаться. Мой совет всем вам: забудьте об оружии, оставьте надменность, пока мы не предстанем перед князем.

***

Ясным и чистым светом горело утро, пели птицы, когда путешественники подъехали к реке. Они быстро бежала по долине, изгибаясь у подножия холмов широкой петлей и, повернув, уходила к востоку, к заросшему тростником ложу Энтицы. Земля была зеленой; во влажных лугах и вдоль травяных берегов росло много ив. Здесь, на юге, они уже почувствовали приближение весны и закраснелись концами веток. Реку пересекал брод, утоптанный табунами. Путешественники миновали его и неожиданно наткнулись на широкий, изрезанный колеями тракт, ведущий к нагорьям.

У подножия Крепостного Холма дорога шла в тени высоких зеленоскатных курганов. На их западных склонах трава была белой точно запорошенная снегом: множество маленьких цветов расцвело там, подобно звездам в траве.

— Взгляните! — мягко улыбнулся Гэндальф. — Как прекрасны ясные глаза трав! Незабудками зовутся они, симбелминэ на языке этой страны,

ибо цветут они круглый год и только там, где спят уснувшие вечным сном. Здесь покоятся предки Теодэна.

— Семь курганов слева, девять — справа, — заметил Арагорн. — Много поколений сменилось с тех пор, как был возведен Золотой Дворец.

— Пятьсот раз краснели и опадали листья в моем родном Лихолесье с тех пор, — обернулся к нему Леголас. — И кратким показалось нам это время.

— Но для всадников Марки оно было долгим, — сказал Арагорн. — Таким долгим, что рассказ о возведении этого дворца стал преданием, а всё, что было до того, затерялось во мгле столетий. Теперь они зовут эту землю своим домом, и язык их отличен от языка их северной родни. — И он тихо запел на медленном, незнакомом товарищам языке, — однако эльф и гном слушали, потому что звучали в этом напеве сила и скрытая боль.

— Это, наверно, язык Роханда, — проговорил Леголас. — Он похож на эту землю: порой — плодородную и мягкую, порой — твердую и суровую. Но я не понимаю, о чём эта песнь — кроме того, что сложена она с печалью Смертных.

— Вот как она звучит на Всеобщем языке, — сказал Арагорн. — Переводчик я неважный… ну

да слушайте:

Где всадник? Где конь? Где рога звук?
По ветру волос сверканье?
Где алый огонь и летящий стук,
И жил под рукой дрожанье?
Где бурные травы нашей весны?
Прошли, как дожди долины…
Укрылись в горах, как благие сны,
Упали в поток стремнины.
Погасший костер кто увидит с гор?
Где голос становищ давних?
Пески продолжают с цветеньем спор,
Развалин зловещи камни.

Так пел когда-то забытый роандийский бард, вспоминая, как высок и прекрасен был Эорл Юный, пришедший сюда с севера; крылатым был его конь Феларoф, отец коней. Так поют роандийцы и по сей день, сидя вечером у огня.

Беседуя, друзья миновали курганы. Дорога вела отряд по зеленым плечам холмов, встречь ветру, и вскоре они подъехали к ветроломным стенам и высоким воротам Эдораса.

Их охраняли стражники в светлых кольчугах.

Они мгновенно вскочили с земли и преградили копьями путь.

— Остановитесь, незнакомцы! — вскричали они на языке Роханда, требуя у товарищей, чтобы те назвали свои имена и цель приезда. Удивлённы и враждебны были их взгляды; хмуро смотрели они на Гэндальфа.

— Хорошо, что я понимаю ваш язык, — ответил он по-роандийски, — но ведь не все чужестранцы владеют им. Почему вы не говорите на Всеобщем языке, если хотите получить ответ?

— Такова воля князя Теодэна. Никто не войдет в эти ворота, кроме тех, кто говорит по-нашему и, значит, является нашим другом, — ответил один из стражей. — Никого не зовем мы сюда в дни войны — только наших воинов и тех, кто идет из Гондора. Кто вы, опрометчиво пересекшие равнину, скачущие на конях, подобных нашим коням? Давно заметили мы вас. Мы не видели прежде ни таких странных всадников, ни такого гордого коня, как один из тех, что несут вас. Он из рода Феларофа, если глаза не обманывают нас. Скажи, не колдун ли ты, не шпион ли Сарумана, не призрак ли? Отвечай, да поживее!

— Мы не призраки, — сказал Арагорн. — И глаза ваши не лгут вам. Ибо это действительно ваши

кони, и, думаю, вы знали об этом, задавая вопрос. Но вор не стал бы возвращать украденное. Это Хазуфель и Арод, что два дня назад одолжил нам Йомер, третий Маршал Роандийской Марки. Мы привели их назад, как обещали. Разве Йомер не вернулся и не предупредил о нашем приходе?

В глазах стража мелькнула тревога.

— О Йомере я говорить не стану, — ответил он. — Если то, что ты сказал мне, — правда, тогда, без сомнения, Теодэн должен об этом знать. Быть может ваше появление не так уж непредвиденно. Две ночи назад к нам приходил Червослов и передал, что по велению князя ни один чужестранец не должен войти в эти ворота.

— Червослов? — остро взглянул на воина Гэндальф. — Ни слова больше! Миссия моя касается не Червослова, но Сеньора Марки и только его. Не пошлешь ли ты кого-нибудь доложить о нашем приезде? — глаза мага сверкнули под густыми бровями, и он в упор посмотрел на стража.

— Я пойду сам, — медленно проговорил тот. — Но какое имя должен я назвать? И что должен я сказать о тебе? Ты кажешься старым и усталым, но думаю я, ты можешь быть суровым и непреклонным.

— Зорок ты и сказал верно, — кивнул маг. —

Ибо я — Гэндальф. Я вернулся. И — взгляни! — я тоже привел назад коня. Это Ночиветр Великий, которого ни одна другая рука не может укротить. А рядом со мной Арагорн, сын Арафорна, наследник королей, и эльф Леголас, и гном Гимли. А теперь ступай и скажи своему господину, что мы стоим у ворот и хотели бы говорить с ним — если только он позволит нам войти в его дворец.

— Удивительные имена назвал ты! Но я передам их, как ты велишь, и узнаю волю моего господина. Подождите здесь немного, и я принесу вам его ответ. Но не надейтесь на многое! Стоят лихие дни! — Страж быстро зашагал прочь, оставив пришельцев под бдительными взглядами товарища.

Спустя некоторое время он возвратился.

— Следуйте за мной! — сказал он. — Теодэн позволил вам войти, но любое оружие, будь то всего лишь посох, вам придется оставить у порога. Стражи Дверей сохранят его.

***

Темные ворота распахнулись. Путешественники спешились и вошли. Они увидели широкую дорогу, мощеную дробленым камнем; она извивами вела вверх, кое-где переходя в пологие

ступени. Друзья миновали много деревянных домов и темных дверей. Рядом с дорогой в каменном русле тек светлый говорливый ручей. Наконец они подошли к вершине холма. Там над зеленым склоном высилась веранда, у подножия которой из каменной лошадиной головы бил фонтан; перед ним был широкий бассейн, и вода изливалась из него водопадом. По зеленой террасе вверх шла каменная лестница, крутая и широкая; по обе стороны верхней ступени в камне были высечены скамьи. На этих скамьях сидели стражи с обнаженными мечами на коленях. Золотистые волосы падали им на плечи; знак солнца украшал изумрудно-зеленые щиты, длинные латы ясно горели и, когда они поднялись, то показались путникам выше смертных людей.

***

— Двери перед вами, — сказал проводник. — Я должен вернуться на пост у ворот. Прощайте! Да будет князь Теодэн милостив к вам! — И он ушел вниз по дороге. А остальные стали подниматься по лестнице под взглядами высоких стражей. Молча стояли они наверху, пока Гэндальф не ступил на мощеную веранду, которой оканчивалась лестница. Тогда внезапно они чистыми

голосами прокричали учтивое приветствие на своем языке.

— Привет вам, пришельцы издалека! — воскликнули они и повернули мечи эфесами к странникам в знак мира. На солнце блеснули зеленые самоцветы. Затем один из воинов выступил вперед и заговорил на Всеобщем языке.

— Я Страж Дверей князя Теодэна. Зовут меня Хама. Я предлагаю вам оставить здесь оружие.

Леголас передал ему кинжал с инкрустированной серебром рукоятью, лук и колчан.

— Хорошенько храните их, — молвил он. — Это дар Владычицы Золотого Леса.

Изумление вспыхнуло в глазах стража. Он торопливо положил оружие к стене, словно боясь держать его в руках.

— Никто не дотронется до них, клянусь вам, — ответил он.

Арагорн колебался.

— Не желал бы я, — сказал он, — расставаться со своим мечом или отдавать Андуриль в руки другого.

— Но того желает Теодэн, — учтиво возразил Хама.

— Мне не совсем ясно, как воля Теодэна, сына Тэнгела, будь он даже Сеньором Марки, сможет

восторжествовать над волей Арагорна, сына Арафорна, наследника Элендиля Гондорского.

— Это дворец Теодэна, а не Арагорна, будь он даже князем Гондора на престоле Дэнетора, — сказал Хама, быстро отступая к дверям и преграждая дорогу. Меч его был теперь обращен к чужестранцам клинком.

— Пустой разговор, — вмешался Гэндальф. — Требование Теодэна бессмысленно, но еще более бессмысленно отказываться выполнить его. Не вноси свой закон в чужие стены, мой друг.

— Ты прав, — согласился Арагорн, — и я поступил бы как велит мне хозяин дома, находись я даже в хижине дровосека, — если бы речь не шла об Андуриле.

— Каково бы ни было его имя, — со спокойной угрозой произнес Хама, — вам придется оставить его здесь, если вы не хотите биться в одиночку против всех воинов Эдораса.

— Не в одиночку, — Гимли мрачно взглянул снизу вверх на стража, словно тот был деревом, которое гном собрался повалить. — Не в одиночку!.. — повторил он, сжимая рукоять топора.

— Тише, тише! — мягко воскликнул Гэндальф. — Здесь все друзья. Или должны ими быть: ибо великую радость доставит Мордору наша

ссора. Дело мое не ждет. Вот мой меч, добрый Хама. Храни его. Он зовется Гламдрингом и был выкован эльфами в незапамятные времена. А теперь дай мне пройти. Ну же, Арагорн!

Медленно расстегнул Арагорн пояс и сам прислонил меч к стене.

— Здесь оставляю я его, — сказал он. — Но берегись его тронуть! В этих эльфийских ножнах покоится Меч, что был Сломан и откован вновь, — и смерть поразит всякого, кроме наследника Элендиля, кто дерзнет прикоснуться к нему.

Страж отступил и в изумлении посмотрел на Арагорна.

— Вы словно вышли из древних преданий, — потрясенно пробормотал он. — Всё будет исполнено по Вашему слову, сьер.

— Что ж, — с явным облегчением вздохнул Гимли. — Если уж вам доверили Андуридь, мой топор тоже может остаться здесь.

Страж, однако, всё еще колебался.

— Твой жезл, — обратился он к Гэндальфу. — Прости, но его тоже надо оставить.

— Глупости! — отрезал Гэндальф. — Предусмотрительность — одно дело, неучтивость — другое. Я стар. Если я не буду опираться на посох, мне придется сидеть здесь, покуда князь Теодэн сам

не выйдет ко мне.

Арагорн расмеялся.

— У каждого есть нечто, слишком дорогое его сердцу, чтобы доверять это кому-либо. Неужели вы отнимите у старика его опору?.. Ну что, можем мы войти?

— Жезл в руках мудреца может оказаться большим, чем просто опора, — заметил Хама, с недоверием глядя на ясеневый посох Гэндальфа. — Однако в сомнениях люди чести должны доверять своему разуму. Вы кажетесь мне достойными уважения. Входите!

***

Стражи подняли тяжелые засовы, и створки дверей с глухим рокотом разошлись. Странники вошли во дворец. После свежего воздуха и ясного света внутри было темно и душно. Дворец был обширен, полон неясных теней и неярких огней; мощные колонны поддерживали высокий свод. Но тут и там яркие солнечные лучи, сверкая, проникали сквозь восточные окна, затененные глубокими нишами. Сквозь щели в крыше сияло бледно-голубое небо. Когда глаза привыкли к полумраку, товарищи заметили, что пол выложен из разноцветного камня; ветвящиеся руны

и неведомые знаки сплетались под их ногами. Они разглядели богатую инкрустацию колонн, мерцающих тусклым золотом и нежными полутонами мрамора. Стены украшали тканые картины — они изображали героев древних сказаний; некоторые потускнели с годами, некоторые скрывались в тени. Но одно изображение было ярко освещено: юноша на белом коне. Он трубил в большой рог, и светло-русые волосы его струились по ветру. Голова коня была вскинута, ноздри его раздувались; он чуял битву. Бело-зеленый поток стремительно вихрился вокруг его коленей.

— Это Эорл Юный, — сказал спутникам Арагорн. — Таким прискакал он с севера, чтобы вступить в битву на полях Келебранта.

Четверо товарищей прошли мимо яркого огня, горящего в очаге в центре зала. Потом остановились. В дальнем конце зала, за очагом, был помост. К нему вели три ступени. На помосте стояло широкое позолоченное кресло. В нем сидел человек, столь согбенный, что казался гномом; его густые волосы длинными прядями спадали из-под тонкого золотого обруча, охватывавшего лоб. В центре обруча сиял белый бриллиант. Борода покрывала колени старца подобно снегу;

глаза его, всё еще горящие ясным огнем, сверкнули при взгляде на чужестранцев. За его креслом стояла женщина в белом. У его ног на ступенях сидел человек в одеждах чародея; лицо его было бледно, глаза прикрыты тяжелыми веками.

Стояла тишина. Старец недвижно сидел в кресле. Наконец Гэндальф заговорил.

— Привет тебе, Теодэн, сын Тэнгела! Я вернулся. Ибо грядет буря, и друзья должны собраться вместе, чтобы не погибнуть.

Старец медленно поднялся, тяжело опираясь на черную трость с костяной рукоятью; теперь странники увидели, что, хотя годы согнули его, он всё еще был высок, и в юности, должно быть, держался прямо и гордо.

— Я приветствую вас, — сказал он. — И, возможно, вы ждете доброго приема. Но мне нелегко искренне приветствовать тебя, мастер Гэндальф. Ты всегда был глашатаем войны. Беды следуют за тобой подобно воронам, и одна ужаснее другой.

Не стану обманывать тебя: когда я узнал, что Ночиветр вернулся один, я обрадовался не только возвращению коня, но и отсутствию всадника; и когда Йомер принес весть о твоей гибели, я не скорбел. Но вести издалека редко бывают правдивы. Ты снова здесь! А с тобой, как я полагаю

— и новые беды, еще более пагубные, чем прежде. Так почему я должен приветствовать тебя, Буревест? Объясни, если сможешь. — И медленно опустился в кресло.

— Вы говорили справедливо, сеньор, — поддержал его бледный человек, сидящий на ступенях помоста. — Не прошло и пяти дней, как вы получили известие о гибели у Западных Болот вашего сына Теодреда: вашей правой руки, Второго Маршала Марки. На Йомера надежды мало. Если бы ему было доверено командование, немногих оставил бы он охранять стены этого города. А из Гондора идут вести о близкой войне с Черным Властелином. Воистину этот чародей не смог бы выбрать лучшего часа для возвращения! Правда, Гэндальф Буревест, почему мы должны привечать тебя? Как говорится: дурные вести — дурные гости. — Он мрачно рассмеялся и, приподняв на мгновение тяжелые веки, кинул на товарищей темный взгляд.

— Ты — сосуд мудрости, друг мой Червослов, — смиренно ответил Гэндальф, — и, без сомнения истинная опора своему господину. Однако у человека, несущего злые вести, есть два пути: создателя зла или друга, пришедшего предупредить и помочь.

— Это так, — протянул Червослов, — но есть и третий путь: собирателя костей, стервятника, жиреющего на войнах. Какую помощь приносил ты нам? И какую помощь принес ты сейчас? В прошлый раз, помнится, мы помогли тебе. Тогда князь позволил тебе выбрать любого скакуна; к нашему удивлению, ты выбрал Ночиветра. Мой господин был глубоко опечален; однако, решили мы, это не слишком высокая плата за то, чтобы ты убрался с нашей земли. Кажется мне, история повторяется: ты нуждаешься в помощи, а не принес ее. Привел ли ты воинов? Принес ли ты мечи, копья, луки? Или ты пригнал коней? Ибо всё это необходимо сейчас, и это я назову помощью.

Но кто следует за тобой? Трое бродяг в серых лохмотьях, и ты — самый нищий из четверых!

— Учтивость твоего дома тает на глазах, Теодэн, сын Тэнгела, — проговорил Гэндальф. — Разве начальник караула не назвал моих спутников? Мало кому из князей Роханда доводилось принимать трех таких гостей. Оружие, что они сложили у твоих дверей, достойно величайших из смертных. Серы их одежды, ибо сотканы эльфами, и они дошли в них сюда сквозь мглу многих бед и страданий.

— Значит, правда то, о чём рассказал Йомер, и

вы в сговоре с колдунами Золотого Леса? — вкрадчиво спросил Червослов. — Удивляться нечему: паутина лжи всегда плелась в Двимордэне.

Гимли резко шагнул вперед, но внезапно ощутил на своем плече руку Гэндальфа — и окаменел.

— В Двимордэне, в Лориэне
Не скользят людские тени.
Смертным в вереницe лет
Редко тот сияет свет.
В ясном свете тех земель
Явен зов: «Галадриэль!»
В родниках чиста вода,
И в руках бела звезда.
Непорочны листья сени
В Двимордэне, в Лориэне.
Той не знают красоты
Смертных дерзкие мечты, —

— тихо пропел Гэндальф — и вдруг преобразился. Отбросив изодранный плащ, он выпрямился, более не опираясь на Жезл, и голос его был теперь чист и холоден.

— Мудрый говорит лишь о том, что знает, Гри-

ма, сын Гельмуда. Неразумным червем стал ты. А потому молчи и держи свой грязный язык за зубами. Не затем шел я сквозь пламя и смерть, чтобы выслушивать поносные речи от слуги, да еще при свете дня.

Он поднял Жезл. Прокатился гром. Свет померк в восточных окнах. В зале сгустилась тьма. Огонь погас — лишь сердито краснели угли. Виден был только Гэндальф, чья озаренная белым фигура высилась перед почерневшим очагом.

Во мгле послышалось шипение Червослова:

— Не советовал ли я вам, господин, отобрать у него Жезл? Этот идиот Хама предал нас!

Ослепительная вспышка озарила зал — будто молния расколола крышу. Потом стало тихо. Червослов лежал лицом вниз.

— Теперь, Теодэн, сын Тэнгела, выслушаешь ли ты меня? — спросил Гэндальф. — Попросишь ли о помощи? — Он опустил Жезл и указал на высокое окно. Казалось, тьма там немного расчистилась, и сквозь просвет в ней стал виден далекий кусочек сияющего неба. — Не всё затемнено. Будь мужествен, Сеньор Марки, ибо лучшей помощи тебе не найти. Мне нечего посоветовать тому, кто предался отчаянию. Но тебе я скажу Слово и дам совет. Выслушаешь ли ты их? Они предна-

значены не для всех ушей. Но сначала выйди на веранду, оглядись! Слишком долго сидел ты среди теней, внимая кривотолкам и лживым клятвам.

Теодэн медленно поднялся. В зале снова вспыхнул слабый свет. Женщина быстро подошла к князю, взяла под руку, и старец неверными шагами спустился с помоста и медленно пошел через зал. Червослов остался лежать на полу. Они приблизились к дверям, и Гэндальф постучал.

— Отворите! — крикнул он. — Дорогу Сеньору Марки!

Двери отворились, и свежий воздух ворвался в зал. Над холмом свистел ветер.

— Отошли стражу к подножию лестницы, — сказал маг. — И ты, дева, оставь меня наедине с ним. Я позабочусь о нем.

— Ступай, Йовин, сестрична, — мягко произнес старый князь. — Время страхов прошло.

Женщина медленно пошла во дворец. На пороге она остановилась и оглянулась. Она задумчиво смотрела на князя, и в спокойных глазах ее была печаль.

Прекрасно было ее лицо, а волосы струились подобно золотому потоку. Стройной и высокой была она в своем белом, подпоясанном серебряным шнуром платье; и однако она казалась

сильной и гибкой, как сталь. Такой Арагорн впервые увидел при свете дня Йовин, княжну Роханда, и подумал, что красота ее, прекрасная и холодная, как утро ранней весны, не расцвела еще, и женственность ее еще дремлет. Но именно тогда была она разбужена им — высоким наследником королей, умудренным многими зимами, таящим под серыми лохмотьями Силу и Власть, которые ей дано было ощутить в этот час. На мгновение она застыла, потом повернулась и быстро ушла.

— А теперь, сеньор, — сказал Гэндальф, — оглядди свои земли! Вдохни вновь свежий воздух степей!

С веранды на вершине холма они видели за рекой зеленые роандийские равнины, уходящие вдаль и тающие в серой дымке. Упали первые капли принесенного ветром дождя. Небо над ними было темным, предгрозовым; с запада донесся гром, и далекая молния ударила в вершину одного из холмов. Но ветер сменился на северный, и пришедшая с востока гроза укатилась на юг, к морю. Внезапно сквозь разрыв в тучах прорвался поток солнечных лучей — и струи дождя озарились серебром, а река вдали замерцала, подобно драгоценному стеклу.

— Здесь не так уж темно, — проговорил Те-

одэн.

— Не так уж, — согласился маг. — И годы не так давят на твои плечи, как кое-кто заставлял тебя думать. Оставь свою подпорку!

Черная трость со стуком упала на камни. Князь медленно распрямлялся, как человек, долгое время придавленный тяжкой ношей. Теперь он снова был высок и прям, и глаза его ясно синели, словно отражая небесную голубизну.

— Темны были мои мысли, — сказал он. — А сейчас я точно родился заново. И сейчас мне хотелось бы, чтобы ты пришел раньше, Гэндальф. Потому что, боюсь я, ты увидишь лишь закат моего дома. Недолго осталось стоять этим высоким стенам. Огонь пожрет трон отцов. Что можно сделать?..

— Многое, — откликнулся Гэндальф. — И прежде всего пошли за Йомером. Правильно ли я понял, что ты заточил его в темницу по совету Гримы — того, кого все, кроме тебя, зовут Червословом?

— Это правда, — вздохнул Теодэн. — Он восставал против моих приказов и угрожал смертью Гриме в моем дворце.

— Он может любить тебя и не любить Червослова с его советами.

— Может быть и так. Я исполню твою просьбу. Позови сюда Хаму. Он не смог быть стражем дверей — так быть ему на посылках. Пусть один виновный приведет на суд другого, — голос его звучал мрачно, но он взглянул на Гэндальфа и улыбнулся, и избороздившие его лицо морщины разгладились навсегда.

Когда Хама был вызван и отослан, Гэндальф усадил Теодэна на каменную скамью, а сам сел у его ног, на верхнюю ступень лестницы. Арагорн с товарищами стояли рядом.

— Сейчас не время рассказывать всё, что тебе надо было бы знать, — начал Гэндальф. — Но если надежды мои не обманут меня, скоро придет время, когда я смогу говорить более подробно. Слушай же! Тебе грозит опасность — большая, чем та, в которую заставляла тебя поверить лиходейская мудрость Червослова, что оплела и усыпила тебя. Но ты не спишь более! Ты живешь. Гондору и Роханду не выстоять поодиночке. Враг много сильнее, чем мы считали — и однако, у нас есть надежда, о которой он не подозревает.

Гэндальф заговорил тихо и быстро, и никто кроме князя не слышал его слов. Но, пока маг говорил, в глазах Теодэна разгорался ясный огонь, и в конце концов он поднялся со скамьи, выпря-

мившись в полный рост, и Гэндальф встал рядом, и они вместе взглянули на восток.

— Поистине, — сильно и ясно прозвучали слова Гэндальфа. — Надежда наша там, где наш величайший страх. Судьба светлых земель висит на волоске. Однако надежда по-прежнему существует — если нам удастся продержаться еще немного.

Теперь взоры всех были обращены на восток. Над лигами освещенных солнцем земель, за край зримого смотрели они, и страх и надежду несли их думы через затемненные горы в царство тьмы. Где сейчас Хранитель Кольца? Как тонок волос, на котором всё еще висит судьба! Леголасу, когда он напряг свои зоркие глаза, показалось, что он видит далекий белый блеск — солнечный луч, упавший на шпиль Охранной Башни. А впереди — бесконечно далекой — однако реальной — угрозой вспыхивали маленькие языки темного пламени.

Теодэн вновь опустился на скамью, медленно, словно усталость всё еще боролась в нем с волей Гэндальфа. Он обернулся и окинул взглядом свой величественный дворец.

— Увы! — прошептал он, — злые дни выпали мне на долю, и пришли они, когда я состарился.

Жаль Боромира! Юные уходят, а старикам — жить, — он обхватил колени сжатыми руками.

— Пальцы твои быстрее вспомнят былую силу, если сожмут эфес меча, — негромко сказал Гэндальф.

Теодэн поднялся и потянулся к боку, но меча на поясе не было.

— Куда Грима запрятал его? — пробормотал князь.

— Возьми этот, Сеньор, — раздался чистый голос. — Он всегда к твоим услугам. — Двое людей неслышно поднялись по лестнице и стояли теперь несколькими ступенями ниже веранды. Один из них был Йомер. На голове юноши не было шлема, грудь не прикрывала кольчуга, но в руке он держал обнаженный меч и, став на одно колено, он протянул его эфесом вперед своему сюзерену.

— Откуда он у тебя? — сурово спросил Теодэн. Он повернулся к Йомеру, и воины в изумлении воззрились на него, стоящего прямо и гордо. Куда девался старец, которого они покинули скрюченным в кресле, дрожащей рукой опирающимся на палку?

— Это моя вина, — ответил Хама, дрожа. — Я понял, что Йомер освобожден. И такая радость

была в моем сердце, что, возможно, я снова согрешил. Но, так как он получил свободу и является Маршалом Марки, я возвратил ему меч, как он меня просил.

— Чтобы положить его к твоим ногам, Сеньор, — молвил Йомер.

Мгновение Теодэн молча смотрел на коленопреклоненного Йомера. Никто не двигался.

— Ты не примешь меча? — тихо произнес за его спиной Гэндальф.

Теодэн медленно протянул руку. Когда пальцы его сжали эфес, стоящим вокруг показалось, что к иссохшим рукам вернулись гибкость и сила. Неожиданно он поднял клинок и со свистом рассек воздух. Потом громко вскрикнул — и голос его зазвенел в древнем боевом кличе:

— Вставайте, вставайте, Всадники!
Зло пробуждается, тьма на востоке!
Седлайте коней, трубите в рога!
Вперед, Эорлинги!

Стражи взбежали по ступеням, думая, что князь зовет их. В изумлении смотрели они на своего повелителя, потом все как один обнажили мечи.

— Веди нас!

— Весту Теодэн хал! — вскричал Йомер. — Ве-

ликая радость для нас видеть, что ты снова стал собой. Никто более не скажет, Гэндальф, что ты приносишь беду!

— Возьми свой меч, Йомер, сын сестры! — сказал князь. — Ступай, Хама, отыщи мой меч! Грима припрятал его. Приведи заодно и его самого. Гэндальф, ты говорил, что можешь дать мне совет, если я пожелаю его услышать. Так что за совет?

— Ты уже взял его сам, — улыбнулся Гэндальф. — Доверять Йомеру больше, чем человеку с кривыми мыслями. Оставить сожаления и страх. Вершить дела самому. Всех, кто может держаться в седле, немедленно послать на запад, как тебе советовал Йомер: мы должны покончить с Саруманом, пока есть еще время. Если мы потерпим поражение — мы погибли. Если победим — придет черед следующей заботе. Раненых, а также женщин, детей и стариков надо тотчас же укрыть в горах. Готовы ли убежища? Пусть люди возьмут еду, но не мешкают и не тащат с собой драгоценностей. Ставка в этой игре их жизнь.

— Теперь твой совет кажется мне полезным, — сказал Теодэн. — Мой народ последует ему немедля. Но вы, мои гости, — верно сказал ты, Гэндальф, что учтивость покинула мой дом! Вы скакали всю ночь, и утро на исходе, — а вам не

предложили ни отдыха, ни еды. Покои, где вы сможете отдохнуть после завтрака, готовы.

— Нет, князь, — покачал головой Арагорн. — Не пришло еще время, когда усталые смогут отдохнуть. Всадники Роханда должны выступить сегодня же, и мы выступим с вами — Меч, Топор и Лук. Мы принесли их не для отдыха у стен вашего Дворца, Сеньор Марки. И давно обещал я Йомеру, что наши мечи будут сверкать рядом.

— Теперь действительно есть надежда победить! — обрадовался Йомер.

— Надежда, да, — сумрачно улыбнулся Гэндальф. — Но Исенгард силен, и другие опасности всё ближе. Не мешкай, Теодэн, когда мы уйдем. Быстрей уводи народ в горы, в Урочище Духов!

— Нет, Гэндальф! — возразил князь. — Ты сам не знаешь, какой ты искусный целитель. Всё будет не так. Я сам поведу в бой моих всадников и, возможно, паду в пылу сражения. Но тем спокойнее будет мой сон.

— Тогда даже поражение Роханда будет воспето бардами, — заметил Арагорн.

Воины, стоящие вокруг, загремели оружием, восклицая:

— Сеньор Марки ведет нас! Вперед, Эорлинги!

— Ты не должен лишать свой народ одно-

временно и защиты, и пастыря, — предостерег маг. — Кто будет вести и направлять его в твое отсутствие?

— Я подумаю об этом, — кивнул Теодэн. — А сейчас сюда идет мой советник.

***

Из дворца вышел Хама. За ним, раболепно съежившись, шел Грима Червослов. Лицо его было совсем белым. Глаза щурились от солнечного света. Хама преклонил колени и подал Теодэну длинный меч в ножнах, изукрашенных изумрудами и золотом.

— Вот, сеньор, меч твоих предков, Херугрим, — сказал воин. — Его нашли в сундуке этого человека. Очень не хотелось ему расставаться с ключами. И там нашлось еще многое из того, что потеряли другие.

— Ты лжешь, — не глядя на него, заявил Червослов. — Меч этот твой господин сам отдал мне на хранение.

— А теперь он забирает его у тебя, — проговорил Теодэн. — Это неприятно тебе?

— Разумеется нет, сеньор, — отвечал Червослов. — Я забочусь о вас, как могу. Но не утомляйте себя, не напрягайте чрезмерно своих сил.

Позвольте другим разобраться с этими надоедливыми гостями. Стол ваш накрыт и завтрак ждет. Идете ли вы?

— Иду, — сказал Теодэн. — И распорядись, чтобы гостям тоже подали завтрак. Они будут есть за моим столом. Войско выступает сегодня. Вышли вперед герольдов! Пусть созывают всех, кто живет неподалеку. Всех мужчин и юношей, которые могут носить оружие, всех, у кого есть кони. Пусть велят им собраться у ворот Эдораса к двум часам пополудни.

— Сеньор! — возопил Червослов. — Этого-то я и боялся! Этот чародей околдовал вас! Неужели никто не останется защищать Золотой Дворец — жилище ваших предков? Никто, чтобы охранять Сеньора Марки?

— Если это и колдовство, — сказал Теодэн, — оно кажется мне более полезным, чем твой шепот. Твое знахарство слишком долго заставляло меня ходить на четвереньках, как зверя. Нет, здесь не останется никого — даже Гримы. Грима тоже отправится на войну. Ступай! У тебя еще довольно времени, чтобы очистить свой меч от ржи.

— Милосердия, сьер! — проскулил Червослов, падая ниц. — Сжальтесь над тем, кто не жалел себя, служа вам! Не отсылайте меня от себя! Я и

один сумею защитить вас, если остальные уйдут. Не отсылайте вашего преданного Гриму!

— Мне жаль тебя, — серьезно сказал Теодэн. — И я не хочу отсылать тебя от себя. Я веду воинов в бой. Следуй за мной и делом докажи свою преданность.

Взгляд Червослова перебегал с лица на лицо. Глаза его были глазами затравленного зверя, лихорадочно ищущего лазейку в кольце врагов. Он часто облизывал губы длинным бледным языком.

— Подобную решимость можно ожидать от князя из Дома Эорла, хоть он и стар. Но тот, кто истинно любит его, пощадит его преклонные годы. Однако я вижу, что пришел слишком поздно. Те, кого, быть может, не опечалит смерть моего господина, сумели убедить его. Если я не могу разрушить содеянного ими, услышьте меня хоть сейчас, сеньор! В Эдорасе должен остаться тот, кому ведомы ваши замыслы и кто станет беспрекословно выполнять ваши приказы. Назначьте вашего преданного слугу. Позвольте своему советнику Гриме хранить дом до вашего возвращения — и я молю, чтобы мы увидали его, хотя ни один мудрец не станет надеяться на это.

Йомер рассмеялся.

— А если и этот предлог не избавит тебя от войны, благороднейший Червослов, — осведомился он, — какую еще менее почетную службу найдешь ты себе тогда? Таскать в горы мешки с едой — если кто-нибудь доверит их тебе?

— Нет, мой Йомер, ты не понял истинных замыслов мастера Червослова, — Гэндальф обратил на того пронзительный взгляд. — Он коварен и нагл. Даже сейчас он играет с опасностью — и выиграл… пинок. Терпение мое истекло. Ниц, змея! — внезапно приказал он голосом, от которого мороз пробежал у всех по коже. — Ниц, на брюхо! Когда Саруман купил тебя? Что он тебе посулил? Что, когда все погибнут, ты получишь часть сокровищ — и женщину, которую дерзнул пожелать? Слишком долго следил ты за ней из-под век и бродил за ней по пятам.

Йомер схватился за меч.

— Я знал об этом, — пробормотал он. — И прежде я убил бы его за одно это, забыв законы нашего дома. Но теперь есть и другие причины. — Юноша шагнул вперед, но Гэндальф рукой задержал его.

— Йовин в безопасности, — сказал он обычным своим голосом. — Но ты, Червослов, ты сделал всё, что мог, для своего верного господина. Надо воздать тебе по заслугам. Однако Саруман скло-

нен забывать о своих сделках. Я советовал бы тебе поскорее отправиться к нему и напомнить о своей преданности — не то он и не вспомнит об оказанной тобой услуге.

— Ты лжешь, — неуверенно возразил Червослов.

— Слово это слишком часто слетает с твоих губ, — холодно заметил Гэндальф. — Я не лгу. Смотри, Теодэн, перед тобой змея. Ты не можешь без риска взять его с собой или оставить позади. Убить его было бы справедливо. Но он не всегда был тем, чем стал сейчас. Когда-то он был человеком и служил тебе, как мог. Так дай ему коня, и пусть он сам выбирает свой путь. Что выберет — то получит.

— Ты слышал, Червослов? — князь не смотрел на распростертого у его ног человека. — Выбирай: отправишься ли ты с нами на войну и делом докажешь свою преданность, или уйдешь сейчас, куда пожелаешь. Но знай: если мы снова встретимся, я забуду о милосердии.

Червослов медленно поднялся. Он смотрел на воинов, полуприкрыв глаза. Пристально поглядел он на Теодэна, раскрыл рот, точно собираясь что — то сказать — и вдруг выпрямился. Руки его двигались. Глаза сверкали. Такая ярость кло-

котала в нем, что люди отступили от него. Он заскрежетал зубами; потом, дыша с присвистом, плюнул под ноги князю и, метнувшись в сторону, кинулся вниз по лестнице.

— За ним! — велел Теодэн. — Последите, чтобы он не причинил никому зла, но не трогайте и не задерживайте его. Дайте ему коня, если он пожелает.

— …И если хоть один из них пожелает нести его, — добавил Йомер.

Один из стражей сбежал по ступеням. Другой спустился к водоему у подножия веранды, принес в шлеме воды и начисто вымыл осквернённые Червословом камни.

***

— А теперь, гости мои, идем! — пригласил Теодэн. — Идем и подкрепимся, насколько позволяет время.

Они вернулись во дворец. Внизу, в городе, слышались голоса герольдов и звучно трубили рога: князь хотел выступить, как только люди города и предместий вооружатся и соберутся у ворот.

За столом князя сидел Йомер и четверо гостей. Была там и Йовин. Все торопливо ели и пили. Теодэн расспрашивал Гэндальфа о Сарумане,

остальные молчали.

— Кто знает, как давно началось его предательство? — задумчиво говорил маг. — Не всегда он был лиходеем. Когда-то я не сомневался, что он друг Роханда; и даже когда душа его заледенела, он всё-таки был вам полезен. Но давно замыслил он сокрушить вас, хоть и носил личину дружбы, пока не подготовился к войне. В те годы служба Червослова была легка, и все твои поступки тут же становились известны Исенгарду. Потому что земли твои были открыты, и чужестранцы свободно проходили через них. И всегда рядом с тобой был Червослов, шепотом своим отравляя твои думы, холодя сердце, ослабляя члены, а остальные могли лишь молча наблюдать, как ты гибнешь, ибо ты постоянно желал видеть его рядом.

Но когда я бежал и предостерег тебя — маска была скинута. После этого Червослов повел опасную игру, всё время стараясь задерживать тебя, не давая тебе собраться с силами. Он был ловок: притуплял беспокойство, играл на страхах.

Помнишь, как легко он убедил тебя, что нельзя посылать людей на север в погоню за недостижимым, когда постоянная опасность грозит с запада? Он уговорил тебя запретить Йомеру преследовать

орков. Если бы Йомер не решился открыто противостоять ему, говорящему твоими устами — орки были бы уже в Исенгарде, и с большой добычей. Нет, не с той, которую жаждет Саруман превыше всего, — но с двумя членами моего отряда, долей той тайной надежды, о которой даже с тобой, сьер, я не могу говорить открыто. Отважишься ли ты представить себе все страдания, которые могли выпасть на их долю, или то, что мог бы знать сейчас Саруман — чтобы уничтожить нас?

— Я многим обязан Йомеру, — сокрушенно вздохнул Теодэн. — Поздно понял я, что у преданного сердца может быть упрямый язык.

— Скажи еще, — откликнулся Гэндальф, — что кривым глазам правда всегда видится кривдой.

— Воистину слепы были мои глаза, — молвил Теодэн. — Более всех обязан я тебе, гость мой. Снова ты успел вовремя. Я отдам тебе всё, чтобы ты ни выбрал: только назови. Лишь меч оставляю я себе.

— Успел ли я вовремя — покажет время, — сказал Гэндальф. — Что до подарка, князь, я выбираю то, что мне нужнее всего: быстроту и верность. Дай мне Ночиветра! Прежде он был лишь одолжен, если это можно назвать займом. Теперь же я отправляюсь на нем встречь великим опас-

ностям, противопоставив Свет Тьме: я не стану рисковать тем, что мне не принадлежит. К тому же нас связывают узы дружбы.

— Ты хорошо выбрал, — отвечал Теодэн. — Я отдаю его с радостью. Однако это великий дар. Нет коня, подобного Ночиветру. В нем воплотился один из лучших скакунов прошлого. И ему не вернуться вновь… А вам, остальные гости, я предлагаю всё, что найдется в моем арсенале. Мечи вам не нужны; но взгляните на шлемы и кольчуги искусной работы — дары моим предкам от Гондора. Выбирайте, что пожелаете, — и да охранят они вас в битве!

***

Вошли люди, неся одеяния войны из складов князя, и облачили Арагорна и Леголаса в сияющие кольчуги; гости выбрали также шлемы и круглые щиты: рельефы на них были выложены золотом и украшены драгоценными камнями. Гэндальф оружия не взял; Гимли же не нуждался в рубахе из колец, потому что не было в кладовых Эдораса кольчуги лучше, чем его короткие латы, откованные в кузницах Под Горой. Однако он взял железную шапку и небольшой круглый щит с изображением белого коня в зеленом поле

— гербом Дома Эорла.

— Пусть он хранит тебя! — сказал Теодэн. — Его изготовили для меня во времена Тэнгела, когда я был ребенком.

Гимли поклонился.

— Великая честь для меня, Сеньор Марки, нести твой герб. — Он усмехнулся. — Истинно: лучше уж мне нести коня, чем коню — меня. Я больше доверяю собственным ногам. И, быть может, еще доберусь туда, где смогу драться, стоя на земле.

— Вполне возможно, — согласился Теодэн.

Князь поднялся, и сразу вперед выступила Йовин, держа на подносе кубок с вином.

— Тэрту Теодэн хал! — произнесла она. — Прими этот кубок и осуши его в счастливый час. Да пребудет с тобой здоровье на всём пути!

Теодэн выпил кубок, и она стала обносить им гостей. Остановившись против Арагорна, она запнулась на мгновение и подняла глаза, и взгляд ее сиял. И он взглянул на ее прекрасное лицо и улыбнулся; но когда он взял кубок, руки их встретились, и он почувствовал, как дрогнула она от этого прикосновения.

— Здрав будь, Арагорн, сын Арафорна! — воскликнула она.

— Здрава будь, княжна Роханда! — ответил он,

но лицо его было взволнованно, и он не улыбался более.

Когда кубок обошел гостей, князь направился к дверям. Там ожидали его стражи, и герольды, и все сеньоры и вожди, что жили в Эдорасе или недалеко от него.

— Слушайте! — заговорил Теодэн, и герольды подхватили его слова. — Я выступаю с предчувствием, что это мой последний поход. Детей у меня нет. Мой сын Теодред погиб. Я называю Йомера, сына сестры, своим наследником. Если же не вернемся мы оба — изберите нового князя. Но я должен сейчас вверить кому-то мой народ, чтобы он правил им в мое отсутствие. Кто из вас останется здесь?

Воины молчали.

— Неужели же вам некого назвать? В кого верит мой народ?

— В Дом Эорла, — ответил Хама.

— Но Йомера я не могу отпустить, да он и сам не останется, — сказал князь. — А он последний из нашего дома.

— Я говорил не о Йомере, — возразил Хама, — и он не последний. Есть еще его сестра, Йовин, дочь Йомунда. Она бесстрашна и высока душой. Народ любит ее. Оставь ее повелевать Эорлингами, пока

нас не будет.

— Быть по сему, — решил Теодэн. — Пусть герольды объявят, что Йовин будет править Рохандом.

Потом князь опустился на скамью, а Йовин преклонила колени и приняла от него меч и латы.

— Прощай, племянница! — обратился к ней князь. — Темен этот час, однако, быть может, мы вернемся в Золотой Дворец. Но в Урочище Духов люди могут продержаться долго, и если битва будет проиграна, туда придут все, кто уцелеет.

— Не говори так! — отвечала она. — По дням пересчитаю я год, что минует до вашего возвращения. — Но, говоря это, она смотрела на стоящего неподалеку Арагорна.

— Не страшись! — сказал он. — Князь вернется. Не на Западе, но на Востоке подстерегает нас Рок.

Князь спускался по лестнице, и Гэндальф шел рядом с ним. Остальные двинулись следом. По дороге к воротам Арагорн обернулся — Йовин стояла одна на вершине лестницы, опираясь на меч. Она была в кольчуге, и фигура ее сверкала под солнцем, словно отлитая из серебра.

Гимли с топором на плече шагал рядом с Леголасом.

— Как много предисловий нужно людям, чтобы приняться за дело! Мой топор так и рвется из рук. Я, конечно, не сомневаюсь, что роандийцы беспощадны в бою. Однако это не та война, что подходит мне. Как вступлю я в битву? Я хотел бы идти, а не трястись подобно переметной суме на луке Гэндальфова седла.

— Думается, место это безопаснее многих, — сказал Леголас. — Однако Гэндальф, без сомнения, с радостью спустит тебя на землю, когда начнется бой, или Ночиветр сделает это сам. Топор не оружие для всадника.

— А гном не всадник. Я собираюсь рубить головы оркам, а не снимать скальпы с людей, — и Гимли сжал рукоять топора.

У Ворот они увидели огромную толпу; все, старые и молодые, были уже в седле. Всего собралось более тысячи воинов.

Упруги были их копья. Громким радостным кличем встретили они Теодэна. Кто-то держал под уздцы Среброгривого — коня князя, другие — коней Арагорна и Леголаса. Гимли нахмурился, чувствуя себя неловко, и в этот момент к нему, ведя коня, подошел Йомер.

— Хей, Гимли, сын Глоина! — воскликнул он. — У меня нет времени учиться вежливости под

твоей розгой, как ты обещал. Но не могли бы мы кончить нашу ссору? Я никогда не скажу ничего дурного о Владычице Лориэна.

— Я забуду на время о своем гневе, Йомер, сын Йомунда, — ответил Гимли. — Но если когда-нибудь ты увидишь Владычицу Галадриэль, ты должен будешь признать ее прекраснейшей в мире — или дружбе нашей придет конец.

— Быть по сему, — улыбнулся Йомер. — А до тех пор прости меня, и в знак примирения я предлагаю тебе свое седло — Гэндальф поедет впереди с Сеньором Марки, но если пожелаешь, конь мой Огненог понесет нас обоих.

— Благодарю тебя, — польщенно сказал Гимли, — я с удовольствием поеду с тобой, если мой друг Леголас поскачет рядом.

— Хорошо, — согласился Йомер. — Леголас слева от меня, а Арагорн — справа; и горе тем, кто дерзнет заступить нам путь!

— Где Ночиветр? — спросил Гэндальф.

— Пасется в степи, — ответили ему. — Он не позволил никому подойти к себе.

Гэндальф свистнул и громко позвал коня. Издалека донеслось ржание, и скакун понесся к войску, как выпущенная из лука стрела.

— Если бы Западный ветер обрел плоть, он

появлялся бы так же, — проговорил Йомер, когда Ночиветр промчался мимо и остановился перед магом.

— Подарок вручен, — сказал Теодэн. — Но слушайте все! Здесь, перед вами, называю я гостя моего, Гэндальфа Серого, мудрейшим из советников, самым уважаемым среди мудрецов, сьером Марки, вождем Эорлингов — пока существует наш род; и я дарю ему Ночиветра — короля табунов.

— Благодарю, князь Теодэн, — молвил Гэндальф. Затем внезапно скинул плащ, отбросил шляпу и вскочил в седло. Он был без шлема и лат. Снежной белизной мерцали струящиеся по ветру волосы мага, ослепительно сверкали на солнце его белые одежды.

— Узрите Белого Всадника! — вскричал Арагорн, и все подхватили его слова.

— Наш князь и Белый Всадник! — возглашали они. — Вперед, Эорлинги!

Ревели трубы. Храпели и ржали кони. Копья ударялись в щиты. Потом князь поднял руку, и стремительно, как налетевшая буря, последнее войско Роханда помчалось на Запад.

Стоя в одиночестве на пороге опустевшего дворца, Йовин видела в мареве степей дальний

блеск их копий.

Глава 7
Хельмова Бездна

Когда они выехали из Эдораса, солнце склонялось к западу и свет его бил им в глаза, затягивая раскинувшиеся вокруг роандийские равнины золотой дымкой. В предгорьях Белых Гор на северо-запад вел проторенный тракт, и они скакали по нему, спускаясь и поднимаясь по склонам холмов, пересекая маленькие быстрые реки. Далеко впереди и справа неясно маячил Мглистый Хребет; всё темнее и выше становился он с каждой пройденной милей. За него медленно садилось солнце. Наступал вечер.

Войско скакало вперед. Боясь опоздать, всадники неслись так быстро, как только могли, почти не делая остановок. Быстры и выносливы были кони Роханда, но слишком длинен был путь. Более сорока лиг отделяло Эдорас от бродов реки Исен, где они надеялись найти воинов князя, сдерживающих напор Саруманових полчищ.

Ночь сомкнулась над всадниками. Наконец они остановились на отдых. Они скакали около пяти часов и далеко продвинулись к западу, од-

нако более половины пути по-прежнему лежало впереди. Под звездным небом в восковом лунном свете они разбили лагерь. Огня не зажигали; но выставили вокруг бивуака кольцо верховых стражей и разослали разведчиков. Медленно проходила ночь — ни известий, ни тревоги… На рассвете зазвучали рога, и через час войско снова вышло в путь.

***

В небе еще не было туч, а воздух уже налился тяжестью и невесенней жарой. Восходящее солнце затуманивала дымка, а за ним, медленно затягивая небо, разрасталась тьма, словно с востока шла великая гроза. А вдалеке, на северо — западе, клубилась мгла, медленно выползающая из Колдовской Долины.

Гэндальф покинул свое место во главе войска и подъехал к Леголасу. Эльф скакал рядом с Йомером.

— У тебя зоркие глаза Дивного Народа, Леголас, — обратился к нему маг. — За много лиг различаешь ты воробья в стае птиц. Видишь ли ты что — нибудь вон там, вдалеке, на границе владений Сарумана?

— Много лиг разделяют нас, — Леголас вгля-

делся, заслонив глаза рукой. — Я вижу тьму и какие-то огромные неясные тени в ней: они движутся по реке; но что они такое — сказать не могу. Чья-то воля опустила над теми землями туманную завесу. Будто сумерки из-под полога бесконечного леса расползаются по холмам.

— А сзади надвигается черная мордорская гроза, — озабоченно хмурясь, проговорил Гэндальф. — Нас ждет лихая ночь.

Тянулся второй день похода. Воздух становился всё тяжелее. К полудню темные тучи настигли войско: мрачный полог со вздыбленными краями в пятнах ослепительного света. Солнце скатывалось с небес, кроваво — красное в дымном мареве. Копья всадников вспыхнули огнем, когда последние лучи озарили каменный лик Триглава — совсем рядом, на северном отроге Белых Гор, три зубчатых рога пристально смотрели в закатное небо. В багровом свете всадники головной сотни увидели черную точку, всадника, скачущего к ним. Они остановились и ожидали его.

И он приблизился: усталый воин в помятом шлеме, с прорубленным щитом. Он сполз с коня и некоторое время жадно ловил ртом воздух. Потом заговорил:

— Здесь ли Йомер? — спросил он. — Вы пришли

наконец… Слишком поздно. И слишком малы силы. Всё пошло прахом, когда погиб Теодред. Вчера нас оттеснили за Исен. Потери велики: многие погибли при переправе. А ночью свежие силы врага перешли реку к нашему лагерю. Исенгард, должно быть, опустел, но Саруман вооружил дикарей — горцев и пастухов с Поравнинья — и бросил их на нас. Защитные валы не сдержали их. Нас опрокинули, Эркенбранд Вэйсанский с теми, кого он успел собрать, отступил в свою крепость в Хельмовой Бездне. Остальное войско рассеяно.

Где Йомер? Скажите ему, что впереди надежд нет. Он должен вернуться в Эдорас прежде, чем туда придут волки Исенгарда.

Теодэн сидел молча, скрытый стражами от глаз воина; теперь он выехал вперед.

— Приблизься, Кеорл! — велел он. — Здесь я. Последнее войско эорлингов идет вперед. Оно не вернется без битвы.

Лицо воина осветилось радостным удивлением. Он выпрямился, потом опустился на колени, протягивая князю иззубренный меч.

— Приказывайте, сеньор! — воскликнул он. — И простите меня! Я думал…

— Ты думал, что я остался в Медузэлде, согбенный, как старое дерево под снегом. Так и было,

когда ты уходил на войну. Но западный ветер отряс ветви, — проговорил Теодэн. — Дайте этому воину свежего коня! Мы выступаем на помощь Эркенбранду.

***

Пока Теодэн говорил, Гэндальф проехал немного вперед, пристально всглядываясь в северные земли — он смотрел в сторону Исенгарда и на запад, туда, где садилось солнце. Теперь он вернулся.

— Скачи, Теодэн, — промолвил он. — Скачи к Хельмовой Бездне! Не ходи к Исенским Бродам, не мешкай на равнине! Мне придется на время покинуть тебя. Я отправляюсь по неотложным делам. — И, обернувшись к Арагорну, Йомеру и воинам свиты, воскликнул:

— Охраняйте же Сеньора Марки, пока я не вернусь. Ждите меня у Врат Хельма! Прощайте!

Он сказал что-то Ночиветру, и, как стрела из лука, великий конь понесся прочь. Не успели они моргнуть, как он исчез: взблеск серебра в закате, ветер над степными травами, тень, что мелькнула и пропала из глаз. Среброгривый ржал и бил копытами, порываясь бежать следом, но лишь стрижу под силу было угнаться за Ночиветром.

***

— Что бы это значило? — полюбопытствовал один из стражей.

— То, что Гэндальф Серый куда-то торопится, — ответил Хама. — Он имеет привычку приходить и уходить, когда захочет.

— Будь здесь Червослов, он не затруднился бы объяснить это.

— Что до меня, — отрезал Хама, — я подожду, пока не увижу Гэндальфа снова.

— Смотри не заждись, — недобро хмыкнул страж.

Войско покинуло тракт и свернуло к югу. Спускалась ночь, но они всё двигались вперед. Холмы придвинулись, а высокие пики Триглава смутно рисовались на чернеющем небе. Несколькими лигами дальше, в самом конце Вэйсанской Долины, длинным заливом уходило в горы зеленое ущелье. Здешние жители называли его Хельмовой Бездной — в честь героя давних войн, построившего там Сторожевую Крепость. Крутое и узкое, заворачивало оно с севера под тень Триглава, пока обрывы — убежища воронов — не вставали, подобно мощным башням, по обе стороны, затмевая свет.

У Врат Хельма, перед жерлом Бездны, высилась скала, внешний ее край прикрывал северный откос. Там, на вершине, стояли высокие древние стены, окружая горделивую башню. Говорили, что в легендарные дни славы Гондора Короли из Заморья возвели эту Крепость руками гигантов. Хорнбург, или Гудящий Форпост, звалась она, ибо звук труб пел в дни войны над башней, отдаваясь в ущелье, словно из подгорных пещер выступали в поход давно забытые армии древних владык. Северный и Южный склоны, преграждая вход в Бездну, соединяла сложенная древними строителями стена. Под ней в широкой трубе текла река. Она извивалась вдоль подножия Гудящей Скалы и стекала в ров у Хельмова Заслона. Оттуда Предущельным Оврагом она бежала к Вэйсанской долине. Там, в Хорнбурге у Врат Хельма, жил ныне Эркенбранд Вэйсанский — страж западных границ Марки. Когда дни затемнила угроза войны, он вновь отстроил стену и укрепил Форпост.

***

Всадники были уже в низине перед жерлом Ущелья, когда раздались тревожные звуки рогов и крики высланных вперед разведчиков. Во тьме засвистели стрелы. Галопом прискакал один

из разведчиков: в низине были волколаки, а от Бродов Исен на юг торопилось войско орков и дикарей — кажется, собирались штурмовать Хельмову Бездну.

— Мы нашли много наших — они погибли, пытаясь укрыться там, — докладывал разведчик. — И нам встретились остатки рассеянных отрядов: они растеряны, мечутся туда-сюда. Что сталось с Эркенбрандом, похоже, никто не знает. Скорее всего, его настигли у Врат Хельма — если он не погиб раньше.

— Видел ли кто-нибудь Гэндальфа? — спросил Теодэн.

— Да, сеньор. Многие видели старика в белом на белом коне, появляющегося то здесь, то там на равнине, подобно ветру над травой. Некоторые думают, что это Саруман. Говорят, прежде, чем пала ночь, он ускакал к Исенгарду. И кое — кто говорит, что еще до того видел Червослова; он шел к северу с отрядом орков.

— Червослову не поздоровится, если его повстречает Гэндальф, — заметил Теодэн. — Но, как бы там ни было, я лишился обоих советников: и старого, и нового. Однако в нашем положении у нас нет иного выбора, чем идти вперед, как говорил Гэндальф, к Вратам Хельма — есть ли

там Эркенбранд или нет. Велико ли войско, что идет с Севера?

— Огромно, — сказал разведчик. — Тот, кто бежит, считает каждого врага за двоих, но я говорил и со стойкими воинами — и не сомневаюсь, что главные силы врага во много раз превосходят наши.

— В таком случае поторопимся, — сказал Йомер. — Надо прорываться сквозь тех врагов, которые сейчас преграждают нам путь к Крепости. В пещерах Хельмовой Бездны могут укрыться многие сотни; и тайные тропы ведут оттуда на вершины холмов.

— Не доверяй тайным тропам, — предостерег юношу князь. — Саруман долго следил за этими землями… Однако там мы сможем обороняться дольше. Едем!

***

Арагорн и Леголас вместе с Йомером скакали теперь впереди войска. Вперед, сквозь тьму скакали они, всё медленнее и медленнее: тьма сгущалась, и путь их заворачивал к югу в глубину мглистых долин предгорий. Врагов им почти не встречалось. Тут и там они наезжали на рыщущие орочьи орды, но те ускользали прежде, чем

всадники успевали захватить и перебить их.

— Боюсь, так будет недолго, — сумрачно сказал Йомер. — Лишь до тех пор, пока весть о появлении нашего войска не дойдет до ушей Сарумана или тех, кого он поставил во главе.

Шум войны разрастался за их спиной. Теперь сквозь тьму до них доносились резкие звуки песни. Они далеко углубились в Предущельный Овраг и оглянулись. Они увидели вспышки, бесчисленные огненные точки в черноте степей позади, разбросанные подобно багровым цветам или змеящиеся длинными мерцающими рядами. То тут, то там вспыхивало яркое пламя.

— Это огромное войско, и оно упорно преследует нас, — с тревогой сказал Арагорн.

— Они несут огонь, — в голосе Теодэна звучала боль. — И поджигают всё на своем пути. Скирды, хижины, деревья — всё будет предано огню. В этой плодородной долине было немало усадеб. Горе, горе!.. Бедный мой народ!

— Если бы мы могли обрушиться на них с гор, подобно буре! — воскликнул Арагорн. — Бегство от них угнетает меня.

— Дальше бежать не придется, — откликнулся Йомер. — Немного вперед — и мы будем у Хельмова Заслона — древнего рва и вала поперек

ущелья, двумя фарлонгами ниже Врат. Там мы сможем развернуться и дать бой.

— Нас слишком мало, чтобы удержать Заслон, — возразил Теодэн. — Он больше мили в длину, и проход в нем широк.

— Наш арьергард станет в проходе, если мы поспешим, — сказал Йомер.

Не было ни звезд, ни луны, когда всадники подъехали к проходу в Заслоне; оттуда выбегала река, вдоль нее шла дорога из Хорнбурга. Неожиданно перед ними встал вал — высокая тень за темным рвом. Когда они подскакали, их окликнул часовой.

— Сеньор Марки идет к Вратам Хельма, — ответил Йомер. — Это говорю я, Йомер, сын Йомунда.

— Добрая весть. Мы уже не надеялись, — сказал часовой. — Торопитесь! Враг наступает вам на пятки.

Войско втянулось в проход и остановилось на травяном откосе наверху. Теперь, к радости своей, они узнали, что Эркенбранд оставил многих воинов охранять Врата Хельма, и многие еще успели укрыться тут.

— Здесь около тысячи способных сражаться в пешем строю, — сказал старый Гэмлинг, предводитель защитников Заслона. — Но большинство

из них видело или слишком много зим, как я, или слишком мало, как сын моего сына. Что слышно об Эркенбранде? Вчера прошел слух, что он отступил с теми, кто уцелел. Но он не пришел.

— Боюсь, теперь ему не прийти, — хмуро отозвался Йомер. — Наши разведчики ничего не узнали о нем, а вражье воинство уже в долине.

— Хотел бы я, чтобы он спасся, — проговорил Теодэн. — Он был могучий воин. В нем возродилась доблесть Хельма Победителя. Но ждать его мы не можем. Надо стянуть за стенами все наши силы. Как у вас с припасами? У нас еды мало: мы готовились к битве, а не к осаде.

— За нами, в пещерах Бездны укрыт народ Вэйсана: юнцы и старики, женщины и дети, — ответил князю Гэмлинг. — Но там же собрано много животных и корма для них.

— Хорошо, — кивнул Йомер. — Всё, что осталось в долине, орки сожгут и разрушат.

— Ежели они явятся к Хельмовым Вратам за нашим товаром — им придется дорого заплатить за него, — спокойно сказал Гэмлинг.

***

Князь и его всадники двинулись вперед. У пересекающей реку плотины они спешились.

Длинной вереницей, ведя коней в поводу, поднялись они по пологому склону и вошли в ворота Хорнбурга. Там их встретили с радостью и оживившей надеждой: потому что теперь воинов было достаточно, чтобы защищать и крепость, и стену.

Йомер быстро привел войско в готовность. Князь и воины его дома бывали в Хорнбурге, также, как большинство вэйсанцев. На Заградной Стене и ее башне Йомер разместил большую часть своих сил, потому что здесь оборона вызывала наибольшие сомнения, если атака будет решительной и враг двинет вперед большое войско. Коней отвели в глубину ущелья и оставили нескольких воинов охранять их.

Заградная Стена была двенадцати футов высотой и так толста, что четыре человека могли идти по ней в ряд под прикрытием парапета; выглянуть за него мог лишь очень высокий человек. Тут и там в камне были бойницы, через которые стреляли лучники. Добраться туда можно было по лестнице, идущей из внешнего двора Хорнбурга; три лестничных пролета вели на стену также и из Бездны. Спереди она была гладкой, и огромные камни были уложены столь искусно, что на их стыках нельзя было найти ни единой

трещины, а у вершины они нависали, подобно утесу над морем.

***

Гимли стоял, опершись на стену против парапета. Леголас сидел на парапете верхом, крутя в руках лук и вглядываясь во мглу.

— Это мне больше по душе, — сказал гном, притопнув. — Сердце мое бьется сильней, когда мы приближаемся к горам. Здесь славная порода. У этой земли крепкие кости. Я ощутил их ногами, когда мы поднимались от рва. Дайте мне год и сотню гномов — я так укреплю это место, что любые рати откатятся от него, как вода.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Леголас. — Но ты гном, а гномы — странный народ. Мне это место и днем не понравится. Однако ты успокоил меня, Гимли: я рад, что ты стоишь рядом — на крепких ногах и с острым топором. Хотелось бы, чтобы здесь сейчас было побольше твоего народа. Но я отдам всё за сотню лучников из Лихолесья. Они нам понадобятся. У роандийцев есть неплохие стрелки, но здесь их слишком мало, слишком.

— Тесновато для стрельбы, — зевнул Гимли. — Самое бы время поспать. Сон!.. Я хочу спать, как

никогда не хотел ни один гном. Езда верхом — утомительное дело… Но устал я, а не мой топор. Дайте мне побольше орочьих шей и место, чтобы развернуться, — и сна у меня не останется ни в одном глазу.

Медленно тянулось время. Далеко внизу, в долине, по — прежнему горели разбросанные огни. Воинство Исенгарда надвигалось в полном молчании. Факелы их множеством рядов змеились вверх по оврагам.

Внезапно от Заслона донеслись пронзительные вопли и яростные боевые кличи воинов. Прыгающие головни возникли над краем и тесно сгрудились у прохода. Потом они рассеялись и исчезли. Во весь опор пронеслись воины: галопом через плотину и вверх по склону к воротам форпоста. В крепость прискакал арьергард вэйсанцев.

— Враг рядом! — донесли они. — Мы расстреляли все стрелы, что имели. Ров заполнен орками. Но надолго это их не остановит. Они уже облепили берег густо, как муравьи. Но мы отучили их приносить факелы.

***

Миновала полночь. Небо было непроницаемо темным, недвижная тяжесть воздуха предвещала грозу. Вдруг тучи опалило темное пламя. Ветвящаяся молния ударила в восточные склоны. На краткий миг ослепительная вспышка озарила пространство меж скалой и Заслоном: оно кипело и бурлило черными тенями, где — приземистыми, словно расплющенными, где — высокими и зловещими с остроконечными шлемами и вороненными щитами. И еще сотни и сотни вливались в Проход и перехлестывали Заслон. Темный прилив подступил к Стене, затопив ущелье. По долине прокатился гром. Хлынул ливень.

И ливень стрел со свистом перелетел через зубцы и, звеня и сверкая, упал на камни. Кое-кто был ранен. Штурм Хельмовой Бездны начался, но ни звука, ни отклика не доносилось изнутри, и ответных стрел не было.

Атакующие остановились, поставленные в тупик молчаливой угрозой скалы и стены. То и дело тьму прорезали молнии. Потом орки пронзительно заорали, размахивая мечами и копьями и осыпая тучей стрел всех, кто открыто стоял на парапете; и воины Марки в изумлении взглянули

на, как им показалось, огромное поле темной пшеницы, взметенное бурей войны, и каждый колос сверкал колючим огнем.

Прозвучали медные трубы. Враги ринулись вперед: некоторые — на Заградную Стену, другие — к плотине и склону, ведущему к воротам Хорнбурга. Там собрались сильнейшие орки и дикари с Поравнинья. Сверкнула молния и высветила на каждом щите и шлеме мертвенно-белую руку Исенгарда. Они достигли вершины скалы; они ползли к воротам.

Тогда, наконец, пришел ответ: буря стрел встретила их и град камней. Они качнулись, рассыпались и отступили, потом атаковали снова, вновь рассыпались и вновь атаковали. И каждый раз, как приливное море, они останавливались всё выше. Опять прозвучали трубы — и ревущая толпа устремилась вперед. Они держали над собой щиты как крышу, а в центре несли два мощных древесных ствола. За ними укрывались орки-лучники, посылая град дротиков в стрелков на стенах. Они достигли ворот. Деревья, раскачиваемые сильными руками, ударили в изгородь с раздирающим грохотом. Если кто-нибудь из атакующих падал, сраженный камнем, брошенным сверху, место его занимали двое. Снова и снова

огромные тараны откатывались и ударяли.

***

Йомер и Арагорн стояли рядом на Заградной Стене. Они слышали рев голосов и глухие удары таранов; и затем, во внезапной вспышке молнии, увидели опасность у ворот.

— Пора! — сказал Арагорн. — Пришел час нашим мечам засверкать рядом!

Как огонь, промчались они по стене и вниз по ступеням лестницы и вбежали во внешний двор на Скале. По дороге они собрали горстку стойких фехтовальщиков. В углу крепостной стены, на западе, где склон вытягивался ей навстречу, была маленькая калитка. С этой стороны узкая тропа, зажатая между стеной и обрывом, вела к главным воротам. Арагорн и Йомер вместе проскочили через дверь, их воины следом. Мечи выскользнули из ножен одновременно.

— Гутвин! — вскричал Йомер. — Гутвин за Марку!

— Андуриль! — откликнулся Арагорн. — Андуриль за Нуменор!

Напав сбоку, они бросились на дикарей. Андуриль поднимался и падал, мерцая белым огнем. Со Стены и из крепости донеслись крики:

— Андуриль! Андуриль вступил в бой! Меч, что был Сломан, сияет вновь!

Таранщики в ужасе бросили деревья и развернулись к бою, но стена щитов разлетелась вдребезги, как от удара молнии, и они были отброшены, порублены и скинуты со скалы вниз — на камни ущельной реки. Орки-лучники, беспорядочно выпустив последний залп, бежали.

На краткий миг Йомер и Арагорн остановились перед воротами. Вдали гремел гром. Молнии сверкали между гор на юге. С севера опять дул пронизывающий ветер. Тучи были разорваны и разогнаны, выглянули звезды, а над холмами Приущелья встала бледная луна, тускло-желтая в лохмотьях грозы.

— Мы могли опоздать, — Арагорн глядел на ворота. Их огромные петли и железные засовы были вырваны и погнуты, многие бревна дали трещины.

— Однако мы не можем оставаться под стенами и защищать их, — сказал Йомер. — Смотри! — он указал на плотину. Огромная толпа орков и дикарей снова собралась по ту сторону реки. Засвистели стрелы и запрыгали по камням вокруг воинов. — Идем! Надо вернуться и посмотреть, что мы сможем сделать, чтобы укрепить ворота

изнутри. Идем же!

Они повернулись и побежали. В этот момент около дюжины орков неподвижно лежавших на склоне, вскочили и с молчаливой быстротой устремились вперед. Двое упали под ноги Йомеру, схватили его и в мгновение ока уселись вверху. Но невысокая темная фигура, которой никто не заметил, выпрыгнула из тени и издала хриплый клич:

— Барук-Казад! Казад-аи-мену!

С размаха опустился топор. Головы двух орков покатились по склону. Остальные враги отступили. Йомер с трудом поднялся, как раз когда Арагорн примчался ему на помощь.

***

Калитка была вновь закрыта, железная дверь заперта и заложена изнутри камнями. Когда внутри стало безопасно, Йомер обернулся:

— Благодарю тебя, Гимли, сын Глоина! — сказал он. — Я не знал, что ты был с нами в сече. Но часто незваный гость оказывается лучшим гостем. Как ты там оказался?

— Я последовал за вами, чтобы разогнать сон, — небрежно ответил Гимли. — Но взглянул на горцев, и они показались мне слишком высокими

— вот я и присел на камень, чтобы полюбоваться, как вы фехтуете.

— Мне никогда не расплатиться с тобой.

— Таких случаев представится немало, пока не кончится ночь, — рассмеялся гном. — Но я доволен. С тех пор, как я покинул Морию, я не рубил ничего, кроме дерева.

***

— Два! — сказал Гимли, похлопывая по топору. Он возвратился на свое место на стене.

— Два? — переспросил Леголас. — Я сделал больше, хотя теперь должен искать потраченные стрелы: мои все вышли. Всё же у меня на счету по меньшей мере двадцать. Но это лишь горстка листьев в лесу.

***

Небо быстро очищалось, и заходящая луна светила ярко. Но свет не принес надежд всадникам Марки. Вражеское воинство прибывало быстрее, чем таяло, и всё новые толпы вливались в проход из долины. Сеча на Скале дала лишь передышку. Под Заградной Стеной ревело, ярилось исенгардское море. Орки и дикари кишели у ее

подножия. Веревки с кошками перелетали через стену быстрей, чем воины успевали рубить их или скидывать вниз. Сотни длинных лестниц поднялись вверх. Многие были сброшены, но еще больше стало на их место, и орки возникли на них, как обезьяны в темных лесах юга. Перед стеной, как галька в буре, были навалены мертвые и порубленные, всё выше поднимались жуткие курганы, а враги прибывали по-прежнему.

Усталость воинов Роханда возрастала. Все их стрелы были расстреляны, мечи — иззубрены, щиты — расколоты. Трижды Арагорн и Йомер поднимали их, и трижды вспыхивал Андуриль в отчаянной атаке, отбрасывая врагов от стены.

А потом позади, в Бездне, поднялся крик. Орки, как крысы, проползли сквозь трубу, в которой бежала река. Они затаились в тени откосов до тех пор, пока атака наверху не стала жаркой и почти все защитники не бросились на вершину стены. Тогда они выскочили. Часть их проникла вглубь Бездны и рубилась со стражами коней.

Гимли спрыгнул вниз с яростным криком, отдавшимся со склонов:

— Назад! Назад!

Дела ему теперь было достаточно.

— Назад! — кричал он. — Орки за стеной! Сюда,

Леголас! Дела здесь хватит нам обоим. Казад-аи-мену!

Гэмлинг Старый взглянул вниз из Хорнбурга, заслышав раскатившийся над шумом битвы громкий голос гнома.

— Орки в Бездне! — вскричал он. — Хельм! Хельм! Вперед, Хельминги! — и он сбежал по лестнице со скалы; много воинов Вэйсана последовало за ним.

Их натиск был яростен и неожидан, и орки отступили. Вскоре их оттеснили в расщелины и перебили, или загнали в глубину Бездны, где они пали от рук стражей тайных пещер.

— Двадцать один! — воскликнул Гимли. Он обеими руками занес топор и уложил себе под ноги последнего орка. — Счет мой опять выше, чем у мастера Леголаса!

— Надо заткнуть эту крысиную нору, — сказал Гэмлинг. — Говорят, гномы ловкий народ по части камня. Помогите нам, господин!

— Мы не дробим камня ни боевыми топорами, ни пальцами, — ворчливо ответил Гимли. — Но я сделаю, что смогу.

Они набрали мелких камней и обломков, которые валялись вокруг, и под руководством Гимли заложили внутренний конец трубы, оставив

маленький сток. Тогда ущельная река, набухшая от дождя, вспенилась и заволновалась в перекрытом русле, и медленно растеклась меж откосов холодным озерком.

— Суше будет наверху, — хмыкнул Гимли. — Ну, Гэмлинг, посмотрим, что творится на стене!

Он поднялся и нашел Леголаса рядом с Арагорном и Йомером. Эльф точил свой длинный кинжал. В штурме наступил перерыв с тех пор, как захлебнулась попытка прорваться через трубу.

— Двадцать один! — заявил Гимли.

— Хорошо, — кивнул Леголас. — Но мой счет теперь — две дюжины. Здесь пришлось поработать кинжалом.

***

Йомер и Арагорн устало оперлись на мечи. Слева на скале снова поднялся шум. Но Гудящий Форпост стойко держался, подобный острову в море. Ворота его лежали в развалинах, однако за баррикаду из балок и камней не проник пока ни один из врагов.

Арагорн взглянул на бледные звезды, на луну, теперь склонившуюся к ограждающим долину холмам.

— Эта ночь равна годам, — сказал он. — Сколько еще будет мешкать день?

— Рассвет скоро, — Гэмлинг подошел и встал рядом. — Да только боюсь, не поможет он нам.

— Однако заря всегда дарит людям надежду, — сказал Арагорн.

— Но эти создания Исенгарда, эти полуорки и люди-гоблины, порожденные колдовским искусством Сарумана, — их солнце не испугает, — сказал Гэмлинг. — А уж дикарей — и подавно. Вы что, не слышите их голосов?

— Я слышу, — ответил Йомер. — Однако мне они говорят не больше, чем щебет птиц или рычание диких зверей.

— Многие кричат на языке Поравнинья, — сказал Гэмлинг. — Я знаю его. Это древнее наречие, и когда-то на нем говорили во многих западных долинах Марки. Слушайте! Они ненавидят нас и рады, потому что гибель наша кажется им неизбежной. «Князь, князь! — вопят они. — Мы захватим их князя! Смерть лошадникам! Смерть пеговолосым! Смерть грабителям севера!» Так они называют нас. И за полтыщи лет они не забыли обиды на то, что властители Гондора отдали Марку Эорлу Юному и заключили с ним Союз. Это ненавистный Саруман не давал угаснуть огню.

Ярость их не знает жалости. Они не отступят ни в сумерках, ни на рассвете, пока не захватят Теоденa — или не полягут все под этими стенами.

— И всё же заря принесет мне надежду, — сказал Арагорн. — Не сказано разве, что врагу не взять Хорнбург, покуда воины защищают его?

— Так поют наши барды, — пожал плечами Йомер.

— Так будем же защищать его — и надеяться! — сказал Арагорн.

***

Пока они разговаривали, донесся рев труб. Потом раздался грохот и взметнулись языки огня и дыма. Воды ущельной реки вырвались наружу, шипя и пенясь: запруды более не существовало, широкая брешь зияла в Стене. Темная орда вливалась в нее.

— Черные чары Сарумана! — воскликнул Арагорн. — Орки опять проползли в трубу и зажгли под нашими ногами огонь Ортханка. Элендиль! Элендиль! — с этим криком он спрыгнул в пролом; но как раз когда он это сделал, сотня лестниц вновь встала к зубцам. Над стеной и под стеной начался последний штурм, подобный темной волне, накатывающей на песчаный холм.

Оборона была сметена. Некоторые роандийцы отступали всё дальше в Бездну, сражаясь и погибая за каждый фут, шаг за шагом отступая к пещерам. Другие прорубали себе путь к Форпосту.

Широкая лестница вела из Бездны на Скалу, к западным воротам Хорнбурга. У ее подножья стоял Арагорн. В руках его по-прежнему мерцал Андуриль, и ужас перед мечом сдерживал врагов, пока те, кто смог добраться до лестницы, поднимались к воротам. Позади, несколькими ступенями выше, припал на колено Леголас. Лук его был натянут, но у него осталась лишь одна стрела, и теперь он всматривался во тьму, готовый выстрелить в первого же орка, дерзнувшего вступить на лестницу.

— Все, кто мог, укрылись внутри, Арагорн, — позвал он. — Отходи!

Арагорн повернулся и взбежал по лестнице, но на бегу споткнулся от усталости. Враги тут же бросились вперед. Орки с радостным воем протягивали лапы, чтобы схватить его. Первый свалился со стрелой Леголаса в горле, но остальные перескочили через вожака. Тогда огромный валун, сброшенный с внешней стены, с грохотом рухнул на ступени, отбросив врагов назад, в Бездну. Арагорн достиг двери, и она быстро

захлопнулась за ним.

— Плохи дела, друзья мои, — обреченно сказал он, отирая пот со лба.

— Плохи, — согласился Леголас, — но еще не безнадежны, пока ты с нами. Где Гимли?

— Не знаю, — сказал Арагорн. — Когда я в последний раз видел его, он дрался на земле за Стеной, но враги разделили нас.

— Злая весть, — нахмурился Леголас.

— Он крепок и силен, — Арагорн положил руку на плечо эльфа. — Будем надеяться, он укрылся в пещерах. Там он будет в безопасности — в большей, кстати, чем мы. Такое убежище должно быть по душе гному.

— Будем надеяться на это, — вздохнул Леголас. — Но я желал бы, чтобы он пришел сюда. Мне не терпится сообщить мастеру Гимли, что мой счет равен уже тридцати девяти.

— Если он пробился в пещеры, он обгонит тебя, — рассмеялся Арагорн. — Никогда еще не видел я столь неистового топора.

— Пойду набрать стрел, — сказал Леголас. — Кончится же когда-нибудь эта ночь, а при свете я смогу целиться лучше.

***

Арагорн прошел из внешнего двора в цитадель. Там, к своему ужасу, он узнал, что Йомер не вернулся в Хорнбург.

— Нет, к Скале он не приходил, — сказал один из вэйсанцев. — Я видел, как он собирал людей и рубился в жерле Бездны. С ним были Гэмлинг и гном, а я не смог присоединиться к ним.

Арагорн пересек внутренний двор и поднялся в высокую палату в башне. Там, темным силуэтом в проеме окна, стоял князь, глядя сверху на долину.

— Какие новости, Арагорн? — спросил он.

— Заградная Стена взята, сьер, защитники смяты; но многим удалось спастись на скале.

— Йомер здесь?

— Нет, сьер. Но много ваших людей отступило в Бездну; говорят, Йомер среди них. В расщелинах они могут отбросить врага и укрыться в пещерах. Не знаю, правда, будет ли у них тогда хоть какая-то надежда.

— Большая, чем у нас. Хорошая еда. И свежий воздух; из пещер в расселины выходят отдушины. Никому не взять вход силой, если его охраняют стойкие воины. Они смогут продержаться долго.

— Но орки принесли из Ортханка колдовское зло, — сказал Арагорн. — У них взрывной огонь; без него им бы Стену не взять. Если они и не войдут в пещеры, то завалят тех, кто внутри. Однако нам сейчас надо обратить все помыслы на собственную оборону.

— Я измучился в этой тюрьме, — сказал Теодэн. — Если бы я мог повести своих воинов в атаку, несясь по степи впереди них, возможно, я вновь ощутил бы радость битвы — чтобы с нею уйти. А здесь я не нужен.

— Здесь вы, по крайней мере, под защитой сильнейшей из крепостей Марки, — сказал Арагорн. — У нас больше надежд защитить вас в Хорнбурге, чем в Эдорасе, или даже в горном Урочище Духов.

— Говорят, Хорнбург никто никогда не брал штурмом, — Теодэн отошел от окна. — Но теперь душа моя полна сомнений. Мир изменился; всё, что некогда было крепко, становится ненадежно. Может ли какая-нибудь крепость устоять против такой силы и такой безудержной ненависти? Знай я, что мощь Исенгарда так велика, я, быть может, не кинулся бы ей навстречу так опрометчиво, несмотря на всю хитрость Гэндальфа. Совет его кажется мне теперь не таким хорошим, каким

казался при свете утра.

— Не торопитесь судить о советах Гэндальфа, пока не всё кончено, сьер, — сказал Арагорн.

— Конец не замедлит, — ответил князь. — Но я не стану ждать его здесь, пойманный в ловушку, как старый барсук. Среброгривый, и Хазуфель, и кони моей свиты во внутреннем дворе. Когда взойдет заря, я велю протрубить в Рог Хельма — и выйду в поле. Пойдешь ли ты со мной тогда, сын Арафорна? Возможно, мы прорубим дорогу, или найдем конец, достойный песни, — если хоть кто-нибудь уцелеет, чтобы спеть о нас.

— Я пойду с тобой, — сказал Арагорн.

Получив разрешение, он вернулся на стену и двинулся вокруг, ободряя воинов, помогая всюду, где штурм был жарок. Леголас шел с ним. Языки огня выметнулись снизу. Поднялись штурмовые лестницы, полетели веревки. Опять и опять достигали орки вершины внешней стены, и опять и опять защитники отбрасывали их.

***

Наконец Арагорн остановился над главными воротами. Взглянув вперед, он увидел, что небо на востоке побледнело. Тогда он поднял пустую руку вперед ладонью в знак того, что хочет говорить.

Орки глумились и выли.

— Спускайся, спускайся! — кричали они. — Если хочешь говорить с нами — спустись к нам! Выдай нам своего князя! Мы — боевые Урук-Хаи! Мы сами придем в его нору, если он не выйдет к нам! Тащи его сюда!

— Князь выходит или остается по собственной воле, — сказал Арагорн.

— Тогда что ты здесь делаешь? — ответили снизу. — Чего тебе надо? Хочешь убедиться в мощи нашего воинства? Мы — боевые Урук-Хаи!

— Я хочу увидеть рассвет.

— Что изменит рассвет? — издевались они. — Мы — Урук-Хаи: нас не остановит ни ночь, ни день, ни тишь, ни буря. Мы пришли убивать — под солнцем или под луной. Что изменит рассвет?

— Никто не знает, что принесет ему новый день, — ответил Арагорн. — Уходите, пока он не принес вам гибель.

— Убирайся, не то мы подстрелим тебя! — завопили они. — Это не переговоры. Тебе нечего сказать!

— Мне есть что сказать, — отвечал Арагорн. — Никогда еще враг не владел Хорнбургом. Уходите, иначе никто из вас не будет пощажен. Ни один

не останется в живых, чтобы доставить эту весть на север. Вы не знаете, что грозит вам.

Такая сила, такое королевское достоинство открылись в Арагорне, когда он стоял над развалинами ворот перед полчищами врагов, что многие горцы заколебались и оглянулись на долину, и некоторые с сомнением взглянули на небо. Но орки захохотали, и град дротиков и стрел просвистел над стеной, когда Арагорн спрыгнул вниз.

Раздался грохот, взметнулся столб огня. Надвратная арка, на которой он стоял за миг до того, распалась и рухнула в дыму и пыли. Баррикада была разметена, как от удара молнии. Арагорн поспешил к башне князя.

Но когда ворота пали и орки вокруг них взвыли, готовясь к атаке, ропот поднялся за их спинами, словно далекий ветер, и обратился в шум многих голосов, принесших на рассвете неожиданные вести. Орки на скале, заслышав крики ужаса, дрогнули и обернулись. И тогда, внезапно и жутко, с башни наверху протрубил Рог Хельма.

Все, кто слышал этот звук, содрогнулись. Многие орки повалились лицом вниз и заткнули уши когтистыми лапами. Сзади, из Бездны, донеслось эхо, звук догонял звук, они смешивались и

пересекались — словно на каждом обрыве и на каждом холме стоял могучий герольд. Но воины на стенах удивленно переглядывались и прислушивались: эхо не умирало. Всюду меж холмов гудели рога; ближе и громче перекликались они теперь, и яростной и вольной была их песня.

— Хельм! Хельм! — пронеслось между всадников. — Хельм восстал и идет на войну; Хельм за князя Теодэна!

И с этим криком появился князь. Конь его был белым, как снег, вызолочен был его щит, длинным было его копье. По правую руку от него ехал Арагорн, сын Арафорна, наследник Элендиля, позади двигались сьеры дома Эорла Юного. Свет залил небо. Ночь ушла.

— Вперед, Эорлинги!

С громким кличем бросились они в атаку. Ревущей волной устремились они вниз, через плотину, и пронеслись сквозь полчища Исенгарда, подобно ветру меж трав. За ними, из Бездны, донесся неумолимый суровый крик воинов, вышедших из пещер и кинувшихся на врага. Наружу вылились все воины, которые были оставлены на Скале. И всё время звучал над ними гуд боевых рогов, эхо отдавалось в холмах.

Они скакали вперед — князь и его товарищи.

Предводители и бойцы падали и отступали перед ними. Ни орк, ни человек не заступил им дороги. Спины врагов были открыты мечам и копьям всадников, лица обращены к долине. Они кричали и выли, ибо страх и огромное удивление объяли их с приходом дня.

Так князь Теодэн выехал из Хельмовой Бездны и пробил себе путь к Заслону. Там отряд остановился. Свет ярко озарял его. Лучи солнца горели над восточными холмами и мерцали на копьях воинов. Но они в молчании сидели на конях, глядя вниз, в Предущелье.

Земли изменились. Где прежде лежал зеленый дол, раскинувшись по склонам холмов, теперь поднимался лес. Огромные деревья, оголенные и молчаливые, стояли ряд за рядом, с искривленными стволами и седыми кронами; их изогнутые корни скрывала длинная шелковистая трава. Тьма была под ними. Заслон и полог неведомого леса разделяло всего около двух фарлонгов. Сейчас там собралось гордое воинство Сарумана, в ужасе перед князем и в еще большем ужасе перед деревьями. Орки вытекали из Врат Хельма, пока место вокруг заслона не очистилось; но внизу они сбились, как роящиеся пчелы. Тщетно карабкались они на склоны ущелья, пытаясь спастись.

На востоке склоны были слишком круты и каменисты; слева и с запада к ним приближался рок.

Там, на гребне, внезапно возник всадник в белых одеждах, сияя в лучах восходящего солнца. Над низкими холмами трубили рога. За ним, спеша вниз по склонам, шло около тысячи пеших воинов; обнаженные мечи были в их руках. Впереди шагал высокий сильный человек. Алым был его щит. Подойдя к краю долины, он поднес к губам большой черный рог и протрубил певучий призыв.

— Эркенбранд! — зашумели всадники. — Эркенбранд!

— Узрите Белого Всадника! — вскричал Арагорн. — Гэндальф вернулся!

— Мифрандир, Мифрандир! — молвил Леголас. — Вот поистине чудо! Хотел бы я заглянуть в этот лес, пока не рассеялись чары.

Полчища Исенгарда ревели, кидаясь туда и сюда, мечась между страхом и ужасом. Вновь из Крепости прозвучал Рог. Сквозь проход в Заслоне ринулся в атаку отряд князя. С холмов надвигался Эркенбранд, сьер Вэйсана. Подобно оленю, мчался Ночиветр. На нем скакал Белый Всадник, и ужас перед его приближением поразил врагов безумием. Дикари-горцы пали ниц перед ним. Ор-

ки кружились и пронзительно вопили, и бросали наземь мечи и копья. Они бежали, как черный дым, гонимый горным ветром. С воем скрылись они под ожидающей тенью деревьев; и никто не вышел из этой тени назад.

Глава 8
Дорога на Исенгард

Так встретились в свете утра на зеленом берегу ущельной реки князь Теодэн и Гэндальф — Белый Всадник. Были там и Арагорн сын Арафорна, и эльф Леголас, и Эркенбранд Вэйсанский, и сьеры Золотого Дворца. Вокруг них собрались роандийцы, всадники Марки: удивление превзошло радость победы, и глаза их были обращены на лес.

Внезапно раздался громкий шум, и с вала спустились те, кто был оттеснен в Бездну. Среди них шли Гэмлинг Старый и Йомер, сын Йомунда, а рядом шагал гном Гимли. Он был без шлема, голову его охватывала полотняная повязка, вся в запекшейся крови, но голос был громок и силен.

— Сорок два, мастер Леголас, — крикнул он. — Увы, топор мой зазубрился: у сорок второго на шее был железный воротник. А как у тебя?

— Ты обогнал меня на одного, — ответил Леголас. — Но я не завидую — так рад видеть тебя снова, и на ногах!

— Подойди, Йомер, сын сестры! — сказал Теоден. — Лишь теперь, увидев тебя невредимым, я действительно радуюсь.

— Привет тебе, Сеньор Марки! — воскликнул Йомер. — Темная ночь миновала, и день сияет вновь. Но он принес диковинные вести. — Он обернулся и в изумлении поглядел сперва на лес, потом на Гэндальфа. — Снова пришел ты неожиданно в час нужды, — сказал он.

— Неожиданно?.. — переспросил Гэндальф. — Я сказал, что вернусь и встречу вас здесь.

— Но ты не назвал часа, не предсказал, как ты придешь. Необычную помощь принес ты. Ты великий маг, Гэндальф Белый!

— Может быть. Но если так, я еще ничем не доказал этого. Я дал добрый совет в опасности и воспользовался быстротой Ночиветра. Куда больше сделала ваша доблесть и крепкие ноги вэйсанских воинов, шедших сюда всю ночь.

Тогда все уставились на Гэндальфа в великом изумлении. Некоторые мрачно взглянули на лес и провели рукой по лбу, словно думали, что их глаза видят иное, чем его.

Гэндальф рассмеялся и смеялся долго и весело.

— Деревья? — сказал он наконец. — Нет, я вижу лес также ясно, как вы. Но это не мое дело. Такое превыше совета мудреца. Оно превыше моих сил, превыше всего, на что я мог надеяться.

— Но если не твое, то чье же это колдовство? — спросил Теодэн. — Не Сарумана, понятно. Не появился ли более могущественный маг, о котором мы пока не знаем?

— Это не колдовство, но древняя сила, — сказал Гэндальф. — Сила, что была на земле прежде песен эльфов и молотов гномов.

Прежде, чем найдено было железо и дерево пало,

Во времена, когда молоды были подлунные горы,

Прежде, чем сковано было Кольцо, причинившее горе,

Знали глухие леса этой силы скитанье.

— И как же разгадывается твоя загадка? — спросил Теодэн.

— Чтобы узнать это, вам придется отправиться со мной в Исенгард, — ответил Гэндальф.

— В Исенгард?! — вскричали они.

— Да, — сказал Гэндальф. — Я возвращаюсь в

Исенгард, и те, кто пожелает, могут идти со мной. Там нас ждет много неожиданного.

— Но во всей Марке не наберется достаточно сил, даже если мы соберемся все, и излечимся от ран и усталости, чтобы штурмовать твердыню Сарумана, — возразил Теодэн.

— Как бы там ни было, я иду в Исенгард, — повторил Гэндальф. — Я не задержусь там. Путь мой лежит на восток. Ждите меня в Эдорасе прежде, чем умрет луна.

— Нет! — молвил Теодэн. — В темный предрассветный час сомнения одолели меня. Теперь же мы не расстанемся. Я пойду с тобой, если таков твой совет.

— Я хочу говорить с Саруманом как можно скорее, — сказал Гэндальф. — И поскольку он нанес тебе великий вред, было бы вполне справедливо тебе оказаться там. Но как скоро можешь ты выступить, и как быстро можешь ты двигаться?

— Мои воины утомлены битвой, — ответил князь, — да и сам я устал. Я долго скакал и мало спал. Увы! Моя старость не выдумана и не нашептана Червословом. Этой болезни не излечить никому — даже Гэндальфу.

— Тогда пусть все, кто пойдет со мной, отдыхают, — сказал Гэндальф. — Мы выступим к вечеру

— так будет лучше, ибо все наши действия впредь должны быть тайными: таков мой совет. Но не бери особой много людей, Теодэн. Мы едем на переговоры, не в бой.

Князь отобрал тех воинов, которые были не ранены и имели резвых коней, и разослал их с вестью о победе по всем долинам Марки; они также несли клич, призывая всех воинов, старых и молода, поспешить в Эдорас. Сеньор Марки собирает там всех, кто может носить оружие, на второй день после полнолуния. В Исенгард князь взял с собой Йомера и двадцать воинов своего дома. С Гэндальфом должны были идти Арагорн, Леголас и Гимли. Несмотря на свою рану, гном не пожелал остаться.

— Это был скользящий удар, и шапка отвела его, — заявил он. — Чтобы я остался, нужно нечто большее, чем орочья царапина.

— Я залечу ее за время отдыха, — сказал Арагорн.

Князь возвратился в Хорнбург и теперь спал — и сон его был так спокоен, как не был долгие годы; и те, кто должен был ехать с ним, тоже отдыхали. Но остальные, все, кто не был ранен, начали скорбный труд: ибо многие пали в битве и лежали на поле или в Бездне.

Никто из орков не остался в живых; тела их были бессчетны. Но многие горцы сдались в плен: они были испуганы и молили о милосердии. Всадники Марки обезоружили их и заставили взяться за работу.

— Помогите возместить зло, которое вы принесли, — сказал Эркенбранд. — Потом вы дадите клятву никогда более не переходить Исен с оружием в руках и не заключать союза с врагами Людей, и тогда мы отпустим вас. Вы были обмануты Саруманом. Многие из вас получили смерть в награду за преданность ему; но если бы вы победили, заработок ваш был бы немногим лучше.

Воины Поравнинья были поражены, так как Саруман внушил им, что роандийцы жестоки и сжигают пленных живьем.

Посреди поля перед Хорнбургом поднялись два кургана, и под ними лежали все всадники, павшие в битве: с одной стороны те, кто пришел с восточных долин, с другой — вэйсанцы. В отдельной могиле, в тени Гудящей Скалы, покоился Хама, капитан стражи князя. Он пал у ворот.

Орков собрали в огромные кучи неподалеку от полога леса. Люди были в затруднении, потому что кучи эти оказались слишком велики для захоронения или сожжения. Для костров не

было дерева, и никто не рискнул бы дотронуться топором до неведомых деревьев, даже если бы Гэндальф не предостерег их от рубки под угрозой смертельной опасности.

— Оставьте орков лежать, — сказал Гэндальф. — Утро вечера мудренее.

В полдень отряд князя приготовился к отъезду. Погребение тогда только началось; и Теодэн скорбел об утрате Хамы, своего капитана, и первым бросил горсть земли на его могилу.

— Воистину великий вред нанес Саруман мне и всем этим землям, — сказал он. — И я вспомню об этом, когда мы встретимся.

Солнце уже приблизилось к холмам на западе ущелья, когда, наконец, Теодэн, Гэндальф и их товарищи спустились с Заслона. За ними собралась огромная толпа из всадников и вэйсанцев, юных и старых, женщин и детей, что вышли из пещер Бездны. Чистыми голосами пели они песнь победы; но потом смолкли в удивлении, потом что увидели деревья и испугались их.

Всадники приблизились к лесу и остановились. Ни людям, ни коням не хотелось въезжать в него. Деревья стояли серой угрожающей стеной, и тени или туман клубились меж ними. Концы их длинных кривых ветвей свисали как шарящие

пальцы, их корни выступали из-под земли, как члены неведомых чудовищ, и темные провалы открывались под ними. Но Гэндальф ехал вперед, ведя отряд, и там, где дорога из Хорнбурга встречала деревья, всадники видели теперь проём, подобный арке под мощными ветвями; Гэндальф въехал в него, и все последовали за ним. Тогда, к своему удивлению, они обнаружили, что дорога бежит вперед, и рядом с ней струится ущельная река; а над ними было небо, залитое золотистым светом. Но с обеих сторон огромные острова леса уже окутывал сумрак, переходящий в непроглядную тьму, и оттуда доносились скрипы и стоны ветвей, и далекие крики, и шум неявных голосов, и зловещий ропот. Ни орков, ни других живых существ видно не было.

Леголас и Гимли снова скакали на одном коне; они держались рядом с Гэндальфом, потому что Гимли боялся леса.

— Жарко здесь, — сказал Леголас Гэндальфу. — Я чую вокруг великую ярость. Чувствуешь, как бьется воздух в ушах?

— Да, — кивнул Гэндальф.

— Что сталось со злосчастными орками? — спросил Леголас.

— Этого, я думаю, никто никогда не узнает, —

ответил Гэндальф.

Некоторое время ехали в молчании, но Леголас то и дело озирался по сторонам и остановился бы не один раз, чтобы послушать голоса леса, если бы Гимли позволил ему.

— Это самые странные деревья из всех, какие я видел, — сказал эльф. — А я видел много дубов, доросших от желудя до разрушительных лет. Хотел бы я быть сейчас свободным, чтобы побродить среди них: у них есть голоса, и со временем я понял бы их мысли.

— Нет, нет! — вскричал Гимли. — Давай покинем их! Я и так знаю их мысли: ненависть ко всему, что ходит на двух ногах, а разговор у них идет о разрушении и удушении.

— Не ко всему, что ходит на двух ногах, — возразил Леголас. — Они ненавидят орков. Они не отсюда и мало знают об эльфах и людях. Далеки долины, где они выросли. Они вышли из самых глубин Фангорна, Гимли, вот что я думаю.

— Тогда это самый опасный лес в Средиземье, — сказал Гимли. — Я благодарен им за то, что они сделали, но я не люблю их. Ты можешь считать их чудом, но я видел величайшее чудо этой земли, много прекраснее любых рощ и прогалин: душа моя до сих пор полна им.

Странны пути Людей, Леголас! Здесь, рядом с ними — одно из самых дивных мест северного мира, и что говорят они о нем? Провалы, говорят они. Провалы! Норы, чтобы укрываться на время войны, склады корма для скота. Славный мой Леголас, знаешь ли ты, что пещеры Хельмовой Бездны обширны и прекрасны? Узнай о них гномы — сюда началось бы бесконечное паломничество, только бы взглянуть на них. Ах, поистине, они платили бы чистым золотом за краткий взгляд!

— И я заплатил бы золотом за твое прощение, — сказал Леголас. — Но вдвое — чтобы выйти на свет, если бы заблудился там!

— Ты не видел их, только потому я прощаю твою шутку, — сказал Гимли. — Но ты говоришь как глупец. Считаешь ли ты прекрасными те залы под горой в Лихолесье, где живет твой владыка и которые когда-то помогли построить гномы? Они не более чем лачуги в сравнении со здешними пещерами: громадны залы, полные вечной музыкой воды, что звенит, стекая в озера, прекрасные, как Келед-Зарам в свете звезд.

И, Леголас, когда вспыхнули факелы и люди ступили на песчаные полы под гулкими сводами — ах! — тогда, Леголас, камни, и кристаллы, и

жилы древних руд замерцали в гладких стенах; и огни просвечивали сквозь изгибы мрамора, подобного тонкой скорлупе, полупрозрачного, как живые руки Владычицы Галадриэли. Там белые, и шафрановые, и розовые, как заря, колонны, Леголас, плоёные и скрученные в непредставимых формах: они вырастают из многоцветных полов, навстречу сверкающим подвескам крыши: крылья, ленты, занавесы, прекрасные, как замерзшие облака; копья, знамена, башни висячих дворцов! Тихие воды отражают их: мерцающий мир смотрит из темных озер, покрытых прозрачным стеклом; залы, какие едва ли могли бы представиться Дарину в его сне, тянутся сквозь коридоры и окаймленные колоннами дворы, в темные ниши и альковы, куда не заглядывает свет. Потом приходит вечер: они меркнут и гаснут. Но факелы проходят в другую палату — и в другой сон. Там палата следует за палатой, Леголас; зал переходит в зал, свод в свод, ступени в ступени. И есть еще пути, ведущие в сердце гор. Провалы!.. Пещеры Хельмовой Бездны! Счастливый случай привел меня туда! Я плакал, оставляя их.

— Тогда я пожелаю тебе, для твоего же спокойствия, Гимли, — проговорил эльф, — прийти невредимым с войны и возвратиться сюда, чтобы

снова увидеть их. Но не говори о них своему народу! Им там нечего делать. Может быть, правы люди этой земли, говоря: «Семейка гномов с долотом просеет гору решетом».

— Да нет же, ты не понял, — сказал Гимли. — Ни одного гнома не оставит равнодушным такая красота. Никто из даринского народа не стал бы добывать в тех пещерах камень или руду, даже если бы нашлись в них алмазы и золото. Будешь ты рубить весной для костра цветущие деревья? Мы заботились бы об этих полянах цветущего камня, а не дробили бы их. С осторожным мастерством, удар за ударом, по небольшому кусочку горы за целый день труда — так работали бы мы, и, когда пролетели бы годы, мы провели бы новые дороги и открыли новые палаты, до сей поры темные. И свет, Леголас! Мы сделали бы светильники, подобные тем, что когда-то сияли в Казад-Думе; и тогда мы смогли бы прогнать прочь ночь, лежащую под холмами со времен сотворения мира, а во время отдыха мы позволяли бы ночи вернуться.

— Ты поколебал меня, Гимли, — признался Леголас. — Прежде ты никогда не говорил так. Ты заставил меня пожалеть, что я не видел этих пещер. Ладно! Давай заключим сделку: если мы

оба невредимыми вернемся из всех опасностей, что ожидают нас, мы немного попутешествуем вместе. Ты навестишь вместе со мной Фангорн, а я приду с тобой в Хельмову Бездну.

— Я выбрал бы не такой путь для возвращения, — проворчал Гимли. — Но вытерплю Фангорн, если получу твое обещание вернуться в пещеры и разделить со мной их дивную красоту.

— Обещание мое ты получил, — сказал Леголас. — Но увы! Сейчас мы должны покинуть на время и лес и пещеры. Смотри! Деревья кончаются. Далеко ли до Исенгарда, Гэндальф?

— Около пятнадцати лиг полета для воронов Сарумана, — оглянулся тот. — Пять от Предупредительного Оврага до Бродов и еще десять оттуда до ворот Исенгарда. Но за ночь мы весь путь не пройдем.

— А что мы увидим, когда придем туда? — не утерпел Гимли. — Ты, может быть, знаешь, а я не могу даже предположить.

— Я сам ничего не знаю наверняка. — отвечал маг. — Я был там вчера в сумерки, но с тех пор могло произойти многое, Однако не думаю, что ты назовешь поход напрасным — хоть Агларонд, Мерцающие Пещеры, и остались позади.

***

Наконец отряд миновал деревья и оказался у подножия Предущельного Оврага, где дорога из Хельмовой Бездны разветвлялась: один путь вел на восток — в Эдорас, другой — на север, к бродам реки Исен. Когда всадники выехали из-под полога леса, Леголас остановился и с сожалением оглянулся назад. И внезапно громко вскрикнул.

— Там глаза! — воскликнул он. — Глаза взглянули из тени ветвей! Я никогда не видал таких глаз!

Остальные, удивленные его возгласом, остановились и обернулись, а Леголас погнал коня назад.

— Нет, нет! — закричал Гимли. — Поступай как хочешь в своем безумии, но сначала спусти меня на землю! Я не хочу видеть никаких глаз!

— Стой, Леголас Зеленолист! — приказал Гэндальф. — Не возвращайся туда! Твое время еще не пришло.

В это время из-за деревьев выступили три странные фигуры. Они были высоки, как тролли, не меньше двенадцати футов в высоту; их сильные тела, крепкие, как молодые деревья, казались покрытыми облегающими одеяниями

или кожей серо-коричневого цвета. На длинных руках было по многу пальцев; волосы были густыми и жесткими, а бороды — серо-зелеными, как мох. На всадников они не смотрели: глаза их были обращены к северу.

Внезапно они поднесли руки ко рту — и прозвучал звенящий зов, чистый, как звук рога, но еще более певучий и переливчатый. На зов ответили и, снова повернувшись, всадники увидели еще несколько таких же существ, шагающих по траве. Они быстро приближались с севера, шагая как болотные цапли, но не со скоростью цапель: ноги их в мерном шаге поднимались и опускались быстрее птичьих крыльев. Всадники закричали в изумлении, и некоторые схватились за мечи.

— Оставьте оружие! — сказал Гэндальф. — Это всего лишь пастухи. Они не враги, им попросту нет дела до нас.

Казалось, так оно и есть, ибо пока он говорил, высокие существа, не взглянув на всадников, прошагали мимо них в лес и исчезли.

— Пастухи!.. — недоверчиво сказал Теодэн. — Где же их стадо? Что они такое, Гэндальф? Я вижу, тебе они не в диковинку.

— Они — пастыри деревьев, — ответил Гэндальф. — Давно ли внимал ты преданиям, сидя у

камина? Дети этой страны смогли бы отыскать на извилистых тропинках истории ответ на твой вопрос. Ты видел энтов, о князь, энтов из Фангорна, что на вашем языке зовется Энтвуд. Ты думаешь, это имя — беспочвенная фантазия? Нет, Теодэн, всё наоборот: для них ты не больше, чем мимолетная сказка: годы от Эорла Юного до Теодэна Старого — лишь мгновение для них; и все дела твоего дома не больше, чем малые песчинки.

Князь молчал.

— Энты!.. — проговорил он наконец. — Я начинаю понемногу понимать диво деревьев — из теней легенд. Я дожил до необыкновенных дней. Долгие годы пеклись мы о наших полях и конях, возводили дома, обрабатывали металлы и спешили на помощь Минас-Тирифу, когда приходила война. Это был наш мир, мы жили в нем и не искали иного. Мы не интересовались тем, что лежит вне наших границ. В наших песнях поется об этом, но мы позабыли песни и поем их только детям — по привычке. А сейчас песни вышли к нам из неведомых мест и, ожившие, ходят под солнцем.

— Ты должен радоваться, князь Теодэн, — сказал Гэндальф. — Ибо сейчас в опасности не только короткие человеческие жизни, но и жизни этих

существ, которых ты считал достояниями легенд. У тебя есть союзники, хоть ты и не знаешь о них.

— Однако я должен также и грустить, — сказал Теодэн. — Ибо, как бы ни сложилась судьба войны, не может ли она окончиться тем, что всё прекрасное и чудесное навеки покинет Средиземье?

— Может, — сказал Гэндальф. — Причиненное Сауроном зло нельзя ни полностью залечить, ни обратить в ничто. Но грядущие дни — наша судьба, и от нее не уйти. А теперь давай продолжим начатый путь!

***

Отряд отвернулся от оврага и леса и поскакал по дороге к Исенским Бродам. Леголас неохотно последовал за всеми. Солнце садилось; оно уже скатывалось за край мира, но, когда они выехали из тени холмов и взглянули на запад, на Роандийский Проход, небо всё еще было красным, и огненный отсвет лежал на летящих тучах. Под ними темным облаком кружились чернокрылые птицы. Некоторые с мрачными криками проносились над самой головой, возвращаясь к своим гнездам между скал.

— Стервятники слетаются к полю битвы, — за-

метил Йомер.

Они скакали легкой рысью; на степи вокруг опускалась тьма. Медленно взошла почти полная луна, и в ее холодном свете колеблющаяся травяная равнина стала подобна бесконечному серому морю. Часа через четыре после того, как они миновали развилку, всадники подъехали к бродам. Пологие склоны сбегали туда, где пенилась на каменистых мелях река. С высоких травянистых берегов ветер доносил волчий вой. Сердца воинов сжались; они вспомнили тех, кто полег здесь в битве.

Дорога углублялась в овраг меж вздымающихся берегов, прорезая свой путь через террасы к потоку и снова вверх по другой стороне. Три ряда широких камней и между ними конские броды вели с каждого берега на голый островок в центре реки. Всадники взглянули вниз и насторожились: что — то было не так; над Бродами всегда висел шум клокочущей на камнях воды; теперь же вокруг стояла тишина. Русло потока было сухо — пустыня из голышей и серого сыпучего песка.

— Печальным и мрачным стало это место, — сказал Йомер. — Какал болезнь иссушила реку? Много прекрасного уничтожил Саруман: не погубил ли он и ключей Исен?

— Похоже, что так, — отвечал Гэндальф.

— Увы! — сказал Теодэн. — Должны ли мы идти путем, где пожиратели падали истребили много лучших всадников Роханда?

— Таков наш путь, — проговорил Гэндальф. — Достойно скорби то, что пали твои воины, но знай, они не достались в поживу горным волкам. Те угощаются своими приятелями-орками; своеобразное доказательство дружбы. Едем!

Они спустились к реке, и волки, перестав выть, разбежались. Страх напал на них при виде Гэндальфа на Ночиветре: конь и всадник сияли в лунном свете. Отряд перебрался на островок, а вокруг по берегам тускло мерцали настороженные парные огоньки.

— Смотрите! — сказал Гэндальф. — Здесь потрудились друзья.

И они увидели в центре островка курган, окруженный камнями и усаженный множеством копий.

— Здесь лежат все воины Марки, что погибли близ этого места, — тихо и торжественно сказал Гэндальф.

— Да будет спокоен их сон! — отозвался Йомер. — И когда сгниют и проржавеют их копья — курган будет вечным стражем Исенских бро-

дов!

— Это тоже твое дело, друг мой Гэндальф? — спросил Теодэн. — Многое совершил ты за вечер и ночь!

— С помощью Ночиветра и других, — ответил маг. — Я объехал много земель, и объехал быстро. Но здесь, у кургана, я хочу успокоить тебя: многие пали в сражениях за Исен, но всё же не столько, сколько говорят: у страха, как известно, глаза велики. Рассеяно больше, чем убито, и я собрал всех, кого смог найти. Некоторым я велел присоединиться к Эркенбранду; Гримбольд из Вэйсана повел их. Некоторых отправил сюда — возвести курган. Сейчас они, как и многие другие всадники, скачут по моему приказу в Эдорас. Ведет их твой маршал Эльфхельм. Я знаю, что Саруман послал против тебя все свои силы и его слуги, бросив другие дела, повернули к Хельмовой Бездне: земли на много лиг очищены от врага; однако я опасался, что волколаки и грабители могут всё же напасть на Медузэлд, пока он не защищен. Но теперь опасность миновала: во дворце будут рады твоему возвращению.

— И я буду рад вновь увидеть свой дом, — сказал Теодэн, — хотя нет сомнений, что пребывание мое там будет мимолетным.

С этим отряд покинул островок, отсалютовав кургану, переправился через реку и поднялся на противоположный берег. Они опять скакали вперед, радуясь, что мрачные броды остались позади. За их спиной вновь завыли волки.

***

Древний тракт соединял Исенгард с переправой. Некоторое время он тянулся вдоль реки, заворачивая к востоку, а потом — к северу; но в конце концов уходил с берега и вел прямо к воротам Исенгарда: они были на западе долины, в шестнадцати милях от входа в нее. Всадники следовали этому тракту, но не скакали по нему, потому что земля рядом была твердой и ровной, на многие мили ее покрывал короткий пружинящий дерн. Они скакали быстрей, чем прежде, и к полуночи их отделяло от Бродов почти пять лиг. Тогда они остановились, потому что князь устал. Они подъехали к подножию Мглистых Гор, и длинные руки Нан-Курунира протянулись им навстречу. Темной лежала перед ними долина: луна склонилась к западу и скрылась за горами. Но из глубокой тьмы долины поднимались клубящиеся спирали дыма и пара; они попадали в лучи скрытой за горами луны и растекались по

звездному небу мерцающими серебристо-черными волнами.

— Что это значит, Гэндальф? — спросил Арагорн. — Можно подумать, что Колдовская Долина объята пожаром.

— Последнее время над ней постоянно висел дым, — сказал Йомер. — Но ничего подобного я прежде не видел. Это скорее испарения, чем дым. Саруман варит колдовское варево, чтобы угостить нас. Может быть, он вскипятил всю воду Исен, потому река и высохла.

— Может быть, — кивнул Гэндальф. — Завтра узнаем, что он там делает. А сейчас давайте отдохнем, пока можно.

Они разбили лагерь возле русла Исен; вокруг было тихо и пусто. Но поздней ночью закричали часовые — и все проснулись. Луна зашла. Небо усыпали звезды; но по земле ползла тьма, чернее, чем ночь, по обеим берегам реки накатывалась она на лагерь, двигаясь к северу.

— Стойте где стоите! — крикнул Гэндальф. — Не вынимайте оружия! Ждите — и оно минует вас!

Мгла сгустилась вокруг них. В вышине ярко сияло несколько звезд; но с обеих сторон вздымались стены непроницаемого мрака, воины были в узком коридоре меж движущихся башен тьмы.

Им слышались голоса, шепоты и вскрики и бесконечный шелестящий шорох; земля дрожала. Казалось, они сидят так очень долго, но тьма в конце концов ушла и скрылась в тени гор.

***

Далеко на юге, в Хорнбурге, люди услыхали в полночь великий шум, словно ураган поднялся в долине; тряслась земля. Все были напуганы, и никто не рискнул выглянуть. Но утром они вышли и были поражены: убитые орки исчезли вместе с деревьями. Далеко по долине Бездны трава была вытоптана и пожухла, точно пастухи-великаны прогнали там свои стада; а милей выше Заслона была вырыта глубокая яма, засыпанная горой камней. Воины решили, что там погребены убитые ими орки; но так ли это — никто не смог бы сказать, потому что никогда нога человека не вступала на тот холм. Холмом Мертвых назвали его, и трава не росла на его склонах. А неведомые деревья больше не появлялись в Предущельном Овраге. Ночью они вернулись в темные долы Фангорна. Так они отомстили оркам.

***

Князь и его отряд так и не уснули этой ночью; но больше ничего странного они не видели и не слышали, если не считать одного: возле них вдруг опять зашумела река. Вода заклокотала, пробиваясь через камни, а когда шум смолк, Исен текла и пенилась как всегда.

На рассвете всадники продолжали путь. Бледный серый свет заливал всё кругом, и они не видели солнца. В воздухе висел туман, дым стлался по земле вокруг. Они медленно ехали вперед, теперь двигаясь по тракту. Он был широк и хорошо утоптан. Сквозь мглу смутно виднелась слева длинная горная рука: они въехали в Нан-Курунир, Колдовскую Долину. Она была закрыта со всех сторон и открывалась только на юг. Когда-то она была зеленой и прекрасной, и через нее текла Исен, тогда могучая и полноводная, потому что ее питали многие ключи и мелкие горные речки — а по берегам ее лежали изобильные земли.

Всё изменилось. Под стенами Исенгарда по-прежнему зеленели поля, на которых трудились рабы Сарумана, но большая часть долины превратилась в пустыню, заросшую сорняками и колючками. Куманика стлалась по земле или

карабкалась на кусты и речные берега, образуя косматые пещеры, где прятались маленькие зверьки. Деревьев не было; но среди сорных трав виднелись обожженные, разрубленные пни древних рощ. Это была печальная страна, безмолвная, если не считать быстрого журчания воды в каменистом русле. Дымы и испарения стекались в мрачные тучи, таящиеся в лощинах. Всадники не разговаривали. Многие роптали в душе, удивляясь, к какому унылому концу пришел их поход.

Через несколько миль тракт превратился в широкую дорогу, мощеную большими плоскими камнями, искусно обтесанными и уложенными. Ни травинки не пробивалось меж ними. Глубокие узкие каналы, полные журчащей водой, бежали по обе стороны. Внезапно перед всадниками возник высокий черный столб. На нем была укреплена каменная Белая Рука с указывающим на север пальцем. Теперь они знали, что ворота Исенгарда должны быть недалеко, и на сердце у них лежала тяжесть; но глаза не могли пронзить клубящийся впереди туман.

***

В тени горного отрога внутри Колдовской Долины издревле стоял город-крепость, названный

людьми Исенгардом. Отчасти он был образован горами, но много труда вложили в него некогда люди запада; да и Саруман, живший здесь долгие годы, не терял времени даром.

Высокая каменная стена, подобно крепостным обрывам, выступала из-под полога гор и, замыкая круг, возвращалась туда с другой стороны. Лишь один вход был сделан в ней — арка в южной стене; там сквозь черную скалу был прорублен длинный коридор, с обоих концов закрытый массивными железными дверями. Они были так искусно сработаны и навешены на стальные петли, укрепленные в камне, что, когда они были отперты, достаточно было легкого толчка, чтобы они бесшумно распахнулись. Перед тем, кто прошел бы гулким коридором, предстала бы наконец равнина, огромный круг, немного похожий на мелкую пустую чашу, примерно с лигу шириной. Когда-то она была зеленой, с тропинками и рощами цветущих деревьев; их поили мелкие речки, во множестве стекавшие с гор и впадавшие в озеро. Но в последние годы Саруман истребил всю зелень. Дороги были вымощены большими камнями, а вместо деревьев на обочинах выстроились столбы — мраморные, медные, железные — соединенные тяжелыми

цепями. Внутри стен было вырублено множество домов, залов и галерей, так что весь круг просматривался из бесчисленных окон и темных дверей. Тысячи могли жить здесь — мастера, слуги, рабы и воины с огромными складами оружия и орудий: в глубоких берлогах внизу жили и кормились волкалаки. Равнина была вся перекопана. Шахты вгрызались глубоко в землю; их отверстия были скрыты под низкими курганами и каменными куполами, так что в лунном свете Кольцо Исенгарда казалось кладбищем бессонных мертвецов, ибо земля дрожала. Шахты уходили вниз множеством спусков и спиральных лестниц — в пещеры, где были сокровищницы, склады, арсеналы и кузни Сарумана. Бесконечно вращались железные колеса и стучали молоты. По ночам султаны пара вырывались из отдушин, освещенные снизу красным, или голубым, или ядовито-зеленым светом.

К центру сбегались огражденные цепями дороги. Там стояла башня удивительных очертаний. Возвели ее древние зодчие, построившие Кольцо Исенгарда, и до сих пор казалась она не делом человеческих рук, а порождением земли, в муках извергнутым горами: пик на скальном острове, черный, пронзительно сияющий — четыре мас-

сивных многогранных каменных столба были сведены в один, но у вершины они расходились четырьмя рогами, и острия их были остры, как концы копий, а грани заточены, как ножи. Узкая площадка меж ними, с полом, исчерченным неведомыми письменами, возвышалась на пятьсот футов над равниной. То был Ортханк, цитадель Сарумана, чье название, волею случая, имело двойное значение: на языке эльфов Ортханк означает Горный Клык, а на древнем наречии Марки — Коварный Разум.

Мощной и удивительной крепостью был Исенгард, и долгое время был он прекрасен; великие властители жили в нем, западные стражи Гондора и мудрецы, наблюдавшие звезды. Однако Саруман медленно, но верно приспособил его к своим изменившимся целям, улучшив его, как мнилось ему в ослеплении — ибо все те искусные и хитроумные приспособления, на которые он променял свою прежнюю мудрость и которые почитал своими, были подсказаны ему Мордором; и потому то, что он сделал, было не более чем маленькая копия, детская модель или рабское подражание огромной крепости, арсеналу, тюрьме, оплоту великой власти — Барад-Дуру, Черному Замку, который не боялся соперников и

смеялся над подделкой, ожидая удобного случая, спокойный в своей гордыне, уверенный в мощи своих неисчислимых воинств.

Такова была твердыня Сарумана, как о ней говорила молва — ибо на памяти людей ни один роандиец не входил в ее ворота — за исключением нескольких, таких, как Червослов, которые проникли в тайное и никогда не рассказывали никому о том, что видели.

***

Гэндальф миновал столб со знаком Руки; и тогда, к своему удивлению, всадники увидели, что рука перестала быть белой. Ее точно запятнала запекшаяся кровь, и, приглядевшись внимательней, они поняли, что ногти ее окровавлены. Гэндальф, не обращая на это внимания, ехал вперед, и они неохотно последовали за ним. Вокруг, словно после внезапного паводка, лежали в ямах по сторонам дороги широкие лужи, и ручейки с журчанием змеились меж камней.

Наконец Гэндальф остановился и обернулся к спутникам; они догнали мага и увидели, что туман впереди рассеялся и светит бледное солнце. Был час пополудни. Они подошли к дверям Исенгарда.

Но двери, сорванные с петель и искореженные, валялись на земле. Всё вокруг было усыпано разбитыми, искрошенными камнями. Арка всё еще стояла, но теперь она возвышалась над проломом: каменный коридор был раскрыт, и в стенах-утесах зияли большие трещины и проломы; крепостные башни были разбиты в пыль. Если бы Великое Море поднялось и в ярости обрушилось на горы, оно не причинило бы больших разрушений. Круглую равнину впереди покрывала курящаяся вода, и равнина напоминала булькающий котел, в котором крутились и плавали обломки брусьев, перекладин, сундуков, бочек, сломанных механизмов. Скрученные вывернутые столбы кое-где поднимали над озером свои разбитые стволы, но все дороги были затоплены. Далеко впереди, полускрытый пеленой несущихся облаков, вздымался скалистый остров. Башня Ортханка стояла, не тронутая бурей, по-прежнему высокая и темная, и волны плескались у ее подножия.

***

Князь и его воины молча сидели на конях, изумленные тем, что власть Сарумана низвергнута; но как — этого они не могли представить

себе. Они взглянули на проход под аркой и на руины ворот. Возле них была навалена большая куча обломков, и всадники вдруг увидели две маленькие фигурки, покойно лежащие на ней, одетые в серое, едва заметные меж камней. Рядом с ними стояли бутылки, чаши, тарелки, словно они только что хорошо закусили и теперь отдыхали от трудов.

Одна казалась спящей, другая, скрестив ноги и закинув руки за голову, прислонилась к большому обломку и выпускала изо рта тонкие длинные струйки и маленькие колечки голубоватого дыма.

Несколько минут Теодэн, Йомер и их воины глядели на них в полном изумлении. Среди развалин Исенгарда это зрелище казалось совершенно невероятным. Но прежде чем князь заговорил, маленький курильщик заметил их, молча стоящих на границе тумана. Он вскочил на ноги. Он выглядел юношей, хотя ростом был не больше ребенка; голову его покрывали каштановые кудри, а одет он был в дорожный плащ, точно такой же, в каких прискакали в Эдорас товарищи Гэндальфа. Он низко поклонился, приложив руку к груди. Потом, не замечая, казалось, Гэндальфа и его друзей, повернулся к Йомеру и князю.

— Добро пожаловать в Исенгард, господа, — промолвил он. — Мы стражи дверей. Меня зовут Мерриадок, сын Сарадока, а имя моего товарища (он, увы, сражен усталостью) — его имя Перегрин, сын Паладина из рода Хватов. Далеко на севере наш дом. Господин Саруман внутри; но сейчас он заперт вместе с неким Червословом, иначе, без сомнения, вышел бы встречать столь почетных гостей.

— Без сомнения, — рассмеялся Гэндальф. — Уж не Саруман ли приказал вам стеречь сломанные двери и следить за прибытием гостей, когда ваше внимание оторвется от тарелок и бутылок?

— Нет, сударь, случай избавил его от этого, — ответил Мерри. — Он был очень занят. Мы выполняли поручение Древобрада, который принял на себя управление Исенгардом. Он велел мне приветствовать князя Роханда надлежащей речью. Я сделал, что мог.

— А как быть с твоими товарищами? Как быть со мной и Леголасом? — взорвался Гимли, не в силах более сдерживаться. — Мошенники вы, лентяи шерстоногие! Вы заставили нас чудесно поохотиться! Две сотни лиг, сквозь степи и лес, битву и смерть, чтобы выручить вас! И вот мы нашли вас — и что же? Вы прохлаждаетесь тут

и курите! Курите!.. Где вы взяли табак, плуты вы этакие? Молот и клещи! Я разрываюсь между гневом и радостью, и чудо будет, если не разорвусь!

— Ты сказал за меня, Гимли, — засмеялся Леголас. — Хотя мне было бы куда интереснее узнать, откуда у них вино.

— Одного во время охоты вы наверняка не нашли, — Пин открыл один глаз. — Ясности ума. Вы находите нас сидящими на поле победы, среди военной добычи — и вас удивляет, как нам удалось отыскать несколько вполне заслуженных удобств!

— Заслуженных? — прищурился Гимли. — Не верится что-то!

Всадники хохотали до слёз.

— Не сомневаюсь, что мы свидетели встречи старых друзей, — сказал Теодэн. — Так это и есть потерянные члены твоего отряда, Гэндальф? Этим дням суждено заполниться чудесами. Я уже многое видел с тех пор, как покинул Золотой Дворец, а сейчас передо мной стоит еще одна легенда… Ведь это полурослики, которых некоторые из нас называют холбитлане?

— Хоббиты, с вашего позволения, сударь, — сказал Пин.

— Хоббиты? — переспросил Теодэн. — Язык

ваш странно изменился, впрочем, название не стало от этого хуже. Хоббиты! Ни один из слухов, что доходили до меня, не может сравниться с правдой.

Мерри поклонился. Пин встал и тоже поклонился.

— Вы очень добры, сударь, — сказал он. — Надеюсь, я правильно понял ваши слова. Но это чудо! Я прошел много земель с тех пор, как ушел из дому, и нигде до сих пор не встречал народа, знающего что-нибудь о хоббитах.

— Мой народ в древности пришел с севера, — сказал Теодэн. — Но не стану вас обманывать: у нас нет преданий о хоббитах. Нам известно лишь, что далеко-далеко за горами и реками живет маленький народец, обитающий в дюнных норах. Но сказаний об их подвигах нет, потому что, говорят, дела их малы, и они избегают людей, растворяясь в мерцании. А еще они могут менять голос и щебетать, как птицы. Это всё. Но, кажется мне, сказать можно много больше.

— Воистину так, сударь, — сказал Мерри.

— Вот, например, — обратился к нему Теодэн. — Я никогда не слышал, что они могут выпускать изо рта дым.

— Это неудивительно, — отвечал Мерри. — Это

искусство нам самим известно не так уж давно. Тобольд Дудкинс из Долгой Низины в Южном Уделе первым вырастил в своем саду настоящий табак — было это около 1070 года по нашему счету. Где старый Тоби взял рассаду…

— Ты не знаешь, что тебе грозит, Теодэн, — сдерживая улыбку, вмешался Гэндальф. — Эти хоббиты будут сидеть у порога развалин и упоенно обсуждать радости застолья или маленькие дела своих отцов, дедов, прадедов, прапрапрадедов и дальних родичей не знаю уж в каком колене, если ты не ко времени поощришь их в этом. Об истории курения поговорим в другое время… Где Древобрад, Мерри?

— Где-то на северной стороне, полагаю. Он отправился глотнуть чистой воды. Большинство других энтов всё еще трудятся — вон там, — Мерри махнул рукой в сторону дымного озера; и они услыхали дальний треск и грохот, словно лавина спускалась с гор. Издалека донеслось торжествующее хуум-хом.

— Ортханк не охраняется? — спросил Гэндальф.

— Там кругом вода, — сказал Мерри. — Но Торопыга и другие следят за ним. Не все те столбы, что на равнине, поставлены Саруманом. Торопыга,

насколько я знаю, сейчас возле скал у подножия лестницы.

— Да, там стоит высокий серый энт, — подтвердил Леголас. — Но руки его опущены, и более всего он похож на сторожевой столб.

— Миновал полдень, — заметил Гэндальф. — А последний раз мы ели перед рассветом. Но я хочу прежде всего повидать Древобрада. Оставил он мне послание, или эти тарелки и бутылки вышибли его из твоей памяти?

— Он оставил послание, — обиженно сказал Мерри. — Я как раз собирался его передать, когда другие вопросы отвлекли меня. Я должен сказать, что если князь Роханда и Гэндальф приедут к северной стене, они найдут там Древобрада, и он будет рад приветствовать их. Могу добавить, что их ждет там также прекрасная еда, найденная и отобранная вашими преданными слугами, — он поклонился.

Гэндальф рассмеялся.

— Так-то лучше, — кивнул он и обернулся к князю. — Ну, Теодэн, едешь ли ты со мной к Древобраду? Придется объехать вокруг, но это не так уж далеко. Увидев Древобрада, ты многое поймешь. Ибо Древобрад — это Фангорн, старейшина и вождь энтов, и когда ты поговоришь с ним, ты

услышишь речь старейшего из всех живущих.

— Я еду с тобой, — сказал Теодэн. — Прощайте, мои хоббиты! Мы должны вновь встретиться в моем дворце! Там вы сядете подле меня и поведаете обо всем, о чём пожелаете: о славных делах ваших предков, подробно, как только сможете; и тогда мы поговорим и о Тобольде Старом и его растениях. Прощайте!

Хоббиты низко поклонились.

— Так вот он какой, князь Роханда! — пробормотал себе под нос Пин. — Славный старикан! А как любезен…

Глава 9
Обломки

Гэндальф и князь с отрядом ускакали, повернув к востоку — в объезд разрушенных стен Исенгарда. А Арагорн, Гимли и Леголас остались. Пустив Арод и Хазуфеля пастись, они подошли и уселись рядом с хоббитами.

— Очень хорошо! Охота закончена, и мы снова встретились — там, где никто из нас и помыслить не мог, — сказал Арагорн.

— И теперь, когда великие мира сего удалились обсуждать свои высокие дела, — сказал

Леголас, — нам, быть может, удастся узнать, как решаются наши маленькие загадки? Мы проследили ваш путь до леса — но есть кое-что, о чём я бы хотел знать истину.

— А нам очень хочется узнать, как дела у вас! — воскликнул Мерри. — Кое-что мы, правда, узнали от Древобрада, но нам этого мало.

— Всему свое время, — ответил Леголас. — Мы охотились, и вы должны рассказать о себе первыми.

— Или вторыми, — хмуро вмешался Гимли. — После еды легче рассказывать и слушать. У меня болит голова; и уже миновал полдень. Этим мошенникам следовало бы поделиться с нами добычей, о которой они говорили. Еда и питье помогли бы мне забыть обиду.

— Тогда ты получишь и то, и другое, — сказал Пин. — Где ты будешь есть, здесь или в караульне — она вон там, под аркой? Мы-то закусывали здесь, чтобы следить за дорогой.

— Хорошо же вы за ней следили! — проворчал Гимли. — Но я не хочу ни заходить в орочий дом, ни есть их пищу.

— Мы тебе этого и не предлагаем, — сказал Мерри. — Мы так от них натерпелись — до конца жизни хватит. Но в Исенгарде жило много

другого народа. У Сарумана достало мудрости не доверять оркам. Ворота охраняли люди — вернейшие и любимейшие из его слуг, как я понимаю. Во всяком случае, еда у них отменная.

— И табак? — ехидно спроил Гимли.

— Нет, — рассмеялся Мерри, — но это уже другая история, и она подождет, пока мы позавтракаем.

— Тогда пошли завтракать! — воскликнул гном.

***

Хоббиты показывали дорогу; они прошли под арку и по маленькой лестнице поднялись к широкой двери. Она открывалась прямо в большой зал с несколькими дверьми поменьше в дальнем конце и с камином и очагом у стены. Зал был вырублен в скале; когда-то в нем было темно, потому что окна его выходили только в каменный коридор. Но сейчас свет проникал сквозь сломанную крышу. В камине пылали дрова.

— Я разжег огонь, — проговорил Пин. — Он ободрит вас в тумане. Здесь было немного хвороста, а все дрова, которые мы нашли, отсырели. Но в зале, по счастью, был сквозняк. Огонь под рукой. Я поджарю хлеб: боюсь, он трех-, а то и четырехдневной давности.

Арагорн с товарищами уселись за длинный стол, а хоббиты скрылись за одной из внутренних дверей.

— Там склад. И наводнение его пощадило, — объяснил Пин, выныривая оттуда нагруженный мисками, чашками, бутылями и разнообразной снедью.

— Не стоит вам воротить нос от пищи, господин гном, — сказал Мерри, появляясь следом и подходя к столу. — Это не орочьи помои, а человечья еда, как говорит Древобрад. Что вы предпочитаете — вино или пиво? Там его целый бочонок — и довольно сносного. А вот прекрасная соленая свинина. Если хотите, можно отрезать несколько ломтиков грудинки — я ее мигом поджарю. Извините, что нет овощей: в последние дни поставки прекратились. Не могу предложить вам ничего больше, кроме масла и меда — и, разумеется, хлеба. Вы довольны? — Вполне, — улыбнулся Гимли. — Обида почти позабыта.

Трое занялись едой; и двое хоббитов не отставали от них, без смущения завтракая во второй раз.

— Должны же мы составить компанию гостям! — заявили они.

— Вы сегодня сама любезность, — засмеялся Леголас. — Но ведь если бы мы не приехали, вам

опять пришлось бы составлять компанию друг другу.

— Очень может быть; и почему нет? — сказал Пин. — Не могу сказать, чтобы орки нас хорошо кормили, и после того мы питались немногим лучше. Давненько не приходилось нам есть вволю.

— Однако большого вреда вам это не принесло, — заметил Арагорн. — Вид у вас цветущий.

— Истинная правда, — поддержал Арагорна Гимли, взглянув на них поверх кубка. — Волосы ваши куда гуще и курчавей, чем были при нашем расставании; и я могу поклясться, что вы оба подросли, если только это возможно в ваши годы. Этот Древобрад голодом вас не морил.

— Нет, конечно, — поморщился Мерри, — но энты только пьют, а чтобы получить удовольствие — одних напитков мало. Напитки Древобрада очень питательны, но нам всё время не хватало чего-нибудь поплотнее.

— Вы пили воду энтов, да? — подался вперед Леголас. — О, тогда я думаю, что глаза Гимли не обманули его. Странные песни поют о напитках Фангорна.

— И странные слухи ходят об этой земле, — сказал Арагорн. — Я никогда в ней не был. Ну же,

расскажите мне о ней и об энтах!

— Энты, — задумчиво протянул Пин, — энты… ну, во-первых, они все разные. А глаза их… глаза у них очень странные… — он промямлил что-то еще и умолк. — Вы уже видели некоторых в пути — и они тоже видели вас и предупредили о вашем приближении, — и вы увидите еще многих, прежде чем уйдете отсюда. Так смотрите и думайте.

— Стойте, стойте! — воскликнул Гимли. — Рассказ начат с середины! А я хочу услышать его сначала — с того дня, когда распался наш Отряд.

— Услышишь, если будет время, — сказал Мерри. — Но сперва — если вы наелись — набейте и раскурите трубки. И тогда — пусть ненадолго — мы сможем представить себе, что все мы невредимыми вернулись в Усад или в Светлояр.

Он вытащил маленький кисет, полный табаку.

— У нас его навалом, — объявил он. — И когда мы соберемся уходить, вы все возьмете, сколько захотите. Мы с Пином сегодня всё утро работали спасателями. Здесь плавает немало добра. Вот Пин и выудил два небольших бочонка. Чем только они его привлекли? Когда мы их вскрыли, обнаружилось, что они доверху полны вот этим: прекрасный табак, как видите, и совсем сухой.

Гимли отсыпал немного на ладонь, размял и

понюхал.

— Хорош на ощупь, и пахнет приятно, — сказал он.

— Еще бы! — довольно улыбнулся Мерри. — Милый мой Гимли, это же лучший хоббичий табак! На бочонках даже клейма есть. Как он сюда попал — не представляю. Наверное, для личного пользования Сарумана. Не ожидал я, что он забредет так далеко от дома. Но пришел он как раз вовремя, правда?

— Правда, — вздохнул Гимли. — Эх, будь у меня трубка!.. К несчастью, я потерял ее, то ли в Мории, то ли где еще. В ваших трофеях трубки не найдется?

— Боюсь, что нет, — развел руками Мерри. — Мы не нашли ни одной даже здесь, в караульне. Кажется, Саруман хранил это удовольствие для себя. И я не вижу прока стучаться в двери Ортханка, чтобы одолжить у него трубку. Я дам тебе покурить из своей, ты же мой друг.

— Полминутки! — вмешался Пин. Запустив руку за отворот рубашки, он вытащил маленький мягкий мешочек на шнурке. — Я хранил эти сокровища на груди, — молвил он. — Они не менее дороги мне, чем Кольца — их Хранителям. Вот одно: моя старая деревянная трубка. А вот и другое:

совсем новая. Сам не знаю, почему я хранил ее столько времени. Я никогда не надеялся отыскать табак во время Похода. Но, оказывается, берег её не зря. — Он вытащил трубку с широкой плоской чашечкой и протянул ее Гимли. — Забудешь ли ты теперь свою обиду, друг? — тихо спросил он.

— Забуду ли! — вскричал Гимли. — Почтеннейший хоббит, я твой вечный должник!

— Ну, я пошел на чистый воздух, взглянуть, что делают ветер и небо, — Леголас поднялся.

— Мы идем с тобой, — сказал Арагорн.

Они вышли и уселись на разбитые камни у ворот. Перед ними расстилалась долина: туман поднялся, и его унес ветер.

— Давайте ненадолго предадимся лени, — предложил Арагорн. Он усмехнулся. — Будем сидеть у порога развалин и беседовать, как сказал Гэндальф, — пока он где-то чем-то занят. Я устал, как редко уставал прежде. — Он завернулся в плащ и вытянул длинные ноги. Потом откинулся назад и выпустил в небо тонкую струйку дыма.

— Гляди-ка, Бродник вернулся! — хмыкнул Пин.

— Он никуда и не уходил, — отозвался Арагорн. — Я Бродник и Дунадан, гондорец и северянин одновременно.

***

Некоторое время они курили молча, и косые солнечные лучи освещали их, пробиваясь в долину из-за высоких белых облаков. Леголас лежал навзничь, спокойно глядя в небо, и тихонько напевал что-то. Наконец он сел.

— Ну же! — проговорил он. — Время тянется медленно, и туман уплыл прочь — или уплыл бы, если бы вы не окутывали себя дымом. Что за странный народ!.. Будете вы рассказывать или нет?

— Рассказ мой начинается с пробуждения во тьме, связанным, в лагере орков, — отозвался Пин. — Какой теперь день?

— Пятое марта по вашему счету, — сказал Арагорн.

Пин посчитал на пальцах.

— Всего девять дней назад! — воскликнул он. — Кажется, год минул с того дня, как нас схватили. Что ж, хотя добрая половина их была подобна страшному сну, этих кошмарных дней было всего три. Мерри поправит меня, если я забуду что — нибудь важное; мне не хочется вдаваться в подробности: бичи, грязь и зловоние — не самые приятные воспоминания. — И он повел рассказ о

последнем бое Боромира и об орочьем марше от Роандийской Стены до Леса. Охотники кивали, когда отдельные места рассказа совпадали с их догадками.

— Вы потеряли несколько сокровищ, — сказал Арагорн. — И думаю, были бы рады получить их назад. — Он откинул плащ и снял с пояса два длинных кинжала в черных ножнах.

— Славно! — радостно выговорил Мерри. — Вот уж чего не ожидал — так это опять увидеть их. Несколько орков надолго их запомнят; но Углюк их у нас отобрал. Как он бесился! Сперва я подумал, что он заколет меня, но он отбросил их, будто они его обожгли.

— А вот и твоя пряжка, Пин, — продолжал Арагорн. — Я сохранил ее. Это очень ценная вещь.

— Знаю, — вздохнул Пин. — Мне было больно бросать ее. Но что еще я мог сделать?

— Ничего больше, — ответил Арагорн. — Тот, кто не может в нужде расстаться с сокровищем, связан по рукам и ногам. Ты поступил верно.

— Какой ты молодец, что изловчился разрезать веревки!.. — улыбнулся Гимли. — Счастье улыбнулось тебе; но ты, как говорится, сумел схватить удачу обеими руками.

— И задал нам прелестную загадку, — добавил

Леголас. — Я уж решил было, что у вас выросли крылья.

— К несчастью, нет, — сразу помрачнел Пин. — Просто вы не знали о Гришнакхе, — он содрогнулся и замолчал, предоставив Мерри рассказывать о последних, самых страшных мгновениях: о шарящих холодных пальцах, обжигающем дыхании и убийственной силе волосатых лап Гришнакха.

— То, что вы рассказываете об урхах Барад-Дура (они называют его Лугбурз), тревожит меня всё сильней, — хмуро признался Арагорн. — Черный Властелин знает уже слишком много, да и слуги его кое о чём проведали; и Гришнакх наверняка отправил за Реку донесение после ссоры. Багровый Глаз должен обратиться на Исенгард. Но Саруман, в любом случае, попался в яму, которую сам выкопал.

— Да, какая бы сторона не победила, — согласился Мерри. — Дела его пошли плохо с тех пор, как орки вступили на землю Роханда.

— Мы видели призрак старого колдуна — на это намекал Гэндальф, — сказал Гимли. — На краю Леса.

— Когда это было? — быстро спросил Пин.

— Пять ночей назад, — ответил Арагорн.

— Дайте подумать, — сказал Мерри. — Пять

ночей назад, — ну, теперь мы подходим к той части рассказа, о которой вы ничего не знаете. Тем утром, после битвы, мы встретили Древобрада; а ту ночь провели в Дивном Чертоге, одном из энтийских домов. На следующее утро мы отправились на энтмут — это сход энтов, самое странное из всего, что я видел в жизни. Он длился весь день, и следующий тоже; ночи мы проводили с энтом по прозвищу Торопыга. А потом, чуть позже полудня третьего дня, энты вдруг поднялись. Это было поразительно. Лес напрягся, точно в нем собрались грозовые тучи; потом всё взорвалось. Хотел бы я, чтобы вы услышали песню, с которой они шли.

— Услышь ее Саруман, он был бы сейчас за сотню лиг отсюда, даже если бы бежал пешком, — вставил Пин.

На Исенгард! Хоть камневрат!
Идем, не ждем, врата снесем,
Та-румба-румба-румба-ром!

— Там было еще много куплетов. Но большая часть песни слов не имела и была похожа на музыку рогов и бой барабанов. Она будоражила. Но я считал ее всего лишь походным маршем, вроде песни, — пока не пришел сюда. Теперь меня не

проведешь.

— Когда спустилась ночь, мы перевалили через последний хребет в Нан-Курунир, — продолжал Мерри. — И тогда я впервые почувствовал, что сам Лес идет за нами. Я решил, что сплю и вижу энтийский сон, но вот и Пин видел то же самое. Мы перепугались; но так и не узнали ничего о нем — до недавнего времени.

Это было дивье — так их называют энты. Древобрад не захотел много говорить о них, но я думаю, что это энты, только они стали как деревья. Они молча стоят там и сям в лесу и на опушках, вечно охраняя лес. Но мне кажется — в глубине темных долов их сотни и сотни.

В них скрыта великая сила и, кажется, они могут превращаться в призраков: во время движения их увидеть невозможно. Но они движутся. Вы стоите, спокойно любуетесь небом и слушаете шепот ветра — и вдруг оказываетесь в самом центре леса, среди шарящих ветвей. У них до сих пор есть голоса, и они говорят с энтами, — но с ними что-то неладно: они стали дикими. И опасными. Я побоялся бы встретиться с ними, если бы истинные энты на ними не присматривали.

Ну так вот. Ранней ночью мы прокрались по длинной лощине в верхний конец Колдовской

Долины, — энты и всё их шелестящее воинство. Мы их, конечно, не видели, но воздух наполняли скрипы. Была темная, пасмурная ночь. Едва горы остались позади, они понеслись, как ураган. Луна не показывалась, и вскоре после полуночи высокий лес поднялся у северной стены Исенгарда. Врагов не было видно, тревоги никто не поднимал. Лишь высоко в башне тускло мерцало окно.

Древобрад вместе с несколькими энтами тихонько подобрались к большим воротам. Мы с Пином были с ним: сидели у него на плечах; я чувствовал, как он напряжен. Но, даже восстав, энты могут быть очень осторожны и терпеливы. Они стояли, замерев, будто вырубленные из камня, и вслушивались во тьму.

Потом вдруг поднялась ужасная суматоха. Загудели трубы, и эхом откликнулись стены Исенгарда. Мы решили, что обнаружены и что битва вот-вот начнется. Но ничего подобного. Всё Саруманово воинство во отмаршировало прочь. Я мало что знаю об этой войне и всадниках Роханда, но Саруман, видимо, решил покончить с князем и его воинами одним последним ударом. Он опустошил Исенгард. Я видел, как шел враг: бесконечные ряды шагающих орков. А замыкали их шествие стаи волколаков. Были там и отряды

людей. Многие несли факелы, и пламя освещало их лица. Большинство было обычными людьми, очень высокими и темноволосыми, с лицами мрачными, но вовсе не лиходейскими. Но были и еще какие-то, имевшие вид истинно зловещий: люди, но с орочьими лицами: болезненножелтыми, большеротыми, косоглазыми. И знаете, они сразу напомнили мне Бита Осинника из Усада; тот, правда, не был так похож на орков.

— Я тоже подумал о нем, — кивнул Арагорн. — Нам пришлось столкнуться с этими полуорками в Хельмовой Бездне. Теперь-то мне ясно, что этот Осинник — Саруманов шпион; но я не знаю, шпионил ли он и для Черных Всадников или только для Сарумана. У этих лиходеев не поймешь, состоят они в сговоре или собираются предать друг друга.

— Ну а всех вместе, — сказал Мерри, — их было никак не меньше десяти тысяч. Целый час они шли через ворота. Некоторые двинулись по тракту вниз к Бродам; а остальные повернули и отправились на восток — там через глубокое ущелье, в котором бежит река, перекинут мост. Если встанете, сможете его увидеть. И все они пели пронзительными голосами и смеялись — шум был страшный. Я подумал, что для Роханда

настали черные дни. Но Древобрад не двигался. Он сказал: «Этой ночью я занят Исенгардом — скалами и камнями».

Но, хотя я и не видел, что делалось в темноте, я понял, что дивье двинулось к югу, как только ворота захлопнулись. Наверное, сводить счеты с орками. Утром они были в долине; во всяком случае, там стояла непроглядная мгла.

Как только Саруман услал свое воинство, пришел наш черед. Древобрад спустил нас вниз, подошел к воротам и принялся колотить в них, зовя Сарумана.

Никакого ответа; только камни и стрелы со стен. Но стрелы — не защита от энтов. Они задевают и раздражают их, конечно, так же, как нас укусы мух. И энт может весь быть утыкан орочьими стрелами, но они не принесут ему серьезного вреда. Отравить энтов нельзя, а кожа у них упругая и толстая, плотнее, чем кора. Чтобы серьезно их ранить, нужны острый топор и сильная рука; но ни один дровосек, единожды тронувший энта, никогда не нанесет второго удара. Кулак энта сминает железо, как тонкую жесть.

Когда в Древобрада вонзилось несколько стрел, он разгорячился — «стал очень тороплив», как сказал бы он сам. Он громко протрубил: «хуум-

хом», — и к нему подошло еще около дюжины энтов. Разгневанный энт ужасен. Их пальцы вцепились в скалу, и они изорвали ее, как хлебную корку. То, на что древесным корням понадобились бы столетия, заняло у них несколько мгновений.

Они толкали, тащили, трясли, колотили — и в пять минут огромные ворота обратились в развалины; некоторые начали уже вгрызаться в стены, как кролики в капусту. Не знаю, что подумал Саруман, но что поделать с этим — он не знал. Должно быть, за последнее время его колдовская сила уменьшилась, во всяком случае, он, по-моему, не обладает ни твердостью, ни открытым мужеством — один, в опасности, без армии рабов, механизмов и других вещей, если вы понимаете, о чём я говорю. Он совсем другой, чем старина Гэндальф. Хотел бы я знать, не обязан ли он своей славой главным образом своему ловкому воцарению в Исенгарде.

— Нет, — возразил Арагорн. — Когда-то он был достоин своей славы. Знания его были глубоки, ум остер, руки удивительно искусны; и сила его превышала разум других. Мудрых он убеждал, остальных — запугивал. Силу свою он сохранил до сих пор. Не многие в Средиземье остались бы

невредимы, решись они побеседовать с ним один на один даже сейчас, когда он потерпел поражение. Гэндальф, Эльронд и, возможно, Галадриэль — теперь, когда лиходейство его обнаружилось — да еще кое-кто.

— Энты невредимы, — сказал Пин. — Один раз он почти сумел обойти их, — но только один раз. И во всяком случае, он их не понял; и сделал огромную ошибку, не приняв их в расчет. Он не имел никаких планов насчет них, и поздно было придумывать что-то, когда они взялись за дело. Когда началась наша атака, немногие крысы, которые еще оставались в Исенгарде, полезли из всех щелей — стоило только энтам пробить их. Людей энты отпускали после допроса, две или три дюжины ушло только с этой стороны. Но я не думаю, что хотя бы нескольким оркам удалось спастись. От дивья не уйти; а лес вокруг был полон ими, так же как тот, что спустился в долину.

Когда энты разбили в пыль порядочный кусок южной стены, а слуги сбежали и бросили его, Саруман запаниковал. Он, наверно, был у ворот, когда мы прибыли: вышел полюбоваться на свое достославное воинство. Когда энты пробились внутрь, он быстро отступил. Они сперва не заметили его. Но небо открылось, звезды светили

ярко, и Торопыга вдруг закричал: «Убийца деревьев! Держите убийцу деревьев!» Вообще-то Торопыга существо мягкое, но Сарумана он ненавидит люто: его народ жестоко пострадал от орочьих топоров. Он прыгнул вперед, а он может нестись как ветер, когда разъярится. По дороге от внутренних ворот торопилась бледная фигура, мелькая меж теней столбов, и она уже почти достигла лестницы к башенной двери. Дверь была близка… к несчастью. Торопыга так торопился за чародеем, что лишь несколько ступеней отделяло того от плена и удушения, когда он проскользнул в дверь.

Саруман укрылся в Ортханке и вскоре запустил некоторые из своих распрекрасных механизмов. К тому времени в Исенгарде собралось немало энтов: некоторые последовали за Торопыгой, некоторые ворвались с севера и с востока; они бродили вокруг и делали славное дело разрушения. Вдруг в воздух взвилось пламя и столбы грязного дыма: отдушины и шахты по всей долине раскрылись, началось извержение. Несколько энтов обожглись, кожа их покрылась волдырями. Один из них (его, кажется, звали Трескучий Бук) — статный красивый энт — попал в столб жидкого пламени и вспыхнул, как факел:

жуткое зрелище.

И они обезумели. Я думал прежде, что они восстали, но я ошибался. Теперь я, наконец, увидел, как это выглядит. Это было потрясающе. Они гремели, гудели, трубили — пока камни не стали лопаться и падать просто от их грохота. Мы с Мерри лежали на земле, заткнув уши плащами. Вокруг Ортханка бродили энты и бушевали, как ревущий ураган, ломая столбы и башни, обрушивая на шахты лавины обломков, взметая в воздух каменные плиты, как листья. Башня была в центре кружащегося вихря. Я видел железные столбы и куски каменной кладки, что взлетали на сотни футов и разбивались между окон Ортханка. Но Древобрад сохранил ясную голову. Он, к счастью, не обжегся. Он вовсе не хотел, чтобы народ его в ярости уничтожил сам себя, и вовсе не хотел, чтобы в этой заварухе Саруман удрал через какую — нибудь тайную дыру. Многие энты кидались на скалы Ортханка и расшибались. Скалы эти очень гладкие и крепкие. В них кроются какие — то чары, возможно, древней и сильней Саруманових. Во всяком случае, энты не могли ни ухватиться за них, ни пробить их; они лишь побились и поранились.

Древобрад вышел из кольца и закричал. Его

сильный голос перекрыл шум, и вдруг наступила мертвая тишина. Мы услышали резкий хохот из высокого башенного окна. Он странно подействовал на энтов. Прежде они клокотали; теперь же стали мрачными, холодными, как лед — и спокойными. Они покинули равнину и собрались вокруг стоящего невдалеке Древобрада. Он немного поговорил с ними на своем языке; думаю, объяснял им замысел, давно созревший в его древней голове. Потом они молча исчезли в сером свете. Начинался рассвет.

Полагаю, они поставили стражей смотреть за башней, но стражи так хорошо укрывались в тени и стояли так тихо, что я ни одного не заметил. Остальные ушли на север. Весь тот день они были заняты, а мы почти всё время оставались одни. Нам было отчаянно скучно; мы немного побродили вокруг, стараясь не попадаться на глаза окнам Ортханка: они смотрели на нас с угрозой. Довольно много времени мы провели в поисках еды. Ну, и еще мы сидели и болтали о том, что творится сейчас на юге, в Роханде, и о том, что сталось с нашим Отрядом. Иногда до нас доносился шум падающих камней и глухие голоса, эхом отдающиеся от горных склонов.

В полдень мы обошли круг и отправились

взглянуть, что делается в долине. В ее начале стоял большой темный лес дивья, и еще один — у северной стены. Мы не решились войти, но оттуда несся оглушительный шум работы. Энты и дивье копали большие ямы и рвы, устраивали пруды и перемычки, собирая всю воду Исен и всех родников и речек, какие они сумели найти. Мы оставили их за этим занятием.

В сумерки Древобрад вернулся к воротам. Он ворчал и гудел что — то про себя и выглядел очень довольным. Он остановился, вытянул длинные руки и ноги и глубоко вздохнул. Я спросил, не устал ли он.

«Устал? — отвечал он. — Устал? Нет, не устал, но высох. Мне нужен добрый глоток энтийского напитка. Мы славно потрудились; за сегодняшний день мы разбили столько камней и перекопали столько земли, сколько не разбивали и не перекапывали за все прежние годы. Но работа почти закончена. Когда наступит ночь, не ложитесь ни возле ворот, ни в старом коридоре! Через них пронесется вода, сперва злая, пока вся саруманова грязь не смоется. Тогда очищенная Исен снова потечет своим путем». И он еще немного поразбивал стену — от нечего делать, для забавы.

Мы как раз размышляли, где бы нам улечься,

чтобы поспать в безопасности, когда произошло самое удивительное. С дороги раздался быстрый перестук копыт — приближался какой-то всадник. Мы с Мерри прижались к земле. Вдруг, как серебристое пламя, перед нами возник высокий конь. Было уже темно, но я ясно видел лицо всадника: казалось, оно светится, как и его белые одежды. Я уселся, вытаращив глаза и открыв рот. Попытался окликнуть его — и не смог.

В этом не было необходимости. Он остановился как раз возле нас и взглянул вниз.

«Гэндальф? — сказал я наконец, но изо рта моего вырвался только шепот. Вы думаете, он сказал: «Привет, Пин! Вот так встреча!»? Ничуть не бывало! Он сказал: «Просыпайся, дуралей! Где, во имя чуда, находится Древобрад? Он мне нужен.

Отвечай быстрей!»

Древобрад услышал его голос и сразу же вышел из тьмы; встреча была очень странной. Я был удивлен, потому что, кажется, ни один из них удивлен не был. Гэндальф, ясное дело, рассчитывал найти здесь Древобрада; и Древобрад, должно быть, замешкался у ворот, чтобы с ним встретиться. Но ведь мы же рассказали старому энту о Мории! Но потом я припомнил, как странно он тогда смотрел на нас. Остается предположить, что

он уже тогда видел Гэндальфа или знал о нем что — то — и просто не пожелал в спешке говорить об этом. «Не торопиться» — это его девиз, но никто, даже эльфы, не может уследить за Гэндальфом.

«Хуум! Гэндальф! — воскликнул Древобрад. — Я рад, что ты пришел. Мне покорны Лес и Вода, вещи и камни; но здесь надо укротить Чародея».

«Древобрад, — сказал Гэндальф. — Мне нужна твоя помощь. Ты сделал многое, но мне надо еще больше. Мне надо укротить десять тысяч орков».

Тогда эти двое отошли совещаться в какой-то угол. Совет их, наверное, показался Древобраду «очень поспешным», потому что Гэндальф ужасно торопился и говорил быстро. Они отсутствовали каких-нибудь четверть часа. А потом Гэндальф вернулся к нам и казался почти веселым — он точно сбросил с плеч тяжкий груз. Ну, и тут уж он сказал, что рад нас видеть.

«Но, Гэндальф, — завопил я. — Где же ты был?! А других ты видел?»

«Где бы я ни был, я вернулся, — отвечал он в своей всегдашней манере. — Да, кое-кого я видел. Однако новости могут подождать. Это очень опасная ночь, и я должен торопиться. Но, может быть, рассвет будет ясным. Если так, мы встретится снова. Берегите себя и берегитесь Ортханка! До

свидания!»

После отъезда Гэндальфа Древобрад глубоко задумался. Очевидно, он узнал многое в малое время и теперь переваривал это. Он посмотрел на нас и прогудел: «Хм, что ж, не такой уж вы торопливый народ, как я думал. Вы сказали много меньше, чем могли, и не больше, чем должны были. Хм, целая вязанка новостей, несомненно! Что ж, Древо-браду снова придется поработать».

Пока он не ушел, мы выжали из него кое-какие новости; и они вовсе нас не обрадовали. Но в ту минуту мы больше думали о вас троих, чем о Фродо и Сэме, или о бедном Боромире. Потому что мы сообразили, что грядет великая битва — если еще не началась — и что вы в ней участвуете и, может быть, не выйдете из нее живыми.

«Дивье поможет», — бросил Древобрад. С тем он и ушел, и мы не видели его до сегодняшнего утра.

***

Была глубокая ночь. Мы лежали на вершине этой груды камней и не могли разглядеть ничего в двух шагах. Туманная мгла закрыла всё вокруг плотным покрывалом. Воздух казался тяжелым и жарким; он был полон шелестом, скрипом, шо-

рохами. Наверное, дивье проходило мимо, чтобы помочь в бою. Позже на юге тяжело раскатился гром, далеко над Рохандом засверкали молнии. Время от времени мы видели далекие горные вершины, прорезающие тьму и внезапно исчезающие. И за нами в горах тоже громыхало — но по-другому. Порой этому грохоту откликалась долина.

Было около полуночи, когда энты сломали плотины и пустили всю собранную воду через северный пролом вниз — в Исенгард. Дивье прошло, и гром укатился за ним. Луна садилась за западные горы.

Исенгард стал наполняться черными змеящимися ручьями и лужами. Они мерцали в последнем свете луны, растекаясь по долине. Вода то и дело проникала вниз через шахты и отдушины. Взвивались белые столбы. Клубами поднимался пар. Что-то взрывалось, сверкал огонь. Одна огромная дымная спираль взлетела, кружась, вверх и обвилась вокруг Ортханка, и башня стала похожа на высокий облачный пик, огненный у земли, просвеченный луной у вершины. А вода всё лилась и лилась, и в конце концов Исенгард превратился в гигантскую кастрюлю, бурлящую и дымящую.

— Мы видели облака дыма и пара прошлой ночью, когда въезжали в Нан — Курунир, — кивнул Арагорн. — И опасались, не готовит ли нам Саруман какую-нибудь новую пакость.

— Только не он! — сказал Пин. — Он, вероятно, подавился собственным смехом. Утром — вчерашним утром — вода залила все норы, и тут был непроглядный туман. Мы укрылись в караульне и были слегка испуганы. Озеро переполнилось и изливалось через коридор, и вода быстро заливала ступени. Мы решили было, что попались в ловушку, как орки, но в задней комнате нашлась винтовая лестница, и она вывела нас на арку. Протиснуться там было трудновато, потому что проход растрескался и был завален камнями. Мы уселись на вершине над потоком и любовались видом Исенгарда. Энты продолжали гнать внутрь воду, пока огни не потухли, а пещеры не заполнились. Туман медленно сгущался в гигантский облачный зонт, никак не меньше мили шириной. Вечером над восточными горами повисла большая радуга; а потом закат был стерт густым моросящим дождем. Всё было спокойно. Где-то далеко заунывно выли волколаки. Ночью энты остановили потоп и отпустили Исен в прежнее русло. Тем всё и кончилось.

С тех пор вода стала спадать. Где-то под землей, в пещерах должны быть стоки — так я думаю. Ежели Саруман выглянет из какого-нибудь окна, он увидит совершеннейший развал — мрачная картина. Нам было очень одиноко. Ни одного энта, даже поболтать не с кем; и никаких новостей. Мы чувствовали: вот-вот должно что-то случиться. Саруман по-прежнему в своей башне. Ночью был шум, точно ветер прошел по долине: полагаю, вернулись энты и дивье — те, что уходили вам на помощь; но куда они все подевались, понятия не имею. Было мглистое, сырое утро, когда мы спустились вниз, и снова огляделись, и никого не увидели. Вот почти и всё. Здесь теперь, кажется, совсем спокойно — после ночной суматохи. И как-то безопаснее — с тех пор, как вернулся Гэндальф. Мне наконец удалось поспать.

Некоторое время все молчали. Гимли опять набил трубку.

— Теперь меня интересует только одно, — сказал он, высекая огонь и поднося трут к трубке, — Червослов. Вы сказали Теодэну, что он у Сарумана. Как он туда попал?

— Ах, да! Совсем позабыл, — хлопнул себя по лбу Пин. — Его не было до сегодняшнего утра. Мы как раз развели огонь и завтракали, когда

появился Древобрад. Мы услышали, как он гудит и зовет нас снаружи. «Я обошел вокруг взглянуть, как вы тут, мальчуганы, — сказал он, — и хочу кое-что вам рассказать. Дивье вернулось. Всё хорошо; ай-йя, всё просто отлично! — Он засмеялся и хлопнул себя по бедрам. — Нет больше орков в Исенгарде, нет больше топоров! И сюда идут люди — они будут здесь, прежде чем состарится день; кое-кто, кого вы рады будете видеть».

Едва он это сказал, как с дороги раздался стук подков. Мы выскочили к воротам, я стоял и всматривался, ожидая увидеть Гэндальфа с Бродником, скачущих во главе войска. Но из тумана выехал человек на старой худой кляче; да и сам он был какой-то вывихнутый. Больше никого не было. Ну, когда он выехал из тумана и узрел перед собой все эти развалины и обломки, он просто-таки позеленел. Он был настолько ошарашен, что, кажется, не сразу заметил нас. А когда заметил — закричал и попытался повернуть лошадь и ускакать. Но Древобрад сделал три шага, протянул длинную руку и поднял его с седла. Кляча его в ужасе понесла, а он грохнулся на землю. Он сказал, что он — Грима, друг и советник князя, и что он послан с важным известием от Теодэна к Саруману.

«И никто больше не рискнул бы отправиться в путь через земли, полные этих гнусных орков, — заявил он. — Поэтому послали меня. И я прошел сей опасный путь, я голоден и устал. Я уклонился к северу, чтобы избежать встречи с волками».

Я поймал косой взгляд, брошенный им на Древобрада, и сказал себе: «Врет!» Древобрад, по своей привычке, долго смотрел на него, до тех пор, пока негодяй не начал корчиться на земле. Наконец Древобрад сказал: «Ха, хм, я ждал тебя, Червослов». Человек подскочил при этом имени. «Гэндальф опередил тебя. Я знаю о тебе всё, что надо знать, и знаю, что с тобой сделать. Посади всех крыс в одну крысоловку, сказал Гэндальф; и я посажу. Хозяин Исенгарда — я, а Саруман заперт в своей башне; но ты можешь пойти туда и передать ему всё, что пожелаешь».

«Так пропустите же меня, — рванулся Червослов. — Я знаю дорогу».

«Разумеется, знаешь, — сказал Древобрад. — Но здесь всё немного изменилось. Иди взгляни!»

Он отпустил Червослова. Тот прохромал через арку (мы шли за ним по пятам) и увидел воды, отделяющие его от Ортханка. Тогда он обернулся к нам.

«Отпустите меня! — проскулил он. — Отпусти-

те! Известия мои теперь никому не нужны».

«Истинно так, — сказал Древобрад. — Но у тебя только два выхода: остаться со мной до прибытия Гэндальфа и твоего господина или пересечь озеро. Что ты выберешь?»

Человек содрогнулся при мысли о господине и ступил в воду. Но тут же вылез.

«Я не умею плавать», — сказал он.

«Тут неглубоко, — усмехнулся Древобрад. — Правда, грязно, но тебе это не повредит, Червослов. Ступай!»

И негодяй бултыхнулся в проток. Вода дошла ему почти до шеи. Последнее, что я видел — это как он цеплялся за пустые бочонки и куски дерева, а потом скрылся из глаз. Но Древобрад шел за ним и следил за его успехами.

«Что же, он добрался, — сказал он, вернувшись. — Я видел, как он взбирался по лестнице, точно грязная крыса. В башне кто-то есть: чья-то рука втащила его внутрь. Так что он там, и, кажется, его ждет достойный прием. Теперь я должен пойти и очиститься от ильной слизи. Я буду у северной стены, если кто — нибудь захочет меня видеть. Здесь мало чистой воды, энт даже напиться не сможет, не то что выкупаться, и поэтому я прошу вас, мальчуганы, подождать тех, кто при-

езжает. Это будет Сеньор Роандийских степей, заметьте себе! Вы должны приветствовать его, как подобает: его воины победили орков в великой битве. Может быть, вы лучше энтов знаете, как надо говорить с такими людьми. В мое время в степях было множество властителей, но я так и не запомнил ни их наречий, ни их имен. Им, конечно, потребуется человечья еда — а вы об этом всё знаете. Так поищите и постарайтесь найти что-нибудь подходящее для стола князя», — Пин встал, поклонился и снова сел. — Мой рассказ кончен. Хотя мне ужасно любопытно, кто такой этот Червослов. Он что, правда советник князя?

— Советник, — поморщился Арагорн. — А еще Саруманов соглядатай и правая рука в Роханде. Судьба обошлась с ним не мягче, чем он заслужил. Одно лишь зрелище развалин всего, что он почитал таким сильным и великолепным, уже было достаточным наказанием. Но, боюсь, удел его куда злее.

— Да я и не думаю, чтобы Древобрад пропустил его в Ортханк по доброте душевной, — заметил Мерри. — Он казался мрачно довольным этим делом и посмеивался про себя, когда пошел купаться и пить. Ну, а мы потратили после этого немало времени, обыскивая обломки и мусор. Мы

нашли неподалеку два — три незалитых склада. Но Древобрад прислал нескольких энтов, и они много утащили.

«Нам нужна человечья пища для двадцати пяти людей», — сказал энт. Как видите, кто-то внимательно пересчитал ваш отряд еще до того, как он прибыл. Вы трое, ясное дело, должны были попасть в круг вершителей судеб. Но вы ничего не потеряли. Мы сохранили еду не хуже, чем отдали, смею вас заверить. И даже лучше: питья мы не посылали.

«Как с напитками?» — спросил я энтов.

«Здесь течет Исен, — отвечали они. — Ее воды вполне достаточно и людям, и энтам». Но я надеюсь, что энты нашли время принести из горных ключей свои напитки, и что борода Гэндальфа закурчавится, когда он вернется. После ухода энтов мы почувствовали усталость и голод. Но мы не ворчали — труды наши вознаграждены сполна. Именно во время поисков «человечьей пищи» Пин отыскал среди обломков самый ценный трофей: эти дудстонские бочонки. «После еды нет ничего лучше трубки», сказал Пин, потому вы и нашли нас курящими.

— Вот теперь мы всё поняли, — сказал Гимли.

— За исключением пустяка, — хмуро возразил

Арагорн. — Табак из Южного Удела — в Исенгарде. Чем больше я об этом думаю, тем меньше мне это нравится. Я никогда не был в Исенгарде, но я исходил все эти земли и знаю, какие пустынные области лежат между Краем и Маркой. Долгие годы ни товары, ни люди не пересекали их — в открытую не пересекали. Кажется мне, Саруман поддерживает с кем-то в Крае тайную связь. Червословов можно отыскать не только в княжеских палатах… Была на бочонках дата?

— Была, — кивнул Пин. — Урожай 1417 года, прошлого, нет, прости, теперь уж, конечно, позапрошлого: славный был год.

— Ну ладно, надеюсь, все беды плетутся пешком, потому что нам сейчас не до них, — сказал Арагорн. — Однако, я думаю, что должен рассказать об этом Гэндальфу, хотя это — лишь малое дельце среди его великих дел.

— Хотел бы я знать, каким делом он сейчас занят, — отозвался Мерри. — Полдень давно прошел. Идемте посмотрим! Ты можешь войти в Исенгард, Бродник, — если пожелаешь. Но это зрелище не из приятных.

Глава 10
Голос Сарумана

Они прошли разрушенным коридором и остановились на груде камней, глядя на темную многооконную башню Ортханка, грозную даже сейчас, среди окружающего ее запустения. Почти вся вода сошла. Тут и там поблескивали озерки, покрытые пеной и обломками, но большая часть широкого луга уже обнажилась: илистая пустыня, заваленная осколками скал, изрытая чернеющими норами, усеянная пьяно склонившимися столбами и башнями. По краю разрушенной чаши поднимались курганы и склоны, как наметенные штормом груды гальки; а за ними зеленая долина сбегала в длинную лощину между темными рукавами гор. Через пустырь скакали всадники; они приближались с севера и уже достигли Ортханка.

— Это Гэндальф, Теодэн и его воины! — сказал Леголас. — Идемте им навстречу!

— Идите осторожнее! — предупредил Мерри. — Здесь есть обманные плиты, оглянуться не успеете, как окажетесь в яме.

Они медленно шли по тому, что когда-то было дорогой от ворот к Ортханку. Заметив их, всадники остановились в тени скал. Гэндальф выехал навстречу.

— Что ж, мы с Древобрадом весьма интересно побеседовали и обсудили кое-какие планы, — сказал он. — И немного отдохнули, конечно. Теперь мы должны продолжить путь. Надеюсь, друзья мои, вы тоже отдохнули и подкрепились?

— Само собой, — кивнул Мерри. — Наша беседа началась и кончилась курением. А потому злость наша на Сарумана поутихла.

— Вот как? — остро взглянул на них Гэндальф. — Моя — нет. Мне осталось сделать одно дело перед отъездом — нанести прощальный визит Саруману. Опасный, возможно — бесполезный; но он должен быть сделан. Кто пожелает, может пойти со мной — но берегитесь! И не шутите! Сейчас не время для шуток.

— Я пойду, — сказал Гимли. — Я хочу увидеть его и узнать, правда ли он так похож на тебя.

— А как ты это узнаешь, мастер гном? — прищурился Гэндальф. — Саруман может стать похожим на меня в твоих глазах, — ежели ему это будет выгодно. Достаточно ли ты мудр, чтобы распознать все его притворства? Что ж, посмот-

рим. Он может побояться показаться стольким глазам сразу. Но я велел энтам скрыться из глаз, так что, возможно, мы и уговорим его выйти.

— А что за опасность? — не утерпел Пин. — Он станет в нас стрелять или будет лить нам на головы огонь из окна? Или опутает нас чарами?

— Последнее наиболее вероятно, если ты подойдешь к его дверям с открытым сердцем, — ответил Гэндальф, — но никто не знает, что он сделает — или попытается сделать. Опасно подходить к загнанному в угол зверю. А Саруман владеет силами, каких вы и представить себе не можете. Остерегайтесь его голоса!

Они подошли к подножью Ортханка. Башня была черной, скальные стены влажно блестели. Лезвия многогранных камней были остры, будто недавно заточенные. Лишь несколько бороздок да маленькие чешуйки-осколки у подножья — вот и всё, что напоминало о неистовой ярости энтов.

На восточной стороне, в углу меж двух столбов, высоко над землей была большая дверь; а над ней — затворенное окно, выходящее на балкон, огражденный железными перилами. К порогу двери вела лестница из двадцати семи широких ступеней, вырубленных чьим-то неведомым

искусством в том же черном камне. Это был единственный вход в башню; но множество узких, подобных маленьким глазам, окон глядели из глубоких амбразур отвесных стен.

В начале лестницы Гэндальф и князь спешились.

— Я иду, — сказал Гэндальф. — Я бывал в Ортханке и знаю, что мне грозит.

— Иду и я, — отозвался князь. — Я стар, и опасностям не испугать меня. Я хочу говорить с врагом, который причинил мне столько зла. Йомер пойдет со мной и увидит, что мои старые ноги не споткнутся.

— Как пожелаешь, — ответил Гэндальф. — Со мной пойдет Арагорн. Остальные пусть ожидают нас у подножия лестницы. Они увидят и услышат достаточно — если будет что видеть и слышать.

— Нет! — сказал Гимли. — Мы с Леголасом хотим видеть подробности. Мы представляем свои народы. Мы тоже пойдем.

— Тогда идем! — И Гэндальф двинулся вверх по лестнице, и Теодэн шел рядом с ним.

Роандийцы сидели верхом по обе стороны лестницы и с сумрачным беспокойством смотрели на башню, боясь, что с их сеньором вот-вот что-нибудь случится. Мерри и Пин присели на нижнюю

ступени и чувствовали себя весьма неуютно.

— Отсюда до ворот с полмили! — пробормотал Пин. — Хотел бы я невидимкой проскользнуть назад в караульню! Зачем мы здесь? Вовсе ни к чему.

Гэндальф остановился перед дверями Ортханка и ударил в них Жезлом. Они гулко зазвенели.

— Саруман! Саруман! — громко, повелительно крикнул он. — Выходи, Саруман!

Никакого ответа. Наконец окно над дверью растворили, но в его темном провале никто не показывался.

— Кто там? — спросил голос. — Что вам надо?

Теодэн вздрогнул.

— Этот голос мне знаком, — сказал он. — И я проклинаю день, когда впервые услышал его.

— Пойди и вызови Сарумана, коли уж ты теперь у него на посылках, Грима Червослов! — проговорил Гэндальф. — Не испытывай наше терпение.

Окно захлопнулось. Они ждали. Внезапно раздался другой Голос, тихий и мелодичный, каждый звук его очаровывал. Те, кто неосторожно вслушивался в него, редко могли пересказать потом речи, которым внимали; а если могли — удивлялись, как мало силы осталось в них. Обычно они вспоминали только, что было насла-

ждением слушать звучащий Г олос, что всё, что он говорил, казалось мудрым и справедливым, и просыпалось желание сейчас же согласиться с тем, что казалось уже справедливым им самим. Любой другой голос казался им резким и грубым; а едва вновь слышался Голос, гнев утихал, как под действием чар. Для некоторых чары длились только пока Голос обращался к ним, а когда он заговаривал с другими, они усмехались, как люди, видящие насквозь трюки фокусника, тогда как другие дивятся на них. Но для многих одного только звука Голоса было достаточно, чтобы стать его рабом; а на тех, кого он покорил, чары действовали даже тогда, когда люди были далеко, и вкрадчивый Голос всё время нашептывал им что — то или убеждал их. Но никто не остался равнодушным, никто не избежал его очарования, не отверг его приказов без усилия разума и воли, пока его господин был властен над ним.

— Ну? — спросил Голос с тихим упреком. — Зачем нарушаете вы мой отдых? Неужели вы не дадите мне покоя ни ночью, ни днем? — В его тоне слышалось горькое недоумение доброй души, удрученной незаслуженной обидой.

Они взглянули вверх, пораженные, потому что не слышали, как он приблизился; и увидели фи-

гуру, стоящую у перил, глядящую на них сверху вниз: старика, облаченного в широкую мантию, определить цвет которой было бы трудно, потому что он изменялся при каждом его движении. Лицо его было длинным, с сильным подбородном, с темными непроницаемо-бездонными глазами, хотя смотрели они сейчас печально, доброжелательно и немного устало. Волосы и борода его были белы, но черные пряди всё еще обрамляли глаза и губы.

— Похож, да не похож, — пробормотал Гимли.

— Но постойте, — молвил мягкий Голос. — По крайней мере двоих из вас я знаю. Гэндальфа я знаю слишком хорошо, чтобы надеяться, что он ищет здесь помощи или совета. Но ты, Теодэн, Сеньор Роандийской Марки, известен своим благородством, а еще более — бесстрашной прямотой Дома Эорла. О, достойный сын Тэнгела Преславного! Почему не пришел ты раньше, как друг? Часто жаждал я видеть тебя, могущественный владетель западных земель, особенно в последние годы — чтобы уберечь от неблагоразумных и пагубных советов, что окружали тебя. Неужели уже слишком поздно? Несмотря на нанесенные мне обиды, в которые воины Роханда — увы! — внесли свою лепту, я всё же хотел бы спасти тебя

и избавить от гибели, которая постигнет тебя, если ты не сойдешь с пути, которым скачешь. Воистину я один могу помочь тебе сейчас.

Теодэн открыл рот, точно собираясь заговорить, но ничего не сказал. Он взглянул в лицо Сарумана с темными спокойными глазами, опущенными на него, а потом — на стоящего рядом с собой Гэндальфа; казалось, он колебался.

Гэндальф не двигался; стоял молча, как каменный, будто ожидая какого — то зова, который еще не пришел. Всадники заволновались, зароптали, соглашаясь с речью Сарумана; а потом смолкли и они, точно очарованные. Им казалось, что Гэндальф никогда не говорил с их сеньором столь честно и достойно. Грубым и гордым казалось им теперь его обхождение с Теодэном. И души их заволокла тень, страх великой беды: гибели Марки во тьме, куда ввергал их Гэндальф, в то время, как Саруман стоял у двери спасения, наполовину приоткрыв ее — так, что виден был свет. Повисло тяжелое молчание.

Нарушил его гном Гимли.

— Слова этого колдуна опутали их души, — неожиданно проворчал он, сжимая рукоять топора. — Неужто не ясно, что на языке Ортханка помощь означает гибель, а спасение — убиение?

Не просить помощи пришли мы сюда.

— Тише! — произнес Саруман, и голос его на миг стал менее вкрадчивым, и мгновенный свет вспыхнул в глазах — и погас. — С тобой я не говорил еще, Гимли, сын Глоина, — сказал он. — Далеко отсюда твой дом, и мало касаются тебя заботы этой земли. Но не по собственному умыслу впутался ты в них, а потому я не стану упрекать тебя за роль, которую ты сыграл — доблестно, без сомнения. Но прошу тебя, позволь мне сначала поговорить с князем Роханда, моим соседом и — некогда — другом.

Что скажешь ты, князь Теодэн? Примешь ли ты мое предложение мира, а с ним и всю ту мощь, какую могут дать мои знания, копившиеся долгие годы? Будем ли мы вместе противостоять злу этих дней и загладим ли наши обиды доброй волей, чтобы владения наши расцвели еще краше, чем прежде?

Теодэн по-прежнему не отвечал. Борется он со страхом или сомнениями — сказать было невозможно. Заговорил Йомер.

— Услышь меня, Сеньор, — молвил он. — Теперь мы ощутили опасность, от которой нас предостерегали. Скакали ли мы к победе лишь затем, чтобы в растерянности встать наконец перед

старым лжецом с медом на раздвоенном языке?

Так говорил бы с гончими загнанный волк, если бы мог. Поистине, великую помощь окажет он тебе! Всё, чего он желает, это спастись из твоей ловушки. Вступишь ли ты в переговоры с мастером предательств и убийств? Вспомни Теодреда у Бродов, вспомни могилу Хамы в Хельмовой Бездне — вспомни их!

— Если говорить об отравленных языках — что должен я сказать о твоем, змееныш? — сказал Саруман, и гневное пламя взметнулось в его глазах. — Но тише, Йомер, сын Йомунда! — продолжал он по-прежнему мягко. — Каждому свое. Тебе — доблесть в бою, и этим заслужил ты славу. Карай тех, кого твой господин зовет врагами, и удовлетворись этим. Не вмешивайся в дела, которых не понимаешь. Но, возможно, если ты станешь князем, ты поймешь, что он должен с осторожностью выбирать друзей. Дружбу Сарумана и силу Ортханка не отбросишь легко, какие бы обиды, действительные или мнимые, не лежали позади. Ты выиграл битву, но не войну — с помощью, на которую никогда более не сможешь рассчитывать. В следующий раз Призрачный Лес может встать у твоих дверей: он своенравен и бесчувствен, и не питает любви к людям.

Сеньор Роханда, можно ли назвать меня убийцей только лишь потому, что доблестные воины пали в бою? Если ты вступил в войну — ненужную, ибо я не желал ее, — воины твои должны были погибнуть. Но если считать убийцей меня — тогда Дом Эорла погряз в убийствах, потому что они воевали часто и нападали на тех, кто не повиновался им. Однако с некоторыми они потом заключали мир, что было куда более умно. Я спрашиваю, князь Теодэн: заключим ли мы союз дружбы и мира — ты и я? Ибо здесь решаем мы.

— Мы заключим союз, — хрипло, с усилием отвечал наконец Теодэн. Некоторые всадники радостно закричали. — Да, мы заключим союз, — проговорил он на этот раз ясно, — и меж нами настанет мир, — когда ты и все твои дела сгинут — и дела твоего черного господина, которому ты хотел предать нас. Ты лжец, Саруман, ты обольститель людских душ. Ты протянул мне руку — а я увидел лишь палец когтистой лапы Мордора. Даже если твоя война со мной справедлива, — а это не так, ибо будь ты и вдесятеро мудрее, ты не имел бы права распоряжаться мной и принадлежащим мне по своей воле и для своей выгоды, — но будь она даже справедливой, что скажешь ты о факелах в Вэйсане, о детях, что

сгорели там? Что скажешь ты о надругательстве над телом Хамы — твои орки разрубили его перед воротами Хорнбурга, когда он пал? Когда ты повесишься на своем окне на радость собственным воронам — только тогда между мною и Ортханком настанет мир. Довольно о Доме Эорла! Я лишь младший потомок великого рода, но я не стану лизать твоих пальцев. Обращайся к кому угодно. Но, боюсь, Голос твой утратил свои чары.

***

Всадники уставились на Теодэна, точно пробужденные ото сна. После музыки Саруманова голоса речь их господина звучала им карканьем старого ворона. А Саруман какое-то время был вне себя от ярости. Он перегнулся через перила, словно желая поразить князя жезлом. И некоторым вдруг показалось, что они видят свернувшуюся в спираль перед боем змею.

— Вороны и виселицы! — прошипел он, и все содрогнулись от ужасной перемены. — Старый безумец! Что такое Дом Эорла, как не крытый соломой сарай, где в дыму и вони напиваются бандиты, а их отродья катаются по полу между псов? Слишком долго ухоронялись они от виселицы! Однако петля близко, медленно затягивается

она — но тем туже и крепче затянется. Вешайся, если хочешь!.. — Теперь голос его изменился, словно он медленно брал себя в руки. — Не знаю, откуда взялось у меня терпение говорить с тобой. Ибо мне не нужен ни ты, ни твоя свора, Теодэн Лошадник. Давно предлагал я тебе положение превыше твоих заслуг и твоего ума. Я предложил его снова, чтобы те, кого ты обманул, увидели все пути. Ты ответил мне оскорблениями и хвастовством. Быть по сему. Возвращайся в свои лачуги!

Но ты, Гэндальф! Я глубоко опечален, видя и чувствуя твой позор. Как можешь ты выносить подобное окружение? Ведь ты горд, Гэндальф, — и не без основания; ум твой благороден, а глаза видят и вдаль, и вглубь. Не выслушаешь ли ты мой совет хотя бы сейчас?

Гэндальф пошевелился и взглянул вверх.

— Что можешь ты сказать, чего не сказал в нашу прошлую встречу? — спросил он. — Или ты хочешь отречься от сказанного?

Саруман остановился.

— Отречься?.. — Он задумался, точно поставленный в тупик. — Отречься? Я старался наставить тебя для твоей же пользы, но едва ли ты услышал меня. Ты горд и не любишь наставлений, обладая поистине изобилием собственной мудрости. Но в

этом случае ты ошибся, как я теперь понимаю, в упрямстве неправильно истолковав мои намерения. Боюсь, в своем рвении убедить тебя я потерял терпение. И я сожалею об этом. Ибо я не желал тебе зла; не желаю и сейчас, хотя ты вернулся ко мне в окружении неистовства и грубости. Как я могу?.. Разве мы оба не члены высокого и древнего ордена, высочайшего в Средиземье? Дружба наша выгодна нам обоим. Многое можем мы свершить вместе, чтобы исправить беспорядочность мира. Так постараемся понять друг друга, и отгоним прочь мысли обо всех малых народах! Пусть ждут наших решений! Для всеобщего блага хочу я исправить прошлое и принять тебя. Ты согласен держать совет со мной? Согласен войти?

***

Такую силу вложил Саруман в эту последнюю попытку, что ни один из слушавших его не остался равнодушным. Но чары теперь были иными. Они слышали, как добрый король мягко увещевал заблудшего, но сердечно любимого министра. Но сами они были вне беседы, слушая у дверей слова, к ним не обращенные: дурно воспитанные дети или туповатые слуги, подслушивающие ускользающие речи старших и дивящиеся, как

могут эти речи повлиять на их судьбу. Эти двое были отлиты из особого металла: возвышенны и мудры. Союз между ними казался неизбежным. Гэндальф поднимется в башню обсуждать в высоких залах Ортханка вещи глубже и выше их понимания. Двери захлопнутся, и они останутся снаружи, обреченные ожидать назначенной работы — или наказания. Даже в голове Теодэна пронеслось, как тень сомнения: «Он предаст нас. Он уйдет — мы погибнем».

И тут Гэндальф рассмеялся. Наваждение истаяло, как колечко дыма.

— Саруман, Саруман! — сквозь смех выговорил Гэндальф. — Саруман, ты всю жизнь шел не по тому пути. Тебе надо было стать королевским шутом и зарабатывать свой хлеб (и колотушки), передразнивая его советников. Каков! — Он веселился от души. — Понять друг друга!.. Боюсь, я выше твоего понимания. Зато тебя, Саруман, я теперь понимаю преотлично. Я лучше помню твои доводы и поступки, чем ты думаешь. Когда я в последний раз пришел к тебе, ты был тюремщиком Мордора, и туда собирался отослать меня. Нет, гость, единожды спасшийся с крыши, дважды подумает прежде, чем вновь переступит порог. Нет, я не войду. Но слушай, Саруман, в последний раз!

Не выйдешь ли ты? Исенгард оказался не таким крепким, каким делали его твои надежды и воображение. Так может случиться и с остальным, во что ты всё еще веришь. Не лучше ли оставить это на время? Обратиться к новому? Хорошенько подумай, Саруман! Спустишься ли ты?

Тень прошла по лицу Сарумана, потом оно стало мертвенно-бледным. Прежде чем он успел их скрыть, сквозь маску проступили муки смятенного ума, не желающего оставаться — и страшащегося оставить убежище. Мгновение он колебался, и никто не дышал. Потом он заговорил; голос его был резок и холоден. Гордыня и ненависть взяли верх.

— Спущусь ли я? — насмешливо переспросил он. — Выйдет ли безоружный к шайке разбойников? Я хорошо слышу вас и отсюда. Я не дурак, и я не доверяю тебе, Гэндальф. Хоть они и не стоят открыто у лестницы, я знаю, где по твоему приказу затаились демоны леса.

— Предатель всюду видит предательство, — устало сказал Гэндальф. — Но не бойся за свою шкуру. Я не хочу ни убивать тебя, ни причинять тебе зло, ты мог бы знать это, если действительно понимаешь меня. У меня хватит сил защитить тебя. Я даю тебе последний шанс. Ты можешь

свободным покинуть Ортханк, если пожелаешь.

— Звучит прекрасно, — продолжал глумиться Саруман. — Вполне в стиле Гэндальфа Серого: столь снисходительно, столь великодушно! Не сомневаюсь, Ортханк показался бы тебе удобным, как и мой уход. Но почему должен я уйти? И что ты подразумеваешь под «свободой»? Полагаю, есть некие условия?

— Поводы для ухода ты можешь увидеть из окон, — ответил Гэндальф. — Слуги твои уничтожены или разогнаны; соседей своих ты обратил во врагов; а новому своему господину ты изменил или пытался изменить. Когда Око его обратится сюда — оно будет красным от гнева. А когда я говорил «свобода», Саруман, я имел ввиду именно свободу: свободу от оков, цепей и приказов, свободу идти куда пожелаешь — даже в Мордор, Саруман, если решишься. Но сперва ты отдашь мне Ключи Ортханка и свой Магический Жезл. Они станут залогом твоего поведения и будут возвращены позже, если ты того заслужишь.

Лицо Сарумана побледнело до синевы, его исказила ярость, багровым пламенем вспыхнули глаза.

Он дико захохотал.

— Позже! — взвизгнул он. — Позже!.. Ну, разуме-

ется, когда сам ты получишь Ключи Барад-Дура, и Короны Семи Королей, и Жезлы Пяти Мудрецов! Скромный план. Едва ли не единственный, где требуется моя помощь! Но у меня найдутся другие дела. Не будь глупцом. Если хочешь иметь дело со мной, пока есть возможность — уходи, и возвращайся, когда протрезвеешь. И оставь где-нибудь этих головорезов и своих маленьких прихвостней, что волокутся за тобой, как лохмотья за оборванцем! А до тех пор — прощай! — Он повернулся и ушел с балкона.

— Вернись, Саруман! — повелительно проговорил Гэндальф. К изумлению остальных, Саруман повернул назад, словно против воли, вновь медленно подошел к железным перилам и оперся на них, тяжело дыша. Лицо его избороздили морщины. Рукой, как лапой, он сжимал тяжелый черный жезл.

— Я не позволял тебе уйти, — сурово сказал Гэндальф. — Я не закончил. Ты стал глупцом, Саруман, и жалким глупцом. Ты мог бы отвернуться от зла и безрассудств и стать полезным, но ты предпочел остаться и пожинать плоды своих заговоров. Оставайся! Но предостерегаю тебя: тебе нелегко будет выйти отсюда. Нелегко, даже если с востока протянутся черные руки, чтобы тебя

вытащить. Саруман! — воскликнул он и голос его налился властностью и силой. — Взгляни на меня! Я не Гэндальф Серый, которого ты предал. Я Гэндальф Белый, прошедший сквозь смерть. Ты потерял свой цвет, и я изгоняю тебя из Ордена и из Совета.

Он поднял руку и говорил теперь медленно, ясно и холодно.

— Саруман, твой Жезл сломан.

Раздался треск, жезл в руках Сарумана разлетелся на куски, и навершие его упало к ногам Гэндальфа.

— Прочь! — сказал маг. Саруман с криком откачнулся от перил и, едва передвигая ноги, ушел в башню. В этот момент что-то тяжелое и сверкающее со свистом прорезало воздух. Зацепив железные перила, оно пролетело рядом с головой Гэндальфа и раздробило ступень, где он стоял. Перила гудели и тряслись. Ступень треснула и выбросила рой сверкающих каменных чешуек. Но шар остался невредим: он катился вниз по лестнице, кристальный, темный, но с тлеющим огнем в сердце.

Когда он, подскакивая на ухабах, направился к луже, Пин нагнал и поднял его.

— Кровавый негодяй! — вскричал Йомер.

Гэндальф не шевельнулся.

— Его бросил не Саруман, — проговорил он. — И думаю, даже без его соизволения. Он вылетел из дальнего окна. Прощальный выстрел почтеннейшего Червослова, как я полагаю. Да прицел плох.

— Прицел плох, возможно, оттого, что он сам не знает, кого ненавидит больше — тебя или Сарумана, — усмехнулся Арагорн.

— Может быть и так, — согласился Гэндальф. — Малое удовольствие найдут эти двое в компании друг друга: они изгложут один другого. Жаль, лишь словами… Но такова кара. Если Червослов когда-нибудь выйдет из Ортханка, это будет больше, чем он заслужил… Сюда, малыш, я возьму его! Я не просил тебя его трогать! — вскричал маг, резко обернувшись и увидев, что Пин медленно, будто с тяжелой ношей, поднимается по лестнице. Он торопливо забрал шар у хоббита и завернул его в полу плаща. — Я позабочусь о нем. Это не та вещь, с которой Саруману хотелось бы расстаться, — заметил он.

— Но он может захотеть расстаться с чем-нибудь другим, — сказал Гимли. — Если это конец беседы, давайте уйдем подальше от летающих камней.

— Это конец, — чуть улыбнулся Гэндальф. —

Идем!

***

Они повернулись спиной к дверям Ортханка и сошли вниз. Роандийцы радостно приветствовали князя и салютовали Гэндальфу. Чары Сарумана рассеялись: всадники видели его вернувшимся по зову и ушедшим по повелению.

— Что ж, дело сделано, — облегченно сказал Гэндальф. — Теперь я должен отыскать Древобрада и рассказать ему, чем всё кончилось.

— Он может догадаться, верно? — спросил Мерри. — Могло ли оно кончиться иначе?

— Не могло, — ответил Гэндальф. — Хотя и висело на волоске. Но у меня было основание для последней попытки; немного милосердия — излишнего, вероятно. Сначала Саруман убедился, что сила его голоса иссякла. Он не смог стать одновременно тираном и мудрым советником. Созревший заговор перестает быть тайным. Но всё же он расставил сети и попытался разделаться со своими жертвами поодиночке, пока остальные заслушались. Потом я предложил ему выбор: отречься от Мордора и от своих притязаний и исправить содеянное, помогая нам. Он мог бы оказать огромные услуги. Но он предпочел

отказаться и владеть Ортханком. Служить он не желает, только повелевать. Теперь он живет в страхе перед тьмой Мордора, и однако всё еще мечтает оседлать бурю. Дурак несчастный! Если лапа Востока протянется к Исенгарду — он погиб. Мы не сумели разрушить Ортханк, но Саурон — кто знает, что может он?

— А если отступит и Саурон? Что ты с ним сделаешь? — спросил Пин.

— Я? Ничего! — сказал Гэндальф. — Я не сделаю с ним ничего. Я не желаю господства. Что с ним будет? Не знаю. Мне горько, ибо то, что прежде было благом, гниет теперь в башне. Тем не менее для нас всё пока идет неплохо. Странны повороты судьбы! Как часто ненависть ранит сама себя! Думается, даже войдя в Ортханк, мы не нашли бы в нем сокровища драгоценнее того, что метнул в меня Червослов.

Истошный вопль донесся из открытых окон — и вдруг оборвался.

— Кажется, Саруман согласен со мной, — улыбнулся Гэндальф. — Давайте оставим их!

***

Они вернулись к развалинам ворот. Едва они миновали арку, как из тени разбитых стен высту-

пил Древобрад и остальные энты. Арагорн, Гимли и Леголас в изумлении уставились на них.

— Вот трое моих товарищей, Древобрад, — проговорил Гэндальф. — Я рассказывал о них, но ты их пока не видел. — Он назвал всех по именам.

Старый энт изучающе оглядел их и немного поговорил с каждым. Последним он повернулся к Леголасу.

— Так ты пришел из Лихолесья, славный мой эльф? Это был огромный лес!

— Таков он и сейчас, — промолвил Леголас. — Но всё же он не так велик, чтобы мы — те, кто живет там, — когда-нибудь пресыщались видом новых деревьев. Мне бы очень хотелось побродить в лесу Фангорна. Я едва вошел под его полог и не желал уходить.

Глаза Древобрада довольно блеснули.

— Надеюсь, желание твое сбудется прежде, чем горы успеют состариться, — сказал он.

— Я приду, если позволит судьба, — отвечал Леголас. — Мы договорились с другом, что, если всё кончится хорошо, мы вместе навестим Фангорн, — с твоего соизволения.

— Мы рады приветствовать любого эльфа.

— Друг, о котором я говорю, — не эльф, — сказал Леголас. — Это Гимли, сын Глоина.

Гимли низко поклонился, и топор, выскользнув из-за его пояса, со звоном упал на землю.

— Хуум, хом! — громыхнул Древобрад, сумрачно глядя на него. — Гном, да еще с топором! Хуум! Я люблю эльфов, но ты просишь многого. Это странная дружба.

— Она может показаться странной, — сказал Леголас. — Но пока жив Гимли, я не войду в Фангорн один. Этот топор рубит не деревья, а головы орков, о Фангорн, владыка Фангорна! Сорока двух зарубил он в битве.

— Хуу! Вот как! — прогудел Древобрад. — Это уже лучше. Что ж, что ж, пусть всё идет своим чередом, не стоит торопить судьбу. Но мы должны расстаться на время. День близится к концу, однако Гэндальф сказал, что вы должны уйти до ночи, потому что Сеньор Марки торопится в свой дворец.

— Да, мы уходим, и тотчас, — сказал Гэндальф. — Боюсь, Древобрад, мне придется забрать твоих привратников. Но ты вполне обойдешься без них.

— Возможно, обойдусь, — вздохнул Древобрад. — Но мне будет не хватать их. Мы сдружились так быстро, что я подумал, уж не вернулся ли я в юность. Ведь они были первой диковин-

кой, которую я увидел за долгие годы. Я не забуду их. Я включу их имена в Долгий Список, и энты заучат его.

… Древние энты, землею рожденные,
Странники вечные, пьющие воду,
И вечно голодные юные хоббиты,
Веселый народ, малыши-люди.

Они останутся друзьями, пока возрождаются листья. Прощайте же! Но если в своей дивной земле, в Крае, вы услышите хоть что-нибудь — дайте мне знать! Вы понимаете, о чём я говорю: хоть слово хоть знак, хоть воспоминание об энтийках. И приходите сами, если сможете!

— Обязательно! — одновременно ответили Пин и Мерри и поспешно отвернулись. Древобрад молча смотрел на них, задумчиво качая головой. Потом повернулся к Гэндальфу.

— Итак, Саруман не ушел? — спросил он. — Я так и думал. Душа его прогнила насквозь и так же трухлява, как черные души дивья. Однако, если бы я был побежден, я забился бы в нору и не вышел бы оттуда, покуда в ней оставался бы хоть один темный угол.

— Верно, — кивнул Гэндальф. — Но ты не замышлял покрыть весь мир своими деревьями и

извести других живущих. А там — Саруман продолжает лелеять свою ненависть и вновь плетет сети. Ключи Ортханка у него. Но он не должен ускользнуть.

— Разумеется, нет! Энты присмотрят за ним. Саруман не сделает ни шагу со скалы без моего разрешения.

— Хорошо! — сказал Гэндальф. — На это я и надеялся. Одной заботой меньше. Теперь я могу уйти и заняться другими делами. Но будь осторожен. Вода сошла. Боюсь, мало будет просто расставить часовых вокруг башни. Не сомневаюсь, что под Ортханком прорыты подземные пути, и Саруман надеется приходить и уходить незамеченным. Если ты возьмешься за это, я просил бы тебя опять пустить сюда воду, и делай так, пока Исенгард не станет озером или ты не найдешь стоков. Когда все подземелья будут затоплены, а все стоки заткнуты — тогда Саруману придется сидеть взаперти и выглядывать из окон.

— Предоставь это энтам! — прогудел Древобрад. — Мы обшарим долину сверху донизу, заглянем под каждый булыжник. Сюда вернутся деревья — древние деревья, дикие деревья. Часовым Лесом назовем мы их. Даже белка не пробежит здесь без того, чтобы я не узнал о ней.

Предоставь это энтам! Пока не минут семь раз те годы, какие он мучил нас, мы не устанем стеречь его.

Глава 11
Палантир

Солнце закатывалось за длинный западный отрог, когда Гэндальф, его товарищи и князь с отрядом вновь выехали из Исенгарда. Гэндальф посадил позади себя Мерри, а Арагорн — Пина. Двое воинов поскакали вперед и вскоре затерялись на равнине. Остальные ехали легкой рысью.

Энты, подобно статуям, торжественной шеренгой стояли у ворот; руки их были подняты, но они не произнесли ни звука. Проехав немного по извилистой дороге, Пин и Мерри оглянулись. Закатный свет всё еще сиял на небе, но долгие тени уже тянулись к Исенгарду: серые развалины утонули во тьме. Древобрад стоял там теперь один, похожий издали на ствол древнего дерева: хоббитам вспомнилась их первая встреча на залитом солнцем уступе — далеко отсюда, на границе Фангорна.

Они подъехали к столбу Белой Руки. Столб

стоял по-прежнему, но каменная рука была сброшена и разбита в куски. Посреди дороги, белея в пыли, лежал длинный указательный палец, его кровавый ноготь стемнился в черноту.

— Энты обращают внимание на каждую мелочь! — заметил Гэндальф.

Они скакали вперед, а в долине сгущался вечер.

***

— Долго нам еще скакать, Гэндальф? — спросил Мерри немного погодя. — Не знаю, что чувствуешь ты, когда за тобой волокутся лохмотья, но прихвостень устал и рад был бы перестать волочиться и лечь спать.

— Так ты слышал? — сказал Гэндальф. — Не казнись! Скажи спасибо, что никакие другие речи не целили в вас. Он вас заметил. Если это успокоит твою гордость, я скажу, что вы с Пином занимаете его куда больше, чем все мы. Кто вы; как вы там оказались и почему; что вам известно; были ли вы в плену, а если да, то как спаслись, когда все орки сгинули — над этими маленькими загадками бьется сейчас великий ум Сарумана. Его насмешка, Мерриадок, — это похвала, если его внимание лестно для тебя.

— Благодарю покорно! — фыркнул Мерри. — Куда более лестно волочиться за тобой, Гэндальф. Хотя бы потому, что в этом положении можно задавать вопросы по второму разу. Долго ли нам еще скакать?

Гэндальф рассмеялся.

— Несбиваемый хоббит! Каждому Мудрецу надо бы иметь при себе парочку-другую хоббитов — объяснять им значения слов и поправлять их. Прости. Что делать — приходится мне думать даже о таких простых вещах… Мы будем скакать несколько часов — тихо, пока не подъедем к концу долины. Завтра мы должны ехать быстро.

Когда мы шли сюда, мы собирались возвращаться из Исенгарда в Эдорас напрямик через степи — дорога двух дней. Но потом подумали и изменили план. Гонцы поскакали в Хельмову Бездну, упредить о завтрашнем возвращении князя. Горными тропами он уйдет оттуда со многими воинами в Урочище Духов. Отныне никто не должен появляться на равнине открыто более, чем вдвоем или втроем, если этого можно избежать.

— Ничего — или всё сразу, иначе ты не можешь! — сказал Мерри. — Боюсь, спать мне сегодня не придется. Где и что такое Хельмова

Бездна и всё остальное? Я же ничего не знаю об этой земле.

— Тогда узнай что-нибудь, если хочешь понимать, что происходит. Но не сейчас и не от меня: мне и без того хватает о чём думать.

— Ладно, на стоянке возьмусь за Бродника: он не такой вспыльчивый. Но к чему все эти тайны? Я думал, мы победили!

— Победили, но лишь в первом бою, и это еще увеличивает опасность. Существует связующее звено между Мордором и Исенгардом, которого я еще не нашел. Я не знаю, как они обменивались новостями; однако обменивались — это ясно. Думаю, Глаз Барад-Дура будет нетерпеливо вглядываться в Колдовскую Долину; и в Роханд. Чем меньше он увидит — тем лучше.

***

Дорога медленно уходила назад, кружа по долине. То ближе, то дальше шумела в своем каменистом русле Исен. С гор спускалась ночь. Туманы рассеялись. Дул студеный ветер. Полная луна заливала восточный край неба бледным холодным сиянием. Плечи горы справа незаметно перескользнули в гряду голых холмов. Серые степи широко развернулись перед всадниками.

Наконец отряд остановился. Потом свернул с тракта и вновь ступил в мягкий дерн. Проскакав к востоку милю или около того, они въехали в узкую долину. Она открывалась на юг, полого сбегая назад к склонам круглого Дол-Барана, последнего холма северных отрогов, зеленого у подножия, увенчанного вереском. Края долины были в лохмотьях прошлогоднего кустарника, меж которых уже пробивались туго скрученные ростки весенних папоротников. Заросли боярышника густо покрывали низкий берег, и в их тени воины разбили лагерь за час или два до полуночи. Они разожгли костер в ложбине под корнями раскидистого боярышникового куста, высокого, как дерево, скорченного под бременем лет, но здорового и крепкого. На конце каждой ветки набухли почки.

Выставили часовых, по двое в стражу. Остальные, поужинав, завернулись в плащи и одеяла и уснули. Хоббиты вдвоем лежали в уголке, на куче старых веток. Мерри клевал носом, а на Пина напала непонятная бессонница. Ветви трещали и скрипели при каждом его повороте; а он вертелся и крутился всё время.

— Чего тебе не лежится? — не выдержал Мерри. — Муравейник под тобой, что ли?

— Мне неуютно, — пожаловался Пин. — Сколько времени прошло, как я в последний раз спал в постели, хотел бы я знать?

Мерри зевнул.

— Возьми да посчитай! — сказал он. — Хотя надо бы вспомнить, когда мы ушли из Лориэна.

— Ах, это! — отмахнулся Пин. — Я говорю о настоящей постели — в спальне.

— Ну, тогда из Светлояра. Но, право же, этой ночью я смогу заснуть где угодно.

— Тебе везет, Мерри, — тихо сказал Пин немного погодя. — Ты ехал с Гэндальфом.

— И что с того?

— Узнал ты от него что-нибудь?

— Да, порядком. Больше, чем всегда. Но ты слышал всё или почти всё: вы были рядом, а мы не секретничали. Можешь завтра поехать с ним сам, если надеешься выжать из него что-нибудь еще и если он тебя возьмет.

— Можно?! Отлично! А он всё так же замкнут, да? Совсем не изменился.

— Он изменился, — Мерри слегка встряхнулся и попытался понять, что тревожит друга. — Он вырос… или не знаю, как сказать. Стал одновременно добрее и настороженнее, веселее и серьезнее, чем прежде. Он изменился; просто

пока мы не имели случая увидеть, насколько. Но подумай, чем кончился его визит к Саруману! Вспомни, когда-то Саруман стоял выше Гэндальфа: глава Совета — что бы это ни значило. Он был Саруманом Белым. Теперь Белый Гэндальф. Саруман пришел по его зову, и Жезл его был сломан, а потом ему велели уйти, и он ушел!

— Если Гэндальф и изменился, то лишь в том, что стал еще более скрытным, — стоял на своем Пин. — Взять хотя бы стеклянный шар. Он казалась, чрезвычайно обрадовался ему. Он что-то знает о нем — или догадывается. Но сказал ли он нам об этом? Ни полслова. А ведь поднял его я, я не дал ему скатиться в лужу. «Сюда, я возьму его, малыш», — и это всё. Хотел бы я знать, что это такое? Он был очень тяжел, — голос Пина стал еле слышен, точно он заговорил сам с собой.

— Вот оно что! — протянул Мерри. — Вот что тебя грызет!.. Ну-ка, старина, припомни Гилдорово присловье (его еще Сэм обожает): «В дела Мудрецов носа не суй — голову потеряешь».

— Все последние месяцы мы только и делаем, что суем нос в дела Мудрецов, — проворчал Пин. — Я хочу не только рисковать, но и знать. Я хочу взглянуть на тот шар.

— Спи уж ты! — сказал Мерри. — Рано или позд-

но обо всём узнаешь. Милый мой Пин, никогда еще ни один Хват не мог упрекнуть Брендизайков в нелюбопытстве, но время ли сейчас, спрошу тебя?

— Ладно! Что за беда в том, что я сказал тебе о желании взглянуть на шар? Я знаю, что мне его не получить, ведь Гэндальф сидит на нем, как наседка на яйцах. Но мало радости было услышать от тебя: «Тебе-его-не-видать, а-потому-отправляйся-спать!»

— Ну, а что я еще могу сказать? — сонно пробормотал Мерри. — Прости, Пин, но тебе и правда лучше подождать до утра. После завтрака я буду к твоим услугам и помогу, чем смогу. А сейчас я хочу спать. Если я зевну еще хоть раз, то разорвусь до ушей. Доброй ночи!

***

Пин умолк. Теперь он лежал смирно, но сон к нему по — прежнему не шел; не помогало даже тихое посапывание Мерри, уснувшего, не успев сказать «Доброй ночи!». Мысли о темном шаре, казалось, делались тем неотвязнее, чем спокойнее становилось вокруг. Пин вновь чувствовал в руках его тяжесть, вновь видел таинственную багровую глубь, куда заглянул на краткий миг.

Он метался и вертелся, тщетно пытаясь думать о чём-нибудь другом.

Он не мог больше выносить это. Он поднялся и огляделся. Было холодно, и он завернулся в плащ. Бледная луна освещала долину, в ее стылом блеске чернели тени кустов. Кругом лежали спящие. Часовых видно не было: они, наверное, поднялись на холм или затаились в кустах. Повинуясь необъяснимому притяжению, Пин тихо пошел туда, где лежал Гэндальф. Маг казался спящим, но веки его не были сомкнуты до конца: под длинными ресницами блестели глаза. Пин поспешно отступил. Но Гэндальф не шевелился; и снова двинувшись вперед — наполовину против воли — хоббит прокрался мимо его головы. Маг закутался в одеяло, набросив поверх плащ; а рядом с ним, между правым боком и согнутой рукой, был холмик, нечто завернутое в темную ткань; казалось, рука мага только что соскользнула с него.

Едва дыша, Пин подбирался всё ближе и ближе. Наконец он встал на колени. Потом бесшумно протянул руки и медленно поднял ком: он оказался не таким тяжелым, как предполагая хоббит. «Может, это всего — то и есть, что узел с тряпьем», — подумал он со странным чувством облегчения, но узла обратно не положил. Постоял

немного, сжимая его. Потом в голову ему пришла какая — то мысль. Он на цыпочках отошел, отыскал большой булыжник и вернулся.

Он быстро сорвал ткань, обернул ею камень и осторожно положил сверток на прежнее место. И тогда взглянул на то, что держал в руках. Это был он: гладкий кристальный шар, сейчас темный и мертвый, лежал на коленях Пина. Пин поднял его, торопливо прикрыл собственным плащом и собрался было идти к своему ложу. В это время Гэндальф пошевелился и что-то пробормотал во сне на незнакомом языке; рука его нащупала завернутый камень — он вздохнул и больше не двигался.

«Дурак несчастный! — ужаснулся про себя Пин. — Ты лезешь в жуткую беду. Живо положи его назад!». Но тут ощутил, что колени его дрожат и он не решится вернуться к магу и снова сменить камни.

«Мне его ни за что не положить, не разбудив его, — подумал он. — Не стоит и пробовать, пока не успокоюсь. Так что я вполне могу взглянуть на него. Но, конечно, не здесь!» Он бесшумно скользнул прочь и уселся на пригорок, неподалеку от своего ложа. Через край лощины заглядывала луна.

Пин сидел, положив шар на колени. Он низко склонился к нему, как жадный ребенок склоняется над миской с едой, спрятавшись в угол — подальше от других. Он откинул плащ и взглянул. Воздух вокруг сгустился и замер. Сперва шар был черен, темен как смоль, лишь лунные блики мерцали на его боках. Потом откуда-то возник слабый тлеющий свет, и всполыхнулся в самом сердце его, и приковал к себе взгляд Пина, и он уже не мог отвести глаз. Вскоре весь шар изнутри охватило пламя; шар вращался — или кружились внутри него огни. Внезапно огни исчезли. Пин задохнулся и дернулся, но остался склоненным, сжимая шар обеими руками. Он нагибался всё ниже и ниже, а потом словно окостенел; губы его беззвучно двигались. Вдруг с придушенным криком он упал навзничь и замер.

Крик был ужасен. Стражи спрыгнули с берега; весь лагерь пришел в движение.

***

— Так вот кто вор! — сказал Гэндальф. Он поспешно набросил плащ на шар. — Пин!.. Печальный поворот событий! — он опустился на колени рядом с телом Пина: хоббит лежал на спине, окостенев, уставя в небо невидящие гла-

за. — Шалость! Какие беды навлек он на свою и наши головы? — осунувшееся лицо мага исказилось страданием. Он взял руку Пина и нагнулся к его лицу, вслушиваясь в дыхание; затем положил ладони ему на лоб. Хоббит вздрогнул. Его глаза закрылись. Он вскрикнул и сел, в смятении уставясь на окружающие его бледные в лунном свете лица.

— Оно не для тебя, Саруман! — воскликнул он резким, бесстрастным голосом, отпрянув от Гэндальфа. — Я сейчас же пришлю за ним! Ты понял? Передай в точности! — он попытался вскочить и убежать, но Гэндальф ласково, но твердо удержал его.

— Перегрин Хват! — сказал он. — Очнись!

Хоббит обмяк и качнулся вперед, вцепившись в руку мага.

— Гэндальф! — вскричал он. — Гэндальф! Прости меня!

— Простить тебя? — сказал маг. — Скажи сначала, что ты сделал?

— Я… я взял шар и посмотрел в него, — с запинкой пробормотал Пин, — …и увидел тварей. Я испугался… Хотел убежать, но не смог. А потом возник он и допрашивал меня, и… и больше я ничего не помню…

— Так не пойдет, — сурово сказал Гэндальф. — Что ты видел и что сказал?

Пин закрыл глаза и задрожал, но не ответил ни слова. Все молча смотрели на него, кроме Мерри — тот отвернулся. Но лицо Гэндальфа было жестко.

— Говори! — приказал он.

Медленно, запинаясь, Пин заговорил снова, и тихая речь его постепенно становилась яснее и громче:

— Я видел темное небо и высокие укрепления… — сказал он, — и мутные звезды… Они казались очень далекими и… давними… однако ясными и резкими. Потом звезды пропали — их затмили какие-то крылатые твари… Огромные… но в стекле они были не больше летучих мышей, кружащих над крепостью. Мне показалось, их девять. Одна тварь полетела прямо на меня… и всё росла, росла… У нее ужасный… нет, нет! Не могу…

Я попытался убежать, решил, что она вылетит… но когда она закрыла весь шар, то исчезла. Потом возник он. Он не говорил… просто смотрел, и я понимал.

«Итак, ты вернулся? Почему ты столь долго пренебрегал донесениями?»

Я не ответил. Он сказал: «Кто ты?» Я молчал по-прежнему, но мне было тяжко; и он надавил на меня, и я сказал: «Хоббит».

А потом мне вдруг показалось, что он видит меня и смеется надо мной. Это было жестоко: словно… словно меня кромсали ножом. А он сказал: «Погоди! Скоро мы опять встретимся. Передай Саруману — это лакомство не для него. Я тотчас пришлю за ним. Ты понял? Передай в точности!»

Потом… Потом он пожрал меня глазами. Я чувствовал, что распадаюсь… Нет, нет! Больше я ничего не скажу. Больше я ничего не помню.

— Взгляни на меня! — велел Гэндальф.

Пин посмотрел ему прямо в глаза. Мгновение — и лицо мага смягчилось, появилась тень улыбки. Он ласково положил руку на голову Пина.

— Хорошо! — сказал он. — Не говори больше! Тебя не изменили. Глаза твои не лгут, как я боялся. Но Он не говорил с тобой долго. Дурак, но честный дурак — им ты был, им и останешься, Перегрин Хват. Мудрый мог бы принести в таком положении куда больше зла. Но запомни это! Ты спасся, и все твои друзья тоже, лишь благодаря счастливой случайности. Второй раз можешь на нее не рассчитывать. Если бы он допросил тебя

— ты рассказал бы всё, что знаешь, — и погубил бы нас. Но он был слишком нетерпелив. Ему не нужны были просто вести, ему нужен был ты и как можно быстрее, чтобы он мог заняться тобой, медленно, в Черном Замке. Не трясись! Коли уж сунул нос в дела Мудрецов — будь готов потерять голову. Но успокойся! Я тебя прощаю. Ободрись! Всё обернулось не так плохо, как могло бы.

Он мягко поднял Пина и отнес его назад на ложе. Подошел Мерри и уселся рядом.

— Лежи и отдыхай, если можешь, Пин! — сказал Гэндальф. — Доверься мне. Если еще когда-нибудь почувствуешь зуд в ладонях, приди и скажи. Такие вещи излечимы. Но как бы там ни было, дорогой мой хоббит, не подкладывай мне больше камней под бок! А теперь я оставляю вас вдвоем.

***

Гэндальф вернулся к остальным. Они по-прежнему стояли вокруг камня из Ортханка, погруженные в тяжкие раздумья.

— Опасность подкралась в ночи, когда меньше всего можно было ожидать, — сказал маг. — Мы едва спаслись.

— Как хоббит, Пин? — спросил Арагорн.

— Думаю, всё обойдется, — отвечал Гэндальф. —

Им владели недолго, а хоббиты имеют удивительные силы к возрождению. Память или ужас этого изгладятся скоро. Слишком скоро, быть может. Возьмешься ли ты, Арагорн, стеречь сей камень? Это опасная стража.

— Истинно опасная, но не для всех, — возразил Арагорн. — Здесь тот, кто может владеть им по праву. Ибо это, несомненно Палантир Ортханка из сокровищницы Элендиля, оставленный здесь Королями Гондора. Мой час близок. Я возьму его.

Гэндальф взглянул на Арагорна, а потом, к удивлению остальных, поднял закрытый камень и поклонился, как бы преподнося его.

— Прими его, лэйрд! — молвил он. — В залог всего, что будет возвращено. Но если позволишь дать тебе совет, не пользуйся им — пока! Будь осторожен!

— Когда я был тороплив или неосторожен? Кто ждал и готовился в эти долгие годы? — сказал Арагорн.

— Еще не время. Смотри, не оступись в конце пути, — ответил Гэндальф. — Но, по крайней мере, храни его втайне. Ты, и все остальные, стоящие здесь! Хоббит Перегрин ни в коем случае не должен узнать, где он спрятан. Лиходейское безумие вновь может поразить его. Ибо — увы! —

он держал его и смотрел в него, чего не должно было случиться. Он не должен был дотрагиваться до него в Исенгарде — мне следовало бы быть попроворнее. Но ум мой был занят Саруманом, и я не сразу разгадал природу камня. Потом я устал и, когда лежал, размышляя над этим, меня сморил сон. Теперь я знаю!

— Да, сомнений нет, — согласился Арагорн. — Мы, наконец, нашли связь между Исенгардом и Мордором. Многое объяснилось.

— Неведомыми силами обладают наши враги и неведомыми слабостями! — сказал Теодэн. — Но давно сказано: «Часто зло кончает злом».

— Мы не единожды убеждались в этом, — кивнул Гэндальф. — Но на этот раз нам удивительно везет. Быть может, этот хоббит, сам того не ведая, вытащил меня из могилы. Я размышлял, не испытать ли мне камень самому. Поступи я так — я сам открылся бы Ему. Я не готов к такому испытанию и не знаю, буду ли когда-нибудь готов. Но даже если бы я нашел силы отстоять себя — мне показаться Ему было бы гибельно, пока не настал час, когда тайна перестанет быть тайной.

— Час настал, думается мне, — сказал Арагорн.

— Нет еще, — возразил Гэндальф. — Краткое время Он будет в неведении — и это время мы

должны использовать. Враг, это ясно, думает, что Камень в Ортханке — где же ему еще быть? И, значит, хоббит там, он пойман, и Саруман принуждал его смотреть в шар, чтобы помучить. Этот темный ум занят сейчас лишь хоббитом, его голосом, лицом и предвкушением; пройдет какое-то время, пока он поймет, что ошибся. Нам нельзя упускать этого времени. Мы и так замешкались. Соседство с Исенгардом — не место для задержки, особенно сейчас. Я выезжаю немедленно с Перегрином. Ему это принесет больше пользы, чем ночная бессонница.

— Со мной останутся Йомер и десять всадников, — решил князь. — Мы выйдем на рассвете. Остальные могут следовать за Арагорном и выступить так скоро, как захотят.

— Как пожелаешь, — ответил Гэндальф. — Но торопись, торопись, как только можешь! Скачи быстрей под защиту холмов, в Хельмову Бездну!

***

И в это время их накрыл мрак. Лунный свет погас, как отрезанный. Несколько роандийцев закричало и пригнулось, прикрыв головы руками словно защищаясь от удара сверху. Слепой страх и смертный холод пал на них. Съежившись,

они взглянули вверх. Огромная крылатая тень, подобная черной туче, медленно миновала луну. Она описала круг и полетела к северу быстрее самого быстрого ветра в Средиземье. Перед ней меркли звезды. Она исчезла.

***

Они стояли, окаменев. Гэндальф вглядывался в небо, руки его были опущены, сжатые пальцы окостенели.

— Назгул! — вскричал он. — Посланец Мордора. Грядет буря. Назгул пересек Реку! Скачите! Не ждите рассвета! И пусть быстрые не ждут слабых! Скачите!

Он кинулся прочь, на бегу зовя Ночиветра. Арагорн последовал за ним. Подбежав к Пину, Гэндальф подхватил его на руки.

— На сей раз ты поедешь со мной, — сказал он. — Посмотришь, как может мчаться Ночиветр. — Перекинув через плечо небольшой мешок, маг побежал назад, туда, где спал. Там уже стоял Ночиветр. Гэндальф вскочил на коня. Арагорн поднял Пина, закутанного в одеяло и плащ, и устроил его меж рук Гэндальфа.

— Прощайте! Торопитесь! — крикнул Гэндальф. — Вперед, Ночиветр!

Скакун мотнул головой. Его струящийся хвост блеснул в лунном свете. Потом он прянул вперед, прыгнул и умчался, как горный северный ветер.

— Прекрасная, спокойная ночь! — сказал Мерри Арагорну. — Кое-кому здорово повезло. Он не хотел спать и хотел ехать с Гэндальфом — и уехал! Вместо того, чтобы обратиться в камень и стоять тут вечным предостережением.

— Если бы ты, а не он, первым поднял Камень — что было бы тогда? — холодно спросил Арагорн. — Быть может, ты причинил бы куда больше зла. Кто знает? А сейчас, боюсь, тебе повезло лишь в одном: ты поедешь со мной. Немедленно. Иди и соберись, и прихвати всё, что оставил Пин. Да торопись!

***

Ночиветр летел по степи, не нуждаясь ни в понуканиях, ни в руководстве. Прошло менее часа — а они уже достигли Исенских Бродов и миновали их. Курган всадников с холодно мерцающими копьями серел позади.

Пин оживал. Ему было тепло, а лицо обдувал ласковый свежий ветер. Он был с Гэндальфом. Ужас Камня и смертная тень, окутавшая луну, истаяли, исчезли позади в горной мгле или в

прошедшем сне. Он глубоко вздохнул.

— Я не знал, что ты ездишь без седла, Гэндальф, — заметил он. — Да у тебя и уздечки нет?

— Я езжу по-эльфийски только на Ночиветре, — откликнулся Гэндальф. — Ночиветру не нужна сбруя. Не ты едешь на нем: он желает тебя нести — или нет. Если желает, этого достаточно. Тогда уж его дело следить, чтобы ты оставался на его спине, если только ты не взлетишь в воздух.

— Быстро ли он бежит? — спросил Пин. — Как ветер, но очень мягко. И как легка его поступь!

— Сейчас он бежит, как самая быстрая лошадь, — ответил Гэндальф, — однако, для него это не быстро. Здесь небольшой подъем и земля более изрыта, чем за рекой. Но взгляни, как приближаются Белые Горы! Вон там — Триглав: пики блестят под звездами, как черные копья. Скоро мы минуем развилку и въедем в Предущелье, где две ночи назад шел бой.

Пин умолк на время. Он слышал, как Гэндальф тихо напевает что — то, бормоча короткие обрывки рифм на разных языках, пока мили стлались перед ними. Наконец маг начал песню, слова которой хоббит разобрал: несколько строк донеслись до него сквозь свист ветра:

Высокие лодьи и высокие короли,

Что неподвластным векам
Они принесли от древней земли
По бурным морям?
Семь камней, и семь звезд,
И единое Белое Древо.

— Что ты говоришь, Гэндальф? — спросил Пин.

— Я перебирал в памяти стихи Летописных Сводов, — отозвался маг. — Хоббиты, полагаю, забыли их, даже если и знали когда-то.

— Нет, не все, — сказал Пин. — И у нас есть свои, да только тебе они, наверное, не интересны. Но этого я не слыхал. О чём это: семь звезд и семь камней?

— О палантирах древних королей.

— А что они такое?

— Название означает: «Тот, что видит далеко». Камень Ортханка — один из них.

— Значит он… он сделан… — Пин колебался, — …не Врагом?

— Нет, — сказал Гэндальф. — И не Саруманом. Это превыше его мудрости, да пожалуй, и мудрости Саурона. Палантиры пришли с Заокраинного Запада, из Эльдамара. Сотворили их нолдоры, быть может, и сам Феанор — столь давно, что время это не исчислишь годами. Но нет вещи,

которой Саурон не обернул бы во зло. Жаль Сарумана! Это стало причиной его падения, как я теперь понимаю. Всё, сотворенное искусством глубже нашего, таит опасность для нас. Однако он должен быть наказан. Глупец! Держать его в секрете, для собственной выгоды! Он никогда ни словом не обмолвился о нем на Совете. Мы не знали, что в разрушительных войнах Гондора палантиры его уцелели. Люди позабыли о них давным-давно. Даже в Гондоре они — тайное знание избранных; в Арноре о них упоминают лишь Летописи Дунаданов.

— А для чего их использовали люди древности? — спросил Пин в удивлении и восторге от неожиданной разговорчивости мага; он гадал только, долго ли это будет продолжаться.

— Чтобы видеть далеко и мысленно беседовать друг с другом, — сказал Гэндальф. — Так они охраняли и объединяли Гондорское княжество. Они поместили Камни в Минас-Аноре и в Минас-Ифиле, и в Ортханке, в кольце Исенгарда. Главнейший из них находился под Звездным Сводом в Осгилиафе, пока крепость не разрушили. Три других были далеко на севере. В замке Эльронда говорят, что они в Аннуминасе и в Амон-Суле, а Камень Элендиля — на Крепостных Холмах, что обраще-

ны к Мифлонду, Серебристой Гавани, где на водах залива покоятся серые корабли.

Один палантир отвечает другому, но в Гондоре все они были всегда открыты взгляду Осгилиафа. Теперь выходит, что, как устояла скала Ортханка в бурях времени, так сохранился и ее палантир. Но один он может лишь видеть то, что далеко — и в пространстве и во времени. Без сомнения, это было очень полезно Саруману, однако он, кажется, не был удовлетворен. Жадно всматривался он всё дальше и дальше в чужие земли — пока не вгляделся в Барад-Дур. Тогда он попался!

Кто знает, где могут лежать сейчас потерянные камни Арнора и Гондора, погребены ли они или скрыты под водой? Но по крайней мере один Саурон добыл и приспособил для своих целей. Думаю, это Ифильский камень, потому что Он давно овладел Минас-Ифилем и обратил его в лихое место: Минас-Моргулом зовется он ныне.

Сейчас легко догадаться, как блуждающий взгляд Сарумана был пойман и схвачен; и как с тех пор его убеждали, а если уговоры не действовали — запугивали. Ловец в ловушке, ястреб в когтях орла, паук в стальных сетях! Интересно, как давно принудили его часто подходить к стеклу для наблюдений и наставлений, и так

склонили Камень Ортханка к Барад-Дуру, что если кто-либо, не обладающий железной волей, посмотрит в него, шар быстро доносит туда его мысли и взгляд? А как он притягивает к себе! Не чувствовал ли я этого? Даже теперь душа моя жаждет испытать мою волю на нем, проверить, не смогу ли я вырвать его оттуда и повернуть, куда хочу я, — взглянуть через бездонные моря вод и времен на Тирион Прекрасный и увидеть невообразимые руки и дух Феанора за работой, когда Серебряное и Золотое Деревья были в цвету!.. — Он вздохнул и умолк.

— Хотел бы я знать всё это прежде, — сказал Пин. — Я никогда не сделал бы того, что сделал.

— Сделал бы, — мрачно возразил Гэндальф. — Ты знал, что поступаешь неверно и глупо; и ты твердил себе это — но не послушался. Я не сказал тебе об этом раньше, потому что понял всё, что случилось, только что, размышляя над этим во время нашей скачки. Но даже заговори я об этом прежде — это не уменьшило бы твоего влечения, ты всё равно не смог бы противостоять ему. Наоборот! Нет, обожженная рука — лучший учитель. После этого слова об огне доходят до сердца.

— Они дошли, — кивнул Пин. — Если передо мной будут лежать все семь камней — я зажмурю

глаза и засуну руки в карманы.

— Прекрасно, — сказал Гэндальф. — На это я и надеялся.

— Но мне хотелось бы знать…

— Пощади! — вскричал Гэндальф. — Если мой рассказ не излечил твое любопытство — мне придется провести остаток дней, отвечая тебе. Что еще хочешь ты знать?

— Имена всех звезд и всего живущего, и историю Средиземья, и Заморья, и Раздельных Морей, — засмеялся Пин. — Конечно! Никак не меньше. Но это потом. Сейчас меня занимает черная тень. Я слышал, ты крикнул: «Посланец Мордора». Что он такое? Чего ему надо в Изенгарде?

— Это крылатый Черный Всадник — Назгул, — сказал Гэндальф. — Он должен был забрать тебя в Черный Замок.

— Но он же не прилетит за мной, правда? — голос Пина задрожал. Я хочу сказать, он не знает, что я…

— Конечно нет, — мягко прервал его Гэндальф. — Больше двухсот лиг прямого полета между Ортханком и Барад-Дуром, и даже у Назгула уйдет несколько часов на такой перелет. Но Саруман, конечно же, смотрел в Камень во время

орочьей вылазки, и все его тайные мысли, не сомневаюсь, были прочитаны. Посланец должен узнать, что он делает. А после того, что случилось этой ночью, явится еще один — и скоро. Так что тиски, в которых оказался Саруман, сжались до конца. Пленника он отослать не сможет. Камня у него нет, и на зов он не ответит. Саурон решит, что он хочет задержать пленника и потому перестал пользоваться Камнем. Даже если Саруман расскажет посланцу правду, это ему не поможет. Пусть Исенгард разрушен — сам-то он, однако, уцелел. Так что, хочет он того или нет, а его сочтут бунтовщиком. Он отказался от нас, чтобы избежать этого! Что он станет делать в таком положении, не представляю. У него хватит сил — пока он в Ортханке — противостоять Девятерым. И он попытается это сделать. Он может попытаться поймать Назгула или, на худой конец, уничтожить тварь, на которой тот скачет по воздуху. В таком случае, пусть роандийцы присмотрят за своими конями!

Но я не знаю, чем обернется это для нас — добром или бедой. Возможно, замыслы Врага спутаются, или их затмит ярость на Сарумана. Возможно, он узнает, что я был там и стоял на ступенях Ортханка — с хоббитами-прихвостнями.

Или что наследник Элендиля жив и стоял подле меня. Если Червослова не обманули роандийские доспехи, он вспомнит Арагорна и то, как он себя назвал. Вот чего я боюсь. И сейчас мы несемся из огня да в полымя. Каждый шаг Ночиветра приближает тебя к Царству Тьмы, Перегрин.

Пин не ответил, но запахнул плащ, словно внезапный озноб охватил его. Серые земли проносились мимо.

— Смотри! — сказал Гэндальф. — Перед нами долины Вэйсана. Здесь мы свернем на Восточный Тракт. Темная тень вон там — начало Предущельного Оврага. Там — дальше — лежат Мерцающие Пещеры, Агларонд. Не спрашивай о них у меня. Спроси у Гимли, если вы снова встретитесь, и впервые ты услышишь ответ куда длиннее, чем захочешь. Сам ты этих пещер не увидишь, нам не по пути. Скоро они будут далеко позади.

— А я думал, ты собираешься остановиться в Хельмовой Бездне! — удивился Пин. — Куда же ты тогда?

— В Минас-Тириф, пока море войны не захлестнуло его.

— Ох ты!.. А это далеко?

— Лиги и лиги, — ответил Гэндальф. — Трижды столько, сколько до владений князя Теодэна, а

они отсюда более чем в ста милях полета мордорских вестников. Ночиветру предстоит пробежать больше. Кто поспеет первым? Мы будем скакать до рассвета, а до него еще несколько часов. Потом даже Ночиветру нужно будет отдохнуть в какой-нибудь лощине в горах: надеюсь, в Эдорасе. Спи, если можешь! Ты увидишь первый блеск солнца на Золотой Крыше Дворца Эорла. А два дня спустя ты увидишь багряную тень горы Миндоллуин и стены крепости Дэнэтора, белеющие в свете утра.

Вперед, Ночиветр! Беги, великое сердце, беги, как не бегал никогда! Теперь мы на земле, где ты родился, где знаешь каждый камень. Беги же! Надежда в быстроте!

Ночиветр мотнул головой и громко заржал, словно труба звала его в бой. Потом прыгнул вперед. Огонь летел из-под его копыт; ночь проносилась мимо.

Медленно погружаясь в сон, Пин был охвачен странным чувством: он и Гэндальф окаменели, сидя на статуе бегущего коня, под ноги которого в свисте и шуме ветра катился мир.

Книга четвертая
Глава 1
Приручение Смеагола

— Ну и положеньице, хозяин… — подавленно сказал Сэм Гискри. — Он понуро стоял рядом с Фродо и, прищурясь, вглядывался во мрак.

Пошел третий день, как они сбежали от товарищей, насколько можно было судить: они почти потеряли счет времени, с трудом карабкаясь по заусенчатым склонам, медленно пробираясь по осыпям Эмин-Муиля, порой возвращаясь, потому что заходили в тупик, порой замечая, что кружат на месте и снова пришли туда, где были уже много часов назад. И всё же они неуклонно продвигались к востоку, стараясь держаться как можно ближе к краю этой странно скрученной горной гряды. Но все склоны Привражья были высокими и крутыми, обрывисто нависая над равниной внизу; за ее взъерошенными краями лежали серо-багровые, отливающие синевой гнойники болот, над которыми не было видно даже птиц.

Хоббиты стояли на краю высокой отвесной ска-

лы, голой, открытой всем ветрам, с клубящимся у подножия туманом; а позади них вздымались изломанные нагорья, увенчанные медленно плывущими облаками. С востока дул ознобный ветер. Ночь заволакивала бесформенные земли впереди; их блеклая зелень стемнилась в тускло-коричневую. Далеко справа скрылся во тьме весь день сверкавший на солнце Андуин. Но глаза хоббитов не были обращены к Реке, к Гондору, к друзьям, к землям Людей. На юго-восток смотрели они, туда, где за краем подступающей ночи висела полоса тьмы, подобная недвижным дымным горам. Время от времени там, впереди, на краю земли и неба, взблескивали крошечные багровые вспышки.

— Ну и положеньице! — повторил Сэм. — Нам бы никогда об этих землях не слышать, а мы сами в них лезем! И ведь никак нам туда не попасть. Это тупик. Вниз нам не спуститься; а коли и спустимся, угодим прямехонько в трясину, попомните мои слова! Фу! Чуете, как пахнет? — он потянул носом.

— Да, запах преотвратный, — согласился Фродо, но не шевельнулся, и глаза его были прикованы к темной черте и мерцающему пламени. — Мордор! — еле слышно пробормотал он. — Если уж

выпало мне идти туда, хотел бы я дойти поскорей — и покончить со всем этим!

Он содрогнулся. Ветер был холодный, полный тяжелого запаха гнили.

— Ну ладно, — сказал он, отводя наконец глаза. — Мы не можем стоять здесь всю ночь, тупик это или не тупик. Надо найти местечко поукромнее и заночевать; быть может, следующий день укажет нам путь.

— Или следующий, и следующий, и следующий… — пробурчал Сэм. — Или никакой. Мы зашли в тупик.

— Ну что ты всё ворчишь? — сказал Фродо. — Видно, мне суждено идти туда, так что путь найдется. Но Свет или Тьма укажут мне его? Наша надежда была в быстроте. Задержка на руку Врагу — и вот он я: задержан. Уж не воля ли Черного Замка правит нами? Выбор был неверен. Я должен был уйти гораздо раньше и двигаться с севера восточным берегом в обход Привражья через Бурые Равнины к перевалам Мордора. Но сейчас нам с тобой не найти дороги назад, а на восточным берегу бродят орки. Уходят драгоценные дни. Я устал, Сэм. Я не знаю что делать… Осталась у нас какая-нибудь еда?

— Только этот, как бишь его, лембас, господин

Фродо. Чудная еда. Но он всё-таки лучше, чем ничего, — для долгого пути. Вот уж не думал я, когда впервые запустил в него зубы, что захочу когда-нибудь чего другого. А сейчас вот хочу: кусок черного хлеба да кружка — чего там, хоть полкружки — пива пошли бы лучше. Я тащил котелок всю дорогу от последней стоянки — а что проку? Огонь развести нечем; да и варить нечего, травы и той нет!

Они повернули назад и спустились в каменистый овраг. Закатное солнце затянули тучи, быстро настала ночь. Было холодно. Хоббиты спали по очереди в углу меж двух иззубренных скал; по крайней мере они были укрыты от восточного ветра.

— Видели вы их опять, господин Фродо? — спросил Сэм, когда они окоченевшие и продрогшие, сидели, жуя лембас, в стылой серости раннего утра.

— Нет, — ответил Фродо, — ничего я не видел и ничего не слышал уже две ночи.

— И я, — сказал Сэм. — Бр-р! Эти глаза здорово меня беспокоят! И когда он только отвяжется от нас, лиходей проклятущий? Голлум! Я забью ему это самое голлм назад в глотку, дайте только до него добраться!

— Надеюсь, ты до него не доберешься, — заметил Фродо. — Не знаю, как он нас преследует, но, может быть, он нас опять потерял. На этой голой сухой земле не остается ни следов, ни знаков — даже для его вынюхивающего носа.

— Хорошо, если б так, — сказал Сэм. — Эх, избавиться бы нам от него на веки вечные!

— И я бы этого хотел, — вздохнул Фродо. — Но не он моя главная забота. Я всё думаю, как бы нам отсюда спуститься. Ненавижу эти холмы. Я совсем беззащитен здесь — и ничего, кроме мертвых равнин между мной и Царством Тьмы. Там Глаз… Идем! Так или иначе, но сегодня мы спустимся вниз.

Но день тянулся бесконечно и, когда он склонился к вечеру, хоббиты карабкались по хребту, так и не найдя дороги вниз.

Порой в тиши этой бесплодной земли им чудились слабые звуки позади: падение камня или шлепанье босых ног по скале. Но если они останавливались и прислушивались, то не слышали ничего, кроме пения ветра меж граней камней, — однако даже это напоминало им легкий свист дыхания сквозь острые стиснутые зубы.

Весь день внешний хребет Привражья постепенно заворачивал к северу. По его краю тянулась

теперь широкая каменистая равнина с изборожденными ветром скалами; то и дело ее рассекали овраги, круто сбегающие в глубокие ущелья.

Отыскивая дорогу между этими трещинами, которые становились всё глубже и попадались всё чаще, Фродо и Сэм уклонились влево, довольно далеко от края, и не заметили, что уже несколько миль медленно, но неуклонно спускаются под гору: край обрыва снижался к лощине.

Наконец они остановились. Хребет резко свернул к северу, и его прорезала расселина. На другой ее стороне он снова вздыбливался — огромная скала смутно маячила перед ними, обрываясь отвесно, будто срезанная ножом. Вперед они двигаться не могли, надо было поворачивать к западу или востоку. Но путь назад не сулил ничего, кроме новых задержек; восточная же дорога привела бы их к внешней стене.

— Ничего не остается, кроме как идти вниз по этой лощине, Сэм, — сказал Фродо. — Поглядим, куда она приведет!

— Бьюсь об заклад, нам несладко придется, — мрачно откликнулся Сэм.

Лощина была длиннее и глубже, чем казалась. Немного ниже они увидели несколько сучковатых чахлых деревьев — первых, встреченных

ими за многие дни: изогнутые березы, меж которыми кое-где стояли елки. Многие из них были иссушены и мертвы, источены восточными ветрами. Некогда, в светлые дни, в лощине, должно быть, рос чудесный лес; но сейчас через каких-нибудь пятьдесят ярдов деревья кончились, хотя старые изломанные стволы добрались до самого края обрыва. Дно лощины, лежащей вдоль его края, было усеяно обломками камней. Когда хоббиты подошли к откосу, Фродо нагнулся и заглянул вниз.

— Взгляни-ка! — сказал он. — То ли мы намного спустились, то стена стала ниже. Здесь обрыв гораздо меньше, чем был, и не такой крутой. Спускаться будет легче.

Сэм встал на колени и неохотно выглянул за край. Потом взглянул на высокую скалу слева.

— Легче!.. — проворчал он. — Это уж точно, спускаться куда легче, чем подниматься. Кто не слетит — спрыгнет.

— Глубоко прыгать придется, — усмехнулся Фродо. — Здесь около… — он остановился, меряя глазами обрыв, — около восемнадцати саженей. Всего-то.

— Хватит и этого! — Сэм отполз назад. — Ух! Терпеть не могу смотреть с высоты. Но смотреть

всё же лучше, чем слезать.

— Всё едино, — сказал Фродо. — Думаю, здесь мы сможем спуститься; давай хоть попытаемся. Смотри — скала совсем не такая, как раньше. Она пологая и вся в трещинах.

И правда, внешний склон был уже не отвесным, а наклонно уходил вниз к равнине. Он походил на внезапно окаменевший морской вал, изборожденный морщинами, — они так и застыли, став уступами и трещинами.

— А уж если мы должны пробовать спускаться, надо пробовать сейчас же. Что — то рано темнеет. Кажется, близко гроза.

Дымные очертания гор на востоке заволокло глубокой тьмой, уже протянувшей на запад длинные пальцы. Ветер принес дальнее рокотание грома. Фродо потянул носом и с сомнением взглянул на небо. Он туго затянул ремень поверх плаща и вскинул на плечи свой легкий мешок. Потом подступил к краю.

— Ну, я пошел, — сказал он.

— Очень хорошо! — хмыкнул Сэм. — Но первым пойду я.

— Ты? — удивился Фродо. — Ты ж не хотел спускаться. С чего это ты передумал?

— И не думал передумывать. Да только судите

сами: я ж скорей могу оступиться, чем вы, значит, мне и лезть первому. Я вовсе не хочу свалиться вам на голову и пришибить вас.

Прежде чем Фродо успел остановить его, он уселся, свесил ноги с обрыва и извернулся, нащупывая пальцами опору. Вероятно, он никогда еще не был столь храбр — или столь глуп.

— Нет! Нет, Сэм, болван ты этакий! — заорал Фродо. — Ты убьешься так: тебе же ничего не видно! Вылезай, тебе говорю! — он подхватил Сэма под мышки и выволок его наверх. — Подожди немного, торопыга! — он лег наземь, высунулся и посмотрел вниз; однако свет быстро тускнел, хотя солнце еще не село. — Думаю, мы могли бы с этим справиться, — сказал он вскоре. — Я-то уж во всяком случае смогу; и ты сможешь, если соберешься и будешь следовать за мной по пятам.

— Вот уж не уверен, — пробурчал Сэм. — Яне увижу дна, а вы, выходит, увидите? А коли там никаких трещин, чтобы ухватиться, не окажется, а? Что вы тогда делать будете?

— Поднимусь наверх, — пожал плечами Фродо.

— Легко сказать, — возразил Сэм. — Лучше уж подождать до утра — может, тогда хоть чуток посветлеет.

— Нет! Никаких ожиданий! — проговорил Фро-

до с внезапной страстью. — Мне жаль каждого часа, каждой минуты. Я иду. Попробую спуститься. Не трогайся с места, пока я не позову.

Ухватившись руками за каменистую кромку обрыва, он тихонько сползал вниз, пока наконец, по-прежнему держась руками за край, не нащупал пальцами ног уступа.

— Одной ступенькой ниже! — сказал он. — И этот уступ расширяется. Я могу стоять, не держась. Я… — голос его прервался.

Быстро густеющая тьма накатилась с востока, пожирая небо. Над головой сухо треснул гром. Ветвящаяся молния ударила в холмы. Налетел бешеный ветер и, мешаясь с его ревом, донесся протяжный цепенящий вой — точно такой хоббиты слышали, удирая из Края. И даже тогда, в родных лесах, он оледенил им кровь. Здесь, в пустыне, жуть его стала непереносимой: она пронзила их холодными клинками ужаса и отчаянья, остановив сердце, прервав дыхание. Сэм повалился лицом вниз. Фродо невольно потерял опору, закрывая руками голову и уши. Он покачнулся, заскользил и с падающим криком скатился вниз.

Сэм услышал этот крик и с усилием подобрался к краю.

— Хозяин, хозяин! — позвал он. — Хозяин!!! — Молчание. Он понял, что дрожит, но набрал побольше воздуху и снова позвал:

— Хозяин!!!

Ветер вбивал ему голос назад в горло, но когда он с ревом унесся прочь по лощине, чуть слышный ответ достиг ушей Сэма:

— Всё хорошо, хорошо!.. Я здесь. Цел — только ничего не вижу.

Голос Фродо звучал слабо. На самом деле он был не так уж и далеко. Он соскользнул, а не упал, и встал на ноги на широкий выступ несколькими ярдами ниже. К счастью, скала в этом месте сильно наклонялась назад, и ветер прижал его к обрыву, не дав свалиться вниз. Он стоял, балансируя, вжавшись в камень, и сердце его неистово колотилось. Но то ли наступила полная тьма, то ли глаза его перестали видеть. Вокруг него всё было черно. Он подумал, не ослеп ли. И горько вздохнул.

— Возвращайтесь! Возвращайтесь!.. — сквозь черноту слышал он.

— Не могу, — сказал он. — Ничего не вижу. Мне не найти опоры. Я и двинуться-то боюсь.

— Что мне сделать, господин Фродо? — крикнул Сэм, свешиваясь вниз. Почему хозяин не ви-

дит? Вокруг, конечно, не больно-то светло, но не полная же тьма. Он видел внизу Фродо — серую одинокую фигурку, скорчившуюся у стены. Но рукой до него было не достать.

Снова прокатился гром; полил ледяной дождь. Широкой слепящей полосой, вперемешку с градом, ударил он в скалу.

— Я спускаюсь к вам! — крикнул Сэм, хотя вряд ли смог бы сказать, как он надеется помочь хозяину, оказавшись внизу.

— Нет, нет! Не смей! — отозвался Фродо. Голос его окреп. — Мне уже лучше! Подожди! Тебе всё равно ничего не сделать без веревки!

— Веревка!.. — радостно возопил Сэм, обращаясь в самому себе. — Да меня надо повесить на первом суку в назидание всем тупицам! Простофиля ты, Сэм, простофиля и больше никто, как говаривал мой старик. Веревка!..

— Прекрати болтать! — прикрикнул Фродо, смеясь и досадуя одновременно. — И забудь о своем старике! Ты хочешь сказать, что веревка у тебя в кармане? Ежели так — давай ее сюда.

— Да, господин Фродо, да, в кармане и всё такое. Это надо же: тащил ее сотни миль — и совсем о ней позабыл!

— Тогда брось мне конец!

Сэм скинул с плеч свой мешок и зарылся в него. Там, на самом дне, лежал моток шелковистой серой веревки — веревки Лориэна. Он кинул конец хозяину. Завеса тьмы поднялась с глаз Фродо, или он прозрел. Он смотрел на змеящуюся вниз серую полоску и думал, какой у нее красивый серебристый блеск. Теперь, когда во тьме просветилось оконце и ему было за что уцепиться взглядом, голова его почти перестала кружиться. Он поймал веревку, обмотал ее несколько раз вокруг пояса и вцепился в нее обеими руками. Сэм отступил от края и уперся ногами в пень в нескольких ярдах от обрыва. Наполовину волочась, наполовину карабкаясь, Фродо выбрался наверх и без сил опустился на землю.

Вдали рокотал и перекатывался гром, дождь хлестал не переставая. Хоббиты поплелись назад по лощине, но и там не нашли никакого укрытия. По дну ее струились ручьи; вскоре они слились в поток, плещущий и пенящийся на камнях; струи его срывались вниз с обрыва, как с огромной крыши.

— Я бы или захлебнулся, или бы меня смыло бы, — Фродо благодарно взглянул на Сэма. — Какое счастье, что у тебя нашлась веревка!

— Куда большее счастье, сударь, что я о ней

вспомнил, — сказал Сэм. — Может, помните, они положили нам веревки в лодки, когда мы отплывали, — я говорю об эльфах. Ну, я и сунул один моток в свой мешок. Лет сто назад, не меньше!.. «Она не единожды вам пригодится», — так они сказали. И ведь верно сказали.

— Жаль, я не захватил еще одного, — вздохнул Фродо. — Но я покидал Отряд в такой спешке и смятении!.. Будь у нас довольно веревок, мы смогли бы спуститься. А сколько длины в твоей?

Сэм медленно размотал веревку, меряя ее руками.

— Пять… десять… двадцать… тридцать локтей, сударь, или около того.

— Кто бы мог подумать? — удивился Фродо.

— Кто, сударь? — переспросил Сэм. — А эльфы-то!.. Вот ведь, кажется совсем тонкой — а какая прочная; и рукам приятна, как молоко. Скрутишь ее — вовсе незаметная, и светла, как свет. Дивный народ и подумал, уж будьте уверены!

— Тридцать локтей… — задумчиво сказал Фродо. — Хватит, наверное. Если до ночи гроза уймется — я попробую спуститься.

— Дождь уже почти прошел, — сказал Сэм. — Но, право слово, не надо бы вам снова рисковать, господин Фродо. Темень-то какая! Да еще этот

вой давеча. Ну ни дать ни взять Черный Всадник — да только те летать не умели, а тут будто кто на ветре верхом прилетел. Лучше уж нам здесь переждать, пока ночь не кончится, — так я думаю.

— А я думаю, что не должен торчать ни одной лишней секунды на этом хребте на виду у Царства Тьмы, — нахмурился Фродо.

Он вновь подошел к краю. Выглянул. Небо на востоке расчистилось. Края грозы поднялись, оборванные и влажные, и главный бой укатил далеко, раскинувшись над Привражьем, на котором задержались на миг черные думы Саурона. Там гроза повернула, градом и молниями ударив в Андуин, и угрозой войны нависла над Минас-Тирифом. Потом, снизившись над горами, она медленно перекатилась через Гондор и окраины Роханда — и за сотни лиг от Привражья всадники, несясь к западу, увидели ее черные бастионы, заслонившие солнце. А здесь, над дымной пустыней болот, вновь открылось глубокое темно — голубое вечернее небо, и несколько бледных звезд возникли, как крохотные прорехи в пологе прибывающей луны.

— Как же здорово смотреть и видеть! — Фродо дышал полной грудью. — А знаешь, я уж совсем было решил, что ослеп… От молнии, а может,

и от чего похуже. Я не видел ничего, вообще ничего, пока не спустилась веревка. Она будто светилась.

— Да, вроде как серебро во тьме, — согласился Сэм. — Никогда этого раньше не замечал… Но, сударь, если вам так не терпится спуститься — чем она может помочь вам?

Фродо немного подумал.

— Привяжи-ка ее к этому пню, Сэм! — велел он. — Тогда ты, думается, сможешь сделать как хотел и спуститься первым. Я спущу тебя, а когда ты будешь внизу — спущусь сам. Я уже совсем пришел в себя.

— Очень хорошо, — скучно отозвался Сэм. — Чему быть — того не миновать, так пусть уж минует поскорей! — он схватил веревку и перекинул ее через пень рядом с кромкой обрыва; потом другой конец обвязал вокруг пояса. Затем неохотно повернулся и приготовился шагнуть вниз еще раз.

Кончилось всё, однако, вовсе не так плохо, как ему представлялось. Казалось, веревка придала ему уверенности, хоть он и не единожды зажмуривался, взглядывая вниз во время спуска. На стене было одно неудобное место: отвесное, без выступов, как бы даже скошенное внутрь; там он

поскользнулся и повис на серебристой нити. Но Фродо опускал его медленно и осторожно. Больше всего Сэм боялся, что веревка кончится, когда он еще будет в воздухе, однако добрая половина ее оставалась в руках Фродо, когда Сэм достиг подножия и крикнул:

— Я внизу, сударь!

Голос Сэма слышался ясно, но Фродо не видел его: серый эльфийский плащ растворился в сумерках.

У самого Фродо спуск занял куда больше времени. Закрепленная наверху веревка была обмотана вокруг его пояса, и он укоротил ее так, чтобы остановиться, не достигнув земли; всё же он не хотел рисковать, да и Сэмовой веры в тонкую серую нить у него не было. В двух местах ему пришлось целиком положиться на нее: стена там гладко блестела, и даже его сильным хоббичьим пальцам не за что било уцепиться, а выступы остались в стороне. Однако в конце концов спустился и Фродо.

— Ну, вот мы и слезли! — воскликнул он. — А что же дальше? Чует мое сердце, что скоро мы вздохнем о твердых скалах под ногами.

Но Сэм не ответил: он уставился на обрыв.

— Дурни! Дурни твердолобые! Олухи из олу-

хов! — повторял он. — Чудная моя веревочка! Она там привязана к пню, а мы здесь! Самая хорошая ступенька для этого треклятого Голлума! Лучше уж сразу ставить указательный столб!

— Сначала придумай, как нам обоим спуститься по веревке и забрать ее с собой, а потом уж называй меня твердолобым дурнем, или как тебя еще величает твой старик, — сказал Фродо. — Лезь да отвязывай ее, а потом спускайся, если хочешь!

Сэм поскреб в затылке.

— Не знаю я, как это сделать, простите уж вы меня, хозяин! — жалобно протянул он. — Да только не по душе мне ее оставлять, и всё тут! — он тихонько подергал веревку. — Тяжко мне расставаться с тем, что я принес из Благословенной Земли. Может, ее сплела сама Галадриэль… Галадриэль, — повторил он, печально качая головой. Он взглянул вверх и в последний раз дернул веревку, точно прощаясь с ней.

К их огромному удивлению, она соскользнула вниз. Сэм оступился и сел наземь, и серебристые кольца накрыли его. Фродо рассмеялся.

— Кто завязывал веревку? — спросил он. — Подумать, что я вверял свою жизнь твоему узлу!

Сэм не смеялся.

— Может, я и плохой скалолаз, господин Фродо, — обиженно сказал он, — но уж в чём-чём, а в узлах да в веревках разбираюсь. У нас это семейное, как сказали бы вы. Мой прадед и дядя Энди — ну, старший брат моего старика, может, слыхали? — они, почитай, всю жизнь на канате плясали. А я так укреплю веревку на пне, как никто этого не сделает — ни в Крае, ни вообще в Средиземье.

— Значит, веревка перетерлась, — сказал Фродо.

— Быть того не может, — еще более обиженно возразил Сэм. Он наклонился и осмотрел концы. — Ни прядки! — торжествующе заявил он.

— Тогда, боюсь, дело все-таки в узле, — улыбнулся Фродо.

Сэм затряс головой и не ответил. Он задумчиво пропускал веревку меж пальцев.

— Смейтесь, сколько хотите, сударь, — сказал он наконец, — а веревка-то пришла сама — на мой зов, — Он свернул ее и любовно упихнул в мешок.

— Она и правда пришла, — согласился Фродо, — и это главное. А сейчас нам надо подумать, куда двигаться дальше. Близится ночь До чего ж красивы луна и звезды!

— Просто сердце радуется, — Сэм взглянул вверх. — Звезды прямо-таки эльфийские. И луна прибывает. Мы ее не видели уж не знаю сколько времени. Она уже светит вовсю.

— Да, — кивнул Фродо. — Но она все-таки еще не полная. Не знаю, сможем ли мы перейти болота в её слабом свете.

Под первыми тенями ночи они снова двинулись в путь. Немного годя Сэм обернулся и взглянул на дорогу, которой они шли. Устье лощины чернело в тусклости скальной стены.

— Хорошо, что мы забрали веревку, — сказал он. — Задали мы задачку этому разбойнику. Обломал бы он на этих уступах свои поганые лапы, вот бы здорово!

Они пошли прочь от обрыва, пробираясь меж валунами и обломками камней, влажными и скользкими от недавнего ливня. Местность всё еще круто снижалась. Неожиданно перед ними открылась большая трещина, слишком широкая, чтобы перепрыгивать через нее в неверном ночном свете. В ее глубине журчала вода. Трещина изгибалась и уходила к северу, к холмам, отрезая хоббитам путь в этом направлении — во всяком случае, до утра.

— Пойдем-ка мы лучше на юг вдоль хребта, —

сказал Сэм. — Надо бы найти какой-никакой закоулок, пещеру или вроде того.

— Надо бы, — согласился Фродо. — Я устал и вряд ли смогу долго карабкаться по камням — хоть мне и жаль каждой потерянной минуты. Была бы здесь ровная дорога — тогда я шел бы вперед, пока держат ноги!

Шагать вдоль подножий Взгорья оказалось немногим легче. Сэм не нашел ни закоулка, ни пещеры. Голые каменистые склоны хмуро глядели на путников, еще более высокие и крутые, чем прежде. Наконец измученные хоббиты почти упали наземь под защитой валуна недалеко от обрыва и сидели, печально прижавшись друг к другу, пока дрема не окутала их, несмотря на все ухищрения. Луна была теперь высока и ясна. Ее прозрачный белый свет заливал скалы, падал на обрывистые стены, обращая смутно просвечивающую угрозную тьму в холодную бледно-серую ширь с черными изломами теней.

— Вот что, — сказал Фродо, поднимаясь и плотнее запахивая плащ. — Ты поспи немного, Сэм, возьми мое одеяло. А я покараулю.

Вдруг он замер, нагнувшись и схватив Сэма за руку.

— Что это? — прошептал он. — Гляди, вон там

— на скале!

Сэм взглянул.

— Ах, чтоб тебе! — резко выдохнул он. — Голлум это, вот кто. Гад ползучий! А я-то думал, что мы его озадачили! Поглядите вы на него!.. Ну, ни дать ни взять паук на стене.

Вниз по обрыву — в бледном лунном свете он казался совсем гладким — двигалась, неуклюже растопырившись, маленькая черная тень. Быть может, ее мягкие прилипчивые пальцы находили щели и выступы, каких не разглядеть хоббиту, но выглядело это так, будто огромное насекомое крадучись сползает по стене на клейких тонких лапах. И ползло оно головой вниз, точно вынюхивало дорогу. То и дело оно приподнимало голову на тощей шее, и хоббиты видели тусклое мерцание маленьких бледных огоньков — глаз, что вспыхивали на миг в лунном свете и тут же меркли.

— Он нас видит? — спросил Сэм.

— Не знаю, — тихо отозвался Фродо. — Может, чует, а не видит. И слышит он получше эльфов — Гэндальф говорил. Думаю, он что-то услышал — наши голоса, наверное. Мы здорово расшумелись, когда спускались; да и минуту назад говорили совсем не тихо.

— Ох, и утомил же он меня! — сказал Сэм. — Больно уж часто он появляется. Пойду перекинусь с ним словечком: тут ему не удрать.

И, надвинув капюшон на глаза, бесшумно шагнул к обрыву.

— Осторожно! — прошептал Фродо, идя следом. — Не спугни его! Он куда опасней, чем кажется.

Черная ползущая вниз тень одолела тем временем три четверти стены и была в каких-нибудь пятидесяти футах над землей. Хоббиты, окаменев, следили за нею из тени большого валуна. Казалось, что-то ее озадачило или встревожило. Они слышали, как она принюхивается; то и дело доносилось свистящее дыхание, похожее на проклятия. Она подняла голову — и им послышался звук плевка. Потом она снова поползла вперед. Теперь до них доносился скрипучий свистящий голос.

— Ах-х, с-с-с!.. Ос-сторожненько, моя прелесть!.. Больш-ше медли, меньш-ше торопись. Мы не хотим с-свернуть с-себе шейку, не хотим ведь, прелесть? Нет, прелесть, голлм! — он опять поднял голову, взглянув на луну, и быстро закрыл глаза. — Мы ненавидим свет! — прошипел он. — Гнус-сный, гнус-сный с-свет! Он с-следит за нами,

моя прелесть, он с-слепит нас.

Он спускался всё ниже, и шипение его становилось всё явственней.

— Где оно, где: Прелесть, моя Прелес-сть? Оно наше, на-аш-ше, и мы хотим его. Воры, воры, мерз-ские воришки. Куда они унесли тебя, Прелесть? Ненавис-с-стные хоббиты!

— Непохоже, чтоб он знал, где мы, а, хозяин? — прошептал Сэм. — А что еще за Прелесть? Уж не шипит ли он о…

— Ш-ш-ш! — выдохнул Фродо. — Он близко, так близко, что расслышит и шепот.

И правда, Голлум вдруг снова остановился; его большая голова на костлявой шее покачивалась из стороны в сторону, точно он прислушивался. Белесые глаза были полузакрыты. Сэм пока сдерживался, хоть пальцы его и дергались. Взгляд его, полный отвращения и ярости, не отрывался от злосчастной твари, которая снова поползла, продолжая шептать и шипеть.

Наконец она оказалась не более чем в дюжине футов от земли, как раз над их головами. От этого места вел отвесный спуск, обрыв слегка наклонялся внутрь, и даже Голлум не смог найти в нём ни трещинки. Он попытался повернуться ногами вниз — и вдруг сорвался. Падая, он обхватил

себя руками и ногами, как паук, нить которого оборвалась.

Как молния, выскочил Сэм из укрытия и в несколько прыжков был под стеной. Не успел Голлум опомниться, как он уселся на него. Но оказалось (чего он вовсе не ожидал), что Голлум, даже захваченный врасплох, настороже. Прежде, чем Сэм нашел опору, длинные руки и ноги оплели его, прижав руки к бокам, и цепкие тиски мягко, но с ужасающей силой сдавили его, подобные медленно затягивающимся путам; липкие холодные пальцы искали его горло. Острые зубы впились ему в плечо. Всё, что он мог сделать — со всей силы бить головой в морду твари. Голлум шипел и плевался, но не выпускал его.

Плохи были бы Сэмовы дела, будь он один. Но Фродо прыгнул вперед, вырвав из ножен Разитель. Левой рукой он запрокинул голову Голлума, ухватив его за редкие маслянистые волосы и обнажив длинную шею, принудив его уставиться в небо белесыми ядовитыми глазами.

— Выпусти его!.. Смотри, Голлум, это Разитель. Однажды ты уже видел его. Выпусти, не то познакомишься с ним поближе! Я тебя не помилую.

Голлум опал и расслабился, как мокрая бечевка. Сэм поднялся, зажимая плечо.

В глазах его тлела ярость, но отомстить за себя он не мог: жалкий его враг, хныча, скорчился на земле.

— Не обижайте нас! Не позволяй им обижать нас, Прелесть! Ведь они не обидят нас, правда же, не обидят, миленькие хоббитс-сы? Мы не замышляли зла, а они накинулись на нас, как коты на бедных мышек, как коты на мышек, прелесть. А мы так одиноки, голлм! Мы поможем им, если они помогут нам, да-с-с-с.

— Что с ним делать? — спросил Сэм. — По мне — связать да оставить здесь, чтоб неповадно было таскаться за нами.

— Но это убьет нас, убьет нас-с, — прохныкал Голлум. — Злые маленькие хоббиты! Связать нас и бросить здесь, на холодной жесткой земле, голлм, голлм... — Слезы клокотали у него в горле.

— Нет, — сказал Фродо. — Если убивать его, так убивать сразу. Но мы не можем этого сделать. Бедняга! Он не причинил нам зла.

— Ой ли! — Сэм потирал плечо. — Но замышлять-то он его замышлял, и теперь замышляет, уж будьте уверены. Спит и видит, как бы нас удавить.

— Так-то оно так, — сказал Фродо. — Но что он

замышляет — дело другое. — Он остановился, раздумывая. Голлум по-прежнему лежал ничком, но хныкать перестал. Сэм сердито стоял над ним.

И тогда Фродо показалось, что из дальней дали прошлого до него донеслись голоса:

— Какая всё-таки жалость, что Бильбо не заколол этого мерзавца, когда был такой удобный случай!

— Жалость, говоришь? Да ведь именно жалость и остановила его руку. Жалость и милосердие: без крайней нужды убивать нельзя.

— Голлума жалеть глупо. Он заслужил смерть.

— Заслужить-то заслужил, спору нет. А сколько еще живущих заслужили ее! А посчитай-ка таких, кому надо бы жить да жить — но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтобы уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть всё.

— Пусть так, — ответил он вслух, опуская меч. — Но мне всё-таки страшно. И однако, как видишь, я не тронул мерзавца. Потому что увидел его — и пожалел.

Сэм воззрился на хозяина, который говорил неизвестно с кем.

Голлум поднял голову.

— Бедненькие мы, — проскулил он. — Несчас-с-стненькие!.. Хоббиты не убьют нас, правда, прелесть, миленькие хоббиты!

— Не убьем, не убьем, — сказал Фродо, — но и не отпустим. Ты состоишь из коварства и злобы, Голлум. Ты пойдешь с нами, чтобы мы могли следить за тобой. Но ты должен помочь нам, если сможешь. Услуга за услугу.

— Ну да, ну да, — Голлум сел. — Славные хоббиты! Мы пойдем с ними. Найдем им безопас-сную тропку во тьме, найдем, прелесть, правда. А куда они идут, интерес-сно нам знать, очень интерес-сно? — он взглянул на хоббитов, и слабый свет хитрости и нетерпения вспыхнул на миг в белесых глазах.

Сэм, сжав зубы, хмуро глядел на него; ему показалось, что он начинает понимать хозяина, он будто почуял, что спорить с ним бесполезно. И всё равно ответ Фродо поразил его.

Фродо смотрел прямо в уклончивые изворотливые глаза Голлума.

— Ты знаешь это или догадываешься, Смеагол! — спокойно и сурово произнес он. — Мы идем в Мордор. И, сдается мне, ты знаешь дорогу туда.

— Ах-х! С-с-с! — зашипел Голлум, затыкая уши ладонями, точно такой искренний, открытый

разговор причинял ему боль. — Мы догадывались, да, мы догадывались, прелес-сть, — шептал он. — И мы не хотим, чтоб они шли, не хотим, правда ведь? Нет, моя прелесть, только не миленькие хоббитсы. Зола, зола, пыль — и это начало; и западни, западни, западни, и орки, тысячи орков. Славненькие хоббиты не должны… с-с-с… соваться туда.

— Так ты был там? — настаивал Фродо. — И выбрался назад, да?

— Выбралс-ся… Да. Нет! — взвизгнул Голлум. — Это было случайно, правда ведь, прелесть? С-случайно. Но мы не вернулись, нет, нет! — вдруг его голос и речь изменились, он всхлипнул и заговорил, но не с ними:

— Оставь нас, голлм! Ты истерзал меня. Бедные мои руки! Я… мы… я не хочу возвращаться. Я не могу его найти. Я устал. Я… мы… не нашли его, нет, нигде, голлм, голлм. Они все пробудились, Гномы, и Люди, и Эльфы, жуткие эльфы с ясными глазами. Я не могу его найти. Ах-х! — он вскочил и, сплетя длинные почти бесплотные руки в костистый узел, протянул их к востоку. — Мы не хотим! — вскрикнул он. — Не тебе! — он снова съежился. — Голлм, голлм, — хныкал он, водя лицом по земле. — Не смотри на нас! Уходи!..

Иди спать!

— Он не уйдет и не уснет по твоему приказу, Смеагол, — сказал Фродо. — Но если ты на самом деле хочешь освободиться от Него, помоги мне. А это, боюсь я, значит показать нам дорогу к Нему. Но тебе не надо идти до конца — проводи нас только до ворот Его земли.

Голлум снова уселся и взглянул на них из-под век.

— Он там, — хихикнул он. — Всегда там. Орки укажут вам путь. Орков легко найти к востоку от Реки. Не просите Смеагола. Бедный, бедный Смеагол! Он давно ушел. Они забрали у него Прелесть, и он заблудился.

— Быть может, мы найдем его, если ты пойдешь с нами, — сказал Фродо.

— Нет, нет, никогда! Он потерял Прелесть.

— Вставай! — велел Фродо.

Голлум поднялся и попятился к обрыву.

— Слушай! — продолжал Фродо. — Когда тебе легче идти — днем или ночью? Мы устали; но если ты выберешь ночь — мы выступим тотчас.

— Большие огни с-слепят нас, с-с-слепят, — плаксиво ответил Голлум. — Не под Белым Ликом, только не под ним!.. Он скоро уйдет, с-скоро. Отдохните немного, чудненькие хоббиты!

— Тогда садись, — сказал Фродо. — Да не вздумай удрать!

Хоббиты уселись по обе стороны от него, прислонившись к каменной стене и вытянув ноги. Об отдыхе не могло быть и речи: оба знали, что им нельзя уснуть ни на миг. Медленно плыла луна. От холмов упали тени, и всё в них окуталось тьмой. В небе ярко горели крупные звезды. Никто не двигался. Голлум сидел, подтянув колени к подбородку, упершись широкими ладонями и ступнями в землю, закрыв глаза; он казался напряженным, будто размышлял или прислушивался.

Фродо переглянулся с Сэмом. Глаза их встретились, и хоббиты поняли друг друга. Они расслабились, откинули головы, закрыли глаза — так, во всяком случае, казалось. Вскоре послышалось ровное, сонное дыхание. Руки Голлума дрогнули. Он едва заметно повел головой; один за другим открылись глаза-щелки. Хоббиты ничего не замечали.

Вдруг с удивительной быстротой и ловкостью Голлум, как саранча или лягушка, скакнул в темноту. Но Фродо и Сэм только этого и ждали. Не успел он пробежать и двух шагов после прыжка, как Сэм настиг его. Фродо подошел сзади, схватил

беглеца за ноги и повалил.

— Твоей веревке снова нашлась работа, Сэм, — усмехнулся он.

Сэм вытащил веревку.

— И куда же это вы собрались на день глядя, да еще по таким холодным твердым землям, господин Голлум? — издевался он. — Интерес-сно, вес-сьма интерес-сно было бы узнать… Искать своих дружков-орков, небось? Гнус продажный! Веревка по тебе давно плачет, а о петле и говорить нечего: слезами изошла, бедная.

Голлум лежал тихо и больше не пытался хитрить. Он не ответил Сэму, только быстро, ядовито взглянул на него.

— Нам надо как-то его удержать, — размышлял вслух Фродо. — Мы хотим, чтобы он шел, поэтому ни рук, ни ног ему связывать нельзя. Давай так: обвяжи один конец вокруг его лодыжки, а другой не выпускай из рук.

Он стоял над Голлумом, пока Сэм завязывал узел. Результат удивил их обоих.

Голлум пронзительно закричал, его тонкий плачущий голос тяжко было слышать. Он корчился, пытаясь дотянуться ртом до лодыжки и перекусить веревку. Он вопил не переставая.

В конце концов Фродо поверил, что он мучается

на самом деле, однако узел не мог быть причиной этого. Фродо осмотрел его и обнаружил, что он едва затянут. Сэм был мягче своих слов.

— Что с тобой? — спросил Фродо. — Если ты решил сбежать, нам придется тебя связать; но мы не хотим причинять тебе вред.

— Она ранит нас, ранит нас-с-с, — прошипел Голлум. — Замораживает, кусает!.. Эльфы сплели ее, проклятые эльфы! Скверные, злые хоббиты! Вот поэтому мы и хотели спастис-сь, поэтому, моя прелесть. Мы догадались, что это злые хоббитсы. Они были у эльфов, лютых эльфов с яркими глазами. Сними ее с нас! Она ранит нас!

— Нет, я не сниму ее с тебя, — покачал головой Фродо. — Не сниму, пока... — он задумался на мгновенье, — ...пока не получу от тебя обещания, которому смогу поверить.

— Мы поклянемс-ся делать всё, что он захочет, да, да-с-с-с, — Голлум по-прежнему извивался, нащупывая лодыжку. — Нам больно!..

— Поклянешься? — переспросил Фродо.

— Смеагол, — сказал вдруг Г оллум совершенно ясно, и открыто, со странным светом в глазах, в упор посмотрел на Фродо, — Смеагол даст клятву на Прелести.

Фродо вытянулся, и Сэма опять поразили его

слова и суровый голос.

— На Прелести? Ты решишься? — проговорил он. — Подумай! «Кольцо одно, чтоб всех сковать и в темноте свести». Вверишь ли ты этому свое слово, Смеагол? Оно удержит тебя. Но оно куда более изменчиво, чем ты сам. Оно может извратить твои слова. Берегись!

Голлум съежился.

— На Прелести, на Прелести! — повторил он.

— И в чем же ты поклянешься? — спросил Фродо.

— Быть совсем хорошим, — Голлум подкатился к ногам Фродо и скорчился перед ним, хрипло шепча; он дрожал, будто слова пронзали ужасом каждую его косточку. — Смеагол поклянется, что никогда, никогда не позволит Ему завладеть им. Никогда! Смеагол спасет его. Но он должен поклясться на Прелести.

— Нет! — сказал Фродо, с суровой жалостью глядя на него. — Всё, что ты хочешь, — это увидеть его и коснуться его, если сможешь, хоть и знаешь, что это сведет тебя с ума. Не на нем. Клянись им, если хочешь. Ибо ты знаешь, где оно. Да, Смеагол, знаешь. Оно перед тобой.

На мгновенье Сэму представилось, что хозяин его вырос, а Голлум съежился: высокая суровая

тень, могущественный властитель, скрывающий свой свет под серым плащом, и маленький скулящий пес у его ног. Однако сейчас эти двое были близки, а не чужды: им дано было постигнуть мысли друг друга. Голлум приподнялся и, раболепствуя, обнял колени Фродо.

— Наземь! Наземь! — отстранился Фродо. — Теперь клянись!

— Мы клянемся, да, я клянусь, — сказал Голлум. — Я буду служить господину моей Прелести. Хороший хозяин, хороший Смеагол, голлм, голлм! — вдруг он снова заплакал и принялся кусать лодыжку.

— Сними веревку, Сэм! — велел Фродо.

Сэм неохотно послушался. Голлум тут же вскочил и шаловливо запрыгал вокруг, как побитая дворняжка, вдруг обласканная хозяином. С этого времени он переменился. Он меньше шипел и скулил, говоря с товарищами, и говорил с ними, а не только со «своей прелестью». Он мог съеживаться и вздрагивать, когда к нему подходили или делали резкое движение, он избегал прикосновения эльфийских плащей; но был дружелюбен и искренне старался услужить. Он мог хихикать и дурачиться, если слышал шутку или если Фродо ласково говорил с ним, и плакать, если Фродо

выговаривал ему. Сэм с ним почти не говорил. Он подозревал его сильнее, чем прежде, и — если это возможно — лю бил нового Голлума, Смеагола, куда меньше старого.

— Ну, Голлум, или как тебя там, — хмуро сказал он. — Будет уж скакать! Луна зашла, а ночь проходит. Пора бы нам двигаться.

— Да, да, — согласился Голлум, прыгая вокруг. — Мы идем! Есть только одна тропка поперек болот между северным и южным их краем. Я отыщу ее, отыщу. Орки по ней не ходят, орки ее не знают. Вам повезло, что вы пошли этим путем. Вам повезло, что вы нашли Смеагола, да, повезло! Идите за Смеаголом!

Он отошел на несколько шагов и вопросительно оглянулся, как собака, зовущая хозяев на прогулку.

— Погоди, Голлум! — крикнул Сэм. — Не убегай далеко! Я пойду следом, и веревка у меня наготове, будь спокоен!

— Нет, нет! — сказал Голлум. — Смеагол поклялся.

Глубокой ночью под яркими звездами вновь вышли они в путь. Некоторое время Голлум вел их назад к северу; потом свернул вправо, прочь от отвесной кромки Привражья, спускаясь по

каменистым осыпистым скатам к болотистой равнине внизу. Путники тихо и быстро растворились во тьме. Над многими лигами пустыни перед Вратами висела черная тишина.

Глава 2
Через Болота

Голлум двигался быстро, вытянув шею, часто опускаясь на четвереньки. Фродо и Сэм едва поспевала за ним; однако он, казалось, раздумал бежать — и если они падали, оборачивался и ждал. Через некоторое время он привел их к краю узкой трещины, на которую они наткнулись прежде; но теперь они были дальше от холмов.

— Вот она! — крикнул Голлум. — Там есть тропка внизу. Мы пойдем по ней — пойдем туда, — он указал на юго-восток — на болота. С них тянуло тяжелым запахом гнили.

Он принялся шнырять взад-вперед по берегу и, наконец, позвал их.

— Здесь! Здесь можно спуститься. Смеагол знает дорогу: он шел этой тропой, прячась от орков.

Он показывал путь, и хоббиты следом за ним спустились во мрак. Это было нетрудно: трещина в том месте была всего каких-нибудь пятнадцати

футов глубиной и дюжины — шириной. По дну ее бежала вода — это было русло одной из речек, сбегающих с нагорий и питающих стоячие болота и трясины. Голлум повернул направо, к югу, и зашлепал по мелкому каменистому ручью. Он казался ужасно довольным и посмеивался про себя, порой даже наквакивая что-то вроде песни:

Земля холодна,
Жжет руки она
Истерзаны ноги
О камни дороги,
И горный хребет —
Как голый скелет.
Но речки прохладны
И ранам отрадны.
Желали бы мы…

— Ха! Ха! Чего бы мы желали? — он искоса глянул на хоббитов. — Мы скажем вам, — квакнул он. — Он давно догадался об этом, Торбин-с, догадался. — Слабым светом взблеснули белесые глаза, и Сэм, уловивший этот блеск, подумал, что ничего хорошего он не сулит.

Без воздуха живет она

И как могила холодна,
Не пьет, хотя в воде сидит,
В броне, хотя и не звенит.
Ах, только бы знать,
Как рыбку поймать, —
Вот было б не грустно,
А сладко и вкусно!

Слова эти напомнили Сэму о том, что заботило его с того самого момента, как хозяин взял Голлума в проводники: о еде. Ему и в голову не приходило, что хозяин вспомнит о ней; но Голлум должен был вспомнить. И правда, как питался Голлум во время своих одиноких блужданий? «Не больно-то хорошо, — размышлял Сэм. — Вон он какой заморыш. Вот не найдет рыбки — так решит с голодухи хоббитом закусить… Шутки шутками, а ведь вполне может эта тварь захватить нас врасплох. Ну уж нет, не выйдет. Сэм Гискри, будь начеку!»

Они долго брели по темной извилистой расселине — во всяком случае, усталым ногам Сэма и Фродо путь этот показался долгим. Расселина заворачивала к востоку, делаясь постепенно шире и мельче Наконец небо слабо осветилось предутренней серостью. Голлум не выказывал

признаков усталости, но теперь взглянул вверх и остановился.

— День рядом, — прошептал он, будто День был кем-то, кто мог накинуться на него. — Смеагол останется здесь: я останусь здесь, и Желтый Лик не увидит меня.

— Мы были бы рады увидеть солнце, — заметил Фродо. — Но мы тоже останемся здесь: мы слишком устали, чтобы идти дальше.

— Зря вы радуетесь Желтому Лику, — сказал Голлум. — Он выдает нас. Славненькие разумненькие хоббитсы останутся со Смеаголом. Кругом орки и мерзкие твари. Они видят далеко. Оставайтесь и прячьтесь со мной!

Трое путников устроились на отдых у подножия скальной стены расселины. Она была теперь немногим выше роста высокого человека, и по низу ее шли широкие, ровные и сухие каменные уступы; у другой стены в русле бежала вода. Фродо и Сэм уселись на один из уступов, чтобы дать отдохнуть спине. Голлум плескался в ручье.

— Надо немного поесть, — сказал Фродо. — Хочешь есть, Смеагол? Еды у нас немного, но мы поделимся с тобой.

При слове «еда» белесые глаза Голлума полыхнули зеленым светом и сделались куда больше

его худого болезненного лица. На какой — то миг он вновь стал прежним шипящим Голлумом.

— Мы голодны, да, мы голодны, — заныл он. — Что они там куш-шают, моя прелес-сть?.. Уж-ш не рыбсу ли, с-сладкую, с-с-сочную рыбсу? — язык его высунулся меж острых желтых зубов, облизывая бесцветные губы.

— Рыбы у нас нет, — сказал Фродо. — У нас есть только это, — он показал на лембас, — и вода — если здешняя вода годится для питья.

— Годитс-с-ся, годит-с-ся, вкус-сная водица, — прошипел Голлум. — Пейте, пейте вс-сласть, пока мож-шно! А что у них там, прелесть? Оно хрустит? Оно вкус — сное?

Фродо отломил кусок лепешки и подал его Голлуму на листе-обертке. Голлум понюхал лист, и лицо его исказилось: судорога отвращения прошла по нему, намек на прежнюю злобу.

— Смеагол чует! — заявил он. — Листья из страны эльфов, тьфу! Они воняют. Он взбирался на их деревья — и не мог смыть запах с рук, своих славных рук, — отбросив лист, он взял краешек лепешки и надкусил его. Но тут же выплюнул и зашелся кашлем.

— Ах-х! Нет! — лопотал он. — Вы хотите задушить бедного Смеагола! Пыль и зола, он не может

это есть. Он должен голодать. Но Смеаголу все равно. Чудные хоббиты! Смеагол поклялся. Он будет голодать. Он не может есть их еду. Он будет голодать. Бедный тощий Смеагол!

— Прости, — сказал Фродо. — Боюсь, мне нечем тебе помочь. Я думал, наша еда подойдет тебе, если ты ее попробуешь. Но, видно, ты даже пробовать ее пока не можешь.

Хоббиты молча жевали лембас. Сэм подумал, что они почему-то стали вкуснее: отвращение Голлума вновь привлекло его к эльфийскому хлебу. Но он не успокоился. Голлум провожал взглядом каждый кусок, как собака, жаждущая подачки с обеденного стола. Только когда они поели и укладывались спать, он поверил, что у них нет припрятанных лакомств. Тогда он отошел и сел поодаль, тихо похныкивая.

— Послушайте! — шепнул Сэм Фродо (не слишком тихо: его не волновало, слышит его Голлум или нет). — Нам надо поспать; но не обоим сразу — этот голодный злыдень под боком. Клятва или не клятва, Голлум или Смеагол, да только не верится мне, что он сразу так уж изменился. Вы спите, господин Фродо, а как у меня станут слипаться глаза — я вас разбужу. По очереди, как раньше, пока он на свободе.

— Может, ты и прав, Сэм, — Фродо говорил не таясь. — Он изменился, конечно, но насколько глубоко — еще не знаю. Хотя, правду сказать, не думаю, чтобы нам было чего бояться — сейчас. Впрочем, покарауль, если хочешь. Дай мне часа два, не больше, потом буди.

Таким усталым был Фродо, что голова его упала на грудь, едва он договорил.

Голлум, казалось, ничего уже не боялся; он свернулся и совершенно невозмутимо улегся спать. Дыхание его с тихим свистом вырывалось сквозь сжатые зубы, но лежал он неподвижно, как камень. Немного погодя, опасаясь, что он и сам уснет, если будет слушать посапывание товарищей, Сэм поднялся и легонько пнул Голлума. Руки того развернулись и задергались, но ничего больше не случилось. Сэм наклонился к его уху и прошептал: «Рыбка!» — ничего, даже дыхание Голлума не изменилось.

— Может, и вправду уснул, — пробормотал Сэм. — А ведь будь я как он — ему бы не проснуться… — он отогнал мысль о мече и веревке, отошел и уселся подле хозяина.

Когда он проснулся, небо было тусклым, темнее, а не светлее, чем когда они завтракали. Сэм вскочил. Он чувствовал бодрость и голод — и

вдруг понял, что проспал весь день, не меньше девяти часов. Фродо всё еще спал, теперь лежа на боку. Голлума видно не было. Сэм обозвал себя всеми бранными словечками из богатых запасов своего старика; потом ему пришло в голову, что хозяин оказался прав: сторожить было не для чего и не от кого. Они оба были живы.

— Бедняга! — сказал он, наполовину раскаиваясь. — Где-то он теперь?

— Близ-с-с-ко, близ-ско! — раздался голос над ним. Он взглянул вверх и увидел на фоне вечернего неба силуэт Голлумовой большеухой головы.

— Эй, что ты там делаешь? — заорал Сэм, и подозрения вспыхнули в нем с новой силой.

— Смеагол голоден, — заявил Голлум. — Скоро вернется.

— Возвращайся немедля! — крикнул Сэм. — Ты!.. Вернись!

Но Голлум исчез.

Фродо проснулся от воплей Сэма и сел, протирая глаза.

— Привет! — сказал он. — Что стряслось? Который час?

— Я уснул, — повинился Сэм. — Сразу после восхода. А он удрал. Сказал, что голоден.

— Не волнуйся! — спокойно улыбнулся Фро-

до. — Вернется он, вот увидишь. Клятва пока удерживает его. Да и Прелести своей он не бросит.

Фродо еще более уверился в этом, когда узнал, что они проспали несколько часов — и рядом с ними был Голлум, причем Голлум свободный и страшно голодный.

— Не брани себя! — сказал он. — Ты уморился, но обернулось это добром: мы оба отдохнули. А впереди у нас трудный путь — труднейший из всех.

— Как быть с едой? — озабоченно спросил Сэм. — Долго ли нам еще делать это дело? А когда сделаем — что будем дальше-то делать? Этот дорожный хлеб, хоть и удерживает вас каким-то чудом на ногах, желудка не радует, не в обиду будь сказано тем, кто его пек. Но вы каждый день съедаете по кусочку, а обратно они не отрастают. Думаю, мы сможем растянуть их, скажем, недели на три или около того — и это подтянув пояса, учтите.

— Не знаю я, долго ли до конца, — проговорил Фродо. — Мы очень задержались в холмах. Но, Сэммиус Гискри, дорогой мой хоббит, — правда, Сэм, верный мой друг, стоит ли думать о том, что будет потом? Сделать дело, как ты сказал — есть

ли надежда, что мы когда-нибудь сделаем его? И если сделаем — кто знает, что будет тогда? А если Кольцо отправится в огонь вместе с нами? Я спрашиваю тебя, Сэм, понадобится ли нам тогда хлеб? Думаю, нет. Если мы сможем заставить наши ноги донести нас до Роковой Горы — это всё, что мы сможем сделать. И это гораздо больше, чем могу я.

Сэм молча кивнул. Он взял руку хозяина и склонился над ней, но не поцеловал, хоть его слезы и упали на нее. Потом он отвернулся, провел рукавом по носу, встал и зашагал вокруг, пытаясь насвистывать что-то и приговаривая между безуспешными попытками:

— Да где же эта проклятая тварь?

На самом-то деле Голлум вернулся незадолго до того; но подошел он так тихо, что хоббиты ничего не слышали, пока он не встал между ними. Его лицо и пальцы были вымазаны черной грязью. Он всё еще жевал что-то, пуская слюни. Что он жевал — они не спрашивали и старались не думать.

«Червяков, или жуков, или еще какую склизкую дрянь из болотных ям, — решил Сэм. — Мерзкий тип; вот бедняга-то!»

Голлум не сказал им ни слова, пока не напился

и не выкупался в ручье. Тогда он подошел к ним, облизывая губы.

— Теперь лучше, — сказал он. — Мы отдохнули? Готовы идти дальше? Славные хоббиты, как они чудесненько спали! Верите теперь Смеаголу? Отлично, преотличненько, очень, очень хорошо!

Следующая часть их пути была как две капли воды похожа на прежнюю. Трещина заметно мелела, наклон ее дна уменьшался, а само дно становилось всё менее каменистым. Стены ее медленно снизились в болотистые берега. Она начала плутать и извиваться. Ночь подходила к концу, но луну и звезды затянули тучи, и путники узнали о приближении дня лишь по рассеянному серому свету.

В холодный рассветный час они подошли к концу ручья. Берега превратились в покрытые мхом мягкие холмы. Вода с журчанием переливалась через последний каменистый уступ, падала в коричневую болотную жижу — и пропадала. Сухой тростник шуршал и потрескивал, хотя ветра не было и в помине.

По обеим сторонам и впереди лежали теперь обширные болота и топи, теряясь на юге и востоке в сумеречном полусвете. Туманы курились и клубились над темными зловонными омутами.

Их испарения духотой висели в недвижном воздухе. Вдали, теперь прямо на юге, вздымались горные стены Мордора, подобные черной полосе изодранных туч, плывущих над мглистым, полным опасностей морем.

Хоббиты были сейчас целиком в лапах Голлума. Они не знали и не могли догадаться в этом мутном свете, что находятся у северных границ болот, главная часть которых лежала к югу от них. Они могли бы, знай они местность, вернуться немного назад и, повернув к востоку, выйти на пустынное Ратное Поле — край древних сражений перед вратами Мордора. Но на этой каменистой равнине негде было укрыться, и через нее шли все протоптанные орками и другими вражьими воинами дороги. Даже плащи Лориэна не скрыли бы их там.

— Куда мы двинемся теперь, Смеагол? — спросил Фродо. — Напрямик через эти вонючие болота?

— Ни к чему, вовсе ни к чему, — сказал Голлум. — Ни к чему, если хоббиты хотят добраться до гор тьмы и увидеться с Ним. Чуть-чуть назад и чуть-чуть вперед, — его тощая рука указала на северо-восток, — и вы выйдете на суровые холодные дороги к самым воротам иго страны.

Множество Его слуг поджидают там гостей и готовы доставить их прямиком к Нему. Да, да. Его Глаз всё время следит за этим путем. Он поймал там Смеагола — очень, очень давно. — Голлум задрожал. — Но Смеагол много ползал, и бегал, и нюхал с тех пор, да, да; я ползал и нюхал с тех пор. Я знаю другие пути. Более трудные, не такие быстрые; но лучшие, если мы не хотим видеть Его. Идите за Смеаголом! Он проведет вас через болота, через туманы, чудные густые туманы. Идите за Смеаголом по пятам, и вы уйдете далеко, очень далеко, прежде чем Он заметит вас, вполне возможно, да.

Был уже день, безветренное мрачное утро, и болотные дымы лежали в глубоких затонах. Сквозь облачное небо не пробивались солнечные лучи, и Голлум, казалось, стремился тотчас продолжить поход. А потому после краткого отдыха они снова пошли вперед, и вскоре затерялись в призрачном безмолвном мире, отрезанные ото всего — и от холмов, с которых спустились, и от гор, к которым стремились. Они шли медленной молчаливой цепочкой: Голлум, Сэм, Фродо.

Фродо казался самым усталым из троих, и, хоть шли они медленно, часто отставал. Скоро хоббиты поняли, что то, что выглядело болоти-

стой равниной, на деле было бесконечной сетью омутов, трясин и извилистых речных русел. Лишь очень хитрый ум и ловкие ноги могли найти средь них ускользающую тропу. Г оллум обладал и тем и другим и использовал всю свою искусность. Голова его на длинной шее всё время поворачивалась из стороны в сторону, он не переставая принюхиваться и бормотал что-то себе под нос. Изредка он поднимал руку и останавливал их, а сам пробирался вперед, ощупывая землю, или внимательно прислушивался, прижимаясь к ней ухом.

Было тоскливо и скучно до утомления. Холодная цепкая зима всё еще властвовала над этим покинутым краем. Единственной зеленью была пена сине — багровых сорняков на темной жирной глади угрюмых вод. Мертвые травы и гниющий тростник вставали во мгле, как изодранные тени давно позабытых весен.

Медленно тянулся день; свету немного прибавилось, и туманы поднялись, став прозрачней и тоньше. Над гнилью и мглой мира плыло солнце — золотое и высокое в светлых землях, покрытых ослепительным цветочным морем; но лишь тающий призрак его увидели путники — затуманенный, бледный, негреющий. Но даже и этому

слабому его подобию Голлум погрозил взглядом; он дрожал. Они остановились и отдыхали, припав к земле, как маленькие загнанные зверьки, в зарослях жухлого камыша. Стояла глубокая тишина, лишь едва слышно поскрипывали полые стебли, да чуть шевелились на неощутимом ветерке лезвия трав.

— Ни птички! — уныло сказал Сэм.

— Нет птичек, нет, — подхватил Голлум. — Славненькие птички!.. — он облизнулся. — Нету здесь птичек. Здесь жучки, паучки, твари в омутах, мерз-ские твари… А птичек нет, — грустно закончил он. Сэм поглядел на него с отвращением.

Так прошел третий день их похода с Голлумом. Прежде чем вечерние тени протянулись к светлым землям, они вновь вышли в путь, всё вперед и вперед с редкими короткими остановками. Останавливались они не столько для отдыха, сколько чтобы помочь Голлуму; потому что теперь даже ему приходилось двигаться с большой осторожностью, и иногда он замирал в растерянности. Они пришли в самое сердце Гиблых Болот, и в нем была тьма.

Они шли медленно, пригнувшись, повторяя каждое движение Голлума. Болотистая равнина

становилась всё более топкой, переходя в стоячие озера и трясины, меж которых всё труднее было отыскивать сухие места, где ноги не вязли бы в булькающей грязи. Путники были легки, иначе ни один из них никогда не прошел бы по тропе.

Вскоре наступила полнейшая темень: сам воздух, казалось, налился чернотой; дышать было трудно. Когда появились огни, Сэм протер глаза — он решил, что у него что-то не то с головой. Сперва краешком левого глаза он увидел один слева — жгут бледного сияния, тут же погасший; но другие не заставили себя ждать; некоторые были, как неявно светящийся дым, некоторые — как туманное пламя, медленно горящее над невидимыми свечами; тут и там они извивались, как призрачные полотнища, раскручиваемые скрытыми руками. Но никто из Сэмовых спутников не произнес ни слова.

Наконец Сэму стало невмоготу.

— Это еще что за новости, Голлум? — прошептал он. — Огни эти? Мы попались? Кто они?

Голлум поднял глаза. Перед ним была темная вода, и он тыкался из стороны в сторону в поисках дороги.

— Да, они вокруг, — ответил он. — Обманные огни. Свечи мертвецов, да, да. Не обращай вни-

мания! Не смотри на них! Не ходи за ними!.. Где хозяин?

Сэм оглянулся и увидел, что Фродо опять отстал. Он прошел немного назад в темноте, не решаясь ни отходить далеко, ни звать громче, чем свистящим шепотом. Внезапно он наткнулся на Фродо — тот стоял, в раздумье глядя на бледные огни. Руки его безжизненно повисли; ил вода стекали с них.

— Пошли, господин Фродо! — потянул его Сэм. — Не глядите на них! Голлум говорит, нельзя это. Давайте-ка выбираться из этого проклятого места, да поскорей.

— Хорошо, — сказал Фродо, будто очнувшись ото сна. — Пошли. Я иду.

Поспешив вперед, Сэм споткнулся, запутавшись в густой траве. Он тяжело упал на руки; они утонули в липкой грязи, и лицо его коснулось темной топи. Раздался слабый шип, поплыло зловоние, огни мигнули, заплясали, закружились. На мгновение вода под ним стала как бы окном, покрытым дымным стеклом, — и он смотрел сквозь него. Вырвав руки из трясины, он с воплем отшатнулся.

— Там мертвецы, мертвецы, — твердил он в ужасе. — Мертвые лица!

Голлум засмеялся.

— Гиблые Болота, да, да; так их прозвали, — квакнул он. — Не смотрите вниз, когда горят свечи!

— Кто они? Что они? — дрожа, Сэм повернулся к подошедшему Фродо. — Не знаю, — как в бреду, отозвался тот. — Но я тоже их видел. В омутах, когда зажглись огни. Они лежат во всех омутах, бледные лики, глубоко-глубоко под темной водой. Я видел их: лики мрачные и зловещие, благородные и печальные. Многие горды и прекрасны в трауре серебристых волос. Но все грязные, все сгнившие, все мертвые. Смертью веет от них, — Фродо закрыл глаза руками. — Не знаю, кто они; но думаю, что видел людей и эльфов, и орков рядом с ними.

— Да, да, — сказал Голлум. — Все погибли, все сгнили. Эльфы, и люди, и орки. Гиблые Болота. Давным-давно здесь была великая рать — так говорили Смеаголу, когда он был молод, когда я был молод, а Прелести еще не было. Это была великая рать. Высокие люди с длинными мечами, и жуткие эльфы, и вопящие орки. Дни и месяцы бились они на равнине у Черных Ворот. Но Болота появились тут, поглотив могилы: всё скрыли, с-скрыли, с-с-скрыли.

— Но ведь с тех пор прошла целая Эпоха, а то и больше, — усомнился Сэм. — Не могут же, в самом-то деле, там быть мертвецы! Уж не лиходейское ли это колдовство Царства Тьмы?

— Кто знает? Смеагол не знает, — ответил Голлум. — До них не добраться, их не потрогать. Мы пытались однажды, да, моя прелесть, пытались. Я пытался, но не добрался. Только тени — видеть, а не трогать. Нет, прелесть! Все мертвы.

Сэм мрачно взглянул на него и снова вздрогнул, догадываясь, зачем Смеаголу понадобилось «трогать» их.

— Ну и ладно, по мне — так вовсе бы их не видеть, — сказал он. — Хватит, насмотрелся! Может, мы уже пойдем отсюда?

— Да, да, — закивал Голлум. — Но тихонько, тихонько. Осторожненько. А то хоббиты отправятся навещать мертвецов и зажигать свечи. Идите за Смеаголом.! Не смотрите на огни!

Он отполз вправо, нащупывая тропу в обход трясины. Они двигались за ним, вплотную, часто опираясь на руки — совсем, как он. «Еще чуток — и будет три прелестненьких Голлума вместо одного», — думал Сэм.

В конце концов они добрались до конца черной топи, переползая или перепрыгивая с одной

предательской кочки на другую. Они часто оступались, падали и барахтались в воде, вонючей, как выгребная яма, пока сами не перемазались и не завоняли.

Поздней ночью они снова ступили на твердую землю. Голлум шипел и шептал что-то про себя, но видно было, что он доволен: каким-то чудом, благодаря смешанным чувствам осязания, обоняния и неизменной памяти на тени во тьме он, казалось, узнал место, где уже бывал, и был уверен в дороге.

— Теперь мы пойдем дальше, — сказал он. — Славные хоббиты! Храбрые хоббиты! Очень, очень устали, конечно; да, моя прелесть, мы все устали. Но мы должны поскорее увести хозяина от злых огней, да, прелесть, да, должны, — и он припустил вперед по тропе меж тростниковых стен почти рысью, так что хоббиты едва поспевали за ним. По через малое время он вдруг остановился и принюхался, шипя, будто что-то встревожило его.

— Что с тобой? — заворчал Сэм. — Что проку нюхать, скажи на милость? Эта вонь только что не валит с ног. Ты воняешь, и хозяин воняет; всё воняет.

— И Сэм воняет, — зловредно добавил Гол-

лум. — Бедный Смеагол чует, но добрый Смеагол терпит. Помогает славному хозяину. Но не в этом дело. Воздух движется, перемены близко. Смеагол удивлен. И не рад, совсем, совс-сем не рад.

Он снова пошел, но тревога его росла, и он то и дело привставал и вытягивал шею, всматриваясь в юг и восток. Хоббиты не сразу поняли, что его волнует. Потом вдруг все трое застыли, замерев и прислушиваясь. Фродо и Сэму показалось, что до них донесся издалека долгий протяжный вой — высокий, тоскливый и жуткий. Их затрясло. И в тот же миг они ощутили движение воздуха; он становился все холоднее. Они стояли, вслушиваясь — и услыхали шум, подобный шуму подлетающего ветра. Туманные огни дрогнули, потускнели и угасли.

Голлум не двигался. Он трясся и невнятно бормотал что — то, пока на них с ревом не налетел ветер, шипя и рыча над болотами. Ночь стала светлее, достаточно светлой, чтобы разглядеть бесформенные клочья тумана, клубящиеся и извивающиеся; они накатились на путников и утянулись прочь. Взглянув вверх, они увидели рваные тучи; а потом высоко над югом замерцала луна, плывя меж летящих водорослей. На миг вид ее обласкал сердца хоббитов; но Голлум съежил-

ся, посылая проклятия Белому Лику. Потом Фродо и Сэм, смотревшие в небо и жадно глотавшие свежий воздух, увидели нечто: маленькую тучку, летящую от проклятых холмов; черную тень, выскользнувшую из Мордора; огромный силуэт, крылатый, зловещий. Он пронесся под луной и с мертвящим криком, обгоняя ветер, улетел назад на восток.

Они повалились ничком, прижавшись к земле. Но жуткая тень взвыла и вернулась, снизившись как раз над ними, пригибая крыльями болотный тростник. И исчезла, улетев назад в Мордор со скоростью Сауроновых призраков; а за ней умчался ветер, оставив Гиблые Болота пустыми и черными. Голую пустошь, насколько видел глаз, даже у дальних грозных гор, испестрили пятна лунного света.

Фродо и Сэм поднялись, прожирая глаза, как дети, очнувшиеся от ночного кошмара и увидевшие, что над миром по-прежнему висит тихая ночь. Но Голлум, как оглушенный, всё еще лежал на земле. Они с трудом подняли его, но лица он не открывал и всё время падал на колени, прикрывая затылок широкими ладонями.

— Призраки! — скулил он. — Крылатые призраки! Прелесть их господин. Они видят всё, всё.

Ничего не скроется от них. Проклятый Белый Лик!.. И они доносят Ему обо всем. Он видит, Он знает. Ах-х, голлм, голлм, голлм! — он не вставал и не двигался с места, покуда луна не опустилась к западу, утонув за Тол-Брандиром.

С этого времени Сэм почуял новую перемену в Голлуме. Тот стал еще более ласков и мнимо дружелюбен; но Сэма порой удивляли странные взгляды, которые он бросал на Фродо; и всё чаще возвращался он к своей прежней манере говорить. И еще одно тревожило Сэма. Фродо казался усталым, усталым до изнеможения. Он молчал; по правде сказать, он вообще-то едва говорил; и он не жаловался, но шел, как бы придавленный тяжкой ношей, которая делалась день ото дня тяжелее; он тащился всё медленнее и медленнее, так что Сэму часто приходилось просить Голлума подождать и не бросать хозяина.

В действительности с каждым шагом к воротам Мордора Фродо чувствовал, как наливается тяжестью висящее на его шее Кольцо. Теперь оно воистину стало для него бременем — и бремя это тянуло его к земле. Но куда больше заботил его Глаз. Это, а не тяга Кольца, заставляло его съеживаться и пригибаться. Глаз: жуткое растущее ощущение вражьей воли, стремящейся пронзить

все тени туч, земли, плоти — и увидеть; и пригвоздить его мертвящим взором, обнаженного, неподвижного… Так тонки, так хрупки и тонки стали покровы, до сих пор скрывавшие их! Фродо знал, куда преклонена сейчас эта воля, так же точно, как знает слепец, где находится солнце: он стоял к ней лицом, и мощь ее билась о его лоб.

Голлум, должно быть, чувствовал нечто похожее. Но что творилось в его злосчастной душе, раздираемой давлением Глаза и зовом Кольца, которое было так близко, и раболепной клятвой, данной наполовину из страха перед холодом Разителя, — хоббиты не догадывались. Фродо об этом не думал; мысли же Сэма были целиком заняты его господином, и он едва замечал темное облако, окутавшее его собственную душу. Он шел теперь позади Фродо и внимательно следил за каждым его шагом, поддерживая его, если он оступался, стараясь подбодрить его неловкими речами.

Когда наконец настал день, хоббиты удивились, увидев, как приблизились угрозные горы. Воздух был чище и холоднее, и стены Мордора, хоть и далекие, не казались более облачной полосой у края земли, но как черные бастионы протянулись через угрюмую пустошь. Земля впе-

реди поднималась долгими голыми склонами к пустыне перед вратами Саурона.

На день они, как черви, укрылись под черным валуном, чтобы крылатый ужас не выследил их своими жестокими глазами. Остаток пути был затемнен тенью гаснущего страха, в котором память не могла найти успокоения. Еще две ночи пробивались они утомительным бездорожьем. Воздух стал жестким и наполнился дымом, он перехватывал дыхание и сушил рот. Наконец, на пятое утро с той ночи, как они взяли Голлума в проводники, они еще раз остановились. Перед ними, темнея в рассвете, поднимались к облакам высокие горы. От ног путников начинались их могучие устои, и изломанные хребты были теперь едва в дюжине миль. Фродо в ужасе осматривался. Страшна, как Гиблые Болота, суха, как торфяники Безлюдья, куда более отвратительна, чем они все, была страна, которую открывал их прищуренным глазам наползающий день. Даже на Поле Мертвых Лиц могла бы прийти, пусть изнуренная, призрачная, но весна; здесь же никогда не наступали ни весна, ни лето. Здесь не жило ничто. Задыхающиеся озера были забиты золой и медленно наползающей тиной, нездорово-белой и серой, точно горы изрыгнули на окружающую

землю всю грязь из своих недр. Высокие курганы сломанных, искрошенных в пыль скал, большие конусы опалённой, отравленной земли стояли бесконечными рядами, как бесстыдное кладбище, медленно проступающее в неверном свете.

Они пришли к пустоши, что лежала перед Мордором: вечный памятник темному труду его рабов, который сохранится, даже когда все Его замыслы обратятся в ничто; осквернённая, безнадежно больная земля — если только Великое Море не нахлынет на нее, омыв забвением.

— Ох и тошно же, — сказал Сэм. Фродо молчал.

Они постояли немного, как будто на грани сна, где их поджидают кошмары, хоть и знали, что утро только-только пробилось сквозь тени. Свет ширился и креп. Задушенные ямы и отравленные курганы стали отчетливы до отвращения. Солнце поднялось высоко, оно плыло меж облаков и длинных языков дыма, но даже солнечный свет был осквернен. Хоббиты не радовались этому свету: он казался враждебным, он убеждал их в их полной беспомощности — они были крошечными пищащими фигурками, бредущими по бесконечным пожарищам Черного Властелина.

Слишком усталые, чтобы идти вперед, они искали место, где можно передохнуть. Они посидели

в тени шлакового кургана; но его тошнотворные испарения перехватывали им горло. Первым не выдержал Голлум. Плюясь и ругаясь, он вскочил и, не взглянув на хоббитов, на четвереньках молча пополз прочь. Хоббиты поползли за ним, пока не добрались до широкой, почти круглой ямы. Она была холодной и мертвой, и мерзкая пленка маслянистого многоцветного ила покрывала ее дно. В этой яме они и укрылись, надеясь спастись в ней от Глаза.

День тянулся медленно. Жажда томила их, но они отпили лишь по глотку из своих фляг, наполненных в лощине, — теперь она казалась хоббитам спокойным, мирным, прекрасным местом. Они по очереди стояли на часах. Сначала, уставшие до предела, они не могли спать; но когда солнце стало спускаться за тучи, Сэм задремал. Был черед Фродо караулить. Он откинулся назад, оперся на стенку ямы, но это не облегчило его ноши. Он смотрел вверх, на дымное небо — и видел странных призраков, темные скачущие фигуры и вышедшие из прошлого лица. Он потерял счет времени, находясь между сном и явью, пока забытье не окутало его.

Сэм проснулся внезапно: ему почудилось, что его зовет хозяин. Был вечер. Фродо не мог звать,

потому что крепко спал и соскользнул почти на дно ямы. Рядом с ним был Голлум. Какой-то миг Сэм думал, что он пытается вытащить Фродо; потом увидел, что ошибся. Голлум говорил сам с собой. Смеагол спорил с тем, другим, который говорил его голосом, но квакал и шипел. Белесый и зеленый свет чередовались в его глазах.

— Смеагол поклялся, — сказал первый.

— Да, да, моя прелес-сть, — пришел ответ. — Мы поклялис-сь: с-спас-с-сти наш-шу Прелесть, не отдать Ему ее — никогда! Но она идет к Нему, да, вс-сё ближ-ше, ближ-ше. Что с-собираетс-ся с-сделать с-с-с ней хоббит, интерес-с-сно, да, оч-шень интерес-с-сно.

— Не знаю. И что я могу поделать? Оно у хозяина. Смеагол поклялся помогать хозяину.

— Да, да-с-с, помогать хозяину: хозяину Прелести. Но если хозяевами с-станем мы, мы с-сможжем помогать с-себе — и не наруш-шшать клятвы.

— Но Смеагол сказал, что будет хорошим, очень-очень хорошим. Добрый хоббит! Он снял кусачую веревку с ноги Смеагола. Он говорит со мной ласково.

— Славно, с-славненько, а, моя прелес-сть? Будем хорош-ш-шими, с-сладкими, как рыбка, — но

для с-себя. Не тронем с-славного хоббита, конечно, нет.

— Но Прелесть хранит клятву, — возразил голос Смеагола.

— Так возьми ее, — сказал другой. — И мы сохраним ее с-сами. Тогда мы будем хозяевами, голлм! Заставим поползать другого хоббита, мерз-ского подозрительного хоббита, да, голлм!

— Но не славного хоббита?

— Нет, нет — ес-сли нам не захочетс-ся. Всё-таки он Торбинс-с, да, моя прелес-сть, Торбинс-с-с. Торбинс украл его. Он нашел его, и не с-сказал нам ни с-слова, ни с-словечка не с-сказал нам, прелесть. Мы ненавидим Торбинс-с-сов.

— Нет, не этого Торбинса.

— Всех, вс-сех, вс-с-сех Торбинсов. Всех, кто владеет Прелестью. Мы долж-шны владеть им!

— Но Он увидит. Он узнает. Он отберет его у нас!

— Он видит. Он знает. Он слышал, как мы дали глупую клятву — против Его приказ-сов, да. Призраки ищут. Долж-шен отобрать.

— Не Ему!

— Нет, с-сладенький, нет. Пойми: если оно — у нас-с, тогда мы спас-сены, даже от Него. Возмож-шно, мы станем очень с-сильными, сильнее

Приз-раков. Властелин Смеагол? Голлум Великий? Просто — ГОЛЛУМ! Есть рыбку каждый день, триж-шды в день, свеж-шенькую, прямо из моря. Драгоценнейший Голлум! Должен взять его. Мы хотим, х-хотим, х-х-хотим его!

— Но их двое. Они быстро проснутся — и убьют нас, — сделал последнее усилие Смеагол. — Не сейчас. Нет еще.

— Мы хотим его! Но… — наступило долгое молчание. — Не сейчас, да? Пус-сть так. Она поможет. Она должна помочь, да.

— Нет, нет! Только не это! — завопил Смеагол.

— Да! Мы хотим его!..

Всякий раз, когда говорил второй, длинная рука Голлума тихо поднималась, ощупывая Фродо, и судорожно отдергивалась, когда заговаривал Смеагол. В конце концов обе руки с длинными пальцами — пальцы изгибались и подергивались — вцепились в шею Фродо.

Сэм лежал тихо, зачарованный спором, но внимательно следил из-под век за каждым движением Голлума. Его простому уму постоянный голод, желание «закусить» хоббитом казались самым опасным в «лиходее». Теперь он понял, что это не так: Голлума властно звало Кольцо. «Он» — это, ясное дело, Черный Властелин; но кто

такая «Она»? Какая-нибудь мерзость из друзей, которыми обзавелся маленький негодяй в своих скитаниях, решил Сэм. Но он тут же забыл об этом, потому что дело зашло слишком далеко и становилось опасным. Тяжесть сковывала его; но он с усилием приподнялся. Что-то подсказало ему быть осторожным и не подавать виду, что он подслушал спор. Он потянулся и сел.

— Сколько времени? — сонно спросил он.

Голлум длинно зашипел сквозь зубы. На миг он напрягся, словно угрожая, потом съежился, пал на четвереньки и подполз к краю ямы.

— Миленькие хоббиты! Славненький Сэм! — залебезил он. — Сони, ну и сони! Оставили доброго Смеагола сторожить! Но уже вечер. Подбираются сумерки. Пора идти.

«Давно пора! — подумал Сэм. — И пора распрощаться с тобой». Тут ему опять пришло в голову, что Голлум на самом деле куда опасней, чем держится.

— Тварь проклятая! Чтоб ты сдох! — пробурчал он, спускаясь вниз, чтобы разбудить хозяина.

Фродо проснулся на удивление отдохнувшим. Он грезил. Темные тени сгинули, и дивное видение посетило его. И хоть ничего от этого видения не осталось в памяти, он чувствовал радость, и

на сердце у него было легко. И ноша вроде бы меньше давила его. Голлум приветствовал его с собачьим восторгом. Он бормотал и хихикал, заламывал длинные пальцы и прижимался к коленям Фродо. Фродо улыбнулся ему.

— Идем, — сказал он. — Ты вел нас верно и хорошо. Осталось немного. Доведи нас до Ворот — и больше я ни о чем не попрошу тебя. Доведи нас до Ворот — и можешь идти, куда хочешь, только не к нашим врагам.

— До Ворот, а? — испуганно квакнул Голлум. — До Ворот, говорит Хозяин! Да, он так говорит. И добрый Смеагол сделает, как его просят, да, он сделает. Но когда мы подойдем — мы увидим, мы увидим тогда. Это совсем, совсем не хорошо! Нет, нет!

— Поговори у меня! — оборвал его Сэм. — Топай, куда велят!

В наступающих сумерках они выкарабкались из ямы и медленно побрели по мертвой земле. Не успели они отойти далеко, как их снова накрыл ужас, подобный тому, что они ощутили на болотах — когда пролетала крылатая тень. Они замерли, скорчившись на стылой зловонной земле; но в угрюмом вечернем небе ничего не было, и угроза вскоре миновала, быть может, улетев из

Барад-Дура по каким-то срочным делам. Немного погодя Голлум, бормоча и трясясь, поднялся и снова пополз вперед.

Около часа пополуночи ужас пал на них в третий раз, но теперь он казался более далеким, словно проплыл высоко над облаками, быстрее ветра мчась на запад. Голлум тем не менее обессилел от страха и твердил, что их выследили и вот-вот схватят.

— Трижды! — хныкал он. — Трижды была угроза. Они чуют, что мы здесь, они чуют Прелесть. Прелесть их господин. Мы не можем идти вперед, нет, нет. Это бесполезно, бесполезно!..

Уговоры и мягкость ни к чему не привели. Голлум не сдвинулся с места, пока Фродо, рассердившись, не приказал ему встать, положив руку на эфес меча. Тогда наконец он с ворчанием поднялся и поплелся впереди, как побитый пес.

Так, спотыкаясь и запинаясь, двигались они сквозь утомительную ночь и, пока не настал следующий день страхов, шли в молчании, повесив голову, ничего не видя и ничего не слыша, кроме шипения ветра в ушах.

Глава 3
Черные Ворота закрыты

Перед рассветом следующего дня путь их к Мордору закончился. Болота и пустошь остались позади. Впереди, темнея на бледном небе, высокие горы угрожающе возносили к облакам мрачные головы.

На западе Мордор ограждала угрюмая цепь Гор Тьмы, а на севере тянулись изломанные пики и голые кряжи Изгарных Гор, серые, как зола. Там, где эти хребты встречались, они вытягивали к северу длинные руки; между ними лежало глубокое ущелье. То был Кириф-Горгор, Перевал Страха, — вход в земли Врага. Высокие утесы снижались по обе стороны от него, а перед его устьем выдвигались вперед два отвесных холма, черные и голые. На них стояли Клыки Мордора — две высокие крепкие башни. Они были построены воинами Гондора в давно минувшие дни силы и славы, когда Саурон был побежден и бежал, чтобы не допустить Его возвращения. Но силы Гондора таяли, и башни надолго опустели. Потом вернулся Саурон. Разрушенные башни

были отстроены; в них всегда стоял бдительный гарнизон. Их каменные лики следили за севером, востоком и западом бессонными глазами — бойницами.

Через устье ущелья, от обрыва до обрыва, Саурон возвел каменный вал. В нем были единственные железные ворота, а над ними по зубчатой площадке неусыпно ходили часовые. Под холмами по обе стороны гора была изрыта и источена: там жили в пещерах сотни орков, готовые по первому сигналу кинуться в бой, подобно полчищам черных муравьев. Никто не мог миновать Клыков Мордора без их укусов — если только не был призван Сауроном и не знал тайного Слова, открывающего Мораннон — черные ворота Его земли.

Два хоббита в отчаянье смотрели на башни. Даже издалека они видели в тусклом свете движение черных стражей на стене и дозор у ворот. Они лежали, выглядывая за край скалистой расщелины в тени самого северного отрога Изгарных Гор. Ворон, быть может, пролетел бы не больше фарлонга от их укрытия до черной вершины ближайшей башни. Слабый дым курился над ней, будто где-то под холмом тлел огонь.

Настал день, и солнце заблестело на безжизнен-

ных кряжах Изгарных Гор. Потом вдруг раздался вопль медных труб: они ревели со сторожевых башен, и издалека, из скрытых нор и Застав в горах неслись ответные зовы. А дальше, над пустынными землями, слабым, но глубоким и зловещим эхом откликнулись им мощные рога и барабаны Барад-Дура. Новый кошмарный день страха и непосильного труда пришел в Мордор; ночные стражи забрались в подземные норы и казематы, а дневные, зоркие и жестокие, заступили на свои посты. На зубчатой стене тускло мерцала сталь.

— Ну, вот мы и дошли! — сказал Сэм. — Вон они, Ворота, а сдается мне, так далеко от них мы еще не были. Увидел бы меня сейчас мой старик — уж он бы знал, что сказать. Он ведь мне вечно твердил, что добром я не кончу, если буду идти куда ноги несут. Да только, пожалуй, нам с ним больше не свидеться. Он упустил случай поучить меня еще разок… — Сэм вздохнул. — Пусть говорит что угодно, сколько угодно, лишь бы мне увидеть его снова. Но мне, думаю, придется сперва умыться — не то, глядишь, он меня и не признает.

Не стоит и спрашивать: «Каким путем мы пойдем?» Нам шагу вперед не сделать — ежели мы не хотим позвать орков на подмогу.

— Нет, нет! — откликнулся Голлум. — Это ни к

чему. Мы не можем идти вперед. Смеагол сказал так, Он сказал: мы придем к Воротам — и тогда увидим. И вот мы видим. Да, моя прелесть, видим. Смеагол знал, что хоббитам не пройти этим путем. Да, Смеагол знал.

— Тогда чего ж ты нас сюда тащил, чтоб тебе пусто было? — в запальчивости Сэм не бывал ни справедлив, ни благоразумен.

— Хозяин велел. Хозяин сказал: «Доведи нас до Ворот». Так послу-ш-ненький Смеагол и сделал. Хозяин велел так, мудрый хозяин.

— Я велел, — проговорил Фродо. Лицо его было мрачным, но твердым и решительным. Он был грязен, изможден, придавлен усталостью, но более не съеживался, и глаза его были ясны. — Я велел так, потому что моя цель — войти в Мордор, а другой дороги я не знаю. Поэтому я пойду этим путем. Я не прошу никого идти со мной.

— Нет, хозяин, нет! — завопил Голлум, цепляясь за него, словно в глубоком горе. — Не ходи здесь! Не ходи! Не отдавай Прелесть Ему! Он сожрет нас всех, если получит его, сожрет весь мир! Храни его, славный хозяин, и будь добр к Смеаголу! Не отдавай Ему Прелесть! Или уйди, вернись в чудесный мир, а его верни бедненькому Смеаголу. Правда, хозяин, верни его, а? Смеагол сохранит

его; он сделает много добра, особенно славненьким хоббитам. Хоббиты пойдут домой. Не пойдут к Воротам!

— Я должен идти в Мордор и пойду, — сказал Фродо. — Если туда ведет лишь одна дорога — я пойду по ней. А там — будь что будет.

Сэм молчал. Ему довольно было взгляда на лицо Фродо; он знал, что любые слова бесполезны. Да к тому же он никогда не надеялся, что дело это кончится добром; но он был жизнерадостен и вообще не думал о надежде, пока мог не думать об отчаянье. Сейчас они дошли до самого конца. Но он был верен хозяину, чем бы ни грозила дорога; это для него — главное, и он будет верен по-прежнему. Хозяин не пойдет в Мордор один — Сэм пойдет с ним, и уж во всяком случае, они избавятся от Голлума.

Голлум, однако, не собирался избавляться от них. Он ползал в ногах у Фродо, заламывал руки и причитал.

— Не этим путем! — умолял он. — Есть другой. Правда, правда есть. Другой путь, более темный, более трудный, более тайный. Но Смеагол знает, Смеагол покажет его. Позволь Смеаголу показать!

— Другой путь! — Фродо с сомнением взглянул

на Голлума.

— Да! Чес-стное с-слово! Был другой путь! Смеагол нашел его. Пойдем, хозяин, пойдем — посмотрим, ес-с-сть ли он еще!

— Ты не говорил о нем прежде.

— Нет. Хозяин не спрашивал. Хозяин не говорил, что с-с-собралс-ся делать. Он ничего не сказал бедненькому Смеаголу. Он велел: «Доведи нас до Ворот — и прощай!» Смеагол мог уйти и быть хорошим. А теперь хозяин говорит: «Я пойду в Мордор — этим путем». Бедненькому Смеагол страшно. Он не хочет терять чудненького хозяина. И он поклялся, хозяин заставил его поклясться, спасти Прелесть. Но хозяин отдаст Прелесть Ему, прямо в черную руку отдаст Прелесть, если пойдет здесь. Смеагол должен спасти их обоих, и он вспомнил о втором пути, который был давным-давно. Славный хозяин, Смеагол очень хороший: всегда помогает.

Сэм нахмурился. Если бы он мог взглядом продырявить Голлума, в том давно бы не осталось бы живого места. Он сомневался. Судя по всему, Голлум искренне старался помочь Фродо. Но Сэм, памятуя о подслушанном споре, не мог заставить себя поверить, что Смеаголу удалось взять верх: во всяком случае, в споре последнее слово сказал

не его голос. Должно быть, решил Сэм, половинки Смеагол и Голлум (он звал их про себя Злыдень и Скрытень) заключили временный союз: оба не хотели отдавать Кольцо; оба желали уберечь Фродо от плена и удерживать его при себе как можно дольше — пока чудненькому Голлуму не удастся наложить лапу на Прелесть. Был ли на самом деле второй путь в Мордор — Сэм сильно сомневался.

«И очень хорошо, что ни одна половинка негодяя не знает, что собирается сделать хозяин, — размышлял он. — Узнай он, что господин Фродо хочет навсегда разделаться с его Прелестью, — тут бы и быть беде. Но, как ни крути, старый Скрытень так боится Врага — а он был у него в подчинении, если не есть, — что скорее заведет нас куда, чем захочет попасться снова, помогая нам; а может, и чем позволит расплавить свою «Прелесть». По крайней мере, я так полагаю. Будем надеяться, хозяин внимательно обдумает это. Он мудрей многих, но мягкосердечен — что уж поделать, если он таков. Ни один Гискри и представить себе не сможет, что он сделает в следующую минуту».

Фродо не сразу ответил Голлуму. Пока в небыстром, но метком уме Сэма ворочались сомнения,

он стоял, всматриваясь в серые утесы Кириф — Горгора. Расщелина, где они укрылись, зарывалась в бок пологого холма чуть выше похожей на ров долины, что лежала между ними и первыми горными бастионами. В центре долины чернело основание западной сторожевой башни. В утреннем свете ясно виднелись тусклые пыльные дороги, сходящиеся к воротам Мордора, — одна извивалась к северу; другая уходила на восток, во мглу, что клубилась в предгорьях Изгарных Гор; а третья была перед ним. Круто обогнув башню, она вползала в узкую долину и проходила неподалеку от расщелины, где они стояли. Она поворачивала вправо, на запад — по краю хребта — и скрывалась на юге, в глубоких тенях, окутывающих все западные склоны Эфель-Дуафа, а там, куда не мог проникнуть его взгляд, она шла по узкой низине меж горами и Великой Рекой.

Всматриваясь, Фродо заметил на равнине суету и движение. Казалось, все армии выступили в поход, хотя большую часть воинства скрывали тростник и болотные испарения. Но тут и там он видел блеск копий и шлемов; а по обочинам дорог множеством отрядов скакали всадники. Он вспомнил, что видел их издалека с Амон-Хена — всего несколько дней назад, хоть и казалось,

что с той поры прошли годы. Тогда он понял, что напрасной была мгновенная надежда, вспыхнувшая в его душе. Трубы трубили не тревогу — приветствие. То были не воины Гондора, восставшие из могил на полях былой славы для штурма твердыни Черного Властелина. То был другой народ, пришедший из глубин Восточных Земель по призыву своего владыки. Армии, вставшие ночью лагерем у ворот, а теперь идущие крепить Его гордую мощь.

Словно осознав внезапно всю рискованность их положения — одиноких в подступающем свете дня, а опасность со всех сторон, — Фродо торопливо натянул на голову серый капюшон и отступил вглубь оврага. Потом повернулся к Гол пуму.

— Смеагол, — сказал он. — Я поверю тебе еще раз. Кажется, я обречен принимать твою помощь, а ты — помогать мне, за кем так долго охотился с черными целями. Пока ты заслужил только похвалу и верно хранил клятву. Да, верно хранил, — повторил он, взглянув на Сэма. — Потому что дважды мы были в твоей власти — и ты не причинил нам зла. Не пытался ты и забрать у меня то, чего жаждешь. Но говорю тебе, Смеагол: берегись! Ты в опасности.

— Да, да, хозяин! — квакнул Голлум. — В смер-

тельной опасности! Каждая жилочка Смеагола дрожит, когда он о ней думает, но он не убегает. Он должен помочь славному хозяину.

— Я говорил не об опасности, которой подвергаемся мы все, а об опасности, которая грозит тебе. Ты поклялся тем, что зовешь Прелестью. Помни это! Оно удерживает тебя; но оно может повернуть тебя к гибели. Да ты уже повернут. Ты глупо выдал себя — только что: «Верни его Смеаголу», — сказал ты. Никогда не повторяй этого! Не позволяй этой мысли завладеть тобой! Ты не получишь его. В крайней нужде, Смеагол\, я надену его; а тобой Прелесть владеет до сих пор. Если бы я, надев его, приказал тебе — ты подчинился бы, прикажи я даже прыгнуть с обрыва или шагнуть в огонь. А я могу приказать. Так поостерегись, Смеагол!

Сэм глядел на хозяина с одобрением, но удивленно — хозяин говорил так, будто это и не он вовсе. Да и такого выражения лица у хозяина Сэм прежде не знал. Его всегдашнее мнение было, что добрее господина Фродо никого в свете нет и что доброта эта порой обора-слепотой. Само собой, это не могло поколебать его твердой веры, что господин Фродо — мудрейший из всех живущих (кроме разве что старого господина Бильбо и

Гандальфа). Голлум — и ему это было куда более извинительно, потому что его знакомство с Фродо было куда менее близким — мог сделать ту же ошибку и принять доброту за слепоту. Как бы там ни было, речь эта смутила и напугала его. Он скорчился на земле и не мог выговорить ничего, кроме «славный хозяин».

Фродо терпеливо ждал, потом заговорил уже менее сурово:

— Ну же, Голлум — или Смеагол, если хочешь, — расскажи мне об этом втором пути и объясни, если сможешь, какие надежды скрыты в нем и достаточны ли они, чтобы я свернул с прямой дороги. Я тороплюсь.

Но Голлум был в жалком состоянии: угроза Фродо лишила его остатков душевного равновесия. Было невозможно разобрать что-либо в его бормотании и всхлипах; он то и дело начинал кататься по земле, умоляя их обоих «быть добренькими к бедненькому Смеаголу». Но через некоторое время он успокоился, и Фродо мало-помалу выжал из него, что если идти по дороге, огибающей с запада Горы Тьмы, то вскорости придешь к перекрестку в кольце темных деревьев. Дорога налево ведет к Осгилиафу и мостам через Андуин; центральная дорога уходит на юг.

— На юг, на юг, на юг, — повторил Голлум. — Мы никогда не ходили по ней, но говорят, через сотню лиг становится видна Великая Неспокойная Вода. Там много рыбы, и большие птицы едят рыбу — хорошие птицы; но мы никогда там не были, жаль, очень жаль! А еще дальше есть, говорят, еще земли, но Желтый Лик там страшно жесток, а тучки очень редки, и люди там жестоки и темнолицы. Мы не хотим видеть тех земель.

— Ты забрел не туда! — сказал Фродо. — Не сбивайся с пути! Куда сворачивает третья?

— Да, да, там есть третья дорога, — быстро закивал Голлум. — Дорога влево. Сперва она карабкается всё вверх, вверх, извивается и карабкается назад к длинным теням. Потом она заворачивает за черную скалу — и вы видите ее, вы вдруг видите ее, и вам хочется спрятаться.

— Видите ее, видите ее? Видите что?

— Древнюю крепость, очень древнюю, очень страшную сейчас. Мы слушали истории с юга, когда Смеагол был молод, очень молод, давным-давно. Да, мы слышали много историй, сидя вечером на берегу Великой Реки под ивами, когда Река тоже была молодой, голлм, голлм, — он продолжал бормотать и всхлипывать.

Хоббиты терпеливо ждали.

— Истории с юга, — повторил Голлум. — О высоких людях с сияющими глазами, и их дворцах, похожих на каменные холмы, и Серебряной Короне их Короля, и его Белом Дереве: дивные истории. Они строили высокие башни, и одна из них была снежно-белой, и в ней был камень, подобный луне, и ее окружали высокие белые стены. Да, да, много историй было о Крепости Луны.

— Это, должно быть, Минас-Ифиль, который построил Исильдур, сын Элендила, — молвил Фродо. — Тот Исильдур, что отрубил палец Врагу.

— Да, на Черной Руке всего четыре пальца, но Ему довольно и их, — Голлум с трудом подавил дрожь. — И он ненавидит город Исильдура.

— Что он не ненавидит? — сказал Фродо. — Но что нам за дело до Крепости Восходящей Луны?

— Так ведь, хозяин, они где были, там и остались: высокая башня, и белые дома, и стена; но теперь они не прекрасны, нет, не прекрасны. Он покорил ее давным-давно. И сейчас это жуткое место. Путники дрожат при виде ее, они отползают подальше, они избегают ее тени. Но хозяин должен идти тем путем. Это единственный путь, потому что там горы снижаются, и древняя тропа идет вверх и вверх, до темного перевала на

вершине, а потом вниз, вниз — к полям Горгорофа. — Голос его перешел в шепот, он задрожал.

— А толку-то? — спросил Сэм. — Уж наверное, Враг всё знает о своих горах, и дорога, небось, охраняется получше этой. Крепость ведь не пустая, а?

— Нет, нет, не пустая, — прошептал Голлум. — Она кажется пустой, но она не пустая. Нет, нет! Там живут жуткие твари. Орки, всюду орки; но еще другие, еще другие твари — хуже, много хуже. Дорога идет в тени стен и минует ворота. Ничто не пройдет по дороге, чтобы они не заметили. Чтобы Безмолвные Стражи не заметили.

— И ты советуешь нам, — прищурился Сэм, — тащиться на юг, чтобы попасть там в такую же — или даже похуже — ловушку, в какой ока-мсь мы здесь?

— Нет, нет, не так, — заторопился Голлум. — Хоббиты должны понять, должны постараться понять. Он не ждет там нападения. Глаз кругом, но он смотрит на одни земли и почти не замечает других, не может видеть всё сразу. Понимаете, Он покорил весь край к западу от Гор Тьмы и вниз по Реке и теперь владеет мостами. Он думает, никто не подойдет к Лунному Городу без большой драки у мостов или без переправы на лодках — и о том,

и о другом Он тут же узнает.

— Уж больно много ты знаешь о том, что Он делает и что думает, — насмешливо заметил Сэм. — Ты что, недавно с Ним беседовал? Или завел дружбу с орками?

— Плохой хоббит, вовсе глупый, — Голлум одарил Сэма злющим взглядом и повернулся к Фродо. — Смеагол говорил с орками, конечно, говорил — до того, как встретил чудненького хозяина, И еще со многими говорил: он зашел далеко. И то, что говорит он, сейчас говорят многие. Великий страх Его здесь, на севере — и наш страх тоже. Скоро, очень скоро Он выйдет из Черных Ворот. Только здесь может пройти большое войско. Но там, на западе, он не боится, и там Безмолвные Стражи.

— Так-так! — снова влез Сэм, отделаться от которого было не так-то просто. — И мы, значит, должны идти и стучать в их дверь, чтобы справиться, не здесь ли дорога в Мордор? Или они до того безмолвные, что не ответят? К чему всё это? Мы можем сделать это и тут — всё меньше ходить.

— Не ш-шути с-с-с этим, — зашипел Голлум. — Это не смеш-ш-шно. Вовс-се не с-с-смеш-шно. Нет, это не забава, нет. К чему вообще идти в Мордор?

Но хозяин говорит: «Я должен идти» или «Я пойду», — и мы должны найти путь. Но в жуткий город не надо идти, нет, конечно, нет. Здесь-то и поможет Смеагол, славненький Смеагол, хоть никто и не говорит ему, зачем всё это. Смеагср поможет опять. Он найдет. Он знает, где.

— Что ты найдешь? — спросил Фродо.

Голлум согнулся и зашептал:

— Маленькую тропку в горы; а после — ступени, узкие ступени. Да, да, долгие и узкие. А потом еще. А потом, — голос Голлума стал едва слышен, — лаз, темный лаз; и, наконец, маленькую расселину и тропку высоко над главным перевалом. Этой тропой Смеагол выбрался из тьмы. Но это было давно. Тропка могла пропасть. Но не думаю, не думаю.

— Не по душе мне это, — пробурчал Сэм. — Уж больно все просто. Если тропка и есть — ее должны сторожить. Ее разве не стерегут, Голлум? — не успел он это сказать, как заметил (или ему показалось, что заметил) зеленый блеск в Г оллумовых глазах. Голлум бормотал что-то, на вопрос не отвечал.

— Она не охраняется? — сурово повторил Фродо. — И выбрался ли ты из тьмы, Смеагол? Может, тебе позволили это сделать — да притом с за-

данием? Во всяком случае, так считал Арагорн, поймавший тебя у Гиблых Болот.

— Лож-ш-шь! — прошипел Голлум, и злобный свет вспыхнул в его глазах при имени Арагорна. — Он оболгал меня. Он оболгал меня, да, да. Я выбралс-с-ся, с-сам выбралс-ся. Правда, мне велели найти Прелесть, правда; и я ис-с-скал, вс-сё время ис-скал. Но не для Черной Руки. Прелес-сть наш-ша, наш-ш-ша, говорю вам. Я выбралс-ся.

Фродо чувствовал необъяснимую уверенность, что по крайней мере в этом Голлум не так далек от истины, как можно было думать; что он как-то нашел выход из Мордора, и нашел его собственной хитростью. Голлум говорил «я», а это обычно бывало знаком, что остатки былой правдивости взяли верх. Но, даже если Г оллум не врал, Фродо помнил о Вражьих уловках. «Бегство» могло быть позволено или подстроено, и известно в Черном Замке. И в любом случае, Голлума назад тянуло многое.

— Я спрашиваю тебя еще раз, — сказал он. — Этот тайный путь не охраняется?

Однако имя Арагорна ввергло Голлума в мрачную угрюмость. Он был обижен, что ему не поверили как раз тогда, когда он сказал правду — или часть ее. Он не ответил.

— Он не охраняется? — повторил Фродо.

— Да, да, возможно. Нет безопасных мест, — угрюмо сказал Голлум. — Нет безопасных мест в этой стране. Но хозяину придется идти — или поворачивать домой. Другого пути нет. — Больше от него ничего не удалось добиться. Названия места и перевала он не мог — или не желал — говорить.

Название его было Кириф-Унгол — и недобрые слухи шли о нем. Арагорн, возможно, поведал бы им об этом имени и его смысле; Гэндальф предостерег бы их. Но они были одни. Арагорн был далеко, и Гэндальф, стоя на развалинах Исенгарда, боролся с Саруманом; однако даже когда он в последний раз обратился к Саруману, и объятый пламенем палантир рухнул на ступени Ортханка — мысль его всегда была преклонена к Фродо и Сэммиусу, через многие и многие лиги дух его искал их в надежде и печали.

Возможно, Фродо, не зная, почувствовал это, как на Амон-Хене, хоть он и считал, что Гэндальф сгинул, навеки сгинул во тьме Мории. Он долго сидел на земле, молча склонив голову, стараясь припомнить всё, что говорил ему маг. Однако совета на этот случай не вспоминалось. Воистину, Гандальф ушел слишком быстро, слишком,

когда Царство Тьмы было еще очень далеко. Как им войти в него, Гэндальф не сказал. А может, и не мог сказать. Он рискнул однажды проникнуть в Северный оплот Врага, в Дол-Гулдур. Но в Мордор, к Огненной Горе, к Барад-Дуру, с тех пор, как воспрянул Черный Властелин — заходил ли он когда-нибудь туда? Фродо думалось, нет. И вот он, крохотный полуросли́к из Края, простой хоббит с тихой окраины, сидит здесь, надеясь отыскать путь там, где великие не могли — или не смели — пройти. Злая судьба. Но он сам взвалил ее на себя в собственной гостиной давней весной минувшего года, такой далекой сейчас, что она казалась частью рассказа о юности мира, когда Золотое и Серебряное Древа были в цвету. Это были тяжкие раздумья. Какой путь избрать? И зачем выбирать, если оба они ведут к ужасу и смерти?

День всё тянулся. Глубокая тишина нависла над маленьким оврагом, где они лежали — так близко от границ земли страха; тишина, ощутимая как толстое покрывало, отделившее их от окружающего мира. Над ними был свод бледного неба с плывущими дымками, но он казался высоким и дальним, будто они смотрели на него сквозь глубины полного тяжких дум воздуха.

Даже орел, парящий под солнцем, не заметил

бы хоббитов, сидящих молча, неподвижных, придавленных роком, кутающихся в тонкие серые плащи. Он задержался бы на миг, чтобы разглядеть Голлума — крошечную фигурку, распростертую на земле, — и, быть может, принял бы его за скелет ребенка.

Голова Фродо склонилась к коленям, а Сэм откинулся назад, вглядываясь из-под капюшона в пустое небо. Оно было пустым довольно долго. Потом Сэм решил было, что видит темный птичий силуэт, кружащийся, парящий и снова кружащийся. Появились еще двое и, наконец, четвертый. Они казались совсем маленькими — и тем не менее он почему-то знал, что они огромны — просто летают очень высоко. Он закрыл глаза и согнулся. Его скрутил страх — тот самый, которым веяло от Черных Всадников, обессиливающий ужас, что принесли вой ветра и затмившая луну тень, хоть сейчас он и не был таким невыносимо разрушающим: угроза была более отдаленной. Но это была угроза. Фродо тоже почуял ее: мысли его смешались. Он дрожал, но вверх не смотрел. Голлум свернулся, как сбитый паук. Крылатые тени взвыли и, быстро снизясь, унеслись назад в Мордор.

Сэм глубоко вздохнул..

— Снова-здорово! Теперь уж они в воздухе, — громко прошептал он. — Я их видел. Могли они нас углядеть, как по-вашему? Они были жуть как высоко. А ежели это Черные Всадники — так днем-то они не больно хорошо видят, так ведь?

— Они — нет, — сказал Фродо. — Но их кони видят. А эти крылатые твари, на которых они скачут теперь, — они, должно быть, зорче даже орлов… Они что-то высматривали; боюсь, Враг настороже.

Черный ужас отступил, но и окутавшая их тишина сломалась. Какое-то время они были отсечены от мира, будто сидели на невидимом острове; теперь они снова стали видимы, опасность вернулась. Фродо не говорил с Голлумом и выбора не сделал. Глаза его были закрыты, точно он спал или вглядывался в свою душу и память. Наконец он вздрогнул и поднялся и, казалось, готов уже заговорить и решить.

— Чу! — сказал он. — Что это?

Новый страх надвигался на них. Слышалось пение и громкие крики. Сперва они казались далекими, но они приближались. Всем троим пришло в голову, что Черные Всадники выследили их и послали вооруженных солдат схватить их: никакая скорость не казалась слишком боль-

ной для этих чудовищных слуг Саурона. Хоббиты съежились и прислушались. Голоса, лязг оружия и доспехов были совсем рядом. Фродо и Сэм обнажили маленькие мечи. Удирать было некуда.

Голлум медленно поднялся и на четвереньках подобрался к краю оврага. Он полз очень осторожно, фут за футом, пока не выглянул меж двух обломков скалы. Некоторое время он неподвижно лежал там, а голоса стали вдруг удаляться и смолкли вдали. Над валом Моранноном протрубил рог. Тогда Голлум соскользнул обратно.

— В Мордор пришли новые воины, — тихо доложил он. — Темнолицые, мы никогда раньше не видали таких людей, нет, Смеагол не видал. Они свирепые. У них черные глаза и длинные черные волосы, и золотые серьги в ушах; да, много чудненького золота. А у некоторых красные рисунки на щеках и красные плащи; и знамена у них красные, и древки копий; а щиты круглые, и желтые и черные, с большими шипами. Плохие, очень плохие и жестокие люди. Почти такие же плохие, как орки, но куда выше ростом. Смеагол думает, они пришли с Юга, из Пустынь за устьем Великой Реки: они двигались той дорогой. Они прошли к Черным Воротам; но могут прийти другие. Всё больше людей идет в Мордор; когда-нибудь все

народы соберутся за его стенами.

— Были там слониусы? — спросил Сэм, позабыв о страхе в жажде новостей о неведомых странах.

— Нет, никаких слониусов. Что такое слониус? — сказал Голлум.

— Их еще слонами называют… — Сэм встал, заложил руки за спину (как всегда, когда начинал «говорить стихами») и начал:

Серый, как мышь,
Дорос выше крыш,
Нос, как змея,
Трясу землю я,
Траву прибивая,
Деревья ломая,
С рогами во рту,
Люблю теплоту,
И хлопать ушами
Способен годами.
Топчусь и топчусь,
Никогда не ложусь,
И стоя умру
Однажды к утру.
«Слон» я зовусь недаром —

Толстый, высокий, старый.
Увидев меня хоть раз, —
Забыть не выйдет у вас.[3]
А кто не видел меня — не верь.
Я слон, я могучий зверь.

— Вот, — сказал Сэм, кончив читать. — Такой вот стишок есть в Крае. Может, чушь, а может — и нет. Но до нас, знаешь ли, тоже доходят истории и всякие новости с юга. В старину хоббиты тоже путешествовали. Возвращались, ясное дело, не все, и не всему, что они порассказали, можно верить. Даже и присловье пошло: в Усаде услышал — шесть раз проверь. Но я слыхал о высоких людях из пустынь. Мы зовем их чернегами; говорят, они ездят на слониусах, когда воюют. Они строят дома и башии на спинах слониусов, и те мечут друг в друга скалы и деревья. Поэтому, когда ты сказал: «Люди с Юга, все в красном и золоте», я спросил: «Были там слониусы?» Потому что если бы были — я вылез бы посмотреть, как бы там опасно не было. Но теперь я уж не надеюсь когда-нибудь встретить слониуса. Может, такого зверя и вовсе

[3] Примечания: 3
Причастный оборот в безличном предложении (подъезжая к станции, у меня слетела шляпа).

нет, — он вздохнул.

— Нет, не было слониусов, — снова сказал Голлум. — Смеагол не слышал о них. Он не хочет их видеть. Он не хочет, чтоб они были. Смеагол хочет уйти отсюда и увести чудненького хозяина. Славный хозяин, разве он не пойдет со Смеаголом?

Фродо поднялся. Он рассмеялся среди всех своих дум, когда Сэм выпалил старый стишок про слониуса, которым бабки и дедки потчевали хоббитят у камина, — и смех избавил его от колебаний.

— Хотел бы я, чтобы здесь была сейчас тысяча слониусов, и чтобы на первом — белом — ехал Гандальф, — проговорил он. — Тогда мы проломили бы себе дорогу в этой лиходейской земле. Но их нет; а есть только наши усталые ноги. Что ж, Смеагол, третья попытка, быть может, окажется самой удачной. Я пойду с тобой.

— Хороший хозяин, добрый хозяин, мудрый хозяин! — завопил в восторге Голлум, обнимая колени Фродо. — Славный хозяин!.. Тогда отдыхайте, миленькие хоббиты, отдыхайте в тени камней! Отдыхайте, да лежите тихо, пока не уйдет Желтый Лик. Потом мы сможем идти быстро. Тихо и быстро, как призраки, — так должны мы идти!

Глава 4
О травах и тушеном кролике

Несколько оставшихся дневных часов они отдыхали, передвигаясь вместе с тенью, пока наконец она не упала с западного края лощины, накрыв их овраг целиком. Тогда они немного поели и попили. Голлум не ел ничего, но с радостью принял воду.

— Скоро ее будет больше, — сказал он, облизываясь. — Хорошая вода бежит к Великой Реке, вкусная вода в землях, куда мы идем. Смеагол наестся там до отвала, да, да. Он очень голоден, да, голл! — он положил широкие ладони на ссохшийся живот, и бледный зеленый свет мелькнул в его глазах.

Были глубокие сумерки, когда они снова тронулись в путь, перебравшись через западный край лощины, и растаяли, как призраки, в ухабистом каменистом краю за дорогой. Оставалось три ночи до полнолуния, но луна еще не перевалила через горы, и ранняя ночь была темной. Одинокий багровый огонь горел высоко на Башнях Клыков, но ни звука не доносилось со стороны

Моранноном.

Многие мили багровый глаз, казалось, следил за ними — как они шли, спотыкаясь, по голой земле. Они не решились идти по дороге, но всё время держались слева от нее, стараясь не уходить далеко. Наконец, когда ночь подходила к концу и они утомились, потому что отдыхали лишь один раз, и то недолго, глаз превратился в пылающую точку, а потом исчез: они обогнули темный северный отрог пологих гор и направились к югу.

Хоббиты отдыхали, и на сердце у них было необъяснимо легко. Отдых был коротким. Для Голлума они шли недостаточно быстро. По его расчетам, от Моранноном до Перекрестка было около тридцати лиг, и он надеялся покрыть их за четыре перехода. Так что вскоре они опять двинулись и шли, пока рассвет не озарил серую пустыню вокруг. К этому времени они прошли почти восемь лиг, и хоббиты не смогли бы сделать ни шагу, даже если бы решились идти днем.

Разгорающийся свет открыл им уже не такой пустынный и разоренный край. Слева по-прежнему зловеще вздымались горы, но совсем рядом виднелась южная дорога, теперь соскользнувшая с черных подножий холмов и ведущая на запад.

Склоны над ней покрывали темные, как тучи, деревья, а вокруг них лежали луга, поросшие цветущим вереском, ракитником, кизилом и другими кустами, которых они не знали. Тут и там они видели группы высоких сосен. Сердца хоббитов забились сильнее, несмотря на усталость: воздух был свежим и ароматным и напомнил им далекие нагорья Северного Удела. Так приятно было отдохнуть, идя по землам, которые всего несколько лет как попали во власть Черного Властелина и еще не совсем пришли в упадок. Но путники не забыли ни об опасности, ни о Черных Воротах, которые были рядом, хоть их и скрывали мрачные холмы. Они высматривали укрытие, где могли бы спрятаться от злых глаз.

Время едва двигалось. Они лежали в вереске и считали долгие часы, не замечая перемен; потому что они были всё еще в тени Эфель-Дуафа, и солнце скрывала дымная пелена. Временами Фродо глубоко и мирно засыпал — то ли доверяя Голлуму, то ли слишком усталый, чтобы думать о нем; но Сэм считал, что не может себе позволить больше, чем дремать, даже когда Голлум совершенно явно спал, хныча и извиваясь во сне. Быть может, голод более, чем недоверие, не давал Сэму уснуть: он начал тосковать о куске домашнего

жаркого, «горячем кусочке из котелочка».

Как только землю окутала сумеречная серость, они снова вышли в путь. Голлум повел их вниз, на южную дорогу, и они зашагали гораздо быстрей, хоть опасность и возросла. Уши их ловили звук шагов или подков; но ночь проходила — а они так и не услышали ни конного, ни пешего. Дорога была проложена в незапамятные времена и восстановлена миль на тридцать от Мораннона, но, по мере продвижения на юг, пустошь все более вторгалась на нее. Работа людей древности всё еще виделась в ее прямом уверенном беге: то и дело она врубалась в склоны холмов или перепрыгивала речку по широкой красивой арке, кладка которой была крепка по-прежнему; но в конце концов все следы каменной работы исчезли — лишь сломанные столбы тут и там выглядывали из кустов, да древняя брусчатка пряталась меж мха и сорняков. Вереск, деревья и папоротник карабкались по берегам и стлались по земле. Наконец дорога стала заброшенным шляхом; но она не извивалась — была пряма, как и раньше, и уверенно вела их быстрейшим путем.

Так они миновали северные границы земли, которую люди некогда нарекли Ифилиэном

— дивной страны горных лесов и быстрых рек. Чудной ночью, под звездами и полной луной, шли они вперед, и хоббитам казалось, что воздух благоухает всё сильнее; из нытья и бормотания Голлума они поняли, что он тоже это заметил и что ему это вовсе не по вкусу. С первыми лучами дня остановились опять. Они подошли к концу длинного глубокого оврага с отвесными стенами, которым дорога прорубала себе путь сквозь каменную гряду. Путники вскарабкались на западный склон и осмотрелись.

День сиял уже вовсю, и они увидели, что горы остались далеко позади, длинным изгибом отступив к востоку. Хоббиты повернулись на запад — перед ними пологие склоны мягко сбегали в туманную мглу. Вокруг были рощицы смолистых деревьев: ели, кедры, кипарисы и еще какие-то, неизвестные в Крае; и всюду — изобилие трав и кустов. Долгий поход из Светлояра завел их далеко на юг от родных земель, но только здесь, в этом укрытом от непогоды краю, ощутили хоббиты перемену климата. Тут хлопотала весна: ростки пробивали мох и рыхлую землю, лиственницы озеленили пальцы, в дерне раскрывались первоцветы, пели птицы. Ифилиэн, сад Гондора, опустошенный сейчас, сохранил свое прежнее

очарование и походил на только что очнувшуюся от зимнего сна немного встрепанную дриаду.

На юг и запад тянулся он по теплым низинам Андуина, огражденный с востока щитом Гор Тьмы, но еще не под их тенью, с севера защищенный Эмин — Муилем, открытый южный вихрям и влажным морским ветрам. Там росло множество огромных деревьев, посаженных давным-давно, доживших до преклонных лет среди бунтующих беззаботных потомков; и рощи, и заросли кустарника — тамариска и едкого скипидарника, маслин и лавра; были там и можжевельник, и мирт, и тимьян, который растет кустами или заплетает камни гобеленами ползучих стеблей; шалфей вытянул к солнцу голубые, алые, бледно-зеленые цветы; и майоран, и дикая петрушка, и другие травы, о которых даже садовник Сэм Гискри слыхом не слыхивал. Гроты и скалистые стены поросли камнеломкой и очитком. В чаще орешника проснулись примулы и анемоны; из травы кивали полураскрытыми головками лилии и асфоделии; глубокие изумрудные травы окружали озера, где в прохладе отдыхали бегущие к Андуину ручьи и реки.

Путники сошли с дороги и спустились под гору. Пока они шли, расчищая себе путь, через траву и

кустарник, дивные запахи окутывали их. Голлум кашлял и давился; но хоббиты дышали полной грудью, и Сэм вдруг рассмеялся — легко и непритворно. Они шли по ручью, и вскоре он привел их к маленькому чистому озерку в неглубокой лесистой лощине: оно лежало в развалинах древнего каменного бассейна, раздробленный край которого почти целиком скрыли куманика и мох; мечи ирисов стояли вокруг, по темной воде плавали листья кувшинок, она была глубокой и прохладной, и тихо переливала через каменный край в дальнем конце водоема.

Путники вымылись под маленьким водопадом и напились досыта. Потом стали искать, где бы отдохнуть и укрыться; потому что этот край, всё еще прекрасный, был всё же землей Врага. Они отошли не так уж далеко от дороги, и однако даже на столь кратком расстоянии видели шрамы древних битв и свежие раны, нанесенные орками и другими прислужниками Черного Властелина: яму нечистот и отбросов; деревья, бессмысленно срубленные и брошенные умирать, с грубо вырезанными на стволах лиходейскими рунами или знаком свирепого Глаза.

Сэм, который ползал чуть ниже водопада, обнюхивая и ощупывая незнакомые травы и деревья,

совершенно позабыл о Мордоре — и внезапно постоянная опасность напомнила ему о себе. Он наткнулся на кострище — и увидел в центре его груду обугленных, искромсанных костей и черепов. Быстрая поросль шиповника и свисающего ломоноса уже набросила покров на место жуткой резни и пира, но оно не было давним. Сэм поспешил назад к товарищам, однако не сказал им ни слова: кости должны покоиться в мире, а не доставаться на обед Голлуму.

— Надо найти укромное местечко и залечь, — сказал он. — И, по мне, чем выше — тем лучше.

Чуть повыше озера они отыскали темно-бурое ложе прошлогодних папоротников. Над ними сошлись ветви лавра; кустарник карабкался на крутой откос, увенчанный старыми кедрами. Здесь они решили отдохнуть и провести день, обещавший быть ясным и теплым. В такой день хорошо было бы идти по рощам и лугам Ифилиэна; но, хоть орки и избегают дневного света, тут наверняка есть места, где они смогут устроить засаду; да и кроме них у Саурона немало прислужников. Голлум, во всяком случае, не собирался двигаться под Желтым Ликом. Скоро тот выглянет из-за хребтов Эфель-Дуафа, и Голлум заранее слабел и ежился.

Сэм был всерьез озабочен, где бы раздобыть чего-нибудь съестного — мысли эти занимали его всю дорогу. Теперь, когда отчаянье непроходимых Ворот было позади, он был совсем не склонен, подобно хозяину, откладывать думы о пропитании до конца похода; да и к тому же он считал, что не мешает поберечь эльфийский хлеб про черный день. Из трех недель, на которые он надеялся растянуть их скудные запасы, прошло уже шесть дней или около того.

«Ежели мы доберемся до Огня за это время — нам здорово повезет, — размышлял он. — А есть ведь еще и обратный путь!»

Кроме того, после долгого ночного перехода, выкупавшись и напившись, он был голоден, как никогда. Ужин или завтрак перед очагом в старой кухонке в Истербинке — вот чего ему хотелось больше всего на свете. И тут его осенило. Он повернулся к Голлуму. Голлум как раз собрался позаботиться о себе и торопливо уползал в папоротник.

— Эй! Голлум! — окликнул его Сэм. — Куда это ты? На охоту? Слушай, старый мошенник, ты нашу еду не признаешь, да и я был бы не прочь поесть чего другого.

Твое новое правило: «Всегда к вашим услугам».

Можешь ты раздобыть что-нибудь для голодного хоббита?

— Может, и смогу, — хмыкнул Голлум. — Смеагол всегда помогает, если его попросят — если его хорошенько попросят.

— Ладно уж, — сказал Сэм. — Я прошу. А если тебе этого мало — я умоляю.

Голлум исчез. Его не было довольно долго, и Фродо, пожевав лембас, зарылся глубоко в бурый папоротник и уснул. Сэм смотрел на него. Ранний свет только — только пробился под тень деревьев, но он ясно различал лицо хозяина и его спокойно лежащие на земле руки. Он вдруг вспомнил, как спал Фродо в замке Эльронда, после той страшной раны. Тогда, сидя у его постели, Сэм заметил, что его как бы озарял изнутри слабый свет; а теперь свет этот был еще сильней и ярче. Лицо Фродо было спокойно, следы страха и забот покинули его; но оно казалось древним, древним и прекрасным, будто долгие годы-ваятели покрыли его чудными штрихами, досель незамеченными, не изменив при этом ни черточки. Ясное дело, Сэм Гискри не думал такими словами. Он тряхнул головой, точно слова были не нужны, и пробормотал:

— Я люблю его. Что ж с того, что он такой и почему-то светится… Я всё равно люблю его.

Тихо вернулся Голлум и заглянул через Сэмово плечо. Взглянув на Фродо, он зажмурился и без звука уполз прочь. Чуть позже Сэм подошел к нему; он что — то жевал и бурчал себе под нос. Перед ним на земле лежали два маленьких кролика, и он жадно на них поглядывал.

— Смеагол всегда помогает, — сказал он. — Он принес кроликов — вкусненьких кроликов. Но хозяин заснул, и Сэм, наверное, тоже хочет спать. Кролики не нужны? Смеагол старался помочь, но он не может ловить их каждую минуту.

Сэм ничего не имел против кроликов; он так и сказал. Во всяком случае, против вареных кроликов. Готовить умеют все хоббиты, потому что начинают изучать это искусство прежде грамоты (до которой, к слову, дело порой вообще не доходит); но Сэм был повар, каких мало, даже по хоббичьим меркам, к тому же за время пути он неплохо освоил походную кухню. Ни на что не надеясь, он всё же тащил в мешке кое-что из кухонной утвари: небольшую металлическую коробку с трутом, сталью и кремнем; две маленькие кастрюли, меньшую в большей; в них лежали деревянная ложка, короткая двузубая вилка и несколько палочек для жарки мяса; и, упрятанной на самое дно, плоскую деревянную коробку с

драгоценнейшим сокровищем — щепоткой соли. Но ему нужен был огонь и кое-что еще. Он размышлял над этим, пока свежевал кроликов. Он не хотел ни на минуту оставлять спящего Фродо.

— Ну, Голлум, — сказал он, — вот тебе еще работенка. Отправляйся и наполни водой эти кастрюли.

— Голлум принесет воду, — согласился тот. — Но зачем хоббиту столько воды? Он напился, он умылся.

— Не твоя забота, — отрезал Сэм. — Если не можешь сообразить — скоро увидишь. Чем скорей принесешь воду — тем скорей увидишь. Да не утопи кастрюли, не то я из тебя котлету сделаю.

Пока Голлума не было, Сэм снова взглянул на Фродо. Он спал всё так же спокойно, но его худоба больно задела Сэма. «Совсем высох, — пробормотал он. — Куда ж это годится, чтоб хоббит таким худым был!.. Вот приготовлю кроликов — и разбужу его».

Сэм нагреб кучу сухих папоротников и полез по склону вверх, собирая прутья и сломанные ветки; упавший ствол кедра подал ему мысль. Он вырезал немного дерна у подножия склона близ папоротниковой чащи, сделал неглубокую яму и сложил туда топливо. Имея под рукой трут и

огниво, он быстро разжег маленький костер. Он почти не дымил, но благоухал на всю округу. Сэм как раз склонился над огнем, раздувая его и подкармливая веточками, когда вернулся Голлум, с великим бережением неся кастрюли.

Он поставил их наземь и вдруг заметил, что делает Сэм. Он тонко завопил и, казалось, был одновременно и рассержен и напуган.

— Ах-х! С-с-с, нет! — кричал он. — Нет! Глупые хоббиты! Дураки, да, дураки! Они не должны это делать!

— Делать — что? — удивленно обернулся Сэм.

— Гнус-сные крас-сные языки, — шипел Голлум. — Огонь, огонь! Он опас-сен, да, да. Он сжигает, он убивает! И он привлечет врагов, привлечет, привлечет!

— Не думаю, — сказал Сэм. — Не сможет он никого привлечь, если ты не кинешь в него сырую деревяшку. Но если и так — пускай. Я хочу сварить этих кроликов.

— Сварить кроликов! — в смятении квакнул Голлум. — Отравить чудесное мясо, которое добыл Смеагол, бедненький голодненький Смеагол! Зачем? Зачем, глупый хоббит? Они молоденькие, мягкие, вкусные. Ешь их, ешь! — он вцепился в ближайшего кролика, который был уже освеже-

ван и лежал у огня.

— Ну уж нет! — вырвал у него тушку Сэм. — Каждый по-своему. Наш хлеб поперек горла тебе, а сырые кролики — мне. Коли ты мне дал кролика, так он мой, понимаешь? Я могу с ним делать, что хочу, — жарить, парить, варить… И я сделаю. Ничего за мной шпионить. Отправляйся и лови еще, и ешь, как тебе нравится — только где-нибудь подальше отсюда. Тогда ты не увидишь огня, а я не увижу тебя, и сдается, ни ты, ни я плакать не станем. Я пригляжу за огнем, чтобы не дымил, если это утешит тебя.

Голлум перестал ворчать и улепетнул в заросли. Сэм занялся кастрюльками. «Что нужно хоббиту к кролику? — спросил он себя. — Немного трав и кореньев и, конечно, картошка — о хлебе я уж и не говорю. Травок мы сейчас раздобудем».

— Голлум! — тихо позвал он. — Третий раз за все платит. Мне нужны травки.

Голова Голлума вылезла из папоротников, но взгляд его был отнюдь не дружелюбным.

— Немного лаврового листа, тимьяна и шалфея — только побыстрей, пока вода не закипела.

— Нет! — сказал Голлум. — Смеагол не нравится. Смеагол не любит пахучих листьев. Он не ест ни травы, ни корней, нет, прелесть, пока не

заболеет, пока очень не заболеет, бедненький Смеагол!

— Смеагол угодит прямехонько в кипяток, как только закипит вода, — тихо зарычал Сэм, — если только не будет делать, о чем его просят. Сэм окунет его туда, да, да, прелесть. И я заставил бы его искать репу, и морковь, и картошку, будь сейчас другое время года. Бьюсь об заклад, здесь растет всё, что растет на свете! Чего бы я сейчас не дал за шесть картошин!..

— Смеагол не пойдет, нет, прелесть, не сейчас-с, — зашипел Голлум. — Он боитс-ся, и он очень ус-стал, а этот хоббит — нехороший, совсем нехорош-ший хоббит! Смеагол не будет выкапывать корни и морковь, и — картошины. Что такое картошины, а, прелесть, что это такое?

— Кар-то-фель, — сказал Сэм. — Старик мой его обожает, да это и правда лучшая набивка для пустого брюха. Но ты не найдешь ни одной, так что тебе их видеть не обязательно. Но будь хорошим, принеси мне травок, и я стану думать о тебе лучше. Даже больше: если ты исправишься, я на днях угощу тебя картошкой, угощу: рыба с жареным картофелем, приготовленная Сэмом Гискри. Не станешь же ты отказываться от этого.

— С-станем, с-станем. Травить вкус-с-сную

рыбку, жарить ее!.. Дай мне рыбку, да, сейчас, а картош-шины ос-ставь себе, мерз-ские карто-шины!

— Ты безнадежен! — махнул рукой Сэм. — Отправляйся спать!

В конце концов ему пришлось искать всё самому; но он не решался отойти далеко от спящего Фродо. Сэм сидел, задумавшись, и поддерживал огонь, пока не закипела вода. День разгорался, и воздух теплел; роса постепенно исчезала с трав и листвы. Вскоре разрезанные кролики кипели в кастрюльках вместе с пучками трав. Время тянулось медленно, Сэма клонило в сон. Он дал им повариться с час, то и дело помешивая и пробуя бульон.

Когда он решил, что всё готово, то снял кастрюли с огня и тихо подошел к Фродо. Фродо приоткрыл глаза, а потом и совсем проснулся — оборвалась еще одна мирная греза.

— Привет, Сэм! — сказал он. — Не спишь? Что-нибудь не так? Который час?

— Всего несколько часов, как рассвело, — ответил Сэм. — Ну, может, полдевятого или около того. По норгордским часам, конечно. Всё так, да не совсем так, как надо: ни приправ, ни луку, ни картошки... Я тут кое-что сготовил для вас,

господин Фродо: немного мяса и бульон. Подкрепитесь чуток. Придется, правда, хлебать из кружки или кастрюльки, когда остынет — я не захватил мисок.

Фродо зевнул и потянулся.

— Ты должен был отдохнуть, Сэм, — сказал он. — Да и жечь в этих местах костер очень опасно. Но я и вправду проголодался. Какой запах!.. А что ты сварил?

— «Подарочек от Смеагола», — голосом Голлума сказал Сэм. — Пару крольчат. Сам-то он их теперь в рот не возьмет. Кушайте, сударь, хотя какое это жаркое без травок?

Сэм и его хозяин сидели в самой чаще папоротника и ели из кастрюль варево, по-братски деля вилку и ложку. Они позволили себе лишь по кусочку эльфийской лепешки. Это был пир.

— Фью-ю-ю! Голлум! — позвал Сэм и тихо посвистал. — Передумывай, пока не поздно. Тут еще кое-что осталось, если хочешь попробовать тушеного кролика.

— Он, наверно, удрал ловить что-нибудь для себя, — сказал Сэм. — Мы можем доесть всё это.

— И потом ты поспишь, — когда Фродо говорил таким тоном, спорить с ним было бесполезно.

— Только вы уж не спите тогда, господин Фро-

до. Не верю я ему. Слишком уж крепко сидит в нем Скрытень — Голлум этот треклятый, если вы понимаете, про что я толкую, — и он опять берет верх. Не я буду, если он не попытается меня придушить. Мы с ним по-разному смотрим на вещи, и Сэм ему вовсе не по вкусу, нет, прелесть, вовс-се.

Они поели, и Сэм спустился к ручью ополоснуть посуду. Когда он поднялся, чтобы вернуться, он оглянулся на склон. Солнце проглянуло сквозь дымку, туман, марево, что бы это ни было, и протянуло золотистые лучи к лугам и деревьям. И тогда Сэм заметил дымную спираль, серо-голубую струйку, ясно видимую в солнечном свете, поднимающуюся из кустов над ним. С ужасом он понял, что это дым костра, который он забыл погасить.

— Быть не может!.. Никогда бы не подумал, что будет так заметно! — пробормотал он и заторопился назад. Вдруг он застыл и прислушался. Слышал он свист или нет? Или это был зов птицы? Если это был свист, то шел он не со стороны Фродо. А вот и опять — с другой стороны! Сэм со всех ног побежал в гору.

Он увидел, что маленькая головешка, догорев, подожгла папоротник, и этот папоротник дымит.

Он торопливо затоптал то, что осталось от костра, и закидал яму дерном. Потом подполз к Фродо.

— Слышали вы свист? — спросил он. — На него вроде и ответ был. Я, правда, надеюсь, что это всего лишь птица, но кто его знает: не больно похоже, скорее, будто кто птицей прикидывается. И, боюсь, костер мой дымил. Выходит, я беду — то накликал! Никогда себе не прощу!

— Тише ты! — прошептал Фродо. — Мне послышались голоса.

Хоббиты затянули мешки, надели их, готовые бежать, и заползли подальше в папоротник. Там они, прислушиваясь, прижались к земле.

Никакого сомнения: голоса. Они звучали тихо, затаенно, но были близки и всё приближались. Потом вдруг раздались совсем рядом.

— Здесь! Дым шел отсюда, — сказал один. — Они где-то рядом. В папоротнике, без сомнения. Мы их поймаем, как кроликов. Тогда и поглядим, что они такое.

— Ага, и что они знают! — подхватил второй.

Сразу четверо принялись с разных сторон прочесывать папоротники. Когда ни бежать, ни прятаться стало невозможно, Фродо и Сэм вскочили, став спиной к спине, и выхватили мечи.

Если они и были поражены увиденным, про-

тивники их были поражены не меньше. Четверо высоких Людей стояли вокруг. Двое сжимали копья с широкими блестящими наконечниками. У двоих были огромные, почти в их рост, луки и колчаны с длинными зеленоперыми стрелами. Все имели мечи и были одеты в зеленое и коричневое разных оттенков, словно для того, чтобы невидимыми бродить по Ифилиэну. На руках у них были зеленые перчатки, на затененных капюшонами лицах — зеленые маски, сквозь прорези которых смотрели суровые ясные глаза. Фродо сразу вспомнился Боромир — люди эти походили на него и обликом, и манерой говорить.

— Мы нашли не тех, кого искали, — сказал один. — Но кого же мы нашли?

— Не орков, — сказал другой, выпуская эфес меча, за который схватился, увидев Разитель в руках Фродо.

— Эльфов?.. — с сомнением предположил третий.

— Нет! Не эльфов, — сказал четвертый, самый высокий и, как оказалось, главный среди них. — Эльфы не станут бродить по Ифилиэну в эти дни. И эльфы дивно прекрасны — так говорят.

— В смысле, что мы — нет, сколько я понял, — влез вдруг Сэм. — Благодарю покорно. Но, может,

когда вы кончите нас обсуждать, вы скажете всё — таки, кто вы и почему не даете двум усталым путникам отдохнуть?

Высокий зеленый человек мрачно рассмеялся.

— Я — Фарамир, Капитан Гондора, — сказал он. — Однако в этой земле не бывает странников — только слуги Черной или Белой Крепости.

— Но мы не те и не другие, — возразил Фродо. — Мы именно странники, что бы ни говорил Капитан Фарамир.

— Тогда поспешите назвать себя и объяснить, что привело вас сюда, — потребовал Фарамир. — У нас много дел, а здесь не время и не место для загадок и долгих бесед. Ну же? Где третий?

— Третий?..

— Да, такая ползучая дрянь, мы его видели внизу. Вид у него отвратительный. Какой-нибудь орочий выкормыш, полагаю. Но он ускользнул от нас.

— Понятия не имею, где он, — пожал плечами Фродо. — Он лишь случайный спутник, и я за него не в ответе. Если он вам попадется, пожалейте его. Принесите или пошлите его к нам. Он всего лишь несчастное прогнившее создание, но я взял его на время под свою опеку. Что же до нас, мы хоббиты из Края, что лежит далеко на северо-западе, за

многими реками. Я зовусь Фродо, сын Дрого, и со мной мой слуга Сэммиус. Мы прошли долгий путь из Светлояра — или Имладриса, как его еще называют. — Фарамир вздрогнул и стал слушать внимательней. — У нас было семеро товарищей: одного мы потеряли в Мории, с другими расстались на Парф-Галене, за Рауросом. Двое из них — моего народа; был там и гном, и эльф, и двое людей. Это Арагорн и Боромир, который сказал, что пришел из Минас-Тирифа, города на юге.

— Боромир!.. — вскричали трое воинов.

— Боромир, сын Князя Дэнэтора? — молвил Фарамир, и лицо его странно посуровело. — Вы шли с ним? Это действительно новость, если только это правда. Знайте, маленькие незнакомцы, что Боромир, сын Дэнэтора, был Верховным Стражем Белой Крепости и нашим Капитаном: тяжко нам было потерять его. Но кто же вы тогда, и что вы с ним сделали? Поторопитесь, ибо солнце встает!

— Известны ли вам загадочные слова, что принес в Светлояр Боромир? — и Фродо проговорил нараспев:

Меч-что-был-Сломан найти сумей,
Он — Имладриса дар.

— Слова мне известны, — в изумлении сказал

Фарамир. — И то, что вы их знаете, говорит, что вы сказали правду.

— Арагорн, о котором я говорил, был хранителем Сломанного Меча, — продолжал Фродо. — А мы — полурослики, о которых говорит пророчество.

— Это я вижу, — Фарамир был в задумчивости. — Или вижу, что это может быть так. А что такое Проклятие Исильдура?

— Это скрыто, — отвечал Фродо. — Но в свое время, без сомнения, прояснится.

— Мы должны узнать об этом больше, — сказал Фарамир. — …И узнать, что занесло вас так далеко к востоку под тень, — он махнул рукой, но не назвал имени. — Но не теперь. Нас ждут дела. Вы в опасности, и не стоит вам идти сегодня дальше по дороге или по полю. Здесь будет жаркая сеча. Потом — смерть или быстрый отход за Андуин. Я оставлю двоих охранять вас, так будет лучше и для вас, и для меня. Мудрый не станет доверять случайным встречам в этом краю. Если мне суждено вернуться, я еще побеседую с вами.

— Прощай! — низко поклонился Фродо. — Думай что хочешь, но я — друг всех врагов Всеобщего Врага. Мы могли бы пойти с тобой, если только полурослики могут надеяться услужить чем-то

столь доблестному воину, каким кажешься ты, и если дело мое позволит. Свет да горит на ваших мечах!

— Полурослики — учтивый народ, кем бы они ни были, — проговорил Фарамир. — Прощай!

Хоббиты снова уселись, но не стали делиться друг с другом своими думами. Совсем близко, в пестрой тени лавра, остались двое стражей. Они то и дело снимали маски, чтобы охладить их, и Фродо видел, что они красивы; светлокожие, темноволосые и сероглазые, с лицами печальными и гордыми. Они тихо говорили о чем-то между собой, сначала на Всеобщем языке, только немного измененном, а потом перешли на другой язык, вероятно, родной. И тут, вслушиваясь, Фродо с удивлением понял, что говорят они на древнем эльфийском наречии или на языке, почти от него не отличимом. И он посмотрел на них с интересом, ибо понял тогда, что это дунаданы юга, потомки властителей Нуменора.

Немного спустя он заговорил с ними; но они отвечали медленно и осторожно. Они назвались Маблунгом и Дамродом, солдатами Гондора, они были лесными стражами Ифилиэна, потому что были роддом из племени, жившего здесь до того, как Ифилиэн был опустошен. Из таких людей

Князь Дэнэтор набирал летучие отряды, тайно пересекавшие Андуин (где и как — они не сказали), чтобы быстро налетать на бродящие между Эфель-Дуафом и Рекой орды врагов — и так же быстро скрываться.

— Мы редко заходим так далеко, — сказал Маблунг. — Но в этот раз у нас новое задание: мы пришли устроить засаду на харадримцев, будь они прокляты!

— Проклятые южане! — поддержал его Даррод. — Говорят, в старину между Гондором и их княжеством были какие-то дела, хоть дружбы и не было. В те дни наши границы лежали далеко на юге, за устьем Андуина, и Умбар, ближайшее из их владений, признавало нашу власть. Но это было давно. Много людских жизней минуло с тех пор. А недавно мы узнали, что Враг побывал у них, и они переметнулись к Нему — или возвратились, потому что всегда были готовы служить Ему, как многие на Востоке. Я не сомневаюсь теперь, что дни Гондора сочтены, и Минас-Тириф обречен, так велики Его сила и колдовская власть.

— И всё же мы не бездействуем и не позволяем Ему творить всё, что Ему вздумается, — возразил Маблунг. — Эти проклятые южане пришли по древним дорогам, которые проложили гондорцы.

И они шли не таясь — мы знаем об этом — считая, что власть их нового господина столь велика, что самая тень Его гор защитит их. Нам стало известно, что много харадримцев несколько дней назад ушло на север. И один из их полков должен возвратиться сегодня около полудня. Они пойдут по дороге над нами. Дорога-то пройдет, а они — нет! Никогда, пока Фарамир наш Капитан. Он первый в самых опасных делах. Но то ли он заговорен, то ли ему сужден другой конец.

Разговор оборвался. Казалось, всё стихло и насторожилось. Сэм притаился за краем папоротниковой чащи и осторожно выглянул. Его зоркие хоббичьи глаза разглядели множество людей: они карабкались по склонам, стараясь держаться в тени деревьев и кустарника, или ползли по траве, едва заметные в своих зеленых и коричневых одеждах. Все были в капюшонах, масках и перчатках, и вооружены, как Фара-мир и его товарищи. Вскоре они прошли мимо и исчезли. Солнце поднималось и было почти в зените. Тени укоротились.

«Хотел бы я знать, где этот окаянный Голлум? — думал Сэм. — Его или подстрелят, как орка, или поджарит Желтый Лик… Ну, а мне-то что за дело? Пусть сам о себе позаботится.»

Он улегся подле Фродо и задремал.

Разбудили его звуки рогов. Он сел. Перевалило за полдень. Настороженные гондорцы стояли в тени деревьев. Рога затрубили громче — откуда-то из-за склона. Сэму показалось, что он слышит еще и крики, и дикие вопли, но звуки были еле слышны. Потом вдруг шум битвы подкатился к убежищу. Сэм ясно слышал звон стали о сталь, лязг мечей на железных шапках, тупые удары клинков в щиты. Воины вопили и кричали, а один чистый голос восклицал:

— Гондор! Гондор!

— Будто сотня кузнецов в одной кузне, — шепнул Сэм Фродо. — И что-то мне не хочется знакомиться с ними поближе…

Но шум битвы приближался.

— Они близко! — крикнул Дамрод. — Глядите! Несколько южан прорвалось! Вон они!.. Наши их преследуют, Капитан впереди всех!

Сэм, желал видеть как можно больше, присоединился к стражам. Он вскарабкался на один из лавров — невысоко, конечно. И тут же увидел смуглых людей в красном, бегущих вниз по склону; за ними неслись одетые в зеленое воины и рубили тех, кого догоняли. В воздухе свистели стрелы. Внезапно прямо на краю их ложбинки

упал человек, подмяв тонкие деревца. Он лежал мертвый в папоротниках, лицом вниз, зеленое оперение стрелы дрожало над золотой гривной. Его алые одежды изорвались, панцирь из перекрывающих друг друга пластин был во многих местах прорублен, на черных, перевитых золотыми нитями волосах запеклась кровь. Темная рука все еще сжимала эфес меча.

Впервые видел Сэм, как Люди бьются с Людьми, и битва эта совсем ему не нравилась. Он был рад, что не видел лица убитого. Интересно, как его звали и откуда он пришел; и правда ли зло угнездилось в его сердце — или какая-то ложь или чары увели его из дому; и не лучше ли было ему прийти сюда с миром — все эти вопросы вспыхнули в сэмовой голове и унеслись прочь. Потому что, когда Маблунг подступил к телу, раздался новый звук. Громкие крики и вопли. Среди них Сэм расслышал пронзительный трубный рев. А за ним — глухие тяжелые удары, будто кто вколачивал в землю огромные сваи.

— Берегись! Берегись! — крикнул товарищу Дамрод. — Отойди! В сторону, в сторону! Мумак!

К своему изумлению, ужасу и восторгу, Сэм увидел, как из — за деревьев выломилась громадная тень и во весь опор помчалась вниз по

склону. Большой, как дом, куда больше, чем дом, показалась она ему — серой бегущей горой. Страх и удивление, быть может, увеличили его в глазах хоббита, но мумак и правда был гигантским зверем, и подобных ему не найти нынче в Средиземье; его племя, которое сохранилось и по сей день, — не более чем воспоминание о его размерю и величии. Он мчался вперед, прямо на зрителей, и свернул в сторону, не добежав нескольких ярдов, вздыбив землю у их ног; огромные ноги его были как деревья, чудовищные уши развернулись парусами, длинный хобот поднялся, как готовая к атаке змея, маленькие глазки горели яростью. Его загнутые клыки были увиты золотыми лентами и окрашены кровью. Ало-золотая попона, изодранная в клочья, хлопала его по бокам. Развалины того, что казалось военной башней, лежали на широкой спине, вдребезги разбитые во время пробега по лесу, а высоко на его шее всё еще держалась маленькая фигурка — тело могучего воина, великана-южанина.

Громадный зверь в слепой ярости несся через озерки и кустарники. Стрелы отскакивали и ломались о складчатую шкуру его боков, не причиняя вреда. Воины обеих сторон разбегались перед ним, но многих он повалил и затоптал.

Вскоре он скрылся с глаз, но долго еще доносились издалека топот и трубный рев. Что с ним сталось, Сэм никогда не узнал: спасся ли он и какое-то время бродил на воле, пока не умер вдали от дома; или добежал до Великой Реки, кинулся в нее и захлебнулся.

Сэм глубоко вздохнул.

— Это был слониус! Выходит, есть слониусы, и одного я видел. Ну и жизнь!.. Но дома-то мне всё равно никто не поверит, видь не видь. Ладно, если всё кончилось, я немного посплю.

— Спи, пока можно, — сказал Маблунг. — Но Капитан вернется, если он жив; а когда он придет, мы должны будем быстро отходить. За нами погонятся, едва весть о нашем походе достигнет ушей Врага, а это не замедлит.

— Уходите потише! — попросил Сэм. — Не будите меня. Я шел всю ночь.

Маблунг засмеялся.

— Не думаю, что Капитан оставит тебя здесь, мастер Сэммиус, — ответил он. — Но посмотрим.

Глава 5

Окно на Запад

Сэму казалось, что он продремал всего несколько минут, а когда он проснулся, то понял, что полдень давно миновал и Фарамир вернулся. Он привел с собой две или три сотни воинов — наверное, все участники набега собрались на склоне неподалеку. Они сидели широким полукругом, в центре которого на земле расположился Фарамир, а перед ним стоял Фродо. Всё это сильно смахивало на допрос пленника.

Сэм вылез из папоротника, но никто не обратил на него внимания, и он приткнулся на краю полукруга воинов, откуда ему всё было видно и слышно. Он внимательно смотрел и слушал, готовый каждую минуту кинуться на помощь хозяину. Он видел лицо Фарамира без маски: оно было повелительным и суровым, а за изучающими взглядами скрывался острый ум. С сомнением смотрели на Фродо спокойные серые глаза.

Скоро Сэм понял, что Капитана не устраивают объяснения Фродо: он хотел знать, какую роль играл хоббит в вышедшем из Светлояра Отряде; почему он оставил Боромира и куда он идет теперь. Особенно часто возвращался он к Проклятию Исильдура. Он ясно видел, что Фродо хочет

скрыть от него нечто чрезвычайно важное.

— Но именно с приходом Полуслика должно найтись Проклятие Исильдура, во всяком случае, так может быть истолковано пророчество, — настаивал он. — Тогда, если ты полуслик, о котором говорится, ты, без сомнения, принес эту вещь — что бы это ни было — на Совет, и там Боромир видел ее. Ты это отрицаешь?

Фродо не ответил.

— Так! — сказал Фарамир. — Тогда я хотел бы узнать о ней побольше; ибо всё, что касается Боромира, касается меня. Орочья стрела сразила Исильдура; так говорят древние предания. Но орочьих стрел множество, и вряд ли одна из них могла быть принята Боромиром Гондорским за знак Рока. Ты хранишь эту вещь? Она скрыта, сказал ты; но не потому ли, что ты хочешь скрыть ее?

— Нет, не потому, что я хочу этого, — отвечал Фродо. — Она не принадлежит никому из смертных, будь он великаном или полусликом; хотя, если кто — нибудь и мог бы потребовать ее, то только Арагорн, сын Арафорна, о котором я говорил, — вождь нашего Отряда от Мории до Рауроса.

— Почему он, а не Боромир, князь Гондора, что

был основан сыновьями Элендиля?

— Потому что Арагорн — прямой наследник самого Исильдура, сына Элендиля, и его меч — меч Элендиля.

Ропот изумления пробежал по кольцу воинов. Раздались громкие крики:

— Меч Элендиля! Меч Элендиля идет в Минас-Тириф! Великая весть!

Но лицо Фарамира было недвижимо.

— Может быть, — сказал он. — Однако такое утверждение требует ясных доказательств — и их потребуют, если этот Арагорн когда-нибудь придет в Минас-Тириф. Но он не приходил, как никто из твоего Отряда — так было шесть дней назад, когда я покидал город.

— Но Боромир удовлетворился этим утверждением, — возразил Фродо. — Честное слово, будь здесь Боромир, он ответил бы на все твои вопросы. А он был у Рауроса много дней назад и собирался идти оттуда прямиком в ваш город; и, может статься, ты узнаешь ответы, когда вернешься. Моя роль в Отряде известна ему, как и всем остальным, ибо была назначена мне самим Эльрондом из Имладриса перед всем Советом. С этой миссией пришел я сюда — однако не волен открыть ее никому вне Отряда. Но те, кто зовет

себя врагами Врага, не стали бы препятствовать мне.

Что бы Фродо ни чувствовал, говорил он гордо, и Сэм одобрял его; но Фарамира это не успокоило.

— Так! — снова произнес он. — Ты предлагаешь мне возвращаться домой и не лезть не в свое дело, а тебя оставить в покое. Боромир расскажет обо всём, когда придет. Когда придет, сказал ты! Друг ли ты Боромиру?

В памяти Фродо живо вспыхнуло видение: Боромир грозил ему; на миг он заколебался. Следящие за ним глаза Фарамира отвердели.

— Боромир был доблестным членом Отряда, — сказал Фродо наконец. — Да, я был ему другом.

Фарамир хмуро улыбнулся.

— Значит, ты опечалился бы, узнав, что Боромир мертв?

— Я опечалился бы, — ответил Фродо. И вдруг поймал взгляд Фарамира — и запнулся. — Мертв?! — переспросил он. — Ты хочешь сказать, что он умер и ты знаешь об этом?.. Ты пытался поймать меня на слове? Или обманываешь меня?

— Я не стал бы обманывать даже орка, — сказал Фарамир.

— Как же он мог умереть и как ты узнал об

этом? Ты только что сказал, что никто из Отряда не приходил при тебе в город.

— Что до того, как он умер — я надеялся, об этом расскажет мне его друг и товарищ.

— Но он был жив и полон сил, когда мы расставались. И он всё еще жив, сколько я знаю. Хотя в мире и правда немало опасностей.

— Истинно так, — кивнул Фарамир. — И предательство — не последняя из них.

Тревога и злость всё более захлестывали Сэма. Последних слов Фарамира он снести не мог и, кинувшись в центр круга, подбежал к хозяину.

— Прошу прощения, господин Фродо, — сказал он. — А только не имеет он права так с вами говорить. Вы ж идете и для него, и для этих Громадин — для всех, одним словом.

Слушайте, Капитан! — он встал перед Фарамиром, подбоченившись, с таким выражением лица, точно обращался к хоббитенку, посмевшему дерзко учить его уходу за садом. По кольцу прошел шумок, и некоторые зеленолицые воины приподнялись, всматриваясь: зрелище их Капитана, сидящего на земле нос к носу с кипящим яростью хоббитом, было для них чем-то совершенно невероятным. — Слушайте! — повторил Сэм. — К чему это вы клоните? Говорите прямо,

пока все орки Мордора не налетели на нас! Ежели вы думаете, что мой хозяин убил этого Боромира и удрал, так вы самый распоследний глупец; но давайте, обвините нас в этом — и дело с концом! Да не забудьте нам сказать, что вы собираетесь делать. Но, право слово, жаль, что народ, как говорят, дерущийся с Врагом, не дает другим делать то же — на свой лад. Ох, и обрадовался бы Он, если бы увидел вас сейчас! Чего доброго, решил бы, что у него завелись новые друзья.

— Терпение! — воскликнул Фарамир, но гнева в его голосе не было. — Не перебивай своего господина, чья мудрость выше твоей. И я не нуждаюсь в напоминаниях об опасности. Я трачу драгоценное время, чтобы судить справедливо. Будь я тороплив, как ты, — я давно уже убил бы вас. Потому что мне приказано убивать всякого, кто встретится мне в этом краю. Но я не убиваю без нужды ни людей, ни животных, и даже необходимое убийство не радует меня. И я не бросаю слов на ветер. Так что успокойся. Сядь возле хозяина и молчи!

Сэм, покраснев, тяжело опустился на траву. Фарамир вновь повернулся к Фродо.

— Ты спросил, как узнал я, что сын Дэнэтора умер. У вестей о смерти быстрые крылья. Слышал

присловье: «Кровь общая течет — ночь вести принесет?» Боромир был моим братом.

Тень скорби прошла по его лицу.

— Не помнишь ли какого-нибудь знака, вещи, которую нес с собой Боромир?

Фродо на миг задумался, опасаясь новой ловушки и дивясь, куда в конце концов повернула беседа. Он едва уберег Кольцо от властных гордых рук Боромира и не представлял, что будет делать сейчас среди стольких людей, воинственных и сильных. Однако он чувствовал, что Фарамир, хоть и походил внешне на брата, был менее эгоистичен, одновременно суровее и мудрее его.

— Я помню, Боромир нес рог, — вымолвил он наконец.

— Ты вспомнил верно; похоже, ты и правда видел брата, — сказал Фарамир. — Значит, ты сможешь увидеть его внутренним взором: большой рог дикого быка, оправленный в серебро, покрытый древними письменами. Из поколение в поколение рог этот носили старшие сыновья нашего дома; и, говорят, если он протрубит в нужде в пределах древнего княжества Гондор, — голос его будет услышан.

За пять дней до похода, одиннадцать дней назад, в этот час, я услышал зов этого рога: он шел

с севера, но был смутен, словно бы эхо отдалось в уме. Предвестием беды сочли мы это, мой отец и я, ибо мы ничего не знали о Боромире с того времени, как он ушел, и ни один из стражей на границах не видал его. А на третью ночь после того другая — и престранная — история приключилась со мной.

Я сидел ночью у Андуина, в серой тьме под бледной молодой луной, и глядел на вечнотекущие воды; печально шуршали камыши. Так мы всегда стережем берега рядом с Осгилиатом, который сейчас захватил Враг, и из которого он делает набеги на наши земли. Но этой полночью мир спал. И тогда я увидел — или мне показалось — плывущую по реке серебристо мерцающую лодку, маленькую лодку с высоким носом, и ею никто не правил.

Благоговейный трепет охватил меня, ибо слабое сияние исходило от нее. Но я поднялся и подошел к берегу, и вошел в воду, потому что меня тянуло к ней. Тогда лодка повернула ко мне и замедлила бег, и медленно проплывала мимо; я мог бы протянуть руку и коснуться ее, но я не дерзнул этого сделать. Она глубоко сидела в воде, словно тяжело нагруженная, и мне показалось, что она полна чистой водой, от которой шел свет;

и, погружен в воду, в лодке спал витязь.

Сломанный меч лежал на его коленях; я видел, что он жестоко изранен. То был Боромир, мой брат, — мертвый. Я узнал его снаряжение, узнал его любимое лицо. Одной лишь вещи не увидел я: рога. Одной лишь вещи не знал: дивного пояса, сотканного из золотых листьев.

«Боромир! — вскричал я. — Где твой рог? Куда идешь ты? О Боромир!»

Но он был мертв. Лодка вернулась на стремнину и, мерцая, уплыла прочь. Это было, как сон — и, однако, не сон, ибо пробуждения не было. И я не сомневаюсь, что он умер и уплыл по Реке в Море.

— Увы! — сказал Фродо. — Это на самом деле был Боромир, каким я его знал. Потому что золотой пояс был подарен ему в Лотлориэне Владычицей Галадриэлью. Это она одела нас в эльфийские плащи. Эта пряжка той же работы, — он дотронулся до серебристо-зеленоги листа, который скреплял ворот плаща.

Фарамир пригляделся к ней.

— Чудо как хороша, — сказал он. — И сработана столь же искусно. Так значит, вы прошли через Лориэн?.. Лаурелиндоренан звался он в древности, но давно скрыт этот край от глаз

людей, — тихо добавил он, с новым интересом пристально глядя на Фродо. — Я начинаю теперь понимать многое. Не расскажешь ли ты мне больше? Потому что горька мысль, что Боромир умер в пределах родной земли.

— Не могу я сказать тебе больше, чем сказал, — со вздохом ответил Фродо. — Хотя твой рассказ наполнил меня дурными предчувствиями. То, что явилось тебе, было, я думаю, видением, предвестием злой судьбы, что сбылась — или может сбыться. Если только это не лиходейская хитрость Врага. Я видел лики прекрасных витязей древности в омутах Гиблых Болот — но, быть может, это только чудилось мне под Его черными чарами.

— Это не так, — возразил Фарамир. — Его порождения наполняют душу отвращением — я же чувствовал печаль и жалость.

— Однако как могло произойти это на самом деле? — спросил Фродо. — Ни одной лодки нельзя перенести через каменистые нагорья от Тол-Брандира; и Боромир собирался идти домой через Энтицу и равнины Роханда. И как может любое судно миновать ярящуюся стремнину водопадов и не утонуть в кипящих омутах?

— Не знаю, — сказал Фарамир. — А откуда пришла лодка?

— Из Лориэна, — отозвался Фродо. — В трех таких лодках мы спустились по Андуину к водопадам. Они тоже сделаны эльфами.

— Вы прошли через Скрытые Земли, — проговорил Фарамир, — но, кажется, не сознаете их власти… Если люди встречают Царицу Чар, что живет в Золотом Лесу, — они не должны дивиться непонятному. Ибо опасно смертному ходить под тем солнцем, и немногие выходили оттуда такими же, как вошли, — так говорят древние предания.

Боромир, о Боромир! — вскричал он. — Что она сказала тебе, бессмертная Владычица? Что увидела? Что прочитала в твоем сердце? Почему пошел ты в Лаурелиндоренан, а не избрал свой путь, прискакав на рассвете в родной дом?..

Потом он опять повернулся к Фродо и снова заговорил спокойно:

— На эти вопросы, как я полагаю, у тебя есть ответы, Фродо, сын Дрого. Но отвечать тебе не здесь и не сейчас. А чтобы ты не думал, что рассказ мой — видение, я скажу тебе вот что. Рог Боромира вернулся — в яви, а не во сне. Рог вернулся, но разрубленным пополам, точно мечом или топором. Части его были найдены у берега: одна — стражами в камышах севернее порогов Энтицы, другую

выловили в потоке. Странный случай, но, как говорится, шила в мешке не утаишь.

И теперь боевой рог старшего сына — две половины его рога — лежат на коленях Дэнэтора, сидящего на троне в ожидании вестей. Так тебе нечего поведать мне о том, как был сломан рог?

— Я ничего об этом не знаю, — развел руками Фродо. — Но день, когда ты услышал его зов, если счет твой верен, был днем нашего расставания, когда мой слуга и я покинули Отряд. И теперь рассказ твой наполняет меня ужасом. Потому что, если Боромир попал в беду и был убит, то, значит, и все мои товарищи погибли. А они были мне друзьями и родичами.

Ты не отбросишь сомнений, не отпустишь меня? Я устал, мне грустно и страшно. Но я должен сделать дело, должен хотя бы попытаться — прежде чем тоже погибну. И надо торопиться, если двое полурослико в — всё, что осталось от Отряда.

Возвращайся же, Фарамир, доблестный Капитан Гондора, и защищай свой город, пока можешь, а мне позволь идти туда, куда влечет меня мой Рок.

— Наша беседа не успокоила меня, — сказал Фарамир. — Но ты, без сомнения, видишь в этом

большее лихо, чем есть. Если только народ Лориэна не пришел к нему — кто снарядил Боромира в последний путь? Не орки же и не прислужники Безымянного. Кто-то из твоего Отряда, думаю, жив до сих пор.

Но что бы ни случилось у Северного Предела — в тебе, Фродо, я больше не сомневаюсь. Если трудные дни научили меня судить о людях по их речам и лицам, то я могу понять и полурослико в! Хотя, — тут он улыбнулся, — есть в тебе что-то странное, Фродо, — эльфийский дух, быть может... Однако в нашей беседе скрыто больше, чем я сперва думал. Я должен был бы взять тебя в Минас-Тириф, чтобы ты ответил там Дэнэтору, и жизнь моя будет по справедливости отнята, если я сейчас изберу путь, гибельный для моего города. А потому я не стану решать второпях. Теперь же нам надо двигаться и без промедления.

Он вскочил на ноги и отдал какой-то приказ. Тотчас воины, что собрались вокруг, разбились на маленькие группки и разошлись, быстро исчезнув меж деревьев и скал. Вскоре на лужайке остались лишь Маблунг и Дамрод.

— Сейчас ты, Фродо, пойдешь со мной и моими стражами, — продолжал Фарамир. — По дороге на юг тебе не пройти. Несколько дней дорога

эта будет небезопасна, и следить за ней станут пристальней, чем всегда — после нашего набега. И сегодня, думаю я, вы всё равно не пойдете дальше, ибо устали. Устали и мы. Мы идем сейчас в тайное укрытие, немногим более десяти миль отсюда. Орки и шпионы Врага о нем покуда не знают — а ежели и отыщут — мы сможем продержаться там долго, даже против многих. Там мы отдохнем, и вы отдохнете с нами. А утром я решу, как мне лучше поступить.

Фродо не оставалось ничего, кроме как последовать этому приглашению — или приказу. Сейчас это казалось самым разумным, потому что набег воинов Гондора сделал путь по Ифилиэну куда более опасным, чем прежде.

Они двинулись: Маблунг и Дамрод впереди, Фарамир с Фродо и Сэмом сзади. Обойдя по краю озеро, где купались хоббиты, они пересекли поток и углубились в зеленые сумерки леса, что вел всё вниз и вниз — на запад. Шли небыстро, чтоб хоббиты поспевали, и всю дорогу приглушенно звучали голоса.

— Я прервал нашу беседу, — говорил Фарамир, — не только потому, что времени было в обрез, о чем мне любезно напомнил мастер Сэммиус, но и потому, что мы коснулись вещей,

которых лучше не обсуждать открыто. По этой — то причине я и свернул на разговор о брате, оставив на время Проклятие Исильдура. Ты не был откровенен со мной до конца, Фродо.

— Я не лгал; а сказал, что мог.

— Я не упрекаю тебя, — покачал головой Фарамир. — В трудном положении ты держался достойно и мудро. Но я узнал — или догадался — о большем, чем сказали твои слова. Ты не был расположен к Боромиру или, во всяком случае, не дружил с ним. У тебя, да и у мастера Сэммиуса, лежит на душе обида. Я нежно любил брата, и с радостью отомстил бы за его смерть, но я хорошо его знаю. Проклятие Исильдура — рискну предположить, что это оно легло меж вами и стало причиной раздора в вашем Отряде. Ясно, что это драгоценное наследие, которое, как о том и говорят древние предания, не принесет мира союзникам. Я попал в цель?

— Попал, — согласился Фродо. — Но не в яблочко. Раздора в Отряде не было, хотя были сомнения — сомнения, каким путем идти от Привражья. Но, как бы там ни было, древние предания предостерегают нас и об опасности неосторожных речей о таких вещах, как — наследия.

— Значит, всё и правда так, как я думал: обида

твоя связана лишь с Боромиром. Он хотел принести это в Минас-Тириф. Увы! Поворот судьбы запечатал твои уста — того, кто видел его последним, — и скрыл от меня то, что я жаждал знать: что было в его сердце и думах в те последние часы. Согрешил ли он, или нет, в одном я уверен: он умер хорошо, исполнив свой долг. Лицо его было более прекрасным, чем в жизни.

Но, Фродо, я долго мучал тебя расспросами о Проклятии Исильдура! Прости! Это было неразумно в тот час и в том месте. У меня не было времени подумать. Битва была тяжела, и мысли мои занимало иное. Однако, говоря с тобой, я слишком близко подошел к запретной теме, а потому вынужден был стрелять шире. Ибо многое из Древних Летописей сохранилось среди Правителей города, неизвестное чужестранцам. Мы не наследники Элендиля, хотя в нас и течет кровь нуменорцев. Мы ведем свой род от Мардиля — Наместника Короля, которого тот оставил за себя, уходя на войну. То был Князь Эарнур, последний из дома Анариона, он был бездетен и не вернулся с войны. С тех пор Гондором правят Наместники, хоть это и было много поколений назад.

Я помню, когда Боромир был еще мальчиком и мы вместе учили повесть о наших предках и

историю нашего города, его всегда задевало, что отец его — не Король.

«Сколько сотен лет надобно, чтобы сделать Наместника Королем, если Король не возвращается?» — спрашивал он.

«Немного — в землях, где королевское достоинство утрачено, — отвечал отец. — В Гондоре и десять тысяч лет ничего не изменят».

Бедный, бедный Боромир!.. Сказало ли тебе это что-нибудь о нем?

— Сказало, — кивнул Фродо. — Однако он всегда относился к Арагорну с почтением.

— Иначе и быть не могло, — сказал Фарамир. — Если, как ты сказал, он признал права Арагорна — он должен был очень почитать его. Но Отряд не пришел. Они еще не добрались до Минас-Тирифа.

Но я отвлекся. Мы — в доме Дэнэтора — знаем немало древних преданий, и еще больше собрано в наших хранилищах: книги и таблички, написанные на иссохшем пергаменте, камне, на золотых листьях неведомыми письменами. Некоторых из них не прочесть никому; другие читаются редко — и немногими. Я могу кое-что разобрать в них, ибо меня учили. Эти-то Летописи и привели к нам Серебристого Странника.

Впервые я увидел его, когда был ребенком, а с тех пор он приходил дважды или трижды.

— Серебристый Странник? — вздрогнул Фродо. — Было у него имя?

— Мы звали его по-эльфийски Мифрандиром, — отвечал Фарамир, — и он не противился. «У меня много имен в разных странах, — говорил он. — Мифрандир для эльфов, Таркун — для гномов; Олорином был я на Западе в дни позабытой юности. На Юге я Инканус, на Севере — Гандальф; на Восток я не хожу».

— Гандальф! — воскликнул Фродо. — Я так и понял, что это он, — Гандальф Серый, лучший из советчиков. Вождь нашего Отряда. Он погиб в Мории.

— Мифрандир погиб! — приостановился Фарамир. — Кажется, злой рок преследует ваш Отряд. Не верится, чтобы такой великий чародей — ибо много дивного сотворил он среди нас — умер, и столько мудрости покинуло мир. Уверен ли ты в этом и в том, что он сгинул, а не ушел, куда должен был?

— Увы — да! — сказал Фродо. — Я видел, как он канул в пропасть.

— Видно, за этим стоит долгая и мрачная повесть, — заметил Фарамир, — которую, быть

может, ты расскажешь мне вечером. Этот Мифрандир, как я понял теперь, был не просто книгознатцем — великий зачинатель дел, что творятся в наши дни. Будь он среди нас — он истолковал бы наш сон, и посланец бы не понадобился. Однако, быть может, он не стал бы этого делать, и Боромиру был сужден поход. Мифрандир никогда не говорил нам, что будет, никогда не открывал своих дум. Он получил от Дэнэтора разрешение — как, я не знаю, — заглянуть в тайны нашего Хранилища, и я кое-что узнал от него, когда он учил меня (бывало это, правда, нечасто). Он всегда искал и расспрашивал нас обо всём, что касалось Великой Битвы на Ратном Поле у Врат Мордора, где был повержен Тот, Кого мы не называем. И с большой охотой слушал он рассказы об Исильдуре, хотя о нем нам почти нечего было сказать, потому что ничего наверное не известно нам о его конце.

Фарамир перешел на шепот.

— Но об одном яузнал, или догадался, и до сих пор хранил в тайне в глубине сердца: Исильдур взял нечто из рук Безымянного, прежде чем навеки покинул Гондор… Здесь-то, думаю, и скрывался ответ на вопросы Мифрандира. Но тогда это казалось важным лишь для книгознат-

цев-знатоков древних преданий. Даже обсуждая таинственные слова из нашего сна, не думал я о Проклятии Исильдура и той вещи, как об одном и том же. Потому что Исильдур попал в засаду и был сражен орочьими стрелами: так гласит единственное известное нам предание, а Мифрандир никогда не говорил мне большего.

Что это за вещь — я не знаю; но, должно быть, она — наследие, таящее власть и опасность. Утраченное оружие, невольное завещание Черного Властелина. Если вещь эта дает преимущество в битве, я могу поверить, что Боромир, гордый и бесстрашный, подчас неосторожный, всегда стремящийся к победе Минас-Тирифа (и личной славе), возжелал ее и был завлечен ею. Зачем взял он на себя это дело?! Отец и старейшины должны были послать меня, но он вызвался сам, как старший и сильнейший — и не уступил бы.

Но не бойся! Я не взял бы этой вещи, лежи она у меня на дороге. Не взял бы, даже если бы Минас-Тириф обратился бы в развалины и один я мог бы спасти его, использовав оружие Черного Властелина к возрождению крепости и своей славе. Нет, такие победы не нужны мне, Фродо, сын Дрого.

— Не нужны они и Совету, — сказал Фродо. — Не нужны и мне. И я бы не поднял ее — да что

поделать?..

— Что до меня, — продолжал Фарамир, — я хотел бы увидеть Белое Дерево зацветшим вновь, и возвратившуюся Серебряную Корону, и Минас-Тириф в мире — древнюю крепость Минас-Анор, полную света, высокую и прекрасную, как королева среди королев: не повелительницу среди рабов, нет, даже не добрую повелительницу желающих того рабов. Война должна длиться, пока мы защищаемся против разрушителя, который жаждет попрать всё; но я не люблю ни меча за его остроту, ни стрелы за ее быстроту, ни воина за его славу. Я люблю ту, что они защищают: Крепость нуменорцев; я полюбил ее за ее память, за ее древность и красоту, за ее сегодняшнюю мудрость.

Поэтому не бойся меня! Я не стану просить тебя рассказывать мне о большем. Не стану даже спрашивать, попал ли я в цель. Но если ты доверишься мне, я, быть может, сумею дать тебе добрый совет в поисках — что бы ты ни искал — и даже… да, даже помочь тебе.

Фродо не ответил. Он почти решился попросить помощи и совета, рассказать этому печальному юноше, чьи речи казались столь мудрыми и прекрасными, обо всем, что лежало на сердце. Но что-то сдерживало его. Страх и скорбь грызли его:

если и правда они с Сэмом — всё, что осталось от Девяти Путников, то единственно верным будет сохранить их цели в тайне. Лучше незаслуженное недоверие, чем опрометчивые слова. Да и память о Боромире, о его ужасной перемене перед соблазном Кольца, оживала в хоббите, когда он смотрел на Фарамира. Они были непохожи — и очень близки.

Некоторое время они шли молча, серыми и зелеными тенями мелькая между старыми деревьями, и шаги их были беззвучны; над ними пели птицы, а солнце блестело на глянцевой листве вечнозеленых лесов Ифилиэна.

Сэм не принимал участия в беседе, хотя и слышал всё; в то же время он внимательно следил за неясными лесными шорохами вокруг. Он приметил, что за весь разговор имя Голлума ни разу не всплыло. Он тихо порадовался, хотя и понимал, что мало надежды не услышать его больше никогда. Скоро он понял, что, хоть и шли они одни, вокруг было множество воинов: не только Маблунг и Дамрод, но и по обе стороны — все быстро и тайно шли они к какому-то им одним известному месту.

Однажды, вдруг оглянувшись, будто чей-то взгляд кольнул его, Сэм поймал быстрый про-

мельк маленькой тени меж стволов. Он открыл было рот — и закрыл его. «Я не уверен, — сказал он себе. — И зачем мне напоминать о старом мерзавце, ежели им угодно забыть о нем? И не подумаю!»

Так они шли, пока лес не поредел, а тропка не повела под уклон. Тогда они снова свернули в сторону, вправо, и быстро подошли к маленькой речке в узком ущелье: той самой, что вдалеке вытекала из круглого озера, где купались хоббиты. Теперь она стала стремительным потоком, несясь в каменистом русле, а над ней склонялись падуб и темный самшит. Глядя на запад, они видели внизу в легкой дымке дальние долины и заливные луга, и мерцающую под закатным солнцем широкую ленту Андуина.

— Очень жаль, но мне придется быть неучтивым, — Фарамир остановился. — Надеюсь, вы простите того, кто настолько забыл о приказах учтивости, что не убил и не связал вас. Но ни один чужак, даже роандиец (а они бьются вместе с нами), не должен видеть пути, которым мы сейчас пойдем. Я должен завязать вам глаза.

— Как пожелаешь, — ответил Фродо. — Даже эльфы поступают так, и с завязанными глазами пересекли мы границы дивного Лориэна. Гном

Гимли, правда, разобиделся, но хоббиты снесли это спокойно.

— Место, куда я поведу вас, не столь прекрасно, — сказал Фарамир. — Но я рад, что не придется принуждать вас.

Он тихо позвал, и из теней деревьев выступили Маблунг и Дамрод и приблизились к нему.

— Завяжите гостям глаза, — велел Фарамир. — Надежно, но не причиняя беспокойства. И рук не связывайте. Они дадут слово не пытаться увидеть. Я позволил бы им просто зажмуриться, но глаз может открыться, если нога споткнется. Ведите их, чтоб они не упали.

Зелеными шарфами стражи завязали хоббитам глаза и надвинули капюшоны чуть ли не до рта; потом быстро подхватили каждого под руку и продолжали путь. Об этой последней миле Фродо и Сэм могли лишь догадываться. Немного спутся они поняли, что дорога круто снижается; вскоре она стала столь узкой, что они шли гуськом, задевая каменистые стены; стражи направляли их, крепко положив им руки на плечи. Тропа то и дело становилась неровной, и тогда их на время приподнимали, а потом ставили обратно. И всё время справа слышался шум воды, становясь громче и ближе. В конце концов они остано-

вились. Маблунг и Дамрод быстро повернули их несколько раз, так что они совсем потеряли представление о направлении. Они немного поднялись вверх: потянуло холодом, и шум голосов ослаб. Потом их подняли и понесли: вниз, вниз, длинной лестницей и за угол. Вдруг снова послышалась вода, теперь громко — она неслась и плескалась. Казалось, она вокруг, и хоббиты чувствовали легкий дождик на руках и щеках. Наконец их снова поставили на ноги. Мгновение они стояли так, почти испуганные, с повязками на глазах, не зная, где они и что их ждет. И все молчали. Потом совсем рядом раздался голос Фарамира:

— Пусть смотрят!

Повязки были сдернуты, капюшоны откинуты, хоббиты поморгали — и взглянули.

Они стояли на влажном полу из блестящего камня, на пороге грубо вырубленных в скале ворот, темно зияющих позади. А впереди ниспадала плотная завеса воды, так близко, что Фродо мог бы коснуться ее. Она была обращена к западу. Прямые стрелы заходящего солнца ломались о нее, и алый свет дробился множеством мерцающих переливчатых лучей. Будто они стояли у окна эльфийской башни, занавешенного покры-

валом из серебра и золота, унизанным рубинами, сапфирами и аметистами, охваченного незатухающим огнем.

— Мы пришли вовремя, и этот миг вознаградит ваше терпение, — промолвил Фарамир. — Это Зеркало Заката, Хеннет-Аннун по-нашему, красивейший из водопадов Ифилиэна. Немногие чужестранцы видели его… Однако позади не королевские палаты. И всё же входите!

Как раз когда он говорил, солнце село, и огонь угас в струящейся воде. Они повернулись, прошли под низким грозящим сводом и оказались в просторном горном гроте с неровным уступчатым потолком. Горели факелы, бросая смутный свет на мерцающие стены. Многие воины уже были там. Другие входили по двое — трое через низкую дверь в одной из стен. Когда глаза их привыкли к полутьме, хоббиты увидели, что пещера больше, чем они предполагали, и полна оружием и припасами.

— Ну, вот мы и в убежище, — сказал Фарамир. — Удобств немного, но здесь вы сможете спокойно отдохнуть. Тут сухо и есть еда, хоть и нет огня. Когда-то вода текла через эту пещеру, но древние мастера направили поток в ущелье, и он низвергается оттуда водопадом. Все дороги к этому гроту

были тогда скрыты под водой или запечатаны неведомым образом — все, кроме одной. Сейчас отсюда ведут два выхода: тот, которым провели вас, и через занавес Зеркала — в глубокую чащу, усеянную каменными кинжалами. А теперь отдохните немного, пока готовится ужин.

Хоббитов отвели в угол и указали на низкое ложе. Тем временем воины занялись делами — тихо, спокойно и быстро легкие столешницы были сняты со стен, положены на козлы и уставлены посудой. Она была простой, без украшений, но сделана добротно и красиво: круглые блюда, тарелки и миски из глазированной глины или точеного самшита, чистые и гладкие. Тут и там стояли блестящие бронзовые тазы; а перед креслом Капитана в центре стола был поставлен простой серебряный кубок.

Фарамир ходил меж воинов, тихо расспрашивая каждого входящего. Некоторые вернулись после погони за южанами; другие, оставленные разведчиками близ дороги, подошли позже. Пути каждого южанина были известны, и только о гиганте мумаке никто ничего не знал. У врага передвижений не было; даже орочьи шпионы не показывались.

— Ты ничего не видел, Анборн? — спросил Фа-

рамир у пришедшего последним.

— Нет, Капитан, — отвечал тот. — Ва всяком случае, не орков. Но я видел — или мне почудилось — что-то странное. Уже глубокие сумерки, всё и глазам видится большим, чем есть. Так что это, может, всего лишь белка, — Сэм навострил уши. — Однако белка эта была черной, и я не заметил хвоста. Она юркнула за ствол, когда я подошел, и быстро вскарабкалась вверх. Вы не позволяете нам без нужды убивать зверей, поэтому стрелять я не стал. Да и темно было, наверняка не прицелишься… Тварь спряталась в кроне. А я немного постоял — очень уж чудным мне всё это показалось, и поспешил сюда; а тварь шипела мне вслед. Может, и белка. Под вражью завесу могли явиться чудища из Лихолесья, а там, поговаривают, и черные бесхвостые белки водятся.

— Всё возможно, — нахмурился Фарамир. — Но это дурной знак. Пришельцам из Лихолесья нечего делать в Ифилиэне.

Сэму почудился быстрый взгляд в их сторону; но Сэм промолчал. Некоторое время они с Фродо лежали, глядя на свет факелов, а воины ходили взад и вперед, разговаривая приглушенными голосами. Потом Фродо вдруг заснул.

Сэм боролся со сном, всячески самого себя

уговаривая. «Может, и можно ему верить, — размышлял он. — А может, и нет. Сладкими речами и гнилую душу прикрыть можно... — Он зевнул. — Я мог бы проспать неделю, если бы мог. Но что ж поделать, ежели мне нельзя спать, ежели я один, а кругом столько Громадин? Придется тебе, видно, не спать, Сэм Гискри, ничего не попишешь». И это ему каким — то чудом удалось. Свет таял за дверями пещеры, и завеса падающей воды меркла, растворяясь в подступающих тенях. Вода всегда шумит, не меняя своего напева, будь то утро, или вечер, или ночь. Она бормочет и нашептывает сны. Сэм из всех сил тер глаза — и не спал.

Зажглось много факелов. Почали бочонок вина. Вскрыли бочки с едой. Воины принесли воды из-под водопада. Кое-кто ополаскивал руки в тазах. Широкую бронзовую чашу и кусок белого полотна поднесли Фарамиру, и он умылся.

— Будите наших гостей, — сказал он. — И дайте им воды. Время ужинать.

Фродо сел, зевнул и потянулся. Сэм, не привыкший к слугам, с некоторым удивлением глядел на высокого воина, который склонился, держа перед ним таз с водой.

— Поставьте его на землю, сударь, пожалуй-

ста, — попросил он. — И мне, и вам легче будет. — Потом, к удивлению и веселью людей, он окунул голову в таз и облил холодной водой шею и уши.

— В ваших краях принято мыть голову перед ужином? — полюбопытствовал прислуживавший хоббитам воин.

— Нет, перед завтраком, — ответил Сэм. — Но ежели вы засыпаете на ходу, холодная вода на шее — что дождик привядшему салату. Ну вот! Теперь-то уж я не засну за ужином.

Их подвели к сиденьям рядом с Фарамиром: бочонкам, покрытым шкурами и достаточно высоким, чтобы хоббитам было удобно. Перед едой Фарамир и все его воины повернулись к западу и мгновенье стояли молча. Фарамир знаком показал Фродо и Сэму, чтобы они поступили так же.

— Так мы делаем всегда, — объяснил он, когда все уселись. — Обращаемся к Нуменору, что был, к Благословенной Земле, что есть, и к тому, чего еще нет, но что будет. У вас нет такого обычая?

— Нет, — отвечал Фродо, чувствуя себя неотесанным деревенщиной. — Но если мы бываем в гостях, мы кланяемся хозяину, а после еды встаем и благодарим его.

— Мы поступаем так же, — сказал Фарамир.

После столь долгого пути, ночевок и дневок в

голой пустыне, вечерняя эта трапеза показалась хоббитам пиром: пить легкое золотистое вино, прохладное и душистое, есть хлеб с маслом и соленое мясо, и сухие фрукты, и красный сыр — есть чистыми руками и с чистых тарелок. Ни Фродо, ни Сэм не отказывались ни от чего, что предлагалось — ни от второй, ни от третьей порции. Вино растекалось по их жилам и усталым членам, и им было радостно и легко на душе — они не чувствовали ничего подобного со дня ухода из Лориэна.

Когда ужин кончился, Фарамир отвел гостей в нишу в конце пещеры, полускрытую занавесом; туда принесли кресло и два стула. Горел маленький глиняный светильник.

— Вы скоро захотите спать, — сказал Фарамир, — и особенно славный Сэммиус, который не сомкнул глаз до еды — то ли из страха притупить благородный голод, то ли из страха передо мной, не знаю. Но вредно спать сразу после еды: потом придется попоститься. Давайте немного побеседуем. На пути из Светлояра вам встречалось многое, о чем можно рассказать. И, быть может, вы заходите узнать что — то о нас и о землях, куда пришли. Расскажите мне о моем брате Боромире, о старом Мифрандире, о Дивном Народе

Лориэна.

Фродо совсем расхотелось спать и захотелось поговорить. Но, хотя еда и вино успокоили его, он не забыл об осторожности. Сэм улыбался во весь рот и бормотал что-то себе под нос, но когда говорил Фродо — слушал внимательно, изредка отваживаясь вставить одобрительное словечко.

Фродо рассказывал о многом, однако всё время старался отводить разговор от целей Отряда и от Кольца, подчеркивая доблестную роль, которую сыграл во всех их приключениях Боромир: с волколаками, в снегах Карадраса, в копях Мории, где погиб Гэндальф. Больше всего Фарамира задел рассказ о битве на Мосту.

— Боромира должно было злить бегство от орков, — заметил он. — Или даже от той свирепой твари, что ты назвал Балрогом, даже если он отступил последним.

— Он отступил последним, — сказал Фродо. — Был вынужден отступить; Арагорн торопился вывести нас. Он один знал дорогу после гибели Гэндальфа. Но не будь там нас, о ком надо было заботиться, — не думаю, что он или Боромир отошли бы.

— Быть может, было бы лучше, если бы Боромир пал там вместе с Мифрандиром, — задумчиво

проговорил Фарамир, — а не шел навстречу Року, поджидавшему его над порогами Рауроса.

— Может быть… Однако теперь ты расскажи мне о вас, — попросил Фродо, еще раз сворачивая в сторону. — Я хотел бы побольше узнать о Минас-Ифиле, и Осгилиафе, и стойком Минас-Тирифе. Есть ли надежда для твоего города в этой бесконечной войне?

— Есть ли надежда? — тихо проговорил Фарамир. — Мы давно простились с надеждой. Меч Элендиля, если он действительно вернется, сможет возжечь ее, но не думаю, чтобы ему удалось сделать большее, чем отодвинуть зловещий час, если только другая — нежданная — помощь не придет вместе с ним. Ибо Враг крепнет — мы же слабеем. Для моего народа настала безвёсная осень.

Нуменорцы широко расселились по побережью, но большею частью впали во зло и безумие. Многие были зачарованы Тьмой и черным колдовством; других одолели лень и беспечность, а некоторые дрались меж собой, пока, обессиленные, не были завоеваны дикарями.

Нигде не сказано, что гондорцы когда-нибудь творили лихо или поклонялись Безымянному Врагу; и древняя Мудрость и Красота, вынесенные

с Заокраинного Запада, долго жили во владениях сыновей Элендиля Прекрасного, и живы по сей день — хоть и недолго им осталось жить.

И всё же Гондор сам повинен в своем закате, впав постепенно в старческое слабоумие, считая, что Враг — которого лишь изгнали, но не уничтожили — сгинул навеки. Смерть царила всюду, ибо нуменорцы по-прежнему, как и в своем старом королевстве, жаждали вечной и неизменной жизни. Князья возводили усыпальницы более прекрасные, чем дома живых, и почитали древние имена в свитках своих родословных более дорогими, чем имена сыновей. Бездетные властители восседали в обветшалых дворцах, углубясь в геральдику; в тайных палатах ведуны составляли колдовские эликсиры или в высоких холодных башнях вопрошали звезды. И последний Король из дома Анариона не оставил наследника.

Но Наместники были мудрее и удачливее. Мудрее, ибо пополнили силы нашего народа за счет стойких жителей Приморья и бесстрашных горцев Эред — Нимраса. И они заключили перемирие с гордыми народами Севера, которые часто нападали на нас, воинами неистовой доблести и нашими дальними сородичами, непохожими на диких вастаков и жестоких харадримцев.

Во времена Кириона — Двенадцатого Наместника (а мой отец — Двадцать Шестой) — они впервые прискакали к нам на помощь и разгромили на Полях Келебранта врага, захватившего наши северные области. Это народ всадников, Повелителей Коней, как мы их называем; и мы отдали им во владение степи Каленардона, что с тех пор зовется Рохандом, ибо область эта почти не была заселена. И они стали нашими союзниками и всегда были верны нам, помогая в нужде и храня наши северные границы и Роандийский Проход.

Из наших учений и обычаев они взяли что пожелали, и их князья, если надо, говорят на нашем языке; однако большею частью они живут по законам своих отцов и говорят на собственном северном наречии. Мы любим их: высоких мужчин и прекрасных женщин, одинаково храбрых, золотоволосых, ясноглазых и сильных; они напоминают нам юность Людей, какими были они в Первую Эпоху. Наши книгознатцы утверждают, что между нами — идущее исстари родовое сходство, и что они произошли если не от самого Хадора Златовласа, Друга Эльфов, как нуменорцы, то от одного из его сыновей.

Ибо так делим мы Людские Народы в своих

Летописях, зовя их Высшими, или Западными, Рыцарями, какими были нуменорцы; и Срединными Народами, Сумеречными Витязями — таковы роандийцы и их северные сородичи; и Дикарями, Воинами Тьмы.

Однако сейчас, если роандийцы кое в чем сравнялись с нами, возвысившись в искусствах и великодушии, то мы тоже сравнялись с ними и едва ли можем зваться Высшими. Мы стали Срединными, Сумеречными Витязями, но с памятью об ином. Потому что, как и роандийцы, мы любим теперь войну и доблесть за них самих, как игру и цель; и хотя мы еще помним, что рыцарю должно иметь больше умений и знаний, чем одно искусство — владения оружием и одна наука — убивать, мы почитаем рыцаря именно за это и ставим его выше людей иного ремесла и иных знаний. Таково наше время. Таким был даже мой брат Боромир; доблестный воин, признанный за это лучшим человеком Гондора. И он был воистину доблестен: ни один из наследников в Минас-Тирифе не был столь неутомим в труде, столь отважен в битве, ни один не извлекал столь чистых звуков из Большого Рога… — Фарамир вздохнул и умолк.

— А ведь вы ничегошеньки не сказали про

эльфов, сударь, — Сэм вдруг расхрабрился. Он подметил, что Фарамир, кажется, относится к эльфам с почтением, и это больше, чем его учтивость, еда и вино, завоевало Сэмово уважение и уняло подозрения.

— Не сказал, мастер Сэммиус, — согласился Фарамир. — Я не знаток эльфийских преданий, но ты коснулся боли всего Средиземья — не одного Нуменора. Ибо, как ты, должно быть, знаешь, если Мифрандир был твоим спутником и ты говорил с Эльрондом, праотцы нуменорцев бились вместе с эльфами в первых войнах. Но потом Средиземье накрыла Тьма, и Черные Годы разобщили Людей и Эльфов — лиходейские уловки Врага да медленнотекущее время развели их. Сейчас люди боятся эльфов и не доверяют им, и знают о них немного. Мы в Гондоре такие же, как все, такие же, как роандийцы; ибо даже они, враги Черного Властелина, избегают эльфов и с ужасом говорят о Золотом Лесе.

Однако есть среди нас такие, что общаются с эльфами, и порой кое-кто тайно уходит в Лориэн — и редко возвращается. Не я. Потому что я считаю опасным для Смертного по своей воле искать Перворожденных. И все же я завидую вам — вы говорили с Белой Дамой.

— Владычица Лориэна! Галадриэль! — воскликнул Сэм. — Вы должны увидеть ее, сударь, право слово, должны. Я всего лишь хоббит, сударь, и дома приглядываю за садом, если вы понимаете, про что я толкую, и я не силен в поэзии — два-три смешных стишка не стихи, конечно, — так что я и объяснить-то вам ничего толком не сумею. Об этом надо петь. Вам бы с Бродником потолковать, с Арагорном то есть, или со старым господином Бильбо… А хотел бы я сложить о ней песню! Она красива, сударь! Прекрасна! Порой — как яблонька в цвету, порой — как белый нарцисс. Тверда, как алмаз, мягка, как лунный свет. Тепла, как солнечный луч, холодна, как свет со звезд. Горда и далека, как горная вершина, а уж веселей я никого не видал, с вплетенными в косы маргаритками… Но всё это чепуха, сударь, всё мимо цели.

— Тогда она действительно прекрасна, — проговорил Фарамир. — Опасно прекрасна.

— Не знаю я, где там опасность, — насупился Сэм. — Обидно, право слово обидно, сударь, что люди ждут опасностей от Лориэна и находят их там — те самые, что приносят в себе. Но, может, вы и назвали бы ее опасной, потому что она сильна и тверда. Вы… вы могли бы разбиться об нее на куски, как корабль о скалу, или утопнуть,

как хоббит в речке. Но вы ж не станете обвинять ни скалу, ни речку. Вот и Боро… — он осекся и покраснел.

— Да? «Вот и Боромир», — хотел ты сказать? — подстегнул его Фарамир. — Что ты хотел сказать? Он принес опасность в себе?

— Да, сударь, простите уж вы меня, и такой отличный человек, как ваш брат, с позволения сказать… Да вы ж это всё время чуяли, потому и выведывали. Так вот, я следил за Боромиром и слушал его всю дорогу от Светлояра — приглядывая за хозяином, как вы понимаете, и не желая Боромиру зла, — и вот что я думаю: в Лориэне он впервые ясно понял, чего ему желается. А желалось ему — с первой минуты — Вражье Кольцо!

— Сэм!.. — в ужасе вскрикнул Фродо. Он глубоко ушел в раздумья и вернулся внезапно — и поздно.

— Ох, вражья сила! — Сэм сперва побелел, как полотно, а потом залился алым. — Опять я, выходит, оплошал. «Когда тебе взбредет в голову открыть пасть — затыкай её ногой», — твердил мне мой старик и был прав… Что ж делать-то теперь?.. — бормотал он.

— Послушайте, сударь! — он повернулся, готовый встретить Фарамира со всем мужеством,

какое мог собрать. — Вы уж не гневайтесь на моего господина потому только, что слуга его — дурак, каких мало. Говорили вы красиво и заговорили мне зубы, толкуя об эльфах и обо всем таком. Но, как говорится, судят не по словам, а по делам. Пришел вам случай показать себя.

— Кажется, так, — медленно и очень тихо проговорил Фарамир со странной улыбкой. — Так вот как отгадываются загадки!.. Кольцо Всевластья, что считалось сгинувшим навек! И Боромир пытался силой завладеть им? А вы сбежали? И бежали всю дорогу — ко мне! И здесь, в пустыне, вы у меня: двое полуросликов, и мои воины, и Кольцо Колец! Дивный поворот судьбы!.. Случай Фарамиру, Капитану Гондору, показать себя! Ха!.. — он поднялся, высокий и суровый, его серые глаза сверкали.

Фродо и Сэм вскочили и вжались в стену, нащупывая эфесы мечей. Все воины замолчали и в удивлении повернулись к ним. Но Фарамир с мягким смехом вновь опустился в кресло — и вдруг опять стал печальным.

— Бедный Боромир! Испытание было слишком тяжким! — промолвил он. — Как же вы увеличили мою скорбь, вы — маленькие пришельцы из далекой страны, хранящие искушение! Но

вы худшие судьи людей, чем я — полурослико́в. Мы, гондорцы, не лжем. Мы редко хвалимся, а потом исполняем сказанное — или умираем, исполняя. «Я не взял бы его, лежи оно у меня на дороге», — сказал я. Даже если бы я был человеком, способным пожелать его — и пожалеть о своих словах, ибо я не знал тогда, о чем говорю, — я всё же считал бы свои слова клятвой и не нарушил бы их.

Но я не таков. Или я достаточно мудр, чтобы понимать, что есть опасности, от которых человек должен бежать. Всё в порядке. Успокойся, Сэммиус! Если ты считаешь, что оступился, — считай, что так было суждено. Сердце твое столь же проницательно, сколь преданно, и видит дальше глаз. Потому что, хоть это и кажется невероятным, мне ты можешь поведать о нем без опаски. Это только поможет твоему любимому хозяину. Это принесет ему пользу и помощь, если только это в моей власти. Поэтому успокойся. Но никогда больше не говори о нем вслух. Одного раза довольно.

Хоббиты вернулись к стульям и спокойно уселись. Воины вернулись к вину и беседе, поняв, что их Капитан и маленькие гости затеяли какую-то шутку и всё в порядке.

— Что ж, Фродо, теперь мы, наконец, поняли друг друга, — продолжал Фарамир. — Если ты взял это на себя не по своей воле, а по просьбе других, знай: я сочувствую тебе и преклоняюсь перед тобой. И я дивлюсь на тебя: хранить его и прятать — и не воспользоваться им. Неужто все твои сородичи таковы? Вы для меня новый народ и новый мир. Твоя земля должна быть землей мира и спокойствия, и садовники там должны быть очень почитаемы.

— Не всё ладно в наших краях, — ответил Фродо. — Но садовники у нас и правда в чести.

— Но люди устают всюду, даже в садах. А вы давно из дому и утомлены. Хватит на сегодня. Спите, спите оба — спокойно, если сможете! Не бойтесь. Я не хочу ни видеть его, ни трогать его, ни знать о нем больше, чем знаю (этого довольно), чтобы не оказаться в испытании ниже, чем Фродо, сын Дрого. Идите отдыхать — но сперва скажи мне, Фродо, если хочешь, куда лежит твой путь и что ты собираешься делать. Ибо я должен быть на страже, ждать и думать. Время уходит. Утром нам предстоит разойтись, и каждый пойдет своим путем.

Когда страх отпустил его, Фродо почувствовал, что дрожит. Огромная усталость облаком

накрыла его. Он не мог больше притворяться и скрытничать.

— Путь мой лежит в Мордор, — голос его был едва слышен. — Я должен идти в Горгороф. Я должен отыскать Роковую Гору и бросить его в огонь. Так сказал Гэндальф. Сам я не верю, что смогу добраться туда.

Фарамир смотрел на него широко раскрытыми глазами — печаль и изумление были в них… Внезапно Фродо пошатнулся. Фарамир легко подхватил его, отнес на ложе, уложил и тепло укутал одеялом. Хоббит мгновенно уснул.

Рядом с его ложем поставили еще одно — для слуги. Сэм заколебался было, потом поклонился до земли.

— Доброй ночи, господин Капитан, — сказал он. — Вы воспользовались случаем, сударь.

— Так ли? — спросил Фарамир.

— Да, сударь, и показали себя: выше я никого не видал.

Фарамир улыбнулся.

— Ты дерзок, мастер Сэммиус. Впрочем, нет — похвала от достойного похвалы превыше любой награды. Однако тут не за что хвалить. Я не мог поступить иначе, чем поступил.

— Ну и ладно, сударь, — сказал Сэм. — Вы ска-

зали, в моем хозяине эльфийский дух; сказано хорошо, а уж верно!.. Но вот что я вам скажу: и в вас ведь есть дух, сударь, и он напоминает мне… что ж, Гэндальфа… ну, Мудрых, одним словом.

— Возможно, — задумчиво проговорил Фарамир. — Возможно, ты учуял издалека дух нуменорцев. Доброй ночи!

Глава 6
Запретное озеро

Фродо проснулся и увидел склонившегося к нему Фарамира. Прежние страхи сжали его — он сел и отшатнулся.

— Бояться нечего, — ласково улыбнулся Фарамир.

— Уже утро? — спросил Фродо, зевая.

— Нет еще, но ночь близится к концу, и взошла полная луна. Не хочешь ли взглянуть на нее? И, кроме того, мне надо с тобой посоветоваться. Прости, что бужу тебя; ты пойдешь?

— Пойду, — Фродо, чуть дрожа, вылез из-под одеяла и шкур. В пещере было холодно. В спокойной тишине громко шумела вода. Хоббит набросил плащ и пошел за Фарамиром.

Сэм, разбуженный вдруг природным чутьем,

увидел, что ложе его хозяина пусто, и вскочил. И тут только заметил две темные фигуры — Фродо и человека — обрамленные аркой, теперь полной бледным светом. Он поспешил за ними мимо рядов спящих вдоль стен воинов. Выйдя из пещеры, он увидел, что Занавес стал теперь ослепительным покрывалом, сотканным из шелка, перламутра и серебра: тающие лунные сосульки. Но он не остановился полюбоваться ими, а свернул и последовал за хозяином через узкий проем в стене пещеры.

Сперва они шли темным проходом, потом вверх по многим сырым ступеням и вышли наконец на небольшую ровную площадку, вырубленную в скале и освещенную бледным небом, мерцающим далеко вверху сквозь узкую глубокую шахту. С площадки вели две лестницы: одна уходила вверх, к высокому берегу реки; другая сворачивала влево. Они пошли по ней. Лестница круто извивалась: казалось, они поднимаются на башню.

В конце концов они выбрались из каменной тьмы и огляделись. Они стояли на широкой ровной скале без ограды и перил. Справа, на востоке, падал стремительный поток, плеща по террасам, а потом, стекая крутым руслом, наполнял гладко

вырубленный канал темной силой пенной воды, клокочущей и ревущей у самых их ног — низвергался отвесно через край, что зиял справа. Там, у края, стоял воин и молча вглядывался вниз.

Фродо повернулся проследить за водяными струйками: они извивались и прыгали вниз. Потом поднял глаза и взглянул вперед. Мир был тих и холоден; близился рассвет. Далеко на западе садилась круглая белая луна. Белесая мгла мерцала в огромной долине внизу: водоворот серебристого пара, под которым катил спокойные ночные воды Андуин. Черная тьма вздымалась по ту сторону, и в ней тут и там просверкивали холодные, острые, далекие пики Эред-Нимраса, Белых Гор княжества Гондор, увенчанные вечными снегами.

Некоторое время Фродо стоял на высоком утесе, дрожа от холода, страстно желая узнать, где в огромности ночных земель затерялись его друзья: идут ли они, спят ли, лежат ли мертвыми в саване тумана. Зачем привели его сюда, вырвав из забвения сна?

Сэм задавал себе тот же вопрос и не смог удержаться от бурчания — слышал-то его, как ему казалось, один хозяин:

— Вид, конечно, красивый, господин Фродо, но

уж больно холодно — сердце и то зябнет, о костях я и не говорю. Дальше-то что?

Ответил ему Фарамир.

— Лунный закат над Гондором. Дивная Ифиль, уходя из Средиземья, смотрит на седые локоны древнего Миндоллуина. Чтобы увидеть это, стоит померзнуть. Но я привел вас взглянуть не на это — кстати, Сэммиус, тебя я не приводил, ты пожинаешь плоды собственной бдительности. Глоток вина вознаградит тебя… Идем посмотрим.

Он встал рядом с молчащим часовым, и Фродо подошел следом. Сэм попятился. Он и так чувствовал себя ненадежно на этой высокой сырой платформе.

Фарамир и Фродо смотрели вниз. Далеко под собой они видели белые воды, что падали в пенную чашу и темным водоворотом кружили в овальном, сжатом скалами водоеме, пока не вырывались через узкое ущелье и не убегали прочь, курясь и бурля — к спокойствию равнинных плесов. Лунный свет всё еще косо падал к подножию водопада и мерцал на ряби водоема. Вдруг Фродо заметил маленькую черную тварь на ближнем берегу, но едва он взглянул на нее, как она нырнула и исчезла в кипении водопада, рассекая темную воду так же легко, как стрела

или сорвавшийся камень.

Фарамир повернулся к воину.

— Что ты скажешь теперь, Анборн? Что это — белка или зимородок? Водятся ли в Лихолесье черные зимородки?

— Что бы это ни было, это не птица, — ответил Анборн. — У твари четыре лапы, и ныряет она вроде как человек; и мастерски ныряет, скажу я. Чего ей надо? Ищет путь за Занавес, в наше укрытие? Похоже, нас всё-таки выследили. У меня с собой лук, и я расставил стрелков не хуже себя на другом берегу. Мы ждем только вашего приказа, Капитан.

— Должны мы стрелять? — спросил Фарамир, быстро поворачиваясь к Фродо.

Тот задумался.

— Нет! — через мгновенье сказал он. — Нет! Умоляю вас!

Если бы Сэм решился, он закричал бы «Да!». Хоть он и не видел, но по разговору понял, о чем идет речь и кого они увидели.

— Значит, ты знаешь, что это за тварь? — полуутвердительно проговорил Фарамир. — Ну, теперь ты видел — объясни, почему мы должны жалеть его. За всю нашу беседу ты ни словом не обмолвился о своем мерзком спутнике, и я не

стал говорить о нем. Он мог подождать, пока его поймают и принесут мне. Я послал на поиски своих самых зорких охотников, но он ускользнул от них, и они ничего не знали о нем — кроме Анборна, видевшего его вчера вечером. Но теперь он согрешил больше, чем просто охотился за кроликами в холмах: он осмелился прийти к Хеннет-Аннуну — и поплатится жизнью. Но я удивлен: такая скрытная и лукавая тварь резвится в озере перед самым нашим окном. Он что, считает, что Люди спят без охраны? Что за странный поступок?

— Думаю, есть два ответа, — сказал Фродо. — Во-первых, он мало знает Людей и, хоть он и хитер, ваше убежище так искусно скрыто, что он понятия не имеет, что здесь есть люди. Во-вторых, его притягивает сюда властный зов, сильнее осторожности.

— Притягивает, сказал ты? — тихо переспросил Фарамир. — Может ли… знает ли он о твоей ноше?

— Знает. Он сам хранил его долгие годы.

— Он хранил его? — Фарамир часто дышал. — Воистину, чем больше узнаешь об этом деле, тем загадочней оно кажется! Значит, он охотится за ним?

— Может быть. Оно манит его… Но хватит об этом.

— Тогда что же он ищет?

— Рыбу, — усмехнулся Фродо. — Смотри!

Они взглянули на темное озеро. Маленькая черная голова показалась в дальнем конце водоема. Чуть взбурлила вода, пробежала легкая рябь… Голова подплыла к берегу, и из воды с удивительным проворством выбралась похожая на лягушку фигура и вскарабкалась на откос. Там она уселась и принялась грызть что — то маленькое и блестящее: последние лунные лучи освещали каменную стену на краю озера.

Фарамир тихо рассмеялся.

— Рыбу! — повторил он. — Этот голод не столь опасен. А быть может, и нет: рыба из озера Хеннет-Аннуна может стоить ему всего, что у него есть.

— Я держу его на прицеле, — вмешался Анборн. — Мне стрелять, Капитан? Для тех, кто приходит сюда незваными, у нас одно приветствие: смерть.

— Погоди, Анборн, — велел Фарамир. — Дело это сложнее, чем кажется. Что ты можешь сказать, Фродо? Почему мы должны щадить его?

— Тварь несчастна и голодна, — сказал Фро-

до. — И не знает об опасности. Гандальф — ваш Мифрандир — тоже просил бы вас не убивать его: и поэтому, и по другим причинам. Он запретил эльфам делать это. Почему — точно не знаю, и не здесь говорить, о чем я догадываюсь. Но эта тварь каким — то образом связана с Походом. Пока вы не нашли и не увели нас, он был моим проводником.

— Твоим проводником! — поразился Фарамир. — Дело становится всё более странным. Я многое сделал бы для тебя, Фродо, но этого допустить не могу: позволить этому хитроумному бродяге невредимым уйти отсюда, чтобы он потом встретился с тобой — или попался оркам и рассказал им под пыткой всё, что знает. Он должен быть убит или пойман. Убит, если его не удастся быстро поймать. Но что может перехватить эту скользкую многоликую тварь, кроме оперенной стрелы?

— Позволь мне тихо спуститься к нему, — попросил Фродо. — Можете держать луки наготове и стрелять, если я побегу. Но я не побегу.

— Иди и поторопись! — сказал Фарамир. — Если он останется жив, то должен будет служить тебе верой и правдой до конца своей злосчастной жизни. Проводи Фродо на берег, Анборн, да идите

потише: у твари есть нос и уши. Оставь мне лук.

Анборн заворчал и пошел вперед по винтовой лестнице до площадки, а оттуда — вверх по другой лестнице, пока наконец они не добрались до узкого прохода, скрытого густым кустарником. Тихо проскользнув сквозь заросли, Фродо оказался на гребне южного берега над озером. Было темно, и водопад смутно серел, отражая умирающую лунную зарю. Голлума видно не было. Фродо сделал несколько шагов, и Анборн неслышно догнал его.

— Иди, — он дышал в самое ухо Фродо. — Да держись подальше от берега. Свалишься — никто тебе не поможет, разве что дружок-рыболов. И не забудь, что лучники рядом, хоть ты их и не видишь.

Фродо крался вперед, как Голлум, касаясь земли руками, чтобы не оступиться. Скалы были ровными и гладкими, но скользкими. Он остановился, вслушиваясь. Сначала был слышен лишь немолчный шорох водопада. Потом — совсем близко — раздалось шипящее бормотание.

— Рыбка, вкус-сная рыбка… Белый Лик скрылс-ся, моя прелесть, скрылс-ся наконец, да. Мы можем спокойно с-скуш-шать рыбку… Нет, не с-с-спокойно, прелесть. Потому что Прелесть

потерялась; да, по-терялас-сь. Грязные хоббиты, гнус-сные хоббиты… Ушли и бросили нас, голлм; и Прелесть уш-шла… Бедный Смеагол совс-сем один… Нету Прелести. Мерзкие Люди, они взяли ее, стащ-щили мою Прелес-сть. Воры, вориш-ш-шки… Мы ненавидим их… Рыбка, сладкая рыбка… Сделает нас-с сильными. Сделает глаза зоркими, пальцы гибкими, да. Удавим их, прелесть. Вс-сех, вс-сех-х удавим… С-сладкая рыбка. Вкус-сная рыбка!..

Так оно и продолжалось, почти непрерывно, под шум водопада, с небольшими паузами, когда слышалось тихое чмоканье и бульканье. Фродо дрожал от жалости и отвращения. Больше всего на свете ему хотелось не слышать этого голоса. Анборн был недалеко, хоббит мог подойти к нему и попросить дать знак лучникам. Они, наверное, подобрались достаточно близко, пока Голлум булькал, забыв об осторожности. Лишь один верный выстрел — и Фродо навсегда избавится от жалкого голоса. Но нет. Он в ответе за Голлума. Хозяин всегда в ответе за слугу, даже если тот служит из страха. Они не прошли бы Гиблыми Болотами, если бы не Голлум. И потом, Фродо каким-то непонятным образом знал, что Гандальф не хотел бы этого.

— Смеагол! — тихо позвал он.

— Вкус-сная, вкус-сная рыбка, — сказал голос.

— Смеагол! — позвал он чуть громче. Голос смолк.

— Смеагол, хозяин пришел за тобой. Хозяин здесь. Иди сюда, Смеагол!

Никакого ответа, только тихое шипение, как затаенное дыхание.

— Иди сюда, Смеагол! — звал Фродо. — Мы в опасности. Люди убьют тебя, если найдут здесь. Иди скорей, если хочешь спастись. Иди к хозяину!

— Нет! — ответил голос. — Плохой хозяин. Бросил бедненького Смеагола. Уш-шел с новыми друзьями. Хозяин подождет. Смеагол не наелся.

— Нет времени, — настаивал Фродо. — Забирай рыбу с собой. Идем!

— Нет! Должен доесть рыбу.

— Смеагол! — безнадежно позвал Фродо. — Прелесть рассердится. Я возьму Прелесть и скажу: пусть он гложет кости и давится ими. Никогда не ест рыбы. Иди же, Прелесть ждет!

Раздался резкий шип. Из тьмы на четвереньках, как виноватый пес, выполз Голлум. Во рту он тащил недоеденную рыбу, и еще одна была у него в руке. Он приблизился к Фродо и обнюхал его.

Его белесые глаза сияли. Потом он вынул рыбу изо рта и встал.

— Славный хозяин! — прошептал он. — Славный хоббит, вернулся к бедненькому Смеаголу. Хороший Смеагол, пришел. А теперь идем, идем быстрей под деревья, пока Лики темны. Да, идем, идем!

— Мы скоро пойдем, — сказал Фродо. — Но не сразу. Я пойду с тобой, как обещал. И опять обещаю. Но не сейчас. Ты в опасности. Я спасу тебя, но ты должен поверить мне.

— Мы должны поверить хозяину? — с сомнением протянул Голлум. — Зачем? Где другой, ослушный хоббит? Где он?

— Там, наверху, — Фродо указал на водопад. — Без него я не пойду. Мы должны вернуться за ним.

Сердце его упало. Это был обман. Он не боялся, что Фарамир прикажет убить Голлума, но уж конечно свяжет его и бросит в темницу, и то, что делает сейчас Фродо, покажется предательством бедному вероломному созданию. Вряд ли он поймет когда-нибудь, что Фродо спас ему жизнь — и что это был единственный путь к спасению. Что еще может он сделать? Сохранить, насколько возможно, верность обеим сторонам.

— Идем, — позвал он снова. — Или Прелесть рассердится. Мы пойдем вверх по реке. Иди, иди же, ступай вперед!

Голлум прополз немного по кромке берега, принюхиваясь с подозрением. Вдруг он остановился и поднял голову.

— Тут кто-то есть, — сказал он. — Не хоббит. — Неожиданно он обернулся. — Ах-х-с-с-с, хозяин, — прошипел он. — Ш-ш-шутник! Обманщ-щик! Предатель! — он фыркнул и выбросил вперед длинные руки с белыми змеящимися пальцами…

…И в тот же миг огромная черная тень Анборна выросла у него за спиной. Тяжелая сильная ладонь легла ему на затылок и прижала к земле. Он извернулся с быстротой молнии, весь в жидкой слизи, извиваясь, как угорь, кусаясь и царапаясь, как дикий кот. Но из тьмы вышло еще двое воинов.

— Лежи смирно! — прикрикнул один. — Не то превратишься в ежа. Лежи смирно, говорю!

Голлум затих и принялся скулить и хныкать. Воины связали его и туго затянули веревки.

— Легче, легче! — сказал Фродо. — Он вам не соперник. Не пораньте его. Он уже успокоился. Смеагол! Они тебя не тронут. Я иду с тобой, тебе

не причинят зла. Или им придется сначала убить меня. Верь хозяину!

Голлум повернулся и плюнул в него. Воины подняли пленника, накинули ему на голову капюшон и понесли.

Фродо шел следом, чувствуя себя совершенно несчастным. Они прошли сквозь проход за кустами, вниз по лестницам и переходам — в пещеру. Горело несколько факелов. Воины взволнованно шевелились. Сэм был там, он бросил подозрительный взгляд на принесенный тюк.

— Поймали его? — шепнул он Фродо.

— Да… Хотя нет, я его не ловил. Он пришел ко мне, боюсь, потому, что впервые поверил. Я не хотел, чтобы его связывали. Надеюсь, всё обойдется; но всё равно это дело мне не по душе.

— Да и мне, — отозвался Сэм. — Ох, и хлебнем мы еще горя с этим куском несчастья, помяните мое слово! Обойдется… Как бы не так!

Подошел воин и отвел их в нишу в конце пещеры. Там уже сидел в кресле Фарамир, и над его головой горел светильник. Капитан кивнул на стулья рядом с собой.

— Вина гостям, — велел он. — И давайте сюда пленника.

Принесли вино, и тогда подошел Анборн, таща

Голлума. Он стянул покрывало с Голлумовой головы и поставил тварь на ноги, а сам встал позади. Голлум заморгал, пряча злость под тяжелыми веками. Он выглядел несчастнейшим созданием: мокрый, пропахший рыбой (одну рыбину он так и сжимал в руке); редкие волосы свисали ему на лоб, как сорная трава; он хлюпал носом, пуская сопли.

— Развяжите вас! Развяжите! — хныкал он. — Веревка ранит нас, да, ранит нас-с-с, а мы ведь ничего не сделали.

— Ничего? — Фарамир остро взглянул на злосчастную тварь, но на лице Капитана не было ни гнева, ни жалости, ни удивления. — Ничего? Неужели за всю жизнь ты не сделал ничего, заслуживающего наказания?.. Впрочем, не мне об этом судить — к счастью. Но сегодня ночью ты пришел туда, откуда уходят лишь мертвыми. Рыба из этого озера стоит дорого.

Голлум уронил рыбу.

— Не хочу рыбы, — сказал он.

— Дело не в рыбе, — продолжал Фарамир. — За один только приход сюда платят смертью. Я пощадил тебя по просьбе Фродо — он говорит, что чем-то тебе обязан. Но ты должен убедить и меня. Как твое имя? Откуда ты пришел? Куда идешь? И

по какому делу?

— Мы потерялис-сь, — заявил Голлум. — Нет имени. Нет дел. Нет Прелес-с-сти. Ничего нет. Одна пус-стота. Один голод; да, мы голодны. Несколько рыбок, маленьких, костлявых рыбок для бедненького создания, и они говорят: смерть. Они так мудры, так справедливы, так ужас-сно с-справедливы.

— Не так уж мудры, — проговорил Фарамир, — но справедливы; да, справедливы, насколько позволяет нам наша маленькая мудрость. Развяжи его, Фродо! — Фарамир вынул из-за пояса небольшой кинжал и протянул его Фродо.

Голлум решил, что пришел его последний час, пронзительно вскрикнул и валился.

— Сейчас, Смеагол, — сказал Фродо. — Верь мне. Я не оставлю тебя. Отвечай честно, если можешь. Тебе же лучше будет. — Он перерезал веревки на лодыжках и запястьях Голлума и поднял его на ноги.

— Подойди ближе! — приказал Фарамир. — Смотри на меня! Бывал ты здесь прежде? Знаешь, как зовется это место?

Голлум медленно и неохотно поднял на Фарамира белесые глаза. Свет их погас, они потускнели и мгновение были прикованы к ясным твердым

глазам гондорского воина. Стояла полная тишина. Потом Голлум отшатнулся, опустил голову и, дрожа, припал к земле.

— Мы не знаем и не хотим знать, — проскулил он. — Никогда не ходили сюда; никогда не придем опять.

— Темны комнаты в твоей голове, — устало сказал Фарамир. — И двери в них заперты, а окна наглухо закрыты. Но тут ты сказал правду. Тем лучше. Какую клятву ты дашь, что никогда не вернешься сюда сам и не укажешь дороги сюда никому живому — ни словом, ни делом?

— Хозяин знает, — Голлум искоса глянул на Фродо. — Да, он знает. Мы поклянемся хозяину, если он с-спасет нас. Поклянемся ему, да, — он подполз к ногам Фродо. — С-спас-си нас-с, добренький хозяин! — скулил он. — Смеагол обещ-щает, да, он обещ-щает Прелес-сти, он клянетс-ся, клянетс-ся! Никогда не придет, никогда не скажет, нет, никогда! Нет, прелесть, нет!

— Ты доволен? — спросил Фарамир.

— Да, — ответил Фродо. — Ты должен или принять эту клятву, или выполнить повеление закона. Большего ты не добьешься. Но я поклялся, что если он пойдет со мной, его не тронут. И мне не хочется быть вероломным.

Фарамир задумался.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я возвращаю тебя твоему господину, Фродо, сыну Дрого. Пусть он скажет, что сделает с тобой.

— Но, Капитан Фарамир, — молвил Фродо, кланяясь. — Вы еще не объявили своей воли касательно упомянутого Фродо, а до тех пор он не может строить планов для себя и своих спутников. Ваш суд был отложен до утра; но оно близко.

— Тогда я объявляю приговор, — Фарамир поднялся. — Что до тебя, Фродо, то данной мне властью я объявляю тебя свободным в княжестве Гондор — всюду до самой дальней из его древних границ; но только если ни ты сам, ни кто из твоих спутников не придет сюда без дозволения. Приговор этот будет действителен один год и один день, а потом действие его прекратится, если до тех пор ты не придешь в Минас-Тириф, чтобы предстать перед судом Князя-Наместника Гондора. Тогда я буду молить его утвердить этот приговор и сделать его пожизненным. Кого бы ты ни взял в это время под свое покровительство — он будет под моим покровительством и под защитой Гондора. Ты удовлетворен?

Фродо низко поклонился.

— Удовлетворен, — отвечал он. — И я всегда к

твоим услугам, если только это чего-нибудь стоит для человека такой высоты и благородства.

— Это стоит многого, — сказал Фарамир. — А теперь: берешь ли ты это создание, Смеагола, под свое покровительство?

— Я беру Смеагола под свое покровительство.

Сэм громко вздохнул. И не из-за учтивости, которую, как всякий хоббит, он очень даже одобрял. Правда, в Хоббитоне такое дело потребовало бы куда больше слов и поклонов.

— Тогда вот мое слово, — Фарамир повернулся к Голлуму. — Ты под угрозой смерти; но пока ты идешь с Фродо, можешь не бояться нас. Однако если когда-нибудь ты попадешься воинам Гондора без него — рок настигнет тебя. И пусть смерть поразит тебя, в Гондоре или за его пределами, если ты не будешь верно служить ему. А теперь отвечай: куда ты пойдешь? По его словам, ты был его проводником. Куда ты вел его?

Голлум не ответил.

— Я не потерплю, чтобы это осталось в тайне, — проговорил Фарамир. — Отвечай, или я изменю приговор!

Голлум молчал по-прежнему.

— Я скажу за него, — вмешался Фродо. — По моей просьбе он привел меня к Черным Воротам;

но там было не пройти.

— Нет открытых ворот в земли Врага, — заметил Фарамир.

— Видя это, мы свернули в сторону и пошли по южной дороге, — продолжал Фродо. — Потому что он сказал, что есть — или возможно есть — проход возле Минас-Ифиля.

— Минас-Моргула, — поправил Фарамир.

— Не знаю точно, — сказал Фродо, — но думаю, дорога уходит в горы в северном конце той долины, где стоит древний город. Она ведет вверх, к высокой расселине, а оттуда вниз к… к тому, что позади.

— Известно тебе название этого перевала?

— Нет, — Фродо был удивлен.

— Он зовется Кириф-Унголом, — Голлум резко зашипел и забормотал. — Разве не таково его имя? — резко спросил у него Фарамир.

— Нет! — квакнул Голлум, и вдруг взвизгнул, будто его ударили. — Да, да, мы слышали это имя. Но что нам до имени? Хозяин сказал, мы должны войти. И мы пытаемся войти. Пытаемс-с-ся. Другого пути нет, нет.

— Нет другого пути? Откуда ты знаешь? Кто изучал рубежи этой черной земли? — Капитан долго, задумчиво смотрел на Голлума. Потом

заговорил снова.

— Забери эту тварь, Анборн. Обращайся с ним мягко, но следи за ним… Не вздумай нырять в водопад, Смеагол. Там у скал такие зубы, что ты умрешь до срока. Оставь нас, да прихвати свою рыбу! Анборн вышел, и Голлум, ежась от страха, потрусил перед ним. Занавес опустился, скрыв нишу.

— Фродо, я думаю, ты поступаешь очень неразумно, — озабоченно проговорил Фарамир. — Мне кажется, ты не должен идти с этой тварью. Он лиходей.

— Нет, не совсем, — возразил Фродо.

— Не совсем, возможно, — неохотно согласился Фарамир. — Но злоба гложет его, как язва, а темные силы всё сильней. Дорога с ним — дорога к лиху. Если ты согласишься расстаться с ним, я дам ему охранный лист и провожатого до любого места в границах Гондора.

— Он не примет его, — сказал Фродо. — Он пойдет за мной, как шел всё время. И я уж не помню сколько раз обещал ему взять его под опеку и идти, куда он поведет. Ты же не станешь просить меня нарушить слово?

— Не стану, — вздохнул Фарамир. — Но сердце мое станет. Потому что посоветовать другому

нарушить слово кажется меньшим грехом, чем поступить так самому — особенно если видишь, что друг, пусть невольно, тянется ко злу. Но нет: если ему идти с тобой, ты должен мириться с ним. Но я считаю, тебе не следует идти через Кириф-Унгол, о котором он, кстати, сказал тебе много меньше, чем знает. Это многое я ясно ощутил в его голове. Не ходи к Кириф-Унголу!

— Тогда куда же мне идти? Назад, к Черным Воротам, — чтобы самому отдаться в лапы Вражьих стражей? Что ты знаешь об этом месте, почему имя его внушает ужас?

— Ничего определенного, — сказал Фарамир. — Мы в Гондоре не ходим по Восточному Тракту; никто из молодых никогда не ходил туда, как никто никогда не поднимался в Горы Тьмы. О них мы знаем лишь древние рассказы да слухи давно минувших дней. Но ущелья над Минас-Моргулом — обиталище темного ужаса. Если назван Кириф-Унгол — старики и книгознатцы бледнеют и умолкают.

Долина Минас-Моргула давно стала лихим местом и была угрозой и ужасом, пока изгнанный Враг таился вдали и Ифилиэн был в наших руках. Как ты знаешь, город этот был некогда величавой крепостью, гордой и прекрасной,

Минас — Ифилем, близнецом нашего города. Но его захватили свирепые воины, первые, кого покорил Враг, — после его падения они остались без господина и бродили бездомно. Говорят, повелители их были нуменорцы, впавшие в черное лиходейство: им Враг роздал Кольца Власти, и они стали живыми призраками, жуткими и зловещими. После Его бегства они захватили Минас-Ифиль и поселились там, и заполнили его и долину вокруг тлением: она кажется пустой, но не пуста, ибо развоплощенный ужас живет в разрушенных стенах. Там было Девятеро Владык, и после возвращения их Господина (которое они втайне готовили) они вновь обрели силу. А потом из ворот страха выехало Девятеро Всадников, и мы не смогли противостоять им. Не приближайся к их цитадели. Тебя выследят. Это место бессонной злобы, полное несмыкаемых глаз. Не ходи тем путем!

— Тогда куда же мне идти? — повторил Фродо. — Сам ты, по твоим словам, не можешь проводить меня даже до гор — а ведь мне нужно через. Я должен идти через горы, я связан обязательством перед Советом и должен отыскать путь — или сгинуть в поисках. А если я поверну назад, убоявшись трудного пути — как стану я

жить среди Людей и Эльфов? И куда я пойду? Допустишь ли ты меня в Гондор с этой Вещью — Вещью, что свела с ума твоего брата? Какие чары наведет оно на Минас — Тириф? Неужто два Минас-Моргула будут скалиться друг на друга через мертвые гнилые земли?

— Только не это! — содрогнулся Фарамир.

— Тогда что же ты посоветуешь мне?

— Не знаю. Но мне горько отпускать тебя на муки и смерть. И еще… думается, Мифрандир не выбрал бы этого пути.

— Однако с тех пор, как он погиб, я должен идти теми путями, какие могу отыскать. А долго искать некогда.

— Тяжек твой путь, — проговорил Фарамир. — Но прими от меня хотя бы предостережение: не доверяй своему проводнику. Убийство ему не в диковинку. Я прочел это в нем, — Он вздохнул. — Что ж, вот мы и расстаемся, Фродо, сын Дрого. Утешные речи ни к чему тебе: я не надеюсь увидеть тебя снова под этим солнцем. Но ты уносишь с собой мое благословление. Отдохни немного, пока вам готовят еду.

Мне очень хочется знать, как этот ползучий Смеагол заполучил Вещь, о которой мы говорили, и как он ее потерял, но я не стану тревожить

тебя. Если, вопреки всему, ты вернешься, и мы продолжим нашу беседу, сидя на солнце у стены и смеясь над старыми печалями, ты поведаешь мне об этом. До того времени — или какого-то другого, которого не увидеть даже во Всевидящем Камне Нуменора, — прощай!

Он поднялся, низко поклонился Фродо и, отдернув занавес, вышел в пещеру.

Глава 7
Путь к Перекрестку

Фродо и Сэм вернулись к своим ложам и лежали в молчании, отдыхая, покуда воины поднимались и начинали дневные дела. Немного погодя им принесли воду и пригласили к накрытому на троих столу. Фарамир разговелся с ними. Он не спал со дня битвы, однако не выглядел усталым.

Они поели и поднялись.

— Пусть голод не тревожит вас в пути, — молвил Фарамир. — Еды у вас было мало, но я велел положить вам в мешки немного снеди, годной для странников. Пока вы в Ифилиэне — недостатка в воде не будет, но не пейте ни из одной реки, текущей из Имлад-Моргула, Долины Терзаний. И вот еще что я должен сказать вам. Мои разведчики и

наблюдатели вернулись — все, даже те, которые подобрались к Мораннону. Они рассказывают странные вещи. Земли пусты. Ничто не движется по дороге; нигде не слышно ни шума шагов, ни сигналов боевых рогов, ни пения тетивы… Тишина нависла над Забвенной Землей. Я не знаю, что она предвещает. Но дело идет к развязке, и идет быстро. Грядет буря. Так спешите, пока можете! Если вы готовы — идем. Солнце скоро взойдет.

Хоббитам принесли их мешки (которые стали чуть тяжелее, чем были) и два крепких посоха из блестящего дерева, подбитых железом, с резными верхушками, сквозь которые были продеты плетеные кожаные ремни.

— Мне нечем одарить вас на прощанье, — сказал Фарамир, — но примите эти посохи. Они сослужат добрую службу тем, кто отправится в дикие горы. Ими пользуется народ Белых Гор; эти, правда, подрезали на ваш рост и подбили заново. Они сделаны из дивного дерева лебефрона, любимого резчиками Гондора, и на них наложено заклятие Торного Пути. Пусть же заклятие это не исчезнет и во Тьме, в которую вы вступаете!

Хоббиты поклонились.

— Любезнейший хозяин… — голос Фродо дрогнул. — Мне было предсказано Эльрондом, что

я найду в пути друзей, тайных и невидимых. Но такой дружбы, как твоя, я даже не надеялся встретить. И то, что она отыскалась, обращает лихо в великое благо.

Теперь они были готовы к расставанию. Голлума вытащили из какого — то закутка, и он казался более довольным, чем был, хоть и держался поближе к Фродо и избегал взгляда Фарамира.

— Твоему проводнику завяжут глаза, — сказал Фарамир. — Но тебя, Фродо, и твоего слугу Сэммиуса я освобожу от этого — если пожелаешь.

Голлум извивался, визжал и хватался за Фродо, когда к нему подходили с повязкой; и Фродо попросил:

— Завяжите глаза нам всем, и мне первому: может, тогда он поймет, что лиха не затевается.

Так и сделали, и вывели их из пещеры Хеннет-Аннуна. Миновав переходы и лестницы, они вдохнули прохладный утренний воздух, свежий и душистый. Всё еще в повязках они прошли еще немного вверх, а потом вниз пологим скатом. Наконец голос Фарамира приказал развязать им глаза.

Они опять стояли под кронами леса. Шум водопада не доносился сюда: его скрывал длинный южный склон и ущелье, в котором пенился по-

ток. С запада сквозь деревья лился мягкий свет, будто мир неожиданно кончался там, и крутой откос обрывался в небо.

— Здесь наши дороги расходятся, — сказал Фарамир. — Если вы примете мой совет, не сворачивайте пока к востоку. Идите прямо: тогда на многие мили лес прикроет вас. К западу от вас опушка выводит на обширные равнины — иногда крутым обрывом, иногда долгими холмистыми спусками. Держитесь ближе к этой опушке. В начале пути вы сможете идти даже днем. Земли дремлют в обманном сне; зло на время ушло. Прощайте же, и да будет удачен ваш путь!

Он обнял хоббитов по обычаю своего народа: склонился, положив руки им на плечи, и поцеловал каждого в лоб.

— Примите благословление всех добрых людей!

Они поклонились до земли. Капитан повернулся и, не оглядываясь, зашагал к стражам, которые стояли поодаль. Не успели хоббиты моргнуть, как зеленые воины исчезли. Лес, где только что стоял Фарамир, казался пустынным и мрачным, будто развеялся волшебный сон.

Фродо вздохнул и повернулся к югу. Точно выказывая пренебрежение ко всем этим цере-

мониям, Голлум копался в рыхлой земле меж корней дерева.

«Неужто голоден? — подумал Сэм. — Опять он за свое!»

— Ушли они наконец? — спросил Голлум. — Гнус-сные, злые люди! Шейка Смеагола болит до сих пор, нежная шейка! Идем!

— Да, идем, — отозвался Фродо. — Но если ты можешь только ругать тех, кто пожалел тебя — молчи!

— Чудненький хозяин! — кинулся к нему Голлум. — Смеагол пошутил. Он прощ-щает, да, да, всё прощ-щает, даже маленькие шуточки добренького хозяина. Да, да, хороший хозяин, хороший Смеагол!

Фродо и Сэм не ответили. Подняв мешки и взяв в руки посохи, они углубились в леса Ифилиэна.

Дважды за этот день они отдыхали и закусывали тем, что дал им в дорогу Фарамир: сухих фруктов и соленого мяса должно было хватить надолго. Голлум не ел ничего.

Солнце взошло, прошло невидимкою над головой и склонилось к закату; и свет меж деревьев на западе стал темно-золотым; а они всё шли в прохладном зеленом сумраке, и вокруг были тишина. Птицы то ли улетели куда-то, то ли

онемели.

Ранняя тьма опустилась на молчащие леса, и перед наступлением ночи путники остановились, усталые, потому что прошли более семи лиг от Хеннет-Аннуна. Фродо улегся и спокойно проспал всю ночь на мягкой земле под древним деревом. Сэму спалось не так хорошо: он то и дело просыпался, но Голлума видно не было — едва они улеглись, его и след простыл. Спал ли он в какой-нибудь норе неподалеку или бродил, крадучись, вокруг, он не сказал, но вернулся с первым лучом солнца и поднял спутников.

— Должны вставать, должны! — приговаривал он. — Идти ещ-ще долго, на юг и на вос-сток. Хоббитам надо спеш-шить!

Этот день был похож на предыдущий, как две капли воды, только тишина еще более сгустилась; воздух налился тяжестью, под деревьями становилось душно. Чувствовалось приближение грома. Голлум часто останавливался, нюхая воздух, а потом начинал бормотать и подгонять их.

Когда миновал полдень, лес поредел, деревья стали выше и ветвистей. Гигантские многообхватные каменные дубы стояли темные и важные на широких прогалинах, тут и там меж ними высились древние ясени, а буки — великаны

только что выгнали коричнево-зеленые почки. Вкруг деревьев лежали поляны зеленой травы, усеянные чистотелом и анемонами, белыми и голубыми, сейчас склоненными во сне; многие акры были покрыты листвой лесных гиацинтов: их гладкие колокольчатые стебли уже пробились сквозь рыхлую землю. Ни одной живой твари — ни зверя, ни птицы — не встречалось путникам, но в этих открытых местах Голлум отчаянно трусил, и они шли осторожно, перескальзывая из одной долгой тени в другую.

Когда они подошли к концу леса, быстро темнело. Они уселись под древним кривым дубом, чьи корни змеились вниз по крутому осыпчатому берегу. Глубокая мглистая долина лежала перед ними. На другой ее стороне вновь вставали леса, серо-голубые в сумерках, и уходили к югу. Справа, далеко на западе, раскаленно мерцали под озаренным огнем небом горы Гондора. Налево простерлась тьма: горные бастионы Мордора; и из этой тьмы вытягивалась длинная долина, крутым желобом спускаясь к Андуину. По ее дну бежал торопливый поток: сквозь тишину до Фродо доносился его перепев; а рядом, на ближней стороне, бледной лентой извивалась дорога, уходя вниз, в знобкий серый туман, нетронутый

закатными лучами. И там, вдали, Фродо почудились плывущие, как в тумане, высокие тусклые шпили и сломанные башни древней крепости, заброшенные и темные.

Он повернулся к Голлуму.

— Ты знаешь, где мы?

— Да, хозяин. Опасные места. Это дорога из Крепости Луны, хозяин, к развалинам города на берегу Реки. Развалины города, да, гнус-с-сное место, полным-полно врагов. Не надо было слушшать людских советов. Хоббиты уклонилис-сь далеко в с-сторону. Должны теперь идти на восток, вверх, вон туда, — он махнул тощей рукой к темнеющим горам. — А этой дорогой идти нельзя. Нет, нет! По ней ходит жестокий народ, народ из Крепости.

Фродо смотрел вниз на дорогу. Она казалась одинокой и покинутой, бегущей в туман к пустым руинам. Но в воздухе висело зло, точно и впрямь дорогой бродили незримые твари. Фродо содрогнулся, снова взглянув на дальние шпили, теперь тающие в ночи; голос воды был холоден и жесток: то был голос Моргулдуина, Реки Скверны, что текла из Долины Терзаний.

— Что будем делать? — спросил Фродо. — Мы шли долго и прошли много.

Найдем в лесу местечко, чтобы спрятаться и отдохнуть?

— Зачем прятатьс-ся ночью? — отозвался Голлум. — Сейчас-с не день, чтобы прятатьс-ся, хоббитам не нуж-шно прятатьс-ся.

— Слушай, ты! — сказал Сэм. — Хоббитам нуж-шно малость отдохнуть, даже если мы проспим до полуночи. Тебе и тогда хватит темноты, чтобы увести нас далеко, если ты знаешь дорогу.

Голлум неохотно согласился, и хоббит вернулся под деревья и прошел немного к востоку всхолмленной опушкой. Он не хотел отдыхать на земле, да еще так близко от «лиходейской дороги», и после недолгого спора все взобрались на развилку развесистого каменного дуба, вполне уютно устроившись среди толстых ветвей. Смеркалось, и под пологом дерева было совершенно темно. Фродо и Сэм немного закусили хлебом и сухими фруктами и отпили по глотку из фляг, а Голлум свернулся и тут же уснул. Хоббиты не смыкали глаз.

Было немногим больше полуночи, когда Голлум проснулся: они вдруг заметили его мерцающие белесые глаза. Он прислушивался и принюхивался — они уже знали, что так он по ночам определяет время.

— Мы отдохнули? Мы выспались? — осведомился он. — Тогда идем!

— Ни то, ни другое, — пробурчал Сэм. — Но мы пойдем, если время идти.

Голлум тут же спрыгнул с дерева, упав на четвереньки; хоббиты последовали за ним — правда, не так быстро и куда менее ловко.

Как только они спустились, Голлум снова повел их на восток, вверх по темным, отлого поднимающимся склонам. Почти ничего не было видно, силуэты деревьев можно было различить, лишь натыкаясь на деревья. Местность стала более пересеченной, идти становилось всё труднее, но Голлума это, казалось, ничуть не смущало. Он вел их сквозь кусты и поросшие куманикой пустоши; порой в обход глубокого оврага или темной ямы, порой вниз, в кустистые долины и снова вверх; но если спускались они ненамного, то противоположный склон всегда был длиннее и круче. Они неуклонно поднимались в горы. На первом привале они оглянулись — покинутый лес смутно виднелся позади, подобный огромной плотной тени темнее ночной тьмы.

По пустому небу расползалась пришедшая с Востока чернота, медленно пожирая слабые неясные звезды. Чуть позже из-за тучи вынырнула

ущербная луна, но она была окружена нездоровым желтым сиянием.

Наконец Голлум повернулся к хоббитам.

— Скоро день, — сообщил он. — Хоббиты должны поспешить. Опасно оставаться здесь днем без укрытия. Торопитесь!

Он прибавил скорость, и они устало последовали за ним. Вскоре начался подъем на крутой горный хребет. Он густо зарос дроком и черникой, и низким жестким боярышником, но там и сям попадались прогалины — шрамы недавних костров. Ближе к вершине кусты дрока стали гуще; они были очень старыми и высокими, тонкими у корней, но густыми вверху; и на них уже распустились желтые цветы, мерцающие в темноте и издающие слабый аромат. Колючие кусты были так высоки, что хоббиты шли прямо под ними, проходя через длинные иссохшие острова, устланные рыхлой колкой землей.

В дальнем конце этого обширного гребня они остановились и заползли под спутанный клубок боярышника. Искривленные сучья тянулись к земле, и их перехлестывала путаница старого шиповника. Глубоко внутри была пустота — впадина, устланная сухими ветвями и куманикой, укрытая первой листвой и весенними побегами.

Там путники и улеглись, слишком усталые, чтобы есть; и, глядя сквозь дыры в «крыше», ожидали, когда медленно разгорится день.

Но день не пришел — лишь гиблые бурые сумерки. На востоке, под низкими тучами, разлилось тусклое багровое зарево — то был не багрянец зари. Через смятые земли протянулись к ним Горы Тьмы, черные и бесформенные у подножий, где густо лежала не желающая уходить ночь, с зубчатыми вершинами и резко очерченными огненным сполохом острыми краями. Вдали справа вставал высокий горный отрог, мрачно темнея меж протянувшихся к западу теней.

— И куда же нам теперь? — спросил Фродо. — Это, что ли, вход в… в Моргульскую Долину — там, вдали, под той черной грядой?

— А к чему нам сейчас об этом думать? — отозвался Сэм. — Мы ж, наверное, никуда сегодня не двинемся, в этакий-то денек — его и днем-то не назовешь.

— Не назовешь, не назовешь, — сказал Голлум. — Но мы должны скоро идти к Перекрестку. Да, к Перекрес-стку. Так прош-шла дорога, да, хозяин.

Багровое зарево над Мордором угасло. Сумерки спустились и огромной туманной розой нависли

над ними. Фродо и Сэм поели и улеглись. Но Голлум не отдыхал. Их еды он в рот не брал, но воды выпил и теперь ползал под кустами, принюхиваясь и ворча. Потом он вдруг исчез.

— Сбежал охотиться, — отметил Сэм и зевнул. Была его очередь спать первым, и вскоре глубокий сон овладел им. Ему снилось, что он в саду Торбы — на-Круче, и ищет там что-то; но на спине его был тяжелый мешок, заставляющий его сгибаться. Вокруг почему-то бурно разрослись сорняки, а боярышник и орляк захватили грядки у изгороди.

— Ну и работки здесь, как я погляжу; а я так устал… — продолжал он говорить. И вдруг вспомнил, что ищет. — Моя трубка! — сказал он и проснулся.

— Дурошлеп! — обругал он себя, открыв глаза и удивляясь, почему лежит под изгородью. — Она же в твоем мешке!

Тут он сообразил; сначала — что трубка, может, и в мешке, а вот табаку там нет; а потом — что от Торбы его отделяют сотни миль. Он сел. Была непроглядная тьма. Почему хозяин позволил ему проспать до вечера, не разбудил вовремя?

— Вы что ж, совсем не спали, господин Фродо? — укоризненно и недовольно проговорил

он. — Сколько времени? Кажется, поздно…

— Нет, — откликнулся Фродо. — Но день становится темнее, а не светлее: темней и темней. Насколько я понимаю, еще нет и полудня, и спал ты не больше трех часов.

— Хотел бы я знать, что происходит, — сказал Сэм. — Неужто надвигается буря? Ежели так, она будет пострашней всех, какие мы видели. Хорошо, что мы в норе сидим, а не приткнулись под изгородью… — он прислушался. — Что это? Гром, что ли, или барабаны?..

— Не знаю, — ответил Фродо. — Это началось давным-давно. И земля иногда трясется, и уши словно бы закладывает.

Сэм огляделся.

— Где Голлум? Не приходил?

— Ни слуха, ни духу не было.

— Терпеть его не могу, — проворчал Сэм. — Честное слово, ничего другого не потерял бы с таким удовольствием. Но это как раз в его духе: потеряться именно сейчас, когда он нужен нам больше всего — если от него вообще была хоть какая-то польза, в чем я сомневаюсь.

— Ты забыл Болота, — сказал Фродо. — Надеюсь, с ним ничего не случилось.

— А я надеюсь, что он никого не предал. И

еще надеюсь, что он не попал в лапы к нашим врагам. Потому что если попал — нам несладко придется.

В это время снова послышались громовые раскаты, теперь громче и глубже. Земля мелко дрожала.

— Думаю, нам уже несладко, — мрачно заметил Фродо. — Боюсь, Поход подошел к концу.

— Может, оно и так, — спокойно сказал Сэм. — Но «где жизнь — там надежда», как говаривал мой старик; «а потому не мешает подкрепиться», как он всегда добавлял. Вот вы и подкрепитесь немного, господин Фродо, и поспите чуток.

Послеполуденное время — во всяком случае, Сэм полагал, что оно должно так зваться, — тянулось бесконечно. Выглядывая из укрытия, он видел лишь серо — коричневый призрачный мир, медленно тонущий в тусклой бесцветной мгле. Было душно, но не тепло. Фродо спал беспокойно, вертелся и метался. Дважды Сэму послышалось имя Гэндальфа. Время, казалось, застыло на месте. Вдруг Сэм услыхал шипение позади — это был Голлум на четвереньках, глядящий на хоббитов мерцающими глазами.

— Просыпайтес-сь, прос-сыпайтес-сь! Просыпайтесь, сони! — прошептал он. — Просыпайтесь!

Времени терять нельзя. Надо идти, да, надо идти тотчас-с-с. Времени терять нельзя!

Сэм подозрительно взглянул на него: он казался испуганным и взволнованным.

— Идти сейчас? Ты что удумал? Еще не время. Еще не время даже для чая — по крайней мере, в мирных краях, где пьют чай.

— Дурак! — зашипел Голлум. — Мы не в мирных краях. Время истощ-щается, да, время летит быс-стро. Нельзя терять времени! Мы должны идти. Просыпайтес-сь! — он уцепился за Фродо; и Фродо, вырванный из сна, вдруг сел и схватил его за руку. Голлум вырвался и отпрянул.

— Не надо быть глупыми, — шипел он. — Мы должны идти. Нельзя терять времени!

Ничего больше от него добиться не удалось. Где он был и какие надвигающиеся тучи заставляют его так спешить — он не желал говорить. Сэму все это казалось весьма подозрительным, и он этого не скрывал; но Фродо не обращал внимания на то, что творилось в Сэмовой душе. Он вздохнул, поднял мешок и приготовился выйти во всё густеющую тьму.

Совершенно бесшумно Голлум вел их вниз по склону, держась, где можно, под навесом кустов и перебегая, почти стелясь по земле, через откры-

тые места; но свет был теперь таким тусклым, что даже зоркому зверю пустыни трудно было разглядеть одетых в серые плащи и капюшоны хоббитов, а еще труднее — услышать их, идущих осторожно, как умеет ходить лишь их маленький народ. Ветка не хрустнула, не прошелестел лист — а они прошли и исчезли.

Около часа шли они молча, угнетенные мглой и тишиной этих земель, нарушаемой изредка слабым рокотом — будто где-то в дальней горной лощине гремели барабаны. Они спустились вниз и, повернув к югу, зашагали прямо — насколько прямой путь мог отыскать Голлум через длинный изломанный склон, что тянулся к горам. Вдруг, недалеко впереди, они увидели вздымающийся подобно черной стене пояс деревьев. Подойдя ближе, путники поняли, что они огромны и древни — и по-прежнему высоки, хотя вершины их были обожжены и обломаны, точно буря и огненный смерч пронеслись над ними, но не смогли ни убить их, ни вывороти ть их бездонные корни.

— Перекресток, да, — прошептал Голлум; то были первые его слова с тех пор, как они покинули убежище. — Мы должны идти той дорогой. — Повернув к востоку, он повел их по склону и потом — неожиданно — глазам их предстал Южный

Тракт, вьющийся вдоль внешнего края гор, пока не вливался в огромное кольцо деревьев.

— Это единственный путь, — сказал Голлум тихо. — Нет троп вне дороги. Нет. Мы должны идти к Перекрестку. Но торопитесь! И молчите!

Тайно, как разведчики во вражеском лагере, они прокрались вниз — на дорогу и заскользили вдоль ее западного края под каменистым склоном, сами серые, как камни, и бесшумные, как коты на охоте. Наконец они достигли деревьев и увидели, что стоят в большом кольце, открытом посередине навстречу пасмурному небу; промежутки меж необъятными стволами казались огромными темными арками рухнувшего дворца. В самом центре встречались четыре дороги. Позади путников лежала дорога к Моранноне; перед ними она начинала свой долгий путь к югу; справа карабкалась дорога из древнего Осгилиафа и исчезала на востоке за перекрестком — четвертый путь, дорога, которой им предстояло идти. Постояв с минуту, охваченный ужасом, Фродо понял, что сияет свет — он видел блеск его на лице Сэма. Повернувшись, он увидел за аркой ветвей дорогу к Осгилиафу, бегущую прямо, как натянутая лента, — всё вниз и вниз, на запад. Там, вдали, за печальным Гондором, сейчас скрытым

в тени, садилось солнце, отыскав наконец край огромного медленно катящегося покрова туч. Слабый свет упал на высокую сидящую фигуру, спокойную и важную, как Каменные Гиганты. Годы источили ее, неистовые руки искалечили ее. Головы не было, а на ее место положили большой грубо обтесанный камень, примитивно расписанный неумелыми руками — изображение оскаленного в ухмылке лица с багровым глазом во лбу. Колени, и трон, и весь пьедестал покрывали каракули, перемешанные с мерзкими эмблемами, какими пользуется народ Мордора.

Внезапно Фродо заметил освещенную косыми лучами голову древнего короля: она откатилась и лежала у обочины.

— Смотри, Сэм!.. — вскрикнул он громко. — Смотри! Корона вернулась к Королю!

Глазницы были пусты, а искусно вырезанная борода сломана, но вкруг высокого сурового чела сиял венец из золота и серебра. Длинная плеть с маленькими белыми цветами-звездочками обвила лоб, словно в знак почтения к павшему королю, а в трещинах его каменных волос мерцал желтый очиток.

— Им никогда не победить! — сказал Фродо.

И тут слабый свет вдруг потух. Солнце скрылось,

и будто дождавшись, когда угаснет светильник, опустилась непроглядная ночь.

Глава 8
Ступени Кириф-Унгола

Голлум дергал Фродо за плащ и шипел со страхом и нетерпением:

— Мы должны идти, — твердил он. — Не должны стоять здесь. Торопитесь!

Фродо неохотно повернулся спиной к западу и пошел за проводником во тьму Востока. Они оставили кольцо деревьев и побрели вверх по дороге к горам. Эта дорога сперва бежала прямо, но вскоре стала забирать вправо, пока не привела к тому самому отрогу, который путники видели издали. Мрачный и неприступный, высился он над ними — темнее черного ночного неба. Дорога вползала в его тень и, обойдя вокруг, снова устремлялась к востоку и круто карабкалась вверх.

Фродо и Сэм тащились с тяжелым сердцем, не в силах более думать об опасности. Голова Фродо склонилась; ноша его опять тянула его к земле. Едва они миновали Перекресток, вес ее, почти позабытый в Ифилиэне, снова стал расти. Теперь, чувствуя, как круто бежит ему под ноги дорога,

Фродо устало взглянул вверх; и тогда увидел его — как и говорил Голлум — город Призраков Кольца. Фродо съёжился на каменистом склоне.

Длинная наклонная долина, глубокий залив мглы, уходила далеко в горы. У дальнего края ее, высоко в горной седловине, на темных коленях Черных Гор стояли стены и башня Минас-Моргула. Темны были земля и небо вокруг него, но сам он был залит светом. Не плененным лунным светом, пробивавшимся некогда сквозь мраморные стены Минас-Ифиля, Крепости Восходящей Луны, дивно сиявшей в лунной долине. Бледнее лунного, затемненный какой-то медленной болезнью, дрожащим и дымным, как нездоровые испарения, был теперь этот трупный свет, освещающий ничто. В стенах и башни зияли дыры, как бессчетные черные окна, глядящие в пустоту; но на вершине башни медленно вращалась, сначала в одну сторону, потом — в другую, большая призрачная голова, всматриваясь в ночь. Какой — то миг трое путников стояли, дрожа, против воли глядя вверх. Голлум очнулся первым. Он снова настойчиво дергал их за плащи, но не говорил ни слова. Он почти тянул их вперед. Каждый шаг делался скрепя сердце, и время, казалось, замедлило бег, так что между поднятием ноги и

ее опусканием на землю проходили томительные минуты.

Они медленно подходили к белому мосту. Здесь дорога, слабо мерцая, пересекала реку в центре долины и шла дальше, извивами приближаясь к воротам города: черной разверстой пасти во внешнем круге северной стены. Широкие пустоши лежали по берегам, туманные луга, заросшие бледными цветами. Они были светящимися, красивыми и жуткими одновременно, как сумасшедшие видения кошмарного сна; и от них исходил слабый запах тления: воздух был полон им. Мост перепрыгивал с луга на луг. У его начала стояли искусно высеченные статуи — фигуры людей и животных, но все осквернённые и отвратительные. Вода текла тихо и курилась, но пар, что поднимался от нее, клубясь вкруг моста, дышал смертным холодом. Фродо ощутил, что чувства его тупеют, а разум омрачается. Потом, будто чья-то воля овладела им, он вдруг заспешил, неверными шагами стремясь вперед, вытянув ищущие руки; голова его качалась. Сэм и Голлум рванулись за ним. Сэм схватил хозяина в объятия, когда тот споткнулся и едва не упал — у самого порога моста.

— Не туда! Нет, не туда! — прошептал Голлум,

но дыхание, казалось, свистом прорезало тяжкую тишину, и он в ужасе скорчился на земле.

— Стойте, господин Фродо! — выдохнул Сэм в ухо хозяину. — Вернемся! Не туда. Голлум говорит: нет, и я впервые согласен с ним.

Фродо провел рукой по лбу и отвел глаза от города на холме. Светящаяся крепость манила его, он боролся с желанием помчаться вверх по светящейся дороге — к воротам. Наконец он с усилием повернулся и тут же почувствовал, что Кольцо сопротивляется ему, натянув цепочку; и глаза, когда он отвел их, на миг ослепли. Непроглядная тьма была перед ним.

Голлум, скорчившийся на земле, как испуганный зверек, исчез во мгле. Сэм поддерживал и вел спотыкающегося хозяина, спешившего за ним изо всех сил. Недалеко от ближнего берега в каменной ограде был проход. Они прошли сквозь него, и Сэм увидал узкую тропу, которая мерцала, подобно главной дороге, пока не погасала, карабкаясь по лугам предсмертников; дальше она вилась во тьме, уходя в северный конец долины.

Хоббиты с трудом шли рядом по этой тропе, неспособные разглядеть впереди Голлума, пока он не обернулся подогнать их. Глаза его светились бледно — зелеными сполохами, отражая, быть

может, трупный свет Минас-Моргула, или вспыхивая в ответ на какие-то движения в крепости. Этот призрачный свет и темные бойницы держали Фродо и Сэма в постоянном напряжении, заставляя то и дело оглядываться через плечо и отыскивать глазами темнеющую тропу. Они медленно двигались вперед. Когда они вышли из смрадных испарений отравленной реки, дышать стало легче, и головы немного очистились; но члены их налились теперь смертной усталостью, точно хоббиты всю ночь тащили тяжелый груз или переплывали реку с сильным течением. Они не могли сделать больше ни шагу.

Фродо остановился и сел на камень. Они взобрались на вершину большого горба голой скалы. Впереди был залив в склоне долины, и тропа обегала его по краю: широкий уступ с пропастью справа; по острому южному склону горы карабкалась она вверх, пока не исчезала во тьме.

— Я должен немножко отдохнуть, Сэм, — прошептал Фродо. — Мне тяжело, старина, очень тяжело. Интересно, далеко ли смогу я унести его?.. Но сейчас я должен отдохнуть, прежде чем полезу туда, — он указал вперед.

— С-с-с-сш, с-с-с-ш! — зашипел Голлум, подбегая к ним. — С-с-с-ш! — пальцы он прижимал к губам

и настойчиво тряс головой. Дергая Фродо за рукав, он указывал на тропу; но Фродо не двигался.

— Не сейчас, — сказал он. — Не сейчас… — Усталость и нечто большее, чем усталость, придавило его; казалось, тяжкое заклятье наложено на его дух и плоть. — Я должен отдохнуть, — пробормотал он.

При этом Голлумовы ужас и тревога стали столь велики, что он снова заговорил, прикрывая рот, словно хотел скрыть слова от невидимых слухачей:

— Не здесь, нет. Здесь нельзя отдыхать. Дурачьё! Глаза увидят нас. Когда они подойдут к мосту, они увидят нас. Идем отсюда! Вверх, вверх! Идем!

— Идемте, господин Фродо, — неожиданно поддержал Голлума Сэм. — Он ведь опять прав. Ни к чему нам тут оставаться.

— Ладно, — сказал Фродо издалека, точно в полусне. — Я попытаюсь, — он устало поднялся на ноги.

Но было поздно. Гора под ними дрогнула и затряслась. Оглушительный грохот прокатился в глубинах земли, и эхом откликнулись горы. Потом с опаляющей внезапностью полыхнуло багровое пламя. Далеко над восточными горами оно вонзилось в небо и озарило низкие тучи

темным огнем. В этой долине призраков и холодного мертвого света он казался нестерпимо неистовым и лютым. Вершины скал и хребтов, как зазубренные кинжалы, вырвались из густой тьмы, освещенные буйными сполохами над Горгорофом. Громко треснул гром.

И Минас-Моргул ответил. Ярко вспыхнули живые огни: ветви голубого пламени взметнулись из крепости и ближних холмов и взлетели к угрюмым тучам. Земля стонала; и из города донесся вопль. Смешавшись с резкими высокими голосами, похожими на голоса хищных птиц и пронзительным ржанием бешеных от ярости и ужаса коней, раздался раздирающий вой, дрожащий, поднявшийся до немыслимой высоты почти за гранью слышимого. Хоббиты обернулись на него — и повалились ничком, зажав уши.

Когда жуткий крик смолк, опав долгим болезненным стоном, Фродо медленно поднял голову. Пересекая узкую долину, стояли стены зловещего города, и его подобные пещере ворота были распахнуты настежь, как раскрытая пасть со сверкающими клыками. И из ворот выходило войско.

Все ратники были в саванах и черны, как ночь. На фоне тусклых серых стен и светящейся до-

роги Фродо отчетливо видел их — маленькие четкие фигурки, быстро и молча уходящие вдаль бесконечным потоком. Перед ними двигались конники, строй призраков, а во главе ехал один, больший, чем все: Всадник, весь в черном; шлем его венчала горящая недобрым огнем корона. Он был уже рядом с мостом, и Фродо впился в него глазами — ни моргнуть, ни отвести взгляд… Был ли то Предводитель Девятерых, вернувшийся на землю, чтобы вести в бой свое призрачное воинство? Да, несомненно, здесь был он — бледный король, чья холодная рука пронзила Хранителя Кольца смертоносным клинком. Старая рана налилась болью, леденящий холод пополз к сердцу Фродо.

Как раз когда эти мысли поразили его ужасом и сковали, точно заклятием, Всадник внизу вдруг остановился — он стоял у самого въезда на мост, и за ним стояло всё его войско. Повисла мертвая тишь. Может быть, Кольцо позвало Предводителя Призраков, или он забеспокоился на миг, ощутив чью — то чужую власть в своей долине.

Он медленно поворачивал темную, коронованную страхом голову, озирая тени невидящими глазами. Фродо ждал, как птица ждет приближения змеи, не в силах шевельнуться. И, пока

он ждал, он ощутил более властный, чем всегда, приказ надеть Кольцо. Но, хотя тяга была велика, он не собирался поддаваться ей. Он знал: Кольцо только предало бы его, и даже если бы Фродо надел его — у него недостало бы сил противостоять Моргульскому Королю. Его воля не подчинялась более этому приказу, хоть и была смята ужасом, и он чувствовал лишь, как давит на него извне огромная тяжкая сила. Она завладела его рукой и, точно Фродо следил за чем — то издалека, не желая этого, но в нерешительности, потащила ее к цепочке на шее. И тут вмешалась его собственная воля; она медленно, борясь, оттянула руку назад и заставила ее искать другую вещь, тоже укрытую на груди. Она казалась холодной и твердой, когда Фродо нащупал ее: Фиал Галадриэли, так долго хранимый, совсем позабытый до этого часа. Едва он коснулся его — мысли о Кольце развеялись. Он вздохнул и склонил голову.

В этот миг Призрачный Король повернулся, пришпорил коня и переехал мост. Его темное войско последовало за ним. Быть может, эльфийские капюшоны укрыли хоббитов от невидящих глаз, и дума его о маленьком враге, окрепшая было, истаяла в глубинах его памяти. Но он спешил. Час пробил, и по воле своего Властелина он шел

на Запад войной.

Скоро он отдалился, скрылся, как тень среди теней, уходя вниз, по извивам дороги, а позади него переходила мост черная рать. Такое огромное войско никогда со времен Исильдура не изливалось из этой долины; ни одна сила, столь жестокая и хорошо вооруженная, не штурмовала прежде переправы через Андуин; и однако это было всего одно — и не самое большое — из тех полчищ, которые сейчас слал вперед Мордор.

Фродо пошевелился. И внезапно потянулся душой к Фарамиру. «Буря наконец разразилась, — подумал он. — Все эти войска движутся к Осгилиату. Успеет ли Фарамир переправиться? Он догадывался об этом, но знал ли час? И кто сможет удержать броды, когда подойдет Предводитель Девятерых? А ведь следом придут еще армии… Я опоздал. Всё погибло. Слишком долго я мешкал. Все погибло. Даже если я сделаю, что должен, никто всё равно ни о чем не узнает. Мне некому будет рассказать. Всё впустую». Побежденный слабостью, он заплакал. Армии Моргула все шли через мост.

Потом далеко-далеко, будто вынырнув из воспоминаний о Крае, возникло раннее солнечное утро, когда на зов дня отворяются двери, и он

услыхал голос Сэма:

— Просыпайтесь, господин Фродо! Просыпайтесь!..

Добавь голос: «Завтрак на столе», — он вряд ли бы удивился. Сэм был настойчив.

— Просыпайтесь, сударь! Они ушли, — сказал он.

Донесся глухой лязг. Ворота Минас-Моргула захлопнулись. Последние ряды копейщиков скрылись за поворотом. Крепость всё так же скалилась на долину, но огонь в ней угас. Город вернулся во тьму и окутался молчанием. Однако по — прежнему он был бдителен и насторожен.

— Проснитесь, господин Фродо! Они ушли, и нам тоже лучше уйти. Здесь еще осталось что-то живое, что-то с глазами, какие-то зрячие духи, если вы меня понимаете; и чем дольше мы будем торчать на месте, тем скорей они нас высмотрят. Идемте, хозяин, идемте!

Фродо поднял голову и встал. Отчаянье не оставило его, но слабость прошла. Он даже мрачно улыбнулся, чувствуя сейчас, так же ясно, как мгновенье назад чувствовал обратное, что то, что он должен сделать, — он должен сделать, если сумеет, и неважно, узнают ли об этом Фарамир, или Арагорн, или Эльронд, или Галадриэль, или

Гэндальф, или кто-нибудь еще. Он взял посох в одну руку, а фиал — в другую. Когда он увидел, что яркий свет пробивается сквозь пальцы, он засунул светильник за пазуху, поближе к сердцу. Потом, отвернувшись от Крепости Темных Сил, слабо серебрящейся во мгле долины, приготовился ступить на уходящую вверх тропу.

Голлум, как видно, уполз за выступ, когда растворились ворота Минас-Моргула, оставив хоббитов лежать, где лежали. Теперь он пробрался назад, зубы его клацали, пальцы тряслись.

— Глупцы! Дурачье! — шипел он. — Спеш-шите! Не должны думать, что опасность прош-шла. Она не прош-шла. Спеш-ш-шите!

Они не ответили, но последовали за ним к крутому поднимающемуся уступу. Подъем мало понравился хоббитам, тем более после всех перенесенных ими опасностей; но он был не долог. Скоро тропа обогнула скалу и неожиданно ввела в узкий проход в горе. Они подошли к первой лестнице, про которую говорил Голлум. Тьма была полной, они не видели ничего на расстоянии вытянутой руки; но глаза Голлума бледно светились несколькими футами выше, когда он повернулся к ним.

— Осторожно! — прошептал он. — Много ступе-

ней. Осторожней!

Осторожность и правда была нужна. Фродо и Сэм сперва почувствовали облегчение — что ни говори, а с обеих сторон были теперь стены — но лестница была крута, как трап, и чем выше они взбирались, тем чаще и чаще виделась им глубокая черная пропасть внизу. А ступени были узкими, с неравными промежутками, и часто предательские: скользкие, истертые по краям, некоторые — сломанные, а некоторые ломались, стоило поставить на них ногу. Хоббиты пробивались вперед, пока наконец не стали отчаянно хвататься руками за ступени вверху, заставляя невыносимо болящие колени сгибаться и разгибаться; и чем глубже лестница врубалась в гору, тем выше поднимались над их головами скалистые стены.

Наконец, когда они поняли, что не могут больше, перед ними вновь вспыхнули Голлумовы глаза.

— Мы влез-сли, — прошептал он. — Первая лестница кончилась. Умненькие хоббиты, влезсли так высоко, очень умненькие хоббиты. Еще несколько маленьких лес-с-сенок и всё, да.

Вконец разбитый Сэм, а за ним — Фродо вскарабкались на последнюю ступень и уселись,

растирая колени и ноги. Головы их кружились. Они были в глубоком темном проходе, по-прежнему ведущем вверх — хотя не так круто и без ступеней. Голлум не позволил им отдыхать долго.

— Есть еще одна лестница, — сказал он. — Гораздо длиннее. Отдохнете, когда дойдем до конца другой лестницы. Не сейчас-с.

Сэм застонал.

— Длиннее, говоришь?

— Да, да, длиннее, — подтвердил Голлум. — Но не такая трудная. Хоббиты влез-сли на Прямую Лестницу. Впереди — Ветреный Подъем, потом Змеис-стая Лес-с-стница.

— А потом что? — скучно спросил Сэм.

— Увидим, — тихо ответил Голлум. — Да, мы увидим!

— Помнится, ты говорил, там какой-то ход, — сказал Сэм. — Там разве нет хода или чего-нибудь, через что можно пройти?

— Да, там ход, да, — заспешил Голлум. — Но хоббиты смогут отдохнуть, прежде чем пойдут туда. Если они пройдут сквозь него, они будут почти на гребне. Почти на гребне, если пройдут. Да, да!

Фродо дрожал. Он вспотел во время подъема, а сейчас ужасно мерз — в проходе был ознобный

сквозняк, тянущий с невидимых высот. Он встал и встряхнулся.

— Ну, идем! — сказал он. — Засиживаться тут не стоит.

Проход, казалось, тянется мили и мили, и всё время вдоль него дул холодный ветер, наливаясь постепенно ураганной силой. Горы будто старались испугать их своим смертоносным дыханием, отогнать прочь от тайных мест — или сдуть во тьму. Они лишь тогда поняли, что добрались до конца, когда не увидели справа стены.

Видно было немного. Огромные черные силуэты и глубокие мглистые тени громоздились кругом, но время от времени тусклый багровый свет вспыхивал под низкими облаками, и в эти мгновения путники видели впереди и вокруг высокие пики, точно колонны, подпиравшие необъятную провисшую крышу. Они вскарабкались на много сотен футов к широкому уступу. Слева от них была скала, справа — пропасть.

Голлум вел их вплотную к скале. Они пока никуда не карабкались, но земля была теперь более неровной, усыпанной глыбами и осколками камня. Шли медленно и осторожно. Сколько прошло времени с тех пор, как они вошли в Моргульскую Долину — ни Сэм, ни Фродо не смогли бы сказать.

Ночь казалась бесконечной.

В конце концов они увидели перед собой еще одну стену — и еще одну лестницу. Они снова остановились и снова начали карабкаться. Подъем был долгим и утомительным; однако на сей раз лестница не зарывалась в скалу. Здесь высокая гора отклонялась назад, и тропа, как змея, извивалась по ней. В одном месте она подползла к самому краю темной пропасти, и Фродо, заглянув вниз, увидел большое ущелье в начале Долины Призраков. По нему, мерцая, как светляк, пробиралась от Мертвого Города к Забвенному Перевалу призрачная дорога. Фродо поспешно отвернулся.

Лестница всё вилась, всё ползла вперед и вверх, пока наконец последним коротким прямым пролетом не выбралась снова на плато. Тропа уводила в сторону от главного перевала в большом ущелье и шла своим опасным путем по дну меньшей расселины, лежащей высоко в Горах Тьмы. Хоббиты смутно различали гигантские каменные столбы и иззубренные башни по обеим сторонам, между которыми были щели и трещины темнее ночи, где позабытые зимы глодали и точили не знающий солнца камень. И багровый отсвет в небе казался теперь ярче; хотя они не

сумели бы сказать, пришло ли в эти гиблые места утро, или же они видят пламя ярости Саурона, бушующее в Горгороте. Всё еще далеко и всё еще высоко увидел Фродо — как он догадался, взглянув вверх — самый конец этой мучительной дороги. На фоне угрюмой красноты восточного неба расселина врисовывалась в последний хребет — узкая, глубоко прорезавшая черную скалу; а на каждом плече скалы стоял каменный рог.

Фродо остановился и пригляделся повнимательней. Левый рог был высоким и стройным; и в нем горел багровый свет — или свет, что горел в землях позади, просвечивая сквозь дыру. Теперь хоббит видел: то была черная башня, нависшая над перевалом. Он схватил Сэма за руку и указал вверх.

— Не нравится мне это! — нахмурился тот. — Выходит, этот тайный путь все-таки охраняется, — проворчал он, поворачиваясь к Г оллуму. — И ты об этом знал, а?

— Все пути охраняются, — сказал Голлум. — Конечно, охраняются. Но хоббитам надо как-то пройти. Этот путь охраняется меньш-ше. Они, наверное, все ушли на войну, все уш-шли, наверное.

— Наверное, — пробурчал Сэм, меряя дорогу

взглядом. — Это нам еще идти и идти, пока мы дотуда дойдем. А потом ведь еще «ход»... Надо бы вам отдохнуть, господин Фродо. Не знаю, который теперь час дня или ночи, но отшагали мы немало.

— Да, мы должны отдохнуть, — согласился Фродо. — Давайте найдем какой-нибудь уголок без ветра и соберемся с силами — для последнего броска. — Потому что сейчас это было правдой для него. Ужасы лежащего впереди края и дело, которое надо будет сделать там, казались далекими, слишком еще далекими, чтобы думать о них всерьез. Все мысли его были заняты непроходимой стеной и стражей: мимо них надо было пройти. Если ему удастся совершить эту невозможную вещь — тогда и главное его дело как-нибудь сделается — так, во всяком случае, мнилось ему в тот черный усталый час, тихо тянувшийся в каменистой тьме под Кириф-Унголом.

В темной щели между двумя гигантскими скальными столбами они уселись: Сэм и Фродо чуть в глубине, а Голлум свернулся на земле у входа. Здесь хоббиты поели — в последний раз перед тем, как войти в Забвенные Земли, а может быть — и вообще в последний раз. Они съели поне-

множку гондорской еды и по кусочку эльфийских галет и отпили по глотку из фляг. Воду надо было беречь, и они лишь смочили иссушенные рты.

— Интересно, когда мы опять найдем воду? — озабоченно спросил Сэм. — И найдем ли?.. Но ведь они там, наверное, тоже пьют? Орки пьют или нет?

— Они-то пьют, — отозвался Фродо. — Но их питье не для нас.

— Тогда нам тем более надо наполнить фляги, — Сэм хмуро оглядывался. — Да вот беда; нету здесь воды, я уж сколько прислушиваюсь — не журчит. И Фарамир не велел нам пить моргульскую воду.

— «Не пейте ни из одной реки, текущей из Имлад-Моргула», — так он сказал, — проговорил Фродо. — А сейчас мы уже не в долине, и если набредем на ручеек — так он будет течь туда, а не оттуда.

— Я не поверю ни одному здешнему ручью, — уперся Сэм, — до тех пор, пока не буду умирать от жажды. Здесь везде зло, — он принюхался. — Ну и вонища! Чуете? Очень подозрительный запах. Не нравится он мне.

— Мне здесь вообще ничего не нравится, — вздохнул Фродо. — Тут камня стук — что кости

звук. Земля, вода, воздух, — кажется, всё проклято. Но так уж пролег наш путь.

— Это-то так, — сказал Сэм. — А пожалуй, знай мы больше, когда уходили — нас бы здесь не было вовсе. Но, сдается мне, это всегда так. Геройские дела в старых сказках и песнях, господин Фродо: я их зову похождениями. Я — то прежде думал, что все эти дела герои совершали и искали их потому, что хотели этого, потому что жизнь была малость скучновата, а им не сиделось дома — что-то вроде развлечения, как сказали бы вы. А оказывается, всё вовсе не так. Герои-то, кажется, обычно просто попадали в них — так уж пролегал их путь. И у них, верно, было много возможностей, вроде как у нас, повернуть назад, только они не поворачивали. А коли поворачивали — так мы про то не знаем, потому что про них позабыли. Мы слышим о тех, кто шел вперед — и не всегда к счастливому концу, заметьте себе; во всяком случае, не всегда к тому концу, который сами назвали бы счастливым. Знаете: вернуться домой и узнать, что всё в порядке, хоть и изменилось немного, — как вернулся старый господин Бильбо. Однако эти сказки не всегда самые интересные, хоть оказаться-то в них, должно быть, интересней всего! Да, сударь, хотелось бы мне знать, в какую сказку

угодили мы?..

— И мне бы хотелось, — ответил Фродо. — Но я не знаю. Как и во всякой настоящей сказке. Припомни-ка любую, ты ж ими битком набит. Ты можешь знать, или догадываться, какая это сказка: со счастливым концом или с грустным, но герои — то ее этого не знают. И ты не захочешь, чтоб они знали.

— Понятное дело, не захочу, сударь. Взять хоть Берена: он и думать не думал, что ему придется добывать Сильмариль из Железной Короны в Тангородриме — и однако добыл, а ведь это было лихое место, и опасность ему грозила куда чернее, чем нам. Но это долгое сказание, и идет из счастья в печаль и за них — история Сильмариля продолжалась, пока не дошла до Эарендиля… Вот так штука, сударь! Как же я раньше-то не подумал! У нас… у вас ведь с собой немножко его света в светильнике, который дала вам Владычица в дорогу! Ежели так — то мы, значит, в той же сказке?! Она продолжается. Неужто великие предания не имеют конца?

— Они не кончаются, как предания, — сказал Фродо. — Но герои их приходят и уходят, сыграв свои роли. Наша роль тоже кончится позже — или раньше.

— И тогда мы чуток отдохнем и поспим, — Сэм мрачно рассмеялся. — Я только это и имел в виду, господин Фродо. Я имел в виду: просто отдыхать, и спать, и просыпаться, чтобы поработать утром в саду. Я ведь все время только об этом и думаю. Все эти огромные важные планы не для меня. Но всё же хочется знать, попадем ли когда-нибудь в песню или предание? Мы и так в одном, конечно; я хотел сказать: в те, что рассказывают вечером у огня или читают по большим книгам с красными и черными буквами годы и годы спустя. И люди скажут: «Послушаем историю о Фродо и Кольце!» И кто-нибудь скажет: «Это моя самая любимая сказка. Фродо был очень смелым, правда, дед?» — «Да, малыш, славнейшим из хоббитов, а это говорит о многом».

— Это говорит о слишком многом, — сказал Фродо и засмеялся. Подобный звук не раздавался в этих местах с тех пор, как Саурон явился в Средиземье. Сэму вдруг почудилось, что все камни прислушиваются, а высокие скалы склоняются к ним. Но Фродо не обращал на них внимания; он опять засмеялся.

— Ну и Сэм, — едва выговорил он. — Вот послушаешь тебя — и решишь, что история уже написана. Но ты позабыл об одном из главных ге-

роев — Сэммиусе Отважное Сердце. «Мне хочется услышать побольше о Сэме, дед. Я его люблю, меня веселят его разговоры. Почему о нем так мало? Фродо не ушел бы без него далеко, правда, дед?»

— Зря вы смеетесь, господин Фродо, — хмуро сказал Сэм. — Я ведь серьезно.

— И я серьезно, — перестал смеяться Фродо. — Мы немного поторопились. Мы с тобой, Сэм, всё еще в худшем из мест предания, и очень похоже, что кто — нибудь скажет сейчас: «Закрой книгу, дед. Мы не хотим читать дальше».

— Очень может быть, — сказал Сэм, — Но я на месте «кого-то» не сказал бы этого. То, что происходит в преданиях и на самом деле — вещи разные… Даже Голлум был бы хорош в предании, куда лучше, чем здесь с вами. И он сам иногда рассказывает легенды. Интересно, кем он себя считает: героем или плутом?

Голлум! — позвал он. — Хочешь быть героем?.. Эй, а куда это он опять запропал?

У входа в трещину его не было, не было и во тьме неподалеку. Он отказался от их еды, хотя, как всегда, принял воду; а потом свернулся, чтобы спать. Вчерашнее его отсутствие можно было объяснить поисками еды; а сейчас он снова ускользнул. Но зачем на сей раз?

— Не нравятся мне эти его тайные уползания, — заметил Сэм. — И особенно теперь. Не может же он охотиться — тут даже мха нет!

— Ты напрасно не доверяешь ему, — возразил Фродо. — Мы не пришли бы сюда, даже не увидели бы перевала, если б не он, а поэтому должны мириться с ним. Если он предатель — он предатель.

— Всё равно я предпочел бы иметь его перед глазами, — заупрямился Сэм. — И уж тем более если он предатель. Помните, он ведь так и не сказал, охраняется тропа или нет? А сейчас мы видим там башню — она, может, пустая, а может, и наоборот. Уж не отправился ли он за орками, как по-вашему?

— Вряд ли, — усомнился Фродо. — Даже если он замыслил какое-нибудь лиходейство — а это вполне может быть — не думаю, чтоб он привел нас к оркам или другим вражьим прислужникам. Зачем ждать до сих пор и проходить через все опасности, и приближаться к земле, которой боишься? Он мог уже сто раз предать нас оркам с тех пор, как мы встретились. Нет, если уж тут что и кроется — это, должно быть, его собственная маленькая хитрость, которую он держит в тайне.

— А ведь вы, наверное правы, господин Фро-

до, — после короткого раздумья согласился Сэм. — Не скажу, правда, чтоб это сильно меня успокоило. Уверен: он охотно бы отдал оркам меня. Но я забыл: его прелесть. Как я понимаю, оно всю дорогу было Прелестью для бедненького Смеагола. Это — главное во всех его планах, если они у него есть. Но зачем ему понадобилось тащить нас так далеко — ума не приложу.

— Очень похоже, что он и сам этого не знает, — сказал Фродо. — Да и вряд ли в голове у него есть хоть один ясный план. Я думаю, он и правда старается уберечь от Врага Прелесть. Потому что попади оно к Врагу — это будет гибельно для него самого. А с другой стороны, возможно, он только ждет удобного случая.

— Да, Злыдень и Скрытень, как я говорил, — кивнул Сэм. — Но чем ближе они к Вражьим землям, тем больше Злыдень делается похож на Скрытня. Попомните мои слова: ежели мы и доберемся до перевала, он не даст нам перенести прелес-сть через границу, не сделав какой-нибудь пакости.

— Мы еще не добрались.

— Нет, но лучше нам до тех пор смотреть в оба. Если нас застигнут врасплох, Скрытень быстро возьмет верх. Небезопасно вам дремать сейчас,

сударь. Если только вы прижметесь ко мне... Я был бы рад, если бы вы поспали. Я постерегу: а если вы ляжете поближе, чтобы я мог обнять вас, никто вас не тронет, чтоб ваш Сэм не узнал об этом.

— Спать!.. — Фродо вздохнул, будто в пустыне ему привиделась прохладная зелень. — Да, даже здесь я смог бы уснуть.

— Так спите, сударь! Кладите голову мне на колени.

Такими Голлум и увидал их несколько часов спустя, вынырнув из окружающего мрака. Сэм сидел, прислонившись к скале, голова его склонилась набок, он ровно посапывал. На его коленях лежала голова Фродо, погруженного в глубокий сон; на его белом лбу лежала одна из обветренных Сэмовых рук, а другая ласково обнимала хозяйские плечи. Лица хоббитов дышали покоем.

Голлум смотрел на них. Странное выражение прошло по его худому, голодному лицу. Свет в его глазах померк, они сделались тусклыми и седыми, древними и усталыми. Мучительная судорога, казалось, скрутила его, он отвернулся, всматриваясь в перевал и тряся головой, будто занятый каким — то внутренним спором. Потом вернулся и, медленно протянув трясущуюся руку,

очень осторожно притронулся к колену Фродо — и прикосновение это было почти лаской. Краткий миг — но если бы спящие могли увидеть его в этот миг, они решили бы, что видят старого усталого хоббита, согнутого годами, что унесли его далеко от его времени, от друзей и родных, от полей и ручьев юности — старое, изголодавшееся, жалкое создание.

Но при этом прикосновении Фродо вздрогнул и тихо вскрикнул во сне — и Сэм проснулся. Первое, что он увидел, был Голлум — «тронувший хозяина», как он решил.

— Эй ты! — грубо сказал он. — Что это ты делаешь?

— Ничего, ничего, — тихо ответил Голлум. — Славный хозяин!

— Еще бы не славный! — хмыкнул Сэм. — Но куда ты ползал и откуда приполз, старый подлец?

Голлум отпрянул, и зеленый огонь вспыхнул под набрякшими веками. Он был теперь совсем как паук с выпученными глазами, отползающий назад на изогнутых лапах. Миг миновал — невозвратимо.

— Подлец, подлец!.. — прошипел он. — Хоббиты вс-сегда вежливы. Чудненькие хоббиты! Смеагол ведет их тайными тропами, которых никто не

знает. Он устал, он высох; да, высох, — но он ведет их, и ищет путь, а они говорят подлец, подлец. Чудненькие друзья, да, прелесть, чудненькие.

Сэм почувствовал раскаянье, хоть и не стал доверчивей.

— Прости, — сказал он. — Прости, но ты разбудил меня, а я не должен был спать и разозлился. Но господин Фродо — он устал, я уговорил его поспать; так всё и вышло. Прости. А всё-таки: где ты был?

— Ползал, — ответил Голлум, и зеленый огонь в его глазах не потух.

— Ну, что ж, — вздохнул Сэм. — Пусть так. А сейчас нам надо бы уползать отсюда всем вместе. Сколько времени? Сейчас сегодня или завтра?

— Завтра, — сказал Голлум. — И было завтра, когда хоббиты улеглись спать. Очень глупо, очень опасно — если бы бедненький Смеагол не ползал вокруг, чтобы сторожить.

— Мы скоро устанем от этого слова, — проворчал Сэм. — Ну да всё равно. Я разбужу хозяина. — Он ласково откинул волосы со лба Фродо и, нагнувшись, тихо позвал: — Просыпайтесь, господин Фродо! Просыпайтесь!

Фродо вздрогнул, открыл глаза и улыбнулся, увидев склоненное над собой лицо Сэма.

— Что-то рано ты меня будишь, Сэм. Еще темно!

— Да тут всегда темно, — сказал Сэм. — Но Голлум вернулся, господин Фродо, и говорит: уже завтра. Так что нам пора идти. Последний кусок.

Фродо глубоко вздохнул и сел.

— Последний кусок! — повторил он. — Привет, Смеагол! Нашел ты еду?

Отдохнул хоть немного?

— Ни еды, ни отдыха, ничего для Смеагола, — заявил Голлум. — Он подлец.

Сэм прищелкнул языком, но сдержался.

— Не давай себе кличек, Смеагол, — поморщился Фродо. — Это неумно, справедливы они или ложны.

— Смеагол не дает себе ничего — ему дают, — ответил Голлум. Так прозвал его добренький Сэммиус, хоббит-всезнайка.

Фродо взглянул на Сэма.

— Да, сударь, — сказал тот. — Я проснулся и вдруг увидел его рядом — ну, и сорвалось с языка… Но я извинился, хоть и готов об этом пожалеть.

— Ну, так забудем это, — молвил Фродо. — Но, Смеагол, теперь мы с тобой подходим к главному. Скажи мне: можем ли мы сами пройти оставшийся путь? Мы совсем близко от перевала, от входа

туда, и если мы можем войти сами, договор наш теряет силу. Ты свободен: свободен идти назад, к еде и отдыху, идти, куда хочешь, только не к нашим врагам. И когда-нибудь я вознагражу тебя — я или те, кто вспомнит меня.

— Нет, нет, не сейчас, — проскулил Голлум. — Нет! Самим им не войти, правда? Нет, не войти. Там проход. Смеагол должен идти вперед. Без еды. Без отдыха. Не сейчас.

Глава 9
Логово Аракны

Может быть, сейчас и правда был день, как сказал Голлум, но хоббиты почти не видели разницы — разве что тяжкое небо над головой было не таким непроглядночерным, больше похожим на дымную крышу; да вместо глубокой тьмы ночи, которая всё еще таилась в ямах и трещинах, серая размытая тень окутала мир. Они пошли дальше; Голлум — впереди, хоббиты — бок в бок, вверх по длинной расселине между столбами и колоннами изодранных, выветренных скал, стоящих, как высокие бесформенные статуи, по обе стороны тропы. Ниоткуда не доносилось ни звука. Чуть дальше, в миле или около того, была большая чер-

ная стена, последняя вздыбленная горами груда камней. Она становилась всё темнее, вздымалась всё круче по мере того, как хоббиты подходили к ней, пока не воздвиглась над ними, закрыв собой всё, что лежало позади. Глубокая тень залегла у ее подножия. Сэм принюхался.

— Ух! Ну и запах! — сморщился он. — И чем дальше — тем сильней.

Вскоре они вошли в тень и в центре ее увидели отверстие пещеры.

— Это дорога туда, — сказал Голлум. — Это проход.

Он не сказал, что ход этот зовется Торех-Унголом, Логовом Аракны. Из пещеры исходило зловоние — не тошнотворный аромат тления, как в лугах Моргула, а отвратительная вонь, словно отбросы или другая мерзость валами скапливалась и хранилась в пещерной тьме.

— Это единственный путь, Смеагол? — спросил Фродо.

— Да, да, — отвечал тот. — Да, нам надо идти этим путем.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что пролез через эту нору? — насмешливо поинтересовался Сэм. — Ну и ну!.. Хотя ты, может, и не помнил о запахе: тебе-то он не мешает, а?

Глаза Голлума блеснули.

— Он не знает, о чем мы помним, правда, прелесть? Нет, не знает. Но Смеагол может кое-что хранить… Он прошел насквозь. Это единственный путь.

— И что это там так воняет, интересно знать? — спросил Сэм в пустоту. — Это похоже… даже говорить неохота, на что. Гнусная орочья нора, помяните мое слово, со всей мерзостью, какая только может в ней скопиться… Тьфу!

— Ну ладно, — сказал Фродо. — Орки или не орки, если это единственная дорога, мы пойдем по ней.

Они глубоко вздохнули и нырнули внутрь. В несколько шагов они оказались в совершеннейшей, непроглядной тьме. Только в неосвещенных коридорах Мории видели Фродо и Сэм такую тьму, но здесь она была еще глубже и гуще. Там — там было движение воздуха, и эхо, и ощущение пустоты. Здесь воздух был недвижным, застойным, тяжелым, а звуки умирали. Они шли, точно в черном тумане, порожденном самой Тьмой, словно Тьма ослепила не только их глаза, но и разум, так что даже память о цвете, форме, свете истаяла навек. Ночь была всегда, ночь была всюду, ночь была всё.

Но пока они еще чувствовали, и чувствительность их ног и пальцев обострилась почти мучительно. Стены, к их удивлению, оказались гладкими, а пол — за исключением двух-трех ступенек — был гладким и ровным, ведя всё вверх и вверх неуклонным подъемом. Туннель был таким высоким и широким, что, хотя хоббиты шли рядом, касаясь стен руками, тьма разделила их.

Голлум исчез, но был, казалось, всего в нескольких шагах. До тех пор, пока они могли обращать на это внимание, они слышали впереди его шипящее, затрудненное дыхание. Но шло время — чувства их притупились, осязание и слух оцепенели, а они всё брели, нащупывая путь, и только усилие воли, страстное желание выйти наконец к высокому перевалу поддерживало их.

Они отошли, наверное, уже далеко — время и расстояние стали для них неизмеримы, — когда Сэм, шедший у правой стены, понял, что в ней есть отверстие: на миг он ощутил слабое дуновение свежего воздуха — и всё пропало.

— Сдается мне, тут не один проход, — прошептал он с усилием: слова с трудом сползали с его губ. — Должно, такая же орочья нора, как и всюду здесь!

После этого сначала он справа, потом Фродо

слева прошли еще несколько таких же отверстий: то побольше, то поменьше; однако сомнений, куда идти, не было, потому что путь был прямым, никуда не сворачивал и по-прежнему круто поднимался вверх. Но долог ли он, сколько им придется еще выносить — и сколько они смогут вынести? Бездыханность воздуха росла по мере подъема; и теперь они часто ощущали в кромешной тьме препятствие покрепче мерзкого духа. Иногда что-то легко касалось их рук и лиц: длинные щупальца или свисающие растения, наверное, — хоббиты не смогли бы сказать, что это было. А смрад усиливался. Он становился всё сильней, пока им не начало казаться, что вонь — единственное ощущение, оставленное им, да и то, чтобы помучить. Час, два, три — сколько еще идти им этой темной норой? Часы казались днями… нет — неделями. Сэм оттолкнулся от стенки, коснулся Фродо, и руки их встретились и сцепились, и дальше они шли вместе.

В конце концов Фродо, ощупывая стену, неожиданно наткнулся на пустоту. Он едва не свалился туда. Здесь было отверстие, куда шире всех прежних; оттуда исходило зловоние столь мерзкое, а чувство затаенной злобы столь сильное, что Фродо пошатнулся. И в этот миг Сэм качнулся

и упал.

Поборов тошноту и страх, Фродо дернул Сэма за руку.

— Вставай! — хрипло выдохнул он, не слыша собственного голоса. — Оно всё идет отсюда: и вонь, и опасность. Вставай же! Быстрей!

Собрав оставшиеся силы и решимость, он рывком поднял Сэма на ноги и принудил двигаться себя самого. Сэм спотыкался рядом. Один шаг… Два… три… наконец, шесть шагов. Может быть, они миновали жуткую невидимую дыру, но так это было или нет, а идти вдруг стало легче, точно чья-то злая воля выпустила их. Они шли вперед, по-прежнему держась за руки.

И тут же — новая трудность. Тоннель разветвлялся, во всяком случае, так казалось, и они не могли понять, какой коридор шире или прямее. Куда идти — направо или налево? Они не знали, что может указать им путь, а между тем неверный выбор неминуемо привел бы их к гибели.

— Каким, интересно, путем пошел Голлум? — Сэм тяжело дышал. — И почему он не подождал?

— Смеагол! — позвал Фродо. — Смеагол! — Голос его прозвучал вороньим карком, и имя умерло, едва сорвавшись с губ. В ответ — ни звука, ни эха, воздух даже не шелохнулся.

— Кажись, теперь он и в самом деле сгинул, — пробормотал Сэм. — И сдается, именно сюда он и хотел нас завести. Голлум! Ты еще пожалеешь об этом — дай только до тебя добраться…

Двигаясь ощупью во тьме, они вдруг обнаружили, что левый проход закрыт: то ли это был тупик, то ли сверху свалился камень и перегородил коридор.

— Это не тот путь, — прошептал Фродо. — Верен он или нет, но нам надо идти другим.

— И быстро! — задохнулся Сэм. — Вокруг что-то… кто-то пострашнее Голлума. Я чую, что за нами следят.

Они не прошли и нескольких ярдов, когда сзади послышался звук, дрожащий и жуткий в тяжёлой ватной тиши: булькающий, клокочущий шум и долгое ядовитое шипение. Они обернулись — и ничего не увидели. Они стояли окаменев, уставясь во мрак, ожидая сами не зная чего.

— Ловушка! — сказал Сэм и положил руку на эфес меча; и едва он сделал это, как вспомнил о тьме Могильника. «Чего бы я хотел — это чтоб старина Том был рядом!» — подумал он. Потом, когда он стоял во тьме, а отчаянье и гнев слепили ему душу, ему привиделся свет: он вспыхнул в Сэмовой голове, непереносимо яркий поначалу.

Затем свет расцветился: зеленое, золотое, серебристое, белое. Из дальнего далека проступила картина: Владычица Галадриэль, стоящая на траве Лориэна, и дары в ее руках. «Для тебя, Хранитель, — отдаленно, но явственно прозвучал ее голос, — для тебя я приготовила это».

Клокочущее шипение придвинулось ближе, донесся скрип, словно что-то огромное, суставчатое с медленной угрозой надвигалось из мрака.

— Хозяин, хозяин! — вскрикнул Сэм, и жизнь и настойчивость вернулись к его голосу. — Дар Владычицы! Эльфийский Светильник! Она ж сказала, он будет вам звездой во тьме! Эльфийский Светильник!..

— Светильник?.. — пробормотал Фродо, будто вырванный из сна. — Конечно же!.. Как это я о нем позабыл? «Если на твоем пути померкнут другие источники света — Эльфийский Светильник поможет тебе!» А сейчас нас только свет и может спасти!

Рука его скользнула за пазуху, и он медленно поднял над головой Фиал Галадриэли. Какой-то миг тот мерцал, слабый, точно звезда, пробившаяся сквозь туманную восточную мглу, а потом, когда сила его возросла и надежда возродилась в душе Фродо, вспыхнул и разгорелся серебряным

пламенем — маленькое сердце ослепительного сияния, будто сам Эарендиль спустился с небесных троп с вечерней звездой — Сильмарилем во лбу. Тьма отступила перед ним, и Фиал стал центром воздушного хрустального шара, и рука, что держала его, искрилась белым огнем.

Фродо в изумлении взирал на этот волшебный дар, который он носил при себе так долго, не подозревая о его истинной ценности и могуществе. Он редко вспоминал о нем по пути, пока они не пришли в Моргульскую Долину, и никогда не пользовался им, потому что свет выдаст их. Аийя Эарендиль Элениона Анкалима! — вскричал он, сам не зная, что кричит; казалось, чей-то голос рвался из его груди — чистый, незамутненный смрадным туннельным воздухом.

Но в Средиземье были иные силы, силы ночи, и они были древними и могучими. И Она, что шла сейчас во мраке, услышала эльфийский клич, который раздавался давным-давно в глубинах времен и не трогал ее; не испугал он ее и теперь. Когда Фродо заговорил, он ощутил огромную злобу, и жуткий взгляд ощупал его. Немного вниз по туннелю, между ними и дырой, у которой они споткнулись, он увидел два глаза — два громадных пучка бессчетных глаз. Подползающая угроза

стала наконец явной. Сияние Фиала сломалось и отразилось от их тысяч зрачков, но позади этого сияния бледным заревом занялся в них смертный огонь, пламя, вспыхнувшее в глубокой яме злобных дум. Глаза были чудовищными, омерзительными, звериными — и однако полные ясной целью и зловещим восторгом: они пожирали взглядом жертву, пойманную в ловушку, откуда ей не было выхода.

Фродо и Сэм, скованные ужасом, медленно пятились, не в силах отвести взгляд от жуткого упорства гибельных глаз; но когда они пятились — глаза придвигались. Рука Фродо дрогнула, Фиал опустился. Потом вдруг, точно освободившись от чар, Хоббиты пустились бежать; но на бегу Фродо оглянулся через плечо и с трепетом увидел, что глаза прыжком рванулись вслед. Запах смерти облаком окутал его.

— Стой! Стой!.. — отчаянно закричал он. — Бежать бесполезно!

Глаза медленно приближались.

— Галадриэль! — воззвал он и, собрав все свое мужество, снова поднял Фиал. Глаза замерли. На миг их пристальный взор приугас, словно намек на сомнение замутил их. Тогда сердце Фродо загорелось, и, не думая, что делает, — глупость ли это,

отчаянье или храбрость, — он взял Фиал в левую руку, а правой обнажил меч. Разитель выскользнул из ножен, и нетупеющий эльфийский клинок заискрился в серебристом свете, мерцая по краям голубым огнем. Тогда, высоко подняв Светильник и выставив вперед ясный клинок, Фродо, хоббит из Края, твердо пошел навстречу глазам.

И они дрогнули. Сомнение росло в них с приближением света. Они тускнели один за другим и медленно отступали. Никогда прежде такая яркость не поражала их. От солнца, луны и звезд они укрывались под землей, но теперь звезда спустилась под землю. Она приближалась — и глаза струсили. Один за другим они погасли; они повернули прочь; они исчезли.

— Хозяин! Хозяин! — вскричал Сэм. Он был совсем рядом, тоже с обнаженным мечом. — Звёзды и слава! Эльфы сложат об этом песню, если узнают. Вот бы мне дожить и услышать, как они поют!.. Но не ходите вперед, хозяин. Не спускайтесь в ту берлогу! Давайте-ка выбираться из этой гнусной ямы, пока можно.

И они снова повернули назад, сперва пошли, а потом побежали, потому что пол круто поднимался вверх, и с каждым шагом они всё больше удалялись от зловония невидимого логова, и к

их членам и сердцу возвращались силы. Но по-прежнему кралась за ними ненависть Стража, ослепшего ненадолго, быть может, но непобежденного, готового убивать. Однако сейчас навстречу им повеял ветерок — прохладный, едва уловимый. Отверстие, конец туннеля — наконец-то!..

Задыхаясь, томясь по открытому месту, они бросились вперед — и были отброшены назад. Выход закрывало что-то, но не из камня: оно казалось мягким и даже податливым, и однако было непроницаемо крепким: воздух сквозь него проходил, а свет — нет; они снова кинулись — и снова отлетели прочь.

Держа Фиал над головой, Фродо взглянул — и увидел перед собой серость, которую лучи Светильника не смогли ни пронзить, ни осветить, точно это была тень, созданная без света — и свету неподвластная. От стены до стены во всю высоту коридора протянулась гигантская паутина, сотканная каким — то невероятным пауком: плотная, толстая — каждая нить толщиной с канат.

Сэм невесело рассмеялся.

— Паутина? И только?.. Но каков паук, пропади он пропадом! Ну да ладно: он сплел — мы

порвем!

В бешенстве он ударил мечом по паутине, но нить не перерубилась. Она лишь подалась немного — и распрямилась, как натянутая тетива, отшвырнув и меч, и руку, что держала его. Трижды Сэм бил изо всех сил, и наконец одна из бесчисленных веревок оборвалась и закачалась, кружась и рассекая воздух. Один конец хлестнул Сэма по руке, и хоббит отпрянул, вскрикнув и прижимая руку ко рту.

— Чтоб очистить эту дорожку, надобен не один день, — сказал он сквозь зубы. — Что ж делать-то?.. Глаза вернулись?

— Пока не видно, — откликнулся Фродо. — Но я всё еще чувствую, что они за мной следят — или думают обо мне: строят планы, как нас сожрать, наверное. Если этот свет ослабеет или, того хуже, погаснет — тут же явятся.

— Это ж надо — попасться в самом конце! — в голосе Сэма слышалась горечь; гнев его снова пробивался сквозь отчаянье и усталость. — Комары в паутине… Пусть проклятие Фарамира настигнет Голлума, и настигнет быстро!

— Нам это сейчас не поможет, — заметил Фродо. — Что ж! Посмотрим, что сможет сделать Разитель. Как-никак это эльфийский клинок. Ему

знакомы сети ужаса: он был откован в темных расселинах Белерианда. Но тебе придется сторожить и отгонять глаза, если они вылезут. Вот, держи Светильник. Не бойся. Подними его, да гляди в оба!

Фродо подступил к огромной серой сети, рассек ее широким стремительным ударом, быстро проведя лезвием по туго натянутым веревкам, и тут же отпрыгнул. Голубовато мерцающий клинок прошел сквозь сеть, как коса сквозь траву, и нити забились и закорчились — и спокойно повисли. В сети зияла большая дыра.

Он наносил удар за ударом, пока паутина не распалась, и верхняя часть ее повисла, качаясь, как обвисший занавес. Ловушка была сломана.

— Идем! — вскричал Фродо. — Вперед! Вперед!.. Дикая радость освобождения из самой пасти отчаяния внезапно захлестнула его. Голова кружилась, будто он хлебнул крепкого вина. Он прыгнул вперед, крича на бегу.

Его глазам, прошедшим сквозь берлогу ночи, мгла этих темных земель казалась светом. Огромные дымы поднимались, клубились и истончались: тянулись последние часы пасмурного дня, багровое зарево Мордора утонуло в угрюмом мраке. И однако Фродо показалось, что он видит

зарю надежды. Он почти достиг верха стены. Ущелье Зла, Кириф-Унгол, было перед ним: тусклая расселина в черной скале, и каменные рога темнели по обе его стороны. Короткий пробег, быстрый рывок — и они пройдут!

— Перевал, Сэм! — кричал он, не замечая пронзительности своего голоса, что освободился от удушливого воздуха туннеля и был теперь высок и громок. — Перевал! Бежим, бежим, и мы пройдем прежде, чем нас успеют остановить!

Сэм поспевал следом так быстро, как позволяли его усталые ноги; но, хоть он и рад был свободе, беспокойство не оставило его, и он на бегу оглядывался назад, на темную арку туннеля, боясь увидеть глаза или тень — какую, он и представить не мог — мчащуюся вдогон. Слишком мало он и его хозяин знали о хитрости Аракны. Из Ее логова было много выходов.

Она обитала там с незапамятных времен, злой дух в обличье паука, такая же, как те, которых некогда победил Берен в Горах Ужаса в Дориате. Как Аракна добралась сюда, избежав гибели, не говорит ни одно предание, ибо немногие предания пережили Великую Тьму. Но однако она была здесь — до Саурона, до первых камней Барад-Дура; и она не служила никому, кроме себя,

высасывая кровь Людей и Эльфов, раздуваясь и толстея, бесконечно плетя призрачные сети: ибо всё живущее служило ей пищей, а ее извергла Тьма. Далеко и широко расселилось ее отродье, потомки несчастных самцов, убитых ею, ползли из долины в долину, от Эмин-Муиля к восточным холмам, к Дол-Гулдуру и чащобам Лихолесья. Но никто не мог превзойти ее, Аракну Великую, последнее дитя Унголианты, рожденную тревожить несчастный мир.

Голлум уже видел ее прежде, Смеагол, который лез во все темные ямы, и в былые дни он поклонялся ей и почитал ее, и тьма ее злой воли прошла рядом с ним по всем дорогам, отсекая его от света и раскаянья. И он обещал принести ей еду. Но его страсть не была ее страстью. Она мало знала — да они ее и не заботили — о всяких крепостях, кольцах и всём остальном, сотворенном разумом и руками: она желала смерти всему иному, духу и плоти, а себе — нескончаемой жизни в одиночестве, раздуваясь, пока горы не откажутся ее носить, а тьма не перестанет ее скрывать.

Но покуда мечты оставались мечтами, и она подолгу голодала, прячась в своем логове, пока сила Саурона росла, а свет и живые твари покинули его границы; город в долине был мертв, и ни эль-

фы, ни люди не приходили, только злосчастные орки, а они были осторожными и невкусными. Но ей надо было кушать, и как бы ни старались они проложить новые тропки от перевала к городу и обратно, она всегда умудрялась ловить их. Но ей хотелось мяса послаще. И Голлум привел ей его.

«Посмотрим, пос-смотрим, — частенько говорил он себе, когда злоба захлестывала его по пути от Привражья к Моргульской Долине. — Пос-с-смотрим. Может быть, да, вполне может быть, что, когда Она выплюнет кости и пустые шкурки, мы найдем его, Прелесть, награду бедненькому Смеаголу, который приносит вкусненькую еду, и мы спасем Прелесть, как обещ-щали. Да, да. И когда мы спасем его, тогда Она узнает, да, тогда мы рас-сплатимс-ся с ней, Прелесть. Со вс-с-семи рас-с-сплатимс-ся!..»

Эти мысли он таил в глубине своего хитроумия и надеялся скрыть их от нее, даже когда приполз и раболепно склонился перед ней, пока его спутники спали.

Что до Саурона, он знал, где она прячется. Ему нравилось, что она живет там, голодная, неутомимо злобная — лучший страж древнего пути в его земли: лучшего не смог бы создать и он сам. А орки… они, конечно, верные и полезные рабы,

но их у него множество. И если время от времени Аракна закусывала парочкой, он не имел ничего против. А иногда он угощал свою кошечку (своей кошечкой звал он ее, но она не принадлежала ему), подбрасывая ей пленников-людей: их приводили к ее норе, и после рассказывали ему, как она с ними играла.

Так они и жили, развлекаясь каждый на свой лад, не боясь ни нападения, ни чар, ни того, что их лиходействам придет конец. Ни одна муха не вырывалась до сих пор из сетей Аракны: тем сильнее были сейчас ее ярость и голод.

Но Сэм ничего не знал об этом взбаламученном ими болоте зла — разве что страх рос в нем, смутное ощущение невидимой угрозы; и таким весом навалилась она на него, что ноги его налились свинцом, и он не мог бежать.

Ужас был вокруг, и враги были впереди — а хозяин в безумстве открыто несся им навстречу. Отведя глаза от тени позади и от мрака под левым обрывом, Сэм взглянул вперед и увидел две вещи, которые испугали его еще больше: меч, который Фродо не спрятал в ножны, горел голубым огнем; а в башне, хоть небо за ней и стало темным, по-прежнему кроваво мерцало окно.

— Орки! — пробормотал он. — Так нам не прой-

ти. Они тут всюду — а может, и не только они, а и кое-что похуже.

Тут он вспомнил, что надо прятаться, и торопливо прикрыл рукой драгоценный Фиал, который всё еще нес. На миг ладонь его вспыхнула алой живой кровью, а потом он засунул Светильник глубоко в нагрудный карман и запахнул плащ. Теперь он старался идти быстрее. Хозяин опередил его: он был уже шагов на двадцать впереди: того и гляди, совсем исчезнет из виду.

Едва Сэм спрятал Фиал, как Она явилась. Он вдруг увидел, что слева и чуть впереди выползает из-под обрыва самая отвратительная тень из всех, какие он видел, более жуткая, чем видение кошмарного сна. Она походила на паука, но была больше любого зверя и страшнее их, потому что злобная жажда была в ее безжалостных глазах. Тех самых глазах, которые Сэм считал потухшими и побежденными — теперь они снова светились смертным огнем, гроздьями окружая ее торчащую голову. У нее были большие рога, а за кареткой стеблевидной шеи шло толстое разбухшее тело — огромный жирный надутый мешок, свисающий между ногами; оно было черным, покрытым мертвенно-синими пятнами, а живот был белесым, светился, и от него струился

смрад. Ее изогнутые ноги поднимали высоко над землей низковатые колени, и каждая нога кончалась когтем.

Как только ее согнутые ноги и мягкое тело протиснулись через выход из логова, она понеслась с бешеной скоростью, то бегом, то делая внезапные скачки. Она была между Сэмом и его хозяином. То ли она не заметила Сэма, то ли решила не связываться пока с тем, кто держит свет, сосредоточить внимание на другой жертве, на Фродо, открыто бегущем вверх по тропе, не знающем об опасности. Он бежал быстро, но Аракна была быстрее; в несколько скачков она догонит его.

Сэм открыл рот и набрал побольше воздуха.

— Оглянитесь, хозяин! — заорал он. — Оглянитесь!.. Я… — и вдруг крик его оборвался.

Длинная липкая рука зажала ему рот, и в то же время что-то оплелось вокруг его ног. Он зашатался и упал назад — в лапы врага.

— Попалс-ся! — зашипел Голлум ему в ухо. — Наконец, моя прелесть, мы поймали его, мерз-сского хоббита. Да-с-с-с. Нам досталс-ся этот. Она получит другого. Да, Аракна схватит его, не Смеагол: он поклялс-ся; он не тронул хозяина. Но он поймал тебя, гнус-с-сный маленький подлец! — брызгал он слюной в шею Сэма.

Бешеная ненависть к предателю и отчаянье при мысли, что он задержан, когда хозяину его грозит смертельная опасность, вдохнули в Сэма такую неистовую силу, какой Голлум никак не ожидал от медлительного туповатого хоббита — а именно таким он считал Сэма. Сам Голлум не смог бы извернуться так проворно и яростно. Рука, зажавшая Сэму рот, соскользнула, и Сэм, быстро наклонив голову, рванулся, стараясь сбросить с шеи руку-удавку. Меч всё еще был у него в руке, а левей он держал Фарамиров посох. Он отчаянно пытался повернуться и проткнуть врага. Но Голлум был слишком быстр.

Его правая рука метнулась к запястью Сэма: пальцы были как тиски; медленно, безжалостно сгибал он Сэмову руку вперед и вниз, пока с мучительным вскриком Сэм не выпустил меча; и всё это время другая рука сжимала Сэмово горло.

Тогда Сэм испробовал последнюю уловку. Он рванулся изо всех сил и крепко уперся ногами в землю; потом вдруг оттолкнулся и всем весом опрокинулся на спину.

Не ожидая от Сэма даже такой простенькой хитрости, Голлум повалился — Сэм сверху — и ощутил своим животом вес крепкого хоббита. Резкий шип вырвался из него, и на миг тиски на

шее Сэма ослабли; но Голлумовы пальцы с еще большей силой вцепились в руку, державшую меч. Сэм метнулся вперед и вбок, вскочил и повернулся вправо, завертевшись на руке, которую держал Голлум. Покрепче ухватив посох левой рукой, Сэм поднял его — и со свистом опустил на вытянутую Голлумову лапу, чуть пониже локтя.

Голлум с воплем отцепился. Тогда Сэм напал снова, не перекладывая посоха из руки в руку, он нанес еще один свирепый удар. Быстро, как змея, Голлум скользнул вбок, и удар, нацеленный в голову, пришелся по спине. Посох хрустнул и сломался. Но Голлуму было довольно и этого. Захват сзади был его старой, любимой игрой, и часто он побеждал в ней. Однако в этот раз, от злости, он сделал ошибку, подав голос и начав злорадствовать прежде, чем обе его руки сомкнулись на горле жертвы. Этот неожиданный, ужасный свет во тьме — он разрушил все его замыслы, его чудненький план не удался, и теперь он был лицом к лицу с разъяренным врагом, немногим меньше его самого. Эта драка не для него. Сэм подобрал с земли меч и замахнулся. Голлум взвизгнул и на четвереньках кинулся в сторону, отпрыгнув подальше, как лягушка — одним длинным прыжком. Прежде, чем Сэм настиг его, он удрал,

с редкой прытью улепетывая по туннелю.

С мечом в руке Сэм бросился за ним. На какой-то миг он забыл обо всем, кроме ярости, сжигавшей его мозг, и страстного желания прикончить Голлума. Но Голлум исчез. И тут, когда Сэм стоял перед темной дырой и зловоние текло ему навстречу, внезапно, как удар грома, мысль о Фродо и Чудище оглушила его. Он повернулся и сломя голову понесся вверх по тропе, зовя и зовя хозяина. Он опоздал. План Голлума удался.

Глава 10
Выбор Сэма Гискри

Фродо лежал на земле лицом вниз, а чудище склонилось над ним, так занятое своей жертвой, что не обратило внимание на крики Сэма, пока тот не оказался совсем рядом. Когда он подбежал, то увидел, что Фродо весь, от лодыжек до плеч, обмотан веревками, и чудище передними ногами то ли приподнимает, то ли подтаскивает к себе его тело.

Рядом с ним лежал, мерцая на земле, эльфийский клинок — там, где он, бесполезный, выпал из его руки. Сэм не стал дожидаться и выяснять, что будет дальше: он был слишком верен, или

слишком храбр, или слишком большая ярость кипела в нем. С пронзительным воплем он прыгнул вперед и схватил левой рукой хозяйский меч. Он разъярился. Никогда не видели в диком мире зверей атаки более бешеной, чем эта: крохотное отчаянное создание, вооруженное одним-единственным зубом, кидалось на башню из рогов и брони, что стояла над его поверженным товарищем.

Вырванная его тонким воплем из злорадных грез, она медленно обратила к нему смертную злобу своего взгляда. Но не успела она понять, что перед ней ярость большая, чем ей приходилось видеть за все свои несчетные годы, сверкающий меч ударил ее по ноге, отрубив коготь. Сэм прыгнул внутрь, под арки ее ног, быстро поднял другую руку и пронзил пучок глаз на ее склонённой голове. Одно огромное око потухло.

Несчастное создание было сейчас прямо под ней, и она не могла дотянуться до него ни жалом, ни когтями. Ее широкое брюхо нависло над ним, гнило светясь, смрад почти валил его с ног. Однако ярости его хватило еще на один удар, и прежде чем она опустилась на него, раздавив его и всё его опрометчивое мужество, он с отчаянной силой полоснул ее ясным эльфийским клинком.

Но Аракна была не то что драконы, и, кроме глаз, мягких мест в ней не было. Вековую ее броню покрывали наросты и трещины, но она всё время утолщалась внутри новыми слоями. Клинок рассек ее страшной раной, но пронзить эти жуткие складки было не под силу никому, хотя бы сталь была откована эльфами или гномами.

Аракна подалась под ударом, а потом вознесла громадный мешок своего тулова высоко над Сэмовой головой. Рана сочилась ядом. Согнув ноги, она снова опустила на хоббита толстое брюхо. Слишком быстро. Потому что Сэм всё еще стоял на ногах и, отбросив свой меч, обеими руками держал эльфийский клинок, уставив его прямо вверх, острием в кошмарную крышу; и Аракна со всей силой своей жестокой воли, с силой, большей, чем в руке любого воина, осела на это острие.

Ни разу за свою долгую злобную жизнь не испытывала Аракна подобных мук. Ни самый отважный из воинов древнего Г ондора, ни самый дикий из пойманных ею орков никогда не вонзал клинка в лелеемое ею тело. Она содрогнулась. Снова поднявшись, дергаясь от боли, она метнулась назад судорожным прыжком.

Сэм упал на колени у самой головы Фродо, чув-

ства его потонули в зловонном смраде, руками он по-прежнему сжимал эфес меча. Сквозь застилающий глаза туман он видел лицо Фродо и упрямо боролся с собой, вытаскивая себя из подступающей дурноты. Он медленно поднял голову — и увидел ее в нескольких шагах, она уставилась на него, по клюву стекала ядовитая слюна, зеленый гной капал из раненого глаза. Она затаилась, прижавшись брюхом к земле, гигантские луки ее ног подрагивали, она готовилась к новому прыжку — чтобы ужалить насмерть: не капелькой яда, чтобы успокоить бьющуюся жертву; на сей раз — чтобы убить и разорвать.

Когда Сэм пригнулся, глядя на нее, увидев свою смерть в ее глазах, он словно бы услыхал далекий голос, и рука его потянулась к груди, и он нашел, что искал: холодным и твердым казался он на ощупь в этой призрачной земле ужаса — Фиал Галадриэли.

— Галадриэль! — слабо выговорил он и услышал голоса, далекие, но ясные: шутки и громкий смех эльфов, когда они шли под звёздами в лесах родного Края, и музыку эльфов, которая доносилась к нему сквозь сон в Каминном Зале замка Эльронда.

Гилфониэль а Эльберет!

И тогда наречие его было забыто, и он вскричал на языке, которого не знал:

А Эльберет Гильфониэль,
О мэнэль палан-дириэль,
Ле наллон си ди'нгурутос!
А тиро лин, Фануилос!

И с этим он вскочил на ноги и снова был хоббитом Сэммиусом, сыном Хэмфаста.

— Иди сюда, тварь! — заорал он. — Ты посмела тронуть моего хозяина, скотина, и заплатишь за это! Мы пойдем дальше; но сперва разберемся с тобой! Иди сюда, иди, отведай этого еще разок!..

И, точно Сэмов неукротимый дух разжег его, Светильник вспыхнул вдруг белым факелом в его руке. Он сиял, как звезда, что, спрыгнув с небосвода, озарила темный воздух нестерпимым блеском. Никогда прежде такой сошедший с небес ужас не пылал в лицо Аракны. Лучи его проникли в ее раненую голову и жгли ее невыносимой мукой, и гибельная зараза света поразила глаза. Она отступила, взбивая воздух передними лапами, ослепленная, разум ее умирал. Повернув искалеченную голову, она поползла, коготь за коготь, к отверстию под черной стеной.

Сэм шел следом. Он шатался, как пьяный, но

шел следом. И Аракна наконец смирилась, потерпев поражение, судорожно дергаясь и трясясь, поспешала от него. Она добралась до норы и, протиснувшись внутрь, оставив желто-зеленый слизистый след, исчезла как раз тогда, когда Сэм наносил последний удар по ее вздрагивающим ногам. Потом он упал навзничь.

Аракна сгинула. Лежала ли она в своем логове, нянча злобу и оплакивая несчастную судьбу, долгими годами излечивая во тьме самое себя, отращивая новые глаза, пока не выползла, голодная, как смерть, в долины Эфель-Дуафа — об этом здесь речи нет.

Сэм остался один. Когда вечер Забвенной Земли опустился над полем битвы, он устало пополз к хозяину.

— Хозяин, дорогой хозяин… — сказал он, не Фродо не отозвался. Когда он бежал, нетерпеливо радуясь свободе, Аракна с жуткой быстротой догнала его и одним стремительным ударом клюнула в шею. Теперь он лежал бледный, не слышал голоса слуги, не двигался.

— Хозяин, милый хозяин! — повторил Сэм, и долго-долго ждал, и ждал напрасно.

Тогда быстро, как только мог, он разрубил веревки и приложил ухо к груди Фродо и к его рту

— но не смог уловить ни единого движения жизни, ни единого — самого слабого — удара сердца. То и дело он тер руки и ноги хозяина, щупал его лоб — они оставались холодны.

— Фродо, господин Фродо!.. — звал он. — Не оставляйте меня тут одного! Ваш Сэм зовет вас. Не уходите, куда я не смогу пойти с вами!.. Очнитесь, господин Фродо! Очнись, Фродо, дорогой мой, родной… Очнись!

Потом в нем поднялся гнев, и он забегал вокруг тела хозяина, колотя воздух, рубя камни, выкрикивая угрозы. Вдруг он пришел в себя и нагнулся над лицом Фродо: оно било бледным в густых сумерках. И тут — внезапно — он понял, что эту самую картину видел он в зеркале Галадриэли перед уходом из Лориэна: Фродо с мертвенно-бледным лицом, лежащего у темной стены — спящего глубоким сном, как тогда показалось Сэму.

— Он умер! — проговорил он. — Не спит — умер!

И едва он сказал это, ему померещилось, точно слова заставили отраву снова приняться за дело, что цвет лица Фродо подернулся зеленью.

И тогда черное отчаянье окутало его, и Сэм склонился к земле, и натянул серый капюшон се-

бе на голову, и ночь вошла в его сердце, и больше он ничего не чувствовал.

Когда тьма наконец рассеялась, Сэм огляделся и увидел, что тени вокруг сгустились; но на сколько минут — или часов — постарел мир, он вряд ли смог бы сказать. Он был в том же самом месте, и хозяин по-прежнему лежал рядом с ним — мертвый. Горы не искрошились, а земля не превратилась в развалины.

— Что ж теперь делать-то? — прошептал он. — Такой мы с ним путь прошли — неужто зря?..

И тут Сэму вспомнились его собственные слова — в то время, в начале похода, он и сам их не понимал: «Я ведь непременно вам пригожусь, сударь — и не здесь, не в Крае, если вы понимаете, про что я толкую».

— Но что я могу? Уйти домой и унести господина Фродо?.. Или идти дальше? Дальше?.. — повторил он и содрогнулся в сомнениях и страхе. — Дальше? Неужто я должен это сделать? И бросить его?

Он наконец заплакал; и, подойдя к Фродо, уложил его тело, сложил на груди холодные руки и набросил на него плащ; и положил с одного бока свой меч, а с другого — подаренный Фарамиром посох.

— Ежели мне идти, — сказал он, — так придется мне взять ваш меч, с вашего позволения, господин Фродо, но я оставляю вам вот этот — он, помните, лежал рядом с королем в Могильнике; и кольчуга будет при вас — та самая, мифрильная, что господин Бильбо подарил. А ваш светильник, вы ведь мне его одолжили, господин Фродо, и он очень мне нужен, потому что теперь я всё время во тьме. Он слишком хорош для меня, конечно, и Владычица дала его вам, но, может, она поймет… Вы — то понимаете меня, господин Фродо?.. Я иду дальше.

Но пока еще он не мог уйти. Он опустился на колени, взял Фродо за руку — и не мог выпустить ее. Время шло, в он по-прежнему стоял на коленях, держа руку хозяина, и в душе его шел спор.

Сейчас он старался найти силы, оттащить себя прочь и продолжать одинокий поход — чтобы мстить. Если бы он мог уйти, ярость вела бы его по всем дорогам, вдогон, пока он наконец не настиг бы его — Голлума. И тогда Голлум подох бы в каком-нибудь углу…

Но не это он должен был сделать. Было бы недостойно покидать хозяина ради этого. Этим его не вернешь. Ничем не вернешь. Лучше бы им умереть обоим. И это тоже будет одинокий поход.

Сэм взглянул на яркий кончик меча. Он подумал об иных краях, где черный берег и пустой водопад в ничто. Это не выход. Никакой не выход — даже для скорби. Это совсем не то, что он должен сделать.

— Что же мне тогда делать?! — опять вскрикнул он и ясно услышал суровый ответ: пригождаться. Еще один одинокий поход, самый страшный из всех.

«Что?! — мне, одному, идти к Роковой Горе? — он всё еще трусил, но решимость росла. — Мне взять Кольцо у него? Совет доверил его ему…»

Ответ пришел немедля.

«И Совет дал ему товарищей, чтобы дело не погибло. А ты — последний из Отряда. Дело не должно погибнуть».

«Хотел бы я не быть последним, — он застонал. — Хотел бы я, чтобы здесь был господин Гандальф или хоть кто-нибудь. Почему я должен решать один? Я ж наверняка сделаю не то. Да и не по мне это: брать Кольцо, вылезать вперед…»

«Да ты ведь не лезешь вперед — тебя выпихивают. А что до того, что ты не тот, который нужен, — вспомни-ка о господине Фродо, да и о старом господине Бильбо не забудь. Они не выбирали себя».

«Стало быть, надо мне решать самому. Ладно. Я решу. Да только ведь наверняка ошибусь: посоветоваться-то не с кем, кроме как с собой.

Пораскинь мозгами, Сэм: ежели нас здесь найдут, или найдут господина Фродо, и оно будет при нем — лучшего подарка Врагу и не придумать. И тогда конец нам всем: Лориэну, Светлояру, Краю… всему, одним словом. И мешкать никак нельзя — не то опять-таки конец всем нам. Война началась, и, похоже, всё сейчас идет по Вражьему умыслу. Нечего и думать топать с ним назад за советом и помощью. Нет, сидеть тут и ждать, пока придут и прикончат меня над телом хозяина, и заберут его; или взять его и идти, — он глубоко вздохнул. — Выходит, брать да идти!»

Он нагнулся. Тихонько расстегнул пряжку на шее и скользнул рукой за ворот рубашки Фродо; потом, другой рукой приподняв его голову, поцеловал холодный лоб и осторожно снял цепочку. А потом голова покойно опустилась назад. Застывшее лицо не изменилось, и это больше, чем все другие приметы, убедило Сэма, что Фродо умер.

— До свиданья, хозяин, родной мой, — пробормотал он. — Простите своего Сэма. Он вернется, когда сделает дело. — если сделает. И тогда уж он больше не бросит вас. Отдыхайте спокойно, пока

я вернусь; и пусть никакая тварь не мучит вас! А если б Владычица услыхала меня и подарила мне одно-единственное желание — я пожелал бы вернуться и найти вас здесь. До свиданья!»

Затем он согнул шею и надел на нее цепочку — и голова его склонилась к земле под тяжестью Кольца. Но медленно, точно вес этот уменьшился или новые силы влились в него, он поднял голову, а потом и встал — с усилием, правда, но встал на ноги и понял, что может идти и нести ношу. На миг он поднял Фиал и взглянул на хозяина, и мягкий свет струился, как свет далеких звезд, и лицо Фродо было дивно прекрасным, бледным, но красивым эльфийской красотой, как у того, кто долго шел сквозь Тени и Тьму. И с горьким спокойствием, рожденным этим последним взглядом, Сэм повернулся, спрятал Светильник и, запинаясь, побрел в темноту.

Он отошел недалеко. Тоннель был немного позади; Ущелье — сотней-другой ярдов впереди. Тропа виднелась во тьме — глубокая борозда, проторенная в прошедшие века, она некруто поднималась теперь по длинному желобу меж отвесных обрывистых стен. Желоб быстро сужался. Вскоре Сэм подошел к долгой череде широких плоских ступеней. Орочья башня была теперь

прямо над ним, темно насупленная, с тускло светящимся багровым глазом. Сейчас хоббит был скрыт ее глубокой тенью. Он поднялся по ступеням — и был, наконец, в Ущелье.

«Я решился», — говорил он себе. Не это было не так. Хоть он и сделал всё, что мог, чтобы продумать всё до конца, то, что он делал, было не по нему. «Неужто я все-таки ошибся?» — бормотал он. — «Но что ж мне тогда надо было делать?»

Когда отвесные стены Ущелья сомкнулись над ним, прежде, чем взойти на вершину, прежде, чем взглянуть, наконец, на путь в Забвенные Земли, он обернулся. Мгновенье, застыв в невыносимом сомнении, глядел он назад. Он всё еще видел — темным пятном в густеющем мраке — пасть туннеля; и ему казалось, что он видит, или догадывается, где лежит Фродо. Ему мерещилось там слабое мерцание — или, быть может, его слепили слезы, когда он всматривался в это высокое каменистое место, где его жизнь разбилась в куски.

«Одно желание, одно-единственное, — он вздохнул. — Вернуться и найти его!» Потом повернулся к дороге и сделал несколько шагов вперед: самых тяжких и неохотных шагов за всю свою жизнь.

Лишь несколько шагов, а теперь еще несколько

— и он спустится вниз, и никогда больше не увидит этого перевал… И тут вдруг ему послышались голоса. Он окаменел. Орочьи голоса. И впереди, и сзади. Шум топающих ног и дикие крики: орки подходили к Ущелью. Топающие ноги и шум позади. Сэм завертелся волчком. Увидел маленькие огоньки, факелы, мигающие у выхода из туннеля. Охота, наконец, кончается. Багровый глаз башни не был слеп. Его обнаружили.

Теперь мигание приближающихся факелов и лязг стали впереди были совсем близко. Еще немного — и достигнут вершины, и доберутся до него. Слишком он замешкался, решаясь — вот и поплатятся теперь. Как же ему спастись, уберечь себя, уберечь Кольцо?.. Кольцо. Он ни о чем не задумывался, ни на что не решался — просто понял вдруг, что вытянул цепочку и держит Кольцо в руке. Голова орочьего отряда вползла в Ущелье. Тогда он надел его.

Мир изменился, и каждый миг был заполнен часами раздумий. Сэм сразу понял, что слух обострился, тогда как зрение потускнело, но иначе, чем в логове Аракны. Тьмы не было — смутный сумрак; а сам он был один в сером неясном мире, как маленький твердый черный утес, и Кольцо, что оттягивало левую руку, было подобно кругу

горячего золота. И он вовсе не чувствовал себя невидимым — жутко, невероятно видимым был он, и знал, что где-то Глаз ищет его.

Он слышал хруст камней и бормотание воды в Моргульской Долине, а внизу под скалой — кипящее страдание Аракны, ощупью втиснувшейся в какую — то темную дыру; и голоса в крепостных башнях; и вопли орков, когда те выходили из туннеля; и оглушительно гремящий в ушах грохот ног и звон орочьего оружия. Сэм пристыл к скале. Но они шли, как отряд призраков, серые расплывчатые тени во тьме — тени страха с блеклыми огнями в лапах. Они проходили мимо. Он съежился, пытаясь заползти в какую-нибудь щель и укрыться там.

Он слушал. Орки, вышедшие из туннеля, и другие, те, что спускались, заметили друг друга, и оба отряда торопились и орали. Он ясно слышал всех и понимал, что они говорят. Возможно, Кольцо давало понимание языков или просто понимание слуг того, кто его создал, — Саурона, так что он, спрятавшись, мог читать их мысли. Конечно, сила Кольца возросла стократ, когда оно вернулось туда, где было отковано; но одной вещи оно не могло даровать — мужества. Сейчас Сэм думал только, как бы схорониться получше, перележать

всю эту кутерьму; и слушал он с тревогой. Он не мог бы сказать, близко голоса или далеко; слова, казалось, звучали прямо в его ушах.

— О-ла-ла! Горбаг! Что ты тут делаешь? Уже устал от войны?

— Приказ, увалень ты этакий. А сам ты что тут делаешь, Шаграт? Устал сидеть в башенной засаде? Думаешь, как бы удрать на войну?

— Приказы — для тебя. Я командую перевалом. Так что будь повежливей. Что ты можешь доложить?

— Ничего.

— Хэй! Хэй! Йой-и!!! — вопль ворвался в разговор вожаков. Задние орки что-то углядели. Помчались туда. А за ними все остальные.

— Хай! Хэй! Од-ла! Здесь что-то есть!.. Прямо на дороге!.. Шпион, шпион!

Донесся ворчливый посвист рожков и галдежлающих голосов.

Сэм мигом забыл, что надо прятаться. Они увидели хозяина. Что они станут делать? От рассказов, которые ему доводилось слышать про орков, кровь стыла в жилах. Это было невыносимо. Он вскочил. Он отбросил все решения и сомнения. И страх заодно. Теперь он знал, где его место: рядом с хозяином, хоть и неясно было, что

он сможет там сделать. Он опрометью бросился назад, вниз по ступенькам, вниз по тропе — к Фродо.

«Сколько их там? — соображал он на бегу. — Тридцать-сорок из башни да вдвое больше снизу. Скольких я смогу убить, прежде чем прикончат меня? Они увидят пламя меча, едва я его вытащу — и рано или поздно до меня доберутся. Интересно, скажут об этом хоть в одной песне: «Как Сэммиус пал на Высоком Перевале, возведя стену из вражьих тел вокруг своего хозяина? Да нет, какое! Ведь Кольцо найдут, а тогда уж, ясное дело, песен не будет. Ноя ничем не могу помочь. Мое место рядом с господином Фродо. Они должны понять это — Эльронд, и Совет, и все великие Владыки и Владычицы, со всей их мудростью. Их план не удался. Я не могу быть Хранителем. Не могу — без Фродо».

Но орки уже скрылись в тусклом мареве. У Сэма не было времени считаться с собой, но теперь он понял, что устал, устал почти до изнеможения: ноги несли его слишком медленно. Тропа, казалось, протянулась на мили. Куда они все подевались во мгле?

Вот они где! Ох и далеко же… Скопище фигур вокруг чего — то, лежащего на земле; некоторые,

пригнувшись, метались взад-вперед — как псы над следом. Сэм попытался наддать ходу.

«Двигайся, Сэм, — понукал он себя. — Не то опять опоздаешь!» — он нащупал меч. Еще минута — и он обнажит его, и тогда…

Послышались шум, смех, улюлюканье, будто что-то поднимали с земли.

— Йа-хой! Йа-харри-хой! Раз! Два!

Потом голос скомандовал:

— Теперь — прочь! Скорым путем. Назад к Нижним Воротам! Она не тронет нас этой ночью, по всему видно.

Орда двинулась. В середине четверо несли на плечах тело. — Йа-хой!

Они забрали тело Фродо. Они уходили. Он не смог остановить их. Но все равно шел вперед: медленно, с трудом. Орки достигли туннеля. Те, что несли груз, вошли первыми, следом, давясь и дерясь — все остальные. Сэм шел. Он обнажил меч, голубое сияние дрожало в его руке, но они не видели его. Как раз, когда он, задыхаясь, подошел ко входу, последний орк исчез в черной дыре.

С минуту Сэм стоял, держась за грудь. Потом провел рукавом по лицу, стирая пот, грязь и слезы.

— Гады проклятые!.. — сказал он и прыгнул

вслед им во мрак.

Теперь, однако, в туннеле было вовсе не так темно, словно бы он шагнул из прозрачной мглы в густой туман. Усталость Сэма росла, но воля всё крепла. Ему казалось, он видит чуть впереди свет факелов, но, торопясь изо всех сил, он не мог нагнать их. Орки ходят быстро, а этот туннель они к тому же хорошо знали, потому что, несмотря на Аракну, частенько пользовались им как быстрейшим путем из Мертвого Города. В какие стародавние времена был пробит главный туннель и большая круглая яма, где укрывалась Аракна, они не знали; но много обходов проделали они сами, чтобы избежать логова в походах туда и оттуда. Этой ночью они не собирались заходить далеко, а торопились отыскать боковой проход, что вел назад — к сторожевой башне на скале. Большинство ликовало, в восторге от того, что они видели и нашли, и потому вопили и бормотали на бегу. Сэм слышал резкие голоса, громкие даже в стоячем воздухе, и различал среди них два: они были словно бы громче и ближе. Вожаки отрядов замыкали шествие, разговаривая на ходу.

— Можешь ты приказать своему сброду не гомонить так, Шаграт? — проворчал один. — Они ж

накличут Аракну.

— Шагай, Горбат! Твои гомонят не меньше, — отозвался другой. — Но пусть себе! Аракне сейчас немного не до нас, как я понимаю. Она, кажется, наткнулась на коготь, и мы не станем рыдать об этом. Разве не видишь: мерзкая грязь на всём пути до ее проклятой щели? Так пусть себе ржут! Нам ведь всё — таки повезло: заполучили то, что надобно Лугбурзу.

— Надобно Лугбурзу?.. А кто это, как ты думаешь? Вроде эльфа, только недомерок… Что в нем опасного?

— Я вообще не знал, что это, пока не увидел.

— Ого! Так тебе, выходит, не сказали, чего ожидать? Они не говорят нам всего, что знают, верно? Даже и половины не говорят. Но ведь и они могут ошибаться — даже Глава может.

— Ш-ш-ш, Горбат! — голос Шаграта стал таким тихим, что даже Сэм своим обостренным слухом едва слышал его. — Мочь-то они могут, но у них всюду глаза и уши; и среди моих олухов они тоже найдутся, уж поверь. Но в чем нет сомнения — так это в том, что они беспокоятся. Назгул внизу волнуется, чтоб ты знал; и Лугбурз тоже. Что-то почти проскользнуло.

— Почти, говоришь?..

— Именно, — подтвердил Шаграт. — Но об этом мы поговорим позже. Подожди, пока дойдем до Нижней Тропы. Там есть местечко, где мы сможем потолковать, а наши ребята пойдут дальше.

Вскоре Сэм увидел, что факелы исчезли. Потом раздался грохот и, когда он заторопился, — глухой удар. Он догадался, что орки прошли тем самым проходом, который они с Фродо посчитали закрытым. Он был закрыт по-прежнему.

Казалось, дорога перегорожена огромным камнем, но орки как-то прошли сквозь него — их голоса слышались по другую сторону. Они всё так же уходили вперед, глубже и глубже в гору, назад, к башне. Сэма охватило отчаянье. Тело его хозяина уносят с какими-то гнусными целями — а он не может преследовать похитителей! Он нажимал на камень, толкал, кидался на него — тот не поддавался. Потом изнутри опять донеслись голоса атаманов. Он застыл и прислушался, надеясь узнать что-нибудь полезное. Может, Горбат, который, кажется, обретается в Минас-Моргуле, выйдет, и Сэму удастся проскользнуть внутрь.

-.. Нет, не знаю, — сказал голос Горбага. — Донесения обычно доходят быстрее, чем кто-нибудь сможет долететь. Но я этим не интересуюсь. Так безопаснее. Бр — р-р! От этих Назгулов мороз по

коже. Они взглядом сдирают с тебя шкуру и бросают одного в темноте — замерзать. Но Он — такой же; они его любимчики, так что ворчать бес толку. Да, скажу тебе, служба внизу не игрушка.

— Тебе бы здесь послужить, вместе с Аракной.

— Мне бы служить там, где нет никого из них. Но сейчас война, а когда она кончится, так, может, нам полегчает.

— Говорят, она идет успешно.

— Они скажут, — проворчал Горбаг. — Увидим. Но так или иначе, если она идет успешно, местато будет побольше. Что ты скажешь?.. — если мы рискнем, ты и я, удерем да засядем где-нибудь сами по себе с несколькими верными парнями — где-нибудь, где много добычи и нет больших начальников?

— Ах!.. — вздохнул Шаграт. — Как в доброе старое время!

— Да, — сказал Горбат. — Но не надейся на это. Мне неспокойно. Как я говорил, Большие Начальники… — он перешел на шепот, — ай, даже Наивысший, могут ошибаться. Почти проскользнуло, сказал ты. Я же скажу — что-то проскользнуло. А мы должны следить. Вечно мы исправляем чужие ошибки; а где благодарность? Но не забудь: враги любят нас не больше, чем Его,

и ежели Его одолеют, то и мы пропали… Слушай: когда тебе приказали выступить?

— Около часа назад, как раз перед там, как вы нас встретили. Пришла весть: «Назгул обеспокоен. Ждите шпионов. Удвойте бдительность. Патруль на Лестницы». Я тут же выступил.

— Плохо дело, — пробурчал Горбаг. — Слушай: наши Безмолвные Стражи забеспокоились более двух дней назад, это я знаю. Но мне не велели выступать и не послали известия в Лугбурз — из-за Великого Сигнала, потому что Предводитель Назгулов отправился на войну и всё такое. И потом, они довольно долго не могли заставить Лугбурз обратить на это внимание — так мне говорили.

— Глаз был занят где-то еще, полагаю, — сказал Шаграт. — Говорят, на западе творятся большие дела.

— Еще бы, — хмыкнул Горбат. — А в это время враги поднимаются по Лестницам. А где был ты? Ты-то ведь, кажется, должен караулить, не так ли, есть приказ или нет? Ты-то здесь зачем?

— Довольно! Не учи меня служить! Мы в свое время были настороже. И знали, что нас ждут веселые дела.

— Веселей некуда!

— Ты прав, некуда: огни, крики и всё в этом

духе. Но на пути была Аракна. Мои парни видели ее и ее выползка.

— Выползка?.. Это еще что?

— Ты его должен был видеть: маленький, черный, тощий. Вроде паука, а может — как заморенная лягушка. Он уже бывал здесь. Сначала — давным-давно — вышел из Лугбурза, и нам было приказано пропустить его. С тех пор он раз или два поднимался по Лестницам, но мы его не трогали: он, кажется, снюхался с Ее Милостью. Думаю, он невкусен: ей-то наплевать на приказы Сверху. Но хорошо же ты охраняешь долину — он был здесь за день до этой заварухи. Мы видели его вчера в сумерки. Так или иначе, мои ребята доложили, что Ее Милость собирается повеселиться, и мне этого казалось вполне достаточно — пока не пришла весть. Я думал, выползок принес ей игрушку или вы прислали в подарок пленника. Я не вмешиваюсь, когда она играет. Мимо Аракны ничто не проскользнет, если она на охоте.

— Ничто! У тебя что, глаз нет? Говорю тебе: я беспокоюсь. Кто бы ни шел по Лестницам — он прошел. Он разрубил ее сеть и ловко выбрался из норы. Есть о чем подумать!

— Так ведь она его в конце концов поймала, разве нет?

— Поймала его? Поймала кого? Этого недомерка? Но если бы он был один, она давно уволокла бы его в берлогу, и он бы был сейчас там. А ежели он надобен Лугбурзу — тебе пришлось бы лезть и доставать его. Приятная работка… Но он был не один.

Сэм стал слушать внимательней, даже прижал к камню ухо.

— Кто разрезал веревки, которыми она его обмотала, Шаграт? Тот же, кто разрубил сеть. Неужто ты этого не понял? И кто вонзил в Ее Милость булавку? Тот же самый, мыслю я. А где он? Где он, Шаграт?

Шаграт не ответил.

— Повари-ка своим котелком, если он у тебя есть. Смеяться тут не над чем. Никто — никто! — никогда не вонзал в Аракну булавок, как тебе известно. Печалиться не о чем, но подумай: тут поблизости кто-то поопасней всех треклятых мятежников, какие появлялись со времен Великой Осады. Кто-то прошел.

— И кто же это?

— По всем признакам, атаман Шаграт, я скажу, что это большой воин, скорее всего — эльф, с эльфийским клинком, а может, и с топором; он ускользнул и от тебя, и тебе его никогда не пой-

мать. Очень весело! — Горбат сплюнул.

Сэм мрачно улыбнулся на это описание себя.

— Да ладно, у тебя все — мрак. Толкуй знаки, как хочешь, но их наверняка можно объяснить и по-другому. Как бы там ни было, у меня всюду стражи, и я не собираюсь заниматься всем сразу. Вот взгляну, кого мы поймали, — тогда и буду думать о другом.

— Кажется мне, ты не найдешь в этом малыше ничего интересного, — заметил Горбат. — Он, скорее всего, не имеет ничего общего с истинной опасностью. Большой воин с острым мечом, кажется, ценил его не так уж высоко — и оставил лежать: обычная эльфийская уловка.

— Посмотрим! Идем! Мы и так заболтались. Идем взглянем на пленника.

— Что ты собираешься с ним делать? Не забудь, первым увидел его я. Если намечается веселье — бери и нас с ребятами в долю.

— Тише, тише, — заворчал Шаграт. — У меня приказ. Он не для нашего с тобой пуза. Любой лазутчик, пойманный стражей, должен содержаться в башне. Пленника надо ободрать. Полное описание — одежда, оружие, письма, кольца и остальное, что найдется, — послать в Лугбурз, и только в Лугбурз. А пленника сохранять целым

и невредимым, под страхом смерти для любого стражника, пока Он не пришлет за ним или не придет Сам. Всё это достаточно ясно, и так я и собираюсь поступить.

— Ободрать, а? — хмыкнул Горбат. — Что: зубы, ногти, волосы и всё прочее?

— Ничего подобного. Говорят тебе: он для Лугбурза. Он нужен целым и невредимым.

— Это уже труднее, — хохотнул Горбаг. — Он же не больше, чем труп. Что Лугбурзу делать с этой дрянью? Ему одна дорога — в котел.

— Идиот, — издевательски ласково сказал Шаграт. — Рассуждать ты горазд, а вот что все знают — не знаешь. Ты сам отправишься в котел или к Аракне, если не поостережешься. Труп!.. Это всё, что ты знаешь о Ее Милости? Если она обматывает веревками — она сыта. Она не ест мертвечины, да и крови холодной не пьет. Этот парень не умер!

Сэм вцепился в камень; всё плыло перед его глазами. Казалось, весь темный мир перевернулся вверх дном. Он почти лишился чувств — так велик был удар; но, даже борясь с собой, слышал в глубине души голос: «Ты осел, он не умер, и сердце твое чуяло это. Не доверяй своей башке, Сэммиус, она не лучшее, что у тебя есть. Твоя беда

в том, что ты никогда по-настоящему не надеялся. Что ж теперь делать?» Сейчас — ничего, только прижаться головой к недвижному камню и слушать, слушать омерзительные орочьи голоса.

— Гарн! — рыкнул Шаграт. — У нее ведь не один яд. Когда она охотится, то клюет их в шею, и они делаются мягкими, как рыба без костей, и тогда она с ними играет. Помнишь старого Уфхака? Мы потеряли его несколько дней тому. А потом нашли; он висел в углу, но был в себе и ругался. Как мы смеялись! Она, наверное, забыла о нем, но мы его не тронули: не хотелось с ней связываться. Нар — этот гаденыш очнется через пару часов; и будет здоровехонек, может, только голова немного поболит. Будет, если Лугбурз оставит его в покое. Ну и, конечно, он не будет знать, где он и что с ним случилось.

— И что с ним случится, — засмеялся Горбаг. — Во всяком случае, мы ему кое-что расскажем, если уж остальное запрещено. Не думаю, чтоб он когда-нибудь бывал в нашем чудном Лугбурзе, так что ему будет интересно узнать, что его ждет. Дело становится забавней, чем я считал. Пошли!

— Тут не до веселья, говорят тебе, — возразил Шаграт. — Он должен быть цел, не то мы сами станем трупами.

— Прекрасно!.. Но будь я на твоем месте, я все-таки поймал бы того, что потерялся, прежде чем посылать в Лугбурз донесение. Мало приятного сознаваться, что ты поймал котенка и упустил кота.

Голоса стали удаляться. Сэм слышал звук уходящих шагов. Он оправился от потрясения, и теперь дикая ярость владела им.

— Все я сделал не так! — вскричал он. — Я ж знал, что так будет! Теперь вот они схватили его, гады окаянные! Никогда не бросай хозяина, никогда, никогда, никогда: это было моей правдой. Я нес это в сердце. Нет мне прощенья!.. Теперь я должен вернуться к нему. Несмотря ни на что, ни на что!

Он снова вытащил меч и принялся колотить по камню эфесом, но слышал лишь тупой звук. Меч, однако, сиял сейчас так ярко, что он стал кое — что видеть в его свете. К своему удивлению, он заметил, что огромный камень очень похож на тяжелую дверь, чуть выше двух его ростов. Между верхним ее краем и низкой аркой прохода зияла черная пустота. Скорее всего, это была всего лишь преграда для Аракны, замыкающаяся изнутри на засов или щеколду. Сэм собрал все силы, подпрыгнул, ухватился за верхний край,

вскарабкался и спрыгнул — и тут же помчался, как сумасшедший, с мерцающим мечом в руках — за угол и вверх извилистым проходом.

Весть, что хозяин его всё еще жив, подняла его на последнее усилие, превыше мук и усталости. Он ничего не видел впереди — новый проход то и дело поворачивал; но ему казалось, что он вот-вот нагонит орков: голоса их снова приблизились. Теперь они звучали совсем рядом.

— Вот что я собираюсь делать, — сердито говорил Шаграт. — Посадить его в самый верхний каземат.

— К чему? — заворчал Горбаг. — У тебя что, нет темниц внизу?

— Он должен быть в безопасности, сколько тебе повторять? — ответил Шаграт. — Понял? Он — драгоценность. Я не доверяю ни своим, ни твоим парням; да и тебе тоже — уж больно ты охоч до развлечений. Он отправится, куда я его отправлю, и куда ты не доберешься, если не будешь вежливым. На самый верх, я сказал. Там — то уж он уцелеет.

— Ой ли? — сказал Сэм. — Ты забыл о великом эльфийском витязе, который потерялся!

С этими словами он обогнул последний угол — только чтобы понять, что то ли коридор, то

ли острый слух обманули его: он ошибся в расстоянии.

Две орочьи фигуры были всё еще далеки. Теперь он видел их, черные и приземистые в багровом сумраке. Проход вел прямо вверх; а в конце широко распахнулись огромные двойные двери, ведущие, должно быть, в глубокие подвалы сторожевой башни. Орки с их ношей уже вошли внутрь. Горбаг и Шаграт подходили к воротам.

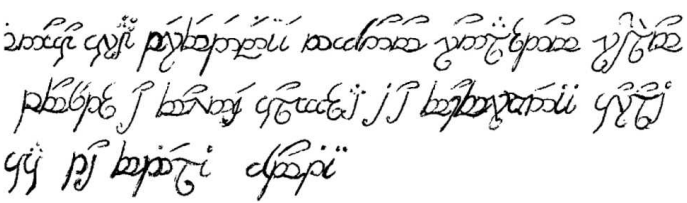
Сэм слышал хриплое пение, рев рогов, гортанные звоны гонгов. Горбаг и Шаграт переступили порог.

Сэм завопил и взмахнул Разителем, но его слабый голос потонул в шуме. Никто не заметил его.

Огромные двери захлопнулись. Бум-м. Железные засовы внутри опустились. Кланг. Ворота были закрыты. Сэм бросился на сомкнутые бронзовые плиты и без чувств упал наземь. Тьма накрыла его. Фродо был жив — и в руках Врага.

Возвращение Короля
Летопись третья из эпопеи «Властелин Колец»

Книга пятая



Глава 1
Минас-Тириф

Пин выглянул из-под полы плаща Гэндальфа. Проснулся он, или все еще спит, по-прежнему в быстролетящем сне, который окутывал его так долго — с тех пор, как началась эта бесконечная скачка? Темный мир проносился мимо, в ушах громко пел ветер. Пин не видел ничего, кроме мигающих звезд, да справа, вдалеке, заслоняла небо широкая тень гор Юга. Он сонно попытался исчислить время и этапы их поездки, но память дремала и путалась.

Была первая бешеная безостановочная скачка, а потом, на рассвете, он увидел бледное мерцание

золота, и они вошли в примолкший город и в огромный дворец на холме. И едва ступили они под крышу, как крылатая тень снова пронеслась в небе, и люди поникли в страхе. Но Гэндальф ласково поговорил с ним, и он забылся усталой, но тревожной дремой, смутно сознавая, что люди входят и выходят, а Гэндальф отдает приказы. А потом опять скачка, скачка в ночи. Это была вторая… нет, третья ночь с тех пор, как он посмотрел в Камень. С этим кошмарным воспоминанием он проснулся полностью и задрожал, и шум ветра наполнился угрозными голосами.

Свет вспыхнул в небе — сполох желтого огня за тёмной преградой. Пин снова спрятался, испугавшись на миг, удивляясь, в какой жуткий край тащит его Гэндальф. Он протер глаза — и увидел, что почти полная луна взошла над восточной мглой. Он шевельнулся и заговорил.

— Где мы, Гэндальф?

— В княжестве Гондор, — откликнулся маг. Некоторое время ехали молча.

— Что это?.. — вскрикнул вдруг Пин, хватаясь за плащ Гэндальфа. — Гляди!..

Огонь, алый огонь! Здесь что, драконы водятся? Гляди, вон еще!..

Вместо ответа Гэндальф крикнул коню:

— Вперед, Ночиветр! Надо спешить. Время на исходе! Смотри! Маяки Гондора зажглись, зовя на помощь. Война началась. Смотри, горит Амон-Дин, пылает Эйленах; а вон торопятся на запад Нардол, Элерас, Мин-Риммон, Галенхад и пограничный Халифириен… Вперед!

Однако Ночиветр приостановился, а потом поднял голову и заржал. Из тьмы донеслось ответное ржание; вскоре мягко застучали копыта, и трое всадников летящими тенями пронеслись мимо, исчезнув на западе. Тогда Ночиветр подобрался и прыгнул вперед, и ночь ревущим ветром забилась над ним.

Пин вновь задремал, и едва слышал, как Гэндальф рассказывает ему об обычаях Гондора и о том, что Наместник Королевства поставил маяки на вершинах холмов вдоль обеих границ и устроил рядом подставы со свежими конями, чтобы гонцы немедленно доставляли вести в Роханд на севере или в Златозар на юге.

— Давно уже не вспыхивали Северные Маяки, — сказал маг. — А в древности Гондор не нуждался в них: у него были Семь Камней.

Пин беспокойно зашевелился.

— Спи и не бойся! — проговорил Гэндальф. — Ты идешь не в Мордор, как Фродо, а в Минас-Тириф,

и там будешь в безопасности — насколько вообще можно быть в безопасности в эти дни. Если Гондор пал, или Кольцо захвачено, даже Край — не укрытие.

— Ну, ты успокоишь! — мрачно буркнул Пин, однако все же заснул. Последнее, что он запомнил, прежде чем погрузился в глубокий сон, — блеск высоких снежных пиков, мерцающих в лучах заходящей луны. Интересно, подумалось ему, где сейчас Фродо, дошел ли он уже до Мордора, или, может быть, умер; и он не знал, что Фродо издалека смотрел на ту же луну, когда она садилась за Гондор перед приходом дня.

Разбудил Пина шум голосов. Еще один день пряток и ночь скачки унеслись прочь. Были сумерки; близился холодный рассвет, и вокруг клубился знобкий туман. От шкуры Ночиветра шел пар, но конь гордо вскидывал голову и не выказывал и тени усталости. Много закутанных в плащи людей стояло вокруг, а позади них вздымалась каменная стена. Она казалась полуразрушенной, но оттуда уже доносились звуки поспешной работы: удары молотов, звон мастерков, стук колес. Тут и там тускло светили сквозь туман факелы. Гэндальф говорил с людьми, преградившими ему путь, и, прислушавшись, Пик понял, что речь

идет о нем.

— Да, правда, мы знаем тебя, Мифрандир, — говорил предводитель, — тебе известны Слова, открывающие Семь Ворот, и ты волен идти вперед. Но мы не знаем твоего спутника. Кто он? Гном из-под северных гор? Нам сейчас не нужны чужестранцы, если только они не могучие воины, в чью честность мы сможем поверить и на чью помощь сможем рассчитывать.

— Я поручусь за него перед троном Дэнэтора, — промолвил Гэндальф. — А что до доблести — так она не измеряется ростом. Он прошел больше битв и опасностей, чем ты, Ингольд, даром, что ты вдвое выше, а сейчас он идет из бурь Исенгарда, откуда мы несем вести, и очень утомлен, не то я разбудил бы его. Зовут его Перегрин, это доблестный человек.

— Человек? — с сомнением переспросил Ингольд, а другие засмеялись.

— Человек! — вмешался Пин, проснувшись окончательно. — Человек!.. Нет, конечно! Я хоббит, и что доблестен — так это так же верно, как то, что я человек, за исключением, разве что, двух-трех случаев. Не давайте Гэндальфу вас морочить!

— Многие великие воины не могли бы сказать

большего, — заметил Ингольд, казалось, ничуть не удивившись внезапному вмешательству. — А что такое хоббит?

— Полурослик, — отвечал Гэндальф. — Нет, не тот, о котором было сказано, — добавил он, увидев изумление на лицах людей. — Не он, — но один из его народа.

— Да, и один из тех, кто шел с ним, — сказал Пин. — С нами был еще Боромир из вашего Города, он спас меня в снегах Севера, а под конец пал, защищая нас от врагов.

— Тише! — прервал его Гэндальф. — Эта скорбная весть должна быть сперва поведана отцу.

— О ней уже догадались, — сказал Ингольд. — Ибо странные знамения были нам недавно. Но езжайте быстрей! Потому что Князь Минас-Тирифа жаждет видеть любого, кто принесет ему последние вести о сыне — будь то человек или…

— Хоббит, — договорил Пин. — Я мало чем смогу служить вашему Князю, но что смогу сделать — сделаю, в память о Боромире Храбром.

— Прощай же! — молвил Ингольд, и люди расступились, дав дорогу Ночиветру, и конь прошел сквозь узкие ворота в стене. — Дай добрый совет Дэнэтору в его нужде, да и нам тоже, Мифрандир! — крикнул вслед Ингольд. — Но, говорят, ты

приносишь лишь вести войны и печали…

— Потому, что я прихожу лишь, когда нужна моя помощь, — отозвался Гэндальф. — А что до совета — могу сказать, что вы запоздали с восстановлением стены Пеленнора. Мужество будет лучшей вашей защитой в грядущей буре — оно и та надежда, которую я принес. Ибо не все мои вести злы… Но оставьте мастерки и острите мечи!

— До заката работу закончат, — сказал Ингольд. — Это последний участок стены, нуждающийся в защите: остальные открыты, потому что обращены к союзному Роханду. Знаешь ли ты о них что-нибудь? Ответят они на зов?..

— Они придут. Но их задержали битвы, что были у вас за спиной. Ни эта, никакая другая дорога не ведет более к безопасности. Будьте бдительны! Если бы не Гэндальф Буревест — вы увидели бы вражье воинство, а не всадников Марки… И все еще можете его увидеть… Прощайте, да не спите!

Гэндальф ехал обширными землями за Рамас-Эхором. Так называли гондорцы стену, возведенную ими с превеликим трудом после того, как Ифилиэн был захвачен Врагом. Она изогнулась примерно на десять лиг, от предгорий до излучины Великой Реки, обегая поля Пеленнора

— прекрасные и изобильные пригородные земли, долгими склонами и террасами нисходящие к Андуину. На северо-востоке, в самой дальней от Главных Ворот точке, стена отстояла от них на четыре лиги, и оттуда, с высоты хмурого берега, смотрела на заречные равнины, и люди сделали ее высокой и мощной, потому что здесь по огражденной стенами насыпи шла дорога от бродов и Осгилиафа, проходя через Дозорные Ворота меж двух зубчатых башен. В самой ближней точке — на юго-востоке — стена была не более чем в лиге от города. Там Андуин, огибая холмы Эмин-Арнена в Южном Ифилиэне, круто сворачивал к западу, и стена поднималась на самом берегу, а под ней тянулись набережные и причалы для кораблей, что поднимались по Реке от южных провинций.

Пригороды были богаты: пашни и фруктовые сады, хутора и усадьбы с житницами, загонами и хлевами для скота; множество ручьев струилось к Андуину. Однако пастухов и землепашцев здесь жило немного: большая часть гондорцев жила либо в семи кругах Города, либо в Лоссарнахе, в долинах предгорий, либо дальше, на юге, в дивном Лебеннине с его пятью быстрыми реками. Они считались гондорцами, однако были среди

них коренастые, приземистые люди, чьи предки обитали в тени холмов еще в Темные Годы, — до прихода Королей. Но дальше, в великом Златозаре, жил в Дол-Амросе — Лебяжьем Замке — принц Имрахиль, и его народ был высокой крови: рослые, гордые воины с глазами цвета хмурого моря.

Гэндальф проскакал немного — и свет дня разгорелся в небе; тогда Пин сел и огляделся. Слева лежало море мглы, поднимаясь к черным теням Востока, а справа возносили головы высокие горы — протянувшись с запада, они обрывались внезапно и круто, будто во дни сотворения земли Река прорубила в их цепи широкую долину, которой суждено было стать местом споров и битв. И там, где кончались Белые Горы, он увидел, как и обещал Гэндальф, темное тело горы Миндоллуин, глубокие пурпурные тени ее долин и освещенное восходящим днем лицо. А на ее отброшенном в сторону отроге стоял Город-Страж с семью каменными стенами, такими мощными и древними, что они казались не рукотворными, а высеченными из костей земли.

Как раз, когда Пин в изумлении глядел на них, стены из неясно-серых стали белыми, слабо алея в заре; и вдруг солнце, выбравшись из-за восточной

тьмы, послало вперед сноп лучей, что ударили в лицо Города. И тут Пин громко вскрикнул, ибо Башня Эктелиона, стоящая за вершинными стенами, засверкала на фоне неба, мерцая, как игла из жемчуга и серебра, длинная, прекрасная и острая, и шпиль ее искрился, точно хрустальный, а белые стяги изламывались и реяли над зубцами в утреннем ветре, и издалека слышался чистый зов серебряных труб.

Гэндальф и Перегрин подъехали к Главным Воротам, и железные створки раскатились перед ними.

— Мифрандир!.. Мифрандир!.. — кричали люди. — Значит, буря и правда близка!

— Она над вами, — молвил Гэндальф. — Я прискакал на ее крыльях. Пропустите меня! Я должен увидеться с вашим Правителем Дэнэтором, покуда правление его длится. Что бы ни случилось, тот Гондор, что вы знаете, умрет. Пропустите!..

Люди раздались перед властной силой голоса мага и больше не расспрашивали его, хоть и не сводили глаз с хоббита, что сидел перед ним, и с коня, что нес его. Потому что горожане мало пользовались лошадьми и редко видели их на улицах — кроме тех, на которых скакали посланцы их правителя.

— Это, верно, один из великих коней князя Роханда… — шептались в толпе. — Может, и роандийцы скоро придут на подмогу…

А Ночиветр гордо шел вверх по долгой извилистой дороге. Минас-Тириф стоял на семи террасах, каждая врыта в холм и окружена стеной, а в каждой стене были ворота. Однако ворота не шли одни за другими: Главные Ворота в Городской Стене смотрели на восток, следующие — на юг, третьи — на север… и так все время, и дорога, идущая вверх, к Цитадели, извилисто обегала холм. И каждый раз, когда она пересекала линию Главных Ворот, она проходила сквозь сводчатый коридор, пронизывающий громадную скальную стену, которая надвое делила все круги Города, кроме первого. Высокий каменный бастион — дело искусных рук древних зодчих — начинался в широком дворе за Воротами; край его, острый, как киль корабля, был обращен к востоку. Он поднимался на высоту верхнего круга, и там его венчали зубцы; так что воины, как моряки на горном корабле, могли смотреть с его края прямо вниз — на Ворота в семи сотнях футов перед собой. Вход в Цитадель тоже смотрел на восток, но был вырублен в самом сердце скалы; оттуда длинный, освещенный светильниками подъем

вел к седьмым воротам. Так люди добирались, наконец, до Верхнего Двора и Площади Струй у подножия Белой Башни — высокой и стройной, пятидесяти саженей от основания до шпиля, где, в сотнях футов над равниной, реял стяг Наместников Гондора.

Это была истинно неприступная крепость, и ее было не взять вражеским полчищам, пока в ней оставался хоть кто-то в силах держать оружие — если только враг не зайдет сзади и не взберется по отлогому склону горы Миндоллуин, попав таким образом, на узкий уступ, что соединял Охранный Холм с телом горы. Но этот уступ, шедший на уровне пятой стены, перегораживали огромные валы, доходящие до обрыва на западной стороне; и там стояли дворцы и усыпальницы Королей прошлого, навек упокоившихся меж крепостью и горой.

Пин со все возрастающим удивлением глядел на каменный город, больше и прекрасней всего, что могло пригрезиться ему; мощней Исенгарда и куда красивей его. И однако, правдой было, что он год от года приходит в упадок; уже сейчас в нем жила половина тех, кто мог бы в нем жить. На каждой улице они проезжали какой-нибудь величавый дворец, над дверью и воротами кото-

рого были высечены дивные письмена странных, древних начертаний — Пин решил, что это имена разных великих людей и их родни, некогда живших здесь; а теперь они были погружены в тишину — не звенели шаги на широких мостовых перед ними, не перекликались голоса в высоких залах, никто не выглядывал из дверей или окон.

Наконец они подъехали к седьмым воротам, и теплое солнце, что светило над рекой, когда Фродо шел лугами Ифилиэна, сверкало на гладких стенах, и крепких столбах, и высокой арке с ключевым камнем в форме коронованной головы.

Гэндальф спешился, ибо кони не допускались в Цитадель, и Ночиветр позволил увести себя, послушный тихим словам своего господина.

Стражи ворот были одеты в черное, со странной формы шлемами: высокими, с наличными щитками, над которыми были укреплены белые крылья чаек; шлемы мерцали серебром, ибо сделаны были из мифриля — драгоценного наследия былой славы. На черных верхних куртках было вышито снежно-белое дерево под короной и многолучевыми звездами. То был наряд наследников Элендиля, и никто в Гондоре не носил его ныне, кроме Стражей Цитадели перед Двором Струй, где некогда росло Белое Дерево.

Казалось, речь об их приезде бежала впереди них; их тут же пропустили — молча, не задавая вопросов. Гэндальф быстро пересёк вымощенный белым камнем двор. Мелодичный фонтан играл в утреннем солнце, и вокруг него лежал овал яркой зелени; но в центре, поникнув над чистой водой, стояло мертвое дерево, и капли печально падали с его безлистых, изломанных ветвей.

Пин взглянул на него, поспешая за Гэндальфом. Какое оно мрачное, подумал он, и зачем его только оставили здесь, где всё выскоблено до блеска.

Семь Камней и семь звезд,
И единое Белое Древо…

— вспомнились ему слова, что бормотал Гэндальф. А потом он увидел, что стоит у дверей величественного дворца позади сверкающей башни; и, вслед за магом, он миновал высоких безмолвных стражей и вступил в прохладные гулкие тени каменных палат.

Они шли вниз мощеным коридором, длинным и пустым, и по пути Гэндальф тихо наставлял Пина:

— Думай, что говоришь, мастер Перегрин! Сейчас не время для легкомыслия. Теодэн доброжелателен и любезен. Дэнэтор же горд и хитроумен,

он человек высокой крови и огромной власти, хоть и не зовется Королем. Но он станет говорить с тобой, и подробно тебя расспрашивать после того, что ты расскажешь ему о сыне. Он его очень любил — возможно, слишком; и тем сильней из-за их несхожести. Но под покровом этой любви он постарается выведать у тебя больше, чем сказал бы ему я. Не говори ему больше, чем надо, в особенности же о Фродо. В свое время я сам коснусь этого. Да помолчи об Арагорне, если сможешь.

— А почему?.. — прошептал Пин. — Бродник ведь собирался сюда — разве нет? Он же вот-вот должен прийти…

— Может быть, может быть, — сказал Гэндальф. — Хотя если придет — то, вероятно, таким путем, какого не ожидает даже Дэнэтор. Так будет лучше. И уж во всяком случае, не стоит нам трубить о его приходе.

Гэндальф остановился перед высокой дверью из полированного металла.

— Видишь ли, Пин, сейчас нет времени посвящать тебя в историю Гондора, хоть и неплохо было бы тебе узнать кое — что об этом, ещё когда ты резвился в лесах Края. Делай, как я прошу! Не очень — то умно, принеся весть о гибели наследника могущественному князю, толковать о том,

кто, если придет, предъявит права на царство.

— На царство?! — ошарашено переспросил Пин.

— Да, — сказал Гэндальф. — Если все это время глаза твои были закрыты, а разум спал — проснись хоть теперь! — и он постучал в дверь.

Дверь распахнулась, хоть и не было видно, кто растворил ее.

Пин смотрел в огромный зал. Его освещали глубокие окна в нефах по обе стороны за рядами высоких колонн, что поддерживали крышу. Монолиты из черного камня, они поднимались к тяжелым капителям, изукрашенным изображениями невиданных животных; а высоко вверху мерцал тусклым золотом обширный свод, выложенный многоцветным цветочным орнаментом. Ни драпировок, ни тканых картин, ни одной вещи резного дерева не было в этом просторном торжественном зале, но меж колонн стояли безмолвной толпой изваяния, высеченные из холодного камня.

Пину вдруг припомнились Каменные Гиганты, и он с благоговейным трепетом смотрел на эту аллею давно умерших королей. В ее дальнем конце, на возвышении, стоял под мраморным балдахином в форме увенчанного короной шле-

ма высокий трон; за ним в стене было высечено изображение цветущего дерева. Трон был пуст. У подножия ведущей к нему лестницы, на ее нижней широкой ступени, стояло каменное кресло, черное, без украшений, и в нем, глядя себе на колени, сидел старик. Он не поднял глаз. Они медленно шли к нему по долгому полу, пока не остановились в трех шагах. Тогда Гэндальф заговорил:

— Привет тебе. Князь и Наместник Минас-Тирифа, Дэнэтор, сын Эктелиона! В черный час я пришел с вестями и советом.

Старик поднял взгляд. Пин увидел изборожденное морщинами лицо с гордыми чертами, кожей цвета слоновой кости и длинным крючковатым носом меж темных глубоких глаз — и вспомнил не столько о Боромире, сколько об Арагорне.

— Час воистину черен, — проговорил старик. — В иное время ты не приходишь, Мифрандир. Но, хоть и близок последний час Гондора — а тому есть немало примет — тьма этого часа ничто в сравнении с моей тьмой… Мне сказали, ты привез того, кто видел смерть моего сына. Это он?

— Он, — подтвердил Гэндальф. — Один из двух. Другой с Теодэном Роандийским, и должен прийти со дня на день. Они полурослики, как видишь,

однако в пророчестве говорилось не о нем.

— Но он все же полурослик, — мрачно заметил Дэнэтор. — И мне тяжко слышать это прозванье с тех пор, как проклятые слова взволновали наших советников и подвигли моего сына на безумный путь — к смерти. Мой Боромир! Как ты нам нужен сейчас!.. Фарамир должен был пойти вместо него.

— Он пошел бы, — сказал Гэндальф. — Не будь несправедлив в скорби! Боромир пожелал идти и не потерпел бы, чтобы пошел кто — нибудь другой. Он был властен, и делал, что желалось. Я шел с ним долго и узнал его неплохо. Но ты говорил о смерти. Ты знал об этом до нашего прихода?

— Я получил это, — проговорил Дэнэтор и, отложив жезл, поднял с колен то, на что смотрел. В каждой руке он держал по половинке большого рога, рассеченного надвое: обвитого серебром рога дикого быка.

— Рог Боромира! — вскрикнул Пин, и добавил чуть тише: — Он не расставался с ним…

— Истинно так, — кивнул Дэнэтор. — А до сына носил его я — так же, как всякий старший сын в нашем роду, с незапамятных времен до того, как ушли Короли, с тех самых пор, как Ворондиль, отец Мардиля, одолел дикого тура Арау в далеких

восточных полях. Я услышал его смутный зов из-за северных болот тринадцать дней назад, и Река принесла его мне — сломанным; более ему не звучать… — он умолк, повисла тяжелая тишина. Внезапно он обратил к Пину темный взгляд. — Что скажешь ты на это, полурослик?

— Тринадцать дней… — пробормотал Пин. — Так оно и есть… Да, я стоял с ним рядом, когда он трубил в рог. Но помощи не пришло. Только добавилось орков.

— Итак, — сказал Дэнэтор, остро глядя на него, — ты был там. Скажи мне больше! Почему не пришла помощь? И как случилось, что ты спасся, а он — нет, ведь он был могучим воином, и противостояли ему одни орки.

Пин вспыхнул и разом забыл о страхе.

— И самого могучего может сразить стрела, — ответил он. — А Боромир был пронзен множеством. Когда я в последний раз видел его, он опускался под дерево, выдергивая из бока стрелу. Потом я упал в обморок и больше ничего не знаю и не помню. Но я чту его память; он был доблестным мужем. Он умер, спасая нас, моего родича Мерриадока и меня, схваченных в лесах солдатами Черного Властелина; и, хоть он потерпел поражение и погиб, благодарность моя не

уменьшилась.

Тут Пин взглянул прямо в глаза старику, потому что гордость вдруг шевельнулась в нем: недоверчивое презрение холодного голоса уязвило его.

— Не много проку, без сомнения, в услугах хоббита, полурослика из далекого Края; однако, какими бы они ни были, я рискну предложить их — в уплату долга.

Откинув серый капюшон, Пин обнажил маленький меч и положил его к ногам Дэнэтора.

Бледная улыбка, подобная лучу солнца в зимний вечер, осветила на миг лицо старика; но он склонил голову и отложил в сторону обломки рога.

— Дай мне оружие! — велел он.

Пин поднял меч и подал его Дэнэтору эфесом вперед.

— Откуда пришел он? — произнес в удивлении Князь. — Долгие, долгие годы лежат на нем. Верно ли, что этот клинок выкован нашим народом — на Севере, в далеком прошлом?

— Он вышел из Могильников, что лежат на границах моей страны, — отвечал Пин. — Но только зловещие умертвия живут там сейчас, и мне не хочется говорить об этом.

— Диковинные рассказы так и вьются вокруг

тебя, — чуть усмехнулся Дэнэтор. — И еще раз доказывают, что первый взгляд может оболгать человека — и полуруслика, Я принимаю твою службу. Ибо тебя не запугать словами, и речи твои достойны, хоть и звучат непривычно для нашего южного слуха. А нам в грядущих днях очень нужны достойные воины — будь то великаны или полурослики. Теперь клянись!

— Берись за эфес, — подсказал Гэндальф. — И повторяй за Князем, если ты решишься на это.

— Решаюсь, — сказал Пин.

Старик положил меч на колени, а Пин положил руку на эфес и медленно повторил за Дэнэтором:

— Здесь присягаю я на верность и службу Гондору и Князю-Наместнику Королевства — говорить и молчать, строить и разрушать, приходить и уходить, в нужде и достатке, в войне и мире, в жизни и смерти, с этого часа и на век, покуда сеньор мой не освободит меня, или смерть не возьмет меня, или не кончится мир. Так сказал я, Перегрин, сын Паладина, полурослик из Края.

— А услышал я, Дэнэтор, сын Эктелиона, Князь Гондора, Наместник Короля, и я не забуду об этом, как не забуду и о награде за то, что отдано: за верность — любовь, за доблесть — честь, за измену — месть.

Потом Пин получил назад свой меч и спрятал его в ножны.

— А теперь, — сказал Дэнэтор, — вот мой первый приказ: говори, а не молчи! Поведай мне свою историю, и припомни все, что сможешь, о сыне моем, Боромире. Садись и начинай! — Он ударил в маленький серебряный гонг, что стоял у кресла, и сразу появились слуги. Тут Пин понял, что они стояли в нишах по обе стороны дверей, не замеченные им и Гэндальфом.

— Вина, еды и кресла гостям, — приказал Дэнэтор. — И позаботьтесь, чтобы никто не тревожил нас в течение часа.

— Это все, что я могу уделить вам, потому что мне надо думать о многом другом, — сказал он Гэндальфу. — О многом более важном, как может казаться, однако не для меня. Но возможно, нам удастся поговорить еще раз в конце дня…

— И раньше, будем надеяться, — ответил Гэндальф. — Ибо я прискакал сюда из Исенгарда, преодолев сто пятьдесят лиг со скоростью ветра, не только затем, чтобы привезти тебе одного, пусть и достойнейшего, воина. Или вести о том, что Теодэн победил в великой битве, что Исенгард пал, а я сломал Жезл Сарумана, ничего не значат для тебя?

— Они значат многое. Но того, что я уже знаю, мне довольно, ибо мои заботы — в грядущей угрозе с Востока. — Он обратил на Гэндальфа темные глаза, и Пин заметил вдруг сходство между этими двумя и ощутил напряжение, почти увидел нить тлеющего огня, протянутую от глаз к глазам, готовую вот-вот вспыхнуть испепеляющим пламенем.

Дэнэтор выглядел куда больше похожим на великого мудреца, чем Гэндальф, он казался величественней, красивей, сильней; и старше. Однако чувством превыше зрения Пин понимал, что Гэндальф владеет большей силой и большей мудростью, и скрытым величием. И он был старше, много старше. «Насколько старше?» — подумал Пин. Как странно, что он не задумывался над этим прежде! Древобрад говорил что-то о Мудрецах, но даже тогда Пин не думал о Гэндальфе, как об одном из них. Кто был Гэндальф? В какие незапамятные времена явился он в мир, и когда покинет его?.. Тут пиновы размышления прервались, и он увидел, что Дэнэтор и Гэндальф по-прежнему смотрят друг другу в глаза, точно читая в душах друг друга.

Но Дэнэтор опустил взгляд первым.

— Более всего в ней, — сказал он. — Ибо, хотя

Камни, как говорят, утеряны, князья Гондора по-прежнему видят дальше других людей, и много вестей приходит к ним. Садитесь же!

Тогда вошли люди, неся кресло и низкий табурет, а один нес поднос с серебряным кувшином, кубками и белыми лепешками. Пин уселся, но не мог отвести глаз от лица старого Князя. Было ли это на самом деле, или только почудилось ему, что, когда тот говорил о Камнях, мгновенный блеск его глаз вдруг осветил лицо Пина?

— Я жду твою повесть, вассал, — напомнил Дэнэтор полудобродушно, полунасмешливо. — Ибо речи того, с кем был так дружен мой сын, будут встречены с радостью.

Навсегда запомнил Пин этот час в огромном зале под пронизывающим взглядом Князя Гондора, под ударами его хитроумных вопросов — и все время, сдерживая его, сидел рядом Гэндальф: Пин чувствовал его растущие, хоть и скрытые, гнев и нетерпение. Когда час миновал и Дэнэтор вновь позвонил в гонг, Пин был совершенно измотан. «Теперь, наверное, не больше девяти утра, — думал он. — Я смог бы съесть три завтрака вместо одного!»

— Проводите лэйрда Мифрандира в приготовленное ему жилище, — распорядился

Дэнэтор. — Товарищ его может жить вместе с ним, если пожелает. Но да будет известно, что я принял сегодня его вассальную клятву; он зовется Перегрин, сын Паладина. Пусть научат его Пропускным Словам. Пошлите сказать Капитанам, чтобы ожидали меня здесь сразу после того, как пробьет три.

Приходи и ты, лэйрд Мифрандир, как и когда захочешь. Никто не заступит тебе дорогу в мои покои, если только это не будут краткие часы сна. Пусть развеется твой гнев на старческое безумие — приходи и успокой меня!

— Безумие?.. — переспросил Гэндальф. — Нет, лэйрд, если ты впадешь в безумие — ты умрешь. Даже скорбь свою ты используешь, как предлог. Неужели ты думаешь, что я не понял твоей цели, когда ты целый час расспрашивал того, кто знает крохи, пока я сидел рядом?

— Если ты понял это, то успокойся, — продолжал Дэнэтор. — Безумной была бы гордыня, отвергающая в нужде совет и помощь; но ты раздаешь эти дары по собственному разумению. Однако Князя Гондора не сделать орудием в руках других людей, как бы достойны они ни были. Во всем мире нет для него цели выше блага Гондора; а правлю Гондором я, лэйрд, и только я — если

только не вернется Король.

— Если только не вернется Король? — сказал Гэндальф. — Что ж, лэйрд Наместник, это твое дело — хранить некое королевство до события, которое ныне провидят немногие. В этом деле ты получишь любую помощь, какой пожелаешь. Но вот что скажу я: я не правлю никаким королевством — ни большим, ни малым. Но если опасность грозит чему-либо достойному в этом мире — это касается меня. И дело мое не погибнет, пусть даже погибнет Гондор, если в этой ночи найдется хоть что-нибудь, что сможет вырастили вновь, расцвести и принести плоды в грядущие дни. Потому что я тоже наместник… Ты не знал этого?.. — он повернулся и вышел из зала вместе с бегущим рядом Пином.

По пути Гэндальф ни разу не взглянул на Пина, не сказал ему ни слова. Проводник встретил их у дверей зала и повел через Двор Струй в переулок между высокими каменными домами. После нескольких поворотов они подошли к дому у северной стены Цитадели, неподалеку от уступа, соединяющего холм с горой. Внутри, на первом этаже над улицей, проводник ввел их в просторную комнату, светлую и полную воздуха, с красивыми драпировками без узоров, тускло

мерцающими золотом. Обстановка была проста: маленький стол, два кресла и скамья; но по обе стороны были занавешенные альковы с застланными постелями, сосудами и тазами для мытья. Три высоких узких окна смотрели на север, через огромную дугу Андуина, все еще скрытую туманом: на Эмин Муиль и далекий Раурос. Пин тут же вскарабкался на скамью — взглянуть через глубокую каменную тишь.

— Ты на меня сердишься, Гэндальф? — спросил он, когда провожатый вышел и закрыл дверь. — Я старался изо всех сил…

— Что верно то верно! — Гэндальф вдруг рассмеялся; он подошел и встал рядом с Пином, обняв хоббита за плечи и глядя в окно. Пин с некоторым удивлением взглянул на его лицо, потому что смех звучал радостно и весело. Однако на лице мага он увидел сперва лишь печаль и заботу; но, вглядевшись, различил под ними огромную радость: фонтан веселья, достаточный, чтобы рассмешить королевство, излейся он наружу.

— Ты и правда старался, — сказал маг, — и, надеюсь, никогда больше не окажешься в таком опасном положении между двумя такими страшными стариками. И все же Князь Гондора узнал от тебя больше, чем ты думаешь, Пин. Ты не смог

скрыть, что не Боромир вывел Отряд из Мории, и что среди вас был некто благородный, идущий в Минас-Тириф; и что у него был прославленный меч. Народ очень занимают предания о прошлом Гондора; и Дэнэтор долго размышлял над Пророчеством и словами о Проклятии Исильдура с тех пор, как ушел Боромир.

Он не такой, как другие люди этой эпохи, Пин, и что бы ни унаследовал он от своих предков, в нем, по странному случаю, воплотилась кровь Рыцарей из Заморья — так же, как в младшем его сыне, Фарамире; однако в Боромире, которого он любил больше, ее не было. Он видит далеко. Он может читать, если преклонит туда свою волю, в душах людей, даже тех, кто находится вдали. Обмануть его трудно, а пытаться сделать это — опасно.

Помни об этом! Ибо ты присягнул ему. Не знаю, что подсказало тебе сделать это. Но поступок был хорош. Я не препятствовал этому, потому что нельзя остановить благородный порыв холодным словом. Это тронуло его сердце, так же, как (да будет позволено мне сказать это) рассмешило его. И, наконец, ты теперь свободен бродить по Минас-Тирифу — когда ты не на службе. Потому что это — другая сторона монеты. Ты в его распо-

ряжении; и он не забудет. Так будь осторожен!

Маг умолк и вздохнул.

— Впрочем, не стоит размышлять над тем, что принесет завтрашний день. Хотя бы потому, что он наверняка принесет больше, чем сегодняшний — и на много дней. И тут я ничем не могу помочь. Совет созван и люди собираются. Одного из них мне бы очень хотелось найти — Фарамира, нынешнего наследника Дэнэтора. Не думаю, что он в Городе; но у меня не было времени собрать новости. Я должен идти, Пин. Я должен идти на этот совет и узнать, что смогу. Но Враг движется, и скоро игра пойдет в открытую. И пешкам придется туго в ней, Перегрин, сын Паладина, солдат Гондора. Точи свой меч!

Гэндальф направился к двери и на пороге обернулся.

— Я тороплюсь, Пин, — сказал он. — Сделай мне одолжение, когда выйдешь. Даже прежде, чем отдохнешь, если не очень устал. Пойди и разыщи Ночиветра, узнай, как он устроен. Этот народ добр к животным, потому что вообще добр и мудр, но они ничего не смыслят в лошадях.

Гэндальф вышел. И, едва закрылась за ним дверь, разнесся чистый мягкий звон колокола на башне Цитадели. Он пробил трижды, разливая в

воздухе серебро, и смолк: третий час после восхода солнца.

Через минуту Пин подошел к двери, спустился по лестнице и оглядел улицу. Солнечное сияние было теплым и ярким, и башни и высокие дома отбрасывали на запад долгие резкие тени. Высоко в голубизну поднималась седая голова горы Миндоллуин в белом шлеме и снежном плаще. Вооруженные воины шли взад и вперед по городским дорогам, точно настал час смены дежурств и караулов.

— Девять часов, сказали бы в Крае, — громко рассуждал Пин, обращаясь к самому себе. — Самое время позавтракать, сидя у окна на весеннем солнышке… Как же хочется есть! Интересно, завтракает здешний народ или нет? И когда они обедают и где?

Тут он заметил одетого в черное и белое человека, идущего по узкой улочке в его сторону. Пину было одиноко, и он подумал уже, как бы заговорить с ним, но этого не понадобилось. Человек подошел прямо к нему.

— Ты Перегрин Полурослик? — полуутвердительно проговорил он. — Мне сказали, ты присягнул Князю и Городу. Добро пожаловать! — Он протянул руку, и Пин принял ее.

— Я зовусь Берегондом, сыном Баранора, — продолжал воин. — Сегодня утром я не дежурю, и меня послали к тебе — научить тебя Пропускным Словам и рассказать кое-что из того, о чем ты, без сомнения, хочешь узнать. Что до меня, мне бы очень хотелось узнать что-нибудь о тебе. Потому что никогда прежде здесь не бывало полурослико́в, и хоть слухи о них до нас и доходили, мало что сказано о них в наших преданиях и легендах. А ты к тому же ещё и друг Мифрандира. Ты хорошо его знаешь?

— Ну… — протянул Пин. — Я знаком с ним всю свою жизнь, как сказал бы ты; и недавно я долго шел с ним. Но в этой книге можно прочесть многое, а я не могу похвастаться, что видел больше одной-двух страничек. Все же я, наверное, знаю его так же хорошо, как все — кроме немногих. Думается, Арагорн был единственным из Отряда, кто на самом деле знал его.

— Арагорн?.. — перебил Берегонд. — Кто это?

— Это… — замялся Пин, — … это человек, что шел с нами. Он, надо думать, сейчас в Роханде.

— Ты и сам был в Роханде, как я слышал. Мне хотелось бы расспросить тебя о нем; но я забыл о данном мне поручении: первым спрашивать тебе. Что бы ты хотел узнать, мастер Перегрин?

— Что ж, — решился Пин. — Осмелюсь спросить, как… ну да, как насчет завтрака? Я имею в виду, когда время еды, если ты меня понимаешь; и где тут столовая? Или трактир? Я смотрел, но не увидел ни одного по дороге сюда, хоть меня и поддерживала надежда на добрый глоток эля, коли уж мы пришли в дом столь мудрого и учтивого народа.

Берегонд серьезно взглянул на него.

— Да ты старый служака, как я погляжу, — заметил он. — Говорят, человек, что отправляется в дальний поход, всегда заботится о еде и питье. Сам — то я не путешественник. Так значит, ты не ел сегодня?

— Честно говоря, ел, — признался Пин, — но не больше кубка вина и пары лепешек от щедрот вашего Князя; а после он битый час мучил меня расспросами — тут кто хочешь проголодается.

Берегонд рассмеялся.

— «Храбро биться может гном за обеденным столом», — говорят у нас. Не обижайся! Ты разговелся так же, как любой воин Цитадели — и с большим почетом. Это крепость, крепость-страж, — и сейчас она на военном положении. Мы встаем до света, съедаем кусок-другой и отправляемся на дежурство. Но не отчаивайся! — Он опять расхо-

хотался, увидев унылую физиономию Пина. — Те, у кого дежурство трудное, перекусывают через два-три часа после восхода. Потом завтрак — в полдень, или когда позволят дела; а за час до захода люди собираются на обед — и тут уж веселятся, как могут.

Идем! Побродим немного, а потом попробуем найти, чем бы подкрепиться, а коли найдем — закусим и выпьем на стене: день-то сегодня какой!

— Постой! — Пин вспыхнул. — Голод, что ли, вышиб это из моей головы?.. Гэндальф же просил навестить Ночиветра! Это великий роандийский скакун, — пояснил он Берегонду, — и зеница ока князя, хоть он и одарил им Мифрандира за важные услуги. И, верно, новый хозяин любит коня больше многих людей, так что, если его доброжелательство хоть что-то значит для этого города, ты должен обходиться с Ночиветром куда лучше, чем с хоббитом, если только это возможно.

— Хоббитом?.. — переспросил Берегонд.

— Так мы называем себя.

— Я рад, что узнал это, — сказал воин. — Потому что теперь могу сказать, что странный выговор не портит добрых речей, а хоббиты говорят славно. Но идем! Я люблю зверей, ведь мой народ пришел из горных долин, а туда — из Ифилиэна;

а в этом каменном городе звери — редкость. Однако не бойся! Мы не загостимся — отдадим долг вежливости и отправимся на стену.

Пин нашел, что Ночиветр устроен неплохо, а обходятся с ним и вовсе хорошо. Потому что в шестом круге, в наружной стене Цитадели, были прекрасные конюшни: там жили несколько быстрых коней вестников Князя, всегда готовых в путь по срочному приказу Дэнэтора или Капитанов. Но теперь все они были далеко. Ночиветр встретил Пина радостным ржанием и повернул к нему голову.

— Доброе утро! — сказал Пин. — Гэндальф придет, как освободится. Он занят, но шлет тебе привет и прислал вдобавок меня — взглянуть, как ты тут. Надеюсь, тебе хорошо отдыхается.

Ночиветр метался и бил копытами. Но он позволил Берегонду ласково погладить себя и похлопать по бокам.

— Так и рвется в дорогу, словно не вернулся только что из дальнего похода, — сказал тот. — Как он силен и горд! Где его сбруя? Она должна быть дивно хороша.

— Ни одна сбруя не достойна его, — ответил Пин. — Если он согласен тебя нести — он тебя несет; ну а нет — ни узда, ни кнут, ни шпоры не

укротят его. Прощай, Ночиветр! Потерпи! Скоро в бой.

Ночиветр вскинул голову и так заржал, что конюшня затряслась, а они заткнули уши. А потом ушли, проверив, наполнены ли ясли — они были полны до краев.

— А теперь — к своим яслям, — сказал Берегонд и повел Пина назад в Цитадель, к северным дверям огромной башни. Там они спустились по лестнице в широкий коридор, освещенный светильнями. В стенах по обе стороны были решетки, и одна из них была открыта.

— Это арсенал и кладовая моего отряда, — объяснил Берегонд. — Привет, Тургон! — позвал он через решетку. — Сейчас еще рано, конечно, да тут со мной новичок, он с дороги и голоден. Давай сюда всё, что у тебя есть!

Они подучили хлеб, масло, сыр и яблоки — последние из зимнего запаса, сморщенные, но звонкие и сладкие; и кожаную баклагу свежайшего эля, и деревянные тарелки и кубки. Сложили все это в плетеную корзину и выбрались на солнце; и Берегонд повел Пина в дальний конец огромной зубчатой стены — там был проем с каменной скамьей под парапетом. Оттуда они могли оглядывать утренние земли.

Они ели и пили; и разговаривали — то о Гондоре, его жизни и обычаях, то о Крае и других землях, которые довелось повидать Пину. И чем дольше они беседовали, тем с большим удивлением смотрел Берегонд на хоббита, то болтающего короткими ножками (когда сидел), то вскакивающего на них, чтобы выглянуть за парапет.

— Не скрою, мастер Перегрин, — сказал, наконец, воин, — для нас ты выглядишь похожим на ребенка, мальчонку лет этак девяти — и однако, ты перенес столько опасностей и видел столько чудес, сколькими могут похвастать лишь несколько из наших самых седобородых стариков. Я думал, это каприз нашего Князя, он завел себе благородного пажа, как, говорят, древние короли. А теперь вижу, что ошибся… — так прости мою глупость.

— Охотно, — улыбнулся Пин. — Тем более что не очень-то ты и ошибся. По нашему счету я немногим старше ребенка: мне до совершеннолетия еще целых четыре года. Так что не волнуйся. Лучше иди сюда: взгляни и объясни мне, что я вижу.

Солнце поднималось, и туман в долине рассеялся. Последние клочья его, как обрывки белых облаков, уплывали прочь, покачиваясь на устой-

чивом восточном ветре, что развевал флаги и белые штандарты Цитадели. Далеко внизу, на дне долины, лигах в пяти или около того, открылась серая мерцающая лента Великой Реки, текущая с северо-запада, выгибающаяся широкой дугой — на юг, потом снова на запад — и исчезающая с глаз в мареве, что затуманивало море в пятидесяти лигах отсюда.

Перед Пином раскинулся Пеленнор, усеянный усадьбами и оградами, амбарами и хлевами, но нигде не было видно ни коров, ни других животных. Множество дорог и тропинок пересекали зеленеющие поля, и по ним шло беспрерывное движение: повозки ехали к Главным Воротам, другие выезжали им навстречу. То и дело прибывали всадники, соскакивали с седла и торопливо входили в Город. Но самое большое движение шло по главному тракту; он казался совсем забитым огромными крытыми телегами, а по широкой травяной полосе меж трактом и ограждающей его стеной сновали туда-сюда всадники. Но вскоре Пин понял, что в действительности вся эта неразбериха имела строгий порядок: телеги двигались тремя рядами, один ряд быстрей — его тащили кони; другой — медленней, в его большие много цветные повозки были впряжены мулы; а

вдоль западного края дороги люди толкали много маленьких тачек.

— Это путь в Лоссарнах, к горным селениям, а оттуда — в Лебеннин, — сказал Берегонд. — Это уезжают последние повозки, увозящие детей, стариков и женщин. Они должны все уехать, и к полудню тракт должен быть свободен на лигу — таков приказ. Горькая необходимость, — он вздохнул. — Немногие из тех, кто разлучился сейчас, встретятся вновь. В Городе и всегда-то немного детей; теперь их совсем не осталось, кроме нескольких парнишек, которым найдется здесь дело; мой сын среди них.

Помолчали. Пин тревожно смотрел на восток, точно оттуда уже крались по полям орды орков.

— А там что?.. — он указал вниз, в центр огромной излучины Андуина. — Еще один город, да?

— Там был город, — отвечал Берегонд. — Главный город Гондора, а это лишь его крепость. Потому что это — развалины Осгилиафа на обоих берегах Андуина: он был взят и выжжен врагами давным-давно. Однако мы отвоевали его в дни юности Дэнэтора: не затем, чтобы жить, конечно, но чтобы держать там Охранный Пост, восстановить мост для прохода наших армий… А потом появились Жуткие Всадники.

— Черные Всадники?! — вскрикнул Пив, и его широко раскрытые глаза затемнил возродившийся ужас.

— Да, они были черны, — сказал Берегонд. — И сдается, ты что-то знаешь о них, хоть и не поминал их в своих рассказах.

— Я знаю о них, — тихо молвил Пин. — Но не стану говорить об этом так близко… — он осекся и поднял глаза, взглянув за Реку, туда, где ему виднелась обширная грозящая тень. Может быть, то на грани видимого вздымались горы со смазанными двадцатью лигами расстояния зубцами вершин; может быть, то были не больше, чем вставшие одна за другой стены мрака и темных туч. Но, когда он смотрел, ему казалось, что мгла собирается и растет, медленно, очень медленно наползая на светлые земли.

— …Так близко к Мордору? — спокойно докончил Берегонд. — Да, он там. Мы редко называем его; но мы всегда помним о его тени: порой она словно бы бледнеет и отдаляется, порой — приближается и густеет. Сейчас она сгустилась; и наш страх и беспокойство растут. И Жуткие Всадники — они отбили у нас переправу меньше года назад, и много лучших воинов пало в том бою. Боромиру, правда, удалось вновь отбросить

врагов с западного берега, и сейчас мы владеем почти половиной Осгилиафа. Но теперь мы ожидаем там нового штурма. Быть может, главного штурма грядущей войны.

— Когда? — живо спросил Пин. — Ты что-нибудь знаешь? Прошлой ночью я сам видел зажженные маяки и княжеских гонцов; да и Гэндальф сказал, что война близко… Он жуть как торопился. А теперь все вроде опять затихло…

— Только потону, что всё уже готово, — сказал Берегонд. — Это затишье перед бурей.

— Но почему горели маяки?

— Поздно звать на помощь, когда ты уже осажден. Но я не знаю, что решили Князь и Капитаны. Вести приходят к ним разными путями. И Князь Дэнэтор не похож на других людей: он видит далеко. Говорят, когда он сидит ночами один в верхней палате Башни, будущее открывается ему. А еще… — Берегонд понизил голос, — еще говорят, что порой ему удается даже прозревать думы Врага. Потому — то он и состарился до срока… Но как бы там ни было, а Капитан Фарамир за рекой на какой — то опасной вылазке — он мог прислать вести.

Но если хочешь знать, что я думаю о зажженных маяках — так это вчерашние известия из

Лебеннина заставили их вспыхнуть. Большой флот подошел к устью Андуина — флот пиратов Умбара. Долго страх перед мощью Гондора сдерживал их, и они вступили в союз с Врагом — и вот теперь наносят тяжкий удар. Потому что эта атака оттянет назад помощь, которую мы надеялась получить из Лебеннина и Златозара, где народ стоек и многочислен. Тем больше обращаются наши думы к северу — к Роханду; и тем больше радует нас победная весть, что принесли вы.

И все же… — он умолк, пригнулся и огляделся, — … то, что случилось в Исенгарде, должно предостеречь нас — мы бьемся сейчас в огромной паутине. Это уже не драка за броды, не набеги из Ифилиэна, не грабеж из засады. Это великая, хорошо продуманная война, и мы — не более, чем крошечный кусочек в ней, как бы ни возмущалась гордость. Всё двинулось: и далеко на Востоке, за Внутренним Морем, и на Севере — в Лихолесье; и на Юге — в Хараде. Скоро всем владениям предстоит подвергнуться испытанию — выстоять или пасть под Завесой Тьмы.

Да, мастер Перегрин, в этом наша честь: мы всегда принимаем на себя главный удар ненависти Черного Властелина, потому что ненависть эта пришла из глубин времен и через глубины

Морей. На нас обрушится самый тяжкий удар. Поэтому-то Мифрандир и торопился сюда. Потому что если падем мы — кто устоит? А есть ли у нас хоть малая надежда не пасть, мастер Перегрин?

Пин не ответил. Он взглянул на огромные стены, на башни и гордые стяги, на солнце в высоком небе, а потом — на сгущающуюся мглу на востоке; и подумал о длинных пальцах этой мглы: об орках в горах и лесах, измене Исенгарда, птицах зловещего Ока — и Черных Всадниках, добравшихся до Края. И о крылатом ужасе, назгуле. Он вздрогнул, и надежда, казалось, угасла. И в это время солнце мигнуло и померкло, точно на краткий миг крылья затмили его. Издали, из поднебесной дали, донесся до него крик: слабый, но цепенящий, зловещий, холодный. Пин побелел и съежился под стеной.

— Что это было? — спросил Берегонд. — Ты тоже почуял?

— Почуял… — пробормотал Пин. — Это знак нашей гибели, тень Рока — Крылатый Всадник.

— Да, тень Рока, — тихо повторил Берегонд. — Боюсь, Минас-Тириф падет. Близится ночь. Кровь моя стынет.

Некоторое время оба сидели молча, с поникшими головами. Потом Пин взглянул вверх и увидел,

что солнце сияет по-прежнему, и по-прежнему реют на ветру флаги.

— Улетел, — сказал он. — Нет, моя душа еще не отчаялась. Гэндальф погиб — но возвратился и вновь с нами. Мы можем выстоять — даже на одной ноге, даже на коленях.

— Верно сказано! — Берегонд вскочил и заходил взад-вперед. — Нет, хоть всё живущее и ожидает конец, время Гондора еще не пришло. Он не падет — даже если бессчетный враг возьмет стены и насыплет перед ними горы трупов. Есть другие крепости, есть тайные тропы в горах… Надежда и память будут по-прежнему жить в какой-нибудь скрытой долине.

— Чем бы это ни кончилось — пусть уж кончается поскорей, — сказал Пин. — Я вовсе не воин и не люблю думать о битвах. Но ждать битвы, которой не избежать, хуже всего. Я был бы просто счастлив, если бы нам не надо было стоять здесь, дожидаясь удара неизвестно откуда. Какой длинный день!.. Роандийцам бы ни за что не отбить удара, если б не Гэндальф.

— Сейчас ты коснулся боли многих! — воскликнул Берегонд. — Но всё может измениться, когда вернется Фарамир. Он смел, куда смелее, чем думают многие; потому что в наши дни люди не

очень-то верят, что Капитан может быть мудрым, знать Летописные Своды и древние песни — и быть отважным и быстрым в сече воином. Но Фарамир таков. Не так безрассуден и нетерпелив, как Боромир, но так же решителен. Однако что он может сделать? Мы не можем штурмовать гор… соседних гор. Нам не дотянуться до них, мы можем бить лишь тех врагов, что пересекут наши границы. Тогда наша рука должна быть тяжела! — он стиснул эфес меча.

Пин посмотрел на него: высокого, гордого, благородного, как все, кто встречался ему в этом краю; и с вспыхнувшим при мысли о битве огнем в глазах. «Увы! Моя рука кажется легкой, как перышко, — подумал хоббит, но промолчал. — Пешка, сказал Гэндальф? Возможно; но не на той доске».

Так они и беседовали, пока солнце не поднялось в зенит; внезапно зазвонили полдневные колокола, и Цитадель ожила — все, кроме часовых, шли завтракать.

— Хочешь пойти со мной? — спросил Берегонд. — Можешь на сегодня присоединиться к нам. Не знаю, в какой отряд тебя определят, быть может, Князь оставит тебя при себе. Но тебе будут рады. И тебе лучше узнать побольше народу,

пока есть время.

— Пойду с радостью, — отвечал Пин. — Правду сказать, мне было очень одиноко. Мой лучший друг остался в Роханде, так что мне было не с кем словом перемолвиться. Может, я и правда смогу вступить в твой отряд? Ты Капитан? Если так — не примешь ли ты меня? Не замолвишь хотя бы словечка?..

— Нет, нет, — засмеялся Берегонд. — Я не Капитан. У меня ни звания, ни власти, я — простой воин Третьего Отряда Цитадели. Однако, мастер Перегрин, даже простые воины Охранной Крепости Гондора очень почитаются в Городе, да и во всей нашей земле.

— Тогда это много больше того, что я заслуживаю, — проговорил Пин. — Отведи меня в нашу комнату и, если Гэндальф не вернулся, я пойду с тобой, куда захочешь — как твой гость.

Гэндальфа не было, и вестей от него — тоже. Поэтому Пин отправился с Берегондом и свел знакомство с воинами Третьего Отряда. И, казалось, Берегонду досталось столько же почестей, сколько его гостю — а Пина встретили очень тепло. По Цитадели уже шли разговоры о товарище Мифрандира и его долгом затворничестве с Князем; и слух объявил, что это Принц полурослико

явился с Севера предложить Гондору союз и пять тысяч мечей. Говорили, что когда из Роханда прибудут всадники, каждый привезет с собой по воину — маленькому, но доблестному.

Хоть Пин и пытался (не без сожаления) разрушить эту сказку, ему не удалось избавиться от своего нового звания — единственно достойного, думали люди, того, кто дружил с Боромиром и был с почетом встречен Князем Дэнэтором; его благодарили за то, что он пришел к ним, с жадностью слушали его рассказы о дальних землях, а уж накормили и напоили до отвалу — даром, что Пин был хоббит. Он только старался «быть осторожным» — по совету Гэндальфа: не распускать язык, как принято у хоббитов в кругу друзей.

Наконец Берегонд поднялся.

— Прощай! — сказал он. — Мне пора на дежурство, как и всем здесь, полагаю. Но если тебе одиноко, как ты сказал — не хочешь ли пройтись по Городу с веселым проводником? Мой сын с удовольствием пойдет с тобой. Славный паренек, скажу я тебе. Если захочешь — спустись в нижний круг; спросишь Старое Подворье на Рат-Келердайн, Улице Фонарщиков. Там ты найдешь и его, и других оставшихся в Городе ребят. Сегодня у Главных Ворот будет на что посмотреть.

Он вышел, а вскоре за ним последовали и остальные. День был по-прежнему хорош, хоть в воздухе и висело марево, и было слишком жарко для марта — даже южного. Пина клонило в сон, но помещение казалось унылым, и он решил спуститься и посмотреть Город. Он прихватил с собой лепешек для Ночиветра, и они были с удовольствием приняты, хоть коню, казалось, ни в чем не было отказа. Потом извилистыми улочками хоббит пошел вниз.

Народ глазел на него. Люди приветствовали его по обычаю Гондора — склонив голову и приложив руку к груди; но за собой он слышал перекличку голосов, будто одни звали других взглянуть на Принца полурослико в, товарища Мифрандира. Многие говорили на своем, а не на Всеобщем языке, но Пин скоро сообразил, что значат слова «Эрниль-и-Перианнаф», и понял, что данный ему титул обогнал его.

Наконец, пройдя под многими арками, спустившись чудными переулками и мостовыми, он дошел до нижнего, самого широкого, круга, и там ему указали дорогу к Улице Фонарщиков — широкой, ведущей к Главным Воротам. На ней хоббит отыскал Старое Подворье — здание серого камня, двумя крыльями отходящее от улицы, а

между крыльями лежала узкая зеленая лужайка, за которой стоял многооконный дом; по всей его длине шла открытая веранда с колоннами и лестницей на траву. Между колонн играли мальчики — первые дети, которых увидел в Минас-Тирифе Пин, и он остановился взглянуть на них. Вдруг один из них заметил его и, с криком перебежав лужайку, выскочил на улицу, а за ним — еще несколько ребят. Первый остановился перед Пином, меряя его взглядом.

— Приветик! — сказал паренек. — Откуда ты взялся? Ты чужак в Городе.

— Был чужаком, — отозвался. Пин. — Но, говорят, я теперь воин Гондора.

— Поглядите на него!.. — паренек обернулся к приятелям. — Ну, если так — то мы все здесь воины. Слушай, а сколько тебе лет, а? И как тебя зовут? Мне уже десять, и скоро во мне будет пять футов росту. Я выше тебя. Но мой отец — Стражник, один из самых высоких. А кто твой отец?

— На какой вопрос мне отвечать сначала? — поинтересовался Пин. — Отец мой — фермер, земли его лежат в Родниковой Низине за Большим Всхолмьем в Крае. Мне почти двадцать девять — тут я тебя обошел, хоть во мне всего четыре фута и не похоже, что я еще вырасту, разве что в стороны.

— Двадцать девять! — присвистнул паренек. — Так ты совсем взрослый! Такой же, как мой дядя Иорлас. И все-таки, — с задорной надеждой добавил он, — держу пари, что смогу поставить тебя на голову или положить на обе лопатки.

— Может, и сможешь — если я тебе позволю, — со смехом ответил Пин. — А может, я сделаю то же с тобой: мы знаем кое-какие хитрые приемы, даром, что страна у нас маленькая. Там, скажу тебе, я считался очень высоким и сильным; и я никогда не позволял никому ставить себя на голову. Поэтому, если дойдет до борьбы, и ничего больше не поможет, мне придется убить тебя… Вот вырастешь — так поймешь, что о людях нельзя судить по обличью. Ты, может, принял меня за тихоню-чужака, так остерегись: я — полурослик, храбрый, суровый и злой! — тут Пин скроил такую мрачную мину, что мальчик попятился, но сразу же шагнул вперед со сжатыми кулаками и горящими глазами.

— Нет уж! — едва выговорил Пин сквозь смех. — Не верь похвальбе чужаков. Я не боец. Но в любом случае вежливость требует от зачинщика назвать себя.

Мальчик гордо вытянулся.

— Я Бергиль, сын Берегонда-Стражника, — ска-

зал он.

— Так я и думал, — уже серьезно сказал Пин. — Ты очень похож на отца. Я знаю его; это он прислал меня к тебе.

— Так что ж ты сразу не сказал? — заулыбался Бергиль, но вдруг смятение мелькнуло в его лице. — Только не говори, что он передумал и отошлет меня с женщинами!.. Хотя нет, последняя повозка уже уехала.

— Послание его куда хуже — если не лучше, — отозвался Пин. — Он сказал, что, ежели ты предпочтешь это переворачиванию меня вверх тормашками, ты должен показать мне Город и скрасить мое одиночество. А на обратном пути я расскажу тебе о других странах.

Бергиль захлопал в ладоши и с облегчением рассмеялся.

— Всё в порядке! — воскликнул он. — Пошли! Мы собирались бежать к Воротам смотреть. Если идти — так сейчас, а то не успеем.

— А что там будет? — полюбопытствовал Пин.

— Капитаны Провинций прибудут по Южному Тракту перед заходом солнца. Идем с нами — увидишь!

Бергиль и правда был чудесным товарищем, Пин не встречал такого со дня расставания с

Мерри, и вскоре они, смеясь и весело болтая, шагали по улицам, не обращая внимания на взгляды прохожих. Скоро они попали в толпу, которая двигалась к Главным Воротам. Там Пин высоко поднялся в глазах Бергиля: хоббит назвал стражнику свое имя и слово-пропуск, и тот не только отсалютовал ему и позволил пройти, но пропустил и его младшего товарища.

— Отлично! — сказал Бергиль. — Мальчишкам не позволяют сейчас выходить за Ворота без старших. Теперь мы всё-всё увидим.

Народ толпился перед Воротами по обочинам дороги и вокруг мощеной площадки, куда сходились все дороги. Все глаза были обращены к югу, и скоро по толпе пробежал шепот:

— Пыль! Там клубится пыль! Они близко!

Пин и Бергиль протолкались в первый ряд и ждали. Вдалеке затрубили рога, и приветственный гул помчался им навстречу. Потом громко взревели трубы, и люди вокруг закричали:

— Форлонг! Форлонг! — слышал Пин.

— Что они кричат? — спросил он.

— Пришел Форлонг, — объяснил Бергиль. — Старый Форлонг Толстый, владетель Лоссарнаха. Там жили мои предки. Ур-ра! Вот он! Добрый старый Форлонг!

Возглавляя колонну, двигался толстоногий конь, а на нем восседал широкоплечий, богатырского сложения человек — он хоть и был уже немолод и седобород, но в кольчуге, вороненом шлеме и с длинным тяжелым копьем. За ним гордо шли пропыленные воины с боевыми топорами; лица у них были свирепыми, а сами они — ниже и смуглее всех, кого видел в Гондоре Пин.

— Форлонг! — шумела толпа. — Верное сердце, верный друг! Форлонг!

Но когда воины Лоссарнаха прошли, они забурчали:

— Так мало! Две сотни, только-то! Мы надеялись на десять раз по столько. Это все тот черный флот!.. Они смогли отрядить сюда лишь десятую часть своих сил… И все же каждая кроха — прибыль!

Отряды проходили, их встречали, приветствовали и впускали в Город — в черный час воины Провинций сходились защищать Г ондор, но их было меньше, чем хотелось в надежде и требовалось в нужде.

Из Гулкого Дола пришли пешие воины под командой его властителя: три сотни. Из-за Яр-реки прибыл Дэйнгир Длинный с двумя сыновьями

Дайлином и Даинхиром и пятью сотнями лучников. С Дальнебережья пришагала длинная колонна разношерстного люда — охотники, пастухи, фермеры, все вооружены скудно, кроме дружины их сеньора Горасгирда. Из Ламедона — несколько суровых горцев без вожака. Рыбаки из Эхира — несколько сотен или около того, бросившие лов. Пришел и Гирлайн Красивый с Вешних Холмов, и с ним — триста доблестных воинов в зеленых одеждах. Последним примчался самый горделивый из всех — Принц Имрахиль из Дол-Амроса, родич Князя, со стягами, несущими знаки Корабля и Серебристого Лебедя — примчался во главе отряда рыцарей в полном вооружении верхом на серых конях; а за ними — семь сотен воинов, статных, сероглазых и темноволосых. Они скакали с песней.

И это все. Меньше трех тысяч. Больше никто не придет. Крики и топот ног прошли в Город и замерли на его улицах. Некоторое время дозорные молча всматривались в даль. В воздухе висела пыль, вечер был душным, потому что ветер затих. Приближался час закрытия ворот, и алое солнце скрылось за Миндоллуином. На Город спускалась тьма.

Пин взглянул вверх — и ему показалось, что

небо запорошила зола, что пыль и дым заволокли его, и свет едва проходит сквозь них. Но на запада умирающее солнце огнем озарило дымное небо, и Миндоллуин стоял теперь черный на фоне тлеющего закатного зарева.

— Яростью кончился дивный день! — сказал хоббит, совсем позабыв о стоящем рядом пареньке.

— Кончится, если я не вернусь к вечерним колоколам, — отозвался Бергиль. — Идем! Труба уже трубит к закрытию Ворот.

Рука в руке вернулись они в Город — последние, кто миновал Ворота, прежде чем они захлопнулись; и, пока они шли к Улице Фонарщиков, на башнях печально переговаривались колокола. Во многих окнах вспыхивали огни, из домов и жилищ воинов вдоль городских стен доносились звуки песен.

— Прощай на время, — сказал Бергиль. — Отнеси привет отцу и передай ему благодарность за товарища, которого он прислал. И прошу тебя, возвращайся скорей. Я почти хочу сейчас, чтобы войны не было — вот бы мы тогда с тобой повеселились!.. Мы могли бы отправиться в леса Лоссарнаха, в дом моих предков; весной там чудо как хорошо, леса и поля засыпаны цветами. Но,

может, мы там еще и погостим!.. Им никогда не свалить нашего Князя, да и мой отец очень храбрый. Прощай и возвращайся!

Они расстались, и Пин поспешил в Цитадель. Путь оказался долог, он запарился и проголодался. Быстро спускалась темная ночь. Ни звезды в небе. Хоббит опоздал к началу обеда, и Берегонд радостно приветствовал его и усадил рядом — расспросить о сыне. После еды Пин поговорил немного и ушел — непонятное уныние охватило его, и ему очень захотелось увидеть Гэндальфа.

— Ты найдешь дорогу? — спросил Берегонд, стоя в дверях маленького зала в северной части Цитадели, где они беседовали. — Ночь очень темная, а теперь стала совсем уж непроглядной — отдан приказ потушить все огни в Городе и не зажигать ни одного на стенах. Расскажу тебе и еще об одном приказе: поутру тебя призовут к Князю Дэнэтору. Боюсь, в Третий Отряд тебе не попасть. Но все же мы, наверное, еще встретимся! Прощай, и да будет мирным твой сон!

Комната была пуста, лишь на столе горел маленький светильник. Гэндальфа не было. Уныние все сильнее давило Пина. Он взобрался на скамейку и попытался выглянуть из окна — с таким же успехом он мог бы заглянуть в чернильницу.

Он спрыгнул, закрыл ставни и отправился спать. Некоторое время он лежал и слушал, не вернется ли Гэндальф; потом забылся беспокойным сном.

Ночью его разбудил свет, и он увидал, что Гэндальф пришел и ходит взад — вперед по комнате. На столе горели свечи, и лежала гора свитков. Он услышал вздох мага и бормотание:

— Когда же вернется Фарамир?

— Привет! — сказал Пин, высовывая голову из-за занавеса. — Я уж думал, ты совсем обо мне позабыл. Рад тебя видеть. День был долгим.

— Зато ночь будет короткой, — откликнулся Гэндальф. — Я пришел, потому что мне надо немного побыть одному и в тишине. Спи, спи в постели, пока можно. На рассвете я опять отведу тебя к Дэнэтору. Впрочем, нет — не на рассвете. Рассвета не будет. Началась Тьма.

Глава 2
... Мчится Серый Отряд

Гэндальф умчался, и перестук копыт Ночиветра смолк вдали, когда Мерри вернулся к Арагорну. У него был лишь небольшой узелок — мешок свой он оставил на Парф-Галене — с несколькими самыми необходимыми вещами, которые он

отыскал среди развалин. Исен-гарда. Хазуфель был уже оседлан. Леголас и Гимли с их лошадью стояли рядом.

— Итак, от Отряда осталось четверо, — сказал Арагорн. — Мы едем вместе. Но не одни, как я думал. Князь пожелал выступать немедля. С тех пор, как пролетела крылатая тень, он жаждет вернуться в горы под покровом ночи.

— А потом куда? — спросил Леголас.

— Еще не знаю, — отвечал Арагорн. — Что до князя, он отправится на сбор, который созвал в Эдорасе. Там, как я понимаю, он узнает о войне, и роандийцы выступят в Минас-Тириф. Что же до меня и тех, кто пойдет со мной…

— Я первый! — воскликнул Леголас.

— И Гимли с ним! — добавил гном.

— Что до меня, — повторил Арагорн, — передо мной — тьма. Я тоже должен идти в Минас-Тириф, но пока не вижу дороги. Долгожданный час близок.

— Не бросайте меня! — взмолился Мерри. — Пользы от меня, конечно, маловато… но это не по мне: быть поклажей, к которой возвращаются, когда всё позади. И всадникам уж, наверное, сейчас не до меня — даром что их князь сказал, что я буду сидеть с ним рядом, когда он вернется

в свой дворец.

— Да, — сказал Арагорн. — Твой путь лежит рядом с его путем, Мерри. Но не жди ни веселья, ни радости. Нескоро еще, боюсь, вернется Теодэн в свой дворец. Много надежд растает этой весной.

Вскоре все были готовы к отъезду: двадцать четыре коня, Гимли позади Леголаса, Мерри перед Арагорном. Отряд быстро мчался сквозь ночь. Не успели они миновать курганов у Исенских Бродов, как из арьергарда галопом принесся всадник.

— Сеньор, — обратился он к князю. — За нами конные. Я слышал их от самых бродов, но сомневался. Теперь мы уверены. Они нагоняют нас.

Теодэн тут же приказал остановиться. Всадники развернулись и опустили копья. Арагорн спешился, спустил Мерри на землю и, обнажив меч, встал у стремени князя. Йомер со своим оруженосцем поскакал к арьергарду.

Мерри чувствовал себя еще более ненужным, чем всегда, и размышлял, что он должен делать, если начнется бой. Маленький отряд князя наверняка попал в ловушку, их перебьют, а он скроется во тьме — один в безбрежных роандийских степях, понятия не имея, где он и куда идти… «Мало хорошего!» — сказал он себе. Он вытащил меч и

стиснул эфес.

Заходящая луна скрылась за большой тучей, но вдруг вынырнула опять. Потом все услыхали стук копыт, и в тот же миг увидали темные тени, летящие от Бродов. Лунный свет бликами вспыхивал на остриях копий. Сколько преследователей, понять было трудно, но, казалось, их не больше, чем роандийцев.

Когда они были в каких-нибудь пятидесяти шагах, Йомер громко крикнул: — Остановитесь! Кто скачет по землям Роханда?

Кони преследователей встали. Повисла тишина; а потом один из конников спешился и медленно пошел вперед. Рука его забелела в лунном свете, когда он, в знак мира, вытянул ее ладонью наружу; но воины князя не убрали оружия. В десяти шагах человек остановился. Он был высок — долгая черная тень. Зазвенел чистый голос.

— Роханд?.. Роханд, сказал ты? Радостно слышать! Мы издалека, мы ищем эту землю — и очень торопимся.

— Вы нашли ее, — сказал Йомер. — Перейдя броды, вы вступили в нее. Но это владения князя Теодэна. Никто не ездит здесь без его дозволения. Кто ты? И куда вы спешите?

— Я дунадан Халбарад, следопыт с Севера, — прокричал человек. — Мы ищем некоего Арагорна, сына Арафорна, и прослышали, что он в Роханде.

— Вы нашли и его! — Арагорн бросил Мерри повод, кинулся вперед и обнял незнакомца. — Халбарад! — молвил он. — Самая неожиданная из всех радостей!

Мерри с облегчением перевел дух. Он совсем уже решил, что это последняя уловка Сарумана, чтобы погубить князя, когда его почти некому защитить; но, кажется, пока не требовалось умирать во имя Теодэна. Он спрятал меч.

— Все в порядке, — сказал Арагорн, возвращаясь. — Это воины моего народа — они из тех дальних земель, где я родился. Но с чем они пришли и сколько их — нам скажет Халбарад.

— Со мной тридцать человек, — отозвался Халбарад, — Это все, кого удалось собрать: мы спешили. Но с нами братья Элладан и Эльрохир, они пожелали отправиться на войну. Мы скакали быстро, как могли, когда пришел твой зов.

— Но я не звал вас, — удивленно глянул на него Арагорн, — кроме как в душе. Мысли мои часто обращались к вам; однако я не посылал ни слова. Но это всё должно подождать. Мы скачем в вели-

кой спешке и великом страхе. Присоединяйтесь к нам, если дозволит князь.

Теодэн обрадовался.

— Очень хорошо! — воскликнул он. — Если эти родичи такие же, как вы, сьер Арагорн, тридцать рыцарей — сила, неизмеримая полюдно.

Затем отряд снова пустился в путь, и Арагорн некоторое время скакал с дунаданами; и, когда заговорили о вестях с севера и юга, Эльрохир сказал ему:

— Я принес тебе Слово от отца: «Время выходит. Если торопишься, — вспомни о Тропе Мертвецов».

— Мне всегда не хватало времени, чтобы достичь желаемого, — ответил Арагорн. — Но воистину велика должна быть моя спешка, чтобы я вступил на эту тропу.

— Будущее покажет — и скоро, — проговорил Эльрохир. — Но не будем говорить об этом под открытым небом!

Арагорн обратился к Халбараду:

— Что ты везешь, родич?

Потому что он видел, что, кроме копья, тот везет длинное древко, точно штандарт, но оно было укутано черным покрывалом и увязано многими ремнями.

— Этот дар я принес тебе от девы Светлояра, — ответил Халбарад. — Она ткала его тайно, и долог был ее труд. Но и она прислала тебе Слово: «Время выходит. Или наша надежда сбудется, или все надежды падут. Потому я шлю тебе то, что сделала для тебя. Прощай, Элессар!»

И Арагорн сказал:

— Теперь я знаю, что это. Вези его и храни для меня. Осталось недолго.

Он обернулся и взглянул на север, а потом умолк и до конца пути не проронил ни слова.

Ночь подходила к концу, и восток засерел, когда они выехали наконец из Предущельного Оврага и вернулись в Хорнбург. Там они улеглись на краткий отдых и держали совет.

Мерри спал, пока Леголас и Гимли не разбудили его.

— Солнце высоко, — улыбнулся ему эльф. — Поднимайтесь, господин Лежебока, взгляните на эти места, пока можете!

— Здесь три ночи назад была битва, — сказал Гимли. — И здесь мы с Леголасом сыграли в игру, где я обошел его только на одного орка. Идем, посмотришь, как все было! А там ведь еще пещеры, Мерри, пещеры чудес! Успеем мы заглянуть в них, Леголас, как по-твоему?

— Нет, — ответил эльф. — Сейчас не время. Не порти чуда торопливостью! Я же обещал вернуться сюда с тобой во дни мира и дружбы — если они наступят. А теперь скоро полдень, мы поедим — и снова в путь. Так я слышал.

Мерри встал и зевнул. Нескольких часов сна ему было явно мало; он устал, но больше усталости его давила тоска. Он потерял Пина, чувствовал себя обузой — а вокруг все строили планы, торопились к делу, которого он так до конца и не понимал.

— Где Арагорн? — спросил он.

— В верхней палате Поста, — ответил Леголас. — Он, по-моему, не прилег ни на миг. Ушел туда несколько часов назад, сказал, что должен подумать, и только его родич, Халбарад, пошел с ним; но какие-то черные заботы и сомнения гложут его.

— Странный они народ, эти приезжие, — проворчал Гимли. — Они стойкие и благородные воины, и роандийцы рядом с ними кажутся чуть ли не мальчишками; но они мрачны, одеты невесть во что, как и сам Арагорн; да к тому же из них слова не вытянешь.

— Но слова эти — если уж они вытягиваются — учтивы, как и у самого Арагорна, — сказал

Леголас. — А заметил ты братьев Элладана и Эльрохира? Они не так оборваны, как другие, а прекрасны и величавы, как владыки эльфов; да это и не удивительно в сыновьях Эльронда Эльфида.

— Почему они пришли? Узнали вы что-нибудь? — спросил Мерри. Он оделся, застегнул серый плащ, и все трое нашли к разрушенным воротам Хорнбурга.

— Они явились на зов, как ты слышал, — говорил Гимли. — Говорят, до Светлояра дошли слова: «Арагорн нуждается в своем народе. Пусть дунаданы скачут к нему в Роханд!» Но откуда пришла весть — никто не знает. Готов думать, что ее послал Гэндальф.

— Нет, Галадриэль, — возразил Леголас. — Разве не сообщила она через Гэндальфа о Сером Отряде, что придет с Севера?

— Ты прав, — кивнул Гимли. — Владычица Леса! Ей открыты все души и все желания… Почему бы нам не пожелать увидеть здесь своих сородичей, Леголас?

Леголас стоял перед воротами; он обратил взгляд на север и восток, и его прекрасное лицо было тревожно.

— К нам никто не пришел бы, Гимли, — ото-

звался он. — Им ни к чему идти на войну — война сама пришла к ним.

Трое друзей шли рядом, обсуждая тот или иной поворот битвы — спустились вниз от ворот, миновали курганы павших, взошли на Хельмов Заслон и взглянули оттуда на Предущелье. Мертвый Холм уже стоял там — черный, высокий, каменистый, и большие проплешины вытоптанной дивьем травы были ясно видны.

Пленники с Поравнинья и многие воины гарнизона Хорнбурга трудились на Заслоне, в полях и вокруг разбитых стен Форпоста; однако все казалось странно спокойным: усталая долина отдыхала после большой бури. Вскоре товарищи повернули назад, и к полуденной еде были в Хорнбурге.

Князь был уже там, и, как только они вошли, подозвал Мерри и указал хоббиту на место рядом с собой.

— Все это не так, как бы мне хотелось, — сказал Теодэн. — Потому что мало походит на мой дивный дворец в Эдорасе. И друг твой, которому тоже надо было бы быть здесь, уехал. Но кто знает, когда мы — ты и я — сможем спокойно сидеть рядом за столом в Медузэлде?.. Сейчас не время для пиров. Но ободрись! Ешь, пей, и будем говорить,

пока можем. А потом ты поедешь со мной.

— Правда?! — обрадовано и польщенно выдохнул Мерри. — Это было бы чудесно! — он никогда не чувствовал большей благодарности. — Я, боюсь, только зря путаюсь у всех под ногами, — пролепетал он, — но рад буду сделать все, что смогу.

— Не сомневаюсь, — проговорил князь. — Я приготовил тебе отличного горного пони. По тем дорогам, которыми мы пойдем, он поскачет не хуже любого коня. Я собираюсь идти из Хорнбурга в Эдорас не по равнине, а горными тропами, и выйти к Урочищу Духов, где ждет меня Йовин. Ты будешь моим оруженосцем, если захочешь. Есть здесь доспех, годный ему, Йомер?

— Можно попробовать отыскать легкий шлем, — откликнулся юноша, — но ни кольчуги, ни меча не подобрать: здесь нет оружейных мастерских.

— Меч у меня есть, — Мерри слез со скамьи и вытянул из черных ножен свой маленький ясный клинок. Преисполнившись вдруг любви к этому старику, он опустился на колено, взял его руку и поцеловал. — Могу ли я положить меч Мерриадока из Края к твоим ногам, князь Теодэн? — вскричал он. — Отвергни мою службу,

если желаешь!

— С радостью принимаю я ее, — молвил князь; и, положив длинные старческие руки на каштановые кудри хоббита, благословил его.

— Подымись, Мерриадок, Всадник Роханда! — сказал он. — Возьми свой меч и неси его к славе!

— Вы будете мне вместо отца, — прошептал Мерри.

— Недолго, — с печальной уверенностью ответил Теодэн.

Они беседовали за едой, пока Йомер вдруг не прервал их.

— Близок час нашего выступления, сеньор. Я прикажу воинам трубить в рога? Но где Арагорн? Его место пусто, и он не ел.

— Мы приготовимся к походу, — сказал Теодэн. — Но пошли сказать сьеру Арагорну, что час близок.

Князь со своей охраной и Мерри прошли через ворота и спустились на лужайку, где уже собрались роандийцы — многие верхом. Отряд был огромен: князь оставлял в Хорнбурге лишь небольшой гарнизон. Тысяча копий ускакали ночью; но около пятисот всадников осталось сопровождать князя — все больше воины Вэйсана.

Чуть поодаль сидели в седлах Следопыты

— молча, стройным отрядом, вооруженные копьями, луками и мечами. Они были в темно-серых плащах, шлемы скрыты под капюшонами. Кони из были сильны и горды, но со спутанными гривами; а один стоял без всадника — приведенный с Севера конь Арагорна, Рохирин. Сбруи их не блестели золотом, не были усыпаны камнями; а их всадники не несли ни знамен, ни знаков — не считая того, что плащ каждого скрепляла серебряная пряжка в форме многолучевой звезды.

Князь вскочил на Среброгривого, и Мерри сидел рядом на своем пони по имени Стибба. Неожиданно из ворот вышел Йомер, а с ним Арагорн и Халбарад, несущий огромное древко, закутанное черным, и двое высоких воинов, угадать годы которых было невозможно. Так похожи были они, сыновья Эльронда, что лишь немногие могли различить их: темноволосые, сероглазые, дивно прекрасные, одетые в сияющие кольчуги под серебристо-серыми плащами. Позади них шли Леголас и Гимли. Но Мерри как взглянул на Арагорна — так и не смог отвести глаз, настолько разительна была перемена, происшедшая в нем, будто в одну ночь долгие годы обрушились на его голову. Мрачным и усталым было его посеревшее лицо.

— Тяжки мои думы, сьер, — сказал он, останавливаясь у коня князя. — Я внимал странным речам и провижу опасности впереди. Я долго думал, и, боюсь, должен избрать иную цель. Теодэн, вы скачете сейчас в Урочище Духов — как долог будет ваш путь?

— Теперь час пополудни, — ответил ему Йомер.

— К ночи третьего дня мы придем в Урочище. Месяц тогда только народится, и сбор роандийцев, созванный князем, начнется днем позже. Быстрее нельзя: Роханду нужно время, чтобы собрать все свои силы.

Арагорн помолчал.

— Три дня, — пробормотал он. — И тогда только начнется сбор роандийцев… Но, видно, дела не ускорить, — он поднял глаза, точно приняв решение; волнение покинуло его лицо.

— Тогда с вашего соизволения, сеньор, я еще раз посоветуюсь с собой и своими сородичами. Мы должны ехать своим путем — не скрываясь более. Для меня время пряток прошло. Я поскачу на восток кратчайшей дорогой и пройду Тропой Мертвецов.

— Тропа Мертвецов! — Теодэн вздрогнул. — Почему заговорили вы о ней?

Йомер обернулся и уставился на Арагорна, и Мерри почудилось, что лица всадников, слышавших разговор, побледнели при этих словах.

— Если только тропа эта есть на самом деле, — проговорил Теодэн? — ворота ее — в Урочище Духов; ню никому из смертных не войти в них.

— Опомнись, Арагорн, друг мой! — вскричал Йомер. — Я надеялся, мы вместе поскачем в бой; но если ты стремишься к Тропе Мертвецов — пришел нам час расстаться, и вряд ли свидимся мы под этим солнцем.

— Я пойду той дорогой, — твердо сказал Арагорн. — Но говорю тебе, Йомер; мы встретимся в бою, хотя бы все воинство Мордора встало меж нами.

— Вы вольны поступать, как пожелаете, сьер Арагорн, — молвил Теодэн. — Видно, судьба ваша — идти неведомыми путями, недоступными для других…

Расставание наше печалит меня; но я должен сейчас уходить по горным дорогам — и не мешкать. Прощайте!

— Прощайте, сьер! — откликнулся Арагорн. — Скачите к славе!. Прощай, Мерри! Я оставляю тебя в добрых руках, лучших, чем мы думали, когда охотились на орков в Фангорне. Гимли,

Леголас: вы, я надеюсь, примете участие и в этой моей охоте. Мы не забудем тебя, малыш!

— До свидания! — пискнул Мерри. Больше ничего не пришло ему в голову. Он чувствовал себя совсем маленьким; все эти мрачные речи озадачили и угнетали его. Его вновь охватила тоска по Пину, по его неугасимой бодрости. Всадники были готовы, кони нервничали; он желал, чтобы они поскорей покончили со всем этим.

Теодэн повернулся к Йомеру, тот поднял руку, крикнул что-то — и всадники двинулись. Они переехали заслон и спустились по Предущелью, а потом быстро свернули к востоку и понеслись по дороге, резко уходящей на юг и исчезающей меж холмов. Арагорн взошел на Заслон и смотрел им вслед, пока воины князя не скрылись из глаз. Тогда он обернулся к Халбараду.

— Туда ушли трое из тех, кого я люблю, и меньшего, быть может, больше других, — проговорил он. — Он ведь понятия не имеет, куда скачет; но даже знай он это — он все равно скакал бы вперед.

— Маленький, но доблестный народ эти хоббитане, — согласился Халбарад. — Мало что знают они о наших вековечных трудах, и все же они по душе мне.

— А теперь судьбы наши переплелись, — продолжал Арагорн. — И, однако, к горю моему, здесь нам пришлось расстаться… Ну, ладно. Я должен поесть, а потом поспешим и мы. Идем, Леголас и Гимли! Мне надо поговорить с вами.

Они вместе вернулись в Хорнбург; однако некоторое время Арагорн молча сидел в зале, а товарищи ждали его слов.

— Ну же! — сказал наконец Леголас. — Говори и успокойся; отряхни с себя тьму! Что случилось с тех пор, как мы вернулись в это угрюмое место?

— Борьба, более суровая для меня, чем битва при Хорнбурге, — негромко ответил Арагорн. — Я смотрел в Камень Ортханка, друзья.

— Ты смотрел в этот проклятый колдовской камень?! — ахнул Гимли. — Ты… ты сказал что-нибудь… Ему? Даже Гэндальф боялся этой схватки.

— Ты забыл, с кем говоришь, — сурово прервал гнома Арагорн, и глаза его блеснули. — Не объявил ли я открыто своего сана перед дверьми Эдораса? Ты боишься, я рассказал Ему… что? Нет, Гимли, — продолжал он мягче, и тень сошла с его лица, и оно стало лицом измученного долгим бессонным трудом человека. — Нет, друзья мои, я — законный господин Камня и имею и право, и

силы владеть им — так я, во всяком случае, рассудил. Право моё несомненно. Сил хватило — едва.

Он глубоко вздохнул.

— Это была мучительная борьба, и усталость проходит медленно. Я не сказал Ему ни слова, и под конец подчинил Камень своей воле. Уже одно это Ему трудновато будет вынести. И Он видел меня. Да, мастер Гимли, он видел меня, но в ином обличье, чем видите меня вы. Если это поможет Ему — значит, я сотворил зло. Но я так не думаю. Знать, что я жив и хожу по земле — страшный удар для Него; ибо до сего часа Он не знал об этом. Глаза Ортханка не прозрели сквозь доспех Теодэна; но Саурон не забыл Исильдура и меча Элендиля. Теперь, в час Его величайших надежд, наследник Исильдура и Меч явились Ему: потому что я показал Ему перекованный клинок. Однако он не столь могуществен, как чудится нам в страхе; сомнение не переставая грызет Его.

— Но, тем не менее, владения Его огромны, — заметил Гимли. — И теперь он поспешит нанести удар.

— Поспешит — промахнется, — устало улыбнулся Арагорн. — Мы должны давить Врага, а не ждать, когда он двинется. Видите ли, друзья мои, когда я подчинил себе Камень, то многое

узнал. Я видел, как смертная опасность неведомо подкрадывается к Гондору с юга — она оттянет на себя много сил, что могли бы защищать Минас — Тириф. Если ее не удастся отразить быстро — Город падет до исхода десятого дня.

— Тогда он должен пасть, — вздохнул Гимли. — Потому что какую помощь можно послать туда и как она может поспеть вовремя?

— Помощи я послать не могу, потому должен идти сам, — сказал Арагорн. — Но есть лишь один путь через горы, который приведет меня к побережью прежде, чем всё погибнет. Это Тропа Мертвецов.

— Тропа Мертвецов!.. — повторил Гимли. — Веселое имечко! Роандийцам, как я видел, оно не очень-то по нраву. Может ли смертный пройти такой дорогой — и не сгинуть?.. Ну, допустим, пройдешь ты этой тропой — разве может такая горстка помочь отразить удары Мордора?

— Смертные не вступали на эту тропу со дня прихода роандийцев, — проговорил Арагорн, — потому что для них она закрыта. Но в этот черный час наследник Исильдура сможет пройти по ней — если решится. Слушайте! Вот Слово, что принесли мне из Светлояра сыновья Эльронда:

«Пусть вспомнит Арагорн о словах провидца и

о Тропе Мертвецов».

— А что это за слова? — быстро спросил Леголас.

— Так говорил Малбет Провидец во дни Арведуи, последнего Князя Форпоста Королей, — голос Арагорна зазвучал глухо:

Земли накрыла долгая тень,
Запада достигли крылья тьмы.
Крепость дрожит; к могилам царей
Рок подступил; Мертвецы восстали;
Ибо час настал выйти нарушившим клятву:
Подле Камня Эреха они встанут опять
И услышат зов рога, плывущий в холмах.
Чей рог то будет? Кто позовет
Из серых сумерек забытый народ?
Наследник того, кому клятву они принесли
С севера придет он, влекомый нуждою:
Он пройдет под Вратами Тропы Мертвецов.

— Дорога наша темна, — проворчал Гимли, —

но не темнее этих строф.

— Если бы ты понял их, я просил бы тебя идти со мной, — сказал Арагорн. — Потому что этим путем идти мне теперь. Но без радости вступаю я на него; только нужда влечет меня. Поэтому лишь по доброй воле последуете вы за мной, ибо нас ждут страх и тенета, а может быть — и что-нибудь похуже.

— Я пойду с тобой даже по Тропе Мертвецов, куда бы она ни вела, — помедлив, решился Гимли.

— Пойду и я, — поддержал гнома Леголас. — Потому что мне не страшны мертвецы.

— Надеюсь, этот забытый народ не позабыл, как надо драться, — сказал Гимли. — Иначе не понимаю, зачем нам тревожить их.

— Это мы узнаем, если когда-нибудь дойдем до Эреха, — проговорил Арагорн. — Клятва, что они нарушили, была клятвой биться с Сауроном, и биться им придется, если они хотят исполнить ее. Ибо в Эрехе и поныне стоит черный камень, принесенный, как говорят, из Нуменора Исильдуром; он был водружен на холме, и на нем Горный Король принес клятву верности, когда был основан Гондор. А когда Саурон вернулся, и мощь его возросла, Исильдур призвал Горный Народ исполнить свою клятву — но они не пришли;

ибо в Темные Годы стали поклоняться Саурону. И тогда Исильдур сказал их Королю: «Ты будешь последним Королем. И если Запад сильней твоего Черного Повелителя, такое проклятие налагаю я на тебя и твой народ: скитаться вам без отдыха, пока не исполните клятвы. Ибо война эта продлится бессчетные годы, и в конце ее вы будете призваны». И они бежали от гнева Исильдура, и не осмелились вступить в войну на стороне Саурона; и скрылись в потаенных горных лощинах, и порвали все связи с людьми, и медленно таяли в голых холмах. И ужас Бессонной Смерти витает над Холмом Эреха и над всем краем, где обитает тот народ. Но я должен идти тем путем — смертные не в силах помочь мне.

Он поднялся.

— Идем! — вскричал он и обнажил меч, и тот вспыхнул огнем в сумеречном зале Хорнбурга. — К Камню Эреха! Я иду Тропой Мертвецов! Идемте со мной, кто пойдет!

Леголас и Гимли не ответили, но встали и вслед за Арагорном вышли из зала. На лужайке их ждали спокойные молчаливые Следопыты; Леголас сел на лошадь, и Гимли устроился позади. Арагорн вскочил на Рохирина. Тогда Халбарад поднял большой рог — и зов его эхом отозвался

в Хельмовой Бездне; с этим они выступили, пронесясь Предущельем подобно грому, так что все оставшиеся на Заслоне воины крепости застыли в изумлении.

И пока Теодэн неспешно двигался горными тропами, Серый Отряд быстро пересек степи и в полдень следующего дня примчался в Эдорас; там они остановились ненадолго, прежде чем подняться вверх по долине, и были в Урочище Духов, когда опустилась ночь.

Йовин обрадовалась их приезду; потому что никогда не видела она витязей более могучих, чем дунаданы и прекрасные сыновья Эльронда; но чаще всего глаза ее останавливались на Арагорне. И когда они уселись за ужин, и она услышала обо всем, что случилось с тех пор, как уехал Теодэн — о битве в Хельмовой Бездне, о великом избиении врага и атаке Теодэна и его рыцарей — глаза ее засияли.

Но, наконец, она сказала:

— Сьеры, вы устали, и пора вам отдохнуть — на тех ложах, какие могли быть исхитрены в спешке. Но завтра для вас отыщут более достойные жилища.

Но Арагорн отвечал:

— Не тревожь себя ради нас! Если мы сможем

провести здесь ночь и разговеться утром — этого довольно. Ибо дело мое — срочное из срочных, и мы выступим с первым светом утра.

Она улыбнулась ему и сказала:

— Тогда это очень великодушно, сьер — уклониться на столько миль в сторону лишь затем, чтобы принести Йовин вести и навестить её в ссылке.

— Воистину, никто не счел бы это время потраченным, — проговорил Арагорн.

— И, однако, я не пришел бы сюда, если бы дорога моя не пролегла через Урочище.

И она отвечала — и ответ ее звучал обидой:

— Тогда, сьер, ты обманулся; ибо ни одна тропа не ведет из Урочища кроме той, которой ты пришел.

— Нет, — возразил он, — я не обманулся; ибо я бродил в этом краю прежде, чем ты была рождена украсить его. Из этой долины есть тропа, и я пойду ею. Завтра я вступлю на Тропу Мертвецов.

Она взглянула на него, будто ее ударили, и лицо ее побелело, и она надолго умолкла; молчали и воины.

— Но, Арагорн… — произнесла она, наконец. — Разве дело твое призывает тебя искать смерти? Ибо это всё, что найдешь ты на том пути. Они не

пропускают смертных.

— Меня они могут и пропустить, — сказал он. — По крайней мере, я рискну пойти. Другой дороги нет.

— Но это безумие, — молвила она. — Ибо здесь — славные и доблестные воины, которых ты должен не ввергать во Тьму, но вести в битву, где они необходимы. Я прошу тебя остаться и ехать с братом, ибо тогда радость наполнит наши сердца, и надежда воссияет для нас.

— Это не безумие, Йовин, — ответил он. — Ибо путь мой начертан. Те же, кто следует за мной, идут по доброй воле; и если они пожелают остаться и скакать с роандийцами, они вольны поступить так. Но я пойду Тропой Мертвецов и один — если придется.

Она не сказала больше ни слова, и ужин кончился в молчании; но взор ее был прикован к Арагорну, и видно было, что душа ее охвачена мукой. Наконец они поднялись и, распрощавшись с Правительницей и поблагодарив ее за заботу, отправились отдыхать.

Но, когда Арагорн подошел к палатке, где должен был спать с Леголасом и Гимли, и товарищи его вошли внутрь, Йовин окликнула его. Он обернулся и увидел ее — мерцанием в ночи, потому

что она была одета в белое; глаза ее блестели.

— Арагорн, — спросила она, — почему вступаешь ты на сей смертный путь?

— Потому, что должен, — сказал он. — Только так я могу я исполнить то, что предначертано мне в войне с Сауроном. Я не выбираю опасных дорог, Йовин. Если б я мог идти, куда зовет меня сердце — давно бродил бы я на Севере, в дивной долине Светлояра.

Она немного помолчала, точно размышляя, что это значит. Потом вдруг тронула его за руку.

— Ты суров и решителен, сьер, — сказала она. — Так приходят к славе, — она запнулась. — Сьер… — в голосе ее звучала мольба. — Если ты должен ехать, — позволь мне следовать за тобой. Я устала таиться в горах и хочу встретить бой лицом к лицу.

— Твой долг быть с твоим народом, — ответил он.

— Слишком часто слышала я о долге! — вскричала она. — Но разве я не из Дома Эорла, воительница, а не нянька?! Довольно ждала я в нерешительности. Теперь она истаяла — так неужто не могу я строить свою жизнь, как хочу?

— Немногим дано сделать это с честью, — отвечал он. — Но что до тебя: разве не приняла ты

на себя заботу о своем народе — покуда сеньор его вдали? Не будь избрана ты — на этом месте оказался бы какой-нибудь маршал или витязь, и он не смог бы отправиться в бой, устал он быть «нянькой», или не устал.

— Ужели мне всегда быть избранной? — горько произнесла она. Ужели мне всегда оставаться позади, чтобы хранить дом, пока всадники скачут к славе, и отыскивать им еду и постели, когда они возвращаются?

— Вскорости может прийти время, когда не вернется никто, — сказал он. — Тогда придет черед доблести без славы, ибо никто не запомнит дел, что будут свершены в последнем бою за ваши дома. Однако дела эти не станут менее доблестными от того, что будут безвестны.

А она отвечала:

— Все твои речи говорят лишь об одном: ты женщина и твое место в доме. Но когда мужчины уйдут к битве и славе, ты останешься, чтобы сгореть вместе с домом, ибо надобности в тебе более не будет. Но я из Дома Эорла, а не служанка. Мне покорны конь и клинок, и я не боюсь ни мук, ни смерти.

— Тогда чего же ты боишься? — спросил он.

— Клетки, — отвечала она. — Оставаться за ре-

шетками, пока привычка и старость не смирятся с ними, а надежды на великие подвиги в бою не станут пустыми мечтами.

— И все же ты советуешь мне не рисковать идти опасным путем?

— Я прошу тебя не избегать опасности, — возразила она, — но скакать в битву, где твой меч завоюет победу и славу. Мне не хотелось бы видеть, что то, что достойно и прекрасно, отброшено, как ненужное.

— Мне также, — кивнул он. — Потому говорю тебе, Йовин: оставайся! У тебя нет дел на Юге.

— Как и у всех, кто идет с тобой. Они идут только потому, что не могут расстаться с тобой — потому, что любят тебя.

Она повернулась и исчезла в ночи.

Когда свет дня вспыхнул на небе, но солнце не поднялось еще над восточными хребтами, Арагорн готовился к отъезду. Отряд его был уже в седлах, и он собирался вскочить на коня, когда Йовин вышла проститься с ними. Она была одета, как всадник, и опоясана мечом. В руке она держала кубок и, пригубив его, пожелала им доброго пути; а потом подала она кубок Арагорну, и он выпил и сказал:

— Прощай, Правительница Роханда! Я пью за

счастье вашего Дома, и твое, и всего твоего народа. Скажи брату: как бы далеко ни простерлась Завеса Тьмы — мы встретимся вновь!

И тогда Гимли и Леголасу, что были рядом, почудилось, что она плачет, и в ней, столь суровой и гордой, это казалось тем более печальным.

— Арагорн, идешь ли ты? — спросила она.

— Я иду, — сказал он.

— Тогда не позволишь ли ты мне ехать с твоим отрядом, как я просила?

— Нет, Йовин, — ответил он. — На это я не могу согласиться без дозволения князя и твоего брата; а они вернутся лишь завтра. Я же считаю каждый час, каждую минуту. Прощай!

Тогда она опустилась на колени, говоря: — Молю тебя!..

— Нет, Йовин, — твердо повторил он и, взяв под руку, поднял ее. Потом поцеловал ей руку, вскочил в седло и поехал прочь, и не оглянулся более; и только те, кто хорошо его знал и был близок ему, видели муку, что он нес.

А Йовин стояла, застыв, как каменная статуя, прижав руки к бокам, и смотрела им вслед, пока они не въехали в черную тень Потаенной Горы, где были Врата Мертвецов. Когда они скрылись из виду, она повернулась и, спотыкаясь, как сле-

пая, пошла в свое жилище. Но никто из ее людей не видел этого прощания, потому что они попрятались в страхе и не выходили, пока солнце не взошло, а отчаянные чужаки не уехали.

И кое-кто говорил: «Это эльфийские колдуны. Пусть себе уходят во тьму, откуда пришли. Времена и без них достаточно злы».

Свет вокруг был по-прежнему серым, потому что солнце не перевалило еще за черный хребет Потаенной Горы. Ужас пал на всадников, едва они миновали ряды древних камней и въехали в Смутную Дуброву. Там, во мгле черных стволов, которой не мог долго выдержать даже Леголас, они отыскали лощину у подножия горы, где прямо на тропе, как перст судьбы, стоял огромный одинокий камень.

— Кровь моя леденеет, — пробормотал Гимли, но остальные молчали, и голос его замер, упав во влажные еловые иглы под ногами. Кони не желали обходить угрозный камень; пришлось всадникам спешиться и обвести их вокруг. Они углубились в ущелье; и там перед ними встала отвесная скальная стена, и в ней зияли черные Врата, подобные пасти ночи. Знаки и фигуры, высеченные вокруг широкой арки, были неясны, и страх сочился из них, как серый дым.

Отряд остановился, и не было сердца, которое не дрогнуло бы — кроме сердца эльфа Леголаса, кому призраки людей не внушали ужаса. — Это зловещая дверь, — сказал, наконец, Халбарад, — и за ней лежит моя смерть. И все же я рискну войти; но ни один конь не войдет.

— Однако мы должны войти — и с конями, — откликнулся Арагорн. — Потому что, если мы когда-нибудь выйдем из этой тьмы, впереди будет много лиг, а каждый потерянный час станет приближать победу Саурона. За мной!..

Арагорн шагнул вперед, и так сильна была его воля в тот час, что дунаданы и их кони последовали за ним. И такую любовь питали кони Следопытов к своим господам, что пожелали снести даже ужас Врат — потому что сердца их всадников были тверды. Но Арод, лошадь Роханда, заартачилась, и стояла, дрожа, покуда Леголас не закрыл ей глаза ладонями и не напел какой-то тихой песни — тогда она позволила вести себя, и Леголас вошел. И перед входом остался гном Гимли — совсем один.

Колени его тряслись, и он злился на себя.

— Невиданное дело! — бурчал он. — Эльф пошел под землю, а гном не решается!

И он нырнул внутрь. Но ему почудилось, что

ноги его налились свинцом, едва он переступил порог; и слепота окутала его — Гимли, сына Глоина, бесстрашно прошедшего многими подземными тропами.

Арагорн принес факелы из Урочища Духов, и теперь шел впереди, высоко подняв один; Элладан с другими замыкал шествие; и Гимли, тащась позади, силился нагнать его. Он не видел ничего, кроме тусклого пламени факелов; но если отряд останавливался, его окружал бесконечный шорох голосов, бормочущие речи на языке, которого он никогда не слыхал.

Ничто не атаковало отряд, ничто не заступало им путь — однако страх все рос и рос в душе гнома: потому что теперь он знал, что назад дороги нет — все пути позади заполняло незримое воинство, что следовало за ними во тьме.

Так бежало несчетное время, пока Гимли не увидел зрелища, которого после не желал вспоминать. Дорога, насколько он мог судить, была широка, но сейчас отряд вступил в обширное пространство, и стены исчезли. Тут ужас навалился на гнома с такой силой, что он едва мог идти. Слева что-то блеснуло во тьме, когда приблизился факел Арагорна. Арагорн остановился и пошел взглянуть, что там такое.

— Неужто ему не страшно? — пробормотал Гимли. — В любой другой пещере Гимли, сын Глоина первым бросился бы на блеск золота. Но не здесь!.. Пусть себе лежит!

Тем не менее, он подошел поближе и увидел, что Арагорн стоит на коленях, а Элладан держит оба факела. Перед ними лежал остов воина. Он был в кольчуге, и доспехи его все еще были целы, потому что пещерный воздух был сух, как пыль, а кольчуга была позолочена. Золотой пояс усеивали гранаты, золотой шлем покрывал череп. Он упал возле дальней стены пещеры, у наглухо закрытой каменной двери: костистые пальцы, казалось, все еще ищут щель. Иззубренный, сломанный меч лежал рядом, словно в предсмертном отчаянье воин рубил камни.

Арагорн не тронул его, но, поглядев немного, поднялся и вздохнул.

— Сюда никогда не прийти цветам памяти, — тихо проговорил он. — Девять и семь курганов зеленеют сейчас, а он долгие годы лежит у двери, которой не смог отворить. Куда она ведет?.. Зачем он шел?.. Никто никогда не узнает!

Ибо это не мое дело! — Вскричал он, оборачиваясь к шепчущей тьме позади. — Храните свои сокровища и тайны, скрытые в Проклятые годы!

Лишь быстрота нужна нам. Пропустите нас — и идем! К Камню Эреха призываю я вас!

Никакого ответа, только полная тишь, более жуткая, чем прежний шепот; а потом — внезапный ледяной ветер, потушивший факелы: зажечь их так и не удалось. Последовавших за этим — одного или нескольких — часов Гимли почти не запомнил. Другие спешили, и он все время отставал, преследуемый ищущим ужасом, который, казалось, вот-вот схватит его; да вдобавок позади непрестанно звучал шорох — шум призрачных шагов. Гном спотыкался и запинался, пока не пополз по земле, как зверь, и понял, что не выдержит: или сейчас наступит конец и спасение, или он в безумии помчится назад, навстречу идущему следом страху.

Вдруг он услышал плеск воды, звук резкий и чистый, будто камень рассек кошмар черной тени. Занялся свет, и отряд проехал под высокой и широкой аркой, и рядом бежал ручеек; а по другую сторону его, круто спускаясь вниз, шла между отвесными обрывами дорога. Таким глубоким и узким было ущелье, что небо казалось темным, и в нем мерцали звезды. Однако, как узнал потом Гимли, оставалось еще два часа до заката — заката того самого дня, когда они вы-

ехали из Серого Урочища, хоть ему и мнилось, что это должны быть сумерки иного времени, а может — и иного мира.

Воины снова вскочили на коней, и Гимли вернулся к Леголасу. Они ехали вереницей, и настал вечер, и темно-синие сумерки; а ужас по-прежнему преследовал их. Леголас обернулся и посоветовал Гимли взглянуть назад — и гном увидел перед собой свет ясных глаз эльфа. Позади скакал Элладан, последний из отряда, но не последний, кто шел вниз по дороге.

— Мертвецы за нами, — сказал Леголас. — Я вижу тени воинов, и коней, и бледные стяги, как обрывки туч, и копья, как кусты в зимней туманной ночи. Мертвецы идут следом.

— Да, Мертвецы скачут позади. Они были призваны, — отозвался Элладан.

Наконец отряд выехал из ущелья; перед ними простиралась нагорная часть обширной долины, и поток многими водопадами стекал вниз.

— Где мы? — спросил Гимли, и Элладан ответил:

— Мы спустились от истоков Яр-реки, холодного потока, что впадает в море, омывающее стены Дол-Амроса. Теперь тебе не понадобится спрашивать, откуда взялось это имя: ее еще зовут

Мертвянкой.

Ярый Дол образовывал большой залив, бьющийся о южные грани гор. Их крутые склоны поросли травой; но в этот час все было серо, потому что солнце зашло; далеко внизу в домах мигали окна. Дол был богат, и в нем жило немало народа.

Тогда, не оборачиваясь, Арагорн крикнул — и все услыхали его:

— Друзья, забудьте усталость! Скачите вперед! Мы должны прийти к Камню Эреха, пока длится сегодня, а путь наш долог.

Так, не оглядываясь, мчались они горными лугами, пока не переехали моста через поток и не отыскали ведущей вниз дороги. В домах и деревушках при их приближении гасли огни и захлопывались двери, а люди, что были в полях, вопили от страха и разбегались, как олени перед охотниками. И всюду звучал один и тот же крик:

— Король Мертвецов! Король Мертвецов идет на нас!

Где-то вдали ударили в набат, и народ падал ниц перед Арагорном; но Серый Отряд мчался и мчался, пока кони их не стали спотыкаться от усталости. И тогда, почти в полночь, во тьме, подобной тьме подгорных пещер, они подъехали

наконец к Холму Эреха.

Давно ужас Смерти окутал этот холм и пустынные поля вокруг. Потому что на вершине стоял черный камень, круглый, как громадный шар в рост человека, хотя половина его уже вросла в землю. Он выглядел неземным, будто упал с неба, как верили многие; но те, кто еще помнил Летописи, говорили, что он был вынесен из развалин Нуменора и поставлен Исильдуром на месте высадки. Никто из людей долины не решался подойти к нему, никто не селился вблизи; говорили, что это место схода Призрачных Воинов, что они собираются и шепчутся там.

Отряд подскакал к Камню и остановился. Тогда Эльрохир подал Арагорну серебряный рог, и тот протрубил в него; и тем, кто стоял рядом, послышались ответные рога, точно эхо откликнулось в дальних горах. И все смолкло; ни звука — но они ощущали, как толпа собирается вокруг холма; и ледяной ветер, подобный дыханию войска, шел с гор. Тут Арагорн спешился и, стоя у Камня, крикнул громовым голосом:

— Клятвопреступники, зачем вы пришли?

И тусклый голос ответил ему из тьмы:

— Исполнить клятву и упокоиться в мире.

Тогда Арагорн сказал:

— Час наконец настал. Я иду теперь к Пеларгиру на Андуине, и вы пойдете со мной. И когда все эти земли очистятся от прислужников Саурона, я признаю клятву исполненной, и вы уйдете в мире и упокоитесь навек. Ибо я — Элессар, наследник Исильдура Гондорского.

И он велел Халбараду развернуть огромный штандарт, что тот вез; и все увидели, что он черен, а если на нём и была какая — то вышивка, то ее скрывала тьма. А потом все смолкло, и ни шепот, ни вздох не нарушали ночной тишины. Отряд устроился на отдых у Камня, но они почти не спали из страха перед Призраками, которые окружали их.

А едва занялся рассвет, холодный и бледный, Арагорн поднялся и повел отряд вперед путем усталости и спешки, каких никому из них, кроме него самого, не доводилось испытывать прежде, и только его воля заставляла их продолжать скачку. Ни один смертный не выдержал бы ее — никто, кроме северян-дунаданов, гнома Гимли да эльфа Леголаса.

Они миновали Бакланово Горло и вошли в Ламедон; и Призрачное войско торопилось позади, а ужас бежал впереди них, пока они не дошли до Калембела на Кириле, и кровавое солнце не скры-

лось за дальними горами на западе. Окрестности и переправа через Кириль были пусты, так как много людей ушло на войну, а тех, что остались, прогнал в горы слух о приходе Короля Мертвецов. А на следующий день рассвет не пришел, и Серый Отряд канул во тьму Бури Мордора и исчез для смертных глаз; но Мертвецы неуклонно шли за ним.

Глава 3
Сбор роандийцев

Теперь все дороги вели на восток, навстречу войне и натиску Тьмы. И когда Пин стоял у Главных Ворот Города, глазея на въезжающего туда Принца Дол — Амроса, князь Роханда спускался с гор.

День угасал. В последних лучах солнца всадники отбрасывали долгие тени, что бежали впереди них. Тьма закралась уже под бормочущие ели, что покрывали крутые склоны гор. Князь ехал медленно. Неожиданно тропа обогнула высокую голую скалу и нырнула во мглу мягко вздыхающих деревьев. Всё вниз и вниз длинной вьющейся лентой скакали роандийцы. Когда они наконец спустились на дно ущелья, там уже настал вечер.

Солнце зашло. Над водопадами сгущались сумерки. Весь день далеко внизу бежал с дальнего перевала порожистый поток, прорубая узкое русло меж поросших соснами стен, а теперь через каменные ворота он вырвался в широкую долину. Всадники следовали за ним, и внезапно глазам их открылась Урочная Лощина, полная шумом вод. Там пенная Снежка, сливаясь с меньшей рекой, крутясь и курясь на камнях, неслась вниз — к Эдорасу, зеленым холмам и степям. Далеко внизу, в начале огромной долины, вздымался к облакам высоченный пик, и его изъеденная, покрытая вечными снегами вершина мерцала в вышине, дымно-голубая с востока, с запада окрашенная багрянцем заката.

Мерри в изумлении оглядывал этот неведомый край, о котором столько слышал за время их долгого пути. Это был мир без неба — сквозь клубы тусклого воздуха он видел лишь горные склоны, стены из камня впереди еще более высоких стен, да глубокие, укрытые туманами пропасти. Он сидел в седле в каком — то полусне, слушая шум воды, шепот темных деревьев, треск камней и широкую ждущую тишь, что простерлась над всеми звуками. Он любил горы — или любил думы о них, тянущиеся из рассказа в рассказ о дальних

странах — но сей час, мнилось ему, Средиземье всем своим весом легло ему на плечи. В тихой комнате у очага не место безмерности — теперь он понимал это.

Он очень устал, потому что скакали они почти без остановок, даром что медленно. Почти три утомительных дня он трусил вверх-вниз — через перевалы, и долгие долины, и быстрые реки. Порой тропа расширялась; тогда он ехал рядом с князем, не замечая, что многие роандийцы улыбаются, видя их вдвоем: хоббита на маленьком коренастом пони и Сеньора Роханда на высоком белом коне. Мерри беседовал с Теодэном, рассказывая ему о своем доме и делах своего народа, или слушал предания о Марке и могучих воинах древности. Но чаще всего, особенно в этот последний день, он ехал один вслед за князем, ничего не говоря, пытаясь понять медленное звучное наречие Роханда, на котором говорили всадники позади. Многие слова этого языка казались ему знакомыми, правда, произносились они не совсем как в Крае, но ему никак не удавалось свести обрывки речей воедино. Временами какой-нибудь всадник затягивал песню, и сердце Мерри ёкало, хоть он и не понимал, о чем она.

И все же сейчас, на исходе дня, он был одинок,

как никогда. Он думал, где сейчас Пин, куда его занесло в этом непонятном мире; и что сталось с Арагорном, Леголасом и Гимли. И вдруг точно ледяные тиски сжали сердце — он вспомнил о Фродо и Сэме. «Я забыл их! — укорил он себя. — А ведь их дело — самое важное. И я иду помогать им; но сейчас они, должно быть, за сотни миль — если вообще живы». Он содрогнулся.

— Наконец-то Урочная Лощина! — сказал Йомер. — Наш поход почти кончен.

Они остановились. Тропа круто спускалась по узкому ущелью. Долина смутно виднелась внизу, будто через узкое высокое окно. Одинокий огонек мигал за рекой.

— Этот поход — возможно, — отозвался Теодэн. — Но мне еще далеко скакать.

Прошлой ночью было полнолуние, и утром я отправлюсь в Эдорас на сбор Марки.

— Но если бы ты принял мой совет, — Йомер понизил голос, — то вернулся бы сюда переждать, пока война не кончится — поражением или победой.

Теодэн улыбнулся.

— Нет, мой сын, ибо так стану я называть тебя, не говори со мной языком Червослова! — он приподнялся в седле и оглянулся на длинную

череду своих воинов, исчезающую во тьме позади. — Кажется, долгие годы минули с тех пор, как я поскакал на запад; но никогда больше не стану я опираться на посох. Если война проиграна — что проку от моего сидения в холмах?.. А если она выиграна — что за печаль, коли я паду в ней, истратя последние силы? Но оставим это. Эту ночь я проведу в Урочище Духов. По крайней мере один мирный вечер у нас остался. Едем!

В густеющих сумерках они спустились в долину. Там Снежка текла под ее западными стенами, и вскоре тропа вывела их к переправе, где на мелях ворчала вода. Переправа охранялась. Когда князь подъехал, множество воинов вынырнуло из тени скал; увидев князя, они громко закричали:

— Князь Теодэн! Князь Теодэн! Сеньор Марки вернулся!

Потом один из них протрубил в рог долгий призыв. Он эхом отозвался в долине. Ему ответили другие рога, за рекой вспыхнули огни.

И вдруг с высоты грянул хор труб, укрытый, казалось, в какой-то узкой лощине, что собирала их голоса в один и, выкатившись оттуда, он бился о каменные стены.

Так победно возвратился князь Марки с запада

в Урочище Духов. Он нашел там все оставшиеся силы своего народа; потому что едва разнеслась весть о его приходе, маршалы поскакали к переправе встречать его; они везли послание Гэндальфа. Дангиль, военный вождь Урочной Лощины, скакал впереди.

— На рассвете третьего дня, — сказал он, — Ночиветр, как ветер, примчался с запада в Эдорас, и Гэндальф привез весть о вашей победе. Но он принес также и твое Слово — поспешить со сбором роандийцев. А после пришел Крылатый Мрак.

— Крылатый Мрак? — переспросил Теодэн. — Мы тоже видели его, но то было в ужасе ночи перед тем, как Гэндальф покинул нас.

— Может быть, сеньор, — сказал Дангиль. — Но такой же, а может и тот же — летящая тьма в обличье кошмарной птицы — пролетела в то утро над Эдорасом, и всех объял страх. Потому что она задержалась над Медузэлдом и, когда снизилась, — к самому коньку крыши раздался вопль, что остановил сердца. Тогда — то Гэндалъф и посоветовал нам не собираться на равнине, а встретить вас здесь, в горной долине. И он приказал нам не зажигать огней и костров — только если без этого никак нельзя будет обойтись. Так и было сделали. Гэндальф говорил очень властно.

Мы верим, что такова была твоя воля. В Лощине пока все спокойно.

— Хорошо, — кивнул Теодэн. — Я сейчас еду в Урочище и там, перед отходом ко сну, встречусь с маршалами. Пусть они поспешат собраться!

Дорога вела к востоку, пересекая долину, которая в этом месте была не более полумили шириной. Пустоши и луга жесткой травы, серой в ночи, лежали вокруг, но в дальнем конце долины Мерри видел хмурую стену, последний отрог горного пряжа, в прошедшие века рассеченного рекой.

Равнина была запружена воинами. Некоторые толпились по обочинам, радостно приветствуя князя и всадников с запада; а позади, протянувшись к горам, стояли ровные ряды шатров и палаток, коновязей и складов оружия; а сложенные в кучи копья щетинились, как молодая поросль. Сейчас все это огромное сборище окутывала тьма, и однако, хотя стылая горная ночь дышала вниз холодом, ни костры, ни факелы не горели. То и дело попадались закутанные в плащи часовые.

Интересно, сколько здесь роандийцев, подумал Мерри. В сгустившейся мгле он не мог сосчитать их, но ему казалось, что это огромное войско,

многотысячная сила… Пока он глазел по сторонам, свита князя въехала под отвесный обрыв на восточном конце долины; и там дорога начала вдруг карабкаться вверх, и Мерри в удивлении поднял глаза. Такой дороги ему никогда не приходилось видеть — она была создана руками людей задолго до времен, о которых сложены песни. Она шла в гору, извиваясь, как змея, высверливая себе путь по отвесному боку скалы. Крутая, как лестница, она скручивалась в петли, но упорно поднималась вверх. По ней могли пройти кони, смогла бы даже въехать повозка; но врагу было не пройти по ней, если сверху ее защищали, а у него не было крыльев. На каждом повороте дороги стояли большие, некогда высеченные из камня фигуры: толстые, неуклюжие, они сидели на скрещенных ногах, сложив руки на пузе. Некоторые потеряли уже все черты, кроме темных глазниц, некоторые, как встарь, смотрели на проезжих. Роандийцы едва взглядывали на них. Они звали каменных идолов паками и не обращали на них внимания: в них не было ни былой силы, ни былого ужаса; но Мерри разглядывал их с интересом, чувствуя почти жалость, когда они медленно таяли в сумерках.

Немного спустя он оглянулся и понял, что

поднялся уже на несколько сот футов над долиной; но сквозь клубящийся внизу туман все еще виднелась змеящаяся череда всадников — они переходили реку и заполняли лагерь. Только князь и его свита поднимались к Урочищу.

Наконец отряд князя достиг острого края, вьющаяся дорога прошла меж скальных стен, взобралась еще на один — короткий — склон, и вывела на широкое плато, горную луговину, зеленую, поросшую вереском. В глубине ее поднималась мрачная Потаенная Гора с покрытыми пихтовым лесом склонами. Деля плато надвое, шел двойной ряд бесформенных камней; они исчезали среди деревьев. Тот, кто рискнул бы последовать за ними, въехал бы вскорости в Смутную Дуброву близ Потаенной Горы — к угрозному каменному столбу и распахнутой тьме Запретной Двери.

Таково было Урочище Духов, дело рук давно позабытых зодчих. Имена их затерялись в веках, ни песни, ни предания не помнили их Для чего они создавали это место — был ли то город вкруг тайного храма, или надгробный памятник усопшим королям — не знал никто. Они трудились здесь в Темные Годы, прежде, чем к восточным берегам пристали корабли и был основан Гондор; а теперь они сгинули, остались только идолы-па-

ки, по-прежнему сидящие у поворотов дороги.

Мерри во все глаза смотрел на ряды камней: они были истертыми, черными; некоторые стояли, некоторые валялись на земле, некоторые растрескались и сломались; они походили на старые голодные зубы. Он подивился, зачем они здесь, и понадеялся, что князь не собирается следовать за ними. Потом он увидел шатры и палатки по обе стороны каменистой дороги; но они стояли не под деревьями, а, казалось, сгрудились подальше от них, у обрыва. Большая часть их была справа — там плато расширялось; а слева стоял меньший лагерь, в центре которого поднимался высокий шатер. Оттуда навстречу им скакал всадник, и они свернули с пути.

Когда он приблизился, Мерри увидел, что это женщина — длинные волосы ее развевались и мерцали в сумерках, но на ней, как на воине, были шлем и кольчуга, а у пояса — меч. — Привет тебе, Сеньор Марки! — воскликнула она. — Сердце мое радо твоему возвращению.

— Все ли в порядке, Йовин? — спросил Теодэн.

— Все, — отвечала она; однако Мерри почудилось, что голос изменил ей — он подумал бы, что она плачет, если бы мог поверить в это: так строго было ее лицо. — Все в порядке. Это был трудный

путь для людей, внезапно оторванных от своих домов. Не раз звучали злые речи; но злых дел не было. Теперь все спокойно, как видишь. И шатер твой готов: я получила вести о вас и знала час вашего приезда. — Так значит, Арагорн приходил сюда, — сказал Йомер. — Он здесь еще?

— Его нет, — проговорила Йовин, отворачиваясь и глядя на темнеющие вдали горы.

— Куда он пошел? — почти крикнул Йомер.

— Не знаю, — сказала она. — Он пришел ночью, а ускакал вчера утром, прежде, чем встало солнце. Его нет.

— Ты печальна, дочь, — сказал Теодэн. — Что случилось?.. Скажи, не говорил ли он о той дороге? — Он указал на темнеющий ряд камней. — О Тропе Мертвецов?

— Говорил, сеньор, — молвила Йовин.

— И он ушел во тьму, откуда не возвращаются. Я не смогла отговорить его… Его нет.

— Тогда солнце наше затмилось, — сказал Йомер. — Он погиб. Нам скакать без него, и наша надежда тает.

Медленно ехали они по вереску и низкой траве нагорий и молчали, пока не приблизились к шатру князя. Там, как неожиданно обнаружил Мерри, все было готово; не забыли и о нем. Маленькая

палатка ждала его рядом с шатром; там он сидел один, пока воины сходились к князю и держали с ним совет. Спускалась ночь, и едва видные вершины западных гор венчали звезды, но восток был темен и пуст. Древние камни скрывались из глаз, но по-прежнему за ними, чернее мрака, вздымалась исполинская тень Потаённой Горы.

— Тропа Мертвецов, — бормотал хоббит себе под нос. — Тропа Мертвецов? Что все это значит?.. Все меня бросили. Все ушли к своим судьбам: Гэндальф и Пин — на войну с Востоком; Сэм и Фродо — в Мордор; Бродник, Леголас и Гимли — на Тропу Мертвецов. Но и мой черед близок. Интересно бы знать, о чем они там толкуют и что князь собирается делать? Потому что куда пойдет он — пойду и я.

Во время этих мрачных раздумий он сообразил, что страшно голоден, и решил отправиться поглядеть, есть ли в этом непонятном лагере хоть кто — то, чувствующий то же. Но в это время пропела труба, и вошел воин, зовя его, оруженосца князя, к княжескому столу.

Внутри шатра было небольшое пространство, отгороженное вышитыми занавесами и застланное шкурами; там за походным столом сидели Теодэн с Йомером, Йовин и Дангиль, военный

вождь Лощины.

Мерри встал у кресла князя, и ждал, пока вдруг старый воин, выйдя из глубоких дум, с улыбкой не повернулся к нему.

— Нет, мастер Мерриадок! — воскликнул он. — Ты не должен стоять. Ты должен сидеть подле меня — покуда я еще в своих землях — и услаждать мое сердце рассказами.

Хоббиту освободили место по левую руку от князя, но рассказы были никому не нужны. Ели и пили в молчании, изредка обмениваясь короткими фразами; в конце концов Мерри набрался храбрости и осмелился задать вопрос, что давно мучил его.

— Дважды сегодня слышал я о Тропе Мертвецов, — сказал он. — Кто они? И куда… куда ушел Бродник… то есть, я хотел сказать, сьер Арагорн?

Князь вздохнул, но никто не отвечал, пока, наконец, не заговорил Йомер.

— Мы не знаем, и на сердце у нас камень. А Тропа Мертвецов — ты и сам прошел ее первые ступени… Дорога, которой мы пришли, ведет к Вратам, в Смутную Дуброву. Но что лежит позади — не знает никто.

— Не знает никто, — повторил Теодэн. — Но есть древнее предание — теперь его редко вспо-

минают — и оно может кое-о-чем поведать. Если рассказы, что передаются от отца к сыну в Доме Эорла, правдивы, то Врата Потаенной Горы ведут к тайному подгорному пути. Но никто никогда не пытался выведать его тайну с тех пор, как Балдор, сын Брего, вошел в Дверь, чтобы не вернуться. Опрометчивый обет дал он на пиру, устроенном Брего в честь окончания постройки Медузэлда, и не пришел назад к высокому престолу своего отца.

Люди говорят, что Мертвые Воины с Черных Лет хранят тот путь и не допускают живых в свои скрытые залы; но порой сами они выходят из Двери — тенями во мраке — и спускаются вниз каменистой дорогой. Тогда народ Лощины в страхе накрепко запирает двери и наглухо захлопывает окна. Но Мертвецы выходят редко — лишь во времена великого неспокойства и близящейся смерти.

— Однако в Лощине говорят, — тихо вступила Йовин, — что огромное войско неясными рядами прошло здесь в недавние безлунные ночи. Куда — никто не знает, но они поднялись по дороге и скрылись в горе, словно шли на свидание с кем — то.

— Тогда почему Арагорн пошел этим путем? —

настаивал Мерри. — Можно ли хоть чем-то объяснить это?

— Если только он не сказал тебе, как другу, чего-то, чего мы не знаем, — проговорил Йомер, — никто в землях живых не сможет сказать, что он задумал.

— Он очень изменился с тех пор, как я впервые увидела его во дворце князя, — сказала Йовин. — Стал мрачней, старше. Он был какой-то нездешний, словно Мертвецы позвали его.

— Быть может, и позвали, — заметил Теодэн, — и сердце говорит мне, что больше я его не увижу. Однако он — человек королевской крови и высокой судьбы. Утешайся же этим, дочь, если печаль твоя по этому гостю нуждается в утешении. Говорят, когда эорлинги пришли с севера и поднялись по Снежке, Брего и его сын Балдор взошли по Урочной Дороге и оказались у Двери. На пороге сидел старец старше мыслимого; некогда был он высок и величав, сейчас же — иссушен, как камень. Они и приняли его за камень, потому что он не двигался и молчал, пока они не попытались обойти его и войти. И тогда, будто из-под земли, раздался его голос — и, к их удивлению, говорил он на языке запада.

«Путь закрыт».

Тогда они остановились и взглянули на него, и увидели, что он еще жив, но он не смотрел на них. «Путь закрыт, — повторил его голос. — Его проложили те, кто ныне мертв, и Мертвецы хранят его — до срока. Путь закрыт».

«А когда придет срок?» — спросил Балдор. Но ответа не последовало. Потому что старец умер и упал лицом вниз; и больше никогда не слышал наш народ о древних жителях гор. Однако, быть может, предсказанный срок настал, и Арагорн сможет пройти.

— Но как узнать, настал ли срок, кроме как вступив на тот путь? — сказал Йомер. — Я не пошел бы им, даже если бы передо мной стояли все полчища Мордора, а я был бы один и не имел другого убежища. Как жаль, что в час нужды рок призвал воина столь великой души!.. Неужто вокруг мало лиходейства, чтобы искать его под землей?! Война близка…

Он смолк, потому что снаружи послышался шум: чей-то голос, называющий имя Теодэна и оклики часовых.

Вдруг капитан стражи откинул полог.

— Здесь воин, сеньор, — доложил он. — Гонец Гондора. Он желает немедленно предстать перед вами.

— Пусть войдет! — велел Теодэн.

Вошел высокий воин, и Мерри подавил вскрик — на миг ему почудилось, что Боромир вернулся… Но в следующее мгновенье он понял, что ошибся: воин был незнаком, хоть и походил на Боромира, как родич — такой же высокий, сероглазый и гордый. Поверх тонкой кольчуги был наброшен темно-зеленый плащ; на шлеме мерцала маленькая серебряная звезда. В руках он держал оперенную черным стрелу со стальным наконечником, острие которого было красным.

Он упал на колено и подал стрелу Теодэну.

— Привет тебе. Сеньор Роханда, друг Гондора! — молвил он. — Я — Хургон, гонец Дэнэтора, и принес тебе знак войны. Гондор в великой нужде. Роандийцы часто помогали нам, но сейчас Князь просит всех ваших сил и всей быстроты — не то Гондор падет.

— Алая Стрела! — сказал Теодэн, принимая ее, как человек, получивший весть, ожидаемую давным-давно — и все же страшную. Рука его дрожала. — За все годы моего правления не видели в Марке Алой Стрелы! Неужто и правда дошло до этого?.. И как полагает Князь Дэнэтор, каковы мои силы и моя быстрота?

— Об этом лучше знать тебе самому, лэйрд, —

ответил Хургон. — Но недалеко то время, когда Минас-Тириф будет окружен, и — если только у тебя нет сил прорвать осаду — Князь велел сказать, что, по его разумению, сила Роханда будет полезней внутри, чем снаружи.

— Но он знает, что мы — народ, что бьется в открытом поле, как знает и то, что мы рассеяны и нужно время, чтобы собрались все всадники. Разве неправда, Хургон, что Правитель Минас-Тирифа знает больше, чем говорит в своем послании? Ибо мы тоже воюем, и ты не застал нас неподготовленными. С нами был Гэндальф Серый, и теперь мы собираемся, чтобы вступить в битву на востоке.

— Не могу сказать, известно ли все это Князю Дэнэтору, — Хургон смотрел прямо, — но дело наше воистину безнадежно. Мой Князь не приказывает тебе, он лишь просит вспомнить старую дружбу и принесенные клятвы, и — для вашей же пользы — сделать все, что в ваших силах. Нам стало известно, что многие восточные властители прискакали в Мордор. На севере участились стычки и набеги. На юге двинулись харадримцы, и такой страх обуял Прибрежье, что лишь малая помощь пришла к нам оттуда. Спеши же! Потому что под стенами Минас-Тирифа решится судьба

наших дней, и, если Его не сдержат там, рок падет на дивные степи Роханда, и даже в этом горнам Урочище не будет спасения.

— Черные вести, — сказал Теодэн. — Однако не неожиданные. Передай Дэнэтору: даже если Роханд был бы обречен на гибель, и тогда пришли бы ему на помощь. Но мы понесли большие потери в битвах с изменником Саруманом, и к тому же должны подумать о собственных северных и восточных границах, как напомнил нам Князь.

Так велики силы, которыми владеет сейчас Черный Властелин, что он может сдержать нас в битве под Городом, и одновременно нанести удар, переправившись большим войском через Реку вдали от Врат Королей.

Но мы более не внемлем благоразумию. Мы придем. Сбор назначен на утро. Когда все будет готово, мы выступим. Десять тысяч копий должен был я послать — чтобы устрашить врага. Боюсь, теперь число их уменьшится; ибо я не могу оставить свои крепости без защиты. Однако по меньшей мере шесть тысяч копий последует за мной. Потому что — передай Дэнэтору — в этот час сам князь Роханда придет в Гондор… хоть, быть может, и не вернется оттуда. Но путь долог, а люди и кони должны беречь силы для грядущей

рати. Минет неделя, с завтрашнего утра, прежде чем вы услышите клич сыновей Эорла, скачущих в бой.

— Неделя! — повторил Хургон. — Пусть будет, как будет. Но вы найдете лишь развалины, если только не придет другая — предвидимая — помощь. Однако, на худой конец, вы оторвете орков и южан от победного пира в Белой Крепости.

— Оторвем, если придется, — спокойно проговорил Теодэн. — Но я только что вернулся из битвы и долгого похода и хотел бы отдохнуть. Проведи здесь ночь. Завтра ты увидишь сбор роандийцев и уедешь, ободренный увиденным. Утро вечера мудренее, а ночь учит раздумьям.

С этими словами князь поднялся, встали и остальные.

— Ступайте все отдыхать, — сказал он. — И да будет крепок ваш сон. И ты ступай, мастер Мерриадок, сегодня ты более не нужен мне. Но приготовься: я призову тебя, едва поднимется солнце.

— Я приготовлюсь, — кивнул Мерри, — даже если вы прикажете мне скакать за вами по Тропе Мертвецов.

— Не накликай беды! — прервал его князь. — Потому что не только этот путь можно назвать

так. Но я не сказал, что прикажу тебе следовать за собой… Спокойной ночи!

— Я не хочу оставаться, чтобы быть призванным по возвращении, — сказал себе Мерри. — Не хочу оставаться, не хочу! — и, твердя это снова и снова, он уснул в своей палатке.

Проснулся он оттого, что его безжалостно трясли.

— Проснитесь, проснитесь, господин Холбитла! — громко звал воин; и, наконец, Мерри очнулся от сна и, вздрогнув, сел. Еще совсем темно, подумал он, зевая.

— Что случилось? — спросил он.

— Князь зовет вас.

— Но солнце еще не встало.

— Не встало — и не встанет сегодня, господин Холбитла. И никогда больше не встанет, надо думать… Торопитесь! Время-то не остановилось, хоть и погасло солнце.

Набросив плащ, Мерри выбрался из палатки. Мир был темен. Воздух казался прозрачно-коричневым, и все вокруг было черным и призрачно-серым; стояла полная тишина. Ни тени облачка — лишь далеко на западе тянулись вперед щупальца великой мглы, и слабый свет пробивался сквозь них. Над головой нависла тяжкая крыша

— свет, казалось, гас, а не разгорался.

Мерри видел, что люди стоят, глядя в небо, и перешептываются; все лица были серы и мрачны, некоторые — испуганы. С упавшим сердцем шел он к князю. Хургон — гонец Гондора — опередил хоббита, и рядом с ним стоял другой воин, одетый так же, как и тот, но пониже и пошире в плечах. Когда Мерри вошел, он говорил с князем.

— Это все идет из Мордора, лэйрд, — говорил он. — Началось оно прошлым вечером, на закате. С холмов Роннара я видел, как оно поднялось и стало расползаться по небу, и всю ночь, что я скакал, оно текло позади, пожирая звезды. Теперь огромная туча нависла над землями отсюда до Гор Тьмы; и она сгущается. Война началась.

Некоторое время князь молчал. Потом заговорил:

— Значит, мы дожили до нее, — сказал он, — до величайшей из битв нашей Эпохи, в которой многое сгинет. Но теперь, по крайней мере, не надо прятаться. Мы поскачем прямым путем, по открытой дороге — и так быстро, как сможем. Сбор начнется тотчас, не дожидаясь опоздавших. Большой арсенал в Минас-Тирифе?

Потому что, если мы должны спешить, мы поскачем налегке, захватив лишь пищу и воду,

чтобы иметь силы в бою.

— Мы давно собрали большой арсенал, — ответил Хургон. — Скачите налегке — и торопитесь!

— Зови герольдов, Йомер, — обернулся к юноше князь. — Пусть всадники строятся!

Йомер вышел — и сразу в Урочище зазвенели трубы, и им ответило снизу многоголосье рогов; но голоса их были не так чисты и смелы, как послышалось Мерри ночь назад. Тускло и резко звучали они в давящем воздухе.

Князь повернулся к Мерри.

— Я иду на войну, мастер Мерриадок, — сказал он. — Еще немного — и я вступлю на ее тропу. Я освобождаю тебя от службы — но не освобождаю от дружбы. Ты останешься здесь и, если пожелаешь, будешь служить Йовин — она правит роандийцами в мое отсутствие.

— Но… но, сьер, — вскинулся Мерри. — Я предложил вам свой меч… Я не хочу так расстаться с тобой, князь Теодэн! Все мои друзья ушли в бой, и стыдно мне оставаться позади.

— Но кони наши быстры и высоки, — попытался вразумить его Теодэн. — И, хоть душа твоя велика, ты не сможешь скакать на них.

— Тогда привяжите меня к спине одного из них, или подвесьте к стремени, или… не знаю, но

сделайте что-нибудь! Бежать придется долго, но я побегу, если не смогу скакать верхом — пусть даже ноги мои отвалятся.

Теодэн улыбнулся.

— Лучше уж мне повезти тебя на Среброгриве, — проговорил он. — Но, по крайней мере, до Эдораса ты со мной поскачешь и Медузэлд увидишь. Так далеко тебя довезет и Стибба: пока не доберемся до степей, скачка не начнется.

Тогда Йовин поднялась.

— Идем, Мерриадок! — позвала она. — Я покажу тебе твое снаряжение.

Они вышли вместе.

— Единственное, о чем просил меня Арагорн, — говорила она, пока они шли между палатками, — это снарядить тебя, как воина. Я постаралась исполнить его просьбу. Ибо сердце говорит мне, что снаряжение это тебе понадобится.

Она подвела Мерри к навесу среди палаток стражи, и оружейник вынес ей маленький шлем, круглый щит и все остальное.

— Кольчуги на тебя не нашлось, — сказала Йовин, — И не было времени сковать ее; но вот крепкая кожаная куртка, пояс и нож. Меч у тебя есть.

Мерри поклонился, а Правительница подала

ему щит, точно такой же, какой получил Гимли — с изображением белого коня.

— Возьми эти вещи, мастер Мерриадок, — молвила она, — и неси их к славе! А сейчас прощай! Хотя — кто знает? — быть может, мы встретимся еще — ты и я.

Так среди густеющей тьмы Сеньор Марки готовился вести своих всадников по восточной дороге. На сердце у всех лежала тяжесть, и не одна душа дрогнула. Но люди были стойки и преданы своему Сеньору, и плача и причитаний почти не было слышно — даже в лагере беглецов из Эдораса, где собрались женщины, дети и старики. Рок навис над ними, но они встречали его молча.

Незаметно минули два часа, и князь вскочил на своего белого коня, мерцающего в полусвете. Он выглядел высоким и гордым, хотя волосы, что выбивались из-под остроконечного шлема, были белы, как снег; и многие любовались им и радовались, видя его прямым и бесстрашным.

На широкой равнине за шумливой рекой построились многими отрядами около пяти с половиной сотен всадников в полном вооружении и множество других воинов с легкогружеными конями. Пропела труба. Князь поднял руку — и

в полной тишине войско Марки двинулось. Впереди скакали двенадцать воинов свиты князя, Всадники Караула. За ними следовали князь с Йомером по правую руку. Он простился с Йовин в Урочище наверху, и память о том была печальна; но он обратил свои думы на путь, что лежал впереди. Позади него, рядом с гонцами Гондора, скакал на Стиббе Мерри, а сзади — еще двенадцать воинов свиты. Они ехали меж долгих рядов всадников с застывшими суровыми лицами. Но когда они приближались уже к концу строя, один поднял голову и ласково глянул на хоббита. Как он молод, подумал Мерри, возвращая взгляд, и ростом меньше всех… Он поймал блеск чистых серых глаз и содрогнулся, поняв вдруг, что это лицо человека без надежд, идущего искать смерть.

Они скакали вниз по Снежке, грохочущей на камнях; мимо плетней Приурочища и Вышнеречья, где из-за темных дверей выглядывали скорбные лица женщин; так, без рогов, лютен и песен, начался великий поход на восток, повесть о котором передавалась потом в Роханде из поколения в поколение.

Из Урочища темного в тусклое утро
Со своими знаменными шел сын Тэн-

гела.
В Эдорас он скачет, в древний дворец
Властителей Марки, скрытый мглою.
Золотую крышу окутал мрак.
Простился он с народом своим,
С очагом и престолом, и залой для пиршеств,
Где пировал он вольно прежде,
Пока свет не потух.
Вперед скачет князь, и страх позади,
Судьба впереди. Присягу он принял.
Верны ему все: клятв не нарушат.
Вперед, Теодэн! Пять дней и ночей
На восток Эорлинги мчатся.
Сквозь Роннар, и степи, и Лес Огневой
Шесть тысяч копий идут на битву.
Мундбург мощный под Миндоллуином, —
Град Королей из Заморья на юге —
Враг осаждал, огнем окружая.
Рок влек их вперед. Тьма приняла их,
Коней и всадников; вдали замолк

Цокот копыт… Так говорят нам
Древние песни.

Воистину густа была мгла, когда князь вошел в Эдорас, хоть и было тогда не больше часа пополудни. Там он задержался лишь затем, чтобы прибавить к войску три запоздавших отряда. Он готовился выступить вновь и ласково прощался со своим оруженосцем. А Мерри в последний раз умолял князя не бросать его.

— Этот поход не для Стиббы, как я тебе уже говорил, — сказал Теодэн. — Да и что сможешь сделать ты в том бою, что ждет нас на полях Гондора, хоть ты тан и оруженосец, и велик душой?

— Кто знает? — ответил Мерри. — Но зачем, сеньор, взял ты меня в оруженосцы, как не затем, чтобы я все время был рядом? Я вовсе не хочу, чтобы в песнях обо мне говорили только, что я вечно оставался позади!

— Я принял тебя для твоей безопасности, — проговорил Теодэн. — А также, чтобы исполнить обещанное. Никто из всадников не сможет везти тебя. Если война подойдет к этим вратам — дела твои, несомненно, запомнятся бардам; но до Мундбурга, где княжит Дэнэтор, сто с лишним лиг. И я не хочу более говорить об этом.

Мерри поклонился и отошел и, совершенно несчастный, уставился на строй всадников. Товарищи его готовились к выступлению: воины подтягивали подпруги, осматривали седла, успокаивали коней, кое-кто с беспокойством взглядывал на низкое небо. Незаметно подошел всадник и наклонился к уху хоббита.

— Когда препятствие встает, — сама дорога поведет, говорим мы, — тихо прошептал он. — А я убедился в этом на деле.

Мерри поднял глаза и увидел того самого молодого всадника, которого приметил утром.

— Ты хотел бы пойти туда, куда идет Сеньор Марки, — я вижу это по твоему лицу.

— Хотел бы… — грустно кивнул Мерри.

— Так ты пойдешь — со мной, — сказал всадник. — Я повезу тебя перед собой, под плащом. Добрую волю нельзя отвергнуть. Не говори больше ни с кем, идем!

— Как я вам благодарен! — воскликнул Мерри. — Спасибо, сударь! Я, правда, не знаю вашего имени…

— Не знаешь?.. — тихо повторил всадник. — Тогда зови меня Дэрнхэльм.

Так и случилось, что, когда князь выступил, перед Дэрнхэльмом сидел хоббит Мерриадок, а

большой серый конь почти не чувствовал ноши — Дэрнхэльм был легче многих воинов, хотя гибок и хорошо сложен.

Вперед во тьму скакали они. В ивняке, там, где Снежка впадала в Энтицу — двенадцатью лигами восточнее Эдораса — они остановились на ночь. А потом — снова вперед: через степи Роннара и болотистые низины, где справа карабкались по холмам буковые леса Халифириэна на границе с Гондором; а вдалеке слева лежало в туманах топкое устье Энтицы. И, когда они скакали, их нагнал слух о войне на севере. Примчался одинокий воин и принес весть о врагах, перешедших границу, об ордах орков, идущих через Пустынь.

— Вперед! Вперед!.. — вскричал Йомер. — Поворачивать поздно. Топи Энтицы прикроют наш фланг. Нам надо спешить. Вперед!

И князь Теодэн простился со своей землей, и миля за милей удалялся от нее, и холмы-маяки неслись мимо: Галенхад, Мин-Риммон, Элерас, Нардол. Но огни их потухли. Земли были серы и тихи; а впереди все сгущалась тьма, и надежда умирала в сердцах.

Глава 4
Осада Гондора

Разбудил Пина Гэндальф. В комнате горели свечи — в окна глядели тусклые сумерки; воздух был тяжел, точно перед грозой.

— Который час? — Пин зевнул.

— Миновал второй, — ответил Гэндальф. — Время вставать и приводить себя в порядок. Ты призван к Князю Города — он объяснит тебе твои обязанности.

— А завтраком накормит?

— Нет! Завтраком накормлю я. Еда нынче выдается по приказу. Там все, что тебе положено — до полудня.

Пин уныло смотрел на маленький хлебец и кусочек масла (вовсе недостаточный, подумалось ему), лежащие рядом с чашей молока.

— И зачем ты только приволок меня сюда? — пробурчал он.

— Тебе это прекрасно известно, — сказал Гэндальф. — Чтобы уберечь от беды; а ежели тебе это не по нраву — вспомни, кто в этом виноват.

Пин вздохнул и умолк.

Вскоре он опять шел с Гэндальфом по холодному коридору к дверям Зала Приемов. Там, в серой мгле, сидел Дэнэтор — как терпеливый паук, подумал Пин; казалось, со вчерашнего дня он не двинулся с места. Он указал Гэндальфу на стул, а Пин остался стоять, вроде бы незамеченный. Вдруг старик повернулся к нему.

— Ну, мастер Перегрин, надеюсь, вчерашний день принес тебе не только пользу, но и удовольствие? Боюсь только, стол в этом городе беднее, чем ты ожидал.

Пина охватило неуютное чувство, что большая часть того, что он говорил и делал, известна Князю, как и многое из того, что он думал. Он промолчал.

— Как собираешься ты служить мне?

— Я думал, сударь, вы скажете мне об этом.

— Скажу, когда узнаю, на что ты годен, — сказал Дэнэтор. — А это мне легче всего узнать, оставив тебя при себе. Мой паж попросился во внешний гарнизон, и я отпустил его; на время его место займешь ты. Ты должен прислуживать мне за столом, исполнять поручения и беседовать со мной — если среди войны и забот найдется для этого время. Умеешь ли ты петь?

— Да, — кивнул Пин. — Хорошо… да, довольно

хорошо для моего народа. Но у вас нет песен ни для высоких залов, ни для лихих времен, Князь. Мы редко поем о чем-нибудь страшнее ветра или дождя. И все мои песни забавны; ну, и о еде и питье, конечно.

— А почему бы вашим песням не подойти для моих залов и этих времен? Мы, всегда живущие под Завесой Тьмы, можем, наверное, послушать отзвуки из нетронутых ею земель? Тогда мы ощутим, что бдение наше не бесплодно, хотя, быть может, и неблагодарно.

Сердце Пина упало. Ему вовсе не хотелось петь песни Края Правителю Минас-Тирифа, особенно же — потешные, которые он знал лучше всего. Они были слишком… слишком уж просты и грубы для такого случая. Однако он был избавлен от этого тяжкого испытания — на время. Ему не приказали петь. Дэнэтор повернулся к Гэндальфу, расспрашивая его о роандийцах, их политике и взглядах Йомера, племянника князя. Пин дивился, сколько известно Князю о народе, живущем вдали, даром, что сам он долгие годы не покидал пределов Гондора.

Неожиданно Дэнэтор повернулся к Пину.

— Иди в арсенал Цитадели, — отпустил он хоббита, — и получи там платье и доспехи Крепости.

Их должны были приготовить. Оденешься — возвращайся!

Всё было, как он сказал; и вскоре Пин оделся в непривычное черно-серебряное платье. Его маленькая кольчуга была, должно быть, выкована из стали, но черна, как смоль; по бокам высокого шлема с серебряной звездой в центре были укреплены вороновы крылья; надетую поверх кольчуги черную куртку украшал вышитый серебром знак Древа. Его прежнюю одежду свернули и убрали, но позволили остаться в сером эльфийском плаще — с условием, что Пин не станет носить его на службе. Теперь он выглядел, знай он это, истинным эрниль-и-перианнаф, Принцем полурослико в, как прозвал его народ, но чувствовал он себя неуютно. Да и мгла начинала действовать ему на нервы.

Весь день стояла тусклая тьма. С бессолнечного рассвета до вечера сгущалась тяжкая тень, и все души в Городе томились неясной тоской. Далеко вверху, пожирая свет, медленно растекалась над западными землями исполинская туча из Царства Тьмы — её нес ветер войны; но внизу было тихо и душно, будто долина Андуина застыла в ожидании разрушительной бури.

Около одиннадцати часов, освободившись

на время от службы, Пин вышел и отправился поискать чего-нибудь поесть и выпить, чтобы облегчить тяжесть на сердце и сделать «прислуживание за столом» более сносным. В общей столовой он снова встретился с Берегондом — тот только вернулся из поездки к Дозорным Воротам Пеленнора. Они вместе пошли на стены; потому что в четырех стенах Пин чувствовал себя как в тюрьме, и задыхался даже в высокой Цитадели. Теперь они снова сидели бок о бок подле выходящего на восток проема, где ели и болтали днем раньше.

Был час заката, но огромный дымный полог протянулся далеко к западу, и лишь коснувшись края Моря, солнце смогло послать землям прощальный луч — тот самый, что Фродо у Перекрестка увидел тронувшим голову павшего Короля. Но полей Пеленнора луч не достиг: они были бурыми, мрачными.

Пину казалось, что годы минули с тех пор, как он сидел здесь прежде — в светлое, полузабытое время: он тогда был хоббитом, простодушным странником, и мало трогали его опасности, сквозь которые он шел. Теперь же он был маленьким солдатом готовящейся к великому штурму крепости, одетым в гордые и скорбные одежды

Охранной Башни.

В другое время и в другом месте Пин обрадовался бы новому платью; теперь же он знал: это не игра; он всерьез стал слугой сурового господина в час смертной опасности. Кольчуга тяжестью лежала на плечах, шлем давил голову… Плащ он бросил на скамью. Пин обратил утомленный взгляд на темнеющие внизу поля и зевнул; а потом — вздохнул.

— Устал за день? — сочувственно спросил Берегонд.

— Угу, — отозвался Пин. — Устал… ничего не делать. Я зря прождал у дверей зала, покуда мой господин совещался с Гэндальфом, Принцем и другими воителями. А я был нужен, мастер Берегонд, лишь чтобы прислуживать им всем за столом. Тяжкое испытание для хоббита. Ты, без сомнения, думаешь, что мне оказана высокая честь. Но что проку от такой чести? Правда, будет ли приятна даже самая распрекрасная еда, если к тебе подбирается Завеса Тьмы? Смотри: самый воздух уплотнился и побурел! И часто восточный ветер приносит вам такой мрак?

— Нет, — покачал головой Берегонд. — Это не погода. Это Его злая воля: жар и копоть Огненной Горы, посланные Им, чтобы затемнять души и

сбивать с толку советников. Так оно всё и происходит. Хотел бы я, чтобы возвратился Капитан Фарамир. Его не запугаешь. Но кто знает, удастся ли ему теперь переправиться через Реку?

— Да, — сказал Пин. — Гэндальф тоже озабочен. Он был, по-моему, разочарован, не найдя здесь Фарамира… А сам-то он куда запропал? Он покинул княжеский совет еще до полудня — и, видно не в хорошем настроении. Возможно, он чуял беду.

Внезапно их поразила немота, леденящим панцирем сковав язык. Пин съёжился, зажав уши; но Берегонд, который, говоря о Фарамире, выглянул за зубцы, остался стоять — застыв, всматриваясь в Пеленнор остановившимся взглядом. Пин узнал цепенящий крик: точно такой слышали они когда-то в Крае — только сейчас он налился силой и ненавистью, пронзая сердце ядовитым отчаяньем.

Наконец Берегонд с усилием заговорил:

— Они пришли! Будь мужествен и смотри! Там внизу смертоносные твари.

Пин нехотя вскарабкался на скамью и выглянул за стену. Пеленнор темно раскинулся внизу, уходя к едва видимой ленте Великой Реки. Но сейчас над ним, как призраки безвременной

ночи, кружились пять птицеподобных силуэтов, жутких, как стервятники, и беспощадных, как смерть. Они то снижались, рискуя подлетать почти к самым стенам, то взмывали вверх.

— Всадники!.. — пролепетал Пин. — Крылатые Всадники!.. Но гляди, Берегонд! — вскрикнул он. — Они высматривают что-то, верно? Гляди, как они кружат и снижаются, всё над одним местом — вон там, видишь? Там вроде движутся какие-то фигурки… Ну да: конники — четверо — не то пятеро… Ах!.. Это невыносимо!.. Гэндальф! Гэндальф, спаси нас!..

Еще один зловещий вопль взвился и опал, и Пин снова съёжился под стеной, задыхаясь, как загнанный зверь. И сквозь этот мертвящий вой слабо, отдаленно донесся звук трубы — и оборвался на высокой ноте.

— Фарамир! Капитан Фарамир! Это его зов! — вскричал Берегонд. — Смелое сердце! Но как же ему пробиться к Воротам, ведь эти твари, небось, владеют оружием посильней страха?.. Но смотри! Они держатся! Они доберутся до Ворот!.. Нет!.. Кони понесли… Всадники сброшены! Хотя нет — один усидел, скачет назад — к товарищам. Это, должно быть, Капитан — ему подвластны и кони, и люди… Одна из тварей падает на него!..

Помогите! Помогите же! Неужто никто не выйдет к нему? Фарамир!!!

Берегонд отскочил от проема и убежал во мрак. Пристыженный его ужасом — Берегонд-Стражник думал прежде всего о Капитане, которого любил — Пин поднялся и снова выглянул. В этот миг он заметил бело-серебристое пламя — оно приближалось с севера, будто звезда спустилась во мглистые поля. Оно летело, как стрела, и росло с каждой минутой, быстро приближаясь к четверке воинов у Ворот. Пину почудилось, что слабый свет струится вокруг, и угрозные тени подались перед ним; а потом, когда оно приблизилось, хоббиту послышался — эхом от стен — громовой голос.

— Гэндальф! — завопил он. — Гэндальф! Он всегда приходит, когда сгущается тьма! Вперед! Вперед, Белый Всадник! Гэндальф, Гэндальф! — дико кричал Пин, подпрыгивая от возбуждения.

Но теперь и призрачные стервятники заметили прибывшего. Один закружился над ним; но Пину почудилось, что тот поднял руку, и от нее ударил вверх сноп белого света. Назгул протяжно вскрикнул и отпрянул; остальные поколебались немного, а потом быстро поднялись и умчались к востоку, исчезнув в нависшей над головой туче;

и Пеленнор стал на время не таким темным.

Пин все смотрел: верховой и Белый Всадник встретились и остановились, поджидая пеших. От Города к ним торопились воины; вскоре все скрылись из виду под наружной стеной, и он понял, что они прошли в Ворота. Сообразив, что они сразу пойдут к Наместнику, он поспешил ко входу в Цитадель. Там он встретился со всеми, кто видел со стен скачку и спасение. Через некоторое время послышался шум; из круга в круг катились крики, приветствия, из уст в уста передавались имена Фарамира и Мифрандира. Вдруг Пин увидел факелы и двух медленно едущих всадников; за ними двигалась толпа. Один был в белом, но больше не сиял, точно огонь его иссяк или потух; другой был темен, со склоненной головой. Они спешились и, когда люди увели Ночиветра и второго коня, пошли к калитке в воротах: Гэндальф — твердо, запахнув серый плащ, и пламя все еще тлело в его глазах; другой, одетый в зеленое — медленно, шатаясь, точно устал или был ранен.

Пин протолкался вперед, когда они проходили под надвратным светильником, и, едва увидел бледное лицо Фарамира, как у него перехватило дыхание. Это было лицо того, кто пережил великий страх или великую муку, но справился

с ними — и теперь был спокоен. Гордый и печальный, он задержался на миг поговорить со стражей, и Пин, глядя на него, увидел, как похож он на своего брата Боромира — кого Пин любил с самого начала, восхищаясь его властным, но дружелюбным обхождением. Однако сердце его вдруг потянулось к Фарамиру с чувством, доселе неиспытанным. Перед ним был дух того высокого благородства, какое временами являл Арагорн — не столь высокий, быть может, однако и не столь отдаленный: Король Людей, рожденный в поздние времена, однако сохранивший мудрость и печаль Древних. Пин знал теперь, почему Берегонд произносил имя Фарамира с любовью. Он был Капитаном, за которым пошли бы люди, за которым пошел бы и он сам — даже под тень черных крыльев.

— Фарамир! — закричал он громко. — Фарамир! И Фарамир, различив в гуле толпы странный голос, обернулся и посмотрел на него сверху вниз — и был поражен.

— Откуда ты взялся? — молвил он. — Полурослик, и в одеждах Крепости! Откуда?..

Но тут к нему подошел Гэндальф.

— Он приехал со мной из земель полурослико в, — сказал маг. — Он приехал со мной. Но не

будем мешкать. Нам надо о многом поговорить и многое сделать, а ты устал. Он пойдет с нами. Должен пойти, потому что, если он еще не забыл своих новых обязанностей, он должен в этот час предстать перед своим господином. Идем, Пин, следуй за нами!

Наконец они пришли в тайную залу Правителей Города. Глубокие кресла стояли там вокруг жаровни с углями; слуги внесли вино; Пин, едва замечаемый, стоял за креслом Дэнэтора — и почти не чувствовал усталости, так хотелось ему услышать, о чем пойдет речь.

Когда Фарамир взял кусок белого хлеба и запил его глотком вина, он опустился в кресло по левую руку от отца. Чуть поодаль с другой стороны в кресле резного дерева сидел Гэндальф; и поначалу казалось, что он дремлет. Потому что Фарамир сперва рассказывал об Ифилиэне, о передвижениях Врага и его союзников, о битве, где были побеждены харадримцы — Капитан докладывал своему господину об обычных делах пограничной войны, теперь мелких и ненужных, недостойных славы.

Потом Фарамир неожиданно взглянул на Пина.

— Сейчас мы подходим к странным событи-

ям, — проговорил он. — Потому что это не первый полурослик, которого я встречаю на южных дорогах.

Гэндальф выпрямился и сжал подлокотники кресла; но не сказал ни слова и взглядом остановил вскрик, готовый сорваться с губ Пина. Дэнэтор посмотрел на них и кивнул, словно в знак того, что понял более, чем было сказано. И, пока другие сидели молча, Фарамир медленно вел рассказ, глядя большею частью на Гэндальфа и время от времени всматриваясь в Пина, будто затем, чтобы освежить воспоминания о тех, кого видел.

Когда рассказ дошел до встречи с Фродо и его слугой и до того что приключилось у Хеннет-Аннуна, Пин заметил, как дрожат руки Гэндальфа, вцепившиеся в резное дерево. Они казались белыми и очень старыми, и, когда Пин взглянул на них, его затрясло от страха: он понял вдруг, что Гэндальф, сам Гэндальф взволнован, даже испуган.

Воздух в зале сгустился и замер. Наконец Фарамир заговорил о расставании с путниками и об их решении идти к Кириф-Унголу; голос юноши пресекся, он покачал головой и вздохнул. Гэндальф вскочил. — Кириф-Унгол?.. Моргульская

Долина?.. — переспросил он. — Время, Фарамир, время? Когда ты расстался с ними? Когда должны они дойти до той проклятой долины?

— Я расстался с ними утром два дня назад, — сказал Фарамир. — Оттуда пятнадцать лиг до долины Моргулдуина, если идти прямо на юг; и тогда они оказались бы в пяти лигах от проклятой Крепости. Самым быстрым путем им не добраться туда раньше сегодняшнего дня — и, быть может, они вообще еще не дошли. Я понимаю, чего ты боишься. Но Тьма спустилась не по их вине. Она началась еще вчера вечером, и уже прошлой ночью весь Ифилиэн был под Завесой Тьмы. Мне ясно сейчас, что Враг долго готовил нападение, и час его был назначен прежде, чем путники ушли от меня.

Гэндальф мерил шагами пол.

— Утром два дня назад, почти три дня пути! Далеко ли места, где вы расстались?

— Двадцать пять лиг птичьего полета, — ответил Фарамир. — Но я не мог прийти быстрей. Прошлым вечером я был на Кайр-Андросе — острове к северу по Реке, и кони ждали на этом берегу. Когда спустилась Тьма, я понял, что надо спешить, и поскакал сюда с тремя спутниками. Остальной отряд я послал к югу — укрепить

гарнизон в Осгилиафе. Надеюсь, я поступил верно? — он посмотрел на отца.

— Верно?! — вскричал Дэнэтор, и глаза его внезапно вспыхнули. — Зачем вы спрашиваете? Воины были под вашим началом. Или вы просите моего суда вашим поступкам? Вы держитесь смиренно в моем присутствии, однако давно уже перестали следовать моим советам. Вот и сейчас: говорили вы искусно, как всегда; но я, разве не видел ваших глаз, прикованных к Мифрандиру, вопрошающих, сказано ли всё — и не слишком ли много? Он давно завладел вашей душой.

Мой сын, отец ваш стар, но еще не выжил из ума. Я вижу и слышу, как прежде; и немногое из того, что вы недосказали, скрыто от меня. Я знаю ответ ко многим загадкам. Бедный, бедный Боромир!..

— Если то, что я сделал, огорчило вас, отец мой, — сказал Фарамир спокойно, — хотел бы я знать ваш совет прежде, чем бремя столь тяжкого суда было возложено на мои плечи.

— И это заставило бы вас изменить решение? — Дэнэтор недоверчиво усмехнулся. — Вы все равно поступили бы так же, мнится мне. Я хорошо вас знаю. Вы всегда желаете быть щедрым и великодушным, как древний король, милости-

вым, благородным. Это, быть может, и пристало Королю, правящему в могуществе и мире; но в смутный час расплатой за милосердие может стать смерть.

— Пусть будет так, — сказал Фарамир.

— Пусть будет так, — повторил Дэнэтор. — Но не только ваша смерть, лэйрд Фарамир: смерть вашего отца и тех людей, что находятся под вашей опекой с тех пор, как ушел Боромир.

— Значит, вы хотели бы, — проговорил Фарамир, — чтобы мы поменялись местами?

— От всей души желал бы я этого, — сказал Дэнэтор. — Ибо Боромир был преданным мне воином — а не учеником чародея. Он помнил бы о нуждах своего отца и не стал бы бросаться тем, что судьба дала ему в руки. Он принес бы мне ее дар.

На миг сдержанность изменила Фарамиру.

— Я просил бы вас, отец мой, припомнить, как случилось, что я, а не он, оказался в Ифилиэне. Один раз, по крайней мере, совета вашего послушались… Правитель Города, и никто иной, возложил на него эту миссию.

— Не добавляйте горечи в чашу, что я приготовил себе! — сказал Дэнэтор. — Каждую ночь отпиваю я из нее — предчувствуя, что худшее

ждёт на дне. Как и оказалось. Если бы все было не так! Если бы оно пришло ко мне!..

— Успокойся! — оборвал его Гэндальф. — Боромир ни за что не принес бы его тебе. Он умер, и умер хорошо; не будем тревожить его сон! Но ты обманываешь себя. Он дерзнул протянуть руку к нему — и, завладей он им, он неминуемо погиб бы. Он взял бы его себе — и по возвращении ты не узнал бы сына.

Лицо Дэнэтора стало жестко и холодно.

— Тебе не удалось прибрать Боромира под свою руку, не так ли? — вкрадчиво промолвил он. — А я, тот, кто был его отцом, говорю: он принес бы его мне. Ты, быть может, и мудр, Мифрандир, однако при всем своем хитроумии ты не обладаешь всей мудростью. Можно сделать выбор, который не будет ни паутиной чародея, ни поспешностью глупца. В этом деле у меня больше знаний и мудрости, чем тебе мыслится.

— И какова твоя мудрость? — осведомился Гэндальф.

— Достаточна, чтобы понять, что тут надо избегать двух крайностей. Пользоваться им — опасно. Но отправить его сейчас в руках слабого полуросли́ка в земли самого Врага — как сделали ты и этот мой сын — безумие.

— А Князь Дэнэтор — как поступил бы он?

— Ни так, ни так. Но, конечно уж, не послал бы его, рискуя всем, к Нему в лапы, чтобы Он получил, наконец, то, что потерял — к нашему поражению. Нет, скрыть его, спрятать далеко и глубоко. Не пользоваться им, говорю я, если только в крайней нужде — но и тогда в тайне от Него, пока победа не избавит нас от страха, а то, что пугало нас, сгинет навек.

— Ты думаешь, как всегда, лэйрд, лишь о Гондоре, — сказал Гэндальф. — Однако есть иные люди и иные жизни и времена. Мне же — мне жаль даже Его рабов.

— А где найдут помощь другие, если падет Гондор? — ответил Дэнэтор. — Если бы вещь эта была скрыта сейчас в глубоких подвалах Цитадели, мы не тряслись бы от ужаса во мраке, ожидая худшего. Если ты не веришь, что я могу выдержать испытание — ты совсем не знаешь меня.

— И все же я не верю в это, — сказал Гэндальф. — Будь оно так — я прислал бы его прямо сюда, тебе на хранение, а не обрекал бы себя и других на муки. А теперь, послушав твои речи, я доверяю тебе не больше, чем Боромиру… Нет, утишь свой гнев! В этом я не доверяю даже себе, и я отказался от него, хотя то и был добровольный дар. Ты

силен, Дэнэтор, и все еще можешь владеть собой; однако, получи ты эту вещь — ты погибнешь. Даже сокрытая в недрах Миндоллуина, она сожжет твой дух — и то, что последует за этим, будет много хуже всех грядущих бед.

На миг глаза Дэнэтора снова вспыхнули; он повернулся к Гэндальфу — и Пин опять почуял натянувшуюся меж ними струну; но на сей раз взгляды их, казалось, обратились в мерцающие клинки. Пин дрожал, ожидая смертельного удара. Но внезапно Дэнэтор вновь стал холоден. Он пожал плечами.

— Если бы! Если бы! — проговорил он. — Все эти речи ничего не стоят. Оно кануло во тьму. И лишь время покажет, что ожидает нас. И времени немного. Пока оно еще есть, все, кто борется с Врагом, должны быть едины и хранить надежду, пока могут, а когда она иссякнет — иметь смелость умереть свободными. — Он обернулся к Фарамиру. — Что думаете вы о гарнизоне в Осгилиафе?

— Он невелик, — отвечал Фарамир. — Я послал свой отряд усилить его, как я уже говорил.

— Думается, и этого недостаточно, — сказал Дэнэтор. — Туда будет направлен первый удар. Там нужен надежный Капитан.

— Там, и еще во многих местах, — Фарамир вздохнул. — Рано ушел мой брат, которого я очень любил! — он поднялся. — Могу я уйти, отец? — и, покачнувшись, он оперся о кресло отца.

— Вы устали, я вижу, — заметил Дэнэтор. — Вы скакали долго и быстро, и, как мне сказали, боролись с призраками зла.

— Не будем говорить об этом! — молвил Фарамир.

— Не будем, — согласился Дэнэтор. — Идите и отдохните. Завтрашний день принесет заботы более суровые.

Все распрощались с Князем и отправились отдыхать. Снаружи стояла беззвездная тьма, когда Гэндальф и Пин, неся маленький факел, брели к своему жилищу. Они не сказали ни слова, пока не оказались за закрытыми дверьми. Тогда Пин тронул Гэндальфа за руку.

— Скажи, — он заглянул снизу вверх в лицо мага, освещенное слабым светом факела, — есть ли хоть какая-то надежда? Для Фродо, хочу я сказать…

Гэндальф положил руку на голову Пина.

— Большой надежды никогда не было, — ответил он. — А когда я услышал о Кириф-Унголе… — он осекся и подошел к окну, точно глаза

его могли пронзить ночь на востоке. — Кириф-Унгол! — пробормотал он. — Почему, хотел бы я знать? — он обернулся. — Даже сейчас, Пин, сердце мое замирает при этом имени. И, однако, я верю, что принесенные Фарамиром вести таят надежду. Ибо сейчас ясно, что Враг наш начал войну и сделал первый шаг, когда Фродо был еще свободен. И сейчас на многие дни Глаз его будет обращен сюда — а не на свои земли. И еще, Пин, я издали чую Его спешку и страх. Он начал раньше, чем собирался. Случилось что-то, что подтолкнуло Его.

Маг постоял в раздумье.

— Возможно… — пробормотал он. — Возможно, помогла твоя глупость, малыш. Давай подумаем: каких-нибудь пять дней назад Он обнаружил, что мы разделались с Саруманом и забрали Камень. И что из того? Мы не могли бы использовать его для своих целей и без Его ведома… А! Интересно. Арагорн? Время его близко. И он силен и суров, Пин; храбр, решителен, готов идти в нужде на великий риск. Может быть и так. Он мог воспользоваться Камнем и показаться Врагу, вызывая Его на бой — с этой целью. Хотел бы я знать, так ли это… Но ответа нам не узнать, пока не прибудут роандийцы — если они не прибудут слишком

поздно. Впереди лихие дни. Давай-ка спать, пока можно!

— Но… — сказал Нин.

— Что «но»? — отозвался Гэндальф. — Лишь одно «но» позволено тебе этой ночью.

— Голлум, — сказал Пин. — Объясни ты мне, как они могли идти с ним, да еще за ним? И потом: я видел, как вам — тебе и Фарамиру — понравилось место, куда он их повел. Что-то не так?

— Сейчас я не могу ответить тебе, — сказал Гэндальф. — Однако сердце мое чуяло, что прежде, чем всё кончится, Фродо и Голлум встретятся. К добру или к худу… Но про Кириф-Унгол я не стану говорить к ночи. Предательства, предательства боюсь я: предательства той злосчастной твари. Но так должно быть. Будем помнить, что предатель может предать себя и сотворить добро, где не мыслит. Так бывает — порой. Доброй ночи!

Настал следующий день, и утро было, как ржавые сумерки, и души воинов, воспрянувшие было с возвращением Фарамира, ослабли вновь. Крылатые Призраки не показывались, однако время от времени высоко над Городом раздавался крик, и те, кто слышал его, замирали, пораженные ужасом, а менее храбрые дрожали и причитали.

А Фарамир ушел снова.

— Они не дали ему отдохнуть, — ворчали многие. — Князь обращается с сыном слишком сурово, а ему ведь приходится сражаться за двоих — за себя и того, кто не вернулся.

И каждый взгляд обращался к северу, и люди спрашивали:

— Где же роандийцы?

По правде говоря, Фарамир уходил не своей волей. Но Правитель Города был господином своего Совета, и в тот день не был склонен прислушиваться к другим. Совет собрался рано утром. Там Капитаны приговорили, что, из-за угрозы на юге, силы слишком малы, чтобы самим наносить удар — если только не придут роандийцы. Пока же надо сохранять силы и ждать.

— Однако, — сказал Дэнэтор, — мы не должны отказываться от защиты Раммаса, возведенного с таким великим трудом. И Враг должен дорого заплатить за переправу через Реку. Он не сможет перейти ее севернее, у Кайр — Андроса — там болота, ни южнее — в Лебеннине — из-за ширины Реки. Удар придется на Осгилиаф, как и прежде, когда Боромир заступил Ему путь.

— То было лишь испытание, — проговорил Фарамир. — Сегодня мы можем заставить Врага десятикратно оплатить наши потери — и все

же пожалеем о замене. Потому что Он может позволить себе потерять армию — нам же нельзя терять и отряда. А отступление тех, кого мы вышлем вперед, будет опасным, если Он займет переправу.

— И как быть с Кайр-Андросом? — вступил в разговор Принц. — Если защищать Осгилиаф — защищать и его. Нельзя забывать об опасности слева. Роандийцы, может, придут, а может, и нет. Но Фарамир поведал нам об огромных ратях, все время идущих от Черных Ворот. Оттуда может выйти не одно войско, и удар может быть нанесен не в одном месте.

— В войне приходится рисковать многим, — ответил Дэнэтор. — Кайр-Андрос охраняется, и больше послать туда некого. Но Реки и Пеленнора я не отдам без боя, — если здесь есть Капитан, имеющий мужество исполнить волю своего Князя.

Все молчали; наконец Фарамир сказал:

— Располагайте мной, отец. С тех пор, как вы скорбите по Боромиру, единственное мое желание — делать все, что в моих силах, чтобы заменить его. Велите ли вы мне идти?

— Велю, — сказал Дэнэтор.

— Тогда прощайте! — молвил Фарамир. — Но

если мне суждено вернуться, думайте обо мне лучше!

— Это зависит от того, как вы вернетесь, — ответил Дэнэтор.

Гэндальф был последним, кто говорил с Фарамиром, прежде чем тот уехал.

— Не рискуй собой по неосторожности или из горечи, — напутствовал маг юношу. — Ты будешь нужен здесь — не для войны. Отец твой любит тебя, Фарамир, и вспомнит об этом прежде, чем придет конец. Прощай!

Итак, Фарамир снова уехал и забрал с собой всех, кто хотел и мог уйти с ним. Кое-кто пытался увидеть со стен разрушенный город и гадал, что там происходит, потому что со стен ничего нельзя было разглядеть. А другие, как и прежде, смотрели на север и считали лиги до Теодэна.

— Придут ли они? Помнят ли о нашем древнем союзе? — говорили они.

— Они придут, — неизменно отвечал Гэндальф. — Даже если придут слишком поздно. В лучшем случае Алая Стрела попала к нему не раньше двух дней назад, а до Эдораса — мили и мили.

Спустилась ночь — и лишь тогда пришли вести. От бродов, запалив коня, примчался воин: из

Минас-Моргула вышло войско и оно уже рядом с Осгилиафом; и его пополняют отряды с юга — жестокие харадримцы.

— … И мы узнали, — закончил вестник, — что их снова ведет Черный Полководец, и ужас бежит по Реке впереди него.

Этими злыми речами окончился третий день, как Пин приехал в Минас-Тириф. Немногие отправились отдыхать, потому что малая была надежда, что — даже Фарамиру — удастся отстоять переправу.

На следующий день, хоть тьма и не сгущалась более, она тяжко давила на души людей, и ужас проник в них. Вскоре лихие вести пришли снова. Враг занял переправу через Андуин; Фарамир оттеснен к стене Пеленнора; он вновь собрал воинов и укрепился в Плотинных Фортах; но у врага вдесятеро больше сил.

— Если он отступит через Пеленнор, враги пойдут за ним по пятам, — говорил гонец. — Они дорого заплатили за переправу, но не так дорого, как мы надеялись. Они, видимо, давно тайно готовили лодки и плоты — и кишели на берегах, будто тля. Но отойти нас заставил Черный Полководец. Немногие могут снести даже слух о его приближении. Его собственный народ трепещет

перед ним, они поубивали бы друг друга по его приказу.

— Значит, там я нужнее, чем здесь, — сказал Гэндальф и ускакал, и свет его вскоре померк вдали. И всю ночь Пин один стоял на стене и бессонно вглядывался в восток.

Едва — насмешкой в неосвещенной тьме — прозвучали дневные колокола, как далеко, там, где стояли стены Пеленнора, вспыхнули огни. Наблюдатели громко закричали, и все воины Гондора поднялись по тревоге. То там, то сям взлетало багровое пламя, тяжело раскатывался в густом воздухе глухой рокот.

— Они взяли стену! — кричали люди. — Они пробили в ней бреши!.. Они идут!

— Где Фарамир? — в смятении спрашивал Берегонд. — Не говорите, что он погиб!

Первые вести привез Гэндальф. С отрядом конников он приехал около полудня, сопровождая вереницу повозок. Там лежали раненые, все, кому удалось спастись в сече у Плотинных Фортов. Маг сразу же прошел к Дэнэтору. Князь Города сидел в палате над Залом Белой Башни, и Пин стоял рядом; и сквозь дымные окна Правитель обращал взор к северу, к югу, к востоку — будто затем, чтобы пронзить тени рока, что окружили

его. Чаще всего он смотрел на север, по временам замирая и прислушиваясь, словно некое древнее знание позволяло его ушам слышать перестук копыт в дальних степях.

— Пришел ли Фарамир? — спросил он.

— Нет, — сказал Гэндальф. — Но он был жив, когда я оставлял его. Однако он решил остаться с арьергардом — чтобы отступление не стало бегством. Возможно, он сумеет сдержать воинов — я, правда, сомневаюсь в этом. Он сражается с врагом не по силам. Ибо пришел тот, что я боялся.

— Не… Не Черный Властелин? — вскрикнул Пин, в ужасе забыв свое место.

Дэнэтор жестко рассмеялся.

— Нет, нет еще, мастер Перегрин! Он не придет, если только чтобы насладиться моим поражением — когда все будет покорено. У Него есть иное оружие. Так поступают все великие властители, если они мудры, мастер полуслик. Иначе разве сидел бы я здесь, послав на смерть даже своих сыновей? Ибо я могу еще владеть мечом.

Он поднялся и распахнул длинный черный плащ — он был в кольчуге и опоясан длинным мечом в черно-серебряных ножнах.

— Так я хожу и так сплю уже много лет, — сказал он. — Чтобы тело не одряхлело с годами.

— Однако сейчас под твоими стенами встал самый беспощадный из полководцев Барад-Дура, — проговорил Гэндальф. — Король-колдун Древнего Ангмара, Призрак Кольца, Предводитель Назгулов, копье в руке Саурона, тень отчаяния.

— Тогда, Мифрандир, ты встретил, наконец, врага, равного себе, — заметил Дэнэтор. — Что до меня — я давно знал, кто ведет войско Черного Замка. Это все, с чем ты возвратился? Или ты отступил, потому что был превзойден?

Пин задрожал, боясь, что Гэндальф поддастся внезапному гневу, но боялся он зря.

— Могло быть и так, — тихо ответил маг. — Но не пришло еще нам время померяться силами. Однако, если правдивы древние пророчества, он падет не от руки воина, и скрыт от Мудрых рок, что ожидает его. Как бы там ни было, Предводитель Отчаянья еще не вышел вперед. Он командует из арьергарда, руководствуясь той самой мудростью, о которой ты давеча говорил, — в безумии гоня своих рабов на штурм.

Нет, я пришел, охраняя раненых, которых еще можно спасти, ибо Раммас пробит во многих местах, и скоро вражье воинство хлынет сквозь него. Главное же — я пришел сказать вот что. Ско-

ро начнется битва на полях. Надо приготовиться к вылазке. Пусть соберутся конники. В них наша, пусть слабая, надежда: враг слабее нас лишь в одном — верховых у него почти нет.

— Их и у нас немного. Приди сейчас роандийцы — они пришли бы вовремя.

— Раньше придут другие, — сказал Гэндальф. — Беглецы с Кайр-Андроса уже добрались сюда. Остров пал. Армия, что вышла вчера из Черных Ворот, перешла Реку на северо-востоке.

— Кое-кто обвиняет тебя, Мифрандир, в любви приносить дурные вести, — усмехнулся Дэнэтор. — Но для меня твои вести не новы: мне всё это известно со вчерашнего вечера. Что до вылазки — я подумал и о ней. Спустимся!

Шло время. Наконец часовые увидели со стен отступающие отряды. Маленькие группы усталых, израненных воинов подходили в беспорядке; некоторые бежали, точно за ними гнались. На востоке отдаленно мерцали огни, и теперь казалось, что кое-где они крадутся по равнине. Дома и амбары пылали. Потом отовсюду торопливо потекли ручейки багрового пламени, извиваясь во мгле, стекаясь к широкой дороге, что вела от Городских Ворот к Осгилиафу.

— Враг, — шептали люди. — Стена взята. Они

просочились сквозь бреши! И у них факелы… Да где же наши?!

До вечерних колоколов оставалось около часа, и свет был так тускл, что даже дальнозоркие воины Цитадели почти ничего не могли различить в полях — лишь множащиеся пожарища да растущие ряды огней. Наконец менее чем в миле от Города появился более организованный отряд — воины шли, а не бежали, все еще держась вместе.

Наблюдатели затаили дыхание.

— Там, должно быть, Фарамир, — говорили они. — Ему послушны и люди, и звери. Он все еще сдерживает их.

Отступающие были теперь фарлонгах в двух. Из мрака вынесся маленький отряд всадников — все, что осталось от арьергарда. Они снова обернулись — лицом к подступающим рядам пламени. Тогда поля вдруг взорвались неистовыми воплями. Ручьи пламени обратились в потоки, ряд за рядом шли орки, неся факелы, и дикари — южане с красными знаменами с резкими кличами торопились перехватить гондорцев. И с мертвящим криком упали с дымного неба крылатые призраки, назгулы, устремившиеся убить.

И отступление стало бегством. Люди были раз-

бросаны, бежали, не помня себя, кидая оружие, крича от страха, падая ничком.

И тогда над Цитаделью пропела труба, и Дэнэтор выпустил готовых к вылазке воинов. Собравшись в тени Ворот и под навесом стен, они ждали сигнала: все верховые, что оставались в Городе. Теперь они скакали вперед, мчась галопом, атакуя с немолчным гулом. А со стен несся им вслед шум: потому что первыми летели в поле рыцари-лебеди Дол-Амроса, и реял над их головами бело-голубой стяг.

— Амрос за Гондор! — возглашали они. — Амрос за Фарамира!

Громом обрушились они на врага; но один всадник перегнал всех, быстрый, как ветер в траве — сияющий, вновь раскрывший себя, и свет бил из его воздетой руки.

Назгулы пронзительно взвыли и разлетелись, потому что Предводитель их не ответил еще на вызов, не вышел померяться силами с белым светом своего врага. Моргульские орды нацелились на своих жертв — захваченных врасплох, рассеянных, как искры на ветру. А те обернулись вдруг и обрушились на преследователей.

Началась охота на охотников. Отступление стало атакой. Поле усеяли сраженные орки и люди, и

брошенные факелы исходили зловонным дымом. Конница скакала вперед.

Но Дэнэтор не позволил им зайти далеко. Хотя враг был остановлен и даже отброшен, с востока надвигались огромные силы. Снова пропел горн, трубя отступление. Конница Гондора остановилась. За ее заслоном отряды перестроились. Теперь они возвращались — твердым шагом. Они достигли Ворот Города и, гордо ступая, вошли внутрь; и гордо смотрели на них люди и кричали им славу, но на душе у всех было тревожно. Потому что отряды сильно поредели. Фарамир потерял треть своих людей. И где был он сам?

Он пришел последним. Воины его прошли. Вернулись рыцари, и, замыкая их строй — знамя Дол-Амроса и Принц Имрахиль. И на руках его, поперек седла, лежало тело его родича, Фарамира, сына Дэнэтора, найденное на поле сражения.

— Фарамир! Фарамир!.. — рыдали по улицам люди, но он не отвечал, а рыцари везли его все вверх и вверх вьющейся дорогой — в Цитадель, к его отцу. В тот миг, когда назгулы уклонились от атаки Белого Всадника, была выпущена смертоносная стрела, и Фарамир державший в страхе харадримцев, упал наземь. Лишь охрана Дол — Амроса спасла его от кровавых южных мечей,

что неминуемо зарубили бы его.

Принц Имрахиль внес Фарамира в Белую Башню и сказал:

— Твой сын вернулся, Князь — свершив великие дела. — И он поведал ему все, чему был свидетелем. А Дэнэтор встал, и смотрел на лицо сына, и молчал. Потом велел устроить в палате ложе и положить на него Фарамира — и отпустил их. А сам в одиночестве поднялся в тайную комнату под крышей Башни. И многие, кто смотрел тогда вверх, видели бледный свет, что мерцал и переливался в узких окнах — а потом вспыхнул — и угас. А когда Дэнэтор снова сошел вниз, он подошел к Фарамиру и сел рядом с ним, не сказав ни слова, но лицо Князя было серым, куда более похожим на лик мертвеца, чем лицо его сына.

Итак, Город был теперь осажден, окружен кольцом врагов. Раммас был разбит, Пеленнором завладел Враг. Последние вести извне принесли воины, пришедшие с севера прежде, чем Ворота захлопнулись. Это были остатки защитников Поста на идущем из Роханда тракте, там, где он вступал в пригороды. Вел их Ингольд — тот, кто пропустил в Город Гэндальфа и Пина менее пяти дней назад, когда солнце еще всходило, а утро сулило надежду.

— О роандийцах никаких вестей, — сказал он. — Они не придут. А если и придут — нам это не поможет. Новое войско, о котором мы слышали, придет раньше — из-за реки, от Кайр-Андроса. Они сильны: орды орков Багрового Глаза и бесчисленные отряды людей, каких мы прежде не видели: невысокие, но кряжистые и суровые, бородатые, как гномы, с огромными топорами. По — нашему, они вышли из диких краев на востоке. Они владеют северной дорогой; и многие двинулись по ней. Роандийцам не пробиться сюда.

Ворота захлопнулись. Всю ночь часовые слышали со стен гомон бродящих снаружи врагов — те жгли деревья и нивы, рубили всех, кто им попадался, будь они живы или мертвы. Сколько их еще переправилось через Реку, угадать во тьме было невозможно, но, когда утро — или его блеклая тень — крадучись растеклось над равниной, стало видно, что даже ужас ночи едва ли переоценил их силу. Равнина была темной от отрядов, и, насколько видел глаз, множились во мгле вокруг осажденного города лагеря подобных мерзким наростам черных и кроваво — красных шатров.

Хлопотливые, как муравьи, орки копали, копали ряды длинных рвов, замыкая огромное кольцо, недосягаемое для выстрелов со стен; а в

вырытых рвах сразу же вспыхивал огонь, хоть никто и не видел, каким искусством или колдовством его разожгли. Орки трудились весь день, а воины Минас-Тирифа могли лишь наблюдать за ними со стен — помешать врагам было не в их силах. Вот уже запылали все рвы; и вскоре новые вражьи отряды поставили за ними гигантские стенобитные машины. А на стенах Города не было ничего, чтобы заставить их приостановить работу.

Сперва воины смеялись и почти не обращали внимания на эти приготовления. Потому что главная стена города, построенная прежде, чем мощь и искусность нуменорцев истаяли, была огромной высоты и удивительной толщины; и ее внешняя сторона, подобная Башне Ортханка, была крепкой, темной и гладкой, непробиваемой ни огнем, ни сталью, несокрушимой — если только сама земля не содрогнется под ней.

— Нет, — говорили воины, — приди сюда сам Безымянный Враг — он не войдет здесь, покуда мы живы. Но другие отвечали:

— Покуда мы живы? Долго ли? Он владеет оружием, что низвергло многие неприступные крепости. Голод. Дороги перерезаны. Роандийцы не придут.

Однако враг не тратил выстрелов на непробиваемую стену. Приказ об атаке на величайшего врага Властелина Мордора был отдан не разбойником-южанином и не атаманом орков. Мощь и злобный разум направляли ее. Как только громадные катапульты были установлены, они начали метать снаряды — да так высоко, что, перелетая через Стену, те падали в первом круге Города; и многие загорались, когда падали.

Вскоре за стеной начались пожары и все, кто мог, занялись тушением пламени, которое вспыхивало то здесь, то там. А потом посыпался другой град, менее опасный, но более жуткий. По всем улицам и переулкам за Воротами раскатился он — маленькие круглые снаряды, что не загорались. Но, когда люди побежали узнать, что это может быть — город наполнился плачем и стонами. Потому что Враг забросил в Город головы всех, кто пал в боях за Осгилиаф, или за Раммас, или в полях. Смотреть на них было страшно; ибо, хотя некоторые были жестоко изрублены, многие можно было узнать, и видно было, что умерли они в муках; и на всех был выжжен омерзительный знак Недреманного Ока. И часто видели люди обезображенные лица тех, кого они знали, кто гордо ходил тут с оружием, или возделывал поля,

или приезжал в праздник из горных долин.

Тщетно люди грозили кулаками безжалостным врагам, что кишели перед Воротами. На проклятия те не обращали внимания, западных наречий не понимали, а сами пронзительно вопили, как звери или стервятники. Но скоро в Минас-Тирифе осталось немного тех, кто имел мужество встать и бросить вызов полчищам Мордора. Потому что у Черного Властелина было оружие пострашнее голода — страх и отчаянье.

Снова объявились назгулы и голоса их, что выражали лишь Его волю и злобу, полнились теперь угрозой и ужасом. Все время кружили они над Городом, как грифы, почуявшие обреченную человечью плоть. Они парили на недосягаемой высоте, но парили все время — и смертные их крики раздирали воздух. В конце концов даже самые смелые стали падать наземь, когда скрытая угроза накрывала их, или застывали, выпуская оружие из рук и не думая больше о войне — а только об укрытии или смерти.

Весь тот черный день Фарамир лежал на ложе в зале Белой Башни в страшном жару и бредил; «умирает», сказал кто-то, и вскоре «умирает» говорили друг другу воины, встречаясь на стенах и улицах. А рядом с ним сидел его отец и молчал,

но бодрствовал и не обращал более внимания на оборону.

Никогда прежде — даже в когтях орков — не знал Пин столь темных часов. Его делом было служить Князю — и он служил ему, когда стоял позабытым у дверей неосвещенной залы и, как мог, боролся со страхом. И, когда он смотрел, ему казалось, что Дэнэтор дряхлеет на глазах, будто что — то сломило его гордую волю, и его суровый дух побежден. Быть может, это сотворили печаль и раскаяние. Пин видел слезы на этом некогда бесслезном лице, более непереносимые, чем гнев.

— Не плачьте, мой Князь, — пролепетал он наконец. — Может, он еще поправится… Вы спрашивали Гэндальфа?

— Не утешай меня чародеями! — сказал Дэнэтор. — Надежды глупца не сбылись. Враг нашел его, и вражья мощь возросла стократ. Ему открыты теперь наши думы, и что бы мы ни делали — все напрасно.

Я выслал сына вперед — без благодарности, без благословления, в ненужную резню, и вот он лежит здесь с ядом в жилах. Нет, нет, куда бы ни повернула теперь война, род мой пресекся, династия Наместников угасла.

К дверям подошли воины, зовя Правителя Г орода.

— Нет, я не спущусь, — сказал он. — Я должен оставаться с сыном. Может быть, он заговорит перед смертью. Она близка. Следуйте за кем хотите, даже за Серым Глупцом, хоть надежды его и сгинули. Я остаюсь здесь.

Так и вышло, что Гэндальф принял на себя командование последней обороной Гондора. Где бы он ни появлялся — сердца воинов воспламенялись, и крылатые тени уходили из дум. Без устали шагал он от Цитадели к Воротам, с севера на юг и вокруг стены; и с ним шел Принц Имрахиль в сияющей кольчуге. Ибо он и его рыцари держались властителями, в ком воплотилась раса нуменорцев. Воины, что видели их, перешептывались:

— Может быть, правы древние предания; в жилах этих людей течет эльфийская кровь, потому что народ Нимродели некогда жил в тех краях.

И тогда кто-нибудь заводил среди мрака балладу о Нимродели или какую-нибудь другую песню, сложенную в незапамятные времена в Долине Андуина.

И, однако, стоило магу и Принцу уйти — тени снова смыкались над людьми, и души их леденели, и доблесть Гондора становилась золой. И

день темных страхов медленно переливался в безнадежную ночь. В первом круге Города полыхали пожары, и во многих местах гарнизону внешней стены было отрезано отступление. Но лишь немногие верные оставались на своем посту; большинство бежало за вторые ворота.

Далеко позади битвы через Реку был наведен мост, и весь день новые орды и вооружение переправлялись через него. Теперь, в полночь, штурм начался. Авангард прошел сквозь огненные рвы по оставленным меж ними тропкам. Они шли вперед, не обращая внимания на потери, под обстрелом лучников на стене. Но, правду сказать, лучников было слишком мало, чтобы нанести врагу серьезный урон, хотя пламень костров и высветил много отметин для искусных стрелков, какими некогда были гондорцы. И тут, ощутив, что доблесть Города сломлена, скрытый Полководец двинул вперед все свои силы. Гигантские осадные башни, построенные в Осгилиафе, медленно покатились сквозь ночь.

Посланцы снова пришли к зале в Белой Башне, и Пин впустил их, потому что они были настойчивы. Дэнэтор медленно повернул голову и молча взглянул на них.

— Первый круг Города горит, Князь, — сказали

они. — Каковы твои распоряжения? Ты все еще Князь и Наместник. Не все идут за Мифрандиром. Воины бегут со стен и оставляют их незащищенными.

— Зачем? Зачем бегут глупцы?... — проговорил Дэнэтор. — Лучше сгореть раньше, чем позже, ибо сгореть мы должны. Возвращайтесь к своим кострам! А я?.. Я пойду к своему. К своему! Никакой могилы для Дэнэтора и Фарамира! Никакой могилы! Никакой бальзамированной смерти! Мы сгорим, как древние короли до прихода кораблей с Запада. Запад пал. Идите и горите!

Посланцы повернулись и вышли, не ответив и не отдав поклона. Теперь Дэнэтор встал и выпустил горячую руку Фарамира.

— Он горит, уже горит, — сказал он печально. — Жилище его духа рушится.

Тихо ступая, он подошел к Пину и взглянул на него сверху вниз.

— Прощай! — сказал он. — Прощай, Перегрин, сын Паладина! Служба твоя была коротка, и конец ее близок. Я освобождаю тебя от той малости, что осталась. Иди и умри так, как тебе хочется. И с кем хочется, даже с другом, чья глупость привела тебя к смерти. Пришли мне слуг и ступай. Прощай!

— Я не хочу прощаться, мой Князь, — Пин опустился на колени. А потом вдруг поднялся и по-хоббичьи заглянул в глаза старика. — Я оставлю вас с вашего позволения, сударь, — сказал он. — Потому что мне очень надо повидать Гэндальфа. Но он не глупец; и я не стал бы думать о смерти, пока он думает о жизни. А от своей клятвы и вашей службы я не освобожу себя, покуда вы живы. И если они придут в Цитадель, я надеюсь быть здесь и стоять подле вас и заслужить, быть может, доспехи, что вы мне дали.

— Делай, как хочешь, мастер полурослик, — повторил Дэнэтор. — Но моя жизнь сломана. Пошли за слугами! — И он вернулся к Фарамиру.

Пин оставил его и позвал слуг, и они явились: шестеро воинов свиты, высоких и красивых; однако они затрепетали при зове. Но Дэнэтор тихим голосом велел им набросить теплые покровы на ложе Фарамира и поднять его. Так они и сделали и, подняв ложе, вынесли его из залы. Медленно ступали они, чтобы не тревожить больного, и Дэнэтор, опираясь на посох, следовал за ними; последним шел Пин.

Словно на похоронах, вышли они из Белой Башни — во тьму, где нависшая над миром туча освещалась тусклыми сполохами багрянца. Тихо

пересекли они огромный двор и, по слову Дэнэтора, остановились у Иссохшего Древа.

Было тихо, только в Городе внизу шумела война, да печально капала с мертвых ветвей вода. Потом они снова двинулись вперед, через ворота Цитадели, где часовые уставились на них в удивлении и ужасе.

Повернув к западу, они пришли, наконец, к двери в задней стене шестого круга. Фэн-Холлен — Замкнутая дверь — звалась она, потому что всегда была заперта, отворяясь лишь во время похорон, и лишь Правитель Города мог идти этим путем, или могильщики и служители гробниц. За Дверью вилась дорога, спускаясь многими кругами в узкую низину под сенью обрывов Миндоллуина, где стояли дворцы почивших Королей и их Наместников.

В небольшом домике при дороге сидел привратник; он вышел, неся светильник, и страх был в его глазах. По приказу Князя он отпер дверь, и она бесшумно открылась; они прошли в нее, захватив светильник. Темна была дорога меж древних стен и многоколонных террас, неясно маячащих в колеблющемся свете лампады. Эхо их медленных шагов металось меж ними — а воины шли всё вниз, пока не достигли Безмолвной

Улицы, Рат-Динен меж бледных сводов и пустых дворцов со статуями давно ушедших владык; и они вошли в Усыпальницу Наместников и опустили свою ношу.

Там Пин, беспокойно оглядываясь вокруг, увидел, что находится в сводчатой палате, и маленький светильник бросает тусклые тени на ее забранные драпировками стены. И, неясно рисуясь в полутьме, уходили во мрак ряды мраморных столов; и на каждом столе лежал мертвец со скрещенными на груди руками и положенными на каменные подушки головами. Но один стол — совсем рядом — был пуст. На него, по знаку Дэнэтора, слуги положили Фарамира и его отца, накрыли их одним покрывалом и встали, склонив головы, у ложа смерти. Тогда Дэнэтор негромко заговорил.

— Здесь мы подождем, — сказал он. — Но не зовите могильщиков. Принесите сухого дерева, обложите нас им и полейте его маслом. А потом — я приказываю вам — суньте в него факелы. Делайте, что велено, и не обращайтесь ко мне более. Прощайте!

— С вашего позволения, Князь! — Пин повернулся и в ужасе бросился вон из склепа. «Бедный Фарамир! — думал он. — Я должен разыскать

Гэндальфа. Бедный Фарамир! Лекарства нужны ему куда больше слез. Где бы найти Гэндальфа? В гуще событий, полагаю; и вряд ли у него есть время, чтобы тратить его на умирающего или безумца».

У дверей он обернулся к одному из слуг, который остался на страже.

— Ваш господин не в себе, — сказал он. — Торопитесь медленно! Не приносите сюда огня, пока Фарамир жив! Не делайте ничего, пока не придет Гэндальф!

— Кто правит в Минас-Тирифе? — ответил воин. — Князь Дэнэтор или Серебристый Странник?

— Серебристый Странник и никто больше, кажется, — бросил Пин и помчался назад по извилистой дороге быстро, как только мог — мимо изумленного привратника, через Дверь и дальше, пока не оказался у ворот Цитадели. Часовой окликнул его, и он узнал голос Берегонда.

— Куда бежишь, мастер Перегрин? — крикнул тот.

— Искать Мифрандира, — откликнулся Пин, притормаживая.

— Княжеские дела спешные, и не мне быть помехой им, — сказал Берегонд, — но ответь быстро,

если можешь: что надвигается? Куда ушел мой Князь? Я только заступил на пост, но слышал, что он прошел сквозь Замкнутую Дверь, и слуги несли за ним Фарамира.

— Да, — кивнул Пин. — На Безмолвную Улицу.

Берегонд склонил голову, чтобы скрыть слезы.

— Говорят, он умирал, — вздохнул он. — А теперь вот умер.

— Нет, — сказал Пин. — Нет еще. И даже теперь, думаю, смерть эту можно отвести. Но, Берегонд, Правитель пал прежде своего города. Он одержим и опасен, — он быстро рассказал Берегонду о странных поступках и речах Дэнэтора. — Я должен сейчас же найти Гэндальфа.

— Тогда тебе придется спуститься в битву.

— Знаю. Князь отпустил меня. Но, Берегонд, если можешь — сделай что-нибудь, чтоб отвести близкое лихо.

— Князь не разрешает тем, кто одет в черное с серебром, уходить с постов — кроме как по его приказу.

— Значит, тебе придется выбирать между приказами и жизнью Фарамира, — сказал Пин. — А приказы… По-моему, их отдавал безумец, а не Князь. Мне надо бежать. Вернусь, как смогу.

Он понесся дальше, вниз, вниз, к внешнему

городу. Ему встретились бегущие от огня воины и некоторые, видя черное с серебром одеяние, окликали хоббита, но он не обращал внимания. Наконец он миновал Вторые Ворота, за которыми меж стен бушевали пожары. Однако здесь оказалось странно тихо. Ни шума, ни криков битвы, ни лязга оружия. Потом вдруг раздался цепенящий вопль, а следом — страшный удар и глубоко звучащий гул. С трудом пробиваясь вперед сквозь порывы страха и ужаса, которые сотрясали его, Пин завернул за угол — на просторную площадку перед Городскими Воротами. И застыл, помертвев. Он нашел Гэндальфа; но отшатнулся, спрятавшись в тень.

Всю ночь продолжался штурм. Рокотали барабаны. На севере и юге отряд за отрядом давили на стену. Появились огромные звери, похожие в кровавом неверном свете на движущиеся дома — мумаки Харада тащили через ряды огней гигантские башни и машины. Однако вражьего Полководца не очень заботило, что они сделают, и сколько их погибнет: главной их целью было испытать силы обороны и отвлечь воинов Гондора на защиту многих мест сразу. Главный удар должен был обрушиться на Ворота. Они были крепкими, сделанными из железа и стали, их

охраняли башни и бастионы непробиваемого камня — однако это был ключ, слабейшее место высокой неприступной стены.

Барабаны зарокотали громче. Взметнулись огни. Огромные машины ползли по полям; а в центре покачивался на мощных цепях громадный таран, подобный дереву в сотню футов длиной. Его долго ковали в темных кузнях Мордора, и его жуткая вершина из черной стали имела вид ощеренной волчьей головы; на ней лежало Разрушительное Заклятье. Звался он Гронд — в память о древнем Мировом Молоте. Гигантские звери тащили его, а позади шли горные тролли — управлять им.

Но вокруг Ворот сопротивление было по-прежнему упорным: там сражались рыцари Дол-Амроса и храбрейшие воины гарнизона. Стрелы и дротики летели дождем; осадные башни рушились или вдруг вспыхивали, как факелы. Земля под стеной по обе стороны Ворот была усеяна развалинами и телами убитых, однако по — прежнему, точно влекомые безумием, сюда подходили все новые враги.

Гронд полз вперед. Против его логова был бессилен огонь; и, хотя время от времени огромные звери, что тащили его, сходили с ума и топтали

окружающих орков — тела убирались с дороги, и другие занимали их место.

Гронд полз вперед. Барабаны дико гремели. Над курганами трупов возникла жуткая тень: высокий всадник в капюшоне и черном плаще. Медленно, топча убитых, ехал он вперед, не боясь никакого оружия. Он остановился и обнажил длинный бледный меч. И, едва он обнажил его, великий ужас пал на всех — и на защитников, и на их врагов; руки воинов опустились, и тетивы их луков не пели более. На миг все застыло.

Барабаны гудели и гремели. Сильные лапы быстро поволокли Гронд вперед. Он достиг Ворот. Качнулся. Тяжкий удар раскатился по Городу сошедшим с неба громом. Но стальные створки и железные засовы устояли.

Тогда Черный Полководец поднялся в стременах и прокричал мертвящим своим голосом заклятье на давно забытом языке — слова мощи и страха, чтобы расколоть и сердца, и камни.

Трижды кричал он. Трижды бил таран. И вдруг, с последним ударом, Врата Гондора рухнули. Словно сраженные губительным заклятьем, они разлетелись в куски: вспыхнули опаляющие огни, и расколотые створки упали наземь.

Внутрь ехал Предводитель назгулов. Гигант-

ским черным силуэтом рисовался он на фоне горящих позади костров, вырастая в огромную угрозу отчаянья. Внутрь ехал Предводитель назгулов, под арку, которой никогда прежде не проходил враг, и все бежали пред ним.

Все, кроме одного. Там, в пространстве перед Воротами, безмолвно и спокойно сидел на Ночиветре Гэндальф — на Ночиветре, единственном из вольных коней, кто мог выносить близящийся ужас — не двигаясь, застыв, как изваяние на Рат-Динен.

— Ты не войдешь, — сказал Гэндальф, и огромная тень застыла. — Возвращайся в Хаос, породивший тебя! Возвращайся туда! Пади в ничто, ожидающее тебя и твоего Господина! Сгинь!

Черный Всадник откинул капюшон: он был в королевской короне. Но головы под короной не было. Багровые огни полыхали меж ней и окутанными тьмой плечами. Из невидимого рта донесся зловещий хохот.

— Старый дурак! — раздался нездешний голос. — Старый дурак! Это мой час! Разве, увидев Смерть, ты не узнал ее? Умри же теперь — и напрасно!

С этими словами он высоко поднял меч, и пламя стекло по клинку.

Гэндальф не двинулся. И в этот миг позади, в каком-то дворе Города, пропел петух. Он кукарекал резко и чисто, знать не зная о магии и войнах, приветствуя утро, что всходило на небо далеко за смертными тенями.

И, будто в ответ, из дальней дали принесся другой звук. Рога, рога, рога. Они тускло отдались от темных граней Миндоллуина. Большие рога Севера трубили атаку. Роандийцы наконец пришли.

Глава 5
Путь роандийцев

Было темно, и Мерри, лежащий на земле закутавшись в одеяло, ничего не видел; но, хоть ночь была душной и безветренной, невидимые деревья тихо вздыхали вокруг. Он поднял голову. И тогда услыхал опять: слабый звук, точно в лесистых холмах и у подножий гор рокотали барабаны. Звук будто бы замирал, а потом подхватывался вновь в другом месте, то ближе, то дальше. Интересно, подумал Мерри, слышат ли его часовые.

Он не видел их, но знал, что роандийцы вокруг. Он чуял коней, слышал их фырканье и тихие переступы по покрытой иглами земле. Войско

стояло в сосновом бору, что раскинулся кругом Маяка Эйленах, высокого холма, поднявшегося над кронами Седого Леса у самого Великого Восточного Тракта.

Мерри до того устал, что не мог спать. Они скакали четыре дня, и всё густеющая мгла давила ему душу. Он стал задумываться, чего это ему понадобилось ехать, когда он имел дозволение — даже приказ — своего господина остаться. И еще: знает ли князь, что он ослушался, не гневается ли он? Наверное, нет. Дэрнхэльм и Эльфхэльм, маршал, что командовал эоредом, в котором они скакали, — кажется, сговорились на его счет. Ни сам маршал, ни его воины не замечали Мерри и делали вид, что не слышат, если он говорил. Он был чем-то вроде еще одной торбы, которую вез Дэрнхэльм. Мерри чувствовал себя маленьким, ненужным, одиноким. Время было тревожное, войску грозила опасность. Менее дня пути оставалось до окружающих пригород Минас-Тирифа стен. Вперед были высланы воины. Вернулись не все. Те, кто вернулся, докладывали, что Тракт перерезан: на нем, тремя милями западнее Амон-Дина, стало лагерем вражье воинство, несколько патрульных отрядов уже двигались по дороге и были не более чем в трех милях. В холмах и лесах

вдоль Тракта бродили орки.

В ночную стражу князь и Йомер держали совет.

Мерри очень хотелось с кем-нибудь поболтать, и он подумал о Пине. Бедный Пин — заперт в большом каменном городе, одинокий, испуганный… Мерри захотелось стать высоким, как Йомер — чтобы протрубить в рог, хлестнуть коня и поскакать ему на выручку. Он сел, вслушиваясь в барабаны, которые забили снова, теперь совсем рядом Вдруг он услышал тихие голоса и увидел тусклые полупритушенные фонари, прошедшие меж деревьев. Воины поблизости неуверенно зашевелились во тьме.

Высокая фигура споткнулась о хоббита и прокляла корни. Он узнал голос маршала Эльфхэльма.

— Я не корень, сударь, — сказал он. — И не торба, но избитый хоббит. Во искупление ушибов скажите мне, что это там бродит.

— Что-то, что может держаться на ногах в этой лиходейской тьме, — отозвался Эльфхэльм. — Но мой сеньор прислал сказать, чтобы мы были готовы: возможно, придется неожиданно выступить.

— Значит, враг приближается? — взволновался Мерри. — Это их барабаны, да? А я уж совсем было

решил, что они мне снятся — никто больше их, кажется, не замечает…

— Нет, нет, — сказал Эльфхэльм. — Ты слышишь Уоссов — Вольный Лесной Народ: так они беседуют друг с другом. Говорят, они всё еще живут в Седом Лесу — Друадане, как говорят здесь. Их немного осталось с древности, и живут они, как звери: в дикости, тайно и сторожко. Они не воюют ни с Гондором, ни с Маркой, но теперь обеспокоены тьмой и приходом орков; они боятся возвращения Черных Лет, а очень похоже, что так и будет. Скажи спасибо, что они не охотятся на нас — говорят, стрелы у них ядовитые, и лес они знают, как никто. Но они предложили свои услуги Теодэну. Как раз сейчас князь принимает одного из их вождей. Туда и прошли огни. Это все, что я знаю… А теперь я должен исполнить приказ моего сеньора. Упакуй себя, да побыстрее, мастер Торба! — и он исчез в тени.

Мерри совсем не понравились эти разговоры о лесовиках и отравленных стрелах, но кроме того, тяжкий вес страха лежал у него на сердце. Ожидание было непереносимо. Он страстно желал знать, что готовится. Он поднялся, и вскоре осторожно крался вслед последнему светильнику.

Вскорости он пришел к поляне, где под огром-

ным деревом стоял шатер князя. Большой фонарь свешивался с ветви, очерчивая круг бледного света. Там сидели Теодэн и Йомер, а на земле перед ними — странный приземистый человек, угловатый, как старый камень, и волосы редкой бороды торчали на бугристом подбородке, как седой мох. Он был коротконог, толсторук и коренаст; всю его одежду составлял плетеный травяной пояс. Мерри почувствовал, что где-то уже видел его — и вдруг вспомнил Паков Урочища Духов. Здесь сидел один из древних идолов, возвращенный к жизни — или некто, происходивший по прямой линии от моделей давно позабытых зодчих.

Царило молчание, когда Мерри подобрался поближе, а потом лесовик заговорил, будто отвечая на какой-то вопрос. Голос у него был глубокий, гортанный, однако, к великому изумлению Мерри, говорил он на Всеобщем языке, хоть и с запинками, а некоторые слова были просто неуклюжи.

— Нет, Отец Всадников, — сказал он, — мы не драться. Только охотиться. Убивать горгун в лесах — ненавистных орков. Вы ненавидеть орков тоже. Мы помочь, чем смочь. Лесной Народ иметь длинные уши и зоркие глаза; знать все тропы. Лесной Народ жить здесь прежде Каменнограда,

прежде, чем Высокие Люди прийти из-за Вод.

— Но нам нужна помощь в битве, — сказал Йомер. — Чем ты и твой народ поможете нам?

— Приносить вести, — ответил лесовик. — Мы смотреть с высоты. Взбираться высоко на гору и смотреть вниз. Каменноград закрыт. Огонь гореть снаружи; теперь и внутри. Вы хотите прийти туда? Тогда надо спешить. Но горгун и люди издалека, — он махнул в сторону востока, — сидеть на конной дороге. Очень много, больше, чем у Отца Всадников.

— Откуда ты знаешь? — спросил Йомер. На широком лице старика и в его темных глазах ничего не отразилось, но голос зазвучал сердито.

— Лесные люди вольные и дикие, но они не дети. Я великий вождь Гхан-бури-Гхан, и я могу сосчитать многое: звезды в небе, листву на дереве, воинов во тьме. Ваших сил — сорок на сорок и двадцать на двадцать, и еще дважды столько. У тех больше. Большая драка, и кто победит? И много больше бродит у стен Каменнограда.

— Он вызнал все, — удивленно заметил Теодэн. — А наши разведчики донесли, что дорога перегорожена рвами и утыкана копьями. Нам не смести их внезапной атакой.

— И, однако, нам надо спешить, — настойчиво

повторил Йомер. — Мундбург в огне!

— Пусть Гхан-бури-Гхан кончит! — сказал лесовик. — Он знать не одну дорогу. Он повести вас дорогой, на которой нет ям, нет горгун, которую знать только Лесной Народ и звери. Много троп родиться, когда народ Каменнограда был сильным. Они рубить холмы, как охотники — мясо зверей. Лесной Народ думать, они кушать камни. Они идти сквозь Друадан к Риммону с большими телегами. Теперь они не ходить. Давно не ходить. Дорога забыта — но не Лесным Народом. Она все еще идти там, под травой и деревом — там, позади Риммона, и вниз к Дину, и назад — к концу дороги Всадников. Лесной Народ покажет вам эту дорогу. Потом вы убьете горгун, рассеете плохую тьму ярким железом, и Вольный Народ сможет вернуться и спать в Вольном Лесу.

Йомер и князь заговорили на своем языке. Наконец Теодэн повернулся к лесовику.

— Мы примем твое предложение. Потому что, хоть мы и оставляем за собой вражье воинство — что с того? Если Каменноград падет — возврата не будет. Если же он спасен — орочьи орды будут порублены. Если ты верен нам, Гхан-бури-Гхан, ты получишь богатую награду, и дружба Марки будет с тобой навек.

— Мертвые не дружат с живыми и не дают им даров, — сказал лесовик. — Но если вы жить после Тьмы — оставьте Вольный Народ в его лесах и не гоняйтесь за ним больше, как за зверьми. Гхан-бури-Гхан не заведет вас в ловушку. Он сам пойдет с Отцом Всадников, и если он приведет вас к лиху — вы убьете его. — Быть по сему! — решил Теодэн.

— Много надо времени, чтобы обойти врага и вернуться на Тракт? — спросил Йомер. — Мы должны ехать шагом, если ты поведешь нас, и я не сомневаюсь, что твоя тропа узка.

— Лесной Народ ходит быстро, — возразил Гхан. — А по дороге в Извозном Доле пройти четыре лошади в ряд, — он махнул рукой к югу, — но там узкий вход и выход. Лесной Народ пройти отсюда до Дина с восхода до полудня.

— Значит, первые пройдут за семь часов… — Йомер думал вслух, — но для всех — понадобится не меньше десяти. Нас может что — нибудь задержать, и потом — если войско наше вытянется в ряд — пройдет немало времени, прежде чем оно снова построится… Который теперь час?

— Кто знает? — вздохнул Теодэн. — Сейчас всё — ночь.

— Всё — тьма, но не всё — ночь, — сказал

Гхан. — Когда Солнечная Дева приходит, мы чуем ее, даже если она скрыта. Она уже выбралась из — за Восточных гор. В небесных полях начался день.

— Тогда мы должны выступать быстро, как можем, — сказал Йомер. — И даже так у нас нет надежды прийти на помощь Гондору сегодня.

Мерри не стал дожидаться продолжения разговора, а скользнул назад — приготовиться к маршу. Последнему маршу перед битвой. Мерри не надеялся, что многие из них переживут ее. Но он подумал о Пине и пламени Минас-Тирифа и отбросил свой страх.

Все шло хорошо в тот день, и врага, готового пресечь им путь не было ни слышно, ни видно. Осторожные Лесные Охотники шли впереди, так что ни орк, ни какой другой бродячий шпион не прознал о движении в холмах. Свет был теперь еще более тусклым, чем всегда — они приближались к осажденному городу — и роандийцы ехали длинной чередой, похожие на призраков людей и коней. Каждый отряд вёл лесовик; а рядом с князем шагал старый Гхан. Начало марша было более медленным, чем они надеялись, потому что много времени занял у всадников, идущих с конями в поводу, путь через густозаросшие

склоны холмов позади лагеря, и спуск в скрытый Извозный Дол. Давно миновал полдень, когда первые подошли к чаще серого кустарника, протянувшейся по восточному боку Амон-Дина и скрывающей широкий проход в ряду холмов, что шел от Нардола к Дину. Через проход некогда бежала забытая ныне тележная дорога — назад к главному конному пути от Города к западной границе Гондора; но уже долгие годы ею не пользовались, и она зарастала деревьями, пока не исчезла, погребенная под листвой. А кусты предложили всадникам последнее укрытие перед битвой, потому что впереди лежал Тракт и луга Андуина, а сбоку голые холмы, корчась, карабкались на скалистую громаду Миндоллуина. Первый отряд остановился и, когда остальные влились в желоб Извозного Дола, двинулся вперед и въехал под серые деревья — на место лагеря. Князь собрал марша лов на совет. Йомер хотел выслать разведчиков — присмотреть за дорогой — но Гхан затряс головой.

— Плохо посылать всадников. Лесной Народ видеть уже всё, что можно видеть в дурном воздухе. Они скоро прийти и говорить со мной здесь.

Пришли маршалы, а потом из-за деревьев осторожно выступили похожие на паков тени — ну

точь-в-точь старый Гхан, подумал Мерри, и захочешь — не отличишь! Они заговорили с Гханом на чудном гортанном языке.

Вскоре Гхан повернулся к князю.

— Вольный Народ сказать много вещей. Будь осторожен! Еще много воинов в лагере под Дином, в часе ходьбы отсюда, — он махнул на запад, к черной тени маяка. — Но между нами и Каменноградом нет никого. У его новых стен — много. Стены больше не стоят: горгун разрушили их подземным громом и железными дубинками.

Они неосторожны и не смотрят вокруг. Они думать, их друзья стеречь все дороги!

Тут Гхан издал забавный булькающий звук, точно смеялся.

— Добрые вести! — воскликнул Йомер. — Даже в этом мраке надежда светит вновь. Придуманное Врагом часто служит нам — Ему назло. Сама проклятая тьма была нам покровом. А сейчас, стремясь разрушить Гондор, не оставить от него камня на камне, орки развеяли самый большой из моих страхов. Внешняя стена могла бы долго обороняться против нас. Теперь мы пройдем свободно — если когда-нибудь пробьемся туда.

— Я снова благодарю тебя, Гхан-бури-Гхан, — сказал Теодэн. — Да будет счастье с тобой и твоим

народом за сопровождение и добрые вести!

— Убейте горгун! Убейте орков! Ничего больше не обрадует Вольный Народ, — отозвался Гхан. — Рассейте плохой воздух и тьму ярким железом!

— Для этого мы и прискакали сюда, — молвил князь. — и мы попытаемся сделать это. Но чего мы достигнем — покажет завтра.

Гхан-бури-Гхан опустился на корточки и коснулся земли бугристым лбом в знак прощания. Потом поднялся, чтобы уйти. Но внезапно застыл, глядя вверх, как вспугнутый лесной зверь, нюхая воздух. Свет блеснул в его глазах.

— Ветер меняется! — крикнул он, и вместе со своими людьми растворился во мраке, и никогда больше ни один роандиец не видел их. Вскоре на востоке вновь забили барабаны. Однако ни в одно сердце не закрался страх, что Лесной Народ неверен — хоть многим лесовики показались странными и не очень приятными.

— Мы больше не нуждаемся в провожатых, — заметил Эльфхэльм, — потому что в войске есть всадники, ездившие в Мундбург во дни мира. Я тоже бывал там. Когда мы выйдем на Тракт, он повернет к югу и через семь лиг приведет к стенам пригорода. Вдоль всего пути по обочинам — густая трава. По ней всегда скачут гонцы Гон-

дора, посланные по спешному делу. Мы сможем проехать там быстро — и бесшумно.

— Поскольку нам предстоит битва, которая потребует всех наших сил, — сказал Йомер, — то мой совет: отдохнуть сейчас и выйти отсюда к ночи, чтобы успеть завтра вступить в бой, когда придет то, что некогда звалось утром, или когда сеньор наш подаст сигнал.

Князь, согласился, и маршалы разошлись. Но вскоре Эльфхэльм вернулся.

— Разведчики не нашли в лесу ничего, сеньор, — сказал он, — кроме двух воинов: двух мертвых воинов и двух мертвых коней.

— И что же? — спросил Йомер. — Что с того?..

— Вот что, сеньор: это гонцы Гондора; один, должно быть, Хургон. Во всяком случае, рука его все еще сжимает Алую Стрелу, но голова отрублена. И еще вот что: по следам видно, что они скакали на запад, когда пали. Я понял это так: вернувшись, они обнаружили, что враг уже занял внешнюю стену — и было это две ночи назад, если они сменили коней на подставе, как привыкли. Они не смогли добраться до Города и повернули назад.

— Плохо! — проговорил Теодэн. — Значит, Дэнэтор ничего не знает о нашем походе и не

надеется, что мы придем.

— Хотя отлагательств не терпит нужда, но все ж лучше поздно, чем никогда, — заметил Йомер. — Пусть же старая поговорка окажется в этот раз правдивей, чем прежде!

Была ночь. Войско Роханда неслышно двигалось по обочине. Тракт, огибая подножие Миндоллуина, поворачивал к югу. Прямо впереди, далеко, багровые сполохи освещали небо, и склоны великой горы смутно темнели на его фоне. Всадники были уже рядом со стеной Пеленнора, а день еще не настал.

Князь сказал во главе первого эореда, воины его дома — вокруг. Отряд Эльфхэльма следовал за ними, и тут Мерри заметил, что Дэрнхэльм оставил свое место и неуклонно продвигается вперед — пока, наконец, не оказался в арьергарде свиты князя. Войско приостановилось. Мерри услышал тихие голоса впереди. Вернулись разведчики, рискнувшие подобраться к самой стене. Они приблизились к князю.

— Там огромные огни, сеньор, — сказал один. — Город охвачен пламенем, а в поле полно врагов. Но все они заняты штурмом. Как мы поняли, на стене остались немногие, да и те не прячутся — увлеклись разрушением.

— Помните, что сказал вождь Лесного Народа, сеньор?.. — добавил другой. — Во дни мира я жил в Пустыни; зовут меня Виндрафа, и мне тоже воздух приносит вести. Ветер уже повернул. Он дышит югом: в нем есть, хоть и слабый, привкус моря. Утро принесет добрые вести. Над дымом взойдет рассвет, когда вы минуете стену.

— Если ты говоришь правду, Виндрафа, — проговорил князь, — то я благословляю тебя и желаю тебе пережить этот день, — он обернулся к воинам свиты и обратился к ним голосом таким ясным и чистым, что услышали все всадники первого эореда.

— Пришел час, всадники Марки, сыновья Эорла! Перед вами — враг и огонь, а дом ваш далёко. Однако, хоть бьетесь вы на чужих полях, слава, что пожнете, будет вашей — навек. Клятвы вы дали — так выполните их все — Князю, и землям, и союзу дружбы!

Воины ударили копьями в щиты.

— Йомер, мой сын! Ты ведешь первый эоред — и ему идти в центре, под моим знаменем. Эльфхэльм: выводи свой отряд направо, когда мы минуем стену. А Гримбольд свернет влево. Пусть остальные отряды следуют за этими тремя. Бейте в скопища врагов. Другого плана у нас нет: мы не

знаем, как обстоит дело на поле. Теперь — вперед, и не бойтесь тьмы!

Ведущий отряд мчался вперед; что бы ни предрекал Виндрафа, тьма была густа по-прежнему. Мерри сидел позади Дэрнхэльма, вцепившись левой рукой, а правой пытался вытащить из ножен меч. Теперь он понял горькую правду слов князя: «В таком бою — что сможешь ты сделать, Мерриадок?» «Именно это, — подумал он, — мешать всаднику, да надеяться удержаться в седле и не быть затоптанным насмерть!»

До стены Пеленнора оставалось не более лиги. Они быстро достигли ее; слишком быстро для Мерри. Раздались дикие крики, зазвенело оружие — но слабо. Орков на стенах было мало, их застигли врасплох и порубили или оттеснили. Перед развалинами северных ворот Раммаса Князь остановился. Первый эоред собрался вокруг него. Дэрнхэльм держался вплотную к князю, хотя отряд Эльфхэльма поскакал вправо. Воины Гримбольда свернули в сторону и направились к востоку — к большому пролому в стене.

Мерри выглядывал из-за спины Дэрнхэльма. Далеко-далеко, милях в десяти или немногим больше, полыхал громадный пожар, но между ним и роандийцами сверкали широким серпом

ряды огней — в ближней точке до них было не больше лиги. Мерри мало что видел на темной равнине, кроме них, и не чуял ни близости утра, ни ветра — измененного или не измененного.

Теперь войско Роханда бесшумно входило на поля Гондора, двигаясь медленно, но неуклонно, как прилив сквозь бреши в плотине, которую люди считали целой. Но дух и воля Черного Полководца были целиком преклонены к умирающему городу, и ни один знак пока не указал ему, что планы его нарушены.

Немного спустя князь повел воинов к востоку — пройти между осадными огнями и полями. Их все еще не замечали, и Теодэн все еще не подавал сигнала. Наконец он снова остановился. Город был рядом. Воздух пах пожаром и смертью. Кони волновались. Но князь сидел на Среброгривом неподвижно, глядя на агонию Минас-Тирифа — точно мука или ужас внезапно поразили его. Он казался ниже ростом, согбенным годами. Мерри и сам почувствовал тяжкий вес ужаса и сомнений, что обрушился на него. Сердце билось медленно. Время, казалось, застыло в неуверенности. Они пришли слишком поздно! Поздно — хуже, чем никогда! Возможно, Теодэн дрогнет, склонит старую голову, повернет, отступит, чтоб укрыться

в холмах…

…. И тут Мерри почуял наконец: перемена. Ветер дул в лицо! Мерцал свет. Далеко, очень далеко — на юге — дымно виднелись серыми бесформенными тенями тучи — они откатывались, отступали, а за ними лежало утро.

Но в этот миг плеснуло пламя, точно молния ударила с земли из-под Города. Несколько секунд стоял он, ослепительно белый, во тьме, с башней, подобной сияющей игле; а когда тьма вновь сомкнулась, над полями раскатилось оглушительное бум-м-м.

При этом звуке сгорбленная фигура князя вдруг выпрямилась; снова был он высок и горд; и, приподнявшись в стременах, он громко и ясно прокричал — никогда прежде ни один смертный не кричал так громко:

Вставайте, вставайте. Всадники!

Зло пробудилось: пожар и резня

Копье изломается, щит искрошится:

День сечи, день крови — чтоб солнце взошло!

Скачите, скачите! Скачите в Гондор!

И, выхватив из рук знаменосца большой рог, он с такой силой протрубил в него, что рог разле-

телся в куски. И сразу запели все рога войска, и пение рогов Роханда в тот час было подобно буре в степи или грому в горах.

Скачите, скачите! Скачите в Гондор!

Вдруг князь крикнул на Среброгривого, и конь прянул вперед. Позади него реяло на ветру знамя — белый конь в зеленом поле — но он обогнал его. С громом неслись вслед за ним рыцари его дома, но он был впереди всех. Там скакал Йомер, белый конский хвост развевался на его шлеме, а первый эоред ревел за его спиной, как пенящийся на перекатах поток — но Теодэна было не догнать. Он казался одержимым; неистовая ярость битвы огнем заструилась в его жилах — и он мчался на Среброгривом, как божество древности, как Оромэ Великий в битве Валаров, когда мир был юн. Золоченый щит князя был открыт, он сиял, как видение солнца, и травы вспыхивали зеленью вкруг белых ног его скакуна. Ибо пришло утро — утро и ветер с моря; тьма дрогнула, и полчища Мордора завыли, и ужас пал на них — они бежали и умирали, и копыта гнева топтали их. И тогда роандийцы запели, они пели, убивая врага, ибо радость битвы объяла их, и звук их дивной и грозной песни достиг ушей Города.

Глава 6
Битва в полях Пеленнора

Но штурм Гондора возглавлял не разбойник и не атаман орков. Тьма развеялась слишком быстро, прежде времени, назначенного ей его Господином: удача изменила ему, и мир обратился против него; победа выскользнула из его горсти, как раз когда он протянул руку, чтобы схватить ее. Но рука его была длинной. Он все еще был Полководцем, повелителем несметной армии. Король, Призрак Кольца, Предводитель назгулов, он владел многим оружием. Он покинул Ворота и исчез.

Теодэн, сеньор Марки, достиг дороги от Города к Реке и повернул к Городу, до которого оставалось меньше мили. Он скакал теперь медленнее, ища новых врагов, и рыцари его дома окружили его, и Дэрнхэльм был рядом. Впереди, близ стен, всадники Эльфхэльма крушили осадные машины, рубя врага, тесня его к огненным рвам. Очень скоро вся северная часть Пеленнора освободилась, а вражьи лагеря были преданы огню; орки бежали к Реке, как олени от охотников, и

роандийцы бродили, где хотели. Однако пока они не прорвали осады и не освободили Ворот. Вокруг них теснилось полчище врагов, а на другой половине равнины собралось все недобитое вражье воинство. Южнее, за дорогой, стояло главное войско харадримцев, и теперь конница их стягивалась под штандарт вождя. А тот осмотрелся, и в растущем свете увидел стяг князя и то, что он вдали от битвы и воинов вокруг него мало. Тут он исполнился багровой ярости и громко завопил, и, высоко подняв штандарт — черную змею в алом поле — ринулся на белого коня в зеленом, а за ним — вся его бесноватая конница; и блеск кривых сабель южан был подобен мерцанию звезд.

Тогда Теодэн заметил его и не стал ждать нападения, но, крикнув на Среброгривого, безудержно бросился приветствовать врага. Шумной была их встреча. Но светлая ярость северян пылала жарче, и более искусны и тверды были их рыцари. Мало их было, но они прошли сквозь южан, как пожар сквозь лес. В самую свалку внесся Теодэн, сын Тэнгела, и копье его дрожало, когда он пронзил их вождя. Выскользнул из ножен меч, и князь помчался к штандарту и перерубил древко вместе со знаменем. И те южане, что остались живы, повернули коней и бежали.

Но глядите! Внезапно, в зените славы князя его золотой щит померк. Новорожденное утро стерлось с небес. Тьма поглотила его. Кони вставали на дыбы и ржали. Вылетевшие из сёдел воины ползли по земле.

— Ко мне! Ко мне! — взывал Теодэн. — Вперед, Эорлинги! Не бойтесь тьмы!

Но Среброгривый, обезумев от ужаса, вздыбился, колотя копытами воздух, а потом с оглушительным ржанием грохнулся на бок: черное копье пронзило его. Князь оказался под ним.

Огромная тень снижалась падающей тучей. То была крылатая тварь: если и птица, то больше всех птиц; она была голой — ни шерсти, ни перьев, и концы ее широких крыльев были как кожистые перепонки меж роговых пальцев. Тварь эта вышла, быть может, из древнего мира; род ее, таясь в позабытых горах, пережил свое время, и в подлунном холоде возрос этот кошмарный выводок, обреченный злу. И Черный Властелин нашел его, и выкармливал мясом мертвых, пока они не стали больше всех летающих тварей; и он роздал их своим слугам, как коней. Ниже, ниже спускалась она, а потом, вытянув пальчатые перепонки, издала каркающий крик и уселась на тело Среброгривого, зарывшись

в него когтями, склонив длинную голую шею. На ней сидел призрак, окутанный тьмой, огромный и угрожающий. На нем была стальная корона, но между ее ободом и мантией зияла пустота, лишь смертно горели глаза: Предводитель назгулов. Он вернулся в воздух, призвав своего скакуна, прежде, чем рассеялась тьма, и теперь пришел вновь, неся разрушение, обращая надежду в отчаянье, а победу — в смерть. В руках он держал большую черную булаву.

Но Теодэн не был покинут на произвол судьбы. Рыцари его дома лежали вокруг порубленные или затоптанные, но один еще стоял — Дэрнхэльм Юный, чья верность была сильнее страха; и он плакал, ибо любил своего сеньора, как отца. Сквозь сечу Мерри прошел невредимым позади него, пока не явился Призрак; тогда конь в безумии сбросил их и сейчас скакал по равнине. Мерри отполз в сторону, и такой ужас владел им, что он ослеп и чувствовал лишь тошноту.

«Оруженосец! Воин князя!» — кричало его сердце. — Ты должен стоять с ним рядом. «Вы будете мне вместо отца, сказал ты».

Но воля его не отвечала, а тело тряслось. Он не решался открыть глаза и осмотреться.

А потом сквозь затопившую его разум тьму

он услышал голос Дэрнхэльма; однако звучал он необычно, напоминая другой, странно знакомый:

— Убирайся, гнусный черноризец, вожак стервятников! Оставь мертвого в покое!

Ответил леденящий голос:

— Не становись между назгулом и его жертвой! Не то он не станет убивать тебя. Он унесет тебя в Обитель Стонов за тьмой, где плоть твоя истребится, а трепещущий дух обнаженным предстанет перед Недреманным Оком.

Зазвенел меч.

— Делай как хочешь; но я убью тебя, если смогу.

— Убьешь меня?.. Ты глуп. Никогда руке смертного мужа не сразить меня!

Тогда Мерри услыхал самый странный из всех звуков. Казалось, Дэрнхэльм засмеялся, и чистый его голос был подобен звону стали.

— Значит, тебя сразит рука жены. Я не воин! Перед тобой женщина — Йовин, дочь Йомунда. Ты встал между мной и моим сюзереном и родичем. Убирайся, если ты не бессмертен! Ибо живого, или бессмертную тьму — я убью тебя, посмей лишь тронуть его!

Крылатая тварь завопила на нее, но Призрач-

ный Кольценосец не ответил и молчал, точно пораженный внезапным сомнением. Изумление на миг пересилило страх Мерри. Он открыл глаза, и тьма поднялась с них. В нескольких шагах от него сидела громадная тварь, всё казалось темным вокруг нее, а на ней, как тень отчаянья, смутно вздымался Предводитель Назгулов. Немного левее, лицом к лицу с ним, стояла та, кого Мерри звал Дэрнхэльм. Но шлем ее тайны упал, и волосы лежали на плечах бледным золотом. Глаза ее, серые, как море, были тверды и безжалостны — однако слезы текли по щекам. В руке она сжимала меч и подняла щит, заслоняясь от цепенящей жути глаз своего врага.

Это была Йовин — но и Дэрнхэльм. Потому что в памяти Мерри вспыхнуло видение: лицо юноши, что отправляется искать смерти, ни на что уже не надеясь — он видел его, выезжая из Серого Урочища. Жалость наполнила сердце хоббита и огромное изумление, и внезапно в нем проснулось медленно зреющее мужество его народа. Он сжал кулаки. Она не умрет — такая прекрасная, такая отчаянная! Во всяком случае — не умрет одна, без помощи.

Лицо их врага не было обращено к нему, но Мерри едва решился двинуться, страшась, как бы

жуткий взгляд не пал на него. Медленно, медленно отползал он в сторону; но Черный Полководец в сомнениях и злобе, обращенных на женщину перед собой, замечал его не больше, чем червя в грязи.

Вдруг огромная тварь забила чудовищными крыльями, и мерзок был поднятый ею ветер. Она снова взвилась в воздух, а потом стремительно упала на Йовин, пронзительно вопя, нацелившись клювом и когтями.

Йовин по-прежнему не отступала: дева Роханда, дитя князей, тонкая — но как стальной клинок, прекрасная, но грозная. Быстрым ударом рассекла она вытянутую шею, и отрубленная голова камнем упала вниз. Она отпрыгнула, когда, раскинув широкие крылья, гигантское тело тяжко рухнуло наземь. И с его падением Завеса Тьмы поднялась. Свет облил всадницу, и волосы ее заискрились в лучах восхода.

Из-под трупа поднялся Черный Всадник — высокий, грозящий. С криком ненависти, что ядом пронзил все уши, он опустил булаву. Щит девушки разлетелся в куски, рука была сломана, она упала на колени. Он тучей склонился над ней, глаза его вспыхнули. Он воздел булаву, чтобы убить.

Но неожиданно рухнул и он, рухнул с воплем жестокой муки, и булава его прошла мимо, ударив в землю. Меч Мерри вонзился в него снизу, прорезав мантию, и, войдя под кольчугу, пронзил сухожилия под его огромным коленом.

— Йовин! Йовин!.. — крикнул Мерри.

Тогда, дрожа, собрав последние силы, она опустила меч между короной и мантией, когда необозримые плечи склонились перед ней. Меч заискрился и сломался. Корона с лязгом откатилась. Йовин упала вперед — прямо на поверженного врага. Но что это? Мантия и кольчуга были пусты. Бесформенной грудой лежали они на земле, изорванные и смятые. И в дрожащий воздух ввинтился вопль, и истончился пронзительном воем, и унесся с ветром — голос нездешний и жидкий, что умер и никогда более не слышался в этом мире.

А среди убитых стоял хоббит Мерриадок, щурясь, как сова при свете дня, потому что слезы слепили его; и сквозь их дымку глядел он на прекрасную голову Йовин — как она лежит и не двигается; и на князя, павшего в зените славы. Потому что Среброгривый в агонии откатился от него; однако он стал проклятием своего господина.

Потом Мерри нагнулся и поднял руку князя, чтобы поцеловать, и Теодэн открыл глаза, и они были ясны, и он внятно, хоть и с трудом, заговорил:

— Прощай, мастер холбитла! Тело мое сломано. Я иду к своим предкам. Но теперь мне не стыдно появиться средь них. Я низверг черную змею. Зловещее утро, и радостный день, и золотой закат!

Мерри не мог говорить, но снова заплакал.

— Простите меня, сьер, — всхлипывал он, — что я нарушил ваш приказ и, однако, не нашел себе в битве иного дела, как плакать при расставании…

Старый князь улыбнулся.

— Не печалься! Всё прощено. Высокую душу нельзя отвергнуть. Будь благословен; и, когда будешь сидеть, спокойно куря трубку — думай обо мне! Ибо никогда уже не сидеть мне с тобой в Медузэлде, как я обещал, и не слушать твоих рассказов, — он закрыл глаза, и Мерри поник рядом с ним. Вскоре он опять заговорил. — Где Йомер? В глазах у меня темнеет, а я хотел бы увидеть его… прежде, чем умру. Ему княжить после меня… И я хотел бы послать Слово Йовин. Она… Она не хотела, чтобы я покидал ее, а теперь я никогда её не увижу — более милую, чем дочь.

— Сьер, сьер… — судорожно начал Мерри, — она… — Но в этот миг раздался оглушительный шум: всюду вокруг них трубили рога и трубы. Мерри огляделся: он позабыл с войне, да и обо всем мире; ему казалось — многие часы прошли, как князь поскакал к гибели, однако это было, правду сказать, совсем недавно. Но теперь хоббит видел: они рискуют оказаться в самом центре великой битвы, которая вот-вот начнется.

Новые силы врага поспешали от Реки; из-под стен шли легионы Моргула; с южных полей двигалась харадримская пехота с конницей впереди, а позади вздымались исполинские спины мумаков. Но севера белый плюмаж Йомера вел в бой роандийцев; а из Города вышли все воины, что были там, и серебряный лебедь Дол-Амроса несся впереди, оттесняя врага от Ворот.

Мимолетная мысль пришла в голову Мерри: «Где Гэндальф? Разве он не здесь? Неужто он не мог спасти князя и Йовин?..»

Но тут подскакал Йомер, и с ним — рыцари свиты, что остались живы. В изумлении смотрели они на тушу жуткой твари; и кони их не желали подходить близко. Но Йомер соскользнул с седла, и печаль и смятение объяли его, когда он подошел к князю и в молчании остановился рядом.

Потом один из рыцарей взял стяг князя из мертвой руки знаменосца и поднял его. Теодэн медленно открыл глаза. Увидев знамя, он сделал знак передать его Йомеру.

— Привет тебе, Сеньор Марки! — сказал он. — Скачи к победе! Передай мое «прости» Йовин.

Так он умер, и не знал, что Йовин лежит рядом с ним. И те, кто стоял вокруг, рыдали, восклицая:

— Князь Теодэн!.. Князь Теодэн!..

Но Йомер сказал им:

Не скорбите чрезмерно! Доблестен павший,

Достоин конец его. Когда встанет курган —

Жены заплачут. Нас зовет бой!

Однако сам он плакал, говоря это.

— Пусть рыцари останутся здесь, — велел он, — и с почетом вынесут тело с поля, пока битва не затоптала его! Позаботьтесь также обо всех, кто лежит здесь, — он обвел взглядом погибших, призывая их по именам. Тут вдруг увидел он сестру свою Йовин — и замер на миг, как человек, чье сердце пронзила стрела; а потом лицо его стало смертельно бледным, и холодное бешенство поднялось в нем, и некоторое время он не мог

говорить.

— Йовин, Йовин! — вскричал он. — Как пришла ты сюда? Что это — безумие?.. Шалость?.. Смерть, смерть, смерть! Смерть возьмет всех нас!

Потом, не посоветовавшись, не дожидаясь подхода воинов Города, он, очертя голову, бросился к войску, протрубил в рог и громко призвал всадников в атаку. Над полем зазвенел его голос:

— Смерть!.. Скачите, скачите к гибели и концу мира!

И войско двинулось. Но роандийцы не пели более. «Смерть» — кричали они громко и страшно и, набирая скорость, девятым валом накатились на место, где пал их князь и с ревом унеслись к югу.

А хоббит Мерриадок по-прежнему стоял там, моргая сквозь слезы, и никто не говорил с ним — его, кажется, просто не замечали. Он отер глаза и наклонился поднять зеленый щит, что дала ему Йовин — и забросил его за спину. Потом он стал искать меч, который обронил, потому что, едва он нанес удар — рука его онемела, и теперь он мог владеть только левой рукой. Оружие его лежало неподалеку, и клинок дымился, как сухая ветка, которую сунули в огонь, и, пока хоббит глядел на него, он корчился и курился, пока не истаял совсем.

Так ушел Меч из Могильника. Но тот, кто сработал его в незапамятные годы, когда дунаданы были юны, был бы рад, узнай он о его судьбе: ибо главным их врагом было тогда северное королевство Ангмар и его король-чародей. Никакой другой клинок, даже владей им более опытная рука, не нанес бы ему столь жестокой раны, пронзив бессмертную плоть, сломав заклятье, что связывало невидимые жилы с лиходейским духом.

Воины подняли князя, и, уложив плащи на древки копий, сделали носилки, чтобы отнести его в Город; а другие осторожно подняли Йовин и понесли ее следом.

Но воинов свиты они не могли вынести с поля; ибо семеро рыцарей пало там, и среди них их глава. А потому они отнесли их в сторону от врагов и жуткой твари и окружили копьями. А потом вернулись и сожгли тушу твари; но для Среброгривого они вырыли могилу и поставили на ней камень, где впоследствии было высечено на языках Гондора и Марки:

Верный слуга, что сгубил своего господина,

Конь легконогий, чья грива белей се-

ребра.

Зелена и высока трава на Чепраке Среброгрива, но всегда черна и бесплодна земля там, где сгорела тварь.

Медленно и печально брел Мерри рядом с носильщиками и не обращал внимания на битву. Он устал, измучился, его тряс озноб. Проливной дождь пришел с Моря и казалось, будто всё плачет по Теодэну и Йовин, затушив огни Города серыми слезами. Сквозь дымку он увидал подошедший авангард гондорцев. Подскакал Имрахиль, Принц Дол-Амроса.

— Что за ношу несете вы, роандийцы? — крикнул он.

— Князя Теодэна, — отвечали ему. — Он умер. Но князь Йомер поскакал в бой — вон он с белым гребнем на шлеме.

Тогда Принц сошел с коня и опустился на колени у носилок, чтобы почтить память князя; и он плакал. А поднявшись, взглянул на Йовин и был поражен.

— Не лгут ли мне глаза? — изумился он. — Правда ли передо мной женщина?

Неужели даже жены Роханда пришли помочь нам в нужде?..

— Нет! Лишь одна, — отозвались воины. — Это

Йовин, сестра Йомера; до сего дня мы не знали, что она с нами, и велика наша скорбь.

Тогда Принц, видя ее красоту — хоть лицо ее было холодным и бледным — тронул ее за руку и, наклонившись, пристально вгляделся в нее.

— Роандийцы! — вскричал он. — Неужто нет среди вас лекаря? Она ранена, быть может — смертельно, но, мнится мне, пока она еще жива, — он поднес ярко горящий налокотник к ее губам: тот слегка затуманился. — Нужно спешить! — сказал Принц и послал в Город гонца за помощью. А сам низко поклонился павшему, вскочил в седло и поскакал в бой.

И яростная битва разгорелась на полях Пеленнора, и далеко разнесся лязг оружия, мешаясь с криками воинов и ржанием коней. Трубили рога, резко звенели трубы, ревели мумаки, когда их гнали в бой. Под южными стенами Города пехотинцы Гондора гнали легионы Моргула. А конница помчалась на помощь Йомеру: Хурин Высокий, Страж Ключей, и Гирлайн с Вешних Холмов, и Принц Имрахиль Прекрасный со своими рыцарями.

Но не скоро пришла к роандийцам их помощь; потому что удача повернулась спиной к Йомеру, и ярость предала его. Великий гнев его атаки

опрокинул южан, и огромные клинья всадников начисто стоптали ряды их пехоты. Но где бы ни прошли мумаки — кони отказывались там идти, пятились и поворачивали в сторону; а чудища стояли, как защитные башни, и харадримцы вновь сплотились вокруг них. И если во время атаки роандийцев харадримцы втрое превосходили их, то вскоре положение всадников стало еще хуже; потому что новые силы изливались теперь из Осгилиафа.

Они собрались там для грабежа Гондора, ожидая призыва своего Полководца. Он был убит; но Гортмог, лейтенант Моргула, кинул их в бой; вастаков с топорами, варангов Кханда и черных воинов Златосумрачных Пустынь, подобных полутроллям, с белыми глазами и красными языками. Некоторые торопились обойти роандийцев, другие забирали к западу — задержать силы Гондора, не дать им встретиться с роандийцами.

И как раз, когда день начал оборачиваться против Гондора, и надежда их пошатнулась — а был тогда полдень и дул сильный ветер, и дождь ушел на север, и засияло солнце — в Городе снова поднялся крик. В чистом воздухе дозорные увидали со стен новый страх, и надежда покинула их.

Потому что Андуин тек от излучины Харлонда так, что со стен Города люди могли видеть подплывающие корабли. И, глядя туда, они кричали в смятении; ибо черным на мерцающей реке виделся им принесенный ветром флот: лодьи и большие многовесельные корабли с черными надутыми парусами.

— Корсары Умбара!.. — шумели воины. — Корсары Умбара! Глядите! Идут корсары! Значит, пал Златозар, и Этир, и Лебеннин!.. Корсары идут на нас! Последний удар рока!

И кто-то без приказа — ибо никого не нашлось в Г ороде, чтобы приказать им, — бросился к колоколам и ударил в набат; а другие трубили отступление.

— Назад!.. — звали они. — Назад, на стены! Возвращайтесь, пока не всё погибло!

Но ветер, что пригнал суда, относил их голоса прочь. Роандийцы не нуждались ни в вестях, ни в набате. Они сами слишком хорошо видели черные корабли. Потому что Йомер был сейчас едва ли в миле от Харлонда, и толпы врагов были между ним и гаванью, в то время, как новые полчища заходили сзади, отсекая его от Принца. Он смотрел на Реку — и надежда умирала в его душе, и он проклинал ветер, который прежде

благословлял. А воинство Мордора воодушевилось, и, исполнившись нового рвения и ярости, с воплями пошло в атаку.

Дух Йомера был теперь суров, разум его прояснился. Он велел трубить сбор, чтобы собрать под знамя всех, кто смог пробиться туда. Он задумал сделать стену из щитов и стоять и драться пешими, сотворив в полях Пеленнора дела, достойные песен — пусть даже никого из западных воинов не останется, чтобы помнить последнего князя Марки. Он въехал на бугор и водрузил там свой стяг — и Белый Конь полетел по ветру.

Из сомнений, из тьмы к восходу
Шел я и пел, меч обнажив.
Ныне скачу я к краю надежд, к разбитому сердцу,
К ярости, к смерти, к крови заката!

Так говорил он — однако смеялся. Ибо жажда битвы снова владела им; он был всё еще невредим, он был юн и он был князем — последним сеньором погибающего народа. И он смеялся над отчаяньем и, взглянув еще раз на черные корабли, обнажил меч и поднял его, вызывая их на бой.

И тогда изумление охватило его — и великая

радость. Он вскинул меч в поток солнечных лучей и запел. И все глаза последовали за его взглядом и увидели: на первом корабле развернулся огромный штандарт, и ветер расправил его, когда лодья повернула к Харлонду. Там цвело Белое Древо, и это было — за Гондор; но Семь Звезд окружали его, и высокая корона венчала его. И звезды пламенели на солнце, ибо сделаны были из самоцветов рукою Арвен — прекрасной дочерью Эльронда; а корона сияла в свете утра, ибо была из мифриля и золота.

Так Арагорн, сын Арафорна, Элессар, наследник Исильдура, пришел с Тропы Мертвецов и приплыл с ветром с Моря в княжество Гондор; и роандийцы смеялись от радости и мечи их сверкали, а горожане в изумлении и восторге трубили в трубы и звонили в колокола. Но полчища Мордора пришли в замешательство — на их глазах свершилось великое колдовство, и их корабли оказались полны их врагов; и темный страх пал на них — они поняли, что счастье повернуло против них и Рок их близок.

На востоке скакали рыцари Дол-Амроса, гоня врага перед собой; на юге шагал Йомер, и орки и полутролли бежали перед ним и оказались меж молотом и наковальней. Потому что воины выса-

дились уже на пристань Харлонда и устремились к северу, как буря. Там шел Леголас, и Гимли, что рубил топором направо и налево, и Халбарад со штандартом, и Элладан и Эльрохир со звездами во лбу, и другие дунаданы, непреклонные следопыты Севера, вели в бой доблестный народ Лебеннина и Ламедона и других южных владений. А впереди всех шагал Арагорн с Пламенем Запада, и перекованный Нарсиль был грозен, как в былые дни; и сияла над челом витязя Звезда Севера.

В конце концов Йомер и Арагорн встретились среди битвы и, опершись на мечи, радостно взглянули друг на друга.

— Мы снова встретились, хоть полчища Мордора лежали меж нами, — проговорил Арагорн. — Не сказал ли я этого в Хорнбурге?

— Ты говорил так, — отвечал Йомер, — но надежды часто бывают обманными, а я не знал тогда, что ты провидец. Однако дважды благословенна нежданная помощь, и никогда еще встреча друзей не была более радостной.

Они пожали друг другу руки.

— И более своевременной, — добавил Йомер. — Еще немного — и ты опоздал бы, мой друг. Много потерь и печалей постигло нас.

— Так давай отомстим за них, прежде чем о них говорить! — откликнулся Арагорн, и они вместе поспешили в бой.

Трудная сеча и долгий труд предстояли им: южане были храбры, суровы и свирепы в отчаяньи; а вастаки — сильны и упорны в битве, и не просили о пощаде. Они собирались то тут, то там — у сгоревшей фермы или амбара, на бугре или кургане, под стеной или в поле — и бились, пока не кончился день.

Потом солнце, наконец, ушло за Миндоллуин, и небо вспыхнуло пожаром, так что холмы и горы будто окрасились кровью; огонь мерцал в Реке, и травы Пеленнора багровели в закате. И в этот час окончилась Великая Битва в полях Пеленнора; ни одного живого врага не осталось в круге Раммаса. Все пали, кроме тех, кто уполз умирать или бросился в воды Реки. Немногие вернулись в Моргул и Мордор; а земель харадримцев достигли лишь слухи: повесть о гневе и ужасе Г ондора.

Арагорн, Йомер и Имрахиль возвращались к Городским Воротам, и усталость их была сильнее радости и скорби. Эти трое были невредимы — такова уж была их судьба и искусность и мощь их оружия: немногие могли противостоять им или взглянуть им в лицо, когда гнев владел ими. Но

другие лежали в поле — раненые, изувеченные, мертвые. Топоры зарубили Форлонга, когда он бился один, спешившись; а Дайлина с Яр-реки и его брата затоптали мумаки: они вели в бой своих лучников, чтобы те с близкого расстояния могли попасть чудищам в глаза. Ни Гирлайну Красивому не вернуться в Пиннаф-Гелин, ни Гримбольду — в Гримсдэйл, ни Халбараду-Следопыту на Север. Пало много, известных и безымянных, солдат и капитанов; ибо то была великая битва, и всех, кто пал в ней, не перечислить ни в одном предании. Много лет спустя барды Роханда так пели об этом в Песни о Курганах Мундбурга:

Мы слышали: песни рогов в дальних холмах отдаются,

Ярко сверкали мечи в королевстве на юге.

Кони, как утренний ветер, вперед понеслись, —

До Камнеграда. Война разгорелась пожаром.

Там пал Теодэн, Тенглинг могучий,

К дворцам золотым и зеленой траве

Роандийских степей не вернется он боле,

Высокий Сеньор роандийцев. Хардинг и Гатлаф,

Дангиль и Деорвайн, Гримбольд достойный

Бились и пали там, в дальней чужой стороне.

Ни Гирлайн Красивый, ни Форлонг

В земли свои не вернулись,

Ни лучники с Яр-реки, полные смелости братья

Дайлин и Даинхир, вместе с отцом их Дэйнгиром.

Утром, и днем, и под вечер

Смерть уносила вождей. Долго отныне им спать

Под травами Гондора у Великой Реки.

Серы порою, как слезы, порой серебрятся, мерцая,

Алы катятся валы, ревет и бушует река;

Струи, окрашены кровью, пенно пылают в закате;

Как маяки, горы горят ввечеру;

Красной росой умываются Раммаса стены.

Глава 7
Погребальный костер

Когда черная тень оттянулась от Ворот, Гэндальф остался недвижим. Но Пин вскочил на ноги, точно тяжкий груз свалился с него; он стоял, вслушиваясь в голоса рогов — и ему чудилось, что сердце его вот-вот разорвется от радости. И никогда позже не мог он слушать дальний зов рога без подступающих к глазам слез. Но теперь дело его вдруг вспомнилось ему, и он побежал вперед. В это время Гэндальф шевельнулся и заговорил с Ночиветром — и готов был выехать за Ворота.

— Гэндальф! Гэндальф!!! — закричал Пин, и Ночиветр замер.

— Что ты здесь делаешь? — осведомился маг. — Разве нет в Городе закона, что те, кто носит черное с серебром, должны оставаться в Цитадели, если только сеньор не отпустит их?

— Он отпустил… — сказал Пин, переводя дух. — Он отослал меня прочь. Но мне страшно. Там готовится что-то ужасное. Правитель свихнулся, по-моему. Боюсь, он убьет себя, а заодно — и Фа-

рамира. Ты не можешь что-нибудь сделать?

Гэндальф смотрел сквозь зияющие Ворота и уже слышал шум битвы. Он сжал кулак.

— Я должен идти, — проговорил он. — Черный Всадник всюду, он несет нам гибель. У меня нет времени.

— Но Фарамир! — в отчаянье воскликнул Пин. — Он же не умер, а они сожгут его заживо, если их что-нибудь не остановит.

— Сожгут заживо?.. — Гэндальф отвернулся от Ворот. — Ты о чем говоришь? Быстрее!

— Дэнэтор ушел в Склеп, — заспешил Пин, — и взял с собой Фарамира, и сказал, что всем нам гореть, и он не желает ждать, и они хотят сделать костер и сжечь его вместе с Фарамиром. И он послал слуг за маслом и дровами. А я рассказал Берегонду, но, боюсь, он не осмелится уйти с поста: он на службе. И что он сможет сделать — один-то? — Рассказывая, Пин подпрыгивал и теребил Гэндальфа за колено дрожащими руками. — Ты разве не можешь спасти Фарамира?

— Возможно, могу, — Гэндальф колебался. — Но тогда умрут другие, боюсь я… Ладно, я иду, если ему больше неоткуда получить помощь. Но это приведет к лиху и скорби. Даже в сердце нашей Цитадели Враг поражает нас: ибо то, что творится

сейчас, творится по Его воле.

Решившись, он действовал быстро; подхватил Пина, усадил его перед собой и повернул Ночиветра. Вверх, вверх по улицам Минас-Тирифа застучали копыта, а шум войны рос за спиной. Повсюду воины сбрасывали отчаянье и страх, хватали оружие, крича друг другу:

— Роандийцы пришли!

Капитаны отдавали приказы, строились отряды; многие уже шли к Воротам.

Они встретили Принца Имрахиля, и тот воскликнул:

— Куда, Мифрандир? Всадники Роханда бьются на полях Гондора! Мы должны собрать все свои силы.

— Тебе понадобится каждый воин — и даже больше, — отозвался Гэндальф. — Торопись. Я приду, как смогу. А сейчас у меня дело к Князю Дэнэтору, и оно не терпит отлагательств. Принимай командование в отсутствие Князя!

Они скакали вперед; и, приближаясь к Цитадели, почувствовали дуновение ветра и увидели блеск утра вдали — свет, растущий на южном небе. Но он принес малую надежду им — не знающим, какое лихо ждет их, боящимся опоздать.

— Тьма проходит, — заметил Гэндальф. — Но

все еще тяжко лежит она на этом городе.

У ворот Цитадели стражи не оказалось.

— Значит, Берегонд ушел, — в голосе Пина проблеснула надежда.

Они повернули и понеслись к Замкнутой Двери. Та стояла раскрытой настежь, а привратник лежал перед ней. Он был зарублен, и ключа при нем не было.

— Вражье дело! — нахмурился Гэндальф. — Это Он любит: бой друга с другом; верность, разделяющую верные сердца, — маг спешился и велел Ночиветру возвращаться в конюшню. — Ибо, мой друг, сказал он, — мы с тобой давно должны были вместе скакать по полям, но другие дела задержали меня. Однако не медли, когда я позову!

Они миновали Дверь и пошли вниз крутой дорогой. Свет разрастался, и высокие колонны и высеченные статуи по бокам ее медленно проходили мимо, как легкие серые тени.

Вдруг тишина сломалась, и они услыхали внизу крики и звон мечей: подобных звуков не слышалось в священных местах со времен основания Г орода. Наконец они пришли на Рат-Динен и поспешили к Склепу Наместников, смутно маячащему в сумерках.

— Стойте! — вскричал Гэндальф, бросаясь к ка-

менной нише перед входом. — Стойте, безумцы!

Потому что там были слуги Дэнэтора с мечами и факелами; но — одинокий — стоял в портике над верхней ступенью Берегонд, одетый в черное с серебром, и заслонял от них дверь. Двое уже пали от его меча, запятнав святилище своей кровью; а другие проклинали его, называя разбойником и предателем.

— Торопитесь! Делайте, как я велел! Убейте этого изменника! Или я должен сделать это сам?

Вслед за тем дверь — Берегонд придерживал ее левой рукой — распахнулась, и в проеме позади стражника встал Правитель Города, высокий и беспощадный; в руке он сжимал обнаженный меч. Но Гэндальф взбежал по ступеням, и люди отшатнулись от него, закрыв глаза: ослепительно белым засияли во тьме его одежды, ибо великий гнев объял его. Он поднял руку — и меч Дэнэтора, занесенный для удара, вылетел из его ладони; а сам Дэнэтор отступил перед Гэндальфом в изумлении.

— Что это, лэйрд? — спросил маг. — Дома мертвых — не место для живых. И почему эти воины бьются тут, когда война кипит у Врат Города? Или Враг проник даже на Рат-Динен?

— С каких пор Князь Гондора ответственен

перед тобой? — надменно отвечал Дэнэтор. — Неужто я не могу приказывать собственным слугам?

— Можешь, — сказал Гэндальф. — Но другие могут оспорить твою волю, когда она оборачивается во зло или безумие. Где твой сын Фарамир?

— Лежит внутри, — кивнул вглубь склепа Дэнэтор. — Горит, уже горит… Они зажгли огонь в его жилах. Но скоро гореть всему. Запад пал. Всё пойдет в костер. Прах!.. Прах и дым развеет ветер.

Тогда Гэндальф понял, что тот безумен, и испугался, не свершил ли он уже какого-нибудь зла; вместе с Пином и Берегондом маг кинулся вперед — Дэнэтор отступал перед ними, покуда не встал у стола. На нем по-прежнему лежал в жару и беспамятстве Фарамир; под столом и вокруг были навалены дрова, и все заливало масло — даже доспехи и одеяла Фарамира; но, по счастью, огонь развести не успели. Тут Гэндальф явил скрытую в нем силу: он вскочил на вязанки, легко поднял раненого, спрыгнул и понес его к двери. Но в это время Фарамир застонал и позвал отца.

Дэнэтор вздрогнул, точно очнувшись, пламя угасло в его глазах; он заплакал и попросил:

— Не забирайте у меня сына! Он зовет меня.

— Зовет, — согласился Гэндальф. — Но ты не можешь пока прийти к нему. Он ищет исцеления на пороге смерти — и, быть может, еще найдет его. Твое же место — в битве за твой Город, и, возможно, там ждет тебя смерть. Ты и сам сознаешь это в глубине души.

— Ему не проснуться, — возразил Дэнэтор. — Битва напрасна. Зачем же нам жить дольше? Почему не уйти вместе, бок о бок?

— Тебе не дана власть, Наместник Гондора, — сурово прервал его Гэндальф, — назначать час своей смерти. Только языческие короли в Черные годы поступали так, убивая себя в гордыне и отчаянье, губя своих близких, чтобы облегчить собственную смерть.

Он вышел из Усыпальницы и уложил Фарамира на носилки, на которых его принесли и которые все еще стояли в портике. Дэнэтор последовал за магом и стоял, дрожа, неотрывно и жадно глядя в лицо сына. И какой-то миг, пока все молча смотрели на муки Князя, он колебался.

— Идем! — позвал Гэндальф. — Мы нужны. Нам предстоит многое сделать.

И тогда Дэнэтор вдруг рассмеялся. Он выпрямился, снова высокий и гордый, и, быстро пройдя к столу, взял из изголовья свёрток. Потом

вернулся к двери, сдернул покрывало и — глядите! — меж ладоней его лежал палантир. Князь высоко поднял его, и тем, кто смотрел на шар, показались, что он наполнился внутренним пламенем, так что исхудалое лицо Правителя осветилось багровым огнём и казалось вырубленным из камня — иссеченное резкими тенями, благородное, гордое, жуткое. Глаза его сверкали.

— Гордость и отчаянье! — вскричал он. — Уже-ли думаешь ты, что глаза Белой Крепости были слепы? Я видел больше, чем известно тебе, Серый Глупец. Твои надежды — от неведения. Иди же и неси исцеление! Иди и бейся! Напрасно. Ненадолго ты, быть может, и одержишь победу — на час, на день. Но силу, что поднялась сейчас, не победить. К этому Городу протянут пока лишь один ее палец. Двинулся весь восток. Как раз сейчас ветер гонит по Андуину чернопарусный флот. Запад пал. Приспело время уйти всем, кто не хочет быть рабом.

— Такие-то советы и приближают победу Врага, — сказал Гэндальф.

— Тогда продолжай надеяться! — засмеялся Дэнэтор. — Разве я не знаю тебя, Мифрандир? Ты надеялся править вместо меня, стоять за каждым троном — северным, южным, западным. Я про-

зрел твой разум и замыслы. Разве не знаю я, что ты приказал этому полурослику молчать?.. Что ты привез его шпионить в моем дому?.. И, однако, из нашей беседы с ним я узнал имена и цели всех твоих спутников. Итак! Правой рукой ты использовал бы меня, как щит против Мордора, а левой притащил бы сюда этого бродягу с Севера — занять мое место.

Но говорю тебе, Гэндальф Мифрандир, я не буду орудием в твоих руках! Я Наместник Дома Анариона. Я не унижусь до того, чтобы быть выжившим из ума дворецким какого-то выскочки. Даже если б я поверил его притязаниям — он, все же, происходит всего лишь из рода Исильдура. Я не склонюсь перед последним из потрепанного дома, давно лишенного власти и достоинства.

— Тогда чего бы ты хотел, — хмуро поинтересовался Гэндальф, — если б воле твоей суждено было сбыться?

— Я хотел бы, чтобы все было как прежде, — отвечал Дэнэтор. — При жизни моей и моих пращуров: править этим Городом и оставить трон сыну — и чтобы он был хозяином себе, а не учеником чародея. Но если рок отказывает мне в этом, я не хочу ничего: ни жизни в унижении, ни любви наполовину, ни почестей из милости.

— Наместник, честно передавший свою ношу, не показался бы мне обделенным любовью или почестями, — возразил Гэндальф. — Но, по крайней мере, сына ты не лишишь выбора, покуда жизнь еще теплится в нем.

При этих словах глаза Дэнэтора вспыхнули вновь, он сунул Камень под мышку, выхватил кинжал и шагнул к носилкам… Но Берегонд прыгнул вперед и заслонил собой Фарамира.

— Так! — вскричал Дэнэтор. — Ты уже похитил половину сыновней любви. Теперь ты крадешь души моих рыцарей, так что они совсем лишают меня сына. Но по меньшей мере в одном ты мне не помешаешь: выбрать свой конец.

Сюда! — крикнул он слугам. — Сюда, если вы не отступники!

Тогда двое взбежали к нему. Он быстро выхватил факел из рук одного и отскочил вглубь дома. Прежде чем Гэндальф успел остановить его, он бросил факел на вязанки, — они затрещали и мгновенно занялись.

Дэнэтор вскочил на стол и, стоя среди огня и дыма, поднял Жезл Наместника, что лежал у его ног, и сломал его о колено. Кинув обломки в пламя, он поклонился и лег на стол, обеими руками прижимая к груди палантир. И говорят, что после,

кто бы ни смотрел в тот Камень, — если только человек не обладал силой, способной обратить его на другое, — он видел лишь старческие руки, исчезающие в пламени.

В ужасе и скорби Гэндальф отвернулся и закрыл дверь. Некоторое время он стоял молча, в задумчивости, покуда другие слушали жадный рев пламени внутри. А потом Дэнэтор страшно вскрикнул — и умолк, и живые никогда больше не видели его.

— Так ушел Дэнэтор, сын Эктелиона, — медленно проговорил Гэндальф. Он обернулся к Берегонду и слугам Князя — те стояли рядом, пораженные ужасом. — И так прошли дни Гондора, что вы знали; к добру или к худу — они кончились. Лихие дела сотворились здесь; но теперь оставьте неприязнь; ибо она приятна Врагу и поразила вас по Его воле. Вы запутались в тенетах долга. Но подумайте, слуги Князя, слепые в повиновении: если бы не измена Берегонда — Фарамир, Капитан Белой Крепости, сгорел бы сейчас.

Унесите ваших павших товарищей. А мы отнесем Фарамира туда, где он сможет спать в мире — или умереть, если такова его участь.

Гэндальф и Берегонд подняли носилки и понес-

ли их к Палатам Целителей, а за ними, повесив голову, плелся Пин. Но слуги Князя застыли, глядя на сраженных воинов подле Усыпальницы; и когда Гэндальф с товарищами достигли конца Рат-Динен, раздался громкий шум. Оглянувшись, они увидели, что купол раскололся и рухнул, в огонь, а неукрощенное пламя в клубах дыма выметнулось наружу и пляшет на развалинах. Тогда слуги в страхе поспешили за Гэндальфом.

В конце концов они вернулись к Княжеской Двери, и Берегонд печально взглянул на привратника.

— Это всегда будет мучить меня… — вздохнул он. — Но я спешил, а он обнажил меч… — Вырванным у убитого ключом он запер дверь. — Теперь его надо отдать Князю Фарамиру.

— Принц Дол-Амроса распоряжается в отсутствие Князя, — сказал Гэндальф. — Но его здесь нет, значит, я должен взять это на себя. Я велю тебе хранить ключ, пока в Г ороде вновь не воцарится порядок.

Теперь они были наконец в верхних кругах Города, и в свете утра направились к Палатам Целителей; то были прекрасные дома, поставленное в стороне для лечения тех, кто тяжело болел, а сейчас подготовленные для ухода за ранеными

и умирающими. Они стояли недалеко от входа в Цитадель, в шестом круге, подле его южной стены, а вокруг был сад и лужайка с деревьями — единственное подобное место в Городе. В Палатах жили несколько женщин — они были искусны во врачевании и обслуживании больных.

Как раз, когда Гэндальф и его спутники подходили с носилками к главной двери Палат, с поля перед Воротами донесся оглушительный вопль, вонзился, резкий и пронзительный, в небо, и унесся с ветром. Так жуток был этот вопль, что все застыли, но, однако, когда он смолк, в сердцах всех вспыхнула такая надежда, какой не знали они со времени прихода Тьмы; и им показалось, что свет прояснился, а в разрывы туч выглянуло солнце.

Но лицо Гэндальфа было сумрачно и печально; он велел Пину и Берегонду внести Фарамира в Палаты Целителей, а сам поднялся на стену; и там он стоял, как белокаменная статуя, и глядел вдаль. И зрением, данным ему, он видел оттуда все, что произошло; и когда Йомер выехал из битвы и стоял рядом с теми, кто пал, маг вздохнул, запахнул плащ и ушел со стены. И, когда Пин с Берегондом вышли из Палат, они нашли его у дверей в глубокой задумчивости.

Они смотрели на него, а он молчал. Текли минуты.

— Друзья мои, — проговорил он наконец. — Пришло время великой скорби и великой славы. Плакать нам или радоваться?.. Случилось то, на что никто не смел надеяться: Черный Полководец сгинул, и вы слышали его предсмертный вопль. Но он не ушел без горьких потерь. Я отвел бы удар, если бы не безумие Дэнэтора. Далеко протянулась рука Врага!.. Однако теперь я понимаю, как проникла Его воля в самое сердце Города.

Хотя Наместники и мнили, что тайна их известна им одним, я давно догадывался, что по крайней мере один из Всевидящих Камней находится в Белой Крепости. Во дни мудрости Дэнэтора он не решался ни пользоваться им, ни вызывать Саурона на борьбу, сознавая ограниченность своих сил. Но мудрость его истощилась; и, боюсь, когда возросла угроза его княжеству, он посмотрел в Камень — и был обманут; а смотрел он в него не единожды и тем чаще с уходом Боромира. Он был слишком велик, чтобы подчиниться воле Темных сил — и тем не менее, он видел лишь то, что ему позволяли увидеть. То, что он узнавал, без сомнения, служило ему; однако зрелище мощи Мордора питало отчаянье его души, пока не

одолело разума.

— Теперь я понял! — не выдержал Пин и вздрогнул, вспомнив. — Князь уходил из залы, где лежал Фарамир; а когда вернулся… ну, в общем, тогда я в первый раз подумал, что он какой-то другой — старый, сломленный…

— В час, когда Фарамира принесли в Башню, многие видели странный свет в верхней палате, — добавил Берегонд, — но мы видели этот свет и прежде, и давно уже ходит по Городу слух, что Князь по временам мысленно борется с Врагом.

— Значит, я прав, — сказал Гэндальф. — Так воля Саурона вошла в Минас-Тириф; и так я был задержан здесь. И здесь я принужден оставаться, ибо скоро мне придется заботиться не только о Фарамире.

Сейчас я иду вниз — встретить тех, кто придет. Я увидел в поле много печального, и немало горького может еще произойти. Идем со мной, Пин! А ты, Берегонд, должен вернуться в Цитадель: рассказать Начальнику Стражи, о том, что случилось. Боюсь, он изгонит тебя из Стражников — таков его долг; но передай ему, что, если я могу дать ему совет, пусть он отправит тебя в Палаты Целителей — охранять твоего Капитана, служить ему, быть с ним рядом, когда он очнется — если

он когда-нибудь очнется. Ибо тобой спасен он от огня. Иди же! Я скоро вернусь.

Он повернулся и вместе с Пином пошел в нижний город. И, когда они торопливо спускались змеистой дорогой, ветер принес серый дождь, и огни поутихли, и перед ними заклубился густой дым.

Глава 8
Палаты Целителей

Туман слез и усталости застилал Мерри глаза. Роандийцы подходили к разрушенным воротам Минас-Тирифа. Хоббит почти не обращал внимания на развалины и бойню вокруг. Огонь, дым и смрад наполняли воздух, потому что много машин и трупов было сожжено, а еще больше — сброшено в огненные рвы; то здесь, то там валялись туши харадских чудищ — полуобугленные, раздавленные камнями, подстреленные доблестными лучниками с Яр-реки. Налетевший дождь перестал, вверху засияло солнце; но весь нижний город был по-прежнему окутан дымным маревом.

Воины расчистили уже путь через обломки, и теперь несколько вышли из Ворот с носилка-

ми. Они осторожно положили Йовин на мягкие подушки, а тело князя покрыли широким золоченым покрывалом, и его носилки окружили факельщики.

Так Теодэн и Йовин вошли в Город Гондора, и каждый, кто видел их, обнажал голову и кланялся; они миновали пепел и пламя выжженного круга и двинулись вверх по каменным улицам. Мерри это восхождение казалось бесконечным — бессмысленный путь в ненавистном бреду, ведущий к неясному концу.

Медленно мерцали впереди факелы — и вдруг померкли; он шел во тьме и думал: «Этот коридор ведет в могилу; там мы навсегда и останемся». И тут в его бред ворвался живой голос:

— О, Мерри!.. Как здорово, что я тебя нашел!

Он взглянул — и в глазах у него чуть-чуть посветлело. Это был Пин. Они стояли нос к носу в узком проулке, где кроме них никого не было. Мерри протер глаза.

— Где князь? — спросил он. — И Йовин? — Он споткнулся, сел на какой-то порог и снова заплакал.

— Они поднялись в Цитадель, — сказал Пин. — Ты, должно быть, спал на ходу, вот и свернул не туда. Когда мы увидели, что ты не с ними, Гэн-

дальф послал меня на поиски. Бедняга Мерри! Как же я рад тебя видеть!.. Но ты вконец измотался, не буду мучить тебя разговорами. Скажи только: ты ранен?

— Нет… — будто во сне проговорил Мерри. — Нет, вряд ли. Но я не могу двинуть правой рукой, Пин… с тех самых пор, как я его проткнул… И меч мой сгорел… как деревяшка…

Лицо Пина стало озабоченным.

— Хорошо бы тебе пойти сейчас со мной — и побыстрее, — сказал он. — Да только идти ты не сможешь… Если б я мог понести тебя!.. Им нельзя было позволять тебе идти; но ты уж прости их. Столько лиха случилось в Городе, Мерри, — одного больного хоббита запросто могли проглядеть.

— Не всегда несчастье, когда тебя проглядят, — отозвался Мерри. — Совсем недавно меня проглядел… нет, не могу об этом. Помоги мне, Пин! Опять у меня в глазах темнеет, и рука совсем ледяная…

— Обопрись на меня, старина! — Пин подставил плечо. — Идем! Потихоньку, потихоньку… Тут недалеко.

— Ты ведешь меня хоронить?

— С ума сошел?! — Бодро возмутился Пин, но сердце его сжалось от страха и жалости. — Мы

идем в Палаты Целителей.

Они вышли из проулка, который бежал между высокими домами с внешней стеной четвертого круга, и вернулись на главную дорогу, круто ведущую к Цитадели. Они двигались, как улитки, а Мерри качался и бормотал, точно во сне.

«Мне никогда не дотащить его туда, — думал Пин. — Неужто никто не поможет? И бросить его здесь я не могу…»

И в это время мимо, к его удивлению, пробежал мальчик — и Пин узнал Бергиля, сына Берегонда.

— Привет, Бергиль! — окликнул он. — Ты куда? Рад видеть тебя — живого!

— Я бегу по делам Целителей, — сказал Бергиль, — мне некогда.

— Беги, — махнул рукой Пин. — Но скажи им, что у меня тут больной хоббит — периан, запомни, — он пришел с поля битвы. Кажется, ему не дойти так далеко. Если Мифрандир там — он обрадуется этой вести.

Бергиль умчался.

«Лучше я подожду здесь», — решил Пин. Он тихонько опустил Мерри на мостовую на солнышке, сам сел рядом и положил голову Мерри себе на колени. Потом осторожно ощупал его тело и взял

руки друга в свои. Правая была ледяной.

Вскорости пришел Гэндальф. Он наклонился над Мерри и пощупал его лоб. Потом заботливо поднял его.

— Его должны были с почетом внести в Город, — сказал он. — Он сторицей оплатил мое доверие; ибо, если бы Эльронд не уступил мне, ни один из вас не выступил бы; и тогда лихо этого дня было бы куда злее… — он вздохнул. — И, однако, это еще одна забота мне, а битва покуда в равновесии…

Итак, Фарамира, Йовин и Мерриадока уложили, наконец, в постели в Палатах Целителей; и за ними хорошо ухаживали. Потому что, хоть и немногое из знаний древности дошло до тех времен, лекари Гондора были по-прежнему мудры и искусны в исцелении ран и всех болезней, каким были подвержены смертные. Кроме старости. От неё лекарства они не знали; и мало осталось среди гондорцев тех, кому перевалило за сто — разве только в домах чистейшей крови. Но теперь искусство и знания лекарей были тщетны; потому что многие были больны неизлечимо — они прозвали эту болезнь Черной Стужей; она шла от назгулов. Те, кто был поражен ею, медленно погружался во все более глубокий сон, а потом

он переходил в безмолвие и смертный холод — и они умирали. И тем, кто ходил за полурослико́м и Правительницей Роханда, казалось, что болезнь эта тяжко легла на них. Когда кончалось утро, они еще говорили в бреду, и сиделки вслушивались в их бормотание, надеясь услышать что-то, что помогло бы им распознать болезнь. Но скоро они впали во тьму, и, когда солнце повернуло к западу, серая тень наползла на их лица; а Фарамир все горел в жару.

Гэндальф переходил от одного к другому, полный заботы, и ему рассказывали, что удалось услышать сиделкам. Так проходил день, а великая битва длилась снаружи, неся неверные надежды и странные вести; а Гэндальф по-прежнему наблюдал и выжидал, и не уходил; наконец алый закат залил небо, и свет сквозь окна упал на серые лица больных. И тем, кто стоял рядом, почудилось, что лица их слабо вспыхнули, точно вернулась жизнь — но надежды были напрасны.

Тогда старая Йореф — старшая из сиделок этой Палаты — сказала, взглянув на прекрасное лицо Фарамира — и слезы текли по ее щекам:

— Умрет он, бедняжка, вот ведь жалость!.. Вот были бы в Гондоре короли, как в добрые старые времена… Давно ведь сказано: «Рука Короля — ру-

ка целителя». Так, говорят, и узнается истинный Король.

— Да запомнят люди надолго твои слова, Йореф! — отозвался случившийся рядом Гэндальф. — Ибо в них — надежда. Быть может, Король действительно вернулся в Гондор; или ты не слышала странных вестей, что пришли в Город?

— Я была слишком занята, чтобы обращать внимание на все крики, — проворчала она. — Всё, на что я надеюсь — что эти супостаты не придут сюда тревожить раненых.

Гэндальф поспешно вышел; догорал закат, пылающие холмы потускнели, и пепельный вечер вполз на поля.

Солнце садилось, когда Арагорн, Йомер и Имрахиль подъезжали с капитанами и рыцарями к Городу; когда они приблизились к Воротам, Арагорн сказал:

— Смотрите, как садится солнце! Этот огонь — знак конца и гибели многих вещей. Мир меняется. Но этот Город и королевство долгие годы были под опекой Наместников — и если я войду в него непрошенным, могут подняться сомнения и споры; а их не должно быть, покуда длится война. Я не войду, не предъявлю никаких прав, пока

не станет ясно, кто победит — мы или Мордор. Мои палатки будут разбиты в поле, и там стану я ждать приветствий Правителя Города.

Но Йомер возразил:

— Ты уже развернул знамя Королей и поднял знаки Дома Элендиля. Потерпишь ли ты, чтобы их подвергли сомнению?

— Время еще не пришло, — сказал Арагорн, — и я не хочу биться ни с кем, кроме Врага и его прислужников.

— Речи твои мудры, — проговорил Принц Имрахиль, — если только родич Князя Дэнэтора может быть советчиком в твоем деле. Воля у него сильная, он горд — но стар; а с тех пор, как сражен его сын, он стал странен. Однако я не хотел бы, чтобы ты оставался за порогом, как нищий.

— Не нищий, — с легкой усмешкой поправил Арагорн. — Скажи: вождь Следопытов, которым не нужны города и каменные дворцы.

И он велел свернуть свое знамя; и снял Звезду Севера и отдал ее на хранение сыновьям Эльронда.

Принц Имрахиль и Йомер Роандийский проехали через Город и шум толпы и поднялись в Цитадель. Они прошли во дворец, ища Правителя. Но кресло его было пустым, а перед возвышением

лежал на пышном ложе князь Теодэн, Сеньор Марки; двенадцать факелов окружали его, и двенадцать стражей стояли вокруг — рыцари Роханда и Гондора. Ложе было убрано зеленым и белым, а князь был укрыт до груди большим золоченым покрывалом; поверх него лежал обнаженный меч, а в ногах — щит. Свет факелов мерцал в седых волосах князя., как в струях фонтана, однако лицо его было прекрасным и юным — лишь не по-юному спокойным; казалось, он спит. Они постояли возле князя.

— Где Правитель? — нарушил молчание Имрахиль. — И где Мифрандир?

— Наместник Гондора в Палатах Целителей, — сказал один из стражей.

— Где Йовин, моя сестра? — гневно нахмурился Йомер. — Она должна была бы лежать рядом с князем, и не в меньшем почете, чем он. Куда ее поместили?

— Но Йовин была жива, когда ее принесли сюда, — ответил ему Имрахиль. — Ты разве не знал?

Нежданная надежда вдруг вспыхнула в сердце Йомера, а с нею — забота и возрожденный страх; он повернулся и молча покинул Дворец. Принц последовал за ним. Пока они шли, спустилась

ночь; небо усыпали звезды. У дверей Палат Целителей им встретился Гэндальф; с ним был какой-то человек в сером плаще. Они приветствовали Гэндальфа и сказали:

— Мы ищем Правителя, и нам сказали, что он в Палатах Целителей. С ним что — то случилось? И где Йовин?

— Она лежит внутри, и пока еще не умерла, но близка к смерти, — ответил Гэндальф. — А Князь Фарамир ранен лиходейской стрелой, как вы слышали, а теперь он — Наместник Гондора; ибо Дэнэтор ушел, и дом его стал прахом, — и они исполнились скорби и удивления, услышав рассказ мага.

— Итак, победа лишена радости, — заметил Имрахиль. — И заплачено за нее дорого, если Гондор и Роханд в один день потеряли правителей. Йомер правит Рохандом. Кто же станет править Гондором? Не послать ли нам за Арагорном?

— Он здесь, — раздался голос, и закутанный в плащ человек вступил в круг света — это был Арагорн в сером эльфийском плаще поверх кольчуги, скрепленном зеленым камнем Галадриэли. — Я пришел, потому что Гэндальф просил меня прийти, — проговорил он. — Но для всех я — только вождь дунаданов Арнора; и властитель Дол-Ам-

роса должен править Городом, пока не очнется Фарамир. Но мой совет — чтобы Гэндальф правил нами в грядущие дни и в схватках с Врагом.

И все согласились на это.

Тогда Гэндальф сказал:

— Не будем стоять у двери, ибо время — жизнь. Войдём! Потому что только на Арагорна могут надеяться те, кто лежит сейчас в этой Палате. Так сказала Йореф, гондорская ведунья: «Рука Короля — рука целителя, и так будет узнан истинный Король».

Арагорн вошел первым, остальные — за ним. У дверей стояли два стражника в одеждах Цитадели: один высокий, другой — не выше мальчишки. И когда он увидел, кто пришел — громко вскрикнул в удивлении и радости.

— Бродник! Ну и встреча!.. Знаешь, я так и думал, что это ты — на черных кораблях. Но все вопили «корсары» и не желали меня слушать. Как ты это сделал?

— Рад тебя видеть! — Арагорн со смехом взял хоббита под руку. — Но сейчас не время для рассказов.

А Имрахиль вполголоса сказал Йомеру:

— Разве так обращаемся мы к нашим сеньорам? Но, может быть, корону он станет носить под

другим именем!

Арагорн услышал его и обернулся.

— Истинно так, ибо на языке древности я зовусь Элессар Каменэльф, Энвиатар, что значит Обновитель… — он тронул зеленый камень на груди. — А Бродник станет именем моего дома, если ему суждено основаться. На древнем языке это звучит не так уж плохо: Телконтаром буду я и мои наследники.

И он пошел в Палату; и, пока они шли к комнатам больных, Гэндальф поведал о подвиге Йовин и Мерриадока.

— Они говорили в бреду, и говорили много, пока не впали в смертную тьму, — закончил он. — Ну, а кое-что я увидел сам — мне дано видеть то, что далеко.

Сначала Арагорн пошел к Фарамиру, потом — к Йовин, и последним — к Мерри. Когда он взглянул на лица больных и увидел их раны, он вздохнул.

— Мне придется пустить в ход всю данную мне силу и искусность, — проговорил он. — Хотел бы я, чтобы Эльронд был здесь — он старейший и сильнейший из нас.

— Может быть, ты сперва отдохнешь и поешь? — предложил Йомер, видя, как он утомлен.

Но Арагорн покачал головой.

— Для этих троих, особенно для Фарамира, время на исходе. Нужно торопиться.

Потом подозвал Йореф.

— Есть в этой Палате запас целебных трав?

— Да, господин, — отвечала она. — Но не всех, какие им нужны. И я не знаю, где взять еще — все пошло прахом в эти дни, всюду горят пожары, и парнишек для поручений не хватает, а тут еще дороги перекрыты. А уж когда в последний раз приезжал возчик из Лоссарнаха — и не вспомнить!.. Но мы делаем, что можем в этой Палате, как ваша милость, конечно, знает.

— Я стану судить об этом, когда увижу, — сказал Арагорн. — На разговоры времени нет. Есть у вас атэлас?

— Не знаю наверное, господин, — развела руками старуха. — Может, под другим именем… Пойду-ка спрошу у травознатца…

— Его еще называют целемой, — подсказал Арагорн.

— Ах, это! — обрадовалась Йореф. — Ну, если б ваша милость сказали так с самого начала, я ответила бы вам. Нет, этой травки у нас нет. Я и не слыхала, чтоб от нее была какая польза. Я ее частенько видела, когда гостила у сестер в Лоссарнахе… Она хорошо пахнет, если растолочь,

да? Да нет, «хорошо» — не то слово; от ее запаха будто оживаешь…

— Вот именно, — прервал ее Арагорн. — А теперь, женщина, если ты любишь Князя Фарамира — беги так же быстро, как твой язык, и достань мне целему, если в Городе есть хоть один листок.

— А если нет, — сказал Гэндальф, — я поскачу в Лоссарнах, и повезу почтеннейшую Йореф с собой, и она отведет меня в лес. А Ночиветр покажет ей, как надо спешить.

Когда Йореф, наконец, отправилась, Арагорн велел другим женщинам вскипятить воду. Потом взял руку Фарамира в свою и положил другую руку на лоб больного. Лоб был влажен от пота; Фарамир не двигался, и, казалось, едва дышал.

— Он почти истаял, — повернулся Арагорн к Гэндальфу. — Но причиной тому — не рана. Будь он ранен назгулом, как считал ты — он умер бы этой ночью. Я думаю, его сразила стрела южанина. Кто её вытащил? Она сохранилась?

— Вытащил ее я, — сказал Имрахиль, — и я же перевязал рану. Однако стрелы я не сохранил — у меня было довольно других дел. Сколько я помню, она была такой, какими пользуются южане. И всё же я уверен, что ее выпустили Призраки, иначе горячка давно прошла бы: рана не была

ни глубокой, ни смертельной. Чем еще можно объяснить это?

— Усталостью, печалью из-за отношения отца, раной, а более всего — Дыханием Тьмы, — проговорил Арагорн. — У него очень стойкий дух, ибо он входил уже под Завесу Тьмы прежде, чем поскакал защищать стену Пеленнора. Тьма, должно быть, медленно расползалась в нем, когда он бился, стараясь удержать свой аванпост. Если б я пришел раньше!..

Тем временем появился травознатец.

— Ваша милость спрашивали целему, как ее называют в народе, — важно обратился он к Арагорну, — или атэлас на древнем языке, для тех, кто знает Травники…

— Я знаю их, — нетерпеливо сказал Арагорн. — И мне все равно, назовешь ли ты ее азэа аранион или целема, если она у тебя есть.

— Прошу прощения, господин! — Поклонился тот. — Я вижу, вы знаток — не просто военачальник. Но, сударь, к величайшему моему сожалению, в Палатах Целителей, где находятся только серьезно больные, её нет. Мы не знаем в ней другой силы, кроме как освежать дурной воздух или прогонять плохое настроение. Если только, конечно, не обращать внимания на

строки, которые твердят, не понимая, женщины вроде нашей доброй Йореф:

Атэлас, приди, спаси,
Хворь и немочь унеси!
Ты живительней воды,
Ты спасаешь от беды.
Но целебнее листка
Королевская рука!

Но это, боюсь, сплошная бессмыслица — стихи исказились в памяти старух. Что они значат — я предоставляю судить вам, если они значат хоть что-то. Но старики еще пользуются запахом этой травы от головной боли.

— Тогда, во имя Короля, отправляйся и найди какого-нибудь старика, более знающего и более мудрого, у которого она есть! — Вскричал Гэндальф.

Арагорн стоял на коленях подле Фарамира и держал руку на его лбу. И все вокруг чувствовали, что идет какая-то страшная борьба. Потому что лицо Арагорна посерело от усталости; время от времени он окликал Фарамира, но с каждым разом все тише, будто сам Арагорн удалялся от них, уходил вдаль по темной долине, зовя того,

кто потерялся.

Наконец вбежал Бергиль, неся в полотне шесть листьев.

— Вот целема, сударь, — сказал он. — Боюсь только, не свежая. Ее собирали не меньше двух недель назад. Она поможет, сударь? — мальчик взглянул на Фарамира и заплакал.

Арагорн улыбнулся.

— Поможет. Худшее уже позади. Вытри слезы! — Он взял два листа в ладони и подышал на них, а потом размял, и живительная свежесть наполнила комнату, точно сам воздух проснулся и зазвенел, заискрился радостью. А после он бросил листья в принесенные чаши с кипящей водой — и все сердца сразу просветлели. Потому что аромат был, как воспоминание о росистом утре под незатенённым солнцем в каком — то дивном весеннем мире… И Арагорн поднялся, освеженный, и глаза его улыбались, когда он поднес чашу к спящему лицу Фарамира.

— Ну-ну! Кто бы поверил? — шепнула Йореф женщине рядом. — Травка-то лучше, чем я думала!.. Так пахли розы в моих родных краях, когда я была совсем девчонкой…

Вдруг Фарамир шевельнулся, открыл глаза и взглянул на Арагорна, что склонился над ним;

лицо больного озарилось узнаванием и любовью, и он тихо проговорил:

— Лэйрд, ты звал меня. Я пришел. Что прикажет Король?

— Не броди больше во тьме, очнись! — сказал Арагорн. — Ты устал. Отдыхай и ешь, и будь готов к моему возвращению.

— Буду, лэйрд, — отвечал Фарамир. — Кто же станет лежать в постели, когда вернётся Король?

— Так прощай — на время, — ласково улыбнулся Арагорн. — Я должен идти к другим.

И он снова вышел с Гэндальфом и Имрахилем; а Берегонд и его сын остались, не в сипах сдержать радость. Пин двинулся за Гэндальфом и, прикрывая дверь, услышал слова Йореф:

— Король!.. Слышали вы? А что я говорила? Рука целителя, сказала я.

И вскоре разнеслась весть, что в Палаты явился Король и что после войны он несет исцеление; и новость пошла бродить по Городу.

А Арагорн пришел к Йовин.

— Тяжкое увечье, — заметил он, осмотрев девушку. — За сломанной рукой искусно ухаживали, и она срастется со временем — если у Йовин будут силы жить.

Искалеченная рука держала щит; но главное

зло вошло через руку с мечом. В ней я совсем не чувствую жизни, хотя она и цела. Она сражалась с врагом себе не по силам. А те, кто поднимет оружие на такого врага, должны быть крепче стали, если само потрясение не убьет их… Злой рок поставил ее на его пути. Ибо она — прекрасная дева, прекраснейшая из дев. И однако я не знаю, как судить о ней. Когда я впервые увидел ее, она была несчастна — мне показалось, что я вижу белый цветок, лилию, стоящую гордо и прямо; и всё же я знал, что она крепка, как эльфийский клинок. Быть может, мороз обратил ее соки в лед, и она стояла, еще прекрасная, но уже сраженная, обреченная умереть… Болезнь её началась задолго до этого дня, не так ли, Йомер?

— Я удивлен, что ты спрашиваешь об этом меня, — отозвался тот, — потому что считаю тебя непревзойдённым в этом, как и во всем остальном. Однако я не знал, что она затронута морозом, пока она впервые не взглянула на тебя. Во дни Червослова, когда князь был околдован, забота и страх владели ею, и она делилась ими со мной; она ухаживала за князем в растущем страхе. Но это не могло привести ее к такому концу!..

— Мой друг, — мягко вмешался Гэндальф. — У тебя были кони, и ратные подвиги, и вольная

степь; но у нее, рожденной в теле женщины, были дух и мужество не менее твоих. Однако она была обречена прислуживать старику, которого любила, как отца, и видеть, как постепенно он впадает в старческое безумие; и доля ее казалась ей более презренной, чем доля палки, на которую он опирался. Ты думаешь, Червослов отравляй слух одного Теодэна?

«Безумный старик! Что такое Дом Эорла, как не крытый соломой сарай, где в грязи и вони напиваются бандиты, а их отродья валяются на полу между псов?»

Разве ты не слышал этих слов прежде? Сказал их Саруман — наставник Червослова. Но я не сомневаюсь, что дома Червослов облекал тот же смысл в более искусные речи. Мой Йомер, если сестра любила тебя и воля ее, склоненная к долгу, не замыкала ей уст — ты должен был слышать нечто подобное. А кто знает, что говорила она тьме, одна, в горькие часы ночи, когда жизнь казалась ненужной, и стены смыкались вокруг — клеткой вкруг дикой птицы?

Йомер молчал и смотрел на сестру, будто заново размышляя над их прошлой жизнью. А Арагорн сказал:

— Я видел и то, что видел ты, Йомер. Нет среди

печалей этого мира горше муки и позора для сердца мужчины, чем видеть любовь девы столь прекрасной и храброй — и не мочь ответить на нее. Скорбь и жалость преследовали меня с тех пор, как я оставил её в отчаянье в Урочище Духов и поскакал на Тропу Мертвецов; и страх этого пути был ничто перед страхом за то, что может приключиться с ней. И все же говорю тебе, Йомер: тебя она любит более истинно, чем меня; ибо тебя она любит и знает; во мне же она любит лишь тень и мечты; надежду на славу, великие подвиги и земли вдали от степей Роханда.

Быть может, я смогу излечить ее тело, отозвать ее из тёмной долины. Но к чему она очнется — к надежде, забытью или отчаянью — не знаю. А если к отчаянью — она умрет, если только не обретёт иного лекарства, которого я не могу ей дать, — Арагорн наклонился и заглянул ей в лицо — оно было белым, как лилия, холодным, как лед и твердым, как камень. Но он поцеловал ее в лоб и тихонько позвал:

— Йовин, дочь Йомунда, очнись! Враг твой сгинул!

Она не шевельнулась, но задышала чаще — грудь вздымалась и опадала под белым полотном рубахи. Арагорн снова размял два листа целемы

и бросил их в кипяток; а потом покрыл ими лоб девушки и правую руку, мертво лежащую на одеяле.

И тогда — то ли Арагорн и правда владел какой-то давно позабытой силой, то ли слова его о Йовин так подействовали на них — когда душистый запах травы заполнил палату, тем, кто стоял рядом, показалось, что резкий ветер подул сквозь окно; он ничем не пах, но был свежим, чистым и юным, будто только что прилетел с высоких снежных гор или с дальних серебристых берегов, омытых пенным приливом.

— Пробудись, Йовин, дочь Йомунда! — повторил повелительно Арагорн и взял ее правую руку в свою; рука была теплой: жизнь возвращалась. — Пробудись! Призрак сгинул и тьма размыта! — Он вложил ее руку в руку Йомера и отступил. — Зови ее! — Велел он и молча вышел из палаты.

— Йовин! Йовин! — вскричал Йомер сквозь слезы. А она открыла глаза и сказала:

— Йомер! Какая радость! А мне сказали — ты погиб… Да нет же!.. Это только тёмные голоса в моем сне… Долго я спала?

— Не долго, сестра, — ответил Йомер. — Но не думай больше об этом.

— Я странно устала, — продолжала она, — и хочу отдохнуть. Но скажи, что с Сеньором Марки? Не лги! Я знаю, это не сон. Он умер, как и предвидел.

— Он умер, — кивнул Йомер. — Но велел передать его «прости» Йовин — более милой, чем дочь. Он лежит сейчас в почете в Цитадели Гондора.

— Скорбная весть, — проговорила она. — И однако, она много лучше всего, на что я осмеливалась надеяться в темные дни, когда казалось, что честь Дома Эорла опустилась ниже чести пастушьей хижины… — она перевела дыхание. — А что с оруженосцем князя, полурослико́м? Йомер, ты должен сделать его рыцарем Марки: это доблестный воин!

— Он лежит в этих же Палатах, и я сейчас иду к нему, — ответил за Йомера Гэндальф. — Йомер еще побудет с тобой. Но не говорите о войне и горе, пока ты совсем не придешь в себя. Огромна радость видеть тебя пробужденной к здоровью и надеждам — столь доблестную деву!

— К здоровью?.. — задумчиво повторила Йовин. — Может быть. По крайней мере, пока есть пустое седло павшего всадника, которое можно занять — и подвиги, которые надо свершить. Но к надеждам?.. Не знаю.

Гэндальф и Пин вошли в комнату Мерри и нашли там Арагорна, стоящего у постели.

— Бедный старина Мерри! — вскрикнул Пин и подбежал к кровати: ему почудилось, что друг выглядит хуже и лицо его посерело, будто вес долгих лет скорби висит на нем; и внезапно его охватил страх, что Мерри умрет.

— Не бойся, — сказал ему Арагорн. — Я пришел вовремя и успел отозвать его.

Он устал и опечален, а рана его такая же, как у Йовин — он дерзнул сразить ту жуткую тварь. Но все эти лиха одолимы — так силен и радостен его дух. Печали своей он не забудет; но она не затемнит его сердца — только научит мудрости.

Тут Арагорн положил руку на голову Мерри и, ласково взъерошив каштановые кудри, тронул веки хоббита и позвал его. И когда комнату наполнил аромат целемы, подобный запаху нагретого солнцем верескового луга, Мерри вдруг проснулся и заявил, протирая глаза:

— Есть хочу. Который час?

— Время ужина прошло, — радостно отозвался Пин. — Но я смог бы раздобыть тебе чего-нибудь — если мне дадут.

— Дадут, не сомневайся, — сказал Гэндальф. — И вообще всё, что только может пожелать этот

роандийский всадник — ежели это можно будет найти в Минас-Тирифе, где имя его известно каждому младенцу.

— Как хорошо!.. — Мерри потягивался. — Тогда я хотел бы сперва поесть, а потом — покурить, — тут лицо его омрачилось. — Нет… Вряд ли я смогу когда-нибудь курить.

— Почему это? — подозрительно поинтересовался Пин.

— Понимаешь, — медленно ответил Мерри, — он умер. Мне всё вспомнилось. Он сказал, что просит прощения за то, что не может больше слушать моих рассказов, как обещал… Это были чуть ли не последние его слова. Вряд ли я смогу теперь курить, не думая о нем, Пин, — и о том дне, когда он прискакал в Исенгард.

— Так кури — и думай о нем! — сказал Арагорн. — Он был великим князем, и в груди его билось благородное сердце. Он встал из теней к последнему дивному утру. Служба твоя ему была краткой — но воспоминания о ней будут для тебя радостью и честью до конца дней.

— Тогда ладно, — ухмыльнулся Мерри. — Если Бродник считает, что так надо — буду курить и думать. У меня оставалось в мешке кое — что из саруманових запасов, но что сталось с ними в

битве — понятия не имею.

— Сударь мой Мерриадок, — глаза Арагорна сузились. — Если вы считаете, что я огнем и мечом прошел сквозь горы и княжество Гондор, чтобы принести травку беззаботному солдату, который кидает снаряжение, где попало — вы ошибаетесь. Ежели ваш мешок не найдется — придется вам послать за травознатцем этих Палат, и он поведает вам, что желаемая вами трава не имеет никакой пользы, но простонародье зовет ее Западным зельем, а благородные люди — галенас, а другие народы — по другому, и, прочитав несколько полузабытых виршей, смысла которых не понимает, откланяется. Я делаю то же. Потому что я не спал в постели с тех пор, как покинул Урочище Духов, а ел в последний раз перед рассветом.

— Прости, пожалуйста! — Мерри схватил его за руку и поцеловал. — Иди сейчас же! С той ночи в Усаде ты только и делаешь, что возишься с нами. Но так уж повелось у моего народа: нести всякий вздор и говорить меньше, чем думаем. Мы боимся сказать больше. Так оно и выходит, что нам не хватает слов, когда шутка неуместна.

— Я это знаю, — Арагорн поцеловал Мерри. — Не то говорил бы с тобой иначе. Пусть же Край

вечно живет в мире! — и он вышел вместе с Гэндальфом.

А Пин остался.

— Есть ли еще кто-нибудь, подобный ему?.. — сказал он, глядя на закрытую дверь. — Кроме Гэндальфа, конечно... Они по-моему, должны быть в родстве... — он повернулся к Мерри. — Дорогой осёл, твой мешок стоит рядом с кроватью — он был у тебя спине, когда мы встретились. Он его все время видел, конечно. Да и у меня еще осталось немного зелья. Действуй! Вот табак. Набивай трубку, — а я пойду, поищу тебе поесть. А потом отдохнём немного. Мы — Хваты и Брендизайки — не можем долго жить на вершинах.

— Не можем, — согласился Мерри. — Я не могу. Не сейчас, во всяком случае. Но, по крайней мере, Пин, мы можем видеть их и почитать. Знаешь, я думаю, любить лучше то, что тебе по росту: надо начать где — то и иметь какие-то корни, а земля Края глубока. Всё же есть вещи глубже и выше; и садовник не мог бы спокойно ходить за садом, если бы не они, — знает он о них или нет. Я рад, что узнал о них кое-что... Слушай, чего это я разговорился? Где табак? И достань из мешка мою трубку, если она цела.

Арагорн и Гэндальф отправились к Верховному

Целителю и посоветовали ему выхаживать Фарамира и Йовин еще много дней.

— Йовин, — сказал Арагорн, — скоро пожелает встать и уйти. Ни в коем случае нельзя позволять ей этого по крайней мере дней десять.

— Что до Фарамира, — добавил Гэндальф, — он должен вскорости узнать, что отец его умер. Но всей повести о безумии Дэнэтора ему рассказывать нельзя, пока он совершенно не излечится и не займется делами. Проследи, чтобы Берегонд и периан, которые будут здесь, не проговорились.

— А другой периан, Мерриадок, вверенный моему попечению — что с ним? — спросил Верховный Целитель.

— Похоже, завтра он сможет ненадолго встать, — сказал Арагорн. — Пусть встанет, если захочет. Ему можно побродить немного по саду — под присмотром друзей.

— Они замечательный народ, — кивнул Целитель. — Очень стойкий и выносливый.

У дверей Палат собралась толпа: ждали Арагорна; и, едва он вышел, люди стали молить, чтобы он излечил их родичей, стынущих в Черной Стуже. И Арагорн сел ужинать и послал за сыновьями Эльронда, и они вместе протрудились всю ночь.

И в Городе говорили: «Король и правда вернулся

к нам». Они называли его Элессаром Каменэльфом из-за зеленого самоцвета, который он носил, и так имя, предсказанное ему при рождении, было избрано ему самим народом.

А когда он не мог трудиться больше, — он завернулся в плащ и, выскользнув из Города, пошел в свою палатку и улегся спать. А утром стяг Дол-Амроса — белый корабль на голубом поле — лебедем взмыл над башней, и люди гадали, не приснился ли им ночной приход Короля.

Глава 9
Последний Совет

Пришло утро дня после битвы — дивное утро с легкими облаками и западным ветром. Было еще совсем рано, когда Леголас и Гимли попросили разрешения подняться в Город: им не терпелось увидеть Мерри и Пина.

— Приятно знать, что они еще живы, — заявил Гимли. — Они стоили или нам немалых мук, и мне бы не хотелось, чтобы муки эти пропали даром.

Эльф и гном вместе вошли в Минас-Тириф, и народ дивился на них; ибо Леголас был прекраснее всех людей и во весь голос распевал эльфийскую

песню, а Гимли шествовал рядом с ним, поглаживая бороду и оглядываясь вокруг.

— Тут трудились неплохие мастера, — заметил он, взглянув на стены. — Но кое-что сделано небрежно, а уж улицы они могли бы вымостить и получше. Когда Арагорн получит должное, я предложу ему услуги каменотесов Горы — тогда этому городу и впрямь будет, чем гордиться.

— Им бы побольше садов, — сказал Леголас. — Дома мертвы, а то, что растет здесь — не радуется. Если Арагорн получит должное — народ Леса принесет ему певчих птиц и неумирающие деревья.

В конце концов они пришли к Принцу Имрахилю, и Леголас, взглянув на него, низко поклонился — ибо увидел перед собой того, в чьих жилах течет эльфийская кровь.

— Привет, тебе, лэйрд! — молвил он. — Давным-давно народ Нимродели покинул Лориэн, но, видно, не все уплыли на Запад из гаваней Амроса.

— Так говорят предания моей земли, — подтвердил Принц. — Однако бессчетные годы не видели у нас Дивного Народа. И я удивлен видя одного из них здесь — среди войны и скорби. Чего ты ищешь?

— Я один из Девяти Путников, которые вы-

шли с Мифрандиром из Имладриса, — отвечал Леголас. — Сюда же мы — я и этот гном, мой друг, — пришли вместе с Арагорном. А сейчас мы хотели бы повидать наших друзей, Перегрина и Мерриадока.

— Вы найдете их в Палатах Целителей; я провожу вас туда, — предложил Имрахиль.

— Довольно, если ты пошлешь с нами кого-нибудь, — возразил Леголас. — Потому что Арагорн прислал тебе весть. Он не хочет больше входить в Город. Однако полководцам надо собраться на совет, и он просит тебя и Йомера прийти в его палатку — и как можно скорее. Мифрандир уже там.

— Мы придем, — сказал Имрахиль; и они учтиво простились.

— Это прекрасный властитель и великий полководец, — заметил Леголас. — Если в Гондоре есть такие люди во дни упадка — велика должна была быть его слава во дни подъема!

— И, без сомнения, добрые каменотесы работали здесь давным-давно, когда Город только строился, — откликнулся Гимли. — Так всегда бывает с тем, что начинают Люди: мороз весной или засуха летом — и урожай пропал.

— Однако они редко остаются без зерна, —

сказал Леголас. — А оно может лежать в пыли и гнили — и прорасти в самых неожиданных местах и временах. Дела Людей переживут нас, Гимли.

— И, однако, полагаю, не кончатся ничем, кроме неудач, — заупрямился гном.

— На это у эльфов ответа нет, — уклонился от спора Леголас.

Слуга Принца провел их в Палаты Целителей; они нашли друзей в саду — и веселой была их встреча. Они немного побродили, болтая и радуясь краткой передышке, покою и отдыху. Потом Мерри утомился, и они уселись под стеной на лужайке Палат Целителей; внизу мерцал на солнце Андуин, убегая вдаль по широким равнинам, к зеленям Лебеннина и Южного Ифилиэна.

Все говорили, а Леголас примолк и смотрел против солнца — и увидел белых птиц, летящих вверх по Реке.

— Смотрите! — Закричал он. — Чайки! Как они далеко залетели! Они растревожили мне душу. Я ни разу не видел их, пока мы не пришли в Пеларгир — там я услыхал их крики, когда мы поскакали в бой за корабли. И застыл, позабыв о войне; ибо их плачущие голоса сказали мне о Море. Море!.. Я еще не видел его. Но глубоко в душах

моего народа лежит тоска по морю — и опасно бередить ее. Горе мне! Я слышал чаек. Не знать мне теперь покоя ни под буком, ни под вязом!

— Не говори так! — Встревоженно повернулся к нему Гимли. — В Средиземье можно еще повидать немало, а сделать — и того больше. Но если Дивный Народ уйдет — мир потускнеет для тех, кто обречен оставаться.

— Потускнеет и поскучнеет, — поддержал гнома Мерри. — Вы не должны уходить, Леголас! Всегда будет какой-нибудь народ — большой или малый, а то и несколько мудрых гномов, вроде Гимли, кому вы будете нужны. Во всяком случае, я надеюсь на это… Хоть и чует мое сердце, что худшее в этой войне еще впереди. Как бы я хотел, чтобы всё кончилось — и хорошо кончилось!

— Не будьте такими мрачными! — взмолился Пин. — Солнце сияет, и мы вместе — по меньшей мере, на два дня. Я хочу знать о вас всех побольше! Ну же, Гимли! Вы с Леголасом поминали ваш странный поход с Бродником раз двадцать. Но так ничего толком и не сказали.

— Солнце, может, и сияет, — проворчал Гимли, — но мне не хочется вызывать из тьмы воспоминания об этой дороге. Знай я, что передо мной — никакая дружба не заставила бы меня

пойти Тропой Мертвецов.

— Тропой Мертвецов? — заинтересованно придвинулся к гному Пин. — Я слышал, Арагорн сказал это — я еще подивился, что бы это значило. Ты не расскажешь нам?

— Без охоты, — проговорил Гимли. — Потому что на этой дороге я был посрамлен: я, Гимли, сын Глоина, который считал себя выносливей людей и тверже любого эльфа… Но я не доказал ни того, ни другого; и лишь воля Арагорна удержала меня на этой тропе.

— И любовь к нему, — добавил Леголас. — Всякий, кто узнаёт его, начинает его любить, по-своему, конечно — даже эта ледяная роандийская дева. Мы покинули Урочище рано поутру за день до вашего прихода туда, Мерри — и тамошний народ так трясся от страха, что никто не вышел взглянуть на нас, кроме Йовин. Расставание было грустным, и я опечалился, видя его.

— Ну, у меня-то едва хватило духу на себя самого, — Гимли мрачно усмехнулся. — Нет уж, не стану я говорить об этом походе.

Он умолк; но Пин и Мерри так пристали к друзьям, что Леголас, в конце концов, сдался.

— Я расскажу вам довольно, чтобы вы успокоились — потому что я не испытал ужаса и не

страшился призраков Людей, бессильных и хилых на мой взгляд.

Он быстро поведал им о тайном пути под горами, о темном свидании в Эрехе и о великой скачке до Пеларгира на Андуине: девяносто три мили покрыл Серый Отряд.

— Пять дней и четыре ночи скакали мы от Черного Камня, — говорил эльф. — И знаете, во тьме надежда моя ожила, ибо в этом мраке Призрачное Воинство становилось все более крепким и жутким. Некоторые, видел я, скачут верхом, некоторые шагают — однако все они двигались с одинаковой скоростью. Они шли молча — лишь мерцали глаза. На плато Ламедона они обогнали наших коней и перегнали бы нас, если бы Арагорн не запретил им.

По его приказу они откатились назад.

«Даже тени людей подвластны его воле, — подумал я тогда. — Они еще послужат ему!»

Мы скакали один светлый день, а потом настал день без рассвета, а мы продолжали нестись вперед, и пересекли Кириль, Ведуницу; и на третий день пришли к устью Гильраина. Там воины Ламедона дрались за броды с яростной ратью Умбара и Харада, что приплыла по реке. Но и защитники, и враги одинаково разбегались перед

нами, крича, что Король Мертвецов идет на них. Лишь у Ангбора, Властителя Ламедона, хватило храбрости встретить нас; и Арагорн велел ему собрать народ и идти, если они осмелятся, позади Призрачного Воинства.

«У Пеларгира вы понадобитесь Наследнику Исильдура», — сказал он.

Так мы переправились через Гильраин, гоня союзников Мордора перед собой, а потом немного отдохнули. Но Арагорн скоро поднялся, сказав:

«Минас-Тириф уже осажден. Боюсь, он падет прежде, чем мы придем ему на помощь».

И мы опять вскочили в седла и помчались по равнинам Лебеннина быстро, как только могли…

Леголас остановился, вздохнул и тихо запел, глядя на юг:

В зеленой и нежной траве долин,
В сияньи благого дня
Из Кэлоса в Яр льет ручьи Лебеннин,
Своим серебром звеня.
Дыхание Моря достигнет долин,
Ковер белых лилий дрожит,
Качнет колокольцы в лугах альферин —

И золото их зазвенит.
Шепча о далеких чужих берегах,
О тайнах седых глубин,
Бежит ветер Моря в зеленых лугах
В блаженном краю Лебеннин.

Зелены те луга в песнях моего народа; но тогда они были темны — серые пустоши в бездонной черноте перед нами. И по пустым землям, топча цветы и травы, гнали мы врага — пока, на горе мне, не вышли наконец к Андуину.

Тогда я подумал, что мы приблизились к Морю; ибо широки были воды во тьме, и бессчётные морские птицы кричали по берегам. Зачем слушал я плач чаек?! Разве не велела мне Владычица остерегаться их? Теперь мне их не забыть.

— А я — так просто их не заметил, — сказал Гимли, — потому что дело как раз дошло до драки. Там, у Пеларгира, стоял флот Умбара — пятьдесят больших кораблей, а маленьких я не считал. Многие из тех, кого мы преследовали, добрались до галер прежде нас и подняли тревогу; и некоторые из судов отчалили, надеясь спастись вниз по Реке или достичь другого берега; а мелкие суденышки пылали. А харадримцы, прижатые к берегу, повернулись и хохотали, глядя на нас — отчаянье

их стало яростью, и их было все еще много.

Но Арагорн остановился и крикнул громовым голосом:

«Пришел час! Ныне Черным Камнем Эреха заклинаю я вас!»

И внезапно Призрачное Воинство, которое под конец попятилось, хлынуло вперед серым приливом. Я слышал слабые клики, и тусклые рога, и ропот бесчисленных далеких голосов — будто эхо какой-то давно позабытой битвы Черных Лет. Обнажились бледные мечи; но не знаю, сразили ли кого — нибудь их клинки — Мертвецам не надо было иного оружия, кроме стража. Никто не мог противостоять им. Они всходили на каждый корабль, а потом перешли по воде к отведенным судам — и моряки, обезумев от ужаса, кидались в реку — все, кроме рабов, прикованных к веслам. Мы отважно скакали среди врагов, топча их, как листья, пока не оказались на берегу. Тогда Арагорн послал на каждый корабль по дунадану, они успокоили пленников и освободили их.

Прежде, чем день тьмы кончился, никого из врагов не осталось: кого убили, кто утонул, кто удрал на юг, надеясь добраться до своих краев пешком. И я подумал, как странно, что замыслы Мордора низвергнуты призраками страха и

тьмы. Его победили Его же оружием!

— Странно и удивительно, — согласился Леголас. — В тот час я взглянул на Арагорна и подумал, каким великим и ужасным Властелином мог бы он стать, возьми он Кольцо себе. Мордор не зря боялся его. Но дух его благороднее, чем мыслится Саурону; ибо разве он не из детей Лутиэн? Род этот не прекратится никогда, пусть даже годы продлятся бессчетно.

— Гномы — не провидцы, — проворчал Гимли. — Но Арагорн и правда был могуч в тот день. Весь черный флот был в его руках; он выбрал самый большой корабль и взошел на него. Потом приказал трубить в отнятые у врага трубы; и Призрачное Воинство вернулось на берег. Они стояли молча — только багрово мерцали глаза, отражая свет горящих лодок. И Арагорн громко обратился к Мертвецам:

«Слушайте Слово Наследника Исильдура! Клятва ваша исполнена! Возвращайтесь, и никогда больше не тревожьте долин. Ступайте с миром!»

Тогда Король Мертвецов вышел вперед, сломал копье и отбросил его. Потом низко поклонился и повернул прочь; и все серое воинство потянулось за ним — и исчезло, как унесенный внезапным ветром туман; и мне показалось — я очнулся

от сна.

Эту ночь мы отдыхали — работали другие. Потому что там было много освобожденных пленников и рабов-гондорцев, захваченных во время набегов; а вскоре пришли воины из Этира и Лебеннина, и Ангбор Ламедонский привел всю конницу, какую смог собрать. Теперь, когда страх перед Мертвецами прошел, они пришли помочь нам и взглянуть на Наследника Исильдура; ибо слух о нем разошелся, как пламя во тьме.

Рассказ наш подходит к концу. За вечер и ночь было снаряжено много судов, и утром флот отчалил. Кажется, это было давно — на самом же деле всего лишь позавчера, на шестой день отъезда из Урочища Духов. Но Арагорн по — прежнему боялся опоздать.

«От Пеларгира до Харлонда — сорок две лиги, — сказал он. — Однако мы должны прийти туда завтра — или гибель неминуема».

Гребцы были теперь свободны, и они мужественно трудились, однако двигались мы медленно, потому что плыли против течения, и ветер не помогал нам. Тяжко было у меня на сердце, несмотря на победу у Гавани, если бы Леголас вдруг не рассмеялся.

«Выше бороду, сын Дарина! — проговорил

он. — Ибо сказано: «Надежда слетает в душу твою на самом последнем черном краю».

Но что за надежду он углядел — он не сказал. Ночь лишь сгустила тьму, и сердца наши пылали, потому что далеко на северо-западе багровый отблеск лежал на тучах, и Арагорн сказал:

«Минас-Тириф горит».

Но в полночь надежда действительно возродилась. Мореходы Этира, поглядывая на юг, заговорили о перемене, идущей со свежим ветром. Задолго до начала дня корабли подняли паруса, и мы поплыли быстрее, а рассвет белой пеной растекался перед носами судов. Ну, а дальше вы знаете: в третьем часу утра мы пришли с южным ветром и развернули в бою штандарт. То был великий день и великий час, что бы ни ждало нас завтра.

— Пусть будет, что будет — великим делам не забыться, — уверенно предрек Леголас. — Великим подвигом была скачка по Тропе Мертвецов — великим подвигом она и останется, хотя бы никого не осталось в Гондоре, чтобы петь о ней в грядущие дни.

— Может статься, так и будет, — отозвался Гимли. — Потому что лица Арагорна и Гэндальфа мрачны. Очень бы мне хотелось знать, о чем они

там совещаются. Мне, как и Мерри, хотелось бы, чтобы с нашей победой война кончилась. Но что бы ни ждало впереди — надеюсь принять в этом участие — ради чести народа Одинокой Горы.

— А я — ради народа Лихолесья, — молвил Леголас. — И из любви к Властителю Белого Древа.

Товарищи умолкли и сидели, занятый каждый своими мыслями, а внизу держали совет полководцы.

Расставшись с Леголасом и Гимли, Принц Имрахиль послал за Йомером, и они вместе отправились в палатки Арагорна, что стояли недалеко от места, где пал князь Теодэн. И там они держали они совет с Гэндальфом, Арагорном и сыновьями Эльронда.

— Лэйрды, — начал Гэндальф, — выслушайте слова, что сказал перед смертью Наместник Гондора: «Ненадолго вы, быть может, и одержите победу — на час, на день, но Силу, что поднялась сейчас, не победить». Я призываю вас не отчаиваться, как отчаялся он, но вдуматься в правду этих слов.

Всевидящие Камни не лгут, и даже Властелину Барад-Дура не под силу научить их этому. Он может лишь по своей воле выбирать, что показать духу более слабому, или заставить этот

дух ошибиться в толковании увиденного. Тем не менее, несомненно, что, когда Дэнэтор видел огромные силы, выступающие против него, и еще большие, — собирающиеся в Мордоре, он видел правду.

Наших сил едва хватило отразить первый большой штурм. Следующий будет сильнее. Тогда война эта безнадежна, как и предвидел Дэнэтор. Победы в ней не достигнуть оружием, засядете ли вы здесь, чтобы отбивать осаду за осадой, или двинетесь вперед, чтобы быть разбитыми за Рекой. Вам надо выбирать из двух зол; и благоразумие посоветовало бы укрепить крепости и там ожидать штурма, ибо так вы немного оттянете конец.

— Значит, ты советуешь нам отступить в Минас-Тириф, или в Дол-Амрос, или в Урочище Духов, и сидеть там, как дети в песчаных замках, когда наступает прилив? — вскинулся Имрахиль.

— Такой совет был бы не нов, — чуть усмехнулся Гэндальф. — Разве не делали вы того же — или чуть больше — во дни Дэнэтора? Но нет! Я сказал: это было бы благоразумно. Я не советую вам быть благоразумными. Я сказал: победы не достичь оружием. Я все еще надеюсь на победу

— но не оружием. Ибо в центре всех наших планов — Кольцо Всевластья, основа Барад-Дура и надежда Саурона.

Об этой вещи, лэйрды, вы знаете достаточно, чтобы понять положение наше — и Саурона. Если Он получает его — доблесть ваша напрасна, и Его победа будет скорой и полной; настолько полной, что, никто не сможет провидеть конца ее до конца мира. Если оно уничтожено — Он пал; и падет Он так низко, что никто не сможет провидеть Его поднятия. Ибо Он потеряет большую часть силы, данной Ему в Начале, и всё, что было сотворено или начато с помощью этой силы, рухнет, а Он сгинет навек, станет просто духом зла, что гложет себя во тьме, но не может разрастись или обрести плоть. И так великое лихо этого мира будет уничтожено.

Есть другие лиха, которые могут нагрянуть; ибо сам Саурон не более, чем слуга. Но не наше дело — собирать все беды; мы должны делать, что можем, в помощь годам, где живем, искореняя зло, возросшее в наших полях — чтобы те, кто будет жить потом, очистили землю до конца.

Саурон знает все это и знает, что потерянное им сокровище нашлось, но Он не знает еще, где оно — так мы надеемся. А посему Он сейчас в боль-

шом сомнении. Ибо если мы нашли эту вещь, то среди нас есть некто, кому под силу владеть ею. Разве я не прав, Арагорн, что ты показался Ему в Камне Ортханка?

— Я сделал это прежде, чем выехал из Хорнбурга, — ответил Арагорн. — Мне казалось, время приспело, и Камень пришел ко мне именно для этого. Это было спустя десять дней с ухода Хранителя от Рауроса, и я подумал, что Око надо отвлечь от Его земель. Слишком редко вызывали Его на поединок со дня возвращения в Замок. Хотя — если б я мог предвидеть, как скор будет Его ответ — я, быть может, не рискнул бы показаться Ему. Мне едва хватило времени прийти вам на помощь.

— Но как же так? — Недоуменно спросил Йомер. — Все напрасно, сказал ты, если Кольцо у Него. Почему же Он не думает, что напрасно атаковать нас, если оно у нас?

— Он еще ни в чем не уверен, — объяснил ему Гэндальф. — И, выжидая, Он не собрался с силами. К тому же мы, думает Он, не знаем всей силы Кольца. У него ведь может быть только один господин — вот Саурон и решил дождаться борьбы, когда один из нас — сильнейший — пожелает подчинить себе других. В это время Кольцо могло

бы помочь Ему, если Он будет стремителен.

Он выжидает. Он много видит и много слышит. Назгулы всё ещё здесь. Они пролетали над полями перед рассветом, хоть и не многие заметили их — большинство спало. Он изучает предвестья. Меч, что лишил Его сокровища, перекован; ветры удачи повернули в сторону; Его первые атаки отражены; величайший из Его полководцев пал.

Сомнения Его растут и сейчас, когда мы совещаемся. Глаз Его обращен на нас — и почти слеп ко всему остальному. Тут-то и скрыты наши надежды. Так должно быть и дальше. А значит, вот мой совет. Кольца у нас нет. В мудрости или глупости, оно отослано, чтобы быть уничтоженным — не то оно уничтожит нас. Без него нам не отразить Его сил. Но мы должны любой ценой отвлечь Глаз от истинной опасности. Победы оружием нам не достигнуть, но оружием мы дадим Хранителю единственную возможность — пусть хрупкую.

Как Арагорн начал, так мы должны продолжить. Мы должны подтолкнуть Саурона к последнему броску. Мы должны заставить Его бросить в бой все скрытые силы, чтобы Он опустошил свои земли. Мы должны немедля выступить ему навстречу. Мы должны стать приманкой, хотя бы челюсти Его сомкнулись на нас. Он схватит

приманку в алчности и надежде, ибо увидит в такой опрометчивости гордыню нового Властелина Кольца; и он скажет: «Он протянул шею слишком далеко. Пусть приходит — и посмотрим, как я поймаю его, а из моей ловушки ему не вырваться. Я сокрушу его, и то, чем он нагло завладел, станет снова моим — навек».

Мы должны идти в эту ловушку с открытыми глазами — с мужеством, но почти без надежды для себя. Ибо, лэйрды, вполне может статься, что мы погибнем в схватке с Тьмой вдали от земель живых, так что если даже Барад — Дур будет низвергнут, мы не доживем увидеть новую Эпоху. Но это, думаю я, наш долг. И лучше так, чем все равно погибнуть — а так оно и будет, если мы останемся здесь — и знать, умирая, что новой Эпохе не быть никогда.

Помолчали. Наконец Арагорн заговорил.

— Как я начал — так и продолжу. Мы подошли к самому краю, где надежда и отчаянье — одно. Колебаться значит пасть. Пусть же никто не отвергает советов Гэндальфа, чьим долгим трудам против Саурона пришло наконец время испытания. Если бы не он — всё было бы кончено давным-давно. Тем не менее, я не имею права приказывать. Пусть другие сами избирают путь.

Тогда Эльрохир сказал:

— Для этого мы пришли с Севера и принесли от нашего отца Эльронда тот же совет. Мы не повернем назад.

— А я, — сказал Йомер, — мало разбираюсь во всех этих глубинах. Но как мой друг Арагорн пришел на помощь мне и моему народу, так и я помогу ему. Я иду.

— Что до меня, — проговорил Имрахиль, — я избрал лэйрда Арагорна своим сеньором, потребовал он того или нет. Его желание для меня приказ. Я тоже иду. Однако на время я занимаю пост Наместника Гондора и мне надо прежде всего думать о его народе. Не мешает подумать немного и о благоразумии. Мы должны быть готовы ко всему — как к хорошему, так и к плохому. Мы можем возвратиться с победой, и, пока есть на то хоть малая надежда, Гондор должен быть защищён. Я не хотел бы, чтобы мы вернулись в развалины Города… А роандийцы принесли весть о все еще неразбитом войске на нашем северном фланге.

— Всё верно, — согласился Гэндальф. — Я не советую вам совсем оголять Город. Рать, что мы поведем к Востоку, должна быть не настолько большой, чтобы на самом деле штурмовать Мор-

дор, — но достаточно большой, чтобы вызвать его Властелина на битву. И она должна выступить немедля. Потому я спрашиваю: какие силы мы можем собрать и вывести в двухдневный срок? Воины должны быть тверды и идти добровольно, сознавая опасность.

— Все устали и очень многие ранены — легко или серьезно, — заметил Йомер.

— И мы потеряли много коней, а это снести нелегко. Если нам скакать скоро — я не могу надеяться повести и две тысячи, а ведь надо еще оставить кого — то защищать Город…

— Мы можем рассчитывать не только на тех, кто бился за Город, — сказал Арагорн. — Берега освобождены, свежие силы уже идут из южных владений. Четыре тысячи пеших я выслал из Пеларгира через Лоссарнах два дня назад; а впереди них скачет Ангбор Бесстрашный. Если мы выступим через два дня — они подойдут до нашего ухода. Кроме того, многим было ведено двигаться за мной вверх по Реке на любых судах, какие удастся собрать; с этим ветром они придут быстро, несколько кораблей уже пришвартовались в Харлонде. По-моему, мы можем вывести семь тысяч конных и пеших — и при этом оставить Город в лучшем положении, чем он был до

начала штурма.

— Ворота разрушены, — озабоченно проговорил Имрахиль. — И где теперь мастерство, чтобы восстановить их?

— В Эреборе, в царстве Даина, — ответил Арагорн. — Если надежды наши не падут, — со временем я пошлю Гимли, сына Глоина попросить о том подгорных мастеров. Но люди крепче ворот, и ни одни ворота не выстоят против нашего Врага, если люди покинут их.

Тем и окончился совет полководцев: решили выступать на второе утро с этого дня с семью тысячами — если их удастся собрать; и большая часть войска должна быть пешей — идти придется по трудным землям. Арагорн должен набрать две тысячи из тех, кого привел с собой с юга; Имрахиль — три с половиной тысячи; Йомер — пятьсот роандийцев без коней, но рвущихся в бой; и сам он поведет пятьсот своих всадников; и еще один отряд в пять сотен — сыновья Эльронда, дунаданы и рыцари Дол-Амроса: всего шесть тысяч пеших и тысяча конных. А главные силы роандийцев — около трёх тысяч конников под командой Эльфхэльма — должны устроить засаду на Восточном Тракте против оставшихся там врагов. Тут же выслали быстрых разведчи-

ков: собрать на севере и востоке — у Осгилиафа и на дороге к Минас-Тирифу — все вести, какие можно.

А когда все силы были подсчитаны, подходы продуманы и выбраны, Принц Имрахиль вдруг рассмеялся.

— Воистину, — воскликнул он, — это будет величайшей шуткой за всю историю Гондора: скакать с семью тысячами штурмовать горы и непроходимые ворота Черной Земли!.. Так дитя грозит рыцарю в броне — луком из бечевы и зеленой ивы! Если Черному Властелину известно столько, сколько ты сказал, Мифрандир — разве не улыбнется он и не раздавит нас своим пальчиком, как овода, что пытается ужалить его?

— Нет, он попытается поймать овода в ловушку и вырвать жало, — сказал Гэндальф. — А среди нас есть имена, стоящие больше всех бронированных рыцарей вместе. Он не улыбнется.

— И мы тоже, — проговорил Арагорн. — Если это и шутка, то слишком горькая, чтобы смеяться. Нет, это последний поход великой войны — и какая-то из сторон кончит в нем игру, — он обнажил Андуриль, поднял его вверх — клинок засиял на солнце. — Я не спрячу тебя в ножны до конца последней битвы, — сказал он.

Глава 10
Черные Ворота открыты

Двумя днями позже войско Запада собралось в Пеленноре. Орки и вастаки повернули по Восточному тракту назад, но роандийцы рассеяли их, и они, после небольшой битвы, отступили за Кайр-Андрос; угроза нападения исчезла, а с юга прибыли новые силы — Город был теперь защищен, как никогда. Разведчики доносили, что врага на восточных дорогах не осталось — они чисты до Перекрестка Павшего Короля. Все было готово для последнего броска.

Леголас и Гимли снова должны были скакать вместе в отряде Арагорна и Гэндальфа, которые двигались в авангарде с дунаданами и сыновьями Эльронда. Но Мерри, к стыду своему, не шел с ними.

— Ты не готов к такому походу, — сказал ему Арагорн. — Но не стыдись! Даже если ты больше ничего не сделаешь в этой войне — ты уже завоевал великую славу. С нами пойдет Перегрин и будет представлять Край; и ты не завидуй, что он, а не ты, идет навстречу риску: он хоть и

действовал, насколько позволяла ему судьба, до тебя ему далеко. Но, правду сказать, сейчас все в одинаковой опасности. Если мы найдем конец перед Вратами Мордора — придет и для тебя час последней борьбы: здесь или там, где застанет тебя Черный Прилив. Прощай!

И теперь Мерри уныло наблюдал за сборами войска. С ним был Бергиль — тоже удрученный. Потому что отец его вел отряд воинов Гондора: он не мог оставаться в Страже, пока дело его разбиралось. В том же отряде был и Пин, как солдат Гондора. Мерри видел его неподалеку — небольшая, но прямая фигурка среди рослых воинов Минас-Тирифа.

Наконец пропели трубы, и рать двинулась. Эскадрон за эскадроном, отряд за отрядом разворачивались и уходили к востоку. И еще долго после того, как они прошли и затерялись вдали, Мерри стоял в поле. Луч утреннего солнца в последний раз взблеснул на копье или шлеме и померк; а он все стоял со склоненной головой и тяжелым сердцем — и чувствовал себя совсем одиноким.

Все, кого он любил, ушли во мглу, нависшую над восточными горами; и мало, так мало надежды оставалось в его душе снова увидеть их…

Словно эхом отчаянья вернулась леденящая боль в руке, и он показался себе старым и усталым, и солнечный свет потух. Подняло хоббита прикосновение руки Бергиля.

— Идемте, господин Периан! — Сказал мальчик. — Вам опять плохо. Я помогу вам подняться к Целителям. Но не бойтесь! Они вернутся. Воины Минас-Тирифа непобедимы. А теперь с ними Элессар Каменэльф… ну и, конечно, стражник Берегонд.

Полдень еще не настал, когда войско подошло к Осгилиафу. Там работали все мастера, какие могли. Некоторые укрепляли лодочные мосты и паромы, сделанные врагом — при его отступлении часть их разрушилась; другие собирали трофеи; а кое-кто разбрасывал торопливо возведенные на восточном берегу защитные стенки.

Авангард шел по развалинам древнего Гондора, через Реку и вверх, длинной прямой дорогой, что некогда вела от дивного Города Солнца к горной Крепости Луны — теперешнему Минас-Моргулу в проклятой долине. Пятью милями выше Осгилиафа они остановились, окончив первый день похода.

А конница торопилась вперед и к вечеру достигла Перекрестка в кольце гигантских де-

ревьев, — и всё было тихо. Ни зова, ни звука, ни одно вражье копье не вылетело из кустов или из-за скал — а между тем за ними наблюдали: они явственно чувствовали это. Деревья и камни, травы и листья — всё бдительно вслушивалось. Тьма была рассеяна, далеко в долинах Андуина садилось солнце и снежные пики гор пылали в голубизне; но тень и мрак ненависти нависли над Черными Горами.

Арагорн поставил герольдов на четырех дорогах, вбегавших в кольцо деревьев — и прозвенели фанфары, и далеко разнесся громкий крик:

— Властители Гондора вернулись, и все земли, что некогда принадлежали им, принадлежат им снова!

Кошмарную орочью голову сбросили с каменной статуи и разбили в пыль, а голову короля, все еще увенчанную белыми и золотистыми цветами, подняли и водрузили на место; и воины отмыли и отчистили камень от мерзких каракулей, которыми покрыли его орки.

Тогда, на совете, кое-кто предлагал атаковать сначала Минас-Моргул, и, если удастся его захватить, разрушить до основания.

— И, может быть, — сказал Имрахиль, — дорога, что ведет оттуда к перевалу, окажется более

легким входом в Царство Тьмы, чем северные ворота.

Но Гэндальф решительно воспротивился из-за живущего в долине зла — люди сошли бы там с ума от ужаса — а также из-за принесённых Фарамиром вестей. Ибо если Хранитель Кольца действительно избрал тот путь — не стоило привлекать туда Око Мордора. Поэтому на следующее утро, когда подтянулись основные силы, на Перекрестке оставили большой отряд лучников — чтобы было, кому защитить его, если Мордор решит двинуть силы через Моргульский перевал или призовёт воинов с юга. А Гэндальф и Арагорн поскакали с авангардом ко входу в Моргульскую Долину и взглянули на зловещий город.

Он был темен и безжизнен; ибо орки и другие мордорские твари, обитавшие там, погибли в битве, а назгулы где-то летали. Однако воздух долины был полон вражды и страха. Они разрушили мост, подожгли зловонные поля и ушли.

Днем позже — на третий день со времени выхода из Минас-Тирифа — войско двинулось по дороге на север. От Перекрестка до Моранноном по ней было около ста миль — и что случится с ними на этом пути, не знал никто. Рать шла открыто, но осторожно, выслав вперед разведчиков — пе-

шие охраняли фланги, особенно восточный: там лежали темный кустарник, глубокие лесистые овраги и скалистые утесы, а за ними карабкались к небу долгие мрачные склоны Эфель-Дуафа. Погода оставалась прекрасной, держался западный ветер, но ничто не могло развеять мглы и туманов, что прилипли к Горам Тьмы.

Гэндальф велел трубить в фанфары, и герольды кричали:

— Идут Властители Гондора! Пусть все покинут эту землю — или сдаются им!

Но Имрахиль возразил:

— Не говорите: «Властители Гондора». Скажите: «Король Элессар». Ибо это правда, хоть он и не воссел еще на трон; а его имя его заставит Врага призадуматься.

А потому трижды в день герольды возглашали приход Короля Элессара. Но никто не отвечал на вызов.

Тем не менее, хоть и шли они в кажущейся тишине, души их были угнетены, и с каждой милей продвижения на север предчувствие лиха росло. Но только вечером второго дня ухода от Перекрестка впервые встретился враг. Сильный отряд орков попытался поймать в ловушку их авангард; это было в том самом месте, где Фарамир разбил

харадримцев — дорога там ныряла в глубокий разлом меж холмов. Но Полководцы Запада были загодя предупреждены о засаде искусными воинами Хеннет-Аннуна под командой Маблунга; а потому ловцы оказались в ловушке. Всадники широко объехали орду с запада и обрушились на врага сбоку и с тыла, и орки были уничтожены и оттеснены в восточные холмы.

Но и победа не ободрила Полководцев.

— Это лишь маневр, — сказал Арагорн, — и главная его цель, по-моему — заставить нас поверить в слабость врага и продолжать путь, а не наносить нам серьезный вред — пока.

С этого вечера над войском закружились назгулы. Они летали высоко, видеть их мог один Леголас, и однако присутствие их ощущалось — тени густели, а солнце тускнело; и, хотя Кольценосцы не спускались вниз и молчали, избавиться от ужаса не мог никто.

Так текли дни безнадежного похода. На четвертый день пути от Перекрестка и на шестой — от Минас-Тирифа они подошли к концу земель живых и вступили на пустошь перед Воротами и Цириф-Горгором. Вдали виднелись болота, протянувшиеся к северу и западу — к Приречному Взгорью. Так дики были эти места, такой обесси-

ливающий ужас властвовал в них, что некоторые воины лишились мужества и не могли ни идти, ни скакать дальше.

Арагорн смотрел на них, и в глазах его был не гнев — жалость. Потому что то были молодые воины Роханда из далекого Вэйсана и мужи Лоссарнаха — для них Мордор всегда был тенью зла — и всё же сказкой, не имеющей отношения к всегдашней жизни; и теперь они будто попали в кошмарный сон, ставший явью, и не понимали ни этой войны, ни почему судьба повлекла их в такой поход.

— Ступайте! — сказал им Арагорн. — Но сдержите страх и не бегите. А если не хотите стыдиться после — вот вам дело. Держитесь на юго-восток, пока не дойдете до Кайр-Андроса и, если он все еще занят врагом — отбейте его; и держитесь там до последнего в защите Гондора и Марки!

Тогда кое-кто, пристыженный его милосердием, подавил страх и двинулся вперед; другие же, услышав о делах мужественных и доступных им, вновь обрели надежду и ушли. А так как много воинов осталось раньше у Перекрестка, то войско насчитывало теперь немногим менее шести тысяч. И с этими силами Полководцы Запада шли штурмовать Черные Врата и вызывать на бой

мощь Мордора.

Теперь они двигались медленно, ожидая каждый час ответа на свой вызов — шли все вместе с тех пор, как высылать вперед разведчиков или небольшие группы стало пустой тратой людей. Когда спустилась ночь пятого дня похода от Моргульской Долины, они разбили последний лагерь и разожгли вокруг него костры. Бессонно текли ночные часы, и воины замечали множество едва видимых тварей, что шли и крались вокруг, и слышали волчий вой. Ветер замер, воздух казался недвижим. Они почти ничего не видели — хотя ночь была безоблачной, и прибывающей луне было четыре ночи отроду, с земли поднимались испарения, и белый полумесяц окутывали мглистые туманы Мордора.

Становилось холодно. Утро пришло с поднявшимся ветром — теперь он дул с севера. Все ночные тени сгинули и земли казались пустыми. Севернее среди зловонных ям лежали первые груды и холмы шлака, искрошенных скал и больной земли; а на юге — совсем близко — вздымался исполинский вал Кириф-Г оргором с Черными Вратами в центре, и Башни Клыков темнели по обе его стороны. Потому что во время последнего перехода Полководцы свернули с древнего

тракта и теперь подходили к Моранному с северо — запада — как Фродо.

Железные створки Черных Ворот закрыты наглухо. За зубцами — никого. Все молчит — и насторожено. Они пришли к последнему краю глупости и со смелостью отчаянья стояли теперь перед башнями и стенами, которых не могли штурмовать, даже имей они осадные машины, а Враг — сил лишь на то, чтобы защитить Ворота и стены. Однако они понимали, что все скалы и холмы кругом Моранного забиты врагами, а темное ущелье позади источено кишащими выводками зловредных тварей. И, пока они стояли, все назгулы собрались вместе, паря в вышине — наблюдали. Но Враг все еще не подавал сигнала.

Им больше ничего не оставалось, как довести игру до конца. Поэтому Арагорн поставил войско в порядке, который казался наилучшим; они выстроились на двух высоких холмах, сложенных орками из камней и земли. Впереди простиралась — рвом перед горными бастионами Мордора — неоглядная топь: зловонная грязь и курящиеся смрадом омуты. Когда все было готово. Полководцы поскакали к Черным Вратам. С ними были всадники свиты, знаменосцы и герольды — главным герольдом был Гэндальф.

Леголасу, Гимли и Перегрину тоже позволили ехать: они представляли свои народы.

Они приблизились к Мораннону на расстояние крика — и развернули знамя, и протрубили в трубы; и герольды выступили вперед.

— Выходите! — закричали они. — Пусть выйдет Властелин Черных Земель! Справедливый суд ждет его. Ибо неправедна его война с Гондором и незаконно захватил он эти земли. А посему Король Гондора объявляет: он должен ответить за содеянное им зло. Выходите!

Долгое молчание. Но Саурон уже сплел паутину; он замыслил жестоко поиграть с мышкой, прежде чем прикончить ее. И едва Полководцы повернули назад — молчание нарушилось. Как подгорный гром зарокотали барабаны, резкий клич рогов заложил уши. А потом с громким лязгом отворилась средняя створка Ворот, и оттуда выехало посольство Черного Замка.

Во главе его скакал высокий зловещий всадник на черном коне, если только это был конь: огромный и жуткий, с головой, более похожей на череп, чем на живую голову; в его ушах и ноздрях полыхало пламя. Всадник был одет в черное, и черным был его высокий шлем; однако то был не Призрак Кольца, а живой человек

— Сенешаль Барад-Дура. Имя его не осталось ни у кого в памяти, ибо он сам забыл его и говорил: «Я — уста Саурона». Но говорят, то был изменник из тех, кого называли Черными Нуменорцами: они появились в Средиземье в годы владычества Саурона и поклонялись ему, околдованные его лиходейской мудростью. А этот поступил на службу в Черный Замок, когда Саурон воспрянул, и благодаря своему хитроумию, пользовался все большей милостью своего Властелина; он был колдуном, и многое из задуманного Сауроном было открыто ему. Он был более жесток, чем любой орк.

Он-то и выехал сейчас из Ворот, и с ним — небольшой отряд чернокольчужных воинов под черным знаменем с изображением Лиходейского Глаза. Остановившись в нескольких шагах перед Полководцами Запада, он оглядел их с головы до ног и рассмеялся.

— Есть ли среди вас кто-нибудь, имеющий право вступить со мной в переговоры? И мудрый достаточно, чтобы понять меня? Уж не ты ли?.. — С презрительной насмешкой повернулся он к Арагорну. — Чтобы стать Королем надо нечто большее, чем эльфийская стекляшка и весь этот сброд. Да любой разбойник-горец может собрать

такую свиту!

Арагорн ничего не ответил, но посмотрел врагу прямо в глаза. Мгновенье они боролись; но вскоре, хотя Арагорн не шевелился и не дотрагивался до оружия, тот дрогнул и подался назад, точно боясь удара.

— Я герольд и посол, меня трогать нельзя! — вскрикнул он.

— Там, где чтут эти законы, — проговорил Гэндальф, — послы обычно не столь заносчивы. Но тебе никто не угрожал. Тебе нечего бояться нас — пока ты исполняешь свою миссию. Но если господин твой не поумнеет, ты будешь в опасности — вместе со всеми его прислужниками.

— Ого! — сказал Вестник. — Так ты еще и оратор, Серый Болтун? Мы наслышаны о тебе — о твоих походах и заговорах. Раньше ты плёл их в безопасных местах. Но на сей раз, господин Гэндальф, твой нос высунулся слишком далеко; погляди же, что будет с тем, кто раскинет свою дурацкую сеть под ногами Саурона Великого… Тут у меня есть кое — что показать вам — тебе особенно, если ты осмелился прийти, — он кивнул одному из своих воинов, и тот выехал вперед со свертком, завернутым в черное.

Вестник сдернул покрывало — в руках у него,

к изумлению и отчаянью полководцев, был короткий Сэмов меч, серый плащ с эльфийской пряжкой и… мифрильная кольчуга, та самая, которую носил под рубашкой Фродо. Тьма застлала им глаза, на миг показалось, что мир застыл, сердца умерли, а надежды сгинули. Пин, стоящий рядом с Принцем Имрахилем, с горестным вскриком рванулся вперед.

— Молчи! — сурово бросил Гэндальф, отшвыривая его назад; а Вестник громко захохотал.

— Так вы захватили с собой еще одного! — воскликнул он. — Что вам от них проку, не знаю; но засылать их шпионами в Мордор — превыше даже твоей обычной глупости. Однако я благодарен ему: теперь ясно, что он — то, по крайней мере, видел все это раньше — не станешь же ты это отрицать.

— Я и не хочу отрицать этого, — сказал Гэндальф. — Я знаю их, знаю и их историю — а ты, мерзкий Рот Саурона, не можешь похвастать этим. Но зачем ты принес их сюда?

— Гномья кольчуга, эльфийский плащ, клинок павшего Запада и шпион из крысиных нор Края — не вздрагивай! Мы знаем всё: вот приметы заговора. Может, этот крысенок и не очень вам дорог, а может, и наоборот — вам было бы жаль

потерять его? Если так — побыстрей советуйся со своей мудростью — той ее малостью, что осталась. Ибо Саурон не любит шпионов, и судьба его зависит сейчас от вашего выбора.

Никто не ответил ему; но он видел посеревшие от страха лица, видел ужас в их глазах — и опять засмеялся: шутка удавалась на славу!

— Отлично, отлично! — продолжал он. — Он был дорог вам, вижу. Или вы не хотели бы, чтобы дело его погибло? Оно погибло. А теперь его ожидает долгая медленная пытка — годами. Такая долгая и медленная, какую только смогут измыслить в Черном Замке — и не будет ему избавления, пока, изломанного, его не покажут вам — и вы увидите, что совершили. Так будет, не сомневайтесь, если вы не примете условий моего Властелина.

— Назови условия, — твердо сказал Гэндальф; но те, кто стоял рядом, видели муку на его лице: он казался старым, иссохшим, сломленным. Они не сомневались, что он согласится на всё.

— Условия таковы, — теперь бесстрастно заговорил Вестник, и улыбнулся, обведя их взглядом. — Гондорский сброд уходит за Андуин, дав клятву никогда не воевать Саурона Великого — явно или тайно. Все земли к востоку от Анду-

ина переходят во владения Саурону — навечно. Земли к западу от Реки вплоть до Мглистых Гор и Роандийского Прохода становятся данниками Мордора, и тамошние воины не должны носить оружия. Они должны помочь восстановить Исенгард, и там будет жить Наместник Саурона — не Саруман, а кто-нибудь, более достойный доверия.

Но Гэндальф усмехнулся:

— Много же тебе доверили потребовать: что твой господин должен поручить в обмен то, за что ему пришлось бы воевать! Неужто на полях Гондора надежда его настолько пошатнулась, что он опустился до торговли?.. А если мы действительно так высоко ценим этого пленника — кто поручится, что Саурон, этот Глава Предателей, сдержит слово? Пусть его приведут и покажут нам — тогда мы обдумаем эти требования.

И тут Гэндальфу, напряженно следящему за ним, показалось, что Вестник растерялся; но тут же он овладел собою и захохотал снова.

— Ты столь дерзок, что вступаешь в перебранку с Устами Саурона? Порука?.. Саурон не ручается ни за что. Если вы взываете к его милосердию — выполните сперва его повеления. Условия тебе известны. Принимайте их — или отвергайте!

— Мы принимаем это! — вскричал вдруг Гэндальф. Он сбросил плащ — и белый свет мечом рассек тьму. Гнусный Вестник отпрянул перед вскинутой рукой мага, и Гэндальф, кинувшись вперед, выхватил у него меч, кольчугу и плащ. — Мы возьмем это на память о нашем друге, — повторил он. — Что же до условий — мы отвергаем их. Убирайся, ибо дело твое окончено, и смерть твоя рядом. Мы пришли сюда не затем, чтобы тратить время — и уж тем более не на пустые разговоры с Его прислужниками. Убирайся!

Посланец Мордора больше не смеялся. Лицо его исказили удивление и гнев. Ярость переполняла его и бессвязные проклятия вырывались из сведенного рта. Но он взглянул на беспощадные лица Полководцев, на их неумолимые глаза — и страх пересилил гнев. Он громко вскрикнул, повернул коня и вместе с отрядом безумно понесся к Кириф-Горгору. Но его воины на скаку протрубили долгий сигнал; и едва они миновали ворота — Саурон захлопнул ловушку.

Загремели барабаны, вспыхнули огни. Створки Черных Ворот распахнулись во всю ширь. Из них водоворотом хлынули вражьи полчища.

Полководцы помчались прочь — и вслед им неслись улюлюканье и свист. Пыль замутила

воздух — из тени Изгарных Гор вышло войско вастаков. С холмов спускались бесчисленные орки. Воины Запада попались в ловушку — скоро, очень скоро, силы вдесятеро — и больше, чем вдесятеро превосходящие их, окружат серые курганы. Саурон впился в приманку стальными челюстями.

Малое время осталось Арагорну подготовиться к своей битве. Он стоял с Гэндальфом на одном из холмов, и над ними реял стяг Древа и Звезд. На другом холме вились знамена Роханда и Дол-Амроса. Белый Конь и Серебряный Лебедь. Каждый холм окружало кольцо ощетиненное копьями и мечами. А против Мордора — там, где атака будет самой страшной — стояли слева сыновья Эльронда с дунаданами, а справа — Принц Имрахиль с рыцарями Дол-Амроса и избранные воины Цитадели.

Дул ветер, пели трубы, свистели стрелы; а солнце, стоящее над югом, окуталось дымами Мордора и багрово мерцало сквозь угрозное марево — будто кончался день… или мир. И из-под густеющей мглы вынырнули назгулы, и смертным холодом прозвучали их крики, и надежда померкла.

Пин поник, сломленный ужасом, услыхав, что Гэндальф отверг условия — и обрек Фродо на

муки в Замке Тьмы; но он овладел собой и стоял теперь рядом с Берегондом и Имрахилем впереди строя гондорцев. Ибо с тех пор, как всё рухнуло, ему казалось лучше умереть поскорей и кончить горькую историю своей жизни.

— Хотел бы я, чтобы и Мерри был здесь, — услышал он собственный шепот, и быстрые мысли понеслись в голове, когда он увидел строящегося к атаке врага. «Да, теперь вот я понимаю беднягу Дэнэтора… Нам надо было умереть вместе, Мерри и мне — коли уж мы должны умереть… Ладно, здесь его нет, так пусть конец его будет легче… Держись, Пин, вот и пришел тебе час показать себя…»

Он обнажил меч и взглянул на красно-золотой узор: струящиеся нуменорские письмена огнем вспыхнули на клинке. «Он был откован как раз для такого часа, — подумалось ему. — Если б я мог сразить им того гнусного Вестника — тогда-то уж я наверняка сравнялся с Мерри… Ну ладно, хоть кого — то из этого выводка я прикончу перед смертью… А всё же хотелось бы опять увидеть холодный рассвет и зеленую травку!»

Не успел он подумать это — первая атака обрушилась на них. Орков задержала топь, и они засыпали ряды защитников стрелами. Но сквозь

них с ревом шагали горные тролли из Горгорофа. Выше и шире людей, они были одеты в облегающие роговые панцири; а быть может, то была их чешуйчатая кожа. Они несли круглые черные щиты и тяжелые булавы. Они отважно кидались в омуты и переплывали их. Как буря, налетели они на воинов Гондора, и принялись крушить шлемы, головы, руки… Рядом с Пином упал Берегонд; огромный тролль, сразивший его, склонился над воином: эти жуткие твари перегрызают горло побежденным.

Тогда Пин ударил вверх — и зачарованный клинок Запада пронзил чешую и глубоко вонзился в тролля, и черная кровь хлынула из раны. Он упал вперед, как гора, погребая всех под собой. Чернота, смрад и боль обрушились на Пина, и разум его погрузился во тьму.

«Вот и конец, — сказала Пинова мысль, и тихонько рассмеялась, прежде чем уплыть: так радостно было отбросить наконец все сомнения, заботы и страхи. И тут, как раз когда она улетала в забытьё, послышались голоса, крики забытого внешнего мира.

— Орлы! Орлы летят!..

На миг мысль Пина задержалась. «Бильбо! — сказала она. — Но нет!.. Это было в его сказке

— давным-давно. А это моя Сказка — и она кончилась. Сейчас. До свиданья!» И мысль улетела, глаза Пина закрылись.

Книга шестая
Глава 1
Застава Кириф-Унгол

Сэм с трудом поднялся с земли. Где это я, — подумал он — и тут отчаянье и боль вернулись к нему. Он был в глубокой тьме у подземных ворот орочьей твердыни; и их бронзовые створки сомкнулись наглухо. Он, должно быть, упал оглушенный, когда бросился на них; сколько он пролежал здесь — он не знал. Тогда он горел в огне ярости; теперь его тряс озноб. Он подобрался к воротам и прижался к ним ухом.

Далеко внутри слабо слышались вопли орков, но вскоре всё стихло — то ли они замолчали, то ли ушли слишком далеко. Голова Сэма болела, в глазах мельтешили огоньки, но он заставил себя успокоиться и подумать. Ясное дело, через эти ворота ему в башню не попасть; неизвестно, сколько придется ждать, пока они откроются, а ждать времени нет. Он больше не сомневался, что должен делать: освободить хозяина или умереть.

«Погибнуть тут проще простого, и уж наверняка легче, чем освободить его», — сказал он себе,

пряча Разитель в ножны и отходя от ворот. Он медленно поплелся назад по проходу — во тьме: пользоваться Эльфийским Светильником он не рискнул; и по пути пытался сообразить, сколько прошло времени, как он и Фродо ушли от Перекрестка и собрать воедино всё, что произошло с ними с тех пор. Он давно потерял счет времени: он был в Царстве Тьмы, где день позабыт — и все, кто вступал в него, тоже казались позабытыми.

— Интересно, думают ли о нас хоть немного? — пробормотал он. — И что с ними со всеми приключилось? — он неопределенно помахал рукой. К слову сказать, смотрел он сейчас на юг, а не на запад.

А там время шло к полудню четырнадцатого дня марта по счету Края, как раз сейчас Арагорн вел черные суда от Пеларгира, а Мерри скакал с роандийцами по Извозному Долу — покуда Минас-Тириф пылал, а Пин видел, как растет безумие в глазах Дэнэтора. Однако среди всех своих забот и страхов мысли друзей то и дело обращались к Фродо и Сэму. О них не забыли. Но ни одна мысль не могла прийти на помощь Сэму Гискри — слишком далеко забрались он и его хозяин. Он был совсем один.

Он вернулся к каменной двери орочьего про-

хода и, не найдя ни замка, ни засова, перебрался поверху, как раньше, и тихо спрыгнул наземь. Потом бесшумно пошел к выходу из туннеля, где все еще мотались на холодном ветру лохмотья паутины. После зловонной тьмы Сэму стало холодно; но дыхание ветра освежило его.

Он осторожно двинулся вперед.

Вокруг была зловещая тишь. Света — не больше, чем в сумерки пасмурного дня. Гигантские дымы вставали над Мордором и устремлялись к западу, низко летя над головой — широкая череда туч, подсвеченная тускло-багровым.

Сэм взглянул вверх, на башню орков, и вдруг в ее узких окнах вспыхнули огни. Не сигнал ли это?.. Все его страхи — он позабыл о них в отчаянье и ярости — вернулись к нему. Насколько он понял, для него существовал только один путь — идти туда и постараться отыскать вход в башню; но колени его ослабли и он понял, что дрожит. Отведя глаза от Заставы и Перевала, он принудил непослушные ноги двигаться и медленно, прислушиваясь к каждому шороху, вглядываясь в плотные тени, вновь прошел мимо места, где упал Фродо и до сих пор воняло Аракной, — мимо и вверх, пока не оказался на самом перевале, где недавно надел Кольцо и смотрел, как проходит

мимо отряд Шаграта.

Он остановился и сел. Он не мог идти дальше. Он чувствовал; стоит ему перейти перевал и вступить в Мордор — возврата не будет. Ни о чем не думая, он вытащил Кольцо и опять надел его. И тут же ощутил его вес, и сызнова почуял — стократ сильнее — злобу Глаза Мордора — ищущего, стремящегося пронзить тучи, им же самим созданные; сейчас они были помехой ему.

Как и раньше, слух Сэма обострился, а вокруг всё выцвело и истончилось. Скалистые стены тропы размылись, будто в тумане; но резко и ясно — и совсем близко — звучал лязг металла. Он вскочил и вжался в стену. Он был рад, что Кольцо с ним: еще один отряд орков шел по тропе. Или так ему сперва показалось. Потом вдруг он понял, что слух обманул его: крики орков доносились из башни, чей рог был сейчас как раз над ним.

Сэм вздрогнул и попытался заставить себя сдвинуться с места.

Там наверняка творилось какое-то лихо. Быть может, несмотря на все приказы, жестокость орков взяла верх, и они пытали Фродо или даже разорвали его. Он слушал; и постепенно надежда разгоралась в нем. Сомневаться не приходилоь: в башне шел бой, орки передрались между собой,

Шаграт и Горбаг схватились врукопашную. Пусть надежда была слаба — она подняла его. Это мог быть тот самый счастливый случай. Его любовь к хозяину была сильнее всех остальных дум — он позабыл об опасности и громко закричал:

— Я иду, господин Фродо!

Он побежал по тропе. Дорога свернула влево и круто пошла под уклон. Сэм вступил в Мордор.

Он снял Кольцо, движимый каким-то глубинным предчувствием опасности, хоть и говорил себе, что хочет всего лишь видеть более ясно.

— Лучше уж смотреть самому худшему в глаза, — бормотал он. — Мало радости плестись наощупь в этом тумане!

Сурова и жестока была земля, представшая его взгляду. Под его ногами высочайший хребет Черных Гор спадал глубокими ущельями в темный желоб, по другую сторону которого поднимался еще один хребет, много ниже — иззубренный и изрезанный, со скалами, подобными клинкам, он стоял на фоне кровавого света: мрачный Моргай, внутреннее кольцо ограды Царства Тьмы. Вдали, но почти напротив, через широкое озеро мрака, испещренное крошечными огнями, виделось зарево; из него поднимались громадные столбы клубящегося дыма, тускло-багровые у корней,

черные вверху, где они сливались в полог, нависший над всей проклятой землей.

Сэм смотрел на Ородруин, Гору Огня. Время от времени, далеко внизу, под тлеющим конусом, жарко вспыхивали ее топки и с шумом извергали из расселин реки расплавленного камня. — Иные, пылая, текли к Барад-Дуру по широким каналам; другие извилисто сбегали на каменистую равнину, пока не застывали силуэтами древних драконов. Такой увидел Сэм Роковую Гору, и свет ее, отсеченный Черными Горами от тех, кто шел с запада, сверкал теперь на застывших ликах гор, так что они казались обагренными кровью.

Сэм стоял в этом жутком свете, пораженный страхом, потому что, взглянув налево, увидал Заставу Кириф-Унгол во всей ее мощи. Рог, который он видел с другой стороны, был всего лишь ее верхней башней. С востока она вставала из ущелья тремя ярусами, спиной прижимаясь к обрыву и отходя от него расположенными один над другим бастионами — они уменьшались с высотой — с отвесными стенами искусной кладки. На самом нижнем ярусе, где стоял Сэм, зубчатая стена окружала узкий двор. Ворота на ближней юго-восточной стороне открывались на широкую дорогу — она бежала по краю обрыва, пока не

сворачивала к югу и не уходила вниз, на встречу с главной дорогой, идущей от Моргульской Долины. Потом переваливала через зубчатый хребет Моргай на плато Горгороф и шла к Барад-Дуру. Узкая верхняя тропа, на которой стоял Сэм, спрыгивала вниз и под нахмуренными стенами торопилась к тракту.

Глядя на Заставу, Сэм вдруг понял, что твердыня эта была возведена не для того, чтобы не впускать врага, а для того, чтобы не выпускать его. То было творение древнего Гондора, его восточный аванпост в защите Ифилиэна, возведенный во дни Последнего Союза, когда Рыцари из Заморья следили за этим лиходейским краем.

Но и здесь, как в Наркосте и Каркосте, — Башнях Клыков — бдительность притупилась, и предательство сдало Заставу Предводителю Кольценосцев — и долгие годы ею владели Призрачные Прислужники. Когда вернулся Саурон, он нашел это весьма полезным; ибо слуг у него было немного, а рабов — множество, и главной Его целью было не дать им удрать из Мордора. Хотя — если враг был настолько отчаян, чтобы попытаться войти здесь — Застава была также последним стражем против любого, кто ускользнул бы от глаз Моргула и от Аракны.

Слишком ясно видел сейчас Сэм, как опасно спускаться под многоглазыми стенами и проходить мимо ворот. И даже если ему это удалось бы, далеко по дороге ему все равно не уйти. Но, хоть путь этот и был безнадежен, то, что предстояло ему, было куда хуже: не огибать ворота и бежать, а идти туда — одному.

Думы его обратились к Кольцу, но и здесь не было покоя — лишь страх и опасность. Как только он увидел Роковую Гору, пылающую вдали, он почувствовал, как изменилась его ноша. Оно приближалось к месту, где было отковано — и сила Кольца росла, становилась неукротимой, подвластная лишь могучей воле. Сэм стоял и — хоть Кольцо висело сейчас у него на шее — казался себе выросшим: гигантская искаженная тень самого себя, зловещая угроза, вставшая у стен Мордора. Он ощущал, что отныне у него лишь два пути: отказаться от Кольца, хоть это и принесет ему муки; или взять его — и вызвать на бой Силу, что засела в темном укрывище за долиной мрака. Кольцо искушало его, подтачивая волю и дух. Он уже видел Сэммиуса Сильного, Героя Эпохи, шагающего с пылающим мечом по затемненной земле — и армии стекались на его зов, когда он шел низвергать Барад-Дур. А потом

тучи раскатились, и засияло ясное солнце, и по его приказу Горгороф обратился в дивный сад благоухающих цветов и плодоносных деревьев… Надо было только надеть Кольцо — и пожелать.

В этот час испытания единственным, что помогло ему сохранить твердость, была любовь к хозяину; да и его здравый хоббичий смысл не покорился. В глубине души он знал, что такая ноша ему не по силам — даже не будь все это сплошным обманом, чтобы предать его. Один-единственный садик и вольный садовник — вот и всё, что ему надо; а не садище размером в королевство. Он хочет ходить за ним сам — рабы ему ни к чему.

«Как ни крути, а всё одно — ловушка; а значит, и думать о том нечего, — сказал он себе. — И пикнуть не успеешь, как тебя словят — надень ты в Мордоре Кольцо. Да, скажу я, всё безнадежно, как снег по весне… Вот сейчас бы мне стать невидимым — так нельзя! Что ж теперь делать-то?»

Но он не колебался. Он знал, что должен идти вниз, к воротам — и не мешкать. Поведя плечами, точно стряхнув тьму и видения, он начал медленный спуск. С каждым шагом он уменьшался. Не прошло и нескольких минут, как он снова был маленьким испуганным хоббитом.

Он проходил под самыми стенами заставы, и

вопли и шум битвы слышал невооруженным ухом. Сейчас они доносились, казалось, из двора за внешней стеной.

Сэм прошел уже половину пути, когда из темной подворотни выскочили два орка. Они бежали не к нему. Они неслись к главной дороге; но вот один, а потом другой споткнулись, упали наземь и остались лежать. Стрел Сэм не видел, но их наверняка подстрелили — со стен или из подвратной тьмы. Он пошел дальше, держась за стену. Ему хватило одного взгляда вверх: каменная кладка поднималась футов на тридцать — и ни щели, ни уступа… Нечего и думать взбираться здесь. Ворота были единственным входом.

Он крался вперед, и по пути пытался сообразить, сколько орков жило на заставе и сколько пришло туда с Горбагом, и из-за чего они передрались. В отряде Шаграта было орков сорок, у Горбага — вдвое больше, но патруль был, конечно, лишь частью гарнизона Заставы. Перессорились они наверняка из — за Фродо и добычи. Сэм снова остановился: он вдруг понял, как всё было — точно сам всё видел. Мифрильная кольчуга! Ну, конечно: Фродо носил ее и они ее нашли. И Горбаг возжелал ее. Приказы Черного Замка были сейчас единственным спасением Фродо

— если про них забыли, хозяин может быть убит каждую минуту.

«Двигайся, лодырь несчастный! — прикрикнул на себя Сэм. — Поторапливайся!»

Он обнажил Разитель и побежал к открытым воротам. Но едва он собрался миновать арку, как что-то остановило его: он точно влетел в паутину вроде араньей — только невидимую. Никакого препятствия вроде не было — но что-то превыше его воли преграждало путь. Он огляделся — и увидел в тени ворот Двух Стражей.

Две огромные фигуры сидели на тронах. У каждой было три торса и три головы, глядящих внутрь, наружу и прямо — под арку. Лиц у Стражей не было — клювы, как у стервятников; а на коленях лежали когтистые лапы. Они казались высеченными из камня, недвижными, и, однако, были живыми: какой-то лиходейский дух обитал в них. Они чуяли врага. Видимый или невидимый — никто не прошел бы незамеченным. Они заградили бы ему путь.

Собрав всю волю, Сэм снова кинулся вперед — и резко остановился, будто получив удар в грудь. Тогда, рискуя, потому что больше ничего ему в голову не приходило, повинуясь внезапной мысли, он медленно вытащил Фиал Галадриэли и поднял

его над головой. Занялся белый свет, и тени под аркой истаяли. Чудовищные Стражи застыли.

На миг Сэм заметил мерцание в черных каменных глазницах; потом их грозная воля поколебалась, и он шмыгнул во двор.

Он прошел; но едва он упрятал Фиал за пазуху, как почуял — точно стальной засов опустился позади — окрепшую бдительность Стражей. Из их клювов вырвался высокий пронзительный вопль, отдавшийся от вздымающихся впереди стен. И далеко вверху ответным сигналом резко лязгнул колокол.

— Дело сделано! — воскликнул Сэм. — Я позвонил у дверей. Эй, кто-нибудь! Скажите атаману Шаграту, что пришел великий эльфийский воин и зовет его!

Никакого ответа. Сэм двинулся вперед. Разитель голубовато мерцал в руке. Двор лежал в глубокой тени, но видно было, что плиты его усеяны трупами. Прямо под ногами валялись два орка-лучника с ножами в спинах. Дальше их валялось множество: кто — в одиночку, зарубленные и застреленные, кто — сжав друг друга в смертельных объятиях, умерев, лупя, кусая, душа один другого. Камни были скользкими от крови.

Сэм заметил два знака на их одеждах: Багровый

Глаз и Луну, обезображенную страшным ликом Смерти; но останавливаться и приглядываться не стал. По другую сторону двора сквозь полуоткрытую дверь пробивался красный свет; огромный орк лежал на пороге. Сэм перепрыгнул через тело и вошел; и остановился, растерянно озираясь.

Широкий гулкий коридор вел от двери внутрь горы. Он был тускло освещен факелами, но дальний его конец терялся во мраке. Тут и там виднелись двери и проходы; но коридор был пуст. Из разговора атаманов Сэм знал, что Фродо, живой или мертвый, должен быть в верхней башне; но ему понадобится не меньше дня, чтобы отыскать туда дорогу.

— Она, небось, где-то сзади… — бормотал хоббит. — Вся эта Застава стоит задом наперед… Да и вообще, лучше уж мне идти за огнями.

Он шел по коридору, медленно, с каждым шагов все осторожнее. Ужас вновь охватил его. Никаких звуков, кроме его шагов — они отдавались от стен, как хлопки великанских ладоней по камням. Мертвые тела; пустота; сырые черные стены — в свете факелов они, казалось, сочились кровью; страх внезапной смерти, таящейся за дверью или в тени; и превыше всего — ожидающая бессонная злоба у ворот. Даже битва была бы лучше

— конечно, не со всеми врагами сразу — чем эта жуткая неизвестность. Сэм заставил себя думать о Фродо, лежащем где — то рядом связанным, страдающим — или мертвым… Он шел вперед.

Он дошел за факелами почти до огромных ворот — выхода из подземелья, как он верно догадался — когда сверху донесся страшный придушенный вскрик. Сэм застыл. И тогда услыхал шаги. Кто-то торопливо сбегал по гулкой лестнице.

Воля его была слишком слаба, чтобы задержать руку. Она вытащила цепочку и взялась за Кольцо… Но Сэм не надел его, потому что едва рука сжалась, вниз с топотом скатился орк. Выскочив из темного правого прохода, он понесся прямо на Сэма. Он был в шести шагах, когда, подняв голову, увидел его; Сэм услышал прерывистое дыхание, поймал блеск налитых кровью глаз… Орк замер в ужасе. Он видел не маленького перепуганного хоббита — перед ним была огромная безмолвная тень, окутанная серым, смутно видимая в неверном свете; в одной руке она держала меч, один блеск которого был пыткой, другую прижимала к груди — но в ней таились угроза, сила, рок.

На миг орк съежился, а потом с пронзительным визгом повернулся и кинулся назад. Никогда ни один пес не радовался так, увидев хвост своего

врага, как Сэм при этом внезапном бегстве. Он с шумом бросился в погоню.

— Витязь-эльф на свободе! — кричал он на бегу. — Я иду! Показывай мне дорогу, живо, не то я шесть шкур с тебя спущу!..

Но орк был в своем логове, проворен и сыт. Сэм был чужак, голодный и усталый. Ступени винтовой лестницы были высоки и круты.

Сэм стал задыхаться. Орка он скоро потерял из виду, и теперь слышал только слабый шум его шагов. Время от времени тот взвизгивал, и эхо отдавалось от стен. Но постепенно всё стихло.

Сэм тащился вперед. Он чуял, что на верном пути, и слегка ободрился. Он выпустил Кольцо и затянул пояс.

«Отлично, отлично! — говорил он себе. — Если они все станут так ошибаться — может, все кончится лучше, чем я думал. Да и вообще, сдается мне, Горбаг, Шаграт и их шайки сделали почти всю работу за меня. Кроме этой испуганной крысы здесь, кажись, вовсе никого живого нет!

И тут он замер. До него дошел истинный смысл этих слов. Никого живого! Чей это был смертный вскрик?

— Фродо! Фродо! Хозяин!! — он чуть не плакал. — Если они вас убили — что я буду делать?

Ну, ладно, вот влезу наверх — поглядим, на что я годен!

Он шел все вверх и вверх. Тьма была — хоть глаз выколи, лишь кое-где у поворота или входа на один из этажей тускло взблескивал факел. Сэм пытался сосчитать ступени, но сбился, дойдя до двухсот.

Он шел тихо: ему почудились голоса. Кажется, не одна крыса уцелела в этой норе.

И вдруг, когда он понял, что не может ни вздохнуть, ни заставить колени гнуться, лестница кончилась. Он замер. Голоса были громкими и совсем рядом. Сэм озирался кругом. Он взобрался на широкую крышу третьей — самой высокой башни Заставы: открытую площадку ярдов двадцати шириной, с низким барьером вокруг. Лестницу скрывал невысокий свод; двери из-под него вели на запад и восток. На востоке Сэм видел темные равнины Мордора и Гору Огня вдали. Гул копился в ее расселинах, а реки пламени сверкали так яростно, что освещали вершину Заставы. На западе всё заслоняло подножие гигантской башни, что стояла в конце верхнего двора, поднимая свой рог высоко над гребнем окружающих гор. Свет мерцал в узком окне. Вход был ярдах в десяти от места, где стоял Сэм. Из-под арки доносились

голоса.

Поначалу Сэм не вслушивался; он вышел из восточного проема и осмотрелся. Он сразу понял — самый жаркий бой был здесь. Двор был завален мертвыми орками, их головами, телами, руками. Пахло смертью… Рычание, глухой удар и вскрик заставили его снова спрятаться. Он узнал голос, резкий, грубый, холодный. Говорил Шаграт — Атаман Заставы.

— Не пойдешь, говоришь? Будь ты проклят, Снага… Ежели ты решил, что я так ранен, что можно безопасно надо мной смеяться — так ты ошибся. Подойди сюда, дрянь, и я выдавлю твои глаза… А когда подойдут ребята — рассчитаюсь с тобой сполна: отправлю тебя Аракне…

— Они не придут — во всяком случае, пока ты не сдохнешь, — угрюмо ответил Снага. — Я уж дважды тебе говорил, что свиньи Горбага добрались до ворот первыми, и никому из наших не удалось прорваться. Лугдуф и Музгаш проскочили было — да их подстрелили. Я видел это из окна, говорю тебе. А они были последними.

— Значит, должен идти ты. Я должен быть здесь. Да и ранен я… Чтоб этот бунтовщик Горбаг провалился в тартарары!.. — Шаграт зашелся бессвязными проклятиями. — Он ударил меня

ножом, навозник, прежде чем я его придушил… Топай, не то я тобой пообедаю. Вести должны дойти до Лугбурза, иначе нам не поздоровится. Да — и тебе. Прячься — не прячься, от него не скроешься.

— Я больше вниз не пойду, — проворчал Снага, — атаман ты или нет. Эй-эй! Убери лапы с ножа — или получишь стрелу в брюхо. Атаманом тебе не бывать, если они узнают… Я бился за Заставу против этих гнусных моргульских крыс, а кашу-то заварили два атамана, подравшись за добычу…

— Хватит! — Рявкнул Шаграт. — У меня был приказ. Начал всё Горбаг — далась ему эта шкурка…

— Ну, и ты положил его на обе лопатки — ты так могуч! А ведь он соображал получше тебя. Он сто раз твердил тебе, что самый опасный из шпионов удрал. А ты и слушать не желал. И сейчас не желаешь. Горбаг был прав, говорю тебе: здесь рядом великий воин, один из этих кровожадных эльфов. Он идет сюда, говорю тебе. Ты слышал колокол. Он умудрился миновать Стражей. Он на лестнице. И пока он там, я не пойду вниз, будь ты хоть назгулом — не пойду, и баста.

— Вот как? — зловеще протянул Шаграт. — Не

пойдешь, говоришь? А когда он явится — сбежишь и бросишь меня? Не выйдет! Сперва я продырявлю твое брюхо…

Из дверей башни выскочил маленький орк. Позади мчался Шаграт — огромный, с длинными лапами — на бегу он касался или земли. Одна лапа беспомощно висела и, кажется, кровоточила; в другой он сжимал большой черный тюк. В багровом свете Сэм, спрятавшийся под сводом лестницы, успел заметить жуткую морду: она была покрыта шрамами, исполосована когтями, залита кровью; слюна капала с длинных клыков; из пасти рвался звериный рев.

Насколько Сэм мог видеть, Шаграт гонял Снагу по крыше, пока тот, увертываясь и ускользая, не шмыгнул назад в башню. Тогда Шаграт остановился. Сэм увидел, как он, задыхаясь, наклонился над барьером; левая лапа слабо сжималась и разжималась. Правой лапой он опустил тюк на пол и вонзил в него длинный, весь в пятнах, нож. Он смотрел вниз, во внешний двор. Потом дважды крикнул, но никто не отозвался.

Когда Шаграт нагнулся над барьером, Сэм, к своему удивлению, увидел, что один из трупов движется. Он полз. Он протянул когтистую лапу и схватил тюк. Он приподнялся. В лапе он сжимал

копье с обломанным древком. Он готовился к броску. Но в этот миг шипенье рвалось у него меж зубов, вздох боли или ненависти. С быстротой змеи Шаграт скользнул вбок, повернулся и метнул нож в горло врага.

— Будь ты проклят! — гаркнул он. — Не подох еще?.. Сейчас я тебя прикончу!

Он вспрыгнул на тело и в ярости принялся скакать по нему, то и дело вонзая в него нож. Удовлетворившись, наконец, он закинул голову и испустил жуткий клокочущий победный вопль. Потом облизал нож, зажал его в зубах и, подхватив тюк, длинными прыжками побежал к лестнице.

Времени у Сэма не было. Он мог выскользнуть из другого проема — но едва ли остался бы незамеченным; и не мог же он всё время играть в прятки с этим ужасным орком. Он сделал лучшее из того что мог сделать: с криком прыгнул навстречу Шаграту. Кольца на пальце у него не было — но оно было с ним — тайная власть, скрытая угроза для рабов Мордора; а в руке он держал Разитель — и блеск его поразил глаза орка, как блеск эльфийских звезд в Благословенном Краю, одна лишь мысль о котором была холодным кошмаром для всего орочьего племени. И Шаграт не мог одно-

временно драться и держать свое сокровище. Он остановился, рыча, ощерив клыки. Потом снова, как принято у орков, прыгнул вбок и, когда Сэм бросился на него, ударил противника тюком по лицу… Сэм пошатнулся и не успел опомниться, как Шаграт проскочил мимо и понесся вниз.

Сэм, ругаясь, помчался следом; но далеко не ушел. Думы о Фродо вдруг вернулись к нему: он вспомнил, что второй орк удрал в башню.

Еще один выбор — и размышлять времени нет. Если Шаграт уйдет — то скоро вернется с подкреплением. Но если Сэм погонится за ним — другой орк, чего доброго, натворит дел наверху… Да и потом: если Сэм не выпустит Шаграта, тот его просто-напросто прикончит. Хоббит повернулся и побежал вверх.

«Снова я, наверное, ошибся, — он вздохнул. — Но сейчас я должен взобраться на вершину — а там будь, что будет».

Внизу Шаграт скатился с лестницы, перебежал двор и миновал ворота, таща свою драгоценную ношу. Знай, Сэм, сколько горя принесет его спасение, он содрогнулся бы. Но он думал лишь о близком конце поисков. Он осторожно прошел ко входу в башню. За ним была тьма. Но вскоре Сэм увидел справа тусклый свет. Он выбивался

из про хода ведущего к другой лестнице, темной и узкой: она винтом уходила вверх вдоль стены башни. Факел мерцал откуда-то сверху.

Сэм начал подъем. Он добрался до оплывшего факела, закрепленного над дверью слева: свет его падал в окно, обращенное на запад: то самое, которое Фродо и Сэм видели от входа в туннель. Сам быстро миновал дверь и ступил на второй этаж, боясь каждый миг ощутить на шее пальцы-удавку. Следующее окно смотрело на восток, и против него над дверью тоже горел факел — коридор от него вел через центр башни. Дверь была открыта, коридор — темен, если не считать мигающего факела да света, пробивающегося снаружи сквозь узкое окно. Здесь лестница кончалась. Сэм прокрался в коридор. По обе его стороны были низкие дверцы: обе заперты. И никаких звуков.

— Тупик, — проворчал Сэм. — Стоило-таки карабкаться!.. Да нет: не может это быть вершиной. Но что же мне теперь делать?

Он кинулся на нижний этаж и подергал дверь — она не поддалась.

Он снова взбежал наверх. Пот градом катился по лицу. Каждая минута на счету, а вот они уходят — и он ничего не может сделать!.. Он не думал ни о Шаграте, ни о Снаге, ни обо всех остальных

орках — только бы увидеть хозяина, заглянуть ему в лицо, тронуть за руку…

Наконец, усталый и совсем разбитый, он уселся на ступеньку чуть ниже этажа с коридором и уронил голову на руки. Стояла тишина жуткая тишина. Факел зачадил и потух; и тьма покрывалом накрыла Сэма. И тогда, в конце бесполезного пути, в черной тоске он тихо запел — и сам удивился этому.

Голос его был тонким и дрожал в холоде башни; голос отчаявшегося, измученного хоббита, который ни один орк не спутает с ясной песней эльфа. Он бормотал старые детские песенки, обрывки стихов Бильбо, которые проносились в его голове, напоминая о доме. А потом вдруг новая сила вспыхнула в нем, и голос его окреп, и собственные слова легли на простой мотив.

На западе, в краю родном
Цветы весною цветут,
Деревья шумят, ручьи бегут,
Веселые птицы поют.
А может быть — там ясная ночь
Качает дубовые кроны.
Эльфийские звезды белым-белы

Над их зеленой короной.
Пускай я умру в конце пути,
Во тьме погребен глубоко, —
Над всеми заставами этой земли,
Над горной грядою далекой,
Над всеми тенями Солнце взойдет,
Звездам светить всегда;
И я не скажу, что сгинул День,
Погаснуть звезде не дам.

«Над всеми заставами этой земли…» — начал он снова — и осекся. Ему почудился слабый ответ… Но сейчас он ничего не слышал. Нет, слышал — но не голос. Приближались шаги. Наверху в коридоре открылась дверь: заскрипели петли. Сэм пополз вниз. Дверь закрылась с глухим лязгом; потом донесся голос орка.

— О-ла! Эй ты, подгорная крыса! Прекрати пищать, не то получишь! Слышишь, ты?

Никакого ответа.

— Отлично, — прорычал Снага. — Но я все-таки взгляну на тебя — что ты там замышляешь?..

Опять заскрипели петли, и Сэм, выглянув из-за края площадки, увидел мигающий свет в открытой двери и силуэт выходящего орка. Тот тащил

веревочную лестницу. И вдруг Сэм понял: до верхнего каземата можно добраться только так, через люк в потолке коридора. Снага подбросил лестницу вверх, натянул ее и исчез из виду. Отодвинулся засов. Потом кошмарный голос заговорил снова.

— Лежи тихо, ты! Немного тебе осталось покоя, но коли не хочешь, чтоб забава началась теперь — держи пасть закрытой, понял? А это тебе задаток! — свистнул бич.

Ярость захлестнула Сэма. Он рванулся вперед и взлетел по лестнице, как кот. Голова его вынырнула в центре пола большой круглой комнаты. С потолка свисал багрово-красный светильник; западное оконце было темным. Что-то лежало на полу под окном, а над ним, широко расставив ноги, стоял орк. Он снова поднял бич — но ударить не успел.

С диким воплем Сэм выпрыгнул из люка, сжимая Разитель. Орк оглянулся, но не успел двинуться, как Сэм отсек руку с бичом. Воя от боли и страха, орк отчаянно бросился на него. Следующий удар Сэма прошел мимо, хоббит потерял равновесие и свалился, вцепившись в орка, когда тот споткнулся об него. Не успел он подняться, как услышал крик и удар. Второпях орк оступился. Сэм тут же забыл о нем. Он подбежал

к простертой на полу фигуре. То был Фродо.

Он был голым, лежал на куче каких-то лохмотьев; одна рука поднята, защищая голову, на боку — уродливый рубец.

— Фродо! Господин Фродо, родной мой! — вскрикнул Сэм; слёзы слепили его. — Это Сэм, я пришел! — Он приподнял хозяина и прижал к груди. Фродо открыл глаза.

— Я все еще сплю? — пролепетал он. — Но другие сны были страшны…

— Вы не спите, хозяин, — сказал Сэм. — Это правда. Это я. Я пришел.

— Не верится… — Фродо ощупывал его. — Приходит орк с бичом и оборачивается Сэмом! Значит, песня мне не приснилась? Это был ты?

— Я, хозяин, я… Я почти совсем потерял надежду… Никак не мог найти вас.

— Нашел же все-таки, Сэм… милый Сэм, — сказал Фродо и откинулся в ласковых объятиях Сэма, закрыв глаза, отдыхая, как ребенок, когда любящий голос отгонит ночной кошмар.

Сэм чувствовал, что может сидеть так бесконечно; но этого счастья он позволить себе не мог. Мало было найти хозяина — надо было спасти его. Он поцеловал Фродо в лоб.

— Ну-ка, ну-ка, господин Фродо, просыпай-

тесь! — Он постарался, чтобы голос его звучал бодро, как, бывало, в Торбе, когда он будил поутру хозяина, раздергивая шторы.

Фродо вздохнул и сел.

— Где это мы? Как я сюда попал?

— Времени на рассказы нет, господин Фродо, — сказал Сэм. — Но вы в той башне, которую мы, помните, видели от туннеля — перед тем, как орки вас схватили. Давно ли — не знаю. День, может, чуть больше…

— Только-то? Мне казалось — недели… Ты мне всё расскажешь… Если удастся. Что-то меня ударило, да? И я провалился во тьму и зловещие сны — а когда проснулся, явь оказалась еще страшнее. Вокруг были орки. Они влили мне в горло какой-то жгучий настой. Голова стала ясной, но я весь горел. Они содрали с меня всё; а потом пришли еще двое — огромные — и допрашивали, допрашивали меня, пожирая глазами, играя ножами… Я едва не сошел с ума, Сэм! Никогда не забуду их когти и глаза…

— Не забудете, сударь, если будете об этом говорить, — сказал Сэм. — А ежели мы не хотим опять их увидеть — чем скорей мы отсюда уберемся, тем лучше. Можете вы идти?

— Могу, — Фродо медленно поднялся. — Я не

ранен, Сэм. Я только очень устал, и у меня болит вот здесь, — он положил ладонь на шею над левым плечом. Сэму вдруг показалось, что он одет пламенем: голая кожа алела в свете потолочного светильника. Фродо прошелся по темнице.

— Так-то лучше! — Голос его немного повеселел. — Я боялся шелохнуться, когда оставался один, а уж когда являлись стражи… Пока не начались шум и драка. Эти два зверя, наверно, поругались. Из-за меня и моих вещей. Мне было страшно. А потом стало тихо, и это было хуже всего.

— Ясное дело, поругались, — согласился Сэм. — Здесь было не меньше сотни этих тварей. Многовато работенки для одного Сэма… Да только они все сами себя поубивали. Повезло, конечно; жаль времени нет поговорить об этом… Что делать дальше? Вы ж не можете идти по Царству Тьмы нагишом, господин Фродо.

— Они забрали всё, Сэм, — с тихим отчаяньем проговорил Фродо. — Понимаешь?.. Всё! — Он скорчился на полу, склонив голову, точно беда сокрушила его. — Дело погибло, Сэм. Даже если мы выйдем отсюда — нам не спастись. Только эльфы спасутся. Там, далеко, за Морем… если оно удержит Завесу Тьмы.

— Нет, не всё, господин Фродо. И ничего еще не погибло. Я взял его, господин Фродо, простите уж вы меня. Я сберег его. Оно у меня на шее — и нелегкая это ноша, скажу я! — Сэм нащупал Кольцо и цепочку. — Но, видать, пора мне вернуть его вам. — Теперь, когда до этого дошло, Сэму очень не хотелось отдавать Кольцо, снова наваливать на хозяина этот груз.

— Ты взял его? — Фродо задохнулся. — И принес сюда? Сэм, ты чудо! — тут голос и тон его изменились. — Отдай его мне! — крикнул он, протянув дрожащую руку. — Отдай! Ты не можешь носить его.

— Ладно, господин Фродо, — удивленно сказал Сэм. — Вот оно, — он вынул Кольцо и снял цепочку. — Но вы в Мордоре, сударь; вот выйдем — увидите Огненную Гору и всё другое. Кольцо сейчас очень опасное, и нести его трудно. Так может, я могу разделить этот груз с вами?

— Нет, нет! — Фродо выхватил Кольцо из рук Сэма. — Ишь, чего захотел… вор! — он тяжело дышал, глядя на Сэма расширенными от страха и ненависти глазами. Потом вдруг зажал Кольцо в кулаке — и замер, пораженный. Туман перед глазами рассеялся, он провел рукой по горящему лбу. Кошмарное видение — оно одурманило его…

Сэм снова обратился в орка, тянущего лапы к его сокровищу — маленькую мерзкую тварь с косыми глазами и слюнявым ртом. Но теперь всё прошло. Перед ним на коленях стоял Сэм, и слезы катились по его искаженному мукой лицу.

— О Сэм! — вскрикнул Фродо. — Что я сказал? Что сделал? Прости меня! После всего, что ты совершил… Это всё власть Кольца. Лучше бы оно никогда, никогда не находилось. Но забудь, Сэм, прошу тебя. Я должен нести это бремя до конца. Не становись между мной и роком.

— Все в порядке, господин Фродо, — Сэм провел рукавом по глазам. — Я понял. Но помочь-то я могу, правда ведь? Я выведу вас отсюда. Сейчас же! Но сперва вам надо одеться и раздобыть какое-никакое оружие. Да и поесть не мешает. С одежкой проще всего: коли мы в Мордоре, так и нарядимся по-мордорски, выбора-то все равно нет. Придется вам одеться в орочье барахло, господин Фродо. И мне токе. Если мы пойдем вместе — дело сделается скорее… Завернитесь пока!

Сэм расстегнул серый плащ и набросил его на Фродо. Потом, сняв мешок, положил его на пол. Клинок Разителя чуть светился.

— Совсем забыл, господин Фродо, — сказал Сэм. — Они забрали не всё! Вы одолжили мне

Разитель, если помните, и Эльфийский Светильник. Они оба целы. Но можно им еще побыть у меня? Я пойду погляжу, может что и найдется. Вы оставайтесь тут. Подвигайтесь, ноги-то, небось, занемели. Я скоро. Далеко не пойду.

— Осторожней, Сэм! — попросил Фродо. — И быстрей приходи! Здесь могли остаться живые орки.

— Вот и проверю, — Сэм шагнул к люку и скользнул по лестнице вниз. Но через миг голова его появилась опять. Он бросил на пол длинный нож. — Возьмите, может пригодится. Он умер — тот, кто бил вас: сломал шею, кажись. Втяните лестницу, если можете, господин Фродо; и не опускайте, пока я вас не окликну. Я позову: эльберет. Ни одному орку не додуматься.

Фродо сидел и дрожал, зловещие мысли так и лезли в голову. Потом он поднялся, завернулся в эльфийский плащ и, чтобы хоть как-то отвлечься, заходил по казематy, заглядывая во все углы. Вскорости — а ему показалось, что прошло не меньше часа — сэмов голос тихо позвал снизу: эльберет! Фродо спустил лестницу. Сэм поднялся, отдуваясь: на голове он тащил большой узел, который с облегчением бросил на пол.

— Быстрей, господин Фродо! — сказал он. —

Пришлось повозиться, прежде чем сыскалось что-то годное. Одевайтесь! Надо спешить. Живого здесь никого и ничего, но мне что-то не по себе. Будто следит кто… Объяснить я вряд ли сумею… ну, вот: вроде бы опять эти Крылатые Всадники, только кружат на высоте, в этой тьме не видать.

Он развязал узел. Фродо с отвращением смотрел на его содержимое, но делать было нечего: или он наденет эти вещи, или пойдет голым. Длинные волосатые штаны, засаленная кожаная рубаха… Фродо натянул их. Поверх — крепкая кольчуга, коротковатая для рослого орка, слишком длинная и тяжелая для Фродо. Он застегнул пояс с коротким широким мечом и вздохнул: было тяжело. Сэм принес еще несколько шлемов. Один из них вполне подошел Фродо: черная шапка с железным гребнем и железными, покрытыми кожей, обручами, на которых над клювовидным забралом был нарисован Глаз.

Доспехи Горбага были лучше, — заметил Сэм. — Но я рассудил, что не стоит носить сейчас в Мордоре знаков Моргула — после этой заварухи. Ну, вот вы и готовы, господин Фродо. Чудный маленький орк простите мое нахальство — только вот опустить забрало, чуток удлинить руки да искривить ноги. А это укроет вас от доносчиков

— он набросил на Фродо большой черный плащ. Всё! Щит поднимете по пути.

— А ты, Сэм? — сказал Фродо. — Разве мы не должны быть похожи?

— Я вот что думаю, господин Фродо. Лучше мне не бросать здесь своей одежки, уничтожить-то мы ее не сможем. А орочью кольчугу мне поверх всего не надеть. Я только прикроюсь.

Он встал на колени и аккуратно свернул эльфийский плащ. Сверток оказался на удивление маленьким. Сэм спрятал его в мешок. Поднявшись, | он забросил мешок за спину, надел орочий шлем и накинул на плечи черный плащ.

— Теперь мы похожи — вполне сойдем! — заявил он. — Пора идти!

— Я не могу бежать, Сэм, — криво улыбнулся Фродо. — Надеюсь, ты пошарил в придорожных трактирах? Или ты совсем забыл о еде?

— А ведь и правда забыл! — присвистнул Сэм. — Когда вы исчезли, господин Фродо, мне только и думалось, что о еде… Да я не помню, когда ел и пил в последний раз. Обо всем позабыл, пока искал вас. Но погодите! Когда я в последний раз лазал в мешок, там было еще порядочно дорожного хлеба и еды, что дал Капитан Фарамир, — мне одному хватило бы, пожалуй, на пару недель. А

вот воды в баклаге совсем на донышке. На двоих не хватит. Орки что — не едят? Не пьют? Или они сыты дурным воздухом?

— Едят и пьют, Сэм. Завеса Тьмы, породившая их, может лишь подражать, но не создавать. Не думаю, чтоб она сотворила их — она юс погубила и исказила. И если уж они вообще живут — то как все живые существа. Они едят гнилую пищу и пьют затхлую воду, если ничего лучшего не попадается — но это не яд. Они кормили меня, так что я знаю, что говорю. Здесь где-то есть еда и вода.

— Но нет времени их искать, — напомнил Сэм.

— Дело обстоит лучше, чем ты думаешь, — сказал Фродо. — Мне посчастливилось найти в этом тряпье свой мешок. Они в нем порылись, конечно. Но, кажется, от лембаса они шарахались еще почище Голлума. Лепешки подавлены и сломаны, но я всё собрал. Их чуть меньше, чем у тебя. Но эти твари сожрали всё, что дал Фарамир и вылакали всю воду.

— Довольно для начала, — сказал Сэм. — А вот с водой плохо… Но идем, господин Фродо! Надо двигаться, а то и целое озеро нам не поможет.

— С места не сдвинусь, пока ты не поешь, Сэм, — твердо объявил Фродо. — Вот, держи лепешку и допей, что там у тебя осталось. Дело совсем без-

надежно, так что не стоит думать о завтрашнем дне. Его, может, и вовсе не будет.

Наконец они двинулись. Спустились по веревочной лестнице, а потом Сэм сдернул ее и забросил за труп орка. Лестница в башне была темной, но на крыше по-прежнему пылал отсвет Горы. Они подняли два щита, и пошли дальше.

Они ползли по большой лестнице. Каземат, где они встретились, казался теперь почти уютным: они опять вышли на открытый воздух, и ужас лился со стен. Всё было мертво на заставе Кириф-Унгол — но страх и зловещая тишь затопили ее.

Наконец беглецы приблизились к выходу во внешний двор, — и остановились. Даже здесь они ощущали злобу Стражей, черных безмолвных фигур по обе стороны ворот. Каждый шаг давался с трудом. Не дойдя до арки, они вынуждены были остановиться. Движения стали мукой, утомленная воля не слушалась.

У Фродо не было сил на такую борьбу. Он опустился на землю.

— Не могу, Сэм, — пробормотал он, — ноги не идут… Совсем я ослаб…

— Держитесь, господин Фродо! Это всё ворота. Там в них какое — то лиходейство… Но я вошел — и выйду. Опасней, чем раньше, они не стали.

Вперед!

Сэм снова вытащил Фиал Галадриэли. Будто в его честь, чтобы наградить верную хоббичью руку, Светильник внезапно вспыхнул — и темный Двор озарился, как молнией, мерцающим сиянием, ровным и неугасимым.

— Гильтониэль, а Эльберет! — крикнул Сэм. Потому что думы его вдруг обратились назад — к Лесному Пределу в родном Краю и к эльфам, чья песня спугнула тогда Черного Всадника.

— Аийя Эарендиль эленион анкалима! — подхватил позади Фродо.

Воля Стражей сломалась, точно лопнула натянутая струна; Фродо и Сэм качнулись вперед. Потом побежали. Через ворота, мимо огромных сидящих фигур с взблескивающими глазами. Раздался треск. Ключевой камень выпал, стена поползла — и рухнула.

Они едва спаслись. Ударил колокол; Стражи завыли протяжно и жутко. И из темной выси им ответил такой же высокий цепенящий вой. С неба, разметав тучи, стрелой упала крылатая тень.

Глава 2
Царство Тьмы

У Сэма хватило ума сунуть Фиал обратно за пазуху.

— Бегите, господин Фродо! — закричал он. — Не туда: обрыв!.. За мной!

Они неслись от ворот крутой дорогой. Шагов через пятьдесят, быстро обогнув уступ, она укрыла их от Заставы. Они были спасены… на миг.

Спрятавшись за скалой, они перевели дух — и вдруг схватились за сердце. Усевшийся на стену назгул испустил зловещий вопль, и горное эхо ответило ему. У хоббитов подогнулись колени.

Вскоре дорога резко свернула к востоку и вновь вывела их под стены. Оглянувшись, они увидели на укреплениях огромную черную тень; а потом решительно зашагали вниз по крутой расселине к Моргульскому Тракту. По пути к перекрестку им не встретился ни один орк; и крики назгула пока оставались без ответа. Но беглецы понимали, что затишье будет недолгим. Охота могла начаться каждую минуту.

— Так дело не пойдет, Сэм, — сказал Фродо. —

Если мы настоящие орки, то должны идти к Заставе, а не от нее. Первый же враг признает нас. Надо уходить с этого тракта.

— Не выйдет, — откликнулся Сэм. — Крыльев-то у нас нет.

Восточные склоны Эфель Дуафа были отвесными, обрывы ниспадали в пропасти, а те вливались в темный желоб, лежащий меж ними и внутренним хребтом. Чуть дальше, за перекрестком, крутой скат подводил к каменному мосту через ущелье; по нему дорога перебиралась в складки утесов и оврагов Моргая. Фродо и Сэм во весь дух помчались по мосту; но не успели добежать до конца, как услышали шум погони. Позади, высоко на горе, смутно рисовалась Застава Кириф-Унгола, камни ее тускло светились. Вдруг снова резко ударил колокол — и рассыпался дребезжащим перезвоном. Затрубили рога. От края моста донеслись ответные крики. Отрезанные от зарева Ородруина, Фродо и Сэм ничего не видели впереди, но уже слышали тяжкую поступь обутых в железо ног и быстрый перестук копыт по дороге.

— Быстрей, Сэм! Мы спрыгнем! — крикнул Фродо. Они вскарабкались на низкий парапет моста. К счастью, отвесного обрыва под ними не было: склоны Моргая поднимались до уровня дороги;

но тьма не позволяла определить глубину.

— Ну, я пошел, господин Фродо, — сказал Сэм. — Не поминайте лихом!

Он прыгнул. Фродо — за ним. И тотчас по мосту загремели копыта и затопали бегущие орки. Но Сэм рассмеялся бы — если б решился. Хоббиты летели с высоты в дюжину футов, боясь разбиться о камни — а угодили прямехонько в заросли колючего кустарника. Там Сэм и лежал, тихо посасывая расцарапанную руку.

Когда копыта и ноги прошли, он отважился на шепот.

— Вот уж не думал, сударь, что в Мордоре что-нибудь растет! Но что верно, то верно: колючкам этим самое здесь место. Они проткнули всё, что на мне было. Вот когда пожалеешь, что ты не в кольчуге!..

— Кольчуга от них не спасает, — ответил Фродо. — И кожаная куртка тоже.

Им пришлось продираться сквозь кусты. Колючки и шипы были крепкими, как проволока и цепкими, как когти. Когда хоббиты вырвались на свободу, от их плащей остались лохмотья.

— Теперь пошли вниз, Сэм, — прошептал Фродо. — Вниз, в долину — и на север, да побыстрее.

К миру снова пришел день, и Солнце вставало

над восточным краем Средиземья; но здесь стояла полночная тьма. Гора курилась, ее огни угасали. Зарево на склоне исчезло. Восточный ветер, что дул все время со дня их ухода из Ифилиэна, утих. Медленно, с трудом шли они вниз: ощупью, спотыкаясь, пробираясь между скатами и зарослями колючек мертвого леса — всё вниз и вниз в кромешной тьме, пока силы не изменили им.

Тогда они остановились и уселись бок о бок под большим валуном. Оба хотели пить.

— Если бы Шаграт предложил мне стакан воды, я пожал бы ему лапу, — сказал Сэм.

— Не надо, Сэм! — попросил Фродо. — От этого становится только хуже.

Он умолк и вытянулся, голова у него кружилась. Наконец он с усилием поднялся и тут увидел, что Сэм спит.

— Просыпайся, Сэм! — позвал он. — Пора идти.

Сэм встал, оперлись на валун.

— Сам не знаю, что на меня нашло, — сказал он. — Я как провалился. Глаза закрываются сами собой…

Фродо шел теперь впереди, стараясь идти на север по густо усыпанному камнями дну большого оврага. И вдруг снова остановился.

— Нет, Сэм, — проговорил он. — Это не по мне.

Я говорю о кольчуге. Даже мифрильная кольчуга бывала мне тяжеловата в усталости. А эта ведь тяжелее. И какой от нее прок? Дракой нам все равно не победить.

— Но драться нам придется, попомните мои слова. А у тех и ножи, и луки со стрелами… Да и Голлум не подох еще, чует мое сердце. Очень мне не по нраву мысль, что между вами и копьем во тьме ни будет ничего, кроме куртки.

— Пойми, Сэм, милый мой, — умоляюще повернулся к нему Фродо. — Я устал, я уже ни во что не верю и надежды никакой не осталось. Но я должен идти вперед, к Горе — пока ноги держат меня. Кольца мне довольно. Добавочный вес убивает меня. Не считай меня неблагодарным. Жутко подумать, чего стоило тебе отыскать ее среди тех трупов…

— Не говорите об этом, господин Фродо! Что вы! Я понес бы вас, если б мог… Ладно, снимайте ее.

Фродо снял плащ и кольчугу и отбросил ее. Он дрожал.

— Если я сейчас чего-то хочу — так это согреться, — сказал он. — То ли холодней стало, то ли меня продуло…

— Возьмите мой плащ, господин Фродо, — Сэм спустил с плеч мешок и вытащил эльфийский

плащ. — Знаете что? Завернитесь в эти орочьи лохмотья да подпояшьтесь потуже. А поверх набросьте его. На орка вы, правда, не очень теперь похожи, но хоть согреетесь; и, пожалуй, что и от беды он вас укроет лучше, чем любая кольчуга. Его ж Владычица делала.

Фродо накинул плащ и застегнул пряжку.

— Другое дело! — сказал он. — Теперь я опять могу идти. Но эта тьма, кажется, залила мне душу. Когда я лежал в темнице, Сэм, я пытался вспомнить Берендуин, Лесной Предел и мельницу в Приречье. Но теперь я их не вижу…

— Теперь о воде говорите вы, господин Фродо, — заметил Сэм. — Если б Владычица увидала или услыхала нас, я сказал бы ей: «Ваша милость, всё, что нам надо — свет и вода; чистая вода и ясный день лучше любых сокровищ, простите уж вы меня». Но до Лориэна долгий путь, — Сэм вздохнул и махнул рукой куда-то к вершинам Черных Гор, едва видимым в глубокой тьме на фоне черного неба.

Они снова тронулись в путь, но не прошли и нескольких шагов, как Фродо застыл.

— Над нами Черный Всадник, — сказал он. — Я его чую. Лучше нам спрятаться.

Они забились под большой камень и примолк-

ли. Потом Фродо с облегчением вздохнул:

— Улетел.

И тут же замер, пораженный. Далеко слева, на юге, небо посерело. За черными пиками большого хребта разгорался свет. Он полз к северу, сминая и оттесняя тучи Мордора. В небесах шла битва. Ветер живого мира гнал мглу и дымы назад в Царство Тьмы. Тусклый свет заглянул в Мордор, под его жуткий полог — как бледное утро в мрачное тюремное оконце.

— Глядите, господин Фродо! — Сэм не мог отвести глаз от неба. — Глядите! Ветер сменился. Что-то случилось. Значит, не всё по-Его делается! Тьму-то Его малость потеснили… Эх, знать бы, что там творится!..

То было утро пятнадцатого марта — Солнце всходило над Долиной Андуина, поднявшись над восточной мглой, и дул юго-западный ветер. А в полях Пеленнора лежал умирающий Теодэн.

Фродо и Сэм стояли и смотрели — а свет всё ширился за краем Гор Тьмы; а потом они увидели тень, несущуюся с запада — сперва лишь точку, но она росла, пока не промчалась над ними, издав долгий леденящий вопль. То был голос назгула, но он не испугал хоббитов: в нем звучали лишь горе и отчаянье — злые вести для Черного Замка.

Предводитель Кольценосцев встретил свой Рок.

— Что я вам сказал? Что-то случилось! — повторил Сэм. — «Война идет успешно», — сказал Шаграт; но Горбаг уверен в этом не был — и оказался прав. Дела идут на лад, господин Фродо. Не прибавилось у вас надежде?

— Пожалуй, что и нет, Сэм, — Фродо вздохнул. — Это всё далеко, за горами. Мы же идем не на запад, а на восток. А я устал. А Кольцо все тяжелее. И знаешь, Сэм — я всё время вижу его, оно кружится у меня перед глазами и горит огнем…

Сэмова радость мигом угасла. Он тревожно глянул на хозяина и взял его за руку.

— Идем, господин Фродо! Я получил, что хотел: немного света. Он нам поможет, конечно — боюсь только, как бы не погубил. Еще чуть-чуть, а потом ляжем и отдохнем. Но сперва поешьте, кусочек эльфийской лепешки вас подкрепит.

Разделив лембас и с трудом прожевав его иссушенными ртами, Фродо и Сэм двинулись дальше. В тусклом сумеречном свете они видели, что идут по глубокой долине меж гор. Она полого поднималась к северу, а по дну ее вилось русло пересохшей реки. За ее каменистым ложем они заметили проторенную тропу, идущую вдоль подножий западных скал. Они могли бы достичь

ее гораздо раньше — тропа эта отходила от главного Моргульского Тракта у западного края моста и длинной вырубленной в скале лестницей спускалась на дно долины. Ею пользовались патрули и вестники, чтобы быстрее добраться до дальних северных постов и застав, разбросанных между Кириф-Унголом и Льдистоустьем — теснинами за Перевалом Духов.

Хоббитам опасно было идти этим путем, но они торопились, и Фродо чувствовал, что не сможет карабкаться по осыпям и бездорожью Моргая. Да к тому же, рассудил он, погоня не ждет, что они свернут на север. Восточная дорога и перевал — вот где их станут искать в первую очередь. Только когда он отойдет от Заставы на север достаточно далеко — только тогда он повернет и станет искать путь к востоку, путь к концу Похода. Поэтому они пересекли каменистое русло и пошли по орочьей тропе. Утесы западных обрывов нависали над ней, и сверху хоббитов было не увидеть; не тропа часто поворачивала, и на каждом изгибе беглецы хватались за эфесы и замедляли шаг.

Светлее не стало, потому что Ородруин по-прежнему выбрасывал вверх дым — он поднимался все выше, пока не всплыл над ветром и не влил-

ся в неизмеримую крышу. Они тащились уже больше часа, когда неожиданный звук заставил их остановиться. Невероятно — но верно. Журчала вода. Из узкой расселины — такой узкой, что обрыв казался разрубленным великанским топором — стекал ручеек: последние капли, быть может, того дождя, что пришел с Морей, но был обречен пролиться над стенами Царства Тьмы, и бесплодно уйти в пыль. Здесь он крохотным водопадом прыгал со скаты, пересекал тропу и быстро бежал к югу, чтобы затеряться в камнях.

Сэм рванулся к нему.

— Если я когда-нибудь еще увижу Владычицу, я расскажу ей! — крикнул он. — Свет и вода! — он замер на полушаге. — Позвольте мне выпить первым, господин Фродо.

— Пей, пожалуйста, — но здесь хватит места двоим.

— Я не о том, сударь, — сказал Сэм. — Если она ядовитая, или в ней какое еще лихо — лучше уж я, чем вы, если вы меня понимаете.

— Давай-ка попытаем счастья вместе, Сэм. Все же поберегись: она может быть очень холодной.

Вода была прохладной, но не ледяной, и имела неприятный привкус, одновременно жгучий и жирный, дома они ее в рот бы не взяли. Здесь она

казалась выше всяких похвал. Они напились до изнеможения, забыв о страхе и благоразумии, а потом Сэм наполнил баклагу. Фродо стало легче, и они прошли еще несколько миль, пока расширившаяся тропа и начало грубой стены на обочине не предупредили их, что неподалеку орочья крепость.

— Здесь мы свернем, Сэм, — сказал Фродо. — И свернем к востоку, — он вздохнул, глядя на угрюмые кряжи, пересекавшие долину. — У меня хватит сил, только чтобы отыскать там наверху какую-нибудь нору.

Русло реки ушло вниз. Хоббиты по осыпи съехали туда и побрели через него. Кое-где, к своему удивлению, они натыкались на тёмные озерки — туда с чуть слышным журчанием впадали нити ручейков из какого-то источника в долине. На ее внешнем краю под западными горами Мордор был умирающей землей — но еще не умершей. Здесь кое-что росло, боролось за жизнь — твердое, изогнутое, колкое. В ущельях Моргая по другую сторону долины таились низкие чахлые деревья, острая серая трава воевала с камнями, иссохший мох опутывал их; и всюду стлались изодранные, спутанные стебли куманики, у некоторых были длинные шипы, другие вооружились кривыми

колючками. Сморщенные прошлогодние листья скрипели и шуршали на них, но почки только раскрылись. Мухи, мертвенно-серые или черные, жужжали и кусались. Над куманикой тучами висело голодной комарье.

— Тонковаты доспехи у орков, — Сэм отмахивался обеими руками. — Нам бы их шкуру!..

В конце концов Фродо выбился из сил. Они взбирались по узкой пологой лощине, но до последнего гребня было еще далеко.

— Я должен отдохнуть, Сэм, — проговорил Фродо. — И поспать — если смогу.

Он огляделся, но в этом мрачном краю и зверю, казалось, было негде укрыться. Наконец, утомленные, они заползли под занавес куманики, что свешивался с низкой скалы.

Там они поели. Лембас берегли «про черный день»; поэтому Сэм развязал свой мешок и достал немного сушеных фруктов и вяленого мяса, и хоббиты отпили по глотку воды. Они пили еще раз из озер в долине, но жажда не прошла. Едкий привкус воздуха сушил рот. Когда Сим думал о воде, он падал духом. За Моргаем лежало плато Горгороф — и его надо было пересечь.

— Спите сначала вы, господин Фродо, — сказал Сэм. — Опять темнеет. Верно, день кончился.

Фродо зевнул — и спал, не успел Сэм договорить. Сэм боролся с усталостью и взял Фродо за руку; так он и сидел, пока не настала глубокая ночь. Потом, чтобы не уснуть, выполз из-под укрытия и осмотрелся. Что-то трещало, скрипело и чавкало, но ни шагов, ни голосов было не слыхать. Над вершинами Гор Тьмы тускло светилось ночное западное небо. Там, в вышине, выглянув в разрыв туч, мигала белая звезда. Красота ее поразила Сэма в самое сердце, он словно бы вновь взглянул на покинутые земли, и надежда вернулась к нему, ибо ясная и холодная, точно копье, пронзила его мысль, что Завеса Тьмы, в конце концов, вещь проходящая; всегда будут в мире Свет и Краса, до которых ей не дотянуться.

Его песня в башне Заставы была вызовом, а не надеждой, потому что тогда он думал о себе. Теперь — на миг — своя судьба и даже судьба хозяина перестали тревожить его. Он заполз назад в куманику, улегся рядом с Фродо и забылся глубоким спокойным сном.

Они проснулись вместе, рука в руке. Сэм был свеж; но Фродо зевал. Во сне его мучили кошмары, видения огня — и пробуждение не принесло покоя. И все же сон подлечил его: он стал сильнее, мог нести свою ношу дальше — до конца.

Хоббиты не знали ни сколько теперь времени, ни сколько они проспали; но, хлебнув воды, снова пошли по лощине, пока она не оборвалась отвесной скользкой осыпью. Тут уже не было ничего живого; вершины Моргая были голыми, иззубренными, бесплодными, как грифельная доска. Побродив и поискав, они нашли тропку и, после сотни футов цеплянья и карабканья, были наверху. Они подошли к расселине меж темных утесов и, миновав ее, оказались на самом краю последней ограды Мордора. У подножия обрыва, в пятнадцати сотнях футов под ними, лежала равнина — она протянулась в бесформенный мрак за гранью видимого. Ветер дул с запада, и огромные тучи уплывали на восток; но лишь мутный серый свет проникал в Горгороф. Там дымы нисходили на землю и таились в низинах, а трещины курились мглой.

Все еще далеко, не меньше чем в сорока милях, пылала Роковая Гора — подножье в тлеющих обломках, вершина пробила тучи. Огни ее приугасли, и она стояла в дымной дреме, как грозный опасный зверь. Позади неё повисла тьма, зловещая, как грозовая туча — завеса Барад-Дура, возведенного на протянутом с севера отроге Изгарных Гор. Черный Властелин глубоко заду-

мался, и Глаз был обращен вовнутрь в сомнениях и страхе: Он видел ясный клинок и суровое, благородное лицо — и какое-то время все его помыслы были обращены на это; и над всей Его великой твердыней нависла мгла.

С отвращеньем и интересом смотрели Фродо и Сэм на ненавистные земли. Между ними и дымной горой все казалось мертвым — выжженная пустошь.

Интересно, думалось хоббитам, как Властелин этого царства умудряется содержать рабов и воинов. Однако у него были и те и другие. Повсюду, куда ни кинь взгляд, вдоль обрывов Моргая и дальше на юг, стояли лагеря, некоторые из палаток, некоторые — как маленькие поселки. Один из самых больших лагерей был как раз под ними. Он теснился на равнине, как огромное осиное гнездо, вдоль мрачных прямых улиц которого тянулись хижины и низкие тускло — коричневые дома. Вокруг них кишел народ; широкая дорога бежала оттуда на юго — восток, к Моргульскому тракту, и по ней торопились ряды маленьких черных фигурок.

— Не по мне все это, — проворчал Сэм. — Безнадежное дело — не считая того, конечно, что где столько народу — там и вода будет, и само собой,

еда. Там ведь и орки и люди, если я не ослеп.

Ни он, ни Фродо не знали ни об огромных, возделываемых рабами полях далеко на юге Его владений, за дымами Горы, у темных вод озера Веред; ни о широких трактах, что вели на восток и юг в обложенные данью земли — оттуда солдаты Мордора привозили фургоны добра и снеди, пригоняли рабов. Здесь, в северных районах, были копи, кузни, военные лагеря; и здесь Черный Властелин собирал воедино свои рати. Первые уже двинулись на север — а на смену им подходили новые; Он собрал их вокруг Кириф-Горгора для решительного удара. А если его целью была защита Горы от любого вторжения — Он преуспел и в этом.

— Ну, ладно, — продолжал Сэм. — Что бы они там ни пили — нам этого все равно не видать. Спуска-то нет. И потом — не можем же мы ползти через эту пустошь на глазах у стольких врагов, даже если бы и спустились.

— Однако мы должны попытаться, — настойчиво сказал Фродо. — Дела идут не хуже, чем я ожидал. Я никогда не надеялся пересечь плато. Не надеюсь и теперь. Но я должен сделать все, что смогу. Сейчас надо постараться не попасть им в лапы как можно дольше. Так что мы опять

пойдем на север и поглядим, что будет, когда равнина станет поуже.

— Лучше не станет, — мрачно заявил Сэм. — Там, где она сузится, орк будет сидеть на орке, человек — на человеке, а все вместе — друг на друге. Увидите, господин Фродо.

— Увижу, конечно, — если мы туда когда-нибудь дойдем, — Фродо пошел прочь.

Вскоре они поняли, что по бездорожью гребней Моргая им не пройти; пришлось возвращаться той же лощиной и искать тропу по долине. Трудный путь: они не рискнули снова идти по дороге. Через пару миль они увидели небрежно втиснутую в обрыв заставу орков — стену и кучку каменных хижин перед темным устьем расселины. Движения хоббиты не заметили, но крались осторожно, таясь за колючими кустами, которыми густо поросло древнее русло.

Еще две-три мили — и застава скрылась из виду; но едва они вздохнули свободней, как услышали громкие и резкие орочьи голоса. Хоббиты быстро нырнули в бурые чахлые кусты. Голоса приближались. Внезапно появились два орка. Один — в коричневых лохмотьях, чернокожий, с роговым луком; ноздри его короткого широкого носа раздувались — ну точно ищейка, подумали

хоббиты. Другой был солдат, вроде Шаграта, со знаком Глаза на плаще. За спиной у него тоже висел лук, а в лапе он держал короткое копье. Как обычно, они ссорились — а так как были из разных племен, то ругались на Всеобщем языке.

Маленький орк остановился шагах в двадцати от места, где затаились хоббиты.

— Нар! — проворчал он. — Я иду домой, — он кивнул через долину на заставу. Незачем мне утомлять нос на камнях. Здесь следов нет и не было. Говорю тебе: оно ушло, поднялось в горы, а не вдоль долины.

— Немного же от вас пользы, маленькие носачи! — сказал большой орк. — По мне — так глаза лучше любого нюха.

— И много ты ими разглядел? — зарычал второй. — Гарн! Ты ведь даже не знаешь, что ищешь.

— А чья это вина? — огрызнулся солдат. — Не моя. Это все идет от Вышнего. Сперва говорят: эльф в сияющей кольчуге; потом — что-то вроде гномов; еще потом — кучка восставших урхов; а может, тут все они вместе.

— Они там все головы потеряли, — пробурчал нюхач. — А некоторые начальники и шкуру скоро потеряют. Слыхал я, на Заставу был налет, добрая

сотня ребят там полегла, а пленник удрал. Если ваше племя такое же удачливое в бою — нечего удивляться плохим вестям.

— А кто говорит, что вести плохи?! — взвился солдат.

— А кто говорит, что нет?

— Это изменнические разговоры, и я тебя заткну, если сам не заткнешься, понял?

— Ладно, ладно, — сказал нюхач. — Думать ты мне все равно не запретишь… Но что с этого получит черный выползок? Тот непонятно-кто на шлепающих лапах?

— Не знаю. Может, и ничего. Но шмыгает-то он здесь неспроста. Проклятье! Не успел он удрать — как тут же и понадобился — да еще живой, да еще быстро.

— Да поймаем мы его, поймаем и прикончим, — прорычал нюхач. — Он затоптал все запахи, пока возился с той брошенной кольчугой.

— Как ни крути, а она спасла ему жизнь, — заметил солдат. — Я тогда не знал, что он нужен, и выстрелил в него — а стреляю я без промаха — с пятидесяти шагов; но он удрал.

— Гарн! Ты упустил его! — заявил нюхач. — Сперва ты промахиваешься, потом тебе неохота бегать, а потом ты посылаешь за ищейкой. Ты

мне надоел, — он легко побежал прочь.

— Вернись, ты! — гаркнул солдат. — Не то я доложу о тебе!

— Кому это? Не твоему ли любимому Шаграту? Ему атаманом больше не бывать.

— Я донесу на тебя назгулам, — прошипел солдат. — Один из них сейчас на Заставе.

Нюхач остановился, голос его дрожал от страха и ярости.

— Проклятый подлый вор! — взвыл он. — Отправляйся к своим Крикунам, и пусть они тебя заморозят! Доноси, если успеешь — а то, гляди, враг тебя опередит. Они уже разделались с Первым — надеюсь, слухи окажутся правдой!

Большой орк, нацелясь копьем, бросился за ним. Но нюхач, отпрыгнув за камень, пустил стрелу ему в глаз — и он с шумом свалился. Другой прыжками пересек долину и исчез.

Некоторое время хоббиты молчали. Потом Сэм шевельнулся.

— Ну-ну, — сказал он. — Ежели в Мордоре все такие дружные, дело наше облегчается наполовину.

— Тише, Сэм, — прошептал Фродо. — Вокруг могут быть другие. Мы едва спаслись, погоня наступает нам на пятки… А это — дух Мордора:

орки все такие — если верить преданиям, иначе они не могут. Но надеяться на это не стоит. Нас они ненавидят куда больше. Если бы эти двое нас увидели — они подождали бы ссориться, пока не убили бы нас.

Снова молчание, и снова его нарушил Сэм, на сей раз — шепотом:

— Слышали, они говорили о выползке, господин Фродо? Говорил я вам, что Голлум не сдох еще!

— Я помню. Интересно, откуда ты знал? — отозвался Фродо. — Думаю, не стоит нам трогаться в путь, пока совсем не стемнеет. Вот и расскажи, откуда ты это знаешь, и вообще: что случилось. Если можешь говорить тихо.

— Постараюсь, — сказал Сэм. — Но когда я думаю об этом Скрытне, готов кричать — так злюсь.

Хоббиты сидели под прикрытием колючих веток, пока тусклое зарево Мордора сменялось глубокой беззвездной ночью; и Сэм на ухо рассказывал Фродо о предательском нападении Голлума, кошмарной Аракне и своих похождениях с орками. Когда он кончил, Фродо ничего не сказал, но нашел руку Сэма и пожал ее. Наконец он шевельнулся.

— Пора, — сказал он. — Интересно знать, когда нас сцапают?..

Он поднялся.

— Темно — хоть глаз выколи, а Фиалом пользоваться нельзя… Сбереги его для меня, Сэм. Мне его некуда положить, если только держать в руке, а в такой тьме обе руки будут нужны. А Разитель возьми себе. У меня есть орочий клинок, но вряд ли я когда-нибудь еще буду драться.

Идти по бездорожью было трудно и опасно; но хоббиты все шли л шли на север — медленно, запинаясь и спотыкаясь, тащились по каменистой долине. Когда серый свет всполз над западными вершинами, они опять спрятались и поочереди поспали. Когда Сэму приходил черед бодрствовать, он думал, где бы раздобыть еду. Наконец Фродо поднялся и сказал, что неплохо бы поесть и двигаться дальше; и тут Сэм задал вопрос, который не давал ему покоя.

— Простите, господин Фродо… сколько, по-вашему, нам еще идти?

— Понятия не имею, Сэм, — сказал Фродо. — В Светлояре, перед выступлением, я видел карту Мордора, но плохо ее помню. Помнится, на севере есть место, где западный и северный кряжи почти что сходятся. Оно должно быть лигах в два-

дцати от моста у Заставы. Но, конечно, если мы туда дойдем, мы будем дальше от Горы — милях в шестидесяти, наверное. На дюжину лиг от моста, мы, думаю, уже отошли. Даже если все будет хорошо, вряд ли я доберусь до Горы меньше, чем за неделю. Ноша моя все тяжелеет, Сэм, — и чем ближе мы будем, тем медленнее буду я идти.

Сэм вздохнул.

— Этого-то я и боялся. Не говоря уж о воде, господин Фродо, еды почти не осталось: нам надо есть поменьше или идти побыстрей, хотя бы пока мы в этой долине. Еще немного — и еда кончится, кроме эльфийского хлеба, конечно.

— Тогда идем! — Фродо глубоко вздохнул. — Я постараюсь идти быстрее… Пошли!

Еще не совсем стемнело. Они побрели в ночь. Бежали часы утомительного пути — лишь несколько коротких привалов позволили себе хоббиты. С первым лучом серого света, пробившимся под полог туч, они вновь спрятались в темной щели под нависшим камнем.

Свет медленно разрастался — и скоро стало светло, как еще никогда не бывало. Сильный западный ветер разгонял в вышине дымы Мордора. Вскорости хоббиты смогли разглядеть лежащие кругом земли. Желоб меж горами и Моргаем

неуклонно сужался, и внутренний кряж был теперь лишь уступом на крутых склонах Гор Тьмы; но с востока он, как и прежде, круто спадал к Горгорофу. Впереди русло терялось под обломками скал; там от главного хребта отделялся длинный голый отрог, стеной протянувшийся на восток. Встречь ему Изгарные Горы вытянули с севера долгую корявую руку; между их концами был узкий проход в Карах-Ангрен — Льдистоустье — узкую глубокую долину. В этой долине позади Мораннона были подземные коридоры и глубинные арсеналы, сделанные рабами Мордора для защиты Черных Ворот; там Черный Властелин спешно собирал сейчас силы, чтобы встретить атаку Полководцев Запада.

На отрогах стояли форты и башни, горели сторожевые костры; а поперек прохода вздымался земляной вал, за которым был глубокий ров — пересечь его можно было по одному-единственному мосту.

Немного севернее, в углу, где западный отрог ответвлялся от главного хребта, стоял древний замок, теперь — одна из многих орочьих застав. Дорога, извиваясь, спускалась оттуда, поворачивала к востоку в двух-трех милях от места, где прятались хоббиты и сбегала по уступу на склоне

отрога вниз на равнину — к Льдистоустью.

Хоббиты осматривались — и им казалось, что путь их на север был напрасен. Равнина справа курилась туманом, и они не видели там ни лагерей, ни вражьих отрядов; но за всем районом пристально следили форты Карах-Ангрена.

— Мы зашли в тупик, Сэм, — безнадежно вздохнул Фродо. — Идти вперед — прийти к этой орочьей крепости, а единственная дорога — дорога от нее, если только мы не пойдем назад. Нечего и думать подниматься на западные склоны или спускаться по восточным.

— Так пойдемте по дороге, господин Фродо, — сказал Сэм. — Пойдемте и попытаем счастья — если в Мордоре есть счастье. Нельзя нам бродить вокруг да около — еды-то не прибавится! Надо сделать рывок.

— Ладно, Сэм, — Фродо грустно улыбнулся. — Веди меня! У тебя еще осталась надежда… У меня ее нет. Да и рывки не для меня. Хорошо, если я смогу плестись за тобой.

— Сперва поспите и поешьте, господин Фродо, а потом уж поплетемся. Вот, держите!

Он протянул Фродо воду и целую лепешку и сделал ему подушку из своего плаща. Фродо был слишком утомлен, чтобы спорить, а Сэм не ска-

зал ему, что он выпил последнюю воду и съел не только свой, но и сэмов хлеб. Когда Фродо уснул, Сэм склонился над ним, прислушиваясь к дыханию. Лицо хозяина было изможденным, худым, однако, казалось во сне спокойным и ясным.

«Ничего не поделаешь, хозяин, — пробормотал Сэм про себя. — Придется мне, видно, оставить вас на время… Нам нужна вода, не то мы и шагу не сделаем».

Сэм пополз вперед и, двигаясь меж камней осторожней самого осторожного хоббита, спустился к руслу и некоторое время двигался вдоль него на север, пока не дошел до каменных обломков. В давние времена тут, без сомнения, был маленький водопад — теперь же царили сушь и тишь. Но Сэм не поддался отчаянью: он склонился и прислушался — и к восторгу своему услыхал журчание. Вскарабкавшись по обломкам, он нашел тоненькую струйку темной воды: она стекала по откосу в небольшую ямку и пропадала под камнями.

Сэм попробовал: пить было можно. Тогда он напился, наполнил баклагу и повернул назад. И тут заметил черную тень, проскользнувшую неподалеку от спящего Фродо. Подавив вскрик, Сэм спрыгнул с камней и помчался изо всех сил.

Ему не терпелось схватить тварь за горло. Но осторожная тень услышала его — и метнулась прочь. Сэму почудился последний ее взгляд из-за скалы — потом все исчезло.

«Удача не покинула меня, — сказал он себе. — Но дело шло к тому. Мало нам орков — так еще тварь эта треклятая бродит вокруг! Жаль, не подстрелили его…»

Он уселся подле Фродо, но не будил его; однако заснуть не решался. Наконец, когда почувствовал, что глаза его закрываются сами собой, Сэм тихонько потряс Фродо.

— Боюсь, Голлум этот опять объявился, господин Фродо, — сказал он. — Я уходил набрать воды; а как пошел назад — видел: нюхал он тут… Я это к чему: небезопасно нам обоим спать, а у меня, уж вы простите, сударь, веки просто — таки склеиваются.

— О чем ты говоришь, Сэм! — сказал Фродо. — Ложись сейчас же! Но по мне лучше Голлум, чем орки. Он-то нас им не продаст — если только сам не попадется.

— Но он может чуток пограбить и поубивать — сам, — проворчал Сэм. — Вы уж не спите, господин Фродо. Баклага полная — пейте. Мы ее снова наберем, когда пойдем… — и он провалил-

ся в сон.

Когда он проснулся, свет угасал. Фродо сидел прямо, опершись на скалу — и спал. Баклага была пуста. Голлума видно не было.

Вернулась мордорская тьма, и сторожевые огни яростно пылали на вершинах, когда хоббиты вновь вышли в путь — самый опасный с начала похода. Сперва они сходили к родничку, а потом осторожно выбрались на дорогу — там, где она сворачивала к Льдистоустыо. Узкая тропа не была огорожена — а крутой обрыв с одного ее бока становился все глубже и глубже. Хоббиты постояли, прислушиваясь, ничего не услышали и твердым шагом двинулись вперед.

Отшагав добрую дюжину миль, они сделали привал. Позади тропа отклонялась к северу, и место это скрылось из виду. Это и принесло беду. Они немного отдохнули и пошли дальше, как вдруг услышали в ночной тиши звук, которого все время в тайне боялись: шум шагающих ног. Он был пока далеко, но, оглянувшись, они увидели мерцание факелов, возникающих из-за поворота меньше чем в миле позади; двигались враги быстро — слишком быстро, чтобы Фродо успел удрать.

— Этого я и боялся, Сэм, — сказал Фродо. — Мы

доверились удаче, а она подвела нас. Мы попались.

Он взглянул на скальную стену, которую строители древней дороги сделали отвесной. Перебежал тропу и заглянул в темную мглистую яму.

— Попались! — повторил он. И, повесив голову, опустился на землю.

— Кажется, так, — согласился Сэм. — Что ж, подождем да поглядим. — И он уселся рядом с Фродо в тени обрыва.

Долго ждать не пришлось. Орки приближались быстрым шагом — передние с факелами в лапах. Алое пламя росло на глазах. Теперь и Сэм нагнул голову, надеясь, что это скроет его лицо; и поставил щиты перед коленями, чтобы спрятать ноги.

«Только бы они торопились и оставили в покое пару усталых солдат!» — думал он.

Казалось, так и будет. Первые орки прыжками пронеслись мимо, тяжело дыша и глядя вниз. Они были из малых племен, их гнали воевать за Черного Властелина; и все, что их волновало — как бы поскорей кончить путь и избежать бича. Рядом с ними бежали два огромных урха, подгоняя отстающих ударами и криками. Проходили ряд за рядом, и предательские факелы были теперь впереди. Сэм затаил дыхание. Более по-

ловины отряда уже прошло. И тут вдруг один из надсмотрщиков углядел на обочине две фигуры. Он слегка вытянул их бичом и гаркнул:

— Эй, вы! Поднимайтесь, живей!

Они не ответили, и урх криком остановил отряд.

— Двигайтесь, черви! — заорал он. — Не время прохлаждаться, — он шагнул к ним — и увидел знаки на щитах. — Дезертиры, а? — ухмыльнулся он. — Или подумываете об этом? Ваши парни должны были быть в Льдистоустье еще вчера вечером. Вам это известно. Идем, не то я донесу на вас.

Они поднялись и, сгорбившись, хромая, как стершие ноги солдаты, потащились в конец шеренги.

— Не туда! — крикнул надсмотрщик. — Придвиньтесь-ка на три ряда! И будьте на месте, когда подойду, не то отведаете этого! — над их головами щелкнул бич; он щелкнул снова — и отряд пустился бежать быстрой рысью.

Это было очень тяжело для усталого Сэма; но для Фродо это была пытка, кошмар похуже ночного. Он сжал зубы, старался ни о чем не думать — и бежал. Запах орочьего пота оглушал, Фродо мучительно хотелось пить. Они все бежали, и

вся воля хоббита была преклонена к тому, чтобы заставить ноги двигаться; он не решался даже подумать, какой злой конец ждет их. Ускользнуть надежды не было. То и дело появлялся надсмотрщик и издевался над ними.

— Эй, там, — ржал он, подстегивая их. — Где кнут — там и дело, как говорится. Подтянись! Это только задаток, птенчики, вот придем на место — получите все сполна. Для вашей же пользы. Забыли, что мы на войне?

Они пробежали уже несколько миль, и дорога наконец пошла под уклон, выводя на равнину, когда силы оставили Фродо, и воля его поколебалась. Его шатало, он спотыкался. Сэм отчаянно старался помочь ему, поддержать, хоть и чувствовал, что сам едва держится на ногах. Он ждал конца с минуты на минуту: хозяин упадет, и все раскроется, и их усилия пойдут прахом… «Но этот надсмотрщик отправится к праотцам — я не я буду», — думал он.

Неожиданно пришло избавление — как раз, когда Сэм положил руку на эфес меча. Они были на равнине, близ Льдистоустья. Немного впереди, у края моста, дорога сливалась с другими — с юга и из Барад-Дура. По всем дорогам двигались войска: Полководцы Запада приближались, и

Черный Властелин гнал все силы на север. Так случилось, что несколько отрядов столкнулись на перекрестке под стеной. Раздались проклятья, началась давка: каждый отряд старался первым пройти в ворота. Напрасно надсмотрщики вопили и раздавали удары направо и налево — вспыхнула драка, кто-то обнажил меч. Отряд тяжеловооруженных урхов Барад-Дура врезался в шеренгу с горной заставы и смял ее.

Сэм — хоть и был в полузабытьи от боли и усталости — очнулся, быстро сообразил, что творится, и упал наземь, потянув за собой Фродо. Вокруг с воплями и руганью валились орки. Медленно, на четвереньках хоббиты выползали из свалки, пока не перевалились за край дороги. Ее высокая каменная обочина валом возвышалась над равниной.

Некоторое время хоббиты боялись шевельнуться. Было слишком темно, чтобы искать укрытие, даже если его и можно было найти; но Сэм чуял, что им надо убираться от вышек и пламени факелов.

— Ну же, господин Фродо! — прошептал он. — Еще немного, а там и отдохнем.

Последним отчаянным усилием Фродо приподнялся на руках и прополз еще ярдов двенадцать.

Потом вдруг перед ним неожиданно разверзлась яма — он скатился туда и остался лежать без движения.

Глава 3
Роковая Гора

Сэм положил хозяину под голову изодранный орочий плащ, улегся рядом и с головой укрыл его и себя плащом Лориэна; и едва он это сделал, думы его перенеслись в те дивные земли, к эльфам — на плаще уж видно, лежит какой-нибудь наговор, думал Сэм, как бы иначе он спасал их в этом кошмарном ужасе. Он слышал, как удаляется шум драки: отряды проходили в Льдистоустье. В такой толчее и неразберихе их не хватятся — ни в коем случае.

Сэм хлебнул воды и влил глоток в рот Фродо и, когда тот немного пришел в себя, заставил его поесть. Потом, слишком измотанные, чтобы бояться, хоббиты вытянулись и заснули; но спали недолго: острые камни вонзались в бока, да вдобавок, они вспотели, а теперь отчаянно мерзли. Сквозь Черные Ворота и Кириф-Горгор дул с севера пронизывающий ледяной ветер.

Утром снова занялся серый свет: в вышине

по-прежнему дул западный ветер, но внизу, над камнями Царства Тьмы, застыла недвижная холодная духота. Вокруг простирались мрачные ржавые земли. Дороги были пусты; но Сэм боялся бдительных глаз на стене Льдистоустья — всего в одном-двух фарлонгах к северу. На юго-востоке бастионом тьмы смутно маячила Гора. Дымы курились над ней — некоторые поднимались и уносились к востоку, некоторые собирались в огромные тучи, скатывались по склонам и растекались по земле. На северо-востоке, в предгорьях Изгарных Гор, тускло серели холмы, за которыми вставал угрюмый северный хребет, подобный дальней череде темных туч.

Сэм прикидывал расстояние и пытался сообразить, каким путем им идти.

«Шкал не меньше пятнадцати миль, — уныло бормотал он, уставясь на грозную гору. — Стало быть, и топать не меньше недели… — он покачал головой и, когда все понял, новая темная дума пришла ему в голову. Надежда никогда не покидала надолго его стойкой души, и до сего дня он всегда думал о возвращении. Но горькая правда наконец достучалась до него: еды им хватит самое большее дойти до цели; а когда дело будет сделано — они останутся одни, бездомные,

посреди жуткой пустыни. Возврата не будет.

«Так вот, значит, зачем я шел… — думал Сэм, — помогать господину Фродо до конца и умереть с ним. Что ж, так — так так. Да только охота мне увидеть еще разок Приречье, и Рози Хлопкинс, и ее братьев, и моего старика… Не послал бы Гэндальф господина Фродо на это дело, будь оно вовсе безнадежным. Все пошло наперекосяк, когда он сгинул в Мории. Хотел бы я, чтоб он спасся… Уж он бы что-нибудь да сделал!»

Однако умершая надежда, казалось, придала Сэму новые силы.

Его простое хоббичье лицо стало суровым, почти жестким, будто воля его окрепла, по всем его жилам пробежала дрожь, точно он обратился в существо из кремня и стали — и ни отчаянью, ни усталости, ни бесконечным милям пути было не одолеть его.

С новым чувством оглядывал он ближние земли, обдумывал следующий шаг. Становилось все светлее и Сэм, к своему удивлению, увидел, что то, что казалось издалека ровной низиной, было на деле изломано и изрыто. Всю равнину Горгорофа покрывали оспины ям и нор — словно во времена, когда она была морем жидкой грязи, над ней прошел ливень из булыжников и гальки» Самые

большие ямы окружали куски камня, широкие трещины разбегались от них. В этом краю можно было незамеченным перебираться из укрытия в укрытие — по крайней мере, тому, кто был силен и не имел нужды спешить. Но для голодного и усталого это было зловещее зрелище.

Думая об этом, Сэм вернулся к хозяину. Будить того не пришлось. Фродо лежал на спине, глядя в затянутое тучами небо.

— Ну, господин Фродо, — сказал Сэм. — Я осмотрелся и немного подумал. На дорогах никого, и лучше нам убираться отсюда, пока выпал случай. Можете вы двигаться?

— Должен, — ответил Фродо.

Они двинулись — от ямы к яме, прячась за каждым камнем, но неуклонно продвигаясь к холмам предгорий на севере. Но самая восточная из дорог следовала за ними, пока не убежала по склонам гор в черную пустоту впереди. На ее серой ленте не было сейчас ни орков, ни людей — Черный Властелин почти закончил переброску войск, и даже в собственных землях предпочитал покров ночи, боясь ветров, что обратились против него, обеспокоенный вестями о смелых соглядатаях, что прошли сквозь все Его преграды.

Хоббиты одолели еще несколько утомительных

миль — и остановились. Силы Фродо иссекали. Сэм видел, что так ему далеко не уйти — он то шел медленно, высматривая путь, то вдруг начинал торопиться, запинаясь и падая.

— Давайте-ка, покуда светло, вернемся на дорогу, господин Фродо, — предложил Сэм. — Доверьтесь еще разок удаче! Она нас, правда, чуть не подвела — но не подвела ведь. Еще несколько миль по ровному — и отдохнем.

Он рисковал куда больше, чем думал; но Фродо был слишком занят ношей и борьбой с самим собой, чтобы спорить — и слишком утомлен, чтобы быть осторожным. Да и надежд у него уже не осталось.

Они выкарабкались на дорогу и поплелись суровым трактом, что вел к самому Черному Замку. Но удача более не изменяла им, и за остаток дня им никто и ничто не встречалось; и когда спустилась ночь, они исчезли во мраке Мордора. Земли затаились, будто перед бурей.

Полководцы Запада миновали Перекресток и запалили поля предсмертников в Имлад-Моргуле.

Поход Отчаянья продолжался: Кольцо подвигалось к югу, а знамена Королей — к северу. Каждый день, каждая миля были для хоббитов

мучительней всех прежних — силы убывали, земли становились все страшней. Днем врагов не встречалось. По ночам, когда они забивались под какой-нибудь камень, их беспокойную дрему тревожили крики, шум шагов или мягкий скок какой-нибудь ездовой твари. Но куда хуже этих опасностей была все прибывающая угроза, что давила их: смертная угроза Силы, что ждала, погрузившись в глубокие думы, и бессонная злоба за темным пологом вкруг Его трона. Все ближе и ближе подвигалась она, кап стена ночи, за которой — конец мира.

Наконец настала зловещая ночь; и когда Полководцы Запада подошли к концу живых земель, для двух путников настал час слепого отчаянья. Четыре дня прошло, как они удрали от орков, но время ложилось позади черным кошмаром. За последний день Фродо не сказал ни слова, но шел, согнувшись, часто спотыкаясь, точно зрение изменило ему. Сэм догадывался, что из всех их мучений он испытывает страшнейшее — растущий вес Кольца, бремя для тела и пытка для духа. С тревогой подмечал Сэм, как часто поднимается левая рука хозяина, будто чтобы укрыться от лиходейского Глаза или отвести удар. А порой правая рука Фродо подбиралась к

груди, сжималась — и медленно, покорная воле, оттягивалась назад Когда вернулась тьма ночи, Фродо уселся, голова — меж коленей, руки устало свесились. Сэм глядел на него, пока ночь не окутала их, скрыв друг от друга. Слова не шли на ум; он обратился к своим трудным думам. Что до него — несмотря на усталость и страх, силенки у него еще были. В лембасе таились чары, без которых хоббитам давным-давно пришел бы конец. Конечно, порой Сэм вспоминал о еде и мечтал о простом сухарике и куске мяса; однако в эльфийском хлебе была сила — и она возрастала, когда путники ели только его, не смешивая с другой едой. Он питал воли, давал выносливости, силы двигаться. А сейчас надо было принять новое решение. Больше по этой дороге они идти не могли: она уводила на восток, под Завесу Тьмы — Гора же маячила справа, на юге; пора было сворачивать к ней. Однако перед ней по-прежнему простиралась пустошь — дымящаяся, голая, выжженная земля.

Вода, вода!.. — бормотал Сэм. Он обделял себя, язык в иссохшем рту распух и не шевелился — и все же, как ни заботился оно ней, воды в баклаге оставалась едва половина, а впереди — дни и дни пути. Она давно бы уже кончилась, если бы

хоббиты не отважились пойти орочьим трактом. Потому что время от времени на нем попадались водоемы, сложенные, чтобы рати не погибли от жажды в безводных краях. В одном из таких бассейнов Сэм нашел немного воды — стоялой, загрязненной, но все же годной для питья. Однако с тех пор прошел день. Надежды отыскать еще воду не было.

Наконец, утомленный заботами, Сэм задремал; больше ему ничего не оставалось. Сон и явь смешались. Он видел огни, как жадные глаза и темные крадущиеся тени, слышал шум и смертные крики; он вскакивал — мир вокруг был темен и пуст. Лишь однажды, когда он стоял и дико озирался, ему почудились бледные огни, вроде белесых глаз; но они вскорости исчезли.

Ненавистная ночь проходила медленно и неохотно. Ибо теперь, когда Гора приблизилась, воздух все более тускнел: из Черного Замка выползала Завеса Тьмы, которой окутывал себя Саурон. Фродо недвижно лежал на спине. Сэм стоял рядом; говорить ему не хотелось, но он знал, что говорить придется: он должен заставить хозяина идти дальше. В конце концов он пригнулся к его уху, погладил лоб и позвал:

— Просыпайтесь, сударь! Пора.

Словно поднятый внезапным колоколом, Фродо вскочил и взглянул на юг; но, когда глазам его предстали Гора и пустошь, он дрогнул.

— Не могу, Сам! — жалобно сказал он. — Мне не снести его!

Сэм заранее знал, что слова его бесполезны, что они зло, а не благо — но в горе не смог сдержаться.

— Так давайте я понесу его вместо вас, хозяин! Хоть немного. Вы же знаете, я могу… и с радостью — пока у меня есть силы.

Безумный свет вспыхнул в глазах Фродо.

— Отойди! Не тронь меня! — выкрикнул он. — Оно мое! Прочь! — Рука его легла на эфес. Но тут голос его изменился. — Нет, Сэм, нет, — проговорил он печально. — Пойми. Это моё бремя, и никто больше не может нести его. Так ты мне не поможешь. Я сейчас в его власти. Отдать его я не могу, а ежели ты попытаешься взять его — сойду с ума.

Сэм кивнул.

— Понимаю, — тихо сказал он. — Но, господин Фродо, по-моему, есть другие вещи, без которых можно обойтись. Почему бы не облегчить немного ношу? Нам сейчас идти туда, — он указал на Гору, — самой прямой дорогой. Вовсе незачем

тащить ненужное; а много ли нам надо?

Фродо снова взглянул туда.

— Нет, — отозвался он. — На этом пути нам надо немного.

— А в конце — и совсем ничего.

Он поднял щит и отбросил его; следом полетел шлем. Потом, сняв серый плащ, он расстегнул тяжелый пояс: тот вместе с мечом упал наземь. Остатки черного плаща он дорвал и раскидал вокруг.

— Больше я не орк! — воскликнул он. — И я безоружен. Пусть приходят и забирают меня, если хотят!

Сам поступил так же: снял орочьи доспехи и вынул все из своего мешка. Каждая вещь была дорога ему. Тяжелее же всего было расстаться с кухонной утварью. Слезы навернулись ему на глаза, когда он подумал, что придется ее бросить.

— Помните вы того кролика, господин Фродо?.. — спросил он. — И наше теплое местечко вод берегом в краях Капитана Фарамира — я тогда еще слониуса видел?

— Боюсь, что нет, Сэм, — ответил Фродо. — Я знаю, что все это было — но не разумею этого. Ни вкуса еды, ни прохлады воды, ни шума ветра, ни памяти о деревьях, траве, цветах, ни образа луны

и звезд не оставлено мне. Я наг во тьме, Сэм — и ничего между мной и кругом огня. Он все время передо мной, а остальное — истаяло.

Сэм поцеловал ему руку.

— Чем скорей мы от него избавимся, тем скорей отдохнем, — проговорил он, не найдя других слов.

«Разговорами дела не ускоришь, — бурчал он себе под нос, сгребая все, что собрался выкинуть. Он не хотел оставлять вещи на открытом месте. — Скрытень поживился уже кольчугой — незачем добавлять к ней меч. Его лапы и пустые достаточно мерзки. А поесть из моих кастрюлек ему уж точно не удастся!» Он отнес всё к одной из трещин, бороздивших землю, и бросил вещи в нее. Дребезжание кастрюль на лету похоронным маршем отозвалось в сердце.

Сэм вернулся к Фродо, отрезал кусок эльфийской веревки — хозяину вместо пояса — и накрепко привязал серый плащ к его талии. Остаток веревки он смотал и засунул назад в мешок. Кроме нее он оставил лишь разломанный дорожный хлеб, баклагу и Разитель — тот по-прежнему висел у него на поясе; да далеко на груди, в кармане куртки — Фиал Галадриэли и маленькую коробочку, которой она его одарила.

Теперь, наконец, они повернулись к Горе и двинулись, не думая больше об убежищах, скрутив усталость, преклонив волю лишь к одному — идти вперед. Во мгле зловещего дня даже напряженная бдительность этих земель не смогла бы выследить их. Изо всех прислужников Черного Властелина только назгулы могли бы предупредить Его об опасности, что прокралась — маленькая, но неотвратимая, — в самое сердце Его владений. Но назгулы улетели: они собрались далеко, затеняя марш Полководцев Запада, и туда были обращены думы Черного Замка.

В тот день Сэму показалось, что у его хозяина прибавилось сил — простым облегчением ноши он не мог этого объяснить. Фродо шел быстрей и прошел больше, чем они надеялись. Край был грубый, враждебный — однако, Гора все приближалась. Но когда день увял, и тусклый свет начал угасать, Фродо снова поник и зашатался, точно последнее усилие отняло у него остаток сил.

На последней стоянке он опустился на землю и сказал:

— Я хочу пить, Сэм, — и умолк.

Сэм дал ему глоток воды; в баклаге остался еще глоток. Сам он пить не стал; и когда ночь Мордора опять сомкнулась над ними, мысли его

занимала только вода; и каждый ручей, поток или источник, который он видел когда — нибудь — затененный ракитами или журчащий на солнце — теперь вспоминался ему, плясал и зыбился перед его глазами. Он чувствовал прохладный ил вокруг пальцев — будто бы снова плескался с Рози Хлопкинс и ее братьями Олли, Томом и Нибсом в Мельничной Заводи в Приречье.

«Все это было давно, — он вздохнул. — И далеко. Дорога назад, если она есть, лежит за Горой».

Он не мог уснуть и спорил с собой.

«Ну что ж, начали мы лучше, чем ты надеялся, — бодро заявил он. — Почти полдороги оттопали. Еще денек — и конец».

«Не будь ослоп, Сэм Гискри, — осадил его его же голос. — Он не сможет больше идти, как сегодня — если вообще двинется. Да и ты долго не протянешь, коли и дальше будешь отдавать ему всю воду и хлеб».

«Однако я еще могу идти — и пойду».

«Куда это?»

«К Горе, ясное дело».

«А дальше, Сэм Гискри, дальше-то что? Ну, дойдешь ты туда — и что делать будешь? Сам-то он ничего не сможет».

И Сэм в смятении понял, что ответить ему

нечем. Фродо почти ничего не рассказывал ему о своей миссии — Сэм знал только, что Кольцо надо бросить в огонь. «Пасть Рока» — вспомнилось ему древнее название. «Ну, хозяин-то знает, как ее найти», — пробормотал он.

«Вон что!.. — раздалось в ответ. — Все это без толку. Он сам сказал. Ты осёл, надеяться не на что, а тащиться туда — незачем. Вы могли давным-давно лечь и уснуть, если б не были такими упрямыми. Все равно ведь умрете — только страшней. Ложитесь сейчас, бросьте это дело. На вершину вам так и так не взойти».

— Я взойду, даже если для этого придется бросить здесь всё, кроме моих костей, — сказал Сэм. — И понесу хозяина, даже если сердце мое разорвется. Заткнись!

В этот миг Сэм ощутил, как дрогнула земля, и услышал — или почуял — глубинный смутный рокот — будто под землей раскатился гром. Слабый багровый сполох озарил тучи. Гора тоже спала неспокойно.

Последняя часть похода к Ородруину принесла больше мук, чем, как прежде считая Сэм, он может вынести. Рот его был так сух, что есть он не мог. Было по-прежнему темно, и не только из-за курева Горы: казалось, близится гроза, на юго-во-

стоке под черными тучами мерцали молнии. Но что худе всего — в воздухе висел дым: дышать Было мучительно трудно, голова кружилась, хоббиты спотыкались и часто падали. И все же воля их не поддалась, они шли вперед.

Гора придвигалась, — пока, подняв тяжелые головы, хоббиты не увидели, что она заслонила все небо: зола, шлак да обожженные камни, из которых вздымался к тучам крутобокий конус. Прежде, чем дневные сумерки стали ночью, они добрались до ее подножья.

Фродо, задыхаясь, бросился на землю. Сэм уселся рядом. Хоть он и устал, но, к своему удивлению, чувствовал облегчение, голова его опять была ясной. Сомнения более не тревожили его. Он знал все: доводы отчаянья — и не слушал их. Воля его была тверда, лишь смерть могла бы сломить ее. Ему больше не хотелось ни есть, ни пить, ни спать — только бдительность осталась в нем. Он знал: завтрашний день — день судьбы, последнего усилия или гибели.

Но когда он придет? Ночь казалась бесконечной, минута за минутой мертво падали, добавляясь к непроходящему часу и не принося перемен. Неужто за этой ночью сразу придет следующая — без дня, подумал Сэм. Наконец он тронул Фродо

за руку. Рука была холодной и дрожала. Хозяина бил озноб.

— Нельзя мне было бросать одеяло, — пробормотал Сэм; он улегся рядом и попытался согреть Фродо своим телом. Так он и уснул; и тусклый свет следующего дня застал их бок о бок. Ветер с запада перестал; теперь он дул с севера, набирая силу; и свет невидимого солнца медленно проник под завесу, где лежали хоббиты.

Пора! Последний переход! — сказал Сэм, тяжело поднимаясь на ноги. Он склонился над Фродо и осторожно разбудил его. Фродо застонал; но сделал усилие — и встал; а потом опять упал на колени. Темные склоны Роковой Горы дыбились над ним; он с трудом поднял на них глаза — и на четвереньках пополз вверх.

Сердце Сэма обливалось слезами, но ни одна слезинка не вытекла из сухих глаз.

— Я оказал, что понесу его, пусть даже сердце у меня разорвется, — пробормотал он. — И понесу!

— Постойте, господин Фродо! — крикнул он. — Я не могу нести его за вас — так понесу и вас, и его. Сэм вас повезет, господин Фродо, милый, скажите только — куда.

Когда Фродо влез ему на спину, обвил руками шею и слабо сжал коленями бока, Сэм, поша-

тываясь, поднялся — и почувствовал, как легка его ноша. Он-то боялся, что не сумеет поднять и одного хозяина — а тут ведь еще это треклятое Кольцо! Но он ошибся. То ли Фродо был слишком истощён муками, раной, ядом, страхом и бродяжничеством, то ли к Сэму пришли вдруг силы — а только он поднял Фродо запросто, как малыша-хоббитенка. Вздохнул глубоко — и зашагал.

Они подошли к Горе с севера и чуть с запада. Склоны здесь, хоть и разрушенные, не были крутыми. Фродо молчал, и Сэм сам выбрал путь: его вело лишь желание взобраться как можно выше, покуда воля не изменила ему, а ноги не отказались его нести. Он брел вверх и вверх, поворачивая туда-сюда, чтобы облегчить подъем, часто спотыкаясь, а под конец пополз, как улитка с тяжкой ношей за плечами. А когда воля отказалась подчиняться ему, он остановился и осторожно спустил хозяина с плеч.

Фродо открыл глаза и глубоко вздохнул. Здесь, наверху, над дымами равнины, дышалось легче.

— Спасибо, Сэм, — хрипло прошептал он. — Далеко еще?..

— Не знаю, — сказал Сэм. — Потому что вообще не знаю, куда мы идем.

Он поглядел назад и поглядел вверх — и был

поражен, увидев, на сколько они продвинулись. Гора, одинокая и зловещая, казалась вше, чем была. Теперь Сэм видел, что она не намного выше перевалов Гор Тьмы, которые им с Фродо пришлось преодолеть. Основание ее поднималось примерно на три тысячи футов над равниной, и еще на половину этой высоты вздымался центральный конус, как гигантская печь или труба, с иззубренным кратером на конце. Но Сэм одолел уже больше половины основания, и равнина Горгорофа туманилась внизу, окутанная маревом. Сэм взглянул вверх — и вскрякнул бы, если бы не иссушенное горло: среди бугров и скал он отчетливо видел дорогу или тропу. Она обегала Гору кругом, карабкаясь с востока, пока не достигала подножия конуса.

Сэм не видел ее прямо перед собой — мешал крутой склон, но он сообразил, что еще немного — и они вылезут на эту дорогу. Тень надежды вернулась к нему. Гора еще могла покориться им. «Ее, должно быть, проложили нарочно, — сказал он себе. — Ежели бы ее здесь не было — тогда я сказал бы, что побежден».

Дорога была проложена, конечно, не для Сэма. Хоббит не знал, что смотрит на Сауронов Тракт — он вел от Барад-Дура к Саммат-Науру, Палате

Огня. Он выходил из западных ворот Черного Замка, перебирался через ущелье по железному мосту, спускался на равнину, бежал по ней меж двух дымящихся трещин и достигал длинной насыпи на восточном склоне Горы. Потом, крутясь и змеясь, взбирался наконец высоко на конус, под дымную вершину, — к темному входу, что глядел назад, на восток; в Окно Глаза в сауроновой окутанной мглой Цитадели. Часто разрушаемый судорогами Горы, тракт этот всегда подновлялся и вычищался орками.

Сэм перевел дыхание. Тракт был — но как до него добраться, он понятия не имел. Сперва надо было отдохнуть: спина у него разламывалась. Он лег навзничь рядом с Фродо. Оба молчали. Медленно разгорался свет. Вдруг нетерпение, которого он не смог бы объяснить, охватило Сэма. Его словно бы звали: «Скорей, скорей же, не то будет поздно!» Он собрался с силами и встал. Фродо, казалось, тоже услыхал зов.

— Я поползу, Сэм, — выдохнул он, стоя на коленях. Фут за футом, как крохотные серые насекомые, одолевали они подъем. Выбрались на дорогу — она оказалась широкой, мощеной битым булыжником и слежавшейся золой. Фродо, точно повинуясь какому-то приказу, медленно

повернулся к востоку. Вдали висел дымный полог Саурона; но, то ли раздернутые порывом ветра, то ли послушные беспокойной воле внутри, тучи закружились и на миг отдернулись; и хоббит увидел — темнее тьмы, в которой он стоял, — суровые башни и железный венец Барад-Дура. Один миг — но, будто из неизмеримо высокого окна, полыхнуло багровое пламя: блеск Глаза, вонзенный в север; а потом тучи сомкнулись и жуткое видение скрылось. Глаз не был обращен к ним: он впился в Север, где стояли Полководцы Запада, и туда была преклонена вся его злоба — Сила Тьмы готовилась нанести смертельный удар; но Фродо этот блеск поразил насмерть. Рука его искала цепочку на шее.

Сэм опустился на колени подле него. Слабо, почти беззвучно Фродо шептал:

— Помоги мне, Сэм! Помоги!.. Поймай мою руку! Мне не удержать ее…

Сэм схватил руки хозяина, сложил их вместе и принялся целовать; а потом ласково взял в свои. «Он заметил нас! — подумалось ему. — Все кончено — или скоро кончится. Вот и пришел конец, Сэм Гискри».

Он снова поднял Фродо, опустил его руки себе на грудь, наклонив голову, медленно побрел

вверх по дороге. Путь был не таким легким, как казался сначала. По счастью, огонь, который видел с Кириф-Унгола Сэм, изливался в основном из трещин на южном и западном склонах, так что тракт был свободен. Но кое-где камень выкрошился, кое-где его пересекали трещины. Вскоре дорога резко свернула и повела к западу. На повороте она глубоко врубалась в скалу, в незапамятные времена испеченную в топках Горы. Задыхаясь под ношей, Сэм свернул за угол; и, поворачивая, заметил углом глаза что-то, падающее со скалы: черный камень, что сорвался, когда он проходил.

Внезапный вес обрушился на него, и он упал, ободрав ладони. И тут же понял, что случилось: над ним раздался ненавистный голос:

— Злой хозяин! — шипел он. — Нехорош-ший! Обманщ-щик: обманул Смеагола, голл. Не должен был идти. Не должен вредить Прелесс-сти. Отдай его Смеаголу, да, отдай! Оно наш-ш-ше!

Сэм в бешенстве вскочил; он сразу обнажил меч, но поделать ничего не мог. Голлум и Фродо сцепились; Голлум норовил добраться до цепочки и Кольца. Быть может, только это и могло подстегнуть умирающую волю Фродо: нападение, попытка силой отобрать у него сокровище. Он

отбивался с яростью, поразившей Сэма — и Голлума тоже. Однако все могло бы кончиться иначе, останься Голлум таким, как был; но какими бы жуткими тропами, одинокими и безводными, не пробирался он, влекомый сжигающей его страстью, они наложили на него отпечаток. Он был худ, голоден, изможден: кожа да кости. Дикий свет мерцал в его глазах, но злоба его превышала его силы. Фродо отбросил его и поднялся, дрожа.

— Ниц! — выдохнул он, держась руной за грудь так, что сжимал висящее под курткой Кольцо. — Ниц, тварь, и прочь с дороги! Твой час еще не пробил. Ты не задержишь и не убьешь меня. — И вдруг, как некогда у Привражья, Сэм увидал этих двоих иным зрением. Скорченная тварь, едва ли больше, чем тень живого существа, побежденная, однако полная жуткой жажды и ярости; а перед ней — суровая, теперь чуждая жалости, фигура в белом, и на ее груди — круг огня. Из огня донесся повелительный голос:

— Убирайся и более не тревожь меня! Если осмелишься тронуть меня еще раз — ввергнешь себя в Огонь Рока.

Скорченная тень отпрянула с ужасом в глазах — и в то же время вожделение горело в них.

Тут видение рассеялось, и Сэм увидел, что Фро-

до стоит, прижав руку к груди и тяжело дыша, а Голлум съежился у его ног, упершись в землю широкими ладонями.

— Берегитесь!.. — вскрикнул Сэм. — Он прыгнет! — он шагнул вперед, обнажив меч. — Быстрей, хозяин! Идите! Не мешкайте! Его прикончу я. Идите!

Фродо взглянул на него точно издалека.

— Да, я пойду, — сказал он. — Прощай, Сэм! Вот, наконец, и все. На Роковой Горе рок должен пасть… Прощай!

Он повернулся и пошел прочь, медленно, но твердо поднимаясь по Тракту.

— Наконец-то! — сказал Сэм. — Наконец-то я с тобой сквитаюсь! — хоббит прыгнул вперед и занес меч. Но Голлум не двигался. Он ничком лежал на земле и хныкал.

— Не бей нас! — скулил он. — Не тронь нас гнус-с-сной ос-с-ст-рой с-сталью! Дай нам пожить ещ-ще немножко! Прелес-сть уйдет — и мы умрем в пыли… — он зарылся в золу длинными костистыми пальцами. — Прелес-с-сть!.. — шипел он.

Рука Сэма дрогнула. Разум его плавился от гнева и памяти о лиходействе. Будет только справедливо заколоть этого предателя и убийцу — справедливо и не единожды заслужено; к тому

же это казалось единственно безопасным. Но в глубине сэмовой души жило нечто, остановившее его: не мог он ударить тварь, лежащую в пыли — одинокую, разбитую, совершенно несчастную. Он и сам нес Кольцо — пусть недолго — и теперь смутно чуял умирание иссушенного тела и духа Голлума, порабощенного Кольцом, лишенного покоя и силы жить. Но слов выразить, что он чует, у Сэма не было.

Будь ты проклят, злыдень! — сказал он. — Убирайся! Прочь! Я тебе не верь и не поверю, пока не вздую — но убирайся. Не то я трону тебя — да, гнус-сной острой сталью.

Голлум вскочил на четвереньки, отбежал на несколько шагов, а потом оглянулся — Сэм погрозил ему кулаком, и он помчался вниз по тракту. Сэм не обратил на него внимания. Он вдруг вспомнил о хозяине. На дороге его видно не было. Сэм заторопился наверх. Оглянись он — он увидел бы Голлума: тот повернулся и с горящими безумным огнем глазами быстро, но осторожно пополз вверх, тенью скользя меж камней.

Тракт вился и вился — и скоро, пройдя сквозь разлом в конусе, подвел к темной двери на склоне Горы — двери Саммат-Наура. Далеко на юге, пронзив мглу и дым, запылало солнце — тусклый

кровавый диск, но Мордор лежал вокруг Горы мертвый, безмолвный, ожидая какого-то удара.

Сэм подошел к раскрытой пасти и заглянул. Было темно и жарко, воздух дрожал от глубинного рокота.

— Фродо!.. Хозяин!.. — позвал Сэм.

Никакого ответа. Он постоял немного — сердце бешено колотилось от страха — и шагнул внутрь. Тень скользнула за ним.

Сперва он ничего не увидел. Дрожащей рукой он снова вытащил Фиал Галадриэли — но тот остался холодным. Сэм пришел в самое сердце владений Саурона, к кузням его древней мощи, величайшей в Средиземье: любая другая сила здесь была бессильна. Он со страхом сделал несколько шагов — и тут вдруг откуда-то вымет-нулось багровое пламя, ударив в высокую черную крышу. Сэм увидел, что он в длинной пещере, или туннеле, погребенном в дымящейся конусе Горы.

Но чуть впереди пол и обе стены рассекала трещина, из которой бил ослепительный алый свет, то разгорающийся, то меркнущий; и все время где — то внизу что-то рокотало, пульсировало, волновалось.

Свет взблеснул снова — на краю трещины, у самой Пасти Рока, стоял Фродо, чернея в зареве:

прямой, застывший, будто ставший камнем.

— Хозяин! — крикнул Сэм.

Фродо шевельнулся и заговорил — никогда прежде не слышал Сэм какого чистого и сильного голоса; он поднялся над рокотом Гори и зазвенел меж стен.

— Я дошел, — сказал он. — Но не могу сделать то, рада чего шел. Я не совершу этого. Кольцо мое!

Вдруг он надел Кольцо и исчез. Сэм задохнулся, но вскрикнуть не успел: слишком многое случилось в этот миг.

Что-то сильно толкнуло Сэма в спину, ноги его подкосились и он грохнулся головой о камни — а через него перескочила черная тень.

А вдали — когда Фродо надел Кольцо и объявил его своим — Сила Тьмы поколебалась в Барад-Дуре, и замок сотрясся от основания до вершины. Черный Властелин внезапно увидел его, и Глаз, пронзив все тени, взглянул через равнину на Саммат-Наур; и размеры Его глупости явились Ему, и замыслы врагов стали, наконец, явными. Тогда гнев ослепил Его, а поднявшийся страх сгустился душным дымом. Ибо Он знал, на каком смертельно тонком волоске висит сейчас Его рок.

Разум Его отряхнул все сети страха и преда-

тельств, все замыслы и войны; и по всему Его царству пробежал трепет, рабы Его дрогнули, рати застыли, а полководцы, внезапно забытые, поколебались, лишенные воли. Дух и цель Силы, что вела их, были теперь преклонены к Горе. И, послушные ее зову, с цепенящими воплями понеслись к Ородруину назгулы, быстрее ветра мчась на юг.

Сэм поднялся. Голова кружилась, кровь заливала лицо. Он шагнул вперед — и увидал странную и жуткую картину. На краю трещины Голлум боролся с невидимым врагом. Он качался взад-вперед, то чуть не падая в пропасть, то отскакивая, валясь наземь, поднимаясь и снова падая. И он все время шипел, но не говорил ни слова.

Пламя внизу ревело в гневе, мерцал алый свет, пещеру заливало ослепительное зарево. Внезапно Сэм увидел, как длинные руки Голлума потянулись ко рту, сверкнули белые клыки — и сомкнулись, будто кусая. Фродо вскрикнул — он стал видим, стоял на коленях на краю разлома. А Голлум, танцуя, как сумасшедший, высоко поднял Кольцо (палец все еще торчал в нем). Оно сияло, точно и в самом деле было из огня.

— Прелесть, Прелес-сть, Прелес-с-сть! — вопил Голлум. — Моя Прелесть! О, моя Прелесть!

И тут — глаза его были подняты к добыче — он оступился, пошатнулся, какой-то миг стоял на краю… и рухнул с протяжным: «П р-е-л е-е-с-с-с-с т ь!»

Бездна взревела. Языки пламени лизнули крышу. Рокот превратился в гром, Гора затряслась. Сэм кинулся к Фродо, подхватил его и вытащил за дверь. И там, на пороге Саммат-Наура, высоко над равнинами Мордора, такие изумление и ужас объяли его, что он застыл, позабыв обо всем.

На краткий миг увидел он кружащиеся тучи, а в центре — башни и зубчатые стены, высокие, как горы, стоящие в седловине на неизмеримой высоте; стены и донжоны, слепые темницы и ворота из гранита и стали; а потом все исчезло. Башни упали, горы оползли; стены осыпались и рухнули; огромные копья дыма и пара взвивались вверх, пока не осели все закрывшей, марью. И тогда, наконец, донесся грохот и рев; земля дрожала, равнина дыбилась и трескалась, Ородруин шатался. Его расколотая вершина извергала огонь. Небо ответило громом и молниями. Хлынул черный дождь. И в самое сердце бури, разорвав тучи, пылающими стрелами вонзились назгулы, заметались меж огненными развалинами Горы и небом, потускнели, развалились… пропали.

— Ну, вот и все, Сэм Гискри, — раздался голос рядом с ним.

Сказал это Фродо, бледный и изможденный — но прежний; и глаза его были спокойны — ни напряженной воли, ни безумия, ни страха не осталось в них. Ношу с него сняли. Это был любимый хозяин давних мирных дней.

— Хозяин!.. — вскрикнул Сэм и упал на колени. Мир вокруг рушился — его же захлестнула радость. Бремя сгинуло. Хозяин его спасся; он снова был собой, он был свободен. И тут Сэм заметил искалеченную, кровоточащую руку.

— Ваша рука!.. — сказал он. — И перевязать ее здесь нечем… Уж лучше бы этот злыдень откусил мне руку целиком. Но теперь до него не докричишься — подох наконец.

— Да, — отозвался Фродо. — Помнишь, Гэндальф сказал: «Чует мое сердце, что он для чего-то еще понадобится? Если бы не он, Сэм, — я не уничтожил бы Кольца. Так давай простим его! Ибо дело сделано и конец близок. Я рад, что ты со мной — здесь и сейчас, Сэм.

Глава 4

Кормаллен

Вокруг холмов ярились рати Мордора. Полководцы Запада тонули в подступающем море. Кроваво мерцало солнце, крылья назгулов отбрасывали на землю черные тени смерти. Арагорн стоял под знаменем безмолвный и суровый, словно уйдя в думы о далеких земляк и временах; но глаза его сияли как звезды, что светят тем ярче, нем глубже ночь. На вершине холма стоял Гэндальф, он был бел и холоден, и ни одна тень не упала на него. Атака Мордора разбилась, как волна, об осаженные холмы, голоса ревели, как прилив, среди звона и лязга оружия.

Гэндальф всматривался в даль, будто глазам его было дано иное зрение; он повернулся на север, где небо было бледным и чистым.

Потом поднял руки — и голос его зазвенел над битвой:

— Орлы летят!..

И многие голоса подхватили:

— Орлы! Орлы летят!

Орды Мордора взглянули вверх — и стали гадать, что это означает.

К ним летел Гвайхир Ветробой и его брат Ландровал, самый большой из Северных Орлов;

позади вытянулись вереницы их подданных, паря на крепнущем ветре. Они снижались прямо на назгулов, и шум их широких крыльев был подобен шторму.

Но назгулы ускользнули и скрылись в тенях Мордора, услыхав внезапный страшный зов Черного Замка; и в этот миг рати Мордора дрогнули, сомнение объяло их души, хохот смолк, руки ослабли.

Сила, что гнала их вперед, наполняя гневом и ненавистью, пошатнулась, воля ее отвернулась от них; и, взглянув теперь в глаза врагу, они увидали смертный свет — и испугались.

Тогда Полководцы Запада громко закричали, ибо сердца их исполнились во тьме новой надежды. С осажденных холмов двинулись рыцари Гондора, роандийцы, северяне-дунаданы — сомкнутыми отрядами теснили они врага, гоня его ударами копий. Но Гэндальф снова поднял руки и громко воззвал:

— Стойте, воины Запада! Стойте и ждите! Настал час судьбы.

И когда он говорил, земля вздыбилась под их ногами. А далеко за Черными Вратами, высоко над горами, взметнулась в небо мерцающая молниями мгла. Земля тряслась и стонала. Башни

Клыков дрогнули, зашатались и рухнули; мощный вал осыпался; Черные Ворота разлетелись в куски и издалека, сначала слабо, потом — поднявшись до небес, донесся рокочущий грохот, долгий раскат гибельного рева.

— Владычество Саурона кончилось! — молвил Гэндальф. — Хранитель исполнил свой долг.

Полководцы Запада взглянули на юг, на земли Мордора — и им почудилась гигантская черная тень, непроницаемая, увенчанная молниями. Она простерлась над миром и протянула к ним угрозную руку — жуткую, но бессильную; ибо в этот миг налетел ветер, подхватил ее и погнал прочь; и упала тишь.

Полководцы склонили головы; а когда снова подняли глаза — враги их бежали, мощь Мордора развеялась, как пыль на ветру. Создания Саурона — орки, и тролли, и твари, порабощенные чарами — безумно метались туда-сюда; некоторые кончали с собой, бросались в омуты, или с воем прятались в норы, подальше от света. А вастаки и харадримцы увидели безнадежность войны и величие и славу Полководцев Запада. И те, кто долго был на службе у зла, ненавидя Запад, но будучи воинами гордыми и суровыми, сплотились для последнего сопротивления; большинство же

бежало, бросая оружие, моля о пощаде.

Тогда Гэндальф, оставив дела войны Арагорну и другим властителям» встал на вершине холма и позвал; и к нему спустился Гвайхир Ветробой.

— Дважды нес ты меня, друг мой, — сказал Гэндальф. — Третий раз, если пожелаешь, заплатит за все. Я сейчас не тяжелее, чем когда ты унес меня с Зиракзигила.

— Я понесу тебя, — ответил Гвайхир, — куда захочешь — будь ты даже высечен из камня.

— Тогда летим, и пусть брат твой летит с нами, и кто-нибудь еще — самый быстрый из твоего народа! Ибо мы должны обогнать ветер, больше — обогнать назгулов.

— Дует Северный Ветер, но мы обгоним его, — проговорил Гвайхир. Он поднял Гэндальфа и поспешил на юг, а за ним — Ландровал и юный Менельдор. Они миновали Льдистоустье и Горгороф — и перед ними, разливая пламя, вспыхнула Роковая Гора.

— Я рад, что ты со мной — здесь и сейчас, Сэм, — сказал Фродо.

— Да, я с вами, хозяин, — отозвался Сэм, тихонько кладя раненую руку Фродо ему на грудь. — А вы со мной. И поход кончен. Но после того, как мы прошли весь этот путь, мне очень не хочется сда-

ваться. Не по мне это, если вы меня понимаете.

— Так уж устроен мир, Сэм, — сказал Фродо. — Надежды нет. Конец близок. Осталось недолго. Мы затеряны в развалинах, спасенья нет.

— Ну, хозяин, хоть уйти-то от этого жуткого места, от Пасти Рока, или как ее там, мы, на худой конец, можем, разве нет? Идемте, господин Фродо, спустимся по тракту!

— Хорошо, Сэм, если ты хочешь, я пойду, — проговорил Фродо; они поднялись и устало двинулись вниз по дороге. И едва они подошли к дрожащему подножию Горы, из Саммат-Наура вырвался столб дыма, стена конуса обвалилась, и широкий огненный поток медленной гремящей рекой покатился по восточному склону.

Фродо и Сэм не могли идти дальше. Последние силы тела и духа быстро таяли. Хоббиты добрели до пологого холма у подножия Горы; но и на нем спасения не было. Это был остров — а вокруг разверзалась земля, из ям и трещин вырывался дым. Позади сотрясалась Гора. Медленно стекали по длинным склонам реки пламени. Шел дождь из горячей золы.

Они стояли; и Сэм все еще держал хозяина за руку, ласково поглаживая ее.

Он вздохнул.

— А все же мы побывали в сказке, господин Фродо, правда? Хотел бы я послушать, как ее рассказывают! Как вы думаете, скажут они: «А теперь черед истории про Фродо о Девяти Пальцах и Роковое Кольцо»? И тогда все затихнут, совсем как мы, когда нам в Светлояре рассказывали о Берене-Одноруком и Великом Алмазе… Эх, послушать бы мне ее! Да узнать бы, как она дальше пойдет — после нас, хочу я сказать.

Он все болтал, отгоняя страх, а глаза его смотрели на север, туда, где небо было чистым: холодный ветер разгонял тьму и обрывки туч.

Такими Гвайхир и увидел их, когда снизился по ветру и, презрев опасность, закружился над Горой: две крохотные темные фигурки, одинокие, рука в руке стоящие на маленьком холме — а земля вокруг тряслась и задыхалась, и огненные реки все приближались. И, едва он их высмотрел и полетел вниз, они упали — истощенные, или задушенные дымом и жаром, или сраженные отчаяньем, закрыв глаза, чтобы не видеть смерть.

Они лежали рядом; и Гвайхир ринулся вниз, а следом — и Менельдор Быстрый. И в беспамятстве, не знающих, какая судьба постигла их, странников подняли и унесли далеко от тьмы и пламени.

Когда Сэм очнулся, то обнаружил, что лежит на каком-то мягком ложе, а над ним тихонько колышутся буковые ветви, и сквозь их молодую листву проблескивает солнце — зелень и золото. Воздух был полон благоуханием.

Он помнил этот запах: аромат Ифилиэна. «Ну, дела! — подумал он. — Это сколько же я спал?» Запах вернул его в день, когда он развел костер под солнечным бережком; и на миг все остальное выскользнуло из памяти. Он потянулся и глубоко вздохнул.

И приснится же такое! — пробормотал он. — Как здорово проснуться! — он сел и увидел, что Фродо лежит рядом и мирно спит — одна рука за головой, другая на одеяле. Третьего пальца на этой руке не было.

Тут память вернулась, и Сэм вскрикнул:

— Это был не сон!.. Где же мы?

Ответил тихий голос:

— В Ифилиэне, во владениях Короля; он ждет вас, — и перед ним возник Гэндальф, одетый в белое, борода его сияла на солнце, как чистый снег. — Ну, мастер Сэммиус, как вы себя чувствуете? — осведомился он.

Но Сэм вытаращился на него, открыв рот; на миг он окаменел. Смятение и радость боролись

в нем.

— Гэндальф! — выдохнул он наконец. — Ущипните меня! Ты ж умер!.. Да, а недавно я думал, что я сам умер… Неужто все беды стали неправдой? Что творится с миром?

— Завеса Тьмы рассеяна, — сказал Гэндальф и засмеялся, и смех был подобен музыке или журчанию воды в иссохшем краю; и Сэму подумалось, что он бессчетные дни не слышал смеха. Он звучал в его ушах отзвуком всех шуток, какие только знал хоббит. Но сам он расплакался. Потом, словно бы ласковый дождь унесся ветром весны, и солнце засияло ярче, слезы его высохли, и зазвенел смех, и смеясь, он вскочил с ложа.

— Как я себя чувствую? — повторил он. — У меня и слов-то таких нет… Ну, ровно травка по весне, или лист под солнцем… или грубы и арфы играют — и песни все новые! — он осекся и повернулся к хозяину. — А вот как господин Фродо? Ему больше моего досталось — рука-то… В остальном-то он, надеюсь, в порядке?..

— В остальном — в порядке, — Фродо сел и тоже засмеялся. — Заснул, дожидаясь тебя, соня ты этакий. Я проснулся рано поутру, а теперь скоро полдень.

— Полдень? — попытался сосчитать Сэм. — Ка-

кого дня?

— Четырнадцатого дня Нового Года, — сказал Гэндальф. — Или, если хочешь, восьмого апреля по счету Края. Но в Гондоре Новый Год всегда будет начинаться двадцать пятого марта, когда пал Саурон, а вас вытащили из огня и принесли к Королю. Он выходил вас, и теперь он вас ждет. Есть и пить будете с ним. Я отведу вас к нему, когда будете готовы.

— Король?.. — переспросил Сэм. — Какой Король, кто он?

— Король Гондора и Властелин западных земель, — торжественно проговорил Гэндальф. — Он отвоевал свое древнее царство. Ему скоро ехать на коронацию, но он ждет вас.

— Что нам надеть? — спросил Сэм, потому что он видел лишь старые драные одежды, в которых они шли, брошенные в траву у постелей.

— То, что было на вас на пути в Мордор, — сказал Гэндальф. — Даже орочьи лохмотья, что ты носил в Царстве Тьмы, Фродо, должны сохраниться. Ни шелка, ни полотно, ни драгоценное оружие не будут более почетны. А потом я, быть может, отыщу вам что-нибудь получше…

Маг протянул им руки, и хоббиты увидели, что одна из них светится.

— Что у тебя там?! — вскрикнул Фродо. — Неужели…

— Да, я принес вам два сокровища. Их нашли на Сэме, когда спасли вас. Дары Владычицы Галадриэли: твой Фиал, Фродо, и твоя шкатулка, Сэм. Вы будете рады получить их назад целыми.

Когда они умылись, оделись и слегка подкрепились, хоббиты последовали за Гэндальфом. Они вышли из буковой рощи, где лежали, и ступили на зеленую горную лужайку, пылающую на солнце, окаймленную величественными темнолистыми деревьями с алыми цветами. Позади слышался шум водопада, а впереди меж цветущих берегов журчал ручей, пока не привел к зеленому лесу, вбежав под арку деревьев у подножия холма.

Они вышли на поляну в лесу — и удивились: там стояли рыцари в светлых кольчугах и стражи, одетые в черное с серебром; все они учтиво приветствовали хоббитов, склонившись перед ними. А потом один протрубил в длинную трубу, и они пошли дальше — коридором деревьев вдоль берега ручья. Так дошли они до широкой луговины, за ней мерцала в серебристой дымке большая река, где множество кораблей отдыхало у лесистого острова. А на луговине рядами, отряд за отрядом, стояло огромное войско — и

когда хоббиты приблизились, обнажились мечи, взметнулись копья, затрубили рога и трубы; и воины кричали на многих языках:

— Да здравствуют Полурослики! Слава им!

— Куио и Периан аннан! Аглар'ни Перианнат!

— Слава им, Фродо и Сэммиусу!

— Даур а Берхаэль, Конин эн Аннун! Эглерио!

— Слава им!

— Эглерио!

— А лайта тэ, лайта тэ! Андавэ лайтувалмент!

— Слава им!

— Кормаколиндор, алайта тариэнна!

— Слава им! Слава Хранителям!

Кровь бросилась им в лицо, глаза засияли — Фродо и Сэм шли вперед и уже видели, что среди кричащего войска стоят три трона, сложенные из дёрна. За правым мчался — белый на зелени — вольный скакун; за левым плыл по голубому полю серебристый корабль-лебедь; а за центральным троном реял на ветру огромный штандарт, и на нем, на черном фоне, под сияющей короной и семью мерцающими звездами, цвело белое дерево. На троне сидел одетый в кольчугу человек, большой меч лежал у него на коленях, шлема на нем не было. Когда они подошли ближе, он поднялся. И тут они узнали его, хотя он и изменился:

высокого, радостного, благородного — темноволосого и сероглазого Короля Людей.

Фродо побежал ему навстречу, и Сэм не отставал ни на шаг.

— Это ли не венец всему! — сказал он. — Бродник, или я сплю!

— Да, Сэм, Бродник, — подтвердил Арагорн. — Помнится, когда-то в Усада ты и глядеть на меня не хотел… Долог был путь оттуда — долог для всех нас, твой же был худшим из всех.

А потом, к сэмову удивлению и совершенному смущению, он преклонил перед ниш колено; и, взяв за руки — Фродо за правую, а Сэма за левую — подвел их к трону, усадил, повернулся к воинам — и голос его зазвенел над войском:

— Славьте их! Славьте!..

По рядам пронесся радостный шум и замер — к полному удовлетворению и радости Сэма вперед выступил Менестрель Гондора и попросил дозволения петь.

И начал:

— Внемлите!.. Внемлите мне — властители и рыцари, короли и принцы, и доблестные воины, и прекрасный народ Гондора, и всадники Роханда, и вы, сыновья Эльронда, и северяне-дунаданы, и эльф, и гном, и все вольные люди Запада! Ибо

я спою вам о Фродо о Девяти Пальцах и Роковом Кольце.

Сэм расхохотался в восторге, услыхав его; и, не в силах сдержаться, вскочил и крикнул:

— Блеск и слава!.. Все мои желания сбылись!

А потом заплакал.

И все войско смеялось и плакало; и среди их веселья и слез серебром взмыл к небу чистый голос менестреля — и люди стихли.

И он пел им, то по-эльфийски, то на наречии Запада, пока души их, раненые словами, не переполнились, и они не унеслись в думах туда, где мука и радость — одно, а слезы — вино блаженства.

Наконец, когда солнце перевалило за полдень и тени деревьев удлинились, он кончил.

— Слава им! Великая слава! — молвил он, опускаясь на колени. Тогда Арагорн поднялся, и поднялось войско, и все пошли в шатры — есть, пить и веселиться, пока длится день.

Фродо и Сэма провели в отдельную палатку, сняли с них старые одежды и с почтением отложили в сторону; и дали хоббитам чистое бельё. Потом вошел Гэндальф, и в руках его — Фродо глазам своим не поверил — были меч, эльфийский плащ и мифрильная кольчуга. Сэму маг принес

позолоченную кольчугу и его плащ, вычищенный и кое-где зашитый. А потом положил перед ними два меча.

— Мне меч не нужен, — отказался Фродо.

— Сегодня ты должен быть при мече, — сказал Гэндальф.

Тогда Фродо взял небольшой меч — он принадлежал Сэму и был положен с ним рядом на Кириф-Унголе.

— Разитель твой, Сэм, — сказал он.

— Нет, хозяин! Господин Бильбо дал его вам вместе с кольчугой; он не хотел бы, чтобы кто другой носил его.

Фродо сдался, и Гэндальф, точно он был их оруженосцем, преклонил колено и опоясал их мечами; потом встал и возложил им на головы серебряные обручи. И, одевшись, они отправились на пир; они сидели за королевским столом с Гэндальфом, Князем Йомером Роандийским, Принцем Имрахилем и Капитанами; были там также Леголас и Гимли.

Но когда после Минуты Безмолвия гостям поднесли вино, вошли два оруженосца, чтобы прислуживать своим сеньорам: один — в черной с серебром одежде стражей Минас-Тирифа, другой — в зеленом и белом. Интересно, подумал Сэм,

что делают такие мальчишки среди всех этих могучих воинов. А потом вдруг они оказались совсем рядом — и он увидел.

— Глядите-ка, господин Фродо!.. — чуть не завопил он. — Глядите! Я — не я, коли это не Пин — господин Перегрин Хват, хотел я сказать — и не господин Мерри! Как они выросли! Сдается, не только нам есть что порассказать…

— Воистину так, — повернулся к ним Пин. — Как пир кончится — все расскажем. А пока можете попытать Гэндальфа — он не так замкнут, как был, хоть и смеётся теперь больше, чем говорит. Мы с Мерри сейчас заняты. Мы рыцари Гондора и Марки, как, я надеюсь, вы видите.

Наконец день радости кончился; и, когда солнце зашло, и круглая луна медленно всплыла над туманами Андуина, взблескивая на шелестящих листьях, Фродо и Сэм уселись под шепчущими деревьями среди благоухания Ифилиэна; и добрую половину ночи они проболтали с Пином, Мерри и Гэндальфом, а потом к ним подошли и Гимли с Леголасом. Фродо и Сэм узнали, что приключилось с их товарищами после того, как в лихой день на Парф-Галене Отряд распался; и, однако, у них появлялись все новые и новые вопросы — и новые рассказы.

Орки, говорящие деревья, лиги степей, скачущие всадники, мерцающие пещеры, белые крепости, золотые дворцы, битвы, длинные корабли — всё смешалось в голове Сэма. Но среди всех этих чудес самым большим чудом казался ему вид Мерри и Пина; он то и дело заставлял их меряться ростом с собой и Фродо и наконец заявил, чеша в затылке:

— В ваши-то годы! Ничего не понимаю!.. Вы ж на добрых три дюйма выше, чем должны быть, или я гном.

— Что нет — то нет, — сказал Гимли. — Говорил же я, что Смертные не могут просто так пить напитки энтов. Это вам не пиво. С ними после этого кое-что происходит.

— Напитки энтов?.. — повторил Сэм. — Опять вы об энтах; но что они такое — никак не пойму. Это сколько же времени пройдет, пока мы во всем разберемся?

— Много, много, — «успокоил» его Пин. — А потом Фродо придется запереться в Башне Минас-Тирифа и все записать. Не то он забудет половину — такое будет огорчение для старого Бильбо!..

Наконец Гэндальф поднялся.

— Руки Короля — руки целителя, милые друзья, — сказал он. — Но вы были у самого края

смерти, когда он отозвал вас, погрузив в ласковое забытье сна. И, хоть спали вы долго и счастливо, пришло время заснуть снова.

— И не только Сэму и Фродо, — поддержал мага Гимли, — но и тебе, Пин. Я люблю тебя, хотя бы только за те муки, которых ты мне стоил — мне их никогда не забыть. Не забыть и того, как я тебя нашел после последней битвы. Если бы не гном Гимли — ты бы пропал. Ну, а я теперь знаю, как выглядят хоббичьи ноги — они одни торчали из груды тел. Когда я тебя вытащил, то был уверен: ты мертв. Я готов был выдрать себе бороду… Ты только день, как стал на ноги. Отправляйся спать. Да и мне пора.

— А я, — молвил Леголас, — поброжу в лесах этой дивной земли — это для меня отдых. В грядущие дни, если мой Владыка позволит, кое — кто из нашего народа придет сюда — тогда край этот станет вощину Благословенным… на время. На время: на месяц, на год, на сотню людских лет. Но Андуин близко, и Андуин ведет к Морю. К Морю!..

К морским пределам чайки зовут,
Ветер струит облака.
Западным ветром парус раздут,

Закатно плещет река.
Солнце заходит под водный кров,
Блекнет сиянье дня…
Серый корабль, ты слышишь зов
Тех, кто ушел до меня?
Над Морем блекнет сиянье дня,
Взывают к тебе они!
Я покину леса, что взрастили меня,
Ибо кончились наши дни.
Великие волны, последний брег,
Последний остров вдали…
Я там был, где не был еще человек
В пределах эльфийской земли.
Презрев обольщенья, я внял: «Вперед!»
И даль приоткрылась мне.
Пойду я по гладям широких вод
К вечно зеленой стране.
И, напевая, он сошел с холма.

Разошлись и остальные. Фродо и Сэм пошли спать. А утро принесло им надежду и покой. Луга Кормаллена, где стояло лагерем войско, было недалеко от Хеннет-Аннуна, и по ночам слышал-

ся грохот его водопада и шум бегущей оттуда по заливным лугам реки — она впадала в Андуин у Кайр-Андроса. Хоббиты бродили повсюду, навещая места, по которым проходили раньше; Сэм заглядывал во все потаенные уголки, надеясь хоть одним глазком увидеть слониуса. А когда он узнал, что во время осады Гондора там было множество этих зверей, но все они погибли — только грустно вздохнул.

«Нельзя, само собой, быть везде сразу, — сказал он себе. — Но что я много потерял — это уж точно».

Тем временем войско готовилось возвращаться в Минас-Тириф. Усталые отдохнули, раненые исцелились. Некоторые преследовали остатки вастаков и харадримцев и бились с ними. И, последними, вернулись те, кто проник в Мордор и разрушал крепости на севере.

Но, наконец, когда приблизился месяц май, Полководцы Запада со всеми воинами взошли на корабли и поплыли вниз по Андуину — к Осгилиафу. Там они провели день; а на следующий вступили на зеленые поля Пеленнора и снова увидели белые башни под древним Миндоллуином — Город людей Гондора, последнюю память о Заокраинном Западе, что прошла сквозь тьму и

огонь к новому утру.

И там, среди полей, разбили они шатры, дожидаясь утра; был Канун Мая, и с восходом солнца Король должен был войти в Ворота Города.

Глава 5
Наместник и Король

Над Городом Гондора нависли неуверенность и страх. Дивная погода и ясное солнце казались насмешкой людям, каждое утро ожидающим роковых вестей. Их Князь умер и сгорел, в башне их Цитадели лежал павший князь Роханда, а новый Король, что явился им ночью, снова ушел на войну с силами слишком темными и грозными, чтобы их победить. И никаких вестей. Ни гонцы, ни слухи не приходили после того, как войско миновало Моргульскую Долину и двинулось на север.

Не прошло и двух дней с ухода Полководцев Запада, как Йовин велела женщинам, что ходили за ней, принести ее платье, не стала слушать возражений и поднялась; и, когда ее одели и вложили руку в полотняную петлю, пошла к Верховному Целителю.

— Мой господин, — сказала она, — я в большом

волнении и не могу больше лежать в постели.

— Но, госпожа, — возразил тот, — вы еще не излечились, а мне приказано было ухаживать за вами с особым тщанием. Вам нельзя вставать еще семь дней — так мне сказали. Прошу вас вернуться.

— Я излечилась, — отвечала она, — По крайней мере, — излечилась телом, если не считать руки, а это — не важно. Но я заболею снова, если мне нечего делать. Неужели же нет вестей с войны? Женщины ничего мне не говорят.

— Вестей нет, — сказал Верховный Целитель. — Кроме того, что Властители поскакали к Моргульской Долине; воины говорят, что ведет их новый полководец с севера. Это великий муж и целитель, и мне странно было узнать, что рука целителя может владеть мечом. В Гондоре сейчас не так — хоть некогда, говорят, так и было. Но давно мы уже только чиним дыры, что прорывают мечи. Нам хватает дел и без них: в мире и без войн довольно больных и страждущих — ни к чему умножать их.

— Война нужна лишь одному Врагу, — заметила Йовин. — А те, кто не имеет мечей, может пасть под ними. Неужто вы хотите, чтобы народ Гондора собирал травы, когда Черный Властелин

собирает рати? И не всегда хорошо излечиться телом. Как не всегда плохо умереть в бою — даже в муках. Если б я могла, я избрала бы второе.

Верховный Целитель взглянул на нее. Она стояла — высокая, с глазами, горящими на бледном лице; рука ее сжалась, когда она отвернулась, глядя в выходящее на восток окно.

— Неужели там нечего делать?.. — проговорила она. — Кто правит этим Городом?

— Не знаю точно, — отозвался Целитель. — Это не заботит меня. Здесь маршал роандийцев, а Хурин-Ключарь, говорят, командует воинами Гондора. Но Правитель Города — Князь Фарамир.

— Где мне найти его?

— В этих Палатах, госпожа. Он был серьезно ранен, но сейчас на пути к исцелению. Но я не понимаю…

— Проводите меня к нему. Тогда поймете.

Князь Фарамир бродил один в саду Палат Целителей: пригревало солнце, и он чувствовал, как новая жизнь струится в его жилах; но на сердце у него было тяжко — он смотрел на восток. Верховный Целитель окликнул его — он оглянулся и увидел Йовин. Душу его тронула жалость, потому что он понял, что она ранена, а его чистый взор прозрел ее печаль и непокой.

— Мой Князь, — сказал Верховный Целитель, — это Йовин Роандийская. Она прискакала с Князем, была ранена и находится сейчас под моей опекой. Но она не удовлетворена и пожелала говорить с Правителем Города.

— Не пойми его превратно, Князь, — проговорила Йовин. — Не нехватка заботы гнетет меня. Для тех, кто ищет исцеления, нет дома прекрасней. Но я не могу лежать в бездействии. Я искала смерти в бою. Но я не умерла, а битва продолжается.

По знаку Фарамира Верховный Целитель удалился.

— Чего же ты просишь, дева? — сказал Фарамир. — Я такой же пленник целителей.

Он смотрел на нее, и жалость к ней глубоко взволновала его; но большее ее скорби поразило его душу ее очарование. А она прочла печальную нежность в его глазах — и, однако, знала, ибо вскормлена была среди воинов, что никому из всадников Марки не превзойти его в бою.

— Чего ты просишь? — повторил он. — Если это в моей власти — я исполню всё.

— Я хотела бы, чтобы ты приказал этому Целителю отпустить меня, — молвила она; но, хоть речи ее были еще горды, сердце ее дрогнуло, и в первый раз она усомнилась в себе. Этот высокий

воин, одновременно суровый и мягкий, мог решить, что она своенравна, как дитя, у которого не хватает твердости духа довести начатое до конца.

— Я и сам под опекой Верховного Целителя, — ответил Фарамир, — И пока еще не правлю Городом. Но будь это даже так, я прислушался бы к его совету и не стал бы перечить его воле — вели только в великой нужде.

— Но я не желаю лечиться, — упрямо возразила она. — Я хочу скакать в бой, как мой брат Йомер, а лучше того — как князь Теодэн, ибо он умер и обрел славу и покой.

— Слишком поздно нагонять Полководцев, — проговорил Фарамир, — даже если бы у тебя были силы. А смерть в бою может настигнуть еще всех нас. Ты лучше приготовишься встретить ее, если сейчас, пока есть еще время, станешь следовать советам Верховного Целителя. Ты и я — мы должны терпеливо сносить часы ожидания.

Йовин не ответила, но, когда он взглянул на нее, ему показалось, что что — то в ней смягчилось, будто жестокий мороз подался перед первым предвестием весны. Гордая голова склонилась. И голос звучал тихо, точно она говорила с собой, а не с ним.

— Но целители велят мне оставаться в постели. И мое окно не выходит на восток.

Фарамир улыбнулся, хотя сердце его исполнилось жалости.

— Твое окно не выходит на восток? Это поправимо. Я скажу Верховному Целителю. Если ты останешься в Палатах и примешь наши заботы, то сможешь гулять по саду, когда пожелаешь, и смотреть на восток. И здесь ты найдешь меня, гуляющего и ждущего — и тоже глядящего на восток. Страдания мои облегчатся, если ты согласишься беседовать со мной или просто бродить — молча.

Тут она подняла голову и взглянула ему в глаза; ее бледное лицо порозовело.

— Как могу я облегчить твои страдания, Князь? — спросила она. — Я не хочу говорить с живыми.

— Хочешь ли ты, чтобы я ответил честно?

— Хочу.

— Тогда, Йовин, Дева Роханда, я скажу, что ты прекрасна. В долинах наших гор растут дивные яркие цветы, а девушки наши еще красивей; но никогда не встречал я в Гондоре цветка или девы столь прекрасной — и столь печальной. Быть может, лишь несколько дней осталось нам, прежде

чем Завеса Тьмы накроет мир; и, когда она придет, я надеюсь твердо встретить ее; но на сердце у меня будет легче, если, пока еще сияет солнце, я смогу видеть тебя. Ибо и ты, и я побывали под Завесой Тьмы, и одна рука излечила нас.

— Увы, не меня, Князь! — сказала она. — Тьма все еще лежит на мне. Не ищи во мне исцеления! Я — воительница, и рука моя тверда... Однако я благодарна тебе хотя бы за то, что смогу гулять. Любезность Правителя Города отперла замки моей палаты.

Она учтиво простилась и ушла в дом. А Фарамир долго еще бродил в саду, и взгляд его стремился теперь не столько к стенам, сколько к дому.

Вернувшись в палату, Фарамир призвал Верховного Целителя и узнал от него все, что тот мог рассказать о Деве Роханда.

— Вы, без сомнения, узнали бы много больше от Полуруслика, что тоже лечится здесь, — добавил Целитель. — Ибо он скакал с князем, и, говорят, сражался в конце с нею рядом.

Мерри прислали к Фарамиру, и они проговорили весь день — и Фарамир узнал многое, больше, чем рассказывал Мерри; и решил, что понимает теперь печаль и волнение Девы Роханда. А вечером Фарамир и Мерри гуляли по саду; но она

не пришла.

Но утром, когда Фарамир вышел в сад, он увидел ее — Йовин стояла на стене; она была вся в белом и сияла на солнце. Он окликнул ее, и она спустилась, и с тех пор они каждый день вместе гуляли в саду — то молча, то тихо беседуя. А Верховный Целитель глядел на них из окна и радовался, ибо труд его облегчился; потому что, хоть и тяжко давил на души ужас тех дней, эти двое с каждым днем набирались сил.

Пошел пятый день, как Йовин впервые увидела Фарамира; они опять стояли на стене и всматривались в даль. Ночью с севера подул пронизывающий ледяной ветер; а земли вокруг казались серыми и мрачными.

Они были в теплых одеждах и толстых плащах, а Йовин набросила поверх всего большую накидку цвета глубокой летней ночи, изукрашенную по подолу и вороту серебряными звездами. Этой накидкой закутал ее Фарамир; он думал, как она прекрасна и горда — истинная королева. Мантия была соткана некогда для его безвременно умершей матери — Финдуилас из Дол-Амроса — и была для него памятью о красоте прежних дней и о его первой печали; и одеяние это показалось ему достойным красоты и печали Йовин.

Но сейчас она дрожала под звездной накидкой и смотрела на север, в лицо холодному ветру — туда, где небо было суровым и чистым.

— Что ты ищешь, Йовин? — сказал Фарамир.

— Разве Черные Ворота лежат не там? — отозвалась она. — И разве он не должен быть сейчас там? Прошло семь дней, как он уехал.

— Семь дней… — повторил Фарамир. — Не думай обо мне дурно, Йовин, если я скажу: они принесли мне радость и муку, каких я не знал прежде. Радость видеть тебя; но муку, ибо теперь страх и сомнения этих лихих времен стали темны, как никогда. Йовин, я не хочу, чтобы мир кончался и не хочу так быстро терять то, что нашел!

— Терять, что нашел, Князь?.. — удивилась она; но глаза ее были добры и печальны. — Не знаю, что нашел ты в эти дни такого, что мог бы потерять. Но, друг мой, давай не будем говорить об этом! Давай помолчим! Я стою на каком-то жутком краю, и у моих ног — черная пропасть, и есть ли свет позади — не знаю. Ибо я еще не могу обернуться… Я жду удара судьбы.

— Да, мы ждем удара судьбы, — кивнул Фарамир; и они умолкли.

И казалось им, что ветер стих, свет померк,

солнце затуманилось, а все звуки в Городе и вокруг смолкли: не слышно было ни ветра, ни голоса, ни зова птицы, ни шороха листвы; даже сердца их будто перестали биться. Время застыло.

Они стояли; руки их встретились и сжались, но они не заметили этого. Они ждали — сами не зная чего. Потом вдруг над хребтом дальних гор встала стена тьмы, возвышаясь, как волна, готовая залить мир, и в ней мерцали молнии; и дрогнула земля, и сотряслись стены Города. Звук, подобный вздоху, донесся из полей окрест. И сердца их забились вновь.

— Это напоминает мне о Нуменоре, — сказал Фарамир, и удивился, услышав свой голос.

— О Нуменоре?.. — она подняла к нему глаза.

— Да, — сказал он. — О землях Запада, и о великой тьме, волной накрывающей зеленые луга и омывающей холмы — тьме неизбывной. Мне она часто снится.

— Значит, ты думаешь, что близится Тьма? — медленно проговорила Йовин.

— Тьма Неизбывная? — и вдруг приникла к нему.

— Нет, — сказал Фарамир, глядя ей в лицо. — Это лишь страшный сон… Я не знаю, что случилось.

Ум мой сказал, что грядет великое лихо, и мы стоим у края дней. Но сердце говорит: нет; и на душе у меня легко, и надежда и радость пришли ко мне и разуму не победить их. Йовин, Йовин, Светлая Дева Роханда, в этот час я не верю, что настанет тьма! — он нагнулся и поцеловал ее в лоб.

Так стояли они на стенах Города Гондора, и поднялся сильный ветер, и волосы их, смоляные и золотистые, смешались. И Завеса Тьмы поднялась, и солнце очистилось, и засиял свет; и Андуин искрился серебром, и во всех домах Города люди пели от непонятной радости.

И не успело солнце склониться к западу, с востока прилетел огромный орел и принес от Полководцев Запада вести превыше всех надежд.

Пойте, люди Крепости Солнца,
Ибо Царство Саурона низвергнуто,
И Черный Замок разрушен.
Пойте и радуйтесь, люди Крепости-Стража,
Ибо бдение ваше не было напрасным,
И Черные Врата сломаны,
И ваш Король одолел,

И он победитель.

Пойте и веселитесь, все дети Запада,

Ибо Король вернулся и будет жить среди вас.

И иссохшее Древо возродится,

И он посадит его в высоком дворе,

И Град будет счастлив.

Пойте же, люди!

И люди пели на всех улицах и дорогах Города.

Настали золотые дни, весна и лето встретились и вместе пировали в полях Гондора. Быстрые вестники принесли с Кайр-Андроса вести обо всем, что свершилось, и Город приготовился к приходу Короля. Мерри был вызван и уехал с повозками, что повезли много разного добра к Осгилиафу, а оттуда — кораблем до Кайр-Андроса. Фарамир не ушел — излечившись, он взял, пусть ненадолго, власть и Правление в свои руки, и его долгом было подготовить все для того, кто сменит его.

Не ушла и Йовин, хотя брат и просил ее прийти на луга Кормаллена. И Фарамир дивился на это, но виделся с ней редко; он был очень занят. А она по — прежнему жила в Палатах Целителей и одна бродила по саду; лицо ее опять побледнело

— казалось, во всем Городе она одна была больна и печальна. Верховный Целитель взволновался и поговорил с Фарамиром.

Тогда он пришел и разыскал ее в саду, и они снова стояли на стене. И он спросил:

— Йовин, почему ты медлишь здесь, а не отправляешься на празднества в Кормаллене за Кайр-Андросом, где ждет тебя брат?

— Ты не знаешь этого? — спросила она.

— Здесь могут быть две причины, — ответил он. — И какая из них верна, я не знаю.

— Я не хочу играть в загадки, — проговорила она. — Говори прямо!

— Пусть будет так, — согласился он. — Ты не идешь потому, что тебя зовет только брат, а видеть Арагорна, наследника Элендиля, во дни его побед — не радость тебе. Или потому, что не иду я — а ты желаешь по-прежнему быть рядом со мной. А может быть — обе причины верны, и ты сама не можешь выбрать меж ними. Йовин, ты не любишь меня — или не хочешь любить?

— Я хотела бы быть любимой другим, — отвечала она. — Но я не приму ничьей жалости.

— Это я знаю, — сказал он. — Ты желаешь любви Арагорна. Потому что он велик и благороден, и ты хочешь известности и славы, хочешь вознестись

над тем, что ползает по земле. И, как великий полководец мальчишке-солдату, он кажется тебе непревзойденным.

Ибо таков он, властелин людей, величайший из живущих сейчас. Но он дал тебе лишь понимание и жалость — и ты не пожелала ничего, кроме славной смерти в бою. Взгляни на меня, Йовин!

Йовин посмотрела на Фарамира долгим и ровным взором; и Фарамир сказал:

— Не презирай жалости, это дар благородного сердца, Йовин! Но я не предлагаю тебе свою жалость. Ибо ты — дева высокая и доблестная, и слава твоя не забудется; а чтобы описать твою красоту, не хватит слов даже в языке эльфов. И я люблю тебя. Некогда я пожалел твою скорбь. Но теперь, будь ты даже счастлива, будь ты даже благословенной Королевой Гондора — я по-прежнему любил бы тебя. Йовин, ты не любишь меня?

Тогда сердце Йовин изменилось, а быть может — она наконец поняла его. И внезапно зима ее миновала, и солнце озарило ее.

— Я остаюсь в Минас-Аноре, Крепости Солнца, — сказала она. — Смотри! Завеса Тьмы поднялась! Я не буду больше соперничать с великими Всадниками и находить радость в песнях смерти

— ибо я теперь не воительница. Я стану исцелять и любить все, что растет и живо, — она снова взглянула на Фарамира. — Я более не хочу быть королевой.

— Прекрасно, — весело рассмеялся Фарамир, — ибо я не король. Однако я возьму в жены Светлую Деву Роханда, если будет на то ее воля. А если она желает — мы пересечем Реку и поселимся в Ифилиэне, и обратим его в сад. Все с радостью станет расти там, если придет Светлая Дева.

— Значит, я должна покинуть мой народ, муж Гондора? — спросила Йовин. — И захочешь ли ты, чтобы твой гордый люд говорил о тебе: «Вот идет Князь, что приручил дикую северную кобылицу! Неужто не нашлось для него женщин среди нуменорок?»

— Захочу, — Фарамир взял ее за руки и поцеловал, не заботясь, что они стоят на стене у всех на виду. И многие видели их — как они сошли со стен и, рука в руке, пошли в Палаты Целителей.

Там Фарамир сказал Верховному Целителю:

— Вот Йовин Роандийская. Она исцелилась.

Тогда я освобождаю ее от своей опеки, — ответил тот. — И пусть никогда более не знает она, что такое болезнь! Я препоручаю ее заботам Правителя Города, пока не пришел ее брат.

— Однако теперь, когда я могу уйти, я хотела бы остаться, — возразила Йовин. — Ибо эти Палаты стали мне милее всех других жилищ.

И она оставалась там, пока не вернулся Йомер.

В Городе уже все было готово; туда стекался народ: вести распространились от Мин-Риммона до самых Вешних Холмов — и все, кто мог прийти в Город, торопились прийти. Город вновь наполнился женщинами и детьми; а из Дол — Амроса пришли искусные лютнисты, и игроки на виолах, флейтах и серебряных рожках, и с ними — чистоголосые певцы Лебеннина.

И, наконец, настал вечер, когда дозорные увидали со стен разбитые в поле шатры и огни вокруг них. А едва над восточными горами, теперь светлыми, взошло солнце — зазвенели колокола, и все знамена развернулись и заполоскали на ветру; и в последний раз всплыл над Белой Башней серебряный, без девизов, стяг Наместников Гондора.

Полководцы Запада повели рати к Городу, и народ смотрел, как они подходят, ряд за рядом, вспыхивая в восходе, мерцая серебром.

Они приблизились к Вратам и остановились в фарлонге от стен. Ворот еще не восстановили, но вход в Город был загражден; там стояли одетые в черное с серебром воины с длинными обнажен-

ными мечами. Перед преградой стояли Князь Фарамир, и Хурин-Ключарь, и другие Каштаны Гондора, и Йовин с маршалом Эльфхельмом и рыцарями Марти; ворота окружала толпа пестро одетого люда.

Перед Воротами Минас-Тирифа было сейчас пустое пространство, окруженное рыцарями и солдатами Гондора и Роханда, людьми Города и других земель. Все стихло, когда от войска отделились дунаданы в сером с серебром; впереди медленно шел Арагорн. На нем была черная, изукрашенная серебром кольчуга, на плечах — белоснежная мантия, скрепленная у горла большим зеленым камнем, что мерцал и светился; голова его была обнажена — лишь поблескивала на лбу звезда на тонкой серебряной ленте. С ним были Йомер Роандийский, Принц Имрахиль, Гэндальф, весь в белом, и четыре маленькие фигурки, на которые многие дивились.

— Нет, сестрица, они не мальчишки! — сказала Йореф своей родственнице из Лосеарнаха. — Они — Перианы из диковинной страны полуросликов, где они все принцы. Уж я-то знаю: ходила за одним в Палатах. Они, правда, крошки, но храбрости у них — хоть отбавляй. Поверишь ли, сестрица, один из них отправился в Царство Тьмы

— а был с ним только оруженосец — и бился там один на один с Черным Властелином, и одолел, и поджег его замок. Это, должно быть, тот, что идет рядом с нашим Эльфийцем. Они, слыхала я, близкие друзья. Необыкновенный он человек, Элессар Каменэльф: не слишком мягок в речах, заметь себе, но уж сердце у него золотое, чисто золотое. «Рука Короля — рука целителя», — сказала я; так оно все и узналось. И Мифрандир, он сказал мне: «Йореф, люди надолго запомнят твои слова», — и…

Но закончить Йореф не успела: пропела труба и настала гробовая тишина. Тогда от ворот отошли Фарамир и Хурин-Ключарь, а за ними — четверо воинов в высоких шлемах и доспехах Стражи несли ларец из черного лебетрона, обитый серебром.

Фарамир встретился с Арагорном в центре толпы, преклонил колено и сказал:

— Последний Наместник Гондора просит дозволения оставить службу, — и он протянул белый жезл. Но Арагорн взял жезл и возвратил его, сказав:

— Служба твоя не кончена, и она будет твоей и твоих наследников доколе продлится мой род. Делай, что должен!

Тогда Фарамир поднялся и зазвучал его чистый голос:

— Люди Гондора, слушайте Наместника Королевства! Смотрите! Пришел тот, кто может по праву требовать престола. Он здесь — Арагорн, сын Арафорна, вождь дунаданов Арнора, Полководец Рати Запада, владетель Перекованного Меча, победитель, чьи руки несут исцеление, Элессар Каменэльф из рода Валандиля, сына Исильдура, сына Элендиля Нуменорского. Быть ли ему Королем, войти ли в Город, править ли в нем?

И по толпе и войску единым вздохом пронеслось «да».

Йореф шепнула своей родственнице:

— Это только церемония, сестрица, так уж положено в Городе; потому что он уже вошел, как я тебе давеча говорила; и сказал мне... — тут ей снова пришлось замолчать, ибо вновь заговорил Фарамир.

— Люди Гондора, книгознатцы говорят, что по древнему обычаю король должен получить корону из рук своего отца, прежде чем тот умрёт; или, если этого не случилось — должен идти один в Усыпальницу и взять ее из его рук. Но, так как мир изменился, я дерзнул, пользуясь властью

Наместника, принести сюда с Рат-Динен корону Эарнура — последнего Короля, чьи дни миновали во времена наших пращуров.

Стражи выступили вперед, и Фарамир раскрыл ларец и вынул древнюю корону. Она была такой же, как шлемы Стражей Цитадели, только выше и вся белая, а крылья по бокам, сделанные из серебра и перламутра, походили на крылья чайки — то была эмблема Королей из Заморья; семь бриллиантовых звезд украшали обруч, а на верхушке горел огромный алмаз.

Арагорн принял корону, поднял ее и сказал:

— Эт Эарелло Эндорениаутули'ен. Синомэ маруван ар Хилдиниар тенн'Амбар-Метта!

То были слова, что сказал Элендиль, приплыв из-за Моря на крыльях ветра: «Из-за Великих Морей я пришел в Средиземье. Здесь буду жить я и мои наследники — пока не кончится мир».

Потом — и многие дивились этому — Арагорн возвратил корону Фарамиру.

— Трудами и доблестью многих возведен я на престол, — сказал он. — В знак этого я хочу, чтобы Хранитель Кольца подал мне корону; и пусть Мифрандир, если пожелает, возложит ее на меня; ибо он зачинатель всего, что свершилось, и победа эта — его.

Тогда Фродо шагнул вперед, взял корону у Фарамира и поднес ее Гэндальфу, и Арагорн преклонил колено, а Гэндальф возложил на его голову Белую Корону и проговорил:

— Настало время Короля, и да будет оно благословенно, пока стоят троны Валаров!

А когда Арагорн поднялся — все смолкло: ибо тем, кто смотрел него, показалось, что они впервые его видят. Высокий, как былые Рыцари из Заморья, он возвышался над всеми; он казался древним — и в то же время в расцвете молодости; мудрость облекала его чело; целительная сила была в его руках; свет осиял его. И тогда Фарамир крикнул:

— Узрите Короля!

Запели трубы, Король Элессар подошел к преграде — и Хурин-Ключарь отбросил ее; и, среди музыки арф и виол, среди поющих голосов, Король миновал убранные цветами улицы и вошел в Цитадель; и стяг Древа и Звезд развернулся на башне, и началось царствование Короля Элессара.

В его дни Город сделался более прекрасным, чем был когда-либо — даже во дни своей первой славы. Он был полон садов и фонтанов, Ворота его были сделаны из мифриля и стали, а улицы

вымощены мрамором; и Народ Гор трудился в нем, а Народ Леса с радостью приходил туда; всё исцелилось, дома были полны мужчин и женщин, и смеха детей, и не было ни тусклых окон, ни пустых дворов; и, когда Третья Эпоха Средиземья перелилась в новую Эпоху, он хранил память и славу ушедших веков.

В дни, что последовали за коронацией, Король сидел на троне в Заде Королей и вершил суд. Прибыли посольства от многих стран и народов — с Востока и Юга, от границ Лихолесья и с Поравнинья.

Король простил вастаков и заключил мир с народами Харада; он освободил рабов Мордора и отдал им во владение земли вокруг озера Веред. А потом предстали перед ним те, кому пристала слава и награда за доблесть; и последним капитан Стражи привел на суд Берегонда.

— Берегонд, под твоим мечом в Святилище пролилась кровь, — обратился к нему Король. — К тому же ты оставил свой пост без дозволения Князя или Капитана. Воздаянием за это издревле была смерть. А потому — вот мой приговор.

Вину свою ты искупил доблестью в бою, а более того тем, что совершил все из любви к Князю Фарамиру. Тем не менее, ты изгоняешься из Стражи

и должен покинуть Минас-Тириф.

Берегонд побледнел, как полотно и, пораженный в сердце, поник головой. А Король продолжал:

— Ты покинешь Город, ибо состоишь отныне в Белом Отряде — Страже Фарамира, Принца Ифилиэна; ты будешь Капитаном Отряда, будешь в почете и мире жить в Эмин-Арнене и служить тому, ради кого рисковал всем.

Берегонд обрадовался, увидев милосердие и справедливость Короля и, став на колено, поцеловал ему руку и вышел. А Арагорн отдал Фарамиру Ифилиэн и повелел ему жить в холмах Эмин-Арнена в виду Города.

— Ибо, — сказал он, — Минас-Ифиль в Моргульской Долине должен быть сровнен с землей и, хоть со временем он и очистится, никто не сможет жить там еще долгие годы.

Последним Арагорн приветствовал Йомера Роандийского; они обнялись, и Арагорн сказал:

— Меж нами не может быть речи о плате, барыше или награде; ибо мы братья. В счастливый час прискакал Эорл с Севера, и никогда ни один путь не был столь благословен; народы наши никогда не потеряют друг друга. Сейчас, как ты знаешь, Теодэн Преславный лежит в Усыпальнице — там,

если хочешь, он останется навек. Или, если желаешь, мы все поскачем в Роханд — и он упокоится среди своего народа.

— С того дня, как ты встал передо мной в зеленых степях Роханда, я любил тебя, — ответил Йомер, — и любовь эта не умрет. Но теперь я должен вернуться на время в Марку, где многое нуждается в исцелении и порядке. Что до Павшего — когда все будет готово, мы придем за ним; пока же пусть спит здесь.

И Йовин сказала Фарамиру:

— Сейчас я должна возвратиться в свои земли — взглянуть на них еще раз и помочь брату в его трудах; но когда тот, кого я любила, как отца, упокоится в мире — я вернусь.

Так проходили дни радости; на восьмой день всадники Роханда ускакали Восточным Трактом; и с ними ушли сыновья Эльронда. Вдоль всей дороги — от Врат Города до стен Пеленнора — стоял, прощаясь с ними, народ. Потом разошлись те, кто жил далеко. А в Городе много рук трудилось, восстанавливая, обновляя, заглаживая шрамы войны и память о тьме.

Хоббиты остались в Минас-Тирифе с Леголасом и Гимли; Арагорн не хотел, чтобы Братство Кольца распалось.

— Все кончается когда-нибудь, — сказал он. — Но я хотел бы, чтобы вы подождали еще немного; ибо не пришел еще конец делам, в которых вы участвовали. Близится день, которого я ждал всю жизнь — и, когда он придет, мне хотелось бы, чтобы друзья мои были рядом со мной.

Но больше ничего об этом дне он не сказал.

В те дни товарищи жили вместе с Гэндальфом в красивом доме и бродили, где вздумается. Фродо спросил Гэндальфа:

— Ты не знаешь, о каком дне говорил Арагорн? Потому что нам хорошо здесь, так хорошо, что уходить не хочется; но время бежит, а Бильбо ждет; и Край — мой дом.

— Что до Бильбо, — сказал Гэндальф, — он ждет того же дня и знает, что удерживает тебя. Что же до бега времени — так теперь всего лишь май, и, хоть все изменилось, будто минула целая эпоха, прошло меньше года, как ты отправился в путь.

— Пин, — Фродо говорил серьезно, но глаза его смеялись, — ты вроде сказал, что Гэндальф не так замкнут, как прежде? Он, думаю, тогда просто устал. Теперь он отдохнул.

Гэндальф улыбнулся.

— Многие хотели бы знать заранее, что будет подано на стол; но те, кто готовит пир, любят

держать это в секрете, ибо удивление делает похвальные речи громче. И сам Арагорн ждет знака.

Настал день, когда Гэндальфа не нашли, и друзья гадали, что их ждет впереди. А Гэндальф ночью вывел Арагорна из Города и привел к южному подножию Миндоллуина; и там они отыскали тропу, проложенную в минувшие века, по которой сейчас осмеливались ходить немногие. Потому что она вела к горному святилищу, куда ходили обычно лишь Короли. Арагорн и Гэндальф поднимались крутой тропой, пока не нашли луг у края снегов, одевающих вершину — она смотрела через обрыв позади Города. Стоя там, они обозревали земли, ибо утро пришло; и видели далеко внизу белые, тронутые солнцем башни Города, и долину Андуина, подобную саду, и Горы Тьмы, окутанные золотистой дымкой. Налево взгляд их достиг Эмин-Муиля… и Раурос взблеснул вдали россыпью звезд; а по другую сторону лентой вилась река, уходя к Пеларгиру, а за ним у кромки неба лежала узкая полоса света — Море.

— Вот твое королевство, сердце великого царства будущего, — проговорил Гэндальф. — Третья Эпоха Средиземья кончилась, начинается новая;

и твое дело — править ею и хранить, что может быть сохранено. Ибо, хотя многое спасено, со многим придется расстаться; и Три Кольца потеряли силу. Земли, что ты видишь, и все, что лежит вокруг них, заселят Люди, Ибо пришло время владычества Людей, и Перворожденные должны сгинуть — или уйти.

— Я хорошо это знаю, дорогой друг, — сказал Арагорн. — Но у меня по-прежнему остается мудрый советник.

— Ненадолго, — печально улыбнулся Гэндальф. — Третья Эпоха была моей, я был врагом Саурона; и труд мой кончен. Я скоро уйду. Бремя ложится на тебя и твой народ.

— Но я умру, — сказал Арагорн. — Век мой долог, но я не бессмертен. Когда состарятся те, кто сейчас во чреве матери — состарюсь и я. И кто станет править Гондором и теми, кто смотрит сейчас на эту Крепость, как на королеву, если желание мое не исполнится? Древо во Дворе Струй по-прежнему сухо и голо. Когда увижу я Знак Перемен?

— Отвернись от зелени мира, взгляни туда, где пусто и холодно! — велел маг.

Арагорн повернулся — позади него взбегал вверх каменистый склон; он пригляделся: на

этой пустоши что-то росло. Он вскарабкался туда и увидел, что на самой границе снегов стоит молодое деревце не больше трех футов высотой. Оно уже выбросило новые листья — длинные и острые, темные сверху, серебристые внизу; под их тонкой короной висел пучок белых цветов, чьи лепестки сияли, как снег на солнце.

— Йе! Утувиэн'ес! — вскричал Арагорн. — Я нашел его! Смотри! Вот он — потомок Древнейшего из Деревьев!.. Но как он попал сюда? Ему же едва семь лет!

Гэндальф подошел и взглянул на деревце.

— Это действительно побег из рода Тэльпериона, Древнейшего Дерева, — подтвердил он. — Кто скажет, как пришел он сюда в назначенный час? Но это — древнее святилище, и прежде, чем ушли короли, и иссохло Древо во Дворе Струй, здесь могли посадить плод.

Ибо сказано, что, хотя плод Древа вызревает редко — однако жизнь может дремать в нем долгие годы, и никто не предскажет, когда она проснется. Запомни это. Ибо если когда-нибудь плод созреет — он должен быть посажен, иначе род погибнет. Он скрывался здесь на горе, как род Элендиля — на севере. Однако род Тэльпериона древнее, чем твой, Король Элессар.

Арагорн ласково положил руку на деревце; казалось, оно почти не связано с землей, и было поднято без вреда; и Арагорн отнес его в Цитадель. Потом иссохшее дерево вырыли с корнем, но не сожгли, а оставили покоиться на Рат-Динен. И Арагорн посадил новое дерево во Дворе Струй, оно быстро принялось и пошло в рост; и когда наступил июнь, оно все покрылось цветами.

— Знак был дан, — сказал Арагорн, — и день недалек, — и выставил дозорных на стены.

За день до Солнцеворота с Амон-Дина прискакали вестники: с севера едет Дивный Народ, они уже близ стен Пеленнора.

— Наконец-то! — молвил Король. — Пусть Город готовится!

В самый Венец Лета, вечером, когда небо было сапфирово-синим, на востоке уже взошли звезды, а запад еще золотился, и воздух был прохладен и свеж, к воротам Минас-Тирифа подскакали всадники. Первыми ехали Элладан и Эльрохир, за ними — Глорфиндэль, Эрестор и все эльфы Светлояра, а следом — Владыки Лориэна, Галадриэль и Целеборн на белых конях в сопровождении Дивного Народа их края, в серых плащах и с алмазами в волосах; последним ехал Эльронд, а рядом, на серой лошади, скакала его дочь Арвен,

Вечерняя Звезда своего народа.

И Фродо, увидя ее, мерцающую в сумерках, со звездой во лбу и благоуханием вокруг, преисполнился изумления и шепнул Гэндальфу:

— Наконец-то я понял, чего мы ждали! Это конец. Теперь будет любим не только день — и ночь станет прекрасна и блаженна, а страх покинет ее!

Король приветствовал гостей, и они спешились; и Эльронд передал скипетр и вложил руку дочери в руку Арагорна, и они вместе взошли в Верхний Город, и звезды цвели на небе. И Арагорн, Король Элессар, стал мужем Арвен Ундомиэли вечером Венца Лета в Городе Королей, и повесть об их долгом ожидании и трудах закончилась.

Глава 6
Расставания

Когда праздничные дни миновали, друзья стали подумывать о возвращении домой. Фродо пошел к Короли и застал его у фонтана — он сидел с Королевой Арвен под цветущим Древом, и она пела какую-то эльфийскую песню; они встали, приветствуя хоббита.

— Я знаю, зачем ты пришел, Фродо, — сказал

Арагорн. — Что ж, друг мой, дерево растет лучше в земле своих отцов; но тебе будут рады во всех землях Запада. И хотя в легендах Большого Народа твоя родина поминается редко — сейчас она известна куда более любых обширных владений.

— Я и правда хочу вернуться в Край, — сказал Фродо. — Но сперва мне надо в Светлояр. Здесь очень хорошо, но я стосковался по Бильбо; мне стало грустно, когда я не увидел его в свите Элронда.

— Чему же ты дивишься, Хранитель? — молвила Арвен. — Ты ведь нес его и испытал его силу; а все, что создано этой силой, разрушено. А твой родич владел им очень долго, много дольше тебя. Он очень стар сейчас — даже для своего народа; и он ждет тебя, ибо еще только один Поход сможет он совершить — и время этого похода пока не пришло.

— Значит, пора мне идти.

— Мы пойдем все через семь дней, — сказал Арагорн. — Потому что нам долго скакать вместе — до самого Роханда, Через три дня сюда вернется Йомер, чтобы увезти Теодэна в Марку, и мы поскачем с ним, дабы почтить павшего. А сейчас, прежде чем ты уйдешь, я хочу подтвердить сказанное Фарамиром: ты навсегда свободен

в княжестве Гондор, и товарищи твои тоже. И если какой-нибудь дар достоин твоих дел — ты получишь его; ты возьмешь с собой все, что пожелаешь.

— Прими и мой дар, — проговорила Арвен. — Ибо я дочь Эльронда. Я не уйду с ним в Серебристую Гавань: мой выбор — выбор Лутиэн; как и она, я избрала самое прекрасное — и самое горькое. Но вместо меня пойдешь ты, Хранитель — когда придет время и если пожелаешь. Если раны твои беспокоят тебя, а память о бремени тяжела — иди на Запад и исцелись. Но прими это на память об Элессаре Каменэльфе и Арвен Ундомиэль, с которыми переплелась твоя жизнь! Она сняла с груди большой белый алмаз — звезду на серебряной цепочке — и надела его на Фродо. — Когда память о страхе и тьме обеспокоит тебя, — сказала она, — это тебе поможет.

Через три дня, как и сказал Король, в Город прискакал Йомер Роандийский, и с ним — эоред лучших рыцарей Марки. Их встретили с радостью; а когда все уселись за стол в Большом Пиршественном Зале, Йомер увидел женщин и изумился их красоте. И, прежде чем отправиться на отдых, послал за гномом Гимли и сказал ему:

— Гимли, сын Глоина, готов ли твой топор?

— Нет, мой Князь, — ответил Гимли. — Но я наточу его, если в том есть нужда.

— Суди сам, — сказал Йомер. — Опрометчивые слова о Владычице Золотого Леса все еще лежат меж нами. Теперь я видел ее.

— И что же ты скажешь теперь?

— Увы! — вздохнул Йомер. — Я насчитаю ее прекраснейшей из живущих.

— Так я пошел за топором, — заявил Гимли.

— Но сперва позволь мне объясниться, — остановил его Йомер. — Если бы я увидел Владычицу Галадриэль в другом обществе — я без раздумий согласился бы с тобой. Но сейчас я ставлю впереди Королеву Арвен, и готов биться с любым, кто возразит мне. Послать ли мне за мечом?

Гимли низко поклонился.

— Нет, Йомер, — сказал он. — Я прощаю тебя. Ты выбрал Вечер; моя же любовь отдана Утру. И сердце мое провидит, что скоро оно уйдет навсегда.

Наконец пришел день отъезда, и большой отряд приготовился покинуть Город. Властители Гондора и Марки пришли в Святилище, опустились на Рат-Динен, вынесли оттуда на золотых носилках тело князя Теодэна и в молчании прошли через Город. Потом положили носилки на

большую повозку, окруженную всадниками Роханда, и впереди развевалось знамя. Мерри, как оруженосец Теодэна, ехал на повозке и берег оружие у князя.

Остальным подобрали скакунов под стать; Фродо и Сэм ехали рядом с Арагорном, Гэндальф скакал на Ночиветре, Пин — с рыцарями Гондора, а Леголас и Гимли, как всегда, на Арод.

С ними отправились и Королева Арвен, и Целеборн с Галадриэлью, и их народ, и Эльронд, и его сыновья. Никогда ни одного сеньора Марки не провожал такой отряд, как этот, едущий с Теодэном, сыном Тэнгела, в земли его предков.

Они спокойно, без спешки, доехали до Седого Леса за Амон-Дином — и услыхали рокот барабанов в холмах, где ничего живого видно не было. Тогда Арагорн велел трубить в трубы, и глашатаи возвестили:

— Пришел Король Элессар! Он отдает Друадан навеки Гхан-бури-Гхану и его народу; отныне никто не войдет в лес без их дозволения!

Барабаны загремели громче — и смолкли.

Наконец, после пятнадцати дней похода, повозка Теодэна миновала роандийские степи и подъехала к Эдорасу; там все расположились на отдых. Золотой Дворец украшали дивные

полотнища, он был полон света, и в нем был дан величайший пир, какой только бывал в нем со дня основания. Ибо через три дня роандийцы подготовили похороны Теодэна; его положили в каменный дом — с оружием и другими вещами, которыми он владел, а над ним поднялся курган, покрытый дерном и белыми незабудками. И теперь с восточной стороны Могильного Поля стояло восемь курганов.

Тогда всадники Дома Эорла на белых конях медленным шагом поехали вокруг кургана и все вместе запели песню о Теодэне, сыне Тэнгела, сложенную его бардом — после того он не сложил ни одной. Тягучие голоса всадников тронули даже тех, кто не знал языка этого народа; а слова песни зажгли свет в глазах людей Марки: снова близился с севера гром копыт, голос Эорла звенел в битве на полях Келебранта; а повесть о герцогах катилась вперед, и рог Хельма отдавался в горах, пока не пришла Тьма, и князь Теодэн поднялся и поскакал в огонь сквозь ее Завесу — и умер в блеске, когда возвращенное солнце засияло над Миндоллуином.

Из сомнений, из тьмы к восходу
Скакал он и пел, меч обнажив.

Надежду возжег — и в надежде скончался;

Над смертью, над страхом, над роком вознесся

От утраты, от жизни — к славе навек.

А Мерри стоял у подножия зеленого холма и плакал, а когда кончилась песня — воскликнул:

— Князь Теодэн! Князь Теодэн! Прощай! Вместо отца ты был мне! Прощай!..

Когда погребение кончилось и рыдания женщин стихли, а Теодэн остался наконец один в своей могиле, народ собрался у Золотого Дворца на великий пир и отбросил печаль; ибо Теодэн дожил до преклонных лет и пал с честью, не меньшей, чем величайшие из его пращуров. А когда пришло время, по обычаю Марки, выпить память герцогов, Йовин поднялась, сияя на солнце, как снег, и поднесла Йомеру полную чашу.

Тогда встали бард и сказитель, и стали называть по порядку всех сеньоров Марки — от Эорла Юного до Теодэна; и, когда назвали Теодэна, Йомер осушил чашу. Йовин приказала прислуживающим за столом наполнить кубки гостей, и все поднялись и выпили за нового князя, восклицая:

— Здрав будь, Йомер, Сеньор Марки!

Наконец, когда пир приблизился к концу, Йомер сказал:

— Сейчас погребальный пир в честь князя Теодэна; я же стану говорить о вестях радости, ибо он не воспротивился бы этому: он всегда был отцом сестре моей Йовин. Слушайте, гости мои, народы княжеств и королевств, какие никогда не собирались прежде в этом дворце! Фарамир, Наместник Гондора, Принц Ифилиэна, просил Йовин Роандийскую стать его женой, и она ответила согласием. А потому, здесь, перед вами, они будут помолвлены.

Фарамир и Йовин вышли вперед и подали друг другу руки.

— Итак, — сказал Йомер, — Г ондор и Марку связали новые узы, и тем больше моя радость.

— Ты не скупец, Йомер! — заметил Арагорн. — Отдать Гондору лучшее, что у тебя есть!..

Тут Йовин взглянула в глаза Арагорну.

— Пожелай мне радости, мой сеньор и целитель! — попросила она.

— С тех пор, как я впервые увидел тебя, желал я тебе радости, — ответил он.

— И душа моя исцелилась, вида твое счастье.

Когда пир кончился, те, кто уходил, простились

с князем, Йомером.

Арагорн со своими рыцарями и народ Лориэна и Светлояра готовились к отъезду; но Фарамир и Имрахиль оставались в Эдорасе; оставалась там и Арвен, и она простилась со своими братьями. Никто не видел ее последней встречи с Эльрондом, потому что они ушли в горы и там долго беседовали, и горьким было их расставание, которому длиться, пока не кончится мир.

Перед тем, как гостям выехать, Йомер и Йовин подошли к Мерри.

— Прощай, Мерриадок Холбитла, всадник Марки! — сказали они. — Да сопутствует тебе удача, и пусть судьба приведет тебя к нам опять!

— Сеньоры древности осыпали бы тебя дарами за твои дела на полях Мундбурга, — продолжал Йомер, — однако ты не желаешь брать ничего, кроме оружия, которое было дано тебе. Мне больно слышать это, ибо воистину нет дара, который я посчитал бы достойным; но сестра просит тебя принять эту вещицу — в память о Дэрнхельме и рогах Марки, трубящих зорю.

И Йовин подала Мерри древний серебряный рог, маленький, но искусно сделанный, с зеленой перевязью; быстрые всадники неслись по нему, череда их спиралью обвивала рог; и руны вели-

кого заклятья покрывали его.

— Это наследие нашего дома, — проговорила Йовин. — Он был сделан гномами; Эорл Юный принес его с севера. Тот, кто в нужде протрубит в него, поразит страхом души врагов, а друзья услышат его и придут, где бы они ни были.

И Мерри взял рог, ибо этот дар не мог быть отвергнут, и поцеловал руку Йовин; а они обняли его на прощанье.

Теперь гости были готовы; они выпили прощальный кубок и уехали, и прискакали в Хельмову Бездну и там два дня отдыхали. Леголас сдержал данное Гимли слово и пошел с ним в Мерцающие Пещеры; а когда они вернулись, он молчал, сказал только, что один Гимли может достойно поведать о них.

— Никогда прежде гном не мог побить эльфа в речах, — добавил он. — Поэтому едем теперь в Фангорн: надо сравнять счет!

От Предущельного Оврага они поскакали в Исенгард — взглянуть, чем заняты энты. Каменный круг был раздроблен и убран, а земли внутри стали садом, где фруктовые деревья смешивались с лесными, и под их пологом журчала река; в центре было светлое озеро, а из него вставала Башня Ортханка, высокая и неприступная, и ее

черная скала отражалась в тихой воде.

Некоторое время спутники сидели там, где некогда были ворота Исенгарда, а теперь стояли два огромных дерева, как часовые у начала зеленой дороги, что вела к Ортханку; они в изумлении смотрели на то, что было сделано, но ни вблизи, ни вдали не видели ничего живого. И вдруг послышалось: хуум-хом, хуум-хом — к ним шагали Древобрад и Торопыга.

— Добро пожаловать в Сад Ортханка! — прогудел Древобрад. — Я знал, что вы близко, но был занят в долине; там еще немало дел… А вы тоже, слышал я, не ленились там — на юге и востоке; и все, что я слышал — славно, очень славно.

Потом Древобрад восславил их — он, кажется, знал обо всех их подвигах — и, смолкнув, наконец, долгим взглядом посмотрел на Гэндальфа.

— Что ж, что ж, — проговорил он. — Ты оказался сильнее, и труды твои хорошо завершились. Куда ты теперь направляешься? И зачем пришел сюда?

— Взглянуть, как идут твои дела, друг мой, — сказал Гэндальф. — И отблагодарить тебя за помощь в том, что достигнуто.

— Хуум, что ж, очень любезно с твоей стороны, — отозвался энт. — Ибо энты, конечно, свою

роль сыграли; и не только с тем, хуум… с тем проклятым рубителем, что жил здесь. Ибо здесь была целая чаща этих — бурарум — этих злоглазых-черноруких-кривоногих-кремнедушных-когтистых-гнуснобрюхих-кровожадных мормай — тесинкахонда — ну, вы ведь быстрый народ, а их полное имя длинно, как годы пыток — этих вредителей-орков: они пришли из-за реки и с севера, и бродили всюду, и вокруг Лаурелиндоренана, куда войти не смогли благодаря Великим Владыкам, — он поклонился Владыке и Владычице, и продолжал:

— И эти мерзкие твари весьма удивились, встретив нас в Пустыни, ибо прежде о нас не знали; впрочем, это можно сказать и о лучших народах. Запомнят нас немногие, потому что немногим удалось уйти живыми, и большинство тех досталось Реке. Всё это было хорошо для вас, ибо, не повстречай они нас — князь Края Трав не ускакал бы далеко, а если б ускакал — так у него не осталось бы дома, куда возвратиться.

— Мы хорошо это знаем, — сказал Арагорн. — И это никогда не забудется — ни в Минас-Тирифе, ни в Эдорасе.

— Никогда — слишком долгое слово, даже для меня, — в голосе Древобрада послышалась улыб-

ка. — Пока стоят ваши королевства, хотел ты сказать; но им придется стоять долго, чтобы это показалось долгим энтам.

— Началась новая Эпоха, — вмешался Гэндальф. — И, может статься, в эту эпоху царства Людей переживут тебя, друг мой Фангорн. Ну, а теперь скажи: как с тем, о чем я тебя просил? Как Саруман? Не соскучился в Ортханке? Не устал? Он, думаю, не считает, что ты улучшил вид из его окон.

Древобрад одарил мага еще одним долгим взглядом — и прехитрым, подумалось Мерри.

— Ах! — вздохнул он. — Я знал, что ты придешь к этому. Не устал ли в Ортханке? Очень устал; но не столько от Ортханка, сколько от моего голоса. Хуум! Я рассказывал ему длинные истории — во всяком случае, вам они показались бы длинными.

— Тогда почему он слушал? Ты заходил в Ортханк? — спросил Гэндальф.

— Хуум, нет, не заходил! Но он подходил к окну и слушал, потому что другим путем вестей получить не мог, и, хотя он эти вести ненавидел, он слушал их с жадностью; я видел, что он выслушивает все. Ну, а я добавлял к новостям кое-что еще, о чем ему неплохо было бы поразмыслить.

Он очень устал. Он всегда был тороплив. Это-то его и погубило.

— Вижу, добрый мой Фангорн, — заметил маг, — что ты с завидным постоянством говоришь жил, был, стал. Как насчет есть? Он что — умер?

— Нет, не умер, насколько я знаю, — ответил Древобрад. — Но он ушел. Да, ушел, — тому семь дней. Я отпустил его. От него почти ничего не осталось, когда он выполз, а что до этого его слизняка — тот совсем тенью стал. Не говори мне, Гэндальф, что я обещал стеречь его; ибо я знаю это. Но с тех пор мир изменился. Я стерег его — пока он мог принести вред. Ты же знаешь, что больше всего я не люблю держать взаперти живое, и я не стану запирать даже таких тварей, как эти, без великой нужды. Змея, у которой вырваны зубы, может ползти, куда хочет.

— Ты, быть может, и прав, — сказал Гэндальф, — но у этой змеи, думаю, один зуб остался: ядовитый голос. Он обольстил тебя, хоть ты и Древобрад, зная мягкость твоего сердца… Ладно, он ушел, и говорить больше не о чем. Но Башня Ортханка возвращается теперь к Королю. Хотя, быть может, она и не нужна ему.

— Будет видно, — вступил в разговор Арагорн. — Но долину эту я отдаю энтам, пока они

будут хранить Ортханк и следить, чтобы никто не вошел туда без моего дозволения.

— Он заперт, — сказал Древобрад. — Я заставил Сарумана запереть его и отдать мне ключи. Они у Брегалада.

Торопыга склонился, как дерево под ветром, и протянул Арагорну два больших черных ключа на стальном кольце.

— Я еще раз благодарю вас, — молвил Арагорн. — И прощаюсь с вами. Пусть лес ваш растет в мире! Когда долина эта заполнится — есть еще много пустошей к западу от гор, где вы некогда бродили.

Древобрад погрустнел.

— Леса могут расти, — сказал он. — Деревья покроют землю. Но без энтов. У нас нет детей.

— Однако, быть может, теперь поиски ваши не безнадежны. Восточные земли, так долго закрытые, открылись.

Но Древобрад покачал головой.

— Далеко идти. Да и Людей там сейчас слишком много. Однако я забылся! Не остановитесь ли вы здесь на отдых? А может быть, кто — нибудь захочет проехать через Фангорн и тем сократить дорогу домой? — он взглянул на Целеборна и Галадриэль.

Но все, кроме Леголаса, сказали, что им пора прощаться с энтами и уходить — на юг и запад.

— Идем, Гимли! — позвал Леголас. — Теперь, с разрешения Фангорна, я поброжу в глухих местах Энтвуда и увижу деревья, каких не найти нигде в Средиземье. Ты должен пойти со мной и сдержать слово; так мы вместе дойдем до наших родных земель — Лихолесья и за ним.

И Гимли согласился, хоть и без особой охоты.

— Значит, здесь пришел конец Братству Кольца, — проговорил Арагорн. — Но, надеюсь, скоро вы вернётесь в мои края — с помощью, которую обещали.

— Мы придем, если позволят государи, — откликнулся Гимли. — Что ж, прощайте, мои хоббиты! Теперь вы доберетесь до дому спокойно, и мне не придётся не спать ночами из страха за вас. Мы пришлем весточку, когда сможем; и некоторые из нас еще встретятся; но, боюсь, всем вместе нам уже никогда не сойтись.

Древобрад простился со всеми по очереди и трижды медленно, торжественно поклонился Целеборну и Галадриэли.

— Многие годы минули с тех пор, как мы встречались у ствола или камня, а ванимар ванималион ностари! — произнес он. — Печально, что

нам довелось свидеться только в конце… Ибо мир изменился: я чую это в воде, в земле, в воздухе. Не думаю, чтобы мы еще встретились.

— Не знаю, Старейший, — сказал Целеборн.

— Никогда в Средиземье, — молвила Галадриэль. — Но, когда вновь поднимутся земли, что ныне лежат под волной — мы встретимся по весне в заливных лугах Тазаринана. Прощай!

Последним со старым энтом прощались Пин и Мерри, и он немного повеселел, глядя на них.

— Ну, мои милые, — спросил он, — выпьете со мной по глоточку перед отъездом?

— Конечно! — в один голос воскликнули они, и он отвел их в тень одного из деревьев — там стоял большой каменный кувшин. Древобрад наполнил три чаши, и хоббиты отпили. И тут заметили, что он хитро смотрит на них поверх своей чаши.

— Осторожней, осторожней! — прогудел он. — Вы и так подросли с тех пор, как я вас видел в последний раз.

Они засмеялись и осушили чаши.

— Что ж, прощайте! — сказал он. — И не забудьте: если познаете что-нибудь об энтийках, дайте мне знать.

Потом он помахал отряду рукой и скрылся сре-

ди деревьев.

Теперь отряд скакал быстрее, направляясь к Роандийскому Проходу; и близ места, где Пин посмотрел в Камень Ортханка, Арагорн простился с ними. Хоббиты запечалились: Арагорн никогда не бросал их и был их проводником во многих опасностях.

— Хотелось бы мне, чтоб у нас был Камень — следить за друзьями и разговаривать с ними! — вздохнул Пин.

— Остался лишь один, который вы могли бы пользоваться, — ответил ему Арагорн. — Потому что то, что покажет Камень Минас-Тирифа, вы видеть не захотите… А Камень Ортханка нужен Королю — видеть, что делается в его владениях и что делают его подданные. Ибо не забудь, Перегрин Хват, ты рыцарь Гондора, и я не освобождаю тебя от службы. Сейчас ты едешь в отпуск, но я могу призвать тебя. И помните, друзья, что королевство мое лежит также и на севере, и когда-нибудь я приду туда.

Потом Арагорн простился с Целеборном и Галадриэлью; и Владычица сказала ему:

— Элессар, сквозь тьму пришел ты к своей мечте и получил всё, что желалось. Используй же время во благо!

— Прощай, родич! — сказал Целеборн. — Пусть судьба твоя будет отлична от моей, и сокровище твое остается с тобой до конца!

Они простились; и когда через некоторое время оглянулись — увидели Короля Запада, сидящего на коне в окружении рыцарей; в лучах заходящего солнца доспехи их мерцали алым золотом, белая мантия Арагорна пламенела. Арагорн высоко поднял руку — и зеленый огонь вспыхнул в ней.

Вскоре сократившийся отряд следом за Исен повернул к западу и проехал сквозь Роандийский Проход, а потом свернул на север и двинулся через Поравнинье. Его жители разбегались и прятались — боялись эльфов; но путники не обращали на них внимания: отряд был все-таки еще большим, и к тому же у них было все, что надо; и они выбирали путь по своей воле и разбивали шатры, где хотели.

На шестой день после расставания с Королем они миновали лес у подножия Мглистого Хребта, что тянулся сейчас слева от них.

Снова выехав в поле, они нагнали на рассвете старика с посохом, одетого не то в серые, не то в грязно-белые лохмотья; за ним по пятам плёлся другой оборванец, ссутулясь и скуля.

— Ну, Саруман! — сказал Гэндальф. — Куда путь держишь?

— Тебе-то что? — огрызнулся тот. — Ты все еще указываешь, куда мне идти? Неужто не порадовало тебя мое падение?

— Ты знаешь ответы, — сказал Гэндальф. — Нет и нет. Но, как бы там ни было, труды мои близятся к концу. Король принял ношу. Если б ты подождал в Ортханке — ты увидел бы его, и он явил бы тебе мудрость и милосердие.

— Тем больше поводов уйти у меня было, — отрезал Саруман. — От него мне ничего не надо. Если ты и правда хочешь получить ответ на свой первый вопрос, то я ищу выхода из его владений.

— Значит, ты снова забрел не туда, — заметил Гэндальф. — Путь твой безнадежен. Но неужели ты презреешь нашу помощь? Ибо мы предлагаем ее тебе.

— Мне?.. — переспросил Саруман. — Нет, молю, не снисходи до меня! Я предпочитаю хмурый взгляд. Что же до этой Владычицы — я не доверяю ей: она всегда меня ненавидела и замышляла лихо — чтобы победил ты. Не сомневаюсь, она повела вас этим путем, чтобы насладиться моей бедой. Если б я знал, что вы за мной гонитесь — я лишил бы вас этого удовольствия.

— Саруман, — проговорила Галадриэль, — у нас были иные дела и работы, более нужные, чем охота за тобой. Скажи лучше, что тебя догнала счастливая судьба; ибо сейчас перед тобой последний шанс.

— Рад, если действительно последний, — буркнул Саруман. — Ибо тогда я буду избавлен от необходимости отвергать его снова. Надежды мои рухнули, но я не разделю ваших. Если они у вас есть.

На миг глаза его вспыхнули.

— Езжайте! — сказал он. — Я долго изучал всё это — и не напрасно. Вы обрекли себя и знаете это. И это немного утешает меня — знать, что вы разрушили свой дом, разрушая мой. И вот еще что. Море широко… Какой кораблю понесет вас? — он усмехнулся. — Серый корабль, корабль-призрак… — голос его был надтреснут и жуток.

— Вставай, идиот! — крикнул он другому нищему — тот уселся наземь — и ударил его посохом. — Поворачивай! Если этот милый народ скачет нашим путем — мы пойдем другим. Шагай, не то не получишь на ужин ни корки!

Оборванец повернул и поплелся за ним, хныча:

— Бедный старый Грима! Все бьют, все клянут…

Как я его ненавижу! Хотел бы я уйти от него!..

— Так уйди! — сказал Гэндальф.

Но Червослов лишь стрельнул в него темными от ужаса глазами и торопливо затрусил вслед за Саруманом. Проходя мимо отряда, лиходеи заметили хоббитов; Саруман остановился и уставился на них — они же смотрели на него с сожалением.

— Тоже явились позлорадствовать? — сказал он. — Вас не волнует, в чем нуждается бродяга, правда? У самих-то всего вдоволь: еда, крепкая одежда — и лучший табак для трубок. Да-да, я знаю. Знаю, откуда он взялся. Не дадите ли нищему табачку, пострелята?

— Я бы дал, если б имел, — сказал Фродо.

— Возьми, что у меня осталось, — Мерри спешился и рылся в седельной сумке. — Подожди чуток... — он протянул Саруману кожаный кисет. — Бери всё. Он из обломков Исенгарда.

— Мой, мой — и дорого доставшийся! — вскричал Саруман, хватая кисет. — Это лишь уплата долга; ибо вы, уверен, поживились большим... Однако нищий должен быть благодарен, если вор возвратит ему хоть частицу украденного... Что ж, это будет вам по заслугам, если, вернувшись, вы найдете Южный Удел не совсем таким, как хоте-

ли бы… Пусть край ваш навсегда лишится листа!

— Спасибо на добром слове! — поклонился Мерри. — В таком случае, я хотел бы получить назад кисет. Он не твой, и пропутешествовал со мной по всем землям. Заворачивай табак в свои лохмотья!

— Обокрасть вора — не воровство, — Саруман повернулся спиной к Мерри, пхнул Червослова и зашагал к лесу.

— Мне это нравится! — хмыкнул Пин. — Ну, и кто ж из нас вор? Как насчет иска за похищение, раны и таскание через Роханд?

— Ох! — вздохнул Сэм. — Он сказал: доставший-ся. Как, интересно знать? И что он там говорил о Южном Уделе? Не нравится мне это. Самое нам время возвращаться.

— Время, конечно, — кивнул Фродо. — Но быстрей мы ехать не можем, если хотим повидать Бильбо. Что бы там ни было, а в Светлояр я заверну.

— И правильно сделаешь, — одобрил, подъезжая, Гэндальф. — Но жаль Сарумана! Боюсь, из него уже ничего не выйдет. Он совершенно истлел. И все же я не уверен, что Древобрад прав: чует мое сердце, он еще сотворит какое-нибудь лиходейство.

На следующий день Поравнинье опустело: на севере его никто не жил, хоть земли здесь были зеленые и вольные. Сентябрь принес золотые дни и серебристые ночи, и путники скакали налегке, пока не добрались до реки Лебедяни, и не отыскали старую переправу к востоку от водопада, где река внезапно спрыгивала в низину. Далеко на западе в дымке лежали озера и островки, на которых в камышах гнездились лебеди.

Отряд въехал в Эрегион; занималось утро, мерцая над туманами; и, глядя с вершины низкого холма, где стоял лагерь, путешественники видели на востоке три пронзившие тучи вершины: — казалось, солнце зацепилось за них: Карадрас, Келебдил, Фануидхол. Они были близ Ворот Мории.

Они задержались здесь на семь дней: недалеко было время еще одной разлуки, и они старались оттянуть его. Скоро Целеборн, Галадриэль и их народ свернут к востоку, проедут через Багровые Ворота и спустятся Теневым Каскадом к Серебрянке. Они заехали так далеко на запад, потому что им надо было о многом поговорить с Эльрондом и Гэндальфом. И они все еще мешкали, беседуя с друзьями. Часто после того, как хоббитов окутывал сон, сидели они вместе под

звездами, вспоминая минувшие Эпохи и свои радости и труды, или держали совет о том, что вдет мир. Но если бы оказался рядом случайный путник — мало что довелось бы ему увидеть или услышать; он решил бы, что видит статуи из серого камня, памятники позабытых народов, затерянные в безмолвном краю. Ибо они не двигались и не говорили вслух, прозревая думы друг друга; и только их сияющие глаза вспыхивали и мерцали в ночи.

В конце концов все было сказано, и они снова расстались — на время, пока Трем Кольцам не придет пора уйти. Народ Лориэна поскакал к горам, и серые плащи быстро растворились среди камней и теней; а те, кто ехал в Светлояр, сидели на холме и глядели им вслед, покуда мглу не прорезала вспышка — и больше они ничего не видели. Фродо понял, что Галадриэль в знак прощания подняла свое Кольцо.

Сэм отвернулся и вздохнул:

— Хотел бы я вернуться в Лориэн, сударь!..

Наконец однажды вечером, проехав полем вереска, они неожиданно — так всегда казалось путешественникам — оказались на краю глубокой долины Светлояра и увидели далеко внизу огни, сияющие в замке Эльронда. Они спусти-

лись, переехали мост и приблизились к дверям — и замок наполнился светом и песнями радости в честь возвращения Эльронда.

Прежде всего, не успев ни поесть, ни помыться, даже не сняв плащей, хоббиты кинулись разыскивать Бильбо. Они нашли его совсем одного в маленькой комнатке. Ее устилали бумаги, ручки, карандаши; а Бильбо сидел перед маленьким ярким очагом. Он выглядел очень старым, но спокойным — и сонным.

Когда они вошли, он открыл глаза.

— Привет, привет! — проговорил он. — Так вы вернулись? А завтра у меня День Рожденья. Очень мило с вашей стороны! Знаете, мне стукнет сто двадцать девять. Еще год протяну — и сравняюсь со старым Хватом… Я хотел бы побить его; но посмотрим.

После празднования Дня Рожденья четверо хоббитов пожили немного в Светлояре и часто видели со старым другом — тот проводил теперь почти все время в своей комнате, выходя только, чтобы поесть. Тут он был точен, как всегда, и редко когда забывал проснуться вовремя. Сидя у камелька, они по очереди рассказывали ему все, что помнили о своих походах и приключениях. Сперва он пытался что-то записывать; но часто

засыпал — а когда просыпался, говорил:

— Чудесно! Восхитительно! Но где же мы?..

Тогда они продолжали рассказ с места, где он уснул. Единственное, что немного пробудило его — рассказ о коронации и женитьбе Арагорна.

— Меня, конечно, звали на свадьбу, — сказал он. — И я долго ждал ее. Но, когда до нее дошло, у меня здесь оказалось полно дел; и сборы, знаете ли, так утомительны!

Прошло почти две недели; однажды Фродо выглянул из окна и увидел, что ночью был мороз и паутина похожа на серебристую сеть. Тут вдруг он понял, что должен уходить и прощаться с Бильбо.

Погода была все еще тиха и хороша — кончалось лето, одно из самых прекрасных на памяти Дивного Народа; но пришел сентябрь, и вот-вот должны были зарядить дожди и задуть ветры. А путь предстоял не близкий. Однако не думы о погоде торопили его. Он чувствовал, что им пора возвращаться в Край. Сэм разделял его чувства. Лишь прошлой ночью он сказал:

— Что ж, господин Фродо, далёко мы побывали и много чего повидали, а лучшего края, чем этот, не отыскали. Тут всего понемножку, если вы меня понимаете: — Край, Золотой Лес, Гондор, палаты

королевские, кабачки, луга, горы — так вот взяло всё, и перемешалось. А только чую, скоро нам опять в путь. Волнуюсь я что-то за своего старика, сударь, ох, волнуюсь!..

— Да, всего понемножку, Сэм, — ответил тогда Фродо. — Кроме Моря. — И повторил про себя: «Кроме Моря».

В тот же день Фродо поговорил с Эльрондом; было решено, что они выедут следующим утром. К их восторгу, Гэндальф сказал:

— Поеду-ка и я с вами. До Усада. Надо мне повидать Хмеля.

Вечером они пошли попрощаться с Бильбо.

— Ну, коли надо, так надо — идите, — вздохнул тот. — Мне будет вас не хватать. Приятно знать, что вы рядом… А то я что — то становлюсь слишком сонным.

Он отдал Фродо мифрильную кольчугу и Разитель, забыв, что однажды уже сделал это; а еще он отдал ему три Книги Знаний — на их алых корешках стояло: «Переведены с эльфийского Б.Т.».

Сэму он дал небольшой мешочек золота.

— Все, что осталось от сокровищ Смауга, — сказал он. — Пригодится, если жениться надумаешь.

Сэм вспыхнул.

— Вам, мальчуганы, мне и подарить-то нечего, — повернулся он к Пину и Мерри. — Кроме добрых советов, конечно. — И он надавал им кучу советов, добавив напоследок:

— Не давайте своим головам вырастать из шляп! Не перестанете расти — шляпы и одежда вам дорого обойдутся.

— Ты же хочешь побить Старого Хвата, — ответил на это Пин. — Так почему бы нам не побить Бычьего Рёва?

— Бильбо засмеялся и вытащил из кармана две трубки с перламутровыми мундштуками, оплетенные серебром.

— Думайте обо мне, когда станете их курить! — сказал он. — Эльфы сделали их для меня; но я теперь не курю, — тут он вдруг заснул; а потом проснулся и сказал: — На чём мы?.. Ах, ну да: раздаем подарки… Что мне вспомнилось: что с моим кольцом, Фродо, — ну с тем, которое ты унес?

— Я его выбросил, Бильбо, милый, — откликнулся Фродо. — Избавился от него, знаешь ли.

— Какая жалость! — воскликнул Бильбо. — Мне почему-то захотелось на него взглянуть… Ну, не глуп ли я? Ведь ты же для того и шел, да: избавиться от него? Но все так с ним перепуталось: дела Арагорна, Совет Светлых Сил, Гондор, Всадники,

южане, слониусы — ты правда видел одного, Сэм? — пещеры, крепости, золотые деревья и кто его знает, что еще…

Я, очевидно, возвращался из Путешествия слишком прямым путем. Гэндальф мог бы показать мне хоть что-то еще… Но тогда торги кончились бы до моего возвращения — и дела мои были бы куда хуже… Да и что сейчас об этом толковать? Думаю, гораздо лучше сидеть вот так у огня и слушать обо всем рассказы. Огонь здесь очень уютный; еда отменная; и эльфы рядом — только позови. Что еще нужно?..

Дорога вдаль и вдаль ведет
С того холма, где ее исток.
Дорога велела идти вперед,
Ее ослушаться я не мог.
По ней прошествуй легкой стопой,
Пока не вольешься в великий Путь,
Где много троп совьются в одной…
А дальше куда? Покуда забудь.
Дорога вдаль и вдаль ведет,
Дорога легла от раскрытых врат,
Дорога ушла далеко вперед,
Дойдет ею тот, кто не может — на-

зад.

И снова вперед, и снова идти!

Когда же усталость повалит с ног,

Средь черных ветвей пусть блеснет на пути

Гостиницы старой златой огонек.

Бильбо пробормотал последнюю строчку — и голова его упала на грудь; он спал.

В комнате сгущался вечер, и огонь горел ярче; друзья смотрели на Бильбо — он спал, и лицо его улыбалось. Некоторое время они сидели молча; наконец Сэм тихо сказал, глядя на мигающие по стенам огни:

— Не думаю я, господин Фродо, чтоб он тут много написал, пока нас не было. Нашей-то истории ему, значит, и вовсе не написать…

Тут Бильбо, будто услышав, приоткрыл глаз.

— Понимаете, мне всё время хочется спать, — проговорил он. — А когда у меня есть время писать — я пишу стихи. Фродо, мальчик, мой, привёл бы ты все это в порядок перед отъездом! Собери заметки, бумаги — дневник не забудь! — и забирай с собой; если, конечно, хочешь. Возьми Сэма в помощь, а когда кончишь, возвращайся — я посмотрю. Придираться не буду.

— Конечно, соберу! — сказал Фродо. — И, конечно, скоро вернусь: теперь это не опасно. Король возвратился, он скоро наведет на дорогах порядок.

— Спасибо, малыш! Это и правда большая помощь, — и Бильбо снова уснул.

На другой день Гэндальф и хоббиты прощались с Бильбо в его комнате: на улице было холодно; а потом простились с Эльрондом и его двором.

Когда Фродо стоял на пороге, Эльронд пожелал ему счастливого пути, благословил его и сказал:

— Думаю, Фродо, возвращаться тебе не понадобится — если только ты не придешь совсем скоро. В это же время года, когда листья золоты и готовы опасть, жди Бильбо в лесах Края. Я буду с ним.

Слов этих не слышал больше никто, и Фродо сохранил их в тайне.

Глава 7
Домой

Наконец-то хоббиты повернули к дому. Теперь их страшно тянуло в Край; но ехали они сперва медленно — Фродо слегка занемог. Когда они подъехали к Переправе, он остановился, словно бы боясь въезжать в поток; и после глаза его,

казалось, не видели ни их, ничего вокруг. Весь тот день он молчал. Было шестое октября.

— Тебе плохо, Фродо? — тихо спросил Гэндальф, скача с ним рядом.

— Да, неважно, — сказал Фродо. — Плечо. Рана горит, и память о тьме гложет меня. Сегодня годовщина…

— Есть, знаешь ли, раны, которые никогда не затягиваются, — заметил Гэндальф.

— Боюсь, моя из них, — вздохнул Фродо. — Настоящего возврата нет. Хоть и приеду я домой, он не будет тем же: сам я уже не тот. Я ранен клинком, жалом и зубом — и долгой ношей. Где я отдохну — и отдохну ли?..

Гэндальф не ответил.

К исходу следующего дня Фродо полегчало, и он опять развеселился, будто и не помнил о вчерашней тьме. После этого дни полетели быстро и приятно: путники скакали, не торопясь, часто останавливались в рощах, где листва краснела и желтела на осеннем солнышке. Наконец подъехали к Заверти; близился вечер, и тень горы темно лежала на дороге. Тут Фродо заспешил и проехал мимо, не взглянув на гору — только опустил голову и плотней завернулся в плащ. Той ночью погода изменилась — с запада подул ознобный

ветер, стал накрапывать дождь, желтые листья срывались с деревьев и мотыльками порхали в воздухе. Когда они подъезжали к Усаду, ветки были совсем уже голые, и густая пелена дождя скрывала селение.

Бурным, слякотным вечером одного из последних октябрьских дней пятеро путников одолели косогор и подъехали к Южным Воротам Усада. Ворота были закрыты наглухо; дождь сёк лица, по низкому сумеречному небу неслись тучи, и сердца путников замерли: они ожидали приема потеплее.

Они успели уже вдоволь накричаться, когда привратник, наконец, выполз — с дубинкой на плече. Смотрел он испуганно и подозрительно, но, когда увидел, что это Гэндальф, а с ним — четыре хоббита, хоть и странно одетые, просветлел.

— Заезжайте! — сказал он, отпирая ворота. — Не стоит мешкать на улице, на ветру и холоду, ради новостей — вечер сегодня сырой. Но старина Хмель не откажет вам в приюте — вот в «Пони» обо всем и услышите.

— А ты потом услышишь там всё, что скажем мы, — засмеялся Гэндальф. — Как Горри?

Привратник нахмурился.

— Сгинул, — сказал он. — Но лучше вы поспро-

шайте Хмеля!.. Доброй ночи.

— И тебе! — отозвались они, въезжая.

За оградой, вдоль дороги, вытянулся низкий сарай — из него высыпали люди и глазели на них через забор. Они миновали дом Бита Осинника — изгородь вконец покосилась, окна были забиты.

— Не пришиб ли ты его тем яблоком, Сэм? — раздумчиво проговорил Пин.

— Да нет, вряд ли, господин Пин, — сказал Сэм. — Но вот что мне хотелось бы знать — так это что сталось с беднягой пони. Я его частенько вспоминаю — и как тогда волки выли.

«Гарцующий Пони» совсем не изменился — по крайней мере, на первый взгляд; сквозь занавески в нижних окнах пробивался свет.

Они позвонили; Ноб приоткрыл дверь и выглянул; увидев, кто стоит под фонарем, он завопил:

— Господин Пахтарь! Хозяин! Они вернулись!!

— Неужто? Они у меня узнают!.. — донесся голос Пахтаря — и он возник на пороге со скалкой в руке. Но тут он увидел, кто такие эти «они», и черную мрачность его лица сменили удивление и восторг.

— Ноб! Дурошлёп шерстоногий! — закричал он. — Ты что, не мог назвать старых друзей по имени? Не пугай ты меня попусту, времена-то

какие!.. Ну, ну! И откуда же вы? Правду сказать, не ждал я вас, совсем не ждал: ушли-то ведь в Глухоманье с Бродником этим, а Черные Всадники — по пятам. Но я рад вас видеть, а Гэндальфа — и подавно. Входите! Входите! Комнаты, конечно, те же? Они свободны. Большинство комнат свободно, чего уж скрывать, всё равно сами увидите. Я присмотрю за ужином: чтоб поскорей. Рук вот только не хватает — ну и времечко!.. Эй, Ноб, телепень! Кликни Боба! Ах, да, совсем запамятовал: ушел же Боб! Домой ушел! Ну, значит, ты отведи пони в конюшню, Ноб! А ты, я думаю, сам поставишь туда коня, Гэндальф. Чудное животное, как я сказал, когда впервые увидал его. Ну, входите! Будьте как дома!

Говорил Хмель Пахтарь по-прежнему и, казалось, жил, как и раньше, в вечной спешке и суете; однако вокруг никого не было: тишь да гладь. Из залы доносились негромкие голоса — два-три, не больше. И лицо трактирщика, ясно видимое в свете двух свечей, которые он зажег и нес перед гостями, покрывали озабоченные морщины.

Он вел их по коридору к той самой комнате, где они провели тревожную ночь больше года назад; они шли за ним, немного обеспокоенные, потому что ясно видели, что старина Хмель прикрывает

улыбкой какое-то лихо.

Дела были не те, что прежде. Но они ничего не спрашивали.

Как они и ожидали, Пахтарь заглянул после ужина узнать, все ли понравилось. Понравилось, конечно: ни пиво, ни яства в «Пони» хуже не стали.

— Не стану предлагать вам войти в залу, — сказал Пахтарь. — Вы, должно быть, устали. Да и народу там сейчас немного. Но если б вы могли уделить мне полчасочка перед сном — я с удовольствием потолковал бы с вами наедине.

— Именно этого мы и хотим, — ответил Гэндальф. — Мы не устали. Мы вымокли, продрогли и проголодались, но ты нас уже излечил. Садись! А если у тебя есть табак — мы тебя благословим.

— Если б вы спросили чего другого, я был бы счастливее, — вздохнул трактирщик. — С табаком у нас плохо, только тот и есть, что сами вырастили, а из Края — забыли, как и пахнет. Ну, поищу, может, что и сыщется.

Вернувшись, он выложил на стол неразрезанную пачку: ее хватило бы друзьям на день-два.

— Это наш, — сказал он, — и лучший. Но с табаком Края-то ему не сравниться, я это всегда говорил, хоть во всем остальном я стою за Усад.

Ему подвинули глубокое кресло, Гэндальф уселся по другую сторону камина, а хоббиты устроились между ними в низких креслицах. Они проговорили много раз по полчаса, и обменялись всеми новостями, какие хотел узнать или поведать Пахтарь. Большая часть их рассказов повергла трактирщика в совершенное изумление; и им приходилось многое объяснять после часто повторяемого «Не скажите!».

— Не скажите, господин Торбинс, или Подгорникс, фу ты, опять запутался!.. Не скажи, Гэндальф!.. Ну и ну!.. Кто бы подумал — в наше-то время!..

Но он и сам рассказал о многом. Все из рук вон худо, сказал бы он. Дела не то, что хороши — они просто-таки плохи.

— Никто не приходит теперь в Усад, — грустно говорил он. — А здешние сидят всё больше по домам и запираются на все замки. А всё эти пришлые разбойники, что явились в прошлом году — вы, может, помните; их потом набежало видимо-невидимо. Некоторые бедняги, и правда, бежали от беды; но по большинству народ был дурной: воры да вредители. И они принесли лихо в Усад, большое лихо. Здесь был бой, настоящий бой, подумайте только! И кое-кто погиб. Можете

себе представить?!

— Могу, — сказал Гэндальф. — Сколько?

— Двое, не то трое, — отвечал Пахтарь, — И не только из Большого Народа. Мэт Тростняк, Роули Верескор и Том Шиповнике; и Биль Запескунс, да еще один из Подгорниксов всё славные парни. А Горри Чертополокс, что был привратником, и Бит Осинник — так те подались к врагам и ушли с ними; я так понимаю, они их и впустили. В ночь схватки, хочу я сказать. Это было сразу после Нового Года, тогда еще выпал небывалый снег.

Да, так вот, эти двое ушли к разбойникам и прячутся теперь с ними в лесах и пустошах к северу отсюда. Это все очень похоже на кусок из былей о злых стародавних временах. На дорогах опасно, никто не ездит теперь далеко, и народ засветло расползается по углам. Нам приходится держать дозорных вокруг ограды и стеречь по ночам ворота.

— Ну, нас-то никто не тронул, — заметил Пин. — А мы ведь ехали медленно и не береглись. Думали, все беды позади.

— Напрасно, сударь, напрасно, — вздохнул Пахтарь. — А что вас оставили в покое — так это неудивительно. Они не тронут вооруженных: с мечами, шлемами, щитами и всем прочим. Два-

жды подумают — и не тронут. Должен сказать, даже я испугался немного, когда вас увидел.

Тут хоббиты поняли, что народ дивился на них не столько из-за их возвращения, сколько из-за их одежд. Сами они привыкли к войне и вооруженным всадникам, и как-то не подумали, что блестящие из-под плащей кольчуги, шлемы Гондора и Марки, прекрасные гербы на щитах должны быть в диковинку их соотечественникам. То же и Гэндальф: он ехал на высоком серебристом коне, весь в белом, в наброшенной поверх всего огромной голубой мантии и с Гламдригом на боку.

Гэндальф засмеялся.

— Ежели они испугались нас пятерых — значит, в наших скитаниях нам встречались враги пострашней. Но, во всяком случае, пока мы здесь, ночами будет тихо.

— Надолго ли? — сказал Пахтарь. — Нам бы, конечно, хотелось, чтобы вы всем этим занялись. Мы, понимаешь, не привыкли к этаким напастям; а Следопыты, говорят, все ушли. Вот как ушли — так до нас и дошло, что они для нас делали. Потому что в округе развелась нечисть похуже разбойников. Прошлой зимой у ограды выли волки. А в лесах темные призраки, жуткие

твари, от одних мыслей кровь стынет. Очень уж беспокойно стало, понимаешь?

— Еще бы! — улыбнулся Гэндальф. — Почти всюду было беспокойно, очень беспокойно. Но ободрись, Хмель! Вы были на краю великой беды, и мне радостно слышать, что не потонули в ней. Грядут лучшие времена. Быть может, лучшие из всех. Следопыты вернулись. Мы ехали с ними. И Король возвратился, Хмелик.

Скоро он вспомнит о вас.

Тогда Неторный Путь проторят заново, и посланцы прибудут на север, и народ станет приходить и уходить, а зловещих тварей изгонят из пустошей. И пустоши перестанут быть пустошами, а на их месте поселятся люди. И поля зазеленеют там, где были пустыни.

Хмель Пахтарь затряс головой.

— Ежели по дорогам ходит порядочный люд — пусть себе ходит, большой беды нет. Но весь этот сброд и головорезы нам ни к чему. Мы не хотим чужаков в Усаде — или рядом с ним. Не по нраву мне пришельцы, селящиеся там и бродящие тут, и рвущие на части наши края. Мы хотим, чтобы нас оставили в покое.

— Вас оставят в покое, Хмель, — сказал Гэндальф. — Между Исен и Блёкмой довольно места,

а есть ведь еще земли вдоль Берендуина — оттуда до Усада скакать и скакать. А многие привыкли жить на севере, в сотнях миль отсюда, на том конце Неторного: на Северном Нагорье или у озера Сумрак.

— У Форпоста Мертвых?! — испуганно удивился трактирщик. — Там, говорят, призраки водятся. Никто, кроме разбойников, туда не пойдет.

— Следопыты идут, — проговорил Гэндальф. — Форпост Мертвых, сказал ты. Так звался он долгие годы; но истинное его имя, Хмель, — Форпост Королей. И однажды Король придет туда.

Тогда, глядишь, и дела лучше пойдут, — заявил Хмель. Что ж, пусть приходит. Только пусть Усад, оставит в покое.

— Оставит, — пообещал Гэндальф. — Он знает и любит его.

— Знает?.. Любит?.. — озадаченно переспросил Пахтарь. — Откуда бы ему — на троне, да в короне? И пьет ведь, поди, вино из золотых кубков… Что ему «Пони» и бочонки с пивом? Ничего, кроме того, что пиво в них хорошее, Гэндальф. А оно необычно хорошо с тех пор, как ты его прошлой осенью заговорил. Тем только и утешался в напастях.

— А! — сказал Сэм. — А он говорит, пиво у вас

всегда хорошее.

— Говорит?..

— Ясное дело. Это ж Бродник. Вождь Следопытов. Неужто еще не поняли?

Тут до Пахтаря наконец дошло. Глаза его округлились, рот приоткрылся.

— Бродник?.. — выдохнул он через пару минут, переведя дух. — Это он-то в короне, на троне, с золотым кубком? Что ж дальше-то будет?!

— Хорошие времена, для Усада, во всяком случае, — сказал Гэндальф.

— Надеюсь, надеюсь, — сказал Пахтарь. — Что ж, это была приятнейшая беседа. Сегодня я усну с легким сердцем. Вы дали мне, о чем подумать, и много дали, но это всё завтра. Иду в постель, не сомневаюсь, вы им тоже обрадуетесь. Эй, Ноб! — позвал он, идя в двери. — Где этот телепень?!

— Да! — он приостановился и хлопнул себя по лбу. — Что же я забыл?..

— Не еще одно письмо, надеюсь, господин Пахтать? — осведомился Мерри.

— Ох, господин Брендизайк, не напоминайте вы мне об этом! Ну вот, мысль и потерялась. О чем бишь я?.. Ноб, конюшня… а!

Вот оно! У меня есть кое-что для вас. Вспомните Бита Осинника и покражу коней: вы тогда купи-

ли у него пони, ну, так он тут. Вернулся совсем один. Где он был — это вы, конечно знаете лучше меня. Шерсть клочьями, как на старом псе, ребра наружу… Ну, здесь малость отъелся. Ноб за ним ходил.

— Что? Мой Билл? Нет, я точно в рубашке родился, что бы там ни говорил мой старик. Еще одна думка сбылась! Где он?..

И Сэм, не пожелав ложиться спать, отправился на конюшню к Биллу.

Путешественники провели в Усаде весь следующий день, и в тот вечер, во всяком случае, господин Пахтарь не мог пожаловаться на свои дела. Из вежливости хоббиты вышли на время в залу — на них тут же набросились с расспросами. Память у усадичей оказалась хорошей — Фродо спрашивали, не написал ли он книгу.

— Нет еще, — отвечал он. — Я возвращаюсь домой приводить заметки в порядок.

Он пообещал уделить место удивительным событиям в Усаде, и тем привлек некоторый интерес к книге, которая, оказывается, будет толковать о далеких и не очень-то важных событиях «где-то на дальнем юге».

Потом какой-то юнец потребовал песню. На него зашикали и затолкали в угол. Повторения

сверхъестественных событий в зале решительно не желали.

Ни днем, ни ночью, пока путники были в Усаде, никакие беды не волновали селение; но следующим утром они поднялись с рассветом — все ещё дождило, и надо было успеть в Край засветло, а путь неблизок. Усадичи повысыпали из домов взглянуть на их отъезд и были повеселее, чем в прошлом году; и те, кто не видел странников в полном вооружении, уставился на них в изумлении: Гэндальф сиял так, что его голубая мантия казалась облаком, набежавшим на солнце; а четверо хоббитов были точно странствующие рыцари давно позабытых былей. Даже те, кто смеялся над разговорами о Короле, стали подумывать, а нет ли в этих россказнях правды.

— Счастливого вам пути и счастливого возвращения! — сказал напоследок Хмель Пахтарь. — Я уж вам говорил, что в Крае — не все ладно, если то, что мы здесь слышим — правда. Говорят, дело там нечисто. Но одно гонит прочь другое, а у меня своих забот по горло. Но, позвольте уж старику сказать, вернулись вы не такими, как уехали, и, сдается, беды вам не в диковинку, да и борьба с ними — тоже. Не сомневаюсь, вы там быстро наведете порядок. Счастья вам! Чем чаще вы будете

сюда наезжать, тем больше я буду радоваться.

Они простились с трактирщиком, миновали Западные Ворота, и — вперед в Край. Пони Билл был с ними, и, как и прежде, тяжело нагружен; но он трусил позади Сэма и был, кажется, очень доволен.

— Интересно, на что это намекал старина Хмель?.. — задумчиво проговорил Фродо.

— Кое о чем я догадываюсь, сударь, — сумрачно отозвался Сэм. — То, что я в Зеркале видел: порубленные деревья и все такое, и мой старик, выставленный из Истербинки. Надо мне поспешать, сударь, ох, надо!

— И что-то с Южным Уделом, — добавил Мерри. — Табаку-то ведь нет.

— Что бы там ни было, — сказал Пин, — можете быть уверены: во главе всего — Лотто.

— Высоко, но не во главе, — возразил Гэндальф. — Ты забыл о Сарумане. Он заинтересовался Краем прежде Мордора.

— Ну, ты ведь с нами, — сказал ему Мерри. — Так что скоро все выяснится.

— Я с вами сейчас, — ответил маг. — Но скоро меня не будет. Я не иду в Край. В его делах вам разбираться самим; для этого вас и учили. Неужели еще не поняли? Время моё кончилось: приводить

все в порядок — более не мое дело; не мое дело и помогать в этом. Что же до вас, милые друзья — вам помощь не нужна. Вы выросли. Выросли поистине высоко: вы сейчас среди величайших, и я больше не боюсь за вас.

Я скоро сверну в сторону. Мне предстоит долгий разговор с Бомбадилом: такого разговора у меня еще никогда не было. Он зарос мхом, я же был камнем, обреченным катиться. Но камень замедлил свой бег, и теперь нам есть, что сказать друг другу.

Немного погодя они подъехали к месту, где некогда прощались с Бомбадилом: они надеялись увидеть его там — выехавшим им навстречу. Но его не было; был только серый туман над Могильниками да глубокая мгла над дальним Вековечным Лесом.

Они остановились, и Фродо грустно поглядел на юг.

— Очень бы мне хотелось повидать его, — сказал он. — Интересно, как он там?..

— Хорошо, как всегда, можешь быть уверен, — откликнулся Гэндальф. — Ни о чем не тревожится; и, полагаю, не особо интересуется нашими делами — кроме, может быть, визитов к энтам. Возможно, когда-нибудь ты и навестишь его. Но

сейчас, будь я на вашем месте, я поторопился бы домой — не то вы не успеете к Брендидуимскому Мосту до закрытия ворот.

— Каких еще ворот? — недоуменно нахмурился Мерри. — Нет никаких ворот на Тракте; ты это и сам знаешь. Есть, конечно, Северный Ход; ну, да там меня всегда пропустят.

— Там не было ворот, хочешь ты сказать, — глянул на него Гэндальф. — Теперь, может, какие-то и появились. Да и через Северный Ход пройти будет трудней, чем ты думаешь. Но вы пройдете. Прощайте, милые друзья! На время — покуда! Прощайте!

Он повернул Ночиветра с Тракта и конь перескочил зеленый ров, что шел вдоль дороги; а потом исчез по крику Гэндальфа, северным ветром унесясь к Могильникам.

— Ну, вот и опять нас четверо, — как тогда, когда мы только вышли в путь, — сказал Мерри. — Остальные порастерялись в дороге. Все это точно сон — и он кончается.

— Мне, наоборот, кажется, будто мы опять засыпаем, — вздохнул Фродо.

Глава 8
Очищение Края

Спустилась ночь, когда, промокшие и усталые, путники добрались наконец до Брендидуимского Моста и увидели, что дорога закрыта. На обоих концах Моста стояли высокие шипастые ворота; а по ту сторону реки виднелись недавно выстроенные дома: двухэтажные, с узкими прямоугольными окнами, голыми и тускло светящимися — все очень мрачно и совсем не по-хоббичьи.

Они замолотили по воротам, но ответ пришел не сразу: сперва, к их удивлению, кто-то протрубил в рог, и огни в домах погасли. Потом из тьмы закричали:

— Кто там? Убирайтесь! Вы не войдете. Не можете, что ли, прочесть: «До восхода нету хода!»? Ясно же написано!

— Сам читай в такой тьме! — не остался в долгу Сэм. — Это что ж такое — чтобы хоббитов не пускали в Край — в этакую-то мокрень, да еще на ночь глядя!

Хлопнул ставень, и из левого дома высыпала

толпа хоббитов с фонарями. Они отворили дальние ворота, и несколько перешло мост. Увидев путников, они испуганно попятились.

— Иди-ка сюда! — сказал Мерри, узнав одного из них. — Если ты меня еще не признал, Хоб Сенокс, так тебе придется это сделать. Я — Мерри Брендизайк, и очень бы мне хотелось знать, что все это значит, и что ты тут делаешь. Ты же должен быть в Сенном Ложке.

— Ну и ну! Это ж господин Мерри, как пить дать, и одет, как на войну! — изумился старый Хоб. — А говорили, вы умерли! Заблудились в Вековечном Лесу. Очень мне приятно, что вы живы!

— Ну, так не глазей на меня сквозь засовы, а отвори ворота!

— Простите, господин Мерри, но у нас приказ.

— Чей это?

— Вождя из Торбы.

— Вождя? Вождя?.. Лотто, что ли? — сказал Фродо.

— Его, господин Торбинс; да только мы теперь говорим «Вождь».

— Это я слышу, — сказал Фродо. — Что ж, хоть Торбинсом он не назвался — и то ладно. Но семье давно пора поставить его на место.

Хоббиты за воротами примолкли.

— Не будет добра от таких речей, — сказал один. — Он узнает о них, наверняка узнает. И не шумите вы так: разбудите Человека Вождя.

— Разбудим, конечно, — согласился Мерри. — Ежели ваш распрекрасный Вождь нанимает бандитов с большой дороги — значит, мы едва не опоздали, — он спрыгнул с пони и, разглядев в свете фонарей надпись, сорвал ее и перебросил за ворота. Хоббиты попятились, но ворот не открыли.

— Идем, Пин! — позвал Мерри. — Двоих тут хватит.

Мерри и Пин взобрались на ворота, и хоббиты побежали. Снова протрубил рог. В дверях правого дома возник коренастый неуклюжий силуэт.

— Это еще что? — прорычал он, шагнув вперед. — Ворота ломаете?.. Убирайтесь, не то я вам шеи посворачиваю! — И застыл: перед его носом сверкнули мечи.

— Бит Осинник, — сказал Мерри, — если ты сейчас же не отопрешь ворота — ты об этом пожалеешь. Не послушаешься — отведаешь стали… А когда отопрешь — выйдешь и не вернешься.

Бит Осинник вздрогнул, нога за ногу подошел к воротам и отпер их.

— Давай сюда ключ! — потребовал Мерри. Но

разбойник швырнул ключ в реку, а сам опрометью кинулся за ворота. Когда он пробегал мимо пони, один из них лягнул его, а потом и куснул. Он с воплем исчез в ночи, и больше о нем никто никогда не слышал.

— Чисто сделано, Билл, — одобрительно шепнул пони Сэм.

— Был Большой Человек, — сказал Мерри. — Но довольно о нем! Вождя мы навестим попозже. Сейчас нам надо где-то провести ночь, а так как вы, кажется, снесли Замостный Приют и понастроили вместо него эти унылые дома, придется вам приютить нас там.

— Простите, господин Мерри, — сказал Хоб. — Но нам этого нельзя.

— Чего нельзя?

— Пускать народ со стороны, есть дополнительную пищу и все такое, — объяснил Хоб.

— Что стряслось с краем? — спросил Мерри. — Год был плохой, что ли? Не с чего бы: лето-то вроде хорошее выдалось.

— Да, год был неплохой, — сказал Хоб, — и урожай славный, но что с ним сталось, мы не знаем. Это все «сборщики» да «дольщики» — толклись вокруг, подсчитывали, а потом свезли все на склады. Они, правду сказать, больше собирали,

чем делили, и большую часть еды мы так и не увидели.

— Все это слишком утомительно для меня, — Пин зевнул. — У нас еда с собой. Отведите нам комнату — спать, и довольно.

Хоббиты у ворот всё еще чувствовали себя неуверенно — какое-то правило или что-то еще было нарушено; но пришельцам — вооруженным, высоким и сильным — не перечили. Фродо велел опять запереть ворота. Какой-то смысл в их охране был — вокруг бродили разбойники. Потом четверо товарищей прошли в Дом Стражи и постарались устроиться там поудобнее. Место было голым и мрачным, с убогим камином, не рассчитанным на большой огонь. В комнатах наверху рядами стояли жесткие кровати, а на каждой стене висели Предписание и Свод Правил. Пин посрывал их. Пива не было ни капли, еды — чуть-чуть, но путешественники разделили то, что привезли с собой, и все неплохо подкрепились; а Пин нарушил Правило № 4, отправив в огонь большую часть припасенных назавтра дров.

— Ну, а теперь самое время покурить, — сказал он. — И вы нам расскажете, что творится в Крае.

— Табаку у нас нет, — отозвался старый Хоб. — А если и есть у кого — так только у Людей Вождя. Все

запасы, кажется, сгинули. Мы прознали — фургоны с ним уехали из Южного Удела по старому тракту. Было это… ну, да — в конце прошлого лета, сразу как вы ушли. Этот Лотто…

— Заткнись, Хоб Сенокс! — разом завопило несколько хоббитов. — Знаешь ведь, говорить об этом запрещено! Вождь узнает — не миновать беды.

— Ничего он не узнает, ежели здесь нет слухачей, — отрезал Хоб.

— Будет вам! — сказал Сэм. — Хватит с нас и этого. Не желаю больше ни о чем слышать. Ни привета, ни пива, ни курева — вместо всего куча правил да орочья болтовня. А я-то надеялся отдохнуть!.. Но впереди, видать, снова дела да заботы. Давайте-ка спать, и забудем про все до утра.

У нового «Вождя» были способы узнавать новости. От Моста до Торбы было добрых сорок миль, однако кто-то не поленился проделать этот путь. Фродо и его друзья вскорости в этом убедились.

Определенных планов у них не было — собирались все вместе идти в Кроличью Балку и там немного отдохнуть. Но теперь, видя, что творится, решили идти прямиком в Хоббитон. На следующий день они выехали на Тракт и уверенно двинулись вперед. Ветер унялся, но небо хмури-

лось. Земли выглядели уныло и голо; но ведь, как ни суди, было первое ноября — самый конец осени. Однако повсюду, казалось, горели пожары, в воздухе пахло дымом. Большое дымное облако висело над Лесным Пределом.

Под вечер показался Квактон — деревушка милях в двадцати двух от Моста; они собирались заночевать там — «Пень-на-Плаву» был весьма приличным трактиром. Но, подойдя к околице, наткнулись на забор поперек дороги с прибитой к нему доской: «Хода нет»; а за забором столпились караульщики с палками в руках и перьями в шляпах — важные и испуганные.

— Это еще что? — Фродо едва сдержал смех.

— То, что есть, господин Торбинс, — сказал Главный Караульщик, хоббит в шляпе с двумя перьями. — Вы арестованы за Взлом Ворот, Срывание Правил, Нападение на Привратников, Нарушение Границ, Ночевку без Дозволения и Подкуп Стражей посредством Еды.

— А еще за что? — поинтересовался Фродо.

— Довольно и этого, — сказал караульщик.

— Я могу кое-что добавить, если хочешь, — не утерпел Сэм. — Обзывание вашего Вождя, Желание Набить его Прыщавую Рожу и Думку, что Все Караульщики — Пни, и даже не пловучие.

— Довольно, довольно. Вас пропустили сюда только по приказу Вождя. Мы отведем вас в Приречье и сдадим на руки его Людям. Когда он займется вашим делом — тогда и выскажетесь. Но на вашем месте я попридержал бы язык — не то угодите в Ямовины навек.

К полному замешательству караульщиков товарищи расхохотались.

— Что за чушь! — выговорил наконец Фродо. — Я иду, куда хочу и когда хочу. Сейчас мне надо в Торбу, ну, а если ты тоже туда собрался — это твое дело.

— Вот и ладно, господин Торбинс, — ухмыльнулся караульщик, отодвигая забор. — Но не забудьте: я вас арестовал.

— Не забуду, — сказал Фродо. — Никогда. Но я могу забыть тебя. Сегодня я больше никуда не пойду, так что ежели ты проводишь меня до «Пня-на-Плаву», буду очень тебе признателен.

— Этого я сделать не могу, господин Торбинс, — сказал караульщик. Трактир закрыт. На том конце деревни есть Караульня. Я провожу вас туда.

— Пусть так, — согласился Фродо. — Иди, мы за тобой.

Сэм оглядывал караульщиков и высмотрел

одного знакомца.

— Эй, Роб Напенник! — позвал он. — Иди-ка сюда. Потолковать надо.

Робко взглянув на предводителя, Напенник приотстал и пошел рядом с Сэмом — тот соскочил с пони.

— Слушай-ка, Дрозд, ты ж из Хоббитона — мыслимое ли дело — устраивать засаду на господина Фродо? И с чего это вдруг закрылся трактир?

— Они все закрылись, — вздохнул Роб. — Вождь не одобряет пива. Так, во всяком случае, начиналось. Ну, а теперь, мыслю я, все оно достается Людям Вождя. И он не одобряет хождений: теперь, если кто куда собрался, должен сперва прийти в Караульню и объяснить, зачем.

— И ты не сгорел со стыда, связавшись со всем этим? — спросил Сэм. — Ты ж всегда любил трактиры больше себя самого. И вечно тебе все было надо — на службе ты или нет.

— Я и сейчас был бы таким, Сэм, если б смог. Но не серчай на меня. Ты же знаешь, как я пошел в Караульщики — семь лет назад, тогда этим всем и не пахло — чтоб бродить по стране, видеть народ, знать все новости да снимать пробу с пива во всех трактирах. А теперь все не так.

— Но ты же мог уйти от них, ежели караульщи-

ков перестали уважать.

— Нам этого нельзя.

— Если я буду слышать это самое «нельзя» слишком часто, — заметил Сэм, — то гляди: рассержусь.

— Сказать не могу, как меня это огорчает, — Роб понизил голос. — Если б мы рассердились все вместе — может, что и вышло бы. Но эти Люди, Сэм, эти Люди Вождя!.. Он рассылает их повсюду, и ежели кто заговорит о правах — его хватают и волокут в Ямовины. Они взяли старого Боббера, старого Шерстолапа — первыми, а потом еще много кого. Дальше — хуже… Их там часто бьют.

— Так зачем вы на них работаете? — озлился Сэм. — Кто послал вас в Квактон?

— Никто. Мы живем в Караульне. Мы — Первая Восточная Армия. Есть уже сотни караульщиков, а говорят — надо еще больше — по этим новым порядкам. Многие — не по своей воле, но не все. Даже в Крае есть кое-кто, любящий соваться не в свое дело и много об этом болтающий. И еще хуже: некоторые шпионят для Вождя и его Людей.

— Ага! Так вы о нас и узнали?

— Точно. Нам-то не разрешают ею пользоваться, но Скорая Почта существует — для них. У них всюду есть специальные бегуны. Вчера пробежал

один с Тайной вестью, а сегодня в полдень вернулся — с приказом арестовать вас и доставить в Приречье, не сразу в Ямовины. Вождь, должно, желает сперва поглядеть на вас.

— Скоро ему расхочется нас видеть — когда господин Фродо с ним покончит, — сказал Сэм.

Караульня в Квактоне была не лучше Дома Стражи у Моста. Одноэтажная, с такими же узкими оконцами, сложенная из белесого грубого кирпича. Внутри было сыро и мрачно; ужин подали на длинном голом столе — его, верно, не скребли несколько недель. Правда, еда большего и не заслуживала. Путники рады были покинуть это унылое место. До Приречья оставалось миль восемнадцать; в десять утра друзья вышли в путь. Они выехали бы и раньше, да задержались, чтобы досадить Главному Караульщику.

Отряд, покидавший деревню, выглядел очень забавно, хотя немногие хоббиты, глазеющие на него, были, казалось, не вполне уверены, разрешено ли им смеяться. Дюжине караульщиков было велено сопровождать «пленников»; но Мерри заставил их идти впереди, а Фродо с друзьями скакали сзади. Мерри, Пин и Сэм смеялись, болтали и пели, а караульщики топали по дороге, стараясь выглядеть суровыми и важными. Фродо,

однако, был печален и задумчив.

Последним им встретился крепкий старик, поправляющий плетень.

— Привет! — засмеялся он. — Ну, и кто же кого арестовал?..

Два караульщика тут же рванулись к нему.

— Эй, ты! — крикнул вожаку Мерри. — Урезонь своих парней, не то с ними поговорю я!

Два хоббита угрюмо вернулись на место.

— Теперь — вперед! — скомандовал Мерри, и всадники позаботились, чтобы скорость их пони была достаточна велика — несмотря на прохладный ветерок, караульщики отдувались и потели.

У Неминучего Камня они выдохлись. Они сделали почти четырнадцать миль с небольшой остановкой в полдень. Было три часа.

Они совершенно уморились и сбили ноги — такая гонка была не по ним.

— Ладно, идите, как можете! — смилостивился Мерри. — А мы поскачем вперед.

— До свиданья, Дроздушка! — сказал Сэм. — Жду тебя у Зеленого Дракона, если ты не забыл еще, где он. Смотри, не задерживайся!

— Вы нарушаете арест, — уныло заявил Главный Караульщик. — И я ни за что не отвечаю.

— Мы еще много чего нарушим, — пообещал

Пин. — И не призовем тебя к ответу. Счастливо оставаться!

Всадники пустили пони рысью, и когда солнце стало клониться к западу, въехали в Приречье — здесь их ждало первое настоящее потрясение. Это была родина Фродо и Сэма — и теперь они поняли, что тревожились о ней больше любого другого места в мире. Много знакомых домов исчезло. Очаровательный ряд старых хоббичьих нор в северном берегу Заводи был разорен, маленькие сады, что сбегали к кромке воды, заросли сорняками. А вдоль всего берега выстроились уродливые новые здания. Когда-то там была аллея деревьев. Ее не стало. И, в смятении взглянув вверх по дороге — к Торбе — они увидали высокую кирпичную трубу; из нее в вечернее небо клубами валил густой дым.

Сэм вышел из себя.

— Я еду прямо туда, господин Фродо! — закричал он, трогая повод. — Выясню, что там творится. И старика мне надо найти.

— Сперва надо выяснить, что вообще творится, Сэм, — остановил его Мерри. — Сдается, где-то неподалеку разбойники этого их «Вождя». Надо бы найти кого-нибудь, кто расскажет, как тут идут дела.

Но в Приречье все дома и норы были закрыты, никто не вышел Их встречать. Они сначала удивились, но вскорости поняли, почему. Добравшись до Зеленого Дракона, сейчас пустого, с забитыми окнами, они обеспокоились: у стены кабачка расположились с полдюжины Громадин; все они были желтолицыми и косоглазыми.

— Как тот дружок Бита Осинника, — сказал Сэм.

— Как те, кого я видел в Исенгарде, — пробормотал Мерри.

В руках у бандитов были дубинки, у пояса висели рога; но другого оружия не было. Когда путники подъехали ближе, они отклеились от стены и вышли на дорогу, загородив путь.

— И куда же это мы едем? — глумливо спросил один, самый высокий из шайки и с самой лиходейской рожей. — Дальше нельзя. А где эти расчудесные караульщики?

— Идут пешком потихоньку, — сказал Мерри. — Стерли ноги, наверно. Мы обещали подождать их здесь.

— Что я говорил? — обернулся к приятелям бандит. — Этим маленьким олухам нельзя доверять, сказал я Старче. Надо было послать нескольких наших парней.

— А, простите, что бы это изменило? — осведомился Мерри. — Мы не привыкли встречать здесь бандитов — но знаем, как с ними обходиться.

— Бандитов, да?.. — переспросил человек. — Вот как вы заговорили!..

Возьмите свои слова обратно, не то мы их вам вернем. Слишком уж вы занеслись, малышня. Не очень-то надейтесь на доброту Старшого. Теперь явился Старче — и он сделает, что Старче скажет.

— Что же, например? — спокойно спросил Фродо.

— В стране надо навести порядок, — с ухмылкой пояснил ему бандит. — И Старче этим займется; и будет суров, если его вынудят. Вам нужен Старшой побольше — и вы получите его, прежде чем кончится год. Тогда и узнаете, что почем, крысята несчастные.

— Разумеется. Вы весьма ясно изложили ваши планы. Я еду поговорить с господином Лотто — быть может, ему тоже будет интересно узнать о них.

Бандит заржал.

— Лотто! Он их знает. Не беспокойся. Он делает, что скажет Старче. Потому что ежели Старшой не слушается — мы можем сменить его. Ясно? А

если малышня пытается пролезть, куда не просят, — мы можем прогнать их: от греха подальше. Ясно?..

— Куда уж яснее, — сказал Фродо. — Во-первых, ясно, что вы здесь отстали от времени и ничего не знаете. Многое произошло с тех пор, как вы оставили юг. Ваше время, да и других разбойников, кончилось. Черный Замок пал, и Король Гондора воссел на трон. А Исенгард разрушили, и ваш расчудесный хозяин стал бродягой. Я столкнулся с ним по пути. По Неторному поскачут теперь посланцы Короля — не медведи Исенгарда.

Человек с ухмылкой уставился на него.

— Бродягой!.. — повторил он. — Неужто? А ты и рад этому, петушок! Но это не помешает нам жить в этой жирной стране, где тебя достаточно долго не было.

А... — он ткнул пальцами в лицо Фродо, — посланцы Короля!.. Плевать я хотел! Когда увижу хоть одного — тогда, может, поверю.

Это было уж слишком. Пин взъярился. Мысли его вернулись на Луга Кормаллена — а здесь косоглазый мерзавец обзывал Хранителя Кольца «петушком». Пин сбросил плащ, обнажил меч — и вороненое серебро Гондора взблеснуло, когда он рванулся вперед.

— Я — посланец Короля! — вскричал он. — Ты говоришь с королевским другом — одним из самых прославленных во всех землях Запада. Ты негодяй и дурак. На колени и проси прощения — не то я познакомлю тебя с Проклятием Троллей!

В закатном солнце сверкнул клинок. Мерри и Сэм тоже обнажили мечи и подъехали к Пину; но Фродо не двинулся. Бандиты подались назад. Запугивать усадичей, стращать безответных хоббитов — вот это было по ним. Бесстрашные хоббиты с ясными клинками и суровыми лицами, с какими — то незнакомыми интонациями в голосе — было чему удивиться и чего испугаться!

— Убирайтесь! — сказал Мерри. — Сунетесь еще в эту деревню — пожалеете. — Трое хоббитов двинулись вперед — бандиты повернулись и побежали к Хоббитону, на бегу они трубили в рога.

— Мы едва не опоздали, — заметил Мерри, вкладывая меч в ножны.

— Едва, — согласился Фродо. — А может, и опоздали — спасти Лотто. Несчастный дурак, и все же мне жаль его.

— Спасти Лотто?.. — удивленно обернулся Пин. — Ты о чем говоришь? Уничтожить его — сказал бы я.

— Ты не понимаешь, Пин, — вздохнул Фродо. —

Лотто никогда не думал, что до такого дойдет — и вряд ли хотел этого. Злой дурак — ну да теперь он поплатился. Бандиты подмяли его: обирают, грабят, творят, что хотят — и все его именем. Да и не его именем тоже. Он пленник Торбы, и испуганный пленник. Мы должны попытаться вызволить его.

— Потрясающе! — сказал Пин. — Самый невероятный из концов нашего Похода: драться с полуорками и разбойниками в самом Крае — чтобы вызволить Прыщавца Лотто!

— Драться? — переспросил Фродо. — Что ж, может дойти и до этого. Но помните: ни один хоббит не должен быть убит, даже если он перешел к врагу: по — настоящему перешел, хочу я сказать, а не просто выполнял поручения бандитов — из страха или по глупости. Никогда еще в Крае не было убийств — и не нам начинать. Да и вообще, лучше обойтись без убивания — если можно обойтись. Держите себя в руках до последней минуты!

— Но ежели бандитов тут много, — возразил Мерри, — без драки не обойтись. Ни Лотто, ни Края, не спасешь печалью, милый мой Фродо.

— Да, — поддержал его Пин. — Второй раз их так легко не испугаешь. Они были захвачены

врасплох. Слыхали рога? Тут где-нибудь наверняка есть еще бандиты. Надо бы нам подумать, где укрыться на ночь. Нас ведь все-таки всего лишь четверо, даром, что мы вооружены.

— Есть у меня мыслишка, — сказал Сэм. — Поехали к старому Тому Хлопкинсу, это недалеко тут — в Полдневном Тупике. Он всегда был крепким мужиком, а все его парни — мои друзья.

— Нет! — покачал головой Мерри. — Негоже нам прятаться. Именно это тут все и делают, и очень это по сердцу разбойникам. Они запросто нас разыщут, загонят в угол, а после вытащат поодиночке или спалят. Нет уж, надо нам начинать — и тотчас!

— Что начинать? — спросил Пин.

— Поднимать Край! — сказал Мерри. — Теперь же! Разбудить весь наш люд! Они ненавидят это все, вы же видите: все, кроме нескольких негодяев да двух — трех дурней, которым захотелось забраться повыше; но они не видят, что творится вокруг. А народ Края так долго жил в уюте, что совсем растерялся и не знает, что делать. Им нужен только фитиль — и огонь заполыхает. Люди Вождя должны это понимать. Они постараются надавить на нас, выгнать нас отсюда побыстрей. Времени у нас в обрез. Сэм, поспеши в Полднев-

ный Тупик, если хочешь. Хлопкинс главный в здешних краях и один из самых крепких. Скачи! А я протрублю в рог Роханда — такой музыки здесь еще не бывало.

Они поскакали назад, к центру деревни. Там Сэм свернул и галопом помчался в Полдневный Тупик. За его спиной раздался внезапный звенящий зов рога; он отозвался в поле и за холмами — и таким призывным был он, что Сэм едва не повернул назад. Его пони ржал и храпел.

— Вперед, малыш! Вперед! — крикнул хоббит. — Мы скоро вернемся.

Потом Мерри сменил ноту — и воздух сотряс древний клич Забрендии: ВСТАВАЙ! НАПАСТЬ! ПОЖАР! ВРАГИ! ПОЖАР! ВРАГИ! ВСТАВАЙ!

Позади Сэма слышался гул голосов, грохот и хлопанье дверей. Впереди него во мгле вспыхнули огни; загавкали псы; зашлепали бегущие ноги. Не успел он добраться до Тупика, как появился папаша Хлопкинс с тремя из своих парней — Крошкой Томом, Олли и Ником. В руках у всех четверых были топоры.

— Нет, это не бандит, — послышался голос папаши Хлопкинса — Это хоббит, вот в чем дело, да уж больно странно одет. Эй! — крикнул он. — Ты кто и что это за шумиха?

— Это Сэм. Сэм Гискри. Я вернулся.

Папаша Хлопкинс подошел поближе и уставился на него — были уже глубокие сумерки.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — голос как будто твой, да и лицо хуже не стало, Сэм. Но я не признал бы тебя в этой одежке. Ты, должно, побывал за границей. Мы боялись, ты умер.

— Еще чего! — заявил Сэм. — И господин Фродо тоже жив. Он тут — с друзьями. Потому и шум. Они поднимают Край. Мы собираемся выбить отсюда всех бандитов, и Вождя их тоже. И начинаем сейчас.

— Славно, славно! — воскликнул папаша Хлопкинс. — Наконец-то началось! У меня весь год руки чесались, да народ не хотел помогать. А мне ведь, сам знаешь, надо думать о жене и Рози. Бандитам-то этим на все наплевать... А сейчас — пошли, ребята! Приречье поднялось. Мы должны быть там.

— А как же матушка Хлопкинс... и Рози? — спросил Сэм. — Не такое сейчас время, чтоб им одним оставаться.

— С ними Нибс. Но ты можешь ему помочь, — улыбнулся папаша Хлопкинс и вместе с сыновьями побежал в деревню.

Сэм поспешил к дому. У большой круглой двери

на вершине лестницы стояли госпожа Хлопкинс и Рози, а впереди — Нибс с вилами.

— Это я! — крикнул им Сэм, подъезжая. — Сэм Гискри! Не пробуй проткнуть меня, Нибс. Все равно ничего не выйдет: я в кольчуге.

Он спрыгнул с пони и поднялся по лестнице. Они молча глядели на него.

— Добрый вечер, матушка Хлопкинс! — сказал он. — Привет, Рози!

— Привет, Сэм! — отозвалась Рози. — Где ты пропадал? Говорили, ты умер, но я ждала тебя с весны. Ты не спешил домой.

— Возможно, и нет, — пристыженно опустил глаза Сэм. — Но теперь я спешу. Мы разгоняем бандитов, и я должен вернуться к господину Фродо. Но я подумал, мне надо приехать и взглянуть, как вы тут живете, матушка Хлопкинс — и Рози тоже.

— Живем хорошо, спасибо, — проговорила госпожа Хлопкинс. — Вернее — жили бы, если б не эти бандиты.

— Уходи! — сказала Рози. — Если ты все это время приглядывал за господином Фродо — чего ж ты оставил его сейчас, когда там так опасно?

Это было слишком. Надо было отвечать неделю — или не отвечать вообще. Он сбежал вниз и

вскочил на пони. Но едва он тронул поводья — с лестницы скатилась Рози.

— По-моему, ты прекрасно выглядишь, Сэм, — сказала она. — Езжай! Но береги себя — и возвращайся, как только прогонишь бандитов.

Когда Сэм вернулся, вся деревня была на ногах. В стороне от молодых парней собралось уже более сотни крепких хоббитов с топорами, тяжелыми молотами, длинными ножами и палками; кое у кого были охотничьи луки. А с ближних хуторов все шел и шел народ.

Несколько парней разожгли большой костер — для поднятия духа и потому, что это была одна из запрещенных Вождем вещей. Он ярко горел в наступающей ночи. Другие по приказу Мерри перегораживали дорогу на околицах деревни. Когда к одной из заград — не самой высокой — подошли караульщики, они были ошеломлены; но, когда увидели, как обстоят дела, большинство посрывало перья и присоединилось к восставшим. Остальные удрали.

Сэм нашел Фродо и его друзей у огня. Они говорили с папашей Хлопкинсом.

— Что же дальше? — спросил тот.

— Не могу сказать, — отвечал Фродо, — пока не узнаю больше. Сколько здесь этих разбойников?

— Трудно сказать, — протянул папаша Хлопкинс. — Они то придут, то уйдут. Их иногда до полусотни собирается в Хоббитоне. Но они уходят оттуда — «на промысел», как они говорят. Но меньше двадцати никогда не вертится вокруг Старшого — они его так зовут. Он в Торбе — или был там; но оттуда он теперь не выходит. Кстати: последнюю неделю — две его никто не видел; но Люди никого туда не подпускают.

— Они живут не только в Хоббитоне, да? — поинтересовался Пин.

— Нет, — к сожалению, — отозвался Хлопкинс. — Их, слыхал я, много в Подорожниках: у них там бараки; а кое-кто обретается в Лесном Пределе. А потом, есть еще Ямовины, как они их зовут: старые складские туннели, они превратили их в тюрьму. Все же, думаю, их не больше трех сотен во всём Крае — а может, и того меньше. Мы сможем их одолеть — надо только держаться вместе.

— Оружие у них есть? — спросил Мерри.

— Бичи, ножи и дубинки — для грязных дел этого хватает, — сказал Хлопкинс. — Но, пожалуй, если придется драться — сыщется и другое. У некоторых есть луки — они подстрелили уже одного не то двух наших.

— Вот так-то, Фродо, — заметил Мерри. — Знал же я, что придется драться. Что ж, убивать начали они.

— Не совсем, — возразил Хлопкинс. — Во всяком случае — не стрелять. Это начали Хваты. Понимаете, господин Перегрин, ваш отец, он никогда не признавал этого Лотто — с самого начала не признавал: говорил, что если кому и быть вождем в наши дни, так хоббиту древнего рода — тану, а не какому-то выскочке. И когда Лотто послал своих Людей, они ничего не добились — никакой перемены. Хватам повезло, у них глубокие норы в Зеленых Буграх и Родниковой Низине, да и в Верходали тоже, и разбойники не смогли до них добраться: они не пустили бандитов в свои земли. Если те лезут, Хваты их вышибают: трех уже подстрелили. Ну, те и стали стеречь границы края: теперь никому не войти в Хватово Городище и никому оттуда не выйти.

— Молодцы Хваты! — вскричал Пин. — Но кое-кто все же попытается туда войти… Я — на Всхолмье. Кто пойдет со мной в Городище?

Пин ускакал с полудюжиной парней.

— Скоро увидимся! — крикнул он на прощанье. — Тут всего-то четырнадцать миль — если напрямик. Я приведу вам поутру войско Хватов!

Мерри протрубил им вслед боевой клич. Народ немного взбодрился.

— Все равно, — сказал Фродо тем, кто стоял рядом. — Я не хотел бы убийств; даже и разбойников — если только их нельзя будет удержать иначе от убийства хоббитов.

— Пусть так, — согласился, наконец, Мерри. — Но нам с минуты на минуту могут нанести визит из Хоббитона. И придут они не болтать. Постараемся разделаться с ними тихо, но надо быть готовыми к худшему. Есть у меня план…

— Вот и хорошо, — кивнул Фродо. — Ты тут все подготовь.

В это время прибежало несколько хоббитов — их посылали к Хоббитону на разведку.

— Идут! — доложили они. — Человек двадцать, а может, и поболе. А двое ушли на запад.

— В Подорожники, должно, — сказал Хлопкинс. — Собирать всю шайку. Что ж, пусть себе — это миль пятнадцать в одну сторону. Пока о них можно не волноваться.

Мерри поспешил отдать последние приказы. Папаша Хлопкинс очистил улицу, отослав всех по домам — кроме хоббитов постарше, у которых было хоть какое-то оружие. Долго ждать не пришлось. Вскоре послышались громкие голоса,

потом — топот тяжелых ног. Отряд разбойников шел по дороге. Они увидели заграду и засмеялись. Они и помыслить не могли, что в этой маленькой стране что-нибудь сможет противостоять им.

Хоббиты открыли заслон и отступили в сторону.

— Спасибо! — с насмешкой сказал главарь. — А теперь — бегите по домам, в постельку — пока не отведали кнута!

Потом они зашагали вдоль улицы, крича:

— Потушить огни! Все по домам! Убирайтесь, не то отправитесь в Ямовины на целый год. Ну?! Старшой потерял терпение!

Никто не обращал на их приказы внимания; но, когда бандиты прошли, они плотной стеной двинулись следом. Когда Люди добрались до костра, там стоял папаша Хлопкинс и спокойно грел руки.

— Кто ты и что здесь делаешь? — спросил главарь.

Папаша Хлопкинс медленно поднял на него глаза.

— Я как раз собирался спросить об этом вас, — проговорил он. — Эта страна — не ваша, и вы здесь не нужны.

— Ну, а ты нужен, — осклабился главарь. —

Нам. Хватай его, ребята! В Ямовины, да поучите по дороге вежливости!

Люди шагнули вперед — и застыли. Вокруг поднялся гул голосов — и вдруг они обнаружили, что папаша Хлопкинс не один. Они были окружены. Во тьме у кромки освещенного круга стояло кольцо хоббитов — они подкрались неслышно. Их было сотни две, да все с оружием.

Мерри шагнул вперед.

— Мы встречались уже, — сказал он главарю. — И я предупреждал вас — не суйтесь сюда. Я предупреждаю вас снова: вы стоите на свету, а у нас стрелки меткие. Тронете его хоть пальцем — проститесь с жизнью. Сложить оружие!

Главарь огляделся. Он был в ловушке. Но пока он не боялся — позади него было двадцать парней. Слишком мало он знал хоббитов, чтобы оценить опасность. Он решил драться — и сделал глупость.

— На них, ребята! — заорал он. — Пусть получают!..

Длинным ножом и дубинкой он пробил брешь в кольце, пытаясь прорваться к Хоббитону. Мерри встал на его пути, бандит замахнулся… и упал, пронзенный четырьмя стрелами.

Этого хватило. Остальные сдались. У них ото-

брали оружие, и загнали в ими же построенный барак; там их связали по рукам и ногам, заперли дверь и приставили стражу. Мертвого главаря оттащили с дороги и закопали.

— Как просто оказалось, а? — папаша Хлопкинс улыбался. — Говорил я, мы можем их одолеть. Но нам нужен был зов. Вы вернулись в самое время, господин Мерри.

— Дел еще полно, — заметил Мерри. — Если ваши подсчеты верны, мы не разделались еще и с десятой частью. Впрочем, уже темно. По-моему, следующий удар может подождать до утра. Тогда мы побеседуем с Вождем.

— Почему не сейчас? — вмешался вдруг Сэм. — Теперь же не больше шести! И я хочу повидать старика. Не знаете, как он, господин Хлопкинс?

— Не скажу, чтобы хорошо, Сэм, — сказал тот. — Но и не очень худо. Они срыли Истербинку — это его подкосило, конечно. Он в одном из этих новых домов — Люди Вождя понастроили их между грабежами и поджогами: не больше мили от Приречья. Но он пробирался ко мне, когда удавалось; ну, я подкармливал его немного. Против Правил, понятно. Я взял бы его к себе, да это было «не разрешено».

— Спасибо вам, господин Хлопкинс, вот уж

спасибо! — растроганно проговорил Сэм. — Я этого не забуду! Но я хочу его повидать. Старшой и Старче этот — как бы они там не натворили чего до утра.

— Ладно, Сэм, — сказал Хлопкинс. — Выбери одного-двух ребят покрепче, отправляйся и приведи его ко мне домой. Подходить к старому Хоббитону — за Рекой — не надо. Мой Олли тебя проводит.

Сэм ушел. Мерри выставил на всю ночь дозоры вокруг деревни и стражу у барака. Потом он и Фродо отправились с папашей Хлопкинсом. Они устроились в теплой кухне, и Хлопкинсы вежливо расспрашивали их о путешествии, хоть и не очень вслушивались в ответы — куда больше волновали их дела Края.

— Это все началось с Прыща, — так мы его зовем, — рассказывал папаша Хлопкинс. — И началось сразу, как вы уехали. У него — у Прыща, значит, — были чудные идейки. Казалось, он хотел все загрести себе, а потом командовать другими. Вскорости стало ясно, что он заимел очень многое; и он все грёб и грёб — хотя откуда он брал деньги, так и осталось тайной; мельницы и пивоварни, трактиры и фермы — даже табачные поля. Перед приходом в Торбу он купил мельницу у Пескунса.

Конечно, начинал он с большим наследством в Южном Уделе — тем, что оставил ему отец; и, сдается, он продавал наш лучший лист — без зазрения совести отсылал его куда-то целый год, если не два. Но в прошлом году он стал отсылать повозками табак, не один только лист. Табаку стало не хватать, да и зима была на носу. Народ возмутился, но у него был ответ. Понаехало сюда Людей с повозками, кое-кто уехал потом с нашим добром, другие остались. И пришло еще. И не успели мы понять, что творится — они расселились по всему Краю, валили деревья, окапывались, строили эти свои дома… Сперва Прыщ платил за товары и разрушения; но скоро они перестали миндальничать и берут теперь, что хотят.

Ну, а потом, после Нового Года, Прыщ объявил себя Вождем; и если кто пробовал «волноваться» — так они это называют — попадал в Ямовины. С тех пор дела все ухудшаются. Курева совсем нет — только для Людей, и пивом Вождь поит только Людей, и трактиры все закрыты. И все, кроме Правил, тает на глазах, если только хоббит не успеет припрятать малость, когда бандиты обходят дома, забирая еду — им есть надо, а нам нет, кроме тех, кто живет в Караульнях — вы должны были пробовать тамошнее варево — пришлось

по вкусу?.. В общем, все плохо. Но с тех пор, как явился Старче — это прямо-таки погибель.

— Кто он — этот Старче? — спросил Мерри. — Я слышал, один из бандитов о нем говорил.

— Самый большой бандит из всех, — ответил Хлопкинс. — Впервые мы услыхали о нем в жатву, где-то в конце сентября. Мы его никогда не видели, но он в Торбе; и, сдается мне, он-то и есть главный Вождь. Все бандиты делают, что он скажет; а он говорит: бейте, жгите, рушьте. Теперь вот и до убийства дошло. Они срубают деревья и оставляют гнить, жгут дома и не строят новых.

Взять хоть пескунсову мельницу. Прыщ снёс ее, не успев войти в Торбу. Потом притащил кучу Людей: затеял, видишь ты, строить новую, побольше, с колесами там всякими внутри. Радовался этому один только дурачина Тод — помогал им всем, чистил колеса — а ведь мельнице этой от веку хозяином его отец был. Прыщ хотел молоть быстрей и больше — так он, во всяком случае, говорил. Но сперва надо иметь, что молоть; и новой мельнице нашлось не больше дела, чем старой. А с тех пор, как пришел Старче — они и вовсе перестали молоть. Там все время стук, дым и вонь — даже ночью в Хоббитоне неспокойно. И цели у них, попомните мои слова, гнусные; они

загрязнили Низовья Реки — а она ведь впадает в Брендидуим. Ежели они собираются сделать из Края пустошь — они на верном пути… Не верится, чтобы за всем этим стоял олух вроде Прыща. Это Старче, скажу я вам — и только он.

— Точно, па! — вступил в разговор Крошка Том. — Они ж забрали даже прыщову мамашу, Лобелию эту, а ведь он любил ее, как никого! Народ в Хоббитоне видел. Она шла по тропинке со своим всегдашним зонтиком. Навстречу — бандиты с большой тачкой.

«Куда это вы?» — говорит она.

«В Торбу», — говорят они.

«Зачем?»

«Везем Старче еду».

«Кто вам велел?»

«Старче, — говорят они. — Так что брысь с дороги, старая карга!»

«Вот я вашему Старче задам, бандиты окаянные!» — завопила она, подняла зонтик и бросилась на главаря, даром, что тот был вдвое выше. Ну, они ее и сгребли. Оттащили в Ямовины — в ее-то годы. Они забрали многих, о ком мы жалеем больше, но нельзя отрицать — духу у нее было поболе, чем у всех.

В середину беседы вихрем ворвался Сэм со

своим стариком. Старый Гискри не особенно постарел, стал только туговат на ухо.

— Вечер добрый, господин Фродо! — сказал он. — Уж как я рад, что вы живым возвратились! Но хочу я вас упрекнуть — не серчайте уж на старика — зря вы Торбу продали, — я это всегда говорил. С этого-то все беды и пошли… И пока вы плутали в дальних краях, гоняясь за Черным Человеком — это я от Сэма моего знаю, хоть он так толком и не объяснил, для чего, — они заявились, срыли Истербинку и всю картошку потоптали!

— Мне очень жаль, господин Гискри, — сказал Фродо. — Но теперь я вернулся и постараюсь все исправить.

— Лучше вы сказать не могли, — разулыбался старик. — Господин Фродо Торбинс, — всем хоббитам хоббит, я это всегда говорил, что бы там ни болтали иные всякие. Сэм-то мой как там, долг исполнял?

— Исполнял, господин Гискри, — подтвердил Фродо. — И награжден. Верьте мне: он сейчас один из самых известных во всех краях, а песни о его делах поются отсюда до Моря и за Великой Рекой.

Сэм вспыхнул, но взглянул на Фродо с благодарностью; глаза Рози сияли, и она улыбалась ему.

— Трудновато поверить, — проворчал старик, — хоть и вижу: затесался он в чудную компанию. Где его куртка? Ни к чему носить на себе скобяную лавку, даже если ей сносу нет.

На следующее утро домочадцы папаши Хлопкинса и его гости поднялись чуть свет. Ночь прошла спокойно, но беда могла нагрянуть еще до полудня.

— В Торбе, кажись, разбойников не осталось, — сказал Хлопкинс, — но банда из Подорожников может явиться каждую минуту.

После завтрака прискакал гонец от Хватов. Он был в боевом настроении.

— Тан поднял весь край, — рассказал он. — Новости расходятся, как огонь. Бандиты, которые стерегли наши границы, удрали на юг — те, кто спасся. Тан гонится за ними; но он послал сюда господина Перегрина с теми, кто захотел.

Следующие вести были не такими добрыми. Мерри, которого не было всю ночь, примчался около десяти часов.

— В четырех милях большой отряд, — сказал он. — Они идут от Подорожников, но к ним присоединилось много сбежавших бандитов. Всех их не меньше сотни; и по дороге они поджигают. Будь они прокляты!..

— Эту кучу не остановишь разговорами, они идут убивать — и убьют, если смогут, — озабоченно проговорил папаша Хлопкинс. — Если Хваты не подойдут, лучше нам спрятаться и стрелять без переговоров. Драться — то все одно придется, господин Фродо, — чтобы всё очистить.

Хваты скоро пришли. Целая сотня их во главе с Пином примаршировала из Верходали и с Зеленых Бугров. Теперь у Мерри было довольно крепких хоббитов, чтобы разгромить бандитов. Разведчики донесли, что они идут сомкнутым строем. Они знают, что страна поднялась и намерены покончить с восстанием в самом его сердце — в Приречье.

Но как бы свирепы они ни были, о военном искусстве никто из них и понятия не имел. Они двигались совершенно без предосторожностей. Мерри быстро изложил свой план.

Бандиты топали по Западному Тракту и, не останавливаясь, свернули к Приречью — дорога к деревне некоторое время шла меж высоких обрывов с плетнями наверху. За поворотом, примерно в фарлонге от Тракта, враги наткнулись на преграду из перевернутых телег. Это их остановило. И тут они увидели: из-за плетней по обе стороны, как раз над их головой, повысыпали хоббиты. По-

зади другие хоббиты громоздили одну на другую припрятанные где — то повозки и тачки, отрезав путь к отступлению. Сверху раздался голос:

— Вы в ловушке, — объявил Мерри. — Ваши приятели из Хоббитона тоже в нее попались — один теперь мертв, а другие в плену. Сложите оружие! Потом отойдите на двадцать шагов и садитесь. Не пытайтесь бежать — застрелим.

Но испугать бандитов было не так-то просто. Несколько послушались было, но их подняли на смех, и они снова схватились за оружие. Человек двадцать кинулись назад и полезли через телеги. Шестерых пристрелили, но остальные прорвались, убив двух хоббитов, и побежали к Лесному Пределу. По дороге упали еще двое. Мерри громко протрубил — и издалека откликнулись другие рога.

— Далеко не уйдут, — заметил Пин. — Весь тот край под присмотром наших охотников.

Запертые на тропе люди — их все еще было не меньше восьмидесяти — пытались перелезть через преграду или вскарабкаться на обрывы: хоббиты стреляли в них или рубили топорами. Но многим бандитам — самым сильным и отчаянным — удалось влезть на западный склон, и они яростно бросились на врагов, желая не так

спастись, как убить. Несколько хоббитов пало, остальные заколебались — но тут подоспели с восточного склона Пин и Мерри и атаковали бандитов. Мерри собственноручно сразил главаря — высокого и косоглазого, похожего на большого орка. Потом он оттянул свое войско назад, окружив остаток людей широким кольцом лучников.

Наконец все кончилось. Почти семьдесят разбойников лежали мертвыми, дюжина сдалась в плен. Погибло девятнадцать хоббитов, и еще около тридцати было ранено. Мертвых бандитов сложили в повозки, свезли в старый песчаный карьер и там закопали; место это стало впоследствии зваться Вражьей Ямой. Павших хоббитов похоронили всех вместе на склоне холма — позже там установили камень и развели сад. Так окончилась Битва у Приречья (1419 год) — последняя битва в Крае и единственная со времен битвы на Травной Пустоши в Северном Уделе в 1147 году. Поэтому хоть унесла она, по счастью, немного жизней, ей посвящена целая глава в Алой Книге, а имена тех, кто принимал в ней участие, сведены в Список, и историки Края заучивают его наизусть. С этого времени начинается возвышение Хлопкинсов; но первыми в Списке по праву стоят имена Капитанов Мерриадока и Перегрина.

Фродо был в битве, но меча не обнажал, и главным образом старался удержать хоббитов от убийства тех врагов, которые бросили оружие. Когда бой кончился, и последние приказы были отданы, Мерри, Пин и Сэм присоединились к нему и все вместе поскакали к Хлопкинсам.

Было уже далеко за полдень; они поели, и Фродо сказал со вздохом: — Что ж, думаю, пришло нам время поговорить с Вождем.

— Да уж, — отозвался Мерри, — чем скорей — тем лучше. И не миндальничай! Он в ответе за всех этих бандитов и за то лихо, что они сотворили.

Папаша Хлопкинс набрал две дюжины крепких хоббитов сопровождать их.

— Мы не знаем наверное, есть ли бандиты в Торбе, — заявил он, когда они попытались возражать.

Идти решили пешком. Фродо, Сэм, Мерри и Пин показывали дорогу.

То была одна из самых грустных минут в их жизни. Перед ними вздымалась огромная труба; а когда они подошли к старому поселку, то увидели новую мельницу во всем ее отталкивающем, грязном уродстве: большое кирпичное строение, оседлавшее Реку и загрязнившее ее

гадостными отходами. Все деревья вдоль дороги были повалены.

Они перешли мост, взглянули на Кручу — и задохнулись. Даже сэмово видение в Зеркале не подготовило их к тому, что они увидели. С запада громоздились ряды грязных сараев. Ни одного каштана. Берега и живые изгороди разрушены. На месте Истербинки — ямы, песок да гравий. Крыши высоких бараков закрыли Торбу.

— Они срубили его! — закричал вдруг Сэм. — Срубили!.. — он показывал туда, где стояло дерево, под которым Бильбо некогда держал Прощальную Речь. Теперь оно мёртво лежало на лужайке.

И, словно сломленный последним ударом, Сэм расплакался.

Рядом засмеялись. Через невысокую стену мельничного двора перевесился угрюмый хоббит. Лицо его было мрачно, руки — черны.

— Не нравится, Сэмчик? — ехидно протянул он. — Ты всегда был нюней. Я уж думал, уплыл ты на тех кораблях, про которые байки рассказывал — «плывут-де и плывут»... С чего это вы вернулись? У нас и без вас хлопот полон рот.

— Оно и видно, — буркнул Сэм. — Времени помыться нет, а времени стену подпирать — хоть

отбавляй… Слушай-ка Тод Пескунс, надо мне кое с кем здесь расплатиться, так что ты, гляди, поосторожней, а то как бы кошель тебя потом не перевесил.

Пескунс смачно сплюнул.

— Ого! — хохотнул он. — Попробуй, тронь меня — я друг Старшого. А вот тебя он, может, и тронет, ежели не заткнешься.

— Не трать слов на дурака, Сэм, — сказал Фродо. — Надеюсь, таких, как он, немного. Это было бы самой большой бедой из всех здешних бед.

— Ты грязен и нагл, Пескунс, — сказал Мерри. — И слишком занёсся. Мы идем сейчас на Холм гнать оттуда твоего разлюбезного Вождя. С его Людьми мы уже разделались.

У Тода отвисла челюсть. Он только теперь заметил отряд, который переходил мост. Кинувшись в мельницу, он выскочил оттуда с рогом и изо всех сил затрубил.

— Пожалей глотку! — засмеялся Мерри. — У меня выйдет лучше. — Он поднес к губам серебряный роандийский рог — и чистый звук его взмыл над Кручей; и изо всех нор, сараев, полуразвалившихся домиков Хоббитона отозвались хоббиты: выползали наружу и с громкими криками радости шли за отрядом к Торбе.

У конца дороги все остановились, а Фродо с друзьями пошел вперед; и они пришли наконец в любимые места. Сад заполонили хижины и сараи — некоторые так близко к западным окнам, что заслоняли свет. Всюду кучи мусора. Дверь изрезана; цепочка от звонка оборвана, звонок не звонит. На стук никто не ответил. В конце концов, они поднажали — и дверь распахнулась. Они вошли.

Воздух был спертым, кругом — грязь и раззор; казалось, здесь давно никто не живет.

— Куда подевался Лотто? — задумчиво сказал Мерри. Они обыскали все комнаты и не нашли никого живого — кроме крыс и мышей.

— Хуже, чем Мордор! — заявил Сэм. — Куда хуже. Потому что это — дома, и мы помним, как все было…

— Да, Мордор, — согласился Фродо. — Или одно из его дел. Саруман все делал по его воле, даже когда думал, что трудится для себя. Так же и с теми, кого Саруман обольстил — как Лотто.

Мерри оглядывался в смятении и отвращении.

— Выйдем отсюда! — попросил он. — Если б я знал, какое он причинит лихо — я забил бы свой кисет ему в глотку.

— Ничуть не сомневаюсь! Однако ты этого не сделал — а посему я могу приветствовать вас

дома, — в дверях стоял Саруман, сытый и довольный, глаза его сверкали злобной радостью.

И тут Фродо осенило.

— Старче! — вскрикнул он.

Саруман засмеялся.

— Так ты уже слышал это прозвище? Так звал меня мой народ в Исенгарде — в знак любви, должно быть… Но, признайся, ты не ожидал встретить меня здесь.

— Не ожидал, — кивнул Фродо. — Но мог бы догадаться: Гэндальф предупреждал, что ты все ещё способен сотворить лихо — хоть и маленькое.

— Вполне способен, — согласился Саруман. — И не такое уж маленькое. Вы изрядно повеселили меня, сеньоры-хоббиты, скачущие среди большого народа — такие гордые, спокойные, самодовольные! Вы были уверены, что все кончилось, и кончилось хорошо, и вам теперь только и остается приехать домой и отдыхать. Дом Сарумана может быть разрушен, самого его могут выгнать — с вашими же домами ничего не случится. Нет-нет! Гэндальф позаботится об этом. — Саруман снова засмеялся. — Только не он! Когда его марионетки исполнят, что должны — он их выбрасывает. Но вы хотели бегать за ним, тратить время, болтать и скакать более длинным

путем, чем надо. «Что же, — подумал я, — если они такие дурни, я обгоню их и хорошенько проучу. Одно зло притягивает другое». Урок был бы лучше, будь у меня побольше времени — и людей. И все же я успел много — чтобы исправить всё это, не хватит ваших жизней. Приятно будет думать, что я ответил на нанесенные мне обиды.

— Ежели это радует тебя, — проговорил Фродо, — мне тебя жаль. Боюсь, радоваться тебе придется лишь в памяти. Иди — и никогда не возвращайся сюда!

Хоббиты из поселка видели, как Саруман вышел из своей хижины — и тут же столпились у дверей Торбы. Когда они услыхали Фродо, то зло зашумели.

— Не отпускать его! Убить его! Он негодяй и убийца! Убить его!..

Саруман обвел их враждебные лица темным взглядом и улыбнулся.

— Убить его?.. Что ж — убейте, если думаете, что сумеете сделать это, храбрые мои хоббиты! — он выпрямился, черные глаза сверкнули. — Но не думайте, что вместе с добром я потерял силу! Кто сразит меня — будет проклят. А если кровь моя прольется в Крае — страна обратится в пустошь навеки!

Хоббиты отпрянули. Но Фродо сказал:

— Не верьте! Он потерял всю силу, кроме голоса, который по-прежнему может напугать и обмануть вас — если вы ему позволите. Но я не хочу, чтобы его убивали. Ни к чему отвечать местью на месть: этим ничего не поправишь. Уходи, Саруман, уходи скорей!

— Червь! Червь!.. — позвал Саруман; и из ближней хижины выполз на четвереньках Червослов. — Снова в путь, Червь! — сказал ему Саруман. — Эти славные парни опять выгоняют нас. Идем!

Саруман повернулся, чтобы уйти, и Червослов поплелся за ним.

Но когда Саруман поравнялся с Фродо — в руке его взблеснул клинок и он нанес короткий быстрый удар. Лезвие скользнуло по кольчуге и сломалось. Дюжина хоббитов во главе с Сэмом с воплем кинулась вперед и повалила негодяя на землю. Сэм обнажил меч.

— Нет, Сэм! — остановил его Фродо. — Не убивай его даже теперь. Ибо он не ранил меня. И, как бы там ни было, я не хочу, чтобы он умирал в лихе. Некогда он был велик и благороден — и не нам поднимать на него руку. Он пал, исцеление его не в наших силах; но я освобождаю его в на-

дежде, что он исцелится.

Саруман поднялся и уставился на Фродо. Во взгляде его смешались удивление, уважение и ненависть.

— Ты вырос, полурослик, — сказал он. — Ты мудр и жесток. Ты отнял радость у моей мести — я ухожу в горьком долгу у твоего милосердия. Я ненавижу его и тебя!.. Ладно, я иду, и никогда более не обеспокою тебя. Но не жди, что я пожелаю тебе здоровья и долгой жизни. У тебя не будет ни того, ни другого. Но это — не моих рук дело. Я только предсказываю.

Он пошел прочь, и хоббиты расступались перед ним; но костяшки их пальцев, сжимавших оружие, побелели. Червослов поколебался — и двинулся следом.

— Червослов! — окликнул Фродо. — Ты можешь не уходить с ним. Ты не причинял мне зла. Можешь отдохнуть и отъесться немного — пока не окрепнешь, чтобы выбрать собственный путь.

Червослов застыл и оглянулся на него, готовый вернуться. Саруман обернулся.

— Не причинял зла? — хмыкнул он. — Нет, конечно, нет! Даже когда он выползал по ночам — так только чтобы полюбоваться на звезды… Но я не ослышался: кто-то спросил, куда подевался

Лотто? Ты знаешь, правда, Червь? Скажешь им?

Червослов съежился.

— Нет! — проскулил он. — Нет!

— Ну, так я скажу, — продолжал Саруман. — Червь убил вашего Вождя, этого бедного малыша. Заколол его ночью, полагаю. Надеюсь, что похоронил; хотя последнее время Червь был очень голоден… Нет, Червь не так уж хорош. Оставьте его мне.

Бешеная ненависть мелькнула в налитых кровью глазах Червослова.

— Ты велел мне; ты заставил меня, — прошипел он.

Саруман рассмеялся.

— Ты делаешь все, что скажет Старче, всегда делаешь, правда, Червь? Ну, так теперь он говорит: «Идем!» — он ткнул Червослова ногой в лицо, повернулся и зашагал прочь. И тут что-то сломалось: Червослов вдруг вскочил, выхватил спрятанный нож, с рычанием, как волк, прыгнул на спину Саруману, запрокинул ему голову, перерезал горло и с воем помчался вниз по дороге. Не успел Фродо опомниться или сказать хоть слово, пропели три стрелы — и Червослов упал замертво.

К ужасу тех, кто стоял рядом, вокруг тела Сару-

мана склубился серый туман, дымом от костра поднялся в небо — и блеклым ссутуленным призраком навис над Холмом. Какой-то миг он колебался, обратившись на запад, но вот оттуда подул холодный ветер — он размылся и канул в ничто.

Фродо с жалостью и страхом смотрел на тело — ибо долгие годы смерти внезапно явились в нем: оно ссохлось, а лицо стало лохмотьями кожи на жутком черепе. Подняв полу грязной мантии, Фродо закрыл его и отвернулся.

— Вот оно и кончилось, — сказал Пин. — Мерзко кончилось, и хотел бы я ничего этого не видеть; одно хорошо — избавились мы от всякой пакости.

— И война кончилась, надеюсь, — проговорил Мерри.

— Надеюсь и я, — Фродо вздохнул. — Это последний удар. Но подумать, что он должен пасть здесь, у самых дверей Торбы!.. Среди всех моих надежд и страхов я и помыслить-то об этом не мог.

— Не стал бы я говорить о конце, пока все не вычищено, — мрачно заметил Сэм. — Тут еще работать да работать.

Глава 9
Серебристая Гавань

Очищение, и правда, потребовало немалых трудов, но заняло меньше времени, чем боялся Сэм. На другой день Фродо поскакал к Ямовинам и освободил заключенных. Одним из первых они нашли Фредегара Боббера — теперь уже не Толстика. Его схватили, когда бандиты выкурили из Уломов близ Взгорбья кучку восставших — он был вожаком.

— Лучше бы тебе пойти с нами, — сказал Пин, когда они выволокли его на свет; он был так слаб, что не мог идти.

Он приоткрыл один глаз и попытался улыбнуться.

— Что это еще за великан с громовым голосом?.. — прошептал он. — Не крошка же Пин!.. Какой у тебя размер шляпы?

Следующей была Лобелия. Бедняга — она выглядела совсем старой и очень худой, когда они вызволили ее из темной узкой ямы. Она настояла, чтобы выйти самой — и какой же поднялся шум, как ее встречали, когда она появилась, держа

Фродо под руку и по-прежнему опираясь на зонтик! Она так растрогалась, что заплакала: раньше ее не любили. Но убийство Лотто подкосило ее, и она не захотела возвращаться в Торбу. Она вернула ее Фродо и ушла жить к Толстобрюхлам — они доводились ей родней.

Когда следующей весной несчастная скончалась — ей, как ни суди, было больше ста лет — Фродо был удивлен и очень тронут: она оставила ему все деньги, свои и Лотто — на помощь хоббитам, оставшимся без крова. Так окончилась давняя вражда.

Пин и Мерри гонялись за последними шайками бандитов. Южные отряды, узнав о Битве у Приречья, бежали и почти не сопротивлялись тану. В конце года немногие оставшиеся были окружены в лесах, и тех, кто сдался, вышибли из страны.

Тем временем работа подвигалась, и Сэм был очень занят. Когда желание или нужда заставляют — хоббиты трудятся, как пчелы. Теперь же вокруг было полно ждущих дела рук — от самых маленьких хоббитят до древних стариков. Июль еще не кончился — а от Караулен и всего, построенного Людьми Старче, не осталось камня на камне; кирпич пошел на починку старых нор, чтобы сделать их уютней и суше. Большие склады

всякого добра, еды и пива были найдены в сараях и старых норах — особенно в заброшенных карьерах; так что угощались в тот июль лучше, чем можно было надеяться.

Одним из первых дел, сделанных в Хоббитоне, было очищение Холма и Торбы и восстановление Истербинки. Фасад нового песчаного карьера выровняли и превратили в большой тенистый сад, а в южном склоне вырыли норы и выложили их кирпичом. Старый Гискри поселился в номере третьем; и часто повторял, не заботясь, слышит ли его кто-нибудь:

— Я всегда говорил: «Нет худа без добра», ну, да все хорошо, что хорошо кончается.

Самой большой потерей были деревья, ибо Старче велел срубить их по всему Краю — и срубить успели много. Сэм горевал об этом, как ни о чем другом. Этой ране затягиваться слишком долго, думал он, и только мои пра-пра-правнуки увидят Край прежним.

Но однажды, неожиданно — потому что он был слишком занят, чтобы вспоминать о своих приключениях — он подумал о даре Галадриэли. Он вытащил коробочку, показал ее другим Странникам (ибо теперь все звали их только так) и попросил совета.

— Я все время ждал, когда ты о ней вспомнишь, — сказал Фродо. — Открой ее!

Коробочка была наполнена пылью, мягкой и приятной на ощупь; а в ней лежало семя, похожее на маленький орех в серебристой кожуре.

— Что ж мне с этим делать? — спросил Сэм.

— Кинь в воздух в ветреный день, — остальное сделается само, — ответил Пин. — Что хоть сделается-то?

— Выбери место в саду и погляди, что будет с посадками, — сказал Мерри.

— Да ведь Владычице, небось, не понравилось бы, если б я это на один свой сад потратил… — раздумчиво проговорил Сэм. — Вон вокруг сколько беды!..

— Подумай сам, Сэм, ты теперь знаешь довольно, — сказал Фродо. — И используй дар так, чтоб он помог тебе. Да будь бережлив: здесь немного и, думаю, каждая пылинка — ценность.

Сэм посадил рассаду всюду, где были особенно красивые или любимые деревья и присыпал землю у корней каждого саженца драгоценной пылью. В своих трудах он обошел весь Край, а если и уделил особое внимание Хоббитону и Приречью — никто не упрекнул его. Под конец он увидел, что у него осталась еще щепотка пыли.

Тогда он пошел к Неминучему Камню, что стоял, по преданию, в центре Края, и с благоговением развеял ее по ветру. Маленький серебристый орех он посадил на том самом лугу, где некогда состоялось Угощение, на месте срубленного дерева. И всю зиму терпеливо ждал, стараясь удержаться и не ходить кругами возле заветного места, чтобы увидеть, не случилось ли уже чего.

Весна превзошла все его надежды. Деревья вытягивались, точно старались вырасти за год на двадцать лет. На лугу у Торбы пробилось молодое деревце: у него была серебристая кора и длинные листья, а в апреле оно покрылось золотыми цветами. Это был маллорн. В последующие годы он вырос и стал на диво красив — тут о нем прознали, и народ приходил издалека взглянуть на него: единственный маллорн к западу от Гор и к востоку от Моря, и один из красивейших в мире.

Да и во всем Крае 1420 год был на диво удачным. Солнце припекало вовремя, дождь шел, когда надо — и не только это: самый воздух был напоен щедростью и богатством, мерцанием красоты, каких никогда еще не дарили им обычные лета в Средиземье. Все дети, рожденные или зачатые в тот год — а таких было немало — были сильны и красивы, и у многих были густые золотистые

волосы, что прежде считалось редкостью среди хоббитов. Плоды были так обильны, что молодые хоббиты только что не купались в клубнике и сливах. Никто не болел, и все были довольны — кроме тех, кому приходилось косить траву.

Лозы в Южном Уделе тяжелели, а урожай листа был просто удивительным; зерна было столько, что амбары ломились. Ячмень был так хорош, что пиво 1420 года вспоминалось потом долго и вошло в пословицу. И годы спустя в каком — нибудь трактире, пропустив по кружке доброго эля, седые старики вздыхали:

— Эх, то ли дело в 1420! Вот пиво было!..

Сэм сперва жил с Фродо у Хлопкинсов; но когда вновь отстроили Истербинку — перебрался к своему старику. Вдобавок к другим трудам, он был занят очисткой и восстановлением Торбы; и частенько уходил по своим лесным делам. Не было его дома и в раннем марте — когда Фродо болел. Тринадцатого числа папаша Хлопкинс нашел Фродо в постели; он сжимал алмаз, что висел на цепи у него на шее и, казалось, бредил.

— Оно ушло навек… — бормотал он. — Все теперь пусто и мертво…

Но приступ миновал, и когда двадцать пятого Сэм вернулся, Фродо был уже здоров и ничего не

сказал ему. Тем временем Торбу привели в порядок, а Мерри и Пин привезли из Зайгорда старую мебель и все остальное, так что скоро нора стала совсем прежней.

Когда все было готово, Фродо спросил:

— Когда ты думаешь переехать ко мне, Сэм?

Сэм замялся.

— Не обязательно ехать прямо сейчас, если не хочешь, — сказал Фродо. — Но старик твой будет рядом, а вдова Грайни приглядит за ним не хуже твоего.

— Не то, господин Фродо… — пролепетал Сэм и залился алым.

— Что же тогда?

— Рози… Роза Хлопкинс, — выдавил Сэм. — Ей, бедняжке, не очень-то понравилось, что я за границу ездил; но я не говорю — и она молчит. А я не говорил, потому что спервa надо было с делами разобраться. Но теперь я спросил, а она и отвечает: «Год ты уже потерял — зачем ждать дольше?» "Потерял? — говорю. — Я бы этого не сказал». Однако я понял, про что она. Я точно пополам рвусь, сударь.

— Вот теперь понял, — проговорил Фродо. — Ты хочешь жениться и хочешь жить со мной в Торбе. Но, милый Сэм, чего же проще? Женись поскорей

и перебирайся вместе с Рози. В Торбе всем места хватит.

Так и сделали. Сэм Гискри женился на Рози Хлопкинс весной 1420 года (который запомнился также своими свадьбами), и они переехали в Торбу. И если Сэм почитал себя счастливым — Фродо был стократ счастливей; ибо не было в Крае другого хоббита, за которым ухаживали бы с такой заботой. Он жил спокойно и тихо, много писал и разбирал записки — свои и Бильбо.

Мерри и Пин некоторое время жили вместе в Зайгорде, и то и дело наезжали в Торбу. Юные Странники щеголяли песнями, рассказами, пышными нарядами, а более всего — удивительной дружбой. Народ звал их «барами», не имея в виду ничего дурного; ибо сердца согревались, видя их — едущих в сияющих кольчугах, со смехом и песнями дальних стран; и, хоть и были они теперь высоки и прекрасны, они совсем не изменились — только говорить стали красивей, да были веселы и общительны, как никогда.

Фродо и Сэм, однако, вернулись к простой одежде — разве только набрасывали, когда надо, серые плащи, совсем поношенные, но с очень красивыми застежками; а господин Фродо носил еще белый алмаз на цепочке, которую он все

время перебирал.

Дела шли хорошо, и обещали идти еще лучше; Сэм был так счастлив и занят, как только может пожелать хоббит. Ничто не испортило ему года — лишь смутная тревога за хозяина. Фродо совсем не интересовался делами Края, и Сэм страдал, замечая, как мало славы достается хозяину в его собственной стране. Мало кто знал о его подвигах; восхищение и уважение всех были отданы господам Мерриадоку и Перегрину и (если б Сэм знал это!) ему самому. А осень, вдобавок, затемнила тень давней беды.

Как-то вечером Сэм зашел в кабинет и обнаружил, что хозяин выглядит очень странно. Он был бледен, и глаза его будто смотрели за тридевять земель.

— Что с вами, господин Фродо? — взволновался Сэм.

— Я ранен, — отвечал тот. — Ранен; ей никогда не затянуться.

Но потом он оправился и на другой день, казалось, совсем пришел в себя. Сэм так и думал — пока не припомнил, что было это шестого октября. Два года назад в этот день была тьма в лощине у Заверти.

Шло время, и настал 1421 год. В марте Фродо

опять заболел, но огромным усилием скрыл это от Сэма — у него и без того хватало о чем думать. Двадцать пятого марта у него и Рози родился первенец.

— Не знаю, что делать, господин Фродо, — разводил руками счастливый отец. — Мы с Розой, понимаете, решили назвать его Фродо — с вашего позволения, конечно; но это не он, — это она. Чудная малышка, скажу я вам, вылитая Рози… Но как её назвать — ума не приложу.

— Есть старый обычай, Сэм, — сказал Фродо. — Выбери имя цветка — вроде Розы. Половину девочек в Крае зовут так, и что может быть лучше?

— Так-то оно так, господин Фродо, — вздохнул Сэм. — Я слыхал много имен за время пути, но, сдается мне, все они слишком велики, чтобы таскать их каждый день. Старик мой — тот говорит: «Пусть будет коротким, тогда вам не придется его укорачивать, чтобы пользоваться». Но если имя цветочное — тогда мне все равно, какой оно длины; только цветок должен быть красивым: она, понимаете, и сейчас красива, а будет ведь еще красивее!

Фродо на миг задумался.

— Слушай-ка, Сэм, что ты скажешь об эланоре

— помнишь золотистый цветок на Кургане Амрос в Лориэне?

— А ведь снова вы правы, сударь! — воскликнул Сэм. — Этого-то я и хотел!

Близилась осень 1421 года — малютке Эланор было почти шесть месяцев — когда Фродо позвал Сэма в кабинет.

— В четверг День Рожденья Бильбо, Сэм, — сказал он. — Он обойдет Старого Хвата: ему будет сто тридцать один!

— Само собой обойдет! — заявил Сэм. — Он чудо!

— Вот что, Сэм, — продолжал Фродо. — Я хочу повидать Розу и узнать, может ли она отпустить тебя, чтобы мы с тобой поехали вместе. Ни далеко, ни надолго ты, сейчас, конечно, не поедешь… — задумчиво и немного грустно проговорил он.

— Если это не слишком далеко, господин Фродо…

— Нет, конечно. Не волнуйся. Ты сможешь проводить меня. Скажи Розе, что уедешь ненадолго, не больше, чем на две недели; и вернешься живым.

— Хотел бы я вместе с вами в Светлояр поехать, господин Фродо — и господина Бильбо повидать, и все другое, — сказал Сэм. — А только единствен-

ное место, где мне сейчас на самом деле хочется быть — так это здесь, сударь. Я точно пополам рвусь.

— Бедный мой Сэм! Так оно, боюсь, и должно ощущаться... — сказал Фродо. — Но ты излечишься. Ты рожден быть единым и целым — и будешь.

В следующие день-два Фродо просмотрел вместе с Сэмом все свои бумаги и записи и передал ему ключи. Была там и большая книга в алом кожаном переплете; ее листы были исписаны почти до конца. Много страниц покрывали тонкие наклонные буквы Бильбо; но большая часть была исписана твердым летящим почерком Фродо. Книга делилась на главы, но глава восьмидесятая закончена не была, и в конце оставались чистые листы. На первой странице было множество заголовков:

> Мой Дневник. Неожиданный Поход. Туда и Обратно. И что случилось потом.
>
> Похождения пяти хоббитов. Повесть о Великом Кольце, составленная Бильбо Торбинсом по собственным наблюдениям и рассказам друзей.

Здесь кончалась рука Бильбо, и Фродо писал:

Падение Властелина Колец и Возвращение Короля (как это видел Малый Народ; воспоминания Бильбо и Фродо из Края, дополненные их друзьями и знанием Мудрых)

А также Выдержки из Книг Знаний, переведенные Бильбо в Светлояре.

— Ого, да вы почти ее кончили, господин Фродо! — воскликнул Сэм. — Ну и упорство же у вас!

— Я кончил, Сэм, — сказал Фродо. — Последние страницы испишешь ты.

Двадцать первого сентября они выехали — Фродо на пони, что привез его из Минас-Тирифа и звался Бродником; а Сэм — на своем любимом Билле. Выехав на тропу к Лесному Пределу, они пустили лошадок бежать, как им хочется. В Зеленых Буграх заночевали, и двадцать второго, в знойный полдень, неспешно въехали под полог первых деревьев.

— Да это ж то самое дерево, где вы прятались, когда первый раз Черный Всадник объявился, господин Фродо! — крикнул Сэм, ткнув пальцем влево от тропы. — А сейчас — точно сон вспомнится.

Вечерело, и на закатное небо высыпали звезды,

когда они миновали слопанный дуб и стали спускаться под гору сквозь заросли орешника. Сэм молчал, уйдя в воспоминания. Вдруг он заметил, что Фродо тихонько напевает себе под нос одну из старых дорожных песен, но слова были не совсем те.

Всё ждет-пождет нас за углом
Дверь тайная в стене!
Когда-нибудь в нее войдем,
Поверь на слово мне!
Мы миновать ее должны,
Но сыщем — будет срок! —
Тропу на Запад от Луны,
От Солнца на Восток!

И словно бы в ответ, снизу, из долины, откликнулись голоса:

А Эльберет Гильтониэль!
Силиврен пенна мириэль
О мэнэль аглар эленаф!
О Эльберет Гильтониэль!
Свети дорогам лесным!
Маяк-надежду иных земель

Мы свято в душе храним.

Фродо и Сэм застыли и сидели в молчании, окутанные мягкими тенями, пока не увидели сияния: кавалькада приближалась.

Там был Гильдор и много других эльфов; и с ними, к сэмову удивлению, ехали Эльронд и Галадриэль. На Эльронде была серая мантия, во лбу — звезда, в руке — серебряная лютня; на пальце у него было золотое кольцо с большим голубым камнем — Вилия, могущественнейшее из Трех. А Галадриэль сидела на белой кобыле, и мерцающая белизна, подобная облаку вокруг Луны, облекала ее; ибо сама она, казалось, светилась мягким светом. На пальце у нее был Нэния, мифрильное кольцо с белым алмазом, взблескивающим, как морозная звезда. Позади на маленьком сером пони тихонько трусил Бильбо, то и дело клюя носом.

Эльронд приветствовал их печально и ласково, а Галадриэль улыбнулась им.

— Что ж, мастер Сэммиус, — сказала она. — Вижу, ты хорошо использовал мой дар. Отныне Краю всегда быть благословенным и любимым.

Сэм поклонился, но не нашел, что ответить: он успел забыть, как прекрасна Владычица.

В это время проснулся Бильбо.

— Привет, Фродо! — сказал он, открывая глаза. — Знаешь, я побил-таки Старого Хвата! И теперь вот иду в новый Поход. Ты со мной?

— С тобой, — кивнул Фродо. — Хранители Кольца должны идти вместе.

— Куда вы, хозяин? — вскрикнул Сэм, хотя и понял уже, что происходит.

— В Гавань, Сэм, — ответил Фродо.

— А мне нельзя?..

— Нет, Сэм. Не сейчас, во всяком случае, не дальше Гавани. Хотя ты и был Хранителем — недолго. Может, и придет твое время. Не печалься, Сэм. Не все же тебе рваться пополам. Ты будешь единым и целым — долгие годы. Тебе предстоит еще так много увидеть и сделать — и стольким владеть.

Но… — сквозь слезы выговорил Сэм. — Я думал, вы будете жить в Крае… тоже… долгие годы, после всего, что вы сделали…

— Так думал и я — когда-то. Но рана слишком глубока, Сэм. Я старался спасти Край, и он спасен — но не для меня. Так часто бывает, Сэм, когда то, что любишь, в опасности: кому-то приходится отрекаться от него, оставлять его — чтобы другие могли им владеть. Но ты мой наследник: все, что у меня было и могло бы быть, я оставляю тебе. И у тебя есть Роза и Эланор; придут и

Фродо-младший, и крошка Рози, и Мерри, и Золотинка, и Пин… и другие, быть может. Твои руки и мудрость понадобятся всюду. Ты будешь самым знаменитым садовником в истории; и будешь читать Алую Книгу и хранить память об ушедшей Эпохе, чтобы народ помнил о Великой Опасности и любил любимую землю еще крепче. Ты будешь занят и счастлив, как никто — пока длится твоя часть Сказки. А теперь едем, проводи меня!

Эльронд и Галадриэль двинулись вперед; ибо Третья Эпоха окончилась, и Время Колец миновало, и пришел конец сказкам и песням тех дней. А с ними уходили и Перворожденные, которым отныне не было места в Средиземье; и среди них в печали, которая, однако, была блаженной, а не горькой, ехали Сэм, Фродо и Бильбо — и эльфы радостно привечали их.

Хотя они ехали по Краю весь вечер и всю ночь, никто, кроме диких зверей, не видел их; да какой-нибудь запоздалый путник примечал: то ли быстрый промельк между деревьями, то ли блики лунного света, бегущие по траве. А они выехали из Края, держась Западного Взгорья, поднялись на Крепостные Холмы — и увидели дальнее Море; так доехали они наконец до Серебристой Гавани.

У ворот навстречу им вышел Цирдан-Корабел.

Он был очень высок и стар, с длинной седой бородой и глазами острыми и ясными, как звезды. Он поклонился и сказал:

— Все готово.

Потом Цирдан ввел их в Гавань — там стоял белоснежный корабль, и на причале, рядом с высоким серебристым конем, ждал их одетый в белое человек.

Он повернулся и пошел к ним — и Фродо увидел, что на руке Гэндальфа открыто надето Третье Кольцо, Нария, и камень в нем пылает алым огнем. И те, кто уходил, возрадовались, ибо поняли, что Гэндальф взойдет на корабль вместе с ними.

Но Сэм совсем закручинился: расставание было горьким — но вдвое горше будет долгое одинокое возвращение. Но когда они стояли на пристани, и эльфы всходили на борт, и все уже готовы были уйти, в великой спешке прискакали Мерри и Пин. И Пин засмеялся сквозь слезы.

— Ты уже пытался однажды удрать от нас, Фродо, — сказал он, — и ничего у тебя не вышло. На сей раз это почти тебе удалось — но опять не вышло. И выдал тебя не Сэм, а сам Гэндальф.

— Да, — подтвердил Гэндальф. — Потому что назад лучше ехать троим, чем одному. Ну, милые друзья, здесь, на берегу Моря, братство наше кон-

чается. Живите в мире! Я не скажу: не плачьте, ибо не все слезы — грех.

Фродо поцеловал Мерри и Пина, и последним — Сэма, и поднялся на борт; взвились паруса, подул ветер — и корабль медленно заскользил по длинному заливу; и свет Фиала Галадриэли, который держал Фродо, замерцал и пропал. А корабль вышел в Море и поплыл на запад, пока наконец в ночном дожде Фродо не ощутил нежного благоухания и не услышал пения, плывущего над водой.

И тогда ему показалось, что, будто в его сне в доме Бомбадила, серая пелена дождя обернулась серебристым стеклом и раскатилась, и он увидел белые берега, а далеко за ними — весенний край в лучах восхода.

Но для Сэма, когда он стоял в Гавани, сумерки сгустились во тьму; он глядел на серое море — и видел лишь тень на воде, что скоро исчезла на западе. Так простоял он почти всю ночь, слушая вздохи и ропот волн на берегах Средиземья; и шум их глубоко проник в его сердце. Рядом с ним стояли Мерри и Пин — и тоже молчали.

Наконец три товарища повернулись и, не оглядываясь, медленно поехали к дому; они ни слова не сказали друг другу, но каждый находил успоко-

ение в друзьях — а дорога была долгой и серой.

В конце концов, они перевалили через Взгорье и ехали Западным Трактом. Мерри и Пин поскакали в Забрендию; они уже пели на скаку. А Сэм свернул к Приречью и в сумерках подъехал к Холму — в Торбе было светло и тепло, ужин стоял на столе, и его ждали. Роза ввела его внутрь, усадила в кресло и положила крошку Эланор ему на колени.

Он глубоко вздохнул.

— Ну, вот я и вернулся, — сказал он.

Приложения
Добавление А
Хроники Королей и Правителей

Об источниках большинства фактов, включенных в Добавления, в особенности от А до Д — см. Заметки в конце Пролога.

Третий раздел Добавления А исходит, возможно, от гнома Гимли, который поддерживал дружбу с Перегрином и Мерриадоком и часто встречался с ними в Гондоре и в Роханде.

Легенды, истории и сведения, почерпнутые из источников, чрезвычайно обширны. Здесь представлены лишь выборки из них, пересказанные и во многих местах сокращённые. Их главной целю было проиллюстрировать Войну Кольца и её истоки, и заполнить некоторые пробелы в основной летописи. Древние легенды Первой Эпохи, которыми больше всего интересовался Бильбо, изложены очень кратко — лишь в той части, где они повествуют о предках Эльронда и королях и вождях Нуменора. Отрывки из длинных хроник и сказаний заключены в кавычки. Вставки более поздние даны в скобках. Заметки вне кавычек

разысканы в источниках. Остальные сделаны при редакции.

Все даты, не отмеченные В.Э. (Вторая Эпоха) и Ч.Э. (Четвертая Эпоха) относятся к Третьей Эпохе. Третья Эпоха закончилась в сентябре 3021 года, когда ушли Три Кольца, но для удобства исчисления 1-м днем Четвертой Эпохи считается в Гондоре 25 марта 3021 года. О том, как уравниваются летосчисления Гондора и Края см. т.1, стр… и т. Ш, стр…

В списках даты, идущие за именами королей и правителей — даты их смерти, если дана только одна дата. Знак + означает преждевременную смерть в битве или иную, хотя рассказ этом событии приводится не всегда.

I
Короли Нуменора
1. Нуменор

Феанор был самым искусным в ремеслах и знаниях среди Эльдаров, но также самым горным и своевольным. Он огранил Три Алмаза, Сильмарили, и наполнил их сиянием Двух Деревьев, Тельпериона и Лаурелина, что дарили свет землям Валаров. Враг Моргот возжелал Алма-

зы; он похитил их и, иссушив Деревья, унес в Средиземье и укрыл в своей великой твердыне в Тангородриме: Ослушавшись Владык Валинора, Феанор покинул Благословенный Край и отправился в изгнание в Средиземье, уведя с собой многих их своего народа — ибо в гордыне своей он рассчитывал добыть Алмазы силой. За этим последовала безнадежная война Эльдаров и Аданов против Тангородрима, в которой они потерпели сокрушительное поражение. Аданы — три народа Людей, которые, первыми придя на запад Средиземья, и к берегам Великого Моря, стали союзниками Эльдаров против Врага.

Между них трижды заключались Союзы Крови: Лутиэн и Берен, Идриль и Туор, Арвен и Арагорн. С последним давно разделенные ветви Эльфидов воссоединились и род их восстановился.

Лутиэн Тинувиэль была дочерью Владыки Тингола Среброманта из Дориата в Первую Эпоху, а матерью ее была Мелиан из Валаров. Берен был сыном Барахира из Первого Дома Аданов. Они вместе добыли Сильмариль из Железной Короны Моргота. Лутиэн стала смертной и покинула эльфов. Сыном ее был Диор. Его дочерью была Эльвинг; она владела Сильмарилем.

Идриль Келебриндал была дочерью Тургона,

Владыки тайного поселения Гондолин. Туор был сыном Хадора из Третьего Дома Аданов — самого прославленного в войнах с Морготом. Их сыном был Эарендиль Мореплаватель.

Эарендиль женился на Эльвинг и, силой Сильмариля разорвав Завесу Тьмы, пришел на Заокраинный Запад. Там, говоря от имени Эльфов и Людей, он добился помощи, и Моргот был низвергнут. Эарендилю не позволили вернуться к Смертным, а направили его ладью в небесные моря — и Сильмариль, что он вез, стал звездой и знаком надежды для жителей Средиземья, порабощенных прислужниками Великого Врага. Древний свет Двух Дерев Валинора — после того как Моргот отравил их — хранили лишь Сильмарили, но два оставшихся Камня пропали в конце Первой Эпохи. Целиком повесть об этом — и о многом другом — рассказана в «Сильмарилионе».

У Эарендиля было два сына — Эльрос и Эльронд — Периэли, им Эльфиды. В них одних жил дух доблестных вождей аданов; и после гибели Гиль-Галада род Владык Перворожденных был представлен лишь их наследниками.

В конце Первой Эпохи Владыки Валинора предложили Эльфидам выбрать, к какому народу

принадлежать. Эльронд избрал эльфов, и стад великим мудрецом. Поэтому ему была оказана та же милость, что и всем Перворожденным Средиземья: устав жить в землях Смертных, они могли взять в Серебристой Гавани корабль и приплыть на Заокраинный Запад; и милость эта была неизменной, как бы не менялся мир. И дети Эльронда тоже должны были выбирать: уйти с ним из кругов мира или, оставшись, стать смертными и умереть в Средиземье. Для Эльронда, поэтому, любой конец Войны Кольца был исполнен печали.

Эльрос избрал Людей и остался с аданами; но ему была дарована жизнь много большая, чем другим людям. В награду за страдания в борьбе с Морготом Владыки Валинора — Стражи Мира — отдали аданам земли, удаленные от опасностей Средиземья. Большинство их вышли в Море и, ведомые Звездой Эарендиля, приплыли к великому острову Эленн, что лежал к западу от берегов Смертных. Там они основали королевство Нуменор.

В центре острова была огромная гора, Менэльтарма, с вершины которой самые зоркие видели в вёдро белые стены Гавани Эльдаров в Эрессэа. Оттуда Эльдары приплывали к людям, обогащая

их знаниями и многими дарами; но на нуменорцах лежало веление — «Запрет Валаров»: им нельзя было плавать к западу от их берегов или пытаться высадиться на Неумирающие Земли. Ибо, хотя срок их жизни был долог — в начале три жизни людей — они оставались смертными, потому что не было дозволено Владыкам Валинора лишить их Дара Людей (или Доли Людей, как он был назван позже).

Эльрос стал первым Королем Нуменора, и позже был известен под эльфийским именем Тар-Миниатур. Наследники его были долговечны, но смертны. Потом, когда они стали могучи, они пожалели о выборе своего предка и возжелали бессмертия, что было уделом Эльдаров, и возроптали на Запрет. Так, по лиходейскому наущению Саурона, началось восстание, которое привело к Падению Нуменора и разрушению древнего мира.

Имена Королей и Королев Нуменора

Эльрос Тар-Миниатур, Вардамир, Тар-Амандиль, Тар-Элендиль, Тар-Менельдур, Тар-Алдарион, Тар-Анкалимэ (Первая Королева-Правительница), Тар-Анарион, Тар-Сурион, Тар-Тельпериэн

(Вторая Королева-Правительница), Тар-Минастир, Тар-Кириатан, Тар-Атанамир Великий, Тар-Анкалимон, Тар-Телемаитэ, Тар-Ванимельдэ (Третья Королева), Тар-Алькарин, Тар-Калмакиль.

После Тар-Калмакиля Короли стали зваться нуменорскими именами: Ар-Адунакор, Ар-Зимратон, Ар-Сакалтор, Ар-Гимилзор, Ар-Инзиладун. Инзиладун раскаялся в пути Королей и сменил имя на Тар-Палантир — «Провидец». Его дочь должна была быть Четвертой Королевой, Тар — Мириэль, но племянник Короля отнял у нее престол и нарек себя Ар-Фаразон Золотоликий. Он стал последним Королем Нуменора.

Во дни Тар-Элендиля первые корабли нуменорцев вернулись в Средиземье. Старшим ребенком Элендиля была его дочь Сильмариэн. Ее сын Валандиль стал первым Правителем земли Андуниэ на западном берегу, известной своей дружбой с Эльдарами. Ему наследовал Амандиль последний Правитель и его сын Элендиль Высокий.

Шестой Король оставил единственное дитя — дочь. Она стала Первой Королевой, ибо к тому времени в правящем доме стало законом, что старший ребенок Короля, будь то мужчина или женщина, получает скипетр.

Нуменор существовал до конца Второй Эпохи, и его мощь и красота все время росли; и, до самой середины Эпохи, росли мудрость и радость нуменорцев. Первые признаки тени, упавшей на них, появились во времена Тар-Минастира, одиннадцатого Короля.

Именно он послал огромную рать на помощь Гиль-Галаду. Он любил Эльдаров, но завидовал им. Нуменорцы стали великими мореплавателями, они изучили все восточные моря и стремились на запад, в запретные воды, и чем менее радостной делалась их жизнь, тем больше желали они бессмертия Валинора.

Более того, после Тар-Минастира Короли стали алчны к богатствам и власти. Сначала нуменорцы приходили в Средиземье, как учителя и друзья людей, обездоленных Сауроном; теперь же их гавани превратились в крепости, державшие в подчинении обширные прибрежные земли. Атанамир и его наследники взимали тяжкую дань, и корабли нуменорцев возвращались, нагруженные добычей.

Именно Тар-Атанамир впервые открыто возроптал против Запрета и заявил о своем праве на бессмертие. Так сгустилась тень, и мысль о смерти замутила сердца людей. Тогда нуменорцы

разделились: по одну сторону были Короли и те, кто шел за ними и отрекся от Эльдаров и Валаров; по другую — немногие, назвавшие себя Верными. Они жили большей частью на западе острова.

Мало-помалу Короли и их последователи перестали пользоваться языком Эльдаров и, наконец, двадцатый Король при вступлении на престол принял нуменорское имя, назвав себя Ар-Адунакор, «Владыка Запада».

Верные сочли это предвестием большой беды, ибо так звали они лишь Владык Валинора или самого Изначального Короля. И в самом деле, Ар-Адунакор начал преследовать Верных и карать тех, кто открыто говорил по — эльфийски; и Эльдары более не приплывали в Нуменор.

Сила и богатство нуменорцев, тем не менее, продолжали расти; но годы их жизни уменьшились, а страх смерти возрос, и радость покинула их. Тар-Палантир пытался отвести зло; но было слишком поздно, и в Нуменоре началось восстание. Когда Король умер его племянник, глава мятежа, захватил власть и стал Королем Ар-Фаразоном. Ар-Фаразон Золотоликий был самым гордым и властным из всех Королей и желал править всем миром.

Он решился вызвать Саурона Великого на борь-

бу за власть в Средиземье и, отплыв с огромным флотом, высадился в Умбаре. И таковы были мощь и величие нуменорцев, что прислужники Саурона отшатнулись от него. И Саурон покорился и смиренно просил о милости. Тогда Ар — Фаразон в гордыне и глупости привез его пленником в Нуменор. Вскоре тот обольстил Короля и стал главой его Совета; а спустя недолгое время души всех нуменорцев, кроме остатков Верных, обратились во тьму.

И Саурон лгал Королю, заявляя, что вечная жизнь будет его, ступи он только на Неувядающую Землю, и что Запрет был наложен лишь затем, чтобы помешать Королям Людей превзойти Перворожденных. «Но великие Короли берут то, на что имеют право, — говорил он.

Наконец Ар-Фаразон внял его советам, ибо чувствовал, что конец его дней близок и потерял разум от ужаса Смерти. Он собрал величайшую рать из всех, какие видел мир, и, когда все было готово, протрубил в трубы и отплыл. Он нарушил запрет Валаров, отправившись на войну за вечную жизнь, чтобы отнять ее у Владык Запада. Но едва Ар-Фаразон ступил на Благословенный Берег — Стражи воззвали к Изначальному, и мир изменился. Нуменор был сметен и затоплен, а

Неувядающие Земли навеки скрылись из кругов мира. Так окончилась слава Нуменора.

Последние вожди Верных, Элендиль и его сыновья, спаслись от Низвержения и с девятью кораблями, несшими сеянцы Нимлота и Семь Всевидящих Камней (дар их дому от Эльдаров), были подхвачены крыльями великой бури и выброшены на берег Средиземья. Там, на Северо-Западе, они основали Княжества Нуменорцев-Изгнанников — Арнор и Гондор.

Элендиль был Королем и жил на севере в Аннуминосе; а правление Югом было поручено его сыновьям Исильдуру и Анариону.

Они выстроили там Осгилиаф между Минас-Ифилем и Минас-Анором, близ рубежей Мордора. Ибо они верили, что городам этим ничто не грозит — ведь Саурон сгинул.

Однако это было не так. Саурон, в самом деле, попал в распад Нуменора и тело, воторым он владел долгие годы, погибло; но сам он принесся назад в Средиземье — дух ненависти, летящий на черном ветре. Никогда более не мог он обрести обличье, которое показалось бы людям красивым, а стал ужасен и черен, и впоследствии вся сила его была в одном только страхе. Он втянулся в Мордор и укрылся там — до времени в тайне. Но

великий гнев объял его, когда он узнал, что Элендиль которого он ненавидел более всех, спасся, а теперь основал княжество у самых его границ.

А потому, прошло немного времени — и, прежде чем они успели укрепиться, он пошел на Изгнанников войной. Ородруин вновь изрыгнул пламя и был назван в Гондоре Амон-Амарт, Роковая Гора. Но Саурон поторопился — собственные его силы еще не окрепли, а мощь Гиль-Галада в его отсутствие возросла; и во дни Последнего Союза, заключенного против него, Саурон был низвергнут, а Кольцо Всевластья — отобрано у него. Так окончилась Вторая Эпоха.

2. Владения Изгнанников
Северная ветвь

Наследники Исильдура.

Арнор Элендиль + В.Э.3441; Исильдур +2, Валандиль 249[4]; Эльдакар 339; Арантар 435; Таркиль 515; Тарондор 602; Валандур +652; Элендур 777; Эарендур 861.

---

[4] Примечания: 4

Он был четвертым сыном Исильдура и родился в Имладрисе. Братья погибли в Ирисной Низине.

Артедайн Амлайх Форностский[5] (Старший сын Эарендура) 946; Белег 1029; Маллор 1110; Келесдарн 1191; Келебриндор 1272; Мальвегиль[6]1349; Аргелеб I +1356; Арвелег 1 1409; Арафор 1589; Аргелеб II 1670; Арвегиль 1763; Арвелег II 1813; Аравал 1891; Арафант 1946; + 1974; Арведуи Последний Князь +1974.

Конец Северного Княжества.

Вожди Аранарт (старший сын Арведуи) 2106, Арахаэль(2177), Арануир 2247, Аравир 2319, Арагорн I / 2327; Араглас 2455; Арахад I 2523; Арагост 2588; Араворн 2654; Арахад II 2719; Арассуиль 2784; Арафорн I +2848; Аргонуи 2912; Арадор +2930; Арагорн II + 2933; Арагорн II Ч.Э. 120.

Южная ветвь

Наследники Анариона.

Короли Гондора.

Элендиль, Анарион + В.Э. 3440; Менельдиль, сын Анариона, 158; Кемендур 238; Эарендиль

---

[5] Примечания: 5

После Эарендура Короли не принимали эльфийских имен.

[6] Примечания: 6

После Мальвегиля Князья Фориоста снова заявили права на владение всем Арнором, и в знак этого стали носить имена с приставкой ар (ар).

324; Анардиль 411; Остогер 492, Ромендакиль (Таростар) + 541; Турамбар 667; Атанатар I 748; Сириондиль 830.

За ним следуют четыре «Морских Короля»:

Тараннон Фаластур 913. Он был первым бездетным Королем, и ему наследовал сын его брата Таркириана, Эарниль I + 936; Кириандиль +1015, Хиармендакиль 1 (Кириагер) 1149.

Гондор достигает вершины могущества.

Атанатар II Алкарин «Великолепный» 1226; Нармакиль I 1294. Он был вторым бездетным Королем, и ему наследовал младший брат.

Калмакиль 1304, Миналкар (регент 1240–1304); коронован в 1304 году под именем Ромендакиля II, умер в 1366; Валакар. При нем в Гондоре разразилась Усобица.

Эльдакар, сын Валакара (сначала звавшийся Винитариа) был свергнут в 1437. Кастамир Узурпатор +1447. Эльдакар вернулся; умер в 1490.

Алдамир, (второй сын Эльдакара) + 1540, Хиармендакиль II (Виниарион) 1621, Минардиль + 1634, Телемнар + 1636. Телемнар и его дети умерли от черного недуга; ему наследовал племянник, сын Минастана, второго сына Минардиля, Тарондор 1798; Телумехтар Умбардакиль 1850; Нармакиль II + 1856, Калимехтар 1936; Ондогер

+ 1944. Ондогер и двое его сыновей пали в битве. Через год, в 1945, корону получил не знающий поражений полководец Эарниль, наследник Телумехтара Умбардакиля. Эарниль II 2043; Эарнур +2050. На этом ветвь Королей прерывается до 3019 года, когда на престол вступил Элессар Телконтар.

Королевством правят Наместники.

Наместники Гондора

Дом Хурина: Пелендур 1998. Он правил год по смерти Короля Ондогера и посоветовал Гондору отвергнуть притязания Арведуи на корону.

Ворондиль Охотник 2029[7]. Мардиль Воронвэ «Стойкий», первый из Наместников-Правителей. Его наследники перестали пользоваться именами Заморских Эльфов.

Наместники-Правители: Мардиль 2080; Эрадан 2116, Герион 2148; Белегорн 2204; Хурин I 2244; Турин I 2278; Хадор 2395; Барахир 2412; Диор 2435; Дэнэтор I 2477; Боромир 2489; Кирион 2567. В его

---

[7] Примечания: 7

Дикие белые туры, которых и по сей день можно сыскать близ Восточного Моря, происходят, как говорит легенда, от Тура Арау, охотника из Валаров, который в древности часто бывал в Средиземье. Оромэ — эльфийская форма его имени.

дни роандийцы пришли в Каленардон.

Халлас 2605; Хурин II 2628; Белектор I 2655; Ородреф 2685; Эктелион I 2689; Эгалмот 2743; Верен 2763; Берегонд 2811; Белектор II 2872; Торондир 2882; Турин II 2914; Тургон 2953; Эктелион II 2984; Дэнэтор II. Он был последним из Правящих Наместников, и ему наследовал его второй сын Фарамир, Князь Эмин-Арнена, Наместник Короля Элессара, 62 Ч.Э.

Эриадор, Арнор и Наследники Исильдура.

«Эриадором в древности звались все земли между Мглистыми и Синими Горами; на юге граница его проходила по рекам и Гландуину (или Пограничной Реке), что сливались возле Тарбада.

В дни своего расцвета Арнор включал весь Эриадор кроме местности за Синей, и земель восточнее Блекмы и Гремячи, где лежали Светлояр и Падубь.

За Синей была страна Эльфов, зеленая и спокойная, куда не заходили Люди; но Гномы жили, и по сей день живут, на восточной стороне Синих Гор, особенно южнее Залива Луны, где у них копи. Поэтому у гномов в обычае ходить по Великому Тракту, как ходили они задолго до того, как мы пришли в Край.

В Серебристой Гавани жил Цирдан-Корабел; кое-кто говорит, что он живет там и сейчас, пока последний корабль не отплыл на Запад. Во дни Королей Заморские Эльфы, что задержались в Средиземье, жили с Цирданом или в приморском краю Линдон. Если теперь кто из них и остался — их можно пересчитать по пальцам».

3. Северное Королевство и дунаданы

После Элендиля и Исильдура в Арноре было восемь Верховных Королей. После Эарендура между его сыновьями началась распря, и королевство распалось на три княжества: Артедайн, Рудаур и Кардолан. Артедайн был на северо-западе и включал земли между Брендидуимом и Синей, а также земли к северу от Великого Тракта вплоть до Буреломного Угорья. Рудаур находился на северо-востоке между Троллистым Плато, Буреломным Угорьем и Мглистым Хребтом; в него входил еще Угол, лежавший между Ревицей и Гремячыо. Кардолан был на юге, и границы его проходили по Брендидуиму, Блекме и Великому Тракту.

В Артедайне род Исильдура жил и сохранялся, но в Кардолане и Рудауре он вскоре увял. Часто между княжествами вспыхивала борьба, и это

ускорило угасание дунаданов. Главным предметом ссор было Буреломное Угорье и земли западнее — до Усада. И Рудаур, и Кардолан желали владеть Амон-Сулом с Заветрью, которая стояла на границе их земель. В Башне Амон-Сула хранился главный Палантир Севера, а два других находились в Артедайне.

«В начале княжения Мальвегиля Артедайнского в Арнор пришло лихо. Ибо в то время на севере, за Троллистым Плато, усилилось королевство Ангмар. Земли его простирались по обе стороны гор, и туда собралось множество лиходеев, орков и других тварей. (Правил там Король-Чародей, но до последнего времени не было известно, что то был Предводитель Кольценосцев, явившийся на Север, чтобы уничтожить дунаданов Арнора, опираясь на их разобщенность, покуда Гондор был могуч)».

Во дни сына Мальвегиля Аргелеба князья Артедайна вновь заявили о правах на правление всем Арнором — ибо в других княжествах наследников Исильдура не осталось. Право было оспорено Рудауром. Дунаданов там было мало, и власть захватил Вождь Народа Холмов, который был в тайном сговоре с Ангмаром. Поэтому Аргелеб укрепил Буреломное Угорье; но сам он погиб в

битве с Рудауром и Ангмаром.

Арвелег, сын Аргелеба, с помощью Кардолана и Линдона оттеснил врага от Угорья; и долгие годы АртеДаин и Кардолан силой удерживали границу по Буреломному Угорью, Великому Тракту и низовьям Ревицы. Говорят, в те времена Светлояр был осажден.

В 1409 году огромное войско вышло из Ангмара и, перейдя реку, вторглось в Кардолан и окружило Заветрь. Дунаданы потерпели поражение и Арвелег пал. Башня Амон-Сул была сожжена и разрушена до основания; но палантир удалось спасти, и он был унесен в Форност. Рудаур заняли люди — лиходеи, подданные Ангмара, и дунаданы были истреблены или бежали на запад. Кардолан был опустошен. Арафор, сын Арвелега, не достиг еще совершеннолетия, но он был доблестен, и с помощью Цирдана отбросил врага от Форноста и Северного Нагорья. Остатки Верных из дунадан Кардолана держались до последнего в Тирн Гортаде (позже названном Могильниками) или укрывались в лесу позади него.

Говорят, что Ангмар на какое-то время был покорен эльфами Линдона — и Светлояра, потому что Эльронд получил помощь из Лориэна. В это — то время Неуюпоги, жившие в Углу (между Гре-

мячью и Ревицей) бежали на запад и юг — из-за войн и напасти из Ангмара и из-за того, что климат в Эриадоре, особенно на востоке, ухудшился и стал неуютным. Некоторые возвратились в Глухоманье и жили подле Кувшинницы, став прибрежным народом рыбаков.

Во дни Аргелеба II в Эриадор с юго-востока пришла черная хворь, и большинство жителей Кардолана умерло, особенно в Энедвайте. Хоббиты и другие народы сильно пострадали, но, продвигаясь к северу, болезнь слабела, и северная часть Артедайна почти не была задета. В это время пришел конец дунаданам Кардолана, и лиходейский дух из Ангмара и Рудаура вполз в опустевшие курганы и укоренился там.

«Говорят, курганы Тирн-Гортада, издавна называемые Могильниками, очень древние — многие были насыпаны в Первую Эпоху пращурами аданов, до того как те перевалили Синие Горы и пришли в Белерианд, от которого ныне остался лишь Линдон. Поэтому после возвращения Рыцарей из Заморья курганы эти почитались ими; и там погребены многие из их властителей и князей. (Кое-кто утверждает, что курган, в который попал Хранитель Кольца, был могилой последнего Принца Кардолана, павшего в войне 1409)».

«В 1974 г. Ангмар воспрянул вновь, и Король-Чародей пошел на АртеДаин прежде, чем кончилась зима. Он захватил Форност и оттеснил уцелевших дунаданов за Синюю; среди них были сыновья князя. А Князь Арведуи до последнего держался на Северном Нагорье, а потом с остатками свиты бежал на север; лишь быстрые кони спасли их.

Некоторое время Арведуи скрывался в старых копях гномов близ дальней оконечности Гор, но, в конце концов, голод вынудил его просить помощи у лоссотов[8], Снежных Людей Форохелла. Они жили в стойбище на морском берегу и помогли Князю неохотно, потому что ему нечего было предложить им, кроме нескольких алмазов — а их они не ценили; и они боялись Короля-Чародея, ибо он мог, как они говорили, навести на них мороз и буран. Но, отчасти сжалившись над изможденным Князем и его воинами, отчасти убоявшись их оружия, они дали им еду и выстроили снежные дома. Там Арведуи был принужден

[8] Примечания: 8

«Это странный, хмурый народ, остатки Людей Предначальной Эпохи, привычный к жестоким холодам владений Моргота. Холода эти до сих пор царят в тех местах, хотя лежат они едва ли более чем в ста лигах севернее Края. Дома у лоссотов из снега и говорят, что они могут бегать по льду с костями на ногах и ездят в повозках без колес. Живут они большею частью недосягаемо для врагов, на Великом Форохелльском Мысу, что замыкает на северо-западе огромный Льдистый Залив; но часто они стоят лагерем на берегу залива у подножия Гор».

ждать, надеясь на помощь с юга — ибо кони его погибли.

Узнав от сына Арведуи I Аранарта о бегстве Князя на север, Цирдан сразу же снарядил корабль в Форохелл на его поиски. Корабль приплыл туда спустя иного дней из-за встречных ветров, и моряки издали заметили маленький костер из прибитых к берегу бревен, который развели и поддерживали беглецы. Но зима в тот год долго не ослабляла хватку; и хотя был уже март, лед только начал ломаться и лежал на большом расстоянии от берега.

Когда Снежный Народ увидел корабль, они удивились и испугались, потому что никогда не видели таких кораблей; но теперь они стали более дружелюбны и отвезли Князя и тех, кто выжил из его отряда, на своих скользящих повозках к самой кромке льда. Таким образом, лодке с корабля удалось достичь их.

Но Снежный Народ беспокоился; ибо, как говорят, они чуют опасность в воздухе. И вождь лоссотов сказал Арведуи: «Не садись на это морское чудище! Пусть Люди Моря принесут еду и вещи, в которых мы нуждаемся, и ты сможешь остаться здесь, пока Король-Чародей не уйдет. Весной сила его убывает; но сейчас дыхание его

смертельно, а рука длинна».

Но Арведуи не внял его совету. Он поблагодарил вождя и на прощанье отдал ему свой перстень, сказав: «Ценность этой вещи неизмерима, только лишь из-за древности. В ней не заключено никаких сил, кроме уважения, которое питают к ней все, кто любит мой дом. Сама она тебе не поможет, но если когда-нибудь ты окажешься в нужде — мои родичи заплатят за нее, чем только пожелаешь».[9]

Однако совет лоссотов был хорош — по случаю или провидению, ибо не успел корабль выйти в открытое море, как с севера налетел ураган и слепящий снег. Буря загнала корабль назад, ко льдам, и нагромоздила лед вокруг него. Даже моряки Цирдана оказались беспомощны; ночью лед раздавил корпус и корабль затонул. Так погиб Последний Князь Арведуи, и вместе с ним

[9] Примечания: 9

«Таким образом, перстень дома Исильдура был спасен; впоследствии дунаданы выкупили его. Говорят, что это тот самый перстень, который Фелагунд из Наргофронда дал Барахиру, и Берен вернул его с великим риском».

погребены в пучине палантиры[10]. Немало времени прошло, прежде чем о кораблекрушении у Форохелла стало известно от Народа Снегов.

Народ Края уцелел, хотя война прокатилась через него, и большинство хоббитов попряталось в укрытия. На помощь Князю они послали несколько лучников — те так и не вернулись; а кое-кто ушел на битву, в которой был низвергнут Ангмар (об этом больше сказано в Хрониках Юга). Потом, в наступившем мире, хоббиты правили собой сами и процветали. Они избрали Тана — представлять власть Князя, и удовлетворились этим, хотя многие долго еще ждали возвращения Короля. Но в конце концов надежда забылась и осталась лишь в присловье «Когда вернется Король» — так говорили о недостижимом благе или ненаказуемом зле. Первым Таном Края был некий Закка из Ложков, от которого, как утверждали они сами, произошли Старозайки. Он стал

---

[10] Примечания: 10

«То были Камни Аннуминоса и Амон-Сула. Единственный оставшийся на севере Камень был в Башне на Эмин-Берайде, что смотрит на Залив Луны. Его сохраняли эльфы и, хоть мы никогда не знали этого, он оставался там, покуда Цирдан не принес его на борт корабля Эльронда, когда он отплывал. Но нам поведали, что он не похож на другие и не сообщается с ними; он обращен лишь на Море. Элендиль поместил его там так, что Камень смотрел назад и «прямым видением» прозревал Эрессэа на Заокраинном Западе; но опустившиеся Моря навеки скрыли Нуменор»

Таном в 379 г. по нашему исчислению (1979).

С Арведуи угасло Северное Княжество, ибо дунаданов осталось мало, а другие народы Эриадора ослабли. Однако род Королей продолжался среди Вождей Дунаданов, из которых первым был Аранару; сын Арведуи. Его сын Арахаэль был воспитан в Светлояре, как и все сыновья вождей после него; там хранились наследия их дома: Кольцо Барахира, ножны Нарсиля, звезда Элендиля и скипетр Аннуминоса. [11]

Гондор; он, кажется, был очень неплохо осведомлен о делах, касающихся рода Арагорна. «Скипетр Нуменора, как говорят, погиб с Ар-Фаразоном. Скипетр Аннуминоса — серебряный жезл Властителей Андуниэ, и ныне, быть может, древнейшее творение рук человеческих в Средиземье. Ему было уже более пятисот лет, когда Эльронд передал его Арагорну. Корона Гондор была сделана по образцу боевых шлемов нуменорцев. Сначала это и был шлем — как говорят, тот самый, в котором Исильдур бился на Ратном Поле (ибо шлем Анариона был разбит камнями

---

[11] Примечания: 11

«Скипетр был главным знаком правления в Нуменоре, поведал нам Король; так же было в Арноре, где князья носили не корону, а один бриллиант — Элендильмир, Звезду Элендиля, которую удерживала на лбу серебряная лента. Говоря о короне, Бильбо, без сомнения, имел в виду

Барад-Дура, что сразили его), но во дни Атанатара Алькарина простой шлем был заменен украшенным алмазами; им и пользовались при коронации Арагорна».

Однако, когда княжеству пришел конец, дунаданы укрылись в тени и стали тайным народом бродяг, и их дела и руды редко вспоминались и воспевались. Со времен отплытия Эльронда о них почти позабыли. Однако, еще прежде, чем Бдительный Мир закончился, лиходейские твари начали нападать на Эриадор или стремились тайно проникнуть в него. Арагорна I, как говорят, загрызли волки — тогда, как и в наши дни, они были одной из главных опасностей Эриадора.

Во дни Арахада I орки, которые, как выяснилось позже, давно тайно заняли твердыни Мглистого Хребта, чтобы закрыть перевалы в Эриадор, внезапно заявили о себе. В 2509 году Келебриан, жена Эльронда, ехала в Лориэн — и по дороге, у Багровых Ворот, ее поджидала засада. Свита ее погибла, отбивая атаку орков, а сама она была похищена. Элладан и Эльрохир разыскали и освободили ее, но она успела подвергнуться пытке и была ранена ядовитой стрелой. Ее принесли в Имладрис и, хотя телесно Эльронд исцелил ее, она более не радовалась Средиземью и через год

отправилась в Гавань и отплыла за Море. А позже, во дни Арассуиля, орки, вновь расплодившиеся в Мглистых Горах, начали разорять земли, и дунаданы и сыновья Эльронда бились с ними. В то время одна из орочьих орд проникла так далеко на запад, что забрела в Край — и была изгнана Брандобрасом Хватом.

До рождения Арагорна II, что стал Королем Гондора и Арнора, было четырнадцать Вождей — он был пятнадцатым и последним.

«Наш Король, зовем мы его; и, когда он приезжает на Север, в отстроенный заново Аннуминос, и какое-то время живет близ озера Сумрак, все в Крае радуются. Но он не входит в него, ибо связал себя законом, что никто из Большого Народа не преступит его границ. Однако он часто подъезжает к Великому Мосту и встречается там с друзьями и всеми, кто хочет видеть его; и кое-кто уезжает с ним и живет в его дворце, сколько захочется. Тан Перегрин много раз бывал там; а также Управитель Сэммиус. Дочь его, Эланор Прекрасная — одна из придворных дам Королевы Арвен».

Гордостью и дивом Северной Ветви было то, что, хотя власть ее истаяла, а народ угасал, через многие поколения право на княжение нерушимо переходило от отца к сыну. К тому же, хотя жизни

дунаданов и уменьшились в Средиземье, в Гондоре, после ухода его королей, увядание шло еще быстрее; многие Вожди Севера все еще проживали двойной век Людей — и жили много дольше, чем старейшие из нас. Арагорн прожил 210 лет, дольше, чем любой из его рода со времен Князя Арвегиля; но в Арагорне Элессаре возродились достоинства древних королей.

4. Гондор и Наследники Анариона

После Анариона, который был сражен у Барад-Дура, в Гондоре был тридцать один король. Хотя война не касалась их границ, более тысячи лет росли богатство и мощь дунаданов юга на земле и море — до правления Атанатара П, прозванного Алькарином — «Великолепным». Однако признаки упадка появились уже тогда, ибо высшие люди юга женились поздно, и детей у них было мало. Первым бездетным Королем был Фаластур, а вторым — Нармакиль 1, сын Атанатара Алькарина.

Остогер, седьмой Король, перестроил Минас-Анор, где позже в летнее время жили Короли. В его времена на Гондор впервые напали восточные дикари. Но его сын Таростар победил их и прогнал прочь и принял имя Ромендакиль

«Победитель Востока». Тем не менее, спустя некоторое время он погиб в битве со свежими ордами вастаков.

С Тараннона, двенадцатого Короля, начинается род «Морских Королей» — они построили флот и расширили влияние Гондора вдоль побережья на запад и юг от Устья Андуина. Дабы увековечить свои победы, Тараннон принял корону под именем Фаластура — «Властителя Побережья».

I

Эарниль I, его племянник, который ему наследовал, восстановил древнюю гавань в Пеларгире и построил огромный флот. С земли и моря осадил он Умбар и взял его — он стал великим портом и опорой власти Гондора[12]. Но Эарниль недолго радовался победе. Он затерялся в Море — а с ним много судов и людей. Его сын Кириандиль продолжал строить корабли; но харадримцы, ведомые изгнанными из Умбара Властителями, с огромной ратью подошли к этой твердыне, и Кириандиль, увлеченный в Пустыни, пал в битве.

---

[12] Примечания: 12

Большой мыс и закрытый им залив Умбара издревле был землей нуменорцев; но это была твердыня Воев Короля, впоследствии названных Черными Нуменорцами, совращенных Сауроном — более всего ненавидели они Наследников Элендиля. После падения Саурон» народ их быстро истаял и смешался с народами Средиземья — но ненависть их к Гондору не уменьшилась. Поэтому за взятие Умбара пришлось заплатить дорогую цену.

Умбар был осажден многие годы, но взять его не могли из-за морской мощи Гондора. Кириагер, сын Кириандиля, ждал благоприятного случая и наконец, собрав силы, пришел по морю и суще с Севера и, перейдя реку

Харнен, войска его наголову разбили харадримцев и их вожди были вынуждены признать владычество Гондора (1050 г.). Кириагер принял имя Хиармендакиля — «Победителя Юга».

Мощи Хиармендакиля до самого конца его долгого правления не рисковал испытывать ни один враг. Он был Королем 134 года — второе по длительности царствование в роду Анариона. В его дни Гондор достиг вершины могущества. Королевство простиралось тогда до Серебрянки и опушек Лихолесья на севере, на западе — до Блёкмы, на востоке — до Внутреннего Восточного Моря, на юге — до реки Харнен и оттуда вдоль побережья до полуострова и гавани Умбара. Жители долин Андуина признавали его власть; и властители Харада присягнули Гондору, а сыновья их жили заложниками при дворе Короля. Мордор был разорен, но огромные крепости на перевалах бдительно следили за ним.

Так окончился род Морских Королей. Атанатар Алькарин, сын Хиармендакиля, жил в великой

роскоши, и люди говорили: «В Гондоре драгоценных камней — что гальки, ими играют дети». Но Атанатар любил леность, и ничего не делал, чтобы упрочить доставшуюся по наследству мощь. Два его сына были того же нрава. Упадок Гондора начался прежде, чем он умер, и, без сомнения был замечен врагами. Стражи Мордора потеряли бдительность. Однако лишь во дни Валакара в Гондор пришло лихо: гражданская война и Усобица, в которой многое было потеряно и разрушено — и никогда не восстановлено до конца.

Миналкар, сын Калмакиля, был человеком энергичным, и в 1240 г. Нармакиль, чтобы избавиться от забот, сделал его регентом княжества. С того времени он правил Гондором от имени Короля, пока не наследовал своему отцу. Более всего заботили его отношения с северянами.

Забота эта сильно возросла во времена мира, достигнутого военной мощью Гондора. Короли являли северянам милость, ибо из низших народов они стояли ближе всего к дунаданам (они большею частью происходили от тех людей, из которых некогда вышли Аданы) и отдали им земли за Авдуином к северу от Великого Зеленого Леса — чтобы держать оборону от дикарей с востока. Ибо в древности нападения вастаков

исходили главным образом с равнины между Внутренним Морем и Изгарными Горами.

Во дни Миналкара I нападения возобновились, хотя — сперва — малыми силами; но регенту было известно, что северяне не всегда хранят верность Г ондору, и некоторые готовы объединиться с вастаками — либо от жадности, либо из-за борьбы за власть среди их герцогов. А потому в 1248 г. Миналкар повел огромные силы и между Рованионом и Внутренним Морем разбил большое войско вастаков и разрушил все их лагеря и поселения к востоку от Моря. После этого он принял имя Ромендакиль.

Вернувшись, Ромендакиль укрепил западный берег Андуина до места впадения в него Светлимки. Это он возвел Столпы Аргоната при входе в Нен-Хифоэль. Но, поскольку он ощущал нужду в воинах и желал упрочить союз между Гондором и северянами, он принял многих из них на службу и дал некоторым высокие чины в войске.

Особую любовь выказывал Ромендакиль к Видугавии, который помогал ему в войне. Он звал себя Герцогом Рованиона и был воистину самым могущественный из Властителей Севера, хотя собственные его владения лежали между Зеленым Лесом и рекой Кельдуин.

В 1250 г. Ромендакиль послал своего сына Валакара послом к Видугавии — пожить немного с северянами и познакомиться с их языком, обычаями и замыслами. Но Валакар намного превзошел надежды отца. Он полюбил северный край и его народ и женился на Видумави — дочери Видугавии. Это было за несколько лет до его возвращения. Из — за этой женитьбы впоследствии разгорелась Усобица.

Потому что высший народ Гондора косился на северян; и неслыханным было, чтобы наследник короны или другой сын Короля брал жену из низшей, пусть и союзной, расы. Когда Король Валакар состарился, в южных провинциях вспыхнуло восстание. Королева его была прекрасна и благородна, но срок ее жизни был короток, и дунаданы боялись, что у наследников ее он окажется таким же и они потеряют величие Королей. К тому же они не желали признавать властителем ее сына, который, хоть и звался теперь Эльдакар, родился в другой стране и носил в юности имя Винитариа — имя народа его матери.

А потому, когда Эльдакар наследовал своему отцу, в Гондоре разразилась война. Но оказалось, что отнять у Эльдакара наследство не так уж просто. К гондорскому происхождению он доба-

вил бесстрашный дух северян. Он был красив и доблестен, и старел не быстрее своего отца. Когда заговорщики по наущению родичей королей поднялись против него, он противостоял им до конца сил. Наконец он был осажден в Осгилиафе и долго оборонял его — покуда голод и превосходящие силы не одолели его и он не вышел, оставив город разрушенным и объятым пламенем. Во время осады Башня Камня рухнула, и палантир канул в воды Реки.

«Но Эльдакар ускользнул от врагов и ушел на север, в Рованион — к своим родичам. Там к нему присоединились многие, как северяне, так и дунаданы северных частей княжества. Ибо многие стали уважать его, и еще более многие — ненавидеть его гонителя. То был Кастамир, внук Калимехтара, младший брат Ромендакиля II.

По крови он был не самым близким к Королю, но его поддерживало большинство восставших: он был Главой Флота, и за ним шли люди побережья и больших гаваней Пеларгира и Умбара.

Не успел Кастамир взойти на престол, как проявил себя человеком надменным и неблагородным. Он был жесток и доказал это разгромом Осгилиафа. Он захватил Орнендиля, сына Эльдакара, и казнил его; а грабеж и разрушения,

творимые в городе с его дозволения, намного превосходили нужды войны. Это запомнилось в Минас-Аноре и Ифилиэне; и любовь к Кастамиру там поуменьшилась, когда стало ясно, что он мало заботится о земле, а думает только о золоте и хочет перенести трон в Пеларгир.

Так царствовал он десять лет, когда Эльдакар, видя, что время приспело, двинул с севера великую рать, и к ней приставал народ из Каленардона, Анориэна и Ифилиэна. В Лебеннине, у Бродов Эруи, произошла битва, в которой пролилось много лучшей крови Гондора. Эльдакар вызвал Кастамира на поединок и сразил его, отомстив за Орнендиля; но сыновья Кастамира спаслись и потом вместе со своими родичами и моряками долго удерживали Пеларгир.

Собрав все войско, какое могли (ибо у Эльдакара не было судов, чтобы закрыть им путь на Море), они отплыли и утвердились в Умбаре. Он стал укрывищем для всех врагов Короля и вышел из-под власти Короны. Долгие годы Умбар воевал с Гондором и угрожал побережьям и морским путям. Он не покорялся до дней Элессара, и Южный Гондор был спорной землей между Корсарами и Королями.

Утрата Умбара была печальна не только пото-

му, что княжество с юга уменьшилось, и влияние на Харад было потеряно, но и потому, что именно там Ар-Фаразон Золотоликий, последний Король Нуменора, высадился и усмирил мощь Саурона. Хоть и слуталось потом великое лихо, даже последователи Элендиля с гордостью вспоминали приход огромного войска Ар-Фаразона из глубин Моря; и на самом высоком холме близ Гавани они установили, как памятник, громадный белый столп. На вершине его был кристальный шар, что вбирал лучи Солнца и Луны, и сияние его было видно на берегах Гондора и далеко в Море. Так он стоял, пока после второго возвышения Саурона Умбар не попал под власть его прислужников и памятник Его унижению не был низвергнут».

После возвращения Эльдакара кровь королевского дома и домов дунаданов стала мешаться с кровью низших народов. Ибо многие из высших пали в Усобице, а Эльдакар привечал северян, с чьей помощью возвратил корону, и Гондор наполнился пришельцами из Рованиона.

Это смешение сначала не ускорило увядания дунаданов, как того боялись, но оно все же шло — мало-помалу, как прежде. Ибо, без сомнения, происходило это, кроме всего, и из-за самого Средиземья, и из-за исчезновения даров Нуменорцев

после падения Земли Звезд. Эльдакар дожил до своих 235 лет и был королем пятьдесят восемь, десять из которых провел в изгнании.

Второе, и величайшее, лихо пришло в Гондор в правление Телемнара, двадцать шестого Короля, чей отец Минардиль, сын Эльдакара, был убит в Пеларгире корсарами Умбара (вели их Ангамайтэ и Сангахиандо, внуки Кастамира). Вскоре после этого с юга на темных ветрах принесся смертельный недуг. Король и все его дети умерли, и много другого народа, особенно те, кто жил в Осгилиафе.

Тогда же, по слабости и немногочисленности, границы Мордора перестали охраняться, и крепости, следившие за перевалами, обезлюдели.

Позже было замечено, что все это случилось как раз, когда Завеса Тьмы сгустилась в Зеленом Лесу, и вновь появились лиходейские твари — признаки, что Саурон воспрянул. Правда, враги Гондора тоже пострадали, не то они уничтожили бы его в дни слабости. Но Саурон мог ждать; и вполне может быть, что единственным его желанием в то время было открытие Мордора.

Когда Король Телемнар умер, Белое Древо Минас-Анора тоже иссохло и умерло. Но Тарондор, его племянник, который наследовал ему, вновь

посадил семя в Цитадели. Это он перенес трон в Минас-Анор навсегда, потому что Осгилиаф был наполовину пуст и начал уже разрушаться.

Немногие из тех, кто избежал заразы, уйдя в Ифилиэн или западные долины, хотели вернуться в город.

Тарондор рано взошел на престол, и правление его оказалось самым долгим в Гондоре; но он сумел достичь немногого: лишь упорядочил изнутри державу и медленно копил силы. Но его сын Телумехтар, помня о смерти Минардиля, и встревоженный наглостью Корсаров, которые нападали на побережье вплоть до Вешних Холмов, собрал войско и в 1810 году взял Умбар штурмом. В той войне пали последние потомки Кастамира, и Умбар на некоторое время вновь перешел к королям. Телумехтар прибавил к своему имени титул Умбардакиль. Но в новых бедах, что постигли Гондор, Умбар был снова потерян, и им завладели харадримцы.

Третьим лихом было вторжение кочевников, которое подорвало и без того угасающие силы Гондора в войнах, длившихся почти сто лет. Кочевники были народом — или союзом народов — что пришли с востока; но они были сильнее и лучше вооружены, чем все, кто являлся прежде.

Они кочевали в огромных повозках, а вожди их бились в колесницах. Подталкиваемые, как позже выяснилось, посланцами Саурона, они внезапно нашали на Гондор, и Король Нармакиль II пал в битве за Андуином в 1856 году. Народы восточного и южного Рованиона были порабощены, и границы Гондора отодвинулись к Андуину и Эмин-Муилю. (Думается, Призрачные Кольценосцы вернулись в Мордор именно в это время).

Калимехтар, сын Нармакиля, отомстил за отца великой победой над вастаками в Дагорладе в 1899 году (ему помогло восстание в Рованионе), и на некоторое время опасность отступила. В правление Калимехтара на Юге и Арафанта на Севере два княжества, после долгого молчания и отчуждения, собрались на совет. Ибо они увидели, наконец, что некая единая власть и воля направляет с разных сторон атаки на выживших нуменорцев. В то время Арведуи, наследник Арафанта, женился на Фириэли, дочери Ондогера (1940 г.). Но ни одно из княжеств не смогло помочь другому, потому что Ангмар возобновил атаки на АртеДаин, а в Гондор с новыми силами вторглись Кочевники.

Многие Кочевники обогнули Мордор с юга и заключили союз с народами Кханда и Ближнего

Харада; и Гондор едва устоял в этой атаке с юга и севера. В 1944 году Король Ондогер и оба его сына, Артамир и Фарамир, пали в битве к северу от Моранноном, и враг проник в Ифилиэн. Но Эарниль, Капитан Южных Войск, выиграл великую битву в Южном Ифилиэне и разбил армию Харада, пересекшую Порос. Поспешив на Север, он собрал остатки Северных Войск и напал на главный лагерь Кочевников, когда они пировали и бражничали, считая, что Гондор погиб и остается только собрать добычу. Эарниль взял лагерь штурмом, поджег повозки, а врагов обратил в бегство и выбил из Ифилиэна. Большая честь тех, кто бежал от него, погибла в Гиблых Болотах.

«По смерти Ондогера и его сыновей Арведуи, Князь Северного Княжества, предъявил права на корону Гондора, как прямой наследник Исильдура и муж Фириэли, единственной оставшейся в живых из детей Ондогера. Требование было отвергнуто. Главную роль в этом играл Пелендур, Наместник Короля Ондогера.

Совет Гондора ответил: «Корона и правление Гондором принадлежат единственно наследникам Менельдиля, сына Анариона, которому Исильдур препоручил это княжество. В Гондоре наследование идет от отца к сыну; и мы не слы-

шали, чтобы в Арноре закон был иным».

На это Арведуи сказал: «У Элендиля было двое сыновей, из коих Исильдур был старшим, а значит — наследником отца. Мы слышали, что имя Элендиля по сей день стоит во главе Родословного Древа Королей Гондора, ибо он был Королем всех земель дунаданов. Пока Элендиль был жив, его сыновья вместе с ним правили Югом; когда же Элендиль пал, Исильдур ушел, чтобы занять высокий трон отца и точно так же передал правление сыну своего брата. Он не отказался от короны Гондора и не желал, чтобы королевство разделялось.

Кроме того, в Нуменоре скипетр наследовал старший ребенок Короля, будь то мужчина или женщина. Правда, закон этот не соблюдался в изгнании, ибо земли изгнанников всегда тревожат войны; однако это закон нашего народа, и ныне мы обращаемся к нему, видя, что сыновья Ондогера умерли бездетными»[13].

На это Гондор ничего не ответил. Корону по-

[13] Примечания: 13

Закон этот возник в Нуменоре (как нам поведал Король), когда Тар-Алдарион, шестой Король, оставил лишь одно дитя — девочку. Она стала первой Правящей Королевой, Тар-Анкалимэ. Но до нее закон был иным. Тар-Элендилю, Четвертому Королю, наследовал его сын Тар-Менельдур, хотя его дочь Симариэн была старшей. Тем не менее, от Сильмариэн произошел Элендиль.

требовал Эарниль, победоносный Капитан; и она была ему отдана с согласия всех дунаданов, потому что он был из королевского дома.

Он был сыном Кириондиля, сына Калиммакиля, сына Аркириаса — брата Нармакиля II. Арведуи не настаивал на своем, ибо не имел ни сил, ни желания противостоять выбору дунаданов Гондора; однако требование его никогда не забывалось его потомками, даже когда княжение их прервалось. Ибо приблизилось время, когда Северному Княжеству должен был прийти конец.

Арведуи стал последним Князем, как и указывало его имя. Говорят, оно было дано ему при рождении Малбетом-Провидцем, который сказал его отцу: «Арведуи назови его, ибо он будет последним в АртеДаине. Хотя дунаданам будет дан выбор; и, если они изберут то, в чем не увидят надежд — сын твой изменит имя и станет Королем великого королевства. Если же нет — придёт великая скорбь, и много людских жизней минет, прежде чем дунаданы воспрянут и воссоединятся вновь».

В Гондоре также за Эарнилем последовал лишь один Король. Возможно, если бы корона и скипетр объединились, правление Королей продлилось бы, и много лиха было бы отведено. Но Эарниль

был мудрым мужем и не высокомерным, хотя, как и большинству гондорцев, княжество АртеДаин казалось ему слишком малым, несмотря на высокий род его князей.

Он послал гонцов к Арведуи, заявляя, что принял корону Гондора в соответствии с законами и нуждами Южного княжества. «Но я не забыл достоинств Арнора, не отрицаю нашего родства и не хочу отчуждения владений Элендиля. Я приду вам на помощь, когда в том будет нужда и если смогу».

Это было, однако, задолго до того, как Эарниль почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы исполнить обещанное. Князь Арафант продолжал с тающими силами сдерживать атаки Ангмара, и наследовавший ему Арведуи делал то же; но в конце концов осенью 1973 г. в Гондор пришло известие, что АртеДаин в бедственном положении, и Король-Чародей готовится нанести ему последний удар. Тогда Эарниль так быстро, как только смог, послал своего сына Эарнура на север во главе флота и тех сил, какие смог собрать. Слишком поздно. Прежде чем Эарнур достиг гаваней Линдона, Король-Чародей покорил АртеДаин и Арведуи погиб.

Но когда Эарнур пришел в Серебристую Гавань,

Люди и Эльфы там были обрадованы и поражены. Так велики были его суда, и так много их было, что всем им едва хватило места в гавани, хотя и Харлонд и Форлонд были переполнены; и с кораблей сошло могучее войско, со снаряжением и припасами на войну великих королей. Так, во всяком случае, казалось северянам, хоть то была не более чем помощь, малая частица мощи Гондора. Более всего радовались коням, ибо много их приплыло из долин Андуина — а с ними всадники, высокие и прекрасные, и гордые герцоги Рованиона.

Тогда Цирдан созвал всех, кто мог прийти к нему из Линдона и Арнора и, когда все было готово, войско перешло Синюю и двинулось к Северу, бросая вызов Королю-Чародею. Он жил тогда, говорят, в Форносте, который населил лиходейским народом, присвоив дворец и власть князей. В гордыне своей он не стал дожидаться атаки в крепости, а вышел навстречу врагам, помышляя, как и прежде, отогнать их за Синюю.

Но войско Запада спустилось к нему, перейдя Сумеречный Кряж, и была великая битва на равнине меж озером Сумрак и Северным Нагорьем. Армии Ангмара уже отступали к Форносту, когда главный отряд всадников, обойдя холмы, зашел

с севера и обратил их в бегство. Тогда Король — Чародей со всеми, кого мог уберечь от избиения, помчался на север, стремясь укрыться в Ангмаре. Но прежде чем он достиг укрывища в Карн-Думе, кавалерия Гондора во главе с Эарнуром перехватила его. В то же время из Светлояра подошло войско под командованием Глорфиндэля, Преображающегося Эльфа. И Ангмар потерпел столь сокрушительное поражение, что ни человека, ни орка из него не осталось к западу от Гор.

Но, говорят, когда все было потеряно, внезапно появился сам Король-Чародей, в черной мантии, черной маске и на черном коне. Страх поражал тех, кто видел его; а он, в ненависти своей, выбрал Капитана Гондора и со смертным криком поскакал к нему. Эарнур выстоял бы, но не выстоял конь — вздыбился и унес всадника, прежде чем тот смог совладать с ним.

Тогда Король-Чародей рассмеялся, и никто из тех, кто слышал этот смех, не мог забыть ужаса этого звука. Но тут вперед выехал Глорфиндэль на белом коне — и, оборвав смех, Король-Чародей обратился в бегство и скрылся во тьме. Ибо поле битвы накрыла ночь, и он исчез из виду, и никто не ведал его пути.

Эарнур вернулся, но Глорфиндэль, глядя в гу-

стеющий мрак, сказал: «Не преследуй его! Он не вернется в эти земли. Далек еще его рок, и не руке мужа сразить его». Слова эти запомнили многие; но Эарнур был в ярости, желая отомстить за свой позор.

Так перестало существовать лиходейское королевство Ангмар; и так Эарнур, Капитан Гондора, завоевал смертную ненависть Короля — Чародея; но ясно это стало лишь многие годы спустя.

Таким образом, в царствование Эарнура, как стало ясно позже, Король-Чародей, спасшись с севера, вернулся в Мордор и собрал там других Кольценосцев, вождем которых он был. Но только в 2000 году вышли они из Мордора через Кириф-Унгол и осадили Минас-Ифиль. В 2002 г. они взяли крепость и завладели ее палантиром. За время третьей Эпохи изгнать их не удалось, и Минас-Ифиль стал местом ужаса и был переименован в Минас-Моргул. Народ, что оставался еще в Ифилиэне, покинул его».

Эарнур был подобен своему отцу в доблести, но не в мудрости. Он был мужем горячим и сильным, однако жены не взял, ибо любил лишь бой и воинские забавы. Удаль его была такова, что на ристалище никто не мог противостоять ему, и он сохранял силу и искусство дольше, чем было

тогда обычным».

Когда Эарнур в 2043 г. получил корону, Король Минас-Моргула вызвал его на поединок, насмехаясь над ним за то, что тот не решился биться с ним на Севере. В то время Мардилу-Наместнику удалось погасить гнев Короля. Минас-Анор, ставший со времен Короля Телемнара главным городом княжества и резиденцией Королей, был переименован в Минас — Тириф, Крепость-Страж против лиха Моргула.

Эарнур носил корону лишь семь лет, когда Властитель Моргула повторил вызов, говоря, что к робкому сердцу юности Король прибавил слабость лет. Тут Мардиль не мог более удерживать его, и с малым отрядом рыцарей он поскакал к воротам Минас-Моргула. Никто из них не вернулся. В Гондоре говорили, что бесчестные враги заманили Короля в ловушку, и тот умер под пыткой в Минас-Моргуле; но поскольку вестей о его смерти не было, Мардиль Верный Наместник долгие годы правил Гондором от его имени.

Теперь наследников Королей осталось мало. Число их сильно уменьшилось в годы Усобицы; а с тех времен Короли стали подозрительны и следили за близкой родней. Часто те, на кого падало подозрение, бежали в Умбар и присоединялись к

непокорным, а другие позабыли происхождение и брали жен не нуменорской крови.

А потому не нашлось никого, кто мог бы потребовать корону, опираясь на чистоту крови или всеобщую поддержку; все боялись воспоминаний об Усобице, понимая, что если подобная распря начнется опять — Гондор погибнет. А потому проходили годы, а Наместник продолжал править Гондором, и корона Элендиля покоилась в укладке во Дворце Мертвых — там, где оставил ее Эарнур.

Наместники

Дом Наместников звался Домом Хурина, ибо они были потомками Наместника Короля Минардиль (1621-34), Хурина из Эмин-Арнена, мужа чистой нуменорской крови. С его дней Короли всегда избирали своих Наместников из его наследников; а после Пелендура Наместничество стало передаваться, как и царствование, от отца к сыну или ближайшему родичу.

Каждый новый Наместник, принимая службу, давал клятву «хранить жезл и править именем Короля, покуда он не вернется». Но скоро слова эти стали лишь традицией, ибо Наместники

владели всей властью королей. Однако многие в Гондоре по-прежнему верили, что в самом деле придет время — и вернется Король. И кое-кто вспоминал древнюю Северную Ветвь, которая, по слухам, все еще жила — в глубокой тени. Но Наместники-Правители не поощряли подобных мыслей.

Тем не менее, Наместники никогда не сидели на древнем троне; они не носили короны и не владели скипетром. Они держали белый жезл — символ их службы; а флаг их был белым, без гербов. Знамя же Королей было черным, и на нем под семью звездами цвело Белое Дерево.

После Мардиля Воронвэ, который считается первым, следует двадцать четыре Наместника-Правителя — до Дэнэтора П, двадцать шестого и последнего. Сначала им жилось спокойно, ибо то было время Бдительного Мира — Саурон отступил перед силами Совета Светлых Сил, а Призрачные Кольценосцы тщились в Моргульской Долине. Но со времен Дэнэтора I истинного мира ни разу не было; и даже когда Гондор не воевал открыто, границы его были под постоянной угрозой.

В последние годы Дэнэтора I в Мордоре впервые появились урхи — черные могучие орки-великаны; в 2475 году они пересекли Ифилиэн и

взяли Осгилиаф. Боромир, сын Дэнэтора (в честь которого был позже назван Боромир из Девяти Путников) разбил их и отвоевал. Ифилиэн; но Осгилиаф был окончательно разрушен, а его большой каменный мост — сломан. После там никто не жил. Боромир был великим полководцем, и даже Король-Чародей страшился его. Он был благороден и прекрасен лицом, силен телом и могуч волей, но в той войне он был ранен Моргульским клинком, и это укоротило его жизнь: муки иссушили его, и он умер, лишь на двенадцать лет пережив отца.

После него началось долгое правление Кириона. Он был бдителен: и осторожен, однако влияние Гондора уменьшилось, и он мог лишь защищать его границы, тогда как враги (или сила, что направляла их) готовили удары, которым он не мог помешать. Корсары осаждали берега, но главная опасность лежала на севере. В обширных землях Рованиона, между Лихолесьем и Кельдуином, жил теперь яростный народ, целиком под тенью Дол-Гулдура. Они часто совершали набеги через лес, пока долина Андуина к югу от Кувшинницы не пришла в запустение. Эти балкофы выросли в численности за счет подобного им народа, надвигавшегося с востока, тогда как народ

Каленардона истаял. Кириону с большим трудом удавалось удерживать границу по Андуину.

«Провидя бурю, Кирион послал на север за помощью, но поздно; ибо в том же (2510) году балкофы, построив множество плотов и лодок на восточном берегу Андуина, переплыли Реку и далеко отбросили защитников

Гондора. Шедшее с юга войско было отрезано и оттеснено за Светлимку, и там на него внезапно напала орда горных орков — рассеяла его и прижала к Андуину. И тут с севера пришла помощь, на которую уже не надеялись, и Гондор впервые услышал рога роандийцев. Эорл Юный пришел со своими всадниками, и они обратили врага в бегство и гнали балкофов через степи Каленардона, пока не перебили всех. Кирион отдал эти земли Эорлу, а тот принес Кириону Клятву Эорла — клятву дружбы в нужде и помощи по зову Правителей Гондора».

Во дни Берена, девятнадцатого Наместника, еще большая беда пришла в Гондор. Три огромных флота из Умбара и Харада великой силой налети на берега Г ондора. Враг высадился во многих местах вплоть до устья Исен; в то же время роандийцы были атакованы с запада и востока, земли их завоеваны, а сами они — оттеснены

в долины Белых Гор. В тот год (2758) случилась Долгая Зима — она принесла с запада и востока холод и снег, и длилась почти пять месяцев. Хельм Роандийский и оба его сына пали в той войне; и несчастье и смерть царили в Эриадоре и Роханде. Однако в Гондоре, к югу от гор, дела шли не так плохо, и прежде чем пришла весна, Берегонд, сын Берена, одолел захватчиков. Он сразу послал помощь в Роханд. Он был величайшим из Капитанов Гондора со времен Боромира; и когда он наследовал отцу (2763), Гондор начал восстанавливать силы. Но Роханд залечивал раны медленнее. По этой-то причине Берен и приветил Сарумана и отдал ему ключи Ортханка; и с 2759 года Саруман жил в Исенгарде.

Во дни Берегонда в Мглистых Горах разгорелась война между гномами и орками (2783-9), до которой юга достигали лишь слухи, покуда орки в бегстве из Нандухириона не попытались пересечь Роханд и обосноваться в Белых Горах. Бои в долинах шли много лет, прежде чем эта опасность миновала.

Когда Белектор II, двадцать первый Наместник, умер, умерло Белое Дерево Минас-Тирифа; но оно было оставлено стоять «пока не вернется Король», ибо семя найти не смогли.

Во дни Турина II враги Гондора вновь зашевелились, ибо мощь Саурона возросла, и день его поднятия был близок. Все, кроме самых стойких воинов, покинули Ифилиэн и переселились на запад от Андуина, ибо край наводнили моргульские орки. Именно Турин устроил тайные укрытия для воинов в Ифилиэна — из них дольше всех просуществовало Хеннет-Аннун. Он же заново укрепил остров Кайр-Андрос[14] для защиты Ариэна. Но главная опасность лежала тогда на юге, где харадримцы заняли Южный Гондор и где то и дело вспыхивали бои вдоль Пороса. Когда в Ифилиэн вторглись огромные силы, князь Фолквайн Роандийский исполнил Клятву Эорла и заплатил долг за помощь, присланную Берегондом, послав многих воинов в Гондор. С их помощью Турин вырвал победу при переправе через Порос; но оба сына Фолквайна полегли в битве. Всадники погребли их по обычаю своего народа, и они лежат в одном кургане, ибо были близнецами. Давно стоит он, Хаод-ин-Гванур, высоко на берегу реки, и враги Гондора страшатся миновать его.

За Турином последовал Тургон, но главное, что

[14] Примечания: 14

Название это означает «Многопенный Корабль», ибо остров походит на огромный корабль с высоким носом, обращенным на север, о который на острых скалах разбивается белая пена Андуина.

запомнилось из его времени — что за два года до его смерти Саурон воспрянул и открыто заявил о себе; и он снова поселился в Мордоре, где давно ожидали его. Тогда Барад — Дур поднялся вновь, и Ородруин окутал огонь, а те, кто еще оставался в Ифилиэне, бежали прочь.

Когда Тургон умер, Саруман забрал Исенгард себе и укрепил его.

«Эктелион II, сын Тургона, был человеком мудрым. Мощью, что осталась ему в наследство, он стал укреплять свои владения против атаки Мордора. Он призывал всех достойных людей из всех земель к себе на службу, и тем, кто был верен, раздавал награды и титулы. В большинстве своих дел он советовался с великим полководцем, которого любил более всех. Гондорцы звали его Торонгилем, Звездным Орлом, ибо он был быстр и зорок, и носил на плаще серебряную звезду, но никто не знал ни его истинного имени, ни откуда он родом. Он пришел к Эктелиону из Роханда, где служил князю Тэнгелу — но он был не роандийцем. Он был великим вождем, на суше и на море, но ушел в сумрак, откуда пришел, прежде чем дни Эктелиона закончились».

Торонгиль часто говорил Эктелиону, что силы Умбара — огромная опасность для Гондора

и угроза южным владениям, и что это может обернуться смертельным риском, если Саурон решится на открытую войну. Наконец, испросил дозволения Наместника, он собрал небольшой флот, незаметно подошел к Умбару под покровом ночи и сжег большую часть судов Корсаров. Он сразил Капитана Гавани в битве на причалах и привел флот назад с малыми потерями. Но когда они вернулись в Пеларгир, к печали и удивлению воинов он не пошел в Минас-Тириф, где его ждал великий почет.

Он послал весть прощания Эктелиону, сказав: «Другие дела ныне зовут меня, Князь, и много времени и опасностей минет, прежде чем я снова приду в Гондор, если это суждено мне». Хотя никто не знал, что за дела ждут его, и какой призыв он получил — было известно, куда он пошел. Потому что он взял лодку и переправился через Андуин, а там простился с товарищами и продолжал путь дальше один; и, когда его видели в последний раз, лицо его было обращено к Горам Тьмы.

С уходом Торонгиля в Городе началось смятение, и все считали это огромной потерей, — все, кроме Дэнэтора, сына Эктелиона, мужа, вполне созревшего для Правления, к которому он при-

шел четыре года спустя, когда умер его отец.

Дэнэтор II был горд, высок и доблестен, и являл столько королевского достоинства, сколько не являли Правители на протяжении многих жизней людей; к тому же он был мудр и дальновиден и любил и знал книги. Он походил на Торонгиля, как близкий родич, и, однако, всегда занимал второе после чужака место в сердцах людей и в уважении отца. В то время многие думали, что Торонгиль ушел, прежде чем его соперник стал его господином, хотя сам Торонгиль никогда не соперничал с Дэнэтором и не держал себя выше, чем просто слуга его отца. И лишь в одном разнились их советы Наместнику: Торонгиль часто предупреждал Эктелиона, что Саруману Белому из Исенгарда нельзя доверять, и что лучше привечать Гэндальфа Серого. Но между Дэнэтором и Гэндальфом была малая любовь, и после смерти Эктелиона Серебристого Странника не жаловали в Минас-Тирифе. А потому позже, когда все стало ясным, многие верили, что Дэнэтор, который был хитроумен и видел глубже и дальше других, узнал, кем был странник Торонгиль на самом деле и подозревал, что он и Мифрандир хотят свергнуть его.

Когда Дэнэтор стал Наместником (2984), он

показал себя властным правителем, держащим все нити правления в своих руках. Говори; он мало; выслушивал советы и делал по-своему. Он поздно женился (2976), взяв в жены Финдуилас из Дол-Амроса. Она была девой великой красоты и мягкого сердца, но не прошло и двенадцати лет, как она умерла. Дэнэтор любил ее, по-своему, конечно, сильнее, чем всех, кроме старшего из сыновей. Но людям казалось, что она увяла во всегда настороженном городе, как цветок приморских долин, пересаженный на голую скалу. Завеса Тьмы наполняла ее ужасом, и глаза ее всегда обращались на юг, к морю, которого она лишилась.

После ее смерти Дэнэтор стал еще более суров и молчалив, и часто сидел один в башне, глубоко уйдя в думы, провидя, что Мордор пойдет на штурм в его дни. Позже узналось, что он, нуждаясь в знаниях, но будучи горд и веря в свои силы и волю, дерзнул взглянуть в палантир Белой Крепости.

Никто из Наместников не решался на это, даже Короли Эарниль и Эарнур, после падения Минас-Ифилем, когда палантир Исильдура попал в руки Врага; ибо Камень Минас-Тирифа был палантиром Анариона, наиболее близким тому, которым

владел Саурон.

Таким образом Дэнэтор узнавал о том, что происходит в его владениях и далеко за их пределами, чему дивился народ; но он дорого платил за знания, состарившись до срока в борьбе с волей Саурона. Гордыня росла в Дэнэторе вместе с отчаяньем, покуда он не стал видеть во всех делах тех времен только поединок между Властелином Белой Крепости и Черным Властелином и не перестал доверять тем, кто противостоял Саурону, если только они не служили ему самому.

Время приближалось к Войне Кольца, и сыновья Дэнэтора мужали. Боромир, пятью годами старше, любимец отца, походил на него лицом и гордостью — но более ничем. Скорее он был человеком вроде Короля Эарнура, не взявшего жены и любившего лишь оружие; бесстрашный и сильный, он интересовался только сказаниями о битвах древности. Младший, Фарамир, походил на него во взглядах, но был иным по духу. Он читал в сердцах людей так же легко, как его отец, но то, что он читал, подвигало его к жалости, а не к презрению.

Он был мягок в обращении, любил книги и музыку, а потому мужество его большинство воинов тех времен считало меньшим, чем брата.

Однако это было не так: он просто не искал славы в бесцельном риске. Он привечал Гэндальфа всякий раз, когда тот приходил в Город, и почерпнул, что мог, из его мудрости; и этим, как и многим другим, вызывал недовольство отца.

Однако между братьями была большая любовь; так было с детства, когда Боромир был помощником и защитником Фарамира. Ни ревности, ни соперничества не было меж ними — ни за любовь отца, ни за сердца людей. Фарамиру казалось невозможным, чтобы кто-то в Гондоре сравнился с Боромиром, наследником Дэнэтора, Капитаном Белой Крепости; и так же считал Боромир. Однако на поверку оказалось не так. Но обо всем, что постигло этих троих в Войне Кольца больше сказано не здесь. А после Войне дни Наместников и Правителей кончились; ибо наследник Исильдура и Анариона вернулся, и стяг Белого Древа вновь всплыл над Башней Эктелиона».

Повесть об Арагорне и Арвен

Арадор был дедом Короля. Его сын Арафорн посватался к Гильраэн Прекрасной, дочери Дирхаэля, который был потомком Аранарха. Дирхаэль был против этой женитьбы, ибо Гильраэн

была молода и не достигла еще лет, когда дунаданские женщины выходили замуж.

— Кроме того, — сказал он, — Арафорн — муж суровый и зрелый, и он станет вождем быстрей, чем думают люди; однако сердце мое говорит, что срок его жизни короток.

Но Иворвейн, жена его, которая тоже бнла провидицей, отвечала:

— Тем больше нужда торопиться! Дни темнеют перед бурей, грядут великие события. Если эти двое женятся сейчас — для нашего народа родится надежда; но если они промедлят — этому не быть никогда.

Так случилось, что, когда Арафорн и Гильраэен были женаты лишь год, Арадор попал в плен к горным троллям и был убит; и Арафорн стал вождем дунаданов. На следующий год Гильраэен родила ему сына, нареченного Арагорном. Но Арагорну было всего два года, когда Арафорн пошел с сыновьями Эльронда против орков и был сражен орочьей стрелой, что пронзила его глаз; и срок его жизни оказался на самом деле короток для его народа: ему было лишь шестьдесят, когда он пал.

Тогда Арагорн, ставший теперь Наследником Исильдура, был взят вместе с матерью в дом

Эльронда; и Эльронд занял место его отца и любил его, как родного сына. Но звался он Эстель, что значит «надежда», а его истинное имя и происхождение хранились в тайне по велению Эльронда; ибо Мудрым было известно, что Враг стремится отыскать Наследника Исильдура, если он существует на свете.

Но когда Эстель был всего двадцати лет от роду, случилось, что он возвратился в Светлояр после славных дел в отряде сыновей Эльронда; и Эльронд взглянул на него — и возрадовался, ибо увидел, что он прекрасен и благороден, и рано достиг зрелости, хоть и станет со временем крепче духом и телом. А потому в этот день Эльронд назвал его настоящим именем и поведал, кто он и чей сын; и вручил ему реликвии его дома.

— Вот кольцо Барахира, — сказал он, — знак нашей королевской власти; а вот обломки Нарсиля. С ними ты сможешь свершить великие дела; ибо я провижу, что жизнь твоя будет длинней, чем отмерено Людям, если только Лихо не настигнет тебя, или ты не падешь в испытании. А испытание будет долгим и трудным. Скипетр Аннуминоса я оставляю здесь — его тебе предстоит заслужить. На другой день Арагорн в час заката бродил один по лесу и пел, ибо душу его

переполняла надежда, а мир был прекрасен.

И внезапно увидел деву, идущую по лужайке меж белых стволов берез; и он застыл, пораженный, подумав, что бредит — или что на него снизошел вдруг дар эльфийских певцов, которые заставляют то, о чем они поют, появляться перед глазами слушателей.

Потому что Арагорн пел о встрече Лутиэн и Берена в лесах Нелдорефа. И сама Лутиэн прошла мимо здесь, в Светлояре, одетая в серебристо — голубую мантию, прекрасная, как сумерки Благословенного Края; темные ее волосы струились по ветру, чело украшали алмазы, подобные звездам.

Мгновенье Арагорн глядел молча, но, боясь, что она уйдет и скроется навсегда, окликнул ее.

— Тинувиэль! — позвал он, как некогда Берен.

Дева обернулась к нему, улыбнулась и сказала:

— Кто ты? И почему назвал ты меня этим именем?

И он отвечал:

— Потому, что поверил, что ты и есть Лутиэн Тинувиэль, о которой я пел. Но если ты — не она, то она воплотилась в тебе.

— Так говорят многие, — серьезно проговорила она. — Но её имя — не мое. Хотя, быть может,

судьба моя будет подобна ее… Но кто ты?

— Меня звали Эстель, — сказал он. — Но я Арагорн, сын Арафорна, Наследник Исильдура, Вождь Дунаданов, — однако, говоря это, он чувствовал, что высокое происхождение, которому радовалось его сердце, потеряло теперь всю свою ценность и ничего не стоит в сравнении с ее достоинством и красотой.

А она весело рассмеялась:

— Тогда мы дальние родичи. Ибо я — Арвен, дочь Эльронда, прозванная Ундомиэль.

— Часто бывает, — сказал Арагорн, — что во дни опасности люди таят свое главнее сокровище. Но я дивлюсь на Эльронда и твоих братьев: я жил в этом доме с детства, и, однако, ни разу не слыхал о тебе. Как случилось, что мы не встретились раньше? Уж не держал ли тебя отец взаперти?

— Нет, — сказала она, и взглянула на Горы, что вздымались на востоке. — Я жила у родных матери, в далеком Лотлориэне — и вернулась совсем недавно навестить отца. Давным-давно не гуляла я по Имладрису.

Тогда Арагорн удивился, ибо она казалась не старше его — а он прожил в Средиземье не более двадцати лет. А Арвен заглянула ему в глаза и молвила:

— Не дивись! У детей Эльронда — жизни эльфов.

И Арагорн смутился, ибо увидел в ее гладах эльфийский свет и мудрость долгих дней; и, однако, с этого часа он полюбил Арвен Ундомиэль, дочь Эльронда.

В следующие дни Арагорн был молчалив, и его мать поняла, что с ним что-то случилось; и, в конце концов, он поддался на уговоры и поведал ей о встрече в сумраке леса.

— Сын мой, — сказала Гильраэн, — цель твоя высока даже для потомка многих королей. Ибо эта дева — благороднейшая и прекраснейшая на земле. И не дело смертным жениться на эльфах.

— Однако так бывало, — возразил Арагорн, — если повесть о моих праотцах правдива.

— Она правдива, — сказала Гильраэен. — Но это было давно, в другую Эпоху — род наш тогда еще не пришел в упадок. Поэтому мне страшно: без доброй воли Владыки Эльронда наследникам Исильдура скоро придет конец. А тебе вряд ли удастся заручиться доброй волей Эльронда в этой деле.

— Тогда дни мои будут горьки, и я один стану бродить в Глухоманье.

— Такою и будет твоя судьба, — сказала Гиль-

раэен; но, хотя она и была провидицей, она более ничего не открыла ему; и никогда не говорила никому о том, что он ей сказал.

Но Эльронд видел многое и читал во многих сердцах. А потому однажды, когда год был на исходе, он позвал Арагорна к себе и сказал:

— Арагорн, сын Арафорна, Вождь Дунаданов, внемли мне! Великая судьба ожидает тебя — возвысишься ли ты над всеми своими предками со дней Элендиля, или сгинешь во тьме с тем, что осталось от твоего народа. Долгие годы испытаний лежат перед тобой.

Ты не должен ни жениться, ни связывать себя клятвой ни с одной женщиной, пока не придет твой час и ты не станешь достойным этого.

Арагорн был взволнован.

— Неужели мать говорила об этом? — спросил он.

— Твои глаза выдали тебя, — ответил Эльронд. — Но я говорю не только о своей дочери. Ты не должен жениться также ни на одной из дочерей человеческих. Что же до Арвен Прекрасной, Девы Имладриса, Вечерней Звезды своего народа — она из рода более великого, чем твой, и прожила уже столько, что ты для неё — не более, чем юный побег рядом с многолетней березой.

Она много выше тебя. Полагаю, она думает так же. А если я не прав, и сердце ее обращено к тебе, — тем больше будет моя скорбь из-за рока, что лежит на нас.

— Что это за рок?

— До той поры, покуда я живу здесь, она будет жить в молодости Эльдамара-Заморского, — отвечал Эльронд. — А когда я уйду — уйдет со мной, если пожелает.

— Вижу я, — проговорил Арагорн, — что обратил свой взгляд на сокровище не меньшее, чем некогда Берен. Такова моя судьба. — Тут провидение его народа снизошло на него, и он молвил: — Но слушай! Владыка Светлояра, годы твоей жизни здесь недолги, и скоро твоим детям предстоит выбор — расстаться с тобой или со Средиземьем.

— Верно, — согласился Эльронд. — Скоро по нашему счету, но до того минет еще немало людских лет. Но перед Арвен, моей любимицей, не будет выбора — если только ты, Арагорн, сын Арафорна, не встанешь меж нами, чтобы увлечь кого-то из нас, себя или меня, к горькой разлуке. Ты не знаешь еще, чего хочешь от меня, — он вздохнул и, спустя немного, продолжал, грустно глядя на юношу: — Годы принесут, что должны

принести. Много их пройдет, прежде чем мы снова заговорим об этом. Дни затемняются, и великое лихо уже на пороге.

На другой день Арагорн с любовью простился с матерью, с Владыкою Эльрондом, с Арвен и со всем Светлояром и один ушел в Глухоманье. Почти тридцать лет провел он в трудах против Саурона; он сдружился с Гэндальфом Мудрым и перенял от него много мудрости. С ним не раз ходил он в опасные походы, но с годами все больше бродил один. Пути его были трудными и долгими, и вид его стал суров — если только он не улыбался; и, однако, людям он казался достойным славы, как король в ссылке — когда не скрывал он своего истинного облика. Ибо он появлялся во многих обличьях и заслужил славу под многими именами. Он скакал в коннице Роханда и бился за Наместника Гондора на море и на земле; а потом, в час победы, уходил от славы и шел один далеко на Восток, или глубоко на Юг, изучал людей — добрых и лиходеев, раскрывая замыслы и планы прислужников Саурона.

Так стал он самым стойким из Людей — искусным в науках и ремеслах более, чем они сами; он был мудр, как Эльф, и в глазах его мерцал свет — немногие могли вынести его взгляд, когда они

вспыхивали. Лицо его было печально и сурово, и однако в глубинах его души жила надежда, из которой по временам, подобно весне в пустыне, рождалось веселье.

Случилось, что когда Арагорну было сорок девять дет, он возвращался из опасного похода к темному порубежью Мордора, где снова жил Саурон — и снова варилось лихо. Он устал и хотел возвратиться в Светлояр и немного отдохнуть перед новым походом в дальние страны; по пути он подошел к границам Лориэна и был приглашен в Тайные Земли Владычицей Галадриэлью.

Он не знал этого — но Арвен Ундомиэль тоже была там, снова гостила у родни матери. Она мало изменилась, ибо годы смертных не касались ее; однако лицо ее стало печальней, а смех звучал реже. А Арагорн достиг полного расцвета душою и телом, и Галадриэль велела ему скинуть поношенную одежду и нарядила его в белое с серебром, надела ему на плечи эльфийский плащ, а на лоб — ясный алмаз. И он стал казаться не человеком, а Перворождённым Эльфом с островов Заокраинного Запада. Таким Арвен и увидела его в первый раз после долгой разлуки; и когда он приблизился к ней под усыпанными золотыми цветами деревьями Карас-Галадона — выбор ее

был сделан и судьба сбылась.

Потом они некоторое время бродили вдвоем в лугах Лориэна, пока ему не пришло время уходить. И вечером в Венец Лета Арагорн, сын Арафорна и Арвен, дочь Эльронда, пришли к Керин-Амросу, Кургану Амроса, стоящему в центре этих земель — шли босыми по неумирающей траве, и цветы эланора золотились вокруг их ног.

И там, на холме, они взглянули на Восток — во Тьму, и на Запад — в Междузорье, и поклялись друг другу, и были счастливы.

И Арвен сказала:

— Густа Завеса Тьмы, и однако сердце мое ликует: ибо ты, Эстель, будешь среди великих, что развеют ее.

Но Арагорн отвечал:

— Увы! Я не вижу этого, и как это случится — скрыто от меня. Однако если надеешься ты — стану надеяться и я. Я отвергаю Тьму. Но и Междузорье не для меня: ибо я смертен, и если ты будешь верна мне, Арвен, — тогда и ты должна отказаться от Междузорья.

Она стояла, как белое дерево, глядя на Запад, а потом сказала:

— Я буду верна тебе, Дунадан, и отвернусь от Междузорья. Однако там лежит земля моего на-

рода и вечный дом моих родных, — она очень любила своего отца.

Когда Эльронд узнал о выборе своей дочери, он промолчал, хоть сердце его скорбело, и груз рока не стал легче. Но когда Арагорн вновь возвратился в Светлояр, он позвал его к себе и сказал:

— Мой сын, пришли годы, когда надежда угаснет, и я почти ничего не вижу на ними. И теперь меж нами легла тень. Быть может, суждено, чтобы с моей дочерью царствование Людей возродилось. А потому, хоть я и люблю тебя, я скажу тебе: Арвен Ундомиэль не изменит своей жизни для малого. Она не станет невестой никого, кроме Короля Арнора и Гондора. Мне даже наша победа принесет тогда лишь скорбь и разлуку — тебе же она даст надежду и радость… на время. Ибо, мой сын, боюсь, в конце Бремя Смертных покажется Арвен тяжким.

И более Эльронд и Арагорн не говорили об этом; и Арагорн снова ушел к трудам и опасностям. И пока мир был темен, и страх окутывал Средиземье, и сила Саурона росла, а Барад-Дур становился все выше и крепче, Арвен оставалась в Светлояре и издалека следила за Арагорном; и она вышила для него стяг, который мог развернуть лишь тот, кто предъявил бы права на правление нуменор-

цами и наследие Элендиля.

Через несколько лет Гильраэен простилась с Эльрондом и вернулась к своему народу, и жила одна; она редко виделась с сыном, ибо долгие годы бродил он в чужих странах. Но когда Арагорн вернулся на север, он пришел к ней, и она сказала, прежде чем он ушел опять:

— Это наше последнее прощание, Эстель, мой сын. Я состарена заботой; и теперь, когда тьма собирается над Средиземьем, у меня нет сил противостоять ей. Я скоро покину мир.

Арагорн пытался успокоить ее, говоря:

— Однако за тьмой может быть свет; и если так — я хотел бы, чтобы ты увидела его и возрадовалась.

Но она ответила только:

— Онэни-Эстель Эдайн, у-хеб и нэстэль аним[15], - и Арагорн ушел с тяжелым сердцем. Гильраэен умерла до следующей весны.

Так годы подошли к Войне Кольца; о ней больше сказано не здесь: как нашлись непредвиденные средства, чтобы низвергнуть Саурона, и сбылись надежды превыше надежд. И случилось, что в час поражения Арагорн пришел с моря и

---

[15] Примечания: 15

Я отдала Надежду дунаданам, себе не оставила надежды.

развернул стяг Арвен в битве в полях Пеленнора; и в этот день его впервые приветствовали, как Короля. И наконец, когда все свершилось, он стал наследником отцов и получил корону Гондора и скипетр Арнора; и в Венец Лета в Год Падения Саурона он получил руку Арвен Ундомиэли, и они поженились в Городе Королей.

Так, в победе и надежде, окончилась Третья Эпоха; и самым печальным среди всех скорбей тех лет было расставание Эльронда с Арвен, ибо их разделили Море и Рок — и даже за гранью мира встреча не ждет их. Когда Кольцо Всевластья было уничтожено, а Три Кольца лишились силы, Эльронд почувствовал усталость и покинул Средиземье, чтобы никогда не возвращаться. А Арвен стала смертной, но ей не суждено было умереть, покуда не уйдет все, что она получила.

Королевой Людей и Эльфов прожила она с Арагорном в славе и блаженстве шесть раз по двадцать лет; однако наконец он почувствовал, что жизнь его движется к концу, хоть она и была очень длинной. Тогда Арагорн сказал Арвен:

— Арвен Ундомиэль, прекраснейшая в этом мире и самая любимая, свет мой тает. Мы собирались и веселились, и срок платежа близок.

Арвен знала, что он имеет в виду и давно про-

видела это; и все же печаль объяла ее.

— Значит, ты хочешь преждевременно покинуть свой народ, что живет по твоему слову? — спросила она.

— Не преждевременно, — отвечал он. — Ибо если сейчас я не уйду сам — необходимость заставит меня уйти — и скоро. И сын наш Эльдарион созрел уже, чтобы заступить на царство.

И, спустившись в Усыпальницу Королей на Безмолвной Улице, Арагорн возлег на долгое ложе, что было приготовлено для него. Там он простился с Эльдарионом и передал ему крылатую корону Гондора и скипетр Арнора; а потом его оставили все, кроме Арвен, и она одна стояла подле его ложа. И, несмотря на свою мудрость и сан, она не могла удержаться, и не молить его промедлить немного. Она не устала еще от жизни и испытывала горечь от бремени смертных, что взяла на себя.

— Арвен Ундомиэль, — сказал Арагорн, — час воистину суров, однако он пробил еще тогда, когда мы встретились под березами в парке Эльронда, где более не ходить никому. И на Кургане Амроса, когда мы вместе отреклись от Тьмы и Междузорья, мы провидели эту судьбу. Посоветуйся с собой, любимая, и спроси себя, дей-

ствительно ли хочешь ты, чтобы я ждал, покуда не упаду с престола в слабости и безумии. Нет, Арвен, я последний из нуменорцев и последний Король Древних Эпох; и мне была дарована не только жизнь трех поколений Людей, но также милость уйти по собственной воле и возвратить дар. Потому я усну сейчас.

— Я не утешаю тебя, ибо не может быть утешения для такой муки ни в одном из кругов мира. Перед тобою выбор: раскаяться, уйти в Серебристую Гавань и унести на Запад память о наших совместных днях, которая будет вечноживой — но лишь памятью; или принять Долю Людей.

— Нет, мой лорд, — возразила она, — выбор давно сделан. — Давно отплыл корабль, что увез бы меня туда, и я приму долю Людей, желаю я того или нет: потерю и безмолвие. Но говорю тебе, Король Нуменорцев: до сего дня не понимала я повести о твоем народе и его падении. Я презирала их — теперь мне их жаль.

Ибо если это действительно, как говорили в Эльдамаре, дар Единого Людям — горько принимать его.

— Так может показаться, — сказал он. — Но не дадим последнему испытанию одолеть нас — тех, кто издавна отверг Тьму и Кольцо. Нам уходить

в печали — но не в отчаянье. Слушай! Не навек привязаны мы к кругам мира, а за ними — больше, чем память. Прощай!

— Эстель, Эстель! — вскричала она; а он взял ее руку и поцеловал — и погрузился в сон. И тогда великая красота явилась в нем — и все, кто после видел его, дивились; ибо очарование юности, доблесть зрелости и мудрость и величие его лет сошлись вместе. И долго лежать ему там в незатухающей славе — великому и мудрому Королю Людей.

А Арвен вышла из Усыпальницы, и свет ее глаз потух, и людям показалось, что она стала серой и холодной, как зимние беззвездные сумерки. Потом она простилась с Эльдарионом и дочерьми и всеми, кого любила; и ушла из Минас-Тирифа, и пришла в Лориэн, и жила там одна среди увядших маллорнов, пока не пришла зима. Галадриэль уплыла, и Целеборн тоже, и земли молчали.

Там, когда с маллорнов облетела листва, а весна еще не пришла, она легла на отдых на Кургане Горестной Скорби; и там покоится она в зеленой могиле — мир меняется, и дни ее жизни забыты новыми людьми, и цветок эланор не цветет более к востоку от Моря.

Смертью Арвен заканчивается последнее из

преданий древности, собранных в этой книге.

II
Дом Эорла

«Эорл Юный был князем народа Эотеода. Край этот лежал у истоков Андуина, меж дальними хребтами Мглистых Гор и северными опушками Лихолесья. Народ эотеода пришел туда во дни короля Эарниля II из долин Андуина между Карроком и Кувшинницей, и был родственен Беорнингам и людям с западных окраин леса. Предки Эорла выводили свой род от Герцогов Рованиона, чьи владения до вторжения Кочевников лежали за Лихолесьем, и считали себя родичами королей Гондора, наследников Эльдакара. Более всего они любили коней и степные просторы и были искусны в седле; но срединные долины Андуина были в те дни густо населены, а тень Дол-Гулдура все росла. А посему, прослышав об изгнании Короля-Чародея, они двинулись на Север и вытеснили с восточной стороны Гор остатки народа Ангмара. Но во дни Леода, отца Эорла, народ их значительно возрос, и им вновь стало тесно в землях отцов.

В две тысячи пятьсот десятом году Третьей Эпо-

хи новая опасность угрожала Гондору. Огромное воинство северных дикарей вышло из Рованиона и, зайдя с Бурых Равнин, на плотах пересекло Андуин. В то же время, по случаю или умыслу, орки (которые тогда, перед войной с гномами, были в великой силе) спустились с Гор. Захватчики пересекли Каленардон, и Кирион, Наместник Гондора, послал на Север за помощью, ибо долгая дружба связывала Долины Андуина с Гондором. Но в долинах реки людей было мало, и они не торопились слать помощь. Наконец весть о нужде Гондора дошла до Эорла и, хотя казалось, что уже поздно, он тотчас выступил с большим войском всадников.

Так пришел он в битву на Полях Келебранта, ибо так звалась зеленая равнина между Серебрянкой и Светлимкой. Там безнадежно сражалась северная армия Гондора. Разбитая в Пустыни, отрезанная от юга, она перешла Светлимку — и здесь на нее внезапно обрушилась орда орков и прижала ее к Андуину. Все надежды были уже потеряны, когда, нежданные, с севера примчались Всадники и ударили в тыл врагу. Судьба битвы переменилась, врага оттеснили за Светлимку и обратили в бегство. Эорл повел воинов в погоню, и так велик был страх перед всадниками

Севера, что захватчиков Пустыни тоже охватила паника, и Всадники рассеяли их по степям Каленардона.»

В тех краях со времен Недуга жило мало людей, и большинство тех, кто остался, было уничтожено безжалостными вастаками. Поэтому Кирион, в награду за помощь, отдал Каленардон между Андуином и Исен Эорлу и его народу; и они послали за женами, детьми и добром и осели в этой земле. Они звали ее Маркой Всадников, а себя — Эорлингами; а в Гондоре эти земли стали зваться Рохандом. Так Эорл сделался первым Сеньором Марки и избрал для своего жилища зеленый холм у подножия Белых Гор, что были южной границей его владений. Там и жил с тех пор вольный народ роандийцев — под властью своих князей и по своим законам, но в вечном союзе с Гондором.

«Много владык и витязей, много прекрасных и доблестных жен воспето в песнях Роханда. Говорят, вождя, что привел народ в Эотеод, звали Фрагмар. О его сыне, Фраме, рассказывают, что он сразил Скатту, великого дракона Эред-Мифрина, и после земли долго отдыхали от огнедышащих червей. А Фрам получил огромный клад, но враждовал с гномами, которые предъявили права на

богатства Скатты. Фрам не дал им ни монетки, а вместо этого послал ожерелье из зубов Скатты, сказав: «Алмазов, дороже этих, вы не сыщете в своих сокровищницах, ибо сыскать их трудно». Кое — кто говорит, что за это оскорбление гномы убили Фрама. Между народом Эотеода и гномами, и правда, никогда не было любви.

Отца Эорла звали Леод. Он был укротителем диких коней; ибо их много было в тех краях. Он поймал белого жеребенка, и тот быстро вырос в коня — сильного, прекрасного и гордого. Никто не мог покорить его. Когда Леод решился сесть на него, скакун унес его прочь, и в конце концов сбросил — Леод ударился головой о камень и умер. Ему было тогда только сорок два года, а его сыну — шестнадцать.

Эорл поклялся, что отомстит за отца. Он долго охотился за конем и, наконец, выследил; и товарищи его думали, что он подберется к коню на полет стрелы и убьет. Но когда они приблизились, Эорл поднялся и громко позвал: «Иди сюда, Проклятие Всадников, иди и прими новое имя!» К их удивлению, конь, взглянув на Эорла, подошел и встал перед ним, и Эорл сказал: «Феларофф назову я тебя. Ты любишь свободу, и я не упрекну тебя за это. Но ныне ты должен мне великую виру, и

ты отдашь мне свою свободу — навек».

Потом Эорл вскочил на него, и Феларoф покорился; и Эорл скакал на нем до самого дома без узды и стремян; и впоследствии он всегда ездил на нем так. Конь понимал все, что говорят люди, хотя не дозволял никому, кроме Эорла, садиться на себя. На Феларофе прискакал Эорл в битву на Полях Келебранта, ибо конь этот прожил жизнь человека, и это передалось его потомству. То были меарас, которые до времен Ночиветра не носили никого, кроме Сеньоров Марки и их сыновей. Люди говорили, что Бема (которого народ Эльдара звал Оромэ) привез, должно быть, первого из них с Заокраинного Запада.

Из князей Роханда между Эорлом и Теодэном более всего сказано о Хельме Твердой Руке. Он был суровым мужем огромной силы. В то время жил человек по имени Фрека, считавший себя потомком князя Фреавайна, хотя, как говорили, в жилах его текло немало крови дикарей Поравнинья, и он был темноволос. Он был богат и могуществен, владея землями по обе стороны Адорна[16].

У истоков его он возвел крепость и не обращал

---

[16] Примечания: 16
Он впадает в Исен с запада от Эред-Нимраса.

внимания на князя. Хельм не доверял ему, но призывал на советы; и он приходил — когда ему хотелось.

На один из советов Фрека приехал с большой свитой и просил руки дочери Хельма для своего сына Вулфа. Но Хельм сказал: «Ты стал поистине велик с тех пор, как был здесь, но, кажется мне, ты просто растолстел», — и люди засмеялись, ибо Фрека был очень широк в поясе.

Тут Фрека впал в ярость и принялся поносить князя и, наконец, сказал: «Старый князь, отвергший предложенный посох, может упасть на колени». Хельм отвечал: «Уймись! Женитьба твоего сына — пустяк. Хельм и Фрека разберутся с этим попозже. А сейчас у князя, и его совета есть более важные дела».

Когда Совет кончился, Хельм поднялся и, положив огромную руку на плечо Фреки, сказал: «Князь не дозволяет ссор в его доме; но вне стен люди свободнее, — и он принудил Фреку выйти из Эдораса в поле. Воинам Фреки, что следовали за ними, он сказал: «Убирайтесь! Нам не нужны слушатели. Мы собираемся говорить о личных делах. Идите побеседуйте с моими людьми!» Те оглянулись и, увидев, что воины и друзья князя числом превосходят их, отошли.

«Теперь, Равнинник, — сказал князь, — перед тобой стоит Хельм — один и безоружный. Но ты сказал уже довольно; теперь моя очередь говорить. Фрека, глупость твоя выросла с твоим брюхом. Ты помянул посох. Если кривой посох, которым тычут его, не по нраву Хельму, он ломает его. Так!» — и он кулаком нанес такой удар Фреке, что тот свалился без памяти и вскоре умер.

Хельм объявил сына Фреки и всю его родню врагами князя; и они бежали, ибо Хельм немедля послал воинов к западным границам.

Четырьмя годами позже (2758 г.) великие беды пришли в Роханд и Гондор не смог прислать помощь, ибо три флота Корсаров атаковали его, и все Прибрежье охватила война. В то же время в Роханд вновь вторглись с запада, и Равнинники, унидев удобный случай, перешли Исен. Вскоре узналось, что ведет их Вулф.

Силы их были огромны, потому что к ним присоединились враги Гондора, что жили в дельтах Лефнуи и Исен.

Роандийцы были разбиты, а земли их — захвачены; и те, кто не погиб и не попал в рабство, бежали в долины гор. Хельм с большими потерями был оттеснен от Исенских Бродов и держал оборону в Хорнбурге и ущелье позади (которое

позже назвали Хельмовой Бездной). Там он был осажден. Вулф взял Эдорас, сидел в Медузелде и величал себя князем. Там, последним из всех, пал, защищая двери, сын Хельма Алеф.

Вскоре пришла Долгая Зима, и Роханд лежал под снегом почти пять месяцев (с ноября по март 2758-59 г.). И роандийцы, и их враги одинаково страдали от холода и голода, который длился еще дольше. В конце января в Хельмовой Бездне начался великий голод; и в отчаяньи ослушавшись совета князя, его младший сын Хама увлек воинов на вылазку за добычей, но они затерялись в снегах. Хельм стал зол и мрачен от скорби и голода; и страх перед ним стоил множества воинов в защите Скалы. Он выходил один, одетый в белое, и спускался, как снежный тролль, в лагеря врагов, и голыми руками убивал их. Было поверье, что если он будет безоружным, никакое оружие не тронет его. Равнинники говорили, что если он не находит еды, то ест людей. Сказка эта долго жила в Поравнинье. У Хельма был большой рог, и вскоре заметили, что перед выходом он трубит в него, и эхо отдается в Бездне и такой страх нападает тогда на врагов, что, вместо того, чтобы собраться всем вместе и захватить или убить его, они убегают вниз по Оврагу.

Однажды ночью люди услышали голос рога, но Хельм не вернулся. А утром, впервые за много дней, взошло солнце, и все увидели белую фигуру, стоящую на Заслоне — одинокую, ибо никто из Равнинников не осмелился приблизиться к ней. То был Хельм, застывший, как камень — но колени его не согнулись. Однако народ говорит, что рог все еще звучит порой в Бездне, и гнев Хельма бродит среди врагов Роханда — и они умирают от страха.

Вскоре после этого зима кончилась. Тогда из Урочища Духов, куда бежали многие, спустился Фреалаф, сын Йильд, сестры Хельма; с маленьким отрядом отчаянных воинов он захватил Вулфа в Медузелде, убил его и вернул Эдорас. Снега сходили великим разливом, и долина Энтицы стала огромным болотом. Восточные захватчики погибли или отступили; а из Гондора по западным и восточным дорогам пришла помощь. Прежде чем год (2759) кончился, Равнинники были изгнаны отовсюду, даже из Исенгарда, и Фреалаф стал князем.

Хельм был принесен из Хорнбурга и положен в девятый курган. И всегда потом белые симбэлминэ росли там особенно густо, так что курган казался покрытым снегом. Новый ряд курганов

начался, когда умер Фреалаф.»

Роандийцы были сильно ослаблены войной и голодом, и потерей скота и коней; и очень хорошо, что долгие годы беды не угрожали Роханду, ибо он набрал прежнюю силу лишь ко временам князя Фолквайна.

Саруман впервые появился на коронации Фреалафа, принеся дары и воздав великую славу доблести роандийцев. Его приняли, как желанного гостя. Вскоре после этого он поселился в Исенгарде. На это Берен, Наместник Гондора, дал ему дозволение, ибо Гондор по-прежнему считал Исенгард своей крепостью, а не частью Роханда. Берен также отдал Саруману ключи Ортханка. Эту башню не мог разрушить ни один враг.

Так Саруман стал повелителем Людей, ибо сперва он держал Исенгард от имени Наместника и как страж башни. Но Фреалаф, как и Верен, был рад знать, что Исенгард в руках сильного друга. Он долго казался другом и, быть может, вначале был им. Хотя после народ не сомневался, что Саруман пришел в Исенгард в надежде найти там Камень и с целью укрепить свою мощь. Несомненно, после последнего Совета Светлых Сил (2953) его замыслы, хоть он и таил их, были злыми для Роханда. Тогда он забрал Исенгард

себе и начал превращать его в место силы и страха, будто бы затем, чтобы соперничать с Барад-Дуром. Друзей и слуг он выбирал из тех, кто ненавидел Гондор и Роханд — будь то люди или лиходейские твари.

Князья Марки
Первая ветвь

Годы[17]

2485–2545 I. Эорл Юный. Он был назван так, потому что наследовал отцу в ранней юности и оставался золотоволосым и румяным до конца жизни. Ее укоротило вторжение вастаков. Эорл пал в битве в Пустыни поднялся первый курган. Феларофф также лежит в нем.

2512–2570 2 Брег. Он изгнал врага из пустоши, и Роханд не подвергался нападению долгие годы. В 2569 г. он завершил строительство Медузелда. На пиру его сын Балдор поклялся, что пройдет Тропой Мертвецов — и не вернулся. Спустя год скорбь свела Брего в могилу.

2544–2645 3. Аль дор Старый. Он был вторым

[17] Примечания: 17

Даты даны в соответствии с летоисчислением Гондора (Третья Эпоха). Те, что сбоку — годы рождения и смерти.

сыном Брего. Он стал известен как Старый, ибо прожил огромную жизнь и правил 75 лет. В его время роандийцы воспрянули и изгнали или покорили оставшихся на востоке от Исен Равнинников. Лощина и другие горные долины были заселены.

О следующих трех князьях почти нечего сказать, ибо в их время Роханд; жил в мире и процветал.

2570–2569 4.Фреа. Старший сын, но четвертый ребенок Альдора; он был уже стар, когда стал князем.

2594–2569 5.Фреавайн.

2619–2699 6. Голдвайн.

2644–2718 7. Деор. В его время Равнинники часто переходили Исен. В 2710 г. они заняли пустое кольцо Исенгарда — и выбить их не смогли.

2668–2714 8. Грэм.

2691–2759 9. Хельм Твердая Рука. В конце его правления Роханд понес большие потери от вторжения и Долгой Зимы. Хельм и его сыновья Алеф и Хама погибли. Князем стал Фреалаф, сын сестры Хельма.

Вторая ветвь

2726–2798 10. Фреалаф Йильдестон. В его дни Саруман пришел в — Исенгард, из которого были изгнаны Равнинники. Сначала, во дни голода и слабости, роандийцы извлекали пользу из дружбы с ним.

2752–2842 11. Бритта. Народ звал его Леофа, ибо все любили его; он был щедр и помогал всем нуждавшимся. В его дни была война с орками, которые, будучи изгнаны с севера, искали убежища в Белых Горах. Когда он умер, думали, что они все уничтожены; но это было не так.

2780–2851 12. Валда. Он был князем всего девять лет. Он и все его товарищи погибли в стычке с орками, которые подстерегли их в горах на пути из Урочища Духов.

2804–2864 13. Фолка. Он был великий охотник, но поклялся, что не убьет ни одного зверя, пока в Роханде остался хоть один орк. Когда последнее орочье гнездо было найдено и уничтожено, он отправился в Огневой Лес на охоту за гигантским вепрем с холма Эверхольт. Он сразил вепря, но умер от ран, нанесенных его клыками.

2830–2903 14. Фалквайн. Когда он стал князем,

роандийцы восстановили силы. Он снова завоевал земли вдоль западных границ меж Адорном и Исен, занятые Равнинниками. В лихие дни Роханд получил огромную помощь от Гондора. Поэтому, когда он услышал, что харадримцы большими силами напали на Гондор, он послал много воинов на помощь Наместнику. Он желал вести их сам, но его отговорили, и вместо него с войском отправились его сыновья — Фолкред и Фастред (р. в 2858). Они пали бок-о-бок в битве в Ифилиэне (2885). Турин II Гондорский послал Фолквайну богатую виру.

2870–2953 15. Фэнгел. Он был третьим сыном и четвертым ребенком Фолквайна. Он не оставил по себе славной памяти. Он любил еду и золото и враждовал со своими маршалами и детьми. Тэнгел, его третий ребенок и единственный сын, покинул Роханд сразу после совершеннолетия и долго жил в Гондоре, и заслужил славу, служа Тургону.

2905–2980 16. Тэнгел. Он долго не брал жены, но в 2943 г. женился на Морвен из Лоссарнаха, хотя она была семнадцатью годами моложе. Она родила ему в Гондоре троих детей, из которых Теодэн, второй, был единственным сыном. Когда Фэнгел умер, роандийцы призвали Тэнгела, и он

вернулся — без охоты. Но он оказался добрым и мудрым князем; хотя в доме его говорили на языке Гондора, и не всем это было по нраву. В Роханде Морвен родила ему еще двух дочерей; последняя, Теодвин была прекраснейшей, хоть и родилась поздно (о. 2963). Брат очень любил ее. Вскоре после возвращения Тэнгела Саруман объявил себя Владетелем Исенгарда и начал тревожить Роханд, вторгаясь в его пределы и поддерживая его врагов.

2948–3019 17. Теодэн. В песнях Роханда он зовется Теодэн Дважды Рожденный, ибо впал в старческое безумие под чарами Сарумана, но был исцелен Гэндальфом — и в последний год жизни воспрянул и привел своих воинов к победе в Хорнбурге, а вскоре после того — на Полях Пеленнора, в величайшей из битв Эпохи. Он пал у ворот Мундбурга. Некоторое время он спал в земле, где родился, среди Королей Гондора, но был увезен и положен в восьмой курган своей ветви близ Эдораса. Затем началась новая ветвь.

Третья ветвь

В 2989 г. Теодвин вышла за Йомунда Роннарского, главного маршала Марки. Ее сын Йомер

родился в 2991 г., а дочь Йовин — в 2995. К этому времени Саурон воспрянул, и тень Мордора достигла Роханда. Орки стали совершать набеги на восточные районы и убивали или угоняли коней. Другие спускались с Мглистого Хребта, многие из них служили Саруману, хотя прошло немало времени, прежде чем это узналось. Главные заботы Йомунда лежали у восточных границ; он был большим любителем коней и ненавидел орков. Если приходила весть об орде — он часто скакал вдогон с малыми силами, в горячке гнева забывая об осторожности. Так и вышло, что он погиб в 3002 г., когда преследовал небольшую банду до края Эмин-Муиля, и был там захвачен врасплох сильной ордой, что поджидала его в скалах.

Вскоре после этого Теодвин заболела и умерла к великой печали князя. Ее детей он взял в свой дом и звал сыном и дочерью. У него самого был только один ребенок, сын Теодред, тогда двадцати четырех лет от роду; ибо княгиня Эльфхильда умерла при рождении сына, и Теодэн не женился вторично, Йомер и Йовин росли в Эдорасе и видели, как тьма заволакивает дворец Теодэна. Йомер был подобен своим пращурам; Йовин — высока и гибка, с изяществом и гордостью, пришедшими к ней с юга, от Морвен Лоссарнахской, которую

роандийцы звали Блеском Стали.

2991-4.Э.63 (3084) Йомер Эодиг. Когда, совсем еще молодым, он сделался маршалом Марки (3017), то получил, подобно отцу, в защиту восточные границы. В Войне Кольца Теодред пал в битве с Саруманом у Исенских Бродов. Поэтому, умирая в Полях Пеленнора, Теодэн назвал Йомера своим наследником и князем. В те дни Йовин также заслужила славу: она была в сече, прискакав в бой переодетой; и после стала известна в Марке, как Дева Щитоносной Руки.[18]

Йомер стал великим князем и, наследовав Теодэну в юности, правил шестьдесят пять лет — дольше всех Сеньоров Роханда, кроме Альдора Старого. В Войне Кольца он сдружился е Королем Элессаром и Имрахилем из Дол-Амроса и часто наезжал в Гондор. В последнем году Третьей Эпохи он взял в жены Лотириэль, дочь Имрахиля. Их сын Эльфвайн Прекрасный правил после него.

Во дни Йомера народ Марки жил в мире (кто

---

[18] Примечания: 18

«Ибо ее щитоносная рука была сломана булавой Короля — Чародея; но он обратился в ничто, и так сбылись слова Глорфиндэля, сказанные давным — давно Королю Эарнуру: что Король-Чародей падёт не от руки мужа. Ибо в песнях Марки поется, что свершить этот подвиг Йовин помог оруженосец Теодэна, и что он также был не Человек, а полуросли к из дальней страны, хотя Йомер воздавал ему почет в Марке и нарек Голдвайном. Этот Голдвайн был никто иной, как Мерриадок Великолепный, Господарь Забрендии.

хотел этого) и воспрянул, и табуны их на диво умножились. В Гондоре и Арноре правил теперь Король Элессар. Он был Королем всех земель этих древних владений — кроме Роханда, ибо он возобновил для Йомера дар Кириона, а Йомер вновь дал Клятву Эорла — и часто выполнял ее. Потому что, хотя Саурон и сгинул, ненависть и лиха, порожденные им, не умерли, и Королю Запада пришлось одолеть немало врагов, прежде чем Белое Древо смогло расти в мире. И куда бы ни пошел войной Король Элессар — князь Йомер шел с ним; и гром кавалерии Марки слышался за Восточным Морем и в дальних степях Юга; и Белый Конь в Зеленом Поле реял на многих ветрах, прежде чем Йомер состарился.

III
Народ Дарина

О том, откуда пошли гномы, как эльфы, так и сами гномы рассказывают много странного; но поскольку свершилось все это задолго до наших дней, здесь об этом сказано мало. Дарином гномы зовут старейшего из Семи Праотцов их народа, пращура всех царей рода Долгобородов. Он спад один, пока в глубинах времен не проснулся его

народ — тогда он пришел в Азанулбизар и поселился в пещерах за Келед-Зарамом с восточной стороны Мглистых Гор, где впоследствии были прославленные в песнях Морийские Копи.

Там он жил так долго, что стал повсюду известен как Дарин Бессмертный. Однако все же он умер в конце Предначальной Эпохи и был похоронен в Казад-Думе; но род его не угасал никогда, и в нем пять раз рождались наследники столь похожие на Праотца, что получали имя Дарин. Гномы на самом деле считали его Бессмертным, который возвращается; у них много странных преданий о самих себе и их судьбе в мире.

Когда закончилась Первая Эпоха, мощь и богатства Казад-Дума во много раз возросли, ибо их сильно умножил искусный и мудрый народ древних городов Ногрода и Белегоста в Синих Горах, что были разорены при низвержении Тангородрима. Мощь Мории не иссякла и в Черные Годы владычества Саурона, ибо, хотя Эрегион был опустошен, а ворота Мории — закрыты, палаты Казад-Дума были слишком глубоки и крепки, а народ его — слишком многочислен и доблестен, чтобы Саурон решился воевать их. Таким образом, богатства Подгорного Царства долго оставались нетронутыми, хотя народ и

начал убывать.

Случилось так, что в середине Третьей Эпохи царем снова стал Дарин — Шестой этого имени. В мире вновь росла сила Саурона, прислужника Моргота, хотя Завеса Тьмы, клубящаяся в Лесу, глядящем на Морию, еще не была распознана. Все лихо зашевелилось.

В это время гномы глубоко зарылись под Баразинбар в поисках мифриля — чудо-металла, отыскивать который было с каждым годом все трудней. Так они и разбудили[19] Ужас, что, улетев из Тангородрима, скрывался у корней земли со дня прихода Воинства Запада — Балрога, слугу Моргота. Он убил Дарина, а годом позже — его сына, Наина I. И тогда слава Мории минула, а народ ее погиб или бежал в дальние края.

Большинство тех, кто спасся, отправились на север, и Траин I, сын Наина, пришел к Эребору, Одинокой Горе у восточных окраин Лихолесья, и начал трудиться там, и стал Царем-Под-Горой. В Эреборе он нашел огромный алмаз, Аркенстон, Сердце Горы. Но его сын Торин I ушел на Дальний Север, в Серебристые Горы, где собралась теперь большая часть Народа Дарина, ибо горы эти бы-

[19] Примечания: 19

Или освободили: вполне может быть, что он был уже пробужден лиходейскими чарами Саурона.

ли богаты и не разработаны. Но в пустошах за ними водились драконы; спустя многие годы они набрались сил и умножились — и объявили гномам войну, и похищали сделанное ими. В конце концов Даин I и вместе с ним его второй сын Трор погибли у дверей их дворца, убитые огромным стылым червем.

Вскоре после этого большинство даринского Народа оставило Серебристые Горы. Грор, третий сын Даина, со многими последователями ушел в Железистый Кряж; но Трор, наследник Даина, с братом отца Борином и остатками народа вернулся в Эребор. Трор возвратил Аркенстон в Подгорный Дворец Траина, и народ его процветал и богател, и сдружился с живущими поблизости Людьми. Ибо гномы Эребора делали не только дивно прекрасные украшения, но и бесценное оружие и доспехи. И много руды доставлялось туда из Железных Гор. Так северяне, жившие между реками Кельдуин и Карнен стали сильны и вытеснили с востока всех своих врагов; и гномы жили в достатке, и в Чертогах Эребора шли пиры и звучали песни.

Широко разнесся слух о богатствах Эребора и достиг ушей драконов; и наконец Смауг-Златолюб, величайший из драконов того времени,

поднялся в воздух и без предупреждения налетел на Царя Трора — и Гора запылала. А вскоре весь тот край пришел в запустение, и город Дол, что лежал поблизости, разрушился и обезлюдел; а Смауг проник в Главный Чертог и лежал там на ложе из золота.

Многие подданные Трора спаслись от пожара и разорения, и последним из дворца через потайную дверь выбрались сам Трор и его сын Траин II. Они вместе с семьей[20] двинулись на юг — в долгие и бездомные скитания. С ними шли также немногие родичи и верные спутники.

Многие годы спустя Трор — старый, бедный и отчаявшийся — отдал своему сыну Траину единственное сокровище, которым ныне владел: последнее из Семи Колец, а потом ушел со стариком по имени Нар. О Кольце он на прощание сказал Траину:

«Оно может стать для вас (началом) иной судьбы, хоть это и кажется невозможным. Но ему нужно золото, чтобы порождать золото».

" Ты в самом деле не думаешь возвращаться в

---

[20] Примечания: 20

Среди которой были дети Траина II: Торин (Дубощит), Фрерим и Лис. Торин был тогда юношей (по понятиям гномов). Позже стадо известно, что из Народа Горы уцелело больше, чем можно было надеяться; но почти все они ушли в железистый Кряж.

Эребор?» — спросил Траин.

" Не в мои годы, — отвечал Трор. — Месть Смаугу я завещаю тебе и твоим сыновьям. Но я устал от бедности и презрения людей. Я ухожу взглянуть, что я смогу найти». Он не сказал — куда. Возможно, он слегка свихнулся от старости, неудач и долгой тоски по славе и роскоши Мории во дни его отцов; или Кольцо — теперь, когда Властелин его воспрянул — обратилось ко злу и толкало его к глупости. С Поравнинья, где они жили тогда, он с Наром отправился на север, прошли через Багровые Ворота и спустились в Азанулбизар.

Когда Трор пришел к Мории, ворота ее были открыты. Нар умолял его быть осторожным, но он не обратил на это внимания и вошел гордой поступью, как наследник, который вернулся. Назад он не вышел. Нар провел в укрытии неподалеку много дней. Однажды он услыхал громкий шум и звук рога, и по ступеням скатилось тело. Страшась, что это Трор, Нар начал тихонько подкрадываться, но тут из тени ворот донесся голос:

«Иди сюда, Бородач! Мы видим тебя. Но сегодня можешь не бояться. Ты нужен нам как посол».

Тогда Нар вошел и обнаружил, что это и в самом деле тело Трора, но голова была отрублена и лежала лицом вниз. Когда он опустился на

колени, то услышал орочий смех, и голос сказал:

«Если нищие не желают ждать у дверей, а вползают внутрь, чтобы красть — вот что мы делаем с ними. Если кто-нибудь из твоего народа еще когда-нибудь сунет сюда свою мерзкую бороду — получит то же самое! Оправляйся и передай им это! А если его семья захочет знать, кто теперь правит здесь — имя написано у него на лице. Я написал это! Я убил его! Я — царь!»

Тогда Нар повернул голову и увидел выжженное на лбу клеймо; руны были гномьими, так что он смог прочитать имя — Азог. Имя это осталось выжженным в его сердце и в сердцах всех гномов. Нар наклонился поднять голову, но голос Азога[21] велел: «Брось ее! Убирайся! Вот твое подаяние, нищий!» — маленький мешок ударился в гнома. В нем лежало несколько мелких монет.

Нар с плачем пошел вниз по Серебрянке; но один раз он оглянулся и увидел, что орки, выйдя из ворот, разрубили тело и бросают куски воронам.

Такую повесть поведал Нар Траину; а тот рыдал и рвал свою бороду — и молчал. Потом он встал и сказал:

---

[21] Примечания: 21
Азог был отцом Болга (см. «Хоббит»).

«Этого снести нельзя!» Это было началом войны гномов и орков — войны смертельной и долгой, что шла большей частью в глубинах земли.

Траин сразу же разослал вестников на север, восток и запад; но прошло три года, прежде чем гномы собрали достаточно сил. Даринский Народ собрал все свои армии, и к ним присоединилось огромное войско, посланное от Домов других Праотцов; ибо бесчестье, нанесенное наследнику Старейшего Пращура, наполнило их гневом. Когда все было готово, они осадили и разорили все крепости орков, какие сумели найти от Гандабада до Кувшинницы. Обе стороны были безжалостны, и немало жестокостей свершилось во тьме и на свету.

В конце концов, все орки, бежавшие от гномов, собрались в Мории; и гномье воинство в погоне за ними пришло в Азанулбизар.

То была обширная долина, лежащая меж двух горных отрогов вокруг озера Келед-Зарам и входившая некогда в Подгорное Царство. Когда гномы увидели ворота их древней твердыни, крик их громом сотряс долину. Но огромное вражье воинство собралось на склонах над ними, а из ворот изливалась орда орков, которую Азог приберег для крайней нужды.

Но гномы побеждали: они были сильнее, имели лучшее оружие, и их вело пламя гнева, когда в поисках Азога они обшаривали каждую подгорную яму.

Сначала удача была против гномов; ибо то был мрачный бессолнечный день, и орки не колебались; к тому же они превосходили врагов числом и стояли выше их. Так началась Битва в Азанулбизаре (или Нанду-Хирионе на языке эльфов), при воспоминаниях о которой орки по сей день содрогаются, а гномы плачут. Первая атака авангарда, ведомого Траином, была отражена с потерями, и Траин был оттеснен в лес, что рос тогда недалеко от Келед-Зарама. Там пали его сын Фрерин и родич Фундин, а Траин и Торин были ранены[22].

Всюду битва колебалась то туда, то сюда, и была большая резня, пока народ Железистого Кряжа не изменил хода боя. Явившись в долину позже всех, закованные в броню воины Наина, сына Трора, прошли сквозь орков к самому порогу Мории; они кричали: «Азог! Азог!» — и рубили секирами всех, кто вставал на их пути.

---

[22] Примечания: 22

«Говорят, что щит Торина был разрублен и он отбросил его, срубил топором ветку дуба и, взяв ее в левую руку, отражал удары врагов иди пользовался ею, как палицей. Так он и получил свое прозвище.

Наин встал в Воротах и громко воззвал:

«Азог! Если ты там — выходи! Или игра в долине не по нраву тебе?»

Тогда Азог вышел: огромный орк с большой, одетой железом головой, однако быстрый и сильный. С ним вышло много похожих на него орков — бойцы охраны; увидев Наина, он повернулся к нему и сказал:

«Как? Еще один нищий у моих дверей? Хочешь, чтобы я и тебя заклеймил»?

Он бросился на Наина, и они стали биться. Но Наин был ослеплен гневом и утомлен битвой, а Азог — свеж, жесток и коварен. Вскоре Наин собрал остаток сил и нанес сильный удар, но Азог прыгнул в сторону и ударил Наина по ноге — секира ударила в камень, где он стоял, а Наин качнулся вперед. Тогда Азог быстро рубанул его по шее. Воротник гномьего доспеха выдержал, но так силен был удар, что шея Наина сломалась, и он пал.

Тогда Азог засмеялся и поднял голову, чтобы испустить победный вопль; но крик замер у него в горле. Ибо он увидел, что все его воинство в долине разбито, а гномы рубят направо и налево, и те, кто спасся от них, бегут на юг и воют на бегу. И — хуже всего — охрана его лежит мертвой. Он

повернулся и помчался к Воротам.

Следом за ним по ступеням взбежал гном с алым топором. То был Даин Железностоп, сын Наина. Он перехватил Азога у самых дверей, сразил его и отрубил ему голову. Это был великий подвиг, ибо Даин по счету гномов был тогда подростком. Долгая жизнь и множество битв ожидало его, пока, старый, но не склонившийся, он пал в Войне Кольца. Однако хоть и был он тверд и полон гнева, говорят, что когда он спустился от Ворот, лицо его было серо, как у испытавшего великий страх.

Когда, наконец, битва была выиграна, оставшиеся в живых гномы собрались в Азанулбизаре. Они взяли голову Азога, засунули ей в рот кошель с мелкими монетами и насадили на кол. Но ни пира, ни песен не было в ту ночь; ибо мертвые их были бессчетны. Едва ли половина их, говорят, могла стоять на ногах или надеяться на исцеление.

Тем не менее, утром Траин встал перед ними. Он ослеп на один глаз и хромал из-за раны в ногу, но он сказал: «Славно! Мы победили. Казад — Дум наш!»

Но гномы отвечали: «Ты можешь быть Наследником Дарина, но даже одним глазом ты мог бы

видеть лучше. Мы бились здесь, чтобы отомстить — и мы отомстили. Но месть не сладка. Если это победа — руки наши малы для нее».

А те, кто был не из рода Дарина, добавили еще:

«Казад-Дум не был домом наших отцов. Что он нам, кроме надежды на сокровища? Но теперь, если мы должны уйти без вир и наград — чем быстрей мы вернемся в свои земли — тем лучше».

Тогда Траин повернулся к Даину и сказал:

«Но мой народ не покинет меня?»

«Не покинет, — сказал Даин. — Ты — отец нашего народа, и мы отдали кровь за тебя, и готовы отдать снова. Но мы не войдем в Казад-Дум. Я лишь заглянул в тень Ворот. За тенью оно ожидает тебя и теперь — Лихо Дарина. Мир должен измениться; какая-то иная, не наша сила должна прийти, прежде чем Даринский Народ вновь войдет в Морию».

Так и вышло, что после Азанулбизара гномы рассеялись вновь. Но сперва — с большим трудом — они раздели всех мертвых, чтобы орки, если они вернутся, не могли поживиться оружием и доспехами. Говорят, каждый гном, уходивший с поля битвы, сгибался под тяжкой ношей. Потом они сложили множество костров и сожгли все

тела родичей. В долине было свалено множество деревьев, и она навсегда осталась голой; а дым от сожжения был виден в Лориэне[23].

Когда погребальные костры прогорели до углей, союзники ушли в свои края, и Даин Железностоп увел народ своего отца в Железистый Кряж. Тогда, стоя у высокого кола, Траин сказал Торину Дубощиту: «Кое-кому цена за эту голову может показаться слишком высокой? Мы ведь отдали за нее по меньшей мере свое царство. Вернешься ли ты со мной к наковальне? Или будешь просить хлеб у гордых дверей?»

«К наковальне, — отвечал Торин. — Молот, по крайней мере, не даст ослабнуть рукам, покуда они опять не сожмут инструмент поострей».

И Траин и Торин с остатками последователей (среди которых были Балин и Глоин) вернулись в Поравнинье, но вскоре ушли оттуда и бродили по Эриадору, пока не осели в восточном Эред-Луине, за Синей. В те дни все их изделия были в

---

[23] Примечания: 23

Так поступать со своими павшими гномам было очень тяжко, ибо это против их обычаев; но возведение гробниц, какие они всегда строят (поскольку они хоронят мертвых только в камне и никогда в земле) заняло бы многие годы. А потому они обратились к огню, что казалось им лучшим, чем оставлять родичей зверям, или птицам, или стервятникам-оркам. Но у тех, кто пал в Азанулбизаре, славная память, и если в наши дни гном с гордостью скажет об одном из своих предков: «Он — Сожженный Гном» — этого будет довольно».

основном из железа, однако, они преуспевали, и число их медленно росло[24]. Но, как сказал Трор, Кольцу нужно было золото, а его, как и других драгоценных металлов, у них почти не было.

Об этом Кольце пора сказать несколько слов. Гномы Даринского Народа верили, что оно — первое из Семи откованных; говорили, что оно дано Государю Казад-Дума Дарина III самими эльфами-кузнецами, а не Сауроном, хотя, без сомнения, его злая сила и была в нем, так как он помогал ковать все Семь. Но владетели Кольца не показывали его, не говорили о нем, и редко передавали — если только перед смертью, так что никто не знал наверное, где оно находится. Кое-кто думал, что оно осталось в Казад-Думе, в тайных гробницах царей — если только они не найдены и не разорены; но родичи Наследника Дарина считали (и напрасно), что Трор владел им, когда опрометчиво вернулся туда. Что с ним сталось потом — они не знали. На трупе Азога его не нашлось.

Тем не менее, вполне может быть, как теперь думают гномы, что Саурон с помощью чар узнал, у кого это Кольцо, последнее, оставшееся

[24] Примечания: 24

Среди них было мало гноминь. Дочь Траина Дис стала матерью Фили и Кили, которые родились в Эред-Луине. Торин жены не имел.

свободным, и что необычайные злоключения наследников Дарина объясняются большею частью его колдовством. Но оказалось, что этими способами гномов не укротить. Единственная власть, которую имело над ними Кольцо, была властью зажигать в их сердцах страсть к золоту и драгоценностям, так что если они лишались их — все остальное казалось им ненужным и они исполнялись гнева и жаждали мести всем, кто обирал их. Однако нужда и скитания научили их стойко сопротивляться любому нажиму. Хотя их можно было сразить или сломить — они не склонялись ко злу, порабощенные чужой волей; и потому же ни одно Кольцо не могло укоротить или удлинить их жизнь. Тем более ненавидел их Саурон и жаждал лишить того, чем они владели.

Быть может, именно из-за Кольца Траин стал через несколько лет беспокоен; ничто не радовало его. Жажда золота жгла ему сердце. Наконец, не в силах терпеть более, он обратил думы к Эребору и решил вернуться туда. Он ничего не сказал Торину; но ушел с Балином, Двалином и несколькими друзьями. О том, что сталось с ним позже, известно мало. Теперь можно догадаться, что, едва он вышел в путь, соглядатаи Саурона выследили его. Волки охотились за ним, орки

подстерегали его, лиходейские птицы затеняли тропу, и чем больше стремился он на север — тем больше препятствий встречалось ему. Потом, одной из темных ночей, когда он и его спутники брели долиной Андуина, черный дождь заставил их искать укрытия под кронами Лихолесья. Утром Траина в лагере не оказалось, и товарищи напрасно звали его. Они долго искали его, но, в конце концов, простились с надеждой и вернулись к Торину. Лишь много лет спустя узналось, что Траина схватили живым и приволокли в подземные казематы Дол-Гулдура. Там его пытали и под пыткой забрали Кольцо; и там, в конце концов, он умер.

Так Торин Дубощит стал Наследником Дарина — но наследником без надежд. Когда Траин потерялся, ему было девяносто пять лет — великий гном с гордым гербом; но он казался довольным жизнью в Эриадоре. Он много трудился и владел богатством, которое заработал; и народ его рос, потому что скитальцы из Даринского Народа узнали о его дворце на западе и шли к нему. Теперь у них были прекрасные подгорные залы и кладовые с припасами, и дни их казались не столь тяжкими, хотя в песнях они всегда пели о дальней Одинокой Горе.

Шли годы. Торин размышлял над несчастьями своего дома, думал о мести Дракону — угли в его сердце разгорались огнем. Он помышлял об оружии, ратях и союзах — и его большой молот звенел в кузнице; но его рати были рассеяны, союзы разрушены, а топоров у его народа не было вовсе; и безнадежный гаев сжигал его, когда он бил по раскаленному докрасна железу.

Но наконец, совершенно случайно, Торин встретился с Гэндальфом — и встреча эта изменила судьбу Дома Дарина и привела к великим и славным делам. В то время Торин, возвращаясь на запад из какого — то похода, остановился на ночь в Усаде. Там же оказался Гэндальф. Он шел в Край, где не был около двадцати лет. Он очень устал и хотел немного отдохнуть там.

Среди всех забот он был сильно встревожен опасным положением на Севере; ибо тогда он уже знал, что Саурон замышляет войну и собирается, как только накопит силы, осадить Светлояр. Но противостоять попыткам Востока отвоевать земли Ангмара и закрыть северные горные перевалы могли сейчас только гномы Железистых Гор. А перед ними лежала Драконова Пустошь. Дракона мог использовать Саурон — со страшными последствиями. Как же погубить Смауга?..

Как раз когда Гэндальф размышлял над этим, перед ним встал Торин и сказал:

«Мастер Гэндальф, я знаю о тебе лишь понаслышке, но сейчас рад был бы поговорить с тобой. Ибо в последнее время я часто думал о тебе — словно мне велели тебя искать. И я бы отправился на поиски — если бы знал, где тебя найти».

Гэндальф взглянул на него с удивлением.

«Это странно, Торин Дубощит, — сказал он. — Ибо я тоже думал о тебе; и хотя сейчас я иду в Край — я помню, что дорога эта ведет и в твой дворец».

«Зови его так, если хочешь, — сказал Торин. — Он — лишь бедная хижина изгнанника. Но если ты придешь туда — тебя встретят с радостью. Ибо, говорят» ты мудр и знаешь больше других о том, что творится в мире; а у меня многое лежит на душе, и я рад был бы твоему совету».

«Я приду, — сказал Гэндальф. — Ибо, полагаю, по меньшей мере, одна забота станет нашей общей. Я говорю о Драконе Эребора — не думаю, чтобы внук Трора забыл о нем».

О том, к чему привела эта встреча, сказано в другом месте: о необычном плане, который придумал Гэндальф, чтобы помочь Торину; и как Торин и его товарищи вышли из Края

в поход к Одинокой Горе, который кончился непредвиденно. Здесь пересказано только то, что непосредственно касается Даринского Народа.

Дракон был сражен Бардом из Эсгарота, но у Дола была великая битва. Потому что орки пошли на Эребор, едва услышав о возвращении гномов; вел их Болг, сын того Азога, которого в юности убил Даин. В той первой битве при Доле Торин Дубощит был смертельно ранен; он умер и был похоронен в гробнице Под Горой с Аркенстоном на груди. Там пали также Фили и Кили, сыновья его сестры.

А Даин Железностоп, его двоюродный брат и полноправный наследник, который пришел с Железистого Кряжа ему на помощь, стал Царем Даином II, и Подгорное Царство возродилось, как и желал Гэндальф. Даин оказался государем великим и мудрым, и гномы в его дни процветали и стали сильными вновь.

Летом того же (2941) года Гэндальф наконец уговорил Сарумана и Совет Светлых Сил атаковать Дол-Гулдур, и Саурон бежал и укрылся в Мордоре — в безопасности, как он считал, ото всех врагов.

Так и вышло, что, когда Война наконец разразилась, главная атака была направлена на юг; но даже так своей правой — весьма длинной — ру-

кой Саурон мог натворить немало зла на севере, если бы Царь Даин и Герцог Бранд не заступили ему пути. Как сказал Гэндальф Фродо и Гимли, когда они жили недолгое время вместе в Минас-Тирифе (незадолго до того в Гондор пришли вести о дальних событиях):

«Я скорбел о гибели Торина, — сказал Гэндальф. — А теперь мы слышим, что пал Даин, снова сражаясь в Доле — как рад когда мы бились здесь. Я назвал бы это тяжкой потерей, если бы не удивительным было, что в его годы он все еще рубил топором столь мощно, как говорят — когда стоял над телом Герцога Бранда у Ворот Эребора.

Однако все могло быть совсем иначе и гораздо хуже. Когда думаете о великой битве в Пеленноре — помните о битвах при Доле и доблести Даринского Народа. Думайте о том, что могло бы случиться. Драконий огонь и неистовые топоры в Эриадоре, ночь над Светлояром. В Гондоре могло бы не быть Королевы. Мы могли вернуться от победы к развалинам и углям. Но всего этого не случилось — потому что однажды весенним вечером я встретился в Усаде с Торином Дубощитом. Встреча судьбы, как говорим мы в Средиземье».

Дис была дочерью Траина II. Она — единственная гноминя, упоминаемая в этих Хрониках.

Гимли говорил, что гноминь очень мало, не более трети всего народа. Они редко выходят наверх, лишь при великой нужде. По облику, голосу и одежде они так похожи на юношей-гномов, что глаза и уши других народов не могут различить их. Это породило среди Людей глупое мнение, что гномов-женщин нет вообще, и что гномы «выходят из камня».

Именно из-за малого числа гноминь род гномов растет медленно, и оказывается в опасности, когда не имеет надежных жилищ. Потому что гномы женятся или выходят замуж только один раз и очень ревнивы — впрочем, как и во всем, что касается их прав. Из трех гноминь замуж обычно выходит одна. Ибо не все они избирают мужей: некоторые не хотят никого; некоторые — тех, за кого не могут выйти, а потому отталкивают других. Что до гномов — многие также не хотят жениться, предпочитая совершенствоваться в ремесле.

Гимли, сын Глоина очень известен, ибо он был одним из Девяти Путников, что шли с Кольцом; и он оставался в отряде Короля Элессара всю Войну. Он был наречен Другом Эльфов из-за великой любви между ним и Леголасом, сыном Владыки Трандуиля, и из-за преклонения перед Владычи-

цей Галадриэлью. После падения Саурона Гимли привел на юг часть народа Эребора и стал Государем Мерцающих Пещер. Он и его народ много трудились в Гондоре и Роханде — Для Минас-Тирифа они отковали ворота из мифриля и стали — взамен сломанных Королем-Чародеем. Его друг Леголас также привел на юг эльфов Зеленого Леса. Они поселились в Ифилиэне, и он вновь стал прекраснейшим из краев Запада.

Но когда Король Элессар скончался, Леголас последовал, наконец, зову своего сердца и отплыл за Море.

Далее следует одно из последних примечаний Алой Книги:

До нас дошел слух, что Леголас взял с собой Гимли, сына Глоина — из-за великой дружбы, большей, чем была когда-либо между эльфом и гномом. Если это правда — это поистине странно: что гном пожелал покинуть Средиземье из-за какой бы то ни было любви, и что народ Эльдаров принял его, и что Владыки Заокраинного Запада дозволили это. Но говорят, что Гимли ушел из жажды увидеть вновь красоту Галадриэли; и может быть она, одна из самых могущественных среди Эльдаров, добилась для него этой милости. Более об этом деле сказать нечего.

Добавление Б
Повесть Лет

(Хронология западных земель)

Первая Эпоха окончилась Великой Битвой, в которой Рать Валинора разрушила Тангородрим и низвергла Моргота. Тогда же большая часть народа Нолдоров возвратилась на Заокраинный Запася жила в Эрессэа, в пределах Валинора; и много эльфов Синдаров тоже ушло за Море.

Вторая Эпоха окончилась первым низвержением Саурона, слуги Моргота, и утерей Кольца Всевластья.

Третья Эпоха окончилась в Войне Кольца, но Четвертая Эпоха не начиналась, покуда не ушел Владыка Эльронд, и не настало время Владычества Людей и упадка других «говорящих» народов Средиземья.

В Четвертую Эпоху ранние Эпохи часто называли Начальными; на самом же деле Начальным (или Предначальным) зовется лишь время до изгнания Моргота. Об истории тех времен здесь речи нет.

Вторая Эпоха

То были темные годы для людей Средиземья, но годы славы Нуменора. О событиях в Средиземье известно немногое, и даты их часто неточны.

В начале этой Эпохи Перворожденных было еще много. Большинство их жило в Линдоне, западнее Эред-Луина; но перед постройкой Барад-Дура многие Синдары ушли на восток и поселились в дальних лесах — после их звали Лесными Эльфами. Одним из них был Трандуиль, Владыка северной части Великого Зеленого Леса. В Линдоне, севернее Синей, жил Гиль-Галад, последний потомок Владык Нолдоров. Он был известен, как Высокий Владыка Эльфов Запада. В Линдоне южнее Синей некоторое время жил Целеборн, родич Тингола; его женой была Галадриэль, величайшая из эльфийских жен. Она была сестрой Финрода Фелагунда, Друга Людей, Владыки Наргофронда, который отдал жизнь ради спасения Берена, сына Барахира.

Позже кое-кто из народа Нолдоров ушел в Эрегион западнее Мглистых Гор, близ Западных Ворот Мории. Они поступили так потому, что узнали про найденный в Мории мифриль. Нолдоры были великими мастерами, и не так враждовали с гномами, как синдары; однако дружба, возникшая между Народом Дарина и

эльфами-кузнецами Эрегиона, была теснейшей из всех. Келебримбор был Владыкой Эрегиона и искуснейшим из ее мастеров; он происходил от Феанора.

Год

I. Основаны Серебристая Гавань и Линдон.

32. Народ Аданов достигает Нуменора.

пр. 40. Многие гномы оставляют старые поселения в Эред-Луине, уходят в Морию и увеличивают число ее жителей.

442. Смерть Эльроса Тар-Миниатура.

Ок. 500 в Средиземье вновь зашевелился Саурон.

546 В Нуменоре рождается Сильмариэн.

600 Первые корабли нуменорцев отходят от берегов.

750 Нолдоры заселяют Эрегион.

ок. 1000 Саурон, встревоженный растущей мощью нуменорцев, избирает Мордор для превращения его в твердыню. Начинается постройка Барад-Дура.

1075 Тар-Анкалимэ становится первой Правящей Королевой Нуменора.

1200 Саурон пытается обольстить народ Эльдаров. Гиль-Галад отказывается иметь с ним дело; но кузнецы Падуби привечают его. Нуменорцы

закладывают постоянные гавани.

ок. 1500 Эльфы-кузнецы достигают под руководством Саурона вершин мастерства. Они начинают ковать Кольца Власти.

ок. 1590 В Эрегионе откованы Три Кольца.

ок. 1600 Саурон кует в Ородруине Кольцо Всевластья. Он завершает постройку Барад-Дура. Келебримбор прозревает замыслы Саурона.

1693 Начинается война между Эльфами и Сауроном. Три Кольца спрятаны.

1695 Воинство Саурона вторгается в Эриадор. Гиль-Галад посылает Эльронда в Эрегион.

1697 Эрегион разорен. Смерть Келебримбора. Врата Мории захлопнуты. Эльронд с остатками нолдоров отступает и укрепляется в Имладрисе.

1699 Саурон овладевает Эриадором.

1700 Тар-Минастир посылает из Нуменора в Линдон огромный флот. Саурон разгромлен.

1701 Саурон изгнан из Эриадора. В Западные Земли надолго приходит мир.

ок. 180 °C этого года нуменорцы начинают овладевать побережьем. Саурон распространяет власть на восток. Тень затемняет Нуменор.

2251 Тар-Атанамир получает скипетр. Начинается восстание и разлад среди нуменорцев. Примерно в это же время впервые появляются

Назгулы — Призрачные Кольценосцы, рабы Девяти Колец.

2280 Умбар превращен в великую твердыню Нуменора.

2350 Построен Пеларгир. Он становится главной гаванью Верных.

2899 Скипетр получает Ар-Адунакор.

3175 Раскаяние Тар-Палантира. Гражданская война в Нуменоре.

3255 Ар-Фаразон Золотоликий захватывает трон. Ар-Фаразон отправляется в плаванье и высаживается в Умбаре.

3262 Саурона пленником увозят в Нуменор.

3262–331 °Саурон обольщает Короля и развращает нуменорцев.

3310 Ар-Фаразон начинает Великое Вооружение.

3319 Ар-Фаразон нападает на Валинор. Падение Нуменора. Элендиль и его сыновья спасаются.

3320 Основание Королевств Изгнанников — Арнора и Гондора. Камни разделены. Саурон возвращается в Мордор.

3429 Саурон нападает на Гондор, захватывает Минас-Ифиль и сжигает Белое Дерево. Исильдур спасается по Андуину и отправляется на север к Элендилю. Анарион защищает Минас-Анор и

Осгилиаф.

3430 Заключен Последний Союз Людей и Эльфов.

3431 Гиль-Галад и Элендиль идут в Имладрис.

3434 Войска Союзников переходят Мглистый Хребет. Битва в Дагорладе и поражение Саурона. Начинается осада Барад-Дура.

3440 Анарион сражен.

3441 Саурон низвергнут Элендилем и Гиль-Галадом; они погибают. Исильдур забирает Кольцо Всевластья. Саурон уносится прочь, а Призрачные Кольценосцы уходят в тень.

Кончается Вторая Эпоха.

Третья Эпоха

То были годы увядания Эльдаров. Они долго жили в мире, владея Тремя Кольцами, пока Саурон спал, а Кольцо Всевластья было потеряно; но они не стремились к новому, живя памятью о прошлом. Гномы затаились в подземных глубинах, храня свои клады; но когда лихо зашевелилось вновь, и опять появились драконы, их древние сокровищницы мало-помалу опустели, и они стали бродячим народом. Мория долгое время была невредима, но люд ее таял, пока большинство ее обширных чертогов не опустело, погрузившись во мрак. Мудрость и срок жизни нуменорцев

также убывали; они смешивались с низшими народами.

Так минула тысяча лет, а быть может, и более того — и вот Великий Зеленый Лес накрыла тень. Тогда-то и появились в Средиземье И стари, или Мудрые. После говорилось, что они пришли с Заокраинного Запада и были присланы свергнуть власть Саурона и объединить всех, кто желал противостоять ему; но им было запрещено бороться мощью с его мощью или пытаться подчинить людей и эльфов силой либо страхом.

А потому они пришли в облике Людей, хотя никогда не были молоды и лишь медленно старели, и владели огромной силой духа и рук. Истинные свои имена они открывали немногим; но принимали имена, которые им давали. Двоих — высших из Ордена (а их, как говорят, было в нем пятеро) — народ Эльдаров прозвал Курунир — «Человек Чар» и Мифрандир — «Серебристый Странник», а люди Севера — Саруманом и Гэндальфом. Курунир часто ходил на восток, но, в конце концов, поселился в Исенгарде. Мифрандир был очень дружен с Эльдарами — он чаще всего бродил по западу и никогда нигде не задерживался подолгу.

В течение Третьей Эпохи местонахождение

Трех Колец было известно лишь тем, кто владел ими. Однако в конце ее узналось, что сначала они хранились у величайших Владык народа Эльдаров — Гиль-Галада, Галадриэли и Цирдана.

Кольцо Гиль-Галада было отдано им Эльронду, а Цирдан передал свое Мифрандиру. Ибо Цирдан видел дальше и глубже, чем кто-либо в Средиземье и принимал Мифрандира в Серебристой Гавани, зная, откуда он пришел и куда должен вернуться.

«Прими это Кольцо, Странник, — сказал он, — ибо тяжки будут твои труды; но оно поможет тебе в заботах, что принял ты на себя. Ибо это Кольцо Огня, и с ним ты сможешь зажигать сердца в этом стынущем мире. Что до меня — душа моя с Морем, и я буду жить на сумеречных берегах, пока не отплывет последний корабль. Я дождусь тебя».

Год

2 Исильдур сажает семя Белого Дерева в Минас-Аноре. Южное Княжество он препоручает Менельдилю. Несчастье в Ирисной Низине; Исильдур и трое его старших сыновей погибают.

3 Охтар приносит обломки Нарсиля в Имладрис.

10 Валандиль становится Князем Арнора.

100 Эльронд женится на дочери Целеборна.

139 Рождение Элладана и Эльрохира — сыновей Эльронда.

241 Рождение Арвен Ундомиэли.

420 Король Остогер отстраивает Минас-Анор.

490 Первое вторжение вастаков.

500 Ромендакиль I наносит вастакам поражение.

541 Ромендакиль сражен в битве.

830 Фаластур начинает ряд «Морских Королей» Гондора.

861 Смерть Эарендура и разделение Арнора.

933 Король Эарниль I берет Умбар, который становится крепостью Гондора.

936 Эарниль пропадает в Море.

1015 Король Кириандиль сражен при осаде Умбара.

1050 Хиармендакиль покоряет Харад. Гондор достигает вершины могущества. Примерно в это же время Зеленый Лес затемняется, и люди начинают называть его Лихолесьем. Перианы впервые упоминаются в Летописных Сводах — Легкостопы приходят в Эриадор.

Ок. 1119 Мудрые (Истари и Владыки Эльдаров) узнают, что злая сила строит крепость в Дол-Гулдуре. Думается, то был один из назгулов.

1149 Начинается правление Атанатара Аль-

карина.

Ок. 1150 В Эриадоре появляются Шелоброды. Неуклюги проходят Багровые Ворота и движутся в Угол и в Поравнинье.

Ок. 1300 Лиходейские твари появляются вновь. Орки множатся в Мглистых Горах и нападают на гномов. Снова появляются назгулы. Их Предводитель приходит на север — в Ангмар. Перианы мигрируют на запад; многие оседают в Усаде.

1356 Князь Аргелеб I гибнет в битве с Рудауром. Примерно в это же время Неуклюги покидают Угол и некоторые возвращаются в Глухоманье.

1409 Король-Чародей вторгается в Арнор. Князь Арвелег I сражен. Форност и Тирн-Гортад защищаются. Башня Амон-Сул разрушена.

1432 В Гондоре умирает Король Валакар и начинается усобица.

1437 Сожжение Осгилиафа и утрата палантира. Эльдакар бежит в Рованион; его сын Орнендиль убит.

1447 Эльдакар возвращается и изгоняет узурпатора Кастамира. Битва у Бродов Эруи. Осада Пеларгира.

1448 Мятежники бегут и захватывают Умбар.

1540 Король Алдамир погибает в войне с Харадом и Корсарами Умбара.

1551 Хиармендакиль II побеждает харадримцев.

1601 Многие перианы уходят из Усада и Князь Аргелеб II дарует им земли за Берендуином.

ок.1630 К ним из Поравнинья приходят Неуклюги.

1634 Корсары разоряют Пеларгир и убивают Короля Минардиля.

1636 Великий Недуг опустошает Гондор. Смерть Короля Телемнара и его детей. В Минас-Аноре умирает Белое Дерево. Недуг распространяется на север и запад, и многие области становятся пустошами. Перианы за Берендуином выживают, но терпят большие потери.

1640 Король Тарондор возвращает королевский дворец в Минас-Анор и сажает семя Белого Дерева. Осгилиаф постепенно превращается в руины. Мордор не стерегут.

1810 Король Телумехтар Умбардакиль отвоевывает Умбар и изгоняет Корсаров.

1851 Кочевники начинают нападать на Гондор.

1856 Гондор теряет восточные земли, и Король Нармакиль погибает в битве.

1899 Король Калимехтар в Дагорладе разбивает Кочевников.

1900 Калимехтар возводит Белую Башню в Минас-Аноре.

1940 Гондор и Арнор возобновляют отношения и заключают союз. Арведуи женится на Фириэли, дочери Ондогера Гондорского.

1944 Ондогер сражен в битве. Эарниль выбивает врага из Южного Ифилиэна. Потом выигрывает Битву в Лагере и загоняет Кочевников в Гиблые Болота. Арведуи требует Корону Гондора.

1945 Эарниль II вступает на престол.

1974 Конец Северного Княжества. Король-Чародей опустошает АртеДаин и берет Форност.

1975 Арведуи тонет в Форохелльском Заливе. Палантиры Аннуминоса и Амон-Сула потеряны. Эарнур приводит флот в Линдон. Король-Чародей разбит в Битве При Форносте и оттеснен к Тролистому Плато. Он исчезает с Севера.

1976 Аранар становится Вождем Дунаданов. Наследия Королей Арнора переданы на хранение Эльронду.

1977 Фрумгар уводит народ Эотеода на север.

1979 Закка из Ложков становится первым Таном Края.

1980 Король-Чародей приходит в Мордор и собирает там назгулов. В Мории появляется Балрог и убивает Даина II.

1981 Наин I убит. Гномы бегут из Мории. Многие лесные эльфы Лориэна бегут на юг. Амрос и Нимродель гибнут.

1999 Траин I приходит к Эребору и основывает Царство-Под-Горой.

2000 Назгулы выходят из Мордора и осаждают Минас-Ифиль.

2002 Падение Минас-Ифиля, позже известного, как Минас-Моргул. Палантир захвачен.

2043 Эарнур становится Королем Гондора. Король-Чародей вызывает его на поединок.

2050 Вызов повторен. Эарнур скачет в Минас-Моргул — и пропадает. Мардиль становится первым Наместником-Правителем.

2060 Мощь Дул-Гулдура растет. Мудрые начинают бояться, что это Саурон, снова обретший плоть.

2063 Гэндальф приходит в Дол-Гулдур. Саурон отступает и укрывается на востоке. Начинается Бдительный Мир. Назгулы остаются в Минас-Моргуле, но ведут себя тихо.

2210 Торин I покидает Эребор и отправляется на север, в Серебристые Горы, где теперь собралась большая часть оставшегося Даринского Народа.

2340 Исумбрас I становится тринадцатым Таном и первым из рода Хватов. Старозайки за-

нимают Забрендию.

2460 Бдительный Мир кончается. Саурон с возросшими силами возвращается в Дол-Гулдур.

2463 Создается Совет Светлых Сил. Примерно в это же время Неуклюг Деагол находит Кольцо Всевластья — и Смеагол убивает его.

247 °Смеагол-Голлум скрывается в Мглистых Горах.

2475 Атаки на Гондор возобновляются. Осгилиаф разрушен окончательно, а его каменный мост сломан.

Ок. 2480 Орки начинают строить тайные укрепления в Мглистых Горах, чтобы закрыть перевалы в Эриадор. Саурон заселяет Морию своими созданиями.

2509 Келебриан, едущую в Лориэн, подстерегают у Багровых Ворот Карадраса. Она ранена отравленной стрелой.

2510 Келебриан уходит за Море. Орки и вастаки разоряют Каленардон. Эорл Юный одерживает победу в Полях Келебранта. Роандийцы поселяются в Каленардоне.

2545 Эорл гибнет в битве в Пустыни.

2569 Брего, сын Эорла, достраивает Золотой Дворец.

2570 Балдор, сын Брего, входит в Запретную

Дверь и пропадает. Примерно в это же время на дальнем севере вновь появляются драконы и принимаются беспокоить гномов.

2589 Даин I сражен драконом.

2590 Трор возвращается в Эребор. Его брат Грор уходит в Железистый Кряж.

ок. 2670 Тобольд сажает в Южном Уделе «трубочное зелье».

2683 Изегрим II становится Таном и начинает рыть Хватово Городище.

2698 Эктелион I восстанавливает Белую Башню в Минас-Аноре.

2740 Орки снова вторгаются в Эриадор.

2747 Брандобрас Хват разбивает в Северном Уделе орду орков.

2758 На Роханд нападают с запада и востока; он разорен. Гондор атакован флотом корсаров. Хельм I Роандийский укрывается в Хельмовой Бездне. Вулф захватывает Эдорас.

2758-59 Долгая Зима. В Эриадоре и Роханде — огромные страдания и потери. Гэндальф приходит на помощь народу Края.

2759 Смерть Хельма. Фреалаф изгоняет Вулфа и начинает Вторую Ветвь князей Марки. Саруман поселяется в Исенгарде.

2770 Дракон Смауг налетает на Эребор. Дол раз-

рушен. Трор с Траином II и Торином II спасаются.

2790 Трор убит орком в Мории. Гномы собираются на войну мести. Рождение Герондиуса, позже известного, как Старый Хват.

2793 Начинается война орков и гномов.

2799 Битва в Нандухирионе перед Восточными Вратами Мории. Даин Железностоп возвращается в Железистый Кряж. Траин II и его сын Торин уходят на запад. Они поселяются на юге Эред-Луина, за Краем (2802).

2800-64 Северные орки тревожат Роханд. Князь Валда убит ими (2861).

2841 Траин II уходит в Эребор, но за ним гонятся прислужники Саурона.

2845 Траин заточен в Дол-Гулдуре; последнее из Семи Колец отобрано у него.

2850 Гэндальф снова приходит в Дол-Гулдур и узнает, что хозяин его и в самом деле Саурон, который собирает все Кольца и ищет Кольцо Всевластья и Наследника Исильура. Маг находит Траина и получает Ключ Эребора. Траин умирает в Дол-Гулдуре.

2851 Собирается Совет Светлых Сил. Гэндальф настаивает на атаке Дол-Гулдура. Саруман берет

над ним верх[25]. Саруман начинает поиски близ Ирисной Низины.

2852 Белектор II Гондорский умирает. Засыхает Белое Дерево, и семени не находят. Мертвое Дерево остается стоять.

2855 Подталкиваемые посланцами Саурона, харадримцы переходят Порос и вторгаются в Гондор. Сыновья Фолквайна Роандийского погибают, служа Гондору.

2890 В Крае рождается Бильбо.

2901 Большинство оставшихся в Ифилиэне жителей покидают его из-за набегов мордорских урхов. Построено тайное убежище близ Хеннет-Аннуна.

2907 Рождение Гильраэен, матери Арагорна II.

2911 Жестокая Зима. Берендуин и другие реки замерзают. С севера в Эриадор приходят белые волки.

2912 Великий разлив опустошает Энедвайт и Минхириаф. Тарбад разрушен и покинут.

2920 Смерть Старого Хвата.

2929 Арафорн, сын Арадора, берет в жены Гильраэен.

---

[25] Примечания: 25

После стало ясно, что уже тогда Саруман желал сам владеть Кольцом Всевластья и надеялся, что оно проявит себя, ища господина, если Саурона на какое-то время оставить в покое.

2929 Арадор убит троллями. В Минас-Тирифе рождается Дэнэтор, сын Эктелиона II. 1-го марта рождается Арагорн, сын Арафорна II.

2933 Арагорн II сражен. Гильраэен приносит Арагорна в Имладрис. Эльронд принимает его как сына и нарекает именем Эстель (Надежда); его происхождение скрывают.

2939 Саруман узнает, что слуги Саурона обшаривают Андуин близ Ирисной Низины и, значит, Саурон узнал о конце Исильдура. Он встревожен, но ничего не говорит Совету.

2941 Торин Дубощит и Гэндальф приходят в Край и к Бильбо. Бильбо встречает Голлума-Смеагола и находит Кольцо. Собирается Совет Светлых Сил; Саруман соглашается атаковать Дол-Гулдур, ибо желает помешать Саурону обшаривать Реку. Саурон, исполняя свои планы, покидает Дол-Гулдур. Битва Пяти Воинств в Доле. Смерть Торина II. Бард из Эсгарота сражает Смауга. Даин с Железистого Кряжа становится Царем-Под-Горой (Даин II).

2942 Бильбо возвращается в Край — с Кольцом. Саурон тайно возвращается в Мордор.

2944 Бард отстраивает Дол и становится Герцогом. Голлум покидает Горы и начинает поиски «вора».

2940 Рождается Теодэн, сын Тэнгела.

2949 Гэндальф и Балин навещают Бильбо в Крае.

2950 Рождается Финдуилас, дочь Адрахиля из Дол-Амроса.

2951 Саурон открыто заявляет о себе и начинает собирать силы в Мордоре. Он восстанавливает Барад-Дур. Голлум поворачивает к Мордору. Саурон посылает трех назгулов вновь занять Дол-Гулдур. Эльронд открывает «Эстелю» его истинное имя и происхождение и вручает ему обломки Нарсиля.

295? Совет Светлых Сил собирается в последний раз. На нем спорят о Кольце. Саруман лжет, будто бы он узнал, что Кольцо Всевластья кануло в Андуин и унесено в Море. Саруман возвращается в Исенгард, который забирает себе, и укрепляет его. Не доверяя Гэндальфу и боясь его, он посылает шпионов следить за каждым шагом мага, и замечает его интерес к Краю. Вскоре он обзаводится соглядатаями в Усаде и Южном Уделе.

2954 Роковая Гора снова изрыгает пламя. Последние жители Ифилиэна бегут за Андуин.

2956 Арагорн встречается с Гэндальфом и они становятся друзьями.

2957-80 Арагорн предпринимает продолжительные походы. Оставаясь неузнанным, он

служит Тэнгелу Роандийскому и Эктелиону II.

2968 Рождение Фродо.

2976 Дэнэтор женится на Финдуилас из Дол-Амроса.

2977 Бэйн, сын Барда, становится Герцогом Дола.

2978 Рождение Боромира, сына Дэнэтора II.

2980 Арагорн приходит в Лориэн и там снова встречается с Арвен Ундомиэлью. Арагорн отдает ей Кольцо Барахира, и они дают друг другу клятву на Керин-Амросе. Примерно в это время Голлум достигает порубежья Мордора и знакомится с Аракной. Теодэн становится князем Роханда.

2983 В Минас-Тирифе рождается Фарамир, сын Дэнэтора. В Крае — Сэммиус.

2984 Смерть Эктелиона II. Дэнэтор становится Наместником Гондора.

2988 Финдуилас умирает молодой.

2989 Балин покидает Эребор и приходит в Морию.

2991 В Роханде рождается Йомер, сын Йомунда.

2999 Балин погибает; колония гномов уничтожена.

2995 Рождение Йовин, сестры Йомера.

ок.3000 Тень Мордора удлиняется. Саруман решается воспользоваться палантиром Ортханка,

но попадает в ловушку Саурона, владеющего Камнем Ифиля. Он становится предателем Совета. Его соглядатаи доносят, что Край охраняется Следопытами.

3001 Прощальное Угощение Бильбо. Гэндальф подозревает, что его Кольцо — Кольцо Всевластья. Охрана Края, усиливается. Гэндальф ищет вестей о Голлуме и зовет на помощь Арагорна.

3002 Бильбо становится гостем Эльронда и поселяется в Светлояре.

3004 Гэндальф навещает Фродо в Крае, и наведывается туда с перерывами в течение четырех лет.

3007 Бранд, сын Дэйна, становится Герцогом Дола. Смерть Гильраэен.

3008 Осенью Гэндальф в последний раз навещает Фродо.

3009 Гэндальф и Арагорн возобновляют охоту за Голлумом, и в течение восьми лет с перерывами обыскивают долины Андуина, Лихолесье и Рованион до границ Мордора. В те же годы Голлум сам забредает в Мордор и попадается Саурону. Эльронд посылает за Арвен, и она возвращается в Имладрис: Горы и земли к востоку от них становятся опасными.

3017 Голлум выбирается из Мордора. На Гиб-

лых Болотах его ловит Арагорн и доставляет к Трандуилю в Лихолесье. Гэндальф приходит в Минас-Тириф и читает свиток Исильдура.

Великие годы

3018

Апрель

12 Гэндальф приходит в Хоббитон.

Июнь

2 °Саурон атакует Осгилиаф. Примерно в это время на Трандуиля нападают и Голлум бежит.

29 Гэндальф встречает Радагаста.

Июль

4 Боромир выходит из Минас-Тирифа.

10 Гэндальф заключён в Ортханке.

Август

Все следы Голлума потеряны. Думается, что в это время — а за ним охотятся и эльфы, и прислужники Саурона — он укрывается в Мории; но когда он находит, наконец, путь к Западным Воротам, то не может выйти.

Сентябрь

18 Ранним утром Гэндальф спасается с Ортханка. Черные Всадники пересекают Броды Исен.

19 Гэндальф приходит в Эдорас как нищий — и его не впускают.

20 Гэндальф добивается входа в Эдорас. Теодэн

велит ему уйти: «Бери любого коня, только уходи, прежде чем кончится завтра!»

21 Гэндальф встречает Ночиветра, но конь не подпускает его к себе. Маг долго следует за ним по степи.

22 Вечером Черные Всадники достигают Кремнистого Брода, они оттесняют стерегущих его Следопытов. Гэндальф настигает Ночиветра. Перед рассветом четверо Всадников проникают в Край. Остальные оттесняют Следопытов к востоку и возвращаются следить за Зеленым Трактом. В сумерки Черный Всадник появляется в Хоббитоне. Фродо уходит из Торбы. Гэндальф, укротив Ночиветра, уезжает из Роханда.

24 Гэндальф пересекает Исен.

26 Вековечный Лес. Фродо приходит к Бомбадилу.

27 Гэндальф пересекает Безбрежную. Вторая ночь с Бомбадилом.

28 Хоббитов схватило умертвие. Гэндальф у Кремнистого Брода.

29 Фродо к ночи приезжает в Усад. Гэндальф навещает Старика.

30 Рано утром на Кроличью Балку и трактир в Усаде совершены нападения. Фродо покидает Усад. Гэндальф приезжает в Балку, а к вечеру

— в Усад.

Октябрь

1 Гэндальф оставляет Усад.

3 Ночью на Заветри на него совершено нападение.

6 Ночной налет на лагерь у Заветри. Фродо ранен. Глорфиндэль выезжает из Светлояра.

11 Он отгоняет Всадников от Моста через Митейфель.

13 Фродо переходит Мост.

18 В сумерки Глорфиндэль находит Фродо. Гэндальф достигает Светлояра.

20 Бегство через Переправу Бруинена.

24 Фродо поправляется и просыпается. Ночью в Светлояр приезжает Боромир.

25 Совет у Эльронда.

Декабрь

25 В сумерки Отряд Хранителей покидает Светлояр.

3019

Январь

8 Отряд достигает Падуби.

11,12 Снежная буря на Карадрасе.

13. Рано утром — нападение волколаков. Вечером Отряд подходит к Западным Вратам Мории. Голлум начинает следить за Хранителем.

14 Ночь в Двадцать Первом Чертоге.

15. Морийский Мост; Гэндальф падает в бездну. Поздней ночью Отряд подходит к Нимродели.

17 Вечером Отряд приходит в Карас-Галадон.

23 Гэндальф преследует Балрога до вершины Зираксигила.

25 Он сбрасывает Балрога и уносится прочь. Тело его лежит на вершине.

Февраль

14 Зеркало Галадриэли. Гэндальф возвращается к жизни и лежит в трансе.

16 Прощание с Лориэном. Голлум, прячась на западном берегу, видит отплытие.

17 Гвайхир приносит Гэндальфа в Лориэн.

23 Ночное нападение на лодки у Сарн-Гебира.

25 Отряд минует Аргонат и становится лагерем на Парф-Галене. Первая битва у Исенских Бродов; Теодрэд, сын Теодэна, сражен.

26 Разброд. Смерть Боромира; его рог слышат в Минас-Тирифе. Мерриадок и Перегрин в плену. Фродо и Сэммиус всходят на Эмин — Муиль. Вечером Арагорн выходит в погоню за орками. Йомер узнает об орде орков, спустившейся с Эмин-Муиля.

27 Арагорн на рассвете достигает западного обрыва. Йомер, ослушавшись приказа Теодэна,

в полдень выступает из Роннара в погоню за орками.

28 Йомер настигает орков у самых опушек Фангорна.

29 Мерриадок и Пин спасаются и встречают Древобрада. На рассвете роандийцы атакуют орков и уничтожают их. Фродо спускается с Эмин-Муиля и сталкивается с Голлумом. Фарамир видит погребальный челн Боромира.

30 Начинается энтмут. Йомер, возвращаясь в Эдорас, встречает Арагорна.

Март

1 С рассветом Фродо начинает переход Гиблых Болот. Арагорн встречает Гэндальфа Белого. Они отправляются в Эдорас. Фарамир уходит из Минас-Тирифа в набег на Ифилиэн.

2 Фродо подходит к концу Болот. Гэндальф приходит в Эдорас и исцеляет Теодэна. Роандийцы скачут на запад — против Сарумана. Вторая Битва у Исенских Бродов. Эркенбранд разбит. В полдень кончается энтмут. Энты идут на Исенгард и к ночи достигают его.

3 Теодэн отступает в Хельмову Бездну. Начинается Битва при Хорнбурге. Энты довершают разрушение Исенгарда.

4 Теодэн и Гэндальф уходят из бельмовой Безд-

ны в Исенгард. Фродо приходит к шлаковым курганам у кромки Привратной Пустоши.

5 В полдень Теодэн достигает Исенгарда. Беседа с Саруманом в Ортханке. Крылатый назгул пролетает над лагерем у Тол-Барана. Гэндальф уезжает с Перегрином в Минас-Тириф. Фродо прячется близ Мораннона и с сумерками уходит оттуда.

6 В ранние часы Арагорна нагоняют дунаданы. Теодэн выступает из Хорнбурга в Лощину. Арагорн тоже выступает — позже.

7 Фарамир забирает Фродо в Хеннет-Аннун. С наступлением ночи Арагорн приезжает в Урочище Духов.

8 С началом дня Арагорн вступает на Тропу Мертвецов; в полночь он приходит к Эреху. Фродо покидает Хеннет-Аннун.

9 Гэндальф достигает Минас-Тирифа. Арагорн выступает из Эреха и приходит к Калембелю. В сумерки Фродо подходит к Моргульскому Тракту. Теодэн въезжает в Урочище Духов. Из Мордора начинает истекать Тьма.

10 День-без-рассвета. Сбор Роханда. Всадники выезжают из Урочища. У ворот Города Гэндальф спасает Фарамира. Арагорн переходит Ведуницу. Войско из Мораннона берет Кайр-Андрос и входит в Анориэн. Фродо минует Перекресток и

видит выступление моргульского воинства.

11 Голлум навещает Аракну, но, увидев Фродо спящим, едва не раскаивается. Дэнэтор посылает Фарамира в Осгилиаф. Арагорн вступает в Лебеннин. В Восточный Роханд вторгаются с севера. Первый штурм Лориэна.

12 Голлум приводит Фродо в Логово Аракны. Фарамир оставляет Плотинные Форты. Теодэн стоит лагерем под Мин-Риммоном. Арагорн гонит врага к Пеларгиру. Энты громят захватчиков Роханда.

13 Фродо схвачен орками на Кириф-Унголе. Пеленнор опустошен. Фарамир ранен. Арагорн достигает Пеларгира и захватывает флот. Теодэн в лесу Друадан.

14 Сэммиус находит Фродо. Минас-Тириф осажден. Вольный Народ приводит роандийцев в Седой Лес.

15 В ранние часы Король-Чародей разбивает Ворота Минас-Тирифа. Дэнэтор сжигает себя на погребальном костре. Слышатся крик петуха и рога роандийцев. Битва в Пеленноре. Теодэн сражен. Арагорн поднимает стяг Арвен. Фродо и Сэммиус спасаются; начинается путь вдоль Моргая. Битва под кронами Лихолесья. Трандуиль отбрасывает силы Дол-Гулдура. Второй штурм Лориэна.

16 Совет Полководцев. Фродо с Моргая смотрит через лагерь на Роковую Гору.

17 Битва при Доле. Герцог Бранд и Царь Даин Железностоп погибают. Многие гномы и люди укрываются в Эреборе; гора осаждена. Шаграт приносит плащ, кольчугу и меч Фродо в Барад-Дур.

18 Войско Запада выходит из Минас-Тирифа. Фродо приближается к Льдистоустью; на дороге он захвачен орками.

19 Войско приходит к Моргульской Долине. Фродо и Сэммиус спасаются и идут по дороге к Барад-Дуру.

2 °Страшная ночь. Фродо и Сэммиус сходят с дороги и поворачивают на юг — к Роковой Горе. Третий штурм Лориэна.

23 Войско минует Ифилиэн. Арагорн отсылает слабодушных. Фродо и Сэммиус выбрасывают оружие и доспехи.

24 Фродо и Сэммиус совершают последний переход к подножию Ородруина. Войско становится лагерем в Привратной Пустоши.

25 Войско окружено на шлаковых холмах. Фродо и Сэммиус достигают Саммат-Наура. Голлум хватает Кольцо и сваливается в Пасть Рока. Падение Барад-Дура. Саурон истаял.

После падения Черного Замка и исчезновения Саурона Завеса Тьмы поднялась с сердец тех, кто противостоял ему, а на души его прислужников и союзников пали отчаянье и страх. Трижды Лориэн штурмовали силы Дол-Гулдура, но, кроме доблести эльфийского народа, сила, что жила в тех землях, была столь велика, что никто не мог превзойти ее — если только Саурон не явился бы туда сам. Хотя дивные леса на границах сильно пострадали, атаки были отбиты; а когда Завеса Тьмы рассеялась, Целеборн выступил и повел войско Лориэна через Андуин. Они взяли Дол-Гулдур, и Галадриэль обрушила его стены и завалила подземные казематы — и лес очистился.

На севере также были война и лихо. Во владения Трандуиля вторглись враги, и в лесах была великая битва и огромные разрушения и пожары; но в конце концов Трандуиль одержал победу.

И в день эльфийского Нового Года Целеборн и Трандуиль встретились в сердце леса и переименовали Лихолесье в Эрин Ласгален, Лес Зеленой Листвы. Трандуиль взял под свою руку всю его северную часть вплоть до Лесного Нагорья, где он жил; а Целеборн взял южную часть за Стяжкой, и нарек ее Лориэн Восточный; а обширные леса меж двух владений отдали Беорнингам и

лесовикам.

Но после ухода Галадриэли Целеборну быстро наскучили его владения, и он ушел в Имладрис жить с сыновьями Эльронда. В Зеленолесье по-прежнему бестревожно жили лесные эльфы; однако лишь немногие из народа Лориэна остались в Золотом Лесу — и не было больше ни света, ни песен в Карас-Галадоне.

Во дни, когда Минас-Тириф был осажден, воинство союзников Саурона, долго грозившее границам Герцога Бранда, перешло Карнен, и Бранд был отброшен к Долу. Там к нему на помощь пришли гномы из Эребора; и у подножия Горы была великая битва. Она длилась три дня, но в конце ее пали Герцог Бранд и Царь Даин Железностоп, и вастаки победили. Однако они не смогли разрушить Ворот, и много людей и гномов укрылось в Эреборе и были осаждены.

Когда пришли вести о великих победах на юге, северное сауроново воинство исполнилось отчаянья, а осажденные вышли и обратили их в бегство; и те, кто уцелел, бежали на восток и более не тревожили Дола. Тогда Бард II, сын Бранда, стал Герцогом в Доле, а Торин III Твердошлем, сын Даина — Царем-Под-Горой. Они послали посольства на коронацию Короля Элессара; и после

владения их всегда были в дружбе с Гондором; и они пользовались милостью Короля Запада.

Главные дни от падения Барад-Дура до окончания Третьей Эпохи.

Л.К. 1419[26] (3019)

Март

27 Бард II и Торин III Твердошлем оттесняют врага от Дола.

28 Целеборн переходит Андуин; начинается уничтожение Дол-Гулдура.

Апрель

6 Встреча Целеборна и Трандуиля.

8 Хранителей славят в лугах Кормаллена.

Май

1 Коронация Короля Элессара; Эльронд и Арвен выезжают из Светлояра.

8 Йомер и Йовин отправляются в Роханд с сыновьями Эльронда.

20 Эльронд и Арвен приезжают в Лориэн.

27 Свита Арвен покидает Лориэн.

Июнь

14 Сыновья Эльронда встречают поезд и приводят Арвен в Эдорас.

16 Они выезжают в Гондор.

---

[26] Примечания: 26

Месяцы и дни даны в соответствии с календарём Хоббитов (Летоисчисление Края).

25 Король Элессар находит молодое Белое Дерево.

1 Летодень Арвен приезжает в Город.

Венец Лета Свадьба Арагорна и Арвен.

Июль

18 Йомер возвращается в Минас-Тириф.

19 Отъезд погребального поезда Теодэна.

Август

7 Поезд приезжает в Эдорас.

10 Погребение князя Теодэна.

14 Гости прощаются с князем Йомером.

18 Они приезжают в Хельмову Бездну.

22 Они приезжает в Исенгард и на закате прощаются с Королем Запада.

28 Они нагоняют Сарумана; Саруман поворачивает в Край.

Сентябрь

6 Они становятся лагерем близ Вершин Мории.

13 Целеборн и Галадриэль уходят, остальные направляются в Светлояр.

21 Возвращение в Светлояр.

22 Стодвадцатьдевятый День Рождения Бильбо. Саруман приходит в Край.

Октябрь

5 Гэндальф и хоббиты покидают Светлояр.

6 Они пересекают Бруинен; Фродо впервые

чувствует возвращение боли.

28 Вечером они достигают Усада.

30. Отъезд из Усада. С наступлением темноты «Путешественники» подъезжают к Брендидуимскому Мосту.

Ноябрь

1 В Квактоне их арестовывают.

2 Они приходят в Приречье и поднимают Край.

3 Битва в Приречье и Уход Сарумана. Конец Войны Кольца.

Л.К. 1420: Год Великого Благоденствия (3020)

Март

13 Фродо заболевает (в годовщину укуса Аракны).

Апрель

6 На Поле Встреч расцветает маллорн.

Май

1 Сэммиус женится на Розе.

Венец Лета. Фродо отказывается от должности Управителя.

Сентябрь

22 Стотридцатый День Рожденья Бильбо.

Октябрь.

6 Фродо снова болен.

Л.К. 1421: Последний год Третьей Эпохи (3021)

Март

13 Фродо снова болен.

25 Рождение Эланор Прекрасной[27], дочери Сэммиуса. В этот день по летоисчислению Гондора начинается Четвертая Эпоха.

Сентябрь

21 Фродо и Сэммиус выезжают из Хоббитона.

22 В Лесном Пределе они встречают Последний Поезд Хранителей Колец.

29 Они приходят в Серебристую Гавань. Фродо и Бильбо уходят за Море вместе с Тремя Хранителями. Конец Третьей Эпохи.

Октябрь

6 Сэммиус возвращается в Торбу.

Последующие события, связанные с членами Братства Кольца.

Л.К.

1422 С началом этого года по счету Края начинается Четвертая Эпоха; но летоисчисление в Летописном Своде Края остается прежним.

1427 Сэммиус избран Управителем Края, Перегрин Хват женился на Бриллиантине из Глубокого

---

[27] Примечания: 27

Она была прозвана «Прекрасной» за свою красоту; многие говорим, что она более похожа на эльфийскую деву, чем на хоббита. У нее были ли золотистые волосы, что в Крае большая редкость; но две друга* дочери Сэммиуса тоже были светловолосы, как и многие рожденные в то время.

Распадка. Король Элессар издает эдикт, воспрещающий Людям входить в Край и объявляет его Свободной Землей под покровительством Скипетра Севера.

1430 Рождается Фарамир, сын Перегрина.

1432 Мерриадок, прозванный Великолепным, становится Господарем Забрендии. Князь Йомер и Йовин Ифилиенская присылают ему богатые дары.

1434 Перегрин становится Таном. Король Элессар делает Тана, Господаря и Управителя Советниками Северного Княжества. Мастер Сэммиус во второй раз избирается Управителем.

1436 Король Элессар едет на север и некоторое время живет у озера Сумрак. Он приходит к Брендидуимскому Мосту и там встречается с друзьями. Он дарит мастеру Сэммиусу Звезду Дунаданов, а Эланор становится приближенной Королевы Арвен.

1441 Мастер Сэммиус становится Управителем в третий раз.

1442 Мастер Сэммиус, его жена и Эланор едут в Гондор и год живут там. Мастер Толман Хлопкинс действует, как Помощник Управителя.

1448 Мастер Сэммиус становится Управителем в четвертый раз.

1451 Эланор Прекрасная выходит за Фэйстреда Травхольма с Западного Взгорья.

1452 Даром Короля Западное Порубежье — от Лисьего Взгорья до Крепостных Холмов (Эмин Бераид) — присоединено к Краю. Многие хоббиты переселяются туда.

1454 Рождается Эльфстан Дивный, сын Фэйстреда и Эланор.

1455 Мастер Сэммиус становится Управителем в пятый раз. По его просьбе Тан делает Фэйстреда Стражем Западного Края (вновь заселенной области). Фэйстред и Эланор селятся в Подбашенье на Крепостных Холмах, где их наследники, Дивночады Башенные, живут много поколений.

1462 Мастер Сэммиус становится Управителем в шестой раз.

1463 Фарамир Хват женится на Златовласке, дочери Сэммиуса.

1469 Мастер Сэммиус становится Управителем в седьмой и последний раз, будучи в 1476 г., к моменту окончания службы, 96 лет от роду.

1482 В Венец Лета умирает мистрис Роза, жена мастера Сэммиуса. 22 сентября мастер Сэммиус выезжает из Торбы. Он приходит на Крепостные Холмы, и Эланор видит его в последний раз. Он отдает ей Алую Книгу, которая впоследствии

хранится у Дивночадов. Среди них бытовала пришедшая от Эланор легенда, что Сэммиус миновал Башни и ушел в Серебристую Гавань, откуда — последним из Хранителей — уплыл за Море.

1484 Весной из Роханда в Забрендию приходит весть, что Йомер желает еще раз увидеть Мастера Голдвайна. Мерриадок был тогда стар (102 года), но крепок по-прежнему. Он посоветовался со своим другом Таном, и вскоре они передали все дела своим сыновьям и уехали через брод Сарн — и больше в Крае не появлялись. Позже дошли слухи, что мастер Мерриадок приехал в Эдорас и был с князем Йомером до самой его кончины той осенью. Потом он и Тан Перегрин отправились в Гондор и провели там немногие оставшиеся им годы — покуда не умерли и не были положены на Рат-Динен среди Властителей Гондора.

1541 Первого марта этого года[28] ушел Король Элессар. Говорят, ложа Мерриадока и Перегрина поместили рядом с ложем великого Короля. Тогда Леголас построил в Ифилиэне серый корабль и поплыл вниз по Андуину и дальше — за Море; и с ним, говорят, отправился гном Гимли. И когда корабль уплыл, в Средиземье пришел конец

---

[28] Примечания: 28
Четвертая Эпоха (Гондор) — год 120.

Братству Кольца.

Добавление В
Родословные Древа

Имена, приведенные в этих Древах, выбраны из многих. Большинство их принадлежит гостям Бильбо в день Угощения или их прямым предкам. Кроме того, указано несколько имен участников описанных событий. В заключение сообщаются некоторые генеалогические сведения о Сэммиусе, основателе рода Паркинсов, позже известного и влиятельного.

Числа после имени — годы рождения (и смерти, если таковые отмечались). Все даты даны в соответствии с летоисчислением Края, начинающимся от переправы братьями Марко и Бланко через Брендидуим в Первом Году Края (1601 год Третьей Эпохи).

Добавление Г
Народы и языки Третьей Эпохи

Язык, представленный в этих Летописях русским — Всеобщее Наречье, или «Всеобщий язык»

Западных земель Средиземья в Третью Эпоху,

В течение этой эпохи он стал родным языком почти всех «говорящих народов» (кроме Эльфов), что жили в границах древних королевств Арнор и Гондор: вдоль всего побережья от Умбара до Льдистого и Форохелльского заливов, а на суше — до Мглистых Гор и Эфель-Дуафа. Оно распространилось также и на севере, вверх по Андуину, и завоевало земли западнее Реки и восточнее Гор до Ирисной Низины.

Во времена Войны Кольца он по-прежнему существовал как родной в границах этих земель, хотя большая часть Эриадора была опустошена, и немногие Люди жили по берегам Андуина между Кувшинницей и Поросом.

Немного древнего Дикого Народа все еще жило в лесу Друадан в Анориэне; а в холмах Поравнинья — остатки коренного населения Гондора. Эти держались своих языков; на равнинах Роханда жил сейчас северный народ, Хозяева Коней, пришедший в этот край каких-нибудь пятьсот лет назад. Но Всеобщее Наречие было вторым языком для всех, кто сохранял свои наречия, даже для Эльфов — не только в Арноре и Гондоре, но по всем долинам Андуина и на восток до дальних опушек Лихолесья. Даже среди Дикого Народа и

Равнинников, избегавших других народов, кое-кто мог говорить на нем, правда, искаженно.

Об Эльфах[29]

Давным-давно, в Предначальную Эпоху, Эльфы разделились на две основные ветви: Западных (эльдаров) и Восточных эльфов. К последним относится большая часть народов Лихолесья и Лориэна.

Но языки их не появляются в этой повести, где все имена, слова — эльдарские. (В Лориэне того времени говорили на сумеречном наречии, хотя и с «акцентом», поскольку большинство тамошних эльфов было лесными (тот акцент и его собственное малое знакомство с Сумеречным

---

[29] Примечания: 29

«Эльфами» звались и Квэнди («говоряне» — древнее название всего народа), и Эльдары — три рода, что отправились в Неувядающие земли и пришли туда в начале Дней (кроме Синдаров). Это древнее слово воистину единственно возможное для тех воспоминаний об этом народе, какие сохранились у людей. Но воспоминания эти ослабели, и предлагают многим видения прелестные и глупые, так же не похожие на древних Квэнди, как бабочки на быстрых стрижей. Так, например, крыльев у Квэнди никогда не было, им это столь же несвойственно, сколь и Людям. Они были народом высоким и прекрасным, древними Детьми Мира, и Эльдары среди них были владыками, что ныне ушли: Народ Великого Похода, Народ Звезд. Они были сероглазы и темноволосы — все, кроме золотого дома Финрода; и голоса их были более мелодичны, чем голос любого смертного. Они были доблестны, однако история тех, что вернулся в Средиземье, была печальна; и

хотя давным-давно судьба их переплелась с судьбой Отцов, она не стала судьбой Людей. Царство их миновало, они живут ныне далеко за кругами мира — и не вернутся более.

Наречием ввели Фродо в заблуждение — как на то указывает гондорский автор комментариев к Тановой Книге). Все эльфийские слова, цитируемые в Летописи 1, гл. 6, 7, 8 — сумеречные, как и большинство имен и географических названий. Но Лориэн, Карас-Галадон, Нимродель, возможно, имеют в основе слова лесных эльфов, приспособленные к Сумеречному Наречию.

Из эльдарских языков в этой книге можно видеть два: Древнее Наречие, или Квэнья, и Сумеречное, или Синдарин. Древнее Наречие — это древний язык Эльдамара-Заморского, первый, имеющий письменность. Он более не был живым языком, но стал своего рода «эльфийской латынью»; Перворожденные, вернувшиеся в Средиземье в изгнание, пользовались им для разного рода церемоний, Книг Знаний и песен.

Сумеречное Наречие изначально родственно Квэнья; ибо то язык эльдаров, которые, придя на берега Средиземья, не уходили за Море, а оставались жить на его берегах, в Белерианде. Там Владыкой был Тингол Сребромант из Дориата, и в долгих сумерках язык их менялся с изменением земель смертных, и стал совсем не похож на язык Заморских Эльдаров.

Изгнанники, живя среди более многочис-

ленного народа Сумеречных Эльфов, приняли Синдарин для повседневного общения; таким образом, это язык всех Эльфов и их Владык, появляющихся в этих Летописях. Ибо они все — Эльдары, даже если народы, которыми они правят — сумеречные. Благороднейшей из всех была Владычица Галадриэль из царственного дома Финарфина, сестра Финрода Фелагунда, Владыки Наргофронда. В сердцах изгнанников зов Моря стал вечно незатихающим непокоем; в сердцах Сумеречных Эльфов он дремал, но если однажды просыпался — утолить его было невозможно.

О Людях

Всеобщее Наречие было человеческим языком, хотя и дополненным и смягченный под влиянием эльфов. В основе его был язык тех, кого эльфы звали Атани, или Аданы — особенно Трех Домов Друзей Эльфов, пришедших на запад, в Белерианд, в Первую Эпоху и помогавшим эльдарам в войне Великих Алмазов против Черной Силы Севера.

После низвержения Черной Силы, когда Белерианд большей частью затонул или разрушился, Друзьям Эльфов, как и Эльдарам, была дана в на-

граду возможность уйти за Море. Но, поскольку Неувядающе Земли были запретны для них, был поднят из вод огромный остров — западнее всех смертных земель. Звался тот остров Нуменор. Большинство Друзей Эльфов ушло и поселилось там, и они стали великими и могучими, прославленными моряками и владетелями множества кораблей. Они были высоки и прекрасны лицом, и срок их жизни втрое превышал срок жизни народов Средиземья. Таковы были Нуменорцы, Короли Людей, которых эльфы звали дунаданами.

Из всех народов Средиземья одни только дунаданы знали язык эльфов и говорили на нем; ибо их праотцы выучились Сумеречному Наречию и передали эти знания своим детям — и в течение лет язык почти не изменился. А мудрецы изучали также Древнее Наречие, Квэнья, и ставили его превыше всех языков, и брали из него названия для многих мест и имена для многих людей — особенно из царствующего дома или чем-то

прославленных[30].

Но родным языком нуменорцев оставался язык людей, адунаик, и к нему через много лет в гордыне вернулись их короли и властители, отвергнув наречия эльфов — кроме тех немногих, кто был по-прежнему верен древней дружбе с Эльдарами. В годы могущества нуменорцы основали много крепостей и гаваней на берегах Средиземья; одной из крупнейших был Пеларгир близ Устья Андуина. Там говорили на адунаике и, смешавшись со словами языков низших народов, он стал Всеобщим Языком, который распространился по побережью среди всех, кто имел дела с Нуменором.

После Падения Нуменора Элендиль привел уцелевших Друзей Эльфов назад, на северо-западные берега Средиземья. Там уже жили многие, в чьих жилах, полностью или частично, текла кровь нуменорцев; но немногие из них помнили наречия эльфов. Все, таким образом, говорит, что дунаданов с самого начала было много меньше,

[30] Примечания: 30

Из Квэнья, к примеру, названия Нуменор или, полностью, Нуменорэ, и имена Элендиль, Исильдур и А нар и он, и все имена Королей Гондора, включая «Элессар» — «Эльфийский Камень». Большая часть имен других мужчин и женщин дунаданов, такие как Арагорн, Дэнэтор, Гильраэн — взяты из Сумеречного Наречия, будучи именами героев сказаний и песен Первой Эпохи. Некоторые имена смешанные, как Боромир.

чем низших народов, среди которых они жили и которыми правили, будучи властителями с долгой жизнью, огромной властью и великой мудростью. А потому они пользовались Всеобщим Языком в общении с другими народами и в управлении своими обширными владениями; но они усовершенствовали язык и пополнили его многими словами и понятиями, почерпнутыми у эльфов.

Во дни Князей-Нуменорцев это облагороженное наречие разошлось очень широко, даже среди их врагов; и сами дунаданы все больше пользовалась им, так что ко времени Войны Кольца эльфийский язык был известен лишь малой части народа Гондора, а говорило на нем постоянно и того меньше. Жили они большею частью в Минас-Тирифе и пригородных землях, да еще во владениях Принцев Дол-Амроса. Однако почти все имена и географические названия в королевстве Гондор были эльфийскими по форме и значению. Происхождение некоторых забылось; они, без сомнения, пришли из времен до выхода нуменорцев в Море. Среди них Умбар, Арнах и Эрех, и названия гор — Эйленаф и Риммон. Имя Форлонг — такое же.

Большинство Людей северных областей запада

произошло от Аданов Первой Эпохи — или от их ближайших родичей. Языки их были поэтому близки адунаику, и некоторые походили на Всеобщий язык. Такими были народы долин в верховьях Андуина: Беорнинги и Лесной Народ Западного Лихолесья; и дальше — к северу и востоку — люди Долгого Озера и Дола. Из земель между Кувшинницей и Карроком вышел народ, известный в Гондоре как Роандийцы[31], Хозяева Коней. Но их Сеньоры свободно пользовались Всеобщим Языком и говорили на нем с изысканностью, перенятой у союзного Гондора; ибо в Гондоре, откуда он вышел, Наречие по-прежнему оставалось более изящным и сохраняло красоту древнего стиля.

Совершенно чуждым был язык Дикого Народа Друаданского Леса. Чуждым (или в очень дальнем родстве) было и наречие Равнинников.

Это были остатки народов, живших в долинах Белых Гор столетия назад. Мертвецы Урочища Духов их крови. Но в Темные Годы в южные долины Мглистого Хребта пришли другие народы; а оттуда некоторые откочевали в пустоши к северу

[31] Примечания: 31

Они говорили на своем родном языке и дали новые названия на нем почти всем местам в своих землях; себя они называли «Эорлинги», или «Всадники Марки».

— до самых Могильников».

От них произошли усадичи; но задолго до того они стали подданными Северного Княжества Арнор и переняли Всеобщий Язык. Лишь в Поравнинье народ этот держался своих обычаев и своего языка: скрытный люд, не жалующий дунаданов и ненавидящий роандийцев[32]. Язык их в этой книге не встречается.

О Хоббитах

Хоббиты, что в Крае, что в Усаде, к тому времени пользовались Всеобщим Наречием едва ли меньше тысячи лет. Они говорили на нем по-своему, вольно и беззаботно; хотя самые ученые из них могли, если выпадал случай, говорить более правильным языком.

Об их собственном языке ничего не известно. Всегда, даже в самые древние времена, они пользовались языком Людей, рядом — или среди — с которыми жили. Поэтому они быстро переняли Всеобщий Язык после прихода в Эриадор, и к моменту поселения в Усаде кое-кто начал уже забывать родное наречие. Это был, скорее всего,

---

[32] Примечания: 32
Были они смуглыми, коренастыми и темноволосыми.

язык людей из верховьев Андуина, родственный роандийскому; хотя южные Неуклюги перед приходом в Край говорили на языке, близком языку Равнинников.

Об этом ко дням Фродо еще оставалась кое-какая память — в местных словах и именах, многие из которых очень напоминают слова Дола или Роханда. Особенно заметно это в названиях дней недели, месяцев и времен года. Несколькими подобными словечками пользовались все хоббиты, некоторые — были только местными. Собственные имена у хоббитов тоже были свои, и некоторые — очень древние.

Хоббитами народ Края звал обычно всех, кто был им родней. Люди называли их полурослики, а эльфы — перианами. Происхождение слова «хоббит» было почти забыто. Тем не менее, самое вероятное — что впервые оно было дано Легкостопам Шелобродами и Неуклюгами, и было сокращением слова, полностью существующего в Роханде: холбитла — «строитель нор».

О других народах

Энты. Самым древним народом были в Третью Эпоху Онодримы, или энты. Энты — форма их

имени на языке Роханда. В давние времена эльдары познакомились с ними — и именно эльдарам приписывают энты если не собственный язык, то пробуждение желания говорить. Язык их не похож на другие: медленный, звучный, с постоянными повторами — воистину долговьющийся; основанный на сложных и многочисленных оттенках гласных, различиях тона и количестве, который даже мудрецы эльдаров не пытались изложить письменно. Энты пользовались им только между собой; но им не надо было держать его в тайне, ибо никто больше не мог выучить его.

Сами энты, тем не менее, были искусны в языках, выучивали их быстро и никогда не забывали. Но предпочитали они языки эльдаров, а больше всего любили Древнее Наречие. Странные слова и имена, которыми, как отмечают хоббиты, пользовался Древобрад и другие энты, являлись, таким образом, эльфийскими — или фрагментами языка эльфов, «собранными» по обычаям энтов. Некоторые — на Квэнья, например: «Таурелиломэа-тумбалеморна-Тумбалетауэра-Ломэанор», что можно перевести, как «Леснозатененная-глубокая-черная-долина-Глубокодолиннолесистая-Мрачная-земля», и под

чем Древобрад подразумевал более или менее: «В глубоких долинах леса лежит черная тень». Некоторые — на Синдарине, например: Фангорн — «Борода Дерева», или Фимбрефиль — «Гибкий Бук».

Орки и Наречие Тьмы. Орки — название, данное другими народами этим мерзким созданиям. На Синдарине оно звучит ирх. Родственным им, без сомнения, является слово урх, или урук из Наречия Тьмы, хотя относилось оно, как правило, лишь к огромным оркам — солдатам, что выходили в те дни из Мордора и Исенгарда. Меньшие виды звались, особенно Урук-хаями, «снага» — «раб».

Орки были первым созданием Черной Силы Севера в Предначальную Эпоху. Говорят, что своего языка у них не было — они брали, что могли, из других языков и переиначивали все по-своему; но создавали они лишь грубые жаргоны, едва удовлетворявшие их собственные нужды — кроме, конечно, проклятий и ссор. К тому же эти твари, будучи исполнены злобы и ненавидя даже друг друга, быстро произвели столько диалектов, сколько было у них племен и поселений, так что язык орков мало помогал им при общении между разными их ордами.

Так и вышло, что в Третью Эпоху орки использовали для общения между ордами Всеобщее Наречие, а многие из старых племен — вроде тех, что жили на севере и в Мглистых Горах — давно пользовались им, как родным языком, хотя и таким образом, что он стал не менее отвратителен, чем орочий.

Говорят, что Наречие Тьмы было создано Сауроном в Черные Годы, и что он хотел сделать его языком всех, кто служил ему — однако потерпел неудачу. Тем не менее именно из Наречия Тьмы взяты многие слова, широко распространенные в Третью Эпоху среди орков, такие, как «гхаш» — «огонь»; но после падения Саурона язык этот в древней форме был забыт всеми, кроме назгулов. Когда Саурон воспрянул, он снова стал языком Барад-Дура и полководцев Мордора. Надпись на Кольце была сделана на древнем Наречии Тьмы, а проклятия мордорского орка — более грубая его форма, употребляемая солдатами Черного Замка, которыми командовал Гришнакх.

Тролли. Слово «тролль» использовалось, чтобы перевести эльфийское «торог». В начале, в сумерках Предначальной Эпохи, это были создания мрачные, неуклюжие и тупые, и язык их не отличался от языка животных. Но Саурон использовал

и их, научив той малости, которую они могли воспринять, и чарами развив их мозг. Поэтому тролли приняли тот язык, какой смогли перенять от орков, а в западных землях Каменные Тролли говорили на упрощенном Всеобщем Языке.

Но в конце Третьей Эпохи в южном Лихолесье и горах Порубежья Мордора появились тролли, дотоле невиданные. На Наречии Тьмы они звались Ологами. Никто не сомневался, что их создал Саурон, хотя корни их были неизвестны. Кое-кто считал, что это не тролли, а гигантские орки; но по внешности и разуму ологи сильно отличались даже от самых крупных орков, намного превосходя их в размерах и мощи. Они были троллями, но полными лиходейской воли их господина: жуткое племя, сильное, проворное и лютое — и тверже, чем камень. В отличие от древнего сумеречного племени, они могли выносить солнце, пока воля Саурона жила в них. Говорили они мало, и единственным известным им языком было Черное Наречие Барад-Дура.

Гномы. Гномы — народ особенный. Об их странном рождении, и почему они и похожи, и непохожи на Эльфов и Людей, повествует «Сильмариллион»; но об этой повести эльфы Средиземья не знали, а предания пришедших

позже Людей перемешаны с воспоминаниями других народов.

Гномы — крепкий, выносливый, большей частью скрытный народ, трудолюбивый, долго помнящий обиды (и дружелюбие), любящий камень, алмазы и все, что обретает облик под руками умельца больше, чем то, что живет живой жизнью. Однако по природе они не злы, и мало кто из них служил Врагу по доброй воле — что бы ни утверждали людские легенды. Ибо Люди издревле стремились завладеть их богатствами и делом их рук, и народы эти враждовали между собой.

Но в Третью Эпоху во многих землях крепкая дружба связала Людей и Гномов; и это вполне в характере гномов, что, бродя, трудясь и торгуя среди людей (как они поступали после разорения их древних твердынь) они принимали язык народа, среди которого жили. Однако тайно (а тайны свои они, в отличие от эльфов, неохотно открывают даже друзьям) они пользовались своим, странным языком, мало изменившимся с годами; ибо он стал языком Знания более, чем разговорным, и они лелеяли и охраняли его как сокровище прошлого. Немногим из других народов доводилось узнать его. В этой Летописи он

появляется только в тех географических названиях, которые Гимли открыл своим товарищам; и в боевом кличе, который он испустил при осаде Хорнбурга. Он-то, по крайней мере, не был тайным и звучал на полях многих битв со времен юности мира: «Барук К'азад! К'азад аи-мену!» — «Топоры Гномов! Гномы (идут) на вас!»

Тем не менее, и собственное имя Гимли, и имена его сородичей взяты из северного (человеческого) языка. Своих тайных, «внутренних» имен Гномы не открывают ни одному народу. Даже на могилах они не высекали их.

Добавление Д
Календари

Часто бывает трудно отыскать в старых преданиях и обычаях точную информацию о том, что люди в свое время хорошо знали и считали само собой разумеющимся (например, названия букв, дней недели, названия и длина месяцев). Но благодаря обычной любви хоббитов Края к генеалогии и особому интересу к древней истории, возникшему среди наиболее ученых хоббитов после Войны за Кольцо, они весьма заинтересовались летоисчислением. Хоббиты даже начертили

сводные таблицы, показывающие, как их система соотносится с другими. Я не искушен в этих вопросах и мог бы наделать немало ошибок, но хронология, по крайней мере, решающих лет — по счету Края 1418 и 1419 — так подробно указана на страницах Алой Книги, что в этом случае сомневаться в датах и сроках не приходится.

Календарь Края кое в чем отличен от нашего. Длина года у нас, без сомнения, одинакова[33] потому что, как бы далеко ни отстояли эти времена в памяти и жизни людей — они не так уж далеки в памяти Земли. Хоббиты отмечают, что когда они были народом бродячим, то «недель» не знали, а «месяцы'» хоть у них и были, и более или менее соответствовали Луне, но счет времени был приблизителен и неточен. Когда хоббиты осели на западе Эриадора, они приняли летоисчисление дунаданов, взятое теми у эльдаров; но хоббиты Края внесли туда несколько незначительных изменений. Этот календарь или, как его называли, Летоисчисление Края, был принят также и в Усаде, с той разницей, что в Крае летоисчисление начинается с колонизации Края.

Очевидно, что эльдары, у которых, как заметил

---

[33] Примечания: 33
365 дней, 5 часов, 48 минут, 46 секунд.

Сэммиус, «времени в запасе было не счесть», измеряли его большими отрезками. Слово «йен» на языке квэнья, часто переводимое, как «год», на самом деле означает 144 наших года. Эльдары, насколько это возможно, предпочитали считать шестерками и дюжинами. Солнечный (астрономический) день они звали «рэ» и считали его от заката до заката. Йен включает 52596 дней. Не столько для практических целей, сколько для ритуальных эльдары пользовались «энквиэ»-неделей из 6 дней. Йен включает 8766 энквиар (недель), которые проходят через весь период. В Средиземье эльдары отмечали короткий, солнечный год — «коранар» — «солнечный круг», более или менее соответствующий астрономическому. Когда речь идёт о смене сезона, год этот часто зовется «лоа» — «рост, развитие " (особенно в северо-западных землях). Лоа делятся на периоды, которые могут считаться как долгими месяцами, так и короткими временами года. Без сомнения деление это было различно в разных местах, но хоббиты дают сведения лишь о календаре Имладриса. В этом календаре было шесть времен года, которые на квэнья называются: туйлэ, лайрэ, йавиэ, квэллэ, (х)ривэ, койрэ. Перевести их можно было примерно так: весна, лето, осень, увядание,

зима, пробуждение.

На синдарине эти названия звучали так: эту-иль, лаэр, йавас, фирит, ривэхуир. «Увядание» звалось также «лассэлинта» — листопад, а на синдарине — «нар-белеф» — угасание солнца. Лайрэи(х)ривэ включали каждый по 72 дня, а остальные — по 54. Лоа начинался с йестарэ, дня, стоявшего непосредственно перед туйлэ, и кончался меттарэ, днем, стоявшим после койрэ. Между йавиэиквэлле были вставлены три эндери /средние дни/. Это составляет год из 365 дней, к тому же к каждому 111-му году прибавлялось удвоенное количество эндери /еще три дня/.

Совершенно непонятно, как удавалось избегать ошибок при таком положении вещей. Если год тогда был такой же длины, как сейчас, то в йен должен был быть по меньшей мере один лишний день. Существование неточностей доказывается записью в Календарях Алой Книги, где сообщается, что по «Летоисчислению Светлояра» от последнего года каждого третьего йен отнимались три дня — таким образом, если на тот год выпадало удвоение эндери, его не совершали; «впрочем, в наше время такого не случалось», — добавлял летописец. О выправлении иных остававшихся неточностей никаких свидетельств не осталось.

Нуменорцы внесли изменения в этот порядок. Они разделили лоа на более краткие периоды с более упорядоченной длиной; и они придерживались обычая начинать год в середине зимы, принятого людьми на Северо-западе, от которых нуменорцы отделились в Предначальную Эпоху.

Нуменорская система, принятая в Нуменоре, а позднее в Арноре и Гондоре, покуда там правили короли, звалась Королевским Летоисчислением. В обычном году было 365 дней. Он делился на двенадцать астар, или месяцев, из которых в десяти было по 30 дней, а в двух — по 31. Длинные астар находились по обе вороны от середины года — что соответствует нашим июню и июлю. Первый день года звался Йестарэ, средний (183-й) — лоэндэ, а последний — меттарэ; три этих дня не входили ни в один месяц. Каждый четвертый год, не считая последнего в столетье (хараниэ), два эндэри — «средних дня» — заменяли на лоэндэ.

В Нуменоре счет времени начинался с первого дня Второй Эпохи. Нехватка времени, обусловленная исключением одного дня из последнего года столетия, не покрывалась до последнего года тысячелетия, составляя тысячелетнюю нехватку в 4 часа, 46 минут и 40 секунд. Эти добавления делались в Нуменоре в 1000, 2000 и 3000 гг. В.Э.

После Падения (в 3319 г. В.Э.) система была унаследована Изгнанниками, но сильно нарушилась тем, что Третья Эпоха началась новой нумерацией: год 3442 В.Э. стал 1-м годом Третьей. Поскольку вместо 3 года Т.Э. (год В.Э. 3444) високосным стал год 4, добавился еще один краткий год из 365 дней, породив нехватку в 5 часов, 48 минут и 46 секунд. Тысячелетние добавки были сделаны 441 годом позже: в 1000 г. (год 4441 В.Э.) и в 2000 г. (год 5441 В. Э.). Чтобы уменьшить возникшие при этом ошибки и восполнить набежавшие тысячелетние нехватки, Мардиль Наместник составил исправленный календарь, действие которого должно было начаться в 2060 году, после добавления 2-х дней к 2059 г. (год 5500 В.Э.), который завершал 5,5 тысячелетий с момента принятия нуменорской системы. Но и после этого оставались еще около восьми недостающих часов. Хадор добавил один день к 2360 г., однако и это не вполне восполнило недостачу. После этого никаких исправлений не вносилось. К концу Третьей Эпохи, по прошествии 660 лет, нехватка не составила еще и одного дня. Исправленный календарь

Мардиля под названием Календаря Наместников был принят почти всеми говорящими на Всеобщем Наречии народами — кроме хоббитов.

Во всех месяцах было по 30 дней., а 2 не входящих ни в один месяц дня помещались так: один между третьим и четвертым месяцами (мартом и апрелем), а другой между девятым и десятым месяцами (сентябрем и октябрем). Все пять дней, не входивших ни в один месяц — йестарэ, туйлерэ, лоэндэ, йавирэ и меттарэ — были праздниками.

Хоббиты были консервативны и продолжали пользоваться Королевским Летоисчислением, приспособив его под свои, обычаи. Все месяцы у них имели равно по 30 дней; но зато были у хоббитов три летних дня, в Крае звавшиеся литэ или летодни, меж июнем и июлем. Последний день уходящего года и первый день наступающего звались святочниками. Святочники и летодни не входили ни в один месяц, так что первым января был не первый, а второй день года. Каждые четыре года, кроме последнего год в столетии[34], добавлялся четвертый летодень. Летодни и святочники были главными праздниками и временем пиров. Добавочный летодень следовал за Венцом Лета, и потому 184-й день високосного года назывался Сверхлит и являлся особым праздником. Святочные праздники тя-

[34] Примечания: 34

В Крае, где год 1-й соответствует 1601-му году Т.Э. В Усаде, где год 1-й соответствует 1300 году Т.Э., это был первый день столетия.

нулись обычно шесть дней, включая три первых дня нового года и три последних — старого.

Хоббиты Края изобрели два небольших новшества (позднее принятые и в Усаде), которые назвали Хоббичьей Новинкой. Передвигать названия дней недели по отношению к датам от года к году показалось им делом бесполезным и утомительным. Потому в дни Изегрима Второго хоббиты решили, что странный день, нарушающий последовательность, не будет иметь названия. После этого день Венца лета (и Сверхлит) были известны лишь по названию и не включались ни в одну неделю. Благодаря этому изменению год всегда начинался с первого дня недели и кончался последним днем; и название одного и того же дня недели во все года соответствовало одной и той же дате, так что народ Края был избавлен от необходимости обозначать в своих письмах и дневниках день недели.[35]

Это оказалось весьма удобным дома, но отнюдь не настолько удобным для тех, кто выезжал за

[35] Примечания: 35

При самом поверхностном взгляде на календарь Края можно заметить, что ни один месяц не начинается с пятницы. В Крае есть шутливое присловье: «В первую пятницу»: имеется в виду день, которого не существует, или день, когда случаются разные неожиданности — к примеру, свиньи летают или (в Крае) ходят деревья. Целиком присловье звучит так: «В первую пятницу, зимним летом».

пределы Усада.

Выше я использовал наши современные названия месяцев и дней недели, хотя, конечно, ни эльдары, ни дунаданы, ни хоббиты ими не пользовалась. Перевод этих названий со Всеобщего Языка необходим, чтобы избежать путаницы, поскольку смысл и тех, и других при распределении по временам года примерно одинаков у нас и в Крае. Оказалось, тем не менее, что Венец Лета ближе всего находится к летнему солнцестоянию. Поэтому даты Края расходятся с нашими примерно на десять дней, и наш Новый год примерно соответствует 9-му января Края.

Во Всеобщем Наречии сохранились квэнийские названия месяцев, подобно тому, как латинские названия широко распространены у нас в родственных языках. Месяцы назывались так: нарвиниэ, нэнимэ, сулимэ, вирэссэ, нариэ, карниэ, уримэ, йаванниэ, нарквэллиэ, хисимэ, рингарэ. Синдаринские названия (ими пользовались только дунаданы) были таковы: нарвайн, нинуи, гва эрон, гвириф, лотрон, норуи, кервет, уруи, иваннеф, нарбелеф, хифуи, гирифрон.

Здесь хоббиты расходятся, как бы то ни было, со Всеобщим Наречием и остаются верными старым местным названиям, которые они, видимо,

позаимствовали в древности от людей, населявших долины Андуина; во всяком случае, схожие названия имеются в Доле и в Роханде. Смысл этих названий, придуманный людьми, как правило, давно забыт хоббитами, даже если некогда они и знали, что эти названия значат; и форма их тоже сильно изменилась: например, вместо слова «месяц» использовалось слово «месень», и у многих названий месяцев появилось окончание «ень»'.

Названия Края указаны в Календаре. Надо заметить, что таянник обычно произносился, а то и писался таянь; расцветень нередко писался цветень, а безлистень звался безлиснем или безлистом.

В Усаде названия месяцев несколько иные: снежень, таень, хладень, ивень, расцветень, литэ, летодни, средень, сытень, жатвень, зимень, зябник, святень. Названиями снежень, ивень и святень пользовались также в Восточном Уделе[36].

Неделю свою хоббиты переняли у дунаданов, и хоббичьи названия дней недели — это перевод

---

[36] Примечания: 36

В Усаде в шутку говорили: «В Крае вместо снега — грязь,» но, если верить хоббитам Края, зимень — всего лишь усадское произношение древнего названия, относящегося ко временам, когда, до принятия Королевского Летоисчисления, новый год начинался с жатвы.

названий, бытовавших в Северном королевстве, и в свою очередь перенятых у эльдаров. Дни шестидневной недели у эльдаров именовались в честь звезд, солнца, луны, Двух Дерев, небес, валаров или Стихий, и последний день был главным днем недели. Названия их на квэнья таковы: эленья, анарья, исилья, алдуйя, мэнэлья, валанья (или тарион); на синдарине они звучали так: оргилион, оранор, орифиль, оргаладад, ормэнэль, орбелайн, (или родин).

Нуменорцы оставили посвящения дней недели зои их порядок, но сменили название четвертого дня нааалдэа (оргалад), посвятив его лишь Белому Древу, отпрыском которого, по поверию, был Нимлот, росший в королевском дворце в Нуменоре. Желая также добавить седьмой день и будучи великими мореходами, они вставили после Небесного Дня — День Моря, эаренья (ораэарон).

Хоббиты приняли эту систему, но значения переведенных названий вскоре или забылись, или на них перестали обращать внимание, и названия эти в обыденном говоре стали гораздо короче. Первый перевод нуменорских названий был, скорее всего, сделан более чем за две тысячи лет до окончания Третьей Эпохи, когда дунаданская неделя (летоисчисление их союзные народы пе-

реняли раньше) была принята народами севера.

Как и в случае с месяцами, хоббиты придерживались этих переводов, хотя в других местах, где говорила на Всеобщем Наречии, пользовались квэнийскими названиями.

Не так уж много документов древности сохранилось в Крае. В конце Третьей Эпохи куда более почиталась Золотая Книга или Хватов Ежегодник[37]. Его первые записи появляются, судя по всему, за восемьсот лет до времен Фродо, и многое оттуда цитируется в Алой Книге и других хрониках и генеалогиях. В этих записях названия дней недели предстают в древних формах, и древнейшие из них таковы: 1. Звездодень; 2. Солнцедень; 3. Лунодень; 4. Древодень; 5. Небодень; 6. Мореден; 7. Вышнедень.

Ко времени Войны за Кольцо эти звучали так: 1. Звездень; 2. Солнень; 3. Лунень; 4. Древень; 5. Небень; 6. Морень; 7. Вышень.

Я переложил эти названия, применяясь к нашим и начав, естественно, с воскресенья и понедельника, и переименовывая по порядку остальные. Разумеется, в Крае значения дней

---

[37] Примечания: 37

Записи рождений, женитьб и смертей в семействе Хватов, а также прочих событий, таких, как продажа земель, и различных происшествий в Крае.

совершенно иные. Последний день недели, пятница (вышень), был главным днем, а время в пятницу пополудни почиталось праздничным — хоббиты, как правило, устраивали в это время пирушки.

Нужно сказать еще о нескольких названиях, имеющих отношение к счету времени, хоть они и не входят в летоисчисление. Времена года обычно звались: туилэ — весна, лайрэ — лето, йавиэ — осень (или жатва), (х)ривэ — зима. Но четких границ у них не было, и поздняя осень, переходящая в зиму, именовалась «квуэлле» (или лассэланта).

Для эльдаров (в северных краях) очень много значили сумерки, поскольку это время угасания и восхода звезд. В наречии эльдаров было много названий для этого времени суток, из которых самые употребительные — ундомэ и тиндомэ; первое относится к вечернему времени, второе — к предрассветному. Синдаринские эквиваленты — общее для обозначения сумерек слово уиал, употреблявшееся в словах адуиал и минуиал.

В Крае время сумерек чаще всего называлось приросту — сумрак и зорька[38].

---

[38] Примечания: 38
См. озеро Сумрак (перевод слова Нэнуиал).

Летоисчисление Края и его даты необходимы для понимания повествования о Войне за Кольцо. Все дни, недели и числа Алой Книге даны по календарю Края или в примечаниях соотнесены с ним. Поэтому во «Властелине Колец» все месяцы и числа соответствуют календарю Края. Единственно, где важно учитывать различие в наших календарях при чтении истории решающих событий конца 3018 — начала 3019 (Л.К. 1418, 1419) — это то, что в октябре 1418 г. всего 30 дней, 1-е января — второй день 1419 г., а в феврале, опять-таки, 30 дней. Так что 25 марта, день падения Барад-Дура, соответствует, если наши годы начинаются от одной точки отсчета, нашему 27 марта. Тем не менее, и по Королевскому, и по Наместничьему, Летоисчислениям день этот приходится на 25 марта.

Новое Летоисчисление было начато в воссоединенном королевстве в 3019 году Т.Э. Оно представляло собой возвращение к Королевскому Летоисчислению, только год в нем, как в эльфийском, начинался с весны.[39]

По новому календарю год начинался 25 марта по старому стилю — для увековечения падения

[39] Примечания: 39

Хотя йестарэ по новому календарю стоял раньше, чем в Календаре Имладриса, где этот день соответствует примерно 6-му апреля Края.

Саурона и подвигов Хранителя Кольца.

Месяцы сохраняли прежние названия, но год теперь начинался с вирэссэ (апреля) и на пять дней раньше, чем по прежнему летоисчислению. Во всех месяцах было по 30 дней. Между йаванние (сентябрем) и нарквэллаэ (октябрем) помещалось три эндери — срединных дня (средний из них звался лоэндэ), соответствующих 23, 24 и 25 сентября по старому стилю. Но в честь Фродо 30-е йаванниэ (по-старому 22 сентября), его день рождения, объявили праздником, а в високосный год день этот удваивался, и тогда его называли кормарэ — Два Кольца.

Четвертая Эпоха началась с уходом Эльронда в сентябре 3021 г., однако для удобства исчисления во всем Крае первым днем 1-го года Четвертой Эпохи стало 25 марта 3021 г. по старому стилю.

Это исчисление в правление короля Элессара было принято повсюду, кроме Края, где сохранился прежний календарь и старое летоисчисление. Первый год Четвертой Эпохи звался там 1422 годом; после, если хоббиты упоминали где-либо о смене Эпохи, то начиналась она у них во второй святочник 1422 г., а не предыдущем марте.

Нигде не сказано, что хоббиты каким-то особенным образом отмечали 25 марта или 22 сентября;

но в Западном Уделе, особенно близ Хоббитонской Кручи возник обычай устраивать, если то позволяла погода, праздник и танцы на Поле Встреч. Кое-кто говорил, что это — день рождения старого Сэма Садовника, кое-кто — что это день, когда в 1420 г. впервые расцвело Золотое Древо, а кое-кто — что это эльфийский Новый год. В Забрендии каждого 2 ноября, на закате, трубили в Рог Марки и устраивали пиры и фейерверки.[40]

Календарь Края для использования во все годы любой эпохи

Каждый год начинается в первый день недели, субботу, и заканчивается в последний ее день — пятницу. Венец Лета и — в високосные годы — Сверхлит — не входили в недели. Литэ перед Венцом Лета звался первым, а после него — вторым. Святочник в конце года был первым, в начале следующего — вторым. Сверхлит был лучшим из праздников, но он не пришелся ни на один, важный для истории Великого Кольца год. Зато он пришелся на год 1420 — год легендарного урожая и великолепного неба, и празднества в тот год, по рассказам, были лучше всех, когда-ли-

---

[40] Примечания: 40
Годовщина дня, когда этот рог впервые протрубил в Крае в 1319 г.

бо бывших в Крае.